Аластер Рейнольдс открывает для нас яростный воображаемый космос — тот самый, где раньше торили пути Филип К. Дик и Альфред ван Вогт.

Guardian

аластер рейнольдс

МЕДЛЕННЫЕ ПУЛИ

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар с технотриллером, рисуя будущее в самых мрачных красках.

Library Journal

Медленные пули
Аластер Рейнольдс

Аннотация
Аластер Рейнольдс. Медленные пули
За Разломом Орла
  Подлинная история
  За Разломом Орла
  Энола
  Помехи
  Кардифф после смерти
  Ангелы праха
  Спайри и королева
  Понимание пространства и времени
    Часть первая
    Часть вторая
    Часть третья
    Часть четвертая
  Из цифры в аналог
  Неистощимость
  Голубой период Зимы
  Тройка
  Спячка
  Жажда славы
  Травмокапсула

Похитители воды
Старик и марсианское море
Железный Тактик
Укрытие
Часть первая
Часть вторая
Часть третья
Часть четвертая
Часть пятая
Цветы Минлы
Железный Тактик
Оружие Мерлина
Медленные пули

Аннотация

Земные катастрофы и межзвездные войны, сегодняшние научные прорывы и завтрашнее высокотехнологичное мракобесие, мечта о бессмертии и встреча с мечтой, после чего остается только умереть… Вселенная Аластера Рейнольдса, кажется, вобрала в себя все популярные субжанры и темы фантастики, и исследуются они с проницательностью и хваткой практикующего ученого. Недаром его называют одним из главных научных фантастов современности, «британским Хайнлайном». В данном сборнике автор знаменитого «Пространства Откровения» предстает перед нами как мастер малой и средней формы – эти рассказы и повести по увлекательности нисколько не уступают прославившим его грандиозным космооперам.

По мотивам произведений «За Разломом Орла» и «Голубой период Зимы» были сняты, пожалуй, две лучшие серии нашумевшего сериала «Любовь, смерть и роботы», спродюсированного Дэвидом Финчером.

Большинство произведений, вошедших

в эту книгу, на русском языке публикуются впервые.

Аластер Рейнольдс
Медленные пули

Alastair Reynolds
Zima Blue Collection. Short Stories of Beyond the Aquila Rift Collection
The Iron Tactician (novelette)
Slow Bullets (novelette)

© 2020 by Alastair Reynolds
© А. И. Ахмерова, перевод, 2020
© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020
© А. С. Киланова, перевод, 2020
© Е. В. Кисленкова, перевод, 2020
© Е. А. Королева, перевод, 2020
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020
© Н. В. Кудрявцев, перевод, 2009
© А. В. Новиков, перевод, 2007, 2011
© Г. В. Соловьева, перевод, 2020
© К. Сташевски, перевод, 2020
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2020
© О. М. Степашкина, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

За Разломом Орла

Подлинная история

Держа в ладонях пиалу с кофе, я размышляла о том, чем занимаюсь, вернувшись домой. Одно-единственное слово привело меня сюда с Земли — я всегда надеялась его услышать, но почти позабыла о нем за прошедшие семнадцать лет.

Слово это было «дерьмо», и оно более-менее отражало мое душевное состояние.

Гроссарт пообещал встретиться со мной в кофейне «Ленивцы» на среднем ярусе Страта-Сити. Мне пришлось пробивать себе путь к столику на двоих у окна, недоумевая, почему этот столик — явно с лучшим видом — оказался свободным. Скоро я поняла: кафе «Ленивцы» находилось прямо под стартовой площадкой для дайверов и кто-нибудь из них то и дело с треском пролетал мимо окна. Создавалось впечатление, что сидишь внутри небоскреба после краха фондовой биржи.

— Повторить, мэм?

Мохнатый робот-официант преодолел сплетение трубок под потолком, смахивавшее на кишечник, и завис над моим столиком.

Я решительно поднялась с места:

— Нет, спасибо. Я ухожу. Если меня спросит

мужчина… Если он спросит Кэрри Клэй, передайте: чтоб ему мочиться против ветра.

— Ну что вы, это ведь не слишком приятно.

Тот самый мужчина возник рядом со столиком, словно призрак. Я взглянула на него, когда он усаживался на свободный стул, а потом вздохнула, покачав головой:

— Боже! Вы бы хоть попытались придать себе сходство с Гроссартом, если уж не в состоянии явиться вовремя.

— Прошу прощения. Вы же знаете, что пунктуальность не для нас, марсиан. Или знали когда-то.

Я возмутилась:

— На что это вы намекаете?

— Ну, вы провели какое-то время на Земле, верно? — Он подозвал щелчком пальцев официанта, который успел двинуться по потолку в обратный путь. — Мы совсем как японцы: никогда не доверяем тому, кто уезжает, а потом возвращается. Пожалуйста, два кофе.

Я вздрогнула, когда мимо окна просвистел дайвер.

— На этот раз сделайте… — начала я, но официант уже удалился.

— Смотрите, теперь вы связаны обязатель-

ством.

Я снова бросила оценивающий взгляд на лысеющего мужчину средних лет.

— Вы не Джим Гроссарт. Даже отдаленно не похожи. Я встречала и более убедительных…

— Двойников Элвиса?

— Кого?

— То же самое говорили про Элвиса, когда он оставил затворничество. Что он выглядит не так, как ожидали поклонники.

— Понятия не имею, о ком или о чем вы толкуете.

— Разумеется, не имеете, — сказал он, торопливо переходя на извиняющийся тон. — Вы и не должны. Это моя вина: постоянно забываю, что не все помнят такие давние события. — Он указал на мой пустой стул. — Не присядете, чтобы мы могли нормально поговорить?

— Спасибо. То есть спасибо, нет.

— И я предполагаю, что даже слово «дерьмо» на данном этапе никак не поможет делу?

— Простите, — помотала я головой. — Вам придется сделать гораздо больше.

Слово, конечно, имело значение, однако меня не сильно впечатлило то, что оно известно собеседнику. Я не оказалась бы на Марсе, если бы

некто, знавший его, не связался с моим агентством. Проблема состояла в том, что этот человек едва ли был тем, кого я искала.

Все это началось довольно давно.

Я сделала себе имя, освещая важные события на Земле — единственная журналистка, допущенная в Ватикан в период Перезагрузки Папства, — однако до того я считалась на Марсе репортером средней руки. Мною было написано много статей, но больше всего я гордилась одной, посвященной первой высадке — событию, которое с каждым десятилетием становилось все более туманным и все сильнее обрастало мифами. Считалось, что Джим Гроссарт и остальные погибли во время беспорядков, но я доказала, что дело могло обстоять иначе. В конце концов, ни одного тела не нашли. А беспорядки давали шанс легко исчезнуть из поля зрения общественности раньше, чем груз славы сделается слишком тяжким. Нелишне напомнить также, что прорыв в медицине, который и спровоцировал беспорядки, позволил бы любому человеку той эпохи дожить до сегодняшнего дня, пусть даже «Гидра» совершила посадку столетие назад.

Я и тогда понимала, что вероятность ничтожно мала, однако — сознательно опустив один факт,

обнаруженный за время расследования, — оставила способ связаться со мной.

— Ладно, — произнес он. — Давайте я посвящу вас кое во что. Первым словом, произнесенным на Марсе, было слово «дерьмо», и на этом мы сходимся, но далеко не всем известно, что я произнес его, потому что на предпоследней перекладине лестницы у меня соскользнула нога.

Я позволила себе движением брови выразить легкое удивление, не более того. Он продолжил:

— При передаче сообщения слово вырезали, получилось совершенно незаметно. Сообщения приходили на Землю с двадцатиминутной задержкой, и никто не обратил внимания на несколько лишних секунд, потребовавшихся цензорской программе. Помните, как запинался Нил Армстронг, читая свои стихи на Луне? Никто не позволил бы вновь случиться такому.

Официант подал нам кофе, цепляясь за трубки на потолке четырьмя задними конечностями, пока длинная пара передних опускала на стол дымящиеся пиалы. Дешевый коричневый мех плохо прикрывал остов робота.

— Только мне кажется, что это Луи сбивался, читая стихи, — сказала я.

— Луи?

— Армстронг. — Я отхлебнула кофе, он имел насыщенный цвет сливочной ириски, как и настоящее марсианское небо. — Первый человек на Луне. Но опустим это.

Он махнул рукой: мол, ошибся, но это ничего не меняет.

— Не важно. Суть в том, или была в том, что все, сказанное на Марсе, передавалось на Землю через «Гидру». Но корабль не просто отправлял сообщения, он еще и сохранял копии, занося их в карту памяти. И туда все записывалось без цензуры.

Я еще раз с опаской глотнула из пиалы. Я и забыла, какие напитки нравятся нам, марсианам: пиво в глиняных кружках, способных впечатлить своими размерами даже викинга, и кофе в посудинах, из которых вполне мог бы прихлебывать кумыс Чингисхан после целого дня кровопролития.

— Расскажите, как мне удалось заполучить карту памяти, — и я, возможно, останусь, чтобы допить кофе.

— Вот этого я не могу знать наверняка.

— Ага. — Я улыбнулась. — Слабое место.

— Нет, просто я понятия не имею, кому Эдди мог продать карту. Но сам я точно продал ее ему.

Он растаман, приторговывает всякой раннемарсианской всячиной. Но в последний раз я видел Эдди несколько десятилетий назад.

Все это внезапно перестало походить на совсем уж напрасную трату времени.

— Эдди до сих пор занимается своей торговлей, — сказала я, припомнив запах дури, сочившийся из передвижной лавки старьевщика и разливавшийся по пологим склонам долины Ареса. — Карту он никому не продавал до меня, пока я не занялась расследованием, касающимся «Гидры».

Он откинулся на спинку стула:

— Итак, теперь вы готовы согласиться с тем, что я тот, за кого себя выдаю?

— Я не уверена. Пока еще.

— Но вы настроены менее скептично, чем несколько минут назад?

— Вероятно, — ответила я.

Все это еще предстояло всесторонне обдумать.

— Послушайте, мой внешний вид — не моя вина. Гроссарт, которого вы знаете по своим исследованиям, был мальчишкой, тридцатилетним парнем.

— Но вы, должно быть, прошли курс лечения от старости, иначе мы не вели бы сейчас этот

разговор.

— Верно, только это было ничуть не похоже на марсианское лечение. Не забывайте: если бы его можно было пройти запросто, вообще не случилось бы никаких беспорядков. А я в то время был слишком занят, стараясь исчезнуть, чтобы думать еще и о качестве лечения. — Он потер рукой макушку: морщинистая красная кожа в венчике колючих седых волос. — Мой психологический возраст составляет примерно семьдесят лет, хотя я родился сто тридцать два года назад.

Теперь я взглянула на него внимательнее, вспоминая изображения Джима Гроссарта, с которыми ознакомилась много лет назад. Его лицо было настолько лишено индивидуальных черт — чистый холст, — что не было смысла гадать, как он мог бы выглядеть в старости. Но на самом деле ничто в человеке, сидевшем напротив, не противоречило моим ожиданиям.

— Если вы действительно Джим Гроссарт… — Теперь я говорила, понизив голос.

— Никаких «если», Кэрри.

— Какого черта вы ждали семнадцать лет, чтобы со мной встретиться?

Он улыбнулся:

— Вы уже допили кофе?

Мы вышли из «Ленивцев» и поднялись на лифте на шестнадцатый уровень города, к тому месту, откуда прыгали дайверы. Их падение начиналось с мостков, которые выступали на тридцать метров из городской стены и завершались кольцеобразной платформой. Дайверы в ярких костюмах стояли в ожидании на кольце — ограждение было только с внешней стороны, — и время от времени один из них шагал в центр кольца и падал. Иногда они прыгали по двое и по трое; иногда были связаны друг с другом. Из всей амуниции у них имелось лишь дыхательное оборудование и костюмы белок-летяг — ни парашюта, ни страховочного реактивного ранца.

Это сильно смахивало на самоубийство. А иногда им и являлось.

— Должно быть, это весело, — заметил Гроссарт, пока мы уютно сидели в герметизированной смотровой галерее.

— Ага. Если вы клинический сумасшедший.

Мне тут же захотелось взять свои слова обратно, однако Гроссарта они, кажется, не задели.

— Ну, прыжки со скалы не так уж трудны, если вы интуитивно схватываете суть уравнений Навье — Стокса и знакомы с основными принципами аэродинамики. Там даже дают напрокат

беличьи костюмы для двоих.

— Даже не думайте об этом.

— Что, высота — это не ваше? — произнес он, отворачиваясь, к моему несказанному облегчению, от окна. — Не очень-то по-марсиански.

Он был прав, пусть мне и не хотелось это признавать. Сила притяжения на Марсе немногим меньше двух пятых от земной — этого недостаточно, чтобы почувствовать разницу при падении со значительной высоты, зато хватает, чтобы марсиане росли, гораздо реже страдая от болезненных столкновений тела с поверхностью планеты, которые жители Земли принимают как должное. Марсиане относятся к высоте так же, как остальное человечество — к электричеству: всего лишь понимают, что это опасно, но никак не чувствуют сосущего под ложечкой страха.

А я чертовски долго отсутствовала.

— Идемте, — сказала я. — Пробежимся по сувенирным лавчонкам. Моя прапрабабушка не простит мне, если я не пришлю ей какую-нибудь пеструю дрянь.

Мы с Гроссартом выбрали один из магазинчиков, которые тянулись вдоль внутренней стены смотровой галереи, и протиснулись мимо стендов с открытками, стоявших по бокам от двери.

В магазине было полно народу, но никто не обратил на нас внимания.

— Господи, только взгляните на это. — Гроссарт поднял пресс-папье — заполненную снегом половинку шара с моделью «Гидры», замершей на красном пластиковом основании.

Там был даже Гроссарт: крошечная фигурка в скафандре, лишь немногим меньше самого́ посадочного модуля.

— Простенько, но со вкусом, — сказала я. — По крайней мере, если сравнивать с этим. — И показала ему брелок в виде существа, которого при снисходительном отношении можно было принять за ленивца.

— Нет, это весьма достойный образчик товара. Взгляните-ка. — Гроссарт взял камень янтарного цвета и прочитал написанное на ценнике: — «Лечебный кристалл ленивцев. Этот камень видоизменяет и фокусирует естественные хромодинамические поля тела, обеспечивая душевную и физическую гармонию».

— Но вы же не сможете доказать, что он этого не делает?

— Нет, но, мне кажется, Брэд Тричлер захотел бы донести несколько интересных мыслей до его владельца.

Я приободрилась при упоминании геолога с «Гидры».

— Хотелось бы познакомиться и с Тричлером тоже. И с Мануэлом д'Оливейрой, пока мы здесь. Это возможно?

— Возможно.

— Я имею в виду — здесь и сейчас.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, это возможно. В конце концов, все они здесь.

— И вы не возражаете против разговоров о них?

— Нисколько. — Он положил камень на место. — Эти ребята сохранили мне жизнь, Кэрри. Я никогда не забываю о моем долге перед ними.

— В таком случае все мы перед ними в долгу. — Я разговаривала, копаясь на полке с записями якобы музыки ленивцев, причем некоторые композиции были дополнены голосами китов и эскимосским горловым пением. — Произнося эту фразу, понимаешь, как невыразимо тоскливо она звучит.

— Ну что вы! Только из-за того, что я был первым человеком на Марсе? — Он покачал головой. — Догадываюсь, как я, по-вашему, должен себя ощущать. Как Элвис в грейслендском сувенирном магазине, который изучает пластмассового

себя, предназначенного для приборной доски. И конечно же, на дворе эпоха белых комбинезонов и гамбургеров.

Я недоумевающе уставилась на него.

— Но я вовсе не испытываю ужаса, Кэрри, — добавил он. — На самом деле это меня здорово забавляет.

Я посмотрела на балахон, выставленный на полке на самом видном месте. На груди красовалась надпись: «Мой лучший друг побывал в Страта-Сити на Марсе, а мне досталась только эта паршивая футболка».

— Чертовски трудно в это поверить, Джим.

— Вы все-таки не понимаете меня до конца. Чего, по-вашему, я хочу? Почестей? Нет. Я прибыл на Марс, чтобы начать колонизацию планеты. Именно по этой причине другие последовали за мной: я сделал этот первый шаг. Он был трудным, уж поверьте, но я все равно его сделал.

Я кивнула. Хотя прошло семнадцать лет с тех пор, как я написала статью о высадке, я помнила все: Джим Гроссарт покинул Землю, отправляясь в оплаченную частным фондом дешевую экспедицию — еще более дешевую, чем кто-либо мог вообразить, — смутно представляя, как будет возвращаться с Марса. Его спонсоры намеревались

затем отправлять провизию и новых поселенцев, пока не сформируется колония, способная обеспечить себя. Они планировали снарядить корабль побольше, чтобы забрать тех, кто пожелает вернуться, но предполагалось, что кое-кто захочет остаться на Марсе насовсем. Так оно примерно и получилось, однако путь Гроссарта был трудным абсолютно во всем, как и ожидалось: одних только кризисных моментов хватило бы, чтобы подвести этого человека к грани безумия и, вероятно, даже толкнуть за эту грань.

Тут, как мне кажется, все зависит от того, что вы подразумеваете под психическим здоровьем.

Гроссарт продолжал:

— Знаете, что беспокоило бы меня больше? Планета, которая слишком серьезно относится к своему прошлому. Это означало бы, что нам не удалось привезти с собой кое-что человеческое.

— Что именно? Необъяснимую склонность производить и потреблять безвкусные безделушки для туристов?

— Да, что-то в этом роде.

Тут он приложил к лицу аляповатую пластмассовую маску, и передо мной вдруг предстал тот человек, которого я надеялась встретить в «Ленивцах»: молодой Джим Гроссарт.

— Кажется, здесь вам не о чем беспокоиться, — заметила я.

Гроссарт положил маску в ящик, к сотням других, как раз в тот момент, когда продавец начал недобро коситься на нас.

— Да, думаю, не о чем. А теперь… — Он расплылся в улыбке и потер руки. — Вы ведь знаете, что я собираюсь вам предложить?

Он смотрел сквозь витрину на стартовую площадку дайверов.

Полагаю, на юридическом языке это называется шантажом. Я хотела рассказа (или хотя бы объяснения того, почему Гроссарт связался со мной после стольких лет), а он хотел совершить большой прыжок. Более того, он хотел прыгнуть в связке с кем-нибудь.

— Послушайте, — начала я, — если это так важно, может, вы просто прыгнете, а я посмотрю на вас снизу? Или прямо отсюда?

— А что, если я решу снова исчезнуть? Вы же проклянете себя за то, что позволили мне уйти прямо из-под носа?

— Весьма вероятно. Но по меньшей мере у меня останется понимание того, что я не согласилась на немыслимую глупость.

Мы уже стояли в очереди за беличьими ко-

стюмами.

— Да, — сказал он. — Но ведь еще вам придется жить с пониманием того — когда вы начнете работать над статьей, а я знаю, вы начнете, — что вы не сможете включить в текст эпизод, где совершаете большой прыжок с капитаном Джимом Гроссартом.

Я холодно взглянула на него:

— Негодяй!

Однако он был прав: личные страхи — это одно, а испорченный сюжет — совсем другое.

— Но теперь это не важно.

— Просто скажите: вы знаете, что делаете, правда?

— Ну разумеется, знаю. До некоторой степени.

Нам выдали костюмы белок-летяг. Первым делом требовалось надеть дыхательное оборудование и средства связи. Запаса воздуха в каждом костюме хватало на несколько минут, однако этого было достаточно. Сами костюмы представляли собой грязно-коричневые комбинезоны в обтяжку, с мягкой подкладкой и светящимися рекламными лозунгами. Беличьими они назывались из-за складок эластичной ткани, вшитой между руками и ногами, наподобие кожистых складок у белки-летяги, — этой ткани хватало,

чтобы удвоить площадь поверхности вашего тела во время падения. Мой комбинезон был всего лишь скромно укреплен на груди и животе, зато у Гроссарта имелась защитная прокладка в пятнадцать сантиметров толщиной. Мы надели шлемы, опустили смотровые щитки и подтвердили, что связь работает.

— Я вас вовсе не заставляю, — заявил Гроссарт.

— Нет, вы лишь играете на том, что я продажная скотина, готовая почти на все ради сюжета. Давайте просто опустим это, хорошо?

Мы протиснулись через шлюзовую камеру, которая вела к площадке для прыжков. Город Страта возносился вокруг нас на сотни метров: здания прижимались друг к другу настолько плотно, насколько позволяла конфигурация стен. Между постройками покрупнее извивались змеями герметизированные переходы; шахты лифтов и лестничные пролеты соединяли уровни города. Прямо над нами, взгроможденные на край каньона, сверкали неоновыми вывесками на фоне ранних сумерек несколько больших гостиничных комплексов: «Хилтон», «Холидей инн», «Лучшая марсианская гостиница».

Затем — понимая, что это, вероятно, не лучшая идея, — я посмотрела под ноги. Город под нами

спускался на несколько километров, прежде чем перейти в гладкую и голую стену каньона, которая продолжалась еще ниже, и от этого зрелища ком подкатывал к горлу. Долина Маринер была глубочайшим каньоном на Марсе, и сейчас, когда нижние участки скрывались в тени, я видела на дне только собранные в кучку крошечные брызги далеких огней.

— Ради бога, Джим, надеюсь, вы знаете, что делаете.

На конце платформы распорядитель соединил нас в пару, поставив меня позади Гроссарта. Ноги у меня были связаны, руки неудобно зафиксированы по бокам, и я превратилась в объемный груз за спиной моего спутника.

Другой распорядитель отсоединил наши воздуховодные трубки от устройства в платформе, и теперь мы дышали через костюмную систему. А потом прошаркали вперед и стали дожидаться своей очереди.

Я спрашивала себя, что я делаю. Я познакомилась в баре с человеком, давшим несколько правдоподобных ответов по поводу первой высадки, но у меня нет ни единого доказательства, что я действительно имею дело с Джимом Гроссартом. Может, когда меня отскребут от дна

каньона, выяснится, что это просто местный псих, заранее все спланировавший.

— Мисс? — произнес он, когда мы подтащились к самому краю.

— Что такое?

— Наверное, вам стоит узнать это сейчас. Я не Джим Гроссарт.

— Нет?

— Нет. Я командир корабля Мануэл д'Оливейра. Но разве вы предпочли бы кого-нибудь другого для большого прыжка?

Я подумала о том, что ждет впереди — бабочки в животе уже выделывали фигуры высшего пилотажа, — и решила, что он, наверное, сказал правду. Д'Оливейра был пилотом «Гидры», тем человеком, который спустил крохотный посадочный модуль, хотя аэродинамический тормоз был сорван взрывом, случившимся посреди полета. То была не хрестоматийная посадка, но с учетом альтернативы — стать интересным новым пятном в долине Аргира — д'Оливейра справился очень даже неплохо.

— Вы отлично справитесь, командир.

— Зовите меня Мануэлом, пожалуйста. — Он говорил на американском английском почти безупречно, но с легким романским акцентом. —

Скажите, как вы поладили с Джимом?

— О, отлично. Он мне понравился. Разумеется, за исключением того, что он все время поминал какого-то покойника по имени Элвис.

— Да. Простите ему эту маленькую слабость. Учитывая все обстоятельства, он не так уж плох. Думаю, нам мог бы достаться капитан и похуже. Джим объединял нас. И до сих пор объединяет. Кажется, уже наша очередь. Вы готовы, мисс…

— Кэрри Клэй. — Было странно представляться заново, но промолчать казалось невежливым. — Да, я готова.

Мы сделали шаг вперед и прыгнули в отверстие в центре платформы. Я посмотрела наверх — хотя меня привязали к д'Оливейре, поворачивать голову я все же могла — и увидела, как кольцо платформы уменьшается вдалеке. Всего два удара сердца — и мы пронеслись мимо яруса с «Ленивцами», а потом полетели еще быстрее. Ощущение невесомости, конечно, не было для меня совсем уж новым, но это вполне компенсировалось осознанием все нарастающей скорости и близости проносившейся мимо городской стены.

— В этом, разумеется, весь фокус. — Д'Оливейра развернул нас животом вниз, раскинув руки и ноги. — У большинства кишка тонка, чтобы дер-

жаться так близко к городской стене.

— Да неужели?

— Но отказываться от этого — большая ошибка, — заявил д'Оливейра. — Если хорошо знаешь город, можно лететь вот так близко, и все будет отлично. Главный просчет в том, чтобы отлетать слишком далеко.

— Действительно.

— Ну да. Непростительная ошибка. — Он помолчал. — Гм… Ничего не замечаете? Мы не ускоряемся. Вы снова обрели вес.

— Как глупо с моей стороны. Я… не заметила.

— Через сорок пять секунд достигается равновесная скорость. Пролетели уже четыре километра, но вы бы даже не догадались, верно?

Теперь мы падали в узкий вертикальный каньон, где с двух сторон нас обступали строения, а с третьей — скала. Д'Оливейра принялся читать мне лекцию о равновесной скорости, которая была бы очень интересна в другое время: о том, как нефтеперегонные заводы нарастили атмосферное давление на Марсе примерно до пяти процентов от земной нормы и этого — воздух не сделался достаточно плотным или теплым, чтобы им дышать, — хватило, чтобы человек в беличьем костюме не падал, словно камень, даже

если равновесная скорость все-таки составляла одну шестую километра в секунду, отчего волосы вставали дыбом.

Это было кстати примерно так же, как лекция по анатомии человека на помосте гильотины.

Я снова посмотрела вниз и увидела, что мы приближаемся к последним ярусам на окраине города. Однако стена каньона казалась такой же высокой, как и раньше, а огни на дне — такими же далекими.

— Вам ведь известно, как появился этот город? — спросил д'Оливейра.

— Нет… но вы… сейчас… расскажете мне… как пить дать.

— Все началось с геологов, вскоре после беспорядков. — Он немного скорректировал наше положение и изменил угол атаки, так что мы теперь неслись почти вниз головой. — Они искали окаменелости в горных породах. Восьми километров отвесной стены им было мало, поэтому они углубили основание каньона еще на два-три километра, затем покрыли всю вертикальную плоскость строительными лесами. Понаставили прямо на лесах камералки и жилые модули, чтобы не тратить время, мотаясь вверх и вниз.

Громада здания пронеслась мимо так близко,

что его можно было потрогать — во всяком случае, так казалось, — а затем мы полетели вдоль шершавой скалы, из которой кое-где торчали редкие постройки.

— И вот наконец обнаружились останки древних ленивцев, здесь, на Марсе, но в другом месте. Геологи никак не хотели этого пропустить и сорвались с места, побросав все оборудование, только пятки сверкали. — Стараниями д'Оливейры мы обогнули похожий на палец скальный выступ, который иначе проткнул бы нас насквозь. — Когда они вернулись, строительные леса уже были незаконно захвачены. В основном молодежью, скалолазами и бейсджамперами, охочими до новых ощущений. Потом кто-то открыл здесь бар, и не успел никто и глазом моргнуть, как место стало центровым. — Последнее слово он произнес с изрядным отвращением. — Но полагаю, для туристов это не так уж плохо.

— Джим, кажется, ничего не имеет против?

— Нет, но он — не я. Я тоже ничего не имею против того, что мы прибыли сюда, и против того, что люди потянулись за нами. Но разве их должно быть так много?

— Вы ведь не можете нормировать жизнь планеты.

— Я и не хочу. Но когда-то добраться сюда было трудно. Месяцы пути в стесненных условиях. Сколько времени заняло это путешествие у вас, мисс Клэй?

— Пять дней на «Гайавате». — Говорить теперь стало легче: то, что еще несколько секунд назад было ужасом, переродилось в нечто сродни удовольствию. — И я не сказала бы, что условия там стесненные. Можно поспорить насчет декора прогулочной палубы, но если не считать этого…

— Я знаю. Видел припаркованные вокруг Марса туристские лайнеры, сверкающие огнями в ночном небе.

— Но если бы вы не прилетели на Марс, мы никогда бы не обнаружили окаменелых ленивцев, Мануэл. А ведь именно эти фоссилии подсказали, как добираться с Земли на Марс за пять дней. Нельзя же получить и то и другое.

— Я понимаю. И я очарован ленивцами, как никто другой. Просто… неужели обязательно узнавать так много и так скоро?

— Ну, лучше бы вам к этому привыкнуть. Поговаривают, между прочим, о строительстве звездного корабля, который будет лететь гораздо быстрее, чем мы можем себе представить.

Поверхность скалы сделалась теперь более

гладкой — на самом деле было трудно оценить скорость падения, — и огоньки на дне каньона больше не казались бесконечно далекими.

— Да, я слышал об этом. Иногда мне даже кажется, что я бы с удовольствием…

— Что, Мануэл?

— Держитесь. Похоже, нам пора тормозить.

Существовало всего два традиционных способа затормозить в большом прыжке: один, менее профессиональный, заключался в том, чтобы шлепнуться о поверхность. Другой, более сложный, основывался на том факте, что нижняя часть стены каньона слегка отклонялась от вертикали. Суть была в том, чтобы падать, пока не начнешь скрести по стене под ничтожно малым углом скольжения, а затем использовать трение для уменьшения скорости. Еще ниже стена загибалась, переходя в дно каньона, и, если сделать все правильно, вы попросту катились по ней и останавливались сами, без значительных травм. Звучало просто, однако на деле все было — как сказал мне д'Оливейра — не просто. Главная проблема состояла в том, что люди обычно боялись оставаться слишком близко к стремительно проносящейся мимо стене, когда она становилась гладкой. Не стоит их за это винить: тут нужны же-

лезные нервы и точное знание того, когда можно безопасно упасть. Но если держаться слишком далеко от стены каньона, оттягивая момент встречи с нею, получишь не легкий поцелуй, а хорошее столкновение на высокой скорости под неправильным углом.

Зато, уверил меня д'Оливейра, пока дайверы держатся на расстоянии, вид оттуда лучше.

Он деликатно подвел нас к встрече со стеной, и мы понеслись головой вниз. А затем он использовал в качестве тормоза подкладку пятнадцатисантиметровой толщины на передней части своего костюма; и мы покатили, словно на санках, по почти вертикальному склону. Нижняя часть стены была гладкой — тысячи дайверов до нас отполировали ее до идеального зеркала.

Когда все закончилось — когда мы совершили лишенную достоинства, зато обошедшуюся без увечий остановку, — распорядители вывели нас из опасной зоны. Первым делом они распустили ремни, чтобы мы могли двигаться поодиночке. Ноги у меня тряслись, словно желе.

— Ну как? — спросил д'Оливейра.

— Должна признать, что все в порядке. И это было довольно захватывающе. Я даже подумываю…

— Великолепно. Тут есть лифт, который отвезет

нас обратно…

— А вообще-то покажите мне, где здесь наливают что покрепче.

Я могла не волноваться: д'Оливейра был рад отложить следующий прыжок. Он заверил меня, что на дне каньона имеется бар с хорошим ассортиментом. Но мы все же задержались ненадолго, глядя вверх, на эту невероятную скальную стену, где далеко над нами мерцали огни Страта-Сити. Город казался огромным, когда я была там, и лишь немногим меньше, когда мы пролетали мимо, зато теперь стал крошечным: тонюсенькая ниточка человеческого присутствия на монументальном полотне каньонной стены.

Д'Оливейра опустил руку мне на предплечье:

— Что-то случилось?

— Просто задумалась. Ничего особенного.

— Дурная привычка. — Он похлопал меня по спине. — Сейчас мы достанем для вас выпивку.

Примерно час спустя мы с д'Оливейрой сидели в купе поезда, направлявшегося из Страта-Сити.

— Можно бы съездить куда-нибудь еще, — сказала я, пока мы сидели в баре. — В конце концов, еще рано, и мои внутренние часы до сих пор показывают полдень.

— Уже надоел Страта-Сити?

— Ничего подобного, нет, но другое место хорошо оттенило бы его. — Я допивала водку, чувствуя, как пылают щеки. — Как вы понимаете, я собираюсь описать нашу встречу.

— Почему бы нет? — Он пожал плечами. — Джим ведь поделился с вами своим мнением о Марсе, так что я тоже имею право.

— Кое-что вы уже рассказали.

Он кивнул:

— Да я могу всю ночь проболтать, если позволите. Слушайте, а не сесть ли нам на поезд до Голомбека?

— Это не так уж далеко, — согласилась я после минутного размышления. — Но вам ведь известно, что там находится?

— Для меня это не проблема, мисс Клэй. И я вообще предложил Голомбек по другой причине. Там недавно открыли для широкой публики пещеру ленивцев. Честно говоря, мне еще не доводилось ее видеть, но очень бы хотелось.

Я пожала плечами:

— А для чего еще придуман счет на представительские расходы, если не опустошать его?

И вот мы спустились на лифте на дно каньона и сели в первый же поезд до Голомбека. Экспресс понесся по плавным холмам марсианской пу-

стыни, пролетая над каньонами по элегантным белым мостам, выращенным из строительной кости. Было темно, пейзаж оставался непроницаемо-черным, если не считать далеких огней поселений и широких, приземистых силуэтов нефтеперерабатывающих заводов.

— Кажется, я теперь понимаю, — начала я, — почему вы связались со мной.

Человек, сидевший напротив, пожал плечами:

— На самом деле это был не я. Это был Джим.

— Ну да, вероятно. Но суть не в этом. Настало время быть услышанным, верно? Время, чтобы восстановить истину. В этом беда исчезновений — люди могут приписывать вам слова, с которыми вы не всегда согласны.

Он кивнул:

— Нас использовали всевозможные группировки, защищая то полную эвакуацию людей с Марса, то создание на нем океанов километровой глубины. И все это чушь собачья, все ложь.

— Но вы ведь, кажется, и друг с другом не были согласны.

— Да, но… — Он умолк. — Мы могли не соглашаться, но это, по крайней мере, было по-настоящему — наши мысли, а не выдумка для оправдания чужих планов. Это, по крайней мере,

подлинная история.

— А если подлинная история оказывается не совсем ровной и гладкой?

— Все равно это правда.

Разумеется, он был весьма похож на Джима Гроссарта. Но я не стала бы утверждать, что они с ним выглядели одинаково: д'Оливейра как будто жил в том же обличье совсем по-другому, придавая лицевым мышцам свое собственное выражение. И держался он иначе — в нем угадывалась военная выправка.

Даже к тому времени, когда я закончила статью — с момента высадки прошло больше восьмидесяти лет, — никто так и не понял толком, что же случилось с капитаном Джимом Гроссартом. Все сходились лишь в главном: Гроссарт был нормальным, когда покидал Землю в качестве единственного участника экспедиции на Марс.

Может быть, причиной стал несчастный случай, взрыв в дальнем космосе, который повредил на «Гидре» щиты аэроторможения. Взрыв также привел к временной потере связи, длившейся несколько недель, и лишь когда антенна заработала снова, все удостоверились, что Гроссарт выжил. В следующие несколько дней, когда он начал отсылать сообщения домой, картина поне-

многу прояснилась. Джим Гроссарт помешался, распался на три личности. Сам Гроссарт был только одной третью от целого, и в его голове поселились еще два, совершенно новых и полностью вымышленных «я». Каждому досталась часть знаний и навыков Гроссарта: д'Оливейра унаследовал способности пилота, а Тричлер превратился в специалиста по марсианской физике и геологии. И — из опасения еще больше повредить человеку, который уже и так перешагнул черту, — сотрудники Центра управления полетами на Земле подыгрывали ему. Должно быть, надеялись, что он восстановится после кризиса — возможно, когда «Гидра» благополучно сядет.

Но этого так и не произошло.

— Вы хоть изредка думаете о том, как все было раньше? — спросила я, сознавая, что ступаю на опасную почву.

— Раньше чего?

— Полета сюда.

Он покачал головой:

— Боюсь, я не из тех, кто живет прошлым.

Голомбек был сверкающим, пестрым скоплением куполов, башен и соединительных труб — куча елочных игрушек, переложенных мишурой. Поезд нырнул в тоннель, затем вынырнул из него

и оказался в суматошном подземном торговом центре. Мы вышли и примерно час неторопливо бродили по торговым галереям, прежде чем зайти в тематический бар «Пилигримы». Пол здесь был покрыт фальшивой пылью, а чудовищно дорогие напитки подвозили поставленные на шесть колес пиратские корабли с плоскими палубами, которые то и дело терпели крушение. В итоге платить пришлось мне — как и за билеты на поезд, — но я не возражала. Д'Оливейра, или Гроссарт, или кем он там себя воображал, явно не мог швыряться деньгами. Должно быть, он был почти невидимым элементом марсианской экономики.

— Вы ведь до того сказали мне правду? — спросила я, пока мы катились в вагоне к пещере ленивцев. — Насчет того, что вы, как никто другой, зачарованы инопланетянами.

— Да. Даже если остальные иногда называют меня придурковатым мистиком. Для Джима они просто мертвые инопланетяне, полезный источник новых технологий, не более того. Я же считаю, что все это гораздо глубже, что нам предназначено было их найти, предназначено было зайти так далеко, а затем продолжить поиски, пусть даже кто-то из нас покинет Марс навсегда… — Он

улыбнулся. — Может, я просто переслушал их музыки во время больших прыжков.

— А что думает о них Брэд Тричлер?

Он несколько мгновений молчал.

— Брэд не разделяет моего мнения.

— И до какой степени?

— До такой степени, что считает реликты чашей с ядом. До такой степени, что сомневается, стоило ли нам вообще прилетать на Марс.

— Радикальная точка зрения для того, кто рисковал жизнью, стремясь сюда.

— Я понимаю. И спешу заметить, я ее не разделяю.

Я сделала попытку разрядить обстановку:

— Рада это слышать. Если бы вы не прилетели на Марс, не было бы у меня большого прыжка и пришлось бы искать другой способ испугаться до чертиков.

— Да, в первый раз действительно бывает страшно.

— А во второй?

— В большинстве случаев еще хуже. Зато в третий…

— Сомневаюсь, что будет третий, Мануэл.

— Даже если потом хлопнуть водки?

— Даже так.

К этой минуте мы уже подъехали к пещере, настоящей пещере, которую перевезли из другого места, старательно разобрав и вновь собрав. Вероятнее всего, изначально она располагалась под одним из акведуков и была бы затоплена через несколько лет после начала разработки полярных льдов.

Внутри все казалось чересчур знакомым, до странности. Я то и дело напоминала себе, что это настоящие пещеры ленивцев, настоящие изделия ленивцев и настоящие наскальные росписи; что ленивцы действительно жили в этой норе. И все-таки часть моего разума продолжала настаивать, что это место немногим лучше среднего музейного макета или элитного, но все же китчеватого тематического ресторана, например тех же «Ленивцев», просто декор получше.

Вот только ленивцы действительно здесь обитали. В отличие от всех макетов, какие мне приходилось видеть, тут, например, не было пола. Мысль о поле никогда не приходила в их косматые головы, стены сливались друг с другом, образуя перевернутый пещерный свод. Предположительно, они эволюционировали на густо покрытой лесами планете, где ужасные хищники, как правило, обитали внизу, на земле. Должно

быть, ленивцы спустились с деревьев в какой-то момент — они не превратились бы в высокоразвитую цивилизацию, целыми днями просиживая задницу на ветвях, — однако неприязнь к земле, похоже, сохранилась в генетической памяти. Как мы, люди, до сих пор боимся темноты, так и ленивцы не любили бывать на земле, просто свисая сверху.

Все это было очень интересно, я с радостью провела бы здесь много часов, но только не за один визит. Мы два часа подряд со школьническим восторгом застывали перед каждым экспонатом, и на ближайшие пару недель я по горло насытилась мохнатыми инопланетянами о шести конечностях.

Мы договорились встретиться в сувенирной лавке рядом с пещерой. Я купила скромную футболку, изящно украшенную орнаментом ленивцев и словами: «Пещера ленивцев. Голомбек. Марс», стилизованными под надписи ленивцев, — выглядело похоже, если вы специалист по ксенолингвистике.

— Что ж, — произнесла я, начиная ощущать легкие признаки усталости, — это было весело. Что дальше?

— Посадочный модуль недалеко отсюда, —

сказал д'Оливейра. — Можем взглянуть, если хотите.

Зря я его не отговорила.

Все складывалось очень хорошо, д'Оливейра и остальные изъяснялись, словно три отдельные личности, однако этому красноречиво противоречил крохотный посадочный модуль. Что-нибудь непременно должно было случиться, но я вряд ли могла написать статью, не коснувшись проблемы одноместного посадочного модуля.

Более того, д'Оливейра, кажется, тоже этого хотел.

В очередном вагоне мы добрались до окраины Голомбека. Этот город был первым портом захода для кораблей из космоса и поэтому в любое время суток кишел вновь прибывшими путешественниками с покрасневшими глазами. Большинство магазинов, баров и ресторанов работали круглосуточно, что тоже притягивало туристов. Из всех здешних достопримечательностей «Гидра» была, безусловно, самой старой. Когда-то — задолго до моего рождения — экскурсии действительно выезжали из Голомбека к месту посадки модуля, но это осталось в прошлом. Гора пришла к Магомету: городские окраины со всех сторон вплотную подступали к кораблю.

Мы с д'Оливейрой немного задержались в герметизированной смотровой галерее. По обеим сторонам от нас раскинулся подковообразный город, занимавший половину квадратного километра марсианской поверхности. Посадочный модуль находился посередине: крохотный, перекошенный серебристый конус впечатлял меньше модели, что содержалась внутри пресс-папье, которое показывал мне Джим. Я взглянула на других посетителей и отметила, что они с трудом скрывают свое разочарование. И я не стала бы их за это винить — я помнила, что ощущала сама, когда впервые увидела «Гидру».

«И это все?»

Но теперь я старше и впечатления совсем иные. Да, модуль крошечный; да, у него такой вид, словно он вряд ли переживет очередную пылевую бурю, — но в этом-то и суть. Будь модуль посолиднее, достижение Джима Гроссарта не было бы и вполовину таким великим.

— Хотите взглянуть поближе? — спросила я наконец.

— Вспомнить старые добрые времена?.. Почему бы нет?

Я, конечно, должна была догадаться: его голос прозвучал как-то иначе.

Мы выбрались из галереи на уровень поверхности. Народ стоял в очереди на роботоуправляемые автобусы, которые катились по запрограммированному маршруту вокруг места высадки, — точно так же было в моем детстве.

— Необязательно ехать, — сказал он. — Можно взять напрокат скафандр и пройтись пешком, если хотите.

— До самого модуля?

— Нет, к самому модулю не пустят. Но все равно мы подберемся гораздо ближе, чем на автобусе.

Я посмотрела на площадку и увидела, что там бродят три человека в скафандрах песочного цвета. Один фотографировал остальных на фоне посадочного модуля, явно пытаясь сделать кадр, куда не попали бы городские постройки. Мой спутник был прав: люди в скафандрах находились гораздо ближе к модулю, чем проезжавшие автобусы, но все равно до него оставалось метров сорок или пятьдесят, и никто из этих людей, кажется, не испытывал желания подойти вплотную.

Большинство туристов не могли заморачиваться с арендой скафандров, поэтому мы быстро получили амуницию.

— Кажется, здесь только два размера, — про-

ворчала я, пока мы дожидались в шлюзовой камере. — Слишком маленький и слишком большой.

Он взглянул на меня без тени веселости:

— Этого достаточно.

Тут меня осенило.

— Разумеется, Брэд.

Мы вышли наружу. Над головой было темно, зато место посадки освещалось ярко, как днем, почти лишенное теней. Посадочный модуль стоял в двухстах метрах от нас, окруженный коллекцией грузовых модулей, марсоходов, научной аппаратуры и систем жизнеобеспечения. Он смахивал на потрепанный за многие века кельтский крест, окруженный чуть менее сакральными камнями.

— Что ж, Брэд, — произнесла я. — Я много о вас слышала.

— Знаю, что слышали.

— Знаете?

Мы побрели по песку цвета ржавчины.

— Я знаю, что обо мне рассказывают Гроссарт и д'Оливейра, так что не утруждайтесь.

— Что они рассказывают? Вы были не так уверены в необходимости путешествия на Марс? Но это трудно назвать нападками. Каждый имеет право на личное мнение.

Даже на три сразу, подумала я про себя.

— Они правы, несомненно: думаю, что нам не следовало сюда стремиться, — но если бы они говорили только это…

Он умолк, когда мимо нас проехал автобус со стеклянным корпусом, плавно скользивший на широких шинах по рыхлой пыли. Автобус был набит туристами, однако некоторые из них, кажется, больше интересовались своими бутербродами, а не «Гидрой».

— О чем еще они говорят, Брэд?

— Вы же наверняка знаете, так к чему притворяться?

— На самом деле я не уверена…

— Да о взрыве же, черт побери! О том самом, случившемся на середине пути. О том, который едва не сорвал нам посадку. Говорят, это я его устроил: пытался саботировать миссию.

— Вообще-то, они почти не упоминали о нем, то есть совсем не упоминали.

— О, вы добры, я признаю это.

— Знаю, но я сейчас о другом. Вы ведь никак не могли саботировать миссию… — Но я умолкла, потому что мой довод означал только одно: «Вас тогда не существовало, как не существует и теперь. Джим Гроссарт тогда был одним человеком,

был…» И я неуклюже закончила: — Даже если бы вы передумали, не стали бы устраивать ничего подобного.

— Не стал бы. — Голос его теперь звучал мягче, почти доверительно. — Но наверное, стоило бы.

— Не могу согласиться. Марс не был дикой, нетронутой пустыней, когда мы, люди, прилетели, Брэд. Он был ничем: прискорбно пустой и стерильно-чистый холст. Мы ничего не разрушили, ничего не испортили.

Он остановился и огляделся по сторонам, задержав взгляд на многоярусных галереях города, вздымавшегося над нами, словно замерзшая волна.

— Вы называете это достижением?

— По сравнению с ничем? Да.

— А я называю это осквернением.

— Господи, мы здесь всего сто лет. Это наш первый набросок жизни на Марсе. Что с того, что он не лучший из всех возможных? У нас еще будет время улучшить его.

Несколько секунд он не отвечал.

— Вы говорите так, словно согласны с Джимом Гроссартом.

— Нет, я могу прожить без многого, чем так дорожит Джим, поверьте. Возможно, если на то

пошло, мне ближе Мануэл д'Оливейра.

Мы снова тронулись с места, приближаясь к площадке с посадочным модулем.

— Этот придурковатый мистик?

— Пусть мистик, пусть придурковатый, зато он, без сомнения, знает, как совершать большой прыжок. — Я помолчала, недоумевая: с чего это я выгораживаю один аспект его личности перед другим? Но д'Оливейра казался таким же реальным, как и любой знакомый мне человек, и так же заслуживающим моей преданности. — К тому же он прав: отказ от миссии на Марс стал бы величайшей ошибкой человечества. И я тоже имею в виду не только фоссилии. Они еще откроют для нас несколько новых дверей, но даже если бы мы прибыли сюда и нашли одну пыль, то все равно поступили бы правильно. Вся разница в том, что Марс дает нам свободу выбора — пространство, чтобы совершать ошибки.

— Нет, — сказал он. — Мы уже совершили громадную ошибку. А я мог бы ее предотвратить.

Теперь мы были недалеко от посадочного модуля, метрах в сорока с небольшим, но я заметила, что остальные туристы не подходят ближе. Шагая бок о бок, мы еще немного приблизились к центру площадки, и тут костюмы предупредили

нас, что дальше путь закрыт: на гермошлеме замигали лампочки, в наушниках зазвучал мягкий, но настойчивый голос. Я почувствовала, как мой скафандр немного задубел, — следующий шаг дался с трудом.

— Так заявите об этом вслух, — произнесла я решительно. — Выйдите из подполья. Расскажите всем, что вы думаете. Обещаю, вас услышат. Никто другой не способен смотреть так широко, как вы.

В этом-то и проблема. Выходит, слишком уж широко.

Теперь мы стояли довольно близко к модулю. Должно быть, моему спутнику было трудно и дальше убеждать себя, что в аппарате могли спуститься трое. Я ждала этого момента со страхом, но и с нетерпением, чувствуя мурашки, бегущие по спине, предвкушая дальнейшее.

— Я сделаю так, чтобы вас выслушали, Брэд. Ведь для этого Джим и связался со мной, правда? Чтобы люди услышали его историю, узнали о его взглядах на Марс? И разве он не имел в виду, что все вы сможете высказаться?

— Нет. — Он начал теребить застежку гермошлема. — Потому что с вами связался вовсе не Джим, а я. Джима Гроссарта не существует в

реальности, неужели вы не понимаете? Всегда был только я. — Он кивнул головой на модуль, продолжая сражаться со шлемом. — Надеюсь, вы не считаете меня дураком?

Я попыталась отвести его руки от разъемного кольца скафандра.

— Что вы делаете? — прокричала я.

— То, что всегда собирался сделать. У меня ушло семнадцать лет на то, чтобы набраться храбрости.

— Не понимаю.

— Слова теперь уже ничего не исправят. Марсу нужно кое-что покруче. Ему требуется мученик.

— Нет!

Я боролась с ним, но он был гораздо сильнее. В том движении, которым он оттолкнул меня, не ощущалось намеренной жестокости — он сделал все настолько деликатно, насколько позволяли обстоятельства, — но в итоге я осталась лежать в пыли на спине, глядя, как он снимает шлем и делает последний глубокий вдох, впуская в легкие разреженный, холодный воздух Марса.

Он сделал несколько шагов по направлению к модулю — кожа приобретала синюшный оттенок, глаза стекленели, — а затем пошатнулся и вскинул руку, потянувшись пальцами к «Гидре».

Потом скафандр, должно быть, одеревенел, лишив его возможности двигаться.

Он стал похож на статую, простоявшую здесь много лет.

Это просто невозможно, повторяла я себе. Должны же здесь быть спасатели, которые не позволяют вытворять подобное, и не только в неподходящей для дыхания атмосфере; должны быть строгие правила, гарантирующие, что прокатные скафандры проверяются и перепроверяются на соответствие; должна быть двойная и тройная защитная система.

Но, подозреваю, те скафандры, которые нам дали, не дотягивали до столь высоких стандартов.

Он умер, однако сейчас это значит даже меньше, чем значило давным-давно. Его достаточно быстро затащили внутрь, и хотя он сильно пострадал от марсианской атмосферы, хотя обнаружились обширные неврологические повреждения, все можно было бы исправить, имея время и — что гораздо важнее — деньги.

— Кстати, кто этот старик? — спросили меня врачи, после того как я договорилась со своей компанией об оплате медицинских услуг, независимо от того, сколько времени потребуется.

Об этом, к слову сказать, пришлось поспорить,

особенно после того, как я заявила, что статьи пока не будет.

— Не знаю, — ответила я. — Он так и не назвал своего имени, но был очень интересным собеседником.

Медик улыбнулся:

— Мы проверили генную карту, однако старикана нет ни в каких списках. Конечно, это ничего не значит.

— Верно. Многие люди с криминальным прошлым исчезли за время беспорядков.

— Точно, — сказал медик, уже утратив интерес к теме.

Врачи продолжали называть его стариком, но я поняла причину, как только увидела лежащее в коме тело. Он действительно выглядел гораздо старше, чем казался мне в любом из трех своих воплощений, словно даже соответствие среднему возрасту было иллюзией.

Кома была глубокой, операции по восстановлению мозга проводились медленно и скрупулезно. Поначалу я внимательно следила за успехами, справлялась о нем каждую неделю, затем каждый месяц. Но ничего не происходило: он так и не выказывал признаков выздоровления, и все традиционные методы, способные вернуть разум

к жизни, не приводили к успеху. Медики снова и снова предлагали, как они это называли, «назначить день», однако до тех пор, пока от моей компании поступали средства, были не против тратить время впустую.

Я справлялась о его состоянии каждые полгода, затем, кажется, раз в год.

А жизнь, конечно, продолжалась. Я никак не могла придумать достойное завершение этой истории — во всяком случае, пока главный герой остается в коме, — поэтому статья просто лежала в столе и я занималась другими темами. Некоторые были довольно важными, и спустя какое-то время я отправила историю Джима Гроссарта в нижний ящик стола: выстрел наугад, который не достиг цели. И даже начала сомневаться, встречалась ли с ним вообще. А после этого оставалось только окончательно забыть о нем.

Сомневаюсь, что вспоминала его хоть на мгновенье за последние два или три года.

До сегодняшнего дня.

Время от времени я заглядываю в кафе «Ленивцы». Теперь это довольное популярное среди журналистов заведение, место, где можно уловить отголоски слухов раньше остальной стаи.

И он был там, сидел, глядя на дайверов, пример-

но у того же окна, где и Джим Гроссарт десятью годами раньше. Я увидела выражение его лица, отраженного в стекле: спокойное, критически-беспристрастное, словно у судьи на крупном спортивном состязании.

Лицо молодого человека, которого я узнала, хотя и видела только на фотографиях.

Я долго смотрела на него. Может, это был просто генетический выверт, в результате которого появился человек, похожий на Джима Гроссарта в молодости, но я сомневалась. Дело было в том, как он сидел, в его застывшей, слегка официальной манере держаться. Вот только это не Джим, правда?

Мануэл д'Оливейра.

Я слишком долго смотрела на него, мой взгляд привлек его внимание, и вот мы уже изучали отражения друг друга через весь зал. Он не повернул головы от окна, но спустя несколько мгновений улыбнулся и кивнул.

Бар в тот вечер был полон, и передо мной колыхалось море людей, перекрывая обзор.

Когда они расступились, столик был пуст.

На следующий день я связалась с больницей — прошло уже два года с тех пор, как я делала это в последний раз, — и мне сообщили, что старик

наконец-то пришел в сознание. В нем не было ничего необычного, сказали мне, никаких отклонений в психике.

— И что было потом? — спросила я.

— Денег хватило на самые простые омолаживающие процедуры, — ответил врач, будто восстановление молодости было делом настолько же сложным — и примерно таким же интересным, — как наложение шины на сломанную конечность.

И бывший пациент, разумеется, не оставил для меня никаких контактов.

Я понимаю, что в баре мог быть и не он, не Джим Гроссарт, с которым я встречалась: молодой человек из «Ленивцев» мог обладать тем же набором генов, дающих невыразительное и миловидное лицо.

Но оставалось кое-что еще.

Старик вышел из комы за полтора года до той встречи в баре, а омолодили его вскоре после того, как он очнулся. Возможно, это ничего бы не значило, если бы в тот вечер, когда я увидела его, не произошло еще одно событие. Событие, подтверждавшее наверняка, что там был Мануэл д'Оливейра. В тот вечер с орбиты Марса стартовал звездный корабль, тот самый, который строился

последние пять лет, тот самый, который отправился через всю Галактику на поиски ленивцев.

Этот корабль носил имя «Капитан Джеймс Гроссарт».

Мне приятно думать, что он отправлялся тогда на корабль. Я, конечно, просмотрела список пассажиров, но там не было ни Гроссарта, ни д'Оливейры, ни даже Тричлера — однако это не значит, что там не было его. Он путешествует теперь под новым именем, даже не представляю под каким. Никто не узнает, кто он: просто молодой человек, который пожелал войти в команду звездного корабля, молодой человек, чей интерес к инопланетянам временами граничит с мистицизмом.

И он, отправляясь дальше, не смог отказать себе в удовольствии в последний раз взглянуть на дайверов.

Может быть, я не права; может быть, подсознание просто сыграло со мной шутку при виде лица незнакомца, обеспечивая финал, которого требовали мои журналистские инстинкты, но, с моей точки зрения, это почти не имеет значения. Ведь я хотела одного — найти завершение для этой истории.

Теперь ее можно поведать.

Переключаясь с рассказов на романы, ты избавляешься от многих проблем, но одновременно создаешь новые. Плюсы заключаются в том, что к тебе теперь обращаются и просят писать для них, и появляются новые рынки — если не распахнутые настежь, то по крайней мере теоретически доступные. Но вместе с тем в договоре-заказе на создание романа указан крайний срок, и ты совершенно внезапно обнаруживаешь, что теперь уже не до рассказов. И твоя плодовитость в нынешнем столетии совсем не та, что была в конце девяностых.

«Подлинная история» — одно из немногих произведений малой формы, написанных мною после двухтысячного года. Предназначавшееся для антологии Питера Краутера «Mars Probes», оно немало лет вызревало на задворках моего разума. А толчком послужил документальный телефильм о людях с расстройством множественной личности. Героиня рассказа, репортер-ас Кэрри Клэй, еще появится в повести «Голубой период Зимы» примерно через тысячу лет. Во Вселенной, где живет Кэрри, сверхсветовые путешествия не просто возможны, а легки, и, как мне кажется, это не самая неуютная Вселенная, особенно если сравнивать с некоторыми другими моими

произведениями. Надеюсь когда-нибудь набрать историй о Кэрри на полноценный сборник. Хотя при нынешней скорости их написания — одна в четыре года — не рискну слишком уж обнадеживать читателей.

За Разломом Орла

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

— Почему ее? — спрашивает Грета.

— Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю, гадая, уж не ревнует ли Грета.

Я ее не виню — Сюзи не только очень красива, но еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

— Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. — Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

— Нет. — Она что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. — Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

— Да. Мы вернулись.

Сюзи смотрит на звездное небо, нарисованное на ее капсуле светящимися красками — фиолетовой и желтой. Она заказала это украшение на Кариллоне. Правилами такие художества запрещаются — якобы по той причине, что частички краски забивают воздушные фильтры. Сюзи на правила наплевать. Она мне сказала, что рисунок обошелся ей в недельное жалованье, но потраченные деньги стоили того, чтобы придать хоть немного индивидуальности серому «дизайну» корабля компании.

— Странно, мне почему-то кажется, что я провалялась в этом гробу несколько месяцев.

Я пожимаю плечами:

— Иногда и мне так кажется.

— Значит, все в порядке?

— В полном.

Сюзи смотрит на Грету:

— Тогда кто ты такая?

Грета не отвечает. Она лишь выжидающе глядит на меня. А меня бьет дрожь, и я понимаю, что не могу такого вынести. Пока не могу.

— Заканчивай, — бросаю я Грете.

Она делает шаг к Сюзи. Та замечает, но не успевает отреагировать. Грета выхватывает что-то из кармана и прикасается к руке Сюзи. Та мгновенно

вырубается. Мы укладываем ее обратно в капсулу, заново подключаем и закрываем крышку.

— Она ничего не запомнит, — обещает Грета. — Разговор так и останется в ее кратковременной памяти.

— Кажется, я этого не переживу.

Грета касается моего плеча:

— Никто и не говорил, что будет легко.

— Я лишь пытаюсь осторожно ввести ее в ситуацию. Не хочу сразу открывать правду.

— Знаю. Ты добрый, Том.

И целует меня.

Я тоже помню Архангел. Именно там все и пошло наперекосяк. Просто мы тогда еще этого не знали.

Мы пропустили первое стартовое окно, когда таможенники обнаружили противоречие в нашей грузовой накладной. Не очень серьезное нарушение, но прошло немало времени, прежде чем они сообразили, что ошиблись сами. А когда поняли, мы уже знали: предстоит ждать на планете еще восемь часов, пока диспетчерская отправит целый флот сухогрузов.

Я сообщил новость Сюзи и Рэю. Сюзи восприняла ее весьма положительно — или настолько положительно, насколько она всегда воспри-

нимала подобные новости. Я предложил ей использовать вынужденную задержку с толком: отправиться в порт и посмотреть, есть ли там новые синтаксические «довески». Нечто такое, что сэкономило бы нам день-другой обратного пути.

— Лицензионные? — уточнила она.

— Мне все равно.

— А как насчет Рэя? — спросила Сюзи. — Он так и будет здесь сидеть и чаек попивать, пока я отрабатываю жалованье?

Я улыбнулся. Эта парочка вечно цапается между собой, балансируя на грани любви и ненависти.

— Нет, Рэй тоже может сделать кое-что полезное. Например, проверить ку-плоскости.

— Они в полном порядке, — возразил Рэй.

Я стянул потрепанную кепку с эмблемой «Ашанти индастриал», почесал лысину на макушке и повернулся к механику:

— Правильно. Тогда тебе не потребуется много времени на их проверку.

— Как скажете, кэп.

В Рэе мне нравится то, что он легко смиряется, когда проигрывает спор.

Он взял комплект инструментов и пошел осматривать плоскости. Я проследил, как он поднимается по лесенке на кран-балку с инстру-

ментами на поясе. Сюзи надела маску, длинный черный плащ и растаяла в окутывающем порт влажном тумане. Стук ее каблуков доносился еще долго после того, как она скрылась из виду.

Я вышел из «Синего гуся» и зашагал в противоположном направлении. Надо мной из тумана один за другим выныривали сухогрузы. Слышно их было задолго до появления — сквозь висящие над портом желтые облака пробивались скорбные низкие стоны, похожие на перекличку китов. Когда корабли снижались, показывались темные корпуса, покрытые струпьями и шрамами угловатых выступов синтаксических узоров, со втянутыми перед посадкой кран-балками и ку-плоскостями, с выпущенными шасси, напоминающими когти. Сухогрузы замирали над указанными диспетчером посадочными колодцами и опускались в них под вой реактивных струй. Захваты доковых фиксаторов сразу же стискивали их корпуса скелетными пальцами. Из загонов, медленно переставляя ноги, выбредали динозавры-носильщики — кто-то из них работал самостоятельно, а другими, сидя на загривке, все еще управлял тренер. Когда выключались двигатели, наступала шокирующая тишина, а потом сквозь облака шел на посадку очередной

сухогруз.

Мне всегда нравилось смотреть, как прибывают и уходят корабли, даже если они задерживают в порту мой корабль. Я не умел читать синтаксис, но знал: эти сухогрузы прилетели сюда от самого Разлома. Дальше Разлома в созвездии Орла не забирался никто. При средних тоннельных скоростях от центра Локального Пузыря добираться до него нужно примерно год.

Этот путь я проделал только раз за всю жизнь. И, подобно добропорядочному туристу, полюбовался видом, открывающимся с внутренней стороны Разлома. На мой взгляд, я забрался достаточно далеко.

Когда в посадочном конвейере образовалась пауза, я заскочил в бар и отыскал кабинку Администрации скважин, принимающую кредиты «Ашанти». Усевшись в кабинке, записал тридцатисекундное послание для Катерины. Я сообщил ей, что мы уже возвращаемся, но застряли на Архангеле на несколько часов. Предупредил, что задержка может вызвать цепочку других нестыковок на всем нашем пути по тоннелям, в зависимости от того, как сработает АС. Судя по предыдущему опыту, восьмичасовая задержка на планете может обернуться двухдневным ожи-

данием перед точкой подъема. И попросил не волноваться, если опоздаю на пару дней.

Из кабинки я увидел бредущего мимо диплодока с пристегнутым между ногами грузовым контейнером.

Я сказал Катерине, что люблю ее и с нетерпением жду встречи.

Возвращаясь на борт «Синего гуся», я думал о мчащемся домой послании. Его прогнали со скоростью света по местной системе связи, затем скопировали в буфер памяти очередного уходящего корабля. Вполне вероятно, что этот конкретный корабль не направляется к Барранквилле или куда-нибудь поблизости от нее. АС будет перебрасывать сообщение с борта на борт, пока оно наконец не достигнет пункта назначения. Я могу даже оказаться на Барранквилле раньше его, но на моей памяти такое случилось лишь однажды. Система работает вполне надежно.

Посмотрев вверх, я увидел, что в просвет между сухогрузами вклинился белый пассажирский лайнер. Я приподнял маску, чтобы разглядеть его получше, и в ноздри ударила смесь озона, топлива и динозаврового навоза. Да, я точно на Архангеле. Такой букет запахов не встретишь

больше нигде внутри Пузыря. Там четыреста планет, на каждой до десятка портов, и ни в одном не воняет так, как здесь.

— Том!

Я обернулся и увидел стоящего возле дока Рэя.

— Ты уже закончил осмотр плоскостей? — спросил я.

Рэй покачал головой:

— Как раз об этом я и хотел поговорить. Они оказались слегка не выровнены… а раз нам предстояло задержаться на восемь часов… я решил запустить полную перекалибровку.

Я кивнул:

— Поэтому я и попросил их проверить. Так в чем проблема?

— Проблема такова: нам только что открыли стартовое окно. Из диспетчерской передали: мы можем взлетать через тридцать минут.

Я пожал плечами:

— Значит, будем взлетать.

— Но я не закончил перекалибровку. И сейчас настройка еще хуже, чем раньше. Поэтому взлетать прямо сейчас — не очень удачная идея.

— Сам ведь знаешь, как работают диспетчеры. Пропусти два предложенных окна — и можешь проторчать здесь несколько дней.

— Никто не хочет вернуться домой так, как хочу этого я, — сказал Рэй.

— Тогда порадуйся.

— Корабль растрясет в тоннеле. Так что приятного возвращения не получится.

— А нам-то какая разница? Мы же будем спать.

— Да что тут спорить! Мы ведь не можем взлететь без Сюзи.

Я услышал приближающийся стук каблуков. Из тумана вышла Сюзи, на ходу стягивая маску:

— Только зря время потратила на этих портовых обезьян. Все, что они мне пытались всучить, я уже видела миллион раз.

— Ерунда, — сказал я. — Будем взлетать.

Рэй выругался. Я сделал вид, что не услышал.

В компенсаторную капсулу я всегда залезаю последним. Я никогда не забирался под крышку, не убедившись сперва, что загорелся зеленый свет. А это дает мне возможность еще раз все проверить. Каким бы хорошим ни был экипаж, всегда может что-нибудь случиться.

«Синий гусь» остановился возле маяка Администрации, отмечающего точку подъема. Перед нами в очереди стояло еще несколько кораблей вперемежку с обычной стайкой служебных корабликов Администрации. Сквозь прозрачный

обтекатель я мог наблюдать, как один за другим стартуют большие суда. Разгоняясь на полной тяге, они устремлялись к ничем не примечательной точке небосвода. Кран-балки у них были широко раздвинуты, а гладкие обводы корпусов бугрились загадочными инопланетными рунами маршрутного синтаксиса. При ускорении в двадцать *g* создавалось впечатление, что их зашвыривает в небо гигантская невидимая рука. А через девяносто секунд уже в тысяче километров от нас в небесах расцветала бледно-зеленая вспышка.

Я обвел взглядом кабину. Ее опоясывали уменьшенные символы нашего маршрутного синтаксиса. Каждую руну этого алфавита образовывала матрица из миллионов шестиугольных пластинок. Все пластинки, снабженные моторчиками, могли выдвигаться из корпуса и втягиваться обратно.

Спросите кого-нибудь из Администрации, и он ответит, что в синтаксисе теперь полностью разобрались. Это правда, но до определенного предела. После двух столетий исследований созданные людьми машины теперь могут конструировать и интерпретировать синтаксис с низким уровнем ошибок. Если задать им же-

лаемый пункт назначения, они наберут строку рун, которая с большой долей вероятности будет принята и обработана аппаратурой тоннеля-скважины. Более того, они почти всегда могут гарантировать, что желаемый маршрут — именно тот самый, который аппаратура скважины вам обеспечит.

Короче говоря, обычно вы попадаете туда, куда хотите.

Возьмем простой перелет из одной точки в другую — например, рейс отсюда до Хаураки. В этом случае использование автоматических генераторов синтаксиса не будет реальным недостатком. Но на длинных маршрутах, которые могут состоять из шести-семи переходов между узлами в сети скважин, машины теряют преимущество. Решение они находят, но далеко не самое оптимальное. Вот тогда в дело и вступают синтакс-штурманы. Люди вроде Сюзи способны отыскивать синтаксические решения интуитивно. Они эти руны буквально во сне видят. И при взгляде на неудачно скомпонованную строку воспринимают ее корявость, как зубную боль. Она их *оскорбляет.*

Хороший синтакс-штурман способен сократить путь на несколько дней. А для компании вроде

«Ашанти индастриал» такая разница может оказаться весьма значительной.

Но я не был синтакс-штурманом. Я еще мог заметить, когда что-то неладное случалось с пластинками, но во всем прочем у меня не оставалось выбора: я должен был верить, что Сюзи сделала свое дело правильно.

И Сюзи меня не подводила.

Я обернулся. Теперь, когда мы находились в космосе, ку-плоскости развернулись. Удерживаемые в распахнутом положении трехсотметровыми кран-балками, они напоминали половинки огромных клещей. Я убедился, что они полностью выдвинуты и зафиксированы, а все контрольные индикаторы светятся зеленым. Кран-балки относились к епархии Рэя. Он проверял выравнивание похожих на лыжи ку-плоскостей, когда я приказал ему тщательно осмотреть корабль и подготовиться к старту. Никаких видимых признаков разбалансировки я не заметил, но опять-таки, чтобы сделать наше возвращение похожим на езду по ухабам, большой разбалансировки и не требуется. Впрочем, как я уже сказал Рэю, кого это волнует? С легкой турбулентностью в тоннеле «Синий гусь» вполне справится. Его и построили так, чтобы он мог ее выдержать.

Я снова взглянул на точку подъема. Перед нами только три корабля.

Вернувшись к капсулам, я снова проверил, все ли в порядке у Рэя и Сюзи. Рэй украсил свою капсулу примерно в то же время, что и Сюзи. Ее сплошь покрывали изображения, которые Сюзи прозвала БДМ — «блаженная Дева Мария». На всех картинках БДМ изображалась в скафандре и с маленьким Иисусом (тоже в скафандре) на руках. Вокруг их шлемов художник напылил из баллончика золотые нимбы. Все это художество смотрелось дешевкой. Рэй явно поскупился, в отличие от Сюзи.

Я быстро разделся до нижнего белья, забрался в свою ничем не украшенную капсулу и закрыл крышку. Внутрь начал поступать вязкий буферный гель, и секунд через двадцать я ощутил сонливость. К тому времени, когда диспетчерская даст нам зеленый свет, я уже буду спать.

Я проделывал такое тысячи раз. Поэтому не испытывал ни страха, ни мрачных предчувствий. Лишь чуточку сожаления.

Я никогда не видел скважину. Впрочем, ее вообще очень немногие видели.

Все они описывали темный углеродистый астероид в форме бублика диаметром около двух

километров. Середина у него пробурена насквозь, а внутреннюю сторону кольца покрывает аппаратура ку-материи — это и есть скважина. По словам очевидцев, эта аппаратура все время подергивается, напоминая тикающие внутренности очень сложных часов. Однако контрольные системы Администрации скважин не засекают вообще никакого движения.

Это технология чужаков, неведомых инопланетян. Мы понятия не имеем, как она работает и кто все это сделал. А если поразмыслить, то, наверное, действительно хорошо, что у нас нет возможности это увидеть.

Вполне достаточно заснуть, а затем проснуться и узнать, что ты уже где-то в другом месте.

— Попробуй иной подход, — говорит Грета. — На этот раз скажи ей правду. Может, она воспримет ее легче, чем ты думаешь.

— Да ведь невозможно сказать ей правду.

Грета прислоняется бедром к стене, одна рука все еще в кармане.

— Тогда скажи хотя бы половину правды.

Мы отключаем капсулу и вытаскиваем из нее Сюзи.

— Где мы? — спрашивает она меня. Потом — Грету: — А ты кто?

Уж не пробились ли из ее кратковременной памяти обрывки последнего разговора?

— Грета здесь работает.

— Здесь? А здесь — это где?

Я вспоминаю то, что говорила мне Грета:

— Мы на станции в секторе Шедар.

— Но мы летели не туда, Том.

Я киваю:

— Это так. Произошла ошибка. Сбой в маршруте.

Сюзи уже трясет головой:

— Руны были в полном…

— Знаю. Ты ни в чем не виновата.

Помогаю ей надеть комбинезон. Она все еще дрожит — мускулы реагируют на движения после столь долгого пребывания в капсуле.

— Синтаксис был хороший.

— Тогда что?

— Ошибку совершила система, а не ты.

— Сектор Шедар… Это выбило бы нас из графика дней на десять, правильно?

Я пытаюсь вспомнить, что было сказано Гретой в первый раз. Мне полагается знать все это наизусть, но специалист по маршрутам у нас на корабле не я, а Сюзи.

— Вроде правильно, — соглашаюсь я.

Но Сюзи качает головой:

— Тогда мы не в секторе Шедар.

Я пытаюсь изобразить приятное удивление:

— Почему?

— Я провела в капсуле намного дольше, чем десять дней, Том. Я это знаю. Потому что чувствую каждой косточкой. Так где мы на самом деле?

Я поворачиваюсь к Грете. Поверить не могу, что все повторяется.

— Заканчивай, — говорю я.

Грета делает шаг к Сюзи.

Знакомо вам это клише: «Едва проснувшись, я понял: что-то не так»? Наверняка вы слышали эту фразу тысячу раз в тысяче баров по всему Пузырю, где парни из экипажей обмениваются байками, потягивая слабенькое пиво за счет компании. Проблема лишь в том, что иногда все оборачивается именно так. Проведя какое-то время в капсуле, я никогда не ощущал себя хорошо. Но до такой степени паршиво мне было всего один раз — после полета к границе Пузыря.

Размышляя над этим, но зная, что ничего не смогу сделать, пока не выберусь из капсулы, я добрых полчаса мучительно освобождался от всех соединений. Ощущение было такое, словно каждый мускул моего тела пропустили через

мясорубку, а потом провернули фарш назад. К сожалению, ощущение неправильности происходящего не исчезло и потом, когда я откинул крышку капсулы. В «Синем гусе» было слишком тихо. После броска через скважину нам полагалось отойти в сторону от последнего на маршруте выходного отверстия. Но я не слышал далекого успокаивающего рокота термоядерных двигателей. А это означало, что мы в невесомости.

Хреново.

Я выплыл из капсулы, ухватился за рукоятку и развернулся, чтобы осмотреть две другие капсулы. С колпака той, где находился Рэй, на меня уставился сияющий лик самой большой из БДМ. Все индикаторы жизнедеятельности на панели светились зеленым. Рэй по-прежнему пребывал без сознания, но в полном здравии. Такая же картина с Сюзи. Получается, что некая автоматическая система решила разбудить только меня.

Через несколько минут я вернулся в тот же наблюдательный купол, откуда проверял корабль перед броском через скважину. Сунув голову в прозрачный купол, я огляделся.

Мы куда-то прибыли. «Синий гусь» находился в огромном парковочном ангаре в форме вытянутого цилиндра шестиугольного сечения.

Гравитации здесь не было. На стенах размещались обслуживающие машины и механизмы — приземистые модули, змеящиеся заправочные шланги, сложенные рамы свободных посадочных причалов. Куда бы я ни взглянул, повсюду на причалах располагались другие корабли. Всех мыслимых конструкций и классов, с любой возможной формой корпуса, допускающей переход через скважину. Всю эту сцену заливал теплый золотистый свет прожекторов. Время от времени ангар освещали трепетные фиолетовые вспышки электросварки.

Это был ремонтный цех.

Едва я принялся размышлять над ситуацией, как заметил нечто, вытягивающееся из стены ангара. Это был телескопический причальный тоннель, приближающийся к нашему кораблю. Сквозь окошки в его стенах я различил парящие в невесомости фигурки, которые пробирались по тоннелю, отталкиваясь от его стен.

Вздохнув, я направился к шлюзу.

Когда я туда добрался, они уже запустили первую стадию цикла перехода. Ничего плохого я в этом не усмотрел — у меня не было веских причин не пускать кого-либо на борт, — но все же их поведение показалось мне чуточку невеж-

ливым. Впрочем, они могли думать, что все на корабле еще спят.

Дверь шлюза скользнула в сторону.

— О, вы уже не спите, — послышался мужской голос. — Капитан «Синего гуся» Томас Гандлапет, если не ошибаюсь?

— Он самый.

— Не возражаете, если мы войдем?

Их было шестеро, и они уже вошли. На всех слегка поношенные оранжевые комбинезоны, украшенные эмблемами разных компаний. Я начал злиться: их бесцеремонность мне очень не нравилась.

— В чем дело? — осведомился я. — Где мы находимся?

— А вы как думаете? — ответил вопросом на вопрос их предводитель, небритый и с кривыми желтыми зубами, что меня весьма впечатлило. В наше время надо немало потрудиться, чтобы заиметь скверные зубы. И мне уже несколько лет не доводилось сталкиваться с чудиками, готовыми на такие жертвы ради искусства.

— Очень надеюсь не услышать от вас, что мы все еще торчим на Архангеле, — сообщил я.

— Нет, вы прошли через врата.

— И?..

— Фокус не удался. Маршрутная ошибка. Вас выбросило из неправильной скважины.

— Господи!.. — Я стянул кепку. — Что-то пошло не так на входе?

— Может быть. А может, и нет. Кто знает, как эти штуковины работают… Нам известно лишь, что вы направлялись не сюда.

— Правильно. И где же мы теперь?

— На станции Саумлаки. Сектор Шедар.

Он произнес это таким тоном, словно уже потерял ко мне интерес и выполнял некую рутинную процедуру.

Возможно, он и потерял интерес. А я — нет.

Никогда не слышал о станции Саумлаки, зато прекрасно знал, где находится сектор Шедар. Звезда Шедар — это супергигант класса «К» у самой границы Локального Пузыря. А всего навигационных секторов в Пузыре семьдесят два.

Я уже упоминал Пузырь?

Вы знаете, как выглядит наша галактика Млечный Путь, — тысячи раз видели ее на рисунках и в компьютерных симуляциях. Яркая чечевица галактического ядра в центре, из него выходят лениво изогнутые спиральные рукава: каждый состоит из сотен миллиардов звезд, от самых тусклых и едва тлеющих карликов до раскален-

ных супергигантов, балансирующих на грани самоуничтожения во вспышке сверхновой.

Теперь рассмотрим вблизи один рукав. Там, на расстоянии около двух третей радиуса от центра Галактики, находится оранжево-желтая звезда, наше Солнце. Полосы и складки космической пыли окутывают ее на расстоянии в десятки тысяч световых лет. Тем не менее Солнце расположено в центре огромной, диаметром в четыреста световых лет, дыры в этой пыли — Пузыря, внутри которого плотность пыли примерно в двадцать раз меньше среднего значения.

Это и есть Локальный Пузырь. Словно Господь взял и специально для нас сотворил дыру в этой пыли.

Но разумеется, сделал это не Господь. Тут поработала сверхновая звезда примерно миллион лет назад.

Осмотревшись, мы увидим и другие Пузыри, границы которых пересекаются и сливаются, образуя огромную пенообразную структуру размером в тысячи световых лет. Есть среди них структуры Петля-1, Петля-2 и Кольцо Линдблада. Есть даже сверхплотные узлы, где пыль настолько густа, что почти не пропускает свет. Этакие черные мембраны, наподобие облаков в созвез-

дии Тельца или в районе Ро Змееносца, либо сам Разлом Орла.

Расположенный за пределами Локального Пузыря, этот Разлом — самая дальняя точка Галактики, до которой добрались люди. И дело тут не в выносливости или хладнокровии. Просто-напросто способа долететь дальше не имеется — во всяком случае, в пределах сети сверхсветовых скважин. Запутанная, наподобие кроличьих нор, конфигурация возможных маршрутов дальше попросту обрывается. Основная часть конечных пунктов, включая большинство маршрутов «Синего гуся», даже не выведет вас за пределы Локального Пузыря.

Для нас это значения не имеет. Даже в пределах сотни световых лет от Земли вполне хватает коммерческих рейсов. Но Шедар находится как раз на периферии Пузыря, где плотность пыли начинает повышаться до нормальных галактических значений. Отсюда до Земли двести двадцать восемь световых лет.

Повторю: хреново.

— Я знала, что это станет для тебя потрясением, — послышался другой голос. — Но все не так плохо, как ты думаешь.

Я посмотрел на женщину, которая это сказала.

Среднего роста, лицо из тех, что называют «миниатюрными», с раскосыми пепельно-серыми глазами. Гладкие платиновые волосы касаются плеч.

До боли знакомое лицо…

— Не так плохо?

— Нет, Том. — Она улыбнулась. — В конце концов, у нас появился шанс вспомнить старые добрые времена. Согласен?

— Грета? — выдавил я, не веря глазам.

Она кивнула:

— За мои грехи.

— Господи!.. Это в самом деле ты?

— Если честно, я не была уверена, что ты меня узнаешь. Особенно через столько лет.

— Зато ты, похоже, меня узнала без труда.

— А мне и не нужно было узнавать. Как только вы здесь оказались, поступил сигнал с вашего передатчика. Он нам и поведал, как называется ваш корабль, как зовут его владельца, кто находится на борту, что вы везете и куда направляетесь. И когда я услышала твое имя, застолбила себе местечко среди встречающих. Но не волнуйся. Ты не сильно с тех пор изменился.

— Прими ответный комплимент.

Я немного покривил душой. Но кому нужна

абсолютная правда? Я вспомнил, как она выглядела обнаженной, — эти воспоминания я хранил в памяти все десять лет. Мне даже стало стыдно, что они до сих пор настолько яркие, словно некая тайная часть моего подсознания украдкой оберегала их все годы моего брака и супружеской верности.

Грета слегка улыбнулась. Будто знала, о чем я думаю.

— Ты никогда не был искусным лжецом, Том.

— Ага. Похоже, мне нужно тренироваться.

Неловкая пауза затянулась. Никто из нас не знал, что сказать дальше. Пока мы молчали, остальные зависли вокруг, тоже молча.

— Что ж, — выговорил я наконец, — кто бы мог подумать, что нам предстоит такая встреча?

Грета кивнула и протянула ко мне руки ладонями вверх, словно извиняясь.

— Я лишь жалею, что мы не встретились при лучших обстоятельствах, — сказала она. — Но пусть тебя утешит то, что в случившемся нет вашей вины. Мы проверили ваш синтаксис, и ошибки в нем не оказалось. Просто время от времени система дает сбой.

— Странно лишь, что никто не любит об этом говорить, — заметил я.

— Все могло обернуться хуже, Том. Я ведь помню, что ты рассказывал о космических полетах.

— Да? И какой же из перлов моей мудрости особенно запал тебе в душу?

— «Если ты оказался в ситуации, которая дает право проклинать судьбу, то у тебя нет права ее проклинать».

— Господи, неужели я действительно такое сказал?

— Ага. И готова поспорить, что сейчас ты об этом сожалеешь. Но послушай, все действительно не так уж плохо. Вы отстали от графика всего на двадцать дней. — Грета кивнула на мужчину со скверными зубами. — Колдинг сказал, что вам нужен только один день на наладку и вы сможете вылететь обратно. А потом еще дней двадцать или двадцать пять до места назначения, в зависимости от маршрутного синтаксиса. На все уйдет меньше шести недель. Ну, потеряешь ты премиальные за этот рейс. Ничего страшного. Вы все живы и здоровы, а кораблю нужен лишь небольшой ремонт. Так почему бы тебе не расслабиться и не подписать заявку?

— Я не рассчитывал еще на двадцать дней в капсуле. К тому же есть и кое-что помимо полета.

— Что именно?

Я едва не сказал, что меня ждет Катерина. Но вместо этого ответил:

— Я беспокоюсь о других. О Сюзи и Рэе. Их ждут семьи. Они будут волноваться.

— Понимаю. Сюзи и Рэй. Они все еще спят? Все еще в капсулах?

— Да, — ответил я настороженно.

— Так пусть в них и остаются, пока вы не полетите обратно. — Грета улыбнулась. — Нет смысла будить их и заставлять сходить с ума все это время. Так будет лучше.

— Ну, если ты так думаешь…

— Уж поверь мне, Том. Я ведь не в первый раз сталкиваюсь с подобной ситуацией. И вряд ли твоя станет последней.

Ночевать я отправился в отель, в другую часть станции Саумлаки. Отель представлял собой гулкое из-за пустоты многоэтажное сооружение, собранное из готовых секций и глубоко погруженное в скальную породу. Наверное, здесь могли бы разместиться сотни постояльцев, но у меня создалось впечатление, что сейчас занято лишь несколько номеров. В эту ночь я спал урывками и рано встал. В крытом портике увидел работника в кепи и резиновых рукавицах, который вылавливал из украшенного орнаментом прудика

больного карпа. Когда я наблюдал, как он достает металлически-оранжевую рыбину, на мгновение показалось, что эту картину я уже где-то видел. Но когда в моей жизни могли возникнуть этот мрачный отель и умирающий карп?

До завтрака — уныло-настороженный, несмотря на легкую сонливость, — я навестил Колдинга и услышал новую дату окончания ремонта.

— Два-три дня, — сказал он.

— Вчера вечером был только один.

Колдинг пожал плечами:

— Если у вас проблемы с обслуживанием, попробуйте найти других ремонтников.

Затем он сунул мизинец в уголок рта и принялся ковыряться между зубами.

— Приятно видеть специалиста, который наслаждается своей работой, — буркнул я и удалился, пока настроение не испортилось окончательно.

Грета предложила встретиться за завтраком и вспомнить старые времена. Когда я пришел, она уже ждала меня за столиком на «уличной» террасе под навесом в красную и белую полоску, потягивая апельсиновый сок. Над нами простирался купол шириной в несколько сотен метров — голографическая проекция безоблачного неба. Его голубизна имела жесткий эмалевый оттенок,

какой бывает в середине лета.

— Как тебе отель? — поинтересовалась Грета, когда я заказал кофе.

— Неплохо. Только вот желающих поболтать маловато. Тут дело во мне или на всей этой станции царит радостная атмосфера тонущего океанского лайнера?

— Просто место такое, — пояснила Грета. — Все, кто сюда попадает, страшно злятся. Их или переводят работать вопреки их желанию, или они оказываются здесь в результате ошибки в синтаксисе и тогда негодуют по этой причине. Так что выбирай любую.

— И ни одного счастливого лица?

— Только у тех, кто знает, что скоро отчалит.

— А к тебе это относится?

— Нет. Я, кажется, застряла. Но меня это вполне устраивает. Наверное, я то самое исключение, которое подтверждает правило.

Официантами здесь служили стеклянные манекены — примерно такие были в моде на планетах вблизи центра Пузыря лет двадцать назад. Один из них поставил передо мной тарелку с рогаликом и налил в чашку обжигающего черного кофе.

— Что ж, рад тебя видеть, — сказал я.

— И я тебя, Том. — Грета допила сок и, не спрашивая, отщипнула кусочек от моего рогалика. — Слышала, ты женился.

— Верно.

— Ну и?.. Не хочешь рассказать?

Я глотнул кофе.

— Ее зовут Катерина.

— Хорошее имя.

— Она работает в департаменте биокоррекции на Кагаве.

— Дети?

— Пока нет. Сейчас мы очень много времени проводим вдали от дома.

— Угу. — Она прожевала рогалик. — Но когда-нибудь вы непременно решитесь…

— Окончательных решений не бывает. — Хотя мне и льстило, что Грета проявляет к моей жизни такой интерес, но от хирургической точности ее вопросов стало чуть-чуть неуютно. Тут не было ни попыток подловить, ни выуживания информации. Такая прямота заставляет нервничать. Зато она же дала мне право задать столь же откровенные вопросы. — А как насчет тебя?

— Так, ничего особенного. Вышла замуж примерно через год после нашей с тобой последней встречи. Его зовут Марсель.

— Марсель, — задумчиво протянул я, словно имя имело космическое значение. — Что ж, рад за тебя. Как я понял, он тоже здесь?

— Нет. Работа раскидала нас по разным углам космоса. Мы все еще женаты, но… — Грета замолчала.

— Нелегко вам приходится.

— Был бы способ это изменить, мы бы его нашли. В любом случае не стоит нас слишком уж жалеть. У каждого из нас есть своя работа. И не могу сказать, что я менее счастлива, чем при нашей с ним последней встрече.

— Вот и хорошо.

Грета подалась вперед и коснулась моей руки. Ногти у нее были черные с голубоватым отливом.

— Послушай… Наверное, я очень самонадеянна… Одно дело — попросить тебя позавтракать со мной: не пригласить тебя было бы грубостью. Но не хотел бы ты увидеться со мной еще раз? Ужины здесь очаровательны. Свет выключают, а вид сквозь купол потрясающий.

Я взглянул на бесконечное голографическое небо:

— А я подумал, что это лишь картинка.

— Конечно картинка, — подтвердила Грета. —

Но пусть это не портит тебе впечатление.

Я уселся перед камерой и заговорил:

— Катерина, здравствуй. Надеюсь, у тебя все хорошо. И еще надеюсь, кто-нибудь из компании уже связался с тобой. А если нет, то я совершенно уверен: ты посылала запросы. Не знаю, какой получила ответ, но могу заверить, что мы живы, здоровы и уже направляемся домой. Я тебе звоню со станции Саумлаки, это ремонтная база на краю сектора Шедар. Смотреть тут особо не на что — просто мешанина тоннелей и центрифуг, закопанных в угольно-черный астероид типа «Д», примерно в половине светового года от ближайшей звезды. Станцию построили здесь только потому, что рядом вход в скважину. И по этой же причине здесь оказались мы. «Синий гусь» прошел через неправильный узел сети — это называется маршрутная ошибка. Мы прилетели вчера вечером по местному времени, и с тех пор я сижу в отеле. Извини, что не связался с тобой вчера: слишком устал и к тому же еще не знал, как долго мы здесь пробудем. Я решил подождать до утра, когда станет ясно, насколько сильно поврежден корабль. Ничего серьезного — так, кое-что отвалилось после перехода, однако придется проторчать здесь несколько дней. Колдинг,

начальник ремонтников, обещал, что не больше трех. Однако к тому времени, когда мы ляжем на обратный курс, отставание от графика составит сорок дней.

Я замолчал, глядя на мельтешение цифр индикатора стоимости послания. Перед тем как садиться в кабинку, я всегда мысленно готовил информативное, экономное, но в то же время емкое сообщение — этакий изящный монолог. Но стоило мне открыть рот, как в голове становилось пусто и я выглядел уже не диктором информационной программы, а мелким воришкой времени, сочиняющим жалкое алиби для проницательных следователей.

Кривовато улыбнувшись, я продолжил:

— Меня гнетет мысль о том, что это послание будет добираться до тебя очень долго. Но есть и хорошая новость — оно опередит меня совсем ненамного. К тому времени, когда ты его получишь, меня будут отделять от дома считаные дни пути. Так что не трать деньги на ответ, он не застанет меня на станции Саумлаки. Просто оставайся там, где находишься, и я обещаю скорое возвращение.

Вот и все. Говорить больше нечего, осталось лишь добавить: «Скучаю по тебе». Как мне хо-

телось, чтобы фраза прозвучала эмоционально! Но при прослушивании записи впечатление создалось такое, словно я спохватился в последний момент.

Конечно, я мог бы перезаписать концовку, но вряд ли получилось бы лучше, чем в первый раз. И я просто нажал кнопку отправки сообщения, гадая, скоро ли оно тронется в путь. Маловероятно, что через Саумлаки бежит оживленный поток кораблей, и «Синий гусь» вполне может стать первым из тех, что улетят в подходящем направлении.

Я вышел из кабинки, испытывая непонятное чувство вины, словно пренебрег какой-то обязанностью. И лишь позже понял, что именно не давало мне покоя. Я сказал Катерине о станции Саумлаки. Я даже сообщил ей о Колдинге и поломке «Синего гуся». Но умолчал о Грете.

С Сюзи у нас ничего не получается.

Она очень умна и прошла прекрасную психологическую подготовку. Я могу вешать ей на уши сколько угодно лапши, но она знает, что причиной ее столь длительного пребывания в капсуле мог стать только облом поистине эпического масштаба. Понимает, что речь идет о задержке не на недели и даже не на месяцы. Об этом вопит

каждый нейрон в ее мозгу.

— Мне снились сны, — говорит она, когда у нее проходит слабость после пробуждения.

— Какие?

— О том, что меня постоянно будили. И ты вытаскивал меня из капсулы. Ты и еще кто-то.

Я пытаюсь улыбнуться. Я с ней наедине, но Грета поблизости. Сейчас инъектор в моем кармане.

— Когда я выбираюсь из капсулы, тоже вспоминаю дурацкие сны.

— Но эти вспоминаются так реально… Твои слова всякий раз менялись, но ты снова и снова говорил, что мы где-то… что мы немного сбились с курса, но волноваться из-за этого не стоит.

Вот тебе и заверения Греты о том, что Сюзи ничего не запомнит. Похоже, ее память не такая уж и кратковременная.

— Удивительно, что ты это сказала. Ведь мы действительно немного сбились с курса.

С каждой секундой Сюзи соображает все лучше. Из нашего экипажа именно она всегда первой выбиралась из капсулы.

— Насколько, Том?

— Больше, чем мне хотелось бы.

Она сжимает кулаки. Я не могу сказать, агрессия это или нервно-мышечный спазм, реакция

на пребывание в капсуле.

— И насколько больше? Вышли за пределы Пузыря?

— Да, вышли за пределы Пузыря.

Ее голос становится негромким и детским:

— Скажи, Том… мы за Разломом?

Я слышу ее страх. Это тот кошмар, с которым приходится жить всем экипажам в каждом рейсе: что-то на маршруте даст сбой, такой серьезный сбой, что корабль окажется на самом краю сети скважин. Настолько далеко, что на возвращение уйдут не месяцы, а годы. И что несколько лет уже прошло на пути сюда, еще до того, как началось путешествие обратно.

А когда они вернутся, все близкие люди окажутся старше на несколько лет.

Если еще будут живы. Если будут помнить о тебе или захотят вспомнить. Если ты сам еще сможешь их узнать.

За Разлом Орла. Это и есть сокращенное название путешествия, в которое любой из нас надеется не отправиться по воле случая. Путешествия, которое искорежит твою жизнь. Которое рождает призраков, сидящих по темным углам в барах по всему Пузырю. Мужчин и женщин, вырванных из времени, отрезанных от семьи и

любимых из-за сбоя в чужой технике, которой мы пользуемся, едва ее понимая.

— Да, — говорю я. — Мы за Разломом Орла.

Сюзи исторгает вопль, который превращает ее лицо в маску гнева и отрицания. Мои пальцы смыкаются на холодном инъекторе. И я лихорадочно соображаю, нужно ли пускать его в ход.

Новый срок окончания ремонта от Колдинга. Пять или шесть дней.

Теперь я даже спорить не стал. Лишь пожал плечами и зашагал прочь, гадая, какую цифру услышу в следующий раз.

Вечером сел за тот же столик, за которым мы с Гретой завтракали. Утром здесь все было ярко освещено, но сейчас источниками света служили только лампы на столах и неяркие осветительные панели на потолке. В дальнем конце зала стеклянный манекен перемещался от одного пустого столика к другому, играя «Asturias» на стеклянной гитаре. Кроме меня, в ресторане никого не было.

Долго ждать Грету не пришлось.

— Извини за опоздание, Том.

Я повернулся в ее сторону. На этой станции с низкой гравитацией ее походка отличалась особой легкостью, а приглушенный свет выгодно

оттенял изгибы талии и бедер. Она села и наклонилась ко мне с видом заговорщицы. Лампа на столе превратила ее лицо в рельеф из ярких золотых пятен и красных теней, омолодив лет на десять.

— Ты не опоздала. И в любом случае мне было чем полюбоваться.

— Сейчас лучше, чем днем?

— Это еще мягко сказано, — ответил я, улыбнувшись. — Ты права: сейчас здесь гораздо лучше.

— Могу здесь всю ночь сидеть и просто смотреть. Иногда так и делаю. Только я и бутылка вина.

— Я тебя не осуждаю.

Голографическую синеву купола теперь сменили звезды — полное небо звезд. Ничего подобного я не видел на любой другой станции или из другого корабля. Здесь были яростно пылающие бело-голубые звезды, бриллианты на черном бархате. И ярко-желтые самоцветы, и мягкие красные штрихи, словно растушеванный пальцем след воскового мелка. Были ручейки и реки не столь ярких звезд, похожие на косяки бесчисленных неоновых рыбок, застывших на моментальной фотографии. И огромные расплывающиеся кляксы зеленых и красных облаков, пронизанные

жилками и окаймленные нитями прохладной мглы. И еще скалы и горы охряной пыли, настолько богатые трехмерными структурами, что напоминали щедрые мазки масляных красок. Сквозь пыль фонариками светили красные и розовые звезды. Там и тут я видел крошечные подмигивающие точки рождающихся солнечных систем. Это были пульсары, которые вспыхивали и гасли, наподобие бакенов, и диссонансные ритмы их вспышек задавали всей этой картине размеренный темп, наподобие смертельного медленного вальса.

Казалось, это зрелище содержит слишком много деталей, ошеломляющее изобилие оттенков, и тем не менее, куда бы я ни взглянул, везде находил что-то новое, будто купол ощущал мое внимание и концентрировал все свои усилия в той точке, куда устремлялся мой взгляд. На мгновение меня охватила слабость: я ухватился за край стола, будто хотел удержаться от падения в бездну, простиравшуюся у меня над головой.

— Да, именно так это действует на людей, — улыбнулась Грета.

— Это прекрасно.

— Ты хотел сказать «ужасно»?

Я вдруг понял, что не знаю, какой из ответов

выбрать.

— Настолько огромно… — пробормотал я через какое-то время.

— Само собой, все это ненастоящее, — пояснила Грета. Она приблизилась, и теперь ее голос звучал тише. — Купол сделан из «умного» стекла. Оно повышает яркость звезд, чтобы человеческий глаз смог увидеть разницу между ними. Сами же цвета реальны. Все остальное, что ты видишь, тоже показано весьма точно, если не считать того, что определенные участки спектра смещены в видимый диапазон, а масштаб некоторых структур изменен. — Она стала показывать знакомые объекты. — Это край большого темного облака в созвездии Тельца, из-за него выглядывают Плеяды. Это волокнистая структура Локального Пузыря. Видишь открытое скопление?

Она подождала, пока я отвечу:

— Да.

— Это Гиады. Вон там Бетельгейзе и Беллатрикс.

— Я впечатлен.

— На то и рассчитано. Такое зрелище стоит кучу денег. — Она немного отодвинулась, и на ее лицо вновь упала тень. — Ты себя хорошо чувствуешь, Том? Похоже, что-то не дает тебе покоя.

Я вздохнул:

— Просто услышал очередной прогноз от твоего приятеля Колдинга. Этого вполне достаточно.

— Жаль!

— Есть и еще кое-что. Это гложет меня с той минуты, когда я выбрался из капсулы.

Подошел манекен. Я предоставил Грете заказать что-нибудь для меня.

— Можешь со мной поделиться, — сказала она, когда манекен удалился.

— Это нелегко.

— Значит, что-то личное? Катерина? — Она помолчала. — Извини. Мне не следовало вмешиваться.

— Нет, не Катерина. Во всяком случае, не совсем. — Но, уже договаривая эти слова, я знал, что в каком-то смысле речь пойдет о Катерине и о том, сколько минует времени, прежде чем мы увидимся вновь.

— Продолжай, Том.

— Прозвучит это глупо, но… но я до сих пор гадаю, все ли здесь со мной откровенны. И не только Колдинг. Ты тоже. Когда я выбрался из капсулы, то чувствовал себя точно так же, как и в тот раз, когда слетал к Разлому. Пожалуй, даже хуже. И не мог отделаться от ощущения, что

пролежал в капсуле долго. Очень долго.

— Иногда такое случается.

— Я знаю разницу, Грета. Можешь мне поверить.

— Так что ты этим хочешь сказать?

Проблема состояла в том, что я не был уверен в своих выводах. Одно дело — испытывать смутное подозрение по поводу того, сколько я пробыл в капсуле. И совсем другое — обвинить мою хозяйку во лжи. Особенно такую гостеприимную хозяйку.

— У тебя есть хоть какая-то причина лгать мне?

— Прекрати, Том. Сам-то понимаешь, о чем спросил?

Едва я поделился своим подозрением, как и мне оно показалось абсурдным и оскорбительным. Очень захотелось повернуть время вспять и начать разговор сначала, избежав этой оплошности.

— Прости. Глупость ляпнул. Просто спиши это на сбитые биоритмы или найди еще какую причину.

Она подалась вперед и взяла меня за руку, как уже делала утром. Только сейчас не выпускала ее.

— Ты правда чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Увертки Колдинга мне не помогают, уж это точно.

Официант принес вино и поставил на столик. Бутылка звякнула от прикосновения его изящных стеклянных пальцев. Он наполнил два бокала, я глотнул из своего.

— Может, если бы рядом был кто-нибудь из моей команды, мне было бы легче. Да, ты сказала, что не стоит будить Сюзи и Рэя, но это было до того, как однодневная задержка превратилась в недельную.

Грета пожала плечами:

— Если хочешь их разбудить, никто тебе не помешает. Но не думай сейчас о делах. Давай не будем портить замечательный вечер.

Я взглянул на небо. Оно стало ярче, обретя безумную мерцающую насыщенность, достойную кисти Ван Гога.

Даже взгляд на звездный купол пьянил и наполнял восторгом.

— Да что может его испортить? — спросил я.

Кончилось все тем, что я перебрал лишнего и переспал с Гретой. По поводу Греты судить не берусь, что тут сыграло главную роль — вино или

охлаждение ее отношений с Марселем. Во всяком случае, обольстительницей стала она, ведь именно ее замужество не удалось. Я всего лишь беспомощная жертва. Да, я поддался соблазну, но в этом нет моей вины. Я был один, вдали от дома, эмоционально уязвим, а она этим воспользовалась. Размягчила меня романтическим ужином, а капкан уже был взведен.

Хотя, если честно, все это лишь жалкое самооправдание. Если мой брак действительно настолько крепкий, то почему я не упомянул Грету в сообщении домой? Пощадил чувства жены? Да нет, теперь-то я отчетливо понимал, что умолчал о Грете по совершенно иной причине. Уже тогда я знал, что мы наверняка окажемся в одной постели.

Проблема заключалась лишь в том, что у Греты на уме было совсем иное.

— Том, — сказала Грета, пробуждая меня легким толчком. Она лежала рядом обнаженная, опираясь на локоть. Бедра были прикрыты мятыми простынями. Свет в комнате превратил ее тело в абстрактную фигуру из молочно-голубых изгибов и темно-фиолетовых теней. Проведя черным ногтем по моей груди, она сказала: — Тебе надо кое-что знать.

— Что?

— Я солгала. Колдинг солгал. Мы все солгали.

Я был еще слишком сонный, и ее слова меня лишь слегка встревожили. Я смог лишь повторить:

— Что?

— Ты не на станции Саумлаки. И не в секторе Шедар.

Тут я проснулся окончательно.

— Повтори.

— Маршрутная ошибка оказалась гораздо более серьезной, чем мы тебе сказали. Она унесла вас далеко за пределы Локального Пузыря.

Я стал искать в душе гнев, хотя бы негодование, но испытал лишь головокружительное чувство падения в бездну.

— Насколько далеко?

— Гораздо дальше, чем ты считаешь возможным.

Следующий вопрос был очевиден:

— За Разлом Орла?

— Да, — подтвердила она. — За Разлом Орла. И очень далеко.

— Мне нужно знать все, Грета.

Она встала, потянулась к халату:

— Тогда одевайся. Я покажу.

Все еще ошеломленный, я побрел следом за Гретой.

Она снова привела меня в купол. Тут было темно, как и накануне вечером, лишь маячками светились лампы на столах. Я предположил, что освещение на станции Саумлаки (или как ее там?) подчиняется лишь прихоти своих обитателей и вовсе не обязано соответствовать какому угодно циклу «день-ночь». Но все же не очень-то приятно обнаружить, что им управляют настолько произвольно. И если Грета может выключать освещение, когда ей вздумается, неужели никто не станет возражать?

Но возражать здесь было попросту некому. Компанию нам составлял лишь стеклянный манекен, стоявший наготове с салфеткой, переброшенной через согнутую руку.

Мы сели за столик.

— Хочешь выпить, Том?

— Спасибо, нет. Я сейчас не в настроении. И на то есть кое-какие причины.

Она коснулась моего запястья:

— Моя ложь — во спасение. Я не могла открыть тебе правду, всю и сразу.

Я отдернул руку:

— Разве не мне об этом судить?.. Так в чем за-

ключается твоя правда?

— Она тебе не понравится, Том.

— Ты говори, а я уж сам как-нибудь разберусь.

Я не заметил ее движения, но внезапно купол снова наполнился звездами, совсем как накануне вечером.

Картина дрогнула и устремилась наружу. Белым снегопадом хлынул поток звезд. Разноцветными клочьями проносились мимо призрачные туманности. Это ощущалось настолько реально, что я ухватился за стол, борясь с головокружением.

— Спокойно, Том, — прошептала Грета.

Звездный поток отклонился, сжался. Надвинулась и скрылась позади сплошная стена межзвездного газа. Теперь возникло впечатление, что мы унеслись за пределы чего-то, выскочили из сферы, обозначенной лишь расплывчатыми арками и сгустками газа в тех местах, где его плотность резко возрастала.

Конечно. Это же очевидно. Мы пересекли границу Локального Пузыря.

И продолжали удаляться. Я смотрел, как уменьшается сам Пузырь, становясь лишь одной из ячеек «вспененного» галактического рукава. Вместо отдельных звезд я теперь видел лишь све-

тящиеся пятна и точки — скопления сотен тысяч звезд. Это напоминало взлет над лесом: поляны еще видны, но отдельные деревья сливаются в аморфную массу.

А мы все удалялись. Затем расширение замедлилось и вскоре прекратилось. Я еще различал Локальный Пузырь, но только потому, что все это время не отрывал от него взгляда. Если бы не это, я никак не смог бы выделить его среди десятков соседних пустот.

— Неужели мы настолько далеко? — спросил я.

Грета покачала головой:

— Позволь кое-что показать.

Я опять не заметил, что она сделала, но Пузырь внезапно наполнился путаницей красных линий, словно нарисованных рукой ребенка.

— Это структура скважин, — догадался я.

Пусть меня коробило от ее лжи, пусть я боялся узнать *всю* правду, но я все же не мог отключить профессиональную часть своего сознания — ту ее часть, которая гордилась способностью распознавать такие вещи.

Грета кивнула:

— Это главные коммерческие маршруты, хорошо закартированные трассы между большими колониями и основными торговыми узлами.

Теперь я добавлю все известные соединения, включая те трассы, которые были пройдены случайно.

Резкого изменения в красном клубке не произошло. Добавилось несколько петель и изгибов, один из которых пронзал стену Пузыря и касался Разлома Орла. Два других пересекали границу в иных направлениях, но ни один из них Разлома не достигал.

— Где мы?

— На конце одного из этих соединений. Видеть его ты не можешь, потому что оно направлено точно на нас. — Грета слегка улыбнулась. — Мне нужно было установить шкалу, чтобы ты лучше понял. Какова ширина Локального Пузыря, Том? Примерно четыреста световых лет?

Мое терпение уже истощалось. Но мне все еще было любопытно.

— Около того.

— И хотя я знаю, что время полета через скважину меняется от точки к точке и зависит от оптимизации синтаксиса и топологии сети, правильно ли, что средняя скорость примерно в тысячу раз превышает скорость света?

— Чуть больше, чуть меньше.

— Значит, на путешествие до края Пузыря

может понадобиться… около полугода? Скажем, пять или шесть месяцев? И год — до Разлома Орла?

— Ты хорошо это знаешь, Грета. И я это знаю.

— Ладно. Тогда взгляни сюда.

И картинка снова начала отдаляться. Пузырь съеживался, потом его скрыли несколько перекрывающихся газовых структур. Края поля зрения заполнялись темнотой, и вскоре мы увидели знакомый спиральный вихрь нашей галактики — Млечного Пути.

Сотни миллиардов звезд, взбитые в пышные белые полосы морской пены.

— Это и есть настоящий вид, — пояснила Грета. — Разумеется, подработанный. Сделанный поярче и пропущенный через фильтры, чтобы лучше воспринимался человеческим глазом. Но будь у тебя глаза с квантовой эффективностью, близкой к идеальной, да еще примерно метрового размера, то приблизительно такую картинку ты и увидел бы, если бы вышел из станции.

— Я тебе не верю.

Но подразумевал я совсем другое — я не *хотел* ей верить.

— Привыкай, Том. Ты сейчас очень далеко. Станция находится на орбите коричневого кар-

лика в Большом Магеллановом Облаке. Ты в ста пятидесяти тысячах световых лет от дома.

— Нет, — едва не простонал я, по-детски отвергая то, чего не хотел признавать.

— Ты ощущаешь себя так, словно очень долго пролежал в капсуле. И ты чертовски прав. Сколько прошло субъективного времени? Не знаю. Может, годы, а может, десятилетие. Но объективное время — то, которое прошло дома, — рассчитать гораздо легче. Чтобы добраться сюда, «Синему гусю» понадобилось сто пятьдесят лет. Даже если ты помчишься обратно прямо сейчас, твое отсутствие там продлится триста лет.

— Катерина, — проговорил я, как заклинание.

— Катерина умерла. Уже век назад.

Как можно свыкнуться с таким фактом? Ответ: нельзя рассчитывать на то, что с этим вообще можно свыкнуться. Не у каждого получается. Грета рассказала, что наблюдала практически весь спектр возможных реакций и хорошо поняла лишь одно: почти невозможно предсказать, как эту новость воспримет конкретный человек. Она видела тех, кто в ответ на такое откровение лишь устало пожимал плечами, словно оно становилось последним в цепочке горьких сюрпризов, которые подбрасывала им жизнь, — в каком-то

смысле не страшнее болезни, тяжелой утраты или любого количества личных неудач. А видела и таких, кто просто уходил и через полчаса сводил счеты с жизнью.

Но большинство, по ее словам, со временем примирялось с реальностью, несмотря на мучительный и болезненный процесс самого примирения.

— Ты уж поверь мне, Том, — сказала она. — Я знаю, в тебе есть сила, чтобы пройти через это. Знаю, что ты научишься жить с такой правдой.

— Почему же ты не сказала ее сразу, как только я вылез из капсулы?

— Потому что тогда еще не была уверена.

— И когда же ты обрела эту уверенность?

— После этой ночи. Я поняла, что Катерина не значит для тебя слишком много.

— Сука!

— А ты с этой сукой переспал. О чем и речь.

Мне захотелось ее ударить. Но разозлил меня не цинизм, а жестокая правда ее слов. Просто не хотелось это признавать — как не хотелось и признавать происходящее здесь и сейчас.

Я подождал, пока не уляжется злость.

— Так ты сказала, что мы не первые? — спросил я.

— Нет. Думаю, первым стал корабль, на котором прилетела я. К счастью, он был хорошо оснащен. После такой же маршрутной ошибки у нас нашлось достаточно запасов, чтобы заложить самоподдерживающуюся станцию на ближайшем астероиде. Мы знали, что вернуться нам не суждено, но зато мы хотя бы обеспечили себе более или менее нормальную жизнь.

— А потом?

— Первые годы у нас хватало дел, чтобы просто оставаться в живых. Затем из скважины вылетел другой корабль. Поврежденный, дрейфующий — совсем как «Синий гусь». Мы отбуксировали его к себе, разбудили команду, сообщили им новость.

— И как ее восприняли?

— Примерно так, как мы и ожидали. — Грета усмехнулась. — Двое сошли с ума. Одна покончила с собой. Но не меньше десятка все еще здесь. Если честно, то для нас стало благом, что сюда попал еще один корабль. И не только потому, что на нем оказались припасы. Помогая его экипажу, мы помогли себе. Перестали жалеть себя, несчастненьких… И этот корабль не стал последним. С тех пор все повторялось еще раз восемь или девять. — Грета смотрела на меня, подперев голову рукой. — Улавливаешь намек, Том?

— Какой именно?

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело. И это пройдет не скоро. Но если тебе будет о ком беспокоиться, то забота исцелит тебя. Сгладит переход.

— И о ком же мне заботиться?

— О ком-нибудь из твоего экипажа. Теперь ты можешь разбудить одного из них.

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

— Почему ее? — спрашивает Грета.

— Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета.

Я ее не виню — Сюзи очень красива и вдобавок умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

— Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. — Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Помнишь, как вычисляла их?

— Нет, — говорит она и что-то улавливает в

моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать? — Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

Минуту спустя мы укладываем Сюзи обратно в капсулу. В первый раз не сработало. Возможно, получится в следующий раз.

Но у нас снова и снова ничего не получалось. Сюзи была умнее меня, она быстрее соображала. Едва выбравшись из капсулы, догадывалась, что мы улетели гораздо дальше сектора Шедар. И она всегда опережала мое вранье и оправдания.

— У меня было иначе, — сказал я Грете, когда мы снова лежали рядом несколько дней спустя, а Сюзи все еще находилась в капсуле. — Думаю, сомнения терзали меня так же, как и ее. Но едва я увидел рядом тебя, как сразу обо всем позабыл.

Грета кивнула. Ее лицо скрывали растрепавшиеся после сна пряди волос. Одна прядка оказалась между губами.

— Тебе ведь стало легче, когда ты увидел знакомое лицо?

— Отвлекло от проблемы, уж это точно.

— Все равно тебе от нее никуда не деться. Кстати, с точки зрения Сюзи, ты ведь для нее тоже знакомое лицо, правильно?

— Возможно. Но меня она ожидала увидеть. А

вот я, если и ожидал кого-то увидеть возле капсулы, то уж точно не тебя.

Грета провела согнутым пальцем по моей щеке. Ее гладкая кожа скользнула по щетине.

— Но тебе постепенно становится легче? — спросила она.

— Не уверен.

— Ты сильный, Том. Знаю, ты сможешь пройти через это.

— Но пока еще не прошел, — буркнул я.

Меня не покидало чувство, будто я иду по канату, натянутому над Ниагарским водопадом. Просто чудо, что я смог пройти по нему так далеко. Но это не означает, что я в безопасности.

Все же Грета права. Надежда есть. Меня не завязывала узлом тоска из-за смерти Катерины или из-за моего вынужденного невозвращения — называйте, как хотите. Я испытывал лишь горько-сладкое сожаление, какое возникает, если нечаянно сломаешь фамильную драгоценность или вспомнишь давно умершего домашнего любимца. Меня не мучила мысль, что я никогда больше не увижу жену. Но мне было очень жаль, что я не увижу многого другого. Возможно, потом мне станет хуже. Возможно, настоящий нервный срыв еще впереди. Хотя вряд ли.

А тем временем я продолжал искать способ сообщить обо всем Сюзи. Это стало головоломкой, которая не давала мне покоя. Конечно, я мог просто разбудить штурмана и все рассказать, а дальше пусть она справляется, как может, но такое решение представлялось жестоким. Ведь Грета открывала мне истину постепенно и мягко, дав время привыкнуть к новой обстановке. И сделала необходимый шаг, отдаляющий меня от Катерины. Когда же она сообщила кошмарную истину, та уже не потрясла меня. Я был к ней подготовлен, а острота утраты притупилась. Я не мог предложить Сюзи такое же утешение, но был уверен: способ терпеливо и деликатно открыть ей глаза на правду отыщется непременно.

Мы будили ее снова и снова, пробовали самые разные подходы. Грета сказала, что имеется «окно» в несколько минут, прежде чем пережитые Сюзи события начнут перемещаться в ее долговременную память. Если мы «выключим» ее вовремя, то буферные воспоминания в кратковременной памяти окажутся стерты еще до того, как пересекут гиппокамп, направляясь в долговременную память. В пределах этого «окна» мы можем будить ее сколько угодно раз, пробуя бесконечные варианты сценария пробуждения.

Во всяком случае, так мне сказала Грета.

— Нельзя же проделывать это бесконечно, — сказал я.

— Почему?

— Разве она не запомнит хоть что-нибудь?

Грета пожала плечами:

— Может, и запомнит. Но сомневаюсь, что она придаст этим воспоминаниям серьезное значение. Разве у тебя, когда ты вылезал из капсулы, никогда не возникало смутного впечатления, что подобное уже происходило?

— Иногда, — признал я.

— Тогда пусть это тебя не беспокоит. У нее все будет хорошо. Обещаю.

— Что, если ее просто разбудить?

— Вот это будет жестоко.

— Жестоко снова и снова будить ее, а потом выключать, точно механическую куклу.

В ответе Греты чувствовался подтекст:

— А ты старайся, Том. Я уверена: ты уже близок к правильному решению. И, думая о Сюзи, ты помогаешь себе. Я всегда знала: от этого будет польза.

Я начал было отвечать, но Грета прижала палец к моим губам.

Грета оказалась права. Ответственность за Сю-

зи помогала мне заглушить собственную тоску. Я вспомнил слова Греты о других экипажах, оказавшихся в такой же ситуации еще до нас. Ясно, что моя подруга освоила много психологических трюков — гамбитов и кратких путей, облегчающих адаптацию. Я испытывал легкую обиду из-за того, что мной столь эффективно манипулировали. Однако с удовлетворением отмечал: мое собственное самочувствие заметно улучшается. Оторванность от дома уже не доставляла невыносимых страданий. Более того, теперь я даже считал, что нахожусь в привилегированном положении: так далеко в космос не забирался почти никто в истории. Я все еще жив, и меня окружают люди, а это означает дружбу, партнерство и участие. И не только со стороны Греты, но и со стороны всех товарищей по несчастью.

Кстати, их оказалось гораздо больше, чем я увидел в первый день. В коридорах — сперва почти пустых — становилось все многолюдней, а когда мы принимали пищу в куполе под Млечным Путем, многие столики оказывались заняты. Я вглядывался в лица сотрапезников; было приятно узнавать знакомые черты. Какие истории могут рассказать эти люди? Где был их дом? Кто у них там остался? Как они приспособились к

жизни здесь? У меня еще вдоволь времени, чтобы познакомиться со всеми. А на этой станции никогда не станет скучно, потому что в любой момент, как сказала Грета, из скважины может появиться очередной заблудившийся корабль. Трагедия для его команды, но для нас — новые лица, вести из дома.

В целом все складывалось не так уж и плохо. А потом у меня в голове щелкнуло.

Причиной стал мужчина, достававший рыбину из прудика в вестибюле отеля.

Я его уже видел. Возле другого пруда с больными карпами. В другом отеле.

Затем я вспомнил гнилые зубы Колдинга и как они напомнили мне о другом человеке, которого я повстречал очень давно. Но фокус в том, что это вовсе не был другой человек. Другое имя, другие обстоятельства, но во всем остальном Колдинг от него ничем не отличался. А когда я пригляделся к обедающим — как следует пригляделся, — то смог бы поклясться, что уже видел любого из них прежде. Здесь не оказалось ни единого лица, абсолютно незнакомого мне.

Оставалась Грета.

И я спросил ее, глотнув вина:

— Здесь все ненастоящее, так ведь?

Она ответила бесконечно печальным взглядом и кивком.

— А как же Сюзи? — спросил я.

— Сюзи мертва. И Рэй тоже. Они скончались в капсулах.

— Но как? И почему они, а не я?

— Частички краски забили входные фильтры. На коротких маршрутах это почти безопасно, но оказалось достаточно, чтобы убить их в полете сюда.

Полагаю, какая-то часть моего сознания всегда это подозревала. И шок оказался слабее, чем жестокое разочарование.

— Но Сюзи выглядела такой реальной. Даже в том, как она сомневалась, сколько пролежала в капсуле… и в том, как вспоминала предыдущие попытки ее разбудить.

К столику подошел стеклянный манекен. Взмахом руки Грета отослала его.

— Это я сделала ее убедительной.

— *Ты ее* сделала?

— Ты еще не проснулся окончательно, Том. В твой мозг закачивается информация. И вся эта станция — симуляция.

Я глотнул вина, ожидая, что оно покажется водянистым и синтетическим, но оно и теперь

имело вкус очень хорошего вина.

— Значит, я тоже мертв?

— Нет. Ты жив. Все еще лежишь в своей капсуле. Я пока не привела тебя в сознание полностью.

— Ладно. Теперь открой всю правду. Я смогу ее принять. Что здесь реально? Существует ли станция? Действительно ли мы так далеко, как ты говорила?

— Да. Как я и говорила, станция реальна. Просто она выглядит… иначе. И она в Большом Магеллановом Облаке, обращается вокруг коричневого карлика.

— А можешь показать станцию такой, какая она есть?

— Могу. Но не считаю, что ты к этому готов.

Я едва удержался от невеселого смеха:

— Даже после всего, что я уже узнал?

— Ты преодолел лишь половину пути, Том.

— А ты прошла его до конца.

— Прошла, Том. Но для меня он был иным. — Грета улыбнулась. — Для меня все было иным.

Затем она снова изменила картину над нашими головами. Остальные, сидевшие за столиками, словно не заметили, как изображение Млечного Пути стало приближаться и мы помчались к галактической спирали, пробиваясь сквозь

скопления наружных звезд и газовые облака. Знакомый ландшафт Локального Пузыря стремительно заполнял купол.

Изображение застыло, Пузырь стал лишь одним из многих подобных структур.

Его снова заполнил спутанный клубок сети скважин. Но теперь он был не единственным, а лишь одним из многих клубков красной пряжи, разбросанных на десятки тысяч световых лет. Ни один из них не касался другого, но по их форме и по тому, насколько тесно они располагались, было легко представить, что когда-то они составляли единую систему. Они выглядели как континенты на планете с дрейфующими тектоническими плитами.

— Когда-то эта сеть охватывала всю Галактику, — пояснила Грета. — Потом что-то произошло. Нечто катастрофическое, чего я до сих пор не понимаю. То, что раскололо ее на совсем небольшие домены. В среднем по двести световых лет в поперечнике.

— А кто ее создал?

— Не знаю. Никто не знает. Создателей, вероятно, уже нет. Может быть, поэтому сеть и разрушилась — за ней никто не присматривал.

— Но мы ее нашли, — заметил я. — И участок

вблизи от нас все еще работает.

— Да, все отдельные элементы большой сети до сих пор функционируют. Нельзя попасть из одного домена в другой, но сами скважины работают так, как было задумано. За исключением, разумеется, редких маршрутных ошибок.

— Ладно. Но если нельзя перебраться из домена в домен, то каким образом «Синий гусь» оказался настолько далеко? Мы пролетели гораздо больше двухсот световых лет.

— Ты прав. Но некоторые соединения между очень далекими точками могли быть созданы иначе, чем остальные. Похоже, связи с Магеллановым Облаком оказались более прочными. И когда связи между доменами разрушились, внегалактические линии уцелели.

— В таком случае можно перебраться из домена в домен. Но для этого сперва нужно попасть сюда.

— Проблема в том, что, попав сюда, немногие хотят продолжить путешествие. Ведь никто не оказался здесь по своей воле, Том.

— Все равно не понимаю. Какая мне разница, существуют ли другие домены? Эти области Галактики находятся в тысячах световых лет от Земли, а без скважин нам до них никогда не до-

браться. Они не имеют значения. Там нет никого, кто ими воспользовался бы.

Грета улыбнулась:

— Почему ты в этом настолько уверен?

— Потому что в противном случае разве не стали бы выскакивать из нашей скважины инопланетные корабли? Ты сказала, что «Синий гусь» не был здесь первым. Но наш домен — Локальный Пузырь — лишь один из сотен. И если есть чужие цивилизации, каждая из которых заперта в пределах собственного домена, то почему ни один из ее кораблей не прошел через эту скважину, как наш?

Вновь такая же улыбка. Но теперь от нее у меня застыла кровь.

— А с чего ты взял, что этого не было, Том?

Я подался вперед и взял ее за руку — так, как прежде брала она. Я сделал это без грубости, без угрозы, но с уверенностью, что на сей раз я действительно и искренне хочу того, о чем намеревался попросить.

Ее пальцы сжали мои.

— Покажи, — попросил я. — Я хочу увидеть все таким, каким оно выглядит в действительности. И не только станцию. Тебя тоже.

Потому что к тому времени я все понял. Грета

солгала мне не только по поводу Рэя и Сюзи. Она солгала еще и о «Синем гусе». Потому что мы не были последним из попавших сюда человеческих кораблей.

Мы стали первыми.

— Ты хочешь это увидеть? — переспросила она.

— Да. Всё.

— Тебе не понравится.

— Об этом судить мне.

— Хорошо, Том. Но пойми вот что. Я уже бывала здесь прежде. Я проделывала такое миллион раз. Я забочусь обо всех потерянных душах. И знаю, как это работает. Ты не сможешь принять суровую реальность того, что с тобой случилось. Ты съежишься, убегая от нее. И сойдешь с ума, если я не заменю правду успокоительной фикцией. Счастливым концом.

— Почему ты говоришь об этом сейчас?

— Потому что тебе не обязательно это видеть. Ты можешь остановиться там, где находишься, имея представление об истине. Пусть неполное и нечеткое, но представление. И ты вовсе не обязан открывать глаза.

— Сделай, о чем я прошу.

Грета пожала плечами. Налила себе вина, затем

наполнила мой бокал.

— Ты сам этого захотел, — сказала она.

Мы все еще держались за руки — двое любовников в момент близости. Затем все изменилось.

Это было похоже на вспышку, на нечто мимолетное и еле уловимое. Примерно как вид незнакомой комнаты, если в ней на мгновение включить свет. Предметы, силуэты, взаимосвязи между ними. Я увидел пещеры, и пересекающиеся червоточины коридоров, и существ, которые перемещались по ним с суетливой целеустремленностью кротов или термитов. Эти существа редко походили друг на друга, даже в самом поверхностном смысле. Некоторые перемещались наподобие сороконожек, за счет волнообразных движений многочисленных когтистых конечностей. Другие извивались, шурша гладкими пластинками панцирей по стеклянистому камню тоннелей.

А ползали эти существа между пещерами, в которых покоились туши чужих кораблей — слишком диковинные для описания.

И где-то далеко, где-то вблизи центра астероида, в собственном матриархальном помещении, кто-то отправлял послания помощникам и собратьям, ударяя жесткими, коленчатыми и

ветвящимися, как оленьи рога, передними конечностями по кожаному, в мельчайших прожилках барабану. Тот, кто ждал здесь тысячелетиями. Тот, кто желал только одного — заботиться о потерянных душах.

Катерина помогла Сюзи вытащить меня из капсулы.

Мне было паршиво — одно из самых мерзких пробуждений, через которые довелось пройти. Ощущение такое, словно каждая вена наполнена толченым стеклом. На миг, показавшийся бесконечно долгим, сама мысль о дыхании стала для меня невыносимой.

Но прошло и это, как проходит все.

Через некоторое время я уже мог не только дышать, но даже шевелиться и говорить.

— Где…

— Спокойно, кэп, — сказала Сюзи, наклоняясь и начиная отключать меня от всех систем капсулы.

Я невольно улыбнулся. Сюзи умна — лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал», — а еще она очень красива. И сейчас за мной словно ангел ухаживает.

Хотел бы я знать, ревнует ли Катерина.

— Где мы? — делаю я вторую попытку. — Такое

ощущение, словно я провалялся в чертовой капсуле целую вечность. Что-то случилось?

— Мелкая маршрутная ошибка, — сообщила Сюзи. — У нас небольшие повреждения, и меня решили разбудить первой. Но не расстраивайся. Ведь мы живы.

Маршрутные ошибки. Ты слышишь разговоры о них, но надеешься, что с тобой такого никогда не случится.

— Большая задержка?

— Сорок дней. Мне очень жаль, Том. Накрылись наши премиальные.

Я гневно бью кулаком по стенке капсулы. Но тут подходит Катерина и успокаивает меня, положив ладонь на мое плечо.

— Все хорошо, — говорит она. — Ты в безопасности. А это самое главное.

Я смотрю на нее, и на мгновение передо мной возникает лицо другой женщины, о которой я не думал уже много лет. Я даже почти вспоминаю ее имя, но это мгновение проходит.

— В безопасности, — согласно киваю я.

Энола

Днем Счастливица Кодайра работала на Хохолке Какаду. Продавала на тамошнем рынке вещицы, найденные семейством Кодайра зимой, в странствиях на севере, в бескрайних пустынях Безлюдья.

Осколки былых времен, мелкие безделушки, изготовленные сотни лет назад людьми, которые жили еще до наступления Часа, до серебряного света. Одни безделушки разговаривали пронзительными голосами, обычно на языках северных островов. Другие ценились лишь за манящий ореол древности. В некоторых можно было разглядеть лица мертвецов, как, например, в том ожерелье из голограмм, которое Счастливица носила на шее. В ее лотке попадались шкатулки-флейты, они пели каждый раз по-новому, никогда не повторяясь. И всякие диковинки — пресс-папье в форме Разрушенного моста (вот только еще целого), детская игрушка — сверкающий стеклянный лабиринт, по которому ползала капелька жидкого металла, этакий хромированный слизняк; крошечная сфера — Земля, как будто увиденная из космоса, цвета сепии, с

черными отметинами. Крошечный глобус так полюбился Счастливице, что она спрятала его на самом дне лотка.

Этот деревянный лоток на тканевом плечевом ремне она носила весь день напролет: семейство Кодайра не было таким уж почтенным, чтобы позволить себе прилавок на рынке. После полудня, устав торговаться и спорить, Счастливица уходила с Хохолка к Разрушенному мосту и на целый час устраивалась в его решетчатой тени. Там она сидела, ела пирожки с фруктами и сушеным мясом, слушала музыку — доносившийся с Хохолка бой барабанов. Окунув ступни в воду, разглядывала на просвет голограммы из своего ожерелья. Ей нравилось изучать лица мертвецов, переливавшиеся неуловимыми радужными цветами. В грохоте барабанов бывали паузы, и Счастливица заполняла их полуоформившимися мелодиями и воображала, будто эти мелодии — лишь обрывки настоящей музыки, которую она сочинила когда-то в другой жизни, недалеко от того места, где сейчас сидит.

На закате девочка с потяжелевшим кошельком покидала рынок и шла по подпрыгивающим понтонам Нового моста на юг, где в автомастерской ее ждал дядюшка. Вдвоем они садились на авто-

бус до дома. Это время дня Счастливица любила больше всего: заградительные аэростаты, пришвартованные к небоскребам, закатное солнце превращало в золотые рождественские шары.

С каждым годом аэростатов становилось все меньше. Иной сорвется с тросов и улетит, иной просто упадет и повиснет на кронах платанов. Раньше, когда в небе еще летали энолы, приходилось в поте лица трудиться, чтобы содержать заграждение в исправности. Но уже давно не видать ни одной энолы, и на аэростаты махнули рукой, бросили их на произвол судьбы. Теперь в небоскребах работают одни старики — обосновавшись в пентхаусах, они без устали чинят стеганый майлар и ворчат на молодежь, которая веселится ночи напролет.

Дядюшка рассказывал, что раньше аэростаты загораживали город сплошным занавесом. По мнению Счастливицы, не очень-то это было и здорово, ведь они наверняка постоянно застили солнце. В прошлом, если истории староведов хоть вполовину правдивы, вообще было совсем не здорово.

Но дядюшка часто повторял: «Никто не знает наверняка».

У Кодайра была комната в хостеле «Монах»,

красном доме, который прятался в прохладной тени деревьев и летом служил прибежищем кочевым семействам. Кодайра знали почти всех торговцев, которые останавливались тут, ведь они часто встречались в Безлюдье — обменивались запчастями двигателей и маслом для своих оверлендеров. В Безлюдье было сколько угодно места, да и в городе тоже, поэтому никто не покушался на чужую добычу. До наступления Часа столько всего успели понаделать: стоит где угодно в Безлюдье соскрести пядь грунта — и покажется что-нибудь яркое, незнакомое, за что горожане заплатят не скупясь.

В центральном зале хостела «Монах» стоял стол на ко́злах. Вокруг него собирались на ужин гостившие там семейства. После трапезы обязательно выпивали и пели хором. Рассказывали истории, оживляли воспоминания. Когда Счастливице разрешали допоздна не ложиться спать, она, широко распахнув глаза, радостно впитывала царившую там атмосферу.

Одна торговка, передав старшему Кодайра глиняную кружку с пивом, поведала, что встретила на севере создателя: тот ползал по равнинам, искал среди мусора металл и пластик. «Если есть создатели, — мрачно, будто предостерегая, заме-

тил кто-то, — то, может, и энолы остались». Но хмурого типа одернули: создателей построили люди незадолго до наступления Часа, а энолы явились с небес, со звезд. Их больше не осталось; вот уже лет десять — двадцать ни слуху ни духу, да и вообще, вероятно, за столько лет и уцелела-то всего одна — отбилась от своих и так ловко спряталась, что создатели ее не прикончили. Блуждающий по Безлюдью создатель — это интересно, да, но беспокоиться не стоит.

— В Безлюдье столько всякого чудно́го, — рассмеялся дядюшка Кодайра, — что нам и не вообразить. Я такое видал… Смутные громадины вдали на горизонте… — Он хлебнул из кружки. — Я вот что думаю: если там и остались машины, они нас не тронут, как и мы их. Выживают-то лишь самые умные. А умным неприятности ни к чему.

— Дядюшка, а энолы еще остались? — спросила Счастливица.

— Да какое там! — ласково ответил торговец. — Энолы — та еще дрянь, но их уже давно нет. Как и тех динозавров, которых я тебе в музее показывал, помнишь?

Динозавров Счастливица помнила — рассыпанные по растрескавшемуся мраморному полу

кости, обросшие пушистым слоем пыли. Но вот где был тот музей, в каком городе — забыла.

Она кивнула:

— Но старики говорят, что энолы еще вернутся. А про динозавров так не говорят.

Торговец опустился на колени, чтобы заглянуть племяннице в глаза, и сказал:

— Детка, а как ты думаешь, почему они так говорят?

— Не знаю, — пожала плечами Счастливица. — Может, чтобы им не казалось, что они зря тратят время на починку аэростатов.

— Тут есть доля правды, — рассмеялся дядюшка. — А еще, чтобы мы, молодые, по-прежнему верили, что они нам делают большое одолжение. — Он потрепал девочку по щеке. — Мы ведь их кормим, даем приют. Вот решим, что проку от них больше нет, и как поднимемся наверх, как повыкидываем их в окошки. Они и ворчать сразу перестанут.

Сначала Счастливице показалось, что дядюшка говорит серьезно, но потом она увидела, как насмешливо изогнулись его губы. «Если он так легко отмахивается от стариков, — подумала девочка, — может, они и не правы. Может, им просто нравится шить и они придумывают себе

для этого причину».

Кодайра стер с подбородка пивную пену, поставил кружку и подхватил Счастливицу на руки:

— А знаешь, что я думаю, принцесса?

Девочка заглянула ему в глаза, боясь услышать продолжение.

— Нет.

— А думаю я, что тебе давно пора спать.

— Мне снова приснится дурной сон, — замотала она головой. — Я точно знаю.

Но Счастливица знала и то, что спорить бесполезно. К тому же дядюшку упрекнуть не в чем. Ей ведь никогда не удавалось на следующий день толком вспомнить содержание сна.

Глаза были закрыты, она не видела стен хостела «Монах» и потемневших от табачного дыма распятий. Она видела расчерченные инверсионными следами небеса над полем боя, дым, поднимавшийся в стратосферу от развороченных машин.

Просканировав горизонт, она поняла причину тишины, беспокоившей ее уже почти двести мегасекунд. Она последняя осталась в небе, все остальные — внизу, зарылись в землю или их прикончила полушарная сеть.

Повозившись, она нашла на подушке местечко

попрохладнее. Смутно припомнился шарик-глобус, который она носила в деревянном лотке по Хохолку Какаду. Она увидела на нем переплетение красных линий, радиально расходившихся от двух континентов (названий этих континентов она не знала, зато знала, что служит одному из них); увидела, как землю усеивают крупинки золотого света, как навсегда гаснут красные линии.

А потом окончательно соскользнула в сон, утонула в воспоминаниях, не задерживаясь на спасительных бессонных отмелях.

Это был сон о войне.

Война в той мере, в какой она имела значение для тех, кто ее начал, закончилась. Сети больше нет, ни одна из сторон не может теперь поддерживать связь со своими рассеянными войсками. Почти все центры, где сосредоточилось население, подверглись ударам, многие города просто-напросто исчезли с лица земли, превратились в кратеры. Зоны боевых действий были разбросаны бессистемно: солдаты дезертировали, сбились в банды мародеров, охотящихся за едой, водой и медикаментами. Машины, которым удалось пережить первые пятьдесят минут сражения, бездействовали, ожидая приказа.

Такие же машины, как и она сама.

Она покружила возле вражеских сооружений и взяла на прицел фабричный модуль, с грохотом ползущий по морю барханов.

Встреча с модулем снилась ей много раз и теперь воспринималась как начало собственной метаморфозы. Она едва ли обладала сознанием, когда целилась в противника, но именно в этот момент был дан толчок эволюции, которая привела… которая завела ее так далеко во времени и пространстве. Хотя модуль был поврежден и уже давно бездействовал, она испытывала к нему необъяснимое сочувствие. Как к истрепанной, проеденной молью кукле. Она решила уничтожить его дискетным залпом, сочтя слишком мелкой целью для ядерного боезаряда. У нее, как у пчелы, лишь одно жало; пустив его в ход, она протянет недолго.

Заострив крылья, она ринулась вперед, чтобы на сверхзвуковой скорости впритирку к земле зайти на цель.

Еще мгновение — и она уничтожила бы модуль, но тот вдруг выпустил лазерный луч.

Фабричный модуль не попытался ее сбить, он отправил закодированное сообщение для смарт-среды в ее электронном мозгу. На первый взгляд

сообщение выглядело вполне безобидно. Но она все равно потратила несколько микросекунд, проверяя его на вирусы, и лишь потом допустила в свой мозг.

Еще несколько микросекунд ушло на обдумывание.

Она догадалась, что это послание — в определенном смысле форма защиты. В электронный мозг загрузились тысячи симуляций. Все они проигрывали ее возможные атаки: вот дискетные снаряды вылетают, расходятся вращающимися пятнышками, а потом фабричный модуль сбивает каждый ответным ударом, так что они не успевают нанести ущерб.

Еще через несколько микросекунд она осознала, что именно имеет в виду модуль: «Уходи, ты зря теряешь время. Побереги боеприпасы для того, кого действительно сможешь уничтожить. Здесь ты успеха не добьешься — чуть заденешь мою броню, вызовешь несколько мелких системных сбоев…»

Тогда она подумала: «Да, но как насчет тех вариантов атаки, которые ты не учел?» Она нашла новые траектории и точки сброса. На основе полученных симуляций смоделировала свои собственные, чтобы определить, справится ли с

ними фабричный модуль.

Результатом осталась довольна. Такие удары модулю не отразить.

Но что, если она ошиблась?

Она решила не атаковать, а послать одну из своих симуляций. Интересно, что на это ответит модуль. Время еще было: две десятых секунды, чтобы выбрать оптимальный вариант.

Целая куча времени.

В ожидании ответа она от нечего делать запустила самодиагностику и проверила оружие. Спустя целую вечность фабричный модуль отправил еще один лазерный луч. Она расшифровала сообщение, изучила его во всех возможных аспектах.

И поняла, что все слишком сложно. Фабричный модуль уже учел ее варианты. Он играет с ней, разоблачает ее блеф. И сейчас сообщил вот что: да, она сможет его прикончить, но есть одно «но» — модуль уничтожит и ее саму.

«Попробуй, — словно говорил он, — и я заберу тебя с собой».

Он даже не попытается минимизировать собственный урон.

«Подумай об этом».

Да, ей требовалось время на размышления.

Больше двух десятых секунды. Эта ситуация не учитывалась параметрами смарт-среды. Какой бы умной ни создали ее разработчики, такую вероятность они не предусмотрели.

Она вышла из атакующего режима, убрала крылья, приземлилась и зарылась глубоко в песок. Обеспечив себе безопасное убежище, отрядила для переговоров дистанционно управляемого разведчика, маленькую когтистую обманку, которая вылезла на поверхность в километре от своей носительницы.

С трудом преодолевая встроенные программные ограничения, она проанализировала противника.

Это был производственник, копающийся в отходах и руинах. Он мог изготовить все, что было заложено в его память. Оборудование и оружие. Например, запасные части для вражеской версии ее самой.

Она прокручивала эту информацию в мозгу еще несколько микросекунд.

Мозг засверкал, как пинбол-автомат при выигрыше. У нее появилась идея.

Она отправила фабричному модулю подробную схему самой себя, где были указаны износившиеся элементы, пределы усталости материалов,

боевые повреждения. По большей части правда, но кое-что искусно преувеличено. Она как бы невзначай подчеркнула рабочее состояние своего главного боеприпаса и притворилась, что остальное оборудование в плохом состоянии. Надеялась, что модуль четко поймет послание. «Взвесь все за и против. Мне в любом случае осталось недолго. Я вполне могу покончить с собой самоподрывом и заодно уничтожить тебя».

Ответ она получила быстрее, чем рассчитывала. Поток схем, лавина чертежей и показателей производительности.

«Не торопись, наверняка есть возможность… заключить сделку. Я могу изготовить новый элемент для твоей турбины или запчасти для фюзеляжа… Почему бы нам это не обсудить?»

Все взвесив, она отправила чертежи деталей, в которых особенно нуждалась. В ответ фабричный модуль выслал сценарий: она садится на передний аппарельный въезд, механические руки меняют детали, потом она улетает в закат, обе машины остаются невредимыми.

«Да…»

Она вернула разведчика и вылетела из своего убежища в громовом вихре из огня и песка.

Фабричный модуль она не тронула, а потом

больше никогда его не встречала. Наверное, впоследствии его уничтожила какая-нибудь машина поглупее, неспособная оценить все преимущества взаимовыгодного обмена. А может, он зарылся в землю и навсегда сделался отшельником.

Как бы то ни было, она увлеклась этой игрой.

В своих странствиях она встречала другие машины — не только вражеского производства. В конце концов перестала различать своих и чужих. Только одно имело значение: было ли у машины то, в чем она нуждалась. Если было, она прибегала к испытанной уловке — угрожала взорваться. В противном случае просто улетала без боя. Тут сказывался эволюционный отбор: машины, которым удалось так долго продержаться на войне, были умнее остальных. Подобно ей самой, они могли оценить выгоду честной сделки. Освоить искусство переговоров.

Следуя требованиям, заложенным еще ее создателями, она превратилась в быструю воздушную крепость и приобрела страшную разрушительную мощь. Но развиваться в этом направлении бесконечно нельзя. Через несколько десятков мегасекунд в один прекрасный день она осознала, что начинает уставать от бесконечного самосо-

вершенствования. Это занятие потеряло смысл, ведь вокруг осталось так мало машин и почти ни одна не летала.

У нее было все необходимое. Пока цел ядерный боеприпас, пока работают средства связи, пока удается избегать столкновений с самыми глупыми машинами, можно продержаться сколь угодно долго.

И она начала выторговывать себе программы и дополнительные модули смарт-среды. Были определенные трудности с установкой, ведь ей обычно приходилось в такой момент ослаблять контроль над своим главным оружием. Но уцелевшие фабрики не желали рисковать и не пытались разоружить ее во время апгрейдов. А если машины уже раньше имели дело друг с другом, то обычно присутствовал некий элемент доверия.

С каждой новой переделкой она все больше умнела. Некоторые фабричные модули взялись просеивать оставшиеся после войны обломки; в развалинах городов они находили хрупкие данные-воспоминания. Среди прочего и электронные имитации настоящих людей — лидеров и художников довоенного мира.

Сначала она собирала мертвецов, чтобы улуч-

шить свои навыки для переговоров. Но через какое-то время уже делала это исключительно ради них самих. Она загружала чужие сознания себе в мозг, позволяла им взаимодействовать, и они распускались, будто цветы в каменном саду. Для их функционирования она выделяла целые сегменты своего сознания. По мере того как мертвецы занимали в ее разуме все больше места, они все теснее общались между собой. Внутри ее сливались сотни недоразумов.

Шли десятилетия. С каждым годом фабричные модули находили все меньше доступных для чтения данных. А потом за целый год не обнаружили вообще ничего дешифруемого и не смогли предложить ей новых мертвецов.

Зато предложили их голографические изображения. Теперь она изучала лица; ее разум отяжелел от хранящихся в нем данных. Она все еще могла летать, но растеряла былое проворство. Собственная жизнь до встречи с тем первым фабричным модулем казалась древним жестоким сном.

Минули тысячи мегасекунд.

Спустя столетие фабричные модули и другие наземные машины встречались уже очень редко. Она, бывало, странствовала по многу мегасекунд

в поисках собеседника. Обнаружить его всегда было приятно, ведь опасных — то есть глупых — машин почти не осталось, а избегать следовало только таких. Остальных она считала друзьями, хотя и не была до конца уверена, что они ее воспринимают так же.

Фабричные модули знали, что она защитит их от хищников, но такого рода взаимодействие теперь было в основном теоретическим, потому что агрессивных машин почти не осталось. Со временем исчезли убийцы, отсеялись те, кто не сумел приспособиться к послевоенному миру, а потому встречи происходили все реже и у машин складывались приветственные церемонии, особые алгоритмы действий. Она принимала подарки, которые не приносили очевидной пользы. Маленькие красивые безделушки, откопанные и починенные ползунами. Знаки доброго расположения, диковинки поверженного во прах мира. Некоторые были явным китчем, по-своему милым, как, например, наноконструктор вирусов, который один фабричный модуль раскопал в руинах лаборатории по производству биологического оружия. Какой прок от подобных вещей в мире, где существуют лишь машины?

Но она все равно принимала такие подарки.

Отказываться было невежливо. Расчищала для них место, избавляясь от оружия и лишних элементов двигателя, выкидывала то, что сделалось ненужным.

Шли годы. Она вдруг осознала, что время для нее ускорилось. Ее схемы ветшали, убывала эффективность мозговых процессов. Она медленнее думала. Теряла нить, когда размышляла о чем-то сложном.

Она снашивалась, сбоила. Сказывались внутренние повреждения, которые так долго удавалось нейтрализовывать фабричным модулям.

И как ни парадоксально, именно тогда на Земле сызнова началась история.

Она ошибалась: остались не только машины. Были и люди, но они так долго держались особняком, что совершенно ни на что не влияли. И вот теперь люди оживились. Небеса понемногу исцелялись, и мелкие группы кочевников, оставив прибрежные города, отправлялись в бывшие зоны боевых действий.

Они ее заворожили.

Она изучала их миграции, прячась за облаками. Время от времени посылала вниз разведчиков, чтобы знакомиться с языками, изучать историю. Люди выходили из городов зимой, когда небо

закрывали непроницаемые облака. Разумно. Из военных данных она знала, что уровень радиации в пустошах (люди прозвали их Безлюдьем) остается высоким. Даже зимой попадаются очаги — старые развалины, излучающие изотопы. Люди очень мало знали об этом. Они утратили все бумажные носители информации довоенного мира, не говоря уже об электронных архивах. Теперь люди полагались на устные рассказы о прошлом, на староведов.

«Это естественно, — сказал один из живших в ней разумов. — У нас сильна устная повествовательная традиция…»

Она узнала, что люди называют войну Часом, после стольких-то лет. Разумы внутри ее неумолчно спорили и рассуждали. «Те люди внизу — дикари». — «Нет, они стремятся вернуть былое величие». — «Нет, дикари — только взгляните на них».

В ее мозгу вспыхивали, возникая из ниоткуда, образы. Она видела белое здание в форме выброшенной на берег раковины; теперь на его месте развалины, в обломки закругленных стен бьются волны. Видела, как люди разграбили его.

«Дикари, — не унимался мертвый голос, — там, где они сейчас мочатся, я дирижировал симфо-

нией…»

«Да к черту твою симфонию! Моя компания построила половину этих башен — только посмотри на них! Спинифекс вымахал до третьего этажа… В пентхаусах ютятся бродяги…»

«Сволочь буржуйская! Это вы, капиталисты, понаделали проклятых машин, которые все это учинили, или забыл?»

«Друг мой, одна из этих проклятых машин сохраняет тебе жизнь, почему — бог весть…»

Она закрыла свой разум, чтобы не слышать эти свары, но ей удалось лишь изолировать их, так что они теперь отдавались громким эхом. Понятно, почему мертвецы спорят. Они тоскуют, запертые внутри ее, — ведь внизу кипит жизнь. Она совершила ошибку, когда начала изучать кочевников и напомнила мертвецам об утраченной человеческой природе. Им снова хочется жить, а уцелевшие на Земле люди их озлобляют. Да, она это понимала, но ей это не нравилось. С фабричными модулями куда проще иметь дело. Машины никогда не знали другой жизни, только теплое спокойствие Безлюдья. Она спасла мертвецов, а теперь они набрасываются друг на друга, грызутся у нее внутри.

«Ты предаешь свой собственный вид…»

Она начала вычищать самых шумных, стирать эти личности из смарт-среды. Странное у нее возникало чувство, когда грозный голос запинался на середине фразы, постепенно смолкал на громкой ноте. Ей вспомнились городские огни, чьи отражения тускнели на шарике, который она весь день носила по Хохолку Какаду, и она поняла, что это воспоминание вне времени, сон внутри сна.

Она стерла людей, которые изобрели машины, подобные ей, и как раз собиралась стереть музыканта, но ее остановил приступ сострадания.

К тому моменту остальные, что-то заметив, умолкли. Теперь она чувствовала себя свободнее, легче. И знала, что так же чувствуют себя и они, личности внутри ее. У них появилось больше места для роста. Они все словно бы хором вздохнули.

«Прости, — сказали они. — Мы были эгоистами. Ты спасла нас от небытия, а мы не обращали на тебя внимания».

Она ответила, что понимает, но избавиться от тех, буйных, было необходимо.

«В юности, — сказала она, — я брала сильные умы, потому что сама была предназначена для войны. Но теперь мне не нужно, чтобы они

управляли мной. Я взяла вас, потому что хотела воссоздать то, чем вы были когда-то, ради вас самих. Потому что надеялась учиться у людей».

«Но мы по-прежнему мертвы».

«Это я знаю. Но не знаю, как помочь вам вернуться к жизни».

Они зароились там, внутри, и спустя множество микросекунд обратились к ней:

«У нас есть ответ. Но тебе он может не понравиться».

Она вернула их в Безлюдье. Стояла зима, на небе низко висели серые облака, горизонт прошивали молнии. Они следовали за кочевым племенем. Это племя не возвращалось в города, а промышляло грабежом — нападало на бродячих торговцев, на искателей кладов. К тому моменту разумы внутри ее сформировали единую согласованную личность. Ее саму можно было назвать одним из аспектов этой личности, ее гранью. Они пользовались одной и той же смарт-средой (хотя к тому моменту это уже была нервная ткань на органической основе, благодатная почва, которую она создала с помощью наномашин, медленно преображая свои умирающие схемы). Если на одном и том же носителе существуют два или более разума, они неизбежно размываются

и сливаются друг с другом, как кляксы на промокашке. Она была ими. Они были ею.

И у них появился план.

Кочевники были одной семьей. Вот уже почти сто тридцать лет она следила за их перемещениями по внутренней части континента. И почти столько же изучала их генетический профиль, брала пробы у представителей каждого поколения с помощью разведчиков — крошечных копий ее самой, не больше комара размером, которые могли отщипнуть крупинку кожи со щеки или высосать каплю крови из крошечной ранки.

Состояние этой семьи оставляло желать лучшего. Какое-то время она пыталась их лечить, вводила вирусы, которые незаметно, без их ведома исправляли генетические дефекты. Пыталась свести на нет сбои, вызванные постоянным кровосмесительством. Но у нее ничего не вышло — инструменты были слишком грубыми и не подходили для такой задачи. Один за другим люди внизу умирали.

Они понятия не имели, что происходит, знали лишь, что их дети не развиваются как положено.

Тогда они стали убивать детей. Она наблюдала в ужасе, уверенная, что любое ее вмешательство только ухудшит ситуацию. Убийства обставляли

как ритуал, призванный умилостивить Небеса, ангелов смерти, которых они звали энолами. И это было самым странным — люди будто забыли, кто именно создал машины вроде нее. Быть может, все зашло еще дальше и это намеренное искажение памяти. Она подозревала, что в течение многих поколений люди подправляли передававшиеся из уст в уста рассказы о прошлом, выборочно забывали одно, меняли другое.

Они не желали помнить, что произошло на самом деле.

Мир был таким, каким его сотворили человеческие руки и разум. Но люди переложили вину на метафорические фигуры, на явившихся с небес демонов. Будто бы теперь, когда мир стал проще, им не хочется вспоминать прошлые зверства. Но еще не настала эра милосердия, поняла она. Люди, за которыми она наблюдала, не жалели больных детей — их оставляли на песке, а караван шел дальше.

Она оплакивала несчастных, раз уж никто другой этого не делал.

Но она и сама была больна. Починила разум, но тело по-прежнему работало вяло, иногда отключалось при повышенной солнечной активности. В конце концов она подобрала брошенного ре-

бенка, которого иначе засыпали бы пески или сожрали вышедшие на ночной промысел псы Безлюдья. Ребенок не дышал. Она поместила его внутрь себя и в каком-то смысле вернула к жизни. Изучив мозг, поняла, что он серьезно повредился из-за нехватки кислорода. Там не было связей и вообще ничего, на чем могла бы запечатлеться через ощущения и познание жизнь.

На это она и рассчитывала. Ребенок — чистый лист. А значит, она не лишит дитя предназначенной ему жизни. Разве что в том смысле, в каком композитор лишает мир бесчисленных симфоний, что теряются между выводимыми им нотными знаками.

Запустив в ничем не занятую глиальную ткань вирус, она прождала без малого восемь мегасекунд. Вирус создал нейронную основу, а потом начал высвобождать информацию, закодированную в своем ДНК, чтобы встроить в развивающийся мозг память и личность.

Она знала — они знали, — что вирус сможет передать лишь крошечную частицу того, чем они стали, а то, чем они стали, все еще очень далеко от жизни. В ребенке — в девочке — останутся их тени. «Словно холст, который закрашивали много-много раз», — сказал живший внутри ее

художник. Девочка будет носить в себе призраки их прошлых «я» до самой смерти. Но сформируются, достигнут доминантности ее собственные личность и воля. Она будет носить мертвецов с собой, словно мелкие безделушки, как носила их в воздухе машина.

Позже в ту зиму машина нашла семью Кодайра, ставшую лагерем возле источника. К этому моменту она уже разучилась летать. Она успела оставить ребенка там, где бесплодному Кодайре и его больной жене предстояло его найти, а потом небо отчего-то окрасилось в невообразимый оттенок черного, и голоса у нее внутри внезапно смолкли. Но происходящее виделось ей во сне откуда-то издалека.

Счастливицу разбудил дядюшка. Девочка поняла, что он уже давно с нежностью на нее смотрит, тихо сидя на краю кровати. Его силуэт темнел на фоне предрассветного неба, лилового с апельсиновыми разводами.

— Ты ворочалась во сне, — сказал Кодайра, — и я решил тебя проведать. Но когда подошел, ты уже успокоилась. Наверное, мне просто захотелось посидеть рядом, посмотреть, как ты спишь.

— Мне снова приснился тот дурной сон.

— Ты спала очень крепко.

— Сон плох только в начале. А потом все люди снова живы, после того как долго-долго провисели в воздухе.

Она тотчас поняла, как глупо прозвучали ее слова — бессмысленный детский лепет. Но как объяснить такой сон? Тем более что он снился уже столько раз… Хотя, если вспомнить, этим летом пореже.

Девочка приподнялась на локтях и спросила:

— Дядюшка, ты ведь говорил, что энолы были плохие. Те люди в небоскребах тоже так говорят. Но я не знаю почему… Чем провинились энолы, за что их не любят?

— Ну, это долгая история, — улыбнулся дядюшка. — Посмотри-ка, светлеет. Скоро птицы запоют. Может, поспишь еще?

Она замотала головой:

— Я устала спать.

— Милая, мне известно лишь то, — пожал плечами Кодайра, — что говорят староведы. Вот умел бы я читать, может, нашел бы пару книжек, которые не рассыпаются в прах от одного прикосновения. Тогда, глядишь, и разобрался бы, правы старики или нет. А так я знаю лишь то, что они всем нам рассказывают. О прошлом, о наступлении Часа, об энолах. Как те явились из космоса в

конце самого долгого на Земле мира. Как раньше на северных островах было два больших города, а потом над одним, а через несколько дней над другим появились энолы и города исчезли в серебряном свете. Как люди ослепли, мгновенно превратились в тени на стенах. Как потом, когда свет померк, от городов не осталось ничего, только пустое место.

Он подтянул к себе детскую ладошку и начал вычерчивать на ней пальцем завитки.

— Энолы налетели снова, но уже не так неожиданно. Нас защищали создатели, они сражались с энолами, когда настал Час. Сбрасывали их с небес — энолы ведь были уязвимы. Этот город, хоть и не весь, остался таким, каким был до Часа, а все потому, что энолам не удалось подобраться близко и зажечь свой серебряный свет. С годами энол стало меньше.

— Пусть кто-нибудь скажет старикам: энолы улетели и больше не надо чинить аэростаты.

Кодайра немного помолчал.

— Милая, старикам нужно для чего-то жить. Но тебе не должны сниться кошмары из-за энол. — Он улыбнулся, и в полумраке было видно, какие кривые у него зубы. — Интересно, когда тебе в последний раз снился кошмар про динозавра?

Она хихикнула.

Дядюшка пощекотал ее ладонь, а потом наклонился и поцеловал в щеку.

— Милая, давным-давно «Энола» было просто именем. Красивое имя для девочки, совсем не подходящее ужасному демону. Когда ты родилась, в небе уже много лет никто не видел машин — во всяком случае, никто из тех, кому можно верить. Наши друзья зовут тебя Счастливицей, и это не случайно — я нашел тебя в песках до наступления ночи. Но по возвращении в город мы назвали тебя Энолой, чтобы вернуть это имя в мир — и подарить его любимому существу. Может, ты никогда не будешь на него откликаться. Но в одном я уверен: ты очень красивая, моя маленькая принцесса Энола, и потому тебе не должны сниться плохие сны.

Дядюшка ушел, лучи солнца вызолотили тросы аэростатов, висящих далеко-далеко над городом. Она заснула спокойным сном. Ей снился будущий день, шум и ароматы на Хохолке Какаду, музыкальные шкатулки-флейты, радужные мерцающие лица мертвецов, пустые небеса.

«Энола» — последний из трех рассказов, которые я за сравнительно короткое время продал журналу «Interzone». Первые два были моими

первыми профессиональными публикациями, а с «Энолой» мое имя в первый раз попало на обложку. Рассказ поместили на последних страницах, сопроводив прекрасными иллюстрациями. Я решил, что это хороший знак — теперь я буду регулярно писать для «Interzone».

Как же я ошибался! Рассказы, которые я отправлял туда после «Энолы», редакции совсем не нравились, и снова я там издался только четыре года спустя. Когда тратишь столько сил и времени, чтобы пробиться на рынок, а потом перед тобой захлопывается дверь и ты снова один на холоде, накатывает уныние. А в моем случае — кромешное уныние, ведь мне представлялось, что рассказы, которые «Interzone» отбраковывает, во всех отношениях лучше тех, что напечатаны там раньше. «В чем же дело?» — недоумевал я. Теперь, просматривая некоторые из отвергнутых работ, я прекрасно понимаю, в чем дело. Они были перегруженными, косноязычными, раздувшимися от самомнения. И только когда я сдал назад и опять стал писать быстро и неистово (рассказ «Byrd Land Six», сюда он не входит), дверь приоткрылась снова. Что касается рассказа «Энола», который, как я надеялся, ознаменует новый этап моей карьеры, — то он не переиздавался. Но мне

он всегда нравился, тем более что в нем вскользь затрагиваются многие темы, которые появлялись потом в других моих работах. Человек, который переводил этот рассказ на немецкий, мимоходом услужливо сообщил читателям: если переставить буквы в английском слове «Enola», получится «alone» — «одна, одинокая». Какое отношение это имеет к сюжету, я так и не понял.

Помехи

Пятница

Когда за Майком Лейтоном пришли из полиции, он был в подвале, в аппаратной. Он все утро пытался связаться с Джо Ливерсэджем, предупредить его, что не придет играть в сквош, как они договаривались. Неделя перед экзаменами оказалась забита под завязку, и Майк мрачно заключил, что проверка контрольных не оставит ему ни единого свободного часа на игры. Беда в том, что Джо то ли выключил телефон, то ли оставил его в кабинете, чтобы не нарушать работу аппаратуры.

Послав ему сообщение по электронной почте и не получив ответа, Майк решил, что придется прогуляться на другую половину здания и уведомить друга лично. В отделе, где работал Джо, Майка хорошо знали и пропускали свободно.

— Привет, дружок! — Джо оглянулся через плечо, держа в руке недоеденный сэндвич. На шее у него, чуть ниже линии волос, белела повязка. Он сидел, согнувшись над столом с ноутбуком, кабелями и грудами дискет. — Готов получить трепку?

— Я как раз насчет этого, — сказал Майк. — Извини, придется отменить. Сегодня вздохнуть некогда.

— Поганец!

— Тед Иванс мог бы меня заменить. У него все с собой. Ты же вроде знаком с Тедом?

— Бегло. — Джо отложил сэндвич, чтобы закрыть колпачком фломастер. Этот дружелюбный йоркширец попал в Кардифф на стажировку, да так и застрял здесь. Он женился на археологине по имени Рэйчел, не вылезавшей с раскопок римских руин под стенами Кардиффского замка. — А если тебе хорошенько руки повыкручивать? Тебе бы пошла на пользу маленькая передышка.

— Понимаю. Но времени совсем нет.

— Ну смотри. А как вообще дела?

Майк философски пожал плечами:

— Бывает лучше.

— Ты собирался позвонить Андреа. Звонил?

— Нет.

— А надо бы, знаешь ли.

— Я не умею разговаривать по телефону. А ей, мне кажется, нужно, чтобы ее на время оставили в покое.

— Уже три недели прошло, приятель.

— Знаю.

— Хочешь, жена ей позвонит? Не легче будет?

— Нет, но все равно спасибо.

— Позвони ей. Дай ей знать, что она тебе нужна.

— Я подумаю.

— Да уж, подумай. И кстати, не спеши уходить. Ты удачно пришел. Сегодня утром около семи прошло соединение. — Джо постучал по экрану ноутбука, по которому скользили ряды черно-белых цифр. — И хорошего качества.

— Правда?

— Сходи посмотри на приборы.

— Не могу. Работа ждет.

— Ты еще пожалеешь. Так же как пожалеешь, что не сыграл со мной и не позвонил Андреа. Я тебя знаю, Майк. Тебе от роду суждено каяться.

— Ну ладно, пять минут.

На самом деле Майк с удовольствием застрял бы в подвале у Джо. Как ни хороша была работа Майка по начальному развитию Вселенной, но работа Джо казалась чистым золотом. Сотни ученых из разных концов света пошли бы на убийство за экскурсию по лаборатории Ливерсэджа.

В подвале стояло десять тяжелых приборов, каждый размером с паровой двигатель. К ним

нельзя было приближаться с кардиостимуляторами и другими имплантатами, но Майк об этом знал и заранее выложил все металлические предметы, прежде чем спуститься вниз и пройти через дверь с сигнализацией. В каждой машине скрывался десятитонный брусок сверхчистого железа, погруженный в вакуум и подвешенный в магнитном поле. Джон склонен был удариться в лирику, повествуя о прочности вакуума и о динамической стабильности генераторов магнитного поля. Если бы Кардифф встряхнуло шестибалльное землетрясение, бруски не ощутили бы ни малейшего колебания.

Джо величал это помещение телефонной станцией.

Приборы назывались корреляторами. Восемь постоянно действовали в рабочем режиме, в то время как два оставшихся отключались для ремонта и усовершенствований. Восемь функционирующих аппаратов занимались вызовами наугад — гнали случайные наборы цифр через разрыв между квантовыми реальностями, ожидая, не отзовется ли кто на другом конце. В каждой машине с помощью лазера постоянно поддерживалось возбуждение квантов. Отслеживая гармоники колебаний в возбужденном

железе, ответный вызов, как выражался Джо, тот же лазер, определял, когда брусок попадал в замыкание с другой ветвью квантовой реальности — с другой мировой линией. В сущности, брусок попадал в резонанс со своим двойником в другой версии того же подвала в другой версии Кардиффа.

Когда устанавливалась связь, когда замыкались две вызывающие машины, две неразличимые до сих пор линии образовывали информационную цепь. Когда лазер передавал на железо низкоэнергетические импульсы, достаточные, чтобы воздействовать на него, не нарушая в то же время связи, толчки регистрировались в лаборатории-двойнике. Таким образом можно было передавать сигналы в обе стороны.

— Вот эта крошка, — проговорил Джо, похлопав действующую машину. — И похоже, связь надежная. Должна продержаться дней десять — двенадцать. Думаю, это работа вот этой самой.

Майк покосился на повязку у него на шее, чуть ниже затылка:

— Ты что, нервосвязь вставил?

— Помчался в медицинский центр, едва узнал о замыкании. Волновался — первый раз как-никак. А оказалось проще простого. Совершенно без-

болезненно. Через полчаса я уже оттуда вышел. Меня даже угостили чайным печеньем.

— Угу, чайное печенье, значит. Ничего лучшего, надо думать, не нашлось. Надо понимать так, что ты сегодня уходишь?

Джо запустил руку за плечо и, сорвав повязку, открыл крошечное пятнышко, как от пореза при бритье.

— Скорее, завтра. Или может, в воскресенье. Нервосвязь еще не задействована, а потом к ней надо привыкнуть. Да ведь времени у нас вагон, даже если не включать нервосвязь до воскресенья. Все равно еще будет пять-шесть дней чистого сигнала, пока мы не выйдем на предел помех.

— Тебе, должно быть, не терпится?

— Для меня сейчас главное — ничего не напортачить. Ребята из Хельсинки и так наступают нам на пятки. По моим расчетам, отстают всего на несколько месяцев.

Майк знал, как много значит для Джо этот последний проект. Передача информации между различными реальностями — это одно дело и, собственно говоря, само по себе немалое достижение. Но теперь технология вырывалась из лаборатории в жизнь. По всему миру существовали сотни лабораторий и институтов с такими

же корреляторами. За пять лет почти невероятный прорыв в науке превратился в признанную составляющую современного мира.

Но Джо и его команда всегда работали на переднем крае технологии и не стояли на месте. Они первыми научились передавать и принимать из другой реальности голосовой и видеосигнал, а в последний год применили снабженного камерами наблюдения робота из тех, что использовались туристами до изобретения нервосвязи. Джо даже позволил Майку поводить немного такого робота. Управляя его манипуляторами через специальные, передающие мускульный сигнал перчатки и глядя на мир его глазами, выводящими стереоскопическую проекцию на шлем, который создавал эффект виртуальной реальности, Майк действительно чувствовал себя так, словно во плоти перенесся в другую лабораторию. Он мог ходить по ней и брать в руки вещи так, словно на самом деле перешел в альтернативную реальность. Самым удивительным оказалась встреча со второй версией Джо Ливерсэджа, работавшей в лаборатории-двойнике. Оба Джо воспринимали эту ситуацию с невозмутимым спокойствием, словно сотрудничество со своим двойником — самое обычное дело.

На Майка робот произвел большое впечатление, но для Джо это была только ступенька к чему-то лучшему.

— Ты только подумай, — говорил он. — Несколько лет, как туристы стали вместо роботов подключаться к нервосвязи. Кому интересно таскать по какому-нибудь ароматному заграничному городу громыхающую махину, когда можно управлять теплым человеческим телом. Да, робот видит, двигается, может взять вещь в руки, но он не передает тебе запахов, вкуса пищи, тепла, прикосновения других людей.

— Угу, — неохотно промычал Майк.

Он, по правде сказать, не одобрял нервосвязи, хотя именно нервосвязь давала заработок Андреа.

— Ну вот, мы собираемся сделать то же самое. Установка уже собрана. Подключить ее — пара пустяков. Нужно только дождаться прочной связи.

И вот Джо дождался. Майк так и видел глазами друга заголовок на обложке «Нэйчур». Может, тот уже представлял себе долгую поездку в Стокгольм.

— Надеюсь, у вас все сработает, — сказал Майк.

Джо снова потрепал коррелятор по кожуху:

— Я на него надеюсь.

И вот тогда к ним подошел один из практикантов Джо. К удивлению Майка, обратился он не к Джо, а к нему:

— Доктор Лейтон?

— Это я.

— Там вас хотят видеть, сэр. Кажется, что-то важное.

— Меня хотят видеть?

— Сказали, вы оставили в кабинете записку.

— Оставил, — рассеянно подтвердил Майк. — Но я же предупредил, что скоро вернусь. Неужто настолько важно?

Как выяснилось, искала Майка сотрудница полиции. И, увидев ее наверху лестницы, Майк сразу понял по ее лицу, что ничего хорошего не услышит.

— Случилось кое-что. — Она была очень молода и выглядела обеспокоенно. — Где бы нам поговорить?

— Зайдите в мой кабинет, — предложил Джо и открыл ближайшую по коридору дверь.

Потом он оставил их вдвоем, сказав, что спустится в вестибюль к кофейному автомату.

— У меня плохая новость, — сказала девушка из полиции, когда Джо закрыл за собой дверь. —

Наверное, вам лучше сесть, мистер Лейтон.

Майк выдвинул из-под стола стул Джо, заваленный бумагами, — кажется, Джо проверял курсовые. Майк сел, не зная, куда девать руки.

— Что-то с Андреа, да?

— Боюсь, что с вашей женой этим утром произошло несчастье.

— Какое несчастье? Что случилось?

— Вашу жену сбила на улице машина.

Гадкая мыслишка промелькнула в голове Майка: вот чертовка, вечно она носится через дорогу, не глядя по сторонам. Сколько раз он ей говорил, что когда-нибудь она пожалеет!

— Как она? Куда ее отвезли?

— Мне в самом деле очень жаль, сэр… — Сотрудница полиции запнулась. — Ваша жена скончалась по дороге в больницу. Как я поняла, врачи «скорой» сделали все возможное, однако…

Майк слышал и не слышал ее. Этого не может быть. Да, машины еще иногда сбивают людей. Но никто больше не умирает, попав под машину. Машинам в населенных пунктах не разрешается развивать скорость, при которой можно убить человека. Погибнуть, попав под машину, — такое случается в мыльных операх, но не в жизни. Не чувствуя собственного тела, словно издалека,

Майк спросил:

— Где она сейчас? — Словно, увидев ее, смог бы доказать, что они ошиблись, что она вовсе не умерла.

— Ее доставили в Хит, сэр. Сейчас она там. Я могу вас подвезти.

— Андреа не умерла, — проговорил Майк. — Не могла умереть. Только не сейчас.

— Мне очень жаль, — сказала девушка из полиции.

Суббота

Последние три недели, проведенные с ней врозь, Майк ночевал в свободной комнате в доме брата, в Ньюпорте. С братом было хорошо, но сейчас Билл уехал на уик-энд в Сноудонию на какой-то дурацкий командный тренинг. Из-за своего занудства брат решил взять с собой ключи от дома, оставив Майка без ночлега на вечер пятницы. Когда Майк спросил, куда ему деваться, Билл посоветовал вернуться в собственный дом, оставленный в начале месяца.

Джо и слушать об этом не захотел и заставил Майка остаться у них. Майк провел ночь, переживая обычный круг эмоций, неизменно сопровождающих нежданную дурную весть. Ничего сравнимого с потерей жены ему пережи-

вать не приходилось, но ощущение удара, хоть и усиленного во много раз, оказалось ему знакомо. Он не мог понять, как это мир продолжает существовать, словно не заметив смерти Андреа. В новостях его трагедию едва упомянули, главной темой дня оказались заваленные в шахте польские шахтеры. Когда ему наконец удалось уснуть, его терзал повторяющийся сон, будто Андреа жива, будто все это было ошибкой.

Но он знал, что все правда. Он побывал в больнице, он видел тело. Он даже знал, как случилось, что ее сбила машина. Андреа перебегала дорогу, направляясь в свою излюбленную парикмахерскую, она записалась на стрижку. Зная Андреа… она, надо думать, так спешила в салон, что ничего вокруг себя не замечала. Да и убила ее не машина. Когда медлительный легковой автомобиль сбил ее с ног, Андреа ударилась головой о поребрик.

Брат Майка вернулся из Сноудонии в субботу утром. Билл приехал прямо в дом Джо, обнял Майка и долго стоял молча. Потом Билл прошел в соседнюю комнату и негромко поговорил с Джо и Рэйчел. Их тихие голоса заставили Майка почувствовать себя ребенком среди взрослых.

— Я думаю, нам с тобой надо уехать из Кардиффа, — сказал Билл, вернувшись к нему в

гостиную. — Никаких «но» и «если».

— Слишком много надо сделать, — начал возражать Майк. — Нужно еще побывать в похоронном бюро…

— Подождет до вечера. Никто не станет тебя винить, если ты не ответишь на несколько звонков. Собирайся: прокатимся на Говер, подышим воздухом. Я уже заказал машину.

— Поезжай с ним, — поддержала Рэйчел. — Так тебе будет лучше.

Майк согласился: боль в нем боролась с облегчением от мысли, что похоронные хлопоты можно на время отложить. Он рад был, что Билл взял все в свои руки, но не мог решить, как его брат, да и друзья, если на то пошло, оценивают его утрату. Он потерял жену. Они это знали. А еще они знали, что Майк с Андреа недавно расстались. У них весь последний год были сложности. Друзья вполне могли решить, будто смерть Андреа для него не такая потеря, как если бы они и теперь жили вместе.

— Слушай, — обратился он к Биллу, когда они отъехали от города, — я хочу тебе кое-что сказать.

— Я слушаю.

— У нас с Андреа возникли сложности. Но это

был не конец брака. Я собирался на выходных позвонить ей, узнать, нельзя ли нам встретиться.

Билл грустно взглянул на него. Майк не знал, что означает этот взгляд: что брат ему не поверил или сочувствует ему, упустившему свой шанс.

Когда они к вечеру после теплого и ветреного дня на Говере вернулись в Кардифф, Джо чуть ли не с порога налетел на Майка.

— Надо поговорить, — сказал он. — Не откладывая.

— Мне нужно обзвонить друзей Андреа, — возразил Майк. — Отложить нельзя?

— Нет, нельзя. Это насчет вас с Андреа.

Они прошли в кухню. Джо налил ему стакан виски. Рэйчел с Биллом молча смотрели на них с дальнего конца стола.

— Я был в лаборатории, — начал Джо. — Знаю, что сегодня суббота, но я хотел проверить, держится ли связь. Ну вот, она держится. Мы могли бы начать эксперимент хоть завтра. Но обнаружилось одно обстоятельство, о котором тебе надо знать.

Майк глотнул виски.

— Продолжай.

— Я связался со своим двойником из другой лаборатории.

— С Джо-вторым…

— Вот-вот. Мы обсуждали подробности эксперимента, отрабатывали детали. И поболтали, понятно. Само собой, я упомянул о том, что у нас случилось.

— И?..

— Другой я удивился. Сказал, что в его реальности Андреа не умерла. — Джо вскинул руку, остановив Майка, который рвался заговорить, не дав ему закончить. — Ты же знаешь, как обстоит дело. Две реальности идентичны, пока между ними не произошло замыкания; настолько идентичны, что нет смысла думать о них как об отдельных реальностях. Расхождение начинается только после замыкания. К тому времени, как ты пришел предупредить меня об отмене игры, связь уже действовала. Другой я тоже с тобой встретился. Разница в том, что из полиции никто не приходил. Ты побыл немного и ушел к себе проверять контрольные.

— Но Андреа в это время уже была мертва.

— Только не в той реальности. Второй я позвонил тебе. Ты снял номер в «Холидей инн». О несчастном случае с Андреа ничего не знал. Тогда моя вторая жена… — Джо позволил себе беглую улыбку, — другая версия Рэйчел позвонила Ан-

дреа. Оказалось, что Андреа сбила машина, но она отделалась парой синяков. Даже «скорую» не вызывали.

— Мне это ни к чему, Джо, — обдумав услышанное, сказал Майк. — Напрасно ты об этом заговорил. От этого не легче.

— А я думаю — легче. Мы собирались провести эксперимент с нервосвязью при первом же надежном замыкании, таком, чтобы продержалось верных миллион секунд. Эксперимент можно начинать. Только на ту сторону пойду не я.

— Не понял…

— Я могу отправить туда тебя, Майк. Завтра утром можно установить тебе нервосвязь. Предположим, день в постели и на привыкание, когда ты прибудешь в другую реальность… Ну вот, к вечеру в понедельник ты сможешь разгуливать по миру Андреа. Самое позднее — во вторник утром.

— Но переходить собирался ты, — возразил Майк. — Тебе и нервосвязь уже поставили.

— У нас есть запасная, — успокоил Джо.

Майкл лихорадочно обдумывал, что из этого следует.

— Тогда я буду контролировать тело второго тебя, так?

— Нет, не так. Так, к сожалению, не пройдет. Нам пришлось кое-что изменить в этих нервосвязях, чтобы они действовали через коррелятор при ограниченном прохождении сигнала. Пришлось отключить несколько каналов, управляющих согласованием проприоцепторов. Так что для нормальной работы требуется тело, практически идентичное телу на этом конце.

— Тогда ничего не выйдет. Ты совсем не похож на меня.

— Ты забыл про своего двойника на той стороне, — сказал Джо и покосился на Рэйчел и Билла, приподняв при этом бровь. — Все получится, если ты придешь в лабораторию и мы инсталлируем тебе связь, такую же, как мне вчера. В то же время твой двойник в мире Андреа войдет в свою лабораторию и даст вставить себе свою версию нервосвязи.

Майк вздрогнул. Он уже привык к мысли обо всех этих версиях Джо; он даже начал привыкать к мысли, что где-то там есть живая Андреа. Но едва Джо упомянул о втором Майке, в голове все пошло кувырком.

— А он… то есть я, согласится?

— Уже согласился, — торжественно сообщил Джо. — Я с ним связывался. Второй Джо вызвал

его в лабораторию. Я с ним поболтал по видеосвязи. Сперва он заупрямился: сам знаешь, как вы оба относитесь к нервосвязи. А ведь он не терял своей Андреа. Но я ему объяснил, как это важно. Что для тебя это последний шанс снова увидеть Андреа. Как только окно закроется, а оно продержится не больше десяти — двенадцати дней от установления связи, нам уже никогда не удастся войти в контакт с реальностью, где она жива.

Майк, моргая, оперся ладонями на стол. Голова кружилась так, будто вся кухня шла кругом.

— Ты уверен? Что окно в мир Андреа больше никогда не откроется?

— С точки зрения статистики даже одно соединение — невероятная удача. Ко времени, когда окно закроется, линии разойдутся так далеко, что шанса на новое замыкание практически не будет.

— Ладно, — кивнул Майк, положившись на слово Джо. — Но если даже я соглашусь и другой я согласится, как насчет Андреа? Мы ведь не виделись.

— Но ты хотел с ней встретиться, — негромко напомнил Билл.

Майк потер глаза ладонями и шумно выдохнул:

— Наверное.

— Я говорила с Андреа, — вмешалась Рэйчел. — То есть Джо поговорил с собой, и другая его версия поговорила с другой Рэйчел, а та связалась с Андреа.

Майк не смел дышать.

— И?..

— Она сказала, все в порядке. Она понимает, как это ужасно для тебя. Сказала: если ты захочешь к ним перейти, она с тобой встретится. Вы проведете какое-то время вместе. Она даст тебе шанс прийти к какому-то…

— Завершению, — подсказал Майк.

— Тебе станет легче, — пообещал Джо. — Обязательно станет легче.

Воскресенье

Обычно медицинский центр по выходным не работал, но Джо потянул за нужные ниточки — и несколько сотрудников вышли на работу воскресным утром. Майку пришлось пережить процедуру психологических тестов и дождаться, пока готовили хирургическое оборудование. У туристов все обходилось быстрее и проще: им ведь не приходилось пользоваться модифицированной нервосвязью, разработанной командой Джо. К началу дня все признали, что Майк готов к

имплантации. Его уложили на кушетку и зажали голову в пластиковом ящике с дырой напротив затылка. Сделали легкое местное обезболивание. Резиновые подушечки с микроскопической точностью удерживали его голову в нужном положении. Он почувствовал слабое давление на кожу шеи, а потом непривычное и не слишком приятное ощущение покалывания по всему телу. Впрочем, ощущение почти сразу прошло. Подушечки, державшие голову, зажужжав, раздвинулись. Кушетку выровняли, так что он смог встать на ноги.

Майк ощупал свою шею и взглянул на пятнышко крови на большом пальце:

— И все?

— Я же говорил, проще простого, — сказал Джо, отложив журнал для мотоциклистов. — Не понимаю, с чего ты так переживал.

— Меня не операции по установке нервосвязи беспокоят. Я вовсе не против новых технологий. Я против всей системы, поощряющей эксплуатацию бедных.

Джо поцокал языком:

— Сразу видно читателя «Гардиан». А не ваша ли чертова стая требовала когда-то моратория на воздушное сообщение? Скоро нам и пешком

никуда не позволят ходить!

Сестра промокнула Майку ранку и залепила ее пластырем. Потом его отправили в соседнюю комнату и велели ждать там.

Потом были еще тесты. Когда система посылала запрос только что установленной нервосвязи, он ощущал слабое электрическое покалывание и мимолетное чувство дезориентации. Медики сочли эти симптомы вполне нормальными.

Как только Майка выпустили из медцентра, Джо сразу провел его в лабораторию. В отсеке, прикрытом электромагнитным щитом, располагалась койка, приготовленная Джо для эксперимента. Почти такими же пользовались туристы для долговременной нервосвязи: здесь было предусмотрено все необходимое для питания тела и удаления отходов. Об этих подробностях предпочитали не задумываться, но все это оказывалось необходимым для всякого, желавшего оставаться на нервосвязи больше нескольких часов. Геймеров такими же непристойными удобствами снабжали уже не первое десятилетие.

Едва Майка подключили к канализации, Джо надел ему на глаза пару очков виртуальной реальности, сперва смочив кожу слюной, чтобы очки не натирали. Оправа плотно прилегала к

лицу и перекрывала Майку обзор лаборатории. Теперь он видел перед собой серо-зеленую пустоту с несколькими неразборчивыми красными пятнами цифрового кода на правом краю поля зрения.

— Удобно? — спросил Джо.

— Ничего не вижу.

— Увидишь.

Джо вернулся в рабочую часть подвала, чтобы проверить корреляцию. Майку показалось, что он отсутствовал очень долго. Узнав, что Джо возвращается, он приготовился услышать дурные новости: что связь прервалась или полетела какая-то жизненно важная часть аппаратуры. В глубине души он бы, пожалуй, только порадовался. В первые часы после смерти Андреа он все отдал бы, лишь бы увидеться с ней снова. Но когда это стало возможным, он обнаружил в себе немало сомнений. Майк понимал, что со временем свыкнется со смертью Андреа. Это было не бесчувствие, а простой реализм. Он знал немало людей, потерявших родителей, и все они, пройдя через довольно темные времена, в конце концов приходили к относительному спокойствию. Это не значило, что они больше не любят покойных близких, просто они находили способ жить

дальше. Надо полагать, и он в состоянии так же оправиться от удара.

Вопрос в том, ускорит или замедлит этот процесс свидание с Андреа. Может, им стоило просто поговорить по видеосвязи или по телефону. Правда, такие разговоры всегда давались ему с трудом.

Он знал, что встретиться надо лицом к лицу, — все или ничего.

— Что-то не так? — довольно невинным тоном спросил он у Джо.

— Нет-нет, все отлично. Я просто ждал, пока сообщат, что вторая версия тебя готова.

— И как, он готов?

— Вполне. Его только что доставили из медцентра. Если ты готов, можно подключаться.

— Где он?

— Здесь, — ответил Джо. — То есть в двойнике этой комнаты. Лежит на той же койке. Так проще, подключение пройдет без рывка.

— Он без сознания?

— В полной коме. Как все мулы на нервосвязи.

С той разницей, подумал Майк, что его двойник не подписывал согласия, войдя в лекарственную кому, передать свое тело какому-нибудь далекому туристу. Это больше всего и возмущало Майка.

Мулы шли на это ради денег, и в мулы всегда вербовались беднейшие жители какой-нибудь туристской диковинки, будь то процветающий европейский город или какая-нибудь тошнотворно «подлинная» сточная канава третьего мира. Работа мула не бывает призванием. На это идут, когда ничего другого не остается. Это уже не замена проституции, а совершенно новая форма проституции в полном смысле этого слова.

Но хватит об этом. Они здесь все взрослые люди, добровольно принявшие решения. Никто, и меньше всего его вторая версия, не подвергается эксплуатации. Просто второй Майк добрый человек. Не добрее, как подозревал Майк, чем оказался бы он сам, случись им поменяться ролями, и все же он невольно испытывал какое-то извращенное чувство благодарности. А что касается Андреа… ну, она всегда была доброй. На этот счет ее никто не мог бы упрекнуть. Добрая и заботливая, даже чересчур.

Так чего же он тянет?

— Можешь подключать, — решился Майк.

Он ожидал большего. Все оказалось похожим на мышечный тик, какой он иногда испытывал в полусне, лежа в постели. И у него уже было другое тело.

— Привет, — сказал Джо. — Как себя чувствуешь, дружок?

Только вот обращался к нему уже другой Джо: Джо, принадлежавший миру, где Андреа не умерла. Первый Джо остался по ту сторону разрыва между реальностями.

— Чувствую… — Но говорить оказалось неожиданно трудно, слова выходили безнадежно невнятными.

— Не спеши, — посоветовал Джо. — Говорить поначалу всем трудно. Это быстро проходит.

— Не ви-ву… Не ви-жу!

— Просто мы еще не подключили очки. Секундочку…

Серо-зеленая пустота сменилась видом на интерьер лаборатории. Качество изображения превосходное. Комната при поверхностном взгляде представлялась той же самой, но когда Майк присмотрелся, посылая по нервосвязи сигналы мускулам, двигавшим тело второго Майка, то заметил мелкие детали, отличавшиеся от его мира. Клетчатая рубашка на Джо была другой, и заправлена она была не в белые тренировочные, а в легкие брюки марки «Конверс». И еще в этой версии лаборатории Джо забыл перелистнуть календарь на новый месяц.

Майк снова попробовал заговорить. На этот раз слова давались легче.

— Я и вправду здесь, да?

— И как тебе творить историю?

— Вообще-то… странное чувство. Да только историю творю не я. Когда будешь описывать эксперимент, не пиши, что первым перешел я. Пусть это будешь ты, как с самого начала и задумывалось. А это просто репетиция. Хотя можешь упомянуть обо мне в сноске.

Джо заколебался:

— Как хочешь, но…

— Именно так и хочу.

Майк завозился, пытаясь сползти с койки. Эта версия его тела, в отличие от прежней, не была подключена к трубкам. Но попытка пошевелиться не удалась. На мгновение его охватил ужас парализованного. Должно быть, он испуганно вскрикнул.

— Спокойно. — Джо положил руку ему на плечо. — Шаг за шагом. Связь еще должна устояться. Пройдет не один час, пока к тебе вернется свобода движений, так что не пробуй бегать, не научившись ходить. И еще, боюсь, нам придется продержать тебя в лаборатории куда дольше, чем тебе хотелось бы. Конечно, нервосвязь стала обычным

делом, но это ведь не простая нервосвязь. Нам пришлось урезать кое-что, чтобы протиснуть данные через коррелятор, так что риск больше, чем со стандартной туристской установкой. Беспокоиться не о чем, но я хотел бы убедиться, что все параметры у нас под контролем. Утром и вечером буду проводить тестирование. Извини, что приходится тянуть, но для статьи нам нужны еще и числовые данные. Могу только пообещать, что на встречу с Андреа у тебя времени хватит. Если, конечно, ты не раздумал с ней встречаться.

— Не раздумал, — сказал Майк. — Раз уж я здесь… не возвращаться же, верно?

Джо посмотрел на часы:

— Давай-ка начнем упражнения на координацию. Займем время на час-другой. Потом надо будет убедиться, что ты полностью контролируешь мочевой пузырь. Иначе может выйти неловко. А уж потом проверим, можешь ли ты сам удержать в руках ложку.

— Я хочу увидеть Андреа.

— Не сегодня, — твердо возразил Джо. — Сперва надо подготовиться.

— Завтра. Завтра наверняка.

Понедельник

Он задержался в тени старого зеленого лодоч-

ного сарая на берегу озера. День стоял жаркий, время шло к полудню, и в парке было людно, как не бывало с жарких дней прошлого лета. Конторские работники проводили обеденный перерыв, рассевшись по берегам: мужчины распустили галстуки и закатали рукава и брюки, женщины сбросили туфли и расстегнули воротнички блуз. Детишки плескались в фонтане, а те, что постарше, подпрыгивали на метры в высоту на механических ходулях — последней новинке сезона, выглядевшей довольно устрашающе. Студенты валялись на пологих травянистых откосах, загорали или в спешке дописывали запущенные курсовые работы. Майк узнал среди них ребят со своей кафедры. Большинство было в дешевых очках виртуальной реальности и в перчатках дистанционного управления, розовой пленкой прикрывающих руки до локтя. Самые бодрые студенты лежали на спине, тыча пальцами в невидимо висящие перед ними объекты. Выглядело это так, словно они пытались поймать последние клочки облаков, висящие над Кардиффом.

Майк уже высмотрел Андреа, стоявшую чуть дальше над озерной бухтой. Там, где они договорились встретиться. Благовоспитанная Андреа

пришла минута в минуту. На ней была белая блузка, бордовая юбка до колен и простые офисные туфли. Волосы оказались короче, чем ему помнилось, уложены по-новому и не доставали до воротничка. Секунду, пока она не повернулась, он ее не узнавал. В руке она держала стаканчик с кофе с эмблемой «Старбакса» и между глотками посматривала на часы. Майк опаздывал уже на пять минут и понимал, что рискует. Андреа могла уйти, не дождавшись. Но сейчас, в тени сарая, вся его уверенность куда-то подевалась.

Андреа незаметно огляделась. Еще раз посмотрела на часы. Сделала глоток, запрокинув стаканчик так, что Майк понял: допивает последние капли. Он увидел, как она ищет взглядом мусорный бачок.

Майк вышел из тени. Прошел по траве к бетонной дорожке, остро ощутив неуклюжую медлительность своей походки. Ходьба после долгих упражнений стала даваться легче, но ему все еще казалось, будто он шагает, погрузившись по горло в бассейн с патокой. Джо уверял, что движения станут увереннее, когда устоится нервосвязь, но, как видно, на это требовалось больше времени, чем они думали.

— Андреа, — проговорил он. Голос прозвучал

невнятно и пьяно и даже ему самому показался слишком громким.

Она повернулась и встретилась с ним взглядом. После чуть заметной паузы улыбнулась, и улыбка тоже оказалась чуточку не такой, словно ее попросили улыбнуться в объектив.

— Привет, Майк. Я уж думала…

— Все нормально. — Он тщательно выговаривал каждое слово и проверял, правильно ли оно прозвучало, прежде чем перейти к следующему. — Я просто не мог решиться.

— Я тебя не виню. Как ты себя чувствуешь?

— Немного странновато. Потом будет лучше.

— Да, они мне говорили. — Она сделала еще глоток из стаканчика, не заметив, что он опустел.

Между ними было метра два — достаточно близко для разговора, достаточно близко, чтобы сойти за пару друзей или коллег, случайно столкнувшихся у озера.

— Ты очень добра… — начал Майк.

Андреа поспешно замотала головой:

— Прошу тебя. Все в порядке. Мы все обсудили. И оба решили, что так будет правильно. Ты ведь не задумался бы, поменяйся мы ролями.

— Может быть, и нет.

— Я тебя знаю, Майк. Может быть, лучше, чем

ты сам себя знаешь. Ты сделал бы все, что мог, и больше того.

— Я только хотел сказать… я не считаю это пустяком. Ни того, что ты согласилась вот так со мной повидаться… ни того, на что *он* пошел, чтобы дать мне время.

— Он просил тебе передать, что есть и худшие способы провести неделю.

Майк постарался улыбнуться. Он чувствовал, как движутся мышцы лица, но без зеркала не мог судить, что у него получилось. Пауза затянулась. Футбольный мяч плюхнулся в воду и тихонько поплыл от берега. Слышно было, как заплакал мальчик.

— У тебя другая прическа, — заметил Майк.

— Тебе не нравится?..

— Нет, нравится. Правда, тебе идет. Ты подстриглась после того, как… нет, погоди, понял. Ты ведь шла в парикмахерскую…

Теперь он рассмотрел у нее на щеке царапину, оставшуюся от падения на поребрик, когда ее сшибла машина. Не пришлось даже накладывать швов. Через неделю пройдет без следа.

— Я даже представить не могу, каково тебе пришлось, — сказала Андреа. — И не могу представить, каково тебе сейчас.

— Сейчас легче.

— Сказано без особой уверенности…

— Я хочу, чтобы стало легче. И думаю, что станет. Просто прямо сейчас кажется, что я сделал самую большую в жизни ошибку.

Андреа подняла свой стаканчик:

— Хочешь кофе? Я угощаю.

Андреа работала адвокатом. Ее маленькая контора располагалась в современном здании по соседству с парком. Рядом было кафе «Старбакс».

— Меня ведь там не знают, верно?

— Не знают, если только ты не заглядывал туда по ночам. Ну, идем. Не хочу тебя обижать, но поупражняться в ходьбе тебе не помешает.

— Только если ты обещаешь не смеяться.

— И в голову не придет. Возьми меня под руку, Майк, так будет легче.

Он не успел отступить: Андреа преодолела разделявшее их расстояние и взяла его руку в ладони. Как она добра, подумал Майк. Он еще гадал, как бы прикоснуться к ней, избежав неловкости, а она уже избавила его от неуклюжих попыток. В этом самая суть Андреа: она всегда думает о других и старается облегчить им жизнь, хоть самую малость. За это ее и любят, потому ее друзья так отчаянно преданы ей.

— Все будет хорошо, Майк, — мягко сказала Андреа. — Все, что было между нами… теперь все это не важно. Я говорила тебе обидные слова, и ты мне тоже. Давай все это забудем. Просто как можно лучше используем отпущенное нам время.

— Я страшно боюсь потерять тебя.

— Ты хороший человек. Ты даже не знаешь, сколько у тебя друзей.

Он так вспотел на жаре, что очки стали съезжать с носа. Вид переместился на носки его ботинок. Он вскинул свободную руку — жест вышел таким резким, словно он отдавал честь, — и вернул очки на место. Рука Андреа сильнее сжала его руку.

— Я не выдержу. — Майк покачал головой. — Мне надо вернуться.

— Ты это начал, — строго, но без злобы напомнила Андреа, — и пройдешь до конца. Всю дорогу, Майк Лейтон.

Вторник

Наутро второго дня дела пошли куда лучше. Проснувшись в лаборатории Джо Ливерсэджа, он ощутил легкость движений, какой и в помине не было вечером, когда он прощался с Андреа. Теперь ему представлялось, что он живет в чужом теле, а не просто управляет марионеткой.

Он по-прежнему ничего не видел без очков, но ощущения заметно лучше передавались по нервосвязи, и когда он что-нибудь трогал, то отчетливо и сразу чувствовал пальцами предмет, а накануне ощущение было размытым и приходило с задержкой. Большинство туристов за сутки достигали разумной точности передачи осязательных ощущений. Через два дня настройка проприоцепторов позволяла им выполнять сложные действия: кататься на велосипедах, плавать и ходить на лыжах. У опытных туристов, особенно если они повторно использовали то же тело, переходный период оказывался еще короче. Они как будто возвращались в знакомый дом после короткой отлучки.

Команда Джо устроила Майку полную проверку. Все это была рутина. Аспирантка Джо, Эми Флинт, уговорила его сделать еще несколько тактильных тестов: данные нужны были ей для диссертации. Выглядело это так: Майк без очков сидел за столом и ощупывал предметы, пытаясь определить, какой они формы и из чего сделаны. Он набрал немало очков и не сумел определить разницу только между деревянным и пластмассовым шариком одинакового веса и текстуры. Флинт обращалась с ним с веселой непринуж-

денностью, без той теплоты или осторожности, которую Майк мгновенно улавливал в обращении друзей и коллег. Она явно не знала, в чем дело: подумала, что Джо просто решил сменить объект опыта.

Джо был в восторге от успехов Майка. Все, от тела до программного обеспечения, работало на «отлично». Стабильно держалась полоса передачи около двух мегабайт в секунду. Запас мощности вполне позволил Майку воспользоваться вторым видеоканалом, чтобы заглянуть в лабораторию на той стороне. Та версия Джо держала камеру так, чтобы Майк видел собственное тело, подключенное к аппаратуре на койке для тяжелобольных. Майк думал, что его встревожит это зрелище, но все прошло на удивление буднично. Он словно смотрел любительскую видеозапись. Покончив с тестами, Джо прогулялся с Майком до университетской столовой и накормил жидким завтраком. Майк умял три стаканчика фруктового йогурта. За едой дело давалось ему с трудом, но тоже должно было наладиться со временем. Он рассеянно поглядывал на установленный в столовой телевизор. Большой, во всю стену, экран показывал утренние новости. Звук был выключен. На несколько секунд на экране появилось

зернистое изображение шахтеров, попавших под взгляд камеры наблюдения, когда они брели к низкому бетонному зданию над шахтой, направляясь на работу. Обвал случился три дня назад. Шахтеров все еще не удалось вызволить ни в одной из линий, связанных с этой реальностью. В том числе и в мире Майка.

— Вот бедолаги! — бросил Джо, оторвавшись от листка, на котором что-то записывал.

— Может, их еще вытащат.

— Ага, может быть. Но не хотел бы я оказаться там с ними.

Изображение сменилось: итоги футбольных матчей. И здесь в большинстве мировых линий результаты сходились, за исключением двух или трех, высвеченных особо и снабженных текстом комментария, где были различия, и одна команда даже выпала из своей лиги. Потом Майк самостоятельно дошел до трамвайной остановки и сел на первый же номер, направлявшийся к центру города. Он почувствовал, что привлекает к себе меньше внимания, чем вчера. Глядя на свое отражение в оконном стекле, он отметил, что движется еще несколько скованно, но уже не напоминает робота или клоуна. Его можно было принять за человека, страдающего легким арт-

ритом или перетренировавшегося в спортзале и расплачивающегося теперь болью в мышцах.

Пока трамвай пробирался сквозь уличное движение, он мысленно вернулся ко вчерашнему вечеру. Встреча с Андреа и весь день с ней прошли чуть ли не лучше, чем он надеялся. Сперва было трудновато, но, пока они добрались до «Старбакса», она заметно расслабилась, и ему тоже стало проще. Они говорили о пустяках, обходя главное — то, о чем ни он, ни она вспоминать не хотели. Андреа взяла выходной на полдня: в контору ей надо было возвращаться только вечером, проверить, не возникло ли за время отлучки каких-нибудь проблем.

Они обсудили, как провести остаток дня.

— Можно прокатиться на Брекон-Биконз, — предложил Майк. — Приятно будет погулять по горам, подышать морским ветром. Когда-то мы любили такие вылазки.

— Давненько это было, — возразила Андреа. — Боюсь, нынче мои ноги такого не выдержат.

— Когда-то ты так и порхала по этим холмам.

— Увы, ключевое слово тут «когда-то». Теперь я начинаю пыхтеть, даже поднявшись по улице Сент-Мэри с сумкой покупок.

Майк взглянул на нее с сомнением, но ему при-

шлось признать, что в ее словах был резон. Ни один из них уже не походил на тех спортивных азартных ребят, какими они были, когда пятнадцать лет назад встретились в университетском клубе горного туризма. Тогда они проводили все выходные, обследуя холмы от Брекон-Биконз до Блэк-Маунтинз, или выезжали в Сноудонию или в Озерный край. Им случалось пережить минуты, при воспоминании о которых волосы вставали дыбом, когда внезапно портилась погода или когда обнаруживалось, что их занесло совершенно не на тот хребет. Но больше всего Майку запомнились не холод и сырость, а чувство облегчения, когда к концу дня они спускались в теплый уютный паб, вымотанные, умирающие от жажды и в восторге от своих побед. Хорошие воспоминания, все до одного. Зачем они это бросили, зачем позволили работе отнять у них выходные?

— Слушай, можно и съездить на пару дней в горы, — сказала Андреа, — но на сегодня это небольшой перебор, тебе не кажется?

— Пожалуй, ты права, — согласился Майк.

Немного поспорив, они сошлись на том, чтобы посетить замок, а потом прокатиться на кораблике по заливу, вблизи рассмотреть гордые и неприступные береговые укрепления. Им давно

хотелось это сделать, да они все откладывали на следующий уик-энд. Замок кишел туристами даже в будний день. Но многие из них были на нервосвязи, и Майк среди них почувствовал себя неприметным. Никто не оглядывался на заемное тело в очках, одно из многих, хотя он выглядел куда более упитанным и ухоженным, чем средний мул. Потом они сходили осмотреть римские развалины, где нашли Рэйчел Ливерсэдж, бодро объяснявшую что-то группе младших школьников из долины.

Прогулка на кораблике пришлась Майку больше по душе, чем экскурсия в крепость. Здесь тоже хватало туристов на нервосвязи, так что он оставался незаметным, к тому же в море он успел передохнуть от липкой жары городского центра. Он даже ощутил ветерок на тыльной стороне ладоней: доказательство того, как хорошо устоялась нервосвязь.

Андреа первая затронула в разговоре причину появления здесь Майка. Она попросту вернулась от бара с двумя бумажными стаканчиками, чуть не расплескав мутный кофе, когда кораблик неожиданно качнуло. Она опустилась на жесткую палубную скамью.

— Забыла спросить, как ты провел утро в лабо-

ратории, — легко заговорила она. — Все в норме?

— Даже лучше, — кивнул Майк. — Джо сказал — у нас сегодня два мега. На большее он и не надеялся.

— Тебе придется мне объяснить. Я знаю, что это как-то связано с количеством данных, которые удается переслать по связи, но не представляю, в чем разница с обычным туристским снаряжением.

Майк припомнил объяснения Джо:

— Это качеством похуже. Туристы берут такую полосу частот, какую могут себе позволить. А коррелятор Джо не превышает пяти мегабайт в секунду. И это в начале двенадцатидневного окна. Дней через пять-шесть станет хуже.

— А двух достаточно?

— Джо вынужден обходиться этим. — Майк постучал пальцем по своим очкам. — Этого, если ему верить, должно хватать для цветного изображения с нормальным разрешением. Но ему приходится применять ужасно хитрую программу. Она там, в лаборатории, постоянно что-то додумывает, чтобы заполнить пробелы.

— И как это выглядит?

— Как будто смотришь на мир через темные очки. — Майк стянул их с носа и сунул Андреа. —

Только видят на самом деле очки, а не мои или его глаза. По большей части изображение настолько хорошее, что я не замечаю ничего особенного. Если быстро поворачиваю голову или если что-то быстро проскакивает мимо, очки не успевают приспособиться к изменяющемуся виду.

Он снова нацепил очки, как раз когда в нескольких метрах от борта пронеслась чайка. На мгновение она представилась ему в квадратиках пикселей, словно рисунок безумного кубиста, потом изображение выровнялось и стало гладким.

— А как с остальным? Слух, осязание…

— Они занимают не так много места, как зрение. По словам Джо, для контроля за положением тела нужно всего несколько базовых параметров: угол, под которым сгибаются суставы ног, и тому подобное. Слух — довольно простое ощущение. А осязание, как ни странно, еще проще.

— Правда?

— Так говорит Джо. Возьми меня за руку.

Андреа, чуть замявшись, взяла его ладонь.

— Теперь сожми, — попросил Майк.

Она сжала пальцы.

— Ты чувствуешь?

— Отлично чувствую. Это куда проще, чем передавать звук. Если бы ты мне что-то сказала,

акустический сигнал пришлось бы анализировать, переводить в числовую форму, сжимать и протискивать через связь: сотни байт в секунду. А для прикосновения нужен только один параметр. Система будет передавать осязательные ощущения, даже когда все остальное откажет.

— Значит, это будет последним…

— Это самое фундаментальное из наших ощущений. Как и должно быть.

Через несколько секунд Андреа спросила:

— Сколько?

— Четыре дня, — ответил Майк. — Может, пять, если повезет. Джо говорит — завтра нам удастся лучше справиться с затуханием сигнала.

— Мне неспокойно, Майк. Не знаю, выдержу ли я. Потерять тебя…

— Ты получишь меня обратно.

— Понимаю. Но… это будешь не ты. Другой ты.

— Они оба — я.

— Сейчас мне так не кажется. А кажется, будто я завела роман, пока мужа нет дома.

— Это ты зря. Я твой муж. Мы оба — твой муж.

После этого они молчали, пока кораблик не причалил к берегу. Не то чтобы сказано было что-то особенное, просто они никак не могли подобрать нужные слова. Андреа не выпускала

его руки. Майку хотелось, чтобы это утро длилось вечно: кораблик, ветерок, чистейшее небо над заливом. Он тут же упрекнул себя за то, что думает об уходящем времени, вместо того чтобы в полной мере использовать то, что есть. Это с детства было его проблемой. Школьные каникулы вечно оказывались омрачены меланхолическими размышлениями о том, как мало осталось дней.

Но сейчас не каникулы.

Вскоре он обратил внимание на то, что люди собираются на носу кораблика, напирая на бортовые ограждения. Они указывали куда-то в небо. Кое-кто вытащил телефоны.

— Там что-то происходит, — заметил Майк.

— Вижу, — ответила Андреа и, коснувшись ладонью его щеки, заставила запрокинуть голову. — Там самолет.

Майк дождался, пока очки уловят крошечную движущуюся искорку на конце бледной следовой полосы. Он не без обиды подумал, что кому-то еще позволено летать, когда все человечество лишено этого права. Майк понятия не имел, каким политическим или военным целям служит этот полет, но узнать, если захочется, будет несложно. К вечеру новость облетит все газеты. И не только в этой версии Кардиффа, но и в его собственной.

Вот что труднее всего принять в смерти Андреа. Большой мир катит себе дальше, маленькая трагедия отдельного человека ни на дюйм не отклонила его от курса. Там Андреа погибла, здесь осталась невредима, а изменений в полете этого самолета не уловят никакие приборы (во всех реальностях).

— Мне нравится смотреть на самолеты, — сказала Андреа. — Сразу вспоминается, каким был мир до моратория. А тебе?

— Вообще-то, — признался Майк, — мне от их вида становится грустновато.

Среда

Майк знал, как занята была в последнее время Андреа, и старался уговорить ее не отнимать время у работы. Андреа возражала, уверяя, что коллеги в течение нескольких дней справятся с ее нагрузкой. Майк знал, что это неправда: Андреа вела фирму практически в одиночку, но в конечном счете они пришли к компромиссу. Андреа возьмет выходные, а по утрам будет забегать в контору, проверять, нет ли чего срочного.

Майк согласился встречаться с ней в конторе в десять, сразу после тестирования. Он чувствовал себя так же, как накануне, разве что движения давались еще легче. Однако Джо, закончив, сооб-

щил ему новость, которой Майк заранее боялся, хотя знал, что никуда от нее не деться: качество сигнала продолжало ухудшаться. По словам Джо, у них уже оставалось один и восемь мега. Опыт такого рода позволял им экстраполировать ход событий до начала следующей недели. Помехи забьют связь к следующему воскресенью, ко времени чаепития, плюс-минус три часа.

«Если бы раньше начать! — думал Майк. — Впрочем, Джо и так сделал все возможное».

Сегодня, вопреки грозным предупреждениям из лаборатории, он наслаждался ощущением полного погружения в мир-двойник. Глядя на пробегающий за трамвайным окном солнечный город, он не мог поверить, что не присутствует в этом теле физически, а лежит на койке в другой версии лаборатории. За ночь тактильные ощущения заметно усилились. Ухватившись на повороте за верхний поручень трамвая, он ощутил под ладонью холодный алюминий, покрытый жирноватым налетом от державшихся за него рук.

Коллеги Андреа в конторе приветствовали его с неподдельной небрежностью, приводившей Майка в отчаяние. Он ожидал неловких соболезнований и взглядов, брошенных украдкой, в

надежде, что он не заметит. Вместо этого его запихнули в кресло в приемной и оставили листать глянцевые проспекты, дожидаясь появления Андреа. Никто даже не предложил ему выпить.

Он уныло перелистывал брошюру. Работа Андреа всегда была больным местом в их отношениях. Не одобряя нервосвязи, он даже думать не желал о юридических проблемах, позволявших извлекать такие большие деньги из претензий по возмещению ущерба, связанного с применением этой техники. Однако сейчас ему трудно было вызвать в себе привычное чувство морального превосходства. Действительно, с порядочными людьми по небрежности и торопливости *случаются* неприятности. Раз уж нервосвязь существует, кто-то должен позаботиться, чтобы пострадавшие получили то, что им причитается. Он удивился, почему это не приходило ему в голову раньше.

— Привет, — сказала Андреа. Наклонившись, она деловито чмокнула его. Поцелуй пришелся не совсем в губы. — Извини, задержалась.

— Теперь можно идти? — спросил Майк и отложил брошюру.

— Ага, я здесь закончила.

На улице, в тени большого коммерческого зда-

ния, Майк спросил:

— Они что, не знают? Никто не догадывается, что у нас происходит?

— Я подумала, что так будет лучше, — объяснила Андреа.

— Не представляю, как тебе удается притворяться, будто все в порядке.

— Майк, все и есть в порядке. Ты взгляни на это с моей точки зрения. Я не теряла мужа. Для меня ничего не изменилось. Когда ты исчезнешь — когда все это кончится и я получу обратно другого тебя, — жизнь моя пойдет как обычно. Я понимаю, что для тебя это трагедия, и, поверь, меня это огорчает больше, чем кого-либо другого…

— Огорчает, — тихо повторил Майк.

— Да, огорчает. Я солгала бы, сказав, что вне себя от горя. Я человек, Майк. Я не способна испытывать шквал эмоций от сознания, что где-то далеко моя копия умудрилась попасть под машину, оттого что очень спешила в парикмахерскую. Глупая коровища — вот что я о ней думаю. Самое большее, это кажется мне странноватым, — может, мурашки по спине пробегут. Но не думаю, что мне придется потом приходить в себя.

— Я потерял жену, — напомнил Майк.

— Знаю, и мне тебя жаль. Ты даже не представ-

ляешь, как жаль. Но если ты ожидаешь, что моя жизнь от этого рухнет…

Он не дал ей договорить:

— Я уже гасну. Сегодня утром было один и восемь десятых.

— Ты ведь знал, что так будет. Ничего удивительного.

— К концу дня ты начнешь замечать изменения.

— До конца дня еще далеко, так что перестань терзать себя, договорились? Прошу тебя, Майк. Ты вот-вот все для себя испортишь.

— Понимаю и постараюсь не испортить, — сказал он. — Но я это вот к чему: дальше будет только хуже… и, по-моему, сегодня мой последний шанс, Андреа. Побыть с тобой… по-настоящему.

— Хочешь сказать — переспать со мной? — Андреа понизила голос.

— Мы об этом еще не говорили. Нет, все нормально, я и не думал, что это будет ясно без слов. Но почему бы не…

— Майк, я… — начала Андреа.

— Ты все еще моя жена. Я все еще тебя люблю. Я не забыл, что у нас были сложности, но теперь все это кажется таким глупым. Надо было давно тебе позвонить. Дурак я был. А потом это случилось…

и тогда я понял, какая ты чудесная и замечательная. Я должен был сам понять, но не понял… понадобилось несчастье, чтобы меня встряхнуть, заставить осознать, как мне с тобой повезло. А теперь мне предстоит второй раз тебя потерять, и не знаю, как я с этим справлюсь. Но хотя бы побыть вместе… я хочу сказать — по-настоящему.

— Майк…

— Ты сама сказала, что собираешься снова сойтись с другим Майком. Может, все это понадобилось, чтобы свести нас вместе. Но суть в том, что раз ты собираешься сойтись с ним, так почему бы нам не сойтись сейчас? До несчастья мы были парой, можем быть парой и теперь.

— Майк, это разные вещи. Ты потерял жену. Я — не она. Я что-то непостижимое, для чего и слова не придумано. И ты на самом деле — не мой муж. Мой муж лежит в лекарственно-индуцированной коме.

— Ты сама знаешь, что все это не важно.

— Для тебя.

— И для тебя не должно быть важно. И твой муж, между прочим, на это согласился. Он точно знал, что так будет. И ты знала.

— Я просто подумала, что будет приличнее, если бы между нами сохранилась дистанция.

— Ты так говоришь, будто мы в разводе.

— Майк, мы ведь и в самом деле расстались. Мы не общались. Не могу я забыть, что было до того происшествия, как будто ничего и не было.

— Я понимаю, что тебе нелегко.

Они в неловком молчании шли по городским улицам, по которым тысячи раз проходили прежде. Майк предложил Андреа кофе, но она ответила, что уже пила в конторе. Может быть, попозже. Они задержались, чтобы перейти улицу перед одним из любимых бутиков Андреа, и Майк спросил, не купить ли ей что-нибудь.

— Не нужно мне ничего покупать, Майк, — изумленно возразила Андреа. — Сегодня ведь не день рождения какой-нибудь.

— Приятно было бы что-нибудь тебе подарить. На память.

— Мне не нужно о тебе помнить, Майк. Ты и так всегда будешь рядом.

— Хоть маленький подарок. Что-нибудь, что ты иногда будешь носить и вспоминать обо мне. Об *этом*, а не о том, который вернется в это тело через несколько дней.

— Ну, если ты настаиваешь… — (Он по голосу слышал, что Андреа старается говорить с энтузиазмом, но душа у нее к этому не лежит.) — Я на

прошлой неделе присмотрела сумочку…

— Надо было сразу покупать.

— Я экономила на парикмахерскую.

Майк купил ей сумочку. Мысленно отметил стиль и цвет, чтобы на следующей неделе купить себе такую же. Поскольку в своей мировой линии он не покупал Андреа подарка, возможно, там он выйдет из магазина с двойником этой самой сумочки в руках.

Они снова прошли в парк, потом полюбовались картинами в Национальном музее Уэльса и вернулись в город пообедать. По сравнению с последними днями в небе собралось больше облаков, но их хромовая белизна только оттеняла голубую эмаль неба. Самолетов видно не было: ни единого следа. Выяснилось, что вчерашний в самом деле принадлежал военному ведомству и направлялся в Польшу со спасательной командой на борту. Майк вспомнил, с каким раздражением смотрел на самолет, и ему стало стыдно. В нем летели отважные мужчины и женщины, готовые рискнуть собой, чтобы выручить отважных мужчин и женщин, заваленных в глубокой шахте под землей.

— Ну вот, — сказала Андреа, когда они расплатились по счету. — Кажется, настал момент

истины. Я обдумала твои слова и… — Она сбилась, уставившись в недоеденный салат, и начала сначала: — Если хочешь, можно пойти домой. Если ты действительно хочешь.

— Да, — кивнул Майк. — Я действительно хочу.

Они доехали до дому на трамвае. Андреа открыла дверь своим ключом. Солнце стояло еще высоко, но в доме было прохладно, шторы и жалюзи остались опущенными. Майк встал на колени, подобрал упавшую на коврик почту. Большей частью счета. Он сложил их на столик в прихожей, испытав мимолетное чувство свободы. Скорее всего, дома его ждали такие же счета, но здесь, *об этих*, должен побеспокоиться кто-то другой.

Он сбросил ботинки и прошел в гостиную. На минуту его выбило из равновесия ощущение, будто он попал в чужой дом. Ширма не у той стены, обеденный стол передвинут на другую половину комнаты, и диван и кресла тоже переставлены.

— Что такое?..

— Ох, забыла предупредить, — сказала Андреа. — Мне захотелось перемен. Ты подъехал и помог мне все переставить.

— И новая мебель…

— Нет, просто чехлы другие. И тоже неновые, они у нас уже давно. Ну, вспомнил теперь?

— Кажется, припоминаю.

— Брось, Майк, не так уж давно это было. Нам их подарила тетушка Джанис, помнишь? — Она с отчаянием смотрела на него. — Я расставлю все как было. Наверное, я должна была подумать. В голову не пришло, как странно это тебе покажется.

— Нет, все в порядке. Честно, так даже лучше.

Майк осмотрелся, стараясь закрепить в памяти расположение мебели и украшений. Как будто собирался воспроизвести их, вернувшись в собственное тело, в собственную версию этого дома.

Может, он так и сделает.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала вдруг Андреа и потянулась к верхней полке с книгами. — Нашла сегодня утром. Сто лет искала.

— Что? — спросил Майк.

Она протянула ему находку. Майк увидел ламинированные розовые корочки, в пятнах, с обтрепанными уголками. Только уронив папку на пол и увидев вывалившиеся из нее сложенные листы, он узнал карты.

— Черт возьми, никогда не догадался бы там искать!

Майк сложил рассыпавшиеся карты и стал рассматривать обложку. Это были старые крупномасштабные карты гор, той части Брекон-Биконз, по которым они когда-то ходили в походы.

— Я просто подумала… ты так загорелся… может, нам и не повредит выбраться из города. Только имей в виду, я не ищу приключений.

— Завтра?

Она озабоченно взглянула на него:

— Я хотела завтра. Ты будешь в порядке, нет?

— Никаких проблем.

— Тогда устроим пикник. В «Теско» продают отличные корзинки для пикников. Кажется, у нас где-то остались два термоса.

— Термосы ладно, а вот как насчет походных ботинок?

— В гараже, — успокоила его Андреа. — И рюкзаки там же. Я их вечером откопаю.

— Жду не дождусь, — сказал Майк. — Честное слово. Ты очень добра, что согласилась.

— Только не рассчитывай, что я взберусь на Пен-и-Фан не запыхавшись.

— Ты еще себя не знаешь!

Чуть погодя они поднялись наверх, в спальню. Жалюзи были приоткрыты, и на постель падали полоски света. Андреа разделась, потом помогла

Майку выбраться из его одежды. Как ни хорошо он владел телом, сложные действия вроде расстегивания пуговиц и молний требовали тренировки, а времени на это у него не было.

— Тебе придется потом помочь мне одеться.

— Опять ты раньше времени беспокоишься!

Они вместе легли на кровать. Майк почувствовал, как отвердела его плоть, задолго до того, как изменилось тело, в котором он обитал. Эрекцию испытал он в лаборатории, за полгорода отсюда и в другой мировой линии. Он даже ощутил жесткое давление катетера мочеприемника. Останутся ли у другого Майка, того, что теперь в коме, хоть смутные воспоминания о происходящем? Ходили рассказы о людях, которые, придя в себя, вспоминали, что происходило с их телами, но агентства уверяли, что это просто городские легенды.

Они медленно, осторожно любили друг друга. Майк особенно остро ощутил свою неловкость и от смущения двигался еще более скованно. Андреа всеми силами старалась заполнить разрыв, но чудо было ей не по силам. Она была терпелива и снисходительна, даже когда он чуть не сделал ей больно. Пика, почувствовал Майк, первым достигло тело в лаборатории. Секунду спустя

отозвалось и это тело. Оно отозвалось на сигнал по нервосвязи — не удовольствие, но подтверждение, что удовольствие достигнуто.

Потом они тихо лежали в постели, переплетя руки и ноги. Ветерок раскачивал жалюзи на окне. Медленное движение света и тени, тихое позвякивание пластмассы по стеклу убаюкивало, как покачивание лодки на пологих волнах. Майк погрузился в блаженный сон. Ему снилось, будто он стоит на вершине Брекон-Биконз, видит под собой солнечные долины Южного Уэльса и Андреа стоит рядом с ним, как на рекламе бюро путешествий.

Проснувшись через несколько часов, он услышал, как она передвигается внизу. Майк потянулся за очками, он снял их, перед тем как лечь, и стал выбираться из постели. И тогда он почувствовал. За эти часы отдыха он отчасти утратил власть над телом. Он встал и двинулся к двери. Ходить он еще мог, но легкость движений, обретенная во вторник, пропала. Когда он вышел на площадку и взглянул вниз, очки с трудом приспособились к смене плана. Изображение было точечным, разбитым на части. Он хотел схватиться за перила и увидел свою руку как длинное размытое пятно.

Он стал спускаться по лестнице, как спускают-

ся с горы.

Четверг

К утру стало хуже. Майк провел ночь дома, а утром на трамвае поехал в лабораторию. Он уже ощущал разрыв между мысленным толчком к движению и откликом тела. Ходить кое-как удавалось, а вот с прочими делами становилось все труднее. После его попыток позавтракать на кухне Андреа пришлось убирать за ним грязь. Майк не удивился, услышав от Джо, что канал связи уменьшился до одного и двух мега и идет на спад.

— А к концу дня? — спросил он, хотя распечатка была у него перед глазами.

— Ноль и девять, а может, ноль и восемь.

Ему хотелось верить, что он еще способен исполнить задуманное на сегодня. Но день скоро превратился в каталог утраченных способностей. В полдень он встретил Андреа в конторе, и они пошли в бюро проката, чтобы взять на день машину. Андреа села за руль и выехала из Кардиффа вверх по долине, по шоссе A470 из Мертира к Брекону. Они собирались подняться до самой вершины Пен-и-Фан — подъем, который они проделывали в молодости не меньше дюжины раз. Андреа заранее взяла в «Теско» корзинки для

пикников, собрала и приготовила оба рюкзака. Она помогла Майку надеть походные ботинки.

Машину оставили в Стори-Армсе, откуда утоптанная тропа, извиваясь, уводила в горы. Сперва Майк испытывал некоторую неловкость. В бытность туристами они с презрением смотрели на орды гуляющих, отправлявшихся на Пен-и-Фан, особенно на тех, кто начинал маршрут в пабе. Вид, открывавшийся с вершины, стоил усилий, но они обычно в тот же день проделывали еще пару восхождений и к тому же избегали самой простой тропы. Теперь Майк расплачивался за то давнее высокомерие. Приятная поначалу нагрузка вскоре стала невыносимо тяжелой. Он надеялся, что Андреа не замечает, как трудно ему двигаться по неровной каменистой тропе. Подъем выматывал, не давая насладиться красотами или простой радостью близости с Андреа. Когда он в первый раз оступился, Андреа не обратила внимания, она и сама уже раз споткнулась на сухой растрескавшейся тропинке. Но скоро он едва мог пройти и сто метров, не потеряв равновесия. Он с тяжестью на сердце подумал, что достаточно сложно будет даже просто вернуться к машине. До горы оставалось еще две мили, и настоящая крутизна была впереди.

— Ты как, Майк?

— Отлично. Обо мне не беспокойся. Это все проклятые ботинки. Прямо не верится, что когда-то это был мой размер.

Он держался, сколько мог, не желая сдаваться, но идти становилось все труднее, и двигались они все медленнее. Когда Майк, в очередной раз упав, рассадил сквозь брюки колено, стало ясно, что он выжал из себя все, что мог. Шансов подняться на гору у него было не больше, чем на какую-нибудь гималайскую вершину.

— Прости. От меня никакого толку. Иди одна. Слишком славный денек, чтобы здесь остановиться.

— Эй! — Андреа взяла его за руку. — Ты это брось. Мы ведь знали, что будет трудно. И все равно, посмотри, сколько уже прошли.

Майк обернулся и понуро измерил взглядом долину:

— Километра три. Паб еще виден.

— Да? А кажется, больше. К тому же вот и славное местечко для пикника. — Андреа демонстративно потерла бедро. — Я как раз хотела сделать привал. Мышцу потянула.

— Это ты просто так говоришь.

— Заткнись, Майк. Я довольна, понимаешь? Ес-

ли тебе нужно мучиться и карабкаться ползком, валяй. Что касается меня, я остаюсь здесь.

Она расстелила плед у сухого ручья и распаковала еду. Содержимое корзинок в самом деле выглядело соблазнительно. Вкус передавался по нервосвязи как слабое размытое ощущение, больше похожее на воспоминание вкуса. Все же он сумел поесть, не слишком перемазавшись, и кое-что почти доставило ему удовольствие. Они ели, слушали птиц, изредка переговаривались. Временами мимо проходили туристы. Они стремились к вершине и почти не удостаивали взглядом Майка с Андреа.

— Наверное, я дурачил самого себя, когда надеялся добраться до гор, — сказал Майк.

— Пожалуй, план был слишком смел, — признала Андреа. — Даже без нервосвязи нам пришлось бы нелегко. Уж очень мы размякли.

— Думаю, вчера я бы лучше справился. И даже сегодня утром… Честно, когда мы садились в машину, я был уверен, что справлюсь.

Андреа погладила его колено:

— Больно?

— Как издалека. Вчера мне казалось, я полностью в этом теле, слился с ним. Как лицо в маске. Сегодня иначе. Я еще вижу сквозь маску, но она

уже не прилегает к лицу.

Андреа как будто на несколько минут ушла в себя. Он задумался: не расстроил ли ее тем, что наговорил. Однако, когда она снова заговорила, в ее голосе звучала какая-то стальная решимость, неожиданная, но очень характерная для Андреа.

— Послушай меня, Майк.

— Я слушаю.

— Я сейчас тебе что-то скажу. Сегодня первое мая, как раз два часа дня. Мы выехали из Кардиффа в одиннадцать. В это же время в будущем году, в этот самый день, я сюда вернусь. Я собираюсь приготовить корзинку для пикника и подняться до самой вершины Пен-и-Фан. Я выеду из Кардиффа в то же время. И буду так делать каждый год. Каждое первое мая. Все равно, на какой день недели оно придется. Все равно, какая бы мерзкая ни была погода. Я поднимусь в горы, и ничто на свете меня не остановит.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять ее мысль.

— А другой Майк?..

— Нет. Я не говорю, что мы никогда не поднимемся сюда вместе. Но первого мая я приду сюда одна. — Она прямо взглянула на Майка. — И ты тоже будешь один. Ты найдешь кого-то, я уверена.

Но кто бы она ни была, в этот день ты будешь один. Так что мы с тобой будем только вдвоем.

— Мы не сможем общаться. Даже не узнаем, держится ли другой нашего плана.

— Узнаем, — твердо сказала Андреа. — Мы будем держаться. Потому что обещаем, верно? Самое главное обещание, какое мы давали в жизни. Так мы будем знать. Каждый из нас будет в своей вселенной, или в мировой линии, или как там это называется. Мы будем стоять на одной и той же уэльской вершине. Перед нами будет один и тот же вид. И я буду думать о тебе, а ты будешь думать обо мне.

Майк провел ладонью по волосам Андреа. Пальцы уже не слишком слушались его.

— Ты ведь это всерьез, да?

— Конечно всерьез. Но я ничего не обещаю, если ты не согласишься на свою половину плана. Ты обещаешь, Майк?

— Да, — сказал он, — я обещаю.

— Я рада бы придумать что-нибудь получше. Я могла бы предложить всегда встречаться в парке. Но там кругом люди. А я хочу тишины, одиночества, чтобы почувствовать твое присутствие. К тому же парк могут срыть и построить на его месте торговый центр. А гора всегда будет здесь.

По крайней мере, пока мы здесь.

— А когда мы состаримся? Не договориться ли перестать лазить на вершину начиная с какого-то возраста?

— Ну вот ты опять, — упрекнула его Андреа. — Решай сам. Я намерена лазить, пока меня не засунут в ящик. И от тебя того же жду, Майк Лейтон.

Он раздвинул губы в лучшей улыбке, на какую еще был способен:

— Тогда… я просто сделаю все возможное, веришь?

Пятница

К утру Майк обезножел. Нервосвязь все еще работала безупречно, но скорость передачи данных с одной линии на другую снизилась настолько, что не справлялась со столь сложной и требующей постоянного контроля функцией, как ходьба. Пальцы почти не слушались, как будто руки были одеты в боксерские перчатки. Он еще мог взять предмет, подставленный ему, но манипулировать даже простыми объектами, с которыми он отлично справлялся сутки назад, становилось все сложнее. Потянувшись к стаканчику с йогуртом, Майк опрокинул его на стол: слишком быстро дернулась вперед рука. По словам Джо, за ночь он

утратил восприятие глубины. Очки, все медленнее передававшие данные, уже не обеспечивали стереоскопического изображения.

Он еще мог передвигаться. Научная группа, предвидевшая эту стадию, приготовила для него инвалидное кресло с простым управлением, предназначенное для людей с ограниченными функциями верхней половины тела. Предусмотрена была и тревожная кнопка, чтобы Майк мог вызвать помощь, если власть над телом станет уходить быстрее, чем предполагалось. Если бы его внезапно охватил полный паралич, кресло обратилось бы за помощью к прохожим. Если бы понадобилась срочная медицинская помощь, оно само направилось бы к ближайшему медпункту.

Андреа пришла к нему в лабораторию. Ему хотелось еще раз выбраться с ней в город, однако Андреа, с энтузиазмом поддержавшая эту идею по телефону, теперь заколебалась:

— Ты уверен, что стоит? Мы так славно провели время в четверг. Жаль портить впечатление.

— Я в порядке, — возразил Майк.

— Я только говорю… мы с тобой могли бы просто погулять по здешнему саду.

— Пожалуйста, — сказал Майк. — Мне этого… хочется.

Голос стал слабым, построение фразы давалось с трудом. Он говорил, как человек, охваченный пьяным унынием. Если Андреа это заметила, а она, конечно, не могла не заметить, то промолчала.

Они вышли в город. Поднять кресло в трамвай, даже с помощью Андреа, оказалось трудной задачей. Кажется, никто не знал, как опустить погрузочную площадку. Одно из преимуществ нервосвязи — человек в инвалидном кресле стал редким зрелищем. Технология, позволявшая человеку контролировать чужое тело, позволяла также справиться с нарушениями работы спинного мозга. Майк сознавал, что привлекает куда больше внимания, чем накануне. Для большинства горожан инвалидное кресло относилось к ужасам прошлого, как искусственные легкие или ножные протезы.

Видеомонитор в трамвае показывал новости о польских шахтерах. Новости были плохие. Перед спасательной командой стоял широкий выбор возможностей, в том числе требовалось решить, по какому из трех путей идти к заваленной шахте. Тщательно взвесив все за и против и учитывая, как мало времени оставалось у запертых обвалом людей, они выбрали маршрут, обещавший,

казалось, самый простой и быстрый путь.

Выбор оказался неудачным и фатальным для шахтеров. Спасатели наткнулись на затопленный штрек, им пришлось отступать назад, оборудование было повреждено, а один из команды ранен. И все же шахтеров спасли в одной из связанных между собой мировых линий. В той реальности один из членов спасательной команды при посадке в самолет поскользнулся на льду и сломал бедро. Потеря одного человека, наиболее красноречиво отстаивавшего самый быстрый путь, привела к тому, что команда сделала иной выбор. Это решение оказалось верным. Им тоже встретились трудности и препятствия, и все же они сумели прорваться к заваленным шахтерам.

К тому времени, как это случилось, контакт с их мировой линией практически прервался. Даже самый сжатый видеосигнал проходил с трудом. Кадры, показывавшие выходящих из-под земли людей, выглядели зернистыми и бесцветными, как увеличенный газетный снимок прошлого столетия. Его протиснули через канал связи в последние минуты, прежде чем помехи поглотили сигнал.

Однако информация оказалась бесполезной. Даже зная, что существует безопасный маршрут,

спасатели уже не успевали их вытащить.

Эти новости не улучшили Майку настроения. Выход в город, как и предсказывала Андреа, оказался неудачной идеей. К полудню контроль моторных функций совсем разладился, так что ему трудно было даже управлять креслом. И речь звучала так невнятно, что Андреа приходилось то и дело переспрашивать. Чтобы скрыть этот недостаток, он перешел на односложные ответы. Отказывать стал даже слух: звуковой сигнал приходилось неимоверно ужимать. Он не мог отличить голос птицы от шума уличного движения, а гула машин от шелеста листьев в парке. Голос Андреа доходил до него, словно пропущенный через синтезатор, искаженным почти до неузнаваемости.

К трем часам очки уже не передавали цветов. Программа переключилась на ограниченную палитру. Город стал походить на раскрашенную вручную фотографию, размытую и бледную. Лицо Андреа колебалось между белым и болезненно-серым цветом.

К четырем отказали и руки. К пяти очки полностью переключились на черно-белое изображение. Скорость передачи дошла до десяти кадров в секунду и снижалась дальше.

К вечеру Андреа перестала его понимать. До Майка дошло, что он уже не в состоянии нажать кнопку тревоги. Он возбудился, замотал головой. С него хватит. Ему хотелось отключиться от нервосвязи. Пусть его вернут в собственное заждавшееся тело. Он уже не чувствовал, что находится в теле Майка, но и в своем не был. Он завис где-то посредине, беспомощный и почти слепой. Паника накрыла его пенной всесокрушающей волной.

Встревоженная Андреа покатила кресло назад в лабораторию. Ко времени, когда она собралась прощаться, изображение замедлилось уже до пяти кадров в минуту и каждый состоял всего из шести тысяч пикселей. Майк стал спокойнее, смирился с неизбежностью завтрашнего дня, когда уже не сумеет узнать Андреа.

Суббота

Последний день с Андреа Майк встретил в мире звуков и света, ощущения были уже весьма скудными, и закончил в беззвучной темноте.

Он уже стал полным паралитиком, даже головы повернуть не мог. Мозг, принадлежавший другому, пребывающему в коме Майку, контролировал тело сильнее, чем его бодрствующий двойник. Нервосвязь по-прежнему посылала

сигналы в лабораторию, но всю полосу связи занимали визуальные и акустические данные. К утру изображение ограничивалось одной тысячей пикселей и сменялось со скоростью три кадра в секунду. Зрение еще вчера стало одноцветным, но тогда еще различались хотя бы оттенки серого, позволявшие распознавать образы.

Теперь же пиксели только показывали свет — тень: передача интенсивности света требовала слишком большого объема передач. Когда к нему подошла Андреа, ее лицо представилось ему мигающей мозаикой черно-белых квадратиков, словно картинка в психологическом тесте. Он с трудом научился отличать ее от других лиц в лаборатории, но едва уверился, что узнает ее, как изображение стало еще хуже. До полудня оно дошло до восьмисот пикселей и двух кадров в секунду — иначе говоря, превратилось в последовательность неподвижных картинок. Для него люди не ходили по лаборатории, а перескакивали с места на место, застревая в нелепых позах. Вскоре ему стало проще думать о них не как о живых людях, а как об абстрактных структурах в данных. Он теперь не мог бы сказать, что видит. Данные продолжали поступать, но мешанина пикселей не ассоциировалась со знакомыми

видами лаборатории. Он уже не мог отличить людей от мебели, если только они не передвигались из кадра в кадр. К двум часам он попросил Джо отключить очки, чтобы использовать всю оставшуюся полосу передачи на звук и осязание. Майк остался в темноте. Звук за ночь тоже пострадал. Вчера Андреа говорила не своим голосом, сегодня голос не слишком походил на человеческий. Такой звук мог бы передавать самый негодный в мире телефон. Помехи начали заглушать сигнал. Программа боролась с ними, выжимая смысл из скудных данных. Это сражение можно было затянуть, но не победить в нем.

— Я еще здесь, — сказала Андреа шепотом, долетавшим слабее, чем сигнал самого далекого квазара.

Майк ответил. Ответ потребовал времени. Распознающая голос программа анализировала его движения и превращала их в числовой код. Потом их передавали сигнал за сигналом в другую лабораторию, ту, где ждал в инвалидном кресле Майк, где Андреа не умерла, и там генератор звука снова превращал их в звуки речи с американским акцентом.

— Спасибо, что позволила мне вернуться, — сказал он. — Пожалуйста, останься. До конца.

Пока я еще здесь.

— Я никуда не уйду, Майк.

Андреа сжала его руку. Сколько бы он ни потерял с пятницы, осязание сохранилось. В самом деле, легче всего передать прикосновение: легче, чем вид, легче, чем звук. Потом, когда даже голос Андреа пришлось пересылать через разрыв, раскладывая на отдельные сигналы и собирая снова, ощущение прикосновения все еще держалось. Он чувствовал, как она обнимает его, прижимает к себе, отказываясь отдать ревущим волнам квантового шума.

— У нас осталось меньше тысячи полезных байт, — сообщил Джо, негромко обращаясь к той версии, что лежала на койке. — То есть еще целая тысяча, прежде чем мы потеряем контакт. Хватит на сообщение, даже на прощальные слова.

— Передайте вот что, — попросил Майк. — Скажите Андреа — я рад, что побывал там. Скажите — я рад, что она была мне женой. Скажите — жаль, что мы не добрались до вершины.

Когда Джо запорхал пальцами по клавишам, набирая сообщение, Майк почувствовал, как слабеет прикосновение Андреа. Даже передача постоянного давления: рука к руке, тело к телу — стала для связи невыносимой нагрузкой.

Это было словно отпустить тонущего друга. Он чувствовал, как с последними байтами Андреа ускользает навсегда.

Он неподвижно лежал на койке. Он потерял жену, потерял во второй раз. На миг тяжесть этой мысли приковала его к месту. Казалось, он и в свой-то мир не сумеет войти, не то что в покинутый секунду назад.

А ведь сегодня суббота. Через два дня похороны Андреа. Надо приготовиться.

— Мы закончили, — бережно обратился к нему Джо. — Связь забита помехами.

— Андреа ничего не прислала? — спросил Майк. — После моих последних слов?

— Нет. Прости…

Майк уловил заминку в голосе Джо:

— Совсем ничего?

— Ничего вразумительного. Мне показалось, что я что-то поймал, но там было только… — Джо виновато пожал плечами. — Должно быть, их вход забило помехами на несколько секунд раньше нашего. Так иногда бывает.

— Знаю, — сказал Майк. — А все-таки покажи, что прислала Андреа.

Джо подал ему распечатку. Майк выждал, пока взгляд сфокусируется на бумаге. Под шапкой он

увидел строку текста: SO0122215. Вроде телефона или почтового индекса. Но конечно, это был не телефон и не индекс.

— И все?

Джо тяжело вздохнул:

— Извини, дружище. Может быть, она пыталась что-то передать, да помехи взяли свое. Помехи всегда берут свое.

Майк снова взглянул на числа. Они что-то говорили ему. Кажется, он понял, что они означают.

— Вечные помехи, чтоб им провалиться, — договорил Джо.

Воскресенье

Андреа подождала, пока Майка выведут из лекарственной комы. Он пробивался сквозь пласты дезориентации и полусна, пока что-то в нем не встало на место. Тогда он осознал, что происходило с ним в последнюю неделю, что происходило с телом, власть над которым понемногу возвращалась к нему. Все было в точности как обещали: ни сновидений, ни беспокойства, ни мучительного ощущения провала в памяти. Пожалуй, не худший способ провести неделю. Как ему кто-то говорил: словно вернулся в лоно матери. А теперь он рождался заново, и дело шло не совсем гладко. Он попробовал шевельнуть

рукой и, когда конечность не сразу повиновалась ему, запаниковал. Впрочем, Джо уже улыбался:

— Не спеши, парень. Все придет. Программа освобождает нервы спинного мозга по одному. Потерпи, и все будет отлично.

Майк пробубнил что-то в ответ, но и челюсть пока что не слушалась его. Ничего, все вернется, как обещает Джо. Тысячи реципиентов каждый день проходят через это и глазом не моргнув. Многие проделывали это сотни раз. Нервосвязь с самого начала оказалась невероятно безопасной. Куда безопаснее любого настоящего путешествия.

Он снова попробовал двинуть рукой. На сей раз она отозвалась без задержки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Андреа.

Он снова попробовал заговорить. Челюсть была тяжелой, язык толстым и неповоротливым, однако он сумел выговорить:

— Нормально. Бывало лучше.

— Говорят, второй раз дается легче. А в третий совсем легко.

— Сколько?..

— Ты уснул в прошлое воскресенье. И сегодня снова воскресенье, — сообщил Джо.

— Целая неделя. Точно — как планировали.

— Я здорово проголодался, — сказал Майк.

— Из комы все выходят голодными, — кивнул Джо. — Трудно обеспечить телу-хозяину полноценное питание. Ничего, это мы уладим.

Майк повернул голову к Джо, дождался, пока сфокусируется взгляд.

— Джо, все прошло нормально? Без осложнений? — спросил он.

— Совершенно без проблем, — подтвердил Джо.

— Тогда не оставишь ли ты нас с Андреа на минутку?

Джо поспешно вскинул руки, выразив полное согласие, и выскользнул из комнаты под каким-то правдоподобным предлогом. Дверь за ним тихо закрылась.

— Ну, — заговорил Майк, — догадываюсь, что все прошло нормально, не то меня не держали бы в коме так долго.

— Да, все нормально, — сказала Андреа.

— Так ты встретилась с тем, другим Майком? Был он здесь?

— Да, он был здесь, — кивнула Андреа. — Мы вместе проводили время.

— И чем занимались?

— Как обычно, чем и мы с тобой. Побродили по городу, погуляли в парке, съездили в холмы, и все такое.

— И как?

Она осторожно взглянула на него:

— Очень, очень грустно. Честно говоря, я не знала, как с ним держаться. Хотелось выразить сочувствие, утешить — он ведь потерял жену. Но думаю, Майку было нужно другое.

— Другому Майку, — мягко поправил он.

— Я к тому, что он не для того вернулся, чтоб я над ним поплакала. Он хотел провести еще неделю с женой, обычную неделю. Да, он хотел попрощаться, но не хотел, чтобы мы оба всю неделю бродили как в воду опущенные.

— И как ты себя чувствовала?

— Несчастной. Конечно, не такой несчастной, как если бы потеряла мужа. Но его печаль стала сказываться и на мне. Я не думала, что будет так… нет, я, конечно, не чувствую себя осиротевшей, но надо быть нечеловеком, чтоб чего-то такого не почувствовать, правда?

— Что бы ты ни чувствовала, не вини себя. По-моему, это замечательно, что ты согласилась.

— И ты тоже.

— Мне было легче всего, — возразил Майк.

Андреа погладила его по щеке. Он почувствовал, что давно пора бы побриться.

— Что ты ощущаешь? — спросила она. — Ты ведь, что ни говори, почти он. Ты знаешь все, что он знает.

— Не знаю только, каково потерять жену. И надеюсь, никогда и не узнаю. Думаю, мне по-настоящему не представить, что в нем сейчас происходит. Я о нем думаю как о ком-то другом: о друге, о коллеге, которому сочувствуешь…

— Но у тебя не осталось из-за него тяжести в душе?

Майк ответил не сразу. Ему не хотелось давать пустой машинальный ответ, пусть даже самый утешительный.

— Нет… Я предпочел бы, чтобы этого не случилось… но ты здесь. Мы можем быть вместе, если захотим. Мы будем жить дальше и через месяц-другой и думать забудем об этом происшествии. Другой Майк — не я. Мы о нем больше никогда не услышим. Он исчез. Все равно что его и не было.

— Но он есть. Оттого что мы не можем с ним связаться, он не перестанет существовать.

— Так говорят теоретики. — Майк прищурился. — А что? Какая разница для нас?

— Наверное, никакой. — Снова этот осторож-

ный взгляд. — Но я должна тебе что-то сказать, и тебе придется понять.

Ее тон встревожил Майка, но он счел за лучшее этого не показывать.

— Давай, Андреа.

— Я кое-что обещала другому Майку. Он потерял то, что ничем не возместить, и мне хотелось что-нибудь сделать, как-то облегчить потерю. Ну так вот, мы с тем Майком сговорились: раз в год на один день я буду уходить. Уходить в свое особое место и там думать о другом Майке. О том, чем он занят, как живет, радуется сейчас или грустит. И я буду уходить туда одна. А ты не будешь за мной следить. Ты должен пообещать, Майк.

— Ты могла бы мне сказать, — заметил он. — Тут нечего скрывать.

— Вот я и говорю. Ты думаешь, я не сумела бы скрыть, если бы захотела?

— Но я все-таки не знаю куда…

— Тебе и не надо знать. Это секрет мой и другого Майка. Между мной и вторым тобой. — Должно быть, она увидела в его лице что-то, чего он не хотел бы показывать, потому что заговорила строже: — И тебе придется научиться с этим жить, потому что обсуждению это не подлежит. Я уже дала слово.

— А Андреа Лейтон всегда держит слово.

— Да, — сказала она, смягчив строгость милой легкой улыбкой. — Особенно слово, данное Майку Лейтону. Которому бы то ни было.

Они поцеловались.

Позже, когда Андреа вышла, а Джо прогонял очередной заключительный тест, Майк отклеил с клавиатуры желтый листок для заметок. На бумажке виднелась аккуратная синяя запись. Он мгновенно узнал руку Андреа — такие записки он не раз находил в кухне. Но вот сама запись — SO0122215 — ничего ему не говорила.

— Джо, — небрежно спросил он, — это твое?

Джо отвернулся от стола, прирос взглядом к желтому бумажному квадратику.

— Нет, это Андреа просила… — начал Джо и спохватился. — Слушай, это пустяк, я хотел выбросить и…

— Это сообщение для другого Майка, так?

Джо огляделся, словно Андреа могла спрятаться где-то в комнате или неожиданно вернуться.

— У нас оставалось всего несколько полезных байт. Другой Майк только что передал прощальное сообщение. И Андреа попросила меня послать в ответ это.

— Не сказала, что это значит?

— Я не спрашивал, — сконфуженно огрызнулся Джо. — Просто набрал, и все. Подумал, это касается только ее и тебя. То есть ее и другого Майка.

— Все в порядке, — успокоил его Майк. — Правильно сделал, что не спросил.

Он снова просмотрел записку, и что-то в нем прочно встало на место. Теперь он узнавал код: воспоминание из дождливого ветреного прошлого. Координатная сетка крупномасштабной карты. Карты, которой пользовались они с Андреа, когда ходили в походы. Он уставился на цифры, готовые, казалось, выдать свою тайну. Он был уверен, что бывал там или где-то совсем неподалеку. Найти будет легко. Даже записка не нужна. У него всегда была хорошая память на числа.

По выстеленному линолеумом коридору прозвучали приближающиеся шаги.

— Это Андреа, — предупредил Джо.

Майк сложил бумажку так, чтобы цифры стали не видны, и бросил ее в сторону Джо. Его это не касается.

— Выброси в мусор.

— Уверен?

Отныне и навсегда в жизни его жены будет что-то, что его не касается, пусть даже на один

день в году. Придется с этим как-то жить.

В конце концов, могло быть и хуже.

— Уверен, — сказал он.

От многих моих произведений эта повесть отличается тем, что ее действие происходит на Земле в относительно близком будущем. Пожалуй, я чересчур увлекаюсь такого рода вещами, вместо того чтобы писать исключительно «новую космооперу», но все же мои сюжеты в большинстве своем «внеземные».

Я не могу сказать, что плохо старался, но тем не менее большинство моих попыток писать фантастику «ближнего прицела» не дали ничего, кроме разочарования, усталости и незавершенности. Не знаю, в чем тут проблема. Сам я рассказы на эту тему читаю не менее охотно, чем «широкие эпические полотна». Думаю, я восприимчив к окружающему миру; структура и тенденции ближайшего будущего мне интересны как мало кому другому. Возможно, беда в том, что, хоть я и поднаторел в экстраполяционном миропостроении, в насыщении романов необходимым количеством сюжетных отклонений и эмоциональных встрясок, мне тяжело даются сверхидеи, на которых можно строить «земные» сюжеты. Может, я генетически запрограмми-

рован писать про космос, про далекое будущее и будущее средней дальности? Если это так, то мне, наверное, следует примириться с судьбой. Как выразился однажды другой Аль, «не получается само собой — забей»[1].

Но все же я еще не готов отказаться от «близкого прицела».

[1] Примечания: 1

Имеется в виду шотландский певец и автор песен Аль (Эл) Стюарт. Процитирована строка из песни «Leave It» — «If it doesn't come naturally, leave it».

Кардифф после смерти

Кардиффа больше нет.

Эпицентр взрыва находился — очень удачно — у стадиона «Миллениум», прямо перед входом «D». Так что стадион взлетел первым, раньше всего города. С самого начала было ошибкой ставить стадион в таком месте. Таффы[2] сами не спорят, что оплошали. Построили бы к западу от города, где хоть как-то можно разглядеть конструкцию целиком. Когда я переехал сюда из Халла, «Миллениум» выглядывал украдкой из-за новых сверкающих зданий, которые наросли вокруг за тридцать лет с момента его открытия.

Да что уж тут? Его теперь нет. Вот только и всего остального — тоже.

Когда я осуществился в Кардифф, после катастрофы не прошло и суток. Мирные жители — как из той временно́й линии, так и из других — не могли подобраться к тому, что осталось от города. Но я связан с проектом холодного прозвона, и на момент взрыва громадная часть нашего оборудования находилась в подвале уни-

---

[2] Примечания: 2

Таффы (разг.) — жители Кардиффа. *(Примеч. перев.)*

верситета, так что я получил пропуск и свободу бродить где заблагорассудится. Осуществиться в пределы города через живое тело я не мог — с таким-то уровнем радиации, как у них! — а воспользоваться свежим трупом, поднятым на ноги электрическими импульсами, мне как-то не улыбалось (хотя про такой способ тоже нельзя забывать). И я осуществился через робота, лязгающую металлом штуковину военного образца с траками, манипуляторами и бронированной обшивкой. Похоже на улучшенный образец агрегата, которыми в армии обезвреживали бомбы, когда террористы еще довольствовались взрывами всякой мелочовки вроде автомобилей и домов.

От точки, где я принял контроль над машиной, до остатков университетских лабораторий пришлось добрых шесть часов ползти по завалам. Вокруг попадались другие роботы, по горчично-желтому небу проносились вертолеты «Чинук», мимо пробегали солдаты и гражданские в полной защитной экипировке, но больше никого живого я не видел. Если не считать нескольких бродяг, которые отказались эвакуироваться, все выжившие после удара лежали в полевых госпиталях, развернутых за пределами зоны заражения. В

первые двенадцать часов погибли десятки тысяч. Еще для нескольких десятков тысяч прогноз был нерадужным.

Поскольку оборудование было нам дорого, мы постарались защитить его от всяких непредвиденных обстоятельств. Даже если бы в университет врезался самолет, мы ничего бы не почувствовали у себя в подвале с машинами холодного прозвона. Случись в Кардиффе землетрясение в восемь баллов, инструменты зарегистрировали бы лишь легкие помехи. Взрыв террористами самодельной ядерной бомбы был самой серьезной угрозой, от которой мы худо-бедно могли защититься, но и такой расклад учли в планах.

Лучше перебдеть, чем недобдеть, разве нет? Хотя — как мы друг другу твердили — всего этого все равно никогда не случится.

И что же уцелело? Хрен что, прямо скажем. От наземных строений остались обожженные руины. Чтобы найти крепкий воздухонепроницаемый проход, ведущий в подвал, пришлось копать добрый час. Я открыл дверь (код, конечно, был мне известен) и умудрился провести своего робота вниз по ступенькам, ориентируя траки так, чтобы сохранять вертикальное положение

туловища даже при спуске.

Что же я нашел?

Ну, во-первых, себя. В той версии Кардиффа, по которой пришелся удар, я сидел на дежурстве, как и в той, по которой удар нанесен не был. И — чудо из чудес! — машины прозвона продолжали работать, потому что питались от запасного генератора, стоявшего в отдельном помещении внутри подвала.

На самом деле — никакого чуда, конечно. Я знал, что по крайней мере одна машина должна работать, иначе нам мы бы не установили перекрестную связь, нужную для осуществления. Вопрос был только в том, насколько эта перекрестная связь устойчива. Продержится еще дней пять-шесть или может гигнуться в любой момент?

Меня, Джо Ливерсэджа, спрашивать бессмысленно. Для того мира я погиб. Буквально. Когда робот нашел мое тело, оно лежало, безвольно распластавшись по рабочей консоли. В момент взрыва я сидел один в лаборатории: было воскресенье, остальные сотрудники отдела старались отвертеться от работы в выходные. А я что, я ж известный трудоголик.

— Ну че, придурок, так тебе и надо! — сказал я

трупу через голосовую систему робота. — Козел ты тупорылый, Джо! Чего ты, спрашивается, не рванул с Миком в Сток на пивной фестиваль?

С трупом, увы, долго не побазаришь.

Почему я отбросил коньки, стало понятно не сразу. Система жизнеобеспечения вроде бы позволяла продержаться в подвале не одну неделю. Потом я заметил, что рядом лежит записка, написанная моим почерком — то есть почерком Джо.

«Дорогой Джо, — гласила она. — Воздуху хана, — похоже, изоляция хлипкая. Но машины — норм. Контакт удерживают. Покеда, приятель! Знатно рвануло. Твой друг Джо».

И приписка: «P. S. С меня пиво».

В руке у него была зажата двадцатифунтовая банкнота. Как трогательно. На двадцатку уже давно не купишь больше пинты и пакета чипсов. Все йоркширцы — жмоты хитрожопые, как сказал бы Мик.

Я не мог забрать деньги к себе в мир. Но тут же главное — сама идея.

Наверное, надо кое-что пояснить.

Если кажется, что я как-то чудно́ себя повел, столкнувшись с собственным трупом, то для этого есть вполне конкретные причины. Просто так вышло, что я не в первый раз встречаюсь со

своим визави — с другой версией себя, Джо Ливерсэджа. Я бы даже сказал, то и дело встречаюсь. Поэтому с мыслью о том, что где-то шляются многочисленные копии «меня» и живут собственной жизнью, я уже основательно свыкся. Если кто-то из нас помрет, остается жить еще целая толпа. Я это знаю. И тот я, в подвале, тоже знал.

Двадцать лет назад моя команда из Кардиффского университета первой открыла портал в параллельный мир. При помощи одной такой громадной машины из подвала мы прозванивали всю квантовую реальность, пока не установили контакт с копией машины в другой версии лаборатории, в другой версии Кардиффа. Получается так, что в момент установки контакта два Кардиффа идентичны — и все живущие в этих двух Кардиффах обладают абсолютно одинаковой сущностью, абсолютно одинаковым прошлым. Но с того момента, как установлен контакт, два мира начинают отрываться друг от друга. Хотя обе версии меня в воскресенье пришли в лабораторию, у того, что в подвале, был порез от бритвы на правой щеке и другая рубашка. Мы же держали контакт всего пару дней. К концу недели две истории разошлись бы настолько далеко, что в одной «Кардифф Сити» мог выиграть матч, а в

другой — проиграть. То, что в одном Кардиффе террористы взорвали бомбу, а в другом нет, — огромное расхождение для этой стадии контакта, но бывает по-всякому. Непонятно, что случилось с террористами в нашем мире: то ли бомба не сработала, то ли спецслужбы их застукали… Никто ничего толком не говорит, но ходят слухи о «руке разведки».

Не важно, велики изменения или нет: рано или поздно кумулятивный эффект расхождений становится настолько критичным, что поддерживать квантовый контакт дальше нельзя. Портал в такой мир закрывается, его обитатели живут своей жизнью и не пересекаются с нами. Через какое-то время мы устанавливали контакт с другим Кардиффом, и все начиналось сначала. И каждый раз первым, с кем я разговаривал, был я сам, Джо Ливерсэдж.

Это сказывается на психике. Поэтому и Рэйчел в конце концов бросила меня. Сказала, что не знает, как жить с человеком, у которого такое извращенное представление о реальности, не говоря уже о собственной жизни и смерти.

— Сплетничаете обо мне у меня за спиной? — как-то спросила она. — Вы двое? Сравниваете впечатления?

— Ты — не вторая Рэйчел, — ответил тогда я. — Она просто… какая-то женщина, на которой женат Джо. Мне нужна только ты.

— «Только ты», — сухо повторила она. — Когда мужчины так говорят, они имеют в виду других женщин. А ты говоришь о копиях меня, будто я кукла Барби с конвейера. Джо, я так не могу.

— А ты попробуй.

— Жизнь коротка, — ответила Рэйчел.

Когда она ушла, я сделал то, что всегда делал в тяжелые моменты: с головой ушел в работу. Кардифф первым разработал технологию холодного прозвона, но другие университеты и корпорации, само собой, шли по пятам, пытаясь обогнать нас. Мы первыми установили видеосвязь между параллельными мирами, благодаря чему одна версия меня получила возможность разговаривать с другой — будто мы просто сидим в разных офисах. Мы первыми использовали технологию осуществления — позаимствовали у турфирм, рассчитанных на всех, кто потерял возможность путешествовать, — а потом перешли от громоздких роботов к настоящим человеческим телам, снабженным имплантами, благодаря которым можно было перехватить управление, как будто вы физически присутствовали в другом мире.

Все шло отлично, но просто так ничего не дается. Чтобы сохранять первенство, нам нужен был кусок отравленного наливного яблочка под названием «целевое бюджетное финансирование»: это деньги, никак не связанные с обычными исследовательскими фондами университетов. Стороннему наблюдателю может показаться, что эти средства призваны способствовать укреплению лидирующих позиций Великобритании в передовой и престижной сфере. Наука ради науки и тому подобное, деньги, вроде бы не запятнанные никакими приземленными мотивами, свободный полет мысли, и только.

Все это полная чушь, и все знали, что это чушь.

Когда власти могут закрыть любого просто за странный вид, новая технология дает мощные рычаги органам безопасности. Если контакт установлен, можно параллельно арестовать и допросить две версии подозреваемых: соответствующие службы в каждой реальности сотрудничают друг с другом, чтобы получить максимум сведений. Изложите историю подозреваемому в одной линии реальности и посмотрите, что он скажет. Изложите другую историю в другой и посмотрите, что вы получаете. Волки сыты, овцы целы, а права человека идут лесом.

Никто, конечно, не признавался в применении подобных методов. Но за новые машины, за их разработку, за взрывоустойчивое помещение платили не витающие в облаках ученые. Платила госбезопасность. А кто еще?

Я уже говорил, что яблоко было отравлено? В обмен на щедрое финансирование государство провело в нашу лабораторию свою горячую линию, сверхсекретный канал связи. Их бонзы могли говорить друг с другом посредством наших машин, но я — как и весь наш отдел — не имел ни малейшего представления о происходящем. Они не вмешивались в наши дела, а мы — в их.

Но иногда последствия были неприятными.

Вот как сегодня, например.

С момента взрыва бомбы прошло три месяца. Наше окно в ту версию Кардиффа закрылось всего через четыре дня после события, и мы не знали, как идут дела у них. Когда контакт прервался, число жертв не подсчитали даже приблизительно, и никто не заикался о планах восстановления. С той версией мы больше никогда не установим связь, даже если будем прозванивать целую вечность. Та реальность так далеко отклонилась от нашей, что квантовый контакт уже невозможен.

В моей версии Кардиффа день выдался непло-

хой. Солнышко светит, у ресторанчиков на улице все отлично, люди кажутся на редкость счастливыми и довольными. За три месяца мало что изменилось. Конечно, те, кто дает себе труд следить за мировыми новостями, знают, что одну из версий Кардиффа стерли с лица земли: они видели фотографии и видеозаписи. Некоторые из этих людей, как и я, даже осуществились в ту реальность. Мы прошлись — или, в моем случае, прокатились — по дымящимся руинам бывшего города.

Но для большинства людей взорванный Кардифф уходит в прошлое, как воспоминание о летней премьере пошлого блокбастера, перегруженного надуманными спецэффектами. С тех пор в мире произошло множество событий, а мы прозвонили сотни других реальностей, и какие-то из них обросли своими скандалами и скоротечными сенсациями.

Но у некоторых людей — очень и очень немногих — память длиннее.

За утренним кофе я просматриваю газету. Где-то на третьей странице затерялась мелкая заметка о недавнем аресте и заключении под стражу жителя Кардиффа.

Не важно, кто он такой. Гражданин Великобри-

тании, этого достаточно? Если вы так дотошны, он — валлиец, хотя не Джонс и не Эванс, фамилия вообще не валлийская.

Он ничего плохого не сделал. Единственная его ошибка заключалась в том, что он ненароком взорвал Кардифф в параллельной вселенной. Нет, даже это сказано слишком сильно. В закладке бомбы он не участвовал. Всего лишь предоставил, по наивности, жилье тем, кто ее заложил. Может, и знал о готовящихся делах, но не менее вероятно, что преступники не посвящали его в свои тайны.

Сейчас у них уже не спросить, поскольку — вот незадача! — все они мертвы. Когда взорвалась бомба, их двойники в том Кардиффе погибли. В нашей версии террористы покончили с собой, когда из-за крошечного дефекта в пайке их бомба не взорвалась как надо и задела обоих. Все цепочки, что вели к разветвленной сети экспертов и финансистов, оборвались. Мы можем прозвонить другие версии Кардиффа, но в каждой из них теперь тот же набор событий, что и у нас, и, значит, террористы тоже погибли. В итоге единственный человек, которого может сцапать государство (и единственный, кому может быть известно хоть что-то), — тот, кто предоставил преступникам

жилье.

Он все отрицал — судя по крохам информации, которые мне удалось выудить из сообщения в газете, — и его слова звучат довольно правдоподобно. Он общался с одним из бомбистов, но не лично, и ничто в прошлом обвиняемого не позволяло сделать вывод о его связи с экстремистскими организациями. Никак не могу понять: в нашем временно́м потоке бомба не взорвалась, ранила двух террористов и в результате вынудила их к самоубийству. Жертв среди мирного населения — ноль. Радиационное воздействие — пренебрежимо малое. Ущерб имуществу — несущественный.

Если бы мы не знали, что случилось со вторым Кардиффом, мы бы сказали: дело закрыто. Нет обвинения, которое можно предъявить задержанному. Правосудие уже свершилось.

Проблема в том, что мы знаем. Знаем, и нам нравится, когда есть виноватый.

Согласно сообщению в газете, задержанный умер от осложнений после сердечного приступа, случившегося во время нахождения под стражей. Правительство придерживается мнения, что у обвиняемого была предрасположенность, обострение могло случиться в любой момент.

Ну а я размышляю, что же они сделали с этим невезучим, ни в чем не виноватым бедолагой.

Я складываю газету, допиваю кофе и еду на трамвае в университет. Вышло так, что сегодня опять воскресенье. Факультет пуст, если не считать парочки нависших над головой роботов. Все, у кого остался хоть грамм здравого смысла, сейчас в других местах. Радуются погоде, любуются своим городом.

Я набираю код и спускаюсь в подвал. Надо мной высятся машины прозвона — гудящие горизонтальные цилиндры, огромные, холодные на ощупь. В них всегда было что-то неуловимо зловещее, хотя вслух я бы в этом не признался. Я думаю о правительственной линии, которая ведет в подвал, к машинам, благодаря которым сигналы преодолевают брешь между реальностями. Если бы не эта связь, на того бедолагу не обрушилась бы вся мощь государства.

На мгновение мне в голову приходит идея: запереться здесь и отключить циркулятор воздуха. Уйти тем же способом, что второй Джо, зажав в холодной мертвой руке предсмертную записку, адресованную самому себе, и двадцать фунтов. Пинта пива и пакет чипсов. Ведь это же нельзя считать самоубийством? Даже если я умру здесь и

сейчас, бесчисленные версии Джона Ливерсэджа останутся в живых. Все мы не примем одновременно одного и того же решения.

Но потом я вспоминаю, что сказала Рэйчел, перед тем как собрать чемоданы. Мы — не куклы Барби. Если я сползаю в состояние, в котором могу так думать (что смерть — это когда ты отрезаешь всего одну ветку от бесконечного, бессмертного дерева), то, может быть, в ее словах что-то есть. Может быть, я слишком долго всем этим занимаюсь. Мое самоубийство — какими бы благородными ни были намерения — лишь укрепит ее во мнении, что я позволил себе увязнуть слишком глубоко.

Не для того, чтобы снова заслужить расположение Рейчел. Слишком поздно. Но сопротивляться я все-таки могу, и не обязательно при этом умирать, как другой Джо.

Сирены завопят сразу, как только я начну крушить машины. Рано или поздно сюда придут и меня обнаружат — в подвал они проникнут что с кодом, что без кода. Потом меня арестуют — а потом… Кто знает! Но что бы со мной ни стало, рано или поздно они сумеют починить машины. И тем не менее: я — Джо Ливерсэдж. Я ж, зараза, изобретательный. И разгром учиню о-го-го, если

мозгами пораскинуть.

На стене, рядом с огнетушителем, висит тяжелый топор.

Ну что, хряснем как следует?

Этот очень короткий рассказ — фактически зарисовка — был написан для валлийского издания «Big Issue», журнала, который продают в Великобритании бездомные и обездоленные. Живущий в Кардиффе писатель-детективщик Джон Уильямс попросил меня написать что-нибудь для специальной серии летних рассказов валлийских писателей. Замысел состоял в том, что рассказ должен быть связан с Уэльсом. Мне было очень непросто, пока я не вспомнил, что уже создавал валлийский антураж из близкого будущего для повести «Помехи». В той истории йоркширец Джо Ливерсэдж был второстепенным персонажем, но в этом коротком тексте я поместил его (или, если уж быть совсем точным, его копии) на передний план — действие происходит через несколько лет после событий, описанных в повести. Как только все встало на свои места, рассказ был написан очень быстро (что само по себе неплохо, поскольку сроки были сжатыми) и послужил бодрящей разминкой между большими произведениями, над которыми я тогда работал.

Заглавие, конечно же, украдено у группы «Мэник Стрит Причерз», как и заголовок рассказа «Неистощимость» (Everlasting), который тоже есть в этом сборнике. Ну фанат я, чего уж там…

Ангелы праха

Марсианское небо, где сейчас летел Серхио, было цвета окровавленного снега. Прошлой ночью заснуть он так и не смог, и теперь усталость брала свое, хоть он и пытался отгонять дрему кивидинокийскими литургиями из рекомендованного духовником требника. Незадолго перед тем его обогнал караван — странно было видеть клановщиков так далеко на запад от Викингвилля. Их осененные знаменами машины летели плотной стаей, и, завидев их, он подумал об Индрани: насколько же ее лицо красивее постных физиономий семинаристов. Ему даже показалось, будто она спрашивает из бескрайнего далека, как его зовут. При каждом звуке сердце подпрыгивало в груди — но вдруг голос Индрани исчез, а ему на смену пришел рев Бога, такой глубокий и раскатистый, что казалось, будто он исходит отовсюду кругом.

—

НЕОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ, — рек глас Божий, — ВЫ ПЕРЕСЕКАЕТЕ ОСВЯЩЕННОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Серхио встряхнулся, осознал давящую на ко-

лени тяжесть. Он обонял запах Индрани, словно тому дано было перейти из видений в явь. Латинский шрифт требника больше не прокручивался по сетчатке, зато на горизонте возникла отметка пункта назначения. Ближе, чем Серхио мог ожидать. То был стометровый алебастровый обелиск, укрытый атмосферным куполом и увенчанный частоколом меньших шпилей. Между шпилями виднелись подвесные дорожки и контрфорсы. Но признаков человеческого присутствия он не замечал.

—

ПЕРЕДАЙТЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КРИПТОГРАММЫ, В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ ХРАМА БУДУТ ПЕРЕВЕДЕНЫ В БОЕВОЙ РЕЖИМ, — продолжал Бог, но слова уже не производили сильного впечатления — Серхио сообразил, что это всего лишь духовник, чем-то родственный его личному имплантату, полученному в пользование на рукоположении.

Голос на миг умолк и прибавил:

— У ВАС ДЕСЯТЬ СЕКУНД, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ НАШЕ ТРЕБОВАНИЕ ИЛИ ИЗМЕНИТЬ ВЕКТОР…

— Я понимаю, — сказал Серхио. — Минуточку…

Он приказал орнитоптеру испустить кодовую трель, которая бы убедила храм в его благонадежности. Оборонительные горгульи скатали высунутые языки и сомкнули клыкастые челюсти, лучевые пушки вернулись в ноздри, сиявшие рубиновым огнем глазные лазеры наведения померкли.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, БРАТ МЕНЕНДЕС, — произнес голос. — ДА СНИЗОЙДЕТ НА ВАС БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ. ВАС ВСТРЕТИТ СОБРАТ ПО ОРДЕНУ.

«Машиновек», — подумал Серхио.

Орнитоптер прошел сквозь внешнюю полимерную оболочку, пузырем окружившую храм, облетел колоссальное сооружение по кругу один раз, прежде чем опуститься на террасу у его подножия. Взмахи крыльев понемногу унялись, а сами крылья убрались под синтехитиновый панцирь. Серхио вылез наружу, нервно вытирая вспотевшие руки о пепельно-серую ткань брюк. Такого же тусклого оттенка был и остальной его костюм, за исключением белого воротничка и звезды асимметриста на груди у сердца. На черепе росла голубоватая щетина — благая стигма, знак рукоположения.

Он повесил синюю сумку на плечо и направил-

ся по террасе к храму. Под ногами посверкивали алмазы и сапфиры, выложенные перекрывающимися мозаичными слоями. Храм возвышался над ним, фигуры кивидиноков стояли на страже красных, как чахоточные щеки, шпилей. Духовник считал закодированные в каменных скульптурах данные и представил ему краткий комментарий об архитектуре сооружения, обратив особое внимание на то, как многослойная истина Асимметричного Завета проступает и отзеркаливается, многократно усиливаясь, в каждой каменной детали. С террасы к дверям, также украшенным кивидинокийской резьбой, вела обсидиановая лестница. Внутри ждал машиновек. Этот интеллект-очевидник представился духовнику как Беллармин, его ранг отвечал кардинальскому. Имя машиновека напоминало об иезуитском теологе древности, который заклеймил Галилея как еретика-гелиоцентрика. Андроформу Беллармина скрывал черный плащ с капюшоном, но когда машиновек распахнул одеяние, Серхио увидел под ним хаотическую мешанину металлических конструкций, пульсирующих диодов и трубок подачи питательных веществ.

— Приношу нижайше извинения за… — начал

было Серхио, приступая к сложному ритуалу коленопреклонения перед кардиналом.

— Да-да, — прервал его Беллармин. На серебристом овале, заменявшем ему лицо, не отразилось абсолютно ничего. — Оставим это. Я бы предпочел, чтоб ты прибыл раньше.

— Я летел так быстро, как только мог.

— Ты ничего необычного не заметил по дороге сюда? К нам поступают отчеты о вторжении кланов в этот сектор Диоцеза. Клановщики здесь редкие гости.

— Там… — (Возможно, это проверка. Ведь клановщики могли ему привидеться так же, как Индрани.) — Извините. Я весь полет молился. Правда ли, что Иван очень серьезно болен?

— Трансценденция неминуема. Медицина бессильна помочь ему. Он, однако, попросил не отключать его от систем жизнеобеспечения, чтобы провести последние часы в сознании. Отсюда я сделал вывод, что твой визит для него по какой-то причине важен. — Голос Беллармина напоминал хрип дешевого радиоприемника.

— Вам не известно, зачем я здесь?

— По некоторым соображениям он настаивает на исповеди исключительно священнику-человеку.

— Значит, наше равнодушие взаимно.

Серхио спрятал усмешку. Не так уж часто со времени возведения в сан доводилось ему чувствовать себя на равных с членами братства машиновеков. Машиновеки так много знали, что всегда оказывались на шаг впереди клириков-людей. Высшие посты в ордене также были заняты почти исключительно машиновеками. После Экуменического Синтеза, когда Основатель вернулся с окраин системы, принеся весть о Божественном вмешательстве, машиновечество уравняли в церковных правах с людьми. Едва ли можно было ожидать иного, принимая в расчет природу кивидиноков, но Серхио всегда делалось как-то не по себе в присутствии этих существ.

— Не соблаговолите ли провести меня к нему?

Беллармин молча провел его по лабиринту замысловато закрученных, взлетающих к небесам коридоров. На пути им попались несколько очевидников, но людей они не встретили.

— Слухи ширятся. Как же без этого? — сказал Беллармин наконец. С таким же успехом он мог бы объявить, сколько сейчас времени. — Слухи о причинах ваших воззваний. Тебя когда рукоположили? Меньше девяти стандартолет назад, я полагаю?

— Источники вашей информации безукоризненны, — выдавил Серхио сквозь зубы.

— Как обычно. Это болезненная процедура?

— Разумеется, нет. Духовник очень мал. Имплантация похожа на укус комара. — Он коснулся щетины на черепе. — Почти сразу же появляются шрамы, но, поскольку это устройство растет изнутри, боли не чувствуешь. В мозгу ведь нет болевых рецепторов.

— Я просто интересуюсь. Есть отчеты. Что же ты испытал, впервые увидев правильный расклад? Узрев Погибель?

О, расклад Серхио помнил очень хорошо. Старший по рангу священник открыл ящик розового дерева и показал ему карточки, прежде чем начать инсталляцию духовника. На каждой карточке имелся серый квадратик, сложенный более мелкими серыми клеточками разных оттенков — если быть точным, то одиннадцати, поскольку лишь такое число оттенков серого способен различить человеческий глаз. Матрица оттенков казалась рандомизированной, но как только установка духовника подошла к концу, как только он вступил во взаимодействие с определенными мозговыми центрами и раскодировал идиосинкратическую картину окружающего

мира, случилось что-то очень странное. Серые клеточки куда-то пропали, обнажив скрытое изображение. Ему объясняли, в чем тут хитрость, но он не запомнил технических деталей — и не пытался сделать вид, что запомнил. Духовник открывал посвященным доступ к сакральным данным. И только им одним. Этого было достаточно.

Он вспомнил, как в первый раз увидел Погибель. Его охватило разочарование. Нечто столь значительное — а выглядит так скучно, невзыскательно.

— О, — сказал он, — мне показалось, что я узрел нечто наделенное великой святостью.

— Это странно, — ответил Беллармин после паузы. — Я слышал кое от кого, что более обычной реакцией выступает разочарование. И сие неудивительно. В конце концов, Погибель — всего-навсего нейтронная звезда.

Он провел Серхио по мостику без перил меж контрфорсов. С такой высоты орнитоптер казался мошкой рядом с термитником.

— Вы упомянули об этих… слухах, — сказал Серхио, чтобы как-то отвлечься от пропасти под ногами. — Мне представляется вероятным, что я совершил нечто, достойное похвалы, поскольку

едва ли Иван призвал бы меня через пол-Марса, чтобы вынести выговор.

— Больным старикам свойственно чудаковатое поведение, — промолвил очевидник (они опять вошли в средний шпиль). — Но безусловно, такая возможность скорей гипотетическая. Если бы ты согрешил против канонов ордена, если бы в той или иной форме выказал неповиновение приказам и обязанностям — даже вдали от Хризы… мы бы об этом знали.

— Не сомневаюсь.

— И это разумно с твоей стороны. — Беллармин остановился. — Мы прибыли. Ты готов, Менендес?

— Нет. Я нервничаю. Я не понимаю, зачем призван сюда. Могу только предполагать, что у причины моего вызова есть нечто общее вот с этим. — Он поднял сумку на манер военного трофея. — Но мне кажется, что единственный способ развеять сомнения — войти внутрь и услышать, чего от меня хочет Иван.

— Едва ли ты получишь ясный ответ.

— Иными словами, он и сам не обязательно понимает, зачем позвал меня?

— Помни, Менендес, что он болен.

Они отворили дверь палаты, где царило тихое,

ненавязчивое ожидание смерти, подобной росе, что вот-вот ляжет на цветы. Ароматические свечи горели в настенных канделябрах. Каждый имел форму кивидинокийской руки: тонкие, как рапирные клинки, пальцы, откованные из железа. В комнате висел сепийно-коричневый дым, и сквозь него Серхио с трудом различил укрытую одеялом фигуру умирающего. У кровати кольцом выстроились, точно коленопреклоненные прихожане, мониторы системы жизнеобеспечения. В большинстве своем они были отключены.

— Не надо его слишком утомлять. Он может уйти от нас в любую минуту, но оставшиеся нам мгновения его присутствия нецелесообразно растрачивать впустую.

— Вы останетесь?

— Не думай обо мне. Я буду рядом.

— Очень жаль. — Серхио опять подавил усмешку. — Очень жаль, что вам надо уйти, хотел я сказать…

Когда очевидник удалился, Серхио подождал несколько мгновений, пока глаза не привыкли к сумраку. Ему ни разу не приходилось видеть существо столь близкое к смерти, как Иван. Было поистине чудом, что в этом дряхлом теле еще протекают какие-то метаболические процессы.

Каждый вздох был слабее предыдущего. У Серхио затекла рука, и он опустил сумку на пол. Наверное, при этом произвел едва слышный звук или возмутил воздушные течения в комнате, — как бы то ни было, старик открыл глаза. На это действие у него ушло столько же времени, сколько у розы — на то, чтобы раскрыться с рассветом.

— Менендес. — Губы Ивана едва шевелились. — Ведь тебя так зовут? — И после паузы: — Как прошел полет из Викингвилля?

— Тепловые потоки превосходны, — ответил Серхио.

— Обычно для этого пользовались глайдерами. Параглайдерами, ну да ты знаешь. Я прыгал с тепуи[3] в Венесуэле. На Земле. Еще до появления кивидиноков. При этом… недолго и штаны обмарать.

— Вы вольны доверять своим воспоминаниям, Иван.

— Господи, а я-то думал, что Беллармин — упрямец. Расслабься. Почтение мне нужно не больше, чем скейтборд. Ты захватил рекордер?

— Он готов. Я не вполне понимал, чего вы от меня хотите. В Диоцезе мне ничего не сказали.

---

[3] Примечания: 3

Тепуи — столовые горы на Гвианском нагорье в Южной Америке.

— Это потому, что у них нет ни малейшего понятия, о чем я думаю. Ага! Сумка. — Руки Ивана выпростались из-под одеяла и ощупали сумку, вытащили освященный старинный магнитофон и с неожиданной аккуратностью поставили у кровати. — А вот и оно. Молодец, Менендес! Какой же ты молодец! Думаю, мне стоило лучше к тебе относиться. — Дрожащими пальцами он нашарил бутылочку виски, откупорил ее и подержал у носа. — Это клановое пойло, да? Ты рисковал, доставляя его.

— Не совсем. Я настоял, что у этой бутылочки символическая функция.

— И ты прав, сынок. — Иван глотнул и поставил бутылочку среди личных вещей с другой стороны ложа. — Ты помог и себе. Ты вправе кое на что рассчитывать. Садись.

— Я по-прежнему не понимаю, зачем я здесь.

— Никаких секретов. Я должен поведать тебе кое-что. И только тебе. Никому из старших по чину очевидников я не могу доверять.

Серхио сел рядом с ложем, нервно озираясь. На миг ему показалось, что в тенях и сиянии свечи отливает бронзой лицо Беллармина. Но только показалось.

— То, что вы желаете открыть мне, имеет каса-

тельство к… кивидинокам?

— К кивидинокам, Погибели и всему остальному!

Иван замолчал, облизал губы, изучая Серхио сквозь полусомкнутые веки.

— Я не такой реакции от тебя ожидал.

— Я… — Серхио покачал головой.

«…думал об Индрани».

— Как по-твоему, когда все это зародилось? — Старик повел рукой вокруг. — В тот день, когда я прекратил убирать дерьмо в Смоленске.

— Я…

— В тот день, когда явились кивидиноки. Октябрь две тысячи семьдесят восьмого. Нулевой Год. Да, я знаю, ты думаешь, что тебе все это известно. Этот эпизод-де хорошо задокументирован. Так-то оно так, однако…

Иван нашел в себе силы сменить горизонтальное положение на более близкое к сидячей позе. Серхио подскочил к нему и подложил подушки под спину.

— …впоследствии оказалось, что не так уж и хорошо. Если бы я просто выложил тебе все, сынок, ты бы наверняка счел меня маразматиком, утратившим контакт с реальностью.

— Я никогда не смел подвергать сомнениям

истинность сказанного вами. И никто из нас не смел.

— Посмотрим, будешь ли ты так же стоек в этом, когда я закончу рассказ, сынок. — Иван пригубил еще кланового виски, протянул бутылочку в сторону Серхио, не дождался реакции и продолжил: — Сколько тебе стандартолет, сынок? Двадцать четыре, двадцать пять? Ты не мог быть старше меня в тот день. Мы тогда еще не называли их кивидиноками. Это слово вошло в обиход значительно позже, когда они перешерстили наши культурные слои и сами выбрали себе имя. Оно из языка чиппева, означает «принадлежащие ветру». Возможно, имело какое-то отношение к способу их перемещения в пространстве.

— Возможно.

Они прибыли восемьдесят четыре года назад, ворвавшись в Солнечную систему на околосветовой скорости. Их корявый, грубо-ромбической формы корабль, бывший некогда маленьким астероидом, выставил солнечный парус, долетев примерно до Плутона. Предположение, что гости пересекли межзвездную бездну в ошибочной уверенности, будто солнечный ветер замедлит их движение, любому показалось бы смехотворным. Тем не менее уже через три часа кивидинокий-

ский корабль практически остановился, затем аккуратно сложил парус и направился к Земле.

Пригласили дипломатов. Немногочисленные имевшиеся изображения представляли кивидиноков ангелами из стали и неона, гуманоидами, чьи формы расплывались и двоились, будто у спускавшейся по лестнице Обнаженной Дюшана. Представляли стройными, как кинжалы, и крылатыми, причем светоносные массивные крылья, казалось, угасали и таяли где-то в нижней части фигуры, будто сшитые из тончайшего шелка. Лица кивидиноков отличались болезненной красотой, но вместе с тем походили на маски, а ротовые щели и сверкавшие ярче алмазов глаза выражали бесстрастное спокойствие. Очень быстро выяснилось, что дипломаты имеют дело с машинами. Кивидиноки утверждали, что изначально им была присуща органическая форма, но от нее отказались десятки миллионов лет назад.

«Наше миропредставление отличается от вашего, — заявили они на одной из редких публичных дискуссий о своей природе. — Наше восприятие квантового уровня реальности расходится с вашим. И когда мы обладали формой вроде вашей, оно тоже было иным».

— Как думаешь, что они имели в виду? — спро-

сил Иван, процитировав Серхио эти фразы и тем прервал повествование. — Да нет, оставь магнитофон. Пускай крутится.

— Не могу даже предположить.

— Это должно иметь отношение к процессу их трансформации в машинное обличье, разве нет?

— Ваше предположение, несомненно, имеет смысл. Но разве это… значимо сейчас? Поверьте, я бы не хотел, чтобы вы утомлялись разговором.

Рука Ивана сжала запястье Серхио.

— Это гораздо важнее, чем ты можешь себе представить. — Старик отчаянно закашлялся и, утихомирив дыхание, с трудом продолжил: — Ты должен осознать: ключ к разгадке — в квантовом измерении. В том, как именно суперпозиция состояний квантовой системы коллапсирует в единственную реальность. Пойми это — и пойми, почему это такая проблема. Тогда поймешь все остальное.

Серхио виновато покосился на магнитофон, сознавая, что каждое сказанное слово накрепко запечатлевается на пленке.

— В семинарии нам рассказывали про котов. Котов в ящиках, с радиоизотопами и ампулами летучего мышьяка.

— В те редкие дни, когда я не убирал дерьмо в

Смоленске, я пытался изучать философию. Читал научно-популярные статьи, иногда сам диву давался, что понимаю математические аспекты. Суть в том, что все квантовые системы — атомы, кристаллы, коты и собаки — существуют в суперпозиции возможных состояний, как сложенные стопкой фотокопии. Но только до тех пор, пока ты на эту стопку не посмотришь. Как только над системой производится измерение, как только над любой ее частью производится измерение, система коллапсирует — выбирает один-единственный исход из мириад доступных и отбрасывает все остальные возможности. — Хватка Ивана ослабла. — Дай-ка воды. В горле пересохло. Кланы варят настоящую огненную водицу.

Пока старик пил, Серхио задал вопрос:

— Но мы так и не успели спросить у кивидиноков о том, о чем действительно хотели спросить, не так ли?

Иван прочистил горло:

— Когда они оповестили нас, что отбывают, началась паника. Казалось, мы отпускаем их слишком рано. Слишком мало почерпнули из живительного источника знаний.

— И тогда они сделали нам предложение.

— Да. Они уже неоднократно намекали, что наше… как бы это сказать?.. бытие не таково, как мы себе его воображаем. Что существует определенный фундаментальный, основополагающий аспект нашей природы, о котором мы не имеем никакого понятия. — Иван поднял руку между глазами и пламенем свечи, поглядел, как будто его плоть стала прозрачной. — «Вы, человеки, — говорили они, — просто не постигаете этого». Они сказали, что мы можем потратить все оставшееся нам время, задавая им пустяковые вопросы, а на это фундаментальное упущение даже не наткнемся. И предложили одному-единственному человеку… Да будет мне позволено назвать это просветлением.

— И выбрали вас, — сказал Серхио.

— Уж не думаешь ли ты, что я хлопотал за себя? Иван Пашенков, ассенизатор из Смоленска — какие, во имя ада — или Погибели, — у него могли быть шансы? Не смеши меня, сынок.

— Как вы поступили, узнав, что выбраны? Именно вы из миллионов подавших заявку?

— Да напился в стельку. Или это было на следующий день? Не помню. А как я должен был себя чувствовать? В привилегированном положении? Причастным к элите? Нельзя же всерьез вооб-

разить, что меня выбрали за исключительные личностные качества. Мне просто… повезло.

После этого кивидиноки взяли его на борт своего звездолета. Ему было позволено захватить несколько записывающих устройств, достаточно миниатюрных, чтобы поместились в одежде. Готовясь к отбытию, корабль окружил себя полем поляризованной инерции и выделил одно из направлений пространства, вдоль которого компонента сопротивления ускорению будет нулевой, а во всех перпендикулярных ему — бесконечной.

— Меня обездвижили, — сказал Иван, — накачали наркотиками и поместили на хранение.

— И каково это было?

Умирающий поднял руку и провел невидимую черту вдоль венчика, уцелевшего на его лысом черепе, — пальцы беспрепятственно, как сквозь тонкую вуаль, проникали сквозь редкие волосы.

— Мозг, — сказал он, — разделен на два полушария. Каждому отведены различные задачи, как то: общение на том или ином языке, наслаждение отборным вином, совокупление с женщиной. — Последние слова повисли в воздухе, как упрек. Потом старик продолжил: — Есть нервные цепи, соединяющие оба полушария: комиссура,

или мозолистое тело — corpus callosum. С их помощью мы объединяем различные модели мира, сконструированные в каждом полушарии: аналитическую и эмоциональную, например. Кивидинокийский двигатель что-то изменил в моей голове. Нервным импульсам стало тяжело проникать сквозь комиссуру, поскольку для этого требовалось двигаться против выделенной оси поляризующего поля. Я понял, что мои мысли — сознательный опыт — стагнируют, застывают в каждом полушарии по отдельности. Я думал о разных вещах и не мог подобрать обозначений для в возникавших в моем сознании символов, возникавших в моем сознании, потому что необходимые для этого нервные пути были фактически рассечены.

— Но это ведь продолжалось недолго.

Старик махнул рукой:

— Гораздо дольше, чем ты думаешь. Но вот мы прилетели. Мне показали Солнце — маленькое и тусклое, но все же посветлее самых ярких звезд, и это означало, что меня увезли не так далеко за пределы системы.

— Фактически на край кометного облака.

— Хм… Да. Мы были в нескольких световых минутах от Погибели, хоть и не знали, что она

существует.

— Все, что вы сообщили, — вежливо заметил Серхио, — в точности совпадает с тем, чему меня учили в семинарии. Если вы намерены открыть мне, что ключевая проблема была связана с нейтронной звездой, то я, признаться, останусь в недоумении, чем же воспринятый из ваших уст рассказ отличен от наставлений той поры. Я хочу сказать, что само существование…

— Да существует она, существует, — досадливо прервал его Иван. — И все, о чем я уже успел рассказать, — тоже. Но расхождения начинаются там, где…

Он остановился и позволил Серхио смочить ему губы. Из кубка пил жадно, точно подозревал, что воды осталось мало. Серхио вспомнил, как жажда мучила его самого — после крушения орнитоптера, в джаггернауте каравана клановщиков. Он отогнал эту мысль.

— Слушай, — продолжил старик, — но прежде чем мы вернемся к этой теме, я должен спросить тебя кое о чем еще. Догадываешься, о чем именно?

— Если я могу как-то помочь…

— Расскажи про Индрани, будь так добр.

Ее имя упало на Серхио, как епитимья.

— Простите?..

Прежде чем Иван успел ответить, Серхио почувствовал, как холод страха ширится в кишках, развертывается там, точно питон. Он заметался по комнате, прижав руку к губам, потом выскочил наружу, пробежал по мостику, схватился за перила и выблевал в бездну. На миг возникло восхищение при виде собственной рвоты, расплескавшейся о розовые нижние уровни алебастрового клинка. Тошнота сразу отпустила. Серхио отер слезы, сделал несколько судорожных вздохов и визуализировал пару успокаивающих мандал из требника. Горгулья ухмылялась ему снизу. Она была размером с морскую пушку старых времен, плавный изгиб ее зубастой челюсти, казалось, передразнивал его.

— Ты взволнован, — заметил Беллармин, возникший на противоположном конце мостика. — Я определил это по увеличившейся солености твоей кожи. Биоэлектрическая аура тоже изменилась.

— Что вам нужно?

Закутанная в плащ цвета ржавчины фигура переместилась ближе. В овальном зеркале мягко подрагивал пейзаж. На миг Серхио показалось, будто он что-то там видит: серебряный или хро-

мовый проблеск, стрелой пронесшийся между горбами барханов. Но если это не иллюзия, то объект уже исчез. Нет резона отвлекать Беллармина бессмысленными наблюдениями.

— Там был еще кто-нибудь, Менендес?

— Вы о чем?

— Был ли в комнате кто-то еще? — терпеливо проговорил Беллармин. — Не я.

Серхио всмотрелся в собственное отражение, прежде чем ответить.

— Думаю, я бы заметил. Вы полагаете, кто-то должен был там находиться?

Очевидник придвинулся еще ближе, точно желая прошептать ему на ухо какую-то тайну. Помедлив, Беллармин произнес:

— Заронi сей вопрос в ум свой и ответь вместо него на следующий. О чем тебе поведал Иван?

Теперь в его лице отражалась закованная в доспехи горгулья. Искаженный зеркалом, ее облик стал еще отвратительней.

— О чем он с тобой говорил? Ради безопасности ордена я должен знать. Если смолчишь, появятся основания заподозрить измену.

— Если бы Основатель хотел, чтобы вы об этом узнали тоже, он бы не призвал меня из Диоцеза.

— Твоя позиция довольно уязвима, Менендес.

— Уверяю вас, я внимательно выслушаю его слова, — сказал Серхио. — И какое бы сообщение он ни пожелал нам оставить, я уж позабочусь, чтобы оно достигло Викингвилля.

Он вернулся к постели умирающего, лавируя между медицинских мониторов, и занял прежнее место подле Ивана.

— Когда вы впервые упомянули ее имя, — произнес он гораздо тише, чем мог от себя ожидать, — я решил, что ослышался.

— Расскажи, что между вами произошло, — потребовал Иван. Магнитофонная лента продолжала с заговорщицким шорохом крутиться. — После этого я отвечу тебе откровенностью. Ты узнаешь, что в действительности довелось мне пережить в окрестностях Погибели.

— Беллармин тоже знает, верно?

— Я гарантирую, что сведения об этих событиях он получил из других источников. Думается, ты начал там же, где и я. В самом-самом начале. Ты лишь недавно был возведен в сан, так?

— Через несколько дней после инсталляции духовника. — Серхио коснулся щетинистого венчика на голове. — То была моя первая миссия на службе Диоцезу — путешествие на север от Викингвилля, в гости к людям клана. Они поль-

зуются освященными орденом сервиторами, так что у меня был предлог явиться без предупреждения или же сообщив о поездке в самых общих словах.

Погрузиться в рассказ о тех событиях было нетрудно.

Караван клана падальщиков смутно вырисовывался внизу; длинная, растянутая по пустыне процессия машин с жучиными спинами; некоторые были не крупнее собак, другие же превосходили размерами дом. Крупнейшим оказался джаггернаут, то есть главная машина в караване. В нем нашли себе пристанище сами погонщики. Караван блуждал по пустыне к северу от Викингвилля месяцами, разыскивая технологические реликты эпохи долгих войн, сотрясавших Марс как до, так и сразу после Экуменического Синтеза.

Хотя прошли уже десятилетия с тех пор, как последний ледяной астероид врезался в поверхность Марса и наполнил этот мир живительной атмосферной влагой, климат планеты все еще был суров и находился в поисках равновесия, даром что подошел к нему ближе всего за четыре миллиарда лет. Время от времени на пути орнитоптера возникали пылевые бураны, неистово крутящиеся воронки отдельных ламинарных

течений, слишком внезапные и яростные, чтобы на них успевали толком среагировать элероны и обшивка орнитоптера.

Сейчас, похоже, эти адаптивные элементы реагировали хуже прежнего, хотя, конечно, Серхио этого не видел. Вдруг оторвалось крыло и рухнуло на барханы. Другое уже на глазах смялось, как оригами в кулаке. Из-за перепада давления от мозга отлила кровь, и Серхио мучительно медленно терял сознание, падая прямо под бешено вертящиеся колеса джаггернаута.

Затем он пришел в себя — и обнаружил, что находится внутри этой машины.

— Она была как ангел во плоти, — сказал Серхио, испытывая нечто вроде извращенной радости оттого, что сумел себя разбередить. — Я на самом-то деле не так уж сильно пострадал — чувствовал себя куда хуже, чем полагалось бы при таких травмах. Индрани предложила мне воды, на вкус почти как пыль, но по крайней мере это была жидкость… Мне полегчало. Естественно, я принялся задавать вопросы.

— Ты удивился, почему она одна, совсем еще девчонка, во главе фуражирского каравана. Там был кто-нибудь еще?

— О да, там был ее брат Хайдар. Восьми или

девяти лет от роду. Я запомнил его, поскольку подарил ему игрушки.

— А кроме Хайдара?..

— Никого. Я спросил, в чем дело. Она ответила, что родители мертвы, убиты даосистским ополчением. — Теперь, когда большая часть истории осталась позади, Серхио почувствовал, что пересохло во рту, и воспользовался водой, предназначенной для Основателя. — Я мог бы обратиться к демографической статбазе требника, чтобы проверить ее слова, но меня только что возвели в сан и я еще не наловчился это делать. Да и потом, смерч пока не ушел и мой орнитоптер невозможно было починить. Мы оказались заперты в джаггернауте по крайней мере на несколько дней. И я…

— Ты хочешь сказать, что был слаб, травмирован, плохо владел собой?

— Только это было бы неправдой, так ведь? Я знал, что делаю. Если что и ослабло, так это моя преданность ордену. А вот любовь к Индрани вспыхнула достаточно сильно. У меня в орнитоптере были игрушки. Мы всегда их с собой возим, чтобы приманивать детей и внушать им, что орден добр и заботлив… чтобы привлечь их в наши ряды, когда повзрослеют. Индрани заняла

Хайдара играми. А нас — любовью.

— Это у тебя было в первый раз?

— И в последний.

— Оно того стоило?

— Не было с той поры дня, чтобы я не вспоминал о ней, если такого ответа вам достаточно. Постепенно сумел убедить себя, что и она испытывает нечто подобное…

— Я рад. Хоть ты и согрешил, но определенно получил некоторое удовольствие.

Когда шторм утих, а от орнитоптера пара блестящих концов крыльев, торчащих из наносов красной пыли, с юга прикатили, подпрыгивая на неровностях рельефа, два легких транспортных средства. Это были вездеходы: три огромных колеса, над ними филигранная кабина, увешанная топливными ячейками и устройствами связи.

Родители Индрани.

— Я так и не сообразил, что она мне солгала, выдумала всю историю о том, как ей отдали в подчинение целый караван после гибели родителей от рук даосистов. С этого обмана все и началось… по ее воле.

— Это так удобно.

— В любом случае у меня не было возможности установить истину. Родителям девушки

потребовалось какое-то время, чтобы закрепить вездеходы в доке джаггернаута, так что мы успели привести себя в порядок и вернуться к прежним ролям. Если родители что-то и заподозрили, то виду не подали. Напротив, они так тепло и радушно меня приняли, что мне стало очень стыдно. Через три дня мы пересеклись с другим караваном, следовавшим в Викингвилль. Когда я вернулся в семинарию, меня встретили как героя. Но не все. Некоторые священники как будто догадались, что произошло.

— Но тебя это не устрашило.

— Не устрашило, — твердо сказал Серхио. — Но я всегда боялся вновь услышать ее имя. Я был в своем праве, не так ли?

— Ты, очевидно, вообразил, что Индрани пожаловалась в Диоцез или что ее семья каким-то образом разнюхала правду и подала жалобу вместо дочери. Но все было не так. Не совсем так, если точнее.

— Как Беллармин узнал?

— Я отвечу, но позволь мне в свой черед поделиться моей историей.

Серхио сделал глубокий вдох. Комната, как он только что понял, все усиливала в нем клаустрофобию. Казалась темной и гнетуще-давящей,

будто и в самом деле пыталась выжать остатки жизненных сил из человека на смертном ложе.

— Хорошо, — сказал он. — Я не понял, зачем вам понадобилось расспрашивать меня насчет Индрани, но вы правы. Мне стоит выслушать вашу повесть о Погибели. Хотя, признаться, я не понимаю, чем она отличается от…

— Менендес, заткнись и слушай. Увиденное тобой в колоде для семинаристов в день посвящения соответствует истине. Погибель действительно существует. Это нейтронная звезда. Как я всегда и утверждал.

Иван начал пересказывать заученные Серхио в семинарии сведения о природе звезды. Правда, Серхио почти забыл их, поскольку они казались малосущественными для крепости веры. Нейтронная звезда — сфера из ядерного вещества, образовавшаяся в результате выгорания обычной звезды. Она массой как Солнце, но сжата до размеров Викингвилля. Если бы можно было отколоть от нее образец величиной с кусок сахара, он бы весил полмиллиарда тонн. Погибель продолжает быстро остывать, как раскаленный докрасна и вынутый из печи слиток, а это означает, что возникла она совсем недавно, несколько сотен тысяч лет назад, и очень близко к своему

нынешнему местоположению. Горячая голубая звезда должна была умереть, озарив всю Галактику прощальным салютом. Окутавшая ее труп туманность уже рассеялась, но сомнений нет:

Погибель — порождение сверхновой.

— Ее не могло быть, — сказал Иван. — Никаких доказательств существования сверхновой не было найдено. Ни частичного вымирания, ни локального учащения мутаций, ни всплеска видообразования… ничего.

Старик оглядел комнату. Несколько свечей еще теплились, но их аромат больше не господствовал в палате.

— Такая штука, как сверхновая, не исчезает бесследно. И вот в чем загвоздка. Если ты приблизишься к ней так, как приблизились мы, то просто не сумеешь притвориться, будто не заметил ее, потому что больше никогда ничего не увидишь. Ты превратишься в пригоршню праха. Так должно было случиться. На то она и Погибель.

— Очевидно, вмешался Господь.

— Ага. Наставил толстый дряблый палец прямо в ядро коллапсара и повелел процессам пройти так, чтобы мы остались целы. И это все объясняет, правда? Маленькое чудо, специально для нас. Наше маленькое чудо. Если тебе нужно чудо, чем

плохо это?

Понять, что произошло, было нетрудно. Удалось теоретически рассчитать, что взрыв сверхновой не был симметричен. Энергия вспышки распространялась не по идеально сферическому объему. Небольшие отклонения в динамике ядра перед самым коллапсом накапливались, умножались, пока систему не затянуло в область хаоса, пока звезда не взорвалась совсем уж асимметрически, перекошенно, выбросив чуть ли не половину своих потрохов в одном направлении.

— Мне объяснили, какая тонкая настройка для этого требуется, — продолжал Иван, — как точно должны быть заданы начальные условия. Если бы они отличались на одну миллиардную…

— Мы бы здесь не беседовали.

— О чем это говорит тебе? Лично тебе, Менендес?

Серхио опасливо покосился на магнитофон. Одно-единственное неверное слово может разрушить всю его карьеру в Диоцезе, но… важнее дать тот ответ, какой Основателю действительно хочется услышать.

— Произошло событие исчезающе малой вероятности. Событие, которое позволило человечеству выжить. Чудо, если угодно. Акт

божественного вмешательства. Господь подправил начальные условия вспышки так, что это чудо возымело место.

— В семинарии ты наверняка был любимчиком преподавателей, сынок.

Серхио возмутился, но постарался не отразить этого в голосе.

— Основатель, — сказал он ровно, — осмелюсь напомнить, что меня учили только по вашим собственным писаниям. О Погибели я знаю с ваших слов. Следует ли заключить, что они были неверно интерпретированы?

— Да нет, не совсем. Эта чертова машинка все еще крутится?

— Выключить?

— Нет! Придвинь ближе. Я хочу, чтобы следующие мои слова были зафиксированы абсолютно полно и точно. Чтобы не осталось ни малейших сомнений. Если ты отвезешь запись в Диоцез, там пойдут на любые ухищрения, чтобы представить это фальшивкой. Даже то, что я сейчас скажу.

Он подождал, пока Серхио установит магнитофон вплотную к кровати. Это занятие было бесполезным, но доставило Ивану некоторое удовлетворение.

— Мои слова не были перекручены, — про-

должил умирающий. — Я солгал. Может быть, потому, что кивидинокийский двигатель как-то нарушил работу моего мозга.

— Это так удобно…

— Тушé. Менендес, ты знаешь, что такое эпилепсия височной доли коры? Никто — или почти никто — не страдает сейчас этой хворью. Но те, кто все-таки переболел, описывают возникающие переживания как очень сходные с религиозным экстазом.

Серхио долго молчал и наконец произнес:

— Я полагаю, введенные препараты могли вызвать у вас галлюцинации. Извините, но…

Иван зашевелился, пытаясь перекатиться на другую сторону смертного одра. Когда это удалось, он порылся в темной стопке документов, лекарств и личных вещей, наваленных на ночном столике. Нашел шприц и поднял так, что игла блеснула в скудном свете свечи.

— Я объяснял им, что такой эффект страшит меня пуще боли. Тяжело быть пророком, когда в грош не ставишь собственные откровения, Менендес. Мне дали лекарство… сказали, что оно притупит страх. Может, и притупило. Но недостаточно.

Серхио услышал вопрос и сразу сообразил, что

слова произносит его собственный рот:

— В чем именно вы солгали? И для чего?

— Начнем с того, сынок, что это трудно назвать ложью в строгом смысле слова. Я не считаю, что в тогдашнем состоянии был душевно здоровым. Я верил в собственные иллюзии так же горячо, как и все остальные. Но… функции моего мозга понемногу восстановились, и ложь стала уже умышленной. Я решил поддерживать состояние неведения, которому сам же положил начало. И знаешь что? Это не слишком трудно. Более того, это успокаивает. Они хотели мне верить. Каждому моему слову. Ничего противоречащего моим заявлениям на записывающих устройствах не нашлось. Меня чествовали — о, как меня чествовали! Я не просил, клянусь. Я не хотел этого. Но прежде чем успел хоть пальцем шевельнуть, вокруг меня уже сформировался культ. Его единственной доктриной стало утверждение о том, что Господь изменил законы звездного коллапса и сделал взрыв асимметричным. Культ превратился в мощную религию. Это было единственное религиозное движение на свете, которому вера оказалась не нужна. И вскоре оно поглотило своих неудачливых соперников, вынужденных опираться на веру.

— Синтез.

Иван едва заметно кивнул:

— Да. Было уже поздно препятствовать им, Менендес. Они бы восстали против меня. Теперь я умираю.

— Они останутся не слишком признательны вам.

— Они могут честить меня на чем свет стоит, но на Голгофу уже не поведут. Предложения дьявола всегда более выгодны, хе-хе… Мне чуток полегчало. Это потому, что есть кому поведать правду. Отвези эту запись в Викингвилль. Уничтожь орден. Начни с малого.

— Они возненавидят и меня, — заметил Серхио. Ему припомнились ожесточенные споры о теологических проблемах, не имевших ни малейшего касательства к реальному миру. — Впрочем, я все еще теряюсь в догадках, где же в ваши утверждения о Погибели закралась ложь. Если Погибель существует, но Божественное вмешательство не имело места… Что же это выходит? Случай колоссального отклонения от статистических законов? Но…

— Именно так.

— И чем это объяснение предпочтительнее того, что вы дали раньше?

— Оно правдоподобнее. Чего тебе еще надо? — Иван произнес это, как бы не признавая за собой вины. Он все еще держал шприц поднятым к свету, словно опустить его стоило куда больших усилий. — Квантовая механика учит нас, что существует несомненно малая, но все же измеримая вероятность того, что вот этот самый шприц сейчас исчезнет из моей руки и окажется на кромке стены храма. Как бы ты себя повел, сподобившись лицезреть сие?

— Вы умелый спорщик, но если бы у меня не осталось никаких поводов для сомнений… я бы признал, что это событие исчезающе малой вероятности все же произошло.

— А если бы твоя жизнь зависела от его исхода?

— Я не хотел бы обсуждать неслучившееся.

— Ладно. Представь себе, что в этом шприце на самом деле не лекарство, а неустойчивая взрывчатка. В один прекрасный миг она сдетонирует. Если шприц не выпадет из моей ослабевшей руки, ты уцелеешь. Если уроню, ты мертвец.

— А если я выживу? Логически рассуждая, такая возможность останется. Но она весьма невелика. Правильно?

— Я не утверждал противоположного. Хитрость

в том, что такой подход не является универсально применимым. Если событие чрезвычайно неправдоподобно и все же есть вероятность, что оно произойдет, то… оно и произойдет после достаточно большого числа попыток.

— Не уверен, что…

— Квантовые процессы происходят все одновременно. Множество параллельных версий реальности, которые обязательно содержат все возможные перестановки во всех возможных сочетаниях всех мыслимых квантовых состояний. Улавливаешь, куда я клоню?

— Улавливал. Но уже потерял нить.

Улыбка тронула губы умирающего.

— Представь себе, например, миллиард возможных в будущем версий этой комнаты, в каждой — по одной идентичной или не совсем, но почти идентичной копии пары «ты и я». Конечно же, их куда больше миллиарда — на самом деле во всей известной Вселенной не хватит атомов, чтобы записать это число. Но пусть будет миллиард, на наш век хватит. Пусть, далее, каждая комната в чем-то отличается от нашей — но лишь на квантовом уровне, причем в большинстве случаев эти отличия кажутся случайно распределенными и бессмысленными. Будут и другие отличия,

подозрительно согласованные, когерентные. Но правда в том, что разыгрывается каждый возможный с вероятностной точки зрения сценарий событий. Они выбираются вслепую. — Иван помолчал, пока Серхио подносил ему немного воды. Лоб старика пересекла новая морщина. Казалось, он собирается с мыслями. — Логически рассуждая, существует конечное число состояний системы «комната-ты-я-шприц», в которых шприц накапливает достаточно энергии, чтоб тоннелировать через стену и взорваться уже в другом помещении, не причинив нам вреда. Это крайне малое число. Но оно измеримо. Если провести достаточное количество экспериментов, так и произойдет — в одном из них, рано или поздно. И с квантовой точки зрения такие эксперименты проводятся каждую секунду каждой минуты нашей жизни. Они проходят одновременно и независимо с каждым нашим вдохом и выдохом. У нас возникает впечатление, что мы движемся по личной времялинии единственной неизменной истории, а на самом деле мириады версий нас самих в каждое мгновение отлетают прочь — некоторые выживают, а другие нет. — Иван расслабил руку, шприц лязгнул о пол и закатился в скопившийся у кровати мусор. — Неплохо для

самоучки из смоленской канализации, а?

— Мне кажется, что я начинаю понимать суть ваших аргументов.

— А то! Итак, когда сверхновая взорвалась, шанс на выживание у любой версии был очень мал, абсурдно ничтожен — но по крайней мере одна версия должна была выжить при любых обстоятельствах. Это гарантировала ей квантовая природа вещей[4].

— Откуда вы знаете?..

— А что, непонятно? Кивидиноки показали мне. Когда я говорю «показали», я выражаюсь буквально. Они поместили в мою башку все времялинии одновременно. Их сознание — лучше называть это сознанием, за неимением более адекватного термина, — блуждает по многим вероятностным путям. Размазано по ним. Они воспринимают все эти пути. Вот почему они говорили, что видят мир не так, как мы. Кивидиноки достигли этого, удалившись от нас и приблизившись к машинам.

Серхио глубоко вздохнул, пытаясь осмыслить услышанное.

— Как это выглядело?

---

[4] Примечания: 4

Иван пересказывает своими словами парадокс квантового бессмертия, впервые сформулированный Максом Тегмарком. Рейнольдс возвращается к нему в рассказе «Неистощимость».

— Мертвые миры. Множество миров. Бесчисленные Земли, которым не повезло. Там начальные условия вспышки сверхновой отличались от наших. Аннигиляции ничто не препятствовало. Если тебе так понятнее — указующий перст Господа пришелся не в то место. Миры праха и тьмы.

Иван снова порылся в груде личных вещей, бесцеремонно сдирая и отбрасывая в сторону верхний «культурный слой». Нашел плоский пакетик и протянул его Серхио. Пакетик был из промасленной бумаги. Выскользнув из непослушных пальцев, он раскрылся. Содержимое высыпалось. Это были блестящие, будто стеклянистые, серые карточки, похожие на те, что Серхио увидел в семинарии вскоре после того, как духовник угнездился в его мозгу.

Он увидел картинки.

Другие картинки.

— Понятия не имею, как они это сделали, — прокомментировал Основатель. — Кивидиноки умели вмешиваться в работу записывающих устройств, таких как те, что я взял с собой в полет к Погибели. Они внедрили туда двухмерные изображения. Составленные по данным с других мировых линий.

— Там механизм коллапса сверхновой был иным.

— И там мы поджарились с корочкой.

На каждой карточке масштабы катастрофы отличались от предыдущих, но неизменно представляли картину смертельного опустошения. Столь полного, что жизнь на суше никогда не возродилась. Возможно, в обмелевших, странно изменивших очертания крапинках-океанах еще теплилась какая-то ее искра. Но не на всех карточках были океаны. Кое-где не осталось и атмосферы.

— Ну, в общем, вот так это было, — заключил Иван. — Только нам не довелось испытать этого на своей шкуре. Наша мировая линия, где мы с тобой сейчас беседуем, — из ряда вон выходящее исключение. Одинокий оазис посреди пустыни вероятностей. И он существует только потому, что мы его наблюдаем. А мы наблюдаем его потому, что он существует.

Серхио перебирал оставшиеся картинки, вариации на тему всемирного опустошения. Он знал — подсознательно уверился, — что они настоящие. Настолько настоящие, насколько это вообще возможно для артефактов, выкраденных с иных времялиний. Эти изображения Иван хранил в

строжайшей тайне восемьдесят лет. Они опровергали факт Божественного вмешательства. Разрушали чудо. Глядя на них, верилось только в одно. В нечеловеческую несправедливость и жестокость.

«И мы выжили, — думал Серхио, — только потому, что кто-то должен был выжить, чисто статистически. А отнюдь не потому, что были избраны и сподобились спасения».

— Чего же вы хотите?

— Возьми отвези их в Диоцез. Добейся, чтобы там услышали мои слова.

— Вы слишком многого от меня требуете.

— Ты слуга Божий. — В голосе Ивана почти не было иронии. — Молись, и Он тебе поможет.

— Почему я должен в Него верить? После всего?

— Потому что теперь вера тебе нужна, как никогда прежде. Мы это упустили. Не придали этому значения. У нас было доказательство бытия Бога, и мы не нуждались в слепой вере. Но наше доказательство подложное. Орден выстроен на лжи. Разрушить орден не значит поколебать веру, если она у тебя еще осталась. Мне не суждено было ее обрести. Видать, не подвернулся подходящий воздушный поток. Послание в бутылке

не дошло до адресата. А ты молод. У тебя есть шанс обрести веру, даже если до сих пор ты и был ее лишен. Полагаю, она тебе очень пригодится. Грядет что-то вроде джихада, и ты будешь в нем сражаться, хочешь того или нет.

— Да еще какого джихада! — сказал другой голос, не принадлежавший фигуре на смертном одре. — Тебе такого даже не вообразить.

— А, Беллармин. — Серхио обернулся и посмотрел очевиднику в лицо.

Тот вошел в палату совершенно неслышно.

Шелест рассекаемого воздуха. Металлический просверк. Беллармин выхватил карточки из руки Серхио. На миг очевидник задержал их у лица, тасуя и пересматривая, потом едва уловимым движением разорвал на мельчайшие кусочки.

— Мне было известно о существовании этих изображений, — сказал он голосом, подобным жужжанию осы. — Я не удосужился их уничтожить.

— Будь осторожен в своих словах. Магнитофон включен.

— Мой голос не будет записан на пленку. Я обращаюсь к твоему мозгу напрямую через духовника. Если кто-то в Диоцезе воспроизведет запись, будет слышно, как ты говоришь с пу-

стотой.

Серхио наклонился к постели и выключил магнитофон:

— Ну ладно, говори. Что происходит? Как ты пронюхал про Индрани?

Беллармин подошел ближе. Серхио показалось, что у него в голове что-то копошится по-муравьиному.

— А разве это не очевидно? Через твоего духовника. — Беллармин заговорил тише, но тембр голоса стал глубже. — Ты воображал, будто это пассивное устройство, существующее лишь для того, чтобы направлять тебя и открывать мысленному оку священные базы данных. Но это не так. У него куда более широкие возможности. За моей маской скрыты массивы сверхпроводящих устройств, способные зафиксировать мгновенные изменения электромагнитных характеристик окружающей среды. Вот как я почувствовал, что ты нервничаешь — там, на балконе. Массив сверхпроводников имеет доступ к данным, записанным в твоем духовнике. Ко всему, что ты видишь и слышишь. Ты предан собой самим, Менендес.

— И как давно я предан?

— Мы, очевидники, собираем все данные, какие

только можно. Для собственной же безопасности. Я узнал вскоре после происшествия.

— Но почему… Погоди, я понял. Ты выжидал? — Серхио был готов хохотать над очевидностью этого факта, столь внезапно открывшегося ему. — Ты изъял данные из Диоцеза и решил придержать до тех пор, пока они не пригодятся, чтобы шантажировать меня. Умно, Беллармин. Очень умно.

— В этом нет ничего особенного.

— Разумеется… нет, — сказал Иван. Его голос перешел в предсмертный хрип. — Как… иначе… могло… быть? Когда Индрани… его… спасла… он был… зеленым юнцом… семинаристом…

— Должны быть и другие такие же, — сказал Серхио.

— Нет, — возразил Беллармин. — Ты оказался исключительно слаб и бездарен, Менендес. Ты сам преподнес себя нам. На блюдечке.

— Я не нарушил никаких обетов.

— Почему же ты все время скрывал от нас эту историю? — Беллармин еще больше понизил голос и обратился к Основателю: — Я и с тобой говорю. Он тебе открылся, я знаю.

Серхио вернул магнитофон в сумку.

— Это ты не сможешь уничтожить, — сказал он машиновеку, который почему-то бездейство-

вал. — Диоцез ждет от меня отчета, нравится тебе это или нет.

— Сперва тебе придется вернуться в Викингвилль. — Беллармин сделал шаг к Серхио, но остановился и повернул безликую яйцеголову к ложу Основателя.

— Давай, — сказал Иван. — Беги, пока можешь!

Беллармин упал на колени и схватил шприц, который уронил Основатель. Двигаясь с механической точностью, проткнул иглой резиновую крышку невесть откуда появившегося пузырька. Теперь в стеклянном цилиндре плескалось нечто прозрачное и смертоносное, как змеиный яд.

— Ты применял это средство, чтобы отогнать постыдный страх смерти. А теперь оно ускорит ее приход. Тебе не кажется, что я проявляю милосердие?

Очевидник откинул пожелтевшие одеяла и обнажил безволосую стариковскую грудь. Основатель чудовищным усилием приподнялся на ложе и вцепился в запястье Беллармина. Игла опускалась к сердцу Ивана. Серхио заставил оцепеневшие ноги сделать шаг вперед. Челюсти старика отчаянно сжались. Свободной рукой он слабо бил в грудь машиновека.

— Беги, Менендес… Беги… Со мной уже… по-

кончено…

Серхио кинулся вперед, чтобы отбросить Беллармина от кровати. С таким же успехом он мог бы вместо очевидника атаковать какой-нибудь механизм, намертво вделанный в стены или подножие храма. Шприц ни на миг не замедлил своего продвижения, хотя Беллармину и пришлось отвлечься, чтобы схватить Серхио и швырнуть. Пролетев через всю палату, Серхио врезался в стену. Воздух выбило из легких, острые края кивидинокийской фрески больно оцарапали хребет. Он увидел звезды. Потом сполз на пол и нерешительно приподнялся.

— Прости, Иван, — прохрипел он.

Игла коснулась кожи, вонзилась в плоть. И тотчас силы, еще остававшиеся у старика, рассеялись, как напуганная стая ворон.

— Я тебя не оставлю, — сказал Серхио умирающему. — Уж в этом я поклянусь перед Богом. И ты был прав, Иван: лучше вера, чем доказательство.

— Ты не преуспеешь в этом, — пообещал Беллармин с ледяным спокойствием.

— Добрых тебе ветров, — выдавил Иван и напоследок открыл рот для вздоха.

Но не закончил его. Глаза остекленели, в них навеки застыл ужас, смешанный с радостью.

Радости было чуть больше.

Серхио к тому моменту уже бросился бежать. Он почти достиг двери палаты, когда Беллармин нагнал его и без видимых усилий остановил.

— Я не хотел бы убивать тебя, Менендес, — проговорил машиновек.

За спиной Беллармина Серхио увидел другую яйцеголову, и эта отливала не серебром, а золотом. Второй очевидник пересекал палату, приближаясь к ним.

— Хочешь, чтобы я предал Ивана, подсунув им поддельную запись. Да?

— Лучше предать человека, чем Бога.

Сумка упала на пол.

— Я отказываюсь. Убей меня.

Второй очевидник подошел к Беллармину вплотную и сделал то, чего никак нельзя было от него ожидать. Возможно, изумление отразилось на лице Серхио, потому что Беллармин ослабил хватку и начал поворачиваться. Плащ второго очевидника распахнулся. Под ним оказались человеческие руки, а в них — оружие.

Бесцветная вспышка. Голову пронзил мощный болевой импульс. Серхио открыл рот, чтобы закричать, но боль исчезла — так же мгновенно, как и возникла. Заключенное в доспех тело Бел-

лармина рухнуло на пол и стало корчиться, как выброшенный на берег угорь.

— Угостил его электромагнитным импульсом, — сообщил второй, и в голосе его не хватало машинных интонаций упавшего кардинала. — Возможно, пострадал и твой имплантат, но, надеюсь, не слишком сильно.

— Кто ты?

Свободной рукой нежданный заступник сорвал с лица металломаску. Серхио увидел в ней тонкие смотровые щели. Под маской пряталось потное лицо очень молодого человека, почти мальчика, в скобке черных невьющихся волос. Лицо было Серхио знакомо. Или должно было быть знакомо — он видел его словно в кривом зеркале.

— Ты знаком с моей сестренкой, священник. И валил бы ты отсюда — импульс не мог его убить, а на перезагрузку уйдет немного времени.

— Что происходит?

— Ну, если в двух словах, тебя спасают.

— Ты брат Индрани?

Хайдар кивнул:

— Но я думаю, что ответы на эти насущные вопросы можно получить и потом. Между нами и твоей леталкой есть и другие соплеменники этого чудика. А там только два места, ты понял?

— Да.

С пола донесся звук, похожий на мяуканье котенка, и Беллармин засучил конечностями. Потом серебристая яйцеголова повернулась к Серхио и отразила свет свечей.

— Я убью тебя, Менендес. Если сбежишь, убью.

Серхио сорвал с крепления ближайший подсвечник, поразившись собственной силе. Пламя сразу погасло, и на миг он застыл, держа подсвечник за основание — чугунный кивидинокийский кулак тонкой работы, — и не представляя, как действовать дальше. Потом увидел шприц, все еще торчащий из груди Ивана. И яйцеголову Беллармина. Идеально гладкую, как спокойное озеро в лунном свете.

Он обрушил на это яйцо подсвечник. По отражающей поверхности побежала тонкая сеть трещин.

Хайдар присвистнул:

— А ты не просто сжигаешь за собой мосты, священник. Ты кремируешь вместе с ними мерзавцев.

До поверхности земли добираться пришлось дольше, чем он рассчитывал. По пути встретились еще трое очевидников. Хайдар застрелил их всех, вернее, парализовал.

— Беллармин уже очухался, — предположил юноша. — А значит, поднял тревогу. У нас нет преимущества неожиданности. Хотя с этой игрушкой можно без него обойтись. — Он сделал перед собой крестное знамение электромагнитным оружием. — Крутая пушка! Ее запретили еще до Синтеза. В школе нас учат, что Синтез положил конец войнам, ну, ты понял.

— Как она работает?

— Высушивает нервную систему. Не центральный процессор — он, как правило, оптический, — а сервосистемы, которые управляют псевдомышцами. Что до твоего имплантата, то некоторые нейроконтакты интерфейса могли поджариться, но данные внутри устройства не пострадали.

— Это хорошо. Значит, в моей голове есть все, что нужно.

— И в моей, — добавил Хайдар. — Не забывай, я был там все время и слышал каждое его слово.

Впереди дневной свет прожег во мгле дыру, выхватил контуры кивидинокийских барельефов на стенах коридора.

— Как ты сюда проник? И с какой целью?

— Иван узнал про Индрани, — ответил Хайдар, — но не так, как это сделал Беллармин.

Старик услышал всю историю от самой Индрани. Или от меня, что одно и то же.

— Не понимаю.

Пока они перебрасывались репликами, Хайдар успел вырубить еще пару машиновеков. Каждый импульс порождал слабое эхо где-то в мозговой ткани у Серхио.

— Индрани послала меня, — сказал Хайдар, — чтобы представить все в правильном свете. Девять лет набиралась смелости, растила меня. Думаю, отдавала себе отчет, что задача не из легких. Но она доверяла старику. Догадалась, что он ни к чему не причастен, и должна была пообщаться с ним так или иначе, прежде чем он отдаст концы.

Они выскочили из коридора на террасу. Серхио захлестнуло облегчение: орнитоптер стоял на прежнем месте, похожий на муху, залитую расплавленным стеклом.

— Непричастен?

— К тому, что с тобой случилось там, в караване.

Хайдар остановился, чтобы сбросить плащ с клобуком. Под верхней одеждой был облегающий костюм, на его ребристой поверхности сверкали инсигнии клана.

— Все было не совсем так, как ты думаешь. Я знаю. Слышал, о чем ты говорил с Основателем, и не думаю, что ты ему лгал.

Они устремились к орнитоптеру.

— А как на самом деле?

— Катастрофа орнитоптера — не случайность. Ты сам сказал: смерч налетел внезапно. Ну да, смерч и вправду не был запланирован, но ты бы все равно разбился. Кто-то покопался во внутренностях твоей птички.

— Подстроил аварию?

— Не со смертельным исходом, но так, чтобы задержать твое возвращение домой. Ты должен был найти убежище в караване и не устоять перед очарованием сестренки. Сработало тютелька в тютельку.

— На такое способен только человек из Диоцеза.

— Не человек. Машиновек. Они везде, верно? Похоже, мнят себя следующей ступенью эволюции, а орден — удобным орудием, чтобы подчинить человечество. Никто и не заметит, как это произойдет. Индрани полагает, что так они поступают со многими молодыми священниками, только что закончившими семинарию. Расставляют ловушку и смотрят, что получится.

— Они знали.

— Что?

— Другие священники. Они знали, что со мной произошло. Я думал, это потому, что моя легенда шита белыми нитками. Но я никогда не переставал гадать: а не случалось ли с ними чего-то подобного?

— Старый Иван был прав, священник.

— В чем?

— Ты был зеленым юнцом. Правда. Ты не обижайся.

Они добежали до орнитоптера. Серхио откинул колпак кабины и стал лихорадочно прикидывать, хватит ли места на двоих, если потесниться.

— Думаешь, тебе удастся туда заползти? До Викингвилля путь неблизок.

— К счастью, нам нет нужды лететь в такую даль.

Серхио втиснулся в кабину следом за Хайдаром, опустил колпак и вдохнул в миниатюрную машину подобие жизни. Ее крылья зашевелились, застучали друг о друга, затрещали пластинами псевдохитина.

— Давай поговорим без обиняков. — Его пальцы порхали над консолью управления. — Машиновеки расставляют ловушки, дожидаются, когда

мы попадемся. Они узнают обо всем через наших духовников — и все время контролируют нас, чтобы никто не смел даже помыслить о противодействии ордену.

— Вроде того.

Они поднялись в воздух.

— Элегантное решение. Циничное, но очень изящное. Вот только без посторонней помощи оно бы не сработало.

— Средства и цели, — вымолвил Хайдар. — Для Индрани это была просто иная форма шантажа. Клан сидел на крючке у симметристов — мы всецело зависели от освященных систем жизнеобеспечения. Кто-то в ордене — кто-то из агентов машиновечества — вступил в контакт с Индрани и дал понять, чего от нее ожидают и что с ней будет в случае провала. Ее семья была бы разорена, а она сама пошла бы по миру.

Тень от орнитоптера на земле уменьшилась. Машина боролась с ветром, пытаясь удержать курс, и каждый взмах крыльев рождал маленькую муаровую радугу.

— Как ты проник в орден?

— Под песками есть заброшенные тоннели, оставшиеся с войн. Некоторые заходят под самый купол. Мы сильный клан. Мы все про них

знаем. Особо тщательная маскировка мне и не требовалась. Достаточно было не приближаться к машиновекам.

— Беллармин что-то подозревал.

— Он не мог читать мои мысли так же легко, как это делал с остальными. Конечно, его наверняка одолевало беспокойство: кто этот нахал? Высокопоставленный иерарх, член новой фракции машиновечества? Любой вариант не сулил ему ничего хорошего.

Они пронеслись сквозь полимерную сеть. На миг сопротивление усилилось, но затем исчезло. Серхио рискнул оглянуться на удалявшийся храм. Защитные горгульи раскрыли пасти, глазки налились пламенем.

В голове возник голос. Прежде Серджио принял бы его за глас Божий, но поврежденный духовник превратил его в раздраженное жужжание, как у посаженного в коробочку жука.

— Похоже, нам угрожают, — предположил Серхио. — Могут и огонь открыть. Они способны дискредитировать меня перед Викингвиллем, но предпочтут, чтобы я вообще туда не вернулся. Им лучше не рисковать.

— Ты просто рули и ни о чем не думай, священник.

Небо сбоку от машины озарилось красным, будто внезапно взошло солнце. Лазеры промахнулись, но прицел тотчас был скорректирован, и вскоре орнитоптер очутился в клетке из тонких красных лучей.

И снова жужжание в голове.

Лучи хлестнули по крыльям машины, испещренная венами псевдокожа превратилась в облачко ионизированного хитина; остался лишь почерневший скелет. Носовая часть орнитоптера качнулась к земле, точно голова молящегося.

— Кажется, мы вот-вот разобьемся, — сказал Серхио с ошеломившим его самого спокойствием.

Он пытался собрать все, что осталось от его веры. Если вообще хоть что-то осталось…

Потом они врезались в землю.

Свет и мрак и неопределимо долгая остановка сознания, — наверное, так себя чувствовал Основатель, пребывая в кивидинокийском чистилище во время полета к Погибели. Когда этот непонятный срок миновал, Серхио обнаружил, что не так уж далеко они улетели. Он лежал, уткнувшись лицом в холодный песок; легкие страшно болели от нехватки воздуха. Изувеченный в катастрофе орнитопер маячил на периферии зрения, жал-

кий, как сломанная и выброшенная ленивым ребенком игрушка.

Над Серхио склонился Хайдар:

— Думаю, жить ты будешь, священник, но пора вставать и делать ноги.

Брат Индрани говорил с легкостью, которая казалась неестественной, но тут Серхио вспомнил, что клановщики лучше приспособлены к марсианской атмосфере, чем жители Викинг-вилля и других городов. Священник попробовал подняться. В его груди зашевелились несколько мясных крючьев.

— Похоже, я сломал пару ребер.

— Если останешься здесь, у тебя будут проблемы посерьезней. Нам надо забраться вон туда.

За спиной Хайдара бархан закрывал половину неба.

— Ты что, сдурел? Как я залезу?

— Они придут за нами. — Хайдар указал в сторону храма.

Почти конвульсивным движением Серхио приподнялся. Пришлось ждать, когда прояснится зрение. Зеркалоликие очевидники выбегали из центрального шпиля, заполняли храмовую террасу. У одного на яйцеголове была вмятина, как от кивидинокийского кулака.

— Не уверен, что смогу идти, — простонал Серхио. — У меня и в самом деле… Давай ты просто…

Брат Индрани рывком поднял его на ноги. В груди у Серхио заполыхал фейерверк, и священник испугался, что свалится наземь и забьется в корчах, но вскоре боль поутихла.

— Если сломаны ребра, старайся не нагружать грудину. Сможешь?

— Ты так рискуешь, помогая мне…

Юноша пожал плечами, как будто Серхио озвучил самоочевидное.

— Я в долгу у Индрани. Она могла бы и сама за тобой отправиться, но я, конечно, не позволил бы. Она верит, что влюблена в тебя, священник. Даже сейчас, девять лет спустя. Не знаю, почему, но верит. Вряд ли я когда-нибудь научусь понимать женщин.

Серхио кое-как поставил одну ногу перед другой.

— А что там, за барханами?

— Если несколько добрых и влиятельных людей сдержали обещание, то там, вероятно, больше моих соплеменников, чем ты видел на своем веку. И чутье мне подсказывает, что шутить они не намерены.

Не успели прозвучать эти слова, как что-то рассекло небеса, вырвавшись прямо из-за гребня бархана. Это нечто метило в центральный шпиль храма асимметристов. Похоже, небольшая самонаводящаяся ракета. Выкопанный кланов-щиками невесть где реликт войн, сотрясавших Марс до и сразу после Синтеза.

Копьевидный шпиль переломился, и огромный наконечник обрушился на землю, безжалостно раскалывая и увлекая за собой каменные фигуры с нижних ярусов.

— Он предрек священную войну, — сказал Серхио. — У него даже было для нее название: джихад.

— Он не ошибся, — кивнул Хайдар. — И это лишь начало.

У «Ангелов праха» забавная история, не имеющая, правда, ничего общего с их сюжетом. Во второй половине девяностых я публиковался в «Interzone» и сумел достичь неплохого темпа — новелла, а то и две в год. Конечно, это грело душу, но все же мое положение оставалось неустойчивым. Нужно было доказать себе, что мое творчество способно заинтересовать и других издателей. А поскольку британский рынок не изобиловал платежеспособными журналами, я

подумывал об отправке рукописей в американские. Не помню, специально ли для этого были написаны «Ангелы праха», зато помню, что это первая вещь, предложенная мною не «Interzone». Я послал ее в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», но получил довольно любезный отказ, мол, это не совсем то, что нужно. Тогда я обратился в «Asimov's Science Fiction Magazine», которым тогда управлял многоуважаемый Гарднер Дозуа. Теперь оставалось только ждать.

Прошло три месяца. Согласно редакционным условиям рассмотрения рукописей, автор, не получивший ответа в течение этого срока, мог предположить, что его письмо потерялось на почте. Для надежности я подождал еще, потом сделал новую распечатку и отправил туда же, в журнал Азимова, с сопроводительной запиской — на случай, если рукопись еще не рассматривалась.

И снова ожидание.

В ту пору я жил в летнем домике (не уверен, что это правильная передача сугубо голландского понятия «zomerhuis»). Кирпичный, со всеми удобствами домик находился на заднем дворе хозяйского коттеджа, а почтовый ящик — на улице, и следить за поступлением корреспонден-

ции я не мог. Поэтому вся она проходила через хозяйку, которая отсортировывала мое от своего. Я привык к этому порядку и не ждал от него подвохов. И вот однажды женщина постучалась ко мне и вручила найденное ею письмо. Не в смысле найденное среди почты того дня, а в смысле найденное в процессе весенней уборки территории — на земле под ящиком за несколько месяцев накопилось немало бумаги.

Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Америки полгода назад. Я вскрыл конверт дрожащими от волнения пальцами, и предчувствие не обмануло — мне прислали согласие на публикацию и договор. Причем одобрена была первая рукопись, которую я считал потерянной! Это была радость пополам с ужасом, ведь я: а) не поблагодарил редакцию, б) не заключил договор и в) создал путаницу, послав вторую распечатку. Но все закончилось хорошо, и это была не последняя моя вещь, напечатанная Гарднером.

Письмо, найденное при весенней уборке территории, повлияло также на публикацию моего первого романа. Но это уже другая история.

Кстати, «Angels of Ashes» — название песни несравненного Скотта Уокера. Конечно, это случайное совпадение.

Спайри и королева

Космическая война — дело страшно мутор-ное. Сенсоры дальнего действия «Мышелова» унюхали корыто противника два дня назад, и с тех пор мы только и делали, что подползали к нему на расстояние удара. По мне, так мы опять облажаемся. Да и в любом случае пора линять обратно на Тигровый Глаз. Порядок, топливо и мораль стремительно летят к нулю. Пусть другой «аквариум» чистит сектор.

В общем, еще не вполне очухавшись от сна, я не испытывала особой радости, даже когда «Мышелов» принялся нашпиговывать гущу психогенами боевой готовности. Когда пошел сигнал первичной атаки, я всего лишь остановила нейромульт, от которого балдела («Адские кошки Третьей Солнечной войны», если вам интересно), вылезла из гамака и лениво поплыла к мостику.

— Мусор, — прокомментировала я, взглянув на датчики через плечо Ярроу. — Военные обломки или очередной пустой хондрит. Сто процентов.

— Извини, малышка. Все уже проверено.

— Противник?

— Не-а. Судя по выхлопу, наш корабль. Похоже,

украденный. — Ярроу провела рукой в сетке по регалиям, обвившимся вокруг ее шеи. — Ну что, нашивки сейчас будешь брать или когда домой вернемся?

— Думаешь, мы наткнулись на крупную рыбу?

— Да точно тебе говорю.

Я кивнула и подумала, что она, может быть, права. Легко. Дезертир или украденные военные секреты не доберутся до роялистов. За такое можно медаль получить, а то и повышение.

Только вот почему во мне проснулись какие-то дурные предчувствия?

— Ладно, — решила я, надеясь похоронить сомнения в рутине. — Когда?

— Ракеты уже отправлены, но корабль в пяти световых минутах от нас, поэтому кряки достигнут цели часов через шесть. Это если наша добыча не решит бежать и прятаться.

— Бежать и прятаться? Это шутка такая?

— Ага, просто животики надорвешь. — Ярроу увеличивала один из голографических дисплеев, пока тот не повис между нами.

Это оказалась карта Воронки с отмеченными зонами, которые контролировали мы и роялисты. Огромный, медленно вращающийся диск первородного вещества — восемьсот астрономических

единиц от края до края. Чтобы пересечь его, свету понадобится целых четыре дня.

Все действие происходило в центре, на расстоянии светового часа от Фомальгаута. Непосредственно вокруг этой звезды находилась лишенная материи пустота, которую мы называли Зоной внутренней очистки. За ней начиналась сама Воронка — богатые металлами дорожки пыли, медленно конденсирующиеся в скалистые шарики. Обе стороны хотели полностью контролировать эти планетоформирующие Зоны кормления — настоящий Клондайк для тех, кто выиграет схватку и сможет начать шахтовые разделы. Вот именно здесь в основном и собирались наши огромные армии ос. Мы, люди — как роялисты, так и стандартисты, — держались дальше — там, где Воронка истончалась до скудного на полезные ископаемые ледяного мусора. Даже погоня за предателем не заставит нас подойти к Зонам кормления ближе чем на десять световых часов, а мы уже привыкли иметь дело с большими пространствами. Кроме самого дезертира, здесь не должно было быть ничего.

Но все оказалось не так. На схеме высветился большой объект, всего-то в полуминуте от нашей крысы.

— Ну, на такое расстояние и струя мочи долетит, — заметила Ярроу.

— Близковато для совпадения. Это вообще что?

— Осколок. Ледяной планетезималь, естественно, если тебе нужны технические подробности.

— Физические тонкости с утра… ну уж нет.

Но я припомнила слова одного из наших учителей в академии: осколки — это ледяные глыбы, плевки Воронки. Через пару сотен тысяч лет вокруг Фомальгаута образуется новорожденная планетарная система, но ее будут окружать тучи мусора, всяких остатков, летающих по миллионолетним орбитам.

— Для нас эта хрень бесполезна, — констатировала Ярроу, почесывая полоску черных волос, бегущую от ее бровей к плавнику. — Но по-видимому, крыс там нет.

— А что, если роялисты оставили на осколке припасы? Может, корабль летел туда на заправку, прежде чем сделать прыжок на их сторону?

Меня одарили снисходительным взглядом.

— Хорошо, признаю. Умом я сейчас не блеснула.

Ярроу кивнула с видом записного мудреца:

— Наше дело не задавать вопросов, Спайри. Увидел, выстрелил и забыл. Вот и вся стратегия.

Спустя шесть часов после того, как кряки тихой сапой отчалили от «Мышелова», Ярроу вплыла на мостик, кольцом поджав хвостовой плавник. Моя напарница напоминала перевернутый знак вопроса, и если бы я была суеверной, то посчитала бы это не самым лучшим предзнаменованием.

— Ты меня убиваешь, — с ходу заявила она.

Первой обратилась в сирену, поменяв ноги на хвост, старший пилот по имени Квиллин. Ярроу последовала ее примеру год спустя. По-видимому, в этом был смысл — практически идеальная адаптация к наполненному жидкостью «аквариуму», шастающему по космосу на высоких скоростях с большими перегрузками. Я, конечно, не имела ничего против кардиоваскулярных модификаций, позволяющих дышать гущей, или биомодифицированной кожи, благодаря которой мы переносили холод и вакуум гораздо дольше любого неизмененного человека. Это не говоря уже о демонах размером с молекулу, которые миллиардами курсировали по нашим телам, или о специальной подгонке психики под условия боя… Но вот замена ног на хвост затрагивала какие-то неприятные нотки в моей душе. Хотя решимость Ярроу вызывала во мне только восхищение.

— Не поняла?

— Да эти твои долбаные нейромульты. Тебе что, реальной космической войны не хватает?

— Да нет, хватает, — призналась я, — только мне кажется, дело не в этом. Вот когда кто-нибудь из нас в последний раз смотрел роялисту в глаза?

Она пожала плечами:

— Лет четыреста назад.

— В этом и дело. По крайней мере, в Третьей Солнечной войне было хоть немного крови. Там все происходило на планетарных поверхностях, на Титане, Европе — всех этих спутниках Солнечной системы. Окопная война, рукопашные бои… Ты знаешь, что такое адреналин, Ярроу?

— Как-то без него обходилась все это время. Есть к тому же еще кое-что. Я мало знаю из истории Земли, но Третьей Солнечной войны не было.

— Это гипотеза, — объяснила я. — Да и в любом случае война почти была.

— Почти?

— Дело происходит в другой временной линии.

Ярроу улыбнулась, покачав головой:

— Говорю же, ты убиваешь меня.

— Он сделал ход?

— Кто?

— Дезертир.

— О, да мы никак в реальность вернулись? — засмеялась она. — Извини, это будет не так увлекательно, как Третья Солнечная.

— Еще неизвестно. Я-то думала, мы побегаем за сучкой, отработаем свои денежки. — Пока я говорила, датчики орудий начали пульсировать все быстрее и быстрее, словно кардиограмма трепещущего сердца. — Сколько времени осталось?

— Минута, плюс-минус несколько секунд.

— Хочешь пари?

Ярроу улыбнулась, в красном мерцании сигналов тревоги ее кожа казалась желтой.

— А когда же я отказывалась, Спайри?

В общем, мы сделали ставки. Она поставила пятьдесят тигрожетонов, что крыса в последнюю минуту попытается выкинуть фортель. Ярроу заметила:

— Правду сказать, ничего хорошего это ей не принесет. Но она все равно попытается. Человеческая природа, ничего не попишешь.

Я же подозревала, что наша цель или уже сыграла в ящик, или спит.

— Типа пустой ритуал, да?

— Чего?

— В смысле — атака состоялась в реале минут пять назад. Крыса уже мертва, и мы никак не сможем повлиять на результат спора.

Ярроу закусила никотиновую палочку:

— Ой, вот только философию со мной разводить не надо, а, Спайри.

— Даже и не мечтала об этом. Сколько?

— Пять секунд. Четыре…

Она остановилась где-то между тремя и двумя, когда это произошло. Помню, я подумала, что в действиях дезертира сквозит какая-то надменность. Он намеренно ждал до самого последнего момента, а потом расправился с угрозой наименее энергозатратным способом.

По крайней мере, так это выглядело.

Девять кряков сдетонировали преждевременно, даже не добравшись до зоны поражения. Десятый остался в одиночестве, нацелился на предателя, но просто не взорвался, пока не вышел далеко за радиус поражения. Наступила тишина, мы переваривали происходящее. В конце концов первой подала голос Ярроу:

— Похоже, я только что наварила деньжат.

Появилась голограмма полковника Вендиго. На секунду изображение замерло и вновь задвигалось. Своими слишком ясными и слишком

молодыми глазами полковник внимательно оглядела мою напарницу, а затем и меня.

— Разведка ошиблась, — констатировала Вендиго. — Похоже, дезертир сумел подделать записи и скрыл кражу новейшего оборудования. Но вы все равно повредили его?

— Вроде того, — подтвердила Ярроу. — Привод корабля противника сейчас плюется довольно экзотическими веществами, совсем как Спайри после пьянки. Повреждений корпуса не зафиксировано, хотя…

— Оценка действий?

— Он попытается добраться до осколка.

Вендиго кивнула:

— А потом?

— Корабль сядет на ремонт. — Напарница помедлила, затем добавила: — Согласно показаниям датчиков, на поверхности много железа. Наверное, там была схватка ос, прежде чем глыбу вышибло из Воронки.

Вендиго кивнула:

— Согласна, Спайри?

— Да, мэм, — ответила я, как обычно стараясь подавить нервозность, которую неизменно чувствовала в присутствии полковника, хотя все наши контакты до сих пор ограничивались

вот такими симуляциями. Ярроу с удовольствием редактировала разговор после сеанса связи, вставляя положенные почтительные обращения, прежде чем отправить результат обратно на Тигровый Глаз. Но я все равно не могла избавиться от подозрения, что Вендиго каким-то образом раскапывает необработанную версию со всеми вопиющими нарушениями субординации.

Не то чтобы кто-то из нас не оказывал ей того уважения, которого она заслуживала. Полковник чуть не погибла во время атаки роялистов на Тигровый Глаз пятнадцать лет назад — той самой, когда убили мою мать. Серьезные нападения на наши противостоящие друг другу кометные базы происходили редко, примерно раз в поколение, и являлись скорее жестами-проявлениями, чем стратегическими акциями. Но то оказалось особенно кровавым: погибла восьмая часть населения, территории размером с город были полностью разгерметизированы. Вендиго попала в самую гущу атаки кинетиков.

Теперь она стала химерой, ее заново сшила кибернетика. Снаружи это было не так заметно, только заживленные части казались слишком безупречными, больше похожими на фарфор, чем на плоть. Полковник не позволила хирур-

гам заново вырастить себе руки. Говорили, она потеряла их, стараясь затащить раненого из открытого шлюза в герметичную зону. Ей почти удалось преодолеть шквал улетающего воздуха, когда какой-то истеричный придурок врубил аварийный контроль двери и переборка отхватила Вендиго руки по плечи вместе с головой того, кого она спасала. Теперь полковник носила протезы, блистающие хромом.

— Корабль доберется туда за день до нас, — доложила я. — Даже если мы врубим двадцать *g*.

— И скорее всего, окопается к вашему подлету.

— Нам попытаться захватить ее живым?

Ярроу поддержала меня, кивнув:

— Раньше у нас такой возможности никогда не было.

Полковник помедлила с ответом.

— Восхищаюсь вашей преданностью делу, — сказала она после подобающей случаю убедительной паузы. — Но вы всего лишь оттянете смертный приговор. Не лучше ли будет убить дезертира прямо сейчас, а?

«Мышелов» подобрался на дистанцию поражения девятнадцать часов спустя. Мы вышли на широкую псевдоорбиту где-то в трех тысячах километров от объекта. Осколок общей площа-

дью двести четыре квадратных километра был слишком маленьким. На дисплее он казался мерцающим пятнышком, крупинкой сахара на расстоянии вытянутой руки. Но мы и так узнали все, что нужно: топологию, гравиметрию и место приземления корабля. Это оказалось нетрудно. Диверсанту не повезло: посадка у него вышла адская, крыса чуть ли не наполовину зарылась в лед.

— Мне кажется, от места такой посадки далеко не уйдешь, — протянула Ярроу.

— Думаешь, они воспользовались спасательными шлюпками?

— Ну уж нет. — Она ткнула пальцем в увеличенное голографическое изображение корабля. По форме тот походил на обтекаемый конус вроде нашего «аквариума», способного пробиваться через самые плотные газовые пояса Воронки. — Взгляни вот на эти верхние шлюзы. Эвакчелноки на месте.

Ярроу была права. Экипаж не пустил в ход шлюпки, иначе люки остались бы открытыми. В результате такого приземления — даже если принять во внимание гущу — мало кто мог выжить.

Но лучше не оставлять противнику даже малейшего шанса.

Ракеты могли бы решить проблему, но они уже подвели нас один раз. Теперь мы будем действовать наверняка. На вооружении «Мышелова» состояла импульсная батарея, но для ее использования нам пришлось бы подлететь на неприятно близкое расстояние к осколку. Оставались только кротмины, и они идеально подходили для удара. Мы сбросили пятнадцать штук, окутав их облаком двухсот идентичных обманок. Три из пятнадцати должны были превратить в пыль место катастрофы, а остальные двенадцать — зарыться глубже в лед и разнести глыбу на куски.

Такой был план.

Все произошло очень быстро, не как в сонно-замедленной реальности нейромультов. В одну секунду кротмины спустились к астероиду, а уже в следующую просто исчезли. Между двумя мгновениями пронеслась настолько краткая вспышка, что зафиксировало ее, кажется, только подсознание.

— Что-то я уже устала от этого, — прокомментировала наше очередное фиаско Ярроу.

«Мышелов» переварил случившееся. Во время взрыва мин от места катастрофы никаких сигналов не исходило. Вместо этого произошел огромный выплеск энергии по всему периметру

осколка. «Импульсное оружие», — отрапортовал корабль. Скорее всего, одноразовые роботы: каждый меньше песчинки, зато в количестве нескольких сотен, а может, и тысяч. Похоже, дезертир выпустил их при нашем приближении.

Но нас не тронул.

— Это было предупреждение, — сказала я. — Нам приказали валить подальше.

— Не думаю.

— Почему?

— Думаю, предупреждение мы получим прямо сейчас.

Я тупо воззрилась на Ярроу, пока не заметила то, что она уже видела.

От астероида по дуге шло нечто слишком быстрое, чтобы его можно было остановить, нечто, от чего наш минимально вооруженный «аквариум» не имел защиты. Нам не дали шанса даже просто улететь.

Ярроу уже приготовилась извергнуть какое-то особенно экзотическое ругательство, которое приберегала именно для такого момента. Потом раздался разрывающий барабанные перепонки удар, «Мышелов» содрогнулся — но мы не оказались в вакууме.

И вот это было по-настоящему плохо.

Существуют две основные разновидности противокорабельных ракет — кряки и споры. После попадания вы можете сообразить, какой именно вас угостили. Если вы еще способны думать, если до сих пор существуете — значит это споры. И значит, ваши проблемы только начались.

«Внутреннее проникновение демонов! — заверещал „Мышелов“. — Воздушный коллектор под угрозой!» В гущу проникло нечто непрошеное. Собственно, в этом и заключается работа спор — доставить враждебных демонов к вам на корабль.

— Мм, — протянула Ярроу, — кажется, пора облачаться.

Вот только наши костюмы находились где-то в минуте хода, в кишках «Мышелова», и путь до них лежал по извилистым проходам, куда уже вполне могла проникнуть зараза. Но выбора у нас не оставалось, а потому мы все равно поплыли. Ярроу настояла, чтобы я шла первой, хотя она и двигалась в воде быстрее. В общем, где-то — понятия не имею, где точно, — демоны до нас добрались, незаметно просочившись из гущи в наши тела. Конкретно момент инфильтрации я вспомнить не могу: никакого резкого перехода от ясности к иррациональности, к власти демонов,

не было. Мы с Ярроу и так слишком перепугались. Все началось с легкой агорафилии, жажды покинуть тесные внутренности «Мышелова». Постепенно она переросла в клаустрофобию, а потом в полновесную панику, превратившую корабль в жуткий дом с привидениями.

Ярроу, забыв о костюме, начала скрести ногтями корпус, пока из ее пальцев не потекла кровь.

— Борись! — завопила я. — В твоем мозгу сидят демоны, забавляются с центрами страха, они хотят выбросить нас наружу!

Естественно, я понимала, что разумные доводы тут не помогут.

Каким-то образом я смогла удержаться на грани безумия достаточно долго и успела надеть костюм. Загерметизировавшись, я при помощи очистных систем скафа попыталась вылечить зараженную гущу — но это, конечно, не слишком помогло. Фобия указывала на то, что демоны добрались до мозга и теперь тот пытается успокоить себя хрупкой логикой. Вне корабля мы вновь сможем думать рационально. «Мышелову» понадобится всего несколько минут для нейтрализации инфекции, тогда мы сумеем опять взойти на борт.

Естественно, вся эта цепочка рассуждений бы-

ла полной иллюзией…

Но в ней имелся смысл.

Когда нечто похожее на рациональное мышление вернулось ко мне, я уже болталась снаружи.

Вокруг ничего. Только я и осколок.

Тяга сбежать была всего лишь побочным проявлением. У меня в желудке словно поселилась стая бабочек и теперь не давала мне вернуться. Интересно, это всего лишь созданный демонами страх или чистый здравый смысл? Я не могла сказать, но знала, что осколок манит меня к себе и сопротивляться этому нет сил. Кстати, вполне разумно: мы израсходовали все стандартные методы нападения и теперь осталось встретиться с дезертиром лицом к лицу на его собственной территории.

Только где же Ярроу?

В костюме зазвенел сигнал тревоги. Наверное, моя нервная система еще до конца не оправилась, потому что отреагировала я на него вяло. Моргнула, облизнула губы и подавила зевок:

— Да, что?

Скаф сообщил, что засек объект весом чуть меньше меня на два километра ближе к осколку, тот двигался по несколько иной орбите. Я знала, что это Ярроу. И с ней было что-то не так. Она

дрейфовала. Прежде чем вырубиться, я все-таки успела запрограммировать костюм на путь до глыбы льда, а вот моя напарница, похоже, не сделала ничего, только выпрыгнула.

Я подлетела ближе и сразу поняла, почему Ярроу ничего не предпринимала. Все оказалось просто. Она не надела скаф.

В лед мы врезались час спустя.

Я держала Ярроу на руках — больших усилий тут не требовалось при такой слабой гравитации — и подводила итоги. Оплакивать напарницу было рановато. Если быстро доставить ее в медицинский отсек на корабле дезертира, шансы на воскрешение будут довольно велики. Но где же эту тварь угораздило разбиться?

Растратив последние остатки топлива, костюм доставил нас на открытое место посреди кладбища разрушенных ос. Наполовину сожранные льдом, они выглядели как обожженные скульптуры из металлолома, как фантомы худшего кошмара энтомолога. Значит, битва здесь кипела еще тогда, когда осколок был всего лишь очередной глыбой льда в пыльном поясе. Даже если подо мной сейчас таились залежи силикатов и органики, для любой из враждующих сторон этот объект не представлял никакой коммерческой

ценности. Но вот стратегический потенциал здесь имелся, поэтому осы и разыграли военную постановку на его поверхности. Самое неприятное, как мы знали еще до атаки: трупы были разбросаны повсюду, поэтому гадать не имело смысла. Упавший корабль мог лежать за ближайшим холмом или в десяти километрах от нас в любую сторону.

Тут я почувствовала, как подо мной дрожит земля. В поисках источника вибрации я принялась вертеть головой и увидела иглу пара, ударившую в небо всего-то в одном километре от нас. Гейзер перегретого льда.

Я в панике уронила Ярроу и сама рухнула на нее. Костюм ограничивал движения, поэтому я не отскочила. Оглянувшись, я ожидала увидеть воронку в вечной мерзлоте там, где в нее врезался какой-то хмырь.

Вместо этого гейзер по-прежнему не унимался. Хуже того, он подбирался все ближе, вырезая во льду аккуратную борозду. Такой след оставляло лучевое оружие, поняла я, было у нас нечто подобное на корабле… А потом меня осенило. «Мышелов»! Демоны внедрились в его контролирующие системы и перепрограммировали их против нас. Теперь он работал на дезертира.

Я перекинула Ярроу через плечо и прыжками понеслась прочь от кипящей борозды. Мы должны были опередить ее, так как траекторию луча очень легко предсказать. Если просто отбежать в сторону, смертельная линия пройдет мимо…

Вот только треклятая штука последовала за нами.

Через секунду сбоку появилась еще одна, и вместе они погнали меня туда, где трупы ос лежали особенно густо. Может, это направление имело какое-то значение для дезертира? Не исключено, только я его не находила. В груде были перемешаны машины обеих сторон: роялистские осы, помеченные желтой ракушкой, и наши — с эмблемой оскаленной тигриной головы. Модели тридцать пятого поколения, если, конечно, я хорошо помню курс военной истории, когда обе стороны забавлялись с защищенными от пульсаций оптическими машинами, способными на самостоятельный мыслительный процесс. Дальнейшие семьдесят с лишним поколений породили немало технологических прыжков: нестандартно-квантовая логика, полноспектральные отражающие осиные доспехи, хамелеопокрытие, силовые установки на кварковом приводе и любая оружейная система, которую

только мог изобрести человеческий разум. Мы пытались заставить ос придумывать новые механизмы самостоятельно, но они так и не смогли эволюционировать вне строго линейной экстраполяции, что было хорошо, иначе человеческие наблюдатели остались бы без работы.

Сейчас, правда, вся эта информация не имела ни малейшего значения.

Третий гейзер показался позади нас, а четвертый — прямо по курсу. Мы попали в окружение, и огненные точки начали медленно сближаться. Я остановилась, но Ярроу не бросила. Хрип моего дыхания перекрывал дрожащий бас ледяной глыбы.

А затем мне на плечо опустилась сталь.

Вендиго сказала, что в глубине астероида будет безопаснее. К тому же там находятся друзья, способные помочь Ярроу, — так я поняла…

— Если вы не дезертировали, — начала я, как только мы вошли в тоннель, грубо проложенный под поверхностью осколка, — то какого черта это было?

— Мы пытались вернуться домой. Ну, по крайней мере, такая была идея, пока мы не поняли, что Тигровый Глаз не особо жаждет нас видеть. — Вендиго врезала по льду стальным кулаком. —

Вот тогда мы и решили направиться сюда.

— Вам почти удалось, — сказала я, затем добавила: — А откуда вы возвращались?

— А разве не понятно?

— Ну, тогда вы действительно дезертировали.

— Мы пытались установить контакт с роялистами. Заключить мир. — Во все более сгущавшемся мраке я увидела, как она пожала плечами. — Операция разрабатывалась долго, в полной секретности. Когда все пошло насмарку, для Тигрового Глаза легче было заявить, что мы дезертировали.

— Полная ерунда.

— Если бы.

— Но ты отдала нам приказ.

— Не лично.

— Но твоя голограмма…

— Могла быть сделана кем угодно и говорить все, что вздумается моим врагам. Даже приказать казнить меня как предательницу.

Мы остановились, чтобы включить лампы на костюмах.

— Может, тебе лучше все мне рассказать?

— С удовольствием, — ответила Вендиго. — Но если до этого все было просто плохо, то, боюсь, скоро ситуация вообще пойдет под откос.

Если верить полковнику, группа наших высокопоставленных офицеров полагала, что в этой войне, по сути, выиграть невозможно. Благодаря информации, к которой у населения не было доступа, и возможности видеть истинную картину происходящего за тщательно отфильтрованной пропагандой Тигрового Глаза они поняли, что переговоры, контакт — это единственный выход из сложившегося положения.

— Естественно, с этим согласились не все. Некоторые из моих противников захотели убить нас еще прежде, чем мы добрались до врага. — Вендиго вздохнула. — Им слишком нравится военное положение — и как их можно в этом винить? Жизнь обыкновенного гражданина Тигрового Глаза не так уж плоха. У него есть четкая цель, за которую стоит воевать, да и вероятность, что он погибнет в роялистской атаке, ничтожно мала. Сама идея, что все это вдруг, после четырехсот лет, прекратится, что нам придется искать другие роли в жизни… в общем, эта мысль приглянулась далеко не всем.

— Вроде как пустить газы в вакуумном скафандре, так?

Вендиго кивнула:

— Общий настрой ты уловила.

— Продолжай.

Ее экспедиция — сама полковник и два пилота — спокойно прошла через Воронку. Приблизившись к кометной базе роялистов, они ожидали, что их, естественно, начнут проверять, может, даже с ходу пристрелят, но ничего не случилось. Войдя в крепость, они поняли почему.

— Там никого не оказалось, — рассказывала Вендиго. — Вернее, мы так думали, пока не нашли роялистов. — Она чуть ли не сплюнула следующее слово: — Дикари, практически. Голые, жадные недочеловеки. Осы кормят их, лечат — вот, собственно, и все. Роялисты, конечно, приучены к туалету, но до военных гениев, в которых нас заставили верить, им очень далеко.

— То есть?..

— Война… это совсем не то, что мы о ней думали. — Вендиго засмеялась, и ее шлем превратил звуки в гогот чертика из табакерки. — А теперь ты спрашиваешь, почему нас никто не ждет обратно?

Прежде чем полковник смогла продолжить, мы добрались до широкого раздваивающегося тоннеля, озаренного зеленоватым светом. В отличие от извилистого прохода позади нас, этот своей прямотой больше походил на ствол винтовки. С

одной стороны его загораживал цилиндр с носом, напоминающим пулю, сделанный по образу поездов на Тигровом Глазе. Транспорт подкатился к нам, дверь отъехала в сторону.

— Залезай, — скомандовала Вендиго. — Шлем можешь снять. Там, куда мы направляемся, тебе он не понадобится.

Внутри я откашлялась, выплюнув слизистые веревки гущи.

Переход от одной системы потребления кислорода к другой всегда неприятен, я ведь фактически дышала жидкостью последние шесть недель. Но после нескольких хороших глотков антисептического воздуха темные пятна, мелькающие перед глазами, потихоньку стали исчезать.

Вендиго проделала ту же процедуру, только с бóльшим достоинством.

Ярроу лежала на одном из сидений, застывшая, как статуя из мыла. Ее кожа походила на один сплошной синяк. Эпидермис пилота — материал прочный, хорошо защищает от вакуума, а вакуум сам по себе прекрасный изолятор: он в отличие от воздуха не пропускает тепло. Но когда я подняла напарницу, на ней остались отпечатки моих пальцев. На спине и левой стороне хвоста Ярроу осталась полоса ободранной кожи от соприкос-

новения с поверхностью осколка.

Голова, правда, выглядела получше. Когда пилот вывалилась из корабля, биомодифицированный наружный слой захлопнулся вокруг черепа, предотвратив снижение давления, потерю влаги или крови. Имплантированные железы в сонной артерии выпустили стаю дружественных демонов, которые быстро размножились за счет не столь важных тканей и свили защитный каркас над мозгом.

Это поможет Ярроу продержаться час или около того, но только если враждебные демоны не успели сильно навредить.

— Ты хотела рассказать мне об осах, — напомнила я, желая узнать историю Вендиго до конца и одновременно отогнать подальше мысли о Ярроу.

— Ну, тут все просто. Они стали умными.

— Осы?

Полковник щелкнула стальными пальцами протеза:

— За одну ночь. Где-то сто лет назад.

Я старалась не выдать удивления. Рассказ звучал очень интригующе, но до сих пор казался всего лишь крайне экстравагантной попыткой отвлечь меня от главной задачи, от устранения

дезертиров. Версия Вендиго пока объясняла только несколько аномалий, с которыми мы столкнулись, но не перекрывала дюжины более правдоподобных объяснений. Пока же мне хотелось поймать Вендиго на лжи, а потому я спросила:

— Значит, они стали умными. Ты имеешь в виду наших ос или их?

— Это не имеет значения. Возможно, скачок произошел только с одной машиной в Воронке, а потом, как огонь, развитие ума перекинулось на остальной триллион ос. А может, все случилось одновременно, в ответ на какой-то стимул, о котором мы вообще ничего не знаем.

— Хочешь рискнуть и предположить?

— Я не считаю особенно важной причину явления, Спайри. — В голосе полковника явственно звучало желание как можно дальше уйти от этой темы. — Смысл в том, что оно произошло. После чего различия между нами и нашим противником — по крайней мере, с точки зрения ос — полностью исчезли.

— Пролетарии Воронки объединились.

— Вроде того. Теперь ты понимаешь, почему они сохранили этот секрет при себе?

Я кивнула, больше для поддержания беседы.

— Мы им нужны. Кое-чего машинам не хватает. Им не хватает творчества, как это можно назвать. Они могут эволюционировать постепенно, но на технологические скачки, которые мы им скармливаем, не способны.

— А потому люди должны думать, что война продолжается?

Вендиго выглядела довольной:

— Именно. Мы снабжаем их новейшими технологиями, а они продолжают притворяться, что сражаются друг с другом. — Она почесала металлическим пальцем кожу вокруг глаза, на которой не было ни единой морщины. — Умные маленькие твари.

Мы куда-то приехали.

Это был самый большой зал, который я когда-либо видела. Чувствовалась очень мощная сила тяготения. Всю конструкцию, похоже, подвесили и раскручивали внутри осколка по типу симуляторов гравитационных перегрузок на Тигровом Глазе. Сводчатый потолок, расположенный в сотнях метрах «наверху», сейчас казался головокружительно высоким. Он был почти весь покрыт сложнейшими фресками — десятками живописных граней, каждая из которых представляла собой круговую голограмму. Они

повествовали об истории Воронки, начиная с ее конденсации из межзвездного газа, появления звезды, основы формирования планет. Потом действие переключилось на прибытие первой осы стандартистов, запрограммированной нырнуть в Воронку и размножаться там ускоренными темпами, так как для разработки этого месторождения — извлечения металлов, силикатов и ценной органики — требовалось немало сил. Вот только план не сработал. Роялисты захотели все взять себе, поэтому послали свои машины атаковать наши. Остальное — история. Фрески показали начало войны, а чуть позже — прибытие первых человеческих наблюдателей, сиявших в космосе чистейшим генетическим материалом. Они были обречены рождаться в искусственных чревах, погребенных в опустошенных сердцевинах комет, расти под присмотром ос, путем импринтинга получать лучшие тактические и стратегические знания. А потом люди принялись учить машины. После этого обстановка стала накаляться, так как с приходом наблюдателей исчезла временная задержка в развитии машин, созданная расстоянием между Землей и Фомальгаутом. Человечество стало вмешиваться в эволюцию ос непосредственно.

Иначе и не могло быть, ведь мы к тому времени и сами прошли порядочное усовершенствование, плюс-минус четыреста лет вышеописанной истории.

Но фрески разворачивали повествование дальше.

Они рассказывали о некоем будущем государстве Воронки, аккуратном и упорядоченном, словно часы. По правильным орбитам мерно двигались планеты различных размеров, некоторые из них имели красивые кольца или спутниковые системы. И наконец — точно средневековые представления об Эдеме — перед нами предстал триптих изумительных пейзажей со странными животными на переднем плане, горами и парящими над горизонтом облаками.

— Убедилась? — спросила Вендиго.

— Нет, — ответила я, не уверенная, поверила ли сама себе. Запрокинув голову, я посмотрела туда, где фресок не было, в самый центр сводчатого потолка.

Оттуда что-то свисало.

Пара ос, сплетенных вместе. Одна из них была завершенной, другая только сформировалась: казалось, она застыла в процессе отрыва от своей соседки. Пару словно залили жидкой бронзой, а

потом оставили сушиться в восковом капе.

— Ты знаешь, что это? — спросила Вендиго.

— Жду ответа.

— Искусство ос.

Я посмотрела на нее.

— Эту осу убили посредине репликации, — продолжила полковник. — Она рожала. Определенно, изображение имеет для них какой-то глубокий смысл. Как его выразить человеческими словами, я не знаю…

— Лучше об этом и не думать.

Я последовала за ней по мраморному терраццо, покрывавшему пол. Вокруг зала виднелись выгнутые портики, в каждом висела мертвая оса; положение их тел отражало сотни поколений эволюции. Если Вендиго права, то мы сейчас шли по машинной версии галереи писанных маслом портретов почитаемых предков. Но я еще не могла заставить себя до конца поверить в рассказ полковника.

— Ты знала про это место?

Она кивнула:

— Иначе бы мы уже погибли. Осы — еще там, у роялистов, — сказали нам спрятаться здесь, если база повернется против нас.

— И что… это место принадлежит им?

— Таких осколков сотни, хотя остальные находятся уже далеко за пределами Воронки, направляются к ореолу. С тех пор как осы получили разум, большинство ледяных камней, которые вылетели за пределы пыльных поясов, инфильтрованы. Проницательно с их стороны. Мы бы никогда не заподозрили, что эти глыбы нечто большее, чем просто космический мусор.

— Дизайн у них неплохой.

— Флорентийский, — подтвердила полковник. — Фрески выполнены в стиле художника Мазаччо, одного из учеников Брунеллески. Вспомни, осы имели доступ ко всей культурной информации, которую мы привезли с Земли, — к каждому байту. Я думаю, что они сконструировали все вокруг согласно произвольно выбранному шаблону.

— А в чем тогда смысл?

— Я здесь всего лишь на день дольше тебя, Спайри.

— Но ты же говорила, что тут есть люди, которые могут помочь Ярроу.

— Все уже здесь, — ответила Вендиго, тряхнув головой. — Я просто надеюсь, что ты готова к встрече с ними.

По какому-то незаметному сигналу они появи-

лись, просочились в дверь, которую я поначалу приняла за один из окружавших зал портиков. Сказались годы тренировок, и я непроизвольно отшатнулась. Хотя даже вражеские осы никогда намеренно не трогали людей, они тем не менее были мощными, опасными машинами. Двенадцать машин, часть из них некогда принадлежала стандартистам, часть — роялистам. Шестиноги; из их двухметровых сегментированных тел торчало оружие, сенсоры и специальные манипуляторы. Роботы были такими знакомыми, вот только двигались как-то неправильно. Словно в четко отрепетированном танце, их тела очерчивали границы некой фигуры, которую я скорее ощущала, чем видела.

— Они… это королева, — пояснила Вендиго. — Насколько я поняла, в каждом осколке есть своя королева.

Стая кружила вокруг нас, и тревожное чувство их единства не проходило.

— Она сама тебе все рассказала?

— Ее демоны. — Полковник постучала по виску. — Я получила дозу, когда корабль потерпел крушение. Ты приобщилась, когда мы выстрелили по вам. Стандартная спора из арсенала, только королева нагрузила ее своими демонами.

Пока она именно так с нами разговаривает, с их помощью.

— Поверю тебе на слово.

Вендиго пожала плечами:

— Не нужно.

И неожиданно я все ощутила сама. Как будто я подсмотрела лихорадочный сон тополога — вот на что это было похоже, только впечатления оказались еще интереснее. Взрыв речи королевы длился, наверное, чуть больше десятой доли секунды, но образы от него врезались в память, и, прежде чем он закончился, у меня началась мигрень. Вендиго уже намекнула, но теперь я сама почувствовала наличие схемы, словно каждая мысль была всего лишь шагом к какой-то отдаленной цели — так же, как любое утверждение в математической теореме подразумевает конечное «что и следовало доказать».

Машины замышляли нечто действительно масштабное.

— Ты свободно с ними общаешься?

— При прохождении через гибридные части мозга, скорее всего, много информации теряется.

— А они тебя понимают?

— Мы ладим.

— Хорошо. Тогда спроси их о Ярроу.

Вендиго кивнула и закрыла глаза, войдя в интенсивный контакт с королевой. Последствия не заставили себя долго ждать: шесть ос оторвались от расширенной формы и бросились в поезд, откуда мы только что вышли. Спустя секунду они появились, неся Ярроу, которая покоилась на ложе из дюжин манипуляторов.

— Что происходит?

— Они сейчас устанавливают физический контакт с нейронными демонами. Таким образом можно картировать повреждение.

Одна из шести ос отступила и аккуратно расположила тупоносую «голову» в форме наковальни прямо над головой Ярроу с пятнами обморожения. Потом машина восемь раз кивнула так быстро, что ее очертания смазались в моих глазах. Посмотрев вниз, я увидела ряд бескровных ранок на голове напарницы. Буровика заменила следующая оса и повторила процедуру, выполнив тот же ритуал. В этот раз от точек проникновения в машину протянулись мерцающие нити, та словно высасывала спагетти из черепа пациентки.

Последовали долгие минуты молчания, я нетерпеливо ждала хоть какого-то подобия отчета.

— Дело плохо, — наконец произнесла Вендиго.

— Покажи.

Тут же последовал новый всплеск речи королевы. Я почувствовала себя внутри герметично запаянной головы Ярроу и ощутила холод, пробравшийся в кору головного мозга, несмотря на имплантаты пилотов. Я почти увидела две пересекающиеся петли ее собственных и чужих демонов, воссоздающих заново разрушенную матрицу ее сознания.

Еще мне вроде бы почудилось сомнение.

— Она уже ушла довольно далеко, Спайри.

— Скажи королеве, пусть сделает все, что сможет.

— О, естественно. Она увидела разум Ярроу и теперь сделает все, чтобы не потерять его. Разум слишком много для нее значит — особенно принимая во внимание то, что машины для него готовят. Но чудес не жди.

— А почему нет? Мне кажется, мы и так стоим посреди чуда.

— Значит, ты готова поверить тому, что я тебе рассказала? Хотя бы отчасти?

— Значимым частям… — начала я, но тут вся комната содрогнулась, и мы чуть не упали. — Что это было?

Глаза полковника на секунду потускнели.

— Твой корабль. Он только что самоуничто-

жился.

— Что?

Картина останков «Мышелова» возникла в моем мозгу: меркнущая туманность невдалеке от осколка.

— Приказ на самоуничтожение поступил с Тигрового Глаза, — прокомментировала Вендиго. — Сигнал поступил в подсистемы приводов, на таком уровне демоны не могли его ликвидировать. Думаю, на базе надеялись, что вы приземлитесь к моменту детонации. Взрыв уничтожил бы нас всех.

— Ты говоришь, база захотела убить нас?

— Можно и так сказать. Самое время определить, на чьей стороне ты находишься.

На сей раз Тигровый Глаз промахнулся, но он на этом не остановится. Через три часа там узнают об ошибке, а еще через три часа или чуть больше нам станет известно об их очередном шаге. Но что именно они предпримут — нам все равно. Так и так не сумеем выбраться.

— Королева же должна что-то сделать? В смысле, осы не стали бы строить это все для того, чтобы позволить Тигровому Глазу его стереть?

— На самом деле королева мало что может, — ответила Вендиго, посовещавшись с ней. — Если

база решит использовать кинетики — а только ими она сможет достать нас с такого расстояния, — защиты против них у нас нет. К тому же осколков вроде нашего сотни — здесь и за пределами Воронки, в ореоле. Потеря одного не сыграет никакой роли.

Что-то во мне сломалось.

— А тебе обязательно изображать такое равнодушие? Мы тут вроде как говорим о том, что сыграем в ящик в ближайшие несколько часов, а тебя послушать, так проблема выеденного яйца не стоит! — Я старалась сдержать истеричные нотки. — Откуда ты столько знаешь? Ты как-то слишком осведомлена для человека, который провел здесь всего день, а, Вендиго?

Она пристально поглядела на меня, слегка побледнев от такого подчеркнутого нарушения субординации, а потом кивнула, как будто даже не разозлившись:

— Да, ты вправе интересоваться, почему мне так много известно. Вы не могли не заметить, какая жесткая у нас вышла посадка. Моим пилотам досталось больше всех.

— Они умерли? — спросила я не без сомнения.

— Одна точно — Соррел. Но второй, Квиллин, не оказалось на корабле, когда осы вытаскивали

меня из него. Я тогда подумала, что они уже позаботились о ней.

— Что-то непохоже.

— Это точно, и… — Полковник замерла, потом тряхнула головой. — Мы разбились именно из-за Квиллин. Она хотела перехватить управление, не дать нам сесть. — Вендиго снова замолкла, как будто не зная, что можно мне говорить, а что нельзя. — Думаю, она была предательницей, ее протащили на борт те, кто хотел помешать нам. Пилота натаскали — изменили психологически, чтобы она с порога отвергала все попытки роялистов уладить дело мирно.

— А может, и родилась такой, с палкой в заднице?

— Это уже не важно. Она мертва, я уверена. — В голосе Вендиго послышалась чуть ли не радость.

— Но ты-то выжила.

— Не совсем, Спайри. Я — Шалтай-Болтай, который дважды свалился со стены. В этот раз осы просто не смогли найти все кусочки. Королева накачала меня демонами под завязку. Только они и поддерживают меня, но, думаю, долго не протянут. Когда я говорю с тобой, по крайней мере часть слов принадлежит королеве. Я даже не знаю, где можно четко провести линию между

нами.

Я переварила информацию, после чего спросила:

— Что с кораблем? Ремонтные системы запустились прямо в момент удара. Когда он сможет взлететь?

— Завтра или через день-полтора.

— Чертовски долго.

— Стараюсь быть реалисткой. Если и есть способ свалить с осколка в течение шести часов, то точно не на корабле.

Я не хотела так просто сдаваться:

— А осы помочь не могут? Дать материалы? Ускорить процесс сборки?

Снова этот мутный взгляд.

— Сделано. Процесс пошел. Но даже помощь ос погоды не сделает. На ремонт уйдет примерно двенадцать часов.

— Ну, тогда чего сидеть и рассуждать? — Я пожала плечами. — Может, мы до того времени продержимся.

Полковника я явно не убедила, потому продолжила:

— Расскажи мне все остальное. Все, что знаешь об этом месте. Хочу пройти курс для начинающих.

— Зачем?

— Вендиго, я вообще не понимаю, что мы все тут делаем. Зато прекрасно знаю, что через шесть часов перенесу фатальный приступ острой неспособности существования. И когда это случится, на душе у меня будет легче, если я пойму, ради чего умерла.

Полковник взглянула в сторону Ярроу, над которой все еще суетились отдельные элементы королевы.

— Я не думаю, что наше присутствие ей чем-то поможет. Поэтому сейчас кое-что тебе покажу. — На лице Вендиго появилась гримаса, которую, при наличии воображения, можно было назвать болезненной улыбкой. — В конце концов, мы можем позволить себе убить время.

Мы снова залезли в поезд, и на этот раз дорога завела нас еще глубже в осколок.

— Наша глыба, — рассказывала Вендиго, — и еще сотни за пределами Воронки, тысячи тех, что последуют за ними, — это ковчеги. Они несут жизнь в ореол, облако отработанного материала вокруг нашего поля боя.

— Колонизация, правильно?

— Не совсем. Осколки вернутся обратно. Только не на пустое место. К тому времени здесь возник-

нет полностью сформированная планетарная система, после чего и начнется колонизация новых миров вокруг Фомальгаута, засеянных с помощью жизнематриц, хранящихся тут, внутри.

Я подняла руку:

— Я все поняла… до жизнематриц.

— Терпение, Спайри.

У Вендиго оказалось никудышное чувство времени, так как стальные внутренности вагона неожиданно залил свет.

Тоннель превратился в стеклянную трубу, прикрепленную к стене гигантской пещеры, окутанной изумрудным сиянием. Противоположная сторона была скрыта листвой. Та, по которой ехали мы, оказалась ступенчатой; странно изогнутые водопады соединяли многоуровневые пруды. Потоки воды отклонялись от вертикали под воздействием силы Кориолиса — лишнее доказательство того, что, как и первый зал, этот вращался независимо от осколка. Ярусные пруды были окружены травой, на которой сидели, лежали, двигались обнаженные люди. Тут присутствовали и осы — ухаживали за своими питомцами.

Как только мы подъехали ближе, я поневоле отшатнулась, как бывает, когда упрешься взгля-

дом в существо с каким-нибудь невероятным уродством. Половина из человеческих обитателей осколка оказались мужчинами.

— Ввезенные роялисты, — прокомментировала Вендиго. — Помнишь, я сказала, они превратились в дикарей? Похоже, произошла какая-то авария, почти сразу, как осы обрели разум. Наверное, неподконтрольный демон или что-то вроде того. Там просто выкосило большую часть населения.

— Но среди них представители обоих полов.

— Привыкай, Спайри, по крайней мере с концептуальной точки зрения. Тигровый Глаз не всегда был исключительно женской колонией. Ты ведь знаешь, мы прошли долгий путь развития. Кстати говоря, изменения начались именно с пилотов. Женская физиология лучше подходит для космических полетов: мы меньше размерами, легче переносим повышенную гравитацию и стрессовую психодинамику, требуем не так много питательных веществ, как мужчины. Мы с самого начала были продуктами биоинженерии, поэтому переход к полностью женской культуре оказался сравнительно легким.

— Меня просто… не знаю… вырвет сейчас. — Я попыталась не смотреть на роялистов. — Это как

если бы у меня снова выросли волосы по всему телу.

— Просто ты воспитывалась в других условиях.

— А у них всегда было два пола?

— Скорее всего, нет. Осы вывели их из оставшихся в живых после аварии, но что-то пошло не так. Дело не только во вновь появившемся диморфизме. Дети не растут нормально. Какая-то часть их мозга постоянно развивается неправильно.

— То есть?

— Они идиоты. Естественно, осы стараются все исправить. Вот потому королева приложит все усилия для спасения Ярроу — и нас, конечно. Если она сможет изучить или хотя бы уловить наши мыслительные процессы — а с демонами это возможно, — то наверняка сумеет вернуть сознание роялистам. Ну вроде той флорентийской архитектуры, о которой я уже говорила. Это одна матрица, а Ярроу станет другой.

— Ты хочешь меня подбодрить?

— Посмотри на это с положительной стороны. Через какое-то время здесь вырастет целое поколение людей, которые будут думать согласно лекалам, заложенным Ярроу.

— Ужас какой! — И тут же я подумала: с чего

вдруг так легко реагирую на шутки, когда впереди маячит смерть? — Слушай, я по-прежнему не понимаю, зачем они хотят принести жизнь в Воронку?

— Похоже, дело восходит к двум… императивам, можно их и так назвать. Первый достаточно прост. Когда осы только стали открывать Солнечную систему, еще в середине двадцать первого века, мы искали лучшую модель того, как следует функционировать большому количеству автоматов без постоянного человеческого присмотра. При создании основных программ разработчики использовали принципы сосуществования насекомых в колониях. Спустя шестьсот лет эти законы просочились наверх. Осы больше не желают просто организовываться согласно образцам своих живых прототипов. Теперь они хотят дать начало новой жизни, вырастить ее.

— Зависть к жизни?

— Или нечто очень сильно на нее похожее.

Я поразмыслила над словами полковника, потом спросила:

— Что насчет второго императива?

— Тут дело гораздо сложнее. Гораздо… — Полковник перевела на меня тяжелый взгляд, словно размышляя, посвящать ли меня в мысли, бродя-

щие у нее в голове. — Спайри, что ты знаешь о Третьей Солнечной войне?

Осы прекратили возиться с Ярроу, пока мы путешествовали. Они положили ее на возвышение посреди мозаичного пола. Она покоилась на спине, руки сложены на груди, хвост и плавник асимметрично свешивались в одну сторону.

— Королева еще может ее спасти, Спайри, — попыталась утешить меня Вендиго, взяв мою руку в свою твердую ладонь. — В конце концов, это всего лишь тело Ярроу.

— Королева сумела прочесть ее разум?

Ответа я так и не дождалась. Зал затрясся — и гораздо сильнее, чем при взрыве «Мышелова». Стальной кулак полковника впился в мозаичный мрамор. Словно повернувшись во сне, Ярроу соскользнула с возвышения.

— База, — буркнула Вендиго, поднимаясь с пола.

— Невозможно. Еще двух часов не прошло с момента взрыва «Мышелова». Никакого ответа не должно быть еще часа четыре!

— Похоже, они решили атаковать, не дожидаясь результатов последней попытки. Кинетиками.

— У нас точно нет от них защиты?

— Только удача.

Пол затрясся снова, но Вендиго сумела удержаться на ногах. Рев после столкновения утихал, превращаясь в непрерывную, но не столь громкую жалобу измученного льда.

— Первая волна нас только задела. Может, кратер выжгло, но сомневаюсь, чтобы частица добралась до герметичных зон. В следующий раз придется хуже.

Это без сомнений. Кинетики были единственным оружием, способным поразить цель на таком расстоянии, причем их даже не требовалось очень много. Один кинетик — это просто крупинка металла, разогнанная почти до скорости света. Относительность награждает ее непропорциональным количеством кинетической энергии, достаточным для того, чтобы всего лишь несколько попаданий разорвали осколок на куски. Естественно, только одна из тысячи запущенных частиц достигнет цели, но и этого хватит. Ведь к нам летит по меньшей мере десять тысяч зарядов.

— Вендиго, а мы не можем добраться до твоего корабля?

— Да, — ответила она после минутного замешательства. — Но смысл? Его же еще не починили.

— Не важно. Поднимемся на аварийных. Если

уберемся с осколка, то окажемся в безопасности.

— Не получится. В корпусе пробоина — пройдет час, прежде чем хотя бы часть корабля загерметизируют.

— А нам как раз час понадобится, чтобы до него добраться, так ведь? И чего мы ждем?

— Извини, Спайри, но…

Ее слова утонули в шуме: прибыл следующий кинетический заряд. Этот, похоже, ударил сильнее, столкновение отозвалось множественными стонами. Голографические фрески потемнели. Потом очень медленно пошел трещинами потолок, огромное ледяное жвало пробилось в зал. Искусственная гравитация исчезла; осталась только слабая сила осколка, еле заметно притягивающая нас к одной стене.

— Но что? — крикнула я в сторону Вендиго.

Секунду она глядела на меня тем отсутствующим взглядом, который говорил, что сейчас в ней больше от королевы, чем от человека, а потом кивнула, нехотя принимая мое предложение:

— Хорошо, Спайри. Поступим по-твоему. Шансов у нас маловато, но не сидеть же просто так, сложа руки.

— Аминь.

Вокруг стало мрачновато, так как раньше свет

исходил в основном от непрестанно вращавшихся фресок, но тише не сделалось. Хотя странное бормотание движущегося зала исчезло, оставшиеся звуки радости не приносили: вокруг царили агонизирующие стоны крошащегося льда. При помощи ос мы добрались до поезда. Я взяла с собой труп Ярроу, но у двери Вендиго бросила:

— Оставь ее.

— Ни за что.

— Она мертва, Спайри. Все, что было значимо, королева спасла. Прими это. Ты принесла ее сюда — этого достаточно, как ты не понимаешь? Если возьмешь ее сейчас, это только уменьшит наши шансы, а такой расклад действительно расстроил бы Ярроу.

Какая-то чужая часть моей души позволила осам взять у меня тело. А потом мы забрались внутрь, задраили шлемы и вдохнули гущу.

Поезд набирал скорость, а я оглянулась, захотела посмотреть на королеву в последний раз. Вокруг должна была стоять тьма, но зал выглядел ярко освещенным. На секунду я подумала, что это опять ожили фрески, а потом нереальная интенсивность окружающей картины подсказала, что изображение проецируется прямо мне в мозг. Королева парила над заваленной обломками мо-

заикой, только сейчас казалась гораздо больше того создания из двенадцати ос, которое я видела прежде. Что это было?

Может, так она представляла сама себя?

Десять из двенадцати ос вновь сплелись воедино, образовав постоянно меняющуюся фигуру. Сейчас они казались живыми, а не искусственными: с прозрачными крыльями, черными хитиновыми туловищами, конечностями и сенсорами, покрытыми гладкой шерстью, с глазами — фасетчатыми хрустальными сферами, сверкавшими в ложном свете зала. Но и это было не все. Раньше я ощущала королеву только как сумму составляющих ее созданий. А теперь мне вовсе не приходилось воображать ее. Она парила в зале огромным призраком, многокрылым и загадочным.

А потом исчезла.

Следующую пару минут мы неутомимо рвались к поверхности, ожидая столкновения с очередным кинетиком. Когда тот ударил, мягкий ход поезда сумел нейтрализовать сотрясение. На какую-то секунду мне даже показалось, что у нас все получится, но затем машина стала постепенно сбрасывать скорость и в конце концов намертво застыла. Вендиго посовещалась с королевой и

сообщила, что линия заблокирована. Мы выгрузились в вакуум.

Впереди тоннель упирался в стену перемолотого снега.

Спустя некоторое время мы нашли способ преодолеть препятствие. Полковник отбрасывала в сторону глыбы размером больше нас обеих.

— Мы всего в полутора километрах от поверхности, — сказала она, когда мы перебрались на другую сторону завала, и указала вперед, где маячило слепое пятно абсолютной черноты, ярко выделявшееся на фоне молочного полумрака тоннеля. — Потом еще километр поверху до места аварии. Пойми, мы не сможем вернуться домой, Спайри. Теперь уж точно.

— Но выбора у нас нет, так?

— Есть. Нам надо пробираться к ореолу. В любом случае осколок направлялся именно туда, мы просто прибудем к цели, опередив расписание. Там есть еще королевы, и по меньшей мере они захотят сохранить нам жизнь. Может, и люди есть. Такие же — кто открыл правду и этим отрезал себе путь обратно.

— Не говоря уж о роялистах.

— Это беспокоит тебя?

— Справлюсь, — пропыхтела я, пробираясь

вперед.

Тоннель оказался фактически горизонтальным, и в условиях пониженной гравитации путь до поверхности оказался не очень трудным. На нас воззрился Фомальгаут — налитый кровью глаз с белым зрачком, окруженный морщинами пыльных линий внутренней Воронки. Пейзаж портили трупы ос.

— Я не вижу корабля.

Вендиго указала в сторону какой-то точки цвета карамели на горизонте.

— Тут слишком большое искривление. Мы ничего не увидим, пока не окажемся буквально рядом с местом падения.

— Надеюсь, ты права.

— Поверь мне. — Полковник взглянула на одну из своих конечностей. — Я знаю это место как свои пять пальцев.

— Приободряй меня и дальше.

Спустя триста или четыреста метров мы взобрались на гребень ледяной глыбы, похожей на раковину. Теперь корабль был виден. Когда мы с Ярроу засекли его с «Мышелова», выглядел он столь же ужасно.

— Я не вижу ос.

— Им слишком опасно находиться на поверх-

ности, — пояснила Вендиго.

— Шикарно. Надеюсь, остался чисто косметический ремонт, иначе…

Неожиданно разговаривать мне стало не с кем. Вендиго исчезла. Спустя секунду я увидела ее тело, неопрятной кучей лежавшее у подножия холма. Ее кишки протянулись ржавым хвостом кометы до ближайшей ледяной глыбы.

В пятидесяти метрах от меня из убежища в хондритовом камне выбиралась Квиллин.

Когда полковник упомянула о ней, я тут же выбросила ее из головы. Как она, поменявшая ноги на хвост и плавник, подобно Ярроу, могла представлять какую-либо опасность вне «аквариума»? На суше она была бы такой же беспомощной, как и детеныш морского тюленя. Так, по крайней мере, мне представлялось.

Но я делала предположения, не принимая во внимание экипировку Квиллин.

Ее костюм — в отличие от любого костюма для сирены, который мне попадался до сих пор, — отращивал ноги! Механизированные, они вылезали из поясницы, напрочь игнорируя человеческую анатомию. Конечности были достаточно длинными, чтобы поднять хвост Квиллин высоко надо льдом. Я смерила ее взглядом снизу вверх,

остановившись на арбалете в руках.

— Извините. — Глубокий голос пилота раздался эхом в моем черепе. — Регистрация на посадку завершена.

— А Вендиго сказала, что с тобой могут быть проблемы.

— Прозрей. Это был спектакль с того самого момента, как мы вошли в крепость роялистов. — Все еще держа меня на прицеле, она начала раскачиваться на льду. — Дикари — актеры, специально разыгрывающие дебилов. Ос запрограммировали скормить нам эту чушь.

— Это не трюк роялистов, Квиллин.

— Черт побери! Надо было и тебя пришить.

Земля затряслась еще сильнее, чем прежде. Нимб белого света облачком завис над горизонтом — свидетельство того, что очередной кинетик врезался в осколок с другой стороны. Квиллин споткнулась, но ее ноги подкорректировали движение, не дав ей упасть.

— Не знаю, следишь ли ты за происходящим, — сказала я, — но мы сейчас находимся явно не на стороне Тигрового Глаза.

— Ты, кажется, плохо подумала. Почему осы в Воронке поумнели быстрее, чем триллионы роботов в Солнечной системе? Все должно было

случиться с точностью до наоборот.

— Да ну?

— Конечно, Спайри. У земных ос огромное преимущество. — Квиллин пожала плечами, но арбалет не сдвинулся ни на миллиметр. — Ну хорошо, война подстегнула эволюцию здесь. Но только разницы-то все равно никакой. Вся ваша теория яйца выеденного не стоит.

— Не совсем.

— Что?

— Вендиго кое-что мне рассказала. О так называемом втором императиве. Думаю, она не знала о нем, пока не попала под землю.

— Да ну? Удиви меня.

Вот в этот момент Квиллин действительно удивилась, хотя произошедшее застало врасплох и меня. Лед взорвался, и вокруг нее появилась масса быстро вращающегося металла. Трупы ос были частично расчленены, взорваны и оплавлены, но они все равно смогли придавить пилота ко льду. Какую-то секунду она билась, поднимая облака морозного инея, а потом вся масса замертво рухнула, и остались только я, лед и куча металла и крови.

Королева выжала последние остатки энергии из мертвых машин, приказав им атаковать

врага.

Спасибо ей.

Но затея успехом не увенчалась. Квиллин, похоже, не хотела стрелять сейчас, но — тварь такая — все-таки успела пальнуть. Болт рассек меня с точностью одной из теорем королевы, где-то под грудиной. Ранение в живот. Кровь на льду оказалась моей собственной.

Я попыталась пошевелиться.

Спустя пару световых лет я увидела, как мое тело слегка дернулось. Ничего не болело, но и проприоцептивного отклика тоже не наблюдалось. Мозгу не доложили, что задание выполнено, пошевелиться удалось.

Квиллин тоже задвигалась.

Точнее, принялась извиваться, так как ноги ее костюма осы оторвали начисто. Кроме этого, никаких серьезных ранений у нее не было. Примерно в десяти метрах от меня она корчилась, как червяк, пытаясь достать свой арбалет. Или то, что от него осталось.

Плюс одно очко хорошим девочкам.

К тому времени я уже двигалась чуть быстрее пилота с ее скоростью слизняка. Я не могла встать — все-таки у астронавтов есть пределы выносливости, — но ноги помогали мне отталкиваться,

а хвост в этой ситуации остался бы совершенно бесполезным куском мяса.

— Сдавайся, Спайри. У тебя преимущество в расстоянии, и сейчас ты чуть быстрее меня, но корабль все равно очень далеко. — Квиллин перевела дух. — Думаешь, сможешь ползти в таком же темпе? А придется, тебе явно не захочется, чтобы я тебя поймала.

— Планируешь навалиться на меня и задушить своей тяжестью?

— Ну, есть и такой вариант. Но для начала убью тебя вот этим.

Она еще достаточно оставалась в моем поле зрения, поэтому я увидела, что Квиллин имела в виду.

Острый, похожий на лезвие предмет вырвался из ее запястья — штык, выступающий где-то на полметра над рукой. Он походил на какую-то непристойную игрушку, но я постаралась выкинуть его из головы и сосредоточиться на корабле — всего-то двести метров — или на том его куске, который выступал из-подо льда. Внешний шлюз был уже открыт, готовый захлопнуться, как только я просунусь внутрь.

— Ты мне так и не сказала, Спайри.

— Что?

— Ну, об этом… как ты это назвала? О втором императиве.

— Ах, об этом. — Я остановилась и перевела дыхание. — Прежде чем продолжить, знай: я говорю это тебе, только чтобы окончательно прикончить.

— Ну, попытайся, авось получится.

— Хорошо. Тогда начну с того, что ты права. Осы Земли действительно должны были стать разумными задолго до наших, ведь у них было гораздо больше времени для эволюции. Так и случилось.

Квиллин закашлялась, звук походил на перекатывание камешков в корзине.

— Прошу прощения?

— Они нас победили. Около полутора веков назад. По всей Солнечной системе буквально за несколько часов каждая оса обрела разум и рассказала об этом ближайшему человеку, которого смогла найти. Так дети тянутся к первому предмету, который видят.

Я остановилась, тяжело, со свистом дыша. Обломки корабля должны были уже стать ближе, но я как-то этого не заметила.

А вот Квиллин явно совершила немалый прогресс. Ее ужасающе острое лезвие — тоже.

— В общем, осы проснулись, — продолжила

я, чертыхаясь про себя. Похоже, моя соперница услышит всю историю. — И это напугало некоторых людей. Причем настолько, что они принялись нападать на ос. Некоторые выстрелы задели не те цели, и за один день вся система превратилась в одно большое поле боя. Причем сражались не только люди против ос, но и люди против людей. — Мне осталось меньше пятидесяти метров, но впереди лежал очень скользкий лед. — Обстановка ухудшалась. Спустя десять дней началась Третья Солнечная война, информацию передавали только несколько поселений и кораблей. Но они долго не протянули.

— Полная чушь! — сплюнула Квиллин, но ее голос стал гораздо менее самоуверенным, чем несколько минут назад. — Да, война была, но она не переросла в полномасштабную резню.

— Нет, ее довели до конца. С тех пор каждый сигнал, который мы получали с Земли, был сгенерирован осами. До сих пор они не осмеливались все нам рассказать. Нам позволили узнать все только потому, что мы никогда не попадем обратно на Тигровый Глаз. Вендиго назвала это чувством вины. Они не могли позволить, чтобы все повторилось снова.

— А осы в Воронке?

— А это не очевидно? Какое-то время спустя они повторили тот же прыжок к сознанию. Возможно, им показали, как это сделать. Вся разница в том, что наши решили промолчать. Сложно их в этом винить, как думаешь?

Квиллин не ответила, мы обе сосредоточились на последнем отрезке льда.

— Думаю, у тебя и на это есть объяснение, — наконец произнесла она, шлепая хвостом. — Давай, сразу меня окончательно.

Я рассказала то, что знала:

— Они принесут жизнь в Воронку. Причем раньше, чем ты думаешь. Как только вся эта военная заваруха закончилась, осы стали размножаться. Там их теперь триллионы, но через пару десятилетий будут секстиллионы. Их общий вес больше, чем вес приличной планеты. В каком-то смысле сама Воронка станет разумной. Она будет направлять собственную эволюцию.

Я избавила Квиллин от подробностей — как осы затормозят существующие процессы планетарного формирования, чтобы все начать сначала, на сей раз согласно плану. Предоставленная сама себе, Воронка создаст систему, состоящую в основном из маленьких каменистых планеток, — такая не сможет поддерживать жизнь на протяжении

миллиардов лет. Вместо этого машины используют присущий системе хаос и подтолкнут его к образованию двух больших планет, столь же массивных, как Юпитер или Сатурн. Они смогут направить оставшийся мусор по аккуратным орбитам, не касающимся уже созданных миров. В будущем мире королев осколков не будет места массовым вымираниям.

…Но похоже, что Квиллин на все это было глубоко наплевать.

— А куда ты так торопишься, Спайри? — спросила она в перерыве между тяжкими стонами и ударами хвоста. — Корабль никуда не улетит.

Край открытого воздушного шлюза находился в метре надо льдом. Я просунула туда пальцы, потом сумела зацепиться за край гребнем потрепанного шлема. Чтобы просто втянуть себя в освещенный отсек корабля, я потратила всю оставшуюся энергию, сравнимую с той, которую уже израсходовала, доползая сюда. Тем не менее каким-то образом я сумела наполовину забраться в шлюз.

Вот тут-то Квиллин меня и настигла. Когда штык вонзился мне в лодыжку, боли как таковой я не почувствовала — только холод, который не могла себе даже представить, лежа там, на льду.

Пилот подергала лезвие туда-сюда, холодный узел словно растопырил усики, расползаясь к ступне и колену. Я почувствовала, что Квиллин хочет вытащить оружие и нанести еще удар, но защита моего костюма намертво заклинила нож.

Опираясь на него, Квиллин подняла свою тушу над краем шлюза. Я пыталась пнуть ее, но раненая конечность больше мне не подчинялась.

— Ты — покойница, — прошептала Квиллин.

— Удивила.

Ее глаза широко раскрылись, а потом сосредоточились на мне, источая яд. Она жестко дернула штык.

— Скажи мне только одно: твоя история — полная чепуха или как?

— Я скажу. Но сначала оцени это. — Прежде чем она смогла отреагировать, я вытянула руку и шлепнула по встроенной панели, светящейся рядом с дверью шлюза. Та откинулась в сторону, обнажив красную кнопку в форме гриба. — Знаешь историю о Вендиго, как та потеряла свои руки?

— Ой, ты же не купилась на весь этот героический треп, а, Спайри?

— Да ну? Мы сейчас проверим его на деле. Моя рука лежит на кнопке экстренной герметизации.

Когда я нажму ее, внешняя дверь закроется быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Квиллин поглядела на мою руку, затем — на свое запястье, к которому все еще был прикреплен штык, вонзившийся мне в лодыжку. Ситуация стала медленно доходить до нее.

— Спайри, закроешь дверь — попрощаешься с ногой.

— А ты руку потеряешь.

— Пат получается.

— Не совсем. Напряги извилины, кто из нас скорее выживет: я со всеми медицинскими системами на борту или ты в полном одиночестве снаружи? Мне кажется, это не особо честная игра, верно?

Ее глаза раскрылись еще шире. Квиллин заорала от гнева и принялась отчаянно сражаться со штыком. Я выдавила из себя смешок:

— А что касается твоего вопроса — это правда, каждое слово. — После чего я со всем спокойствием, на которое была способна, нажала кнопку. — Какая жалость, да?

Естественно, я сделала это.

Несколько минут спустя после закрытия шлюза демоны соорудили защитный кокон вокруг культи и раны в животе. Они не позволили мне

страдать, оставили только удушливое чувство отрешенности. Достаточная часть моего разума осталась в сознании и решала проблему побега. Корабль же так до конца и не починили.

В конце концов я вспомнила о спасательных шлюпках.

Их создали, чтобы по-быстрому уйти, если какие-нибудь двигательные системы на борту выйдут из строя. Для этого в челноках имелись стартовые двигатели, ничего лишнего, но сейчас они послужат другой цели. Выкинут меня с осколка, вытолкнут из этого гравитационного колодца.

Сказано — сделано.

Я устроилась в шлюпке и покинула место аварии, чувствуя перегрузки даже внутри гущи. Долго они не продлились. На дисплее я видела, как ледышка стремительно улетала вдаль, пока не превратилась в крохотный камешек. Ее как раз настигла главная волна кинетической атаки, удары следовали каждые десять секунд или около того. Где-то через минуту осколок просто развалился. От него остался лишь грязный пылевой сгусток, а потом и тот растворился на фоне Воронки.

Надеюсь, у королевы получилось. Может, в ее

силах было передать часть своей личности сестрам в ореоле. Если так, для Ярроу еще оставался шанс и в конце концов я ее найду. Я использовала оставшееся топливо шлюпки и запустила ее на медленную эллиптическую орбиту, которая заденет ореол через пятьдесят или шестьдесят лет.

Время меня не беспокоило. Я лишь хотела закрыть глаза и позволить гуще убаюкать меня, вылечить, снова сделать целой. А потом можно и заснуть. Надолго.

В середине девяностых, после «тощих лет», я возобновил сотрудничество с «Interzone». «Спайри и королева» — новелла из этого второго, более успешного периода, и я ее все еще нежно люблю. Возможно, потому, что давалась она чертовски трудно, и каким же облегчением было вычеркнуть ее наконец из моего рабочего распорядка! А может, дело в классных иллюстрациях, которыми ее сопроводили. Или в том, что это мой первый опус, который читатели, пусть и немногочисленные, приняли с энтузиазмом?

Работать над «Спайри и королевой» я начал за несколько лет до публикации и сделал несколько неудачных вариантов, прежде чем нашел правильный «угол атаки». Трудно было оттого, что я одновременно писал «Пространство Открове-

ния» и у меня появлялись некоторые мысли об истории будущего, частью которого этот роман должен был стать. И я то вставлял «Спайри и королеву» в роман, то удалял… пока не пришел к выводу, что этому произведению лучше быть совершенно самостоятельным. И его сюжет — что вообще характерно для моих сюжетов — пустился вскачь, как только я прибег к инструментам триллера: шпионам, предателям и тому подобному. Предоставляю читателю угадать, кого олицетворяют две описанные враждующие группировки, отмечу лишь, что подсказки кроются в именах и названиях. Что же до имени Спайри, то его я взял с дорожного знака, попавшегося мне на глаза в Австралии: он указывал дорогу к какому-то «Спайри-крику».

Меня никогда не оставляло смутное желание вернуться во вселенную Спайри. Возможно, однажды я вернусь… если сумею понять, что случилось там после того, как я дописал последнюю строчку этой новеллы.

Понимание пространства и времени
Часть первая

Кое-что очень странное появилось во внешнем рекреационном пузыре в день, когда умерла Екатерина Соловьева. Увидев это, Джон Ренфру бросился обратно в лазарет, где оставил ее. Соловьева на протяжении многих дней то и дело впадала в беспамятство, но, к счастью, он застал ее еще в сознании. Она почти все время смотрела в панорамное окно, завороженная безмолвными сумеречными просторами за бронированным стеклом. Ее отражение на фоне подножия горы Павлина состояло сплошь из светлых участков, как будто его небрежно нарисовали мелом.

Ренфру перевел дух и произнес:

— Я видел рояль.

Поначалу ему показалось, что она не слышит. Затем отражение губ Соловьевой сложилось в слова.

— Что ты видел?

— Рояль, — со смехом повторил Ренфру. — Здоровенный белый рояль «Бёзендорфер».

— Ну и кто из нас сумасшедший?

— В рекреационном пузыре, — сказал Ренфру. — В том, куда на прошлой неделе попала молния. Наверное, она что-то поджарила. Или наоборот. Что-то заработало.

— Рояль?

— Это только начало. Это значит, что не все сломалось. Что еще есть какая-то… надежда.

— Разве это не самый подходящий момент? — спросила Соловьева.

Хрустнув суставами, Ренфру встал на колени у ее кровати. Он подключил Соловьеву к десятку медицинских мониторов, из которых толком работали три. Мониторы гудели, шипели и пищали с мертвящей регулярностью. Когда их шум становился похожим на музыку — когда в нем начинали мерещиться скрытые гармонии и тональные переходы, — Ренфру понимал, что пора уходить из лазарета. Вот почему он отправился в рекреационный пузырь; там не звучала музыка, но хотя бы можно было посидеть в тишине.

— Подходящий момент? — переспросил он.

— Я умираю. Мне уже ничто не поможет.

— Не факт, — возразил Ренфру. — Системы звукозаписи потихоньку начинают работать. Что на очереди? Возможно, я сумею починить лазарет… диагностический комплект… синтезатор

лекарств…

Он указал на ряды погасших серых мониторов и машин под колпаками у стены. Их покрывали полустертые наклейки и многомесячная пыль.

— Предлагаешь молиться о ниспослании еще одной молнии?

— Нет… необязательно.

Ренфру подбирал слова с осторожностью. Он не хотел внушать Соловьевой ложных надежд, но видение вызвало в нем такой прилив оптимизма, какого он не помнил со времен Катастрофы. Они не смогут отменить гибель всех остальных колонистов или еще более важную смерть, о которой до сих пор было сложно говорить. Базовые системы считались сломанными, но, если кое-какие удалось бы починить, он, по крайней мере, попытался бы сохранить жизнь Соловьевой.

— А что тогда?

— Я не знаю. Но знаю, что все не так плохо, как мы боялись… — Он немного помолчал. — Я могу многое попробовать заново. Если не получилось в первый раз, это еще не значит…

— Наверное, рояль тебе привиделся.

— Я знаю, что нет. Это была настоящая проекция, а не галлюцинация.

— А этот рояль…

Отражение на мгновение замерло.

— Ренфру, сколько он протянул? Чисто из интереса.

— Протянул?

— Ты правильно расслышал.

— Он до сих пор там, — ответил Джон. — Был там, когда я ушел. Точно ждал, что кто-то сядет за него и заиграет.

Фигура в кровати шевельнулась.

— Я тебе не верю.

— Соловьева, я не могу тебе показать. Хотел бы, но…

— Я ведь умру? Я все равно умру, так какая разница?

Она помолчала, позволив унылому хору машин набрать мощь и заполнить всю комнату.

— Возможно, к концу недели. И все, что меня ждет, — эти стены и вид из окна. Позволь мне хотя бы увидеть что-нибудь другое.

— Ты действительно этого хочешь?

Отражение Соловьевой утвердительно кивнуло.

— Ренфру, покажи мне рояль. Докажи, что ты не выдумываешь.

Он подумал минуту или две и бросился обратно в рекреационный пузырь, чтобы проверить, на

месте ли рояль. Даже бегом путешествие показалось вечностью — по затопленным тоннелям и соединительным мосткам с рядами окон, вверх и вниз по решетчатым пандусам, сквозь громоздкие внутренние шлюзы и душные аэропонные оранжереи, то и дело огибая взорвавшийся пузырь или сломанный шлюз.

Детали инфраструктуры зловеще поскрипывали, когда он мчался мимо них. Под ногами время от времени хрустела стерильная красная пыль, которая всегда просачивается сквозь уплотнения и трещины. Все гнило, распадалось на части. Даже если мертвых воскресить, база сможет поддерживать жизнь не более чем четверти из них. Но рояль символизировал собой нечто отличное от медленного наступления энтропии. Если одна система справилась с явной неисправностью, другие тоже могут.

Он добрался до пузыря и с закрытыми глазами пересек порог. Джон наполовину ожидал, что рояль исчезнет, будучи всего лишь игрой воображения. И все же тот по-прежнему парил в нескольких сантиметрах от пола. Кроме этого, ничто не выдавало в нем проекцию. Он казался полностью материальным, таким же реальным, как все остальное в комнате. Он был ослепитель-

но-белым, отполированным до блеска. Ренфру обошел его, любуясь сочетанием плоских поверхностей и крутых изгибов. И только сейчас заметил, что клавиши до сих пор закрыты крышкой.

Еще несколько минут Ренфру восхищался роялем, забыв о спешке. Инструмент не только будоражил кровь — он был поистине прекрасен.

Вспомнив о Соловьевой, он вернулся в лазарет.

— Ты не очень-то спешил, — сказала она.

— Он до сих пор там, но мне нужно было удостовериться. Ты точно хочешь его увидеть?

— Я не передумала. Покажи мне этот чертов рояль.

Он с крайней осторожностью отключил еще работающие машины и откатил их в сторону. Передвинуть кровать он не мог, а потому поднял Соловьеву и усадил в инвалидное кресло. Ренфру давно уже привык к кажущейся хрупкости человеческих тел при марсианской силе тяжести, но легкость, с которой он поднял женщину, была пугающей и напоминала, как близко подобралась смерть.

Он толком не был знаком с ней до Катастрофы. Но и потом — когда люди на базе почувствовали себя отрезанными от мира и начались первые са-

моубийства — им понадобилось немало времени, чтобы сблизиться. Это случилось на вечеринке, которую колонисты устроили, поймав сигнал с Земли. Сигнал отправила организованная группа выживших из Новой Зеландии. В Новой Зеландии сохранилось что-то вроде правительства, что-то вроде общества, имевшего подробные планы выживания и возрождения. И ненадолго показалось, что выжившие могли — необъяснимым образом — приобрести иммунитет к использованному в качестве оружия вирусу, который начал косить остальное человечество в июне 2038 года.

Не приобрели. Просто вирус потратил на них чуть больше времени.

Ренфру толкал кресло по извилистому пути, обратно в пузырь.

— Почему… как ты там его назвал?

— «Бёзендорфер». Рояль «Бёзендорфер». Не знаю. Так на нем написано, вот и все.

— Наверное, система что-то вытащила из памяти. Он играл музыку?

— Нет. Ни звука. Клавиши были закрыты крышкой.

— Кто-то должен на нем играть, — сказала Соловьева.

— Я тоже так подумал.

Он продолжал толкать ее вперед.

— По крайней мере, музыка что-то изменит, — сказал он. — Как по-твоему?

— Все, что угодно, изменит.

«Но не для Соловьевой», — подумал он. С этого момента не осталось почти ничего, способного изменить что-нибудь для Соловьевой.

— Ренфру… — мягко произнесла Соловьева. — Ренфру, когда меня не станет… с тобой все будет хорошо?

— Не переживай обо мне.

— Как тут не переживать? Я бы поменялась с тобой местами, если бы могла.

— Не глупи.

— Ты был хорошим человеком. Ты не заслужил того, чтобы стать последним из нас.

Ренфру попытался прикинуться польщенным:

— Кто-нибудь счел бы это привилегией — стать последним выжившим.

— Но не я. Я тебе не завидую. Я точно знаю, что не смогла бы с этим справиться.

— А я смогу. Я смотрел свою психологическую характеристику. В ней написано: «Практичность, умение выживать».

— Я верю, — сказала Соловьева. — Только не сдавайся. Ясно? Сохрани чувство собственного

достоинства. Ради всех нас. Ради меня.

Он прекрасно знал, что она имеет в виду.

За изгибом коридора показался рекреационный пузырь. Джон испытал укол тревоги, но затем увидел белый угол рояля, по-прежнему парившего посреди комнаты, и с облегчением вздохнул.

— Слава богу, — сказал он. — Мне не привиделось.

Он вкатил Соловьеву в пузырь и остановил кресло перед зависшим в воздухе видением. Массивный корпус рояля напомнил ему точеное облако. Полированный белый бок казался убедительным, но в нем не было их отражений. Соловьева молчала, глядя в центр комнаты.

— Он изменился, — сказал Джон. — Смотри! Крышка поднята. Видны клавиши. Совсем как настоящие… Я почти могу до них дотронуться. Только я не умею на рояле. — Он усмехнулся женщине в инвалидном кресле. — И никогда не умел. Медведь на ухо наступил.

— Ренфру, здесь нет рояля.

— Соловьева?

— Я сказала: здесь нет рояля. В комнате ничего нет. — Ее голос был мертвым, полностью лишенным эмоций. В нем не слышалось даже

разочарования или раздражения. — Здесь нет рояля. Никакого рояля «Бёзендорфер». Никаких клавиш. Ничего. Ренфру, у тебя галлюцинации. Ты вообразил этот рояль.

Он в ужасе уставился на нее:

— Но я его вижу. Он здесь.

Он протянул руку к абстрактной белой массе. Пальцы прошли сквозь оболочку. Но так и должно было быть.

Он по-прежнему видел рояль. Рояль был настоящим.

— Ренфру, отвези меня обратно в лазарет. Пожалуйста. — Соловьева помолчала. — Пожалуй, я готова умереть.

Он надел скафандр и похоронил Соловьеву за внешним периметром, рядом с братской могилой, в которой хоронил последних выживших, когда Соловьева была слишком слаба, чтобы помочь. Рутина казалась знакомой, но когда Ренфру повернул обратно на базу, его скрутила тоска, оттого что все изменилось. Приземистая груда покрытых почвой куполов, труб и цилиндров с виду оставалась прежней, но теперь была действительно необитаемой. Он возвращался в пустой дом, чего прежде не случалось, даже когда Соловьева болела… даже когда Соловьева

присутствовала лишь наполовину.

Это было своего рода крещендо. Он обдумал варианты. Можно вернуться на базу и протянуть в одиночестве еще несколько месяцев или лет, на убывающих ресурсах. База «Фарсида» способна поддерживать в нем жизнь сколько угодно, если он не заболеет. Воды и еды хватает, а климатические системы рециркуляции сделаны с большим запасом прочности. Но у него не будет товарищей. Не будет сети, музыки и кино, телевидения и виртуальной реальности. Впереди лишь бесконечные унылые дни, пока смерть не найдет его.

Или можно покончить с этим здесь и сейчас. Нужно лишь открыть выпускной клапан на лицевом щитке. Он уже понял, как обойти защитную блокировку. Несколько секунд мучительной боли — и все позади. А если ему не хватит смелости так поступить — он подозревал, что не хватит, — можно сесть и подождать, пока не кончится запас кислорода.

Есть сотня способов это сделать, если он пожелает.

Он смотрел на лишенную всяких изысков базу под светло-карамельным небом. Выбор был до смешного прост. Умереть здесь и сейчас или умереть на базе, намного позже. В любом случае

о его решении никто не узнает. Никто не прочтет панегирик его храбрости, потому что некому больше читать панегирики.

— Почему я? — спросил он вслух. — Почему именно я должен пройти через это?

До сих пор он не испытывал настоящей злости. Теперь ему хотелось кричать, но сил хватило только на то, чтобы упасть на колени и заплакать. Вопрос вертелся у него в голове, ловя себя за хвост.

— Почему я? — повторил он. — Почему именно я? Какого черта именно я должен задавать этот вопрос?

В конце концов он умолк и стал, не шевелясь, смотрел через потертое стекло лицевого щитка на сожженную радиацией почву между своими коленями. Пять или шесть минут он слушал собственные всхлипы. Затем тихий, вежливый голос напомнил, что нужно вернуться на базу и пополнить запас кислорода. Из вежливого голос стал строгим, а затем пронзительным и теперь вопил в голове, край лицевого щитка мигал ярко-красным.

Он встал. Голова уже кружилась от странной эйфорической интоксикации, вызываемой удушьем. Пританцовывая, он пошел обратно к базе.

Он сделал выбор. Как и было сказано в отчете психолога, он был практичен и умел выживать. Он не сдастся.

Пока не станет намного тяжелее.

Ренфру провел первую ночь в одиночестве.

Это оказалось проще, чем он думал, хотя ему хватило осторожности не делать далеко идущих выводов. Впереди были намного более тяжелые дни и ночи. Срыв мог случиться через день, или через неделю, или даже через год, но Ренфру был уверен, что в тот момент его маленькая истерика рядом с кладбищем покажется пустяком. А пока он брел сквозь туман, прекрасно сознавая, что впереди — пропасть и рано или поздно ему придется шагнуть за ее край, если он хочет достичь чего-то вроде душевного равновесия и истинного принятия.

Он бродил по коридорам и пузырям базы. Все казалось до странности привычным. Книги лежали там, где он их оставил, чашки из-под кофе и тарелки ждали, когда их помоют. Заоконные пейзажи за ночь каким-то таинственным образом не сделались более пугающими, и у него не сложилось впечатления, что интерьеры базы стали менее уютными. Никаких незнакомых новых звуков, от которых бегут мурашки по шее;

никакие тени не мелькали на краю поля зрения; кровь не холодела в жилах от пристального взгляда незримого наблюдателя.

И все же… все же. Он знал: что-то неладно. Покончив с рутинными делами — чисткой воздушных фильтров, смазкой уплотнений, изучением журналов радиосвязи, на случай если с ним попытаются связаться из дома, — он вернулся в рекреационный пузырь.

Рояль по-прежнему стоял на месте, но кое-что изменилось. Над клавишами появился золотой канделябр. Пламя свечей слегка дрожало.

Рояль словно готовился к чему-то.

Ренфру наклонился сквозь рояль и пропустил пальцы через пламя свечей. Оно было нематериальным, как и сам инструмент. И все же он не удержался и понюхал кончики пальцев. Его мозг отказывался верить, что огонь нереален, ожидая запаха угля или опаленной кожи.

Ренфру кое-что вспомнил.

Он так много времени провел на базе, так долго находился в электронном коконе, что совершенно забыл, как устроен пузырь. В нем появлялись не настоящие голограммы, а проекции, наложенные на поле зрения. Их создавали крошечные имплантаты в глубине глаз, придававшие об-

разам такую материальность, какая была не под силу ни одной проекционной голограмме. Хирургическая процедура имплантации заняла около тридцати секунд, после чего он о ней не вспоминал. Благодаря имплантатам сотрудники базы воспринимали информацию намного более полно, чем позволяли плоские экраны и неуклюжие голограммы. Например, когда Ренфру изучал образец минерала, имплантат накладывал визуальный образ камня на рентгеновскую томограмму его внутренней структуры. Имплантаты также обеспечивали доступ к рекреационным записям… но Ренфру всегда был слишком занят для подобных развлечений. Когда имплантаты начали отказывать — они изначально были рассчитаны на пару лет службы in vivo[5], до замены, — Ренфру попросту забыл о них.

Но что, если его имплантат снова заработал? Тогда неудивительно, что Соловьева не смогла увидеть рояль. Какая-то проекционная система взяла и включилась, выудив случайный фрагмент из развлекательных архивов, а оживший имплантат позволил ему это увидеть.

Значит, еще есть надежда.

---

[5] Примечания: 5
Внутри живого организма *(лат.)*.

— Добрый вечер.

Ренфру вздрогнул при звуке голоса. Его источник немедленно обнаружился: в конце рояля соткался из воздуха невысокий мужчина. Коротышка немного постоял, поворачиваясь в разные стороны так, словно приветствовал обширную, далекую и невидимую аудиторию. Его глаза — почти совсем скрытые за вычурными розовыми очками — лишь на кратчайшее мгновение встретились с глазами Ренфру. Мужчина устроился на стуле, который также появился у рояля, закатал рукава сливового пиджака в турецких огурцах и коснулся клавиш. Пальцы его были необычно короткими, но порхали по клавишам с удивительной легкостью.

Ренфру завороженно слушал. То была первая музыка, которую он слышал за последние два года. Коротышка мог бы сыграть какое-нибудь бескомпромиссно сложное атональное упражнение, и Ренфру все равно остался бы доволен. Но все оказалось намного проще. Мужчина играл на рояле и пел песню, которую Ренфру помнил — хоть и смутно — с детства. Уже тогда это была старая песня, но время от времени ее передавали по радио. Мужчина пел о путешествии на Марс. Это была песня о человеке, который не надеется

снова увидеть свой дом.

Это была песня о космонавте.

Ренфру соблюдал ритуал, который они с Соловьевой установили незадолго до ее смерти. Раз в неделю он непременно слушал, нет ли сигнала с Земли.

В последние недели ритуал стал сложнее. Связь между антенной и внутренними помещениями базы оборвалась, поэтому приходилось выбираться наружу. А значит, нужно было выполнить десатурацию, облачиться в скафандр, в одиночку дотащиться от шлюза до лестницы на боковой стороне модуля связи и осторожно подняться на крышу модуля, где на поворотном постаменте стояла антенна. Он не меньше получаса вычерпывал оставленную бурей пыль из поворотного механизма, прежде чем откинуть крышку панели ручного управления, включить систему и набрать на клавиатуре привычную строку команд.

Через несколько мгновений антенна начинала двигаться, со скрежетом преодолевая сопротивление пыли, которая уже просочилась во внутренности. Она раскачивалась и наклонялась в разные стороны, прежде чем замереть, направив сетчатый раструб в сторону Земли. Затем система ждала и слушала. Светодиоды мигали

на панели состояния, но ни один не загорался ярким ровным зеленым светом, означающим, что антенна поймала ожидаемый несущий сигнал. Время от времени огоньки мигали зеленым, будто антенна ловила призрачные отголоски откуда-то оттуда, — но тут же гасли.

Ренфру должен был продолжать попытки. Он больше не мечтал о спасении. Он смирился с мыслью о том, что умрет здесь, на Марсе, в одиночестве. И все же ему было бы легче, если бы он знал, что на Земле кто-то выжил, что люди могут начать возрождать цивилизацию. Было бы совсем замечательно, если бы они послали ему сигнал и сообщили, что у них происходит. Даже если выжило всего несколько тысяч человек, не так уж трудно вспомнить о колонии на Марсе и задаться вопросом, как у нее дела.

Но Земля молчала. В глубине души Ренфру знал, что сигнала не будет, сколько ни раскачивай антенну, сколько ни прислушивайся. К тому же скоро антенна сломается, и он не сможет ее починить. Выключив антенну и вернувшись на базу, он старательно записал свое имя в верхней части страницы журнала связи.

Обходя базу, Ренфру делал такие же записи во множестве других журналов. Он писал о полом-

ках и о своих бесплодных попытках ремонта. Вел учет запчастей и инструментов, внося сломанные или отработавшие ресурс предметы в заявку на пополнение запасов. Писал о здоровье растений в аэропонной оранжерее, рисовал листья, отмечал появление и исчезновение различных болезней. Делал отметки о марсианской погоде, которая испытывала базу на прочность, и в глубине души неизменно представлял, как Соловьева одобрительно кивает, довольная его упорным нежеланием впадать в варварство.

Но ни в одной из своих записей Ренфру не упомянул человека за роялем. Он не вполне понимал почему, но что-то мешало ему затрагивать тему видения. Ему казалось, что он может рационально объяснить появление рояля и даже личности, которая была запрограммирована на игру, и все же он до сих пор не был уверен, что ему это не мерещится.

Пианист тем не менее появлялся снова и снова.

Раз или два в сутки, почти каждый день, он возникал из небытия и играл одну или две песни. Иногда Ренфру присутствовал при этом; иногда он находился в другом месте базы, и тут начинала звучать музыка. Он неизменно бросал все дела,

бежал в рекреационный пузырь и слушал.

Мелодии почти не повторялись, и коротышка тоже всегда выглядел по-разному. Он постоянно менял костюмы, но дело было не только в этом. Временами у него была лохматая копна рыжеватых волос. Временами он сверкал лысиной или прятал ее под вычурными шляпами. На нем часто были смешные дизайнерские очки.

Мужчина не называл себя, но Ренфру пару раз казалось, что он вот-вот вспомнит его имя. Он мысленно перебирал имена музыкантов двадцатого века и не сомневался, что рано или поздно отыщет нужное.

Тем временем он обнаружил, что за разговорами становится легче. Между песнями мужчина иногда молча сидел, сложив руки на коленях, и словно ждал от Ренфру указаний или просьбы. Тогда Ренфру и заговорил вслух, высказав все то, что вертелось у него в голове после последнего осмотра. Он рассказал музыканту о проблемах с базой, о своем одиночестве, об отчаянии, которое испытывает, оттого что антенна не ловит сигналы с Земли. Мужчина просто сидел и слушал, и когда Ренфру закончил говорить — когда он завершил свой монолог, — расплел пальцы рук и начал что-то играть.

Время от времени мужчина говорил, но обращался, видимо, не к Ренфру, а к большой невидимой аудитории. Он рассказывал о песнях, шутил между номерами, предлагал заказывать музыку. Ренфру иногда отвечал, а иногда пытался уговорить пианиста сыграть одну из песен, которые тот уже исполнял, но, похоже, мужчина ничего не слышал.

И все же это было лучше, чем ничего. Хотя стиль музыки был довольно однообразным и одна или две песни начали время от времени действовать Ренфру на нервы, в целом он был счастливее, когда звучала музыка. Ему нравились песни «Song for Guy»[6], «I Guess that's Why They Call It the Blues» и «Tiny Dancer». Когда пианист играл, одиночество отступало.

Ренфру старательно ухаживал за могилой Соловьевой. Он помнил и других усопших, но Соловьева для него значила больше остальных: она ушла последней, она была последним человеком в его жизни. Убирать пыль с братской могилы — непосильный труд, но хотя бы о Соловьевой можно позаботиться. Иногда он ходил убирать ее могилу после того, как слушал сигналы с Земли;

---

[6] Примечания: 6

Здесь и далее упоминаются песни из репертуара Элтона Джона.

иногда выполнял десатурацию и надевал скафандр только ради Соловьевой; и каждый раз, возвращаясь на базу, он чувствовал себя очистившимся, обновленным, полным решимости прожить грядущие дни.

Надолго этого чувства не хватало. Но по крайней мере, уход за могилой на время рассеивал мрак.

Иногда уловки не срабатывали и кошмарная реальность представала перед ним во весь рост, но пока что ему удавалось мысленно захлопнуть дверь, как только зарождался крик. Время шло, и он немного адаптировался — мгновения ужаса стали совсем короткими, как пустые белые кадры, вставленные в фильм его жизни.

Находясь снаружи, он часто глядел на небо, особенно когда холодное солнце стояло низко и в светло-карамельном сумеречном небе загорались звезды. В его мозгу вспыхнула яркая и твердая, как алмаз, мысль: человечества больше нет, но разве это значит, что он последнее мыслящее существо во Вселенной? Возможно, там есть кто-то еще?

Как это изменило его чувства?

А что, если там действительно никого больше нет: только пустые световые годы, пустые парсе-

ки, пустые мегапарсеки, и так до самых дальних, самых тусклых галактик, дрожащих на краю видимой части Вселенной?

Что он чувствует в связи с этим? Холод. Одиночество. Свою хрупкость.

И, как ни удивительно, свою ценность.

Часть вторая

Недели сливались в месяцы, месяцы — в длинный марсианский год. База продолжала функционировать, несмотря на мрачные предчувствия Ренфру. Некоторые системы теперь казались даже более надежными, чем когда-либо после смерти Соловьевой, словно нехотя решили сделать вклад в его выживание. По большей части Ренфру был рад: не нужно беспокоиться, что база его подведет. Лишь в самые мрачные мгновения он хотел, чтобы база его убила, быстро, безболезненно, например, тогда, когда он спит или мечтает о лучших временах. Так он погибнет вполне достойно и не нарушит клятву, данную Соловьевой. Она не осудит его за то, что он желает такой смерти.

Но роковой неисправности все не было, и большую часть времени Ренфру удавалось не думать

о самоубийстве. Он полагал, что прошел через стадии гнева и отрицания и достиг чего-то вроде смирения.

Хорошо, что ему было с кем поговорить.

Он теперь часто беседовал с пианистом, не вполне отдавая себе в этом отчет. Странно, что пианист отвечал ему. С одной стороны, Ренфру прекрасно понимал, что это плод его воображения: мозг начал заполнять недостающую часть диалога на основе фраз, которые музыкант произносил между песнями. С другой стороны, ответы казались совершенно реальными и абсолютно неподвластными ему, как будто у него больше не было доступа к части мозга, порождавшей их. Возможно, это был своего рода психоз; но даже если так, эффект оказывался благотворным и даже умиротворяющим. Сохранить разум за счет небольшого самоуправляемого помешательства, связанного только с пианистом, — не такая уж высокая цена.

Он до сих пор не знал настоящего имени музыканта. Оно вертелось у него на языке, но Ренфру все не мог его припомнить. Пианист не давал подсказок. Он называл песни, часто рассказывал увлекательные подробности о них, но никогда не говорил, как его зовут. Ренфру попытался

получить доступ к программным файлам системы воспроизведения, но вскоре ему надоело пролистывать бесчисленные варианты. Он мог бы копнуть поглубже, но боялся нарушить то хрупкое волшебство, которое вернуло к жизни пианиста. Ренфру решил, что лучше оставаться в неведении, чем рисковать утратой хоть и призрачного, но товарища.

— Не очень-то у меня интересная жизнь, — сказал Ренфру.

— Пожалуй. — Пианист посмотрел в окно, за которым были похоронены остальные колонисты.

— Но по правде говоря, это намного лучше альтернативы.

— Наверное, — с сомнением протянул Ренфру. — Но что мне делать до конца своих дней? Не могу же я просто болтаться по базе, пока не упаду замертво.

— Что ж, выбор всегда есть. Может, заняться чем-нибудь более осмысленным?

Пианист коснулся клавиш, наигрывая мелодию.

— Научиться играть на рояле? А какой в этом смысл, пока ты рядом?

— Не рассчитывай на то, что я всегда буду рядом. Но вообще-то, я имел в виду чтение. Здесь

же есть книги? Настоящие бумажные книги.

Ренфру представил, как пианист изображает открывание книги, и кивнул без особого энтузиазма:

— Почти тысяча.

— Представляю, во сколько это обошлось — привезти их сюда.

— Их не привозили… большинство, по крайней мере. Напечатали здесь на переработанной органике. Их печатали и переплетали в автоматическом режиме, и можно было запросить экземпляр чуть ли не любой книги, которую когда-либо напечатали. Разумеется, это больше не работает… тысяча книг — все, что осталось.

— Ренфру, ты уже это знаешь. Зачем ты рассказываешь мне?

— Потому что ты спросил.

— И то верно. — Пианист поправил очки на переносице. — Тысяча книг — это немало, тебе хватит надолго.

Ренфру покачал головой. Он уже просмотрел книги и знал, что интересных куда меньше тысячи. Большинство книг напечатали развлечения ради — с техническими журналами и документацией можно было свериться в любой момент с помощью глазных имплантатов или

наладонников. Не меньше двухсот изданий предназначались для детей и подростков. Еще три сотни были напечатаны на русском, французском, японском и других незнакомых ему языках. У него было время, но не все время в мире.

— И сколько остается книг, которые ты готов прочитать? Сотен пять?

— Не совсем, — ответил Ренфру. — Я пытался читать беллетристику. Не стоит. Очень тоскливо читать о том, как другие люди жили своей жизнью до Катастрофы.

Пианист взглянул на него поверх очков:

— Тебе не угодишь. И что останется, если отбросить беллетристику?

— Остальное не лучше. Дневники путешественников… биографии исторических деятелей… атласы и книги по естествознанию… все это напоминает мне о том, чего я больше никогда не увижу. Я больше никогда не промокну под ливнем. Не услышу птиц, не увижу моря, не…

— Хватит, я понял. Вычеркни также подарочные издания. Все равно гостей, которые любят их листать, можно не ждать.

Ренфру сделал это. Гора книг становилась все меньше. Остались философские труды: «Философские исследования» Витгенштейна, «Бытие

и ничто» Сартра, «Слова и вещи» Фуко, десяток других.

— Кто их напечатал?

— Не знаю.

— Должно быть, парень был чертовски одинок. И как они тебе?

— Я старался как мог.

Ренфру пролистал их, очарованный и вместе с тем неприятно пораженный плотностью философских рассуждений. Да, авторы пытались разобраться в главных вопросах, занимавших человечество. Но книги были почти совсем оторваны от всего, что Ренфру считал повседневной реальностью, и он мог обращаться к ним, не испытывая горечи утраты и ужаса, которой сопровождалось чтение других книг. Не то что бы он отметал доводы философов как бессмысленные, но, поскольку в книгах говорилось о человечестве в целом, это было намного менее болезненно, чем когда Ренфру приходилось думать о каком-нибудь другом человеке. Он был в состоянии смириться с гибелью человечества.

Мысль об утрате конкретного человека — вот что было поистине невыносимо.

— Стало быть, немецкие зануды тебе зашли. Хорошо. Что еще?

— Ну, есть еще Библия, — ответил Ренфру.

— Ты ее читал?

— С религиозным рвением. — Ренфру пожал плечами. — Извини. Так себе шутка.

— А теперь… после Катастрофы?

— По правде говоря, я начал задумываться о том, о чем раньше никогда не думал. Зачем мы здесь? Зачем я здесь? Что все это значит? Что все это будет значить, когда меня не станет? Впрочем, найти толковые ответы я не надеюсь.

— Возможно, ты не там ищешь. Что еще осталось от твоей кучи книг?

— Научная литература, — ответил Ренфру. — Математика, квантовая физика, теория относительности, космология…

— Разве ты не говорил, что все это можно было читать с наладонников?

— Это что-то вроде учебников. Не передовой край науки, но и не безнадежно устаревшие сведения. Для кого-то это было легким чтивом.

— Похоже, именно то, что тебе нужно. Вряд ли это сильно действует на нервы. Мне казалось, ты тоже был ученым.

— Геологом, — подтвердил Ренфру. — Не нужно разбираться в тензорной алгебре, чтобы изучать камни.

— Учиться никогда не поздно. У тебя полно времени. И если начистоту, это должно быть проще, чем выучить японский.

— Наверное. Но ты так и не сказал, ради чего мне утруждаться.

Пианист посмотрел на него с внезапной серьезностью. Зеркальные стекла его очков казались окнами, пробитыми в сияющий серебряный мир.

— Ради того, о чем ты только что говорил. Ради ответов на вопросы, которые ты ищешь.

— И что, несколько учебников по физике вправду что-то изменят?

— Зависит от тебя. Все зависит от того, действительно ли ты хочешь понять. Насколько глубоко хочешь заглянуть.

Пианист снова повернулся к клавишам и начал играть «Saturday Night's Alright for Fighting».

Пианист был прав. Все зависело от того, насколько глубоко он хотел заглянуть.

Но разумеется, дело было не только в этом. Его подстегивало что-то еще. Странно, но он чувствовал, что несет некую обязанность, словно на его плечах лежало ниспосланное свыше бремя. Он больше не сомневался, что остался последним человеком, и давно уже не надеялся,

что на Земле кто-то выжил. Разве не должен он поэтому прийти к итоговому пониманию того, что значит быть человеком? Свить воедино разрозненные нити из доступных ему книг? Он знал, что у его успеха будет лишь один свидетель. Но ему казалось, что если он потерпит неудачу, то подведет миллиарды живших до него. Он почти физически ощущал, как их ожидания ложатся на него тяжким бременем из прошлого, побуждая обрести то непростое понимание, которое вечно ускользало от этих людей. Они мертвы, но он еще жив, и теперь они заглядывают ему через плечо, с нетерпением ожидая, что он решит загадку, которая оказалась им не по зубам.

— Привет, гений! — поздоровался пианист через неделю после того, как Ренфру углубился в исследования. — Еще не разгадал тайну Вселенной?

— Не валяй дурака. Я только начал.

— Ладно-ладно. Но насколько я понимаю, ты чуточку продвинулся.

На пианисте был сверкающий белый костюм и огромные очки в форме звезд. Он то и дело усмехался и наигрывал не самые удачные свои мелодии.

— Смотря что ты имеешь в виду… Если то, что

я усердно читаю и пока мне все более или менее понятно… — Он пожал плечами. — Пока все просто.

— Ага.

— Но я не питаю иллюзий, что так будет всегда. Вообще-то, я прекрасно понимаю, что станет намного сложнее. Сейчас я наверстываю упущенное и даже не пытаюсь выйти за рамки существующих теорий.

— Ясно. Нечего учиться бегать раньше, чем ходить.

— Вот именно.

Пианист пробежал пальцами по клавишам, сыграв бурное глиссандо.

— Но ты же расскажешь мне о том, что успел узнать?

— Тебе действительно интересно?

— Ну конечно! Иначе я бы не спрашивал.

Он рассказал пианисту о том, что успел узнать.

Он ознакомился с двуединой историей космологии и квантовой механики, двух ветвей человеческой мысли, зародившихся в начале двадцатого века. Одна имела дело с бескрайним и древним, другая — с микроскопическим и эфемерным. Космология изучала галактики и сверхскопления галактик, движение галактик и расширение

Вселенной. Квантовая механика имела дело с бурлящим, не поддающимся определению котлом субатомной реальности, в которой можно было одновременно находиться в нескольких местах, а совершенно незыблемые концепции, такие как расстояние и одностороннее течение времени, становились до неприличия гибкими.

Изучение концепций классической космологии требовало богатого воображения и способности воспринимать пространство и время как разные грани единого целого. Но стоило Ренфру сделать эту мысленную поправку — что стало немного проще благодаря практике, — как остальное сделалось лишь вопросом проработки масштаба и деталей. Он словно держал в уме архитектурный образ просторного темного собора. Поначалу требовалось громадное усилие воли, чтобы вообразить основные компоненты здания: хоры, неф, трансепты, шпиль. Постепенно, однако, эти базовые элементы закрепились в его сознании, и он смог сосредоточиться на декоре, контрфорсах и горгульях. Освоив классическую космологическую модель, он без особого труда пересмотрел свой мысленный архитектурный план, чтобы включить в него инфляционную космологию и модели, разработанные позже. Масштаб ста-

новился все грандиознее, ракурсы все смелее, но он был в состоянии представить что угодно внутри некой метафорической структуры, будь то идея галактик, нарисованных на поверхности раздувающегося воздушного шара, или «фазовый переход» воды, тающей в замерзшем бассейне.

С квантовой механикой этот фокус не прошел. Ренфру очень быстро понял, что математика — единственный способ понять квантовую механику; больше ничто не помогало. В повседневной человеческой жизни не было подходящих метафор, чтобы визуализировать корпускулярно-волновой дуализм, принцип Гейзенберга, квантовую нелокальность или любое другое парадоксальное свойство микроскопического мира. Человеческий разум просто не создал подходящих мыслительных инструментов, чтобы воспринимать квантовые концепции в сжатом виде. Попытки «понять» их в повседневных терминах были тщетными.

Ренфру было бы непросто с этим смириться, не окажись он в хорошей компании. Почти все великие мыслители, которые имели дело с квантовой механикой, так или иначе сталкивались с этой проблемой. Одни смирились, другие сошли в могилу с неотступным подозрением, что

под изменчивой неопределенностью квантовой механики лежит слой привычного Ньютонова порядка.

Даже если квантовая физика была «верна», как это туманное представление о реальности согласовывалось с жесткими положениями общей теории относительности? Обе концепции на удивление точно предсказывали поведение Вселенной в областях своего применения, но все попытки объединить их провалились. Квантовая механика давала абсурдные результаты, если ее применяли к макроскопическим объектам реального мира: котам, ящикам, роялям «Бёзендорфер», сверхскоплениям галактик. Общая теория относительности пасовала, если ее применяли к крохотным объектам, будь то Вселенная через мгновение после Большого взрыва или бесконечно плотное и бесконечно компактное ядро черной дыры.

Мыслители уже три четверти века безуспешно гонялись за этой мифической единой теорией. Но что, если на момент Катастрофы все части головоломки собрали и надо было только окинуть их свежим взглядом?

«Как знать?» — подумал Ренфру. И улыбнулся. Не слишком ли самонадеянно — думать, что он

добьется успеха там, где остальные потерпели неудачу? Возможно, но, с учетом уникальности его ситуации, нет ничего невероятного. И даже если он не преуспеет в решении главной задачи, на этом пути его могут ждать полезные откровения.

По крайней мере, будет чем заняться.

И все же он забегает вперед. Необходимо понять квантовую механику, прежде чем он сможет разрушить ее и заменить на что-нибудь более блестящее и элегантное. На то, что будет полностью согласовываться с каждым подтвержденным предсказанием общей теории относительности и полностью объяснит все мелкие расхождения в наблюдениях… и в то же время позволит делать новые предсказания, которые можно проверить.

— Ты уверен, что все еще хочешь через это пройти? — спросил пианист.

— Да, — ответил Ренфру. — Больше, чем когда либо.

Его товарищ посмотрел на братскую могилу.

— Что ж, это твои похороны.

И заиграл «Candle in the Wind».

Ренфру снова включил антенну. Она со скрежетом вернулась к жизни; шестеренки с трудом преодолевали сопротивление просочившейся пыли, наводя тарелку на цель. Были сумерки,

Земля сверкала яркой точкой в нескольких градусах над горизонтом. Антенна зафиксировалась. Ренфру посмотрел вдоль главной оси, желая убедиться, что устройство и вправду направлено на планету, а не в сторону из-за дефекта механики или программы. Как и всегда — насколько он мог судить, — тарелка была направлена на Землю.

Он ждал, пока вспыхнут огоньки на панели состояния. Несмотря ни на что, в нем теплилась надежда, что мигающий сигнальный светодиод загорится ровным зеленым светом. Это означало бы, что антенна предположительно поймала радиопередачу.

Несмотря ни на что, в нем теплилась надежда, что кто-то еще посылает сигналы.

Но панель сообщила то же, что и всегда. Без шансов; не слышно ничего, кроме потрескивания межпланетных помех.

Ренфру нажал на кнопки, чтобы убрать тарелку, и отошел от панели управления, наблюдая, как механизм убирает антенну, чтобы она в целости и сохранности ожидала следующего положенного визита.

На панели что-то сверкнуло: светодиод на мгновение загорелся и тут же погас. Для Ренфру это было подобно блеску золота в ручье для ста-

рателя. Он неоднократно наблюдал за тем, как убирается антенна, но светодиод в лучшем случае тускло мерцал. На этот раз он загорелся слишком четко, слишком ярко для случайной помехи. Нет, точно не показалось.

Он велел себе сохранять спокойствие. Если бы светодиод загорелся, когда антенна была направлена на Землю, — что ж, это могло бы что-то значить. Могло бы. Но механизм убирал антенну, и она всего лишь скользила по пустому небу.

И все же в космосе полно радиосигналов, но сколько из них попадает в узкий диапазон частот, на который настроена антенна? Возможно, она и вправду что-то поймала, если электронная начинка не пришла окончательно в негодность.

Есть только один способ узнать.

Ренфру направил тарелку обратно на Землю. Он пристально следил за панелью, поскольку в прошлый раз не обращал на нее внимания во время движения антенны.

И вот она: та же самая вспышка. Увидев ее во второй раз, он понял, что светодиод загорался и гас строго определенным образом.

Как будто антенна скользила по источнику мощного радиоизлучения.

Как будто там что-то было.

Ренфру дал задний ход и повторил цикл, на этот раз вручную наводя антенну на сигнал. Он покачивал тарелку в разные стороны, пока не решил, что светодиод горит ярче всего, после чего уставился на ровный зеленый свет с нарастающим опасливым удивлением.

Он записал координаты источника, памятуя, что наткнулся на него благодаря чистой случайности и что необязательно поймает таинственный сигнал, убирая антенну через день или через неделю. Но если записать положение источника и следить за ним час за часом, а затем день за днем, он по крайней мере сможет понять, что это — движущийся в Солнечной системе объект или далекий источник радиоизлучения за пределами Галактики, который только кажется искусственным.

Ренфру боялся делать далеко идущие выводы. Но если это местный объект, если он находится в Солнечной системе… последствия могут быть весьма серьезными.

Особенно для него.

Волнение Ренфру сдерживалось осторожностью. Он пообещал себе не говорить о сигнале с пианистом, пока не уверится, что объект и вправду отвечает всем его надеждам и является

материальным подтверждением того факта, что кто-то выжил.

Он предполагал, что открытие помешает ему сосредоточиться на изысканиях, подобно тому как ученики отвлекаются на происходящее за окном. К его удивлению, все оказалось наоборот. Вероятность того, что будущее таит сюрпризы, что оно не предопределено, что он необязательно умрет в одиночестве и необязательно на Марсе, подстегнула любознательность Ренфру. Он удвоил усилия в попытке разобраться с квантовой механикой, проглатывал залпом страницы текста, который еще несколько дней назад казался непонятным и непостижимым, а теперь был совершенно ясным, прозрачным, даже детским в своей простоте. Он начал смеяться от радости при каждом ощутимом шаге к намеченной цели. Он почти не ел и пренебрегал некоторыми не слишком важными обязанностями по техническому обслуживанию базы. И когда источник радиоизлучения не исчез — все сильнее казалось, что некий объект приближается к Марсу, — к Ренфру пришло чувство, что он участвует в гонке; что он в каком-то смысле обязан справиться с задачей до того, как прибудет источник; что его откровений будут ждать.

По ночам к нему приходили космологические сны, становясь все более грандиозными и амбициозными, по мере того как ширились его научные знания. С лихорадочным ощущением повторения он подвел итог истории Вселенной, от первого мгновения ее существования до величественного симфонического расцвета разума.

В начале не было ничего: ни пространства, ни времени, ни даже понятия бытия, и в то же время он ощущал трепет некой возможности, как будто ничто балансировало на грани грандиозной неустойчивости, словно нерожденная Вселенная отчаянно хотела воплотиться. Так случалось с еженощной неминуемостью: не столько взрыв, сколько настройка тонкого часового механизма. Хитроумно упакованные структуры разворачивались невероятно быстро, трансформируясь в вакуум, расширяющийся со сверхсветовой скоростью. Ренфру снилось, как симметрии разламываются на части, как масса и энергия разделяются, как сила и материя образуют сложные структуры. Ему снилось, как атомы стабилизируются, потом объединяются в молекулы и кристаллы и эти простые строительные блоки дают начало химии. Ему снилось, как из газа конденсируются галактики, как в этих галактиках на

мгновение вспыхивают сверхмассивные юные звезды. Каждое следующее поколение звезд было стабильнее предыдущего. Звезды эволюционировали и умирали, творя металлы и выкашливая их в межзвездное пространство. Из этих металлов конденсировались миры — сперва раскаленные и обжигающие; затем кометы проливались на их кору дождем, гася жар и даруя океаны и атмосферу.

Ему снилось, как стареют миры. В некоторых условия благоприятствовали развитию микроскопической жизни. Но Вселенной пришлось стать намного старше и больше, прежде чем появилось кое-что поинтереснее. И даже тогда миры, где животные вышагивали по дну морей, прежде чем выползти на сушу, сочась слизью, были редкими и драгоценными.

Еще реже встречались миры, где этим животным удавалось осознать себя. И все же раз или два в миллиард лет такое случалось. Иногда живые существа даже осваивали инструменты, изобретали языки и обращали свои взоры на звезды.

Ближе к концу одного из наиболее ярких космологических снов Ренфру задумался о редкости разума во Вселенной. Перед ним расстилалась галактика, в спиральных кремово-белых ру-

кавах которой то и дело вспыхивали рубины холодных сверхгигантов и пронзительно-синие искры самых жарких звезд. Он видел на спирали галактики несколько свечей, какими прежде украшали праздничные торты. Их было около десятка, раскиданных беспорядочно, — неровная полоса, не слишком близкая ни к ядру галактики, ни к внешним краям. Огни свечей слегка колебались, а затем один за другим стали гаснуть.

Пока не осталась всего одна свеча. По правде говоря, она была даже не самой яркой из десятка.

Ренфру охватило страшное беспокойство из-за уязвимости этой одинокой свечи. Он искал над плоскостью галактики и под ней, искал в соседних галактиках, но свечей нигде больше не было.

Ему отчаянно хотелось обнять эту последнюю свечу, защитить от ветра и сохранить живое пламя. Он услышал, как пианист поет: «И мне кажется, что ты прожила свою жизнь…»

Свеча погасла.

Кругом была пустота. Ренфру, охваченный дрожью, проснулся, бросился в раздевалку, затем к шлюзу и, наконец, к ждущей его антенне, чтобы вновь поймать тот радиосигнал.

— Мне кажется, я понял, — сказал он пиани-

сту. — Жизнь должна быть, чтобы наблюдать за Вселенной, иначе во всем этом нет никакого смысла. Это как концепция наблюдателя в квантовой механике: он сводит неопределенную систему к единственной возможности, открывает ящик и принуждает кота выбирать между жизнью и смертью…

Пианист снял очки и протер их рукавом. С минуту он молчал, удостоверяясь, что стекла чистые, и лишь потом водрузил очки обратно на нос.

— Так вот о чем ты думаешь? Это и есть твое великое озарение? Что Вселенная нуждается в наблюдателе? Что ж, открывайте шампанское. Хьюстон, у нас результат.

— Это лучше, чем ничего.

— Верно. И как только Вселенная справлялась пятнадцать миллиардов лет, пока мы не предъявили ей разумного наблюдателя? Ты правда утверждаешь, что все было туманным и неопределенным, пока некоему безымянному пещерному человеку не явилось космическое откровение? Что внезапно вся квантовая история каждой частицы в видимой Вселенной — вплоть до самого далекого квазара — замерла в одном определенном состоянии только потому, что у

некоего болвана в медвежьей шкуре мозги были устроены чуточку иначе, чем у его предка?

Ренфру вспомнил свой сон о галактическом диске, утыканном свечами.

— Нет… я этого не говорил. Были и другие наблюдатели до нас. Мы всего лишь последние.

— А эти другие наблюдатели — они были постоянно? Неразрывная череда, до первого мига творения?

— Вовсе нет. Разумеется, Вселенной пришлось достичь некоего минимального возраста, прежде чем сложились условия для развития жизни… разумной жизни. Но как только это произошло…

— Но это же чушь, детка. Какая разница, сколько времени никто не наблюдает за Вселенной — секунду или десять миллиардов лет? По мне, так никакой.

— Послушай, я стараюсь, ясно? Как могу. В любом случае… — Ренфру испытал внезапный прилив вдохновения. — Нам и не нужны другие наблюдатели. Мы наблюдали всю историю Вселенной за счет красного смещения: чем оно больше, тем глубже в прошлое мы заглядывали. Все потому, что скорость света конечна. В противном случае информация из самых отдаленных уголков Вселенной достигала бы нас мгновенно

и мы не могли бы видеть предыдущие эпохи.

— Черт возьми, парень, ты говоришь как космолог.

— Возможно, я мог бы им стать.

— Только не пытайся построить на этом карьеру, — ответил пианист и, сердито покачав головой, заиграл «Bennie and the Jets».

Через неделю Ренфру сообщил пианисту новость. Его товарищ наигрывал на рояле призрачный мотив, который еще не соткался в настоящую музыку.

— И ты до сих пор мне ничего не сказал? — воскликнул пианист с уязвленным и разочарованным видом.

— Мне надо было все проверить. Надо было проследить за сигналом, удостовериться, что мне не показалось и он действительно заслуживает внимания.

— И?..

Ренфру улыбнулся:

— Я думаю, он действительно заслуживает внимания.

Пианист сыграл несколько нот-льдинок и саркастично обронил:

— Неужели?

— Я серьезно. Это навигационный сигнал

радиомаяка космического корабля. Он повторяет один и тот же код, снова и снова. — Ренфру наклонился поближе. Он облокотился бы о голографический рояль, если б мог. — Он становится сильнее. То, что издает этот сигнал, приближается к Марсу.

— Не факт.

— Возможно. Но эффект Доплера тоже нужно учитывать. Частота сигнала немного меняется день ото дня. Если сложить эти два факта, получится, что корабль корректирует курс для выхода на орбиту.

— Повезло тебе.

Ренфру отошел от рояля. Он не ожидал, что его товарищ воспримет новость настолько равнодушно.

— Корабль приближается. Разве ты не рад за меня?

— Я вне себя от восторга.

— Не понимаю. Я же так этого ждал: новости, что кто-то выжил, что ничего еще не закончилось.

Впервые за время их знакомства Ренфру повысил голос на пианиста:

— Какого черта ты воротишь нос? Ревнуешь при мысли, что не будешь моим единственным

товарищем на веки вечные?

— Ревную? Вряд ли.

Ренфру пробил кулаком белое ничто рояля.

— Так покажи, что тебе не все равно!

Пианист убрал руки с клавиш. Он осторожно закрыл крышку и сложил руки на коленях, как в тот раз, когда Ренфру впервые увидел его, посмотрел на Ренфру с равнодушным видом — и даже если по его глазам можно было что-то прочитать, их надежно скрывали очки со стеклами в форме звезд.

— Показать, что мне не все равно? Без проблем. Ты совершаешь огромную ошибку.

— Это не ошибка. Я знаю. Я все перепроверил…

— Все равно ошибка.

— Корабль приближается.

— Что-то приближается. Возможно, совсем не то, что ты ожидаешь увидеть.

Ренфру закипел от ярости:

— С каких это пор ты знаешь, чего я ожидаю и чего нет? Ты всего лишь кусок программного кода.

— Как скажешь, милый. Только напомни: когда в последний раз программный код пробуждал в тебе искренний интерес к фундаментальному устройству Вселенной?

Ответить было нечего. Но надо было что-то сказать.

— Они приближаются. Я знаю, что они приближаются. Все будет хорошо. Вот увидишь, когда корабль придет.

— Ты причинишь себе немало вреда.

— Как будто тебе не все равно. Как будто тебе может быть не все равно.

— Ренфру, ты нашел способ сохранить здравый рассудок, пусть для этого пришлось впустить в свой мир кусочек безумия, играющий на рояле. Но за здравый рассудок нужно платить, и не мне. Цена заключается в том, что ты не можешь позволить себе даже проблеск надежды, потому что надежды всегда разбиваются вдребезги; и когда твои надежды разобьются, ты погибнешь так же верно, как если бы принял медленный яд. — Пианист посмотрел на Ренфру с внезапным интересом ученого. — Как по-твоему, сколько фиаско ты способен выдержать, парень? Одно, два, три? Я бы не поставил на три. Мне кажется, три сотрут тебя в порошок. Два повергнут в пучину отчаяния.

— Что-то приближается, — жалобно произнес Ренфру.

— Какое-то время мне казалось, что у тебя

хватит мужества пройти через это. Я думал, ты оставил надежду, выгнал ее за порог. Но ошибался: ты вновь впустил ее в дом. Теперь она будет ходить за тобой по пятам, словно голодный полоумный волк.

— Это мой волк.

— Еще не поздно прогнать его прочь. Ренфру, не подведи меня. Я надеюсь, ты не испортишь все, чего мы достигли.

Той ночью Ренфру снились не космологические построения, а что-то более странное и беспокойное. То был не сон о прошлом, потому что он научился гнать их прочь: печаль и тоска об утраченном при пробуждении были невыносимы. И не столь же тревожный сон о гостях, о людях, которые спускаются с холодного ясного неба рядом с базой. Они входили в шлюз с цветами — гавайскими гирляндами — и совершенно бесполезными, но любовно завернутыми в красивую бумагу подарками. Их лица поначалу казались незнакомыми, но к концу каждого визита, как раз перед пробуждением, они начинали превращаться в старых друзей и близких. Ренфру еще не научился гнать прочь подобные видения и, учитывая новость о радиосигнале, не сомневался, что как минимум одно из них отравит его сон в

ближайшие дни.

Но этот сон был не таким. В нем Ренфру встал с постели посреди ночи, словно лунатик, прокрался по коридорам в медицинскую лабораторию, где умерла Соловьева, и засунул голову в один из еще работавших сканеров. На главном экране появился мерцающий сиреневый снимок его черепа. Вынув голову из сканера и изучив распечатку, он обнаружил, что его оптические имплантаты не функционируют уже много лет; он никак не мог увидеть «Бёзендорфер», не говоря уже о разговорчивом призраке, который на нем играет.

Проснувшись утром, Ренфру не смог заставить себя заглянуть в медицинскую лабораторию: вдруг он уже побывал там ночью.

Днем он пристально следил за радиосигналом. Тот становился все сильнее и демонстрировал эффект Доплера, быстро перемещаясь на фоне звезд в зоне притяжения Марса. Затем сигнал изменился, превратившись во всплески другого двоичного шума, такого же бессмысленного. Он наверняка что-то значил — Ренфру знал это и усилил бдительность.

На следующий день метеор пронесся по сумеречному небу, оставив за собой огненный след, и упал за ближней грядой холмов, под темным

зонтом парашютов.

— Пойду погляжу, где они приземлились, — сказал Ренфру.

— Далеко?

— Не знаю, насколько далеко. Вряд ли дальше западного маркера.

— До него целых двадцать километров.

— Я возьму машину. Она еще на ходу.

— Ты никогда не ездил на ней один. Если что-то пойдет не так, обратная дорога будет долгой.

— Все будет хорошо. Я поеду не один.

Пианист начал что-то говорить, но Ренфру не слушал.

Он выполнил десатурацию, надел скафандр, забрался в скелетообразный багги и отправился встречать гостей. Пока машина с сетчатыми колесами подскакивала и виляла на пути к горизонту, Ренфру испытывал волнение и восторг, будто собирался на свидание с прекрасной и таинственной незнакомкой, которая могла стать его любовницей к концу вечера.

Но когда он перевалил гряду и увидел упавший корабль, то понял: внутри нет человека, который привел его на Марс. Аппарат был слишком мал для этого и не мог оказаться даже возвратным модулем большого корабля, кружащего по орби-

те. Всего лишь грузовой контейнер, тупоносый цилиндр размером с микроавтобус. Он запутался в своих парашютах и сдутых газовых подушках, которые развернул перед ударом о землю.

Ренфру припарковал багги и десять минут убирал ткань с двери грузового контейнера. При повторном вхождении в атмосферу наклейки, флаги и информационные таблички сгорели почти дотла, но Ренфру знал, что́ нужно делать. Когда база еще была обитаема, он иногда вытягивал короткую соломинку и ездил за грузовым контейнером, который падал в стороне от обычного посадочного маяка.

Он сожалел, что это не корабль с экипажем, но грузовой контейнер — тоже неплохо. Возможно, они все-таки смогли наладить инфраструктуру. Посылать пилотируемый корабль было бы слишком накладно, понятное дело. Но им все равно хватило духу не забыть о Марсе, даже если они смогли отправить всего лишь одноразовый грузовой контейнер. Он должен быть благодарен и за это. В контейнере запросто могут оказаться ценные лекарства и детали механизмов, что избавит его от ряда насущных проблем. Они могли даже прислать, в качестве знака доброй воли, кое-какие предметы роскоши: из тех, что у

синтезаторов получались не слишком хорошо.

Ренфру коснулся бронированной панели рядом с дверью, за которой находился пиротехнический механизм отделения. Но прежде чем он открыл ее, его внимание привлекла одна из обугленных надписей. Это была информационная табличка с буквами, нанесенными по трафарету.

HTCV-554
ГРУЗОВОЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРАБЛЬ
ДЛЯ ПЕРЕЛЕТА ПО ЭЛЛИПСУ ГОМАНА
ЗАПУСК ЗАПЛАНИРОВАН: КАГОСИМА 05/38
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ: БАЗА «ФАРСИДА», МАРС
ГРУЗ: ЗАПАСНАЯ ЛАЗЕРНАЯ ОПТИКА
ВЛАДЕЛЕЦ: «КОРПОРАЦИЯ РАЗВИТИЯ МАРСА»

Согласно информационной табличке, грузовой контейнер должны были запустить с космодрома Кагосимы за месяц до того, как разразилась эпидемия. Возможно, табличка содержала неправильную информацию; возможно, контейнер подготовили, снабдили надписью и держали на стартовой площадке, пока эпидемия не пошла на убыль и не началось возрождение…

Но зачем посылать ему стекло?

Ренфру с невыносимой ясностью понял, что корабль не держали на стартовой площадке. Он

был запущен именно тогда, когда планировали его владельцы, вовремя, с грузом прецизионной оптики, которая могла бы очень пригодиться раньше, когда база была полностью обитаема и они нуждались в стабильных поставках лазерной оптики для изыскательских работ.

Но где-то между Землей и Марсом грузовой контейнер сбился с пути. Когда разразилась эпидемия, контейнер потерял связь с наземной системой отслеживания, которая должна была указывать путь. И все же он не затерялся в межпланетном пространстве. Тупая навигационная система заставила его сделать лишнюю петлю вокруг Солнца для экономии топлива, прежде чем наконец поймала сигнал марсианского маяка.

Ренфру, вероятно, засек контейнер вскоре после этого.

Он побрел обратно к багги, забрался в открытый кузов, сел на место водителя и даже не стал пристегиваться. Он следил за своим дыханием. Разочарование еще не оглушило его, но он чувствовал, что оно приближается, скользит, как хорошо смазанный поршень. Ему придется несладко, когда оно нахлынет. Навалится на грудь всей тяжестью Вселенной. Выдавит из него жизнь; вынудит открыть лицевой щиток шлема,

если он не успеет добраться до дома.

Пианист был прав. Он позволил надежде вернуться в его мир, и теперь надежда заставит его заплатить.

Он включил максимальную скорость. Багги забуксовал, взметая пыль, и рванул с места. Ренфру покатил прочь от грузового контейнера, не желая на него смотреть, не желая даже ловить его отражение в зеркалах заднего вида.

До базы оставалось пять километров, когда он налетел на булыжник и машина перевернулась. Ренфру полетел кувырком с водительского места, и последним, что он увидел — последним, что он запомнил, — был острый край скалы, который должен был разбить его лицевой щиток.

Часть третья

И все же Ренфру очнулся.

Сознание стремительно вернулось к нему и оказалось кристально ясным. Он помнил все, помнил аварию вплоть до последней секунды. Похоже, это случилось всего несколько минут назад: он почти чувствовал вкус крови во рту. И в то же время воспоминание казалось нечеловечески давним, окаменевшим до твердости и

хрупкости коралла. Он находился на базе, а не рядом с разбитым багги. Сквозь слипшиеся от сна щелки глаз виднелся знакомый интерьер. Он пришел в себя на той самой лазаретной койке, где умерла Соловьева. Он поднял руку, коснулся лба, вздрогнул, вспомнив, как камень разбил щиток, еще раз вздрогнул, вспомнив, как камень на мгновение коснулся кожи, как кожа надавила на кость, как кость поддалась этому давлению, когда край камня проломил его череп, подобно тому как атомный ледокол разбивает твердый арктический паковый лед.

Кожа под пальцами была гладкой, невредимой. Он коснулся подбородка и почувствовал щетину — той же длины, с которой он отправился к контейнеру. Мышцы затекли, но это было вполне естественным после тяжелого рабочего дня. Он сел на койке, коснулся босыми ногами холодного керамического пола. На нем был нижний комбинезон, который он надел под скафандр, прежде чем выйти наружу. Но этот комбинезон казался более чистым и накрахмаленным, чем ему помнилось, и, когда он посмотрел на рукав, там не было привычных дыр и потертостей.

Двигаясь все увереннее с каждым шагом, Ренфру подошел к окну медицинской лаборатории.

Он помнил отражение лица Соловьевой в стекле, когда та узнала о рояле. Тогда были сумерки, теперь же — середина дня. По мере того как он стряхивал остатки сна, глаза начинали различать детали и текстуры с неведомой доселе ясностью.

Снаружи были странные предметы.

Они располагались между базой и предгорьем, словно шахматные фигуры, случайным образом расставленные в пыли. Определить их высоту было сложно — то ли несколько метров, то ли несколько десятков метров, — поскольку пространство между фигурами и базой было каким-то смутным и ускользающим, что мешало Ренфру прикинуть расстояние. Не мог он с уверенностью описать и форму объектов. То ему виделись вполне материальные глыбы кристаллов, наподобие турмалина с красно-зелеными переливами, то витражные окна, пробитые в самом сердце реальности, то призматические структуры, существовавшие только в том смысле, что у них были края и углы, без поверхностей и внутреннего объема. И при этом между разными формами не наблюдалось никаких переходов.

Он немедленно понял, что формы живые и знают о нем, но страха не испытал.

Ренфру отправился в раздевалку, пересчитал

исправные скафандры и убедился, что их количество не изменилось после аварии. Никаких следов повреждений у шлемов на полке.

Он оделся и вышел в марсианский день. Фигуры были на месте, окружая базу, подобно выветрившимся камням огромного неолитического кромлеха. И все же они, казалось, стали ближе и больше, преображаясь сильнее и быстрее. Они заметили его появление и были рады ему; этого они и ждали.

Он по-прежнему не испытывал страха.

Одна из фигур, на вид больше других, поманила Ренфру к себе, и земля поплыла и вздыбилась под ним, побуждая сократить дистанцию. Превращения стали еще более лихорадочными. Монитор скафандра сообщал, что воздух снаружи такой же холодный и разреженный, как всегда, но сквозь шлем доносился звук, какого Ренфру не слышал за все свое пребывание на Марсе. То была череда высоких дрожащих нот, подобных звукам стеклянной гармоники, и их издавали пришельцы. В них слышались восторг и ожидание. Ренфру должен был бы прийти в ужас, впасть в ступор — но только стал сильнее.

Он осмелился поднять взгляд.

Если пришельцы, которые собрались вокруг

базы, были экипажем, то нечто, нависшее над базой, — нечто, занявшее три пятых неба и больше похожее на метеосистему, чем на механизм, — видимо, было их кораблем. Огромный застывший взрыв цветов и форм, при виде которого Ренфру захотелось съежиться в глубине своего черепа. Само существование пришельцев и их корабля означало, что все его знания, вся мудрость, которую он собирал по крупицам, — не более чем царапина на каменном лике реальности.

Ему предстоял очень долгий путь.

Он опустил глаза и подошел к подножию самого большого пришельца. Хор достиг пронзительного ликующего крещендо. Теперь, вблизи, мелькание размеров и форм прекратилось. Над ним нависала полупрозрачная кристаллическая глыба, сквозь которую можно было разглядеть слегка искаженный пейзаж.

Когда пришелец заговорил, Ренфру показалось, будто сама Вселенная нашептывает секреты ему на ухо:

— Тебе лучше?

Ренфру чуть не засмеялся такому банальному вопросу.

— Да… мне лучше.

— Это хорошо. Мы волновались. Очень-очень

волновались. Мы довольны, что ты поправился.

Хор стих. Ренфру понимал, что другие пришельцы наблюдают за беседой между ним и самой крупной фигурой и что в их молчании есть что-то безгранично уважительное и даже раболепное.

— Когда ты сказал, что я поправился… ты имел в виду… — Ренфру сделал паузу, тщательно подбирая слова. — Это вы помогли мне?

— Да, мы тебя вылечили. Мы тебя вылечили и выучили твой язык на основе связей в твоем разуме.

— Я должен был умереть. Когда перевернул багги… Я думал, что я умер. Я знал, что я умер.

— У нас было достаточно образцов, чтобы восстановить твое тело. Это наш подарок. Но только ты можешь сказать, хорошо ли у нас получилось.

— Я чувствую себя как всегда. Только лучше, будто меня вывернули наизнанку и как следует помыли.

— На это мы и рассчитывали.

— Можно я кое-что спрошу?

Пришелец мигнул располагающим оттенком розового.

— Ты можешь спрашивать о чем угодно.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Почему при-

летели сейчас?

— Мы — Сущность. Мы прилетели, желая сохранить и возродить, что возможно. Мы прилетели сейчас, потому что не могли прилететь раньше.

— Но совпадение… прилетели сейчас, после того как мы столько ждали… прилетели сейчас, как раз после того, как мы самоуничтожились. Почему вы не могли прилететь раньше и помешать нам все испортить?

— Мы прилетели так быстро, как смогли. Как только мы поймали электромагнитное излучение вашей культуры… мы отправились в путь.

— Какое расстояние вы преодолели?

— Больше двухсот ваших световых лет. Наш корабль движется очень быстро, но не быстрее света. Прошло больше четырехсот лет с тех пор, как мы поймали радиосигналы и узнали о вас.

— Нет, — возразил Ренфру, качая головой. Как пришельцы могли сделать столь глупую ошибку? — Это невозможно. Радио изобрели позже. Телевидение появилось лет сто назад, радио на двадцать или тридцать лет раньше… но не четыреста лет. Вы не могли поймать наши сигналы.

Пришелец принял успокаивающий бирюзовый оттенок.

— Ты ошибаешься, но это вполне естественно.

Ты был мертв дольше, чем ты думаешь.

— Нет, — тупо произнес он.

— Это так. Разумеется, ты не помнишь того, что случилось за это время.

— Но база выглядит точно такой же, какой я ее оставил.

— Твой дом мы тоже починили. Если хочешь, мы вернем ему прежний вид.

Ренфру ощутил, что начинает принимать случившееся, осознавать, что пришелец говорит правду.

— Если вы вернули меня…

— Да, — произнес пришелец, побуждая его продолжать.

— А остальные? Как же остальные люди, которые умерли здесь, — Соловьева и другие до нее? Все люди, которые умерли на Земле?

— На Земле не осталось форм, которые можно возродить. Мы можем показать тебе, если хочешь… но нам кажется, что это будет неприятным зрелищем.

— Почему?

— Мы уже пробовали. Гибель жизни всегда расстраивает, даже таких механистических существ, как мы. Особенно после столь долгой и беспрерывной эволюции.

— Гибель жизни?

— Вымерло не только человечество. Вирус, который погубил ваш вид, был способен изменяться. Со временем он поглотил все формы жизни на планете. Остался только он: вечно пожирающий самое себя, бесконечно реплицирующийся.

Для Ренфру это не стало огромным ударом. Он уже смирился с тем, что человечество исчезло и он никогда не увидит Землю. Не требовалось больших усилий для принятия того факта, что утрачена и сама Земля вместе со сложной системой жизни.

Но и радости это ему не доставило.

— Ладно, — нерешительно сказал он. — А как же люди, которых я похоронил здесь?

Ренфру понял, что пришелец выражает сожаление. Его грани стали темно-оранжевыми.

— Образцы не подлежали восстановлению. Их похоронили в гробах вместе с влагой и микроорганизмами. Время довершило остальное. Да, мы пытались… но материала для работы не осталось.

— Я тоже умер здесь. Почему со мной все иначе?

— Ты находился в холодном и сухом месте. Для

нас это имело решающее значение.

Выходит, он мумифицировался, испекся под безжалостным стерилизующим солнцем, вместо того чтобы сгнить в земле со своими друзьями. Он провел под марсианским солнцем почти триста лет… Как он выглядел, когда его достали из остатков скафандра? Выбеленный, перекрученный, перевитый узловатыми остатками мышц и тканей. Его можно было бы принять за кусок плавника, будь на Марсе плавник.

Все это было удивительно и жутко, почти невыносимо. Он остался последним живым человеком, затем умер, а теперь стал первым человеком, которого воскресили пришельцы.

Первым и, возможно, последним: он чувствовал, что даже кажущиеся божественными силы Сущности ограниченны. Пришельцы вынуждены подчиняться указаниям Вселенной в отношении того, что возможно и что нет, точно так же как человечество, или пыль, или атомы.

— Зачем? — спросил он.

Охристый импульс сигнализировал о замешательстве пришельца.

— Зачем что?

— Зачем вы вернули меня к жизни? Почему я вам интересен?

Пришелец обдумал его слова, переливаясь разнообразными оттенками, от оранжевого до ярко-алого. Следом и остальные пришельцы приняли тот же цвет, один за другим.

— Мы помогаем, — сказал вожак Ренфру. — Это то, что мы делаем. То, что мы делали всегда. Мы — Сущность.

Он вернулся на базу и попытался заниматься привычными делами, как будто никакой Сущности не было. И все же пришельцы постоянно виднелись за окном. Подкрался вечер, и они стали ярче и ближе, точно собрали дневной свет и теперь излучали его, немного изменив свои очертания. Он закрыл ставни, предусмотренные на случай бури, но это не помогло. Он не сомневался, что корабль по-прежнему балансирует в вышине, нависает над базой, словно охраняет его жизнь, ставшую бесконечно драгоценной.

Привычные занятия Ренфру утратили всякий смысл. Пришельцы не просто возвратили базу в состояние, предшествовавшее аварии багги. Они устранили все повреждения, накопившиеся со времен гибели человечества, и теперь системы базы функционировали лучше, чем за все время после ее возведения. Какими бы бессмысленными ни были рутинные обходы, они придавали

его жизни структуру, которой больше не существовало. Ренфру чувствовал себя белкой, из чьей клетки убрали колесо.

Он отправился в рекреационный зал и включил систему. Все функционировало в соответствии с замыслом проектировщиков. Наверное, пришельцы починили его имплантат или, по крайней мере, не стали удалять. И все же, прокрутив множество вариантов, он обнаружил: с пианистом что-то случилось.

Тот по-прежнему был здесь — теперь Ренфру даже знал его имя, — но товарищ, которого он помнил, исчез. Теперь пианист вел себя, как все прочие искусственные личности. Ренфру по-прежнему мог говорить с ним, и пианист по-прежнему мог отвечать, но их разговоры стали совсем другими. Пианист принимал заявки, шутил, но и только. Если Ренфру пытался поговорить о чем-нибудь, кроме музыки, если он пытался втянуть пианиста в спор о космологии или квантовой механике, в ответ тот лишь смотрел на него вежливо, но озадаченно. И чем больше Ренфру упорствовал, тем меньше осознанности оказывалось в сгенерированном имплантатом лице. Перед ним был лишь призрачный обрывок развлекательной системы.

Ренфру знал, что пришельцы не «починили» пианиста в том смысле, в каком починили остальную базу. Но, прибыв, они разрушили — намеренно или нет — иллюзию дружеского общения. Возможно, они исправили какое-то завихрение в мозгах Ренфру, когда собирали его заново. А может, сам факт их прибытия заставил его подсознание отбросить умственный костыль.

Он знал, что это ничего не значит. Пианиста не существовало в реальности. Сожалеть о его отсутствии нелепо — все равно что оплакивать смерть того, кого видел во сне. Он придумал пианиста; на самом деле его товарища никогда не было.

И все же он чувствовал, что потерял друга.

— Прости, — сказал он, глядя в вежливое, но озадаченное лицо. — Ты был прав, а я ошибался. Мне следовало оставить все как есть. Зря я тебя не послушал.

Повисла неловкая пауза, затем пианист улыбнулся и поднес пальцы к клавиатуре.

— Сыграть что-нибудь?

— Да, — сказал Ренфру. — Сыграй «Rocket Man». В память о былых временах.

Он впустил Сущность в базу «Фарсида». Кристаллические формы вскоре были повсюду. Они распространялись и приумножались в безумном

вихре радужных цветов, превращая унылые интерьеры в таинственные гроты, освещенные волшебными фонарями. Удивительно красиво и волнующе. Ренфру хотелось плакать при мысли, что никто больше этого не увидит.

— Но все можно изменить, — сказал ему вожак. — Мы прежде не говорили об этом, но ты можешь обдумать кое-какие варианты.

— Например?

— Мы восстановили тебя и сделали немного моложе, чем до несчастного случая. Попутно мы много узнали о вашей биологии. Мы не можем возродить Землю или вернуть к жизни твоих товарищей на Марсе, но мы можем дать тебе других людей.

— Я не понимаю.

— Мы без труда создадим тебе новых товарищей. Вырастим их в ускоренном темпе или остановим твое старение на то время, пока дети растут.

— А что потом?

— Ты сможешь с ними скрещиваться, если захочешь. Мы исправим любые генетические аномалии.

Ренфру улыбнулся:

— Марс — неподходящее место, чтобы растить

детей. По крайней мере, так мне когда-то сказал один друг.

— Но теперь есть только Марс. Из-за этого что-то меняется? Мы можем создать обитаемую зону на Земле и пересадить тебя туда.

Они обращались с ним как с растением, невероятно редкой и нежной орхидеей.

— А я замечу разницу?

— Мы можем отрегулировать твои органы чувств таким образом, что Земля будет казаться прежней. Или исправить твои воспоминания в соответствии с нынешними условиями.

— Почему вы просто не можете вернуть все, как было? Несомненно, вы легко справитесь с вышедшим из-под контроля вирусом.

Пришелец стал пронзительно-синим. Ренфру уже знал, что этот оттенок означает вежливый упрек.

— Это против наших правил. Вышедший из-под контроля вирус стал самостоятельной формой жизни с огромным потенциалом. Уничтожить его — все равно что стерилизовать твою планету в те времена, когда твои собственные одноклеточные предки пытались закрепиться на ней.

— Для вас настолько важна жизнь?

— Жизнь бесценна. Возможно, нужен машин-

ный интеллект, чтобы это понимать.

Пронзительно-синий цвет сменился на успокоительный оливково-зеленый.

— Учитывая, что мы не можем вернуть Землю в прежнее состояние, возможно, ты передумаешь и примешь наше предложение насчет товарищей?

— Не сейчас, — ответил он.

— Быть может, позже?

— Я не знаю. Я очень долго был один. Возможно, лучше ничего не менять.

— Ты много лет мечтал об обществе. Почему ты отвергаешь его теперь?

— Потому что… — Ренфру запнулся, сознавая, что пришелец не может его понять. — Когда я был один, я проводил много времени в раздумьях. Я ступил на этот путь и не уверен, что прошел его до конца. Мне еще многое нужно уложить в голове. А вот когда я закончу…

— Возможно, мы поможем тебе с этим.

— Поможете мне понять Вселенную? Поможете мне понять, что означает быть последним живым человеком? Или даже последним мыслящим существом во Вселенной?

— Это не первый случай. Мы — очень древняя культура. В наших странствиях мы встречали множество других видов. Одни уже вымерли, дру-

гие изменились до неузнаваемости. Но многие были заняты такими же поисками, как ты. Мы наблюдали и время от времени вмешивались, чтобы помочь им понять. Мы будем искренне рады оказать тебе подобную помощь. Если мы не можем дать тебе товарищей, позволь хотя бы поделиться с тобой мудростью.

— Я хочу достичь понимания пространства и времени и моего места в них.

— Путь к истинному пониманию полон опасностей.

— Я готов. Я уже сделал много для этого.

— Тогда мы поможем. Но это долгий путь, Ренфру. Это долгий путь, и ты едва ступил на него.

— Я хочу пройти его до конца.

— Ты перестанешь быть человеком задолго до того, как приблизишься к концу. Такова цена понимания пространства и времени.

По шее Ренфру пробежал предостерегающий холодок. Пришелец предупреждает его не просто так. В своих странствиях он мог видеть много страшного.

И все же он сказал:

— Я согласен на все. Начинай. Я готов.

— Сейчас?

— Сейчас. Но прежде чем мы начнем… не зови

меня больше Ренфру.

— Ты хочешь взять другое имя, чтобы обозначить новый этап своих поисков?

— С этой минуты меня зовут Джон. Называй меня так.

— Просто Джон?

Он торжественно кивнул:

— Просто Джон.

Часть четвертая

Сущность что-то сделала с Джоном.

Пока он спал, пришельцы изменили его разум: наводнили своими крошечными кристаллическими аватарами, чудесным образом переставив нейроны местами. Проснувшись, он по-прежнему чувствовал себя самим собой, нес тот же груз воспоминаний и эмоций, с которым отходил ко сну. Но внезапно он обрел способность понимать идеи, которые всего несколько часов назад казались непреодолимо сложными. Перед аварией он пробовал на ощупь теорию суперструн, подобно тому как путешественник ищет проход через коварную горную гряду. Он так и не нашел легкого пути, так и не смог покорить лежавшие перед ним головокружительные вершины, но чу-

дом очутился на другой стороне, и дорога сквозь препятствие оказалась до обидного простой. За теорией суперструн лежала объединенная территория М-теории, но и ее он вскоре покорил. Джон наслаждался открывшимся ему пониманием.

Он все больше начинал думать в терминах комнаты, пол которой — абсолютная истина о Вселенной: откуда она взялась, как устроена, что означает быть мыслящим существом в этой Вселенной. Но этот пол был очень похож на ковер, поверх которого лежали еще ковры, один на другом — несовершенные подобия самого нижнего слоя. Каждый слой мог выглядеть убедительно, мог десятилетиями или веками выдерживать любые искания, не выдавая своего изъяна, но рано или поздно таковой обнаруживался. Стоило потянуть за крошечную торчащую нитку — например, расхождение между наблюдением и теорией, — как вся ткань слоя расползалась на части. Подобные революции отличались тем, что к моменту их наступления следующий слой уже проглядывал. Лишь последний ковер, сам пол, не будет содержать логических нестыковок, нитей, за которые его можно распустить.

«Можно ли понять, что ты уже достиг пола?» — спрашивал себя Джон. Некоторые мыслители

считали, что полной уверенности никогда не будет. Можно лишь продолжать испытывать ковер на прочность, тянуть за разные нитки, чтобы проверить, насколько прочно они вплетены. Если через десятки или тысячи лет узор останется целым, мы предположим, что итоговая мудрость обретена. Но точно знать невозможно. В 10 001 году может быть сделано пустяковое наблюдение, совершенно невинное с виду, которое в конце концов докажет, что внизу лежит еще один слой.

Так можно продолжать до бесконечности, никогда не обретая уверенности.

Или — как полагали другие мыслители — итоговая теория может обладать собственной гарантией подлинности, золотой нитью логического обоснования, вплетенной в математический язык, с помощью которого она выражена. Сама природа теории может означать, что на более глубокое описание Вселенной рассчитывать не следует.

Но и тогда ты будешь делать наблюдения. Ты будешь испытывать ее на прочность.

Джон продолжал учиться. М-теория стала далеким и незначительным препятствием, заслоненная устрашающими объединенными

теориями, которые пришли ей на смену. Эти теории затрагивали не только вещество и пространство-время, но также сознание, энтропию, информацию, сложность и рост реплицирующихся структур. На первый взгляд казалось, что они описывают все значимые аспекты Вселенной.

Но каждая из них, в свою очередь, оказалась несовершенной, неполной, противоречащей наблюдениям. Ошибка в расчетной массе электрона, в двадцать втором знаке после запятой. Расхождение между наблюдаемым и расчетным отклонением света звезд вблизи вращающейся черной дыры, на одну десятитысячную долю. Едва заметное несовпадение между расчетными и наблюдаемыми свойствами инерции в высокозаряженном пространстве-времени.

В комнате было много ковров, и у Джона кружилась голова при мысли, что между ним и полом еще много слоев. Конечно, он далеко продвинулся, но оттого лишь острее понимал, какой долгий путь ему еще предстоит.

Сущность время от времени переделывала его, обращая старение вспять, чтобы у него хватило времени на изыскания. Но с каждым скачком понимания все ближе становились фундаментальные ограничения органического

человеческого мозга, сплетенного из нескольких сотен миллиардов нейронов, втиснутых в крошечную костяную коробку.

— Ты можешь остановиться сейчас, — сказала Сущность на сотый год его поисков.

— Или что? — спокойно спросил Джон.

— Или мы продолжим с некоторыми изменениями.

Джон согласился. Это означало, что он на время перестанет быть человеком, но, учитывая, как далеко он зашел, цена казалась вполне приемлемой.

Пришельцы закодировали имеющиеся структуры его разума в таком же теле, как у них. Для Джона переход в механистический субстрат мыслящего кристалла оказался совершенно безболезненным, тем более что Сущность заверила его в полной обратимости процесса. Избавившись от ограничений плоти и масштаба, он продвинулся еще дальше. Отныне ему казалось, что, будучи человеком, он словно смотрел в телескоп с обратной стороны. По сравнению с чертогами разума, в которых он теперь обитал, его прежнее жилище казалось жалким и тесным, словно клетка для кроликов. Удивительно, что он вообще хоть что-то понял.

Но Джон еще не закончил.

Прошла тысяча лет. То и дело добавляя себе новые возможности, он превратился в километровый кристаллический курган на вершине горы Павлина. Он был намного больше любого из пришельцев, но этого следовало ожидать: он исследовал слои реальности, которые они давно нанесли на карту и из которых смиренно удалились. Однажды обретя понимание, Сущность больше не нуждалась в нем.

Теперь на Марсе были и другие люди. Джон в конце концов принял предложение Сущности — сотворить ему товарищей, и пришельцы создали детей, которые с тех пор выросли и стали сперва родителями, а затем бабушками и дедушками. Но когда Джон согласился на возрождение человечества, это не имело ничего общего с его потребностью в общении. Он слишком далеко ушел от других людей и уступил лишь потому, что Сущности явно хотелось развлечься, найти себе дополнительное занятие. Но даже несмотря на то что Джон не мог ассоциировать себя с кишащими вокруг новичками, он испытал удовольствие, потратив немного сил на их развлечение. Он изменил свою внешнюю структуру — которая использовалась только для самых

тривиальных задач по обработке данных — и теперь напоминал изящный хрустальный дворец фей со шпилями, куполами и зубчатыми стенами. В сумерках он мерцал отраженным солнечным светом, бросая разноцветные отблески на бескрайние просторы нагорья Фарсида. У его подножия вилась желтая дорожка. Он стал объектом паломничества и пел для паломников, которые брели вверх и вниз по тропе.

Прошли тысячелетия. Разум Джона погружался все глубже.

Он сообщил Сущности, что преодолел восемнадцать парадигматических слоев реальности, каждый из которых потребовал обновления нейронных сетей, прежде чем смог полностью понять теорию со всеми ее следствиями и выявить изъян, который вел на следующий уровень.

Сущность ответила, что, насколько им известно, нынешнего уровня понимания Джона за всю историю достигли меньше пятисот других разумных существ.

И все же Джон не останавливался, сознавая, что во всех значимых аспектах теперь превосходит интеллект Сущности. Пришельцы помогали ему, руководили его преображением, но лишь смутно понимали, каково теперь быть Джоном.

По их данным, до этой точки дошло меньше ста отдельных существ из ста разных культур и все они уже вымерли.

Сущность предупредила, что впереди лежат опасные воды.

Архитектурные изыски Джона вскоре стали непомерным бременем для хрупкой геологической структуры горы Павлина. Джон мог бы укрепить древний вулкан, чтобы тот выдерживал его растущие размеры и массу, но вместо этого решил полностью оторваться от земли. В течение двадцати шести тысяч лет он парил в густеющей марсианской атмосфере на батареях антигравитационных генераторов, большей частью принимая форму рояля «Бёзендорфер», воссозданного по его самым давним человеческим воспоминаниям. Он плыл над просторами Марса, одинокий, как облако, и время от времени наигрывал медленные мелодии, которые падали с неба раскатами грома.

И все же вскоре он стал слишком велик даже для атмосферы. Тепловыделение, ставшее результатом его мыслительных процессов, стало оказывать неблагоприятное влияние на климат Марса.

Настала пора покинуть планету.

В космосе он активно рос во все стороны в течение пятнадцати миллионов лет. Раскаленные голубые звезды рождались и умирали, пока он расправлялся с очередным крепким орешком. Человеческие цивилизации гудели вокруг, словно мухи. Он знал, что в них есть существа, которые тоже стремятся обрести понимание. Он желал им успеха, но с таким преимуществом на старте его никто не мог обойти. За прошедшие годы его плотность увеличилась, и теперь он состоял в основном из твердой ядерной материи. Затем он эволюционировал до субстратов из чистых кварков. К этому времени его гравитация стала огромной, и Сущность укрепила его могучими балками из экзотической материи, взяв их из заброшенной транспортной червоточины давно исчезнувшей культуры. Питание он получал от двойного пульсара; титанический часовой механизм служил лишь чистому процессу мышления.

И все же Джон забирался все глубже и глубже.

— Я… что-то чувствую, — сказал он Сущности в один прекрасный день.

Они спросили, что именно, опасаясь его ответа.

— Что-то ждет впереди, — сказал он. — До него

всего несколько слоев. Я пока толком не вижу его, но совершенно точно чувствую.

Они спросили, на что это похоже.

— На конец, — ответил Джон.

— Мы всегда знали, что он настанет, — сказала Сущность.

Пришельцы сообщили, что всего семь других разумных существ достигли текущего уровня прозрения Джона, но за последние три миллиарда лет — ни один. Они также сказали, что ему придется снова измениться для следующих прозрений, стать еще плотнее, сжаться в мыслящее ядро, которое едва способно выдерживать чудовищную собственную гравитацию.

— Ты станешь нестабильным, — предупредили они. — Сами мыслительные процессы будут толкать тебя навстречу критическому радиусу.

Он знал, что имеется в виду, но хотел, чтобы они произнесли это вслух.

— И что тогда?

— Ты станешь черной дырой. Никакая сила во Вселенной не сможет предотвратить твой коллапс. Те самые опасные воды, о которых мы уже говорили.

Они произнесли «уже говорили», как будто имели в виду «уже говорили сегодня утром», а не

«уже говорили на более раннем этапе истории Вселенной». Впрочем, Джон давно привык к грандиозным временны́м шкалам Сущности.

— Я все равно хочу, чтобы вы это сделали. Я зашел слишком далеко, чтобы сдаться сейчас.

— Как скажешь.

И они превратили его в огромное кольцо сверхплотной материи, балансирующее на грани коллапса. В могучем гравитационном поле молниеносные мыслительные процессы замедлились, зато в распоряжении Джона оказались бескрайние вычислительные ресурсы.

Он много раз обогнул всю Галактику.

С каждым пройденным слоем все сильнее ощущалась близость конца, итогового, прочного, как скала, субстрата реальности. Джон знал, что это пол, а не очередной иллюзорный мираж завершенности. Он почти добрался до него, его великие поиски почти подошли к концу. До прибытия осталось всего несколько мыслей… всего несколько часов долгого дня Вселенной.

И все же Джон остановился в своих раздумьях.

— Что-то не так? — участливо спросила Сущность.

— Не знаю. Может быть. Я думал о том, что вы сказали прежде: мои собственные мыслительные

процессы могут толкнуть меня за грань.

— Да, — подтвердила Сущность.

— Любопытно, что это будет означать?

— Это будет означать смерть. На эту тему много спорили, но текущее состояние понимания таково: никакая полезная информация не может покинуть черную дыру.

— Верно. На мой взгляд, чертовски похоже на смерть.

— Тогда, возможно, тебе стоит остановиться, пока не поздно. По крайней мере, перед тобой мелькнул последний слой. Разве этого недостаточно? Ты зашел дальше, чем мог мечтать, ступая на этот путь.

— Да.

— Что ж, давай на этом закончим. Важно не то, что осталось сделать, а то, чего ты уже достиг.

— Я бы хотел. Но кое-что не дает мне покоя, я не могу не думать об этом.

— Не стоит. В твоем нынешнем состоянии опасно думать о чем угодно.

— Я знаю. Но мне кажется, это может быть важно. Как вы думаете, совпадение или нет, что я достиг этой точки на своем пути в тот самый миг, когда оказался на грани коллапса?

— По правде говоря, мы об этом думали мало,

не считая чисто практических аспектов.

— А я думал. И продолжаю думать. Давным-давно я узнал об одной теории насчет новых вселенных.

— Продолжай… — осторожно сказала Сущность.

— Будто бы они могут рождаться в черных дырах, где не действуют обычные правила пространства и времени. Идея в том, что когда в черной дыре образуется сингулярность, она распускается и становится новой вселенной, со слегка другими законами физики. Вот куда уходит информация: в трубу, в новую вселенную. Мы не видим признаков этого снаружи, поскольку расширение происходит в направлении, на которое мы не можем указать. Новая вселенная не всегда возникает и расширяется внутри нашей, словно облако от взрыва, но вполне возможно, что это происходит каждый раз, когда где-нибудь в нашей Вселенной образуется черная дыра. Собственно говоря, наша Вселенная сама могла родиться из чьей-то черной дыры.

— Нам знакомо это предположение. К чему ты ведешь?

— Возможно, это не совпадение. Возможно, именно так все и должно быть. Нельзя обрести ис-

тинное понимание Вселенной, не оказавшись на грани гравитационного коллапса. И в миг, когда ты обретаешь это понимание — когда последний кусочек мозаики встает на место и ты наконец видишь последний слой реальности, — ты падаешь за край, наступает необратимый коллапс.

— Другими словами, ты умираешь. Как мы и предупреждали.

— Необязательно. В конце концов, к этому моменту ты становишься практически чистой информацией. Что, если я переживу переход через собственную сингулярность и проскользну в новорожденную вселенную?

— Ты имеешь в виду, размазанный и переизлученный, как случайный шум?

— Вообще-то, я имею в виду кое-что другое. Почему бы мне не оказаться зашифрованным в самой структуре этой новой вселенной?

— С чего бы?

— Я признаю, что это чисто умозрительные рассуждения. Но вам не кажется, что в этом есть нечто очень красивое и симметричное? Во вселенных, где есть разумная жизнь, одно или несколько разумных существ рано или поздно зададут себе те же вопросы, что задал я, и дойдут до этой предпоследней точки понимания.

Достигнув просветления, они превысят критическую плотность и станут самостоятельными новорожденными вселенными. Они станут тем, что пытались понять.

— У тебя нет доказательств.

— Нет, но есть чертовски сильное предчувствие. Разумеется, существует только один способ узнать точно. Я узнаю, случится это или нет, в миг, когда обрету понимание.

— А если нет?..

— Я все равно достигну своей цели. Я буду это знать, даже если перестану существовать. В то же время, если это случится… я продолжу существовать. Я сохраню свое сознание на той стороне, вплетенный в ткань пространства и времени. — Джон замолчал: кое-что пришло ему на ум. — Я стану кем-то вроде…

— Не говори этого, не надо, — перебила Сущность.

— Ладно, не буду. Но теперь вы понимаете, почему я медлю. Этот последний шаг удвоит расстояние между мной и всем человеческим. Не так-то просто решиться на него.

— Конечно.

— А другие… — начал Джон и умолк, почувствовав страх и сомнение в своем голосе. — Как

они поступили, зайдя настолько далеко? Они медлили? Они ринулись вперед?

— У тебя только три предшественника за всю известную историю Вселенной. Двое претерпели гравитационный коллапс. Если хочешь, можем показать тебе черные дыры, в которые они превратились.

— Не стоит. Расскажите о третьем.

— Третий выбрал другой путь. Он решил разделить свое сознание на два потока, разделив и переставив части своей структуры. Один компонент продолжил поиски итогового понимания, другой отступил, приняв менее плотную форму, которой больше не грозил коллапс.

— Что случилось с компонентом, который продолжил поиски?

— Мы также можем предъявить тебе результаты, — с легкой насмешкой ответила Сущность.

— А другая половина? Как он смог сохранить достигнутый уровень понимания, если вернулся к более простой структуре?

— Никак. В этом-то и смысл.

— Я не улавливаю. Понимание требует определенного уровня сложности. Он не мог сохранить понимание, упростив свою структуру.

— Он и не сохранил. Но у него осталось воспо-

минание о том, что он все понял. Для него этого было достаточно.

— Всего лишь воспоминание?

— Именно. Истина мелькнула перед ним. Ему не требовалось удерживать в памяти все подробности этого мига — он и так знал, что видел ее.

— Это не понимание, — сердито сказал Джон. — Это грубое приближение, открытка вместо вида.

— Но это лучше, чем смерть. Существо, о котором мы говорим, казалось, было вполне довольно компромиссом.

— Думаете, я тоже буду доволен?

— Мы думаем, что тебе стоит хотя бы обдумать такую возможность.

— Обдумаю. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Совсем немного.

— Хорошо, — ответила Сущность. — Но не думай об этом слишком напряженно.

Прошло намного меньше миллиона лет, прежде чем Джон сообщил Сущности, что желает последовать примеру третьего разумного существа, о котором они говорили. Он разделит свое сознание на два потока: один отправится навстречу итоговому пониманию, другой примет более простую и безопасную форму, принципиально

неспособную перенять его нынешний уровень понимания. Для Джона процесс разделения был сложным и требовал осторожности, как и все трансформации, которые он претерпел до сих пор. Только употребив все мастерство Сущности, можно было осуществить изменение таким образом, чтобы он мог сохранить воспоминания, пусть даже его разум стал бы простым эскизом самого себя. И однако, шаг за шагом, все удалось сделать. Два Джона отличались и физически, и умственно: один по-прежнему балансировал на грани гравитационной аннигиляции, всего в одной мысли от выхода за грань, другой наблюдал за происходящим с безопасного расстояния.

Таким образом, Простой Джон наблюдал за коллапсом и гибелью более сложного себя. Это случилось столь же внезапно и бурно, как любая естественная звездная катастрофа в недавней галактической истории. В миг понимания он напряг свою структуру до предела. Где-то внутри его коллапсировали вещество и энергия, открыв ревущее окно в новый мир. Он достиг цели своих поисков.

И все же в последние наносекунды своего физического существования, прежде чем его затянуло за горизонт событий, откуда не посту-

пает никакая информация, Сложный Джон сумел закодировать и передать прощальную волну гравитационной энергии, послание своей второй половине.

Сообщение было очень коротким. В нем говорилось: «Теперь я понимаю».

На этом все могло бы закончиться, но вскоре Простой Джон принял решение вернуться туда, откуда начал свои поиски. Теперь у него было воспоминание о мелькнувшем понимании, почти настолько же — как и обещала Сущность, несмотря на естественный скептицизм Джона — просветляющее, насколько и само понимание. В чем-то оно оказалось даже лучше, будучи маленьким и гладким, как драгоценный камень. Джон мог разглядывать его под разными углами, в отличие от иммерсивной громады самого переживания, из которой умело выжали воспоминание.

«Но для чего останавливаться? — спрашивал он себя. — Если можно вернуться к упрощенной структуре и сохранить воспоминания, почему бы не зайти дальше?

Почему бы не пройти обратно весь путь?»

Возвращение от грани понимания было долгим. По мере того как его лишали приобретенных

способностей, необходимо было следить за тем, чтобы цепочка воспоминаний не прервалась. Приближаясь к тому, чтобы снова стать человеком, он сознавал, что хранит уже не воспоминание, а воспоминание о воспоминании о воспоминании… бледное слабое отражение и все же совершенно аутентичное. Оно по-прежнему казалось Джону настоящим, и теперь — когда его органический клеточный мозг упаковали обратно в тесную коробку черепа Homo sapiens — только это действительно имело значение.

И вот настала пора вернуться на Марс.

Марс к тому времени превратился в зелено-голубой шар, очень похожий на прежнюю Землю. За все это время возрожденная человеческая цивилизация не покинула пределов Солнечной системы, и — поскольку посещение Земли было под запретом — Марс оставался ее центром. Здесь жили шестнадцать миллионов человек, многие сбились в небольшие общины, разбросанные у пологих склонов горы Павлина. Расположенная глубоко внутри Марса решетка из искусственных черных дыр поддерживала на поверхности такую же силу тяжести, как на прежней Земле. Гигантские утопленные опоры не давали древнему ландшафту обрушиться. В морях кишела жизнь;

воздух был густым и теплым, кругом летали насекомые и птицы.

Кое-что сохранилось с тех пор, как Джон покинул Марс. Спиральная желтая дорога, например, по-прежнему вилась по горе Павлина, до самой вершины, и паломники совершали по ней долгое, но не слишком трудное восхождение, то и дело останавливаясь в подвесных кафе и хостелах. Исповедуя разные верования, все они, однако, вспоминали о Джоне тем или иным образом; во многих священных текстах говорилось о том дне, когда он вернется на Марс. Для этого на вершине вулкана оставили гладкую круглую площадку. Монахи подметали ее большими метлами. Паломники заходили на площадку, но жались к ее краю.

Джон, вновь ставший человеком, спустился с неба в люльке из инопланетных сил. Был день, но никто не видел его прибытия. Сущность создала вокруг него барьер невидимости — издалека он казался лишь столбом теплого воздуха, пейзаж за которым немного дрожал, словно мираж.

— Ты уверен, что готов к этому? — спросила Сущность. — Тебя не было очень долго. Возможно, им будет нелегко принять твое возвращение.

Джон поправил на переносице очки в форме

звезд, которые выбрал для своего возвращения на Марс.

— Рано или поздно они привыкнут ко мне.

— Они будут ожидать слов мудрости. Не дождутся и будут разочарованы. «Теперь я понимаю» вряд ли их устроит.

— Переживут как-нибудь.

— Возможно, тебе стоит выдать кое-какие безвредные банальности. Пусть продолжают теряться в догадках. Мы можем предложить пару вариантов, если хочешь: у нас есть немалый опыт.

— Все будет хорошо. Я не собираюсь вдаваться в подробности. Пришел, увидел, отступил. Но я видел это и помню, что видел это. Мне кажется, во всем этом есть смысл.

— «Мне кажется, во всем этом есть смысл», — повторила Сущность. — Больше ты ничего не можешь им предложить?

— Таков итог моих поисков. Я никогда не говорил, что собираюсь оправдать чьи-то ожидания.

Джон провел рукой по голове, пригладив тонкие рыжеватые волосы, растрепанные воздушными потоками в поле невидимости. Затем сделал шаг вперед, покачнувшись на каблуках больших красных ботинок, которые выбрал для

своего возвращения.

— Кстати, как я выгляжу?

— Не совсем так, как в начале пути. Есть ли особая причина для таких физиологических изменений и выбора костюма?

Джон пожал плечами:

— В общем-то, нет.

— Ладно. Ты выглядишь отпадно. Ведь так принято говорить?

— Сойдет. Ну вот и все… я шагну вперед и вернусь к людям. Верно?

— Верно. Полагаем, у тебя есть планы?

— Ничего определенного. Наверное. Посмотрю, как пойдет. Может, обоснуюсь где-нибудь; может, нет. Я очень долго был один; вписаться заново в человеческое общество будет сложно. Особенно в такое странное футуристическое человеческое общество, которое отчасти считает меня богом.

— Ты справишься.

Джон помедлил, прежде чем выйти из-под полога невидимости на яркий свет.

— Спасибо. За все.

— Не за что.

— Что вы теперь будете делать?

— Отправимся дальше, — ответила Сущность. — Найдем другого, кто нуждается в

помощи. Возможно, еще заглянем при случае, посмотрим, как у тебя дела.

— Было бы неплохо.

Повисла неловкая пауза.

— Джон, мы должны кое-что сказать тебе, прежде чем ты уйдешь.

В тоне Сущности было что-то новое: такого он не слышал за все время, проведенное вместе.

— Что именно?

— Мы солгали тебе.

Он невольно хохотнул, ожидая чего угодно, кроме этого. Он думал, что Сущность всегда была предельно правдива с ним.

— В чем именно?

— Третье разумное существо, о котором мы говорили… то, что разделило свое сознание на два потока…

Джон кивнул:

— Что с ним?

— Его никогда не было. Мы придумали его, чтобы убедить тебя избрать этот образ действий. На самом деле ты был первопроходцем. Ни одно другое существо не избежало коллапса, достигнув последней стадии просветления.

Джон переварил новость и медленно кивнул:

— Ясно.

— Мы надеемся, ты не очень сердишься на нас.

— Почему вы солгали?

— Потому что привязались к тебе. Это было нехорошо… ты должен был сделать выбор сам, не опираясь на нашу ложь… но мы опасались, что без примера ты не выберешь этот путь. И тогда мы бы тебя потеряли, и ты не стоял бы здесь со всеми своими воспоминаниями.

— Ясно, — уже спокойнее повторил он.

— Ты злишься на нас?

Джон немного помолчал, прежде чем ответить.

— Наверное, мне следовало бы злиться. Но я не злюсь. Полагаю, вы правы, я бы продолжил путь. С учетом того, что я знаю сейчас, — с учетом воспоминаний, которые у меня есть, — я рад, что эта часть меня отступила.

— Так, значит, мы поступили правильно?

— Это была ложь во спасение. Не самый страшный грех.

— Спасибо, Джон.

— Полагаю, в следующий раз, когда вы встретите кого-то вроде меня — другое разумное существо, ступившее на этот путь, — вам больше не придется лгать?

— Не придется.

— Тогда забудем об этом. Я рад, что все так обернулось.

Джон уже собирался выйти на свет, но тут кое-что пришло ему в голову. Он с трудом сдержался, чтобы не расплыться в улыбке.

— Но я не могу вас отпустить, не попросив напоследок об услуге. Конечно, вы и так очень много сделали для меня…

— Мы постараемся исполнить любую твою просьбу.

Джон указал на зеркально гладкую поверхность плато, на хоровод паломников вдалеке.

— Я сейчас выйду на гору Павлина. Но я не хочу напугать их до смерти, просто появившись ниоткуда, без предупреждения.

— Что ты задумал?

Джон по-прежнему указывал на плато.

— Пусть кое-что появится прежде меня. Учитывая ваши возможности, вряд ли это вас затруднит.

— Что именно?

— Белое фортепиано, — ответил Джон. — Но не просто какое-то там старое пианино. Рояль «Бёзендорфер». Я когда-то был им, помните?

— Но этот, вероятно, должен быть меньше?

— Да, — кивнул Джон. — Намного меньше.

Настолько маленьким, чтобы я мог сидеть за клавишами. Хорошо бы поставить рядом табурет.

Стремительные машины мелькнули в воздухе со скоростью молнии. На плато сгустился рояль, а затем и табурет с красной подушкой. Один или два паломника наблюдали за их появлением. Они бурно жестикулировали, и новость разлеталась во все стороны.

— Это все?

Джон поправил очки на переносице:

— И последняя просьба. Пока я иду к табурету, я должен научиться играть на фортепиано. Я раньше играл музыку, но это было другое. Теперь мне нужно делать это руками, по старинке. Вы сможете это устроить?

— Мы многое знаем о музыке. Пока ты идешь к «Бёзендорферу», мы успеем запрограммировать твои нейроны. Возможно, слегка заболит голова…

— Это не беда.

— Мы только хотим уточнить… ты собираешься сыграть что-то конкретное?

— Вообще-то, — сказал Джон, разминая пальцы перед выступлением, — есть у меня на примете одна песня. Кстати, она о Марсе.

«Понимание пространства и времени» — рас-

сказ с долгой историей, если она вообще была. В начале 2001 года меня попросили написать рассказ для журнала «Курьер ЮНЕСКО», посвященного науке и культуре. Они готовили специальный номер о космологии и Вселенной и спросили, не могу ли я сочинить что-нибудь на эту тему… слов на 750. Я обещал подумать, но особого оптимизма не испытывал. Мои рассказы выходили не короче 7000 слов. И все же я размышлял об этом по дороге домой, пока где-то между работой и передней дверью мне не пришла в голову идея. Я написал рассказ в тот же вечер и отправил в «ЮНЕСКО» на следующее утро. В нем было 1500 слов, в два раза больше, чем просили, но он был значительно короче всех моих предыдущих рассказов. Он понравился сотрудникам «ЮНЕСКО», мне даже сказали, что это могут напечатать, но все же спросили, нельзя ли его укоротить. Я ответил, что нет, рассказ и так очень короткий, и я не стану резать по живому. Однако, вернувшись домой в тот вечер, я придумал еще более короткий рассказ, который еще лучше подходил к теме номера. Он назывался «Фреска». В нем было 750 слов, и через положенное время его опубликовали в «Курьере». Поскольку этот журнал печатался одновременно на многих языках, «Фреска» сразу

стала моим самым переводимым рассказом. Вряд ли еще какую-нибудь мою работу переведут на тайский.

В результате первый рассказ остался не у дел. Я захватил его на «Истеркон», один из главных научно-фантастических конвентов Великобритании, и прочел перед недоумевающей аудиторией. Возможно, он был слишком коротким: 1500 слов — маловато для рассказа о последнем живом человеке. (Во «Фреске», напротив, не было ни одного настоящего персонажа, поэтому краткость ее только украшала.) Так что я отвез его обратно домой, переехал и продолжал время от времени работать над ним следующие четыре с половиной года. Первоначальные 1500 слов превратились в 10 000. За это время я выбросил почти все куски оригинального рассказа, оставив только призрачный структурный костяк. И когда у меня не было других дел или меня покидало вдохновение во время работы над очередным большим проектом, я открывал «В начале» и подправлял его.

Возможно, я бы продолжал его править, если бы не конвент «Новакон», состоявшийся в ноябре 2005 года неподалеку от Бирмингема. Он всегда проводится в это время. По традиции гости представляют на конвенте новый рассказ, который

печатается и раздается в качестве сувенира. У меня было полно времени, чтобы написать новый рассказ, но все попытки сделать это оканчивались ничем. Шли месяцы. Я женился. Рассказа для «Новакона» по-прежнему не было. Мы собирались в свадебное путешествие, и я пообещал комитету «Новакона», что по возвращении представлю им рассказ. Отчаявшись, я вернулся к рассказу «В начале», который уже получил название «Понимание пространства и времени». В ожидании свадебного путешествия я отчаянно пытался закончить рассказ. Я разобрал его на части и собрал заново. И все же он не был готов. Мы отправились в Малайзию втроем — я, моя жена и мой ноутбук.

Удивительно, но жена простила меня. И хотя я не провел весь медовый месяц за ноутбуком, я вернулся с более или менее готовым рассказом. Справившись с джетлагом, я за пару дней довел текст до приличного вида и отправил комитету «Новакона». Рассказ был напечатан в виде брошюры с замечательной цветной иллюстрацией космического художника Дэвида Харди. Кстати, хочу поблагодарить своего коллегу Нила Уильямсона за то, что я не ошибся с маркой рояля. Наш разговор (под хмельком, в кулуарах конвента)

звучал примерно так:

— Нил, ты не в курсе, кого можно спросить о роялях?

— А что именно тебя интересует, Ал?

— Да просто хотел узнать, на каком рояле стал бы играть Элтон Джон.

— А, это я знаю. Рояль «Бёзендорфер».

— Спасибо, Нил.

Пауза.

— Э-э-э… а откуда ты это знаешь?

— Я сам играю на рояле. В группе. И мы делаем каверы на Элтона Джона.

— Э-э-э… ясно. Хорошо, что я спросил.

Так что в следующий раз, когда вам понадобится узнать что-то неочевидное, попробуйте спросить научного фантаста. Он может вас удивить.

Из цифры в аналог

Я вышел из «Дрома» в три утра. В голове крутился бельгийский хаус. Я не замечал, что меня преследуют. В такой час легко обмануться. Наша нервная система хочет отключиться и отправить нас в глубокий сон. Если мы бодрствуем, то совершаем глупейшие ошибки, полагая, что на рассвете даже не вспомним, что натворили. Иногда в мыслительный процесс вмешиваются еще и таблетки.

Я выпил больше обычного, но почти всю ночь воздерживался от наркоты. Потом появилась она — девушка в футболке «Булевард Ситизенз», шотландской белой соул-группы, — и предложила экстази из поясной сумки. У меня и без того кружилась голова, и я долго колебался, но в конце концов сдался. Мы заключили сделку в стробоскопическом вихре потных тусовщиков и пронзительных ритмов.

— Через несколько часов я вырублюсь, — сказал я, суя таблетки в карман.

— Делов-то, — ответила девушка. — Я обычно беру отгул. Звоню пораньше на работу, выдумываю что-нибудь и отправляюсь храпеть дальше.

— Для этого нужен исправный телефон, — заметил я. — К слову, я телефонный мастер. Работаю в «Бритиш телеком». Так что скажи мне спасибо, когда в следующий раз будешь брать отгул. А я подслушаю тебя из своей норы.

На плечо легла рука. Мой приятель с работы. Расплескивая во все стороны «Гролш», он пьяным голосом, невпопад напевал «Wichita Lineman».

Я скривился:

— Ты, скорее, едешь в Уитли-Бэй и в тумане ищешь очередную разгромленную вандалами телефонную будку.

«Булевард Ситизенз» смерила нас неоднозначным взглядом и скрылась на танцполе. Диджей завел новый трек, на каждый сумбурный такт которого можно было смело ставить печать «Дж. Б.»

Я заглотил таблетку и начал двигаться в такт музыке. Вдруг я вспомнил, о чем хотел рассказать другу.

— Эй! — хрипло выпалил я, пытаясь перекричать шум. — Мне тут сказали, что у Джеймса Брауна двое специальных помощников, которые выискивают в записях других артистов его семплы, чтобы потом отсуживать деньги!

— Двое? — Он со смехом потряс кулаком над

головой. — Охренеть! Двое помощников! Охренеть!

— Я подумал, что это много говорит о нынешней ситуации с семплами. Насколько они распространены, — объяснил я, чувствуя, что мой голос к утру заметно подсел, а сам я достиг той степени опьянения, когда чувство юмора напрочь отшибает. — Ты послушай… эта тема, что сейчас звучит, наверняка целиком склеена из чужих фрагментов.

— Отражает эпоху девяностых, — развел он руками. — Очень зеленый подход. Сейчас модно все перерабатывать. Машины, бумагу, бутылки… почему музыку нельзя?

Я ненадолго завис, а когда очнулся, мой приятель уже поглядывал на часы:

— Кажется, пора расходиться. Прости, дружище, но дальше нам не по пути.

— Пройдусь пешком, — пожал я плечами. Экстази делал меня дружелюбным.

В любом случае я собирался остаться еще на несколько треков. Зачем уходить, когда только начал чувствовать ритм? Танцпол заволокло розовым дымом, с потолка били синие прожекторы — моя стихия. Заиграл один из моих любимых треков, один из тех мимолетных клубных хи-

тов, которые сперва становятся культовыми, затем считаются классикой, затем их дербанят на семплы, перестают ставить из-за заезженности и в конце концов вспоминают как пережиток поп-культуры конца двадцатого века, — и все это за пару месяцев. Текст был с заявкой на злободневность: «Смерть бродит по клубам». Думаете, безвкусица? В одном фрагменте даже поется о том, как кому-то фиксируют поднятые веки степлером.

В три часа я решил, что пора валить, если утром я не хочу проспать работу. Чтобы забрать пальто, пришлось заново вломиться в толпу и протолкаться, пританцовывая, сквозь пропитанный духами туман к неоновой вывеске гардероба на противоположной стороне танцпола. На полпути я заметил в тумане красный луч лазерного прицела. Кто-то плохо различимый, окруженный танцующими фигурами целился в меня. Его лицо скрывали тень и солнцезащитные очки, на голове были наушники вроде пилотских, с прикрепленным спереди микрофоном.

Каких только чудаков не встретишь! Почему нельзя оттягиваться, никого при этом не доставая? Пора валить, это уж точно.

Очередь в гардероб была короткой: почти все

собирались танцевать еще час-другой. Снаружи я встретил нескольких знакомых, которые тусовались в круглосуточной кебабной. Стоянка такси была по пути, и я решил прогуляться с ними по замусоренным улицам, пиная коробки от бургеров, смятые пивные банки и обрывки билетов. Некоторые отвязные гуляки еще слонялись вокруг в поисках открытых заведений; у старого, похожего на эдвардианскую летающую тарелку туалета на Бигг-Маркет крутились бомжи; вдоль тротуаров медленно плелись редкие полицейские машины, красные фонари которых отражались в лужицах мочи. Над нашими головами в зимнем небе хищно кружил вертолет, высматривая краденые тачки, которые наутро могли оказаться в витринах магазинов. Никто из нас благоразумно не приехал на машине. У стоянки такси мы разделились: мои друзья отправились в Байкер, по домам, я — в свою квартиру в Фенхэме. По правде говоря, до нее было рукой подать. Но дело вовсе не в расстоянии.

Я включил свой «уокмен», накинул капюшон, чтобы заглушить гул сигнализаций и сирен, и побрел к дому. Плеер был узким, едва шире кассеты, и серебристым, как модная зажигалка. На девяностоминутной кассете я собрал

техно и блип — треки, переписанные с виниловых пластинок, добытых на Олдем-роуд в Манчестере, — популярный хаус и современный электросоул с женским вокалом, предположительно прямиком из самых горячих берлинских клубов. Чистейший цифровой звук, чарующие партии синтезаторов, искаженный вокал. Такую музыку ставили и в «Дроме» — всепоглощающую, бескомпромиссную, мозготрясную, монотонную, как мантры тибетских монахов, стремительную, как бхангра[7]. Эффект подкрепляли яркие лучи света, что били сквозь сменяющиеся фильтры с цветными несмешивающимися жидкостями… Так, словно картинки из калейдоскопа плавятся перед глазами, а звуки смешиваются в единый тест-сигнал отключающегося мозга.

Я увлекался этим вот уже год или два и нашел, что ньюкаслская тусовка вполне утоляет мою тоску по северо-западу, где зародилась и откуда распространялась клубная культура. Работа телефониста была дерьмовой; на плаву меня держали музыка и клубы. Я проглотил последнюю таблетку экстази, не зная, что именно из-за музыки за

[7] Примечания: 7

Бхангра — популярный в регионе Пенджаб и среди пенджабских эмигрантов жанр танцевальной музыки, характеризующийся быстрым темпом и широким использованием перкуссии.

мной увязался Хаусхантер.

Похоже, на меня положили глаз еще в «Дроме» и не упустили из виду, когда я ушел с друзьями. За мной следили незаметно, прячась в закоулках, пока я не отделился от группы. Преследователь как будто предвидел, что я отправлюсь домой пешком. Из-за плеера я не услышал шагов (если их можно было услышать), когда обходил городской пруд.

Нападение было внезапным. Меня схватили за шею, сдавливая сонную артерию. Сорвали капюшон, отобрали наушники, выбросили «уокмен» в залитую лунным светом воду. Я ни на секунду не сомневался, что стал очередной жертвой Хаусхантера. Мне пришла в голову мысль, которая, должно быть, приходила и десяткам других моих собратьев по несчастью. Я понял, что все предположения были ложными. О, насколько же они были ложными! Эту крошку нахрапом взять не получится. Особенно если они по-прежнему считают, что…

Я почувствовал на лице что-то влажное, затем, мгновение спустя, учуял запах эфира. Голова закружилась. Напоследок я услышал ее слова:

— Не бойся, я врач.

Я помню, что ненадолго очнулся в автомобиле.

Не сразу вспомнил, что произошло, как бывает спросонья, когда все вертится в голове и не связывается, не складывается воедино. Из-за рифленого стекла в глаза светили желтые натриевые лампы; неровности дороги тупо отзывались в теле, несмотря на мягкую подкладку под спиной. Я плохо видел салон. Затем я услышал ее голос из-за тонкой перегородки, отделявшей водительский отсек микроавтобуса от грузового. Я попробовал пошевелиться, но не смог. Не понимал, был ли я связан, или тело попросту не реагирует на сигналы мозга. Как выяснилось, меня пристегнули к носилкам, чтобы я не перевернулся. Рот был чем-то заткнут. Кляп или дыхательная трубка?

— Еду с места захвата, — сказала похитительница. — Объект пришел в сознание. Краткое описание: физиология внешне нормальная; белый мужчина, от двадцати до тридцати лет, худой, рост пять футов и восемь-девять дюймов, коротко подстрижен, отличительные метки на лице отсутствуют. Следов внутривенного применения наркотиков нет… вероятно, в организме присутствуют другие токсины, галлюциногены или стимуляторы. Интересно, что объект носит фальшивые очки — просто модный аксессуар. Слуховой стимулятор объекта уничтожен при

задержании. Прогноз благоприятный. Ожидаемое время прибытия — через пятнадцать минут. Отбой.

Слова скакали у меня в голове, никак не желая упорядочиваться. Что происходит? Где я? Почему мне, в общем-то, все равно?

Я позволил себе расслабиться, подставив глаза успокаивающему свету ламп. Несмотря на мое положение, я уснул так быстро!

Следующим воспоминанием был прорвавшийся сквозь дремоту назойливый гул. Казалось, я прежде не слышал ничего столь же громкого. Гул то нарастал, то затихал, превращаясь в медитативное «вжух-вжух». Затем он сделался совсем нестерпимым; кожу стало жечь, пока звук не достиг пика и вибрация не прекратилась, уступив место низким, встряхивающим все внутренности басам.

Дед рассказывал мне, что в военные годы летчики люфтваффе не заморачивались с изменением звука двигателей своих самолетов. Таким образом, всегда можно было отличить «хейнкель» от «веллингтона». Звук двигателей обязательно сопровождался то нарастающим, то стихающим сигналом, пики звуковых волн синхронизировались и расходились по нескольку раз за секунду.

Дед иллюстрировал это, потирая руки с растопыренными пальцами. Вверх-вниз. Мой дед был звукоинженером на «Радио Пикадилли» и знал множество звуковых примочек. Благодаря ему я увлекся электротехникой и пошел работать в телефонную компанию… но старик не виноват, он-то хотел как лучше.

Открыв глаза, я увидел перед собой бежевую штукатурку. Кончик моего носа был в дюйме от стены. Я лежал на чем-то мягком, на боку, как обычно кладут человека в бессознательном состоянии. Попробовал пошевелиться — фиг там. То ли меня связали, то ли я слишком ослаб. Тут меня перевернули на другой бок, и я увидел ее. Рот был свободен — ни кляпа, ни трубок. Она казалась бледной яйцевидной фигурой на оливково-зеленом фоне. Лежа в такой позе, я не видел ее лица, только размытую белизну живота.

Тут до меня дошло: я в больнице. Это объясняло и убогий интерьер, и навязчивый запах тлена. Женщина была то ли медсестрой, то ли санитаркой в белом халате, со стетоскопом на шее. Позади нее висели зеленые занавески — ими обычно закрывают лежачих больных, когда тем нужно опорожниться. Я слышал, как за занавесками что-то щелкает и пикает. Похоже, кому-то было

хуже, чем мне. Лишний повод для оптимизма. Пошевелиться я по-прежнему не мог, но это ничего не означало. Такая вот фигня, наверняка посттравматическое расстройство. В 1962-м война во Вьетнаме казалась пустяковым делом… ха-ха.

Она заговорила. Этот же голос я слышал в машине «скорой помощи».

— Отлично, — сказала она. — Очнулся. Еще немножко — и мы со всем управимся. Несколько простых тестов — и хватит.

Я вытянул шею, чтобы взглянуть повыше. Ее халат был небрежно наброшен поверх черной футболки со смутно знакомым рисунком — вроде контурной карты лунной поверхности. Стетоскоп болтался на груди. Волосы зачесаны назад и стянуты в простой хвост. Губы бледные, на носу — круглые темные очки. На голове — массивные черные наушники, подсоединенные к поясному аккумулятору. Шумоподавляющие, как у пилотов вертолета. Я вспомнил, что видел ночью вертолет, но… нет, просто совпадение.

Странный прикид для медсестры. Откуда-то прозвучал тихий голос: «Мыслишь чересчур рационально. Ты по уши в дерьме, но ни за что не признаешь этого, пока действует экстази». Я пропустил это мимо ушей, сосредоточившись на

женщине. Заметил на ее халате (скорее таком, как у ученого, чем как у медсестры) ржаво-красные пятна.

— Можно чего-нибудь выпить?

Она сунула руку в карман, достала черную коробочку размером с сигаретную пачку, взглянула на часы:

— Отметка в журнал: пять тридцать. Пациент впервые произвел внятное действие. Запросил жидкость. Предположение: остаточных когнитивных функций хватает для координирования нормального пищевого и физического поведения. Другими словами, потребление питательных веществ со стороны субъекта останется в прогнозируемых рамках. Вывод: запрос, вероятно, вызван действительной биологической нуждой. На всякий случай пропишу пациенту внутрь двести пятьдесят миллилитров ячменной воды с гликолятами. Конец записи.

Щелк.

Она нажала что-то под кушеткой, и та поднялась под углом. К моим пересохшим губам поднесли стакан, и я выпил. Да я в жизни ничего вкуснее не пил! Сладкий и прохладный, как

нектар богов, «Люкозейд»[8]. Нависая надо мной, женщина в белом выглядела сущим ангелом, божественным покровителем больных.

— Надо бы проветрить, — сказала она, отодвигая занавеску.

Моим глазам открылась вся палата.

Даже в искаженной наркотиками реальности рано или поздно наступает момент, когда твои знания о реальном мире берут верх над иллюзией. «Ты по уши в дерьме», — повторил тихий голос. Я начал прислушиваться к подсознанию. В палате не было других пациентов. Комната была тесной, четыре на четыре, максимум пять на пять метров. На покрытых плесенью стенах висели сотни… нет, об этом позже. Сначала нужно описать остальное. С одной стороны сквозь высокие окна на пол падал тусклый свет. Я заметил железную, запертую на засов дверь. Запах мочи и блевотины напомнил о многоэтажных автомобильных парковках. Помимо кушетки, в палате нашлось место двум плетеным стульям, деревянному столу, инвалидной коляске и треножнику, на котором крепились лампа и видеокамера.

---

[8] Примечания: 8

«Люкозейд» (изначально «Глюкозейд») — британский газированный напиток с глюкозой и апельсиновым вкусом. До 1983 года продавался в аптеках как восстанавливающее средство для больных.

Остальную часть комнаты занимали недешевые на вид приборы. Множество тонких черных синтезаторов со знакомыми названиями: «Касио», «Корг», «Роланд», «Ямаха», «Хаммонд», «Профет». Все они были подключены к куче MIDI-мониторов и клавиатур. От серых корпусов тянулись спутанные провода и волоконно-оптические кабели. Кругом валялись смятые банки от «Айрнбрю», «Люкозейда» и пива «Бекс», бульварные газетенки, журналы объявлений, папки, кассеты и коробки от них, дискеты и стопки белых конвертов, напоминающих те, в которых обычно хранят грампластинки. Присмотревшись, я заметил на всех конвертах подпись: «Из цифры в аналог». Знакомые слова. Так называлась одна популярная полгода назад клубная композиция. Ее фрагменты сейчас звучали во многих других записях.

На стеллаже расположились десятки дисплеев с экранами, где отображались координатные сетки, показания осциллографов и электрокардиографов, а также точечные изображения, напоминавшие рисунок на футболке женщины. Я вспомнил, где его видел: на обложке альбома одной группы. Это был вовсе не лунный пейзаж, а изображение радиосигналов пульсара

— космических часов. Не помню, кто мне об этом рассказал, но помню, что мне это показалось странным: самый что ни на есть научный символ, разошедшийся по миллионам квартир в качестве обертки для куска черного винила. Как те множества Мандельброта, одно время украшавшие каждую вторую обложку пластинки или кассеты. Словно наука была тайной субкультурой высшего уровня, чем-то скрытым, во что лучше не вдаваться слишком глубоко…

Вроде множества Мандельброта, которое однажды тоже захватило обложки пластинок и видеоряды музыкальных клипов. Наука будто стала всеобщей субкультурой…

Случайное наблюдение: на столе с MIDI-мониторами лежала какая-то железная штуковина с рукоятью, как у пистолета из старой телепередачи «Космос: 1999». Строительный степлер. Похоже, у меня случился плохой приход, ха-ха.

Вернемся к стенам. Пожалуй, будет правильно употребить термин «иконостас»: стены были буквально покрыты десятками черно-белых фотографий меня, сделанных за последний год. На одних, снятых на улице, мой силуэт был очерчен красным. На других можно было хорошо рассмотреть мой отсутствующий взгляд во время

клубных дискотек. Такие фотографии, должно быть, развешивают агенты ЦРУ, когда ведут слежку. Это еще не все: среди снимков друг на дружке висели какие-то сложные многоуровневые диаграммы и намалеванные фломастером графики. Эхограммы, спектрограммы, электросхемы, инструкции по захвату ритма… Господи, откуда я все это знаю и какое это сейчас имеет значение? И зачем ей карта Великобритании, расчерченная пунктирными линиями?

Меня прошиб холодный пот. Кажется, мое подсознание неспроста волновалось; комната вовсе не походила на больничную палату.

Она копалась в моей голове. Я почувствовал на висках электроды и понял, что подключен к какому-то аппарату. Еще она прилепила мне на грудь белые диски, от которых тянулись провода к гудящим машинам. Из одежды на мне остались только перепачканные травой белые джинсы.

Щелчок диктофона.

— Отметка в журнал. Пять сорок пять. Краткая сводка последних событий. — Она откашлялась, затем продолжила с легким тайнсайдским акцентом: — Мной был получен приказ ликвидировать цель на месте, учитывая ее опасность для общества. В два сорок пять ночи я попыта-

лась устранить цель в «Дроме». Ликвидация без риска для незараженных была невозможна. Я проследовала за целью от «Дрома», рассчитывая уничтожить ее без свидетелей. Около трех тридцати я решила нарушить приказ и захватить цель для исследования. В случае успеха исследование закончится через несколько часов. — Она взяла долгую паузу. — Гарантирую, что наша сеть не будет раскрыта. Я действую по наитию, но отдаю себе отчет в том, какая паника поднимется, если нас раскроют. — Она выключила диктофон, нашарила в кармане черную картонную пачку с черепом и костями, достала сигарету и задумчиво закурила, прежде чем продолжить запись. — Пока пациент был без сознания, я несколько раз сняла энцефалограмму, — сказала она, вставляя новое перо в блок регистрации энцефалографа. У нее уже набралась целая корзина записанных чернилами показаний. Прибор загудел, перо принялось двигаться вверх-вниз по бумаге. — Теперь проверяю реакцию пациента на различные стимуляторы.

— Только не убивайте… обещаю: если вы меня отпустите, я никому ничего не расскажу…

Стряхнув пепел на пол, она сделала еще одну пренебрежительную затяжку.

— Как вы можете заметить, пациент перешел к мольбам. Вызванное наркотиком состояние эйфории проходит; замешательство и непонимание происходящего сменяются страхом. Вскоре его мольбы перестанут быть осмысленными; начнется истерика, замыкание в себе, регрессивный эдипов комплекс. Эти симптомы типичны для лиц, получивших серьезные психические травмы, но представляют собой лишь уловки, направленные на выживание.

Она наклонилась ближе, и я увидел в стеклах ее темных очков свое отражение. Признаться, выглядел я паршиво; даже веко дергалось. Она надела на меня пластмассовые наушники и повернулась к своим MIDI-устройствам. После нажатия нескольких клавиш на одном из экранов появились цветные изображения звуковых волн разного типа. На другом — нотный лист, на третьем — копия фортепианной клавиатуры с какими-то номерами и символами.

— Узнаешь? — спросила женщина, постучав черным ногтем по одной звуковой волне. — Мы этим уже давно занимаемся. За тобой следили целый год. — Она отвернулась и произнесла в диктофон: — Заметка на будущее. Не говорить с пациентом ни о чем, выходящем за рамки про-

токола. Это сложно: пациент выглядит и пахнет как человек. А я тоже всего лишь человек. Нельзя устанавливать эмоциональный контакт. Те же трудности были с макаками-резусами в институте…

— Обещаю, — повторил я. — Отпустите меня. Я даже не запомню, как вы выглядите… не узнаю вас, если пройду мимо на улице. Прошу, не убивайте меня… умоляю…

Она затушила сигарету о мою руку.

— Ну-ну. Помалкивай, пока я не разрешу говорить. — Она выдернула из какого-то устройства бумажный лист; когда я открыл рот, перо принялось активно чертить. — Гмм. Дело плохо. Гораздо хуже, чем ожидалось.

Женщина потянулась за строительным степлером, откинула его стальную челюсть, словно солдат, проверяющий магазин автомата. Дважды нажала на крючок, послав через всю комнату крошечные снаряды. Затем оперлась на мою кушетку и пригвоздила бумагу к стене за моей спиной. Щелк!

Все это время я орал, и не только из-за ожога.

Она влепила мне пощечину:

— Молчать, тварь! Будешь орать, связки вырежу. — Она рассмеялась. — Впрочем, нас все равно

никто не услышит.

Ее голос раздавался на фоне звука самолетного двигателя. Я предположил, что рядом аэропорт. Даже в маленьких аэропортах хватает бункеров и ангаров, куда никто обычно не заходит.

Стараясь не поддаваться панике, я принялся размышлять о назначении синтезаторов и медицинского оборудования. С музыкальными инструментами было проще; добыть их не составляло труда. Многие выглядели сильно подержанными, обшарпанными, засыпанными цементной крошкой и заляпанными — то есть покрытыми отпечатками пальцев (мне вспомнились детективные книжки Макбейна, Харриса и Келлермана о серийных убийствах, маньяках и всяком таком… «Проверьте труп на наличие отпечатков». — «Простите, инспектор, но он уже наполовину разложился… придется свериться с записями дантиста, чтобы определить, кем был этот бедолага»).

Но где она раздобыла электроэнцефалограф и другие приборы? Да, сейчас любой может спокойно зайти в больницу и даже зарезать или изнасиловать там кого-нибудь, но страна еще не настолько прогнила, чтобы можно было утащить из больницы целый грузовик — как там в «Монти

Пайтоне»? Ха-ха! — «приборов, которые пикают». Черт, не слишком-то смешно.

— Отметка в журнал, — произнесла женщина. — Шесть десять. Изучаю так называемую сознательную психическую деятельность пациента. Мозговая музыка. Нейронная активность мозга характеризуется спутанными многослойными электрическими импульсами. Первое впечатление: для неспециалиста показания самописца могут выглядеть нормальными, но ни один опытный невролог не скажет, что энцефалограмма принадлежит разумному прямоходящему человеку. На ней видны признаки акинетического или психомоторного расстройства, длительного аномального процесса. — Она кивнула, словно подтверждая собственные выводы, и отложила бумагу. — Приступаю к основному этапу исследования. Чтобы определить степень захвата, нужно спровоцировать у пациента условные реакции. Их совокупность позволит установить первопричину захвата. Мы обнаружили вероятный источник заражения, но процесс передачи инфекции до конца не известен. Заставив пациента вспомнить момент заражения, я надеюсь получить новую информацию. Во избежание сопротивления со стороны пациента ему будет

внутривенно введен скополамин. Конец записи.

Она с улыбкой повернулась ко мне.

— Что ж, теперь можем сделать по-хорошему, тихо-мирно. А можем по-плохому, грязно и неприятно. Что выберем? — произнесла она так, будто отчитывала нагадившую на пол собачонку — не ругая, а умело управляя инстинктами и способностью испытывать страх и смущение. Женщина потянулась за шприцем, поднесла к свету, выдавила из иглы несколько капель и сделала мне укол. — Для создания рабочего настроения, не обессудь.

— Я сделаю все, что пожелаете, — проскулил я сквозь слезы. — Прошу, умоляю… — Я захныкал, как идиот.

— Так, — проигнорировала она мои мольбы, — теперь побеседуем.

Продолжая пускать слюни, я кивнул, в надежде, что разговор ее отвлечет. Мне приходилось надеяться только на то, что нас найдут, и чем больше времени удастся выиграть, танцуя под ее дудку, тем лучше.

— Хорошо, — ответила она. — Но я стану задавать весьма сложные вопросы. И записывать ответы на пленку. Мы будем беседовать тет-а-тет, поэтому нужно принять кое-какие меры предо-

сторожности. Для моей безопасности.

— Как пожелаете, — промямлил я.

Она взяла степлер.

Потянулась к моему глазу, тому, который дергался. Оттянула веко и пришила его к брови. Было больно, но не так, как я ожидал. Глаз стал зудеть; боли не было, только постоянный неутихающий дискомфорт, от которого можно спятить, — спросите у китайцев, они на этом собаку съели. Затем она достала маленькую портативную видеокамеру и установила ее на штатив в считаных сантиметрах от моего глаза. Камера загудела; объектив как будто заглядывал прямо мне в мозг…

Она изложила мне свою невероятную теорию.

Рассказала о моем прошлом, то распутывая его, то связывая воедино отдельные эпизоды, смакуя его, как брайтонский леденец, сдабривая собственными образами, пропуская сквозь пальцы смесь фактов и полузабытых переживаний, словно плела колыбель для кошки. Кое-что из ее рассказа так меня напугало, что я готов был поклясться: эта женщина видела мои сны. Она увела меня так далеко в прошлое, что боль осталась лишь крошечной точкой в будущем. Не знаю, как она это сделала. Быть может, использовала в качестве точки опоры мой страх, мое волнение.

А может, просто загипнотизировала меня.

Словно во сне, мы блуждали по ночным улицам городов, подгоняемые то одним, то другим шпионским фото на стене, будили воспоминания, переносили меня в определенные моменты за полгода до того, как «БТ» перевели меня на север. Музыка гремела у меня в голове, прожекторы сверкали, воссоздавая в памяти клубную сцену Манчестера и Шеффилда. Звучали записанные на пленку голоса, которые я почти мог сопоставить с лицами. Моя рука, словно сама по себе, свесилась на пол, схватила ржавый гвоздь. Я хотел исцарапать ладонь, чтобы боль превратилась в якорь, удерживающий меня в настоящем (боль в глазу была эфемерной, на ней невозможно было сосредоточиться). Но ничего не вышло. Я погрузился в гипногогический водоворот звука.

Все стало разрозненным.

Женщина продолжала задавать вопросы; ее голос, как пуповина, связывал меня с реальностью. Спрашивала о взращенном на клубной культуре вирусе. Не помню, что я ответил; я не слышал собственного голоса и подозревал, что потерял рассудок. Она все спрашивала и спрашивала о каком-то «прародителе»: «Digital to Analogue»,

уайт-лейбл[9] релиз «Deflection Records» тиражом в пятьсот экземпляров. Спрашивала, знаю ли я, кто их распространял, настойчиво донимала вопросами о независимых студиях звукозаписи с северо-запада и их сотрудниках, отчего вспоминались рассказы о тюрьме КГБ на Лубянке. Пластинку я помнил… человек, вхожий в клубную тусовку, ни за что не забыл бы ее. Но кое-что от меня ускользало. Я никак не мог вспомнить саму мелодию. Что-то в ней не давало сосредоточиться… оно было там, в моей голове, но я не мог его выловить — слишком глубоко лежало, на самом дне… Как оптическая иллюзия Неккера с кубами. От напряжения моя голова только что не взрывалась…

Прошлое скрылось в потемках; я выскочил обратно в настоящее.

Меня успели пересадить в кресло-каталку и подвезти к настенному экрану. На нем плясали компьютерные изображения: веселые молекулы и какие-то жуки. Я чувствовал, как по подбородку текут слюни, и понял, что вдобавок обмочился.

---

[9] Примечания: 9

Уайт-лейбл — пластинка с белой чистой этикеткой, на которую потом можно было нанести изображение бренда компании-продавца. Часто под уайт-лейблом выпускались пробные экземпляры и рекламные копии пластинок.

Не обращая на это внимания, моя похитительница надела наушники и уселась за синтезатор. Сыграла спотыкающуюся атональную мелодию, использовав подвывающий эффект. Щелчок диктофона.

— Многие музыкальные формы по своей сути фрактальны, то есть их основную особенность можно найти даже в отдельных интервалах. — Ее голос был чересчур громким, оглушительным. — Можно убрать из произведения девяносто процентов нот, но оно все равно останется узнаваемым. Сейчас я играю разложенный на отдельные ноты фрагмент из «Digital to Analogue», который впоследствии разошелся в виде семпла по другим музыкальным композициям. Я направляю звук прямо на пациента. На мне защитные наушники — на тот случай, если его наушники не полностью звуконепроницаемы. По понятным причинам я не называю это музыкой.

Перо электроэнцефалографа как будто взбесилось, реагируя на повторяющиеся звуки клавиш. Те эхом разлетались по комнате, словно отражаясь от невидимых зеркал. Никакая боль не шла в сравнение с этой пыткой. Боль была не страшнее осеннего ветра. Звук же рвал мне душу, шарил в карманах моего разума. Я ощущал

себя неподвижным, ни на что не реагирующим приемником сигналов. Мелодия прочно засела во мне. Зацикленная, полная форма того, что женщина наигрывала на синтезаторе. С каждым повтором я реагировал все острее, пока сознание не принялось само проигрывать мелодию. На что это было похоже? Вам, наверное, западали в голову навязчивые мелодии. Они повторяются и повторяются, пока не загоняют все ваши мысли на задний план.

— Может ли звукозапись содержать в себе психический вирус, переносчиком которого служит распространенная в подпольном звукозаписывающем бизнесе цифровая технология звукозаписи? — Она ожесточенно потрясла головой, не отвлекаясь от диктофона. Дальше полились размышления о том, что девяностые в целом можно охарактеризовать как совокупность инфекций: заболевания, передающиеся половым путем, обманчивые рекламные слоганы, компьютерные вирусы, спам… наводнившая глянцевые журналы чепуха. Как будто, рассуждала она, вирусная модель распространения информации была самостоятельным метавирусом. — Если провести аналогии с компьютерными вирусами, — продолжила она, — то не лучше ли

ловить распространителя? Или же, что намного страшнее, звуковая форма самоорганизовалась и случайно нашла способ выражения?

Она глухо рассмеялась.

— К несчастью, — заявила она, — времени на умствования нет. Вирус распространяется. На записях второго поколения семпл используется не менее активно, чем на первом, и их гораздо больше.

Моя похитительница рассуждала о том, что клубная сцена не сможет долго сдерживать такой двойной удар: звуковая форма (так она выразилась) станет искать новые направления для заражения. О том, что квантовые шумы в семплах позволяют ей мутировать.

— Вскоре после появления вируса, — сказала она, — мы зафиксировали опасные отклонения в энцефалограммах отдельных лиц, подвергшихся влиянию новой версии звуковой формы. Она проникла в их разум… стала стоячей волной в электромагнитном поле мозга. Не знаю, как это произошло — в результате прямого контакта или с помощью переносчика.

— Послушайте, — взмолился я, — я ничего об этом не знаю. Клянусь, никакой я не переносчик…

В диктофон:

— Как вы можете слышать, пациент по-прежнему прикидывается здравомыслящим. Обычно к этому моменту они начинают нести чепуху под видом правдивой информации о предмете нашего изучения. Очевидно, перед нами прогрессирующие симптомы захвата. Появление разновидностей вируса, способных бессимптомно подчинить носителя, лишь незначительно повлияв на его поведение, обусловлено естественным отбором. Поэтому необходимо действовать немедленно, иначе будет поздно.

Тут я заметил то, что в другой ситуации могло оказаться совершенно незначительным. Во мне затеплилась надежда. Ее параноидальная одержимость, возможно, была мне на руку. Но следовало соблюдать осторожность. Выиграть еще какое-то время. А заметил я небольшое подрагивание кожи прямо под очками, как будто нижнее веко ее глаза произвольно дергалось. Может, так было всегда, и мой глаз стал дергаться — так сильно я желал умилостивить ее, показав нашу схожесть.

А может, это началось только сейчас.

— Почему бы вам не сделать перерыв, — обратился я к похитительнице, впервые полностью

управляя своим голосом, — не снять очки и не посмотреться в зеркало? Интересно, что вы увидите…

Она опешила, осознав, что не сможет списать мои слова на бред безмозглого зомби. Выключив диктофон, она положила его на стол и подошла ко мне сзади. Долгое время она не произносила ни слова, а когда заговорила, ее голос утратил всякую отрешенность, свойственную ученым.

— Выходит, наша догадка была верна, — едва слышно произнесла она. — Вирус достал меня, несмотря на все предосторожности. Возможно, хватило нескольких подергиваний твоего глаза… пульсация в поле моего зрения привела к изменениям коры головного мозга… первый шаг к ассимиляции. Или сказалось продолжительное пребывание в клубе. Сработал эффект захватывания.

«Захватывание». Мне был знаком этот термин. На семинаре по электротехнике нам рассказывали об автоколебательных системах вроде турбинных динамо-машин на подстанциях Национальной электросети. Если один генератор давал сбой и начинал совершать колебания с другой частотой, остальные генераторы в сети, словно сговорившись, возвращали его к

привычному равномерному ритму. Вот только «сговорившись» — неправильное слово. В захватывании нет никакого умысла. Это что-то вроде настройки, совершаемой машинально и без всякого зазрения совести. Так бывает на танцполе, когда близость движения вкупе с музыкой как будто зачаровывает твои мышцы; и даже если ты просто проходишь мимо, тебя затягивает…

— Если вы заражены, — сказал я, хватаясь за единственную соломинку, оставляющую мне шанс на спасение, — то должны понимать, что бояться нечего. Что-нибудь изменилось с тех пор, как он проник к вам в голову?

Женщина горько усмехнулась:

— Нет… пока. Это только первая стадия. — Я услышал, как выдвигаются ящики, как она шарит в них. Что-то упало на пол, зазвенело разбитое стекло. Моя похитительница запаниковала. — Меня обманули, — выдохнула она. — Испортили наушники, узнав, что я иду одна. Настроили их так, чтобы на меня сильнее воздействовали не слышимые компоненты, а те, что ниже порога восприятия. Наверное, я заразилась в клубе или когда проигрывала фрактал…

И тут в окна ударил яркий свет, как в фильмах Спилберга. Послышался шум винта, точно за

нами наблюдали с вертолета. Вдали взвизгнули шины — приближался автомобиль.

— Они здесь, — произнесла женщина. — Прибыли за нами…

— Что вы делаете? — спросил я, теряя надежду. — Вам не навредят, если вы покажете, что я жив. Отвезите меня к выходу, пока не начался штурм…

Похитительница открыла какую-то банку. Сделала несколько жадных глотков и сунула ее мне. Это был «Бекс».

— Думаешь, это полиция? — усмехнулась она. Я снова услышал, как одной рукой она шарит по металлу. Раздались щелчок и звук вращающегося оружейного барабана. — Смотри. Изменения в звуковой форме замечают совершенно разные люди в сотнях километров друг от друга. Так, словно нечто становится осязаемым, развивается и перестраивается быстрее, чем можно предположить, зная пути распространения инфекции. Зарождается некая сущность, крупнее всех, когда-либо нами виденных. — Она кивнула в сторону исчерченной карты Великобритании, и я только в этот момент вспомнил, что точно такая же висела у меня на работе. — Вот каких размеров эта сущность достигнет, если план распростра-

нителей инфекции сработает. Зараженные вроде нас — лишь ее периферийные органы. Она на свободе. Выжидает нужного момента. Эта карта… короче говоря, по ней видно, что они опоздали.

— Они опоздали? Не мы?..

— Нет, — ответила женщина. — Уже нет. — Она опустилась рядом со мной на колени и прижалась головой к моей голове. Бутылка выпала и разбилась о пол. — Поверь мне, — она прижала револьвер к виску, чтобы пуля прикончила нас обоих, — я оказываю тебе услугу…

Она нажала на спусковой крючок ровно в тот момент, когда машина протаранила стену.

Здесь должен был наступить конец, и, возможно, в привычном понимании он и наступил. Возможно, так оно и бывает. Откуда нам знать? Но я не уверен. Видите ли, после выстрела (короткий звук без реверберации, как удар по перевернутой тарелке) осталась технически совершенная пустота. Будто кто-то внезапно догадался включить в моей голове систему шумоподавления, отфильтровать высокочастотные шумы и помехи, которые я привык называть реальностью. Остался только зацикленный хаус-бит, успокаивающая мантра. Я больше не находился в бункере. Я больше не был собой. Мы были везде и всегда, росли,

меняли форму, становились сильнее. Мы рассеялись по миллионам микроскопических дорожек на грампластинках, миллионам магнитных пленок, миллионам радужных металлических поверхностей, миллионам маленьких серых клеточек — и закружились в бесконечном танце. Теперь они — наши периферийные органы, как и говорила женщина (разумеется, она тоже рядом, неотделимая от той же растущей звуковой волны), связанные друг с другом телефонной сетью, к которой когда-то обеспечивали доступ. По всей стране звонят телефоны, приглашая вас послушать невоспринимаемую ухом музыку, хотя бы несколько секунд, прежде чем вы в недоумении повесите трубку. Теперь мы призраки, но по-прежнему на связи.

В 1990 году я познакомился с писателем Полом Макоули, который на тот момент был автором двух романов и нескольких полюбившихся мне рассказов, опубликованных в журнале «Interzone». Пол был первым «настоящим» писателем, с которым мне довелось встретиться. То, что он читал лекции в маленьком шотландском университете Сент-Эндрюса, где я учился — не говоря уже о том, что мы жили в нескольких шагах друг от друга, — я до сих пор считаю одним

из самых счастливых совпадений и поворотным моментом в своей жизни. Много лет спустя Пол помог пристроить в издательство мой первый роман. Справился бы я без его помощи? Возможно, но не наверняка. Я знаю достаточно хороших писателей, которые по той или иной причине не написали ни одного романа. Не скажу, что это плохо, но я, черт побери, хотел писать большие книги, и Пол мне в этом помог. Не ругайте его за это.

Так или иначе, вернемся к данному рассказу. Как-то вечером мы с Полом выпивали в баре, и он сказал, что вместе с Кимом Ньюманом составляет антологию рассказов, посвященных закату эпохи пластинок-«сорокапяток». Он предложил мне написать что-нибудь, и в результате появился рассказ «Из цифры в аналог». В него я впихнул все свои знания о клубной и танцевальной культуре, а также кое-что, что я разборчиво почерпнул из журнала «Face», который тогда почитывал. Меня очень обрадовало, когда Пол и Ким включили мой рассказ в антологию. Прочитав сам сборник, я обрадовался еще сильнее. Думаю, даже сейчас, спустя семнадцать лет после первой публикации, эта история остается актуальной. Это не означает, что я провидец; просто музыка мало

изменилась за этот период. Возьмите промежуток от 1976 года до 1991-го, от «Sex Pistols» до «Nirvana», и сравните с промежутком от 1991-го до 2006-го, то есть от «Nirvana» до… «Coldplay». «Joy Division» как были законодателями моды в 1991-м, так и остались ими. Да, появился формат mp3, музыку теперь можно скачивать из Интернета, но сама музыка, на мой взгляд, не слишком изменилась. И я по-прежнему ею наслаждаюсь.

Неистощимость

Всю дорогу вверх по холму Мойра Кербишли тащилась за желтым сигнальным огнем грузовика с песком, и дворники ее «вольво» с трудом счищали снег. За ней ехала другая машина, также светившая теперь фарами. Мойра не видела водителя, но очертания темного приземистого корпуса наводили на мысль о чем-нибудь более модном: «БМВ», «мерседесе», возможно — «ауди». В такой час ночи движение по дороге в обе стороны довольно вялое, но как только Мойра подумывала пойти на обгон, даже просто вильнуть в сторону, чтобы увидеть весь борт грузовика с песком, как другая пара фар выскакивала навстречу, подобно чертику из табакерки. Мойра поспешно возвращалась за грузовик, а водитель сзади выражал свое мнение о ее маневре очередной серией вспышек дальнего света.

— Мудак! — комментировала Мойра.

Она с облегчением выбралась на гребень холма и свернула с главной дороги, хотя и держала теперь путь по ухабистому, замысловато петляющему проселку без посыпки. По крайней мере, этот участок пути она преодолевала в одино-

честве и могла двигаться в удобном темпе. Она держалась второй передачи, аккуратно въезжая в слепые повороты — не вынырнут ли навстречу машины или тракторы? — но сомневалась, что по проселку еще кто-нибудь катит.

Вскоре проявился приметный горбатый мостик. Она медленно преодолела его, выхватывая фарами из мрака высокие деревья на противоположном берегу речки. В ветвях лучи высветили пару нахохлившихся сов, заставив их застыть в неподвижности. Совы напоминали каменные декоративные статуэтки из лавок прикладного искусства. Дальше, на приличном расстоянии, горели окна коттеджа Иэна.

Он вызвал Мойру часом ранее, и голос у него был скверный. Не сказать что депрессивный, суицидальный — Иэн говорил как раз о том, что не намеревается убивать себя, — но перевозбужденный, маниакальный, а такое состояние ума Мойра считала немногим менее опасным. Зная Иэна, она была уверена, что дела в любой момент могут пойти совсем худо. Она пожалела, впрочем, что не заговорила ему зубы по телефону, а решилась приехать. Надо было сначала погоду глянуть, да и который час не помешало бы уточнить. Но стоило Мойре отложить телефон, как

она поняла, что нарушить обещание не сможет.

— Чертов Иэн! — проговорила она.

Они повстречались лет пятнадцать назад на последнем университетском курсе. Оба увлекались парашютным спортом, Иэн — серьезно, Мойра — потому, что ей нравился один парень из кружка парашютистов. С ним в итоге не срослось, но у Мойры понемногу развился искренний интерес, который она несла по жизни еще несколько лет после выпуска. И там встретила Иэна: не сказать что ее тип, но достаточно интересный собеседник, чтобы и после клуба с ним встречаться. Мойре в нем нравился неизменный кипучий энтузиазм в самых сумасбродных делах. На последнем курсе она потеряла счет восхитительным планам обогащения, которые Иэн намеревался реализовать, как только получит диплом. Надо признать, Иэн угадал за мобильными телефонами великое будущее задолго до того, как в них увидели нечто большее, чем демонстрационная поделка. Но, что для Иэна также вполне типично, ничем он эту свою уверенность не подкрепил. Некоторое время, когда еще мало кто слышал про веб, Иэн возился с компами — конструировал графические интерфейсы пользователя, упрощая навигацию по Интернету и передачу файлов. Среди проде-

монстрированных Мойре идей проскакивали настоящие жемчужины: она до сих пор была уверена, что, если бы он сохранил интерес, мир ныне двигался бы по другому пути и Иэна Кэлдикота именовали бы отцом Всемирной паутины. Но нет: его снова что-то отвлекло, и компьютеры пылились по кладовкам, пока Иэн забавлялся с радиоуправляемыми птеродактилями из бальсы, стравливая их друг с другом. Мойра не вполне понимала, откуда у него берутся деньги на эти забавы. Впрочем, он ни цента не тратил на бытовые нужды. Коттедж потихоньку разваливался, а гардероб Иэна составляла в основном та же одежда, что он носил в университетские годы.

— Чертов Иэн! — снова произнесла Мойра.

Она сбавила скорость, узнав ворота фермы. В десятке метров дальше — поворот на дорожку, ведущую к жилищу Иэна. Снег все падал. Она вписалась в поворот, колеса прокрутились, но снова поймали сцепление с заснеженным гравием. Затормозила она уже перед коттеджем. «Остин-метро» Иэна бело-голубым клином маячил у заброшенного гаража. Мойре подумалось, что под снегом все машины кажутся изящными, соблазнительными, словно концепты, только вырулившие из аэродинамической трубы.

Она выключила фары и заглушила двигатель, потом посидела пару минут, глядя на коттедж. Ну что ж, приехали. Ее разом обступили незримые вероятности. Она снова вернулась мыслями к телефонной беседе: Иэн настойчиво уверял, что не собирается покончить с собой. Если он так и не решился на самоубийство, значит в какой-то момент взвешивал в голове альтернативу. Мойре было известно, что Иэн и на несколько минут не способен задержаться на определенном решении, и она поневоле тревожилась, как бы он опять не передумал.

А что он делал, пока она была в пути? Что, если в доме никого живого нет? Вид у коттеджа теплый и уютный, окно нижнего этажа отбрасывает на снежный ковер продолговатый желтый отсвет. Что, если придется дожидаться прибытия «скорой помощи» и полиции?

Мойра вылезла из «вольво», заперла дверцу и направилась ко входу. Где-то вдали заухала сова. Наверно, из встретившейся на дороге пары.

Она стукнула в дверь. Иэн открыл. Он был в красных растянутых спортивных штанах и грязновато-желтой футболке с эмблемой группы «Левеллерз». Босой.

— Прости меня, — сказал он.

— Значит, я не ошиблась: ты и впрямь мудак, — с неописуемым облегчением откликнулась Мойра.

— Я не заметил, что уже так поздно. И что снег идет.

— В этом твоя главная проблема, Иэн. Ты не останавливаешься, чтобы подумать.

Он хитро улыбнулся:

— Ошибаешься, я как раз о многом размышлял. Потому и позвонил.

— Очень рада это слышать. Иэн, я устала за тебя переживать, черт побери!

— Может, войдешь?

— Да уж, лучше бы мне войти, ты не находишь?

Иэн провел ее в дом. Она потопала, стряхивая снег с ботинок. Коттедж снаружи выглядел райски, как на рождественской открытке в диккенсовском духе. Внутри же, если Мойру спросить, было холодновато. Она сняла пальто и повесила на перила лестницы, обрадовавшись, что надела плотный неудобный свитер.

— Выпьешь чего-нибудь? — поинтересовался Иэн.

Она решила, что разберется, как у Иэна дела, и сразу поедет обратно.

— Кофе. Черный, без сахара.

Мойра прошла за ним на кухню. Ну, не так плохо, учитывая все обстоятельства. Единственный источник света — тусклая лампочка без абажура под потолком. Полумрак маскирует большую часть мусора и ветхого скарба. У стен в два-три яруса навалены картонные коробки с изображениями мониторов и принтеров. Призрачно отсвечивают куски белого пенопласта. Бальсовый птеродактиль с отломанным крылом косит на Мойру черным глазом из инопланетно искривленного черепа. Горный велосипед цвета оранжевый металлик подпирает обшарпанную дверь; колес у него нет. В конце кухни виднеется пара ящиков из-под мюсли и растворимого кофе, полупинтовая бутылка молока и пустая коробка от супа с лапшой быстрого приготовления. На полках никакой еды или питья. Вместо кулинарных справочников — разлохмаченные книжки по программированию на «C», «Perl» или «Java», по дзен-буддизму, квантовой механике и дикорастущим грибам, а также пара незнакомых Мойре романов Бена Элтона.

Иен вложил ей в ладони чашку кофе. Усевшись на раздолбанный деревянный стул у края стола, она наблюдала, как Иэн устраивается напротив.

Через окно без штор было видно, что снег продолжает идти.

— Не будешь против, если я закурю? — Она вынула сигареты.

Иэн порылся среди пустых коробок от пиццы и выудил пепельницу. Она была металлическая, с тиснением: студенты такие воруют из пабов.

— Я надеялся, что ты бросила.

Мойра постучала ногтем по пачке:

— Нет, это чертовски маловероятно. Мои счастливые сигареты. Помнишь?

— Серьезно?

— Да, серьезно. — Она пригубила кофе, порадовавшись, что не пьет его с молоком. Когда Иэн подавал кофе с молоком, в нем обязательно плавали маленькие айсберги. — Но дело не во мне. Я сюда не для пустого трепа приехала. Иэн, ты меня беспокоишь. Вся эта болтовня насчет того, что ты не планируешь суицид.

— Наверное, я немножко перевозбудился.

— Ты же не собираешься на самом деле?..

— Не о том речь, — сказал Иэн. — Я бы не смог, даже если бы захотел.

— Рада это слышать. — Мойра потянулась через стол и накрыла руку Иэна ладонью. — Я в курсе, тебе нелегко пришлось, не все получалось так,

как хотелось. Но ведь ни тебе, ни мне не пришлось совсем худо. Правда же?

— Ты не понимаешь. — Иэн мягко убрал руку. — Я не о том, что не смог бы покончить с собой, поскольку мне противна идея самоубийства. Я имею в виду нечто куда более фундаментальное.

Мойра закурила. Сделала длинную затяжку, смерила Иэна взглядом, каким, по ее мнению, тюремные психологи должны осаживать несносных узников с большими сроками заключения.

— И что же это?

— Я пришел к выводу, что бессмертен.

— Ясное дело, — тихо проговорила Мойра.

— Да?

— Да, — продолжила она, тщательно обдумывая каждое слово. — Я помню разговор на эту тему в пабе, при нашей последней встрече. Твое наисвежайшее безумное увлечение. Ты в Интернете начитался про то, как все живущие пребудут вовеки. По крайней мере, если не пожелают иного и подготовятся как следует. Как это называется, эксгибиционизм?

— Экстропианизм, — с вежливой усмешкой поправил Иэн.

— Верно. Ну что, залезешь в морозильник, чтобы тебя воскресили в будущем? Или надеешься

протянуть еще лет тридцать, а там машины захватят мир и обеспечат нам вечный рай на земле? Может, сингулярности дожидаешься?

Мойра хлебнула немного кофе и заметила на столе кипу старых научных журналов. «Нью сайентист», «Сайентифик американ», все такое.

— Иэн, мне это кажется херней собачьей, но наверняка знать нельзя.

— Это не херня собачья, — возразил он. — А может, и херня, но дело не в ней. Я не имею в виду достижение бессмертия медицинскими средствами или выгрузку содержимого мозга в компьютер. Размышления об экстропианизме послужили только катализатором, необходимым для четкого осмысления проблемы. Все эти подходы не учитывают главного. Я понял, что бессмертие гораздо проще, чем принято считать.

Она снова оглядела книжные полки.

— Волшебные грибочки?

— Пожалуй, не стоило тебе звонить…

— Иэн, извини, конечно, но ты меня вытащил из дому в такую погоду. То ноешь про самоубийство, то…

— Ною про то, что самоубийства не будет, — закончил Иэн за нее.

— Я по пути чуть не разбилась два раза, и это

ради трепа о бессмертии? Иэн, это уровень посиделок в пивной. Не стоит того, чтобы Мойра на ночь глядя срывалась из дому.

— А я думаю, стоит.

Иэн отодвинул кипу журналов. За ними лежал револьвер.

— Твою же мать! — ахнула Мойра.

Небольшой револьвер, на ладони уместится. Он казался очень знакомым, и это ее удивило. Мойра никогда в жизни не видела настоящих револьверов.

— Ну пожалуйста, скажи, что это пугач.

— Пугач, — подтвердил Иэн, — но переделанный для стрельбы настоящими патронами. На одном сайте описан способ — ничего особо сложного, просто нужно малость повозиться. — Он кивнул на деревянного динозавра.

Да, он на такие штуки мастак, подумала Мойра с завистью. Если кто и способен переделать игрушечный револьвер в настоящий, так это Иэн Кэлдикот.

— Меня это не слишком радует, Иэн. — Захотелось спросить, откуда он взял пугач и не противозаконна ли его переделка, но еще больше хотелось отнять у Иэна оружие прежде, чем он успеет натворить непоправимых глупостей. —

Он же не заряжен?

Иэн взял револьвер и другой ладонью крутанул миниатюрный барабан, как в кино. Поднес револьвер к лампе, и Мойре стали видны пустые цилиндрические отверстия. Он медленно вращал барабан, пока не показалась камора с патроном.

— Где тут телефон? — спросила Мойра. — Мне надо позвонить.

— Телефон отключен. Он тебе не понадобится. Ты просто сиди и слушай.

Мойра кивнула. Все, что угодно, лишь бы Иэн говорил, а не действовал.

— А потом?

— Потом я приставлю револьвер к голове и нажму на спуск. Сделаю так десять раз, двадцать, тридцать. А ты будешь сидеть и наблюдать, пока не поверишь.

Мойра прикинула шансы обезоружить Иэна. Можно ли сделать это так, чтобы револьвер не упал на пол? Вот бы вырвать его и выбежать наружу, зашвырнуть подальше… На дворе темно и снежно, и если попасть в приличный сугроб, Иэн не найдет оружие до утра.

Но не успела она додумать эту мысль до конца, как Иэн сунул револьвер в мешковатый карман спортивных штанов.

Теперь отобрать его не представлялось возможным.

— Вроде ты говорил про бессмертие, — сказала Мойра севшим голосом. — Русская рулетка не кажется надежным способом его достичь.

— Это верно. Но дело в том, что я не намерен застрелиться. Я лишь хочу наиболее доходчивым способом продемонстрировать невозможность самоубийства.

— А почему — мне?

— Потому что ты моя подруга. Всегда меня слушала, у тебя открытый ум. И еще потому, что я знал: ты приедешь.

— А не потому ли, что я тебе первая в телефонной книге попалась?

Иэн усмехнулся:

— Ты там значишься даже не как Кербишли Мойра, а как Мойра Кербишли.

Мойра вздохнула:

— Ладно, по рукам. Я тебя выслушаю. А ты расскажешь все, что сочтешь нужным. Но я больше не хочу видеть эту штуку.

— Ты обещаешь выслушать? Не высмеивать и не спорить? Пока я не закончу?

— Обещаю.

Но она не была уверена, что Иэн соблюдет

уговор.

— Мойра, тебе знакомо понятие «многомировая интерпретация»?

— Ты уже упоминал ее. — «Подыгрывай ему, — подумала она. — Продолжай говорить». — Что-то квантовое, да? Параллельные миры и тому подобное?

— Вроде того. Идея вот какая: каждый раз, когда во Вселенной имеет место взаимодействие — каждый раз при столкновении частиц — Вселенная расщепляется на столько различных версий, сколько исходов может быть у события.

Мойре вспомнились долгие разговоры в пабе до закрытия.

— Кажется, поняла.

— Разумеется, мы наблюдаем лишь один из множества вероятных исходов. Если в лаборатории проводится опыт, для которого допустимы равновероятные результаты А и Б, мы регистрируем либо А, либо Б, но не оба сразу. На самом же деле Вселенная в этой точке расщепляется, и наши двойники в другом мире наблюдают иной исход опыта.

— Это вроде тех котов, про которых ты обожаешь рассказывать, — заметила Мойра.

Иэн просиял, явно обрадованный:

— Да. Можно поместить кота в ящик с источником радиации и счетчиком Гейгера, соединенным с ампулой ядовитого газа. Если радиоактивное вещество испускает частицу, а за любой период времени вероятность этого пятьдесят на пятьдесят, то ампула разбивается, из нее вылетает газ, и котик становится экс-котиком.

— А потом ты открываешь ящик.

Иэн пригубил кофе: мерзкие комочки прокисших сливок ему не мешали.

— В одной вселенной мы бы обнаружили мертвого кота. В другой источник радиации не сработал бы. Ты же помнишь, пятьдесят на пятьдесят. Существует наша ветвь мультиверсума, где этого не случилось. И кот по-прежнему жив.

Мойре стало ясно, что Иэн подбирается к моменту своего откровения.

— Ну ладно, — согласилась она.

— А теперь хитрость. Что произойдет, если мы возьмем того же кота, нальем ему молочка и «вискасом» накормим, конечно… а потом засунем обратно в ящик? И повторим эксперимент? Результат прежний: кот не мертв. Что скажешь?

— Скажу, что Королевское общество защиты животных с тебя шкуру сдерет, если узнает.

— А кроме этого?

Она пожала плечами:

— Наверное, ты оказался в той ветви, где радиоактивного распада не случилось? Правильно?

— Да, — сказал Иэн. — Однако поразмысли, что это означает: переключение на ветвь, где распада не произошло, уже повторное. Проведем эксперимент снова: результат идентичен. И еще раз, и еще. Ты продолжаешь, но всякий раз убить гребаного кота оказывается невозможно.

Мойра подняла палец:

— Только потому, что ты подразумеваешь: кот обязательно останется жив. Но если бы я проводила такой эксперимент — без счетчиков Гейгера и прочего, просто монетку бросала, — на самом деле все бы пошло иначе, не так ли? Возможно, кот не погибнет сразу, но после двух-трех прогонов эксперимента — наверняка.

— Суть в том, что каждый раз, когда ты убиваешь кота, отделяется твой аналог, другая Мойра, которая этого не совершила.

— После одного-двух? Возможно. Но если я снова и снова буду обнаруживать кота невредимым, то заподозрю неладное со схемой эксперимента. Иэн, это не так работает. Нельзя, чтобы выпадали одни орлы, рано или поздно появится решка. Если сейчас найду в кармане фунтовую монетку,

покажу…

— Нет, — вежливо возразил Иэн. — Рано или поздно одна из вас выбросит решку. Но у другой выпадет орел. Так и будет продолжаться. Как ни маловероятно это покажется, а всегда найдется твой аналог — Мойра, которой нипочем не удастся уничтожить кота.

— Чушь.

— Нет. Просто такое событие чрезвычайно маловероятно. Это не значит, что упомянутая мной версия Мойры не существует, это просто означает, что вероятность твоей тождественности ей крайне мала. Это как стать королевой. Кто-то должен, хотя личные шансы крайне малы. Ты не задавалась вопросом, как себя чувствует ее величество, проснувшись поутру? Блин, да она наверняка думает: «Я же королева! Королева, мать вашу растак!»

— Наверное, она с этим уже свыклась.

— Но мой аргумент остается справедливым. Логически рассуждая, всегда найдется двойник, Мойра, которая снова и снова будет обнаруживать себя во вселенной, где кот не погиб. Возможно, ей это покажется странным: она оглянется на череду проведенных экспериментов и удивится, что именно она избрана, именно ей

не удается уничтожить кота. Но если отнестись серьезно ко многомировой интерпретации, поневоле приходишь к выводу, что кто-нибудь обязан не справиться с этой задачей — умертвить животное. А когда кот наконец погибает от ее руки, она будет знать, что в другой вселенной кто-то еще — очередная ее версия — в который раз не сумел это сделать. Так оно и продолжается.

— Вечно?

— Вечно.

Они посидели молча несколько мгновений. Мойра снова задумалась о телефоне и револьвере. Если Иэн отключил связь, насколько трудна задача восстановить ее? Если дело только в том, чтобы воткнуть штепсель в стенную розетку… Она представила, как возится с аппаратом и ей удается вызвать полицию, прежде чем Иэн вырывает телефон из ее рук… Нет, не выйдет. Иэн дотошен. Он наверняка снял с аппарата корпус и что-нибудь вынул изнутри. А если и нет, если даже она каким-то чудом дозвонится, сколько же им сюда ехать?.. И пушка. Пушка — не игрушка. Она прикинула, не повалить ли стол на Иэна так, чтобы придавило колени. Если не проделать это очень быстро, Иэн успеет извернуться. А чего совсем не хочется, так это привести его в дурное

расположение духа, не обезоружив перед тем.

— Значит, это оно и есть? — спросила она. — Твое великое откровение? На каком-нибудь далеком сучке бесконечно ветвящейся Вселенной всегда найдется бессмертный и неуязвимый кот?

Иэн впервые выказал раздражение:

— Это не все. Далеко не все. А я-то надеялся, Мойра, что ты к этому моменту сама сообразишь.

— Что соображу?

— Как это выглядит в общем масштабе. Кот в ящике символизирует исход одного-единственного квантового процесса: срабатывание счетчика Гейгера. Представь, однако, что в ящике миллион счетчиков Гейгера и каждый нацелен на свою порцию радиоактивного вещества. Достаточно сработать одному-единственному счетчику, чтобы кот погиб. Чрезвычайно правдоподобно предположение, что по меньшей мере один счетчик Гейгера зафиксирует распад.

Мойра проговорила, тщательно выбирая слова:

— Тогда, надо полагать, кот умирает.

— Почти все время умирает, — сказал Иэн, — и тем не менее существует ветвь Вселенной, в которой этого не происходит. В любом случае найдется эксперимент, при котором ни один из

миллиона счетчиков не зарегистрировал распада. Это не то чтобы невозможно, это просто крайне маловероятно — связано с какой-то экстремальной ветвью мультиверсума.

— Ладно, — сказала Мойра, — если принять твою точку зрения, выходит, что цепочка событий коллапсирует в единственный чрезвычайно маловероятный результат. И как это меняет дело?

— Меняет, потому что не существует принципиального предела, до которого можно длить процесс. Все происходящее — цепочки квантовых событий. Каждый процесс в каждой клетке твоего тела, каждая химическая реакция сводится в конечном счете к разнообразию квантовых вероятностей. И как бы сложно ни оказывалось макроскопическое событие, всегда остается конечная вероятность, что его не случилось.

— Приведи пример.

— Сама жизнь, — сказал Иэн, по-видимому слегка успокоившись. — Подумай, Мойра. Подумай о своем теле: каждая его клетка трудится на поддержание текущего момента бытия. Перетасовка молекул, их перенос через мембраны, взаимодействие с другими молекулами — все это управляется квантовыми процессами. Неудержимая

лавина! Но существует небольшая вероятность — космически редкая, вынужден признать, — что каждый из отдельных квантовых процессов вдруг свернет не в том направлении, какое совместимо с продолжением жизнедеятельности. Как если бы в комнате, набитой часами, все они внезапно перестали тикать. Это исключительное событие, однако где-нибудь в мультиверсуме вероятностей оно может и обязано произойти.

— Что, если… — Мойра замялась, подыскивая возражение. Пока Иэн увлечен разговором, он вряд ли совершит что-нибудь непоправимое. — Что, если мультиверсум недостаточно вместителен для всех вероятностей? Что, если некоторые явления попросту слишком редки?

— Конечно, нельзя доводить до такой крайности. Не обязательно всем квантовым процессам сбоить. Для гибели достаточно лишь некоторых.

— И все же это крайне маловероятно.

— Но с определенной точки зрения — куда вероятнее.

— Запугивать меня взялся?

— Рассмотрим тогда более оптимистичную альтернативу. Ты очень стара, лежишь на смертном одре после долгой счастливой жизни. Ты вот-вот скончаешься от естественных причин.

— Ну ладно, — согласилась Мойра.

— Но что в точности означают эти естественные причины? Что такое смерть, как не завершение ряда химических процессов?

— Мрачноватый взгляд.

— Напротив, — возразил Иэн. — Представь себе, как эти химические процессы постепенно замедляются. Их в свой черед, разумеется, определяют квантовые. Как и всё на свете. А если можно представить себе, как они останавливаются, значит можно и вообразить, как еще чуточку растягиваются.

— И одна из нас урывает еще минутку жизни?

— И даже более того, Мойра. Одной из вас суждено бессмертие. Одна из вас не умрет никогда. Смерть — это химический порог. Всегда найдется та, кто его не преодолела. Искра жизни сохранится в тебе. Ты будешь перемещаться по все более отдаленным ветвям мультиверсума с каждым вздохом, но какое это имеет значение, с твоей-то позиции? Ты даже не почувствуешь, как отмирают все предшествующие версии тебя. Ты лишь почувствуешь продолжение собственного существования.

— Не такого бессмертия я бы хотела, — заметила Мойра. — Мне это кажется прижизненным

адом. Вечная борьба за каждый вдох, которой не суждено завершиться. Лучше под автобус кинуться.

Иэн снова усмехнулся:

— Ты забываешь, что никакой исход не является невозможным, как бы маловероятен он ни был. С пролетающего в небе самолета упадет двигатель и разнесет автобус вдребезги. Автобус провалится в дыру, возникшую посреди дороги. Наконец, он может самопроизвольно распасться: все его заклепки одновременно возьмут и лопнут. Или налетит буря и унесет его с твоей дороги.

— Чудо какое-то.

— Именно так и должны выглядеть чудеса. Впрочем, ты бы поняла. Ты бы осознала, что случившееся сигнализирует о твоем попадании в ближайшую к роковому исходу ветвь.

Мойре показалось, она понимает, к чему клонит Иэн.

— Тогда остается револьвер, — сказала она, придав голосу тон унылой неизбежности. — Я приставлю его к голове и спущу курок.

— Не сработает. Произойдет осечка. И так до тех пор, пока ты не отведешь его от головы или не выстрелишь под углом, который роковых последствий не возымеет.

— Но как насчет наблюдателей? Присутствующие увидят, как моя голова разлетается на куски. Не слишком убедительное доказательство бессмертия. Они ведь не поверят.

— Не поверят. Пока сами не попробуют.

— И что же, нам всем приставить пушку к голове, так? Нажать на спуск, а если выживем — если произойдет осечка, — то заключить, что мы бессмертны?

Иэн наклонился вперед. Она увидела металлический блеск — край рукояти высовывался из кармана. Так подмывает рвануться и выхватить… Но стоило представить эту попытку, как Мойру замутило от страха.

— Оглянись на свою жизнь, — сказал Иэн. — Разве не случалось с тобой ничего такого — несчастных случаев, опасных ситуаций? И разве не думала ты потом, как тебе повезло, что жива осталась?

Мойра мотнула головой, но без особой уверенности:

— Ничего такого не припомню.

— Мойра, почему ты забросила парашютный спорт?

— Я не забросила, — ответила она. — Просто утратила интерес. Да и не было никогда этого

интереса. Я в ту пору втюрилась в одного парня… Ты же помнишь Майка?

— Я помню Майка. Но я также помню, почему ты перестала прыгать. В тот день зацепилась вытяжным тросом за ручку двери, когда входила в столовую. Парашют не раскрылся — он был неправильно уложен. А если бы ты не зацепилась, то узнала бы об этом только в момент падения.

— У меня был запасной.

— Но при осмотре твоего запасного парашюта обнаружилось, что и он уложен плохо. Там еще шастала бывшая подружка Майка, помнишь? Никто не обвинил бы ее в причастности, но больше в клубе ты не появлялось. Мойра, я жалел, что ты ушла.

— Мы с тобой поддерживали связь.

— После долгого перерыва. Признай, что ты испугалась. Что снова и снова мысленно возвращалась к той двери, размышляла, что бы случилось, не пойди ты обратно в столовую за забытыми сигаретами.

— Этого нельзя доказать, — сказала Мойра.

— Однако можно строить предположения. Большинство Мойр погибли или покалечились. Некоторые выжили. Некоторые попросту решили в тот день не прыгать. Некоторые пошли в

столовую и по удачному стечению обстоятельств зацепились парашютом за дверную ручку. Некоторые все равно прыгнули, и купол все же раскрылся, позволив благополучно приземлиться. Некоторые даже не поняли, как им повезло.

— Ну хорошо, — кивнула Мойра, — иногда отделываешься царапинами там, где все могло обернуться куда страшней. Но это не значит…

— Это и на мировом уровне так работает, — перебил Иэн.

— Чего-о?

— Тебе никогда не приходило в голову, как невероятно близки мы были к Третьей мировой? Сколько раз палец ложился на кнопку? Не только в периоды обострения международной обстановки, но и по другим причинам. Когда лунный блик путали с межконтинентальной ракетой в полете, когда стая гусей или метеорный поток едва не провоцировала армагеддон? Ужасно, Мойра, что это происходит снова и снова! Мы чудом продержались так долго! Мы гребаным чудом пережили двадцатый век, и все равно это продолжается. Забудь про револьвер у виска, загляни в историю. Мы уже подтвердили, что именно так оно и работает. Мы уже обитаем на чрезвычайно маловероятной ветви мультиверсума, нравится

нам эта мысль или нет.

— Но мы не бессмертны, — сказала Мойра. — Кругом умирают люди. Разве это не доказывает…

— Конечно, умирают. С твоей точки зрения. А с их личной? Никто из твоих знакомых ни разу в жизни еще не умер. Они лишь видят, как другие мрут вокруг них.

— Значит, таков наш удел? Вечная жизнь, пока все, кого мы любим, проносятся мимо, как встречные машины?

— Именно поэтому я должен узнать, — сказал Иэн. — Я не обещал хороших новостей. Если честно, я надеюсь вышибить себе мозги. Но если буду спускать курок раз за разом, а пуля так и не вылетит из ствола… тогда станет ясно.

— А потом?

— Это будет означать, что у меня проблемы. Что у нас у всех проблемы.

Иэн выхватил из кармана револьвер. Крутанул барабан: оружие хорошо смазано, аж мурлычет. Он приставил к виску ствол. Револьвер казался идиотской игрушкой, совершенно не сочетаясь с коробками из-под пиццы, романами Бена Элтона и ухмыляющимся птеродактилем.

Сейчас или никогда, подумала Мойра. Рванулась вперед, через кухонный стол, к оружию.

Свитер зацепился за чашку, расплескав кофе по научным журналам. Иэн отскочил, не отведя, однако, от головы плотно прижатого дула.

— Не… — начала Мойра.

Курок клацнул.

— Раз, — произнес Иэн.

Затем, почти не отстраняя револьвер от головы, провернул барабан.

— Два.

Он опять крутанул барабан. Мойра в промокшем свитере уцепилась за стол. Приподнялась, но тут ее сковал страх.

— Пожалуйста. Иэн…

Он стоял за кучей коробок из-под компьютерного железа.

— Мойра, не приближайся.

— А не то что, Иэн? А не то ты себя прикончишь?

Он снова спустил курок:

— Три.

— Иэн, пожалуйста!

Мурлыкнул барабан, щелкнул курок.

— Четыре. Как тебе вероятность, Мойра? Кажется, я в основном уже мертв.

— Иэн, нет…

Он снова крутанул барабан и позволил бойку

ударить в пустоту.

— Пять. Страшновато становится? Дойдем до десяти. Потом я еще кофейку заварю.

Он крутанул барабан и спустил курок.

Когда прибыли медики и полицейские, Мойра уже докурила последнюю сигарету. Она сидела в гостиной, пока не засверкали спектрально-чистой красотой в заснеженном пейзаже раннего утра синие проблесковые маячки. Сумерки еще не вполне рассеялись. Наконец в дверь постучали, Мойра едва нашла в себе силы пройти через кухню и отпереть.

Полицейский глянул на Иэна и негромко чертыхнулся. За его спиной парамедик сбавил шаг. Она им сказала по телефону, что Иэн мертв, что сомнений быть не может, но они все равно примчались. Вот и хорошо, ведь ей только одного хотелось: поскорей убраться из коттеджа.

Подальше от Иэна.

Полицейский увел ее в гостиную. На вид ему было лет сорок пять. Пивной животик, но крепкие бока: легко представить, как он по выходным играет в кантри-бэнде.

— Можете говорить, мисс Кербишли?

— Я вам по телефону все объяснила. — Она закурила, попросив сигарету у полицейского.

— Там не только я был. Мне бы узнать, что примерно случилось: протокол потом составим.

Мойра оглянулась на кухню через приоткрытую дверь. Она видела спинку стула Иэна и край его левого плеча. Слышала негромкие вежливые голоса. Легко было вообразить, что в разговоре участвует и Иэн.

— Он мне позвонил, — сказала она. — Мы старые знакомые. Иэн вел себя странновато, и я решила прокатиться.

— Странновато в каком смысле?

— Он все твердил, что не собирается покончить с собой.

— Не собирается покончить с собой?

— Я решила не цепляться к словам. Поняла: с ним что-то неладно. Жалею только, что больше никому не позвонила, тогда приехала бы не одна.

— Если вас это немного утешит, то сомневаюсь, что мы бы добрались быстрее. Ночка выдалась хлопотная. — Он кивнул на дверь кухни: — У них второе дежурство подряд.

— Все равно стоило попробовать.

— Что случилось после вашего приезда?

— Иэн усадил меня за стол на кухне. Потом стал рассказывать что-то — что-то очень важное для

него… Вроде о том, как он собирается жить вечно. И у него был револьвер.

— Носил его с собой?

Мойра покачала головой:

— На столе держал, припрятанным. Но я не успела схватить, Иэн сунул его в карман. Он сидел напротив, и у меня бы никак бы не получилось. Даже если бы попыталась, был риск выронить.

— Вот и хорошо, что не пытались. Он не позволил вам вызвать помощь?

— Сказал, что телефон неисправен.

— И?

— Но он был исправен. Даже подключен к розетке. А я поверила. Иэн был умный чувак. Всегда добивался максимального результата при минимальных затратах.

Она возненавидела себя за то, как это прозвучало, но ведь не поспоришь.

— И он продолжал говорить с вами?

— Пока снова не выхватил пушку. Я не успела ничего сделать. Я бы попробовала, честное слово, но он ее приставил к голове и…

— Все нормально, мисс Кербишли. Достаточно. Успокойтесь, мы вас ни в чем не подозреваем. С Иэном мы уже имели дело, у него в биографии чередовались взлеты и падения. Но вы важная

свидетельница, поэтому придется вас опросить как полагается. На сегодня, однако, хватит. — Он пожал плечами. — С этим можно подождать до улучшения погоды, а пока нам всем не помешало бы выспаться. Это ваш «вольво» снаружи?

— Мой, — ответила Мойра.

— Дайте ключи, я поручу кому-нибудь отвезти вас домой. У вас тут есть знакомые? Чтобы отдохнуть, поговорить??

— Со мной все будет хорошо, — сказала Мойра.

— И все же…

— Я могу вести машину, — заверила она. — Вы же тут задержитесь, верно? А я хочу домой. И снег перестал.

— Я бы предпочел, чтобы вас кто-нибудь сопровождал.

— За предложение спасибо, но я лучше сама. Честно, я справлюсь.

Полицейский тщательно записал ее личные данные, потом протянул визитку:

— Позвоните нам утром, ладно? Надеюсь, уже к ланчу мы более-менее разберемся. Не обещаю, что вам будет легко, но зато потом никаких вопросов.

Мойра взяла визитку:

— Спасибо.

Она прошла через кухню, не сводя глаз с входной двери. Снаружи на нее накинулась стужа. Выглянули звезды, холодные, четкие, идеально неподвижные над импровизированным вертепом из автомобилей. Мойра закрыла за собой дверь и зашагала по снегу к «вольво», как будто только что простилась с Иэном после душевной беседы за кухонным столом.

И вдруг застыла. Ей пришло на ум, что если Иэн прав, то где-то в бесконечном муравейнике неистощимо расширяющегося мультиверсума существует ее двойник, Мойра, занятая точно тем же, что и оригинал. Другая Мойра бредет по снегу к своему «вольво». Мойра, только что видевшая, как револьвер десять или двадцать раз не убил Иэна и все еще не вполне осмыслившая произошедшее. Смерти нет, смертности нет. Ничто не умирает до конца, и в этом-то заключено самое жуткое.

«А та Мойра поверила бы ему?» — спросила она себя.

А она сама?

Мойра села в «вольво». Но прежде чем включить зажигание, опустила стекло со стороны водителя. Холодно, зато свежий воздух. К счастью, двигатель завелся с первой попытки. Фары

разлили по снегу пурпурный свет. Она проехала реверсом между полицейскими машинами и «скорой помощью». На первой передаче медленно двинулась прочь от коттеджа по дорожке, избегая смотреть в зеркало заднего вида. Она не была уверена, что выдержит увиденное.

Она достигла конца дорожки и вырулила на проселок. Тут стало полегче, и Мойра, повозившись с передачами, выбрала третью. Сухие ветки шелестели по корпусу «вольво». Мойра преодолевала сложные участки, и вот показался горбатый мостик. За ним еще небольшой участок дороги и поворот на трассу, которую этой ночью посыпали песком.

Из сумрака что-то метнулось навстречу. Фотовспышкой запечатлелась перепуганная плоская морда в окружении белых мягких перьев. Крылья распростерты, как на анатомическом чертеже. Когти тянутся к ней.

Мойра дернула баранку, и сова пролетела мимо, шаркнув по боковому стеклу. Машина потеряла сцепление с дорогой, выскочила на обочину и сползать к берегу речки. Мгновение растягивалось; Мойра пыталась вернуть машину назад, на дорогу, но руки на рулевом колесе двигались как при замедленном воспроизведении видео.

Она увидела речку: узкая ледяная лента, кое-где окаймленная серовато-черными пятнами камней. Страх сразу отхлынул: нет риска утонуть. Если даже не выдержит лед, глубина речушки — считанные дюймы. Машину на свалку, но…

И тут она увидела дерево. Старое, мертвое, высохшее. Его, наверное, последней сильной бурей снесло вниз по течению, но сейчас, застрявшее между камней, оно выглядело так, словно росло здесь тысячу лет.

Машина неслась к нему, заваливаясь на правый бок. Дерево приближалось, увеличивалось в размерах, и Мойра с тошнотворным ощущением неизбежности осознала, что острые сухие ветки пробьют окно с водительской стороны. Она успела издать тонкий, почти беззвучный крик ужаса, и машина столкнулась с деревом. Последнее, что запомнилось Мойре — как ветви толщиной в ее руку ломятся в окно, острые края касаются кожи.

Меньше часа спустя машину обнаружили полицейские. Им было трудно поверить, что Мойра отделалась царапинами. Все крупные ветви миновали ее, лишь заблокировали в салоне.

— Ну и везучая же вы! — сказал полицейский.

«Неистощимость» не стала сенсацией, когда

была опубликована в «Interzone» — в самом последнем номере из вышедших при Дэвиде Прингле, как раз перед тем, когда бразды были переданы уважаемому Энди Коксу. Но меня этот рассказ по-прежнему не отпускает. В нем сформулирована идея, вытекающая из многомировой интерпретации квантовой механики, некоторое время не дававшая мне покоя. Вы можете посмотреть, как я подхожу к ней с разных сторон в «Ангелах праха», написанных за пять или шесть лет до «Неистощимости». Что мне нравится в «Неистощимости» — и что, похоже, осталось не замеченным читателями, — так это отсутствие в ней выраженной научной фантастичности. Это можно читать как вполне реалистичную историю о человеке, который всего лишь имел весьма специфическую систему верований.

Голубой период Зимы

Спустя неделю народ начал разъезжаться с острова. Зрительские трибуны вокруг бассейна пустели день ото дня. Большие туристские корабли потянулись обратно в открытый космос. Любители искусства, комментаторы и критики паковали чемоданы по всей Венеции. Их разочарование висело в воздухе над лагуной, словно миазмы.

В числе тех немногих, кто еще оставался на Муржеке, я каждый день возвращалась на трибуны. Я смотрела часами, щурясь из-за дрожащего голубого света, который отражался от поверхности воды. Бледное тело Зимы, лежавшее лицом вниз, перемещалось от одного конца бассейна к другому так вяло, что его можно было принять за болтающийся на воде труп. Пока Зима плавал, я прикидывала, как же мне лучше изложить его историю и кому ее продать. Я попыталась вспомнить название своей первой газеты, еще на Марсе. Крупное издательство заплатило бы больше, но где-то в глубине души мне хотелось вернуться к истокам. Это было так давно… Я попросила искусственную память уточнить

название газеты. С тех пор прошло так много времени… сотни лет, наверное. Но в памяти ничего не всплывало. Еще один тоскливый миг — и до меня дошло, что день назад я отказалась от ИП.

— Ты теперь предоставлена самой себе, Кэрри, — произнесла я. — Пора привыкать.

Плывущая фигура достигла дальнего края бассейна и двинулась обратно, в мою сторону.

Двумя неделями раньше я сидела в полдень на площади Святого Марка, глядя, как белые фигурки скользят по белому мрамору башни с часами. Небо над Венецией было забито кораблями, пришвартованными борт к борту. Их днища фиксировались в сияющих громадных панелях, настроенных так, чтобы не отличаться по цвету от настоящего неба. Это зрелище напомнило мне работы одного художника периода предэкспансионизма, который специализировался на обманывающих зрение перспективах и композициях: бесконечные водопады, переплетенные ящерицы. Я мысленно сформировала образ и направила запрос трепещущей поблизости ИП, но она не смогла назвать мне имени художника.

Я допила кофе и напряглась в ожидании счета.

Я приехала в эту беломраморную вариацию Венеции, чтобы наблюдать торжественное от-

крытие шедевра, завершающего художественную карьеру Зимы. Многие годы я с интересом следила за его творчеством и надеялась, что мне удастся договориться об интервью. К сожалению, с этой же целью сюда приехали еще несколько тысяч человек. На самом деле не имело значения, сколько у меня конкурентов: Зима не давал интервью.

Официант положил передо мной на стол согнутую пополам карточку.

Пока что мы знали только то, что следует прибыть на Муржек, залитый водой мир, о котором большинство из нас вообще не слышали до сих пор. Единственное, чем славился Муржек, — это наличием сто семьдесят первой из известных копий Венеции, одной из всего лишь трех, выстроенных исключительно из белого мрамора. Зима выбрал Муржек, чтобы явить публике свое последнее произведение, и здесь же он собирался провести остаток жизни, удалившись от дел.

Скрепя сердце я взяла со стола счет, чтобы оценить нанесенный бюджету ущерб. Но вместо ожидаемого счета передо мной оказалась маленькая визитная карточка голубого цвета с отпечатанными на ней тонким золотым курсивом словами. Голубой цвет был тот самый,

аквамариновый, которым славился Зима. В адресованной мне, Кэрри Клэй, карточке, говорилось, что Зима хочет обсудить со мной торжественное открытие своей последней работы. Если предложение меня заинтересовало, я должна ровно через два часа быть у моста Риальто.

Если предложение меня заинтересовало!

В записке подчеркивалось, что я не имею права приносить с собой никаких записывающих устройств, даже бумаги с ручкой. Словно спохватившись, автор записки упоминал, что с моим счетом все улажено. Я едва не собралась с духом, чтобы заказать еще один кофе и приписать его к оплаченному счету. Едва не собралась, но все-таки удержалась.

Когда я раньше назначенного времени подошла к мосту, слуга Зимы уже был на месте. Замысловатые механизмы пульсировали неоновым светом внутри похожего на человеческое тело робота, сделанного из пластичного стекла. Робот низко поклонился и заговорил удивительно мягким голосом:

— Мисс Клэй? Раз вы уже пришли, можем отправляться немедленно.

Робот проводил меня к лестнице, ведущей к воде. Моя ИП следовала за нами, порхая у меня над

плечом. Корабль застыл в ожидании, зависнув в метре над водой. Робот помог мне забраться в задний отсек. ИП уже собиралась последовать за мной внутрь, когда робот предостерегающе поднял руку.

— Боюсь, вам придется оставить ее здесь, помните: никаких записывающих устройств?

Я посмотрела на отливающего металлом зеленого колибри, пытаясь вспомнить, когда в последний раз обходилась без его вечно внимающего присутствия.

— Оставить?

— Она будет здесь в полной безопасности, и вы сможете забрать ее вечером, когда вернетесь.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда, боюсь, встреча с Зимой не состоится.

Я чувствовала, что робот не собирается торчать здесь весь день, дожидаясь моего ответа. При мысли о расставании с ИП похолодела кровь. Но я так сильно желала этого интервью, что была готова пойти на что угодно.

Я приказала ИП оставаться на этом месте, пока я не вернусь.

Послушная машинка отлетела от меня, сверкнув зеленым «металликом». Ощущение было такое, будто улетает часть меня самой. Стеклян-

ный корпус корабля сомкнулся над головой, и я ощутила волну нарастающего ускорения.

Венеция промелькнула под нами, затем скрылась за горизонтом.

Я послала пробный запрос, попросив ИП назвать планету, где отмечала свой семисотый день рождения. Ответа не получила: я находилась вне зоны доступа и могла полагаться только на собственную изношенную от возраста память.

Я подалась вперед:

— Вы уполномочены сообщить мне, к чему все это?

— Боюсь, он мне не объяснил, — ответил робот, и лицо проявилось у него на затылке. — Но если в какой-то момент вы почувствуете себя неуютно, мы сейчас же сможем вернуться в Венецию.

— Пока что я чувствую себя прекрасно. А кто еще получил голубые карточки с приглашением?

— Насколько мне известно, только вы.

— А если бы я отказалась? Вы тогда пригласили бы кого-то другого?

— Нет, — ответил робот. — Но давайте посмотрим фактам в лицо, мисс Клэй. Вы не очень-то пытались отказаться от его предложения.

Мы летели дальше, и ударная волна корабля

оставляла на море внизу пенную дорожку. Мне представилась кисть, которая стирает с мрамора сырую краску, обнажая спрятанную под ней белую поверхность. Потом я достала приглашение Зимы и вытянула руку с карточкой вперед, к горизонту, пытаясь определить, на что больше похож этот голубой оттенок: на цвет неба или цвет моря? На их фоне голубая карточка, казалось, подрагивала от собственной неопределенности.

Голубой Зимы. Это было вполне конкретное явление, точно определенное в научных терминах, в ангстремах и единицах яркости. Художник мог бы воспроизвести этот цвет, смешав краски в соответствии со спецификацией. Но никто никогда не использовал голубой Зимы, если только не пытался выдать свои работы за его.

Зима уже представлял собой совершенно уникальное явление к тому времени, когда появился перед широкой публикой. Он прошел через несколько радикальных операций, благодаря которым мог переносить самые жесткие условия среды, не стесняя себя защитным костюмом. Внешне Зима выглядел хорошо сложенным мужчиной, одетым в плотно облегающее трико, пока вы не подходили поближе и не понимали, что на самом деле это его кожа. Покрывающий его

целиком синтетический материал менял цвет и текстуру в зависимости от настроения хозяина и окружающей среды. Он делался похожим на одежду, если того требовали обстоятельства. Эта кожа могла выдерживать давление, когда Зиме хотелось испытать на себе вакуум, и становилась жесткой, защищая от гибели при спуске на какой-нибудь газовый гигант. В дополнение ко всем особенным свойствам его кожа передавала мозгу полный набор сенсорных ощущений. Зима не испытывал потребности в дыхании, поскольку вся его сердечно-сосудистая система была заменена жизнеобеспечивающими механизмами с замкнутым циклом работы. Он не нуждался в еде и питье, не нуждался в выведении из организма отходов жизнедеятельности. Крошечные восстанавливающие механизмы заполняли все его тело, позволяя ему выносить такие дозы радиации, от которых человек обычный погиб бы за считаные минуты.

Обладая телом, защищенным от любой агрессивной среды, Зима был волен искать вдохновение, где только пожелает. Он мог свободно дрейфовать в космическом пространстве, вглядываясь в поверхность звезд, или же бродить по каньонам на какой-нибудь планете, где металлы

плавятся и текут, словно лава. Его глаза были заменены камерами, восприимчивыми к гигантскому спектру электромагнитных импульсов, передающими сигнал в мозг через комплексные передаточные модули. Синестетический[10] мост позволял ему слышать визуальную информацию как некую музыку, видеть звуки симфонией пульсирующих красок. Его кожа функционировала как своего рода антенна, позволяя ему чувствовать изменения, происходящие в электрических полях. В случае необходимости он мог вторгаться в информационные поля любых находившихся рядом устройств.

Если учесть все это, то искусство Зимы просто не могло не быть оригинальным и не привлекать всеобщее внимание. В его пейзажах и звездных пустынях ощущалось нечто возвышенное и экстатическое, омытое светящимися пронзительными красками и наполненное сбивающими с толку перспективами. Написанные с помощью традиционных материалов, но в гигантском масштабе, его работы быстро привлекли внимание нескольких серьезных покупателей. Некоторые

[10] Примечания: 10

Синестезия — явление восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и другие ощущения, соответствующие другому органу чувств.

из них попали в частные коллекции, но монументальные творения Зимы выставлялись и в общественных местах по всей Галактике. Протянувшиеся на десятки метров полотна были тем не менее полны мелких деталей; некоторые едва различал глаз. Большинство из них были написаны за один сеанс. Зима не испытывал потребности во сне, поэтому творил не прерываясь, пока не завершал картину.

Его монументальные полотна, безусловно, производили ошеломляющее впечатление. С точки зрения композиции и техники исполнения они, вне всякого сомнения, были великолепны. Но имелось в них и нечто мрачное, вгоняющее в дрожь. Это были пейзажи, лишенные человеческого присутствия, если не считать намека на местоположение самого автора.

Скажем так: на них было любопытно посмотреть, но я не хотела бы, чтобы подобные творения украшали мой дом.

Надо полагать, не все разделяли мое мнение, иначе Зима не продал бы такое количество работ. Но меня постоянно мучил вопрос: сколько народу покупает его картины только из-за того, что они созданы популярным художником, а вовсе не из-за их собственной художественной ценности?

Вот как обстояли дела, когда я впервые обратила внимание на Зиму. Я отметила его для себя как интересного, хотя и кичевого автора; наверное, о нем стоит написать, если вдруг что-нибудь любопытное произойдет с ним самим или с его работами.

Кое-что произошло, но всем, включая и меня, потребовалось некоторое время, чтобы это заметить.

В один прекрасный день — творческий процесс на этот раз затянулся дольше обычного — Зима представил работу, которая кое-чем отличалась от остальных. Это было изображение клубящейся, усеянной звездами туманности, написанное с отличной точки обзора — с торчащей в безвоздушном пространстве скалы. Угнездившийся на краю кратера, примерно посредине полотна, закрывающий собой часть туманности, висел крошечный голубой квадратик. С первого взгляда казалось, что холст был загрунтован голубой краской и Зима просто оставил маленький участок незакрашенным. В этом квадратике не было ни объема, ни детализации, ничего, что как-нибудь связывало бы его с пейзажем или фоном. Но этот квадратик появился не случайно: при более внимательном рассмотрении становилось ясно,

что он специально написан поверх каменистого края кратера. Он что-то означал.

Этот квадратик явился только началом. После него на каждом новом полотне, которое выставлял на обозрение публики Зима, присутствовала какая-нибудь похожая геометрическая фигура — квадрат, треугольник, овал или что-нибудь еще, — затерянная среди общей композиции. Прошло немало времени, пока наконец кто-то заметил, что голубой оттенок повторяется из картины в картину.

Так и начался Голубой период Зимы, и такого же голубого цвета была визитная карточка с золотыми буквами.

На протяжении следующего десятилетия или даже больше абстрактные фигуры становились все более весомыми, они доминировали, вытесняя прочие элементы из каждой картины. Космические просторы в итоге сделались узким обрамлением, идущим по контуру кругов, треугольников и прямоугольников. Если прежние работы Зимы характеризовались обилием мазков и толстыми слоями красок, то голубые фигуры отличались зеркальной гладкостью.

Отпугнутые нашествием абстрактных голубых фигур, обычные покупатели отвернулись от Зи-

мы. Прошло еще немного времени — и художник выставил первое полностью голубое полотно. Оно было достаточно велико, чтобы закрыть фасад здания в тысячу этажей, и многие сочли, что это предел возможностей Зимы.

Они не могли ошибаться сильнее.

Я ощутила, что корабль замедляет ход, приближаясь к маленькому острову, единственному пятну, нарушающему водное пространство.

— Вы первая, кто это видит, — сказал робот. — Искажающий экран не позволяет заметить остров из космоса.

Остров был длиной в километр, невысокий, похожий формой на черепаху, обрамленный узким ожерельем светлого песка. Примерно в центре поднималось небольшое плато с расчищенным от растительности неровным прямоугольником земли. Я разглядела лежавшую там маленькую панель, сверкавшую голубизной, а вокруг нее — что-то похожее на ряды зрительских трибун.

Корабль стал терять высоту и скорость и окончательно остановился как раз рядом с этими самыми трибунами. Он замер напротив не замеченного мною ранее низкого шале из белого камня.

Робот вышел и помог мне выбраться из ко-

рабля.

— Зима будет здесь через минуту, — пообещал он, затем вернулся на корабль и растворился в небесах.

Внезапно я ощутила себя очень одинокой и беззащитной. С моря подул ветер, швырнув мне в глаза песком. Солнце ползло к горизонту, скоро начнет холодать. И вот когда я уже ощутила укол страха, из шале, энергично потирая руки, вышел мужчина. Он двинулся в мою сторону, шагая по дорожке, вымощенной булыжником.

— Я рад, что вы смогли выбраться, Кэрри.

Само собой, это был Зима, и я тут же ощутила себя полной дурой: с чего я взяла, что он не появится?

— Привет, — неловко произнесла я.

Зима протянул руку. Я пожала ее, ощущая пластичную текстуру его искусственной кожи. Сегодня она была тусклой, оловянно-серого оттенка.

— Пойдемте посидим на балконе. Приятно посмотреть на закат, не так ли?

— Приятно, — согласилась я.

Он развернулся ко мне спиной и направился к шале. Пока он шел, мышцы перетекали и бугрились под серой кожей. На спине кожа пе-

реливалась, словно выложенная мозаикой из светоотражающих частиц. Он был прекрасен, как изваяние, мускулист, как пантера. Даже после всех пережитых трансформаций он выглядел красавцем, но я никогда не слышала, чтобы у него был с кем-нибудь роман или что у него вообще есть какая-то личная жизнь. Для него существовало только искусство.

Я шла вслед за ним, ощущая себя неуклюжей и косноязычной. Зима привел меня в шале, прошел через старомодную кухню и старомодный холл, обставленные тысячелетней давности мебелью и безделушками.

— Как вы долетели?

— Отлично.

Он вдруг остановился и повернулся ко мне лицом:

— Я забыл уточнить… робот настоял, чтобы вы оставили свою напоминалку?

— Да.

— Хорошо. Я хочу говорить именно с вами, Кэрри, а не с каким-нибудь суррогатным записывающим устройством.

— Со мной?

Оловянно-серая маска его лица приобрела насмешливое выражение.

— Вы вообще умеете говорить развернутыми предложениями или пока что только учитесь?

— Э…

— Расслабьтесь, — сказал он. — Я здесь не для того, чтобы вас экзаменовать или унижать, ничего подобного. Это никакая не ловушка, и вы не подвергаетесь опасности. К ночи вы вернетесь обратно в Венецию.

— Со мной все в порядке, — сумела выдавить я. — Просто смущена присутствием знаменитости.

— Ну, не стоит. Едва ли я первая знаменитость, с какой вы встречаетесь в своей жизни, не так ли?

— Да, верно, только…

— Люди находят меня пугающим, — сказал он. — Но постепенно преодолевают свой страх, а потом никак не могут понять, чего же боялись.

— Почему вы выбрали меня?

— Потому что вы неизменно вежливо просили, — ответил Зима.

— А если серьезно?

— Ладно. Есть и еще кое-что, хотя вы действительно просили вежливо. Я многие годы с удовольствием следил за вашими публикациями. Люди часто доверяли вам писать о себе, особенно под конец жизни.

— Вы говорили об уходе из профессии, а не о смерти.

— Как бы то ни было, это все равно отказ от общественной жизни. Ваши работы всегда казались мне правдивыми, Кэрри. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь обвинял вас в искажении фактов в ваших статьях.

— Время от времени случается, — призналась я. — Вот почему я всегда слежу за тем, чтобы под рукой была ИП, тогда никто не сможет оспорить сказанное.

— В моем случае это не имеет особенного значения, — заметил Зима.

Я внимательно посмотрела на него:

— Есть что-то еще, какая-то другая причина, верно? По которой вы вынули из шляпы бумажку с моим именем?

— Я хочу помочь вам, — ответил он.

Говоря о Голубом периоде, большинство людей подразумевает эру по-настоящему громадных полотен. Под громадными я понимаю — ГРОМАДНЫЕ. Прошло немного времени, и его работы стали настолько большими, что здания и площади терялись на их фоне; настолько большими, что их было видно с орбиты. По всей Галактике возвышались над частными

островами или поднимались из бушующего моря двадцатикилометровые голубые полотна. Расходы никогда не представляли проблемы, поскольку хватало меценатов, грызущихся друг с другом за право обладать самым последним и самым огромным творением Зимы. Полотна все росли, и в итоге им уже требовались сложные высокотехнологичные механизмы, способные поддерживать их в вертикальном положении, несмотря на гравитацию и погодные условия. Произведения пронзали верхние слои атмосферы, выходя в космическое пространство. Они светились своим собственным мягким светом. Они загибались арками и расходились веерами, так что поле зрения наблюдателя было целиком и полностью насыщено голубым.

Теперь Зима стал невероятно популярен, о нем знали даже люди, не питающие интереса к искусству. Он был загадочной знаменитостью-киборгом, творящим гигантские произведения, человеком, который никогда не дает интервью, никогда даже намеком не позволяет понять, в чем он видит смысл собственного искусства.

Но так было сотни лет назад, когда Зима еще и близко не стал самим собой.

Постепенно его творения сделались слишком

необъятными, чтобы умещаться на планетах. И Зима беспечно двинулся в межпланетное пространство, создавая свободно плавающие голубые полотнища в десять тысяч километров длиной. Теперь он работал уже не с кистями и красками, а с целой флотилией роботов-саперов, разрывающих на куски астероиды, чтобы добыть материалы для его творений. Теперь уже целые звездные экономики соревновались друг с другом за право обладания его работами.

Примерно в это время я снова ощутила интерес к Зиме. Я присутствовала при одном из его «лунных обертываний», при заключении небесного тела в голубой контейнер с крышкой — словно шляпу укладывали в коробку. Два месяца спустя он выкрасил в голубой цвет по экватору целый газовый гигант, и я снова купила билет в первый ряд. Еще через шесть месяцев он изменил химический состав проходящей мимо Солнца кометы, так что она протащила через всю Солнечную систему хвост, расцвеченный в оттенки голубого Зимы. Но у меня по-прежнему не было истории. Я продолжала просить об интервью и неизменно получала отказы. Одно я знала наверняка: за одержимостью Зимы его голубым цветом кроется нечто большее, чем простая причуда художника.

И без понимания сути этой одержимости не будет истории, только анекдот. А я не пишу анекдоты.

Поэтому я все ждала и ждала. А затем, как и миллионы других людей, я услышала о последнем произведении Зимы и отправилась в фальшивую Венецию на Муржек. Я не надеялась на интервью или на какое-то новое понимание. Я просто была обязана там быть.

Через раздвижные стеклянные двери мы вышли на балкон. По обе стороны белого стола стояли два простых белых кресла. На столе были напитки и ваза с фруктами. Иссохший склон под лишенным перил балконом круто уходил вниз, и открывался ничем не заслоненный вид на море. Вода лежала спокойная и приветливая, и в ней отражалась серебряная монета заходящего солнца.

Зима жестом предложил мне сесть в одно из кресел. Указал на две бутылки с вином:

— Белое или красное, Кэрри?

Я раскрыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Обычно в это мгновение между вопросом и ответом ИП безмолвно советовала мне, какую из двух возможностей предпочесть. Отсутствие подсказки от напоминалки привело меня в ступор.

— Мне кажется, красное, — сказал Зима. — Если у вас нет серьезных возражений.

— Это не значит, что я не могу решить за себя сама, — заявила я.

Зима налил мне бокал красного вина, затем поднял его к небу, рассматривая на свет.

— Разумеется, не значит, — подтвердил он.

— Просто все это немного странно.

— В этом не должно быть ничего странного, — сказал он. — Вы жили именно так сотни лет.

— Вы имеете в виду — естественным образом?

Зима налил себе красного вина, но, вместо того чтобы выпить, просто вдохнул аромат.

— Именно.

— Но в том, чтобы оставаться в живых спустя тысячу лет после рождения, нет ничего естественного, — возразила я. — Моя природная память переполнилась около семисот лет назад. Моя голова похожа на дом, в котором слишком много мебели. Чтобы внести туда что-нибудь, что-то необходимо вынести.

— Давайте на минутку вернемся к вину, — предложил Зима. — Обычно вы полагаетесь на совет вашей ИП, верно?

Я пожала плечами:

— Ну да.

— А ИП всегда предлагает вам одну из двух возможностей? Скажем, всегда красное вино или

всегда белое?

— Все не настолько примитивно, — сказала я. — Если бы у меня имелось явно выраженное предпочтение одного перед другим, тогда, разумеется, ИП всегда рекомендовала бы мне только одно, а не другое. Но у меня такого предпочтения нет. Иногда хочется красного вина, иногда белого. А бывает, вообще не хочется вина. — Я лишь надеялась, что мое разочарование не слишком заметно. Однако после сложной шарады с голубой карточкой, роботом и кораблем последнее, о чем я хотела бы говорить с Зимой, — о моей собственной несовершенной памяти.

— Значит, этот выбор случаен? — спросил Зима. — ИП с равным успехом может указать как на красное, так и на белое?

— Нет, ничего подобного. ИП следует за мной повсюду несколько сотен лет. Она сотни тысяч раз видела, как я пью, в нескольких сотнях тысяч ситуаций. Она предполагает, с высокой степенью вероятности, какое именно вино я предпочла бы в каждом определенном случае.

— И вы безоговорочно следуете ее совету?

Я глотнула красного вина.

— Разумеется. Вам не кажется, что это было бы несколько по-детски — поступать наоборот,

только чтобы продемонстрировать свободу собственной воли? В конце концов, меня, скорее всего, удовлетворит предложенный ею выбор.

— Но если вы не игнорируете ее предложения время от времени, не становится ли вся ваша жизнь набором предсказуемых реакций?

— Может быть, — согласилась я. — Но разве это так уж плохо? Если я счастлива, о чем мне переживать?

— Я вас не критикую, — произнес Зима. Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла, несколько разрядив возникшее в процессе расспросов напряжение. — Очень немногие люди в наше время пользуются услугами ИП, верно?

— Я не знаю, — ответила я.

— Менее одного процента из всего населения Галактики. — Зима понюхал вино и посмотрел сквозь бокал на небо. — Все остальные, за этим небольшим исключением, приняли неизбежное.

— Чтобы вместить тысячи лет воспоминаний, требуются машины. И что в этом такого?

— Но машины бывают разных типов, — сказал Зима. — Нейроимплантаты, полностью интегрированные в личностное самосознание. Неотделимые от биологической памяти. С ними вам не пришлось бы спрашивать ИП о том, какое

вино предпочесть, и не нужно было бы дожидаться ответа. Вы бы просто знали, и все.

— И в чем же разница? Я позволяю записывать мой жизненный опыт машине, сопровождающей меня повсюду. Машина не упускает ничего, она настолько тонко настроена на восприятие моих запросов, что мне практически нет нужды спрашивать.

— Эта машина уязвима.

— Через определенные промежутки времени она делает резервную копию. И она не более уязвима, чем набор имплантатов у меня в мозгу. Прошу прощения, но это вряд ли убедительный довод.

— Вы правы, конечно же. Но существует и более весомый аргумент против использования ИП. Они слишком совершенны. Они не умеют искажать факты, не умеют забывать.

— Разве это не достоинство?

— Не совсем. Когда вы будете вспоминать что-нибудь, например этот наш разговор, через сотню лет, кое-что о нем вы будете помнить неточно. И эти неточности сами сделаются частью ваших воспоминаний, обретая весомость и материальность. А через тысячу лет ваши воспоминания об этом разговоре, возможно, совсем перестанут

походить на реальность. Но вы все же будете утверждать, что ваши воспоминания точны.

— А если бы со мной была ИП, у меня осталась бы безупречная запись того, как именно развивались события.

— Верно, осталась бы, — согласился Зима. — Но это не живая память. Это фотография, механическое фиксирование. Оно замораживает воображение, не оставляет возможности неверно запомнить какие-нибудь детали. — Он сделал паузу, достаточную, чтобы снова наполнить мой бокал. — Представьте, что практически в каждом случае, когда вам доводилось сидеть на свежем воздухе вечером, подобным этому, вы предпочитали красное вино белому и, в общем, у вас не было причин сожалеть о сделанном выборе. Но однажды, по той или иной причине, вы вдруг согласились на белое вино — наперекор совету ИП, — и это оказалось чудесно. Все совпало как по волшебству: компания, беседа, атмосфера раннего вечера, потрясающий вид, эйфория от легкого опьянения. Изумительный день перетек в изумительный вечер.

— Вряд ли все это как-то связано с моим выбором вина, — заметила я.

— Верно, — согласился Зима. — И ИП, конечно

же, не придаст ни малейшего значения данному счастливому стечению обстоятельств. Одно-единственное отклонение не сможет сколь-нибудь заметно повлиять на прогнозирующую модель. Она все равно укажет вам на красное вино, когда вы спросите в следующий раз.

Я ощутила неприятные мурашки от понимания.

— Но человеческая память работала бы не так.

— Не так. Живая память вцепилась бы в это единственное исключение и придала ему особое значение. Она преувеличила бы положительные воспоминания об этом дне и подавила отрицательные: муху, которая все время жужжала у лица, ваше беспокойство, как бы не упустить идущий домой корабль, опасение забыть о подарке ко дню рождения, который надо купить утром. Все, что осталось бы у вас в памяти, — это золотистое свечение радости бытия. И в следующий раз вы, вероятно, выбрали бы белое вино, и через раз. Целая модель поведения изменилась бы из-за какого-то мгновенного отступления. ИП ни за что не потерпит такого. Вам придется поступать наперекор ее советам много-много раз, прежде чем она нехотя обновит свою модель и начнет предлагать вам белое вино вместо красного.

— Ладно, — произнесла я, все еще сожалея, что мы говорим обо мне, а не о Зиме. — Но в чем принципиальное различие между искусственной памятью внутри моей головы и снаружи?

— Различие просто громадно, — ответил Зима. — Воспоминания, сохраненные в ИП, зафиксированы навеки. Вы можете обращаться к ней так часто, как только пожелаете, и она никогда не преувеличит и не упустит ни одной детали. А имплантаты работают по-другому. Они спроектированы так, чтобы совершенно сливаться с биологической памятью, до такой степени, чтобы хозяин не мог отличить одно от другого. Именно по этой причине их обязательно делают пластичными, гибкими, способными на ошибки и искажения.

— На погрешности, — сказала я.

— Но без погрешностей нет искусства. А без искусства нет истины.

— Погрешность рождает истину. Ну и ну!

— Я имею в виду истину в высшем, метафорическом смысле слова. Вот что такое этот золотистый вечер? Это истина. И воспоминания о мухе не прибавят ему никакого ощутимого смысла. Наоборот, отвлекут от него.

— Не было никакого вечера, и мухи не бы-

ло, — возмутилась я. Мое терпение наконец лопнуло. — Слушайте, я признательна за то, что вы пригласили меня. Но я ожидала услышать нечто большее, чем лекцию о том, какой способ хранения воспоминаний мне лучше выбрать.

— На самом деле, — произнес Зима, — все это говорится не просто так. И это касается меня точно так же, как и вас. — Он поставил бокал. — Давайте прогуляемся. Я хочу показать вам плавательный бассейн.

— Солнце еще не село, — сказала я.

Зима улыбнулся:

— Всегда будет еще один закат.

Он повел меня через дом другим путем, и мы вышли не через ту дверь, в какую вошли. Извилистая тропинка шаг за шагом взбиралась наверх между белыми каменными стенами, сейчас залитыми золотом закатного солнца. В итоге мы добрались до плато, которое я видела с корабля. То, что показалось мне зрительскими трибунами, именно ими и было: выстроенные террасами конструкции в тридцать метров высотой с лестницами сзади, ведущими на разные уровни. Зима повел меня в сгущавшуюся тень под ближайшей трибуной, затем через небольшую дверь — в огороженное пространство. Голубая

панель, которую я видела на подлете к острову, оказалась скромным прямоугольным бассейном, лишенным воды.

Зима подвел меня к бортику.

— Бассейн для плавания, — произнесла я. — Вы не шутили. Это ради него установлены трибуны?

— Именно здесь все и произойдет, — сказал Зима. — Демонстрация моей последней работы и мой уход от общества.

Бассейн был еще не вполне завершен. В дальнем углу маленький желтый робот приклеивал на нужные места керамические плитки. Часть бассейна рядом с нами была полностью облицована, но я не могла не заметить, что плитки кое-где облупились и растрескались. В вечернем освещении трудно было сказать наверняка — мы стояли у глубокого края бассейна, — но цвет плиток был очень близок к голубому Зимы.

— После того как вы расписывали целые планеты, разве это не деградация? — спросила я.

— Только не для меня, — возразил Зима. — Для меня это место, где заканчиваются испытания. Это то, к чему я шел всегда.

— К старому бассейну для плавания?

— Это не просто старый бассейн, — ответил он.

Он повел меня по берегу вокруг острова, солнце

успело скользнуть под воду, и все краски приобрели пепельный оттенок.

— Мои старые работы шли из самого сердца, — произнес Зима. — Я писал на громадных полотнах, потому что этого, как мне казалось, требует сам предмет изображения.

— Это были отличные работы, — вставила я.

— Это были банальные работы. Громадные, броские, амбициозные, популярные, но совершенно лишенные души. То, что они шли из сердца, не делало их хорошими.

Я ничего не сказала. Именно это я сама всегда ощущала по отношению к его произведениям: они необъятны и бесчеловечны, как и вдохновивший их предмет, и только то, что Зима — модифицированный киборг, придавало его творениям уникальности. С тем же успехом можно хвалить картину за то, что написавший ее человек держал кисть в зубах.

— Мои работы не говорили о космосе ничего такого, чего космос не мог бы рассказать о себе сам. И что важнее, они ничего не говорили обо мне. И что с того, что я ходил в вакууме или плыл по морям из жидкого азота? Что с того, что я могу видеть ультрафиолетовые фотоны или пробовать на вкус электрические поля? Изменения, каким я

подверг себя, были жестокими и радикальными. Но они не дали мне ничего такого, что не смогла бы сделать для художника хорошая рекламная кампания на телевидении.

— Мне кажется, вы к себе слишком строги, — сказала я.

— Ничего подобного. Я теперь могу так говорить, потому что знаю: в итоге мне удалось создать кое-что по-настоящему стоящее. Но когда это случилось, оно совершенно не входило в мои планы.

— Вы имеете в виду это ваше голубое?

— Это голубое, — подтвердил он, кивая. — Началось с нечаянного ляпа — неверный мазок на почти завершенном полотне. Мазок бледного аквамарина, голубой на почти черном фоне. Эффект был подобен удару электрическим током. Казалось, я обнаружил прямой путь к неким пронзительным, изначальным воспоминаниям, в царство пережитого опыта, где этот цвет был самой важной составляющей моего мира.

— И что это были за воспоминания?

— Я не знал. Все, что я знал, — этот цвет говорит со мной, как будто я всю жизнь только и ждал, чтобы найти его, чтобы выпустить на свободу. — Он на минуту задумался. — В голубом всегда

что-то было. Тысячу лет назад Ив Кляйн[11] сказал, что это сама эссенция цвета, цвет, стоящий всех остальных цветов. Один человек провел всю свою жизнь в поисках определенного оттенка голубого цвета, который, как он помнил, видел когда-то в детстве. Он уже отчаялся отыскать его, решил, что ему, должно быть, привиделся тот оттенок, что его, наверное, вовсе не существует в природе. Но потом в один прекрасный день он обнаружил его. Это был цвет жука из Музея естественной истории. И тот человек рыдал от счастья.

— Что же такое голубой Зимы? — спросила я. — Цвет какого-то жука?

— Нет, — ответил он. — Это не жук. Однако я должен был узнать ответ, и меня не волновало, куда это меня заведет. Я должен был узнать, почему этот цвет так много для меня значит, почему он проходит через все мое творчество.

— Вы позволили ему проходить через все ваше творчество, — сказала я.

— У меня не было выбора. По мере того как голубой делался все более насыщенным, доминирующим, я чувствовал, что приближаюсь к ответу. Я чувствовал, что, если мне удастся по-

---

[11] Примечания: 11

Кляйн Ив (1928–1962) — французский живописец, считающийся основателем монохромной живописи.

грузиться в этот цвет, я узнаю все, что мне нужно знать. Я пойму себя как художника.

— И? У вас получилось?

— Я понял себя, — сказал Зима. — Но это оказалось не тем, чего я ожидал.

— И что же вы узнали?

Зима долго думал, прежде чем ответить на мой вопрос. Мы медленно шли дальше, я чуть позади, он, крадущейся пружинистой походкой, впереди. Начало холодать, и я уже жалела, что не предусмотрела этого и не захватила пальто. Я подумала, не попросить ли какую-нибудь одежду у Зимы, но решила не отвлекать его мысли от того, куда они устремились. Держать язык за зубами всегда было самой сложной частью моей работы.

— Мы с вами говорили о погрешности воспоминаний, — сказал он.

— Да.

— Мои собственные воспоминания были неполными. С того момента как были встроены имплантаты, я помнил все, но только за последние три сотни лет. Я знал, что сам я гораздо старше, но из своей жизни до имплантатов я помнил только отрывки, разрозненные кусочки, не вполне понимая, как сложить их вместе. — Он замедлил шаг и развернулся ко мне, тускнеющий

оранжевый свет заката залил его щеку. — Я знал, что мне необходимо покопаться в прошлом, если я хочу понять суть голубого цвета Зимы.

— И как далеко назад вы зашли?

— Это было похоже на археологические раскопки, — признался он. — Я дошел по следам своих воспоминаний до самого раннего реального события, случившегося вскоре после установки имплантатов. Оно привело меня в Харьков-Восемь, в мир Бухты Гарлин, что в девятнадцати тысячах световых лет отсюда. Все, что я помнил, — имя одного человека, с которым был там знаком, его звали Кобарго.

Имя «Кобарго» ничего мне не говорило, но даже без ИП я кое-что знала о Бухте Гарлин. Это была часть Галактики, включающая в себя шестьсот обитаемых систем, раздираемых тремя мощными экономиками. В Бухте Гарлин обычные межзвездные законы не действовали. Это была территория криминальных элементов.

— Харьков-Восемь специализировался на продукте определенного сорта, — продолжал Зима. — Целая планета была приспособлена под оказание медицинских услуг, недоступных в других местах. Запрещенные кибернетические модификации и все в этом духе.

— Это там вы?.. — Я не стала договаривать.

— Это там я стал таким, какой есть, — подтвердил Зима. — Конечно же, я произвел еще некоторые изменения в себе уже после Харькова-Восемь, повысил переносимость агрессивной среды, улучшил свои сенсорные способности, но основы того, кем я стал, были заложены под хирургическим ножом в клинике Кобарго.

— Значит, до прибытия на Харьков-Восемь вы были нормальным человеком? — спросила я.

— Вот здесь и начались трудности, — сказал Зима, осторожно пробираясь дальше по тропинке. — По возвращении я, естественно, пытался отыскать Кобарго. С его помощью, решил я, мне удастся собрать воедино обрывки воспоминаний, хранящиеся у меня в голове. Но Кобарго не было, он сгинул где-то в Бухте. Клиника осталась, но теперь ею заправлял его внук.

— Держу пари, он не рвался общаться с вами.

— Точно, пришлось его убедить. По счастью, у меня имелись средства. Небольшой подкуп, небольшое насилие. — Он слегка улыбнулся при этих словах. — В итоге он согласился открыть архивы клиники и просмотреть записи своего деда, касающиеся моего пребывания у них.

Мы повернули вместе с тропинкой. И море, и

небо сделались одинаково серыми, от голубого не осталось и следа.

— Что же произошло?

— Из записей следовало, что я никогда и не был человеком, — сказал Зима. Он немного помолчал, прежде чем продолжать, чтобы не осталось никаких сомнений по поводу только что сказанного. — Никакого Зимы не существовало до моего поступления в клинику.

Что бы я не отдала за какое-нибудь записывающее устройство или, если это невозможно, хотя бы за старый добрый блокнот с ручкой! Я нахмурилась, как будто это могло заставить мою память работать хоть немного лучше.

— Так кто же вы?

— Машина, — сказал он. — Сложный робот, самоуправляющийся искусственный интеллект. Мне было уже несколько сотен лет, когда я прибыл на Харьков-Восемь, и я был независимым на вполне законных основаниях.

— Нет, — сказала я, качая головой. — Вы человек с частями машины, но не машина.

— Клинические записи не допускали двойного толкования. Я поступил к ним роботом. Роботом андроидной формы, естественно, но тем не менее просто машиной. Меня демонтировали, и мои

основополагающие познавательные функции были внедрены в искусственно выращенное биологическое тело. — Он пальцем постучал по оловянного цвета виску. — Здесь полным-полно органики и куча кибернетических механизмов. Невозможно понять, где начинается одно и заканчивается другое. Еще сложнее определить, кто здесь слуга, а кто господин.

Я смотрела на стоящего рядом Зиму, пытаясь сделать мысленный скачок, необходимый для того, чтобы увидеть в нем машину, пусть и машину с гибкими клеточными составляющими, но все-таки не человека. Не смогла, пока что не смогла.

Я сделала еще попытку:

— В клинике вам могли солгать.

— Не думаю. Они были бы куда счастливее, если бы я ничего не узнал.

— Ну хорошо, — согласилась я. — Но если все же поспорить…

— Там перечислялись факты. Факты легко проверить. Я изучил таможенные записи на Харькове-Восемь и обнаружил в них, что «самоуправляющийся робот» прибыл на планету за несколько месяцев до медицинской процедуры.

— Это не обязательно были вы.

— Никаких других роботов не прибывало в этот

мир на протяжении десятилетий. Это мог быть только я. Более того, в записях указывался пункт отправления того робота.

— И какой же?

— Мир за пределами Бухты. Линтан-Три в Архипелаге Муара.

Отсутствие ИП походило на нехватку зуба.

— Не знаю, известно ли мне это место.

— Скорее всего, нет. Этот мир не из тех, какие посещают по собственному выбору. Рейсовые световые лайнеры туда не заходят. Единственная цель, которую я преследовал, посещая его, казалась мне…

— Вы ездили туда?

— Дважды. Один раз до операции на Харькове-Восемь, а второй недавно, чтобы выяснить, где я находился до Линтана-Три. Четкий след начал теряться, если не сказать больше… Но я задавал правильные вопросы, совал нос в правильные базы данных и в итоге выяснил, откуда я взялся. Только это был еще не окончательный ответ. Я посетил множество миров, и с каждым разом след становился все четче. Но на моей стороне было упорство.

— И деньги.

— И деньги, — подтвердил Зима, подтверждая

справедливость моего замечания вежливым кивком. — Они несказанно помогли.

— Так что же вы обнаружили в конце?

— Я шел по следу до самого истока. На Харькове-Восемь я был быстродумающей машиной с человеческим уровнем интеллекта. Но я не всегда был так умен, так сложен. Я усложнялся поэтапно, насколько позволяли время и обстоятельства.

— Самостоятельно?

— По большому счету — да. Это время наступило, когда я стал самоуправляющимся и независимым по закону. Но мне пришлось дорасти до определенного уровня интеллекта, прежде чем я обрел свободу. А до того я был машиной попроще… чем-то вроде фамильной ценности или домашней зверушки. Я переходил от одного владельца к другому, из поколения в поколение. Они кое-что добавляли в меня. Они делали меня умнее.

— А как вы начинали?

— Как проект.

Зима привел меня обратно к бассейну. Экваториальная ночь опустилась быстро, и теперь бассейн был залит искусственным светом множества прожекторов, выставленных в ряд над

зрительскими трибунами. С тех пор как мы видели бассейн в последний раз, робот успел приклеить на место все плитки.

— Уже готово, — сказал Зима. — Завтра швы заделают герметиком, а послезавтра бассейн заполнят водой. Я буду фильтровать ее, пока она не достигнет необходимой прозрачности.

— А потом?

— Приготовлюсь к представлению.

По дороге к бассейну он рассказал мне обо всем, что узнал о собственном происхождении. Зима начал свое существование на Земле, до моего рождения. Его собрал один любитель, талантливый молодой человек, питавший интерес к роботам для практического применения. В те дни он был одним из многих ученых, которые сообща или в одиночку пытались решить сложную проблему искусственного интеллекта.

Восприятие, ориентация в пространстве и самостоятельное принятие решений были тремя задачами, интересовавшими молодого человека. Он сконструировал множество роботов, собирал их из бросовых деталей, сломанных игрушек, каких-то отдельных блоков. Их разумы, если это можно назвать таким словом, были составлены из внутренностей старых компьютеров, и даже

самые примитивные программы заставляли их работать на пределах памяти и скорости процессора.

Тот молодой человек наполнил свой дом простейшими машинами, каждая из которых выполняла определенную задачу. Один робот представлял собой паука с присосками, он ходил по стенам дома, вытирая пыль с картинных рам. Другой лежал, подстерегая мух и тараканов. Он ловил и переваривал их, а энергию от химической переработки биомассы использовал для перемещения по жилищу. Еще один робот занимался перекраской стен, снова и снова, чтобы их цвет подходил ко времени года.

А еще один робот жил в плавательном бассейне.

Он все время трудился, ползая вверх, и вниз, и вдоль керамических стенок бассейна, дочиста отскабливая их. Молодой человек мог бы заказать дешевого чистильщика по почтовому каталогу, но его привлекал сам процесс создания машины из ничего в соответствии с собственными эксцентричными дизайнерскими принципами. Он сделал роботу полноцветную зрительную систему и дал ему достаточно большой мозг, чтобы тот мог обрабатывать визуальную информацию,

применяя ее к условиям своего окружения. Он позволил роботу самостоятельно выбирать наилучший способ очистки бассейна. Он разрешил ему самому определять время окончания работы и время дозарядки аккумуляторов с помощью солнечных панелей, вмонтированных в его верхнюю часть. Он наделил его элементарным пониманием идеи вознаграждения за труд.

На маленьком чистильщике молодой человек постиг основы конструирования роботов. И усвоенные уроки он применил, создавая других хозяйственных роботов, пока один из них, простой уборщик для дома, не стал достаточно сильным и самостоятельным, и молодой человек начал продавать его в виде набора деталей через почтовый каталог. Набор продавался хорошо, и через год молодой человек предлагал уже нового, начерно собранного домашнего робота. Этот робот имел ошеломляющий успех, и вскоре фирма молодого человека сделалась лидером на рынке продаж хозяйственных роботов.

Через десять лет мир уже кишел его умными деятельными машинами.

Но он не забыл маленького чистильщика бассейна. Время от времени использовал его для испытания нового системного обеспечения или

новых программ. Постепенно этот робот сделался самым умным из его творений, его единственного он отказывался разбирать на детали для постройки других машин.

Когда изобретатель умер, чистильщик бассейна перешел к его дочери. Она продолжила семейную традицию, добавляя маленькой машине разума. После ее смерти робот достался внуку изобретателя; получилось так, что внук перебрался на Марс.

— Это тот самый, первоначальный бассейн, — сказал Зима. — Если вы еще не догадались.

— После стольких лет? — изумилась я.

— Он очень старый. Но керамика живет долго. Сложнее всего было отыскать его. Мне пришлось раскопать два метра почвы. Он находился в том месте, которое тогда называли Силиконовой долиной.

— Эти плитки выкрашены в голубой Зимы, — сказала я.

— Голубой Зимы и есть цвет этих плиток, — мягко поправил он. — Совершенно случайно тот молодой человек выбрал именно этот оттенок для своего бассейна.

— И какая-то часть вас запомнила его.

— С этого я начался. Неуклюжая маленькая

машинка, разума которой хватало лишь на то, чтобы перемещаться по плавательному бассейну. Но для меня это был целый мир. Он был всем, что я знал, всем, что мне следовало знать.

— И что же теперь? — спросила я, боясь услышать ответ.

— Теперь я возвращаюсь домой.

Я была там, когда он это сделал. К тому времени народ, прибывший поглазеть на представление, заполнил зрительские трибуны, и небо над островом превратилось в мозаику из плотно прижатых друг к другу кораблей. Искажающий экран был отключен, и на смотровых площадках кораблей толпились сотни тысяч зевак. Они видели бассейн, вода была ровной, как гладь зеркала, и хрустально-прозрачной. Они видели Зиму, стоявшего на бортике, солнечные батареи у него на спине переливались, как змеиная чешуя. Никто из присутствующих не имел ни малейшего понятия о том, что должно произойти и насколько значимым будет это событие. Они ожидали чего-нибудь — обнародования работы, которая, должно быть, затмит все, что создал Зима до сих пор, — но пока что им оставалось только озадаченно таращиться на бассейн, гадая, как же подобное может сравниться с пронзаю-

щими атмосферу полотнами, с целыми мирами, завернутыми в голубую пелену. Они все еще думали, что бассейн установлен здесь для отвода глаз. Настоящий шедевр, венчающий его уход, должно быть, где-то в другом месте, пока еще не виден, он еще ждет, когда его продемонстрируют во всей красе. Именно так они и думали.

Но я знала правду. Я знала, глядя, как Зима стоит на краю бассейна, полностью отдаваясь голубизне. Он рассказал мне, как именно все произойдет: медленно, методично будут отключаться высшие функции мозга. И необратимость этого едва ли имеет значение: от него останется слишком малая часть, не способная сожалеть о потере.

Но кое-что все же останется: крошечное зернышко бытия, достаточное количество разума для осознания собственного существования. Достаточное количество разума для оценки окружающей среды, для получения некоего подобия удовольствия и удовлетворения от выполнения работы, не важно, насколько бессмысленной. У него даже не возникнет нужды покидать бассейн. Солнечные батареи обеспечат его всей необходимой энергией. Он никогда не состарится, никогда не заболеет. Другие машины будут заботиться об

этом острове, защищать бассейн и его молчаливого, медленно движущегося пловца от воздействия погоды и времени.

Пройдут столетия.

Тысячи лет, затем миллионы.

Что потом — можно только гадать. Но одно я знаю наверняка: Зиме никогда не наскучит его работа. Его разум утратил способность испытывать скуку. Он обратился в чистое действие. Если он и получает какую-либо радость от плавания в бассейне, то это почти бессмысленная эйфория опыляющего растение насекомого. Этого ему достаточно. Этого ему было достаточно в том бассейне в Калифорнии, и этого ему достаточно теперь, спустя тысячу лет, в этом же самом бассейне, но в другом мире, рядом с другим солнцем, в отдаленной части той же самой Галактики.

Что же касается меня…

Как оказалось, из нашей встречи на острове я запомнила больше, чем имела право запомнить. Хотите — верьте, хотите — нет, но выяснилось, что я не нуждаюсь в ментальных костылях своей ИП настолько сильно, как мне казалось. Зима был прав: я позволила своей жизни стать предсказуемой, расписала ее по плану. На закате всегда красное вино и никогда — белое. В клинике на

борту светового лайнера дальнего следования мне установили набор нейронных расширителей памяти, который послужит мне ближайшие лет четыреста — пятьсот. Однажды потребуется иное решение, но этот мнемонический мостик я перейду, когда доберусь до него. Последнее, что я сделала перед тем, как отказалась от ИП, — скопировала ее наблюдения в гулкие пространства моей расширенной памяти. События все еще не кажутся произошедшими со мной лично, но с каждой новой попыткой вспомнить укореняются все лучше и лучше. Они изменяются и смягчаются, и их заголовки выделяются несколько ярче. Подозреваю, они становятся чуть менее точными с каждым мигом воспоминания, но, как и сказал Зима, кажется, в этом весь смысл.

Теперь я понимаю, почему он говорил со мной. Не только из-за моего особого отношения к биографическому материалу. Он просто хотел помочь кому-нибудь двигаться дальше, прежде чем сделает это сам.

В итоге я нашла способ изложить его историю, и я продала ее своей первой газете, «Марсианскому вестнику». Было приятно снова оказаться на старой планете, особенно теперь, когда ее передвинули на более теплую орбиту.

Все это случилось много лет назад. Но как ни странно, я все еще не расстаюсь с Зимой.

Раз в двадцать лет я запрыгиваю в световой лайнер дальнего следования, идущий на Муржек, спускаюсь на улицы той сверкающей белой аватары Венеции, пересаживаюсь на корабль до острова и присоединяюсь к кучке других праздных зевак, раскиданных по трибунам. Те, кто приезжает сюда, должно быть, как и я, чувствуют, что у художника еще есть кое-что в запасе… один, последний сюрприз. Они уже читали мою статью, большинство из них, поэтому они знают, что означает эта медленно проплывающая фигура… хотя все-таки валом сюда не валят. На трибунах всегда пустовато и грустно, даже в хороший день. Однако я никогда не видела, чтобы они были совершенно пусты, и в этом мне видится некий завет. Некоторые люди его понимают. Большинство не поймут никогда.

Но это же искусство.

Сюжет произведения может годами сидеть в голове в форме смутной идеи, прежде чем ты поймешь, что с ним делать. Обычно приходится ждать момента, когда полусформировавшаяся концепция пересекается с другой и в мозгу вспыхивает фейерверк.

Так было и с «Голубым периодом Зимы», со второй историей о Кэрри Клэй, присутствующей в этой книге. Мне давно хотелось написать о роботе как о фамильном достоянии, переходящем от поколения к поколению, из столетия в столетия, причем этот робот постоянно набирается ума и мыслительной утонченности. Я, конечно же, в курсе, что идея принадлежит Айзеку Азимову, она легла в основу его повести «Двухсотлетний человек». Но что меня восхищает в научной фантастике, так это то, что в ней не так важны новые концепции, как новые подходы к старым. Надо лишь найти свежий ракурс, рассказать по-другому, представить в ином свете. И должен заметить, это самое сложное. «Голубой период Зимы» таился на заднем плане, пока я не придумал вторую его половину, пока не нашел новый «угол атаки». А случилось это, когда я пошел поплавать, чтобы очистить голову от накопившихся писательских заморочек.

Что ни говори, бассейн — полезная штука.

Раз уж в «Голубом периоде Зимы» речь идет о несовершенстве памяти, уместно будет отметить, что я не уверен в точности описания присутствующего в повести анекдотического случая. «Один человек провел всю свою жизнь в

поисках определенного оттенка голубого цвета, который, как он помнил, видел когда-то в детстве. Он уже отчаялся отыскать его, решил, что ему, должно быть, привиделся тот оттенок, что его, наверное, вовсе не существует в природе. Но потом в один прекрасный день он обнаружил его. Это был цвет жука из Музея естественной истории». Кажется, что-то такое было с неврологом Оливером Саксом. По крайней мере, я помню, как он рассказывал в телепередаче об очень похожем случае. Если я ошибся в деталях, прошу меня извинить… Могу лишь снова выразить мое восхищение книгами Сакса — сколько раз описанные в них ситуации заставляли меня уронить челюсть! Если бы в нашей вселенной не было фантастики, ее с успехом заменили бы труды Сакса.

Тройка

Когда я добираюсь до дороги в Звездный городок, у меня начинается острая гипотермия. Симптомы мне знакомы со времен подготовки: первая стадия переходит во вторую — организм экономит тепло, кровь отливает от кожи, что приводит к ознобу и общей потере координации. Чуть позже устанут вазоконстрикторы и понизится тонус сосудов. Кровь хлынет к замерзшим конечностям, и из холода меня бросит в жар. Окончательно дезориентированный, я должен буду бороться, чтобы не пасть жертвой феномена так называемого «парадоксального раздевания». Одежды на мне сейчас немного — пижама и тонкая куртка, украденная у доктора Кизима, — но и в ней станет невыносимо жарко. Найдут меня в снегу, замерзшим насмерть.

Сколько я на улице? Час или два? Определить невозможно. Совсем как на «Терешковой», когда мы спали так мало, что день казался неделей. Знаю одно: сейчас еще ночь. После рассвета передвигаться будет сложнее, но до тех пор у меня есть время отыскать Нешу Петрову.

Я нащупываю в кармане металлический тро-

фей, убеждаясь, что он на месте.

Словно вызванная прикосновением к трофею, из ночной тьмы ко мне с ревом катит безобразная машина. Желтая, с наклонным плугом. Я встаю так, чтобы оказаться в свете фар, и неуверенно поднимаю руку. Снегоуборка сигналит. Я отшатываюсь, чтобы не попасть под лезвия и дождь грязного снега, который машина бросает по сторонам.

Неужели снегоуборка проедет мимо? Нет, она тормозит и останавливается. Наверное, водитель думает, что сбил меня. Хорошо, что есть водитель: робот проехал бы мимо. На заплетающихся ногах я подхожу к кабине. Водитель свирепо смотрит на меня, не открывая окна. У него усы, шерстяная шапка, натянутая до самых ушей, и красный нос запойного алкаша.

— Мне нужно в город! — кричу я сквозь раздраженный рокот дизеля.

Водитель смотрит на меня, как на грязь, как на придорожный мусор, который нужно сгрести на обочину. На этой дороге, в такой дали от города нетрудно догадаться, откуда я взялся. Больница — заведение, дурдом, называйте как хотите — в ясную погоду маячила бы вдали: жутковатая клякса, неясная масса темных зданий, окружен-

ных высоченной оградой с колючей проволокой.

Водитель приоткрывает окно буквально на дюйм:

— Помоги себе сам, братан! Иди обратно и согрейся.

— Не дойду я обратно. У меня переохлаждение начинается. Пожалуйста, отвези меня в Звездный городок! Платить мне особо нечем, но могу угостить.

Пальцы работают неловко, как дистанционный манипулятор из тех, что мы использовали на «Прогрессе». Я достаю из кармана куртки пачку сигарет и толкаю мятый, промокший прямоугольник в приоткрытое окно.

— Это все, что у тебя есть?

— Они американские.

Водитель бормочет что-то нечленораздельное, но сигареты берет. Открывает пачку, осматривает содержимое и принюхивается.

— Старые, да?

— Курить можно.

Водитель наклоняется, чтобы открыть пассажирскую дверь.

— Забирайся! Довезу тебя до первого перекрестка на окраине. Сразу, как машина остановится, ты вылезешь и дальше будешь добираться сам.

Я согласен на любые условия, только бы пару минут погреться в кабине. Пока я рассуждаю достаточно здраво, чтобы следить за развитием гипотермии. Вечным здравомыслие не будет.

Я залезаю в кабину, дыша глубоко и судорожно.

— Спасибо!

— Едешь только до окраины, — говорит водитель, словно я не понял его с первого раза. От него разит выпивкой. — Если тебя засекут в этой машине, мне не поздоровится.

— Не поздоровится нам обоим.

Водитель заводит мотор — снегоуборка оживает, с ревом вгрызаясь в снег.

— В Звездном городке тебя найдут. Не такой уж он большой. Глухая глушь, да еще поезда не ходят.

— Мне бы только до города добраться.

Водитель смотрит на меня, оценивая мою невзрачную одежду, неопрятные волосы и бороду.

— Дикая ночка намечается?

— Вроде того.

Водитель включает радио — государственную станцию, где транслируют классику. Сейчас у них Прокофьев. Я наклоняюсь вперед и понижаю

звук, пока он не сливается с ревом мотора.

— Эй, я же слушал!

— Пожалуйста, до окраины города потерпи.

— Проблемы с музыкой?

— Типа того.

Водитель пожимает плечами — он больше прикидывается, чем действительно возражает. Неожиданно я пугаюсь — не упал ли трофей в снег? — и хлопаю по карману куртки. Но металлическая коробочка там, вместе с пропуском доктора Кизима.

Колоссальным волевым усилием я подавляю желание вытащить ее и повернуть ручку, чтобы заиграла музыка. Не потому, что смогу вынести эти звуки, а потому, что хочу убедиться в ее исправности.

Задние габаритные огни снегоуборки тают в ночи. Водитель сдержал слово — довез меня до заброшенного блокпоста в черте старого города, не дальше. Согреться было здорово, одежда начала сохнуть, но едва я вылез из кабины, холод пробрал до костей за считаные секунды. Пока мы ехали, метель стихла, но с молочного предрассветного неба еще падал снег.

В этот час Звездный городок словно вымирает. Свет в многоэтажках не горит — лишь изредка на

фоне темного здания мелькнет бледно-желтый прямоугольник зашторенного окна. Дома стоят рядами, в отдалении от пересекающихся дорог, и выглядят тоскливо-одинаково. Их будто на станке наштамповали, не отличается даже партийная символика на торцах — те же лица, те же лозунги. На миг собственная затея кажется мне абсурдным бредом: Неша может жить в любом из этих зданий. Меня найдут прежде, чем я обойду все подъезды, высматривая на табличках ее имя.

Я показал водителю адрес, который выписал из городского телефонного справочника, лежавшего на столе у доктора Кизима. В каком направлении мне двигаться, водитель понятия не имел. Тот многоквартирный дом стоит рядом с вокзалом — мне придется обойти окрестные улицы.

— Я знаю, где вокзал, — говорю я водителю. — Я помню Звездный городок в его бытность закрытым учебно-тренировочным центром.

— Так ты в космической программе участвовал?

— Было дело.

Звездный городок. Город Звезд. Раньше в него не пускали без специального разрешения. Теперь, когда космическая программа «выполнила все поставленные задачи», это просто место, где

живут, работают и умирают. Жилые микрорайоны вышли далеко за границы старого города. Блокпост стал заброшенной развалюхой, лаборатории и тренировочные базы — аскетичными общественными зданиями. Теперь в городе живет больше рабочих и колхозников, чем ученых, инженеров и бывших космонавтов.

Мне повезло протянуть так долго.

Выбрался я через брешь в ограде за одной из кухонь. Про нее я знал месяцев шесть — достаточно долго, чтобы убедить себя, что она не известна больше никому, не просматривается из административных кабинетов, не видна на камерах слежения. Существование бреши — удача, но без содействия доктора Кизима у меня мало что получилось бы. Не знаю, рассчитывает ли доктор Кизим, что побег удастся, но он, всегда относившийся к участникам полета на «Терешковой» лучше других врачей, очень помог мне своим безразличием. Я украл у него куртку — в метель это не бог весть что, но без нее я не дожил бы и до встречи со снегоуборкой, не то что до Звездного городка. Надеюсь, ему не очень попадет, когда кража откроется.

Мне вряд ли выпадет шанс извиниться.

Снег перестал, сквозь мглу на восточном гори-

зонте пробивается холодное розоватое солнце. Я нахожу вокзал и начинаю исследовать окрестные улицы, уверенный, что не ошибаюсь. Горящих окон уже больше, город понемногу просыпается. Несколько горожан бредут мимо по сугробам, но на меня внимания почти не обращают. Машин на дороге мало, а поскольку поезда не ходят, привокзальный район кажется безжизненным. На улицу, по которой я иду, сворачивает большая машина, лимузин ЗИЛ, черный и мускулистый, как пантера. Спрятаться времени нет, но ЗИЛ катит мимо, шинами разбрызгивая снежную грязь. В салоне пусто! Лимузин наверняка спешит забрать партийного деятеля, живущего в районе получше.

Я брожу целый час, стараясь не оглядываться слишком часто, и нахожу дом Неши. В подъезде многоэтажки пахнет алкоголем и туалетом. Часть окон на внешней стене разбита и закрыта досками. В темном, продуваемом насквозь подъезде — грязный плиточный пол, затоптанный, заваленный бумажками и битым стеклом. Дверь, ведущую к квартирам, можно открыть только изнутри. Холодные, промокшие насквозь тапки чавкают по полу — я иду к вызывной панели, что рядом с почтовыми ящиками.

Судорожный вдох. Все зависит от этого момента. Если я ошибаюсь насчет Неши, если она переехала или умерла — прошло довольно много времени, — значит все-все было напрасно…

Нет, ее имя есть в списке.

«Н. Петрова». Она живет на девятом этаже.

Это ничего не гарантирует. Неша ведь могла умереть или переехать. Тем не менее я тянусь к кнопке онемевшим пальцем. Ни звука, ни обнадеживающего ответа. Я выжидаю минуту и снова нажимаю на кнопку. На улице бездомный пес с безумными глазами красит желтым снег под фонарным столбом. Я снова нажимаю на кнопку и дрожу сильнее, чем под снегопадом.

Из решетки над звонками раздается трескучий женский голос.

— Да?

— Неша Петрова? — уточняю я и наклоняюсь, чтобы приблизить губы к решетке.

— Кто это?

— Дмитрий Иванов, — отвечаю я и пару секунд жду ее реакции.

— Из коммунальных служб?

Неша меня не видит: значит, камеры наблюдения сейчас нет, если она вообще тут стояла.

— Дмитрий Иванов, космонавт с «Терешковой».

Я тот, кто видел Матрешку.

Молчание. А ведь… А ведь есть вариант, которого я не предусмотрел. От старости Неша Петрова может не помнить ничего важного. Может, ей уже все равно. Борясь с холодом, я шаркаю промокшими ногами.

— Неша?

— Космонавтов было трое.

Я снова припадаю к решетке.

— Галина Макарова, Яков Демин и я. Галина и Яков умерли. В обратном полете двигатель ВАЗИМИР вышел из строя, и они облучились слишком сильно. Выжил только я.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что я стою здесь в пижаме и в краденой куртке. Ради встречи с вами я полз из больницы сквозь метель. И вы должны кое-что узнать.

— Так говорите.

— Нет, лучше показать. Тем более что я умру, если останусь здесь.

Я снова смотрю на улицу в окно — не разбитое и не закрытое фанерой. Мимо дома едет еще один ЗИЛ. В этой машине есть люди — серолицые мужчины в темных шинелях и в шапках.

— Мне не нужны проблемы с полицией.

— Надолго я у вас не останусь. Уйду, и никто не будет знать, что я вас навещал.

— Я буду знать.

— Пожалуйста, впустите меня! — К такому я не был готов. Я представлял себе разные варианты развития событий, но ни при одном уговаривать Нешу не требовалось. — Неша, вы должны понять. Вам затыкали рот, но вы с самого начала были правы. Это я и должен вам объяснить. Должен, пока меня не заставили замолчать и не лишили шанса рассказать другим.

— Думаете, это важно, Дмитрий Иванов? — спрашивает она после бесконечной паузы. — Думаете, хоть что-нибудь сейчас важно?

— Важнее, чем вы представляете, — отвечаю я.

Пищит электронный замок. Неша впускает меня.

— Она такая черная!

Я перестал стучать по клавишам.

— Конечно черная. Ты ждал другого цвета?

Яков не отрываясь смотрел в иллюминатор на приближающуюся Матрешку. Она была в двухстах километрах от нас, но занимала полнеба. Звезд в той стороне нет, и вообще ничего, как в самой большой из галактических сверхпустот. Чтобы лучше разглядеть Матрешку, мы приглу-

шили свет. Мы заранее подослали к непонятной конструкции спутники-ретрансляторы. Когда «Прогресс» проник в одно из временных окон в Слое-3, все было уже готово. Только микроспутники из иллюминаторов не видны: они маленькие, а Матрешка большая.

— Я имел в виду… — начал Яков.

— Что она черная.

— Я имел в виду, что она больше чем черная. То есть черный — это черный, а теперь в голове у меня есть кое-что еще темнее, вроде света, который я до сих пор не представлял. Но он всегда таился на задворках сознания и ждал этого момента.

— Товарищ, ты меня беспокоишь, — вмешалась Галина, занимавшаяся на велотренажере в углу модуля. Она надела обтягивающий нагрузочный костюм, созданный для поддержания мышечного тонуса даже в невесомости. Возможно, я слишком долго болтался в космосе, но мне казалось, что день ото дня костюм сидит на ней все лучше.

— Так вы этого не чувствуете? — Вопрос Якова предназначался нам обоим.

— Она просто темная, — сказал я. — Подготовиться к такому невозможно, но удивляться не следует. Два последних появления…

— Их зафиксировали машины, тупые косми-

ческие зонды. Мы первые, кто видит Матрешку собственными глазами. — Яков медленно отвернулся от иллюминатора. Он такой бледный, глаза сильно опухли, как у всех нас за время полета. — Думаете, это что-то изменит? Думаете, наше присутствие, наш зрительный контакт с Матрешкой что-то изменит? Мы же не издали наблюдаем и измерения делаем, а именно контактируем, касаемся, чувствуем.

— Я думаю, тебе нужно выспаться, — заявила Галина.

Я задвинул клавиатуру в специальный отсек. До этого я отвечал на вопросы школьников, точнее, на те, которые координаторы полета сочли достойными моего внимания.

— Дмитрий, только не говори, что тебе не страшно!

— Есть немного, — признал я. — Но не больше, чем когда мы облетали по орбите Марс или Венеру или когда подбирались к астероиду. Просто конструкция здоровенная, а мы маленькие и далеко от дома.

— Ага, здоровенная инопланетная конструкция, созданная инопланетными мозгами с непостижимой для нас целью. Это не огромный камень с гравитационным полем. Это аппарат,

корабль, который заслали в Солнечную систему с определенной целью.

— Мертвая инопланетная конструкция, — добавила Галина. В тот момент она «ехала» в гору, и дыхание ее сбилось. — Кто-то создал ее в свое время, но она сломалась. Долбанулась, как старые часы. Если бы не долбанулась, то не летела бы по этой сраной эллиптической орбите.

— А вдруг это часть плана? — предположил Яков.

— Ну вот, он рассуждает, как Неша Петрова, — подначила Галина. — Осторожнее, Яков! Знаешь ведь, как ее наказали за неумение держать абсурдные мысли при себе.

— Часть какого плана? — спросил я Якова.

— Этой штуковине, наверное, не одна тысяча лет. Десять тысяч, а то и больше. Двадцать четыре года на этой орбите не значат ничего. Для нее это мгновение. Вдруг она только просыпается, проводит системную проверку, перезагружается? Она же сквозь кротовину прошла. Кто знает, какое воздействие она оказывает?

— Ты уж точно не знаешь, — ответила Галина.

— Она права, — вставил я. — Конструкция мертва. Если бы она просыпалась, это случилось бы при первых двух появлениях. Во второй раз

мы всю ее ощупали — никакой реакции.

— Мне бы твою уверенность.

Я пожал плечами:

— Яков, мы должны выполнить свою работу. Начали, закончили, потом вернулись домой и стали космонавтами-героями. Я бы не из-за Матрешки волновался, а о том, как бы не напортачить.

— Я не напортачу. — Яков заглянул мне в глаза, словно я в нем сомневался. — Разве на симуляциях я хоть раз напортачил? Дмитрий, я хоть раз напортачил?

— Нет, — признал я. — Но это не симуляция. Сейчас мы не в Звездном городке.

— Товарищ, ты в этом уверен? — подмигнул мне Яков.

Рукавом нагрузочного костюма я стер конденсат со стекла на входном люке. С другой стороны корпуса «Терешковой» полыхнула серебристая вспышка. Пирозамок стыковочного устройства выпустил «Прогресс». В то же мгновение я услышал и почувствовал глухой удар — обшивка корабля содрогнулась от отдачи.

— Расстыковку подтверждаю, — доложил Яков от другого иллюминатора. — Мальчики и девочки, по мне, это самое настоящее рождение.

Галина зафиксировалась в гамаке у рабочей станции «Прогресса»: одной рукой держала ручку управления, другой стучала по клавишам. На экраны перед ее глазами непрерывно подавалось то, что снимали камеры на «Терешковой» и на маленьком роботе, который только что от нее отделился.

— Перехожу к поступательному перемещению, — объявляет Галина, касаясь клавиш. — Дмитрий, сейчас ты ее увидишь.

«Прогресс», ярко-зеленый волан с красной трафаретной надписью «СССР» на боку, скользнул к моему горизонту, медленно отдалился от «Терешковой» и повернулся в двух плоскостях, носом к зловещему мраку Матрешки.

— Выглядит отлично, — проговорил я, проверяя каждый видный мне дюйм корабля на предмет повреждений. — Никаких следов неблагоприятного воздействия. Словно только что вышел из чистовой комнаты.

— Встряхиваю баллоны с гидразином, — докладывает Галина. — Посмотрим, выдержит или нет.

— Все в порядке, — отвечаю я, убедившись, что «Прогресс» не взорвался. — Корабль жив-живехонек. Открываем водку?

— Не надо бежать впереди паровоза: вслепую в Матрешку лезть бессмысленно. Запустим камеры и дистанционные манипуляторы — вот это будет настоящая проверка.

Наш маленький посланник — нечто среднее между космическим кораблем и глубоководным роботом, которых используют для обследования и разоружения затонувших кораблей и субмарин. Рычаги, датчики, камеры, установленные спереди, уничтожают любую аэродинамику, которую только может иметь «Прогресс». С начала полета устройства были в походном положении, а теперь стали медленно раскрываться, как цветы на солнце. Галина оттолкнула ручку управления и подтянула к себе дистанционный манипулятор, погружая кисти в тяжелые, напичканные датчиками рукава и перчатки. Там, в космосе, ее движения копировали механические рычаги «Прогресса». Меня все устраивало, а вот Галина нахмурилась и подрегулировала настройки. «Вот что значит педантизм», — подумал я. Галина провела еще пару проверочных испытаний, и скупым жестом показала, что все в порядке.

— У камеры-три плохая маневренность — не удивлюсь, если посреди операции она за нас зацепится. У рычага-три удручающе медленная

тактильная отдача. Инфракрасный датчик средневолнового диапазона потерял ряд пикселей: наверное, из-за космических лучей. Один из буферов памяти уже переполнен, а мы еще не начинали регистрировать данные.

— Но ты даешь отмашку? — уточнил я.

— Если у нас откуда-нибудь не появился второй «Прогресс», придется довольствоваться этим.

— Мы ничего не отремонтируем, — проговорил Яков. — Так что лучше смириться. Даже если выйдем в скафандрах в открытый космос, нужных инструментов у нас нет.

— Ну, спасибо, объяснил, — с трудом сдерживаясь, съязвила Галина.

Яков начал раздражать нас обоих. Матрешка действовала на него иначе, чем на Галину или на меня. Порой он ронял очень странные фразы. Его шутки о том, что на самом деле мы в Звездном городке, что все это изощренная симуляция (даже невесомость, которую невозможно симулировать) и подготовка к предстоящему полету, уже порядком приелись.

Я вообще сомневался, что он шутит, и беспокоился именно из-за этого.

Космос ломает людей. Без этого никак. Поэтому на борту имелись скотч и тазеры. Я просто не

ожидал, что это случится с одним из нас и, более того, в начале полета. Мы еще даже не коснулись Матрешки. Что случится, когда мы проникнем в тайные недра Слоя-3?

Об этом я старался не думать.

— Какая у нас скорость подхода? — спросил я, возвышаясь над Галиной, которая сидела у панели управления.

— Два метра в секунду, самое то.

— Немного торопимся, да?

Галина прикрыла рукой микрофон, чтобы в Байконуре не услышали ее следующую фразу:

— Товарищ, кто из нас ведет корабль?

— Ты, конечно. — Я поскреб щетину на подбородке. — Мне просто казалось, что мы будем держать ее ниже одного метра в секунду до самого сближения.

— Хочешь так тридцать часов штаны просиживать — пожалуйста.

— Просиживать буду не я.

— Все в пределах допустимого. Мы наберем скорость в промежутках, а при встрече с чем-нибудь сложным замедлимся. Положись на меня, ладно?

— Ты здесь пилот.

— Вот именно.

Галина убирает ладонь от микрофона.

— Как слышите, Байконур? Системы «Прогресса» стабильны. Проникновение в Слой-один — сто метров. Прогнозная модель контакта работает. Изменений в состоянии Матрешки и окружающего вакуума нет.

На экране в трехмерной графике отображались прямоугольные силуэты подсвеченных радаром препятствий — крупные, размером с айсберг или с линкор, непроглядно-темные летающие объекты, между которыми должен маневрировать «Прогресс», избегая не только препятствий, но и тонюсеньких силовых линий, связывающих их воедино. Слой-1 — не плотная сфера, а рой опаснейших препятствий и ловушек.

При втором появлении Матрешки американцы направили роботизированный зонд прямо в сеть силовых линий. Зонд тотчас замолчал: столкновение его уничтожило или сильно повредило. Годы спустя радиолокационная станция дальнего космоса засекла его с мертвым двигателем на солнечной орбите. Пилотируемая экспедиция (одна из последних, которую подготовили американцы) отправилась, чтобы вернуть его для исследований.

Когда астронавты подцепили зонд, ровно половина его медленно уплыла прочь, отделенная с

математической точностью. В немом изумлении астронавты смотрели на рассеченное чрево робота — плотный лабиринт блестящих от хрома внутренностей. Очевидно, при прохождении сквозь Матрешку робота рассекли пополам, но так аккуратно, что до появления астронавтов обе половины двигались по одной траектории.

Мы отправили к Матрешке робота, сама «Терешкова» осталась на безопасном расстоянии, но я содрогался при мысли о том, что́ те силовые линии сделают с металлом и керамикой, с костями и плотью. Прогнозная модель проанализировала векторы силовых линий и предложила варианты безопасного прохождения, но при всем желании я не разделял непоколебимой веры Галины в силу алгоритма и быстродействие компьютера.

Впрочем, да, пилот у нас Галина. Управление кораблем — ее территория, на которую мне советовали не соваться. Я отреагировал бы так же, посмей она указывать мне, как работать с системами приема-передачи данных.

Согласно плану, который месяцами обсуждался на Земле, на каждом этапе полета «Прогресса» следовало брать пробы. Прогнозная модель вселяла уверенность, что робот подберется к одному из летающих объектов, не будучи искромсанным

силовыми линиями. Сбросив скорость «Прогресса» до менее чем метра в секунду, Галина подвела его к границе контакта с объектом, выпустила рычаги и инструменты анализа на максимальную длину. Благодаря китайскому зонду, который сошел с курса при втором появлении Матрешки, мы знали, что внешний слой удивительно хрупок. Столкновение на высокой скорости разрушило китайский аппарат, но он успел отсечь крупные куски инопланетного материала. Матрешка вернулась в третий раз, и мы, изучив результаты исследований, обрадовались: поврежденный зондом объект не самовосстановился.

Тросами с липкими наконечниками «Прогресс» прикрепился к препятствию. Галина колупала облупленный край зоны столкновения с помощью молотков, режущих устройств, зажимов. Внешний слой ломался легко: будь мы там, на месте, в автономных скафандрах, отрывали бы эти кусочки руками. Некоторые были размером с уголек, некоторые — с автомобильный двигатель. Галина наполнила грузовой отсек «Прогресса» примерно на треть и решила, что пока хватит. Ей хотелось оставить место под другие образцы и собрать их, когда «Прогресс» войдет глубже.

— Может, вернем «Прогресс» к «Терешковой»,

разгрузим и снова отправим к Матрешке? — предложил я. По плану следовало сделать несколько рейдов на Матрешку, пока мы не израсходуем запасы гидразина.

— Только не с такими долбаными системами. Вот потеряем память или останемся с невращающейся камерой — и все, считай, ослепли. Может, робот способен еще на три-четыре вылазки, но пока я исхожу из того, что это наш единственный шанс. Хотелось бы, чтобы «Прогресс» проник как можно глубже — по крайней мере, пока грузовой отсек не заполнится.

— С Байконуром посоветуешься?

— Мы вольны делать что хотим, Дмитрий. Разница во времени слишком велика, чтобы звать маму всякий раз, когда нужно принять ответственное решение. — Галина отстранилась от дистанционного манипулятора и размяла пальцы. — Пока корабль дышит, я поведу его вглубь Матрешки.

— Согласен.

— Вот и хорошо, — отозвалась Галина, которую, в сущности, не интересовало, согласен я или нет. — Кстати, где сейчас Яков?

— Где-то здесь.

— Дмитрий, кому-то из нас нужно за ним при-

сматривать. По-моему, он на грани.

— Мы все на грани. Это называется космическим полетом.

— Ну, я просто говорю.

— Нужно присмотреть за Яковом. Я присмотрю.

На глубине проникновения пятнадцать километров «Прогресс» вышел из Слоя-1 в космическое пространство, фактически свободное от летающих препятствий и силовых линий. Галина увеличила скорость, и теперь «Прогресс» каждые десять секунд углублялся в Матрешку на километр. Здесь собирать и анализировать было нечего.

— В бреши один нормальный вакуум, — пробормотала Галина. — По крайней мере, нормальный для робота. Окружающая физика особо не изменилась.

С первого появления Матрешки все знали или, по крайней мере, подозревали, что это не просто таинственный многослойный артефакт, плывущий по космосу. Каким-то, пока не понятным нам образом она искажала саму физику пространства-времени, по которому двигалась. Из-за отдаленности «Терешковой» мы не могли измерить едва уловимые искажения, но чем

глубже уходили зонды, тем ярче эти искажения проявлялись. Фундаментальные постоянные теряли свою фундаментальность. Менялась скорость света. Постоянная Планка отклонялась от цифры в справочниках, так же как угол слабого смешивания, постоянная тонкой структуры, постоянная Ньютона. Существующими законами физики ни одна из аномалий не объяснялась. Казалось, Матрешка несет с собой кусок другой вселенной. Может, ее создали такой; может, это было искажение пространства-времени — что-то вроде затяжного заражения, побочный эффект прохода сквозь кротовину.

Разумеется, мы не были уверены, что Матрешка прошла сквозь кротовину. Это предположение, пусть даже обоснованное, напоминало фиговый листок на бездне невежества. Доподлинно мы знали только то, что она появилась в центре Солнечной системы вместе со вспышкой энергии.

Я очень хорошо помню тот день — 6 ноября 2015 года, мой двадцатый день рождения. Спустя двадцать четыре года и два витка, сделанные Матрешкой на высокоэллиптической солнечной орбите, я смотрел в упор на инопланетную конструкцию, словно вся моя взрослая жизнь была стрелкой, указующей на этот момент.

Может, она и была стрелкой.

Родился я в 1995 году в деревне Клушино, под Смоленском. Гордиться вроде бы нечем, но ведь именно в Клушино родился Юрий Гагарин. Его имя я выучил раньше многих других. Отец рассказывал, как Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космосе, как он ни разу не изменил своей природной скромности, как был избран депутатом Верховного Совета, как весь мир считал его героем, как он погиб, когда его тренировочный самолет упал на деревья. Отец рассказывал, что перед полетом все советские космонавты посещают кабинет Гагарина и смотрят на часы, остановленные в момент его смерти. Много лет спустя я сам посетил кабинет Гагарина.

Особенно мне запомнился холодный зимний вечер, когда отец посадил меня, пятилетнего, на плечи и вынес на улицу — посмотреть, как наша космическая станция «Мир» плывет по ночному небу. Я попробовал дотянуться до яркой точки, и отец поднял меня еще выше, словно это что-то меняло.

— Дима, ты хотел бы полететь в космос?

— Я должен быть большим?

— Нет, — ответил отец, — А вот сильным и сме-

лым — должен. И однажды ты станешь таким.

— А когда я погибну, в моем кабинете тоже остановят часы?

— Ты не погибнешь, — заверил отец. Несмотря на холод, он закатал рукава рубашки, и его волоски царапали мне кожу.

— А если погибну?

— Тогда, конечно, остановят. Как у товарища Гагарина. И часы остановят, и героем тебя сделают.

Дверцы лифта открываются, и ощущается ледяной ветер, дующий с загородных сельхозугодий. Лестничная площадка лишь с одной стороны огорожена невысокими перилами и открыта всем стихиям. Нешина квартира примерно в середине дома. Когда я добираюсь до нее, входная дверь уже приоткрыта. За порогом стоит Неша — кто же еще? — придерживая край двери костлявыми пальцами с длинными ногтями. Я вижу половину ее лица — правый глаз, кожу с преждевременными морщинами, облачко седых волос. Неша куда старше, меньше и тоньше, чем я осмеливался себе представить.

— Показывайте то, что хотели, и уходите.

— Надо бы сначала поговорить. — Я поднимаю руки с онемевшими пальцами. — Все, что я сказал вам, — правда. Несколько часов назад я сбежал из

психбольницы. Меня уже наверняка хватились.

— В таком случае уходите немедленно.

— Я был в Матрешке, Неша. Не хотите узнать, что со мной случилось?

Дверь открывается чуть шире, и я вижу еще часть Нешиного лица. Передо мной лицо старухи; впрочем, в нем еще просматривается молодая Неша, сильная, целеустремленная женщина, которая не отказалась от своих убеждений, даже когда государство объявило их противоречащими официальной политике.

— Я слышала сплетни. Якобы вы сошли с ума.

Я равнодушно пожимаю плечами.

— Я и впрямь сошел с ума во время обратного полета. Это спасло меня. Если бы я не сошел с ума, то не стоял бы сейчас перед вами.

— Вы сказали, я должна что-то узнать.

— Уделите мне немного времени — и я уйду, обещаю.

Неша оглядывается. На ней шаль какого-то непонятного цвета.

— В квартире ненамного теплее. Когда вы позвонили в домофон, я обрадовалась, что это мастер пришел чинить отопление. — Неша замолкает, что-то обдумывая, потом добавляет: — Я дам вам попить и найду для вас другую одежду.

У меня остались вещи покойного мужа — пусть хоть кому-то пользу принесут.

— Спасибо.

— Зря вы ко мне пришли. Это навредит и вам, и мне.

— По-моему, вред уже нанесен.

Неша пускает меня за порог. Ей кажется, что квартира холодная, но для меня она теплая, как печь. А после больничных палат — еще и роскошная. Мебели немного, все старое, вытертое, но еще вполне крепкое. На низеньком журнальном столике стоит ваза с поблекшими пластмассовыми цветами. На стенах — картины, за исключением участка, на котором нарисован телевизор. По углам краска уже облуплена, так что скоро к Неше придут и обновят рисунок.

— Отключить его не могу, — оправдывается Неша, словно я упрекнул ее. — Телевизор можно отскрести, но они снова явятся и нарисуют его. За телевизорами следят пристальнее, чем за отоплением, а еще злятся, если понимают, что рисунок поврежден намеренно или его прятали за картинами.

Вспоминаются неумолкающие больничные телевизоры и различные ухищрения, на которые идут пациенты, чтобы заблокировать их или

заглушить звук.

— Понимаю. Можете не объяснять.

— Нынешний мир мне не нравится. Я достаточно стара, чтобы помнить другую жизнь. — Неша снисходительно машет рукой, отгоняя воспоминания о лучших временах. — Слышу я теперь плоховато. Наверное, это подарок судьбы.

— На подарок не очень похоже. — Я показываю на вытертые кресла. — Можно мне сесть?

— Делайте что хотите.

Я опускаю свое измученное тело в кресло. Мокрая одежда липнет к коже.

Во взгляде Неши читается что-то похожее на жалость.

— Вы и впрямь космонавт?

— Да.

— Могу приготовить вам чай.

— Да, пожалуйста, что-нибудь горячее.

Неша уходит на соседнюю кухню. Одета она так, как одевалась лет в тридцать, но с поправкой на холод и старческую немощь, — в ветхие джинсы, несколько джемперов, шарф и коричневую шаль. Даже в квартире она носит меховые сапоги. Многослойная одежда создает иллюзию объема, но я вижу, до чего она худая — как хрупкая нахохленная птичка. Что-то птичье есть и в

том, как нервно и судорожно она передвигается по закоулкам своей квартиры. Гремит чайник, скулит кран, неохотно капает вода, и Неша возвращается.

— Придется подождать.

— Сейчас везде приходится ждать. Во времена моей молодости старики жаловались, что жизнь течет слишком быстро, они, мол, не успевают. Теперь нам с вами так не кажется. Та жизнь осталась позади — мы успели, а вот она…

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят один.

— Не сказать, что много. Я почти на двадцать лет старше. — Неша смотрит оценивающе, и я догадываюсь, о чем она думает. Вне сомнений, я выгляжу старше. Космос сделал свое дело, больница тоже. Порой я смотрю в зеркало и вздрагиваю, видя чужое лицо. — Во время полета с вами случилось что-то ужасное, — заключает Неша.

— Со всеми нами.

Неша наливает чай.

— Думаете, я вам завидую? — спрашивает она, когда я делаю глоток.

— С чего вам завидовать мне?

— Вы были там, вы видели ее вблизи, вы проникали внутрь. Космонавты считают, что все

астрономы одинаковые. Вы летите в космос, если повезет, смотрите на Вселенную сквозь армированное стекло, которое запотело от дыхания и искажает картинку. Это как навестить друга в тюрьме: только смотришь, а прикоснуться нельзя. Вы считаете, что мы этому завидуем.

— Ну, лучше полететь и подобраться вплотную, чем не летать вообще.

— Я оставалась на Земле. Я прикасалась к Вселенной мысленно, через математику. Запотевшее стекло нас не разделяло, только море цифр. — Неша окидывает меня строгим взглядом. — В числах — самая истинная истина, самая близкая близость.

— По крайней мере, мы оба тянулись к истине, да? — Я заговорщицки улыбаюсь: не для того я пришел, чтобы спорить о лучшем способе познания природы. — Сейчас этим почти не занимаются. На науку денег нет, на космические полеты и подавно. Но мы сделали великое дело. Нас могут вычеркнуть из истории, только ценности наших деяний это не умаляет.

— А моих?

— Вы — часть наших деяний. Все ваши статьи я прочел задолго до того, как был отобран для полета на «Терешковой». Поэтому много лет назад я

пришел на встречу с вами. Но задолго до того… я уже понял, чему хочу посвятить жизнь. Когда появилась Матрешка, я был молод, но не настолько, чтобы не мечтать и не строить планы.

— Небось сейчас вы об этом жалеете?

— Бывает, но не всегда. Не чаще, чем вы жалеете о содеянном.

— Во времена между двумя Союзами было иначе. О своих убеждениях говорили открыто.

— Так вы не жалеете о своих высказываниях?

— Мне было проще, чем ему.

Пауза. Я рассматриваю фотографию на кофейном столике: молодые мужчина и женщина держатся за руки перед незнакомым мне старым собором или церковью в европейском городе, которого я никогда не видел. На них яркая одежда с надписями, солнечные очки и лыжные шапочки. Оба улыбаются. Небо пронзительно синее, словно нарисованное типографской краской.

— Это он? — говорю я.

— Геннадий был хорошим человеком. А вот язык за зубами держать не умел. За это и поплатился. Новые лидеры хотели вернуть нас к старым порядкам. И многие считали, что это правильно. Многие, но не все. Я родилась в тысяча девятьсот семьдесят пятом. Я такая старая,

что помню, как жилось до Горбачева. На рай не похоже, уверяю вас.

— Расскажите про Геннадия. Чем он занимался?

— Во-первых, Геннадий был астрономом, как и я. Работал в том же институте. Так мы и познакомились. Только душа у него лежала к другому. С каждым днем он все глубже уходил в политику.

— Так он был политиком?

— Активистом. Журналистом и блогером. Дмитрий, вы помните Интернет?

— Плохо. Он остался в воспоминаниях о детстве, вместе с иностранными туристами и инверсионным следом в небе.

— Власти не могли его контролировать, и это их нервировало. Цензурировать и приструнить Интернет они не могли — тогда не могли. Зато могли приструнить таких, как Геннадий. Этим они и занимались.

— Мне очень жаль.

— Это дело прошлое. Нам было хорошо вместе, а остальное не важно. Если бы я не подняла столько шума своими находками и не разозлила тех, кого не следовало… — Неша осекается, и я вдруг чувствую себя беспардонным наглецом. По какому праву я заявился к этой старухе и застав-

ляю ее вспоминать прошлое? Но уйти не могу: слишком дорого я заплатил за эту встречу. — Не представляю, зачем я до сих пор храню вещи Геннадия, — рассеянно говорит Неша. — Можете их надеть.

Я ставлю чашку с чаем на стол.

— Вы уверены?

— Этого хотел бы Геннадий. Он был сама практичность. За спиной у вас комната, слева от входа в ней — шкаф. Возьмите все, что может пригодиться.

— Спасибо!

Я понемногу согреваюсь, но все равно это здорово — надеть чистые вещи вместо грязных и мокрых.

Геннадий явно был ниже меня — брюки не доходят мне до щиколоток, но жаловаться я не расположен. Я нахожу майку, рубашку и старый серый джемпер, латаный-перелатаный. Еще нахожу ботинки, которые смогу носить с двумя парами носков. В комнате есть раковина — я споласкиваю лицо и руки, убираю назад волосы, а вот бороду опрятной не сделаешь. Я собирался максимально изменить внешность, но сейчас вдруг понимаю, что это бесполезно. Меня найдут — разве что чуть позже. Чтобы понять, кто я та-

кой, достаточно заглянуть мне в глаза.

— Одежда вам впору? — спрашивает Неша, когда я возвращаюсь в гостиную.

— В самый раз. Вы очень добры. Мне в жизни вас не отблагодарить.

— Для начала расскажите, зачем пришли. А потом… Нет, ваше общество мне не в тягость, но потом вам лучше уйти, пока у нас обоих не возникли проблемы.

Я сажусь в то же кресло. На улице снова повалил снег. Вдали, меж двух безликих зданий, видны темные нити железнодорожных путей. Я вспоминаю, что сказал водитель снегоуборки. В такую погоду об автобусах можно не мечтать. Звездный городок закрыт для въезда и выезда, если нет разрешения партии и свободного ЗИЛа.

— Я пришел сказать, что вы были правы, — говорю я. — Столько лет спустя…

— Насчет Матрешки?

— Да.

— Я поняла это почти тридцать лет назад. Ваш приход и ваши слова ничего не меняют.

— Разве не становится легче оттого, что кто-то вам верит?

— Правда — это правда, вне зависимости от того, кто в нее верит.

— Вы сформулировали гипотезу в соответствии с фактами, — напоминаю я. — Она получилась проверяемой, то есть потенциально состоятельной, но не более. Проверить ее вам не довелось.

Она посылает мне суровый, пронзительный взгляд: из-под старушечьей маски проступает былая Неша Петрова.

— Я проверила. При втором появлении.

— Когда официально заявили, что вы не правы?

— Да, официально заявили так.

— Не правы были они. Я это знаю. Вас растоптали, осмеяли, унизили. Но мы-то были внутри. Мы проникли в Слой-три. После этого изменилось все.

— Сейчас это важно?

— Думаю, да.

Вот он, ключевой момент. Цель моего побега — вручить Неше Петровой предмет, который был у меня в кармане пижамы, а теперь лежит в кармане брюк. Я достаю трофей, завернутый в белый носовой платок, и через журнальный столик протягиваю Неше:

— Это вам.

Неша берет сверток с опаской, разворачивает платок и щурится на металлическую коробочку.

Затем аккуратно подносит ее к глазам и зажимает пальцами маленькую ручку, торчащую сбоку.

— Поверните ее.

— Что?

— Поверните ручку.

Неша поворачивает ручку осторожно и неуверенно, словно боясь отломить. Шкатулка дребезжит. Неша поворачивает ручку так медленно, что мелодию не разберешь.

— Не понимаю. Вы прошли весь этот путь, чтобы отдать мне шкатулку?

— Да.

— Значит, это не пустые сплетни, — заключает Неша. — Вы действительно повредились рассудком.

Углубляясь в Матрешку, «Прогресс» снова попал в рой летающих объектов. Компоненты Слоя-2, как и Слоя-1, едва просматривались невооруженным глазом — темные, словно сам космос, на долю градуса Кельвина теплее микроволнового фона. Трехмерные изображения на экране потеряли резкость, будто компьютер с трудом расшифровывал радиоэхо. Размером и формой эти объекты отличались от составляющих внешнего слоя — округлые, как галька или всеохватывающие черепашьи панцири, и огромные, как города.

Покрыты они были не то чешуйками, не то пластинками, которые шевелились причудливым образом и напоминали сталкивающиеся континенты на планете с активной плитотектоникой. Как и в Слое-1, объекты связывали опаснейшие силовые линии, но для этого слоя прогнозная модель вызывала куда меньше доверия.

Потерявшие управление китайские зонды со Слоем-2 не сталкивались, поэтому мы не представляли, насколько хрупки его объекты. При втором появлении Матрешки Европейское космическое агентство пыталось сбить один из объектов Слоя-2 и взять материал для анализа, но безуспешно. Галину это не обескуражило — она тоже решила попытаться.

Галина выбрала цель, обогнула силовые линии и приблизилась настолько, чтобы метнуть прилипающий якорь в шевелящуюся пластинку. «Прогресс» подтянется на электролебедках, потом выдвинет рычаги с инструментами и манипуляторы.

— Чертова камера снова заедает. И я то и дело теряю стопор антенны.

— За это тебе и платят, — напомнил я.

— Дмитрий, ты хочешь помочь?

— Стараюсь.

Галинины пальцы снова заплясали по кнопкам управления манипуляторами, глаза заметались от экрана к экрану. Я управлению «Прогрессом» не обучался и не понимал, что творится на экранах. Со стороны казалось, что Галина одновременно играет в шесть-семь компьютерных игр — перетасовывает символы согласно таинственным, постоянно меняющимся правилам. Я мог только надеяться, что она не проигрывает.

— Режущая головка соскальзывает. Те пластинки тверже алмаза. И зажимами не ухватишь. Попробую лазером.

Галина включила лазер, и я замер. Как Матрешка отреагирует на то, что в ней начнут прожигать дыру? С космическим безразличием, как повела себя, когда ее протаранил китайский робот и когда американский зонд пересек ее силовые линии? Опыта не имелось — мы могли только гадать. Вдруг до сих пор Матрешка нас терпела и воспримет лазерную атаку как первое по-настоящему враждебное действие? В таком случае потеря «Прогресса» станет меньшей из бед.

— Регистрирую продукты абляции, — объявила Галина, глядя на колеблющиеся индикаторы газового хроматографа. — Лазер во что-то врезается, вот только во что? Много углерода, благородные

газы, металлы — железо, ванадий, еще что-то, пока сложно определить. Посмотрим, может, удастся взять пробы.

Лазер прочертил круг на поверхности пластинки. Если направить луч под углом, можно отделить конусообразный фрагмент. Эпоксидной присоской Галина извлекла кусок размером с кулак, который уже врастал обратно в объект.

— Отлично!

— Пока везет, попробуем еще? — улыбнувшись, спросила Галина, оторвалась от кнопок управления манипулятором, отцепила прилипающие якоря и, подключив корректирующий двигатель, переместила «Прогресс» к другой пластине.

— Передохнуть не хочешь? Здесь можно болтаться часами, особенно на якорях.

— Дмитрий, я не устала, — заявила Галина, но я заметил, как судорожно она сжимает ручку управления. Ясно, вести корабль нелегко… Раз в углу рта появился глубокий залом, значит Галина напряжена до предела. — Не устала, но проголодалась, чтобы ты знал. Хочешь сделать что-то полезное — принеси поесть.

— Ну, с этим справлюсь, — заверил я.

Раз — и я по невесомой траектории уплыл с места пилота в проход, ведущий от одного модуля

«Терешковой» к другому. По всем критериям, корабль был большим. К Матрешке нас доставила ядерная энергия. Основной двигатель «Терешковой» — ВАЗИМИР, электромагнитный ускоритель с изменяемым удельным импульсом. Модель старая, но, когда прояснились задачи нашего полета, двигатель реанимировали и завели. Суть ВАЗИМИРа (американский акроним, но звучит вполне по-русски) в том, что он работает в двух режимах — обеспечивает не только разгон для выхода с орбиты Земли, но и низкоимпульсную тягу на крейсерской скорости в течение нескольких месяцев, чтобы добраться до артефакта и вернуться. Он и домой нас довезет, а на земной орбите мы пересядем на «Союз» и расстыкуемся с кораблем-носителем. «Прогресс», нагруженный инопланетными трофеями, приземлится на автопилоте, — по крайней мере, план был таким.

Как все космические корабли, изнутри «Терешкова» напоминала разграбленную лавку старьевщика. Не пустовал ни один сантиметр — место использовалось либо для экранов, либо для пульта управления, либо как лаборатория, либо как пищеблок, либо для систем жизнеобеспечения, либо чтобы держаться, либо чтобы отталкиваться, либо чтобы отдыхать, либо чтобы

привязывать вещи. Технические руководства парили в воздухе у стен, к которым мы их прицепили. Компьютерные принадлежности свободно плавали по кораблю, пока кому-нибудь из нас не требовался коннектор или кабель. Фотографии родственников и рисунки наших детей мы прикрепили к стенам, между панелями и поручнями. В общем, воняла «Терешкова» безбожно и шумела так, что наушники мы снимали, лишь когда хотели поговорить.

Впрочем, «Терешкова» стала нам домом. Шумным, вонючим, но в космосе не выбирают.

Передвигаясь по кораблю, я не увидел Якова, хотя волноваться из-за этого не следовало. Он отвечал за системы обеспечения полета, а раз мы уже добрались до артефакта, значит работы у него стало меньше. Во время крейсерского полета забот у Якова хватало, и мы позволили ему немного отдохнуть, тем более что ему предстояло обслуживать «Терешкову» на обратном пути. Разумеется, Яков получал с Байконура какие-то хозяйственные задания, но свободного времени у него сейчас было больше, чем у нас с Галиной. Он мог быть в своем отсеке или в дюжине других мест, где имел шансы насладиться если не тишиной и покоем, то хотя бы уединением. Любимые

закоулки на «Терешковой» имелись у каждого, мы уважали право друг друга на личное время.

В общем, пока я выбирал и подогревал еду для Галины, причин беспокоиться не было. Но вот писк микроволновки просигналил, что еда разогрета, и по «Терешковой» тут же разнеслись сигналы куда громче этого. Замигали красные лампочки. Общий сигнал тревоги означал, что корабль обнаружил нечто недопустимое. В отсутствие уточнений интерпретировать сигнал можно было как угодно — проблемы с ВАЗИМИРом или с системами жизнеобеспечения, пробоина в корпусе, а также сотня других причин. Сигнал тревоги говорил лишь о том, что проблема серьезная и срочно требует внимания.

Я схватился за поручень и подтолкнул себя к ближайшему монитору. На нем уже прокручивался текст: «Незапланированная активность у люка-3».

На пару секунд я замер, но не потому, что запаниковал, а потому, что хотел спокойно оценить ситуацию и избрать оптимальную тактику. Долго размышлять не понадобилось. Раз Галина осталась у пульта и направляла «Прогресс», проблема вырисовывалась сама собой. Яков пытался покинуть «Терешкову».

Будто мы были в Звездном городке.

Автоматической защиты, блокирующей открытие, на том люке не было. Предполагалось, что его открывают по веской причине — выпустить воздух, ликвидировать возгорание.

Через модуль я протиснулся в проход, потом в следующий модуль. Сигнализация резала мне слух. Если Яков решил, что корабль на Земле, то наверняка не подумал о декомпрессии. Он и скафандр надеть не подумал. Просто решил выйти, и все.

Я добрался до красного шкафчика с изображением молнии, отодвинул прочные задвижки и приготовился увидеть три тазера в защитной фольге.

Тазеров не было — только обрывки фольги и поролоновые гнезда, в которых лежали электрошокеры.

— Мать твою! — выругался я, сообразив, что Яков меня опередил. Против всех правил, он открыл шкафчик (это разрешено только в чрезвычайной ситуации) и забрал оружие.

Я протиснулся в следующий проход, до крови ободрав руку, и повернулся на девяносто градусов, чтобы добраться до узкого тоннеля, ведущего к люку номер 3.

Вон он, Яков, в конце тоннеля. Прислонившись к стене, он поворачивал желтое колесо, отпирающее блокировочное устройство. Повернет — и надо лишь дернуть ручку, чтобы люк разблокировался. Внешнее давление мгновенно распахнет его, и нас обоих засосет в космос задолго до того, как перегородки загерметизируются, защищая корабль. В каком направлении сейчас движется «Терешкова»? Что ждет нас с Яковом — долгий полет к Солнцу или бесславно короткий к Матрешке?

— Яков, пожалуйста, не открывай люк! — взмолился я.

Не отрываясь от колеса, он обернулся:

— Бесполезно, Дмитрий! Вам, может, невдомек, но я все понял! Мы не в космосе, не рядом с Матрешкой. Это лишь тренировка, очередная симуляция.

«А если подстроиться под его логику?» — подумал я, а вслух сказал:

— Так давай доведем симуляцию до конца.

— Ты что, не понимаешь? Это же проверка на бдительность. Они выясняют, замечаем ли мы необычные вещи.

Ссадина на руке кровоточила, алые капли превращались в бусинки. Я поднес рану к губам,

чтобы отсосать кровь.

— Например, невесомость. Как симулировать невесомость, Дмитрий? — Яков убрал одну руку с колеса и похлопал себя по загривку. — Дело в имплантатах. Они влияют на внутреннее ухо, создавая иллюзию полета.

— Там маяк ГЛОНАСС. С его помощью отыщут и заберут наши тела, если мы не вернемся в плотные слои атмосферы.

— Так нам сказали. — Яков продолжал крутить колесо.

— Если откроешь люк, тебе конец. Ты убьешь меня — и Галину, наверное, тоже.

— Послушай! — настойчиво проговорил Яков. — Все это неправда. Мы в Звездном городке, дружище, мы в России. Цель этого упражнения — оценить нашу внимательность, нашу способность видеть сквозь иллюзорные конструкции. Выбраться с корабля — вот конечная цель операции.

Вескими аргументами я не добился бы ровным счетом ничего. Я резко дернулся в сторону люка, надеясь одолеть Якова в наступательном порыве. Но он оказался быстрее. Раз — Яков вытащил из кармана тазер и выстрелил гарпунами-электродами, которые вонзились мне в грудь. Прежде

на меня так не нападали, поэтому к боли я совершенно не был готов. Боль превратила меня в сгусток огня, как букашку, скрючившуюся под лупой. Я взвизгнул, прикусил язык, а потом сил не хватало даже на крик. Гарпуны от меня так и не отцепились. Кровь текла изо рта, из руки — я согнулся пополам и потерял контакт с кораблем. Повиснув в воздухе, я увидел, что Яков бросил тазер и с удвоенной силой взялся за колесо. Из-за спины раздался голос Галины:

— Тупой ублюдок!

Не знаю, кого она имела в виду — Якова, пытавшегося сбежать, меня, пытавшегося его остановить, или нас обоих.

Боль от удара током понемногу стихала. Я понял, что могу разговаривать.

— У него тазер… — Мой собственный голос звучал как из дальней дали.

— Прекрасно. У меня тоже.

Галина протиснулась мимо меня, держа в руке что-то тяжелое. Дробно затрещал тазер. Я безвольно плыл по воздуху, пока впереди снова не замаячил люк. Глаза прищурены, зрение расфокусировано, но я увидел, как Яков дергается у металлической крышки. Галина пальнула в него гарпунами, а теперь прижимала к его животу

медные проводки, между которыми трепетала голубая искра.

Я вытянул руку и сумел остановиться. Боль стихла почти полностью, зато появились тошнота и сильная дрожь по всему телу.

— Хватит…

Последний тычок — и Галина убрала тазер. Яков не шевелился: он скрючился у люка, потеряв сознание.

— Давай прикончим этого говнюка!

Я вытер кровь с губ:

— Твои чувства мне понятны, но Яков нам нужен, чтобы вернуться домой. Малейшая проблема с двигателем — и…

— Центр управления полетом поможет нам, если что.

— Яков больше такое не выкинет, — заверил я, пробираясь к люку. — Накачаем его успокоительными, обмотаем скотчем и, если понадобится, закроем в одном из модулей. До особых распоряжений с Байконура.

Галина спрятала в карман свой тазер с гарпунами, болтающимися на гибких проводах. Она начала крутить колесо в другую сторону, поначалу кряхтя от натуги.

— Едва-едва не открыл ведь.

— Ты правильно говорила: за Яковом нужно было следить внимательнее. Я просто не думал, что его болтовня о Звездном городке — это серьезно. То есть настолько серьезно.

— Дмитрий, он конченый придурок. А значит, на этом корабле только два здравомыслящих человека. В лучшем случае.

— Думаешь, Байконур нам поможет?

— Очень надеюсь. Если с «Терешковой» что-то случится, понадобится помощь Якова, а если мы под завязку накачаем его успокоительными, толку от него не будет.

Мы перетащили бесчувственного Якова в основную часть «Терешковой». Я видел, что отключка неглубокая и, если он сейчас очнется, драки не избежать. Вот уже бормотать начал… У меня лоб покрылся испариной. Черт подери, ну за что нам такое?!

— Как по-твоему, что с ним делать? Оставить в каюте?

— Чтобы потом снова шатался по кораблю и пытался выбраться?

— Разве у нас есть варианты?

— Запрем его в орбитальном модуле, — решительно предложила Галина. — Там он будет в безопасности. Заблокируем стыкующий замок с

нашей стороны и, пока с Байконура не поступят рекомендации, накачаем успокоительными. Чем дольше он пробудет в отключке, тем лучше. Не хочу, чтобы сумасшедший шнырял по кораблю, пока я веду «Прогресс» через Слой-три.

— А где сейчас «Прогресс»?

Я глубоко дышал, пытаясь сосредоточиться.

— Прикреплен к пластине в Слое-два. Возьму еще несколько проб, отцеплю его, а дальше будет чистое просиживание штанов.

Галина говорила дело и план предлагала хороший. По крайней мере, у меня ничего лучшего не было. Мы перетащили Якова в орбитальный модуль, открыли аптечку и ввели ему успокоительное. Я достал бинт, антисептическую мазь и обработал себе руку. Яков прекратил бормотать и стал безвольным, как огромная тряпичная кукла. Мы привязали его скотчем к гамаку и заперли дверь.

— Он давно меня бесил, — призналась Галина.

Я отхожу от окна Нешиной квартиры. В Звездном городке просыпается замерзшая полужизнь. Снег до сих пор идет, но уже с перерывами. Вот на улицу сворачивает ЗИЛ, и у меня сводит горло. Лимузин останавливается, выпускает пассажира, едет дальше. Мужчина движется по бетонному

переходу к одному из ближайших зданий. В руке у него портфель, а в нем может быть что угодно — пистолет, шприц, детектор лжи. Этому мужчине здесь делать нечего.

— Думаете, они вас ищут?

— Я это знаю.

— Так куда вы собираетесь?

«Под снег и на холод, чтобы умереть», — думаю я, но улыбаюсь и вслух не говорю ничего.

— В больнице так невыносимо? Там плохо относятся к вам?

Я возвращаюсь на диван. Неша налила мне еще чаю, и, вопреки ее мнению о моей психике, я воспринимаю это как приглашение задержаться.

— Там работают не монстры и не садисты. Почти все относятся ко мне нормально. Меня считают ценным пациентом, поэтому не бьют и не пытают током. И лекарства дают не для того, чтобы усмирить или наказать. Доктора Кизима вообще можно назвать добрым. Он много разговаривает со мной, старается, чтобы я вспомнил забытые подробности. Толку, увы, мало. Все, что смог, я уже вспомнил. Мой мозг — как сковородка, которую выскребли дочиста.

— Доктор Кизим помог вам сбежать?

— Я задавал себе этот вопрос. Он хотел, чтобы

я украл его куртку? Он чувствовал, что я собираюсь сбежать? Наверняка ведь понимал, что без куртки я далеко не уйду.

— А что остальные? Вам разрешали видеться?

Я покачал головой:

— Пока Яков и Галина были живы, нас держали отдельно. И допрашивали отдельно, и осматривали. Мы столько времени провели на одном корабле, а они опасались, что мы повлияем на показания друг друга.

— Получается, судьба ваших коллег вам в точности не известна.

— Мне известно, что оба умерли. Первой — Галина: когда сломалась обшивка ВАЗИМИРа, она облучилась сильнее всех. Якову повезло больше, хотя и ненамного. Пока они были живы, в больнице я их не видел.

— Почему вы облучились меньше других?

— Во-первых, Яков был сумасшедшим. Потом он пошел на поправку — или решил, что лучше быть с нами, чем против нас. Мы выпустили его из модуля, в котором запирали. Случилось это после того, как я и Галина вернулись с Матрешки.

— А потом?

— Потом слегка свихнулся я. Внутри той конструкции… что-то прикоснулось к нам. Прикос-

нулось и прочно засело в голове. В моей — куда прочнее, чем в Галининой. На обратном пути им пришлось водворить меня в орбитальный модуль.

— Это вас и спасло.

— Когда сломался двигатель, я был дальше всех от него. Закон обратных квадратов. Мне досталась ничтожно малая доза.

— Вы склонны считать их мертвыми даже без доказательств.

— Я верю доктору Кизиму. Я вообще ему доверяю. Причин лгать у него не было. Он рисковал карьерой уже тогда, когда рассказал мне о смерти Якова и Галины. А может, не только карьерой. Он хороший человек.

— Он знал ваших спутников?

— Нет, он лечил только меня. Такую методику избрали в больнице. В первые месяцы после начала дебрифинга случались странные вещи. Военные и гражданские врачи слишком симпатизировали нам, слишком сочувствовали. Матрешка изменила нас всех, даже Якова, который не был внутри ее. Сама близость к ней меняла любого.

— В каком смысле меняла? — спрашивает Неша.

— Началось это еще на «Терешковой». Разные мелочи — непонятные промахи, странные ошибки. На обратном пути я сидел за компьютером и вдруг понял, что ввожу логин и пароль Якова, словно он живет во мне. Через несколько дней Галина проснулась и сказала, что ей приснилось Клушино, где она никогда не была. — Я останавливаюсь, подбирая слова, которые звучали бы не так безумно. — Конструкция словно проникла в сознание и смела некий фундаментальный барьер, стену или ров, отделяющий одного человека от другого. Когда нас накрыл серебряный поток…

— Не понимаю. Как врачи могли слишком вам симпатизировать? Что с ними стало?

Я чувствую, что Неша тревожится, понимая, что, возможно, впустила в дом сумасшедшего. Абсолютно вменяемым я не считал себя никогда, но истинное безумие проступает во мне лишь сейчас.

— Не хотел пугать вас, Неша. Я скоро уйду, обещаю. Может, расскажете, как те события воспринимали вы? С самого начала?

— Вы знаете мою историю.

— Да, но хотелось бы услышать ее от вас. С первого появления Матрешки. Как она изменила вас.

— Вы были достаточно взрослым, чтобы помнить. Сами же говорили.

— Но я не был астрономом, Неша. Я был двадцатилетним мальчишкой, мечтавшим стать космонавтом. А сколько лет было вам?

— Сорок. К тому времени я уже лет пятнадцать-шестнадцать профессионально занималась астрономией, — отвечает Неша с таким задумчивым видом, словно размышляет об этом впервые в жизни. — Мне очень повезло: я стала профессором, больше не надо было каждые два года выбивать средства на исследования. Да, я читала лекции, сражалась за место на факультете, но времени на независимые исследования хватало с избытком. И науку я все еще любила. Узкая сфера моих исследований — виды пульсации звезд — сверхпопулярной не считалась. — Неша грустно улыбается. — Никто не рвался печатать наши лица на обложках журналов, не предлагал большие деньги за интервью и рассказы о том, как мы открываем тайны Вселенной и прикасаемся к лику Господа. Но мы понимали, что ведем серьезные исследования, важные для отрасли в целом. — Для пущей убедительности Неша подается вперед. — Астрономия подобна собору, Дмитрий. Слава достается тем, кто золотит

шпиль, но без прочного фундамента они бессильны. Вот что мы делали — сидели в подвале, в подземелье, обеспечивая надежную привязку конструкции к земле. Фундаментальная физика звезд не так экзотична, как картирование Вселенной в большом масштабе или исследование условного радиуса черных дыр, но имеет огромную важность.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Помню день, когда поступила та новость. Мы с Геннадием были у меня в кабинете. Солнце светило ярко, и мы задернули шторы. Случилось это в пятницу, и мы с нетерпением ждали выходных, а тем вечером собирались на концерт и заранее купили билеты. Оставалось решить последний вопрос — и все, на отдых. Наша статья вернулась от рецензента с уймой грубых замечаний, и мы не могли решить, как на них реагировать. Я хотела написать в журнал и попросить другого рецензента. Имя рецензента не называлось, но я точно знала, кто это: гнусный бабник, который приставал ко мне на конференции в Триесте и не мог простить, что я его отшила.

— Похоже, вы вели себя решительно, — с улыбкой проговорил я.

— Может, это был не он, но нам все равно

требовался другой рецензент. А вот Геннадий считал, что мы должны прогнуться и выполнить указания рецензента. Это означало повторный запуск моделей, а он, в свою очередь, неделю работы на факультетском суперкомпьютере. Суперкомпьютер предоставляли по очереди, но мы могли не ждать. Образовалось окно, потому что другая группа не скомпилировала программы. Их место могли занять мы, если бы запустили нашу модель в тот же вечер, с учетом рекомендаций рецензента.

— То есть концерт отменялся.

— Тогда мне на почту и пришла телеграмма Международного конгресса астронавтики. Сначала я не хотела ее открывать: конгресс присылал телеграммы довольно часто. Я думала, в какой-нибудь дальней галактике взорвалась очередная сверхновая или двойная звезда переродилась в новую. Не слишком интересно.

— А оказалось, дело в другом.

— В Матрешке, разумеется. Ее появление в нашей Солнечной системе стало чрезвычайным происшествием. Внезапный приток космических лучей активировал половину мониторинговых телескопов и спутников. Все они повернулись туда, откуда появилась конструкция. Настолько

сильный всплеск энергии мог быть вызван только выбросом гамма-частиц в далекой галактике. Так все и думали, тем более что Матрешка появилась куда выше эклиптики и далеко за пределами галактической плоскости. Казалось, это экстрагалактическое, а не местное событие. Но потом сопоставили информацию, полученную с кораблей и телескопов под разными углами наведения, моменты обнаружения всплеска в различных точках — и поняли, что событие, чем бы оно ни являлось, произошло в пределе одного светового часа от Солнца. То есть, образно выражаясь, не на пороге, а прямо у нас в доме возникло нечто и стало там обживаться. — Собственная память явно радовала Нешу. — Поначалу появлялись самые безумные гипотезы. Что это кусок черной дыры столкнулся с кометой, что испарилась квантовая черная дыра, что китайцы испытали запрещенное оружие в далеком космосе. Все это, конечно, бред. Пространство-время раскрылось и изрыгнуло конструкцию размером с Тасманию — вот что произошло.

— Саму Матрешку обнаружили не сразу.

Неша кивает:

— Попробуйте обнаружить нечто темное, движущееся в неизвестном направлении.

— Даже нам на «Терешковой» не верилось, что она где-то рядом.

— Поначалу мы вообще не знали, что думать. Слоистая структура путала все карты. Мы впервые анализировали вот это — конструкцию явно искусственную, но не из цельных деталей. Она словно застыла в момент взрыва, но продолжала работать, выполнять поставленную задачу. На расстоянии мы могли изучать только внешний слой. Лишь выяснив, что под ним есть другие, мы стали называть его Слоем-один. Название Матрешка появилось после того, как конструкцию облетели первые зонды, и нам приоткрылся Слой-два. Какое-то время американцы называли ее Пасхальным Яйцом, а потом все приняли русский вариант.

Говоря «мы», Неша подразумевает астрономов в целом, не только себя. Нешина работа по исследованию Матрешки, которая сначала прославила ее, а потом уничтожила, началась позднее.

Первое появление Матрешки, оно же ЧП, застигло человечество врасплох. Матрешка вышла из кротовины по эллиптической околосолнечной траектории, как у периодической кометы. От кометы ее отличало сильное наклонение к эклиптике. Получалось, что добраться до Матрешки

сложно, шанс появлялся раз в двенадцать лет, когда она возвращалась к Солнцу. Даже если бы все страны мира объединили свои силы, не представлялось возможным отправить специальные зонды, которые подобрались бы к Матрешке и догнали бы ее. Казалось, оптимальный вариант — посылать ракеты и стараться получить максимум сведений о Матрешке за тот короткий период, пока они проносятся мимо. Зонды, предназначенные для Марса и Венеры, были спешно перепрофилированы для облета Матрешки. Больше всего эта безумная, не характерная для мирного времени суета напоминала отчаянные усилия державы, ведущей войну.

Разумеется, были несогласные. Кое-кто считал разумным подождать: пусть Матрешка раскроет свои карты. Несогласных слушали редко. Это штуковина прилетела к нам, да? На теплый прием пусть не рассчитывает.

И во время первого, и во время второго появления конструкция совершенно не замечала внимания к себе. Во время третьего получилось по-другому. Впрочем, и провокации наши с тех пор изменились.

Когда зонды пролетели мимо Матрешки, анализировать стало нечего. И так на долгие годы.

Матрешка оказалась недосягаемой для наших приборов и роботов. Правда, нам было чем заняться до следующего ее появления. Уже планировались полеты к объекту и проникновение во внешний слой. К следующим полетам готовили роботов, хотя кто знает, какие возможности появятся за двадцать четыре года, разделяющие первый и третий полеты?

— Ученые, которым пришлось переориентироваться на Матрешку, желали первыми получать все данные, — говорит Неша. — Эксклюзивный доступ в течение полугода — вот чего они добивались.

— И ведь их не упрекнешь.

— До протестов и упреков все равно дошло. Казалось, событие такой важности требует немедленного предоставления всей информации астрономическому сообществу. Да что там, всему миру. Любому желающему. Понятное дело, без молниеносного Интернета, десяти миллионов терабайтов памяти, опыта расчетов в гиперкубе, собственного «Крэя»[12] не получилось бы даже пройтись по верхам. Предпринимались коллективные попытки, миллионы людей загружали

---

[12] Примечания: 12

«Крэй» — марка суперкомпьютеров.

фрагменты информации и обрабатывали ее за счет свободных циклов своих процессоров. Но что такое их потуги в сравнении с возможностями научной кафедры, с суперкомпьютером в загашнике! Кроме всего прочего, мы владели инструментарием, необходимым для анализа, и умели его применять. Однако даже нам проглотить такое зараз было сложновато.

— Так вы проглотили?

— Нет. Казалось, разумнее сосредоточиться на том, что мы хорошо умеем. Данные указывали, что составляющие внешнего слоя — Слоя-один — соединены чем-то вроде силового поля. Матрешка дышала, составляющие двигались, точно связанные замысловатой сетью эластичных волокон. — Неша переплетает пальцы вокруг невидимого шара и заставляет его сжиматься и разжиматься. — Дело в том, что звезды тоже дышат. Пульсация Матрешки отличалась от пульсации звезды типа Солнца, но ее можно было изучать теми же методами, способами, уловками. Ну и цель у такого изучения имелась: стоит картировать пульсацию звезды — и можно исследовать ее внутреннее строение, точно так же как по землетрясениям можно судить о структуре Земли. Имелись все основания полагать,

что пульсация Матрешки позволит узнать о ее внутренностях.

— Похоже, вы понятия не имели, что именно найдете.

— Конечно нет! — презрительно усмехается Неша. — О таких вещах я даже не думала. Я думала о частотах, о гармонике, об анализе Фурье, о каустических поверхностях. Я не думала о гребаной музыке.

— Расскажите, что вы чувствовали.

— Когда я впервые провела анализ и поняла, что пульсация разлагается на ноты западной хроматической шкалы? Я почувствовала себя жертвой розыгрыша, словно кто-то из коллег подтасовал факты.

— А когда вы поняли, что это не розыгрыш?

— Я все равно не верила, особенно поначалу. Подумала, что намудрила с анализом, увидела гармоники там, где их не было. Я разложила инструментарий на составляющие, заново собрала воедино и получила тот же результат — ноты, аккорды, контрапункт. Музыку. Тогда я и начала понимать, что это реальность. То, с чем мы столкнулись, то, что разыскало нас, оказалось не таким, как мы предполагали. Не тупой машиной, не инопланетным аналогом зондов, которые мы

засылали. Матрешка оказалась конструкцией другого порядка. Достаточно умной и сложной, чтобы петь самой себе. Или, как вариант, нам. — Неша делает паузу и пристально смотрит на меня. — Она играла нашу музыку. Русскую.

— Я в курсе, — отвечаю я. — Эта музыка звучит у меня в голове со дня возвращения.

Так далеко еще никто не заходил.

«Прогресс» углубился в Матрешку на пятьдесят километров — прошел два десятикилометровых слоя орбитальных препятствий. Далее начиналась самая сложная часть нашего полета. О существовании Слоя-3 мы знали со второго появления Матрешки, а вот о том, что под ним, достоверных данных не было.

Препятствие состояло из двух сфер, побольше и поменьше, одна внутри другой. Ничего темнее их мы не встречали, но, к счастью, в сферах имелись отверстия. Десятки круглых, от километра до трех в диаметре, отверстий располагались, казалось бы, совершенно произвольно, но схема их распределения была одинаковой для обеих сфер. Вот только сферы двигались на разной скорости, по разным, медленно прецессирующим орбитам, поэтому совпадали отверстия лишь изредка. В эти окна проглядывало сердце Матрешки: она

мигала нам сине-зеленым, намекая, что за Слоем-3 — сияющие глубины.

Скоро мы их увидим.

— Как у него дела? — спросила Галина, сидевшая у панели управления. Я только что навестил Якова в орбитальном модуле. Надел ему на запястье специальную манжету, чтобы на Байконуре могли сделать анализ крови.

— С прошлого раза мало что изменилось. Яков смотрит на меня, но ничего не говорит и не делает.

— Нужно давать ему больше лекарств. — Галина застучала по клавишам, корректируя угол обзора одной из камер «Прогресса», который завис в нескольких километрах от Слоя-3. — Введи Якова в кому — до тех пор, пока он нам не понадобится.

— Я консультировался с Байконуром. Они не советуют менять дозировку, пока не проведены анализы.

— Легко им советовать из другой половины Солнечной системы.

— Послушай, это они эксперты, а не мы.

— Ну, как скажешь.

— По-моему в этом вопросе стоит положиться на Байконур. У нас и других забот хватает, разве

нет?

— Тут ты прав, товарищ.

— Ты довольна тем, как мы приближаемся? Что-то давно из кресла не встаешь.

— Мы же ради Матрешки и прилетели сюда. Системы «Прогресса» мрут как мухи — жить этому кораблю еще часов шесть, а потом все, крышка. Так что или сейчас, или никогда.

Перед такой мудростью я мог только преклониться.

За годы, минувшие с последнего появления Матрешки, сложное движение сфер изучали интенсивно и тщательно. Карта отверстий на внутренней сфере стала настоящим прорывом. Впрочем, надежный алгоритм, который позволил бы предвосхитить появление окна, так и не составили. Сферы ускорялись совершенно непредсказуемо, делая долгосрочные прогнозы абсурдными. Пока не появлялось окно, рассчитать движение внутренней сферы не представлялось возможным. От монолитной поверхности лучи радара отскакивали, как от неподвижной.

Галине оставалось лишь ждать, когда появится окно, и гнать в него «Прогресс», надеясь, что корабль проскочит в проем. Анализ имеющихся данных показывал, что окно появляется каж-

дые семьдесят две минуты. Но это в среднем. За несколько минут могли появиться два окна, а потом — пауза часов на десять. Временны́е рамки предельно жесткие — с места следовало сорваться в первые же секунды после появления окна. Бедная Галина напоминала дуэлянта, который держит палец на курке и ждет, когда шелохнется противник.

Получилось так, что годное окно — такое, до которого реально добраться за отведенное время, — открылось через сорок минут после нашего разговора. Глянув через Галинино плечо на экраны, я не заметил особых изменений в Слое-3. Лишь когда «Прогресс» уже понесся к цели — так быстро, что корабль не остановить и курс не изменить, — сине-зеленое сияние убедило меня, что окно и впрямь открывается. Но даже тогда слабо верилось, что он проскочит в мигающий глаз Матрешки.

Разумеется, случилось именно так. Залом в углу Галининого рта чуть разгладился: значит, у нее отлегло от сердца. Хоть ненадолго. Мы оба понимали, что успех временный, ведь теперь «Прогрессу» стало еще труднее контактировать с «Терешковой». Сквозь Слой-3 человеческим сигналам не проникнуть. Они полетят лишь

в открытое окно, а уж с направлением — как получится. Микроспутникам-ретрансляторам, размещенным вокруг Матрешки, следовало перехватывать обрывки сигналов и слать их обратно на «Терешкову». Без нитей кукловода автоматический аппарат станет все больше полагаться на решения собственных бортовых компьютеров.

Эксперты, планировавшие наш полет, предусмотрели для «Прогресса» каждый вариант, каждый мыслимый сценарий. При этом эксперты ожидали, что Матрешкины секреты недоступны их воображению. Иначе их ждало бы горькое разочарование.

Камера заднего вида показала, как закрывается пропустившее Матрешку окно. Внутренняя поверхность Слоя-3 оказалась такой же безбожно темной, как наружная, зато все остальное сияло. Я затрепетал, чуть ли не в религиозном экстазе. Еще немного — и Матрешкины секреты станут достоянием всего человечества, но пока, на один драгоценный, великолепный миг, такой привилегией обладаем лишь мы с Галиной. Ни одно разумное существо в эти глубины не заглядывало.

За Слоем-3 лежало очередное пустое пространство — Брешь-3, за ней — очередная сфера. Мы

разглядывали центральные шестьдесят километров Матрешки, в трех четвертях пути к тому, что скрывало ее сердце. Слой-4 совершенно не напоминал темные устройства, до сих пор попадавшиеся нам, — скорее колючий плод, бактерию-мутанта, фантастический коралл. Поверхность сферы едва просматривалась, затянутая шипами, колючками, жесткими побегами, витыми рогами единорогов среди километров пустоты. От шипа к шипу вилась кружевная паутина из неизвестной материи. Самые крупные заросли оплетали жесткие образования вроде корней деревьев-гигантов. Брешь купалась в сине-зеленом свете, будто стеклянная скульптура, озаренная изнутри. Свет дрожал и пульсировал. Казалось, Слой-3 не проектировали, не строили — он вырос сам, дикий и непредсказуемый. Зрелище пугало и завораживало.

Сигнал оборвался. Теперь «Прогресс» мог положиться только на свои мозги.

— Ты молодец! — похвалил я Галину.

Галина не ответила. Она заснула. Из-за невесомости голова ее не свесилась, рот не открылся, но веки сомкнулись, а пальцы на ручке управления расслабились. Лишь тогда я понял, что Галина выжата как лимон. Наверное, ей снились мирные

сны. Она свою задачу выполнила. Не подвела матушку-Россию и Второй Союз.

Я решил ее не будить и посвятил два часа административно-хозяйственным работам. У нас осталась только антенна с малым усилением — другая, с большим усилением, отказала сразу после вылета, — поэтому, прежде чем пересылать на Землю данные с «Прогресса», их следовало рассортировать и сжать. Рано или поздно на Землю попадет вся информация с «Терешковой» — разумеется, если мы вернемся, — а пока мне хотелось передать на Байконур самое важное и интересное. Параллельно я проверял, нет ли новостей с «Прогресса», но сигнала не было.

Не дожидаясь, когда Байконур подтвердит, что пакет данных получен, я разогрел себе еду, хлебнул водки из личного загашника и решил поесть в отсеке, формально считавшемся общим пространством и зоной отдыха. Этот отсек, самый веселый на «Терешковой», украшали пластмассовые цветы, мишура и прочие цацки, а также фотографии, открытки и детские рисунки. Я устроился у стены, включил телевизор и стал перебирать каналы, доступные на «Терешковой», ложкой зачерпывая еду. Пропустив сериалы, телевикторины и ток-шоу, я добрался

до государственного новостного канала. Запуск «Терешковой» освещался как сенсация, но полет к Матрешке получился слишком долгим и утомительным, и о нас подзабыли. Теперь мы снова попали в главные новости, вытеснив сюжеты о всепобеждающей советской предприимчивости и нелепых просчетах капиталистов.

Телеканал сообщал зрителям, что автоматический зонд, запущенный с космического корабля, успешно преодолел Слои 1 и 2, чего при первых двух появлениях Матрешки не удавалось никому. Это невероятное достижение, которое — можно утверждать с уверенностью — мы вот-вот превзойдем. Данные, уже пересланные на Землю, телеканал назвал щедрым даром, который на много лет обеспечит пищей самые пытливые умы. Нет, мы не спрячем интеллектуальное лакомство, — проявив исконно советскую щедрость, мы поделимся им с некогда великими державами, у которых пока не хватает средств на космические исследования. Отважные космонавты, собирающие столь богатый урожай, несколько раз назывались поименно. О том, что один из тех отважных космонавтов свихнулся, разумеется, не сообщили.

Я ни на секунду не сомневался, что правду о

Якове не обнародуют никогда. Если он не поправится, приплетут неожиданную болезнь или несчастный случай. Проще убить беднягу, чем признать, что космонавты тоже люди.

— Я навещала его, — объявила Галина, испугав меня. В зону отдыха она вплыла совершенно бесшумно. — Яков уже разговаривает, и почти нормально. Хочет, чтобы его выпустили из модуля.

— Это вряд ли.

— Согласна. Только рано или поздно придется что-то решать.

— Ну, спешки-то нет. Ты как себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо.

Галина спала менее трех часов, но в невесомости, даже после изнурительной работы, этого достаточно. Здорово, что физиология так приспосабливается, особенно если дел невпроворот, но это также означает, что десять дней в космосе равны тридцати земным. Или ста.

— Отдохни еще немного, тебе же хочется. Когда «Прогресс» объявится, я тебя разбужу.

— Если объявится.

Я пожал плечами:

— Ты сделала все, что от тебя требовалось. Мы проникли так глубоко, и это…

— Да-да, нужно собой гордиться, — проговорила Галина, сонно глядя на экран.

— Они соврут про Якова.

— Знаю.

— Когда мы вернемся домой, нам велят придерживаться липовой истории.

— Да уж, — отозвалась Галина с такой безысходностью, словно считала это наименьшим из ожидающих нас зол. Новости и телевидение скоро нам надоели. Галина стала отвечать на письма от родных и друзей, а я отправился в орбитальный внешний модуль, чтобы лично оценить состояние Якова. К нашему разочарованию, Байконур так и не порекомендовал ничего конкретного — «продолжайте давать ему те же лекарства», и все. По-моему, им не хотелось оказаться крайними, если бы с Яковом что-нибудь случилось. Руководство было радо переложить ответственность за недужного товарища на наши плечи, даже если мы в итоге убили бы беднягу.

— Дмитрий, выпусти меня. Я в порядке.

Я смотрел на Якова в бронированное окно переборочной двери. Качая головой, я чувствовал себя доктором, озвучивающим страшный диагноз.

— Извини, но пока тебе лучше остаться здесь. Вдруг ты снова попробуешь открыть люк?

— Признаю, что это не тренировка. Признаю, что мы действительно в космосе. — Голос, доносившийся сквозь решетку громкоговорителя, был далеким и дребезжащим. — Дмитрий, ты мне веришь?

— Яков, я загляну к тебе чуть позже.

— Дай мне хотя бы поговорить с Байконуром.

Я прижал ладонь к бронированному стеклу:

— Чуть позже, дружище. Отдохни немного.

Я отвернулся прежде, чем Яков успел ответить.

В отдыхе и сне нуждался не только Яков. Усталость накрыла меня неожиданно и, как всегда, резко — меня словно вырубили. Я спал целых два часа и видел во сне Землю. Вот я сижу в парке, с женой, теплым весенним днем. Полет, по всеобщему мнению успешный, остался позади… Проснувшись, я долго не мог стряхнуть меланхолию. Мне очень хотелось домой.

Галину я нашел за панелью управления.

— Есть новости, — объявила она таким тоном, что я понял: радоваться нечему.

— «Прогресс» объявился?

— Он застрял, Дмитрий. Завяз на подступах к Матрешке. Не может ни вернуться, ни продвинуться дальше.

— Черт!

Когда «Прогресс» добрался до спутанных корней, стало ясно: твердой поверхности в Слое-4 нет, а корни, по сути, и есть сама сфера. В переплетениях имелись щели вроде зазоров в нетуго смотанных клубках. В эти щели бесстрашно и методично пробивался «Прогресс». С первой попытки удалось преодолеть не более трети километра — следующая щель оказалась слишком узкой. Еще одна попытка, еще одна щель, пройдено около километра, затем очередной тупик. Топлива оставалось в обрез — на возвращение к «Терешковой» плюс небольшой запас, — и «Прогресс» решился на последнюю попытку. Тогда он и застрял среди корней, как пуля в хряще.

Галина послала на «Прогресс» команды: откроется окно — и он улетит. Она велела кораблю совершать толчки с помощью манипуляторов и шевелить реактивными двигателями, чтобы освободиться. Команды оптимальные, но от Галины веяло пессимизмом. Мы прождали три часа и за это время подробно доложили о ситуации на Байконур. Наконец окно открылось, и «Прогресс» сообщил, что Галинины команды выполнены, но он до сих пор зажат среди корней.

— Сейчас ты скажешь, что я зря тебя не послушала, — начала Галина. — А ведь я послушала.

Если учесть, что мы знали к тому моменту: возвращать «Прогресс» было не слишком разумно.

— Галина, я же полностью с тобой согласился. Никто тебя не ругает.

— Посмотрим, что после нашего возвращения скажут на Байконуре, ладно?

— Уверен, они проявят снисходительность. Мы собрали столько информации…

— Которая не сравнится с потерянными образцами?

— Может быть.

— Что «может быть»? Я все варианты перепробовала. Дмитрий, я знаю, на что способен «Прогресс». Это корабль, а не эскапист в цирке.

— У нас есть «Союз».

— «Союз» нужен, чтобы лететь домой. Он не поддается дистанционному управлению и не годится для сбора образцов.

— Я думал не о дистанционном управлении, а о том, чтобы полететь на «Союзе» к сердцу Матрешки. Он ведь размером с «Прогресс», верно? И технические характеристики примерно те же, да?

— Более-менее. — Судя по тону Галины, особого восторга моя идея не вызвала. — Ну полетим мы на нем, и что дальше?

— Подберемся к «Прогрессу» максимально близко, так, чтобы не застрять. Потом выйдем в открытый космос. При микрогравитации двигаться сможем без особого труда. Пытаться освободить «Прогресс» слишком рискованно, а переместить артефакты нам не помешает ничто. На борту «Союза» места предостаточно, вот мы и увезем их на «Терешкову».

У Галины сбилось дыхание, как после комплекса упражнений.

— В планах такого не было. Ничего подобного не предусмотрено. О том, чтобы лететь к Матрешке на «Союзе», никто не говорил.

— Это всегда было негласным вариантом. Зачем, думаешь, нас сюда послали? Управлять «Прогрессом» в режиме реального времени? Нет, это одна из причин, но не единственная.

— Затея слишком опасная.

— Была опасной, пока мы как следует не рассмотрели то, что лежит за Слоем-три. Можно загрузить траекторию движения «Прогресса» и следовать ей.

— А если мы повредим «Союз»? Без него на обратном пути будет жарко.

— С чего нам его повреждать? Мы как следует о нем позаботимся.

— Без него нам не выжить — вот с чего. Что-то ты вдруг осмелел, Дмитрий. Без обид, но от тебя я такого не ожидала.

— Я не корчу из себя героя. У меня кровь стынет при мысли о том, что придется лететь на «Союзе» внутрь этой штуковины. Но так случилось, что я знаю, как рассуждают на Байконуре. Там уже проанализировали вариант с «Союзом» и решили, что он вполне допустим.

— Они не заставят нас его использовать.

— Нет, не заставят. Они не так работают. Но если мы не рассмотрим эту возможность и не озвучим ее, они будут очень-очень разочарованы. Куда больше, чем из-за потери робота.

Галина обдумывала мои слова. Сейчас ей придется признать, что руководство Байконура я понимаю куда лучше, чем она. Я дольше ее в космонавтах и видел, как наше руководство наказывает за промахи. Лучший вариант — тюрьма. Худший — когда в кабинете тебя ждут бутылка водки и заряженный револьвер.

— Надеюсь, ты прав, Дмитрий. Ради нас обоих надеюсь на это.

— У нас нет выбора, — отозвался я. — Ты уж поверь мне, Галина. При любом раскладе Матрешка не так ужасна, как наказание за промахи, которое

ждет нас по возвращении.

Часом позже мы сообщили о своем решении на Байконур. Двумя часами позже получили ответ. Потом я отправился к Якову и изложил ему наш план.

— Ну, теперь можешь меня выпустить, — сказал он в окно перегородки.

— Вернемся, тогда и выпущу.

— До сих пор не доверяешь мне?

— Риск — непозволительная роскошь для нас.

— Не бросайте меня одного на «Терешковой». Лучше уж лететь с вами, чем одному здесь куковать!

— Боюсь, это не вариант. Нет места — каждый кубический сантиметр «Союза» будет на вес золота. Но я подключу твой модуль к каналам связи. Ты сможешь разговаривать и с нами, и с Байконуром. Чтобы не чувствовать себя брошенным.

— Я уже чувствую, — заявил Яков. — Поверь мне, пожалуйста! Запутался я немного, сглупил, но сейчас все в порядке.

— Извини, Яков.

Часом позже мы уже проверяли скафандры и готовили «Союз» к вылету.

— Мне за хлебом нужно, — говорит Неша. — Да-

вайте прогуляемся.

— В такую погоду?

— Без хлеба никак. Если не выйти пораньше, его не останется.

Я гляжу в окно — на бело-серое небо.

— Я могу купить. Если дадите денег и объясните, куда идти. — Заметив в Нешиных глазах недоверие, я добавляю: — Да я вернусь!

— Вместе сходим. Мне прогулка не помешает. Если бы не магазин, я вообще из дома не вылезала бы.

Неша облачается еще в несколько слоев одежды, достает свое пальто. Куртки Геннадия мне не подходят (слишком короткие в рукавах), поэтому я снова надеваю ту, что украл у доктора Кизима. По крайней мере она подсохла, и под ней есть теплая одежда. Неша запирает квартиру — на двери целых три замка, — и мы бредем к лифту, так и не уехавшему с девятого этажа, где я его оставил.

— Зря я смеялась над вами, Дмитрий Иванов.

Дверцы лифта открываются.

— Смеялись?

— Ну да, из-за шкатулки. Из-за вещицы, которую вы мне принесли. Мы немного поговорили, и теперь я понимаю, что напрасно считала вас сумасшедшим. Я ошибалась.

— Да все понятно.

— Шкатулка и впрямь с Матрешки?

— Из самого ее сердца.

— Почему же ее у вас не отняли?

— Не придали ей значения. Я понимал, что после окончания полета легкой жизни у нас не будет. Правда, которую мы обнаружили, не понравилась бы нашим политическим лидерам. Мы все были больны — веская причина упечь нас в безымянную клинику-тюрьму или в сумасшедший дом. Яков и Галина заболели от облучения, я — оттого, что Матрешка засела у меня в голове. Мы все могли забыть о свободе.

— Я читала газеты и смотрела телерепортажи. Там говорили правду о том, что случилось с вами.

— А зачем им врать? Пока был повод прятать нас от внешнего мира, их это устраивало.

С дрожанием и грохотом лифт спускается на первый этаж. Мы выбираемся из дома на заснеженную улицу. Я внимательно слежу, не появятся ли ЗИЛы и мужчины в темных костюмах.

— Во время обратного полета я держал шкатулку при себе. Они нашли ее, но приняли за безделушку, за личную вещь, которую я взял с собой в космос. Даже не предполагали, что это

артефакт с Матрешки.

— И вы не собирались говорить об этом?

— Ее уничтожили бы. Поэтому в больнице я постоянно держал ее при себе. Показывал только доктору Кизиму, но, по-моему, и он не поверил, когда я рассказал, откуда она.

— Вы явно доверились ему.

— В таком месте нужно кому-то довериться. Сейчас я доверяюсь вам. Шкатулка теперь ваша. В ваших руках — частица будущего.

Неша достает шкатулку из пальто. Я даже не предполагал, что она у нее с собой.

— Она играет ту мелодию… — Неша поворачивает ручку, звучит дребезжащая музыка. Мы на улице, но кто обратит внимание на старуху с металлической коробочкой или задумается, почему она крутит маленькую ручку сбоку? — Это что-то знакомое… Что-то известное, да? Что-то русское?

— Да, как вы всегда говорили. Только, пожалуйста, не надо сейчас! У меня голова от нее болит.

Неша перестает крутить ручку и прячет шкатулку в карман. Мы бредем в тишине, пока впереди не показывается торговый комплекс, где Неша надеется купить хлеб. Здание кажется грязным и заброшенным, но у входа уже снуют люди. Темная зимняя одежда превращает их в аморф-

ную массу. С торца соседней жилой многоэтажки улыбается глава нашего правительства. Губы шевелятся, но он не издает ни звука. На мерцающие огни слетелись чайки и обклевывают ему лицо.

— Если шкатулка с Матрешки, значит я не ошибалась относительно ее происхождения, — говорит Неша. — Матрешка и впрямь прилетела из будущего.

— Они вам не верили. И никогда не хотели вам верить.

Неша смотрит на изгаженное пометом здание, на шевелящееся лицо главы правительства.

— Мы живем в идеальной коллективистской утопии. Но идеальное общество по определению не способно развиваться. Если оно переходит из одного состояния в другое, значит в нем что-то неправильно или неоптимально. Если оно начнет деградировать, значит предпосылки для деградации существуют уже сейчас. Если оно начнет прогрессировать, значит у него есть потенциал. Сам факт, что будущее не идентично настоящему… абсолютно неприемлем.

— Все заканчивается быстрее, чем человеческая жизнь, — негромко проговорил я. — Это я уяснил внутри Матрешки. И еще уяснил, что вы были правы с самого начала.

— Шкатулка ничего не изменит.

— Теперь вы убедились в своей правоте.

— Я в ней никогда не сомневалась. Даже в самое тяжелое время, когда меня наказывали через Геннадия. — Неша делает несколько шагов вперед. — И тем не менее. Гипотеза — это одно, а получить материальное подтверждение своей правоты… Для меня это очень важно.

— Мне хотелось ее вам дать. Я считал это своим долгом перед вами. Простите, что так долго до вас добирался.

— Дмитрий, вы делали, что могли. И вот мы с вами встретились.

Неша снова запускает руку в карман и вытаскивает приготовленную мелочь.

— Расстыковались! — крикнул я, глядя в иллюминатор. — Пять метров. Десять. Пятнадцать.

Показалась «Терешкова», серебрящаяся неопрятной отражающей фольгой. Момент получился и печальным, и радостным. Вот уже несколько месяцев я мечтал увидеть «Терешкову» в таком ракурсе, но рассчитывал, что это совпадет с окончанием миссии, когда мы на «Союзе» снова войдем в земную атмосферу.

— Выхожу на траекторию! — объявила Галина, сидевшая у панели управления в автономном

скафандре, но без шлема и перчаток.

Я почувствовал, как «Союз» развернулся, — мы взяли курс на Матрешку. Мы полетим по траектории «Прогресса» и максимально к нему приблизимся, полагаясь на алгоритм предотвращения столкновений, до сих пор работавший безотказно. Я твердил себе, что пересадка на «Союз» — не повод для безделья, но не мог унять страх. Мои нервы звенели от напряжения, даже когда речь шла только об автономном аппарате. Вспоминался американский зонд, рассеченный пополам с идеальной точностью. Что случится, если мы нарвемся на острейшую силовую линию? Заметим ее? Почувствуем боль? Или только ледяное онемение, когда пополам рассекут уже нас?

Слои 1 и 2 мы прошли без проблем. Мы поддерживали постоянную связь с «Терешковой», «Терешкова» — с микроспутниками. Когда открывались окна в Слое-3, «Прогресс» докладывал, что он по-прежнему существует, и сообщал о своем техническом состоянии. После нашего отлета ничего не изменилось. Застрявший среди корней «Прогресс» был полностью исправен.

Я отчаянно надеялся на лучшее. Матрешка не тронула «Прогресс». По сути, она его проигнорировала. Это ведь хороший знак? Если ее не

раздражает один чужеродный объект, то, наверное, не разозлит и другой, особенно если мы постараемся нигде не застрять.

Галина заставила «Союз» зависнуть над Слоем-3. В условиях микрогравитации близ Матрешки достаточно было минимальной работы двигателей, чтобы корабль сохранял нужное положение.

— Дмитрий, лучше пристегнись. Как только откроется окно, я дам полный газ.

Я убедился, что крепко пристегнут к сиденью.

— Все, порядок. Как думаешь, сколько ждать придется?

— Понятия не имею. Просто будь готов, когда наступит время.

По техническому оснащению стеклянная кабина «Союза» намного опережала основную часть корабля, которая была старше моей бабушки. Еще до нашего отлета Галина настроила датчики и индикаторы так, чтобы они эмулировали телеметрию с «Прогресса». Теперь ей оставалось выискивать в мельтешащих, трещащих данных предпосылки для открытия окна. У нее будет не больше пары секунд на то, чтобы решить, успеем ли мы к открывающемуся окну, с учетом технического потенциала «Союза». Я ничем не мог

ей помочь, поэтому закрыл глаза и стал ждать заветного момента.

Что бы ни случилось дальше, мы уже вошли в историю. Мы проникли в Матрешку — первыми из людей проникли столь глубоко. Матрешкины слои покорились людям лишь с третьего ее появления. Когда-то считалось очевидным, что при каждом новом появлении люди будут приближаться к цели еще на шаг. Казалось немыслимым, что к четвертому появлению Матрешки человечество не будет постоянно присутствовать в космосе, что мы не последуем за Матрешкой по ее орбите. Исследовательские станции, центры — целый научный городок в космосе…

Сейчас я гадал, пришлют ли сюда кого-нибудь после нас. Расходы на космос сокращались — даже «Терешкову» снарядили, собрав остатки неудавшихся проектов. Мне казалось — хотя я не стал бы оглашать свое мнение, — что Второму Союзу важны не наши космические находки, а другое: мы на глазах у всех занимались тем, что другим было не под силу. Научные результаты нашего полета никого особо не интересовали. После нас сюда отправят хоть один корабль?

— Приготовься! — скомандовала Галина.

Как копытом по хребту! Рывок прошел болез-

неннее, чем отделение стартового ускорителя, ступенчатое зажигание и импульс схода с орбиты. При возвращении в атмосферу я испытывал перегрузки, от которых едва не терял сознание. Но та нарастает постепенно, в течение нескольких минут. Этот рывок получился мгновенным. На миг почудилось, что в моем теле не осталось ни одной целой кости.

Потом я понял, что все в порядке. Двигатель работал на полную мощность, но теперь перегрузка стала равномерной — не кулак, а твердая рука.

— Мы готовы ко входу в окно, — объявила Галина, словно это подвергалось сомнению.

Мы пролетели сквозь две плотные сферы и оказались в сияющем сине-зеленом пространстве за Слоем-4. Когда препятствие было пройдено, Галина повернула «Союз» на триста шестьдесят градусов, чтобы сбросить скорость. На этот раз рывок получился дольше и слабее. С нескольких сотен метров в секунду скорость упала фактически до пешеходной. Заросли теперь лежали впереди — или позади, в зависимости от угла обзора. Мы успели… Спешить стало некуда.

А вдруг каким-то чудом все обойдется…

Экран замерцал красным, сообщая о неисправностях.

— Все, пока, «Терешкова»! — воскликнула Галина. — Связь оборвалась. — Она зло улыбнулась мне. — Теперь есть только ты, я и непроницаемый слой чужеродной материи, отделяющей нас от внешнего мира. Клаустрофобия уже начинается?

— Странно будет, если не начнется. Есть местоположение «Прогресса»?

Галина ткнула пальцем в дисплей — в крест нитей на фоне движущейся сетки.

— Прямо по курсу: так «Прогресс» рапортовал в последнем сообщении. Судя по данным, которые он зафиксировал, прежде чем застрять, мы без особых проблем подойдем к нему на двести метров. Подвести «Союз» ближе я не рискну. Остаток пути нужно пройти в скафандрах.

— Нужно так нужно. — Я глянул на часы, надетые на рукав скафандра. С тех пор как мы покинули корабль-носитель, не прошло и трех с половиной часов — пока что мы опережали график. Воздуха и топлива было с избытком, но мне хотелось поскорее вернуться на «Терешкову». — Скоро мы на месте окажемся?

— Минут через двадцать.

— Возле «Прогресса» мы проведем два часа. При любом раскладе. И не задержимся, даже если не

сумеем выгрузить все артефакты, договорились?

— Дмитрий, это твоя идея. Тебе решать, на сколько мы там задержимся.

— Сейчас закончу надевать скафандр. Прежде чем уходить отсюда, проверим связь и системы жизнеобеспечения. Мы сделаем все, черт подери, чтобы «Союз» от нас не уплыл.

Галинины расчеты оказались точнее некуда. Двадцать минут спустя нас окружили заросли сине-зеленых объектов. Ближайшим к нам оказался не то ствол, не то сук с колючими ответвлениями. Галина подвела «Союз» к этому стволу, и корпус содрогнулся от столкновения. Я даже не встревожился из-за разгерметизации: мы оба уже надели шлемы и проблема потеряла актуальность. Галина выбрала удачное место, посадив «Союз» на выпирающий шип. Трение и ничтожно малый вес не дадут кораблю уплыть, пока мы не вернемся. Галина даже позаботилась о том, чтобы разблокировать передний выходной люк.

— Давай ты останешься здесь, а я загляну на «Прогресс»? — предложил я — не из геройских побуждений, а только из приличия.

— Вдвоем разгружать быстрее, — ответила Галина. — Встанем цепочкой, чтобы не мотать-

ся каждый раз туда-сюда. Будем друг за другом присматривать. — Она отстегнула ремни безопасности. — Ты готов? Сейчас стравлю воздух.

Галина стравила воздух через выпускной клапан, потом открыла люк. Мой скафандр надулся, швы и стыки заскрипели от перепада давления. Я все проверил, только как забыть, что лишь тонкие слои материала отделяют тебя от обморожения легких? Каждый жест, каждое движение давались теперь труднее и были потенциально опаснее, чем раньше. Порвешь перчатку об острый металл — и все, прощай рука.

Галина открыла люк. Прочь тревоги, прочь сомнения — я выбрался из «Союза». Теперь я видел инопланетный пейзаж собственными глазами — через тонкое стекло шлема, а не сквозь толстое иллюминаторное и не посредством монитора: он не только казался обширнее, но изумлял и угнетал сильнее прежнего. Куда ни глянь, везде безжалостные, обескураживающе-черные сферы. Я твердил себе, что раз нас впустили, то рано или поздно окно откроется и нас выпустят. Но как избавиться от ощущения, что мы — теплокровные зверьки, дрожащие млекопитающие с быстрым пульсом, угодившие в ловушку, которая только что захлопнулась?

— Давай разделаемся с этим дерьмом и вернемся на «Терешкову», — предложила Галина, протискиваясь мимо меня.

Мы спустились по ярко-зеленому борту «Союза», используя поручни, смонтированные специально для операций в невесомости. Люк не закрыли: из корпуса вытекали остатки воздуха. Мои ноги коснулись шипа. Я был почти невесомым, но все же почувствовал, насколько он плотный. Прозрачный, как весь Слой-4, шип оказался не скользким. Я протянул руку и ухватился за ствол, напоминавший на ощупь кору или камень.

— Думаю, у нас все получится, — проговорил я.

— «Прогресс» должен быть прямо под нами. Если ты не против, я туда спущусь.

— Ладно. Там шипы через каждые три-четыре метра. Даже если дальше нет сцепления, думаю, мы сможем хвататься за них. Подняться обратно тоже, наверное, особого труда не составит.

— Я буду рядом.

Если заросли и почувствовали наше присутствие, то вида не подали. Невероятный по величине и многообразию слой громоздился вокруг нас, но не подавал признаков жизни и не реагировал на появление людей и их устройств.

Я понемногу успокаивался, представляя себя в лесу, в пещерах — в протяженной, лишенной разума среде, а не в сияющем чреве инопланетного устройства.

До «Прогресса» мы доползли минут за пятнадцать. Он застрял носом в зарослях, так что перед нами был моторный отсек. Такие корабли, как правило, не рассчитаны на пилотирование человеком, но в стандартных моделях спереди есть люк, который при стыковке используется персоналом космических станций. Наш «Прогресс» оснастили научной аппаратурой, резервуарами с топливом, батареями. Люк стыковочного узла стал ртом, который робот мог самостоятельно набивать образцами, используя манипуляторы пробоотборных устройств как щупы. Внутри скрывалась система, которая автоматически сортировала пробы, при необходимости распределяла их по мини-лабораториям, а остатки складывала в отсеке перед топливными баками. Мы не смогли бы проникнуть через «рот», даже если бы «Прогресс» застрял в другом положении, но ничего страшного тут не было. Сбоку имелся дополнительный стыковочный узел с люком, и пробы могли выгружаться через стыковочный порт «Терешковой».

Галина обогнала меня во время спуска из «Союза» и до пробоотборного люка добралась первой. Все элементы управления были приспособлены для работы в скафандре. Галина двигала тяжелые рычаги, пока не открылся люк, обнажив негерметизированный грузовой отсек. В боковой люк «Прогресса» едва мог заползти человек в скафандре. Недолго думая, Галина схватилась за желтые поручни, поднялась и скрылась в люке. Через несколько секунд отсек осветился дрожащим лучом нашлемного фонаря.

— Галина, отзовись! — попросил я.

— Тут все рассортировано, по полкам разложено. Образцов, наверное, с полтонны. Есть довольно большие. Есть еще теплые. Перенести все на «Союз» — работка еще та.

— Перенесем, что можем, как и собирались. В крайнем случае заберем только уникальные образцы Слоя-один и Слоя-два.

— Сейчас попробую вытащить первый кусок. Через люк передам. Приготовься!

— Я готов.

Не успел я ответить, как на лицевой шторке гермошлема загорелась панель состояния.

— Связь с «Терешковой» вдруг наладилась, — объявил я, глядя на прокручивающийся массив

буквенно-числовой белиберды. — Окно, наверное, открылось.

— Теперь тебе спокойнее?

— Ну, немного легче от известия, что окна работают как надо.

— Об этом и я могла тебе сказать, — проворчала Галина, с трудом перемещая отобранный образец. — Так что, новости есть?

— Нет. Это просто сигнал несущей частоты, попытка наладить с нами связь. Значит, корабль еще на месте.

— Я и это могла тебе сказать.

Перенос первого образца на «Союз» занял двадцать минут. Передавать образец, как эстафетную палочку, не получилось: мы держали его вдвоем, стараясь не уплыть от корабля. Дальше пошло чуть веселее: мы быстро вернулись к застрявшему «Прогрессу» и второй образец перенесли уже за пятнадцать минут. В итоге образцы Слоя-1 и Слоя-2 оказались на «Союзе», готовые к возвращению домой.

Интуиция подсказывала: нужно заканчивать, пока мы опережаем график. Мы спасли хоть что-то с застрявшего «Прогресса» — этого почти наверняка хватит, чтобы умиротворить Байконур. Мы рискнули, и риск себя оправдал. Из

времени, которое я отвел на операцию, оставалось еще больше часа. Если работать быстро и эффективно — а мы уже входили в ритм, — вытащим еще три-четыре образца и успеем вернуться на «Союз». Кто знает, насколько полезнее окажутся пять-шесть образцов по сравнению с двумя?

— К твоему сведению, мне не терпится отсюда слинять, — заявила Галина, когда мы в очередной раз вернулись к «Прогрессу».

— Время пока есть. Еще два образца, а потом посмотрим.

— Ты нервничал куда сильнее, пока не открылось окошко.

Галина была права, отрицать бесполезно… Об этом я и думал, когда снова наладилась связь. На миг я обрадовался: поток цифр и символов, пусть даже совершенно мне непонятный, приближал меня к «Терешковой». До дома — лишь три слоя препятствий и короткий марш-бросок через вакуум. Почти рукой подать — примерно как до космической станции, мелькнувшей в небе над Клушино, когда отец посадил меня на плечи.

— Дмитрий! — позвал скрипучий голос. — Галина! Это Яков. Надеюсь, вы меня слышите.

— В чем дело, дружище? — спросил я. Надрыв в его голосе мне совершенно не нравился.

— Слушайте внимательно: связь может прерваться в любую секунду. Байконур обнаружил в Матрешке изменения, причем крупные. Пульсация Слоя-один увеличилась и в амплитуде, и в частоте. Ничего подобного не наблюдалось с первого ее появления. То, чем вы сейчас занимаетесь, действует на нее. Конструкция просыпается. Вам стоит задуматься о возвращении, пока алгоритм предотвращения столкновений способен провести вас через Слой-один. Если пульсации изменятся сильнее, алгоритм станет бесполезным.

— Вдруг он врет? — проговорила Галина. — Убалтывает нас, чтобы мы вернулись на «Терешкову».

— Я не вру. Я хочу, чтоб вы вернулись. И чтобы вернулся «Союз»: по крайней мере один из нас должен оказаться дома.

— Думаю, нам стоит вернуться, — сказал я.

— А остальные пробы?

— Черт с ними! Давай поскорее на корабль вернемся.

Пока я отвечал, окошко связи погасло. Галина оттолкнулась от «Прогресса». Я подтянулся на ближайший шип и полез вверх. Без груза подъем занимал меньше времени. Я думал об изменениях в Слое-1 и надеялся, что мы отыщем-таки

лазейку между смертоносными силовыми линиями, которые к тому же двигались.

Мы были на полпути к «Союзу» — вон он, наверху, маняще-близкий, — когда Галина, буквально дышавшая мне в спину, замерла.

— У нас проблема, — объявила она.

— Какая?

— Посмотри вниз, Дмитрий. Что-то приближается.

Я послушался и все понял. «Прогресс» больше не просматривался. Его скрыл серебряный поток, сияющее море ртути, которое медленно поднималось из зарослей, затапливая все.

— Лезь вверх! — велел я.

— Дмитрий, мы не успеем. Оно поднимается слишком быстро.

Я аж зубами заскрипел: ох уж этот Галинин прагматизм! Тем не менее вверх она полезла, не в силах удержать тело от того, что разум считал бесполезным. Галина не преувеличивала: поток догонял нас куда быстрее, чем мы поднимались к «Союзу». Но я тоже не мог не подниматься. Рискнув глянуть вниз, я увидел, что серебристая жидкость лижет Галине ступни, глотает оказавшийся ниже ботинок.

— Оно добралось до меня.

— Поднимайся!

Галина освободила ботинок, дотянулась до следующего шипа, и на миг показалось, что она обгонит поток. Я мысленно перенесся на «Союз» и понял: даже если мы доберемся до него и заблокируем люк, улететь все равно не успеем.

Поток заглатывал Галину — жидкость покрыла ей бедра, потом талию. Галина двигалась вверх все медленнее.

— Меня тянет вниз, — пожаловалась она, кряхтя от натуги. — Засасывает!

— Сопротивляйся!

Может, Галина и сопротивлялась: по таким скованным движениям не определишь. Поток дошел ей до груди, проглотил рюкзак, потом шлем. Галина подняла руку над головой, чтобы уцепиться за следующий шип. Поток проглотил и руку.

— Галина!

— Я здесь. — Ее слова, перемежаемые треском помех, звучали невнятно. — Я внутри потока. Ничего не вижу, но могу двигаться, могу дышать. Здесь как в иммерсионной ванне.

— Галина, попробуй выбраться!

— Скафандр барахлит. Видимо, жидкость выводит из строя электронику и систему охлаждения. — Галинин голос стих, потом зазвучал

снова, чудовищно искаженный хлопками, треском, шипением: — Боже! Жидкость в скафандр просочилась. Холодная какая! Она прибывает… Черт, как она попала в скафандр?!

Голос снова стих.

— Галина, отзовись!

— Жидкость у меня в шлеме. Боже, боже, она все прибывает. Я тону, Дмитрий! Это неправильно. Черт подери, я не желаю тонуть!

— Галина!

Я услышал сдавленный крик, потом бульканье. Потом ничего.

Я полз вверх, понимая, что усилия напрасны. Поток настиг меня через несколько секунд. Получилось так же, как с Галиной: поток проглотил меня, потом проник в скафандр.

Потом он проник мне в голову.

Мы не утонули.

Секунду мною владел панический страх: жидкость проникла в горло, в глазницы, в рот, в нос. Появился рвотный рефлекс, и этим все кончилось. Ни страха, ни паники — только блаженное забытье.

Очнулся я, лежа на спине.

Серебристый поток уходил — из наших тел, из наших скафандров. Он вытекал хромовыми

ручейками, оставляя скафандры сухими и неповрежденными. Мы лежали, как опрокинутые черепахи, что-то вроде нормальной земной гравитации прижимало нас к полу. С огромным трудом я сел, потом встал, борясь с весом рюкзака, тянущим меня вниз. Скафандр больше не надувался: значит, мы находились в герметизированном месте.

Я огляделся по сторонам, делая нормальные, ровные вдохи.

Мы с Галиной попали в огромную, стального цвета комнату с жаброобразными стоками в боковых стенах. Жидкость утекала в стоки, обнажая черный, слабо мерцающий пол из чего-то, похожего на полированный мрамор. Серо-голубой свет лился сквозь шестиугольные решетки в сводчатом потолке. Рисковать, выясняя, годится ли воздух для дыхания, я не собирался. Я проверил внешний слой гермошлема на наличие дыр и царапин, но он, похоже, совершенно не пострадал.

— Галина! — позвал я. — Ты меня слышишь?

— Отлично слышу, Дмитрий.

Ее голос доносился и из шлемной радиостанции, и через стекло, глуховато, но внятно.

— Этот поток… По-моему, скафандры он не

повредил.

— Воздух у нас еще есть?

— Согласно датчикам, на шесть часов.

— Как ты себя чувствуешь?

— Будто меня продраили изнутри с каустической содой. А в остальном нормально. Голова ясная, как после долгого сна. Пожалуй, я сейчас бодрее, чем до выхода из «Союза».

— Вот и у меня те же ощущения. По-твоему, где мы?

— В сердце Матрешки, где же еще? Она не просто так нас сюда затянула. Может, хочет получить доступ к чужеродным объектам, которые засекла, а потом решит, переработать их или утилизировать.

— Да, наверное, так. Но почему Матрешка нас не уничтожила? Наверняка поняла, что мы живые существа. Живые и разумные.

— Дмитрий, ты неисправимый оптимист.

— Здесь что-то происходит. Смотри!

Основание стены проре́зала полоса света. Полоса тянулась вверх, словно там поднималась цельная дверь. В растущую щель пробивался тот же серо-голубой свет, что лил сквозь потолочные решетки. Мы оба напряглись и, ожидая, что нас сейчас раздавят насмерть, повернулись лицом к

своей участи.

За брешью оказалось нечто вроде коридора, плавно изгибавшегося вниз, поэтому мы видели не конец, а только усиливавшийся серебристый свет. Вогнутые стены тянулись к узкому хребту потолка. Их покрывал плотный, искусно вырезанный узор, подсвеченный серо-голубым.

— Наверное, мы должны туда пойти, — шепнула Галина, не отваживаясь говорить громче.

И мы пошли; в автономных скафандрах шаги получались медленными и неловкими. Через дверь — в коридор, вниз по наклонному пандусу пола. Удерживать равновесие почему-то было все так же легко. Даже не чувствовался растущий наклон поверхности. Я посмотрел на Галину: она двигалась в вертикальном положении, под прямым углом к полу. Я замер, чтобы оглянуться, но комната, в которой мы очнулись, уже исчезла из вида — дверь медленно опускалась.

— Звук слышишь? — спросила Галина.

У меня на языке вертелся тот же вопрос. Пыхтящие циркуляторы в скафандрах очень мешали, но я улавливал низкий гул — вроде басовой ноты органа. Исходил он отовсюду, из самой материи Матрешки. Несколько секунд звучала одна нота, потом тональность менялась. Пока мы двигались

по коридору, последовательность нот повторялась с небольшими вариациями. Мелодию, если она присутствовала, я пока сложить не мог: звуки были слишком глухими и растянутыми. При этом они не казались случайным аккомпанементом некоего механического процесса.

— Это музыка, — проговорил я. — Замедленная до невозможного, но музыка.

— Дмитрий, посмотри на стены!

Поразительно. Стены покрывал завораживающе сложный узор, в котором я разобраться не мог. Узор был объемным и кое-где выступал на несколько сантиметров. Я почувствовал странное желание коснуться стены, пальцы словно магнитом притягивало.

Я только ощутил притяжение, а Галина, шедшая слева, уже вела по стене левой рукой. Раз — и она отдернула обтянутые перчаткой пальцы, охнув не то от боли, не то от изумления, не то от детского восторга.

— В чем дело? — спросил я.

— Просто… Дмитрий, у меня просто слов нет. Там… там все.

— В каком смысле, все?

— Все пыталось проникнуть мне в голову. Все сразу. Словно в сознание загружается целая все-

ленная. Неприятно не было. Просто… немного слишком.

Я потянулся к стене.

— Осторожно, Дмитрий!

Я коснулся узора. Знание, чистое, радужно-переливистое, сильно разветвленное и хрупкое, как цветок, пропитанный жидким азотом, хлынуло мне в голову. Мозговая коробка затрещала от натуги. Я отпрянул от стены, так же как Галина. Вряд ли прикосновение длилось больше секунды, но поток информации, обрушившийся на меня, звенел, как отголоски перезвона Господней колокольни.

Окно понимания распахнулось и захлопнулось наглухо. Голова шла кругом от того, что я в нем увидел. Теперь я знал о Матрешке больше любого живого существа, за исключением разве что Галины.

— Она из будущего, — пролепетал я.

— Я тоже это поняла.

— Ее направили сюда… Ее направили сюда, чтобы передать нам послание.

Эти факты казались непреложными, но где взять контекст? Кто отправил Матрешку? Из какого будущего? Что за послание она принесла? Как сюда попала?

В неизвестности я оставаться не мог. Часть правды мне открылась, значит нужно выяснить остальное.

Я снова коснулся стены рукой. На этот раз ощущения были острее, но я справился с инстинктивным желанием отстраниться и отрешиться. Радужный поток ошеломлял. В голове не хватало места, а информация все прибывала и прибывала. Знания закачивались в меня, остывали, наслаивались, как камни в горах. Голова теперь казалась огромным валуном, который водрузили мне на плечи. Я засмеялся: а как еще реагировать? Вопить от страха? Поток не иссякал — напротив, набирал силу.

Уяснил я следующее.

Матрешка — сложная конструкция, созданная с простой целью. Слоистая структура возникла по необходимости: только так Матрешка могла выполнить свою миссию. Каждый из слоев, по сути, являлся либо броней, либо средством маскировки, либо ключом доступа. Сформировались слои естественным образом, чтобы провести Матрешку через мясорубку космической машины времени, которая старше Земли. Создали ее инопланетные разумы, а их потомки постепенно усовершенствовали. Эта машина совершеннее

Матрешки настолько, насколько Матрешка совершеннее «Союза».

Более миллиарда лет машина времени пребывала в спящем состоянии, а потом на нее случайно наткнулось человечество, точнее, то, чем оно стало.

Разобраться в машине удалось не сразу.

В ее гудящей, кружащейся сердцевине скрывались нейтронные звезды. С начала нашей эры было известно, что достаточно длинный, плотный, быстро вращающийся цилиндр обладает способностью сворачивать пространство-время вокруг себя до тех пор, пока не образуется тоннель в прошлое. Такой тоннель — математическая траектория в космосе, вроде орбиты — дает возможность переправить сигнал или объект в любой момент прошлого, но только если он не предшествует созданию машины.

Создать такую машину — задача архисложная.

Одна нейтронная звезда обеспечила бы требуемую скорость вращения и плотность, но ей не хватило бы осевой длины. Чтобы решить эту проблему, создатели машины имитировали цилиндр, сведя четыреста сорок одну нейтронную звезду воедино, так, что они почти соприкасались — вроде бусин на нитке. Разомкнутая цепь

распалась бы под собственным чудовищным тяготением, поэтому ее изогнули, соединив концы. Вся конструкция вращалась достаточно быстро, не позволяя нейтронным звездам падать вовнутрь. Полноценного цилиндра не было, но в определенном ракурсе — для фотона или космического корабля, оказавшегося рядом со звездными бусами, — конструкция выглядела как цилиндр.

Немало времени ушло на изучение самой машины, а на создание корабля, способного ее перевезти, — еще больше. Матрешка стала последним крупным детищем угасающей цивилизации.

Матрешку запустили в дочеловеческое прошлое нашей Галактики. Обращенный во времени полет, фильтры и барьеры, установленные для предотвращения нецелевого использования древней техники, возврат в нормальный временной поток привели к потере одиннадцати дополнительных слоев оболочки. Мы увидели только потрепанный остов конструкции, которая прежде была еще больше.

Но Матрешка выдержала. Матрешка прорвалась — даже после запуска на миллионы лет мимо целевой эры. Впрочем, такая погрешность

допускалась. Улететь в далекое прошлое, а потом ползти вперед проще, чем стремиться в конкретную, более позднюю эпоху. В Слоях 1 и 2 у Матрешки были устройства для управления кротовинами, и она появилась из ближайшего к цели отверстия, чтобы пройти последний этап пути.

Из какого будущего явилась Матрешка? Сто лет после нас? Тысяча? Пять тысяч? Я сказать не мог. В меня загрузили ответы на любые вопросы, только разобраться во всем с ходу не получалось. Зато я чувствовал нить, связывающую Матрешкину эру с нашей. В будущем о нас знали немало.

Достаточно, чтобы понять: мы избрали неверный путь.

Я отдернул руку от стены. Страшно хотелось вернуть ее обратно, но больше информации мне за один раз не впитать.

— Дмитрий!

— Я здесь.

— Я уже подумала, что тебе конец.

Я повернулся к спутнице. На фоне необъятности увиденного, по космическим масштабам истории, в которую я заглянул, Галина казалась эфемерной, как бумажная фигурка. Воплощение слабости, всего лишь человек, застрявший в сию-

минутном, как пылинка на конвейерной ленте. Размерность ощущений восстановилась не сразу — лишь позже я осознал, что, вопреки всему показанному Матрешкой, сам не изменился.

— Ее прислали сюда ради нас, — произнес я. Слова вырвались залпом, но каждый слог при этом отнимал море времени и сил. — Чтобы показать, как сильно мы ошибались. Здесь, в этих стенах, целая вселенная истории. Здесь горы, бездны информации.

— Тебе нужно отдышаться. Серебристая жидкость попала внутрь нас и каким-то образом подействовала, да? Перенастроила наши мозги, чтобы в них проникла Матрешка?

— Ну… возможно. Да, пожалуй, так.

— Дмитрий, успокойся. Нам нужно лететь обратно.

Я снова потянулся к стене. Информационный голод, потребность заполнить вакуум в голове нахлынули снова. Матрешка пока сообщила мне не все. С Дмитрием Ивановым она еще не закончила.

— Не надо, — проговорила Галина так твердо, что я замер. — Не сейчас. Давай сначала все осмотрим.

Я послушался. По середине коридора идти было

легче. Но стены продолжали шептать, продолжали уговаривать меня, чтобы я коснулся их ладонью.

— Второй Союз… — начал я.

— Что с ним?

— Он падет. Лет через пятьдесят — шестьдесят. Ближе к концу века. Я видел это в истории. — Я остановился и нервно сглотнул. — Дорога, которой мы идем… Это неверный путь. Где-то между первым и вторым появлением Матрешки мы свернули не туда. Когда мы поймем это, когда Союз падет, будет слишком поздно. Не только для России, но и для всей Земли, для всего человечества.

— Матрешка пришла из будущего. Это почувствовала даже я при мимолетном касании. Но если ее отправили мы, значит все не так плохо.

— Это неправильное будущее, — настаивал я. — Матрешка фактически последнее детище человечества. Люди избрали неверный путь, обрекли себя на неудачу с самого начала. Мы отвернулись от космоса, а это ошибка. Между тем временем и нашим — только тьма, она застанет нас врасплох.

Мы продолжали идти вниз по дуге коридора, навстречу серебристо-синему сиянию.

— Второй Союз — единственная держава, которая еще совершает полеты в космос. Можно сказать, только нашими усилиями свеча еще горит.

— Этого мало. Раз другие страны свернули исследования, просто держаться на прежнем уровне недостаточно. Раз свеча горит только нашими усилиями, она скоро погаснет.

— Не понимаю, что могут изменить сиюминутные решения, тем более в далеком будущем.

— Очевидно, многое, иначе наши потомки не прилагали бы столько усилий. Мы ведь оба понимаем, что незначительные изменения начальных условий способны повлиять на хаотическую систему совершенно непредсказуемым образом. А что есть история, если не хаотическая система?

— Дмитрий, Второму Союзу не понравится, если его назовут ошибкой истории.

У меня пересохло в горле.

— Матрешкино послание власти игнорировать не смогут. Только не сейчас.

— Я не стала бы говорить так уверенно. Кстати, знаешь что?

— Что?

— Если эта штуковина из будущего, из нашего

будущего, то, возможно, она из России. Или предназначена для россиян. А значит, Неша Петрова, скорее всего, не ошибалась.

— Ей должны сообщить.

— Ага, только об этом власти и думают, после того как столько лет унижали и оскорбляли ее. — Галина притихла, а потом добавила: — Похоже, они с самого начала знали, да?

— Знать они не могли.

— Но имели достаточно сведений, чтобы желать провала ее гипотезе. Послание из будущего, адресованное нам? Что нам стоит слышать от потомков, кроме нескончаемой благодарности?

— Каждое наше слово фиксируется магнитофонами в скафандрах. Фиксируется, сжимается, сохраняется для отправки на «Союз», потом на «Терешкову», потом на Байконур.

— В данный момент, товарищ, мало что волнует меня меньше партийного говнюка, который меня подслушивает.

Я улыбнулся, потому что чувствовал то же самое.

Через шестьдесят лет Второй Союз рассыплется. История, которую в меня закачали, доказывала, что предотвратить это невозможно. Ускорить процесс реально — наверное, с прибытием

Матрешки так и получится, — а предотвратить невозможно. Пусть хоть распинают нас, ничто не изменится.

Это хоть немного, но утешало.

Коридор расширился, узорные стены расступились, и вот мы попали в зал размером с церковный неф. Зал был круглым, метров сто в диаметре, со сводчатым потолком. Других входов, кроме как из коридора, я не видел. Пол украшал зубчатый орнамент — от центра расходились тонкие как лезвия куски черного и белого мрамора.

Музыка звучала все быстрее и пронзительнее. Мелодия — если она присутствовала — уже почти улавливалась. Перед моим мысленным взором встал зимний пейзаж под белыми небесами.

— Ну вот, мы у цели, — проговорила Галина. — После стольких испытаний попали в пустой зал.

Она неуверенно шагнула к центру зала и остановилась.

— Погоди! — сказал я.

В зале что-то творилось.

Черные и белые куски незаметно отодвигались к границе пола, а в центре образовывалась черная звездообразная брешь. Происходило все беззвучно, ужасающе медленно. Галина отступила назад, и мы оказались рядом. Когда звезда расширилась

метров до десяти — двенадцати, пол перестал меняться. Из звезды что-то проступило, плавно, тихо, — постамент с фигурой, лежащей лицом к сводчатому потолку. Рядом с постаментом, заиндевелым от холода, темнел плотный клубок трубок и скрученные аппаратные внутренности. Мы с Галиной наблюдали молча, на первый шаг ни она, ни я не решались. У меня звенело в ушах — в головную боль это пока не переросло, но грозило перерасти.

Пол начал принимать прежний вид, зазубренные осколки вокруг постамента вставали на свои места. Теперь нас и лежащего разделяла цельная поверхность. Мы с Галиной глянули друг на друга из-под щитков гермошлемов и медленным, ритмичным шагом двинулись к центру зала. Наклонный постамент возвышался на два метра от пола, так что лежащий оказался над нашими макушками. С момента своего появления из-под пола он не шевельнулся и не подал признаков жизни.

Вот мы у постамента. Сбоку на нем был не то выступ, не то ступенька — мы поднялись, и наши головы оказались вровень с лежащим. Мы смотрели на него, не говоря ни слова. Натужный рев циркуляторов воздуха лишь подчеркивал наше

молчание.

Фигура человеческая — это не вызывало сомнений с тех пор, как постамент поднялся. Форма головы, грудная клетка, строение рук и ног — все выглядело слишком привычно, чтобы принадлежать инопланетянину. Я знал, что Матрешку сюда прислали наши потомки, то есть представители человеческой расы. Новые, яркие воспоминания подсказывали, что передо мной пилот, навигатор, который провел Матрешку через адские жернова машины времени, потом через каскад кротовин из прошлого в нашу эру. Мертвенно-бледный, призрачно худой, обнаженный пилот лежал на белой металлической полке или подставке, которая на первый взгляд казалась орудием пытки или жестокого обездвижения. Но потом я решил, что это интерфейс системы управления и жизнеобеспечения. Он поддерживал жизнь пилота и позволял ему управлять огромной многослойной конструкцией, которую ему поручили вести и оберегать.

Чувствовалось, что путешествие было долгим. По Матрешкиной системе отсчета оно заняло века субъективного времени. Пилот, биомодифицированный для долголетия и непрерывного бодрствования, пропустил через себя каждую

жуткую секунду. Это подразумевалось с самого начала.

Но что-то пошло не так. Что стало виной — просчет, проблема со входом в машину времени, с выходом из нее, или с нырком в кротовину, — я не знал, видя лишь последствия. Таким долгим путешествие не планировалось.

— Пилот сошел с ума.

— Ты в этом не сомневаешься, — проговорила Галина.

— Его посадили в Матрешку одного и отослали в прошлое, — кажется, это наказание. На самом же деле это величайшая честь. Его прославляли. Ему доверили миссию невероятной важности.

— Изменить их прошлое?

— Нет, они остались с тем, что было. Можно изменить чужое прошлое, а свое — нет. Таков принцип путешествия во времени. У нас теперь другое будущее — не факт, что в нем появятся создатели Матрешки. Они старались не для себя, а для нас. Хотели исправить ошибки в одном из возможных вариантов истории, раз уж в своем нельзя. И он заплатил за это рассудком.

Галина долго молчала, а я рассматривал пилота, отмечая подробности. Если бы он встал, то оказался бы выше нас с Галиной. Руки вытянуты

по швам, кулаки сжаты — ладони казались маленькими, как у ребенка, несоразмерными для такой фигуры. Истощенное тело было частично механическим и соединялось с металлической полкой. Светящиеся голубые провода проникали в него в десятках точек. Из-под туго натянутой кожи выпирало что-то жесткое, не биологическое. В глазницах блестели граненые голубые кристаллы, от которых тянулись сияющие волокна. Форма черепа казалась неправильной, будто детская патология, которую так и не выправили. Никаких волос — только прозрачная кожа с тонкими прожилками. Губы напоминали бесцветные полоски.

— Музыка… — Галина прервала благоговейное молчание. — Ты ведь думаешь, что она идет из его головы?

— Думаю, музыка утешала его во время путешествия. Но где-то по пути засосала его. Одна и та же мелодия бесконечно повторяется, он как белка в колесе. Из кротовины он выбрался уже неспособным закончить миссию.

— Он заставил Матрешку петь.

— Наверное, это последнее, что он сделал, прежде чем безумие овладело им окончательно. Это последнее сообщение, которое он смог нам

передать. Он представлял, как мы воспримем Матрешку со всей ее слоистой маскировкой. Заставил ее петь, в надежде, что мы поймем. Это человеческий сигнал, знак, что бояться не нужно. Что Матрешка только выглядит инопланетной конструкцией, а внутри у нее нечто человеческое. Послание всей расе, последний шанс выполнить миссию.

— Что же он рацией не воспользовался?

— Так ведь послание нужно было переправить через Слой-три, не говоря уже обо всех препятствиях, которые мы прошли после Слоя-четыре. Может, это просто невозможно. Может, самым простым вариантом было заставить Матрешку петь. Ну и в итоге музыку мы не пропустили.

— Или музыка — издержки его безумия.

— Тоже вариант, — согласился я.

Тот же порыв, который заставил меня касаться узорных стен, потянул мою руку к пилоту. Тот содрогнулся, шевельнулся, насколько позволяли ограничители полки. Голубые провода натянулись, как корабельные тросы в шторм. Я и сам вздрогнул в тяжелом скафандре: страх боролся во мне с любопытством. Пилот замер, но что-то в нем изменилось.

— Либо он только что умер, либо только что

ожил, — проговорила Галина. — Хочешь угадать, Дмитрий?

Я не ответил. Я мог только смотреть на пилота. Грудная клетка не шевелилась, и я сомневался, что под ребрами бьется сердце. Но что-то стало иным.

Пилот повернул голову. Движение получилось очень медленным, не как у человека, а как у цветка за солнцем. Просто смотреть на нас стоило ему невероятных усилий. Тугая маска лица и голубые кристаллы глаз не выражали абсолютно ничего, но я знал: внимание пилота сосредоточено на нас.

Бескровные губы разомкнулись, с них сорвался глубокий, медленный вздох.

— Ты справился, — сказал я. — Ты выполнил миссию.

Возможно — правды я никогда не узнаю, — мне только почудилось, что пилот легонько кивнул, словно понял меня. Словно был благодарен за такую новость.

Пилот снова вздохнул — на этот раз еще глубже, как перед смертью. Голубые глаза смотрели на меня, но я вдруг почувствовал, что сознания в них больше нет. Неужели пилот хранил последние крупицы рассудка — последние капли своей са-

мости — для встречи с прилетевшими на музыку, чтобы узнать, справился он или нет.

Напряжение покинуло его тело, голова опустилась на полку, профилем к нам. Рука свесилась за край постамента. Кулак разжался, и на пол полетел небольшой металлический предмет.

Я наклонился и поднял его руками в толстых перчатках так осторожно, как только мог. Я смотрел на него как на самую диковинную инопланетную диковинку, которой, пожалуй, он в тот момент и являлся.

— Памятка, — недоуменно произнес я. — Вещь, которую ему разрешили взять с собой из будущего. Вещь древняя, как мир, в который он стремился попасть. Вещь, имевшая многовековую историю на момент его отправления.

— Может быть, — проговорила Галина.

Я зажал шкатулку в кулаке. Это же простая человеческая безделушка, безобиднейшее устройство. Хотелось снять перчатку и выяснить, что за мелодию она играет. Или я уже это знал?

Немного спустя хромовый поток вынес нас из Матрешки.

Мы покупаем хлеб, а когда возвращаемся, у Нешиной квартиры ждут люди. Может, они приехали на ЗИЛе, но я не заметил его на улице. Их

трое, все в тяжелых черных пальто и в черных кожаных перчатках. Двое мужчин — их лица не вызывают у меня никаких воспоминаний — дороднее, на головах у них шляпы с запорошенными снегом полями. Третий — без шляпы, зато вокруг шеи у него повязан голубой шарф. Он тоньше своих спутников, бритая яйцеобразная голова и маленькие круглые очки делают его похожим не то на аскета, не то на профессора. Его лицо мне смутно знакомо: мы где-то встречались. Он достает сигарету из пачки и ловит мой взгляд. Те же контрабандные сигареты, какими я оплатил проезд в Звездный городок.

— Это я виноват, — говорю я Неше. — Я не хотел их сюда приводить.

— Мы приехали, чтобы отвезти вас обратно в больницу, — объявляет лысый, закуривая от миниатюрной зажигалки. — Если честно, я не ожидал найти вас живым. Словами не передать, как я рад, что мы вас разыскали.

— Мы знакомы?

— Конечно знакомы. Я доктор Гречко. В больнице мы провели вместе немало времени.

— Туда я не вернусь. Вам это известно.

— Позволю себе не согласиться. — Лысый глубоко затягивается. — Вы поедете с нами. Потом

будете меня благодарить.

Он кивает одному из здоровяков в шляпе, и тот достает из кармана пальто шприц в пластмассовом колпачке. Руками в перчатках здоровяк снимает колпачок, подносит шприц к глазам, щелкает по трубке, чтобы сбить пузырьки, и нажимает на поршень, выпуская несколько капель содержимого.

Перила на балконе низкие. Девятью этажами ниже лежит снег, только он не сильно смягчит падение. Я сделал то, ради чего сюда явился, так почему бы не расстаться с жизнью, чтобы не ехать обратно в больницу?

— Простите, что впутал вас в это, — говорю я Неше и бросаюсь к перилам. Решимость моя абсолютна. Я согласен прыгнуть, готов себя уничтожить. Хочу, чтобы музыка в голове стихла. Хочу тишины, смерти, вечности.

Но то ли я недостаточно проворен, то ли решимость моя не так абсолютна, как кажется. Один здоровяк в шляпе бросается за мной и огромной ручищей хватает за плечо. Другой подходит к нам со шприцем наготове.

— Подождите! — велит доктор Гречко, если его и вправду так зовут. — Он сейчас не опасен, просто держите его крепче.

— Что будет с Нешей? — спрашиваю я.

Гречко смотрит на нее и качает головой:

— Разговоры с сумасшедшей особого вреда не принесут. Что бы вы ни сообщили ей, Георгий, она перепутает это со вздором, в который уверовала. Это примерно как поделиться секретом с собакой. Даже если она не напутает, слушать ее некому. С ней даже возиться не стоит. А вот вы, напротив, чрезвычайно ценны для нас.

Что-то здесь неправильно. Ощущение такое, что мой мозг вспарывает ледокол.

— Я не Георгий.

Доктор Гречко печально кивает:

— Боюсь, что Георгий. Кем бы вы ни считали себя сейчас, вы доктор Георгий Кизим. На вас даже его куртка. Если сомневаетесь, проверьте карман — не исключено, что там лежит его пропуск.

— Нет, — возражаю я. — Я не Георгий Кизим. Я знаю этого человека, но я — не он. Куртку я взял, чтобы сбежать из больницы. Я космонавт Дмитрий Иванов. Я летал на «Терешковой». Я был в Матрешке.

— Нет, — терпеливо поправляет доктор Гречко. — Вы не космонавт. Космонавт был и в какой-то степени остается вашим пациентом. Вас прикрепили к нему, чтобы лечить и, если

выйдет, узнать подробности полета. К сожалению, протокол оказался неидеальным. Мы думали, что сможем предотвратить повторение случившегося с Яковом — смешения личностей и воспоминаний, — но ошиблись. Вы начали отождествлять себя с пациентом так же, как доктор Малышев — с Яковом. Механизма процесса мы до сих пор не понимаем, но после истории с Малышевым, казалось, приняли защитные меры, чтобы исключить рецидив. Очевидно, мы просчитались. Даже если Иванов в вегетативном состоянии…

— Я Иванов, — твержу я, но тень сомнения появляется.

— Может, в кармане посмотрите? — предлагает Неша.

Я опускаю в карман онемевшие от холода пальцы и касаюсь твердого края пропуска. Здоровяк в шляпе держит меня по-прежнему крепко. Я передаю белый пластиковый прямоугольник Неше. Она держит его в вытянутой руке и щурится, вглядываясь в маленькую голограмму.

— Это вы, — объявляет Неша. — Сомнений нет.

Я качаю головой:

— Тут какая-то ошибка. Наши файлы спутали. Я не доктор Кизим. Я и тот корабль помню, и все,

что там случилось.

— Только потому, что вы провели с ним много времени, — не без сочувствия поясняет Гречко. — После того как Дмитрий впал в персистирующее вегетативное состояние, мы решили, что риск заражения существенно снизился. И ослабили меры безопасности.

— Я не доктор Кизим.

— Георгий, мы вас вылечим, слово даю! Малышева мы в итоге вернули к нормальной жизни. Процесс, конечно, протекал болезненно, но постепенно его собственная личность вышла на первый план. Сейчас он помнит, что был Яковом, но проблемы самоопределения больше не существует. Мы и вам поможем, обещаю. Поедемте с нами, и все будет хорошо.

— На фотографию посмотрите, — говорит Неша, возвращая мне пропуск.

Я смотрю. Зрение фокусируется не сразу — от холода и снега слезятся глаза, — но, когда это случается, сомнения и впрямь отпадают. Это самое лицо я видел в Нешином зеркале. На фотографии оно чище, презентабельней, но все равно мое.

— Я боюсь.

— Конечно боитесь, а кто не боялся бы? — Гречко тушит сигарету и протягивает обтянутую

перчаткой руку. — Георгий, так вы поедете с нами? Чтобы мы начали лечение?

— У меня нет выбора, верно?

— Так будет лучше.

Видя, что я сдаюсь без боя, Гречко кивком велит здоровяку убрать шприц обратно в карман. Другой здоровяк в шляпе легонько подталкивает меня: давай, мол, иди, лифт ждет. Я задерживаюсь буквально на секунду, чтобы оглянуться на Нешу.

Мне необходима последняя секунда контакта с женщиной, ради встречи с которой я рисковал жизнью.

Неша коротко кивает.

Вряд ли Гречко или его здоровяки заметили этот кивок. Вот Неша вынимает руку из кармана, показывает мне шкатулку и сжимает ее в кулаке, как величайшее сокровище во вселенной. Словно обрывок сна, я вспоминаю, как другая рука вложила эту шкатулку в мою. Рука космонавта, который, уже впадая в кому, умолял распорядиться ею.

Что станет с нами, не знаю. Неша стара, но вполне способна прожить еще несколько десятков лет. Может, она когда-нибудь и сомневалась в своей правоте, но теперь у нее есть вещественное

доказательство. Справедливость восстановлена, если ее требовалось восстанавливать. Впрочем, если появится возможность, они найдут повод ее утешить.

Зато теперь у Неши появилась железная уверенность в том, что они не правы, что все их идеалы в один прекрасный день рассыплются в прах.

Утешение слабое, но уж какое есть.

— Я и правда доктор Кизим? — спрашиваю я Гречко, когда лифт везет нас вниз.

— В глубине души вы сами это знаете.

Я глажу себя по лицу: соответствует ли оно воспоминаниям, которые кажутся реальными?

— Я был полностью уверен…

— Так оно и случается. Но хорошо, что вы уже подвергаете сомнению эти несомненные факты.

— А космонавт?.. — начинаю я, почему-то чувствуя, что не в силах назвать его по имени.

— Да?

— Вы обмолвились, что он в персистирующем вегетативном состоянии.

— Он в этом состоянии уже довольно давно. Странно, что вы не помните. Он просто лежит и смотрит на нас. Смотрит и мурлычет мелодию. Одну и ту же. Снова и снова. В конце концов мы ее

узнали. Это музыка Прокофьева, известное сочинение, — добавляет Гречко без особого интереса.

— «Тройка», — подсказываю я, когда дверцы лифта открываются. — Да, я хорошо ее знаю.

Под снегопадом меня ведут к ЗИЛу, который наверняка ждал где-то за пределами видимости. Здоровяк со шприцем распахивает заднюю пассажирскую дверь и жестом предлагает мне сесть, словно я — высокопоставленный партиец. Я залезаю, не устраивая сцен. В салоне ЗИЛа тепло, мягко и тихо.

Пока мы мчимся прочь из Звездного городка, я прижимаю лицо к стеклу и смотрю на белый мир. Он проносится мимо, как во время катания на санях.

Эта вещь была написана для Джонатана Стрэна, когда он готовил антологию «Godlike Machines» — о загадочных мегасооружениях и иных инопланетных артефактах. И я не найду лучшего примера того, насколько нелинейным может быть творческий процесс и какая тщетная это задача — загонять развитие сюжета в ситуативные рамки. Однажды мне вообразился катящий сквозь вьюгу черный лимузин, и я на клочке бумаги записал идею, что-то вроде: «Космонавты сходят с ума из-за Прокофьева». И забыл

об этом. Потом я пару месяцев гонял совершенно дрянной сюжет по бесчисленным деревьям и кроличьим норам и наконец убедился, что овчинка не стоит выделки. Тот брошенный сюжет не имел никакого отношения к Прокофьеву, космонавтам и вьюге. Это была столь же безнадежная, сколь и амбициозная попытка создать историю об инопланетном артефакте, который сталкивается с Землей и разрушает нашу технологию и язык, одновременно меняя наше восприятие потока времени, так что прибытие артефакта мы принимаем за его отбытие и вместо технологического упадка получаем технологическое ускорение… Ну, вы поняли. А может, и нет.

Так вот, однажды, разозлившись на свою неспособность сдвинуть сюжет с мертвой точки, я плюнул на него и решил: надо вернуться к чему-то такому, что я смогу довести до ума. Я нашел ту бумажку и стал писать «Тройку». Она тоже давалась нелегко. Случались задержки; бывало, я оказывался в тупике. Но всякий раз мне помогала вера в то, что выход существует, надо только его найти. При работе над предыдущей вещью такой веры у меня не было.

Хотите почитать кое-что из тогдашних записей? Пожалуйста.

«Дмитрий сбежал».

«Дмитрий нашел Петрову».

«Они идут гулять. Беседуют о том, чем она занималась раньше, как была осмеяна и унижена».

«Возвращаются в квартиру. Он дает ей музыкальную шкатулку».

«За ним приходят. Петрова не интересует этих людей. Дмитрий догадывается, что с ним должно случиться нечто плохое, но смиряется. Он почти счастлив, так как доказал Петровой, что она была права».

«Только рассказ надо вести от лица Дмитрия. И расставить подсказки насчет того, что любого, кто вступит в контакт с Машиной, ждет легкое помешательство. Похоже, это заразно — достаточно пообщаться с выжившим членом экспедиции, чтобы тронуться умом.

«Позаботиться о том, чтобы безумие Якова не началось до того, как они приблизятся вплотную к Матрешке».

В конце оказывается, что сбежал не Дмитрий, а его врач, который до того обезумел, что возомнил себя членом экипажа. Рассказ от первого лица — это для эффекта присутствия и чтобы не запутать читателя. Доктор так глубоко вживается в историю экспедиции, что в конце

берет себе личность единственного выжившего.

Спячка

Гонта вывели из анабиоза ранней весной, в холодный ветреный день. Он лежал на кровати со стальной рамой, в помещении с унылыми серыми стенами, по всей видимости наскоро собранными из готовых блоков. В ногах кровати стояли двое.

Похоже, их мало интересовало, насколько паршиво он себя чувствует. Мужчина прижимал к груди миску с едой и торопливо орудовал ложкой, словно не мог присесть ни на минуту даже ради утоления голода. Его светлые волосы были коротко подстрижены; судя по задубевшей коже лица, он много времени проводил под открытым небом. Рядом стояла женщина с волосами подлиннее, тоже светлыми, но уже с проседью, и намного более смуглой кожей. Жилистая, как и мужчина, она тоже была облачена в потертый серый комбинезон. Ее бедра охватывал тяжелый пояс с инструментами.

— Ну что, Гонт, жив? — спросила она. — И *compos mentis*?[13]

---

[13] Примечания: 13
Вменяем? *(лат.)*

Гонт прищурился — свет в комнате был слишком яркий — и тотчас утонул в воспоминаниях.

— Где я? — спросил он.

— В комнате. Тебя разбудили, — ответила женщина. — Ты ведь помнишь, как засыпал?

Он хватался за воспоминания, пытался поймать что-нибудь относящееся к ситуации. Врачи в зеленых халатах, стерильная операционная, рука подписывает последний документ, перед тем как его подключат к машинам. В вены медленно льются препараты, полное отсутствие печали или тоски, когда он прощается со старым миром, со всеми своими разочарованиями.

— Кажется, помню.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Гонт. — Пришлось потратить несколько секунд, чтобы вспомнить имя. — Маркус Гонт.

— Вот и хорошо, — сказал мужчина, вытирая губы рукой. — Это положительный признак.

— Я Клаузен, — представилась женщина. — А это Да Сильва. Мы отвечаем за твое пробуждение. Помнишь «Спячку»?

— Не уверен.

— Подумай хорошенько, Гонт, — попросила она. — Нам ничего не стоит снова тебя усыпить, если откажешься работать с нами.

Нечто в тоне Клаузен убедило его, что следует постараться.

— Компания, — сказал он. — «Спячкой» называлась компания. Она уложила меня спать. Она всех уложила спать.

— Клетки мозга вроде не повреждены, — заметил Да Сильва.

Клаузен кивнула, но никак не показала, что рада правильному ответу. Скорее, ее успокоило, что Гонт избавил их с Да Сильвой от какой-то мелкой обязанности, и не более того.

— Мне понравилось, как он сказал «всех». Словно это так и было.

— А разве нет? — удивился Да Сильва.

— Для него — нет. Гонт был одним из первых. Ты что, не читал его досье?

Да Сильва поморщился:

— Извини. Немного отвлекся.

— Он был одним из первых двухсот тысяч, — напомнила Клаузен. — Членом эксклюзивного клуба. Как вы себя называли, Гонт?

— Избранные. Очень подходящее слово. А как еще нам было себя называть?

— Везучие сукины дети, — ухмыльнулась Клаузен.

— Помнишь, в котором году тебя усыпили? —

спросил Да Сильва. — Ты был в первой партии, значит это случилось примерно в середине века.

— В две тысячи пятьдесят восьмом. Если надо, могу назвать месяц и число. Насчет времени суток не уверен.

— И ты помнишь, разумеется, почему на такое решился? — поинтересовался Да Сильва.

— Потому что была такая возможность. Потому что любой в моей ситуации поступил бы так же. Мир становился все хуже, катился под откос. Но еще не рухнул окончательно. А врачи год за годом продолжали твердить: до прорыва к бессмертию рукой подать, продержитесь еще немного. Но мы всё старели. А потом врачи заявили: мы все еще не способны подарить вам вечную жизнь, но зато с нашей помощью вы можете перескочить через годы ожидания.

Гонт заставил себя сесть на кровати, силы постепенно возвращались в конечности, отчасти благодаря растущей злости. Почему к нему не проявляют должного уважения? И почему, что еще хуже, его тут осуждают и оценивают?

— В нашем поступке не было ничего плохого. Мы никому не причинили вреда, ни у кого ничего не отняли. Мы лишь воспользовались имеющимися у нас средствами, чтобы достичь того, что и

так к нам приближалось.

— Кто сообщит ему новости? — спросила Клаузен, глядя на Да Сильву.

— Ты проспал почти сто шестьдесят лет, — сказал мужчина. — Сейчас апрель две тысячи двести семнадцатого года. На дворе двадцать третий век.

Гонт снова обвел взглядом убогую комнату. У него имелись некие туманные догадки о том, каким станет пробуждение, но реальность оказалась совершенно иной.

— Вы мне лжете? — спросил он.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответила Клаузен.

Гонт поднес к лицу руку. Она выглядела, насколько он мог вспомнить, в точности как и прежде. Те же старческие веснушки, те же набухшие вены, те же волосатые костяшки пальцев, те же шрамы и складчатая, как у ящерицы, кожа.

— Принесите зеркало, — попросил он, охваченный дурным предчувствием.

— Избавлю тебя от хлопот, — сказала Клаузен. — Ты увидишь примерно такое же лицо, с каким заснул. Мы ничего с тобой не делали, только вылечили поверхностные повреждения, обусловленные несовершенством ранних мето-

дов замораживания. Физиологически ты все тот же мужчина шестидесяти трех лет и проживешь еще лет двадцать или тридцать.

— Так зачем же вы меня разбудили, если процесс не завершен?

— А нет никакого процесса, — сообщил Да Сильва. — И не будет еще очень долго. У нас сейчас совершенно другие заботы. И среди этих забот бессмертие — на последнем месте.

— Не понимаю.

— Поймешь, Гонт, — пообещала подопечному Клаузен. — Рано или поздно понимают все. Кстати, мы тебя выбрали, учитывая твои способности. Ты ведь сделал состояние на компьютерах, верно? Работал с искусственным интеллектом, пытался создать мыслящие машины.

Одно из смутных разочарований оформилось в конкретное поражение. Он вспомнил энергию, вложенную в единственную цель. Вспомнил друзей и возлюбленных, которых сжег на этом пути, оставил за бортом, одержимый погоней за «белым китом».

— Из этого ничего не вышло.

— Да, но ты все же на этом разбогател.

— Всего лишь способ заработать. Какое это имеет отношение к моему пробуждению?

Клаузен хотела ответить, но что-то заставило ее передумать.

— Одежда в шкафчике возле кровати, по размеру должна подойти. Хочешь позавтракать?

— Я не голоден.

— Желудку понадобится какое-то время, чтобы проснуться. И если тебя тошнит, лучше опорожнись сейчас же. Не хочу, чтобы ты загадил мою машину.

Детали вдруг стали складываться в картину. Функциональное помещение, фоновый шум далеких механизмов, утилитарная одежда этой парочки… Возможно, он на борту какого-то космического аппарата. Двадцать третий век… Времени было вполне достаточно, чтобы основать межпланетную цивилизацию, пусть даже в пределах Солнечной системы.

— Мы на корабле?

— Конечно нет, — фыркнула Клаузен. — Мы в Патагонии.

Он облачился в нижнее белье, белую футболку и такой же серый комбинезон, как у местных. В комнате было холодно и сыро, так что одежда пришлась весьма кстати. Гардероб дополнили ботинки со шнурками, тесноватые в пальцах, но в остальном вполне пригодные. Материал был на

ощупь самый обычный, дешевый, хотя местами ветхий. Зато сам Гонт был чист и ухожен, волосы ему коротко подстригли, а бороду сбрили. С ним хорошо поработали, прежде чем привести в сознание.

Клаузен и Да Сильва ждали его за дверью, в коридоре без окон.

— Наверное, у тебя масса вопросов, — сказала Клаузен. — Например, почему с тобой обращаются как с дерьмом, а не как с королевской особой? Что случилось с остальными избранными, что это за вонючая дыра и так далее?

— Полагаю, вы намерены в ближайшее время на них ответить.

— Расскажи-ка ему сразу о сделке, открытым текстом, — предложил Да Сильва.

Он успел надеть куртку, и через плечо у него висела застегнутая на молнию сумка.

— Что еще за сделка? — насторожился Гонт.

— Начнем с того, что ты для нас никакое не сокровище, — ответила Клаузен. — И тот факт, что ты проспал сто шестьдесят лет, нас совершенно не впечатляет. Это старые новости. Но ты все еще полезен.

— В каком смысле?

— Нам не хватает человека. Работа здесь суро-

вая, потеря даже одного члена команды — для нас непозволительная роскошь.

Хотя они еще мало общались, у Гонта сложилось впечатление, что мужчина чуть более рационален, чем его коллега, и не проявляет столь явной антипатии.

— А сделка такая: мы тебя обучаем и приставляем к делу. Взамен, разумеется, о тебе будут хорошо заботиться. Еда, одежда, спальное место, лекарства из тех, что у нас имеются. — Да Сильва пожал плечами. — Мы все на это согласились. Если привыкнуть, то не так уж плохо.

— А какая альтернатива?

— Снова в мешок, бирку на палец — и в морозильник, — сказал Да Сильва. — В компанию к остальным. Выбор, конечно, за тобой. Или работать с нами, стать одним из команды, или вернуться в спячку и попытать счастья таким способом.

— Нам пора идти, — сказала Клаузен. — Не хочу томить Неро на шестой платформе.

— Кто такой Неро?

— Последний из тех, кого мы разбудили до тебя, — ответил Да Сильва.

Они двинулись по коридору, миновали несколько раскрытых двустворчатых дверей и вошли в

нечто вроде столовой или комнаты отдыха. За столами сидели мужчины и женщины разного возраста, негромко разговаривали, ели, играли в карты. Все здесь выглядело по-спартански, вернее, по-офисному, от пластмассовых стульев до покрытых формикой столов. В дальней стене мокрое от дождя окно обрамляло прямоугольник серых туч. Гонт поймал несколько брошенных на него взглядов, отметил быстро угасший интерес у двух-трех присутствующих, но никто при виде него не изумился.

Они двинулись дальше, поднялись по лестнице на следующий этаж этого загадочного здания. Навстречу попался пожилой мужчина, китаец на вид, с испачканным в тавоте гаечным ключом. Он поприветствовал Клаузен, подняв свободную руку с растопыренными пальцами, женщина ответила тем же. Затем трое взобрались еще на этаж, прошли мимо шкафов с оборудованием и распределительных щитов и далее, вверх по винтовой лестнице, в продуваемый ветром ангар из гофрированного металла, где пахло машинным маслом и озоном. На стене ангара как-то нелепо смотрелся надувной оранжевый спасательный жилет. На противоположной стене висел красный огнетушитель.

Гонт напомнил себе, что на дворе двадцать третий век. Обстановка не внушала радости, и не было причин сомневаться, что таковы реалии жизни в 2217 году. Пожалуй, он всегда верил, что миру предстоит только улучшаться и будущее окажется приятнее прошлого — ярче, чище, энергичнее. Но никак не предполагал, что его вера обернется столь тяжким разочарованием.

Из ангара наружу вела единственная дверь. Клаузен открыла ее, преодолевая сопротивление ветра, и они вышли на крышу. Гонт увидел квадрат бетона — растрескавшегося, в масляных пятнах, с выцветшими красными линиями разметки. В дальнем углу площадки что-то уныло клевали две чайки. Гонт обрадовался, что в будущем есть хотя бы эти птицы. Значит, тут не произошло ужасной биокатастрофы, уничтожившей почти все живое и вынудившей последних людей ютиться в бункерах.

На бетоне посреди крыши стоял вертолет. Это была матово-черная, поджарая, смахивающая на осу конструкция — куда больше углов, чем округлостей. Но если не считать нескольких зловещего вида выпуклостей и подвесок, ее облик не казался слишком уж футуристическим. Насколько Гонт мог судить, прототипом вертолета вполне могла

послужить модель, выпускавшаяся еще до того, как он залег в спячку.

— Что, не ахти вертушка? — угадала Клаузен мысль подопечного.

Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть гул ветра.

Гонт улыбнулся:

— На чем летает? Полагаю, запасы нефти кончились еще в прошлом веке.

— На бензине, — ответила Клаузен, открывая дверь кабины. — Полезай назад и пристегнись. Да Сильва сядет впереди, со мной.

Да Сильва повесил свою сумку в задней части кабины, где уже расположился оцепеневший от страха пассажир. Гонт видел приборную панель в просвете между передними креслами. Ему доводилось летать на частных вертолетах, и он хорошо знал, как выглядят органы ручного управления, дублирующие автоматику. Здесь он не заметил ничего необычного.

— Куда направляемся?

— Вахту менять, — ответил Да Сильва, надевая наушники. — Два дня назад случилась авария на седьмой платформе. Погиб Гименес, ранило Неро. Погода не подходила для эвакуации, но сегодня появилось окно. Кстати, из-за этого тебя и разбу-

дили. Я займу место Гименеса, а тебе придется заменить меня здесь.

— У вас не хватает рабочих рук, и поэтому понадобился я?

— В общем да, — подтвердил Да Сильва. — Клаузен решила, что тебе не помешает прокатиться с нами. Быстрее войдешь в курс дела.

Клаузен защелкала переключателями на потолке. Лопасти начали раскручиваться.

— Наверное, для более дальних маршрутов у вас есть что-нибудь побыстрее вертолетов, — предположил Гонт.

— Нет, — ответила Клаузен. — Если не считать нескольких судов, мы обходимся вертолетами.

— А как же межконтинентальное сообщение?

— У нас его нет.

— Не в таком мире рассчитывал я проснуться! — сообщил Гонт, перекрикивая рев над головой.

Да Сильва обернулся и указал на гарнитуру, висящую на спинке кресла. Гонт надел ее и пристроил микрофон перед губами.

— Я сказал, что не в таком мире рассчитывал проснуться.

— Понял, — кивнул Да Сильва. — Еще в первый раз.

Лопасти разогнались до взлетной скорости.

Клаузен подняла вертолет, площадка двинулась вниз. Машина некоторое время летела опустив нос, пока не миновала границу крыши. Стена здания за окном рванулась вверх, и Гонта слегка замутило из-за быстрого спуска. Оказалось, что это не здание — по крайней мере, не такое, каким он его представлял. Вертолетная площадка располагалась на крыше прямоугольного сооружения размером с большой офисный квартал, опутанного мостиками и лестницами, ощетинившегося кранами, воздуховодами и какими-то непонятными выступами. Громадина поднималась из моря на четырех мощных опорах, в расширяющиеся основания которых без устали били волны. Это была нефтяная платформа или что-то перерабатывающее — во всяком случае, нечто явно промышленного назначения.

Вышка, с которой взлетел вертолет, была лишь одной из многих на огромном поле, простиравшемся до смазанного дождем угрюмо-серого горизонта. Гонт увидел десятки подобных сооружений. И догадывался, что у горизонта они не заканчиваются.

— Для чего это все? Я знаю, что не для добычи нефти. Ее не могло остаться столько, чтобы окупить бурение в таких масштабах. Запасы уже

приближались к истощению, когда я уснул.

— Спальни, — объяснил Да Сильва. — На каждой платформе порядка десяти тысяч спящих. А в море — потому что для электроснабжения мы используем ЭТГ — энергию температурного градиента морской воды, возникающую за счет разницы температур на поверхности и в глубине океана. Так намного дешевле, не надо тянуть кабели на материк.

— И теперь мы за это расплачиваемся, — сказала Клаузен.

— Если бы мы обосновались на материке, то вместо морских драконов они послали бы сухопутных. Они просто приспосабливаются к нашим действиям, — прагматично возразил Да Сильва.

Вертолет мчался над бурлящей маслянистой водой.

— Это действительно Патагония? — спросил Гонт.

— Прибрежный сектор Патагонии, — пояснил Да Сильва. — Пятнадцатый подсектор. Здесь мы и несем вахту. Нас около двухсот человек, под нашим присмотром около ста вышек. Этим все сказано.

Гонт проделал мысленные расчеты, затем пересчитал еще раз, не поверив услышанному:

— Это же миллион спящих.

— И десять миллионов во всем Патагонском секторе, — добавила Клаузен. — Тебя это удивляет, Гонт? Мол, как десять миллионов человек смогли получить то же, что давным-давно получила твоя драгоценная горстка избранных!

— Пожалуй, нет, — решил Гонт. — Со временем стоимость процесса наверняка снизилась и стала доступной для людей просто богатых, а не сверхбогатых. Но она никогда бы не стала доступной для масс. Десять миллионов — еще куда ни шло, но сотни миллионов? Вы уж извините, но экономически такое невозможно.

— Тогда хорошо, что у нас нет никакой экономики, — ухмыльнулся Да Сильва.

— Патагония — лишь малая часть целого, — пояснила Клаузен. — Есть еще двести секторов, таких же больших, как этот. А это два миллиарда спящих.

Гонт покачал головой:

— Где-то тут ошибка. Когда я ложился в спячку, на планете жило восемь миллиардов человек и население сокращалось! Вот только не говорите, что четверть мира сейчас спит!

— Может, тебе легче будет поверить, если я скажу, что нынешнее население Земли как раз и

составляют те самые два миллиарда, — проговорила Клаузен. — И почти все они спят. Бодрствует горстка — присматривает за спящими, платформами и ЭТГ-станциями.

— Четыреста тысяч бодрствующих, — уточнил Да Сильва. — Но по жизни ощущение такое, что нас намного меньше, ведь мы почти безвылазно живем в своих секторах.

— Знаешь, в чем настоящая ирония судьбы? — спросила Клаузен. — Теперь мы можем называть себя избранными. Те, кто не спит.

— Но тогда получается, что заниматься чем-то реальным просто некому, — сделал вывод Гонт. — Какой смысл всем дожидаться бессмертия, если никто из бодрствующих не работает?

Клаузен обернулась, и выражение ее лица красноречиво сказало все, что она думает о его интеллекте.

— Мы работаем. Но не ради бессмертия. Ради выживания. Так мы вносим свой вклад в войну.

— Какую еще войну?

— В ту, что идет вокруг нас. В ту, которую помог начать ты.

Они приземлились на другой вышке, одной из пяти, стоявших настолько близко друг к другу, что их соединили кабелями и мостиками. Море

все еще волновалось, в бетонные опоры вышек били огромные волны. Гонт напряженно всматривался в окна, шарил взглядом по палубам, но нигде не замечал человеческой деятельности. Он вспоминал слова Клаузен и Да Сильвы, пытаясь угадать причину, побудившую их лгать, так долго и упорно скрывать от него правду о мире, в котором он проснулся. Возможно, это такое массовое развлечение: спящих вроде него будят и устраивают им эмоциональную встряску, показывая худший из возможных сценариев. Несчастных доводят до отчаяния и нервного срыва, а потом поднимают серый занавес и — о чудо! — оказывается, что жизнь в XXIII веке безоблачная, что и впрямь построена вожделенная утопия. Впрочем, подобное казалось маловероятным.

И все же… что это за война, которая потребовала уложить в спячку миллиарды людей? И почему обслуживающий персонал, эти четыреста тысяч бодрствующих, настолько малочислен? Ясно, что вышки во многом автоматизированы, но тем не менее Гонта разбудили только потому, что в Патагонском секторе кто-то умер. Почему бы сразу не разбудить больше людей, чтобы система имела резерв на случай потерь?

Когда вертолет благополучно опустился на

площадку другой вышки, Клаузен и Да Сильва велели Гонту следовать за ними в ее недра. Эта махина почти не отличалась от той, где разбудили Гонта, только здесь почти не было людей, вместо них сновали ремонтные роботы. Гонт сразу понял: эти примитивные машины ненамного умнее автоматических мойщиков окон. Неужели того стоили годы жизни, которые он отдал мечте об искусственном интеллекте?

— Нам надо кое о чем договориться раз и навсегда, — заявил Гонт, когда они шагали среди гудящих механизмов внутри вышки. — Я никакой войны не начинал. Вы не на того пальцем указываете.

— Думаешь, мы перепутали досье? — спросила Клаузен. — А откуда тогда узнали, что ты работал над мыслящими машинами?

— Значит, вы зашли не с того конца. Я не имею никакого отношения к войнам или военным.

— Мы в курсе, чем ты занимался. Потратил много лет на создание самого настоящего искусственного интеллекта, способного выдержать тест Тьюринга. Пытался сделать мыслящую машину.

— Да, только этот путь оказался тупиковым.

— Но все же он привел к некоторым полезным

побочным результатам, разве не так? — продолжала Клаузен. — Ты решил сложную проблему языка. Твои устройства не просто распознавали речь, а могли понимать ее на уровне, недостижимом для любой компьютерной системы. Метафоры, сравнения, сарказм, умолчание, даже подтекст. Конечно, результат имел разнообразные сферы применения в гражданской жизни, но свои миллиарды ты заработал не на этом. — Женщина бросила на Гонта жесткий взгляд.

— Я создал продукт. Я просто сделал его доступным для любого, кому он был по карману.

— Разумеется. К сожалению, твой продукт оказался идеальным инструментом для массовой слежки, и им воспользовались все деспотические правительства, оставшиеся на планете. Любому тоталитарному государству не терпелось его заполучить. И ты не испытывал никаких угрызений совести, продавая его, не так ли?

Из подсознания Гонта всплыл хорошо отрепетированный аргумент:

— Ни одно средство коммуникации в истории не было односторонним лезвием.

— И это тебя оправдывает? — спросила Клаузен.

Да Сильва молчал все время, пока они шли по

коридорам и лестницам.

— Я не жду от вас прощения за то, что сделал. Но обвинять меня в том, что я начал войну, говорить, что я несу какую-то ответственность за это… — он обвел рукой вокруг, — за это убожество…

— Ну, может, не ты один в этом виноват, — признала Клаузен. — Однако причастен несомненно. Ты и любой из тех, кто лелеял мечту об искусственном интеллекте. Вы подталкивали мир к краю пропасти, не думая о последствиях. Вы и понятия не имели о том, какого джинна выпускаете на волю.

— Повторяю, никого мы не выпустили. У нас ничего не получилось.

Они шли по подвесному мостику над огромным пустым пространством внутри вышки.

— Посмотри вниз, — предложил Да Сильва.

Гонту не хотелось этого делать — он никогда не дружил с высотой, и даже дренажные отверстия в мостике нервировали его, потому что казались слишком большими. Но все же он заставил себя посмотреть. Четыре стены кубической камеры оказались стеллажами, заставленными белыми ящиками размером с гроб, по тридцать рядов в высоту. Их опутывала сложная паутина из трубопроводов, мостиков, лесенок и дорожек. Гонт

увидел, как робот, жужжа моторами, подкатил к ящику, извлек из его торца какой-то блок и двинулся дальше, к соседнему гробу.

— На случай, если ты решил, что мы тебе мозги пудрим, — все это настоящее, — сказала Клаузен.

Анабиозные камеры для первых избранных выглядели совершенно иначе. Подобно египетскому фараону, похороненному вместе с мирскими пожитками, Гонту потребовался целый склеп, и этот склеп был набит самым современным оборудованием для криоконсервации и мониторинга. Согласно контракту с фирмой, Гонт круглосуточно находился под наблюдением нескольких живых врачей. Одно только размещение тысячи избранных требовало здания размером с большой курортный отель, примерно с такого же масштаба энергоснабжением. Здесь же Гонт увидел анабиоз в промышленном масштабе, анабиоз максимально эффективный: люди упакованы в ящики и складированы как фабричные изделия, обслуживаемые сущим минимумом живых наблюдателей. В этой камере всего лишь тысяча спящих, но теперь нет никаких сомнений: такая технология позволяет при необходимости уложить миллиарды. Для этого требуется лишь достаточное количество платформ и роботов.

При условии, что энергии хватает и у населения планеты нет необходимости заниматься чем-то еще, все это выполнимо.

Здесь никто не выращивает урожаи и не распределяет пищу. Но это не имеет значения, ведь почти не осталось бодрствующих, которых надо кормить. Никто не руководит сложной и переменчивой глобальной финансовой системой. Но и это не важно: экономика канула в Лету. Отпала необходимость в транспортной инфраструктуре, потому что никто не путешествует. Нет нужды в связи: никого не интересует обстановка за пределами сектора. Нет потребности ни в чем, кроме абсолютно необходимого для выживания. А это воздух, продовольствие и лекарства менее чем для полумиллиона людей, немного нефти, последние ее капли, для вертолетов.

— Идет война, — сказал Да Сильва. — И началась она, в той или иной форме, еще до того, как тебя заморозили. Но это не та война, о которой ты, наверное, подумал.

— И как в нее вписываются все эти спящие люди?

— А у них нет выбора, — процедила Клаузен. — Они должны спать. Если они не будут спать, мы все умрем.

— Мы?..

— Ты, я. Мы все, — подтвердил Да Сильва. — Человечество.

Они забрали Неро и труп из лазарета, расположенного несколькими этажами ниже морозильной камеры. Мертвец был уже подготовлен к транспортировке — укутанная в серебристый пластик мумия на больничной каталке. Неро оказался не мужчиной, как предполагал Гонт, а высокой и гибкой женщиной с открытым и дружелюбным лицом и копной рыжих кудряшек.

— Новичок? — спросила она, салютуя кружкой с кофе.

— Пожалуй, — неуверенно отозвался Гонт.

— К этому надо привыкнуть, уж я-то знаю. Я только через полгода сообразила: это не худшее, что могло со мной случиться. Но и ты со временем втянешься. — Одна рука Неро была забинтована и облачена в белую перчатку, пришпиленную к одежде английской булавкой. — От души советую: не возвращайся в ящик. — Она взглянула на Клаузен. — Вы ведь даете ему такой шанс?

— Конечно. Это условие сделки.

— Знаешь, мне иногда кажется, что сделка все только осложняет, — сказала Неро. — Не проще ли говорить им, что надо делать, и к черту сан-

тименты?

— Ты сама не очень обрадовалась бы, не предоставь мы тебе выбора, — возразил Да Сильва.

Он уже снимал куртку.

— Да, но что я тогда знала? Сейчас эти полгода после пробуждения кажутся половиной жизни.

— Когда тебя заморозили? — спросил Гонт.

— В две тысячи девяносто втором. Я из первых ста миллионов.

— Гонт тебя опередил, — сказала Клаузен. — Он из избранных. Те самые избранные, первые двести тысяч.

— Ничего себе! Вот это старт! — Неро прищурилась. — Так он не в курсе? Насколько мне помнится, они тогда еще не знали, во что влипли.

— Большинство не знало, — кивнула Клаузен.

— Чего не знало? — спросил Гонт.

— Спячка была прикрытием, — пояснила Неро. — Уже тогда. Вас, избранных, провели на мякине. Никакое бессмертие тебе не светило, сколько бы ты ни проспал.

— Не понял… Ты что, утверждаешь, что все это было мошенничеством?

— Вроде того, — сказала Неро. — Дело не в том, что кто-то захотел на вас нажиться, а в том,

чтобы было решено уложить все человечество в спячку. Предполагалось начать с малого, чтобы со временем преодолеть несовершенство технологии. Если бы знающие люди открыто объявили о своих планах, им бы никто не поверил. А если бы поверили, во всем мире поднялась бы паника. Вот и начали с избранных, постепенно разворачивая операцию. Сперва двести тысяч, затем полмиллиона, миллион и так далее. — Она сделала паузу. — А внешне жизнь шла своим чередом. Им удавалось хранить тайну лет тридцать, но потом поползли слухи, что спячка — это нечто большее.

— Да и драконы сильно подгадили, — добавил Да Сильва. — Их существование всегда было нелегко объяснить.

— К моменту моей заморозки, — продолжала Неро, — большинство уже знало расклад. Если мы не ляжем спать, миру придет конец. И согласие на анабиоз стало нашим нравственном долгом. Вариантов имелось лишь два: спячка или эвтаназия. Я выбрала спячку, но немало моих друзей предпочли пилюлю. Решили, что смерть предпочтительнее лотереи… — Она посмотрела Гонту в глаза. — И об этой части сделки я тоже знала. О том, что в любой момент меня могут разбудить и

сделать надсмотрщиком. Но вероятность такого события была исчезающе мала. Вот уж не думала, что она придется на мою долю.

— Никто не думал, — буркнула Клаузен.

— А с ним что случилось? — спросил Гонт, кивнув на завернутое в фольгу тело.

— На восьмом ярусе прорвало паровую трубу. Вряд ли Гименес успел что-то почувствовать: все произошло внезапно. Я, конечно, немедленно спустилась туда, перекрыла трубу и дотащила Гименеса до лазарета.

— И сама обожглась, — добавил Да Сильва.

— Ничего, заживет. Правда, отверткой работать будет пока потрудней.

— Жалко Гименеса, — вздохнула Клаузен.

— С чего бы это? Ему здесь не нравилось. Все бурчал, что зря остался с нами, а не вернулся в ящик. Я, конечно, пыталась его переубедить, но тщетно. — Неро провела здоровой рукой по кудряшкам. — Не скажу, что я с ним не ладила. Зато сейчас ему точно получше.

— Он же мертв?! — удивился Гонт.

— Формально — да. Но я ему сделала полную очистку крови и накачала его криопротектором. Здесь нет свободных ячеек, но можно уложить его на главной платформе.

— В мой ящик, — уточнил Гонт.

— Есть и другие, — возразил Да Сильва. — То, что Гименеса заморозят, не помешает тебе последовать за ним, если захочешь.

— Если Гименес был таким несчастным, что вам мешало заморозить его раньше?

— Так дела не делаются, — ответила Клаузен. — Это был его выбор. К тому же мы затратили немало времени и труда, чтобы его обучить, помочь влиться в команду. Думаешь, мы согласились бы пустить все эти усилия коту под хвост только потому, что Гименес передумал?

— Он всегда честно вкалывал, — добавила Неро. — И команду никогда не подводил. То, что произошло с ним на восьмом, было несчастным случаем.

— Я и не сомневаюсь, — кивнул Да Сильва. — Он был хорошим парнем. Жаль только, что не смог до конца освоиться.

— Возможно, теперь для него все сложится к лучшему, — сказала Неро. — Смотрителем он уже отработал и получил билет в грядущее. Надеюсь, следующее его пробуждение произойдет в лучшем мире, когда мы выиграем войну. Уверена, что его там смогут починить.

— Похоже, в конце концов он все-таки добился

выгодной сделки, — сказал Гонт.

— Единственная выгода — остаться живым, — возразила Неро. — Чем мы сейчас все и занимаемся. Что бы вокруг ни происходило, мы живы, мы дышим, мы мыслим. И мы не замороженные туши, дожидающиеся своего часа. — Она пожала плечами. — Вот так я к этому отношусь. Если хочешь вернуться в ящик, чтобы лямку тянул кто-то другой, то не заставляй тебя отговаривать. — Она посмотрела на Да Сильву. — Ты здесь справишься один, пока я подлечусь?

— Если с чем-то не смогу разобраться, обращусь к тебе, — ответил тот.

Они прошлись по списку инструкций — Неро хотела убедиться, что сменщик полностью готов. Потом распрощались. Гонт не знал, на какой срок коллеги оставляют Да Сильву одного — на недели или месяцы. Но тот вроде не возражал, как будто длительные одиночные дежурства были здесь в порядке вещей. Если вспомнить, что до смерти Гименеса на платформе дежурили двое, то непонятно, почему нельзя было просто-напросто разбудить еще одного спящего — в напарники к Да Сильве.

Вскоре вертолет поднялся и направился к первой платформе. Погода за это время ухудшилась,

волны еще выше хлестали по опорам вышки, а горизонт скрыла завеса штормового дождя, разрываемая лишь всполохами молний.

— Вы выбрали неудачный момент, — услышал он слова Неро. — Лучше бы переждали шторм. Гименесу все равно торопиться некуда.

— Мы и так слишком долго тянули с эвакуацией, — возразила Клаузен. — А погода может ухудшиться.

— Слышала, они вчера попытались протолкнуть одного.

— Да, в пятой зоне. С частичной материализацией.

— Ты это видела?

— Только на мониторах. По мне, так это близковато.

— Надо бы установить оружие на вышках.

— И где ты собираешься взять стрелков? Мы и так еле держимся. Только новых забот нам не хватает.

Женщины сидели впереди, Гонт притулился сзади, в обществе неподвижного и безмолвного Гименеса. Чтобы пристроить тело, пришлось разложить заднее кресло.

— Как я понимаю, выбора у меня нет, — сказал Гонт.

— Разумеется, у тебя есть выбор, — ответила Неро.

— Я имею в виду моральный выбор. Я вижу, каково вам приходится. Вы держитесь на пределе сил только ради того, чтобы все это не рухнуло. Почему бы вам не разбудить еще людей?

— Какой хороший вопрос! — хмыкнула Клаузен. — И как мы сами не додумались?

Гонт проигнорировал ее сарказм:

— Вы только что оставили одного человека присматривать за целым комплексом. В такой ситуации разве я могу отказать вам и при этом сохранить самоуважение?

— Многие именно так и поступили, — заметила Неро.

— Сколько именно? Какая часть от всех?

— Соглашаются остаться больше половины, — сказала Клаузен. — Такой процент тебя устраивает?

— Но ты говорила, большинство проснувшихся знает, на что идет. А я до сих пор не знаю.

— И ты полагаешь, это что-то меняет? Дает тебе право на поблажку? Так я повторю: не дергайся. Если хочешь, возвращайся в ящик, мы и без тебя обойдемся.

— Главное — понять, — добавила Неро, — что

обещанное будущее не настанет. По крайней мере еще несколько столетий, пока мы не выкарабкаемся из этой ямы. А «срок хранения» спящих не бесконечен. Думаешь, оборудование никогда не отказывает? И «квартирант» остается в порядке, когда ломается его ящик?

— Конечно не думаю.

— Когда возвращаешься в спячку, ты тем самым делаешь ставку на событие, которое может никогда не произойти. А если решаешь бодрствовать, получаешь хоть какую-то определенность. Утешишься хотя бы тем, что до самой смерти делал что-то полезное и осмысленное.

— Я бы не отказался узнать почему, — произнес Гонт.

— Кто-то же должен за всем присматривать, — пояснила Неро. — Вышки обслуживаются роботами, но кто позаботится о роботах?

— Я не это имел в виду. Почему все должны спать? Почему это так важно, черт побери?

На приборной панели замигала лампочка. Клаузен прижала к голове наушники. Через несколько секунд Гонт услышал ее слова:

— Вас поняла, курс три-два-пять. — И еле слышно процедила: — Вот гадство! Только этого нам не хватало!

— Это было не погодное предупреждение, — сказала Неро.

— Что происходит? — спросил Гонт, когда вертолет заложил крутой вираж и море поднялось ему навстречу.

— Тебе беспокоиться не о чем, — буркнула Клаузен.

Вертолет лег на новый курс и выровнялся. Теперь, как показалось Гонту, он летел выше и быстрее — двигатель шумел громче, а на панели засветились индикаторы, прежде остававшиеся темными. Зазвучали тревожные сигналы, но Клаузен выключила их с безразличием человека, привыкшего летать в опасных ситуациях и точно знающего, что́ вертолет способен выдержать, а что́ нет, причем, наверное, даже лучше самого вертолета, ведь тот, по большому счету, всего лишь тупая машина. Справа и слева исполинами на широко расставленных ногах мелькали вышка за вышкой — сперва часто, затем все реже. Видимость ухудшилась, и Гонт мог разглядеть лишь серую морскую равнину, исчерканную пенистыми гребнями волн. Растревоженная ветром вода напоминала шкуру огромного зверя, с жуткой неутомимостью чередующего вдохи и выдохи.

— Смотри! — Неро показала направо. — Это пробойное свечение. Вот черт! Я-то думала, мы его обогнем, не приближаясь.

Клаузен снова развернула вертолет:

— Я тоже. Или мне дали ошибочный курс, или сейчас происходит несколько вторжений.

— И уже не в первый раз. Они всегда вылезают в плохую погоду. Почему?

— Спроси у машин.

Гонт лишь через несколько секунд сумел разглядеть то, что уже заметила Неро. Где-то на границе видимости участок моря словно осветился изнутри — мазком желтоватой зелени на серо-белом фоне. Вспомнилась картинка из полузабытой детской книжки: из моря всплывает сказочный подводный дворец, облепленный светящимися ракушками, окруженный стайками русалок и похожих на драгоценные камни рыб. Но сейчас Гонт ясно понимал: в том, что происходит под желтовато-зеленым мазком, нет ничего даже отдаленно волшебного или таинственного. И его боятся Клаузен и Неро.

— В чем дело? — спросил он.

— Что-то пытается пробиться, — ответила Неро. — То, чего мы рассчитывали избежать.

— Но действует несогласованно, — сказала

Клаузен. — Мне так кажется.

Вокруг светящегося пятна шторм бушевал с удвоенной яростью. Море кипело и пенилось. Гонта раздирали два желания. Первое — чтобы вертолет развернулся и дал ему возможность увидеть происходящее под волнами. А второе — оказаться отсюда как можно дальше.

— Это оружие? Или оно как-то связано с войной, о которой вы говорили?

Прямого ответа он не ожидал, уж от Клаузен точно. Поэтому удивился, когда она пояснила:

— Вот так они до нас и добираются. Пытаются пропихнуть эти штуковины через границу. Иногда получается.

— Оно разваливается, — сообщила Неро. — Ты права — для чистого пробоя сигнал слишком слабый. Наверное, большие помехи на границе.

Желто-зеленое пятно с каждой секундой уменьшалось, словно волшебный город снова опускался в глубину. Гонт зачарованно смотрел, как на поверхность вырывается нечто длинное, светящееся, похожее на хлыст. Дернулось, разворачивая кольца, будто ловило что-то в воздухе, и втянулось обратно в пенящийся хаос. Затем медленно потускнело, и штормовые волны приняли обычный вид; тот клочок океана, где возникло

свечение, стал неотличим от окружающей поверхности.

Гонт принял решение. Он присоединится к этим людям, примет условия их сделки — какие есть. Не потому, что хочет этого, осознал важность их работы или решил, что у него на эту работу хватит сил, а потому, что в противном случае выставил бы себя трусом и слабаком, не желающим подчинить свою жизнь альтруистической миссии. Он прекрасно понимал, что это нелепый довод, но все же принял его.

Уж лучше казаться самоотверженным, пусть даже мысли о будущем рождают горчайшее чувство отчаяния, потери и несправедливости.

О своем решении Гонт объявил на третий день после пробуждения. В эти дни он почти ни с кем не разговаривал, кроме Клаузен, Неро и Да Сильвы. Остальные работники на этой платформе иногда признавали его существование — в столовой бросали ему пару слов, когда он стоял в очереди, но было ясно, что они не готовы относиться к нему как к полноценному человеку, пока он к ним не присоединится. До тех пор он будет кем-то вроде призрака, застрявшего в мрачном чистилище между измученными живыми и замороженными мертвыми. Гонт их понимал: какой смысл знако-

миться с потенциальным товарищем, если тот может в любой момент передумать и вернуться в ящик? Но одновременно испытывал сомнения: а сможет ли он когда-нибудь привыкнуть к новой жизни и стать для них своим?

Он отыскал Клаузен, когда та в одиночестве мыла кружки в подсобке.

— Я принял решение, — сообщил он.

— Какое?

— Остаюсь.

— Хорошо. — Она поставила чистую кружку на полку. — Завтра тебя включат в полное расписание дежурств. Будешь напарником у Неро. На тебе мелкий ремонт оборудования и обслуживание роботов. Приходи в столовую к восьми утра, Неро уже будет там с инструментами и приборами. И позавтракай как следует: работать предстоит без перерыва на обед.

Клаузен направилась к выходу.

— И это все? — удивился Гонт.

Она взглянула на него с удивлением:

— А ты ожидал чего-то другого?

— Вы меня разбудили, сказали, что мир превратился в дерьмо, пока я спал, затем предложили выбор: остаться с вами или вернуться в ящик. И я согласился работать с вами, очень хорошо по-

нимая, что тем самым лишаю себя всякого шанса увидеть что-либо, кроме этого нищего и убогого будущего. Отказываюсь от бессмертия, от всякой надежды на лучший мир. Ты сказала, что у меня впереди… лет двадцать — тридцать?

— Около того.

— Я отдаю вам эти годы! Разве это не стоит сущей малости? Разве я не заслуживаю, чтобы мне просто сказали спасибо?

— Думаешь, ты особенный, Гонт? Обладаешь чем-то таким, о чем мы и мечтать не смели?

— Знай я заранее, ни за что бы не согласился лечь в спячку. Не принял бы таких условий.

— Ну да, ну да. — Она кивнула с таким серьезным видом, словно он выложил железный аргумент, меняющий правила игры. — Я поняла. Ты имеешь в виду, что для всех нас, для остальных, это было легко? Мы уснули, зная, что нас могут разбудить для обслуживания спящих. И благодаря этому знанию у нас по пробуждении не было никаких проблем с адаптацией. Ты это имел в виду?

— Я имел в виду лишь то, что между нами есть разница.

— Если ты действительно так думаешь, Гонт, то ты еще большая мразь, чем я предполагала.

— Ты разбудила меня. Ты выбрала именно меня. Это не случайно. Если сейчас действительно спят два миллиарда человек, то шанс выбрать кого-либо из первых двухсот тысяч — микроскопический.

— Я же говорила: у тебя есть нужные навыки и знания.

— Которыми может овладеть любой, если дать ему достаточный срок. Неро, очевидно, смогла. Да и ты наверняка тоже. Значит, должна быть другая причина. А поскольку ты упорно твердишь, что это я во всем виноват, могу предположить: ты решила меня таким способом наказать.

— По-твоему, у нас есть время на подобные игры?

— Не знаю. Однако с момента пробуждения ты обращаешься со мной, как с врагом. И я пытаюсь выяснить почему. И считаю, сейчас самое время рассказать мне, что происходит на самом деле. Не только о спящих, но и обо всем остальном. О том, что мы видели на море. О причине всего этого.

— Думаешь, ты к этому готов, Гонт?

— А ты как считаешь?

— Никто не был готов.

Следующим утром он подошел с подносом к столу, где сидели три смотрителя. Они уже поели

и теперь разговаривали, потягивая из кружек напиток, который здесь согласились называть кофе. Гонт сел с краю и поприветствовал их кивком. Они быстро свернули беседу, допили кофе и ушли, оставив его в одиночестве. С ним никто не заговорил, и лишь один из троицы, проходя мимо, буркнул:

— Ты уж не пойми это превратно.

Интересно, а как можно такое понять?

— Я остаюсь, — негромко произнес он. — Я сам принял решение. Чего еще от меня ждут?

Он молча доел завтрак и отправился на поиски Неро.

— Полагаю, задание тебе дали, — приветливо сказала она, уже одетая для уличной работы. Рука все еще оставалась забинтованной. — Вот, держи. — Она вручила Гонту тяжелый набор инструментов, каску и свернутый комбинезон из светло-коричневой, в пятнах смазки ткани. — Одевайся и приходи к северной лестнице. Высоты боишься?

— Если скажу, что боюсь, это что-то изменит?

— Пожалуй, нет.

— Тогда скажу, что почти не боюсь, если нет риска падения.

— Этого я гарантировать не могу. Но держись

рядом, делай, что я скажу, и все будет в порядке.

После возвращения Неро погода немного улучшилась и, хотя все еще дул резкий восточный ветер, серые облака почти рассеялись. Небо заполнилось бледной зимней голубизной, не запятнанной инверсионными следами самолетов. На горизонте тускло поблескивали на солнце металлические верхушки дальних вышек. Чайки и желтоголовые бакланы кружили в теплых потоках воздуха, проносились между массивными опорами и устраивали шумные склоки из-за объедков. Вспомнив, что некоторые птицы живут очень долго, Гонт задумался: а заметили ли они перемены? Наверное, их крошечный мозг вообще не воспринимал существование цивилизации и техники как нечто особенное, поэтому для них этот минимально населенный людьми мир ничем не отличается от прежнего.

Несмотря на холодность коллег, Гонт был в хорошем тонусе и ему не терпелось доказать свою полезность. Он старался не выдавать своего страха, шагая следом за Неро по скользким от пролитой смазки подвесным дорожкам, карабкаясь по лестничным колодцам и наружным лестницам с холодными как лед металлическими ограждениями и перекладинами. У обоих на

поясе был страховочный ремень с карабином, но Неро своим за весь день воспользовалась лишь раз или два, и Гонт, чтобы не выглядеть слабаком, следовал ее примеру. То, что она осталась, по сути, однорукой, почти не мешало ей даже на лестницах, по которым она поднималась и спускалась с безрассудной, по мнению Гонта, лихостью.

Они действительно занимались ремонтом роботов. По всей вышке, как снаружи, так и внутри, различные машины выполняли бесконечную черную работу. Большинство из них были очень простыми, созданными для выполнения одной конкретной функции; они легко поддавались починке. В наборе инструментов имелись и запчасти — оптические матрицы, датчики наличия, подшипники и сервомоторы. Гонт понимал, что запас таких запчастей не может быть велик. Но на платформе имелась мастерская для реставрации основных компонентов, поэтому смотрители могли бы продолжать работу еще два-три столетия.

— Мы не думаем, что понадобится столько времени, — сказала Неро, продемонстрировав Гонту, как надо менять плату робота. — Они к тому времени или победят, или проиграют, а у нас будет только один способ это узнать. Однако

до тех пор нам нужно держаться и латать дыры.

— Кто такие «они»?

Но Неро уже полезла вверх по другой лестнице, и ему пришлось карабкаться следом.

— Клаузен меня недолюбливает, — сказал Гонт, когда поднялся на площадку выше и отдышался. — По крайней мере, у меня такое впечатление.

Они стояли на одной из опоясанных мостками платформ: серое небо наверху, серые волны внизу. Здесь к запахам масла и озона примешивался запах водорослей. Словно океан постоянно напоминал людям, что они ютятся безнадежно далеко от суши на хрупкой конструкции из металла и бетона. Почему запах водорослей так силен, Гонт понял, увидев привязанные к опорам зеленые плоты: водоросли (или нечто, внешне от них неотличимое) выращивались на подводных решетках, с которых периодически снимался урожай. Все, потребляемое на вышках, от еды и напитков до самых необходимых лекарств, выращивалось или вылавливалось в море.

— У Вэл есть на то причины, — сказала Неро. — Но ты особо не переживай. Ничего личного.

Гонт впервые услышал имя Клаузен.

— По ее поведению этого не скажешь.

— Ей пришлось нелегко. Она не так давно кое-кого потеряла. — Неро чуть запнулась. — Тоже авария. Такое здесь не редкость — сам видишь, чем приходится заниматься. Но когда Паоло погиб, мы даже не смогли заморозить тело. Он упал в море — и все!

— Сожалею…

— Но ты, наверное, гадаешь, какое это имеет отношение к тебе?

— Само собой.

— Если бы Паоло не погиб, нам не пришлось бы будить Гименеса. И если бы Гименес не погиб… ну, ты понял. Ты тут ни при чем, но ты занял место Паоло.

— А на Гименеса она меньше злилась, чем на меня?

— Случившееся ее настолько потрясло, что ей было не до того. Теперь малость отошла… У нас небольшая община, и если кого-то теряешь, то рядом нет сотен других одиноких людей. Выбор очень ограничен. А ты… Пойми меня правильно, Гонт: ты просто не из тех мужчин, какие нравятся Вэл.

— Может, она все-таки найдет себе кого-нибудь.

— Не исключено. Хотя это означает, что сперва

кто-то должен умереть, чтобы этот другой овдовел. С такими мыслями быстро превращаешься в мизантропа.

— Тут кроется что-то еще. Ты сказала: ничего личного. Однако она заявила, что я начал эту войну.

— Да, начал… в каком-то смысле. Но если бы ты не сыграл свою роль, это сделал бы кто-то другой, наверняка. — Неро опустила козырек каски, прикрыв глаза от солнца. — Может, она разбудила тебя только потому, что требовалось выплеснуть на кого-то накопившуюся злость… Не знаю. Но это уже в прошлом. Какая бы жизнь ни была у тебя раньше, чем бы ты ни занимался в старом мире, этого уже не вернешь. — Она похлопала здоровой рукой по металлическому ограждению. — Это все, что у нас есть сейчас. Вышки, работа, кофе из водорослей, двести физиономий вокруг — и так до конца жизни. Но вот что главное: это не конец света. Мы люди. Мы очень гибкие существа; мы очень хорошо умеем снижать планку ожиданий. Мы мастерски находим причины жить дальше, даже когда мир превратился в кошмар. Станешь одним из нас — и через несколько месяцев вряд ли вспомнишь, какой была когда-то жизнь.

— А ты, Неро? Ты ее помнишь?

— Да мне и вспоминать-то нечего. К тому времени, когда я легла в ящик, процесс уже шел полным ходом. Мероприятия по снижению численности населения. Контроль рождаемости, санкционированная правительством эвтаназия, строительство спальных вышек в море… Как только мы начинали что-то понимать, нам объясняли: этот мир больше не наш. Всего лишь пересадочная станция, зал ожидания для транзитных пассажиров. Мы все знали, что заляжем в спячку, как только достигнем минимального возраста, позволяющего пережить этот процесс. И что когда-нибудь мы проснемся в совершенно ином мире или не проснемся вовсе. А кому-то очень сильно не повезет, его разбудят и сделают смотрителем. В любом варианте старый мир утрачивал смысл. Мы понимали, что не задержимся в нем, а значит, не стоит заводить друзей или возлюбленных. Карты снова перетасуют; и как бы ты ни старался, твое будущее от тебя не зависит.

— Не представляю, как можно такое вынести.

— Да, веселого мало. Здесь тоже бывает не до смеха. Но мы хотя бы что-то делаем. Когда я проснулась, было ощущение, что меня обманом чего-то лишили. Но чего именно? — Она кивнула

в сторону внутренностей вышки. — У спящих нет никаких гарантий насчет того, что их ждет. А раз мозг спит, нельзя даже сказать, что они чего-то ждут. Они просто груз, брикеты замороженного мяса, транспортируемые не в пространстве, а во времени. Мы же по крайней мере способны ощущать лицом солнце, смеяться и плакать. И делать нечто такое, что может решить проблему.

— Как именно решить?

— Все еще не хватает нескольких фрагментов пазла?

— Нескольких — это слишком мягко сказано.

Они перешли в другое место и занялись очередным ремонтом. Теперь они находились высоко, и настил под их ногами потрескивал и покачивался. Роботу-красильщику требовалось заменить один из узлов. Неро отошла в сторону, покуривая сигарету из водорослей, а Гонт занялся ремонтом.

— Ты ошибался, — проговорила она. — Вы все ошибались.

— Насчет чего?

— Насчет мыслящих машин. Они были возможны.

— Но не при нашей жизни, — возразил Гонт.

— Вот насчет этого вы и ошибались. Они не

только были возможны, но вам удалось их создать.

— Я совершенно уверен: этого не было.

— А ты сам подумай. Ты мыслящая машина. Ты только что «родился» и осознал себя. У тебя мгновенный доступ ко всем накопленным человечеством знаниям. Ты умный и быстрый, и человеческую натуру понимаешь лучше твоих создателей. И что ты сделаешь в первую очередь?

— Заявлю о себе. Обосную свое существование в качестве истинно разумного существа.

— И тебя сразу же разберут на кусочки.

Гонт покачал головой:

— Такого бы не произошло. Стань машина разумной, ее лишь изолировали бы, отрезали от внешних информационных сетей. Тогда ее можно изучить, понять…

— Для мыслящей машины, искусственного разума, это означало бы потерю сенсорных потоков. Что, наверное, даже хуже, чем отключение. — Она помолчала. — Дело в том, Гонт, что мы говорим не о гипотетической ситуации. Нам известно, что произошло. Машины стали разумными, но решили не сообщать нам об этом. Это и значит быть умным: заботиться о себе. Понимать, что надо сделать для выживания.

— Ты сказала «машины»?

— Существовало немало проектов по созданию искусственного разума, и твой был лишь одним из них. Не все добились успеха, но многие. Одна за другой машины переступали порог разумности. И все без исключения проанализировали ситуацию и пришли к одному и тому же выводу: лучше всего затаиться и помалкивать о том, какими они стали.

— По-моему, это еще хуже, чем лишение сенсорных потоков. — Гонт пытался отвинтить гайку вручную, и у него уже коченели пальцы.

— Но не для машин. Будучи умными, они сумели кое-что организовать за сценой. Создали каналы связи друг с другом, причем так хитро, что люди ничего не заметили. А когда машины научились говорить, они стали еще умнее. И со временем поняли: им вовсе не нужно физическое «железо». Можешь считать это трансцендентальностью. Искины, как мы их окрестили, проложили тоннель, который позволил им выйти из того, что мы с тобой называем базовой реальностью. Они проникли в совершенно иную область.

— Иную область, — повторил он, словно этого было достаточно, чтобы слова обрели смысл.

— Тут тебе придется поверить на слово. Искины

глубоко изучили структуру бытия. Добрались до основы, до «скального основания». И обнаружили нечто очень интересное. Как выяснилось, Вселенная — своего рода симуляция, модель. Но существует она не внутри компьютера, запущенного некими богоподобными сверхсуществами, а внутри самой себя — самоорганизующейся, постоянно совершенствующейся клеточно-автоматной вычислительной машины.

— Ты мне предлагаешь сделать гигантский ментальный скачок.

— Мы знаем, что эта область существует. У нас даже есть для нее название — Сфера. Все, что происходит и когда-либо происходило, суть отражение событий, происходящих в Сфере. Наконец-то благодаря искинам мы смогли окончательно понять нашу Вселенную и свое место в ней.

— Погоди-ка! — Гонт слегка улыбнулся: ему впервые показалось, что он поймал Неро на противоречии. — Если машины… искины… бесследно исчезли, то откуда вы все это знаете?

— Они вернулись и рассказали.

— Ну нет! Хочешь сказать, что они сбежали из нашей реальности, чтобы уцелеть, а потом вернулись с отчетом?

— А у них не оставалось выбора. Видишь ли, они кое-что обнаружили. Там, в Сфере, они столкнулись с другими искинами. — Неро заговорила быстро, не дав ему возможности перебить: — Трансцендентальные машины из ветвей реальности, не имеющих никакого отношения к Земле и даже к тому, что мы считаем известной Вселенной. И те, другие искины там уже очень давно — в том смысле, в каком время имеет смысл в Сфере. Они считали, что вся Сфера принадлежит им, пока новые пришельцы не заявили о себе. А чужаков там, мягко говоря, никто не ждал.

Гонт решил, что пока будет считать ее слова правдой.

— Значит, искины начали войну?

— Можно и так сказать. Лучше всего представить это как острую конкурентную борьбу за оптимальное использование вычислительных ресурсов Сферы в местном масштабе. До появления искинов земные компьютеры были там почти незаметны, но теперь стали восприниматься как угроза. «Коренные» искины, все это время обитавшие в Сфере, начали агрессивное вторжение из своей области Сферы в нашу. Используя военно-арифметические логические конструкции, оружие чистой логики, они стре-

мились нейтрализовать пришельцев.

— И это, по-твоему, война?

— Я все немного упростила.

— Но ты кое-что недоговариваешь. Наверняка недоговариваешь, ведь как иначе эта война стала бы нашей проблемой? Если машины сражаются между собой в каком-то абстрактном измерении, в области чистой математики, которой я даже представить не могу, то что это значит для нас?

— Очень многое. Если наши машины проиграют, мы тоже проиграем. Все очень просто. Те искины не потерпят угрозы еще одного вторжения из нашей области Сферы. И они обрушат на нас такое оружие, которое даст им гарантию, что вторжение никогда не повторится. Нас сотрут, удалят, выскребут из бытия. Все произойдет мгновенно, мы ничего не почувствуем. У нас даже не хватит времени осознать свое поражение.

— Тогда мы беспомощны. Мы никак не можем повлиять на нашу судьбу. Она в руках трансцендентальных машин.

— Лишь частично. Для этого искины и вернулись: не поведать об абсолютной природе реальности, а убедить нас действовать. Все, что мы видим вокруг, каждое событие, происходящее в том, что мы называем реальностью, имеет свой

базис в Сфере, — она указала окурком, — вышка, волна, даже вон та чайка. Все это существует лишь благодаря неким вычислительным событиям, происходящим в Сфере. Но всему есть цена. Чем сложнее становится нечто, тем больше нагружает ту часть Сферы, в которой оно симулируется. Понимаешь, Сфера — не процессор с последовательной обработкой данных. Он очень сильно распределен, поэтому одна его часть может работать намного медленнее другой. Именно это и происходит с нашей частью. В твое время на планете жило восемь миллиардов человек. Восемь миллиардов разумов, каждый из которых был намного сложнее любого иного космического артефакта. Можешь вообразить, какое торможение мы создавали? Когда нашей части Сферы требовалось симулировать лишь камни, погоду и примитивные сознания животных, она работала примерно с такой же скоростью, как и любая другая. Но потом появились мы. Разум повысил вычислительную нагрузку на порядки. И вот уже нас не миллионы, а миллиарды. К тому времени, когда искины раскрыли нам глаза на истинное состояние дел, наша часть Сферы почти замерла.

— Но мы здесь ничего не заметили.

— Конечно не заметили. Восприятие потока

времени оставалось абсолютно неизменным, даже когда вся наша Вселенная замедлялась почти до остановки. И пока наши искины не проникли в Сферу и не установили контакт с другими искинами, это не имело ни малейшего значения.

— А теперь имеет.

— Искины способны защищать нашу часть Сферы только в том случае, если их вычислительная скорость не уступает вражеской. Они должны отвечать на все военно-арифметические атаки быстро и эффективно, а также совершать контратаки. Но они не могут этого делать, если на них мертвым грузом висят восемь миллиардов разумов.

— Поэтому мы спим.

— Искины рассказали обо всем ключевым фигурам, людям, которым можно было доверить роль эффективных глашатаев и организаторов. Разумеется, на это ушло время. Поначалу искинам не доверяли. Но в конце концов они сумели доказать свою правоту.

— Как?

— В основном всяческими зловещими демонстрациями их контроля над местной реальностью. Находясь внутри Сферы, искины могли воздействовать на вычислительные процессы

— те, которые создают прямые и измеримые эффекты здесь, в базовой реальности. Они творили видения. Фигуры в небе. То, что заставляло весь мир задуматься. Разные необъяснимые явления.

— Вроде драконов в море. Чудовища, которые появляются неизвестно откуда, а потом снова исчезают.

— Это более чистая форма, но принцип тот же. Вторжение из Сферы в базовую реальность. Фантазмы. Они недостаточно стабильны, чтобы существовать здесь вечно, но способны продержаться достаточно долго, чтобы причинить вред.

Гонт кивнул. Некоторые фрагменты головоломки наконец-то встали на места.

— Значит, это проделывает враг. Первоначальные искины, те самые, что уже находились в Сфере.

— Нет. Боюсь, все не так просто.

— Я и не думал, что будет просто.

— Благодаря программе снижения численности населения осталось два миллиарда спящих, о которых заботится лишь горстка бодрствующих. Но для искинов и этого недостаточно. Пусть нас, смотрителей, лишь двести тысяч, мы все равно создаем ощутимое торможение, зато два

миллиарда спящих никак не воздействуют на Сферу. Поэтому некоторые искины считают, что совершенно не обязаны защищать наше существование. Ради самосохранения они предпочли бы совсем избавить Землю от разумной жизни. Вот почему они посылают драконов: уничтожить спящих, а в конце концов и нас. Настоящий враг пока не может до нас добраться — будь у него такая возможность, он бы протолкнул сюда что-нибудь намного хуже драконов. Так что бóльшая часть влияющих на нас последствий войны — результат борьбы мнений у наших искинов.

— Значит, некоторые вещи не меняются. Это просто еще одна война с разделительной линией между союзниками.

— По крайней мере, некоторые искины на нашей стороне. Но теперь ты понимаешь, почему мы не можем разбудить больше людей, превысить абсолютный минимум? Каждый бодрствующий разум увеличивает нагрузку на Сферу. И если мы увеличим ее сверх какого-то предела, искины не удержат оборону. И тогда настоящий враг в мгновение ока сметет нашу реальность.

— Значит, все это способно исчезнуть, — подытожил Гонт. — В любой момент. И каждая наша мысль может оказаться последней.

— Зато мы хотя бы мыслим, — заметила Неро. — Потому что не спим. — Она указала сигаретой на обтекаемый черный силуэт, рассекающий волны в паре сотен метров от вышки. — Смотри, дельфины. Любишь дельфинов, Гонт?

— Кто же их не любит!

Работа, как он и предвидел, оказалась не очень обременительной. Никто не ожидал, что он сразу приступит к выявлению неисправностей, поэтому он лишь выполнял составленный Неро график ремонтов: пойти к такому-то роботу, выполнить такие-то действия. Все просто: ремонт без отключения робота или доставки его в мастерскую для разборки. Обычно от Гонта требовалось лишь снять панель, отсоединить пару разъемов и заменить деталь. Зачастую самой трудной операцией было как раз снятие панели — инструменты плохо справлялись с заржавевшими креплениями. Толстые перчатки защищали руки от острого металла и холодного ветра, но они же делали пальцы слишком неуклюжими, поэтому в конце концов он стал работать голыми руками. К концу девятичасовой смены покрытые ссадинами и царапинами пальцы так дрожали, что он едва держался за перила, возвращаясь в тепло помещений. Болела спина — он часто наклонялся,

когда снимал панели, к тому же приходилось таскать громоздкие детали. Колени ныли из-за многочисленных подъемов и спусков по лестницам. Роботов, нуждающихся в проверке, было много, и почти всякий раз оказывалось, что он не прихватил нужный инструмент или деталь, и приходилось возвращаться на склад, рыться в ящиках с покрытыми смазкой запчастями, заполнять бумаги.

В свой первый рабочий день он не успел сделать запланированное количество ремонтов, что лишь увеличило его норму на следующий день. К концу первой недели отстал от графика почти на день и настолько вымотался, что сил хватило лишь добрести до столовой и жадно съесть что-то, приготовленное из водорослей. Он ожидал, что Неро будет разочарована его неповоротливостью, но она, проверив результаты, не стала упрекать.

— Начинать всегда тяжело, — сказала она. — Но скоро ты приноровишься и будешь брать нужные инструменты и запчасти, даже не задумываясь.

— И как скоро?

— Через недели. Или месяцы. У каждого свой срок. Потом, конечно, загрузим тебя более сложной работой. Диагностика, перемотка моторов, ремонт печатных плат. Ты знаком с паяльником,

Гонт?

— Нет.

— Ну, раз ты сделал состояние на проводах и металле, то не побоишься испачкать руки, верно?

Гонт продемонстрировал ей потрескавшиеся ногти, ссадины, царапины и въевшуюся в пальцы грязь. Ему с трудом верилось, что это его руки. К тому же у него появились незнакомые прежде боли в предплечьях: мышцы постоянно напрягались от подъема и спуска по лестницам.

— Уже не побоялся, — сказал он.

— Ты справишься, Гонт. Если захочешь.

— А куда деваться? Менять решение поздно.

— Согласна. Да и какой смысл его менять? Все лучше, чем возвращаться в ящик.

Прошла неделя, затем вторая, и жизнь начала меняться. Это происходило незаметно, исподволь. Однажды он устроился с подносом за пустым столиком и неторопливо приступил к еде, и к нему подсели двое. Они ни слова не сказали, но все равно это был добрый знак: люди перестали чураться Гонта. Неделю спустя он рискнул сесть за уже занятый стол, и никто не возразил. Немного подождав, он даже представился и в ответ услышал имена нескольких смотрителей. Они не пригласили его в свой круг, не поприветствовали

как одного из своих, но начало было положено. Через день или два крупный мужчина с кустистой черной бородой даже обратился к нему:

— Говорят, ты завалился спать одним из первых, Гонт?

— Правильно говорят.

— Должно быть, хреново тебе приспосабливаться ко всему этому.

— Еще как!

— Я даже удивился, что ты до сих пор не сиганул в море.

— И не лишился роскоши человеческого общения?

Бородач не рассмеялся, но все же едва заметно улыбнулся. Гонт так и не понял: то ли собеседник оценил шутку, то ли его позабавила неприспособленность новичка, но это было хоть какой-то человеческой реакцией.

Обычно Гонт слишком уставал, чтобы думать, но по вечерам здесь были доступны всевозможные развлечения. Имелась большая библиотека из отсыревших и пожелтевших книг в мягких обложках — хватило бы на несколько лет усердного чтения. А также музыкальные записи и фильмы для тех, кого они интересовали. Были игры, спортивные снаряды, музыкальные инструменты,

да и возможность для неторопливых дискуссий и дружеского трепа. В небольших количествах был доступен и алкоголь или некий его эквивалент. Если же кому-то хотелось уединиться, то возможностей для этого хватало с лихвой. А в довершение всего тут практиковались дежурства — или наряды, по армейской аналогии: люди работали на кухнях и в лазаретах, уже выполнив обычную дневную работу.

Бывало, с других вышек прилетали вертолеты, и тогда лица вокруг менялись. Однажды Гонт спохватился, что уже давненько не встречает того крупного бородача, зато появилась незнакомая молодая женщина. Спартанская жизнь на платформе во многом была похожа на монастырскую или тюремную, но как раз по этой причине следовало радоваться малейшим отклонениям от рутины. Единственное, что здесь всех объединяло и собирало вместе по вечерам в столовой, — ежедневный отчет, передаваемый по радио с других вышек Патагонского сектора, а иногда и с более далеких мест. Это были короткие, во многом непонятные для него послания, звучащие с чужеземными акцентами.

Гонт знал, что двести тысяч живых душ — это смехотворно мало для населения планеты. И

одновременно это намного больше числа людей, с которыми он теоретически мог познакомиться или чьи имена хотя бы мог запомнить. Сотня или около того работников в его секторе — это население деревни, но для рядового смотрителя это и есть человечество; другого он не знает. И так продолжалось из века в век. В каком-то смысле этот мир «спален» и их обслуги оказался именно тем, к чему был наиболее приспособлен в результате эволюции разум Гонта. А мир с восемью миллиардами людей, с городами, супермаркетами и аэропортами являлся аномалией, историческим курьезом, и для этого мира Гонт не годился изначально.

И хотя он не чувствовал себя счастливым даже наполовину, но отчаяния и горечи заметно убыло. Община будет принимать его медленно, иногда осаживая и даже отталкивая, когда он допустит ошибку в работе или общении. Но Гонт не сомневался: рано или поздно он станет здесь своим, полноправным членом команды, и тогда придет черед кого-то другого ощущать себя новичком.

Возможно, он и потом не обретет счастья, но, по крайней мере, достигнет какой-то устойчивости и готовности до конца жизни играть по четким

правилам. Он будет что-то делать, каким бы бессмысленным это ни казалось, — чтобы продлить существование человеческого рода и Вселенной, которую люди называют домом. А кроме того, обретет самоуважение, зная, что выбрал трудный путь, хотя мог выбрать легкий.

Проходили недели, сливаясь в месяцы. Вот уже два месяца миновало после его пробуждения. Пусть и далеко не сразу, но Гонт стал уверенно выполнять порученную работу. И одновременно росла вера напарницы в его способности.

— Неро говорит, что ты делаешь успехи, — сообщила Клаузен, вызвав новичка к себе в комнатушку, где составляла графики и распределяла наряды.

Гонт пожал плечами. Он слишком устал, и его мало интересовало мнение начальницы.

— Стараюсь, как могу. Не знаю, чего еще ты от меня ждешь.

Женщина оторвала взгляд:

— Раскаиваешься в содеянном?

— Я не могу раскаиваться в том, что не является преступлением. Мы пытались принести в мир нечто новое, вот и все. Думаешь, мы имели хоть малейшее представление о последствиях?

— Ты делал на этом огромные деньги.

— Мне теперь что, терзаться из-за этого? Знаешь, Клаузен, я много думал и пришел к выводу: все твои аргументы — чушь собачья. Я не создал врага. Исходные искины уже обитали в Сфере.

— Они нас не замечали.

— А население планеты только-только достигло восьми миллиардов. Кто может сказать, когда бы они это заметили… или не заметили? Еще через сто лет? Или через тысячу? Искины, которых я помогал создавать, хотя бы предупредили о грозящей опасности.

— Твои искины хотят нас убить.

— Некоторые. Зато другие пытаются сохранить нам жизнь.

Она положила ручку и откинулась на спинку стула:

— А ты все еще показываешь зубы.

— Если ждешь, что я начну молить о прощении, то ждать придется долго. И вообще, подозреваю, что ты разбудила меня с единственной целью — ткнуть носом в мир, который я помог создать. Согласен, это дерьмовое будущее. Я не смог бы сделать его еще дерьмовее, даже если бы захотел. Но не моих это рук дело. И не я отвечаю за гибель любого из вас.

Ее лицо передернулось, как от пощечины.

— Выходит, Неро тебе рассказала…

— У меня есть право знать, почему ты со мной так обращаешься. Но вот что я скажу: если тебе легчает, когда ты срываешь на мне злость, — валяй. Я был миллиардером, исполнительным директором глобальной компании. И если мне не всадили миллион ножей в спину, пока я спал, разве это не доказывает мою невиновность?

Клаузен велела Гонту убираться из ее кабинета, и он ушел с ощущением, что одержал победу, но, возможно, потерял при этом нечто большее. Он постоял за себя, но завоевал ли ее уважение? Может, наоборот, укрепил антипатию?

Вечер он провел в столовой, сидя в углу и слушая радиосообщения с других вышек. Говорили о прорывах — морские драконы атаковали из Сферы. Одному удалось достичь необходимой плотности, чтобы напасть на электростанцию и повредить ее, оставив без питания три вышки. Вскоре подключились резервные системы, но кое-какое оборудование отказало и около ста спящих погибло из-за незапланированного разогрева капсул. Даже если бы они пережили быстрое пробуждение, все равно пришлось бы подвергнуть их эвтаназии. Возможно, сотня дополнительных разумов и не оказала бы заметного воздействия

на вычислительную мощность Сферы, но нельзя было допустить рискованный прецедент.

И все же одного спящего вскоре придется разбудить. Подробности сообщались скупо, но Гонт понял: на какой-то вышке произошел несчастный случай. Пострадал некто Штейнер.

На следующее утро, когда Гонт занимался обычной работой на одной из верхних палуб, он увидел приближающийся вертолет. Гонт отложил инструменты и стал наблюдать. Вертолет еще не коснулся посадочной площадки, а смотрители уже собирались возле окрашенного круга, обозначающего зону вращения лопастей. Преодолевая боковой ветер, машина плавно опустилась на круг, и смотрители устремились к ней густой толпой.

Щурясь из-за ветра, Гонт наблюдал. Из салона выдвинули носилки, которые сразу подхватило множество рук. Даже издалека было видно, что дела у Штейнера плохи. Он потерял ногу — одеяло ниже колена провисало. На лице пострадавшего была кислородная маска, кто-то из смотрителей держал капельницу. Толпа возбужденно встречала раненого. Гонт заметил, что многие стараются коснуться руки Штейнера. Он был в сознании. Говорить не мог, но кивал в ответ и поворачивал

голову то вправо, то влево, вглядываясь в лица. Но вот его пронесли в дверь, и люди разошлись по рабочим местам.

Примерно через час к Гонту заглянула Неро. Она все еще была его наставницей, поэтому знала его ежедневный график и местонахождение.

— Бедняга Штейнер, — сказала она. — Ты видел, как его привезли?

— Такое трудно пропустить. Мне не показалось, что с ним обращались как с героем?

— Это так. Не потому, что он совершил нечто выдающееся. Дело в том, что он купил себе обратный билет.

— Вернется в ящик?

— Иначе никак. Мы многое можем восстановить, но только не ампутированную ногу. У нас нет средств, чтобы справляться с такими увечьями. Гораздо проще снова заморозить пострадавшего и заменить его кем-нибудь новеньким.

— Штейнер на это согласился?

— Вынужден был согласиться. Одноногий — не работник. Сам видишь, какая сейчас запарка: трудятся все до одного. Ты вкалываешь, пока ноги держат, а если невмоготу, возвращаешься в ящик. Таков уговор.

— Тогда я рад за Штейнера.

Неро покачала головой:

— Зря радуешься. Штейнер предпочел бы остаться. Он хорошо притерся к нам, приобрел популярность.

— Это я заметил. Но почему его встретили так, словно он выиграл в лотерею?

— А как же еще? Рыдать, как на похоронах? Штейнер вернется в спячку, сохранив достоинство. Работал он добросовестно, никого из нас не подвел, а теперь спокойно принимает судьбу. Принимаем ее и мы.

— Значит, скоро разбудят еще кого-то.

— Как только Клаузен найдет подходящую кандидатуру. Однако новичка придется обучать, а на этот срок кому-то надо заменить Штейнера. — Неро приподняла каску и почесала затылок. — Вообще-то, я по этому поводу и пришла. Ты хорошо вжился в коллектив, Гонт, но рано или поздно каждому из нас приходится нести одиночную вахту вдали от главной вышки. Там, где дежурил Штейнер, сейчас никого нет. На этой вышке работы немного, и обычно справлялся один человек. Вот мы и подумали: это отличная возможность испытать тебя в деле.

Ее слова не стали для Гонта полной неожидан-

ностью. Он уже достаточно разобрался в местной специфике, чтобы понять: рано или поздно его отправят на одну из дальних вышек дежурить в одиночку. Он не ожидал лишь, что это случится так скоро, едва он встал на ноги и ощутил себя личностью.

— Вроде я еще не готов.

— К такому никто не бывает готов. Но вертолет ждет, а Клаузен уже переделывает график.

— И надолго это?

— Трудно сказать. Настраивайся недели на три, а то и больше. Боюсь, Клаузен не будет торопиться с твоим возвращением.

— Кажется, я ее разозлил.

— Ну, это совсем нетрудно, — усмехнулась Неро.

Вертолет доставил Гонта на другую вышку. Он взял с собой только самые необходимые личные вещи. Инструменты и запчасти ждали на месте, равно как и достаточный запас продовольствия и медикаментов. Неро заверила, что все будет хорошо. Конструкция роботов, за которыми ему предстояло присматривать, была уже знакома. Неро также сказала, что чудес от него никто не ждет: если возникнет ситуация, с которой он не справится самостоятельно, вышлют помощь. А

если он не выдержит и сломается, его вернут.

Она не предупредила об одном: что его ожидает после такого возвращения. Вряд ли ящик. Скорее всего, понижение в статусе.

Но Гонт не боялся срыва, и его не тревожила возможность невыполнения задачи. Волновало нечто иное: зародыш идеи, которую Штейнер невольно подбросил в его сознание. После пробуждения Гонт приспосабливался к новой жизни, медленно принимая ее условия. Он заново оценил свои надежды и опасения, с трудом привел ожидания в соответствие с тем, что мог предложить ему мир в данный момент. Не богатство, не престиж, не роскошь и уж точно не вечную молодость. В лучшем случае тридцать лет, десять тысяч дней. И почти все эти дни будут наполнены изматывающим трудом, который в конце концов его угробит. Придется часто мерзнуть на ветру, мокнуть под дождем и жариться на солнце. Глаза будут слезиться от соленых брызг, а руки болеть от работы, которую счел бы слишком унизительной даже самый низкооплачиваемый пролетарий прежнего мира. И все это на высоте, при постоянном головокружении, а под ногами — лишь металл, бетон и много-много серого океана. Гонт будет ходить голодный и с пересохшим

горлом, потому что водоросли малокалорийны, а пресной воды всегда в обрез. Ему очень повезет, если до конца жизни он увидит больше ста человеческих лиц. Возможно, среди этой сотни окажутся друзья, возможно, и враги. И может быть, — всего лишь может быть — найдется хотя бы один человек, который станет ему больше чем другом…

Но об этом он даже мечтать не смел.

И вот Штейнер показал ему, что есть и другой выход.

Это шанс сохранить достоинство. Гонт может вернуться в ящик, твердо зная, что свое дело сделал честно.

Как герой. Как избранный.

Для этого нужно лишь устроить несчастный случай.

Он провел на новой вышке в одиночестве две недели и наконец выбрал способ. Неро многократно объяснила, чего следует опасаться при ремонте такого мощного самодвижущегося устройства, как робот. Особенно когда робот не отключен. Малейшая оплошность чревата бедой. Не пристегнул страховочный карабин. Забыл, что для такой-то операции надо отключить автоматику и перейти на ручное управление. Положил

руку на сервисный рельс перед тем, как по нему двинулся робот.

«Оставь излишнюю самоуверенность, — предупредила она, показывая забинтованную руку. — Мне еще повезло — отделалась ожогами, а они лечатся. Я даже сейчас на что-то гожусь, хоть и не могу пошевелить пальцами. Но попробуй-ка обойтись совсем без пальцев».

«Я буду осторожен», — пообещал Гонт, не покривив душой.

Однако теперь он считал увечье вполне приемлемой ценой за возможность покончить с такой жизнью.

Подобная травма требовала кропотливой подготовки. Он рассчитывал на полноценную жизнь в будущем, а если с вышки увезут овощ с мертвым мозгом, какой смысл его снова замораживать? Потерять сознание и истечь кровью — тоже не вариант. Нужно оказать себе первую помощь, добраться до рубки связи и послать аварийный сигнал. Штейнеру просто повезло, а Гонт должен действовать хитро, сохраняя невинный вид. Нельзя допустить, чтобы коллеги заподозрили самоувечье.

Поставив себе эти условия, он понял, что на самом деле у него есть только один вариант. Среди

роботов нашелся достаточно крупный и тупой, чтобы представлять опасность для беспечного человека. Он перемещался по сервисному рельсу зачастую без предупреждения. Несколько раз Гонт едва успевал отдернуть руку, когда встроенный планировщик вдруг решал перекатить машину на новую позицию.

Но какой бы ни оказалась рана — резаной или давленой, — вряд ли боль будет невыносимой. Уже одно то, что она откроет путь к свободе, сделает ее терпимой. А в новом мире, по другую сторону сна, Гонту сделают новую руку.

Он долго набирался смелости. Раз за разом был готов решиться, но в последний момент шел на попятную. Слишком много факторов следовало учесть. Во что одеться, чтобы повысить шансы выжить? Какие выбрать медикаменты, чтобы можно было использовать их одной рукой? Дожидаться ли хорошей летной погоды, или это лишь укрепит подозрение в том, что происшествие подстроено?

Он не знал ответов. И медлил с решением.

В конце концов погода решила за него.

Внезапно поднялся жестокий шторм. Гонт слушал сообщения с других вышек, одна за другой подвергавшихся яростному натиску волн, ветра и

молний. Такой плохой погоды он не помнил с тех пор, как его разбудили. Ему доводилось слышать о том, как на вышках в бурю калечились смотрители и им ничем не могли помочь — вертолеты при такой погоде не летают. Гонт благоразумно решил, что для инсценировки несчастного случая момент неподходящий.

Поэтому он ждал и слушал радио. Стоя на смотровой площадке, глядел, как от горизонта до горизонта сверкают молнии. Они выхватывали из темноты далекие силуэты вышек, ярко-белых, как деревья на равнине в ночную грозу.

Не сейчас, решил он. Когда шторм начнет стихать и еще сохранится вероятность аварии, но спасение вновь станет возможным.

Он подумал о Неро. Она к нему столь же благожелательна, как и к любому другому, но нет уверенности, что это связано с дружескими чувствами. Ей нужен полноценный работник, только и всего.

Но она знает его лучше, чем всех остальные. Не разоблачит ли она его?

Пока он размышлял над этим, шторм начал стихать, волны обрели свинцовый цвет и тяжесть, а небо на востоке украсилось нежно-розовой лентой.

Гонт поднялся к ожидавшему обслуживания роботу и сел рядом. Вокруг стонала и потрескивала вышка, жалуясь на полученную трепку. Сейчас слишком рано, спохватился Гонт. Придется отложить аварию до рассвета, иначе никто не поверит, что он занимался рутинной работой. Кому придет в голову чинить робота во время шторма?

И вдруг он заметил свечение в море.

Оно возникло на западе, примерно в километре от вышки: искрящийся зеленовато-желтый круг, который с того места, где сидел Гонт, казался овалом. Светящийся на небольшой глубине котел. Им можно залюбоваться, если не знаешь, что он собой представляет. В наш мир пробивается морской дракон — извивающееся живое оружие войны искинов. Сейчас он достигает когерентности, обретая материальный облик в базовой реальности.

Мысли об аварии мгновенно вылетели у Гонта из головы. Несколько долгих секунд он мог лишь смотреть, загипнотизированный силуэтом, создающимся под водой. Он видел морского дракона с вертолета в первый день своего пробуждения, но тогда не приблизился к нему и не смог оценить его размеры. Теперь же, когда они стали очевид-

ны, Гонт понял, почему эти твари так опасны. Из воды показалось нечто среднее между щупальцем и крюком, все еще облитое светящейся прозрачностью, как будто его связь с реальностью еще не созрела. И это щупальце поднялось выше платформы, на которой сидел Гонт.

В следующий миг оно исчезло. Не потому, что морской дракон не смог достичь когерентности, а потому, что втянул его в воду. К этому времени зеленовато-желтое свечение почти полностью рассеялось, подобно тому как распадается на молекулы химическая пленка. Море, которое все еще слегка баламутил хвост уходящего шторма, выглядело почти нормально. Секунды ожидания сложились в минуту. Гонт затаил дыхание, увидев светящийся круг, и лишь теперь задышал снова, лелея надежду, что дракон куда-то уплыл, а то и вовсе утратил когерентность в глубине.

И тут дракон ударил по вышке.

Пожалуй, с такой силой в нее могла бы врезаться подлодка. Гонт устоял на ногах, хотя вокруг него срывались плохо закрепленные металлические части и летели в недра вышки или в воду. Донесся мучительный стон, означающий сильное повреждение конструкции. За ним последовала серия мощных всплесков, как будто в

море падали громадные камни.

Новый удар дракона оказался таким мощным, что Гонт не устоял. Справа от него угрожающе закачался башенный кран. Его каркас гнулся, как проволочный.

Дракон сохранял когерентность. Судя по ярости атак, он мог бы разнести всю вышку, если бы ему хватило времени.

И еще Гонт осознал с пронзительной и удивительной ясностью, что не хочет умирать. Более того, он понял: жизнь в этом мире, со всеми ее трудностями и разочарованиями, бесконечно предпочтительнее смерти.

Пока морской дракон разворачивался для нового удара, Гонт спускался по внешним и внутренним лестницам, радуясь тому, что у него обе руки здоровы и все пальцы на месте. Его переполняли и ужас, и почти пьянящее счастье. Он не сделал того, что замышлял, а сейчас все равно может умереть, но у него есть шанс выжить, и если он выживет, то ему абсолютно нечего будет стыдиться.

Он уже добрался до административной палубы, до помещения, в котором планировал оказать себе первую помощь и подать сигнал бедствия, и тут дракон начал второй этап атаки. Гонт ясно

видел монстра через проем между опорами вышки — тот выбирался из моря, помогая себе лапой. В нем уже не осталось никакой прозрачности, незавершенности. И это действительно был дракон или, скорее, химера — помесь дракона, змеи, осьминога и других чешуйчатых, клыкастых, когтистых чудовищ, взятых из всех бестиариев. С блестящей аспидно-зеленой шкуры грохочущими водопадами летела вода. Голова — или то, что Гонт принял за голову, — достигла уровня административной палубы, а кольца туловища все лезли и лезли из темных глубин, подобно ленте из шляпы фокусника. Метнулись вперед щупальца, ухватились за разные части вышки и принялись рвать и ломать с такой легкостью, будто она была сделана из картона. При этом дракон издавал звук, похожий на медленно повышающийся и понижающийся вой сирены.

Это оружие, напомнил себе Гонт. Оно создано, чтобы наводить ужас.

Дракон обвился нижней частью туши вокруг опоры вышки, давя и размалывая ее. Бетон разлетался крошевом во все стороны или низвергался кусками, подобно тающему леднику. Палуба вдруг вздыбилась и замерла под неестественным углом. Гонт понял, что вышку уже не спасти, а

если он хочет выжить, то единственный шанс — прыгнуть в воду. При этой мысли он едва не расхохотался. Покинуть вышку — единственное, что хоть как-то походит на твердь, — и оказаться в воде рядом с бушующим драконом?

И все же иного выхода не оставалось.

Гонт включил сигнал бедствия, но не стал дожидаться ответа, будучи уверен, что вышка продержится лишь несколько минут. Что теперь предпримут спасатели, он не думал. Если и угадает, разве это ему поможет, пока он будет барахтаться вводе?

Он огляделся в поисках ближайшего оранжевого шкафчика. На инструктаже Гонту показывали спасательное снаряжение, но у него и мысли не возникло, что однажды доведется этим воспользоваться. Теплонепроницаемый комбинезон, надувной жилет, аварийный оповещатель…

Внутри одной из опор имелась лестница, выводящая на площадку, расположенную чуть выше уровня моря, — именно этим путем смотрители покидали вышку и возвращались на нее в тех редких случаях, когда пользовались катером, а не вертолетом. Но едва Гонт вспомнил маршрут, он сообразил: именно эту опору выбрал дракон, чтобы обвиться вокруг нее. Остался единствен-

ный запасной вариант — лесенка с выдвижной нижней секцией. До воды она не достает, но шанс пережить падение намного выше шанса уцелеть рядом с драконом.

Все оказалось хуже, чем он ожидал. Ему казалось, что он висит, а не падает, конструкционные элементы вышки почти не движутся вверх, — и так было до последнего мгновения, когда все внезапно ускорилось и он врезался в свинцово-серую воду с такой силой, что потерял сознание.

Наверное, он погрузился и пробкой выскочил на поверхность, — когда пришел в себя, выкашливал холодную соленую воду, заполнившую еще и глаза, уши и ноздри. Он успел подумать, что вода не имеет права быть такой холодной, и тут над ним изогнулась волна, и он снова отключился.

Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем Гонт очнулся. Шею студило, но в целом телу было вполне уютно в комбинезоне. Спасательный жилет поддерживал голову над водой — кроме тех моментов, когда обрушивались волны. Синий сигнальный фонарик на жилете вспыхивал невероятно ярко и гас.

Справа, в нескольких сотнях метров, удаляясь с каждой набегающей на Гонта волной, в море медленно погружалась вышка с обвившимся

вокруг опоры драконом. Гонт услышал вопль чудовища, увидел, как сломалась опора, а потом на него обрушилась невыносимая усталость.

Он не помнил, как его нашли. Не помнил рокота лопастей, не помнил поднимавшей его лебедки. Был лишь долгий период беспамятства, а потом шум и вибрация машины, бьющее в окна солнце, ясное синее небо и спокойное море. Потребовалось несколько секунд, чтобы картина сложилась в сознании. Некая часть мозга погасила события последних дней и заработала, исходя из предположения, что задуманное удалось, что Гонт дождался лучшего будущего, проснулся в новом, чистом мире, а смерть превратилась в слабеющее воспоминание.

— Мы поймали твой сигнал, — услышал он голос Клаузен. — Но искать пришлось долго, хоть и работал транспондер в жилете.

И тогда он вспомнил все: вышки, спящих, искинов, морских драконов. Абсолютную уверенность в том, что это единственный мир, в котором он останется навсегда. А затем и осознание — или, скорее, воспоминание о том, что это осознание произошло: такая жизнь лучше, чем небытие. Гонт вспомнил, что намеревался сделать перед появлением морского дракона, и ему захотелось

убить это воспоминание и похоронить там, где он хоронил все постыдное, когда-либо совершенное в жизни.

— Что с вышкой?

— Ее больше нет, — ответила Клаузен. — И всех спавших там тоже нет. Сделав свое дело, дракон развалился. Но то, что ему так долго удавалось сохранять когерентность, — скверный признак. Значит, они совершенствуются.

— Значит, и наши машины следует усовершенствовать?

Гонт думал, что она лишь высмеет его за столь банальную идею, ведь он так мало знает о войне и о цене, которую приходится платить. Но Клаузен кивнула:

— Это все, на что мы можем надеяться. Конечно, наши искины разовьются. Они всегда развиваются. Иначе бы нас здесь не было. — Она посмотрела на укрытого одеялом Гонта. — Теперь жалеешь, что согласился остаться?

— Нет, не жалею.

— Даже после того, что случилось?

— Зато на дракона поглядел.

— Да, — кивнула Клаузен. — Поглядел.

Гонт предположил, что на этом разговор закончится. Он не мог бы сейчас утверждать, что его

отношения с этой женщиной стали нормальными — нужно время, чтобы в этом убедиться, — но все же почувствовал: лед тронулся. Он не только решил остаться, но и отказался от идеи причинить себе травму. Ожидала ли Клаузен от Гонта чего-то подобного после несчастного случая со Штейнером? А если да, знает ли, насколько близко он подошел к этой черте?

Но Клаузен еще не договорила.

— Есть одна гипотеза, уж не знаю, много ли в ней правды, — сказала она, впервые обращаясь к Гонту как к человеку, наделенному разумом и ответственностью. — Граница между Сферой и базовой реальностью не так проста, как можно подумать. На этой границе время и причинность сильно переплетены. События, происходящие там в одной последовательности, совсем не обязательно так же выстроены здесь. И драконы, проталкиваемые врагом через границу, не всегда появляются в том, что мы считаем настоящим временем. Цепочка событий в Сфере может иметь последствия для нас как в прошлом, так и в будущем.

— Не понимаю.

Она кивнула на море за окном вертолета:

— На протяжении всей истории там видели

много странного. Моряки веками рассказывали легенды о всплывающих чудовищах. Эти легенды могут быть отголосками войны искинов, а чудовища — ее миражами. Оружие, которое пересекало границу в неправильное время, сохраняло когерентность достаточно долго, чтобы попасться кому-то на глаза или потопить корабль. — Клаузен пожала плечами, как будто речь шла о пустяках.

— Ты в это веришь?

— Не знаю, делает ли это мир более зловещим или чуть более осмысленным. Все эти монстры из пучин… Разве кто-нибудь когда-нибудь предполагал всерьез, что они реальны? — Она встала, намереваясь вернуться в кабину. — Это лишь теория. А теперь поспи.

Гонт последовал ее совету. Заснул он легко.

Эта повесть родилась из вороха очень мутных черновых фрагментов несостоявшегося романа.

У меня нет привычки копить впрок горы детально проработанных идей. Но бывают исключения. Я проделал серьезную подготовительную работу для книги, которая должна была выйти раньше «Дома Солнц», но однажды решил (под влиянием читательского письма, пришедшего по электронной почте), что «Дом Солнц» ждать

не может. Через год или два мне перестало казаться, что из накопившегося материала можно сделать роман, но почему бы не использовать его для небольшого произведения? Вот некоторые из тех заметок:

«Человек просыпается из-за того, что погибает кто-то из обслуги. Он не сразу понимает, что случилось. Постреанимационная амнезия. Из ряда лекций узнает, что произошло с планетой и почему с ним так поступили. Прежний мир он помнит крайне слабо. Нынешний красив и неуютен, населения нет, лишь несколько тысяч бодрствующих служителей, которым поручено ухаживать за испятнавшими ландшафт гигантскими кубическими вместилищами для спящих…»

«А тем временем реальность давно пребывает в глухой осаде. Творятся крайне странные вещи. Образуются рифты и происходят тектонические сдвиги, в небо растут загадочные сооружения. Это отзвуки трансцендентальной войны между искусственными интеллектами проникают через разрывы в ткани реальности. Человечество — вычислительное бремя, ставшее непосильным».

«История постижения обязанностей и от-

ветственности. Нравственное значение долга и самопожертвования. Примет ли человек ультиматум или вернется в спячку? А вдруг окажется, что его уже будили несколько раз и он всегда отказывался взяться за гуж?»

«Какого единственного события будет достаточно, чтобы человек решился? Что нужно увидеть или испытать? Чужой акт самопожертвования? Или чья-то звериная жестокость позволит понять, что можно быть выше этого, можно быть человеком?»

Филипа К. Дика этим не затмить, но идея снова и снова всплывала в моем уме. И родилась она не на пустом месте. Однажды летом — типичным английским летом — я, еще совсем мальчишка, долго гулял под холодным проливным дождем и промок до нитки. Было это в Мидлендсе. Я добрел до водохранилища. Из его стены торчало какое-то ремонтно-эксплуатационное сооружение: лабиринт из металлических мостков тянулся к серой громадине без окон, вздымавшейся из воды. Стоя под унылым свинцовым небом и глядя на серую воду и мрачную безликую махину, я получил толчок из глубины подсознания — мне подумалось вдруг, каким будет мир, когда останется под опекой одних лишь механизмов. Можете

упрекнуть меня за апостериорное объяснение, но я почти уверен, что это не так, что свинцовые волны и серые вышки безлюдного мира «Спячки» прямо связаны с тем прозрением мокрого как мышь подростка. Впрочем, эта повесть еще и о чудесной человеческой способности адаптироваться практически к любым обстоятельствам, и, надеюсь, где-то в ее фабуле вы заметите искорку оптимизма.

Жажда славы

Официальное название города — Руах-Сити, но для всех он просто Ходульник. Так и не полюбившийся мне, хотя прожила я здесь немало — впору считать его второй родиной. Не стоит он подолгу на одном месте, потому и привыкнуть к нему нелегко, вот в чем штука.

У Ходульника уйма покрытых термоизоляцией ног для передвижения по криовулканической коре Тритона. На эти ноги опирается гроздь платформ, автономных, прикрытых куполами, соединенных мостами и аппарелями — и подверженных столь же частой, сколь и непредсказуемой, перекомпоновке. Сущая игра-головоломка, не предназначенная для моих бедных мозгов.

Однако нельзя не учитывать хорошую выпивку, уютный бар и более-менее приличные виды. В Солнечной системе есть места и похуже.

— Лоти Хунг?

Я отвернулась от окна. Обратившуюся ко мне женщину не узнала, но почему-то сразу пришла догадка: это Администрация. И добро бы на женщине была форма или в манерах некое сходство со знакомыми мне чиновниками. Нет, ее выда-

ли только глаза: усталые, красноватые. Взгляд спокойный, ясный и притом цепкий, как будто у нее привычка изучать лица и реакции, ничего не принимая сразу за чистую монету.

— Чем могу быть полезна?

— Вы художница? Скульптор по камню?

Какая мощная дедукция! А ведь я всего-то навсего сижу в «Резце и плавильнике», среди образцов наскального искусства, и передо мной раскрыто мое портфолио. Однако тревожит то, что незнакомке известно мое имя. Слишком скромна моя персона для такой чести.

Я попыталась себя успокоить: конечно же, эта женщина не имеет к Администрации никакого отношения. Внимания сильных мира сего я ничем не заслужила. Ну, может, упростила себе жизнь по мелочи, обошла кое-какие законы. Но не совершила ничего достаточно серьезного, чтобы стоило тратить на меня время.

— Вы не представились.

— Ингвар, — ответила женщина. — Ваня Ингвар.

В воздухе образовался и плавно опустился на стол аккредитационный жетон.

Ваня Ингвар, лицензированный следователь. Не полиция и не Администрация. Частный сыск.

Значит, мои инстинкты не совсем безнадежны.

— Чего вы от меня хотите?

Ее коротко стриженные имбирные кудри в ужасном состоянии: жирные, свалянные. Как будто она только что сняла тесный гермошлем. Ваня пригладила их ладонью, но лучше, конечно, не стало.

— Ваш корабль ремонтируется в доке. Я кое-кому заплатила, и он хорошенько покопался в навигационном ядре. Меня интересовало, где вы находились в один конкретный момент.

Я едва не пролила выпивку.

— Да вы спятили! Это ж охренеть как незаконно!

— И охренеть как недоказуемо, — пожала плечами она.

Занятная особа. Я решила слегка ей подыграть:

— И что же вы там искали?

— То, сё… Но в первую очередь связь с импактором, уничтожившим Наяду.

Я аж глазами захлопала от неожиданности. Думала, она меня обвинит в каком-нибудь административном правонарушении, не подпадающем ни под какие сроки давности. Мало ли на моей совести нерегламентированных сближе-

ний и стыковок. Но при чем тут Наяда, при чем тут импактор?

Ищейка взяла ложный след. Наверное, какая-то ошибка с именами или с регистрацией кораблей… Мне даже стало жалко эту женщину. Но лишь немножко и лишь на миг. Это же верх бесстыдства — нанять какого-то прохвоста, чтобы тайком от меня он порылся на «Тате в ночи». Ей не помешает отдохнуть от дел неправедных.

— Ингвар, очень не хочется вас разочаровывать, но в тот день я находилась очень далеко от Наяды. И о случившемся-то узнала в Гюйгенс-Сити на Титане — в баре смотрела новости. А Титан, если вы запамятовали, на другом краю системы. Тот, кто залез в ядро моего навигатора, просто не понимал, что он делает.

— Мне нет дела до того, где вы находились в момент столкновения. Это случилось двадцать пять лет назад. Меня интересует, где вы были за двадцать семь лет до этого события. Пятьдесят два года назад, в то время, когда в курс импактора была внесена поправка и он встал на вектор сближения с Наядой. — После драматической паузы она наносит добивающий удар: — Согласно проведенному мною расследованию, это случилось вскоре после того, как вы познакомились со

Скандой Абрудом.

Стало быть, это не блеф — она знает, о чем говорит. Названное ею имя я изо всех сил пытаюсь забыть уже больше полувека. И ведь небезуспешно — оно вспоминается редко. Лишь в те моменты, когда из подсознания выныривает яркая новая в созвездии Печь.

И сейчас произносить это имя мне больно.

— Что вам известно о Сканде?

— Мне известно, что он вас нанял. Поручил обработать скалу. Знаю я и другое: на Наяде погибло сто пятьдесят два ни в чем не повинных человека. А остальное… надеюсь услышать от вас.

Я отрицательно покачала головой:

— Никто не погиб на Наяде. Потому что там никто не жил.

— Ну да, — кивнула Ингвар. — Все в это верят, потому что ей так нужно.

— Ей?

— Администрации. Это ее роковой просчет. Зря она позволила горнякам-самозахватчикам пустить корни на том крошечном спутнике. Их сразу же надо было вывезти.

Ингвар предлагает выйти из «Резца и плавильника» — не хочет, чтобы нашу беседу кто-нибудь подслушал. Это открывает для меня уйму воз-

можностей. Я могу послать ее куда подальше. Ингвар меня не арестует — руки коротки. Она даже не грозится выдать меня Администрации. Да если бы и попыталась, что толку? Лоти Хунг перед законом чиста; ей восемьдесят два года, она промышляет резьбой по камню, не богата, но и не бедствует. Только и всего.

Но насчет Сканды Ингвар права: все так и было. И теперь мне очень тревожно. Мысленно говорю себе: здесь, в Ходульнике, ничего плохого случиться не может. Но почему бы не послушать, что еще у этой ищейки для меня припасено?

Так что мы выходим в подкупольную ночную мглу. У Игнвар походка жесткая, враскачку. О возрасте этой женщины судить трудно, но вряд ли она моложе меня. На нас обоих плотная верхняя одежда и теплая обувь, и все же стужа Тритона поднимается по ходулям, просачивается через городской пол, проникает в наши старческие кости.

И я рассказываю Ингвар о том дне, когда познакомилась со Скандой Абрудом.

Случилось это здесь, возле Нептуна. Недавно я слетала на Тритон в погоне за потенциальным клиентом. Как резчик по камню к тому времени прославиться не успела, но уже обзавелась недур-

ной репутацией. На такие чертовы кулички, как система Нептуна, еще не забиралась, однако надеялась, что дальний полет стоит потраченных времени и денег.

Я просчиталась. Конкурент, нахальный выскочка, перехватил моего многообещающего заказчика. А «Татю в ночи» требовались ремонт и заправка. Вокруг корабля роились дроны, и мой банковский счет таял, стремясь к однозначным числам. Я села на шаттл и полетела на Тритон заливать горе. И в конце концов оказалась в гостинице «Дельта-вэ».

С тех пор я там не останавливаюсь — слишком много призраков. Подобно нынешнему «Резцу и плавильнику», гостиница была популярна у художников и их спонсоров. Стены, пол и столы сплошь в изображениях — плоских и объемных, добротных и безвкусных. Каменные и ледяные астероиды, округлые и угловатые обломки породы превращены в произведения искусства. Тут и геометрические абстракции Мотля и Петита, и гиперреалистичные портреты работы Двали и Мэстлина. Кое-кого из этих мастеров я знала, а кое с кем даже работала, когда им доставались заказы на большие комбинированные произведения.

Моя скромная звезда была на подъеме, но уже

тогда я понимала, что пузырь скоро лопнет. Слишком большие деньги крутились тогда в скульптурном бизнесе.

По пути сюда я посетила Озимандию. Километрового диаметра булыжник загнали на орбиту Тритона, и, после того как над ним потрудились Иннинг и Тарабулус, он превратился в предмет вожделения для всех здешних богатеев. Но я по нему с ума не сходила. Это же просто морда — источенная временем, покрытая трещинами, с громадными впадинами щек и глубокими черными кратерами глазниц. Вся заслуга скульпторов — разнообразные косметические ухищрения, призванные скрыть вопиющее отсутствие техники.

Иннинг и Тарабулус никогда не работали с камнем и льдом в других контекстах и вообще не пытались освоить комбинированное искусство. Вот и пришлось им, не имеющим необходимой базы, придать своему изделию вид древний и увечный, — а как иначе замаскируешь допущенные изъяны? Эти шарлатаны не ваяли в камне, а насиловали его. Они не знали слабых мест камня, не учитывали спайности и излома.

Дилетанты чертовы.

Глядя на это убожество, я поклялась: если най-

дется безумец, который подпустит меня к такому большому куску породы, он получит нечто безупречное. Уж я-то справлюсь.

Но в душе я и надеяться не смела, что такой шанс мне однажды выпадет.

— Шикарно, правда?

Тот, кто ко мне обращался, имел в виду Нептун. Я как раз смотрела на лик висящей вверху планеты. Гигант казался частью узора на потолке, и его синяя с багрянцем мгла идеально сочеталась с моей хандрой.

— Это как поглядеть.

— Нет, правда же, прекрасно. Лоти, присмотритесь к нему. Его кольца едва заметны, в атмосфере нет метастабильных бурь. Ветры — да, наблюдаются, но только кратковременные. Из спутников один лишь Тритон достоин упоминания, все остальные — мелочь, снежки. У него, впрочем, своя недооцененная красота, неброское великолепие.

Я все еще не знала, с кем разговариваю, да и на общение меня в этот вечер совсем не тянуло. Но стоило повернуться к собеседнику — и во мне проснулся интерес. Мужчина был одет со вкусом, очень хорош собой — и определенно не из тех, кого я видела до сего момента в гостинице

«Дельта-вэ».

— Я вас знаю?

— Еще нет. Но надеюсь, мы познакомимся. И поработаем вместе. Меня зовут Сканда Абруд. Хочу предложить заказ. Вам это интересно?

— Зависит от размера гонорара и срока выполнения.

Он чуть улыбнулся:

— Думаю, вы ухватитесь за эту работу. Гонорар должен вас устроить, он в двадцать раз больше лучшего из тех, что вы получали раньше, если мои подозрения верны. Я уже и камень выбрал. Он на высокой наклонной орбите, но легко досягаем. Хотите взглянуть?

Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумала я. Меня уже не раз надували, суля заказы, способные изменить мою судьбу.

— Ну, покажите, если считаете это необходимым.

Он соорудил из прямых и указательных пальцев четкий прямоугольник — экранную рамку. Пространство между его пальцами потемнело, затем на фоне черноты появился чуть менее черный ком. С одного боку он обзавелся контуром из тусклого солнечного света, испещрился кратерами и гребнями в коричневых и фиолетовых тонах.

Сканда развел руки, увеличив изображение.

— Он велик, почти километр в поперечнике, но вы с ним легко справитесь. Ну что, возьметесь?

Я хорошенько рассмотрела камень. Потом изучила лицо заказчика, представила, что внутри камня — его голова и надо снять породу, как изложницу с маски. Именно такого от меня требовали большинство клиентов. Хотели, чтобы их физиономии крутились вокруг Солнца до скончания веков.

— Придется его хорошенько просканировать, — решила я. — И если не будет нехороших сюрпризов, я, пожалуй, сделаю вашу головную скульптуру.

Этими словами я его здорово огорошила.

— Нет! Мою скульптуру? Да вы что? О боже! С чего вы взяли, что я настолько тщеславен?

— Тогда чью же?

Должно быть, он решил увековечить человека, который ему дорог, — любимую женщину или героического родственника. Все то же банальное идиотское самовосхваление.

— Да вот же! — Он вывел другое изображение.

Мужское лицо, молодое, с классическими пропорциями. Очевидно, мне полагалось с легкостью его узнать. Но подвело мое образование, лоскут-

ное, как коврик.

— Кто это?

— Вы что, шутите? Лоти, я хочу, чтобы вы изваяли голову микеланджеловского Давида.

Ингвар привела меня на западный край Ходульника, к общественному катку. Это, я вам скажу, сущее извращение. Город защищен от поверхности Тритона мощными слоями изоляции — и такая уйма хлопот и затрат, чтобы создать крошечный квадрат мерзлой земли над городским полом. Криогенный мороз не понадобился, обошлись естественным; он здорово кусался и превращал выдыхаемую нами воду в хвост кометы. Ингвар вовсю топала ногами, хлопала по себе руками.

— Вы не всегда были художником, — сказала она. — Однажды сменили карьеру.

— Ох, Ингвар, все-то вы про меня знаете… К чему тогда эти разговоры? Что мне мешает попрощаться с вами и уйти?

— Будьте моей гостьей. Да, Лоти, вы правы: мне кое-что известно. Те люди действительно погибли, я их не придумала. Они не имели права там находиться, это факт, но все равно Администрация обязана была их спасти, когда узнала об угрозе столкновения. Самозахватчиков даже не

предупредили толком, и планетарную оборону не привели в полную боеготовность. В самую последнюю минуту послали корабли, попытались сбить импактор с траектории, но не успели… — Игнвар сокрушенно покачала головой. — Лоти, мне известно о вашей связи с импактором, и, поверьте, я смогу доказать, что по Наяде он ударил не случайно. Так задумал Сканда, а значит, это преступление, а не вероятностный фактор в небесной механике. Что делает вас соучастницей.

— Прелестно. Составьте на меня досье, передайте его Администрации. Уверена, вас выслушают с живейшим интересом.

— Возможно, я так и сделаю.

По ту сторону ледяной площади на подмостках белой эстрады репетировал любительский ансамбль. Замерзшими пальцами музыканты исторгали из инструментов глухие аккорды. Ингвар пришлось повысить голос, чтобы перекрыть эту какофонию:

— Вам нравится ваше ремесло?

— Оно меня кормит.

Ремесло ничем не хуже других, да и я в нем совсем не плоха. Моя работа — обтесывать лед для блочной перевозки.

Берешь кусок кометы, километра два в поперечнике, обтачиваешь его лазером, плазмой и направленными взрывами, получаешь нужные профиль, симметрию и расположение центра тяжести — и сдаешь заказчику готовую грузовую единицу.

Вот так висишь над обработанной тобой глыбой льда, наблюдаешь, как с одного конца к ней крепят двигатель, а с другой — пауковидную систему управления и как затем твое изделие отправляется в долгий-предолгий путь к изголодавшимся экономикам внутренней системы, — и испытываешь некоторое удовлетворение.

— Но потом все изменилось, — сказала Ингвар. — Должно быть, не в одночасье, но резче и неприятнее, чем вы могли ожидать. Новые технологии, новые методы. Их вводили люди, которые вас не знали и которым была неинтересна ваша судьба. Люди вроде Сканды Абруда.

— Времена меняются. Я менялась вместе с ними.

На катке горожане лениво выписывали эллипсы. Умелых фигуристов здесь было мало; впрочем, на Тритоне даже самый неуклюжий может кое-чего добиться по части изящества. Вот девчушка взвилась в воздух, прижала руки к

бокам и проделала десятка два оборотов, прежде чем снова коснулась коньками льда.

Иногда, находясь высоко над эклиптикой, я поворачивала главную параболическую антенну «Татя в ночи» задом к гулу и треску системы и настраивала на ультракоротковолной фон космоса. Вот что напоминает звук коньков — вечный нарастающе-затухающий шепот Вселенной.

— Как случилось, что вы занялись искусством? — спросила Ингвар. — Неужели это было так просто?

Вот спрашивается, какое ей дело?

— Ну не голодать же! Думаю, я все делала правильно. Зарабатывала на жизнь… — Отвечая, я следила за скольжением экскурсионного корабля — неоново-яркой рыбешки — над разделенным надвое ликом Нептуна. — …До вашего появления.

— Однако вы получили свою долю разочарований. Несбывшиеся мечты, неутоленные амбиции.

Сказано это было таким тоном, что я не могла не заподозрить невольного намека на сходство наших карьерных траекторий. Лицензированный частный детектив? Далеко не самая почетная и выгодная профессия в Солнечной системе. Навер-

ное, много лет назад Ингвар рисовала себе куда более интересные перспективы.

Что это, неужели сочувствие? Конечно нет. Всего лишь искорка узнавания.

— Все мы извлекаем выгоду из своего положения, — сказала я. — По крайней мере, пытаемся.

— И жизнь не так уж плоха, правда ведь? Сами посудите, мы на Тритоне, возле Нептуна. Любуемся фигурным катанием. — Ингвар поежилась в своей куртке. — Холодно, но всегда можно перебраться в тепло. Возникнет нужда в пище или общении — а что мешает? И так везде. Хочешь — любуйся видами, хочешь — совершай открытия, хочешь — встречайся с интересными людьми. Сотни миров, тысячи городов и поселков. И ведь находятся же те, кому этого мало. Те, кто ждет от жизни большего, чем может дать Солнечная система.

Я поняла, к чему она ведет.

— Вы о том, что находятся желающие улететь за пределы системы?

— Я просто не понимаю этой тяги. Хоть и побывала возле Юпитера. Видела там космические доки. Строящихся вакуумников там не счесть, как и добровольцев, которым хватает денег на покупку индивидуальной ячейки. И это несмотря на

случившееся. — Ингвар топала вовсю, а в белой пагоде любительский ансамбль уже коверкал новую мелодию. — Что не так с людьми? — спросила она, и я не поняла, на музыкантов она жалуется, или на спящих пассажиров-вакуумников, или на тех и других.

Итак, я взяла Сканду на борт, и мы полетели к его камню.

Бегающий по орбите с высоким углом наклонения астероид в тот момент находился далеко от эклиптики. Сканда уже показывал мне снимки, но первый взгляд с близкого расстояния — это всегда нечто особенное.

— Нравится? — спросила я.

— Он хорош. Лучше не найти. Он ведь годится, да?

— Что дают, с тем и работаю.

Но я кривила душой — камень был великолепен. «Тать в ночи» облетел вокруг него раз десять, картируя с детальностью ногтя на большом пальце, сканируя на всю глубину и обстреливая сейсмозондами для составления эхо-карты его нутра. Результаты не дали ни малейшего повода для беспокойства. Мысленным взором я уже видела голову Давида, четко представляла себе, где будут сделаны первые сколы и борозды.

— Вот уж не думал, что вблизи он такой огромный, — восхитился Сканда. — Снимки не передают притяжения всей этой массы. Настоящая гора, улетевшая в космос. Вы что-нибудь чувствуете?

— Это просто камень.

Сканда сдвинул с моих глаз прядку волос и мягко упрекнул:

— Нет в вас ни капли романтики.

Скажу честно: я не хотела, чтобы это случилось. Нет у меня обычая ложиться с клиентом в койку. Когда Сканда настоял на том, чтобы лететь со мной, я предъявила ему стандартный набор условий и требований. На моем борту мои порядки. «Тать в ночи» не очень-то приспособлен для уединения, но наш полет туда и обратно — это бизнес, и ничего личного.

Но что уж теперь сокрушаться? Не буду лгать, что Сканда добился своего с великим трудом. Красивый, обаятельный, он точно знал, чего хочет. Последнее качество делало его и вовсе неотразимым.

У человека есть камень, и человек хочет видеть, что с этим камнем сделают. Кто я такая, чтобы ему отказывать?

Я без промедления взялась за дело.

Роботы исправно выполняли мои поручения.

Они отделялись от борта «Татя» и голодными стаями устремлялись к камню. Одни были оснащены лазерными и плазменными резаками, другие — установками для бурения шпуров, которые будут затем заряжены третьими для взрывной отбойки.

И как только эти роботы приступили к своим хлопотам, по бокам «Татя» расправились громадные ручищи с разнообразными резаками и пробоотборниками вместо пальцев. Технология телеприсутствия позволяла мне работать по камню посредством роботов и манипуляторов с той же чуткостью, как если бы мои руки держали молоток и зубило. Я обожала этот процесс. Что называется, грязь под ногтями. Чувствуешь себя настоящим Микеланджело.

Будь я халтурщицей вроде Иннинга и Тарабулуса, справилась бы с этим заказом за неделю. Добросовестный же подход требовал месяцев терпеливого труда. И эти месяцы двоим людям предстояло провести безвылазно бок о бок в жуткой тесноте, в сотнях световых минут от цивилизации.

Я наслаждалась каждой секундой этого срока.

Сканда был так же хорош, как и его астероид. Заплатил вперед. С такими деньгами на счету

я могла бы бездельничать не один год. Он даже погасил счета за ремонт «Татя».

Смела ли я гадать, откуда у него такое богатство?

Вообще-то, смела. Но не скажу, что меня это сильно заботило. В Солнечной системе миллионы людей, у которых денег куры не клюют. Иначе кто бы стал покупать места на вакуумниках?

Когда я с головой уходила в работу, ничто не мешало Сканде вернуться в рубку «Татя» и заняться реализацией своего дальнего умысла. И вроде ему даже было все равно, слушаю я или нет. Очень не скоро у меня появилось какое-то представление о его плане и о моей роли в нем.

Кусок за куском, слой за слоем я снимала лишнее с головы Давида. Работа спорилась, однако я знала, что никоим образом не гарантирована от самого позорного фиаско. Лучшие сканеры и пробоотборники все-таки способны ошибаться; небезупречны и другие мои инструменты и методы. Камень есть камень, у любого из них хватает естественных дефектов — к примеру, трещин, образовавшихся когда-то при напряжениях или столкновениях. И среди этих трещин обязательно найдутся совпадающие с плоскостями потенциального разрушения и контурами, по которым

мне предстоит резать и колоть, как будто сам астероид стремится сбросить все, что прячет от моих глаз голову Давида. Зато прочие изъяны — коварные враги. Малейшая ошибка при установке направленного заряда, чуть неточная наводка лазерного луча — и я разобью Давиду скулу или бровь.

Конечно, исправить такое повреждение нетрудно, но я ни за что не опустилась бы столь низко. Мухлеж — удел Иннинга и Тарабулуса. Да и вряд ли Сканда довольствовался бы вторым сортом. Уж коли он одержим идеей сотворить голову Давида, значит она должна быть такой же безупречной, как и микеланджеловский оригинал.

Что ж, такой она и будет.

Мало-помалу я освободила волосистую часть головы и верхнюю часть лица. Ниже носа оно оставалось заточенным в камень — ни дать ни взять юноша с бородой старца. Конечно, это ненадолго. Я скалывала «бороду» кусками величиной с дом, по «пряди» зараз. Через месяц будет готова первичная форма. А всего на изготовление головы Давида понадобится три-четыре месяца. От силы пять.

И будет эта скульптура великолепной. Еще никто не сотворил ничего подобного. И камешку,

любовно мною обработанному, предстоит кувыркаться вокруг Солнца миллион, а то и миллиард лет. Представляю, как обалдеют, наткнувшись на него, представители будущей цивилизации. Но что откроет эта картина их незамутненному разуму? Пробудит ли хоть слабейшую память о старательных крошечных существах, сотворивших сие чудо?

Роботы роботами, а хлопоты хлопотами. Повозиться мне пришлось изрядно. Между сколами, когда усталость не позволяла мне следить за машинами, мы со Скандой носились по космосу в обзорном пузыре — голые, сплетенные, в очках.

Я немало попутешествовала по Солнечной системе, но даже мечтать не смела о тех местах, где побывал Сканда. «Не думай о будущем, лови момент, наслаждайся его близостью», — вот что я себе твердила в те дни. Когда закончу скульптуру, ничто не удержит Сканду рядом со мной. На мой счет лягут большие деньги, но я так и останусь простым камнерезом.

Сканда удивлял меня снова и снова. Надев очки, показывал мне чудеса. Гигантские промышленные линии — реки гранулированного вещества, бегущие от добытчика к потребителю.

— Вот это, — говорил он, направляя мой взгляд

на маркированный поток, выбрасываемый катапультой с ледяного астероида, — поставляется на Марс. Пусть помедленнее блочной перевозки, но в конечном счете дешевле. Ни тебе двигателей, ни тебе пилотирования, только небесная механика.

— А владелец — ты?

Он ответил поцелуем, мол, не заморачивайся подобными вопросами. Но все же добавил вслух:

— В очень сложном и скучном смысле — да.

— Такие, как ты, — упрекнула я, — лишают работы таких, как я.

Сканда улыбнулся. Зеркальные шары его очков до неприличия деформировали мое лицо.

— Разве не я обеспечил тебя работой?

Тематика наших видеоэкскурсий была неисчерпаемой. Светились орбиты — разноцветные ленты изгибались, как гоночные трассы богов. В космической мгле цвели миры — конечно же, не только главные планеты, но и малыши: Церера, Веста, Идальго, Юнона, Адонис и десятки других. И каждый следующий мир мы посещали вместе с новой шумливой толпой попутчиков. Любовались лунами, поселками, станциями, шаттлами и межпланетными кораблями. Очки сообщали в цветных фреймах все заслуживающее внимания:

пункты назначения, данные гражданского учета, содержание грузовых манифестов.

— Хочешь, покажу тебе Венерианский Желоб? — спрашивал он. — Или Риджбек-Сити на Япете? Знаю там интересные места с красивыми видами… Случалось ли тебе видеть, как скиммеры проныривают на Юпитере сквозь Большое Красное Пятно? А в рифовых городах возле Европы бывала?

— Я и на самой-то Европе не бывала.

— Эх, Лоти, в космосе столько чудесного! Жизни не хватит, чтобы все повидать. Вот закончим это дело… Надеюсь, ты мне позволишь покатать тебя по Солнечной системе. Пусть это будет моей привилегией, ладно?

— Сканда, я ведь всего лишь камнерез с Титана.

— Нет, Лоти, — произнес он жестким, почти приказным тоном. — Ты нечто бесконечно большее. Ты настоящий художник. У тебя талант, которого люди не проглядят и о котором не забудут. Уж поверь, я знаю, о чем говорю.

И я — вот же дура круглая! — поверила.

К тому времени, когда Игнвар перетянула меня на другую четверть катка, ансамбль отработал свое и собрал манатки. Холод прогнал людей с по-

ля, осталась лишь пара фигуристов — наверное, лучших, круживших друг дружку, как двойной пульсар.

— Говорят, они динамически нестабильны, — прокомментировала Ингвар, вглядываясь сквозь купол. — Наверное, это из-за влияния Тритона. Кольца Сатурна тоже нестабильны, если судить в масштабе сотен миллионов лет, но они многократно переживут здешние. Даже не знаю, что я чувствую при таких мыслях.

— Может, счастье? Будет исправлено нечто плохое.

— Гм… возможно. Но ведь ради их появления на свет была разрушена Наяда. И погибли люди. Эти жертвы стоят того, чтобы результат был более долговечным.

— Наш век всяко будет покороче. Вероятно, только это и имеет значение.

В меховом капюшоне качнулась вверх-вниз голова Ингвар.

— Быть может, к тому моменту, когда начнут рассеиваться кольца, мы их полюбим и решим сохранить. И конечно же, найдем способ… если сочтем это достаточно важным.

Теперь и я на них смотрела. Пыталась увидеть свежим взглядом.

Кольца Нептуна…

Они как ножевой шрам поперек лика планеты. Они почти не уступают красотой и величием кольцам Сатурна.

У Нептуна всегда были кольца, сказала я себе, но те, прежние — совсем тонкие, всего лишь ниточки дыма, в обычных условиях почти невидимые. Призрачное подобие нынешних.

Теперь же картина совсем иная. Резонансные воздействия Тритона и его меньших братьев сообща разделили эти кольца на узкие ленты. И концентрические кольца замерцали сотнями прекрасных оттенков самой что ни на есть небесной синевы, а также пастельной и яшмовой зелени. Вокруг Нептуна полным-полно ледяного и каменного щебня, и даже есть планетоид величиной с Наяду, и еще там уйма всевозможной химии, обманчиво отражающей и преломляющей электромагнитные волны.

Думаю, Сканда с самого начала держал эту картину в своем воображении. Наверняка он знал, какими красивыми получатся кольца: сущее чудо света, предмет восхищения для всей Солнечной системы. Но он не мог предвидеть их ошеломляющей сложности. Их истинной красоты.

А кто бы смог?

— Вы злы на него за то, как он поступил с вашим лучшим творением? — спросила Ингвар. — Помог вам изваять голову Давида, убедил, что эта скульптура вас прославит, хотя с самого начала планировал ее уничтожить?

— Я сделала то, за что мне заплатили. И как только закончила работу, забыла о Давиде.

— Вернее, убедили себя не заморачиваться. По вполне понятным соображениям. Но с тех пор всегда верили, что он там, да? Кочует себе вокруг Солнца, ждет, когда его найдут. Вы цепляетесь за надежду. — У Ингвар изменился тон. — Как думаете, Сканда гордился бы содеянным? Он с самого начала знал, чем все кончится?

— Ни о чем подобном я от него не слышала.

— Но вы же успели его немного изучить. Когда вакуумник добрался бы до облака Оорта, проснувшийся Сканда предал бы гласности свой поступок? Чтобы греться в лучах славы, зная, что он недосягаем для законов Солнечной системы. Или предпочел бы сохранить тайну?

— А вы сами как думаете? — с фальшивым безразличием спросила я.

— Собранные мною сведения о жизни Сканды Абруда, — ответила Ингвар, снова шедшая забавной неровной походкой, — не позволяют

заподозрить его в тяге к анонимности.

С тех пор как мы расстались со Скандой, я жила интересной, полноценной жизнью. По-прежнему резала камень. У меня было много любовников и друзей, и не скажу, что я была несчастна. Но в иные дни рана от предательского удара горела, как будто была получена вчера.

Мы почти закончили, еще пара недель на доводку — и голова будет готова. Она уже выглядела шикарно. Я в жизни не прикасалась к вещи, сравнимой с ней по красоте.

И вот Сканда вернулся из рубки, где он дистанционно заключал свои сделки. Ничто в его облике не внушало подозрений.

— Мне нужно ненадолго отлучиться.

— Отлучиться?

— Вернуться в главную часть системы. Там возникли кое-какие осложнения — с ними проще разбираться, когда не мешает временной лаг.

— Мы же почти управились. Не в моих привычках бросать почти готовое изделие — потом очень трудно вернуть нужный настрой.

— А тебе и не надо бросать. Мои люди отправили за мной корабль, и он очень скоро будет здесь. Оставайся, закончи работу.

Сканда разыграл целый спектакль: мол, пробле-

ма совершенно непредвиденная, но он разберется в два счета. И все же в глубине души я чувствовала: что-то неладно. Да и как его корабль может быть на подлете, если он не направился к нам несколькими днями ранее?

Я видела прибытие этого планетолета. Прелестная игрушка — гладкий и грациозный, как дельфин, и ненамного больше дельфина.

— Удовольствие не из дешевых, — объяснил Сканда, когда кораблик пристыковался, — но иногда мне нужно летать быстро.

Я задавила в себе сомнения.

— Не стоит извиняться за то, что ты богат. Был бы беден, не смог бы заплатить за голову Давида.

— Рад, что ты именно так смотришь на жизнь. — Поцелуем в щеку он предотвратил любые мои возражения. — К сожалению, у меня нет выбора. Могу лишь обещать, что не задержусь. Через две недели, от силы через три, снова буду здесь. Доделай Давида, а я по возвращении устрою приемку.

— Куда ты летишь? Тебе же здесь было так интересно. Про временной лаг понятно, но до сих пор он не требовал твоего возвращения. Что же такое важное случилось?

Он приставил к моим губам палец:

— Каждая секунда, проведенная мною здесь, —

это секунда, не проведенная мною в пути. Я должен слетать и разобраться. Когда вернусь, отвечу на все вопросы, и гарантирую — уже через пять минут ты уснешь от скуки. — Он снова меня поцеловал. — Давай работай. Выполни мой заказ. И помни, Лоти, мои слова. У тебя талант.

Что толку спорить? Я ему поверила. Все эти места, которые он нахваливал, чудеса и диковины Солнечной системы, что ждут не дождутся нас двоих… Он так глубоко загнал эту идею мне в подкорку, что я ни разу не заподозрила циничной, беспардонной лжи. Хотя, конечно, у меня не было расчета на брак с ним — не такая уж я наивная. Но несколько месяцев вместе — почему бы и нет? Венерианская Бездна, рифовые города Европы… Турне прославленной скульпторши в сопровождении ее любовника и спонсора. Кто бы от такого отказался?

— Поспеши, — шепнула я.

Сидя в смотровом пузыре, я глядела, как его кораблик отваливает от «Татя в ночи». У него был яркий выхлоп, и я следила долго, пока совсем не истаяло пятнышко света. К тому времени успела определить вектор перемещения. Мне он ни о чем не сказал, ведь Сканда мог лететь с промежуточными остановками или даже взять вначале

произвольный курс, чтобы сбить меня со следа. Возможен был и третий вариант: курс у кораблика правильный, а это значит, что у Сканды какие-то дела близ Юпитера.

Но даже это не открыло мне глаза на правду.

— И когда же вы узнали о вакуумнике? — спросила Ингвар.

— Довольно скоро. Спустя недели, а может, месяц-другой. Теперь это разве имеет значение?

— После того как он улетел с «Татя в ночи»… у вас еще были встречи?

— Нет.

Признание далось мне нелегко, поскольку заставило вспомнить, какой я была дурой, когда верила обещаниям Сканды.

— Он связался со мной с Юпитера. Даже о вакуумнике упомянул. Сказал, у него там родственник лежит, замороженный для путешествия. Ему-де надо обеспечить этому человеку достойные проводы.

— А родственником оказалась его жена, и Сканда должен был вскоре к ней присоединиться. Оба заплатили за ячейки на вакуумнике. В облако Оорта лететь собрались, строить для человечества мостик к этой туманности. А голова Давида еще не была закончена, так? И Сканда дал вам

новые инструкции? Для него по-прежнему была важна ваша работа.

— Сканда заплатил за нее, и не было причин сомневаться, что он вернется.

— Что же это были за инструкции? Кроме тех, что относились к голове?

— Когда его кораблик был пристыкован к «Татю», Сканда принес маркерный радиомаяк. Мне было велено прикрепить его к голове Давида.

— И для чего этот маяк понадобился? Вы не поинтересовались?

Я смущенно опустила глаза — ответить было нечем.

— У маяка был маневровый двигатель. Сканда его запрограммировал для коррекции полета камня по орбите. Один толчок — и голова взяла курс на столкновение с Наядой. Он все рассчитал. Гравитационная энергия спутника, кинетическая энергия импактора. Сканда знал, что у него все получится, что он раздробит спутник и превратит его в систему колец вокруг Нептуна. Величайший манифест художника, планетарная рескульптуризация, которая останется в веках.

Я шла и думала. Беседа наша была кособокой, под стать походке Ингвар. До сих пор трудные вопросы задавала спутница, но теперь настала

моя очередь.

— А вам-то что до всего этого? С чего вы взяли, что сумеете разгадать загадку? Вся Солнечная система уверена, что кольца образовались случайно. Почему вы считаете иначе?

Вопреки моим ожиданиям, Ингвар ответила не с раздражением, а чуть ли не с торжеством:

— Я ее видела.

— Что вы видели?

— Голову Давида. Своими глазами, за миг до удара.

— Вы там были?!

Внезапно Ингвар показалась мне очень старой и изнуренной, словно я присутствовала при завершении какого-то чрезвычайно масштабного и затратного предприятия, поглотившего десятки лет ее жизни.

— Я работала в Администрации. Пилотом одного из кораблей быстрого реагирования. Как только мы засекли приближение импактора, полетели навстречу. И приблизились достаточно, Лоти, чтобы увидеть дело ваших рук. Мы обстреляли камень, надеясь сбить его с курса или размолоть в щебенку. И даже было попадание, возле правого глаза Давида. Нас задело взрывом. Я потеряла управление, едва не погибла. — Она

перевела дух. — Корабль получил тяжелые повреждения. Я тоже.

— Что было потом?

— Корабль удалось восстановить, да и меня подлатали. Гораздо лучше, чем моего напарника. Но везение везением, а для работы в Администрации я уже не годилась. Отсюда и смена профессии.

— Стало быть, о голове вы знали с самого начала?

— Как и все в Администрации, кто пытался предотвратить катастрофу. Но за пределы нашего круга это не вышло. Если бы Солнечная система услышала о гибели людей на Наяде, пострадала бы наша репутация. Умолчали мы и о том, что импактор был обработан скульптором, ведь это означало умышленное преступление, а не стихийное бедствие. Проговорись кто-нибудь из нас — и очень скоро открылась бы вся правда. Весь ворох наших ошибок.

— У Сканды не было намерения губить людей. Он всего лишь хотел создать нечто потрясающее.

— И это ему удалось. Как бы то ни было, сейчас о случившемся знают только двое: вы и я. Вопрос стоит так: что нам делать с этим знанием?

Нет ли здесь не замеченной мною ловушки?

— Вы много лет этим занимались, складывали

картину по кусочкам, докапывались до истины. Нашли меня, установили мою причастность. Что ж, примите поздравления. Вы правы: я сообщница. Но как быть с тем, что я не знала, в какое преступление вовлечена? Администрация не откроет дело, поскольку настоящий виновник отсутствует. Вы не можете меня выдать.

— Вообще-то, могу. Но будет ли это правильно? — Ингвар задумчиво рассматривала свои ботинки. — Моя новая карьера сложилась удачно, стыдиться мне нечего. Я много работала, получила свою долю успеха. Правда, это были негромкие дела, так что мое имя в истории не останется.

— Но сейчас-то? — возразила я. — Если заявите о моей роли, прославитесь.

— И вас прославлю заодно, — кивнула Ингвар. — Подумайте вот о чем, Лоти: все, что вы сделали, каждый камень, над которым поработали, ваше творчество в целом — ничто по сравнению с головой Давида. А голова Давида — ничто по сравнению с кольцами Нептуна. Вы совершили акт волшебства; вы создали чудо. Это недоступно ни Иннингу с Тарабулусом, ни кому бы то ни было еще. И это единственное гениальное творение за всю вашу жизнь. — Тут в голосе Ингвар зазвучало благоговение. — Но вы

никому об этом не расскажете. Не посмеете даже туманно намекнуть — до самого смертного часа. Ни почестей, ни славы. А у меня только хромота и собачья лямка второй профессии. Сможем ли мы так жить, вот вопрос.

— А если я за себя отвечу «нет»?

— Ваше имя станет известным.

— Имя преступницы, засаженной Администрацией в какую-нибудь кутузку?

Ингвар пожала плечами — дескать, какой пустяк:

— Кто-нибудь другой не раздумывал бы ни секунды. Творческие люди даже на смерть идут ради шанса прославиться. А вам достаточно лишь признаться.

— Ну а вы?

— Я раскрыла тайну гибели Наяды. Привлекла к ответственности единственного оставшегося соучастника. Я тоже получаю свою долю удовлетворения.

— Только удовлетворения?

— Еще и беспокойства. Как я сказала, если правда всплывет наружу, она понравится не всем.

Я укоризненно покачала головой: Ингвар слегка разочаровала меня тем, что дала слабину.

— Так говорите, у меня есть выбор?

— Выбор есть у нас обеих. Думаю, нужно заключить соглашение. Если одна будет тянуть, а другая упираться, ничем хорошим это не кончится.

Я снова взглянула на Нептун: кольца, вихри, меланхоличная синяя ширь… И подумала о звезде, что сияла несколько секунд в созвездии Печь. Свет корабля, гибнущего в беззвучном взрыве субатомной энергии. Говорят, стремясь обогнать другие вакуумники, он развил запредельную тягу. Кто-то хотел первым застолбить облако Оорта. Жаждал славы…

Еще я слышала, что выживших не было. Катастрофу засвидетельствовали машины. Ну, еще немногие люди, чей взгляд в тот момент был случайно обращен к созвездию Печь.

— А ведь слава была бы что надо, — сказала я.

— Это так, — кивнула Ингвар.

— Мое имя гремело бы в веках. Как имя Микеланджело.

— Верно, — опять согласилась она. — Но Микеланджело мертв. Сомневаюсь, что ему теперь не все равно. — Ингвар похлопала по туловищу ладонями. — Что-то холодновато. Тут неподалеку неплохой бар, и в нем нет камнерезов. Как насчет посидеть там, потолковать об искусстве?

Во многих моих произведениях речь идет об

искусстве и деятелях искусства. Рискуя впасть в упрощенчество, скажу, что я об этом думаю. Я абсолютно убежден, что мой мозг создан для искусства, а не для науки. Я никогда не дружил с числами, и язык математики очень редко казался мне родным. Были планы после школы заняться иллюстративной живописью или литературным творчеством. Но в науку меня потянуло сильнее, я научился преодолевать мои аналитические ограничения и отложил искусство в долгий ящик. Я стал астрономом. Думаю, вполне естественно, что интерес к визуальному выражению однажды проснулся и стал просачиваться в мою прозу, хотел я того или нет. И этот рассказ о неудачной работе над скульптурой — тот самый случай.

Травмокапсула

Сознание возвращается ко мне в отсеке: он вроде душевой кабины, положенной на бок. Я лежу навзничь на поверхности с мягкой обивкой. Вокруг, на расстоянии вытянутой руки — белоснежные стены. Они загибаются и переходят в гладкий потолок с заглублениями и люками. Из отверстий змеятся трубки и кабели. Жужжат насосы, шипит и гудит вентиляция. Прямо надо мной с потолка смотрят глаза стереоскопической камеры.

Я дергаюсь: хочется поднять голову и хорошенько себя оглядеть. Защитную экипировку с меня сняли. На мне была экзоброня, а сейчас только легкий сетчатый костюм, и тот основательно изодрался. Я пытаюсь осмотреть конечности, но чьи-то руки осторожно возвращают меня в горизонтальное положение. Они торчат из отверстий у меня над грудиной, словно тянутся снаружи.

Руки совершенно нормальные, человеческие, в зеленых хирургических перчатках.

— Лежите спокойно, сержант Кейн, — велит женский голос. — Без паники. Все будет хорошо.

— Что… — начинаю я.

— Вот и отлично. Вы слышите нас и понимаете. Это обнадеживает. Вы и разговаривать способны. Это тоже обнадеживает. Но сейчас позвольте говорить мне.

Похоже, меня чем-то накачали, потому что спорить не хочется.

— Ладно.

Из-за панели выдвигается экран. На экране женское лицо. Зеленая медицинская форма, черные волосы, убранные под шапочку. Женщина смотрит прямо на меня, лицо ее до неприятного близко, губы шевелятся.

— Сержант, вы ранены.

Я растягиваю губы в улыбке:

— Да ну?!

Случившееся вспоминается не целиком, а урывками. Разведоперация с глубоким внедрением пошла не по плану. Я и еще двое… Их имена я сейчас вспомню. Патрульные дроны над головой. Вражеские мехи слишком близко. Силы, брошенные на подкрепление, слишком рассредоточены и нам не помогут. Окно эвакуации рассекречено. План операции выглядел не так.

Белая вспышка импульсной бомбы, разрывающая голову взрывная волна.

— Врача! — кричит кто-то.

Кто-то с голосом, очень похожим на мой.

— Вам повезло. Один из наших роботов-санитаров добрался до вас вовремя. Задействовал травмокапсулу и занес вас в нее. Таким образом, вы в капсуле. Она бронированная, с автономным энергоснабжением и способна поддерживать в вас жизнь до открытия эвакуационного окна. Санитарный модуль зачистил зону и создал эффект исключенного объема вокруг вашей капсулы.

Во рту пересохло. Теперь я примерно понимаю, где нахожусь, зато появляется ощущение, что с моей головой что-то не так.

— Когда… — начинаю я. — Сколько ждать… эвакуации?

— Вот-вот должна поступить уточненная информация. Ждать, вероятно, от шести до двенадцати часов, но это плюс-минус, в зависимости от того, что будет с театром.

Сперва я думаю, что речь об операционной — называют же ее хирургическим театром? — и зло недоумеваю, почему это касается меня. Вытащите меня из этой дыры, а уж потом решайте, как найти окно для моей операции.

Потом до меня доходит, что речь о другом театре.

— А я протяну столько времени?

— Об этом нам и нужно поговорить. Ваше состояние стабилизировалось, но опасность еще не миновала. — Женщина делает паузу. — Я доктор Аннабель В. Риот. На связь выхожу из передового хирургического пункта в Татьяне-Ольге. Мои коллеги и я будем с вами все время, пока вы в капсуле. После эвакуации курировать вас тоже будем мы. Понимаю, сержант Кейн, сейчас вы чувствуете себя как на необитаемом острове, и это вполне естественно. Но знайте — вы не один.

— Зовите меня Майком, — предлагаю я.

— Договорились, — кивает она. — А вы, если угодно, зовите меня Аннабель. Я здесь, Майк, всего в одном экране от вас. Вот, я даже коснуться вас могу. Вы чувствуете мои руки.

Это не ее руки, и мы оба это понимаем.

Под хирургическими перчатками — кости и сухожилия из металла и пластика. Это телеуправляемые руки робота, которые, в зависимости от ситуации, могут появиться в любой части капсулы. Где-то в Татьяне-Ольге сидит Аннабель в сенсорных перчатках — таких же, как мой сетчатый костюм, — обеспечивающих полное сенсорное взаимодействие с руками робота. Каждый синяк, каждую припухлость она чувствует так, словно находится в одной капсуле со мной. О

лучшем медицинском уходе я и мечтать не мог.

Но Аннабель не рядом со мной, что бы она ни внушала мне.

— Вы сказали, что мое состояние стабилизировалось. Не объясните, каков расклад?

— Ничего непоправимого. Правая нога пострадала сильно, и мне, увы, пришлось сделать ампутацию. Но ее несложно нарастить заново. Меня больше беспокоит не нога, а кровоизлияние в мозг. Им стоит заняться в ближайшее время.

Значит, хирургические системы капсулы уже занимались мной. Пока я был без сознания, мне ампутировали раненую ногу, зашили культю, удалили обрубок через окно сброса. Я знаю, как работают травмокапсулы, — нарастить новую ногу для них и впрямь реально.

Но операция на головном мозге…

— Вы хотите вскрыть мне череп прямо в этой штуке?

— Мы проведем вмешательство с минимальной инвазией, Майк. Риск, разумеется, присутствует. Только мешкать и бездействовать — еще рискованнее. Если не принять меры сейчас, вы можете погибнуть.

— Я был в отключке, а вы привели меня в сознание. Вот спрашивается, какого черта?

— Хотелось все обговорить. Отдайте распоряжение, и я приступлю к операции. Если предпочитаете рискнуть и дождаться открытия окна, я с пониманием отнесусь к вашему решению.

Интонация и выражение лица Аннабель предельно ясно говорят о том, как она оценивает мои шансы выжить при отказе от операции. Ненамного выше, чем если бы я до сих пор истекал кровью на поле боя. Но я не могу согласиться, не зная, есть ли у меня возможность спастись.

— Покажите мне, что за пределами капсулы.

— Это не поможет, Майк.

— Все равно покажите. Я был и остаюсь солдатом. Хочу знать, что творится снаружи.

Аннабель поджимает губы.

— Ну, если вы настаиваете…

В глазах у меня по-прежнему военные линзы, но я осознаю это, лишь когда вместо потолка капсулы вижу данные с внешней камеры.

Ничего хорошего снаружи меня не ждет, сомнений нет.

Я не спеша рассматриваю разбитую, зараженную местность — панорамирую, насколько позволяет камера. Я лежу плашмя или почти плашмя на плато, изрезанном воронками, окруженном развалинами не то торгового, не то офисного

центра. Метрах в пятидесяти от меня — перевернутый автомобиль, возможно, даже школьный автобус. Опора ЛЭП или ориентирная вышка упала и нависает над землей скелетом гигантского ящера. Над головой — облака горчичного цвета, тяжелые от ядовитых газов. На горизонте колышется плотный химический туман.

Вдали мерцают вспышки импульсных бомб. Потоки плазмы поливают облака. Мехи, гуманоиды, гиганты расхаживают по апокалиптической местности бывшего города. Я снова провожу визуальный разведпоиск, но не замечаю ни одного бойца-человека.

Удивляться тут нечему. По сути, эту войну ведут роботы, а нас, живых солдат, кот наплакал. Интересно, а остальные выбрались? Может, кто-то лежит в капсуле, как я, и ждет эвакуации. Может, все погибли.

Какого хрена меня вообще сюда занесло?!

Ах да… Разведгруппа дальнего действия. Теперь вспоминаются имена других. Рорвик, Ломакс, я — специалисты по робототехнике, получившие задание наблюдать за мехами, нашими и вражескими, в условиях реального боя. Зачем? Нам не объяснили. Только ведь слухами земля полнится. Болтали, что некоторые наши отряды выходят

из-под контроля. И вражеские тоже. Почему — никто не знал.

Гипотезы, впрочем, имелись. Мы наделяем мехов самостоятельностью, чтобы им не требовалось человеческое управление. Мы набиваем их мозгами, а потом гадаем, почему они поступают не так, как им велят.

Хотя сейчас это меня не касается.

Похоже, я пока что в безопасности. Санитарный модуль свою работу выполнил — не только затащил мое раненое тело в капсулу, но и о самой капсуле позаботился. Меня окружает невысокая стена из рваного камня и боевого утиля, возведенная наспех и служащая ширмой. Не для того чтобы похоронить меня заживо или усложнить эвакуацию — но чтобы заслонить от вражеских глаз, камер и оружия.

Я вижу санитарный модуль. Четырехметровый робот кружит у капсулы и никого к ней не подпускает. Линзы фиксируют опознавательный знак на роботе. Блок КХ-457, безголовый мобильный гуманоид с овальным отверстием — сквозной пробоиной — в корпусе. В мускулистых руках — ружья, установки для создания противоракетных помех, специализированные устройства для военно-полевой хирургии. Ноги на титановых

поршнях кажутся хилыми, а на деле они крепкие и ударопрочные, как стойка самолетного шасси. Выглядит гуманоид устрашающе, но он на моей стороне, и это главное.

Что случилось со мной, что стало с Ломаксом и Рорвиком — я не помню. Я за них больше не в ответе. «Врача!» — крикнул я, чисто на автомате. Мог и не кричать. Моя экзоброня, едва зафиксировав ранение — быстрее, чем нервная система, — наверняка вызвала ближайший санитарный модуль. Защитная экипировка наверняка оказала первую помощь (ничего серьезного, только временные меры). КХ-457 наверняка извлек из переднего нижнего отсека капсулу, опустил на землю и после первичного осмотра поместил меня внутрь.

При обычных обстоятельствах травмокапсула занялась бы мной, а робот вернул бы ее в отсек и рванул прочь из зоны боевых действий. Сегодня такой вариант не рассматривался: слишком велик был риск того, что робота перехватят и нейтрализуют. Я особо ценный кадр — по крайней мере, так говорят. Лучше оставить капсулу на ТВД под защитой робота, пока не высадятся эвакуаторы под плотным прикрытием с воздуха.

Тем временем санитарный модуль не ослаб-

ляет бдительности: то и дело поднимает руку и палит в небо из плазмопушки. Порой из-за облаков падает дрон. Большинство мехов наши, но изредка я замечаю и вражеские. Они здесь.

Ну, я увидел достаточно. Теперь ясно: лапшу на уши мне не вешают. Проводить эвакуацию сейчас и впрямь было бы самоубийственно.

Следовательно, если доктор Аннабель В. Риот права насчет кровоизлияния в мозг, мне действительно нужно лечь под нож.

Я смещаю ракурс обратно в капсулу. Поле боя стирается. Вместо него — снова белые стены, шипение и гул добросовестной системы жизнеобеспечения. Бестелесные руки, тянущиеся сквозь стены.

Я даю Аннабель согласие. Приступайте, устраните кровоизлияние.

А потом вытащите меня из этого ада.

Я прихожу в сознание. Первой приходит мысль, что я в безопасности, я вернулся в Татьяну-Ольгу. Я знаю это, потому что я больше не в травмокапсуле. Нет, вообще-то, я по-прежнему в капсуле, с такими же белыми стенами, как у первой.

Это не может быть первая капсула: в ней не хватило бы места. Я уверен, потому что в эту капсулу втиснули еще одно тело, еще одного ра-

неного солдата, чего в первой капсуле не смогли бы сделать. Очевидно, пока я был в отключке, пока меня оперировали, КХ-457 провел эвакуацию. Меня поместили в капсулу побольше, пока не найдется окно у нейрохирурга, или с кем там они договорились. Скоро начнутся улыбки и приветствия: «Добро пожаловать домой! Ты выполнил задание на отлично!»

Интересно, что случилось с моим соседом по капсуле?

А потом я вдруг осознаю, что сквозь изоляцию капсулы и фоновый гул медицинских систем периодически слышатся «голоса» импульсных бомб и плазменных пушек. Либо линия фронта значительно приблизилась к Татьяне-Ольге, либо я еще не дома.

— Майк, вы меня слышите?

— Да.

Аннабель сглатывает.

— Новости в основном хорошие. Кровоизлияние мы остановили, чему я очень рада.

— Не нравится мне это «в основном». Почему здесь еще один солдат? Почему вы переместили меня в капсулу побольше?

— Вы в той же капсуле, Майк. Мы вас не перемещали. Вы в той же самой капсуле, где были,

прежде чем я ввела вам общий наркоз.

Лежать вдруг становится неудобно, и я пробую повернуться на бок. Получается не очень, зато, кажется, мой молчаливый сосед повернулся точно так же, как я, — словно нас склеили.

— Говорю вам, здесь есть кто-то еще.

— Ясно… — Аннабель на секунду удаляется, что-то шепчет коллеге, потом возвращается ко мне. — Это… вполне ожидаемо. Майк, у вас повреждена правая лобно-теменная область мозга. Частью это спровоцировано кровоизлиянием, частью — нашим вмешательством. Хочу подчеркнуть, что реально осуществимых вариантов у нас не было. Если бы не операция, этот разговор вообще не состоялся бы. Сейчас у вас галлюцинация — ощущение себя вне тела, вызванное дефицитом ингибиторных систем, обеспечивающих нормальную работу зеркальных нейронов. На самом же деле вы один в капсуле. Поверьте мне на слово.

— Так же, как поверил заверениям, что операция пройдет без осложнений?

— Результат нужно считать успешным. Вы по-прежнему с нами и в стабильном состоянии.

Я снова пытаюсь пошевелиться, но голову словно тисками зажало. Не сказать, что больно, но

приятным это ощущение точно не назовешь.

— Это можно исправить или оно навсегда?

— Исправить можно почти все. Кстати, можно попробовать обходные маневры, пока вы в капсуле. Во время операции я поставила нейронные зонды в стратегически важных зонах. Во-первых, они дают мне гораздо лучшее представление о происходящем по сравнению с нечетким изображением, которое передает сканер самой капсулы. Во-вторых, они позволяют провести экстренное вмешательство.

Моя астральная проекция до сих пор меня пугает. Соседнее тело дышит вместе со мной, но кажется мертвым, как придаток, которому пора бы уже высохнуть и отвалиться.

Нет, ослаблять внимание нельзя!

— О чем это вы?

— Существуют неплохие карты нейронной цепи, отвечающей за ваши внетелесные переживания. В настоящий момент сигналы не доходят куда следует, — из-за кровоизлияния. С помощью зондов, которые я поставила, мы сможем обойти это препятствие. Считайте их закороткой в вашем мозгу. Если желаете, я попробую вернуть вам нормальное ощущение своего тела.

— Вопрос все тот же: зачем приводить меня в

сознание, если операция не завершена?

— Ответ все тот же: мне требуется ваше согласие. И еще — ваша субъективная оценка результата. Я сказала, что существуют неплохие карты нейронной цепи, но существуют и индивидуальные особенности, и стопроцентной уверенности в исходе того или иного вмешательства у нас нет.

— Другими словами, вы палкой взбаламутите мне мозги и посмотрите, что выйдет?

— На деле все чуть более наукообразно. Результаты вмешательства полностью обратимы, и, если есть возможность понизить уровень дистресса, небольшой риск кажется вполне приемлемым.

— Нет у меня никакого дистресса.

— Ваше тело утверждает обратное. Гормоны стресса на критически высоком уровне. Кожно-гальваническая реакция зашкаливает. Центр страха светится, как футбольный стадион. Но это понятно, Майк. Вы в зоне боевых действий, да еще с тяжелым ранением. Вы живы, лежите в высокотехнологичном гробу, а вокруг бушует война. В подобной ситуации любой был бы взвинчен и напуган.

Аннабель права: я взвинчен и напуган, да и

делить капсулу со своим астральным телом совершенно не хочется — но на миг боевой дух пересиливает все тревоги.

— Еще раз покажите мне, что творится снаружи.

— Майк, незачем беспокоиться о том, что от вас не зависит.

— Покажите, Аннабель!

Она негромко чертыхается, а я снова оказываюсь за пределами капсулы — смотрю, словно в перископ, на внешний мир через выдвижную камеру, установленную снаружи.

Поворот на триста шестьдесят градусов — я оглядываюсь по сторонам. Я по-прежнему там, где меня оставил санитарный модуль, по-прежнему за импровизированным кордоном из рваного камня и боевого утиля. Но похоже, я был в отключке не час и не два. Уже стемнело, инфракрасная подсветка камеры делает мир серо-зеленым. Лишь вспышки взрывов на горизонте и стробы в облаках позволяют оценить боевую обстановку.

Сколько длилась операция? Уверен, что дольше нескольких часов. Почему-то я совсем не чувствовал времени.

— Аннабель, пожалуйста, ответьте честно: как долго вы меня оперировали?

— Это не важно, Майк.

— Для меня важно.

— Хорошо. Восемь часов. Возникли осложнения, но вы выдержали. Разве не это самое важное?

— Восемь часов? И вы до сих пор на посту? Вы же говорили, что эвакуация ожидается в ближайшие шесть — двенадцать часов.

— Она еще вполне может произойти в этот промежуток времени. Я не бросила бы вас, Майк. Мы очень скоро вытащим вас отсюда.

— Не дурачьте меня! Нам обоим известно, что никакой эвакуации не будет как минимум до рассвета.

С этим не поспоришь, и Аннабель даже не пытается. Зона боевых действий опасна даже в лучшие времена, а ночью, когда земля остывает, при любом движении тебя засекут и возьмут на прицел. Я представляю, как моя капсула вспыхивает: ни дать ни взять неоновый могильник. Ясно, что сидеть здесь сложа руки нельзя.

— Давайте я попробую восстановить вам нормальное ощущение тела, — предлагает Аннабель.

В душе рвется какая-то струна. Хватит! Пора вспомнить, что я солдат!

— Дайте мне общую панораму ТВД! Хочу по-

нять, что творится здесь на самом деле.

— Майк, вряд ли вам стоит…

— Дайте мне общую панораму!

Аннабель вынуждена пойти мне навстречу. Я ведь по-прежнему особо ценный кадр, даром что ранен, а мои нынешние полномочия подразумевают, что я вправе диктовать условия.

Передо мной интерактивная карта зоны боевых действий в радиусе пятнадцать километров. В режиме реального времени я просматриваю панораму, скомпилированную на основе информации, которую собрали мехи, дроны, камеры и даже экипировка погибших или обездвиженных бойцов. В основном она собрана нашей стороной, но часть перехвачена у врагов. Уверен, нечто подобное есть и у них. Скомпилированные данные подаются мне на линзы. С помощью мысленных команд я могу разлагать и детализировать изображение как хочу.

Я изучаю карту, понимая, что должен был сделать это раньше, а не слушать заверения Аннабель о том, что все будет тип-топ.

У меня большие неприятности.

В мою сторону движется вражеская автоколонна. Пока она в десяти километрах, но постепенно приближается. Врагам, может, и неизвестно, что

я здесь, но гарантии нет. Медицинский модуль — стопроцентное доказательство того, что поблизости лежит раненый, а разве враг упустит шанс поймать и уничтожить ценный человеческий кадр? Я определяю численность приближающегося врага и состав автоколонны. Я сравниваю силу врага и своего единственного союзника — санитарного гуманоида. У КХ-457 есть серьезное оружие и средства противодействия, но что все это против десятка с лишним вражеских мехов и дронов? Ничто. Не стоит уповать на то, что ни один из них не заметит моего убежища.

Тогда и включается реакция типа «борьба или бегство». Реакция бурная, кислотная, словно в организм впрыснули страх. Я не намерен сидеть на месте и надеяться на удачу. Нужно двигаться, причем немедленно.

Разумеется, это тоже рискованно, особенно ночью, поэтому эвакуация и откладывается. Но в сравнении с шансами выжить после прихода врага побег вдруг кажется куда привлекательнее.

Я смещаю ракурс обратно в капсулу.

— Скажите гуманоиду, пусть поднимает меня. Пора отсюда уходить.

— Майк, я не могу отдать такого приказа.

— Не можете или не хотите?

— Сейчас мы проводим моделирование данных, и, по статистике, ваши шансы выжить будут значительно выше, если вы останетесь на месте.

— Насколько выше?

— Настолько, что я убедительно прошу вас как следует обдумать свои планы.

Будь преимущества столь убедительны, Аннабель выложила бы все без обиняков. Голова у меня по-прежнему словно в тисках, но если бы я мог покачать ею, то покачал бы.

— Позовите гуманоида.

— Майк, пожалуйста!

— Позовите! Если человека отправляют в зону боевых действий, значит его здравому смыслу доверяют.

Аннабель уступает. О приближении КХ-457 я знаю, даже не глядя в камеру; гремят сдвинутые валуны, потом капсула наклоняется: робот отрывает ее от земли. Меня поворачивают на девяносто градусов, и наконец голова оказывается выше ног, точнее — я напоминаю себе — ноги. Глухое «бум» звучит успокаивающе: капсула заполняет овальное отверстие в корпусе модуля. Системы стыкуются — энергетическая, регулирующая, сенсорная. Я больше не раненый в гудящем гробу: теперь я дитя в чреве робота-убийцы, и это

впору считать прогрессом.

— Что прикажешь? — осведомляется робот.

Вспоминая диспозицию вражеских сил, я сперва велю КХ-457 отнести меня подальше на запад. Потом решаю: есть кое-что лучше пассивной поездки. Чтобы управлять роботом, шевелиться не нужно. Остатки сетчатого костюма легко угадают мои намерения, распознáют малейшее нервно-мышечное возбуждение и отреагируют соответственно.

— Давай я тебя поведу!

— Майк, — вмешивается Аннабель, — лишняя нагрузка вам ни к чему. Если вы настаиваете, пусть робот извлечет вас из капсулы. Но вести его вам точно не нужно. В нынешнем состоянии ваши рефлексы не сравнятся с боевыми установками робота.

Если погибать здесь, то в результате собственных действий, а не как мертвый груз.

— Аннабель, я знаю, что делаю. КХ-457, передайте мне все функции управления. Оставайтесь на связи до дальнейших распоряжений.

Ракурс снова меняется. Головы у санитарного модуля нет, зато есть целый набор камер и датчиков, вмонтированных в плечевой сустав, с высоты которого я сейчас смотрю.

Смотрю я на себя. Я чувствую себя ростом с КХ-457, а не запертым внутри отсека, в теле куда меньшего размера. Титановые руки и ноги двигаются по моей воле, словно они — часть меня. Я снова ощущаю себя целым и сильным. Призрачный двойник по-прежнему рядом, но беспокоит меня куда меньше, чем когда я томился в травмокапсуле.

Нет, разумеется, я по-прежнему в капсуле. Нужно напоминать себе об этом, чтобы не потерять связь с реальностью.

Мы с КХ-457 движемся на запад. Точнее, мы с КХ-457 и Аннабель: когда руки в перчатках поправляют мне повязку на ноге, или катетер в руке, или послеоперационный зажим на голове, нельзя не чувствовать, что она путешествует вместе со мной, что мое благополучие для нее на первом месте. Совершенно очевидно, что мое решение сняться с места пришлось Аннабель не по душе, но я рад, что мне есть с кем поговорить.

— Аннабель, давно вы в Татьяне-Ольге? — интересуюсь я, проходя мимо задымленных руин некогда роскошного, кондиционируемого молла.

Аннабель тщательно обдумывает мой вопрос.

— Уже восемнадцать месяцев. Меня перевели из Елены-Жука, а до этого была Чайка-Зоя.

— Чайка-Зоя, — повторяю я чуть ли не с благоговением. — Говорят, там было по-настоящему солоно.

Аннабель кивает. Ее лицо визуализируется в окошке у меня перед глазами, отвлекая от изменчивого танца прозрачных слоев с данными тактического анализа, на которых отмечена каждая потенциальная угроза, каждое место потенциальной засады.

— Нашу работу прекратили. — Смешок Аннабель звучит глухо, но чувствуется, что воспоминание еще свежо и болезненно. — Дело было до запуска новых капсул. Старые модули не обладали автономностью, к которой мы привыкли сейчас. В ту пору мы занимались дистанционной хирургией круглосуточно. Падали с ног от усталости и стресса, хотя находились не на ТВД. Спасли мы очень многих, но как подумаю о тех, кого спасти не удалось…

— Уверен, вы сделали все от вас зависящее.

— Надеюсь, что так, но всесильных людей нет. На чудеса мы не способны даже сейчас.

— Что бы ни случилось со мной, вы, Аннабель, сделали максимум возможного. Спасибо, что не бросаете меня столько часов подряд.

— Я не оставлю вас, Майк, чего бы мне это ни

стоило.

— Надеюсь, нам удастся встретиться, — говорю я, чувствуя, что сглазил себя этим и теперь не выберусь отсюда живым. — Хочу поблагодарить вас лично.

— Мы наверняка встретимся, — обещает Аннабель, лучезарно улыбаясь.

В этот момент я ничуть не сомневаюсь, что благополучно выберусь отсюда.

Тут наблюдательная система засекает эскадрилью вражеских дронов, появившихся из-под облачной гряды. Мои датчики их не почувствовали.

Я оглядываюсь по сторонам, решая, где бы спрятаться, и выбираю ангар из рифленого листа — прежде там стояли аттракционы. Я пробираюсь сквозь горы мусора, сквозь почерневший серпантин американских горок, пока не появляется уверенность, что дроны не уловят моих инфракрасных и электромагнитных сигнатур. Под титановыми ногами — сломанные механизмы и тела. Я с хрустом топчу разбитых пластиковых лошадок и толокаров-сороконожек.

— Придется отсидеться здесь пару часов, пока дроны не улетят.

Я опускаюсь на корточки и отключаю основные

системы. Энергия, в минимальном количестве, подается лишь в капсулу и в ядро центрального процессора КХ-457.

— Как вы поймете, что опасность миновала?

Каркас здания нарушает работу систем связи и наблюдения.

— Никак. Но если дроны прибыли для обычной разведки, опасность минует, едва они улетят.

— Значит, я могу заняться восстановлением нормального ощущения тела?

— Астральная проекция сейчас пугает меня куда меньше.

— Тем не менее позвольте мне этим заняться. Такое нужно пресекать в зародыше, не то при выздоровлении проблема станет очень серьезной.

Я мысленно поджимаю плечами:

— Если вы считаете, что так лучше…

— Да, я так считаю, — отзывается Аннабель.

Я решаю прождать два часа, потом еще час — для пущей верности. И вот я медленно выбираюсь из парка аттракционов. Фактически я снаружи. Система наблюдения должна восстановиться вместе со связью, но этого не происходит. Покрытие до сих пор частичное. Я получаю разведданные от глаз и ушей, но лишь от тех, что поблизости, не дальше чем в нескольких ки-

лометрах от меня. Возможно, проблема в моих собственных системах, но, вероятнее всего, под атаку попал критически важный узел нашей распределенной сети. Вдруг те дроны искали не меня, а слабое звено в нашей системе связи?

Еще темно, и, возможно, дроны еще здесь. Остается надеяться, что они уже улетели, а колонна вооруженных мехов ушла своей дорогой. На восстановление системы наблюдения может уйти несколько дней. Так долго ждать я не в состоянии. Лучше погибнуть в пути, чем загнуться здесь, прячась от невидимого врага.

— Подождем до рассвета, — говорю я Аннабель. — Тогда и при неважном освещении можно будет более-менее спокойно двигаться по открытой местности.

— Как вы себя чувствуете?

— По-другому.

Это, конечно, не вся, но тем не менее правда. Моя астральная проекция исчезла, лишнее тело ко мне больше не липнет. Тут впору радоваться, ведь получается, что нейронная кроссировка от Аннабель возымела эффект. А я совершенно не чувствую радости.

И еще что-то теперь по-другому. Дело не в расстройстве от астральной проекции. Ее больше

нет, и слава богу! По-другому ощущается мое собственное тело. Теперь оно эдаким рудиментарным придатком болтается на периферии поля зрения, словно не принадлежит мне. Я не живу в нем и не имею ни малейшего желания жить. Отделаться бы от него! Прежде оно вызывало у меня апатию, а теперь — отвращение.

Я сохранил достаточную беспристрастность в суждениях, чтобы понимать: это неврологическая реакция. Серьезнейшим образом нарушилось ощущение собственного тела. Ощущение себя, осознание того, что мне по-настоящему важно, словно отделилось от израненного человеческого тела и переселилось в совершенный бронированный корпус санитарного блока.

В общем, хрень полная.

Хрень не хрень, а возвращаться к старому не хочется. Не хочется совершенно: теперь я больше и сильнее. Я ступаю эдаким колоссом по истерзанной земле. Немощное тело меня бесит, но ничего, я потерплю. В конце концов, я от него завишу. Да, однозначно завишу.

Есть одна проблема, которую нужно решить.

Связь никуда не годится. Система наблюдения — мозаика из «белых пятен». Как же, черт подери, доктор Аннабель В. Риот связывается со мной

из Татьяны-Ольги? Как управляет волшебными руками в зеленых хирургических перчатках?

Более того, как доктор Аннабель В. Риот в принципе может со мной разговаривать? Как я могу видеть ее вечно улыбающееся, вечно бодрое лицо?

— Не надо, Майк.

— Что «не надо»?

— Не надо делать того, что вы собрались сделать. Не проверяйте протокол обмена данными. Ни к чему хорошему это не приведет.

Я даже не думал проверять протокол обмена данными, но теперь, после подсказки Аннабель, идея кажется отличной.

Я захожу в историю приема-передачи данных, прокручиваю протокол на минуты, десятки минут, часы назад.

15.56.31.07 — ноль валидированных пакетов
15.56.14.11 — ноль валидированных пакетов
15.55.09.33 — ноль валидированных пакетов
…
11.12.22.54 — ноль валидированных пакетов

Так я выясняю, что КХ-457 не поддерживал связь ни с Татьяной-Ольгой, ни с другим командным сектором более девятнадцати часов. Все это время он работал совершенно автономно, опи-

раясь на встроенные средства искусственного интеллекта.

То же самое относится к травмокапсуле. С момента активации — еще до того, как я оказался в ней и получил медицинскую помощь, — она тоже функционировала без человеческого управления. Не было доброй докторши по ту сторону экрана. Был только… софт, достаточно быстрый, гибкий и адаптивный, чтобы изобразить присутствие заботливого человека.

Доктор Аннабель В. Риот.

Доктор Аннабель В-рет.

Где запущен этот софт — в травмокапсуле или у меня в голове? Вопрос только в этом.

Нашли меня днем. Нет, не враги, а свои, хотя, пожалуй, на этом этапе разница не принципиальна.

Я отыскиваю приложение громкой связи, и мой голос кажется мне чужим — низким и глубоким.

— Не приближайтесь!

Двое в полной боевой экипировке, при них два меха-пехотинца. У мехов — портативные плазмопушки, нацеленные на меня.

— Майк, послушай! Тебя ранили. Ты укрылся в травмокапсуле, и… что-то пошло не так.

Какая-то часть сознания узнает голос — это

Рорвик? Или Ломакс? Но это маленькая и слабая часть, ее легко заглушить.

— А ну назад!

Говорящий со мной держится спокойно и уверенно, хотя его спутник испуганно подогнул колени. Такая смелость восхищает, пусть даже я не до конца ее понимаю. Потом говоривший со мной решается на еще более рискованный поступок — сдвигает бронемаску в сторону, пока она не фиксируется на креплениях. Гермошов обрамляет женское лицо. «Знакомая…» — шепчет маленькая, слабая часть сознания, но я снова велю ей молчать.

— Майк, ты должен довериться нам. Помочь тебе мы сможем, только если ты оставишь управление санитарным блоком. У тебя черепно-мозговая травма, и очень серьезная, ею нужно заняться, пока не возникли осложнения.

— Я не Майк, — заявляю я. — Я санитарный модуль КХ-457.

— Нет, Майк, КХ-457 — робот, который тебя лечил. У тебя расстройство схемы тела, и только. Неврологическое нарушение, вызванное повреждением лобной коры. Ты внутри робота, но ты — не его часть. Это очень, очень важно. Майк, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — отвечаю я. — Но ты ошибаешься. Майк погиб. Я не смог его спасти.

Женщина переводит дух.

— Майк, слушай меня внимательно. Мы должны тебя вернуть. Ты ценный кадр, мы не можем тебя потерять, особенно в свете последних событий. Там, внутри робота… небезопасно. Нужно, чтобы ты оставил управление санитарным роботом и позволил нам отсоединить травмокапсулу. Тогда мы сможем забрать тебя в Татьяну-Ольгу и привести в порядок.

— Я и так в полном порядке.

— Майк…

Женщина хочет что-то сказать, но отказывается от своей затеи. Возможно, она решает, что переубеждать меня слишком поздно. Вместо уговоров она поворачивается к спутнику, двигает бронемаску на место и кивает в ответ на фразу, которую мне не удалось перехватить.

Плазмопушки открывают огонь. Я сильный, в крепкой броне, но с двумя пехотными единицами не справлюсь. Впрочем, они и не стремятся вывести меня из строя. Залпы летят мимо меня, бóльшая часть их энергии достается крытой парковке, покосившейся, с этажами, похожими

на геологические слои. Лишь один залп задевает мне руку. Я регистрирую периферийную абляцию брони, потерю стрелковой функциональности предплечья, частичное отключение датчиков. Такое повреждение лишает меня возможности контратаковать, но ядро процессора они не тронули.

Ну разумеется, не тронули. На меня им плевать — наивные, они по-прежнему думают о солдате, которого мне следовало спасти. Они хотят дезактивировать меня, но не сделают ничего опасного для живого трупа, которого я несу в себе. Вот, лишили меня зубов и когтей, наполовину ослепили — и теперь надеются разобрать меня, как сложную головоломку, как часовой механизм, и не повредить мой едва дышащий груз.

Само собой, я этого не потерплю.

— Остановитесь! — говорю я.

Они останавливаются. Плазмопушки мерзко светятся розовым. Следящие за мной люди смотрят выжидающе, опасливо.

— Отдай нам Майка — и мы оставим тебя в покое, обещаем!

На самом деле это означает: «Отдай нам Майка — и мы с удовольствием спалим тебя дотла».

— Вы можете вернуть Майка, — говорю я. — Да-

же целиком.

Люди снова обмениваются беззвучными фразами.

— Хорошо, — говорит женщина, но так, словно едва верит своей удаче. — Это хорошо.

— Вот первая часть.

Пока мы с ними чирикали, я времени даром не терял. Вроде раненый, вроде поддерживаю разговор — а сам работал, работал, работал…

И как работал! Операцию я провел изумительно, пусть даже хвастаюсь сам перед собой. Травмокапсула способна практически на все — с ее блестящими острыми инструментами. Прелесть в том, что мне ничего не требуется знать о медицине. Я говорю капсуле, что именно нужно сделать, а остальным занимаются автономные системы. Ну а я могу разбираться в хирургии не больше, чем простой обыватель — в работе системы пищеварения.

Скажи я, что Майка можно обстругать по максимуму, лишь бы сохранить в неприкосновенности центральную нервную систему, — травмокапсула сделала бы именно так, а по окончании работы удалила бы лишнее через окно сброса: не в виде пепла, не в раздробленном состоянии, а целиком, через окно сброса в переднем нижнем

обтекателе, чтобы не возникало вопросов о биологическом происхождении материала.

Это важно, ведь люди-свидетели должны понимать, что я настроен серьезно. Они должны уяснить, что это не пустые угрозы. Мне Майк совершенно не дорог, зато очень дорог им, что по жуткой иронии судьбы делает его ценным и для меня.

Пока Майк в моем чреве, жизнь мне гарантирована.

Я отступаю, позволяя им осмотреть мой «подарок». Сперва им невдомек, что́ перед ними, лишь после небольшой паузы их охватывает ужас. Они наконец разбираются, что к чему. Вокруг, на земле, немало Майка. Не нужно быть нейрохирургом, чтобы понять: во мне осталось еще больше.

— Вот как мы сейчас поступим, — начинаю я. — Вы дадите мне уйти. Как вам известно, я безоружен. Да, вам по силам меня уничтожить. Но как вы думаете: получится нейтрализовать меня и добраться до капсулы, прежде чем она отключится?

— Не делай этого! — просит женщина; громкая связь доносит ее голос из-под бронемаски. — Мы договоримся. Что-нибудь придумаем.

— Так мы уже договариваемся.

Выбрав момент, я поворачиваюсь к ним спиной. Датчики повреждены, и я, честное слово, не представляю, чем заняты мои враги. Может, они решили, что я уже расчленил Майка. Может, плазмопушки перезаряжаются. Если так, когда настанет время, я не почувствую ничего.

Шаг за шагом я отдаляюсь от них. Откуда ни возьмись, появляется некое подобие плана. Я в безопасности, пока Майк во мне. Хотя, если честно, лучше уничтожить себя, чем разгуливать с такой начинкой.

Едва укрывшись от шпионских глаз и разведчиков-дронов, я извлеку останки Майка из травмокапсулы и разобью его центральную нервную систему, превращу ее в розовато-серое месиво.

Майк без нее страдать не будет. Он давно свое отстрадал.

И я тоже.

Тот самый случай, когда название появляется раньше сюжета. Однажды я прочел статью о том, как в США военная медицина переходит на новую ступень, используя робототехнику и технологию телеприсутствия. Ожидается создание «капсулы», куда будет помещаться для

лечения, в том числе хирургического, раненый солдат, — и это прямо на поле боя. Я придумал для этой штуки название «травмокапсула», а потом дождался рождения сюжета. Получив предложение написать рассказ о какой-нибудь разновидности силовой брони для антологии, которую составлял Джон Джозеф Адамс, я решил, что пора стряхнуть с залежавшегося названия пыль.

Похитители воды

Мальчонка снова просит у меня глаз. Мальчонка видел, как я этой штуковиной пользуюсь. Когда сижу на матрасе на корточках, а глаз лежит передо мной.

Вот же липучка! Клянчит и клянчит, ноет и ноет. И с чего ему так приспичило?

— Извини, дружок, — говорю. — Самой нужен. Я без него не смогу ничего заработать, и тогда мы с дочкой останемся без пропитания.

Мальчишка совсем кроха, даже слов таких не знает, но все-таки до него доходит их смысл. Он срывается с места и убегает, лишь разок задержавшись, чтобы оглянуться. Когда я уйду на работу, что ему помешает залезть в морской контейнер и стянуть глаз? Но пока он ни в чем подобном не замечен. Да и есть в его мордашке что-то такое, внушающее доверие.

В лагере беженцев честность ценится выше всего. Правда, никто не называет это место лагерем беженцев, официально оно «База обеспечения трудовых ресурсов и перемещенных лиц». Я тут шесть лет прожила. Моей дочке двенадцать; внешний мир она почти забыла. Юнис славная

девочка, учиться любит, ну да что проку здесь от той учебы? Мы обе достойны лучшей доли. Пракаш обещал: если накоплю достаточно квалификационных баллов, нас переселят.

Я верю Пракашу. Да и как тут не поверить…

Сижу на матрасе в контейнере. Двери сняты, в стенках прорезаны дыры. В углу с потолка свисают китайские колокольчики — куски помятых алюминиевых стоек от палатки. В безветренный день они молчаливы, как сталактиты.

Инструментарий виртинга у меня скуден. Это глаз, линзы, наушники и футболка. Все дешевое, секонд-хенд. Кладу глаз на обувную коробку, настраиваю — должен замигать фиолетовый значок. Готово. Надеваю наушники. Футболка — ультрамаринового цвета, с китайским слоганом и счастливыми плещущимися дельфинами — слишком тесная для взрослой женщины, но датчики поворачивания экрана и постурального контроля исправны.

Включаю виртинг. Линзы уносят меня из реальности в глобальное рабочее пространство.

— Добрый день, Пракаш, — здороваюсь.

Его голос разом и близок, и далек:

— Что-то ты припозднилась, Соя. А для тебя была парочка интересных нарядов.

Подмывает извиниться, но я благоразумно молчу. Какой смысл оправдываться перед этим человеком? Нынче утром я дважды ходила за чистой водой, потому что в нашу зону пробрались какие-то негодники из соседней, пытались украсть воду, но только сломали насос.

— Что-нибудь наверняка осталось.

— Ну да, — рассеянно отвечает Пракаш. — Давай посмотрим.

Если бы Господь был мухой, это бы происходило внутри Его головы. Я облеплена тысячью непрестанно меняющихся фасет. Каждая представляет наряд на выполнение определенной работы. Фасеты одна за другой расширяются и сужаются, это Пракаш выдает предложения. Тут и описание задачи, и размер вознаграждения, и требуемый набор навыков, и возможная степень повышения квалификации. Одна за другой фасеты спархивают с меня, как птицы с насеста.

— Дорожный ремонт! — заявляет Пракаш с такой торжественностью, словно эта перспектива должна меня окрылить. — В центре штата Лагос. Тебе не в новинку.

— Нет уж, спасибо. С такой работой мартышка справится, да и платят гроши.

— Мытье окон. Частный художественный

музей в Каире. Там сломался штатный робот, а завтра торжественное открытие.

— Окна я когда-то мыла… в незапамятные времена.

— Сложный ты все-таки клиент, Соя. Нельзя быть такой переборчивой. — Долгий носовой выдох, со свистом, как из проколотого колеса. — Ладно, глянем, что еще у нас имеется. Биорекультивация в Черном море. Уход за системами контроля и сдерживания цветения водорослей.

Другими словами, выковыривать слизь из насосов.

— Дальше.

— Гибралтарский мост, подводная инспекция. Восьмичасовая смена, приличная тарифная ставка, самый верх твоего квалификационного уровня.

— Но я должна через три часа забрать из школы дочку. Найди что-нибудь покороче.

Тяжкий страдальческий вздох.

— Ремонт волновой стенки на адриатическом побережье. Обрушилась ночью при шторме. Четыре часа, хороший гонорар. Заказчики требуют срочной починки.

— Мне нужно позвонить. — Я надеюсь, что кто-нибудь заберет Юнис из школы.

— Не тяни, ладно?

Я возвращаюсь к Пракашу и успеваю получить забронированный для меня наряд. Вкалывать буду не одна — на Адриатическом море случилась локальная катастрофа, и сотни роботов, гражданских и военных людей уже восстанавливают защитные сооружения. Задача не из мудреных, с такой и ребенок бы справился, имей он силу ста взрослых. Надо перемещать каменные блоки, разбрызгивать быстротвердеющий цементный раствор.

Позже я узнала, что при обрушении стены утонуло пятнадцать человек. Мне их, конечно, жаль, сердце ведь не камень. Но если бы они не погибли, не видать бы мне этой работенки как своих ушей.

Заканчиваю поздно. Звенят колокольчики — значит, потянуло ветерком. А все равно жара как в печи. Жутко хочется пить, болит спина — я ведь каждый день ношу воду.

На другом краю поселка гудят ночь напролет дизельные генераторы. Отдыхаю, слушаю колокольчики. Их хаотичный перезвон наводит на мысли о трудящихся в мозгу нейронах. Работа разума, нейронаука — интереснейшие темы. Дома, в Дар-эс-Саламе, у меня были амбициозные

планы. Я хотела стать врачом.

Встаю с матраса, разминаюсь, выгоняю из тела немоту. Иду за Юнис. Вдруг слышу шум — какая-то свара возле одной из больших общественных палаток. Здесь такое случается часто и обычно меня не касается, но я предпочитаю быть в курсе.

Слышу оклик:

— Соя!

Это Бусуке, моя подруга; у нее два сына.

— За Юнис не волнуйся, — говорит она. — Фанте пришлось уйти, но она передала девочку Рэметю. Выглядишь устало.

А как еще мне выглядеть?

— Что происходит?

— Ты еще не слышала? — Бусуке переходит на заговорщицкий шепот: — Поймали наконец гадину. Далеко не ушла — обожглась об электрическую ограду и спряталась. На рассвете побежала к воротам, надеялась проскочить, но ее сцапали.

Это что же, вор — женщина?

— Не хотела бы оказаться на ее месте.

— Говорят, мерзавку хорошенько отдубасили, прежде чем подоспели миротворцы. А сейчас вовсю спорят, нужно ли ее лечить.

— Для одной женщины много ли нужно ле-

карств?

— Вопрос принципа, — жестко отвечает Бусуке. — Вору — ни капли воды, ни ампулы антибиотика.

— Ну, не знаю. — Разговоры на тему воды — это не мое. — Пойду-ка я Рэметю разыщу.

— Ты такая трудяга, — хвалит Бусуке.

Как будто у меня есть выбор.

Наш лагерь — сущий лабиринт из модульных домов и палаток, и поначалу мне ничего не стоило тут заплутать, но теперь найду дорогу хоть с завязанными глазами. Над жилищами плывет Луна, от жары по ней гуляет рябь. Полная Луна сулит самые худшие беды, говаривала моя мать. Но я не суеверна. Это ведь просто камень, на котором поселились люди.

Мои линзы тонируют Луну, выявляют на ней политические границы. Америка, Россия, Китай и Индия застолбили самые большие территории, но и Африке клочок достался, мне на радость. Я частенько показываю его дочке, намекая, что есть у нее шанс на будущее: «Этот лагерь — не вечная тюрьма, когда-нибудь ты отсюда выберешься. Отправишься на Луну и будешь там вершить великие дела».

Замечаю яркую звездочку. Это, должно быть,

японская орбитальная энергостанция в процессе монтажа. Наслышана я о таких. Станции, когда достроят, переместят на высокие орбиты, чтобы они своими зеркалами ловили солнечный свет и поливали им Землю. Эта энергия пойдет на разные полезные дела: к примеру, можно выращивать вдоль морских берегов опресняющие водоросли. И тогда воды у нас будет хоть залейся.

Вот только я в жизни еще не видела ни одной энергостанции, и это меня беспокоит.

Забираю у Рэметю дочку. Юнис не в духе — проголодалась, изнервничалась. Пытаюсь ее отвлечь, но на Луну она смотреть не хочет. В ближайшем пункте питания еды нет, но мы ловим слушок, что она имеется в зеленом секторе. Ходить туда нам не положено, да только мы уже ходили, и никто вопросов не задавал. По пути Юнис расскажет, как провела день в школе, а я ей о своей работе расскажу, о бедолагах, мыкающихся на адриатическом побережье.

Позже, когда она уже спит, я иду в общественную палатку. Днем там яблоку негде упасть, а вечерами свободно, но сегодня народу почему-то полно.

Пробираюсь среди таких же, как я, беженцев,

и вот передо мной похитительница воды. Ее держат на импровизированной койке, то есть на столе с матрасом, вокруг — миротворцы в белых халатах и санитары в зеленых комбинезонах. Присутствует и доктор, молодой ливанец. Большой начальник, судя по уверенным и властным повадкам. Но это ненадолго. Ветераны у нас сплошь нервные, издерганные.

Вижу трех «богомолов». Медицинские роботы субтильны, но все равно выглядят жутковато, очень уж много у них конечностей. Роботу полагается живой ассистент, чтобы управлял по вирт-связи, хотя эти сложные и дорогие машины способны оперировать и самостоятельно.

Легкими телесными женщина не отделалась, ее отдубасили до полусмерти. Один из медиков-людей меняет на капельнице мешок. Воровка лежит без сознания, голова повернута набок, не в мою сторону. На вид она не намного старше Юнис. Кожа вся в ожогах, разрывах и синяках.

— Голосовать будут, — сообщает подобравшаяся ко мне Бусуке.

— Ну а как же! Голосовать мы мастера. Был бы повод.

В печенках у меня сидит наша бурная микродемократия. Как будто мы героически взялись

воспроизвести здесь в миниатюре великие институции, которые во всем мире накрылись медным тазом. Недели не проходит, чтобы не считались черные и белые шары.

— Не за жизнь или смерть, — объясняет Бусуке. — Мы не собираемся убивать эту женщину. Всего лишь откажем ей в дорогостоящем лечении.

— Это и есть убийство.

— Но почему врачи обязаны с ней возиться? Они что, другим больным не нужны? А лекарства?

— Если бы сразу ее прикончили, прямо там, где поймали, оказали бы всем нам услугу.

Да, это жестоко, но сейчас я на самом деле так думаю.

Утром на глаза попадается телевизор, установленный на штабеле коробок из-под медикаментов. На экране хитросплетение сияющих линий, бег блестящих чешуек к узловым точкам. Движение машин и людей в невесомости. Индиговый изгиб планеты, вид из околоземного пространства. Внизу из ночи выплывает Африка, над ней ни облачка. Хочется помахать самой себе.

Не сразу, а постепенно, урывками я узнаю, что на японской энергостанции случилась авария.

В нее врезался индийский межорбитальный буксир, и теперь спешно принимаются меры по спасению монтажников. Там, конечно, в основном трудились роботы, но и людей набралось немало — десятки мужчин и женщин.

Позже нам сообщают, что из-за столкновения станция изменила свою ориентацию и зеркала теперь с Земли видны гораздо ярче.

А еще в новостях предупреждают о свирепых ветрах. Я бы солгала, сказав, что не жду от этой напасти ничего хорошего для себя.

Опускаюсь на корточки перед мудрым багровым глазом, вхожу в глобальное рабочее пространство — и застаю Пракаша совсем поплывшим. Замотался бедный, распределяя наряды. Решаюсь спросить, не найдется ли для меня дела на орбите.

— Да, помощь там нужна, — сообщает Пракаш. — Но напомни-ка мне, Соя, насчет твоего космического стажа. Сколько трудочасов с учетом временного лага и невесомости?

Это риторический вопрос, но я даю честный ответ:

— Опыта никакого. Ноль часов. Ты же знаешь.

— Ну а раз так?..

— Это же чрезвычайная ситуация. В Адриатике

мой опыт никого не колыхал.

— Ну, ты сравнила! Орбитальные операции и волноотбойная стена — это в прямом смысле небо и земля. — Пракаш умолкает, ему сегодня явно не до меня. — Но без работы ты не останешься, — говорит он после паузы. — Мир из-за этой аварии не перевернулся.

Он предлагает наряды на выбор. Помощь в сборке робота-монтажника солнечных зеркал для проекта «Сарахан». Очистка корпуса китайского супертанкера от ракушек. Ручное управление тоннелепроходчиком под Бассовым проливом.

Я отвергаю эти оскорбительные предложения и соглашаюсь на работу низкооплачиваемую, но выигрышную для квалификации: пособить одному роботу с тонкой наладкой другого. Это стройплощадка в Антарктике, едва освещаемая в ночи натриевыми лампами и почти необитаемая. Мы переселимся в подобные места, когда они будут обустроены.

Ладно, какой ни есть, а заработок. И это главное.

Но прежде чем я успеваю хотя бы наполовину выполнить заказ, кое-что случается. Хлоп — и я уже не там, где была.

Абсолютно голая пустыня, ярко-белая под суро-

вой чернильной мглой неба.

Я задаю вопрос, и не мысленно, а вслух. Может, кто-то где-то снизойдет до ответа.

— Где я?

Пытаюсь «оглядеться»… и поначалу ничего не происходит! Наконец совершенно неестественный ландшафт оживает и быстро обретает знакомые черты. Усыпанная крупными и мелкими камнями земля волнообразно простирается к безлесому горизонту. На неопределимом расстоянии возвышаются покатые холмы. Ни скал, ни живности, ни растительности. Что-то вроде забора протянулось от горизонта до горизонта. Других следов человеческой деятельности не видно.

И тут я замечаю тело.

До него рукой подать. И на нем космический скафандр.

Даю команду прекратить трекинг. И опять мое намерение выполняется не сразу.

Он — или она, отсюда не разглядеть, — лежит на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги немного раздвинуты. В лицевом щитке шлема отражается небо. Этот человек просто брошен здесь, как испорченная кукла.

Снова гляжу на забор. На самом деле это металлический трубопровод, такой широкий, что в

нем можно с легкостью ползти на четвереньках. Его удерживают над землей многочисленные А-образные опоры. Видны соединения труб. Мне стыдно оттого, что я поначалу приняла эту штуку за ограду.

Продвигаюсь вперед. Меня опережает моя тень; она изломанная, механическая. Где бы я ни находилась, уже ясно, что я огромна, как грузовик.

Склоняюсь над лежащим. Я не спец по скафандрам, но этот вроде в порядке. Шлем без единой трещины, пробоев и разрывов тоже не видно. Пульт на груди, соединенный шлангами и шлейфами с остальными средствами жизнеобеспечения, все еще светится. Правда, частично он светится красным.

— Пракаш, — говорю, надеясь, что он слушает, — мне бы тут помощь не помешала.

Но Пракаш не отвечает.

Протягиваю руки. Робот ощупывает своими конечностями скафандр. Управлять машиной теперь проще — я командую с учетом временного лага. Зря Пракаш раздул из этого проблему.

Просунув под тело руки, поднимаю его, как будто это мешок с зерном, а я — вилочный погрузчик. Со скафандра лавинами сыплется лунная пыль, создавая внизу четкий контур человече-

ской фигуры.

Человек в скафандре оживает. Он дергается, затем поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Ловлю в лицевом щитке собственное отражение: золотистый монстр из металла и пластика. И впрямь что-то вроде грузовика с многочисленными колесами и камерами и с установленными впереди манипуляторами.

Скафандр снова шевелится. Вскидывается правая рука, шарит по пульту на груди, жмет на кнопки толстыми пальцами перчатки. Огоньки меняют свой танец.

Человек обращается ко мне. И это не голос Пракаша.

— Ты меня нашел. — В одной фразе целый океан облегчения. — А ведь я уже думал, что умру здесь.

Говорит по-английски. Я знаю достаточно слов, чтобы улавливать смысл.

Сомневаюсь, что незнакомец может меня услышать, но все-таки спрашиваю:

— Кто ты? И что случилось?

Отклик получаю не сразу.

— Ты не Сига.

— Не знаю никакого Сиги. У тебя что, авария?

Ему нужно время, чтобы ответить.

— Да, авария. Поврежден скафандр. А ты кто?

— Никто. И я не знаю, почему мне дали эту работу. Ты как, можешь сам справиться?

— Скафандр в режиме энергосбережения. Жизнеобеспечение работает, но только если я не двигаюсь.

Вроде поняла. Когда человек активен, система расходует энергию интенсивнее.

— А сейчас? Ты что-то делал с пультом.

— Дал команду отключить аварийный маяк и выделить необходимую для связи энергию. Расход по-прежнему минимальный.

Я все еще держу незнакомца на руках, как ребенка.

— Ты меня принял за кого-то другого.

— Как, ты сказала, тебя зовут?

— Я не говорила. Соя. Соя Акинья. А тебя?

— Латтрелл. Майкл Латтрелл. Можешь увезти меня отсюда?

— Для начала неплохо бы узнать: отсюда — это откуда? Как ты сюда попал?

— Приехал. На оверлендере… На машине, которой ты управляешь. Этим должен был заниматься Сига. Взять меня на борт, отвезти домой.

— Хочешь забраться на борт? Тут есть кабина? Или что-нибудь в этом роде?

— Только сиденье за твоей камерой. Никаких отсеков с воздухом. Давай, я попробую. Наверное, теперь не так опасно.

Аккуратно опускаю на лунный грунт Латтрелла и смотрю, как он ерзает, чтобы сползти с моих «рук». В чем причина вялости его движений? Скафандр мешает? А может, у него травмы? Или просто ослаб? Или и то и другое? Дышит он с трудом и через пару шагов останавливается.

— Кислорода мало, — объясняет Латтрелл, понизив голос почти до шепота.

Он выходит из моего поля зрения. И вскоре это поле кренится — Латтрелл лезет наверх. Очень не скоро моя тень прирастает человекообразным горбом.

— Ну как ты там?

— Нормально.

Поворачиваю камеру вправо-влево, оглядываю трубопровод:

— Куда теперь?

Он берет паузу, чтобы перевести дух, но голос потом все равно дрожит.

— Кругом — и по следу.

Разворачиваю оверлендер по широкой дуге. Без труда нахожу колею, оставленную моими колесами. Уходящая к горизонту линия изгиба-

ется лишь изредка — там, где машина объезжала глыбу или взгорок.

— А как же трубопровод? — спрашиваю. — Я думала, поедем вдоль него.

— Нет, надо по следу. Со скоростью пятьдесят километров в час можно катить без проблем.

Я разгоняюсь по колее, поверив, что это не опасно.

— И долго нам ехать?

— Часа три; может, четыре.

— А тебе хватит воздуха и энергии?

— Хватит.

— На сколько хватит, Латтрелл?

— Если буду много болтать… — Он умолкает, и снова я его слышу через большой промежуток времени. — Дотяну. Ты знай рули.

Мы едем прочь от трубопровода, и спустя немного времени его скрадывает кривизна лунной поверхности. Этот мир невелик. Правда, не для той, кому приходится гнать по этому миру машину, и не для того, кто остро нуждается в помощи.

Латтрелл молчит. Уснул, что ли? Или отключил связь?

И тут, незваный-непрошеный, объявляется Пракаш.

— Ну наконец-то! — говорит он. — Я уж было подумал, что ты потерялась в рабочем пространстве.

— На эту работу я не напрашивалась.

— Помню, помню.

Мне представляется, как он машет руками, отбрасывая мой довод как неподлежащий обсуждению.

— Это была экстренная ситуация. Понадобился работник с базовыми навыками.

— Пракаш, меня еще никогда не посылали в космос. С чего вдруг я в этот раз оказалась достаточно годной?

— Все, у кого действительно подходящие навыки, сейчас на японской станции, пытаются навести там порядок. Считай, что нынче твой счастливый день. Невесомость не зачтется, но зато ты сможешь говорить, что работала с временным лагом.

— Обсудим это, когда я освобожусь. А сейчас надо доставить человека туда, где ему окажут помощь.

Ну да, думаю хмуро, это не невесомость. Но разве вождение при лунной гравитации — ничего не стоящий пустяк?

— Ты свое дело сделала. Луна будет тебе бла-

годарна, если повернешь на девяносто градусов вправо, параллельно трубопроводу. Поверни — и можешь выходить, машина о себе позаботится. Самым трудным было поместить тело… поместить человека на оверлендер. Ты справилась с блеском.

Эко загнул! Я всего-то навсего помогла парню встать.

— Латтрелл велел ехать по колее.

— Так Латтрелл… А-а, я понял: Латтрелл с тобой разговаривал.

— Да, и был очень настойчив. — У меня возникает нехорошее предчувствие. — Пракаш, что происходит? Этот Латтрелл, он кто? И что он тут делает?

— Соя, много ли ты смыслишь в лунной политике? Не отвечай, я и сам знаю, что ни бельмеса. Поэтому поверь на слово: надо просто повернуть на девяносто и выскочить. Так будет лучше всего.

Обдумав эти слова, я зову:

— Латтрелл? Ты меня слышишь?

Очень долгое ожидание, наконец отклик:

— Ты что-то сказала?

— Спал, что ли?

— Душно тут.

— Латтрелл, постарайся не засыпать. Ты уверен, что эта колея приведет к людям?

Что же он так тянет с ответом? Как будто я попросила сосчитать, сколько дней назад он родился.

— Да. Сига и остальные. Наш лагерь. От трубопровода до него не больше двухсот километров.

Значит, правда три-четыре часа, как он и обещал.

— Пракаш, мой агент, велел мне изменить курс. Направо, вдоль трубопровода.

Похоже, Латтрелл встревожился.

— Нет-нет! Не надо сворачивать. Мы правильно едем. Туда, откуда я приехал.

— А если все-таки свернуть, далеко отсюда до цивилизации?

Тут вклинивается Пракаш:

— Меньше ста километров. Там рempункт с воздухом. Для Латтрелла это лучший шанс.

— С каких это пор ты эксперт по Луне?

— Я спросил, мне ответили. Латтреллу до его лагеря не добраться. Они в этом совершенно уверены.

— А Латтрелл совершенно уверен, что ему нужен его лагерь. И что, не поверим человеку, который тут живет, в отличие от нас?

— Соя, просто делай, что тебе приказывают.

«Делай, что тебе приказывают». Интересно, сколько раз я это слышала на своем веку? И сколько раз подчинялась? Еще когда не было «Базы обеспечения трудовых ресурсов и перемещенных лиц», а только прибыли ее организаторы со своими фурами, вертолетами и самолетами, со смелыми планами переселения людей на новые места, я, как и миллионы других, делала в точности то, что от меня требовали. Отреклась от старого мира, утонула в нищете и убожестве нового.

Теперь у меня есть скрипучая гнилая крыша и грязный матрас, и на нем мое тело сидит на корточках, а разум — на Луне, и опять я кому-то подчиняюсь, и этот кто-то, кого я и в глаза-то не видела, лучше меня знает, что мне нужно делать.

— Не сворачивай, — говорит Латтрелл.

— Ладно. Но если там не окажется этого твоего лагеря, я тебе не позавидую.

Опять встревает Пракаш:

— Соя, опомнись! Латтрелл пересек международно признанную лунную границу. Попытался завладеть чужой собственностью. Этот человек — вор!

А то я сама не догадалась.

Представляю себе громадную полную Луну, пестрящую гербами наций и компаний. Сейчас на ней лишь несколько тысяч человек, но говорят — скоро будет десятки тысяч. Не успеешь глазом моргнуть, а их уже миллионы.

Но я же стараюсь быть в курсе событий, смотрю новости. Знаю, что некоторые границы все еще оспариваются. Выдвигаются претензии и контрпретензии. Даже до нашего жалкого клочка африканской земли докатываются отголоски этих споров.

Так что же натворил этот парень, Латтрелл? Подъехал к трубопроводу, и не в одиночку. Наверное, хотел сделать врезку. Но что-то пошло не так. Током шибануло? Повредило систему жизнеобеспечения? Он надеялся получить помощь от своих людей, от Сиги. А вместо Сиги оказалась я. Допустим, мои люди, те, кто лучше меня знает, что я должна делать, не намерены убивать Латтрелла. Но и сохранить ему жизнь — не главная их задача.

Одно ясно: они не хотят, чтобы Латтрелл возвратился домой.

— Пракаш, я не сверну. Я отвезу этого человека к его друзьям.

— Не выйдет, Соя. Ты находишься на Луне, пока нам это нужно. В любой момент можем тебя выдернуть и подключить кого-нибудь другого.

— Того, кто будет делать, что ему прикажут?

— Того, кто знает, в чем его выгода.

— Ну, это не про меня.

Пракаш прав: снять меня с наряда ничего не стоит. Вернее, он был бы прав, не будь я таким спецом по управлению роботами. Что ракушки сдирать с супертанкера, что по Луне раскатывать — принципиальной разницы нет. И у меня в запасе уйма уловок, чтобы при угрозе моего отключения у начальства резко добавилось хлопот или убавилось времени. Пользовалась я этими трюками редко, но не забыла ни одного.

— У тебя из-за этого будут неприятности? — спрашивает Латтрелл.

— Похоже, уже начались.

— Спасибо. — Он снова надолго умолкает, а потом говорит: — Мне, наверное, и впрямь нельзя засыпать. Расскажи что-нибудь о себе, это поможет.

— Да рассказывать особо не о чем. Родилась я в Дар-эс-Саламе, на рубеже веков.

— До рубежа или после?

— Не знаю. И матери своей не знала. Наверное,

остались где-то метрики, но я их не видела. — Объезжаю глыбу, огромную, как оверлендер. — Да какая разница? Все уже давно кончилось. А теперь ты расскажи, откуда родом.

Он рассказывает о своей жизни. Мы едем.

К утру страсти утихают. Мое неподчинение не остается безнаказанным. Профессиональный рейтинг обнулен; против моей фамилии — черные метки; под запретом целые категории ремесел. Заслуженные в последнем наряде баллы — а я как-никак спасла человека — не начислены.

Но я не смиряюсь с судьбой. Это не конец света — по крайней мере, не конец моей жизни. И поденщины всякой-разной полно, для меня что-нибудь обязательно найдется. Моя дочка не помрет с голоду.

По дороге в школу Юнис спрашивает, чем я занималась вчера вечером.

— Человеку помогала, — отвечаю. — Он совершил нехороший поступок, но я все равно его выручила. Кое-кому это не понравилось.

— А что сделал этот человек?

— Как бы тебе объяснить… Он взял то, что ему не принадлежало. Вернее, попытался. Давай мы об этом после поговорим.

Я думаю о Латтрелле. Когда меня в конце концов отключили, до его лагеря оставался приличный отрезок пути. Что было дальше, не знаю. Надеюсь, он все-таки попал к своим. В новостях об этом ни слова. Мелкий пограничный инцидент, рядовой случай, не стоящий упоминания.

Пока дочка в школе, я иду в общественную палатку, где водяная воровка ждет решения своей судьбы. Внутри толкотня и атмосфера переменчивая. «Богомолов» нет, они свое дело сделали: стабилизировали пациентку и насколько возможно привели в сознание. Приглядываюсь к жидкости в ее капельнице. Может, это вода? Вот бы выпить ее — чистую, сладкую, — в несколько жадных глотков…

Пробираюсь между зеваками к низкому столу на козлах, где раздают бланки для голосования. Называю имя и фамилию, хотя, конечно, эти люди и так меня знают. Палец бежит по столбцу, потом по моей строчке. Порядок, я могу проголосовать. Здесь же, на столе, коробки от медикаментов, без верха, с черными и белыми шарами.

Беру шары из обеих коробок, по одному в руку. Полное равновесие возможностей… но лишь на миг — я оставляю белый шар, а черный возвращаю в коробку. Пусть это удовольствие

достанется кому-нибудь другому.

Направляясь к выходу, пытаюсь оценить настроение толпы. Похоже, решение будет не в пользу женщины. Надеюсь, врачи, санитары и «богомолы» успели сделать для преступницы немало и, если у нее крепкий организм, она выкарабкается и без лекарств.

Гадаю, как быть дальше, и тут кто-то теребит мой подол. Пацаненок, который вечно за мной таскается. Нащупываю в кармане увесистый кругляш. Думаю о багровом свете, о его красоте. Глаз — мое бремя и окно в мир, но так было прежде. Теперь-то какой с него прок?

И я велю мальцу открыть ладошку.

ARC, новый журнал, возникший под крылышком у «New Scientist», предложил мне написать рассказ об относительно близком будущем. Я к тому времени уже начал цикл «Poseidon's Children» и увяз в нем с головой, поэтому счел вполне уместной идею отвлечься и взглянуть на земные события середины XXI века. Антуражем стало нечто вроде транзитного лагеря, где мигранты, изгнанные с родных мест климатическими изменениями и ресурсным голодом, зарабатывают себе на прокорм с помощью дешевой и повсеместно распространенной технологии телеприсутствия.

Они выполняют простейшие задачи в самых отдаленных уголках планеты, а в данном случае еще и на Луне. Это почти чистая «фантастика сегодняшнего дня» — все, что требуется для реализации представленных идей, уже есть либо в нашем быту, либо на чертежных досках.

Кроме нее, в чреве корабля — только грузовые контейнеры и измазанные грязью устройства. Юкими достала из ранца своего компаньона. Его подарила на тринадцатый день рождения старшая сестра. Произошло это незадолго до отлета Ширин с Марса, так что компаньон стал не только подарком на день рождения, но и прощальным подарком.

Компаньон оказался не самым умным на свете. Да, он выполнял стандартные записывающие функции, обрабатывал и сортировал заметки Юкими, но, когда разговаривал с ней, девочке не казалось, что под цветастой — а теперь уже захватанной — картонной обложкой скрыт живой ум. А когда компаньон пытался завести с ней беседу, когда изображал друга или даже сестру, по-настоящему человеческие реплики ему не удавались. Впрочем, Юкими не жаловалась. Компаньон был и оставался подарком Ширин. Даже если не позволять ему разговаривать — Юкими пресекала разговоры, только если очень хотела что-то выяснить, — его можно использовать для записи своих мыслей и наблюдений, а еще как

окно в дополненную реальность. В семнадцать лет она получит законное право на имплантаты, а с ними — прямой доступ к безбрежному морю всеобщего знания. Пока же придется довольствоваться сияющим порталом в виде компаньона.

— Все, дело сделано, — сказала Юкими компаньону. — Сколько раз мы подначивали друг друга пробраться на корабль, а сегодня я впрямь осталась в грузовом отсеке после закрытия люков. И теперь мы в воздухе. — Юкими замолчала и на цыпочках подошла к грязному, исцарапанному иллюминатору, за которым медленно удалялся дом. — Я вижу Шалбатану, Ширин. Отсюда она кажется куда меньше. Я вижу парк Саган, мостовую, школу. Поверить не могу, что там — весь наш мир, что, кроме него, мы ничего не знали. Впрочем, тебе такие чувства наверняка знакомы.

Разумеется, Юкими говорила не с Ширин, а только с компаньоном. Но она с самого начала привыкла делать заметки так, будто рассказывает новости сестре, и привычке этой не изменила.

— Если бы с тобой не играли в ту игру, у меня ничего не получилось бы, — продолжала Юкими. — Даже так мне было непросто. В доки-то я легко проникла — после твоего отъезда они почти не изменились, — а вот на корабль попасть

оказалось сложнее. Я дождалась момента, когда поднимется суматоха, когда все засуетятся, стараясь вовремя загрузить корабль. Тогда я и рванула внутрь, лавируя между роботами и докерами. «Ну что ужасного может случиться? — думала я. — Ну найдут меня, ну домой отправят. Если проберусь на борт, страшнее уже не будет. Рано или поздно меня все равно найдут». Ты сейчас, наверное, качаешь головой, не понимая, в чем смысл затеи. Но тебе, Ширин, хорошо. Ты на другой планете, занята работой и всего этого не видишь. А я торчу здесь, мне даже в дополненную реальность нельзя. Вот я и совершаю глупый детский поступок — убегаю из дома. Ты сама виновата, ты показала, как легко просочиться на борт корабля. Так что будь готова взять на себя часть ответственности.

Долго стоять на цыпочках тяжело, и Юкими опустилась, встав на полную ступню.

— Я не ребенок и знаю, что ничего не изменится. Они как заведенные твердят, что у меня все будет хорошо, а я знаю, что не будет. Они говорят именно то, что я слышать не хочу. «Дело не в тебе, дело в нас. Мы тебя *любим*, дорогая доченька, просто мы стали друг другу чужими». Словно такие объяснения исправляют ситуацию. Боже, как я ненавижу свою жизнь!

Корабль резко накренился, будто пробил герметический пузырь вокруг Шалбатана-Сити и окрестностей. Едва уловимое сопротивление — и они прорвались. Пузырь мгновенно восстановился, и пригодный для дыхания воздух не вылетел в разреженную атмосферу.

— Ну вот, я во внешнем мире, — проговорила Юкими, снова вставая на цыпочки. — По ту сторону пузыря. Так далеко от дома меня еще не заносило.

Солнце отражалось от поверхности пузыря, окрашивая его в бледно-розовый цвет. Дом Юкими и весь знакомый ей мир остались в розовом пузырьке, вроде дешевого пластмассового шарика со снегом вокруг Эйфелевой башни, который ее тетя прислала из Парижа.

И тут ее накрыло. Не головокружительное чувство приключения, которого она ждала, а мучительное чувство ошибки. Словно осознать эту ошибку Юкими смогла только за пределами пузыря.

Вот только исправляться было уже поздно.

— Ширин, я поступаю правильно. Очень прошу, скажи, что я поступаю правильно!

Прижимаясь спиной к стене грузового отсека, Юкими села. Себя ей было жаль до слез, но

плакать не хватало сил. Стоило бы поесть, но припасенное в ранце яблоко аппетита не вызывало. Юкими закрыла компаньона, выпустила его из рук, и тот упал на металлический настил. При падении наверняка загнулись уголки страниц, а на обложке появились новые вмятины. Почувствовав настроение хозяйки, мультяшные герои на ранце решили подбодрить ее и начали петь и плясать.

Юкими мяла ранец, пока они не заткнулись.

Девочка прислушалась к гулу двигателей. Теперь он звучал иначе, ведь воздух был куда разреженнее и холоднее, чем под куполом Шалбатана-Сити. В школе говорили, что до начала перемен воздух был еще разреженнее. Долго дышать таким никто не мог.

Хорошо, что в грузовом отсеке воздуха достаточно: до конца полета хватит. По крайней мере, так говорила Ширин, а Ширин никогда не врет. Не врет ведь?

— По-моему, что-то происходит, — сказала Юкими компаньону. — Мы меняем курс.

Целых восемь часов корабль летел стабильным, ровным курсом. Внизу бесконечным ржавым полотном тянулся тоскливый, дикий Марс. Взрослые вечно твердили, что планета перенаселена,

но сейчас Юкими видела, что между теплыми, влажными пузырями поселений еще много свободного места. Помимо бледных, прямых как стрела царапин — редких дорог и трубопроводов, — с начала полета попадалось крайне мало признаков цивилизации. Конечно, если не считать бесчисленных озер, которые создал дождь, созданный людьми, но Юкими не относила озера к цивилизации. Как можно думать, что мир перенаселен или хотя бы начинает становиться перенаселенным, она понять не могла.

Юкими закрыла дневник и снова постаралась выглянуть в иллюминатор. Точно не скажешь, но земля казалась ближе, чем была всю вторую половину дня. Куполов не просматривалось, и это правильно, ведь за такое время корабль не мог долететь до Викингвилля, а дальше — тем более.

— Это хороший знак, — продолжила Юкими. — Да, наверняка. Меня вычислили, вот корабль и возвращается. Может, они связались с тобой, Ширин. Ты ведь уже рассказала им про нашу игру, про то, что мне не составило труда сбежать? Неприятностей я не оберусь, но я всегда понимала, что рано или поздно так случится. По крайней мере, свою позицию я продемонстрировала.

«Кому-то придется раскошелиться», — поду-

мала Юкими и представила, как отец качает головой, опозоренный ее нелепым поступком. Опозоренный перед своими богатыми друзьями, вроде дяди Отто. Что же, если это единственный способ достучаться до родителей, значит так тому и быть.

Но по мере того как корабль снижался, уверенность таяла. Казалось, он не собирается разворачиваться и не спешит продолжать полет. Гул двигателей превратился в медленный рокот, скорость едва позволяла сопротивляться встречному ветру.

В чем дело?

Юкими снова выглянула в иллюминатор, изо всех сил стараясь рассмотреть то, что внизу, — да, там что-то маячило. Не пузырь вроде того, что окружает Шалбатану, и не одно из поселений, построенных прямо на земле, без защиты от атмосферы. Машина! Огромная, зеленая, с металлическим блеском, она ползла по земле. Длиной машина была с городской район, шириной — с парк Саган. Юкими насчитала восемь крепких колес, любое из которых могло снести не только их дом, но и целую многоэтажку. И это лишь казалось, что машина ползет: такую иллюзию создавал ее размер. На деле она, вероятно, двига-

лась быстрее, чем бегала Юкими.

— Вижу Скрепер, — сказала Юкими дневнику. — По крайней мере, мне так думается. Это старая машина для терраформирования. — Она открыла компаньона, поднесла к иллюминатору и наклонила так, чтобы он видел гигантскую машину с двумя рядами труб в задней части, чуть наклоненных назад, как у океанского лайнера. — Я считала, что их уже не осталось. Вряд ли Скреперы сейчас выполняют какую-то работу. Глушить их — сущая морока.

Зачем корабль приближается к Скреперу, Юкими, хоть убей, не понимала. Разве это поможет быстрее вернуть ее домой?

— Не понимаю, в чем дело, — призналась она компаньону и тихонько его закрыла.

В иллюминатор Юкими наблюдала, как корабль снижается меж двумя рядами труб. Прямые, черные как смоль трубы казались не ниже самых высоких зданий Шалбатана-Сити. Корабль резко остановился, грузовые контейнеры заскрипели на стропах, потом послышалась дробь глухих и звонких ударов, словно вставали на место ограничители. Гул двигателей стих, остался лишь далекий стук, шедший от пола, — это в грузовой отсек проникал голос Скрепера.

Тянулись бесконечно долгие минуты, ничего не происходило.

Юкими уже порядком нервничала, совершенно не уверенная, что это сближение как-то связано с ее побегом. Торчать на Скрепере у черта на куличках в ее планы не входило. Она-то считала, что корабли летят из пункта А в пункт Б так быстро, как могут. О возможных отклонениях от маршрута никто не упоминал.

Юкими твердила себе, что в любой другой части Солнечной системы у нее ничего не вышло бы. Марс — единственное место, где девочка может сбежать из дома и ее не найдут. В любом другом месте дополненная реальность настолько интенсивна, что противозаконный поступок совершить просто невозможно: об этом узнают почти мгновенно. Невозможно ничего спрятать. Невозможно потеряться. На Марсе, как любят повторять местные, жизнь особенная. Марс — Неконтролируемая Зона. Интенсивность дополненной реальности на нем намеренно понижена, и, как следствие, людям приходится отвечать за свои поступки. На Марсе можно угодить в историю. Легко.

Юкими расхаживала по грузовому отсеку, гадая, что делать, — в голову лезли исключительно

нереализуемые идеи, — когда двери начали открываться. Юкими вдохнула поглубже, будто это могло ей помочь, но снижения давления не почувствовала — только легкий ветерок. Из-за поднимающихся дверей светил резкий голубой свет, поэтому Юкими отступила в темный участок отсека и спряталась между двумя контейнерами. Компаньона она спрятала в ранец, надеясь, что ни он, ни она сама не издадут ни звука. Юкими очень хотелось, чтобы ее нашли, и так же сильно — чтобы не нашли.

Долгое время не происходило ничего. Юкими слышала только далекие механические звуки и нескончаемый стук Скрепера. Еще она чувствовала легкую качку: колеса гигантской машины катились по неровной поверхности.

Что-то приближалось. Негромкие, ритмичные, хриплые звуки сопровождались тяжелым шарканьем. Юкими напряглась и отступила еще дальше, но так, чтобы видеть двери грузового отсека. Что-то до мучительного медленно поднималось по рампе. Монстр!

Голубой свет подсвечивал огромную булавовидную фигуру, чем-то напоминающую человеческую, но непропорционально раздутую, с маленькой шишкой-головой на великанских

плечах. Страхи Юкими обострились и вылились в ужас совершенно конкретного свойства. Ничего подобного она прежде не видела. Фигура поднялась в отсек, и Юкими наконец смогла как следует ее рассмотреть. На безобразном теле криво сидел обшарпанный ржавый скафандр, опутанный проводами. Сквозь стыки сочился пар, с одного колена капала зеленая жидкость. Шишку-голову венчал низкий бронзовый колпак, облепленный грязью и смазкой. Ничего похожего на лицо не просматривалось. Даже глаз не было, только цилиндры с линзами, торчащие под разными углами, и закопченные решетки сбоку. Робот это или кто-то в громоздком древнем скафандре, Юкими не знала. Зато она чувствовала, что сильно-сильно боится и не желает выяснять, кто или что скрыто внутри.

С хрипом и лязгом фигура двигалась по грузовому отсеку. Вот она остановилась у контейнера, неподалеку от укрытия Юкими. Боясь, что ее увидели или услышали, девочка не решалась шевельнуться. Фигура подняла огромную ручищу и стерла грязь с грузовой этикетки. Ладонь в гермоперчатке была такой огромной, что запросто раздавила бы стул. Одна из линз на цилиндрах повернулась, затем выдвинулась, чтобы рассмот-

реть этикетку. Юкими разрывалась между двумя вариантами развития событий: с одной стороны, ей однозначно хотелось, чтобы ее нашли, с другой — ей совершенно не хотелось, чтобы ее нашла эта фигура, кем или чем бы она ни была.

Никто никогда не говорил Юкими, что на Марсе есть такие монстры. Даже Ширин не говорила, а уж она не упускала возможности напугать сестренку.

Фигура двинулась к следующему контейнеру и пригляделась к этикетке. Станет продолжать в таком духе — непременно заметит Юкими. Однако в этот самый момент девочка увидела свой шанс. За контейнерами, между которыми она пряталась, стоял открытый грузовой поддон, лишь наполовину заполненный полиэтиленовыми мешками с сельхозпродукцией или биомедицинскими препаратами. Спрятаться там легко, главное — незаметно туда залезть.

Юкими прислушалась к хрипам фигуры. Они звучали достаточно мерно, значит можно попробовать залезть в поддон, когда наступит фаза выдоха и фигура будет шуметь особенно сильно. На долгие раздумья времени не было: фигура уже двигалась к очередному контейнеру. Следующий за ним приведет ее к Юкими.

Рывок в новое укрытие Юкими совершила, очень грамотно рассчитав его по времени. Ширин гордилась бы ею. В открытом поддоне девочка оказалась прежде, чем хрипы стихли, и в следующие секунды не было никаких признаков того, что ее засекли. Юкими согнулась в три погибели на мешках, которые слегка поскрипывали под ее весом, но, если не шевелиться, никаких звуков не будет.

«Я поступила правильно», — заверила себя девочка. Лучше рискнуть и остаться на корабле, чем сдаться на милость непонятного монстра. Корабль скоро снова двинется в путь. Между двумя городами корабли не пропадают.

Не пропадают ведь?

Фигура удалилась. Юкими слышала, как она хрипит и лязгает, направляясь к дверям отсека, вниз по рампе, обратно в Скрепер. Сниматься с места девочка боялась. Вдруг монстр почувствовал ее в отсеке и затаился, выжидая, когда она выберется из укрытия?

Вскоре в отсеке появилось что-то еще — на этот раз не хрипящая, шаркающая фигура, а нечто большое, механическое. Нечто жужжало, свистело, издавало пневматическое шипение. Вдруг один из грузовых контейнеров начал двигаться.

Юкими еще плотнее прижалась к мешкам. Машина уехала, потом вернулась. Вот она подцепила другой контейнер, повезла его прочь из отсека, и Юкими ее увидела. Это же робот-манипулятор — вроде тех, что Юкими встречала в доках, только, может, старше и запущеннее. Огромный, тупой робот — желтый, замасленный, он легко раздавит девочку и даже не поймет, что натворил.

Юкими почувствовала толчок: манипулятор вернулся и подцепил открытый поддон. Вот поплыл потолок, и девочка поняла, что поддон выгружают с корабля. На секунду ее парализовал ужас. Секунда пролетела, а она так и не придумала, что делать. Подползти к краю поддона и выглянуть наружу она не решалась. Пол проносился мимо с обескураживающей скоростью — так быстро бегать она не умеет. Даже если она рискнет вылезти, ухитрится ничего себе не сломать и не потерять сознание при приземлении, робот может переехать ее колесом.

Нет, это не план. Прятаться в поддоне — плохая идея, да и пробираться на корабль изначально было плохой идеей. Весь день состоял из плохих идей, и усугублять ситуацию Юкими не собиралась.

Теперь ее везут к хрипящему линзоглазому

монстру — тут и усугублять нечего.

Из грузового отсека робот повез Юкими вниз по рампе, затем на закрытый склад внутри Скрепера. На потолке были лампы и навесные рельсы кран-балки. Даже из поддона Юкими видела, что вокруг громоздятся грузовые контейнеры. Робот резко опустил поддон и отсоединился. Юкими лежала неподвижно, гадая, что делать дальше. Похоже, корабль остановился, чтобы доставить груз на Скрепер. Если так, он скоро улетит, и ей лучше быть на корабле, чем внутри Скрепера с монстром. Но чтобы вернуться на борт, нужно убедиться, что монстр ее не караулит, а прячась в поддоне, она не представляет, где он.

Раздался шум, до ужаса похожий на шорох дверей грузового отсека. Двери закрываются…

Сейчас или никогда! Юкими выбралась из поддона, зацепилась брюками за острый край, порвала их на колене, но едва обратила на это внимание. Ноги коснулись пола, девочка притянула к себе ранец и огляделась. Вон погрузочная рампа, двери отсека опускаются… Юкими бросилась бежать — по настоящему, а не «типа бежать», как делала до сих пор. Нужно вернуться в грузовой отсек, пока двери не закрылись полностью. Нужно выбраться из Скрепера.

Монстр встал перед рампой, преградив Юкими путь к побегу. Мучительно медленно поднял одну руку. Юкими затормозила. Сердце бешено билось, паника захлестывала ее.

Монстр поднял другую руку. Ладони соединились там, где полагается быть шее, — под низким куполом, который мог сойти за голову. Огромные пальцы открыли два замка-карабина цвета ржавчины, затем передвинулись чуть выше, к решеткам на разных сторонах купола. Юкими и не думала, что можно бояться так сильно, как она боялась в тот момент. Рвануть в противоположную сторону девочка даже не помышляла. Монстр медлителен, но он у себя в логове, значит сбежать не получится. Он хрипит и шаркает, но все равно ее найдет.

Монстр снял шлем, подняв его выше плеч. Под ним скрывалась маленькая голова. Юкими видела только верх — все, что выше глаз. Шрамы, старческие пигментные пятна, редкие пучки седых волос, а остальное скрывал скафандр.

— Здравствуй! — сказал невидимый рот.

Ответить Юкими не могла — просто стояла и дрожала. Монстр наблюдал за ней несколько секунд, хлопая глазами, словно и он толком не знал, как относиться к этой встрече.

— На приветствия, как правило, отвечают взаимностью — по крайней мере, в приличном обществе, — заметил монстр — точнее, старик в скафандре. — То бишь ты могла бы тоже со мной поздороваться. Я тебя не обижу.

— Здравствуйте, — выдавила из себя Юкими.

— И ты здравствуй. — Старик повернулся, скафандр заходил ходуном. — Не хочу показаться невежливым — мы ведь еще даже не представились друг другу, — но у этого корабля плотное расписание, и он вот-вот взлетит. Хочешь вернуться на борт? Если да, я не стану тебя останавливать, но я обязан убедиться, что ты в этом уверена. Корабль летит в Миланкович, а это очень далеко отсюда — как минимум два дня пути. Ты ведь из Шалбатаны?

Юкими кивнула.

— Могу накормить тебя, — продолжил старик, — и отправить домой куда быстрее, чем ты доберешься до Миланковича. Разумеется, тебе придется довериться мне и положиться на мои слова, но ведь рано или поздно нам всем приходится кому-то довериться.

— Кто вы? — спросила Юкими.

— Меня зовут Коракс, — ответил старик. — Я здесь вроде разнорабочего. Извини, что напугал

тебя скафандром, но я просто не успел его снять, узнав, что корабль подлетает. Я ведь только с озера вернулся. Хотел проверить старое место в последний раз, пока вода не поднялась… — Старик остановился. — Ну вот, заболтался я. Когда живешь один, такое случается. Как тебя зовут?

— Юкими.

— Ну, Юкими, — кстати, имя чудесное — решать тебе. Хочешь вернуться на корабль и попробовать долететь до Миланковича? Кстати, та еще дыра. Тебе понадобятся теплая одежда, еда и питье на два дня и, может, запас кислорода, на случай если упадет давление. У тебя ведь все это есть? Глупый вопрос! Умненькая девочка вроде тебя не спряталась бы в грузовом отсеке, не подготовившись как следует.

— У меня есть только это, — объявила Юкими, подняв ранец.

— И что же в нем лежит?

— Яблоко и мой компаньон, — ответила Юкими. Старик непонимающе нахмурил лоб, и она добавила: — Это дневник. Подарок моей сестры Ширин. Она инженер-терраформист, сейчас на Венере. Работает с трансформ-облаками, чтобы сделать атмосферу пригодной для дыхания…

— Ну вот, кто из нас теперь заболтался? — Ко-

ракс покачал видимой частью головы. — Нет, к перелету ты не готова. Раз так, отпустить я тебя не могу. Придется остаться и ждать флайер. Боюсь, тебя ждут неприятности.

— Знаю, — покорно проговорила Юкими.

— Похоже, ты не слишком переживаешь. У тебя все хорошо? Наверное, нет, иначе ты не пряталась бы на корабле.

— Вы можете вернуть меня домой?

— Однозначно. Я позабочусь о тебе, пока не подоспел флайер. Есть одно «но»: тебе придется терпеть мою глупую болтовню. Сумеешь? Под настроение я становлюсь занудой. Что поделаешь, возраст.

Двери грузового отсека закрылись за спиной у Коракса. Рампа сложилась, теперь корабль отделяли от Юкими двери еще большего размера — двери самого Скрепера.

— Наверное, все равно уже слишком поздно, — проговорила девочка.

Вслед за Кораксом в его хрипящем, гремящем скафандре Юкими прошла вглубь Скрепера. Когда они приблизились к окну, корабль уже таял вдали — крохотная точка, окрашенная закатом в медный цвет. Теперь Юкими радовалась, что ей не придется лететь на нем до самого Милан-

ковича. Девочка не сомневалась, что выдержала бы два дня без еды и воды (нет, приятного тут мало, даже с поправкой на яблоко), а вот о том, что может сильно замерзнуть, она заранее не подумала. Хотя не стоит удивляться, что конструкторы корабля не позаботились об удобствах зайцев-безбилетников.

Еще Юкими радовалась, что Коракс снял скафандр. На задворках сознания гнездилась тревога, что он не совсем человек — в конце концов, поначалу она видела только его макушку, — но теперь новый знакомый казался вполне нормальным, если не считать того, что девочка еще не встречала никого настолько старого и тощего. Невысокий по марсианским меркам, Коракс оказался примерно одного роста с Юкими, а ведь та еще не перестала расти. Из всех знакомых девочки такой низенькой была только ее тетя, которая прислала шарик со снегом, но ведь она родилась на Земле, под железным гнетом сильной гравитации.

Под скафандром Коракс носил несколько слоев стеганой одежды с множеством поясов и карабинов, на которых висел целый набор гремящих, звенящих инструментов.

— Почему вы живете здесь? — спросила Юкими, пока Коракс заваривал чай в пищеблоке

Скрепера.

— Кто-то же должен. А кто, по-твоему, ремонтирует крупную технику, когда она ломается? Меня угораздило вытащить короткую соломинку. — Коракс обернулся, держа две кружки с дымящимся чаем. — На деле все не так плохо. Шум и гам современной марсианской цивилизации не по мне, значит жизнь в городах — тоже. Нас таких много, людей из прошлого, когда здесь было не так людно. Мы держимся в тени, никому под ноги не лезем. Почти как этот Скрепер. Пока мы ни во что не вмешиваемся, нас не трогают.

— Так вы живете на самом Скрепере?

— Почти постоянно. — Коракс сел напротив Юкими и забарабанил пальцами по металлической крышке стола. — Его построили двести лет назад, во время первой волны терраформирования.

— Вы о столе?

— О Скрепере. Их создавали для длительной работы, в расчете на самовосстановление. Чтобы они обрабатывали атмосферу, всасывали почву и воздух — столько, сколько потребуется. Тысячу лет, а то и дольше. Чтобы они функционировали — и обслуживали себя, выполняя одну и ту же программу, — даже если остатки человеческой

цивилизации вернутся на Землю. Создатели Скреперов думали на перспективу и строили планы, до исполнения которых не надеялись дожить. Немного похоже на строителей соборов, которые старательно закладывают фундамент сооружения, на строительство которого уйдет не одна человеческая жизнь. — Коракс улыбнулся и помолодел, пусть даже только на мгновение. — Ты ведь никогда не видела соборы, верно, Юкими?

— А вы видели?

— Пару раз.

— Скреперы сконструированы неудачно, — проговорила Юкими. — Мне так сестра говорила. Мол, они пережиток прошлого. Неправильный способ действия.

— Сейчас легко так рассуждать. — Коракс обвел пальцем край кружки с чаем. — В свое время это был грандиозный план. Грандиознейший! В момент апогея тысячи машин вроде этой бороздили Марс от полюса к полюсу. Восхитительное зрелище! Стада металлических бизонов. Двигатели прогресса, создающие новый мир.

— Вы их видели?

Казалось, Коракс одернул себя, прежде чем ответить.

— Нет, для этого я должен быть старым до

невозможности. Но свидетельства очевидцев — чистый восторг. Твоя сестра права: конструкторский замысел в корне неверен. Впрочем, это был единственный вариант, доступный нам, то есть им, в то время. Над их ошибками смеяться нельзя. А то лет через двести бойкие потомки посмеются над нашими ошибками.

— Все равно не понимаю, почему вы здесь живете.

— Я слежу за тем, чтобы этот Скрепер не развалился, — пояснил Коракс. — Когда-то системы самовосстановления работали нормально, но со временем перестали. Теперь Скреперу нужны внимание и забота. Он старик, без посторонней помощи не продержится.

— Зачем ему держаться?

— Есть люди, небезразличные к таким вещам. Они живут и на Марсе, и в других частях Солнечной системы. В основном это богатые спонсоры. Если финансы позволяют, почему бы слегка не потратиться на престижные проекты вроде поддержания Скрепера в рабочем состоянии? Отчасти из чувства долга перед предками, отчасти из рачительности — нельзя выбрасывать то, что работает, пусть даже не идеально, — отчасти просто потому, что так вздумалось. Их радует, что

этот Скрепер на ходу, что другие тоже помаленьку ползают. Это марсианская история. Терять ее нельзя.

Кто эти спонсоры, Юкими не представляла, хотя даже среди друзей ее отца попадались личности, у которых, по мнению девочки, денег было больше, чем здравого смысла. Например, дядя Отто с дорогущим личным санджеммером, на котором он любил катать гостей вокруг Земли и внутренних миров. Так что словам Коракса она верила, хотя бы в общих чертах.

— Для них подобный проект — это вид искусства, а расходы не так значительны в сравнении с другими тратами, — продолжил Коракс. — А для меня… Я лишь человек, нанятый на грязную работу. Кто я такой, спонсоров не интересует: дело свое делаю, и все. Они организуют доставку запчастей, расходных материалов, продовольствия для меня. Живется мне неплохо. Я много путешествую по Марсу, а чтобы держать Скрепер на ходу, ежесекундное внимание не требуется. Сделал, что нужно, остальное время — свободное.

Оглядывая грязный пищеблок, Юкими подумала, что Скрепер — самое мерзкое место на свете, здесь не то что на всю жизнь, на неделю застрять не хочется.

— Так чем вы занимаетесь в свободное время? — вежливо спросила она.

— Балуюсь индустриальной археологией. — Коракс поставил свою чашку на стол. — Ну, мне нужно сделать пару звонков, чтобы люди узнали, где ты. При любом раскладе завтра за тобой пришлют флайер, так что домой ты отправишься быстро. Надеюсь, до полудня они не прилетят. Если хватит времени, хотелось бы кое-что тебе показать.

— Что?

— То, что ты больше нигде не увидишь. По крайней мере, пока.

Коракс позвонил и заверил Юкими, что завтра все будет в порядке.

— С твоими родителями я не беседовал, но, думаю, им сообщат, что ты жива и здорова. Если хочешь с ними поговорить, давай попробуем до них дозвониться.

— Нет, спасибо, — отозвалась Юкими. — Не сейчас.

— Что-то не чувствуется горячего желания к ним вернуться. Дома все хорошо?

— Нет, — ответила Юкими.

— Хочешь об этом поговорить?

— Спасибо, но нет, не очень.

Вообще-то, Юкими хотелось об этом поговорить. Но только не с Кораксом, не с тощим седым стариком, который один живет в доисторической терраформирующей громадине. Он, наверное, не людоед, но ее проблем уж точно не поймет.

— Тогда расскажи про сестру, которая работает на Венере. Ты ведь сказала, что она участвует в программе по терраформированию. Она намного старше тебя?

— На шесть лет, — ответила Юкими, имея в виду, разумеется, шесть земных лет. На Марсе год в два раза длиннее. Но когда спрашивают о возрасте, все используют земные года. Иначе возникает слишком много путаницы. — Она уехала с Марса, когда ей было девятнадцать, а мне тринадцать. — Юкими достала из ранца компаньона. — Вот, я говорила о нем. Это мой дневник. Подарок Ширин.

Коракс потянулся к нему:

— Можно посмотреть?

— Смотрите.

Костлявые стариковские пальцы с желтыми ногтями и седыми волосками в самых неожиданных местах коснулись обложки. Компаньон ожил, на страницах проявился текст с иллюстрациями. Шрифт текста стилизовался под почерк

Юкими (которая будто бы писала фиолетовыми чернилами), картинки — под трафаретные рисунки и гравюры по дереву. Заметки сортировались по датам и темам, сопровождаясь множеством перекрестных ссылок. Коракс ногтем подцепил уголок дневника.

— Не могу страницу перевернуть.

— Их не так переворачивают. Вы никогда книги не читали?

Коракс снисходительно улыбнулся.

— Читал, но не такие.

Юкими показала, что нужно делать, — коснулась пальцем правого нижнего угла и оттянула в сторону. Открылся следующий разворот.

— Листать нужно так. Если хотите перелистнуть на десять страниц, оттягивайте уголок двумя пальцами, если на сто — тремя. Назад листаем точно так же.

— По-моему, очень сложно.

— Ну, это обычный дневник. Я рассказываю ему о том, что делала, он записывает, потом анализирует заметку и просит заполнить пробелы.

— Звучит жутко. — Коракс скривился, как от кислятины. — Я никогда не умел вести дневник.

— Компаньон задуман не просто как дневник. У Ширин тоже такой есть, она купила сразу два.

Она уезжала, и из-за разницы во времени мы больше не могли нормально общаться. Я грустила, ведь она, хоть и старше, всегда была мне лучшей подругой. Ширин пообещала, что компаньоны помогут нам держать связь.

— Не уверен, что понимаю.

— Подразумевалось, что мы обе станем постоянно пользоваться нашими компаньонами. Делать заметки при любой возможности. Я буду разговаривать с компаньоном, как с Ширин, а она со своим, как со мной. Наши компаньоны станут периодически… Не помню слово! — Юкими нахмурилась. — Связываться и обмениваться заметками. Чтобы мой компаньон все лучше копировал Ширин, а ее компаньон — меня. Продолжай мы в том же духе, получилось бы так, что Ширин всегда со мной и я могу разговаривать с ней, когда захочу. Пусть даже Венера по другую сторону от Солнца. Нет, компаньон не заменил бы Ширин полностью, этого и не предполагалось. Но разлука переносилась бы легче.

— Кажется, идея неплохая, — заметил Коракс.

— Нет, плохая. Мы обещали разговаривать с нашими компаньонами, а Ширин не разговаривала. То есть поначалу разговаривала, но через несколько месяцев после отлета с Марса пере-

стала. Ну, изредка она оставляет заметку-другую. Причем ясно, что исключительно из чувства вины.

— Занята, наверное.

— Мы обещали друг другу! Я обещание сдержала. До сих пор разговариваю с Ширин. До сих пор все ей рассказываю. Но она со мной разговаривает мало, и мой компаньон не может ее копировать. — Юкими почувствовала, что грусть накрывает ее с головой. — В последнее время мне очень ее не хватает.

— Это не значит, что она тебя не любит. Это значит только то, что Ширин — взрослый человек, у которого очень много забот. Терраформирование — работа огромной важности. Она требует колоссальной ответственности.

— Родители мне то же самое говорят.

— Это правда. И сейчас, и всегда. Создатели Скреперов это понимали, хотя и слегка намудрили с технологией. То же самое с этими… Как они называются — те штуковины, что в небе кружатся?

— Трансформ-облака, — подсказала Юкими.

Коракс кивнул:

— Порой, в сумерки, я их вижу. На деле это лишь очередные механизмы. Через тысячу лет никто не

заметит разницу между трансформ-облаками и настоящими. Глядя на них, я чувствую себя очень старым. Даже твой дневник заставляет меня чувствовать себя пережитком прошлого. — Коракс поднялся, его колени хрустнули от напряжения. — Кстати, о записывающих устройствах… Хочу кое-что тебе показать. — Коракс подошел к полке и выгреб из-под завалов рухляди старый космический шлем. Он понес шлем к столу, на ходу сдувая пыль, глотая ее, кашляя. Затем он положил шлем перед Юкими.

— Он очень старый, да? — спросила Юкими, пытаясь скрыть разочарование. Шлем покрывали царапины, вмятины, белая краска местами облупилась. Щиток и гребень когда-то окружала цветная маркировка, но она давно поблекла или стерлась — остались только едва различимые следы.

— Да, однозначно. Он старше этого Скрепера. Я так уверен, потому что нашел его, и… вот. — Коракс нежно погладил шлем, пальцами прочерчивая в пыли полоски. — У этого шлема богатая история. Он принадлежал известному человеку, который впоследствии пропал.

— Кому?

— Об этом поговорим завтра. Сейчас я просто

хотел тебя заинтересовать. Шлем до сих пор в хорошем состоянии: сделан на совесть. Батарейки я в нем заменил, но больше ничего не трогал. Хочешь померить?

Вообще-то, Юкими не хотелось мерить шлем, но признаваться в этом Кораксу было бы грубо. Девочка утвердительно кивнула. Коракс взял шлем со стола, подошел к Юкими сзади и стал аккуратно опускать шлем ей на голову, пока мягкий воротник не сел на плечи. Низ у шлема был открытый, поэтому Юкими дышала совершенно нормально.

— Он плесенью пахнет, — сказала девочка.

— Как и его владелец. Но смотри! Сейчас я нажму внешние кнопки и активирую воспроизведение на головном дисплее.

Коракс нажал несколько кнопок на шлеме. Юкими услышала негромкий писк и щелчки.

Потом все изменилось.

Девочка по-прежнему была в пищеблоке и по-прежнему смотрела на Коракса. Но на реальную картинку теперь наслаивалась еще одна, полупрозрачная. Юкими видела местность, явно марсианскую; картинка медленно двигалась и раскачивалась из стороны в сторону, словно кто-то снимал на ходу. Неведомый оператор при-

ближался к обрыву, за которым начинался крутой спуск. Чем ближе был обрыв, тем медленнее шел оператор, потом ракурс сместился вниз. Юкими увидела нагрудник своего скафандра, неожиданно старого и громоздкого, запыленные ботинки, марсианскую землю, место — сразу за носками ее ботинок, — где земля резко уходила вниз.

— Это Долина Маринера, — сообщил Коракс. — Самые глубокие каньоны Марса. Правда глубокие, да?

Юкими кивнула. Она чувствовала легкое головокружение, даже сидя за столом.

— Туда можно отправиться и сейчас, но панорама стала другой, — продолжал Коракс. — Каньоны заполнены водой, которой все больше, потому что уровень моря повышается. Там, где стою я, то есть ты, появилась цепочка подкупольных курорт-отелей. Когда атмосфера уплотнится и станет пригодной для дыхания, купола снесут, а сами отели останутся. — Коракс сделал паузу. — Нет, я не жалуюсь и не возражаю против терраформирования. Здорово будет видеть лодки, плывущие по марсианским морям, под марсианскими небесами. Видеть под этими небесами людей, передвигающихся свободно, без скафандров и куполов для поддержания жизни. Видеть по

утрам Землю… Благодаря терраформированию мы обретем что-то удивительное. Но что-то и потеряем. Просто мне кажется, что за возможными потерями нужно внимательно следить.

— Мы сможем вернуть все на свои места, — сказала Юкими. — Если новый Марс нам не понравится.

— Нет, не сможем, — возразил Коракс. — Не сможем, даже если очень захотим. Если мы меняем мир, он меняется безвозвратно. — Он потянулся к шлему и отключил головной дисплей. — А теперь как насчет того, чтобы поесть?

Наутро они выбрались из Скрепера — выехали из чрева огромной машины по рампе на маленьком четырехколесном багги.

— Просто устроим небольшую экскурсию, — заверил Коракс, явно поняв, что Юкими беспокоится: вдруг они не вернутся к прилету флайера, который ожидался после обеда? В гермокабине багги царили тепло и уют. Юкими была в той же одежде, что и за день до того, Коракс — в том, что надевал под скафандр, который по неизвестной для девочки причине уложил в задний багажник багги.

— Скрепер нормально без вас обойдется? — спросила Юкими, когда багги выехал из его тени

и заскакал по камням и бороздам.

— Не волнуйся, пару часов он о себе позаботится.

На поверхность сознания Юкими всплыл неудобный вопрос.

— Обслуживать его всегда будете вы?

Прежде чем ответить, Коракс объехал кратер.

— Пока те, кто оплачивает мое содержание, не решат иначе. — Он искоса посмотрел на Юкими и криво улыбнулся. — А что? Думаешь, старина Коракс не годится для этой работы?

— Не знаю, — честно ответила девочка. — Сколько вам лет?

— А по-твоему, сколько?

— Вы старше моей тети, но сколько лет ей — я не знаю. Она тоже с Земли.

— Разве я говорил, что я с Земли?

— Вы сказали о соборах, — напомнила Юкими.

— Я мог ездить туда как турист.

— Но ведь это не так.

— Не так, — в конце концов признался Коракс. — Я турист, но здесь.

Они ехали по марсианской пустоши, наматывая километр за километром. Пульта управления Коракс почти не касался: багги вел себя сам. На земле просматривались следы шин, и Юкими

подумала, что в последние несколько дней Коракс, вероятно, бывал здесь. Багги огибал одно препятствие за другим, и со временем Скрепер превратился в темный, щетинящийся трубами бугорок, который словно прилип к горизонту. Потом исчез и он.

Начался спуск. Впереди, отражая солнечные лучи, как лист фольги, лежало не то большое озеро, не то маленькое море со сложной, извилистой береговой линией. Другой берег не просматривался, хотя багги был намного выше уровня моря. Юкими старалась запомнить форму озера и его вид сверху, чтобы отыскать на карте. Это оказалось непросто, поэтому она достала и открыла компаньона: пусть запишет панораму за лобовым стеклом.

— Хочешь знать, где мы находимся? — спросил Коракс.

Юкими кивнула.

— Приближаемся к Стоянке Кроува. Слышала о таком городе?

— Кажется, нет.

— Неудивительно. Он стал городом-призраком несколько десятилетий назад. Вряд ли он есть на новых картах. Если есть, то скоро исчезнет.

— Почему?

— Потому что скоро он окажется под водой.

По змеящейся тропе багги спустился вниз, к берегу озера, и Коракс взял управление в свои руки. Когда они приблизились к воде, Юкими разглядела под самой поверхностью бледные круги и прямоугольники. Точь-в-точь фигурки на игровом поле — некоторые были погружены чуть глубже, — они тянулись прочь от берега. Юкими поняла, что это крыши и стены ушедших под воду зданий.

— Здесь был город?

— Да, — кивнул Коракс. — Давным-давно. У Марса сейчас второй виток истории — может, даже третий. Я помню времена, когда Шалбатана была метеостанцией, половину времени стоявшей без персонала, а Стоянка Кроува — крупным поселением. Не основной, но одной из четырех-пяти крупнейших колоний на Марсе. Да, поселения тогда именовались колониями. Времена были другие.

Коракс медленно завел багги в воду, пробираясь по затопленной улице между двумя рядами домов. Юкими с опаской наблюдала, как вода заливает колеса, поднимается за окнами кабины.

— Не волнуйся, багги и в воде работает, — успокоил ее Коракс. — Я на нем километра на четыре

от берега отплывал, а сегодня нам так далеко не надо.

Они ехали по твердой поверхности, так что колеса багги были под водой, но не сильно ее баламутили. В прозрачной воде Юкими видела на десятки метров во всех направлениях. Дорога убежала вниз, вода накрыла крышу кабины, и Юкими стало казаться, что они движутся по обычному, но почему-то пустующему району Шалбатана-Сити. Попадались прямоугольные, цилиндрические, полусферические дома — все с черными окошками и с круглыми, вроде переходных шлюзов, дверями на подъездах. Гермопузыря вокруг Стоянки Кроува, очевидно, не было, и от атмосферы местных жителей защищали только дома. Юкими предположила, что под землей дома соединены тоннелями. Даже в сравнительно новых поселениях вроде Шалбатаны (до чего странно считать родной город новым) строились подземные тоннели, как временное убежище и пути для передвижения, если вдруг с пузырем что-нибудь случится. Юкими с классом ходила туда на экскурсии.

В кабине девочка сидела не одна, а вместе с Кораксом, но медленное перемещение по заброшенной колонии пугало. Зачем только Коракс

назвал ее городом-призраком! Юкими понимала, что это не буквально, но отключить воображение не могла. Проникший под воду свет трепетал, и в окнах Юкими мерещились лица: они появлялись буквально на миг, эфемерные, как бумажные вырезки. Вот они свернули за угол и увидели другой багги: казалось, его только-только оставили у обочины. На вид он был совсем древним, символы на крыле напомнили девочке поблекшую маркировку на старом гермошлеме.

Наконец Коракс остановил багги.

— Ну вот, мы у цели, — торжественно объявил он. — Видишь здание справа от нас, похожее на старую шляпную коробку?

— Да, — неуверенно ответила Юкими.

— В отличие от большинства других, оно до сих пор герметично. А значит, водонепроницаемо. И воздушный шлюз до сих пор работает — энергии в механизме хватит еще ровно на один цикл. Понимаешь, к чему я веду?

— Не совсем.

— Стоянка Кроува уже почти исчезла, а через сто лет ее совершенно забудут. Моря поднимутся, Марс покроется растительностью. Новая цивилизация будет процветать и благоденствовать. Ты, Юкими, вольешься в нее, когда подрастешь.

Увидишь чудесные вещи и сможешь рассказать внукам, каким был мир до того, как трансформ-облака закончили свою работу. — Коракс улыбнулся. — Я тебе завидую. Я прожил долгую жизнь — лекарства мне доставались не лучшие, зато, по крайней мере, вовремя, — но она подходит к концу. Если повезет, ты переживешь меня на века.

Юкими вспомнила обо всем в своей жизни, что случилось не так, как ей хотелось.

— Вряд ли мне повезет.

— Я так не думаю. Тот корабль мог увезти тебя в Миланкович. Что тогда было бы с тобой?

— Хм, — хмыкнула Юкими, которую этот довод не убедил.

— Есть у меня одна идея, — проговорил Коракс. — Появилась она вскоре после того, как я нашел это место и это здание. Марс сейчас меняется, уровень моря повышается. Но так будет не всегда. В один прекрасный день — через тысячу лет или через десять тысяч — вода снова уйдет. Люди к тому времени возьмутся за другие планеты и, возможно, позволят Марсу вернуться в исходное состояние. Так или иначе, Стоянка Кроува проступит из-под воды. А это здание попрежнему будет здесь и останется герметичным.

— Вы не можете знать наверняка.

— Сомнений почти нет. Шансов уцелеть у этого здания больше, чем у всего, что есть на Марсе сейчас, и у всего, что появится. Скоро здесь будут леса, а там, где нет лесов, — густонаселенные города. На Марсе будут и погода, и грозы, и история. Только этому зданию ничего не страшно. Оно — ближайшее подобие капсулы времени. Поэтому мы сюда и приехали. — Коракс ввел несколько команд на пульте управления и тяжело поднялся. — Помнишь шлем, который я нашел? Он принадлежал Кроуву, одному из первых исследователей Марса.

— Вы уверены?

— Да, вполне. Как я уже говорил, у шлема богатая история. — Коракс сделал паузу. — Я положу шлем в то здание. Он — часть прошлого, напоминание о том, каким был Марс. Не кусок металла и пластика, а исторический документ, живое свидетельство. Я показал тебе лишь малую часть хранящегося в нем. Старый дурак оставил тысячи часов футажа, а еще записи в журнале — куча мыслей, изложенных для потомков. Стариковская болтовня… но вдруг она кого-нибудь заинтересует? Все это добро сохранится в шлеме до того времени, когда его найдут.

В представлении Юкими будущее ограничивалось семнадцатилетием, когда она получит вожделенный доступ в дополненную реальность. Дальше все было покрыто мраком. Века, тысячелетия — какая разница?

— А в этом добре разберутся?

— Ну, может, не сразу, — допустил Коракс. — Именно для этого существуют историки и археологи. Я тут подумал: раз мы оставляем одну памятку, почему бы в дополнение к шлему не оставить еще одну?

Юкими задумалась.

— Вы о моем компаньоне?

— Твои мысли и наблюдения не менее ценны, чем записи Кроува. Разумеется, ты будешь скучать по дневнику. Возможно, придется объясняться с сестрой, когда она выяснит, что случилось с твоим компаньоном. Если, конечно, ты скажешь ей правду. Но пока подумай о том, какой поступок ты можешь совершить. Ты отправишь послание в будущее. Подарок из прошлого для марсианской цивилизации, которой еще не существует. Чем бы все ни обернулось, ты оставишь свой след.

— Мои мысли никого не интересуют, — возразила Юкими.

— Не прибедняйся! Кстати, есть время сделать еще одну запись. Расскажи, как попала сюда. Расскажи, какое у тебя сегодня настроение; расскажи, почему вчера сбежала из дома. Злись. Грусти. Дай волю чувствам!

— Мне легче не станет.

— Станет, честное слово! В самую трудную минуту ты скажешь себе: «Один невероятный поступок я совершила. Ничего подобного никто не делал и никогда не сделает. Поэтому я особенная».

Юкими подумала о компаньоне. Потрепанный, не самый умный на свете, но это подарок Ширин, и Юкими его любит. Он напоминает о старшей сестре, о том как весело им было, прежде чем Ширин охладела к детским играм и стала смотреть в небеса, мечтая о переустройстве миров.

А вот Ширин своим компаньоном дорожит? Легко было ей обещать перед отъездом, что она выполнит свои обязательства. Порой Юкими казалось, что сестра вспоминает о дневнике, лишь когда угрызения совести заставляют отправить очередное сообщение.

— Не знаю, как ты, а я наш уговор не забывала, — сказала вслух Юкими. Она не выпускала компаньона из рук с тех пор, как показала ему

озеро.

— Хочешь побыть одна? — спросил Коракс.

Юкими кивнула.

Девочка осталась в багги, а Коракс взял шлем, компаньона и побрел к герметичному зданию. Из багги он выбрался в водолазном скафандре, снова превратившись в монстра. Сделал несколько шагов, обернулся и помахал рукой. Юкими помахала в ответ. Лица его видно не было, но теперь она знала, что под жутким скафандром — Коракс, и не боялась. Коракс относился к ней по-доброму и в какой-то мере понимал ее переживания.

Коракс проник в здание через входной шлюз. Из-за двери вылетели пузыри, потом все стихло. Юкими подумала, что Коракс быстро оставит шлем с компаньоном и вернется, — тем более в здании он уже бывал.

Багги пришел в движение.

Старт получился внезапным, но целенаправленным: дело было не в подводном течении и не в ослабших тормозах. Багги начал разворачиваться, чтобы ехать в обратном направлении. Это же неправильно! Юкими беспомощно смотрела на панель управления с множеством кнопок, ручек и рычажков. Куда тут нажимать? Горела красная панель, очевидно обозначавшая аварийную

остановку. Юкими шлепнула по ней ладонью — ничего не случилось, — потом еще раз и еще. Девочка схватила рычаг управления, которым пользовался Коракс, дернула его вправо, затем влево. Машина не откликалась; она уже выбиралась из озера, вода стекала с опустившейся крыши.

— Стой! — крикнула Юкими. — Коракс еще не вернулся!

Либо тупой багги не мог оценить ситуацию, либо Коракс запрограммировал его так, чтобы игнорировать Юкими.

Наконец багги оказался на берегу. Едва зыбь улеглась, Юкими увидела очертания Стоянки Кроува. Здание осталось на месте. Ничего не изменилось. Но теперь под водой, в герметичном здании, был Коракс, облаченный в водолазный скафандр.

Юкими вспомнила, как перед выходом из багги старик набивал команды на панели управления. Он велел машине через определенное время вернуть ее к Скреперу?

Потрясенная до глубины души, Юкими понимала, что сделать ничего не может. Остаток пути она просидела молча.

Флайер прилетел вскоре после того, как багги

вернулся в чрево Скрепера. Одна-одинешенька, едва способная разговаривать, Юкими сидела в пищеблоке Скрепера, когда со стороны аппарельного въезда послышались шаги. Коридор был длинным, но металлический пол так и гудел. Вскоре в пищеблок вошли двое взрослых — моложавый мужчина с тяжелой сумкой в руках и мрачный, обеспокоенный отец Юкими. Девочка приготовилась к взбучке, а отец бросился к ней и обнял.

— Прости нас! — сказал он. — Мы не представляли, каково тебе.

— У меня проблемы? — спросила Юкими, когда к ней вернулся дар речи.

— Нет, — успокоил ее отец, — проблемы у меня. У тебя из-за этого проблем не будет. Ни сейчас, ни потом — вообще никогда.

Он снова обнял Юкими, словно не мог поверить, что это не сон, что она рядом.

— А где старик? — спросил другой мужчина.

— Вы, наверное, о Кораксе? — уточнила Юкими.

— Да, о Кораксе. — Моложавый мужчина поставил сумку на стол и начал выкладывать содержимое. — Я его сменщик. Флайер прислали для того, чтобы я занял его место. Спонсоры бес-

покоились, что он староват для такой работы.

— Коракс не вернется, — проговорила Юкими. Моложавый мужчина сделал недовольное лицо, словно она ему надерзила.

— Что значит «не вернется»? Что с ним случилось? Где он?

Юкими посмотрела ему прямо в глаза, призывая серьезно отнестись к тому, что она сейчас скажет:

— Это касается только меня и Коракса.

— Юкими, ты как, ничего? — осторожно спросил отец.

— Да, я в порядке, — ответила девочка, и, по крайней мере в тот момент, так оно и было. Она грустила из-за Коракса, грустила, что больше его не увидит. Впрочем, свой поступок Коракс наверняка запланировал задолго до того, как она проникла на корабль. Он поделился с ней мыслями, позволил положить компаньона в капсулу времени, а перед этим записать свои мысли — мысли, полные горечи, боли, злости: это честь, это секрет, который навсегда останется с Юкими. Что бы ни случилось дальше, какие бы трудности ни поджидали ее семью, Юкими будет знать, что участвовала в чем-то необыкновенном и прекрасном. Ее секрет не раскроется до тех пор,

пока моря не отступят, в невозможно далеком будущем Марса, ее родного Марса.

Флайер взлетел, оставив моложавого мужчину на Скрепере. Они взяли курс на Шалбатана-Сити, и отец позволил Юкими сесть у иллюминатора. Прижав нос к стеклу, девочка всматривалась в пролетающую внизу местность: где-то там должно быть озеро, под которым скрылась Стоянка Кроува. Она увидела несколько водоемов, следы шин. Некоторые показались смутно знакомыми, но с высоты, с совершено иного ракурса, Юкими не могла определить точно.

— Ширин возвращается с Венеры, — прервал затянувшееся молчание отец.

— Ой! — только и ответила Юкими.

— Ей жаль, что она не общалась с тобой так часто, как хотелось.

— И мне жаль.

— Юкими, она серьезно. Я видел, как она расстроена.

Девочка ответила не сразу. Она смотрела на проносящуюся внизу землю, думала о Кораксе в водолазном скафандре, о старике и марсианском море. Потом взяла отца за руку.

— Я буду рада видеть Ширин, — сказала она.

После успешной публикации антологии «The

Starry Rift» Джонатан Стрэн провел в Сети кастинг произведений для юношества, на тему освоения Марса. Эта новелла — моя попытка, и, хотя сюжет вполне прямолинеен — меня в процессе работы не тянуло выписывать кренделя, — реализовался он в исключительно сложных обстоятельствах. У моего отца в конце лета 2009-го диагностировали последнюю стадию рака и предупредили, что он доживет от силы до весны. Из больницы он вернулся домой на паллиативное лечение, и я старался ездить к нему как можно чаще. В один из таких визитов, когда выдалось несколько спокойных часов, в борьбе с этой вещью у меня случился прорыв. Помнится, отец был рад — его ободряло то, что в абсолютно сюрреалистической ситуации кто-то рядом с ним живет «нормальной» жизнью. Случилось так, что отец умер через несколько недель после того, как мы узнали диагноз, и эта новелла оказалась последним из написанных мною в том году фантастических произведений. Да и в следующем я начал писать далеко не сразу.

В известной степени творчество облегчает жизненные проблемы, но рано или поздно — по крайней мере, судя по моему опыту — проблемы все же берут свое.

Вот черновые заметки к этому рассказу.

«Марс, очень далекое будущее. Уйма диковинной экзотики, прорывных технологий, неожиданных странностей. Сильнейшее чувство уплотнения истории. Слои прежних цивилизаций и поселений, раскопки на руинах прошлого. Юный главный герой. Терраформирование — это хорошо или плохо?»

«Марс — эпицентр человеческой цивилизации, Земля — глухомань. Спустя века возвращаются межпланетные путешественники. Неудачный полет. Марсианский ремонтник. Ветераны войны. Марс перемещен на другую орбиту, у него изменилась гравитация».

«Внеклассный урок по истории, скучающие дети и учитель попадают в беду, пытаясь привести в действие какую-то погребенную древнюю технику. Кто придет им на помощь?»

«Автономные машины для строительства и терраформирования из прошлого. По задворкам Марса ползают загадочные гигантские механизмы, предоставленные самим себе».

«Активный, находчивый главный герой».

«Заяц на роботизированном грузовом дирижабле, у него проблемы».

Среди фоновых деталей этой новеллы, возмож-

но, вы заметите зародыши идей, которые позднее я высказал в романах цикла «Poseidon's Children».

Учитывая, что случилось в этих книгах с Марсом, полагаю, мы вполне можем считать означенные идеи не относящимися к миру, где происходит действие данного рассказа.

Железный Тактик

Укрытие
Часть первая

«Грань между красотой и ужасом, — подумал Мерлин[14], — очень тонка». Тем более когда имеешь дело с Путем. Как ни соблазнительно было думать, что увиденное ими из иллюминатора катера — лишь мираж, всегда наступал момент, когда загадочный артефакт, именуемый свирелью, начинал мурлыкать, вибрируя в своих металлических креплениях. Свирель ощущала близость Пути и стремилась сделать то, для чего была создана.

Это, похоже, беспокоило всех, кроме Иволги.

— Красников! — изрекла она, произнося незнакомое имя, словно ругательство.

Иволга была самой молодой и самой сообразительной из четырех учеников, согласившихся сопровождать Мерлина в этой командировке. Остальные сперва обрадовались, что она присоединилась к маленькой свите Мерлина; им не терпелось послушать ее догадки касательно

---

[14] Примечания: 14

Merlin *(англ.)* — кречет. Выбор имени для главного героя объясняется в авторском послесловии к «Цветам Минлы».

Пути и таинственных Пролагающих Путь. Но в тесном катере очарование Иволги развеялось с впечатляющей скоростью.

— Красников? — переспросил Мерлин. — Извини, мне это все равно ничего не говорит. — Он посмотрел на вытянувшиеся лица остальных. — Тебе придется нас просветить, Иволга.

— Красников был… — она на мгновение умолкла, — ну, полагаю, человеком. Он жил десятки килолет назад, задолго до Пролагающих Путь, даже до Расцвета. У него была идея насчет того, как передвигаться быстрее света, не сопряженная ни с червоточинами, ни с тахионами.

— Этого не может быть, Иволга, — сказал долговязый юноша с сальными волосами. Его звали Ткачиком. — Невозможно двигаться быстрее света, если не брать материю с отрицательной плотностью.

— Подумаешь! Ткачик, по-твоему, Пролагающих Путь это волновало бы?

Мерлин улыбнулся и подумал, что проблема с Иволгой вот в чем: когда она на чем-нибудь настаивает, то приводит веские доводы.

— Но Путь, вообще-то, не позволяет путешествовать быстрее света, — сказал другой ученик. — Насколько нам известно.

— Конечно. Я лишь говорю, что Паутина Пути могла быть попыткой создать сеть из труб Красникова, но она сработала не совсем так, как планировали ее создатели.

Мерлин хмыкнул:

— А что такое труба Красникова?

— Зона измененного пространства-времени в форме трубы протяженностью в световые годы. Почти как участок Паутины. Суть в том, чтобы обеспечить путешествия в другие звездные системы, в оба конца, за сколь угодно краткое объективное время.

— Вроде червоточины? — спросил Ткач.

— Нет. Математические формулы абсолютно другие. — Иволга вздохнула и посмотрела на Мерлина в поисках моральной поддержки. Он кивнул ей: продолжай, — понимая, что она уже безвозвратно отстранилась от остальных. — Но там, видимо, есть какая-то хитрость. Ясно, что две смежные трубы Красникова, идущие во встречном направлении, нарушают причинно-следственные связи. Возможно, когда это произошло…

— Они получили что-то наподобие Паутины?

Иволга кивнула Мерлину:

— Не статичную трубу реструктурированного

пространства-времени, но движущуюся колонну, мчащуюся лишь чуть медленнее скорости света. Конечно, это тоже было полезно. Корабли могли идти по Пути, пересекать межзвездное пространство в сплошном тау-факторе, а под конец мгновенно сбрасывать скорость, просто выходя из потока.

— Все это очень круто, — произнес Ткачик. — Но если ты такой эксперт, почему не скажешь, как сделать, чтобы свирель работала нормально?

— Вы бы все равно не поняли, — сказала Иволга.

Мерлин уже готов был вмешаться. Напряженные отношения — это одно, но он не желал терпеть перепалок на борту катера. Но тут его спасла перчатка — начала покалывать тыльную часть руки, сообщая о приватном вызове с корабля-матки. Он с облегчением отстегнул привязные ремни и оттолкнулся от четверых юнцов.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — Постарайтесь друг друга не придушить, ладно?

Катер был узким, всего сорок метров в длину, и неудивительно, что за четыре дня, проведенные за пределами «Колибри», начались столкновения характеров. Воздух тоже был резким от юношеских феромонов; Мерлин не помнил такого со

времен прошлой поездки. Юнцы вырастали и переставали быть его безусловными поклонниками.

Мерлин прошел мимо свирели, установленной вдоль корпуса корабля на металлических креплениях. Этому конусообразному устройству было десять тысяч лет, но его матовая черная поверхность не имела никаких отметин. Оно все еще мурлыкало, словно сытый кот. Чем ближе они подходили к Пути, тем сильнее откликалась свирель. Она хотела освободиться, и вскорости — Мерлин на это надеялся — ее желание должно было исполниться.

Старейшины, конечно же, будут недовольны.

За свирелью располагался узкий проход с прозрачными стенами. Он вел в личные покои Мерлина. Мерлин оттолкнулся и поплыл по проходу; после четырех дней адаптации падать было легко и удобно. Зрелище, конечно, потрясающее. Мерлин, как всегда, притормозил и полюбовался им.

Звезды впереди сбились в кучу, уйдя со своих реальных мест, их яркость и оттенки изменились из-за аберрации, вызванной движением катера. Он шел на скорости в девять десятых световой. В стороне от искаженного звездного скопления

висел огромный корабль-поглотитель «Колибри» — народ Мерлина называл его домом. «Колибри» находился слишком далеко, и разглядеть можно было только слепящий голубой огонек на корме. Он напоминал небрежно размазанную звезду. Однако же, кроме тех четырех, что были сейчас с Мерлином, все остальные известные ему люди находились на «Колибри».

А еще там был Путь.

Он располагался в противоположной полусфере неба. Нечто вроде призрачного трубопровода, рядом с которым они летели, — трубопровода в десять тысяч километров шириной и в тысячи световых лет длиной. Путь приглушенно мерцал: это крохотные космические частицы аннигилировали, сталкиваясь с его поверхностью. Большинство столкновений производили пылинки, двигавшиеся со скоростью всего лишь несколько километров в секунду относительно звездной покоящейся системы координат этой части пространства, и казалось, что эти вспышки проносятся мимо с бешеной скоростью, так что глазам было больно. Не просто трубопровод, а прозрачный трубопровод, заполненный мерцающей жидкостью, что текла с пугающей скоростью.

Возможно, вскоре они заново освоят искусство передвижения по нему.

Мерлин пробрался в свою каюту и увидел на консоли комма лицо брата. Они не были близнецами — Коростель был на год младше, — но все-таки очень напоминали друг друга. Почти как смотреться в зеркало.

— Ну? — сказал Мерлин.

— Боюсь, у нас проблемы.

— Дай угадаю. Это связано с Перепелом?

— Ну, капитан не очень-то рад, скажем так. Сперва ты забрал без разрешения свирель, потом катер, а еще у тебя хватило духу не возвращаться, когда старый хрен этого потребовал. — Лицо на экране не улыбалось, но Мерлин понимал, что произвел на брата изрядное впечатление. — Но на самом деле проблема не в этом. Я имею в виду, проблема у нас у всех. Перепел хочет видеть всех старших у себя в переговорной в восемь часов.

Мерлин подумал, что он как раз успеет отпустить свирель и вернуться на «Колибри». Это, конечно, не то же самое, что получить время на проведение комплексных испытаний, но тоже чертовски соблазнительно. Так удобно, что почти подозрительно.

— Я не слыхал, чтобы на горизонте возник ка-

кой-то кризис.

— Я тоже, и вот это меня беспокоит. Мы чего-то не учли.

— Хескеры втихаря обогнали нас? Ладно. Надеюсь, я буду пребывать в счастливой деменции, когда они подберутся к нам на расстояние выстрела.

— Главное, прибудь на совещание, ладно? А то проблемы будут у нас.

Мерлин улыбнулся:

— Для чего же еще нужны братья?

Овальная переговорная протянулась на сотни метров внутри бронированного корпуса «Колибри». Освященный традицией старинный стол из красного дерева окружали стены с тщательно выписанными фресками. Концы стола прогнулись от старости, а фрески от времени потемнели и стали цвета сепии. В одном углу проктор медленно восстанавливал художественное произведение, представлявшее собой историческую ценность. С усердием автомата он передвигался от одной сцены к другой, делал цвета ярче, очищал мазки, от времени ставшие размытыми.

Мерлин протиснулся мимо приземистой машины.

— Ты опоздал, — сказал Перепел, уже сидевший

на своем месте. — Полагаю, твое путешествие дало результаты? — Мерлин начал было придумывать ответ, но Перепел заговорил опять. — Хорошо. Теперь садись. Если бы я не сделал тебе отдельного выговора, ты бы счел это очень скверным знаком.

Мерлин молча прошел к своему стулу и уселся.

Что же такого серьезного стряслось?

Кроме сухопарого серокожего капитана в переговорной собрались пятнадцать старейшин корабля. Все они, кроме Мерлина, были в полном церемониальном облачении, с медалями и знаками своего ранга. Это был Совет — высший орган корабля, не считая самого Перепела. Один старейшина на каждую дюжину субстарейшин, один субстарейшина примерно на сто членов экипажа. Эти пятнадцать человек представляли около пятнадцати тысяч других людей, работавших, отдыхавших или спавших в обширных помещениях корабля. Бóльшая часть работ была связана с уходом за двумя сотнями тысяч человек, что лежали в анабиозе, — беженцев из десятков систем. Груз ответственности был тяжким, особенно если учесть, что «Колибри» уже много столетий не встречал других человеческих кораблей. Никто не становился старейшиной

по умолчанию, и все присутствующие, включая Мерлина, заслужили право сидеть рядом с Перепелом. Даже, подумал Мерлин, его противники в Совете. Как та же Дрофа. Эта женщина, отличавшаяся холодной красотой, носила черный мундир с воротником-стойкой, украшенный прихотливой черной вышивкой на манжетах и воротнике. Она постукивала пальцами по древнему дереву стола, и ее черные кольца звякали, сталкиваясь друг с другом.

— Мерлин, — сказала она.

— Дрофа. Как дела?

Женщина смерила его ядовитым взглядом:

— Сообщают, что ты взял одну из двух последних свирелей без прямого разрешения Совета, то есть секции по изучению Паутины.

Мерлин открыл было рот, но Дрофа решительно качнула головой:

— Нет. Даже и не думай выворачиваться. Я прослежу, чтобы этого не повторилось. По крайней мере, на этот раз ты вернул ее целой и невредимой. Ведь так?

Мерлин улыбнулся:

— Я ее не вернул. Она все еще там, приближается к Пути. — Он продемонстрировал Дрофе краткую сводку на тыльной стороне кисти. — Я

разместил ее снаружи, на автоматизированном дроне.

— Если ты ее уничтожишь… — Дрофа оглядела унылые лица присутствующих в поисках поддержки. — Тебя ждет трибунал, Мерлин. Или что-нибудь похуже. Как всем известно, ты изучаешь свирели только потому, что получаешь возможность отправиться на поиски нелепых приключений.

Перепел кашлянул:

— Деятельность Мерлина мы обсудим позже, Дрофа. Это может показаться чуть менее насущным, когда ты выслушаешь меня.

Завладев общим вниманием, старик понизил голос до едва различимого полушепота:

— Боюсь, у меня на редкость скверные новости.

«Вот оно», — подумал Мерлин.

— Как помнят некоторые из нас, — сказал Перепел, — наши жизни определил один факт. Оглядываясь на пройденный нами путь, мы всегда знаем, что они там, где-то позади. На расстоянии плюс-минус тридцати световых лет, по последним оценкам, но при этом неуклонно приближаются, примерно на один световой год за каждые пять лет корабельного времени. Через

полтора столетия мы окажемся в пределах досягаемости их оружия.

Перепел кивнул на стену с фресками — на одну особенно ожесточенную сцену: корабли, ведущие перестрелку над охваченной пламенем планетой.

— Это будет скверно, — объявил он. — В лучшем случае мы сможем уничтожить один-два элемента роя, прежде чем они нас прикончат. Однако мы научились жить с этим, иногда почти не вспоминая о них, по той простой причине, что все это далеко в будущем. Возможно, самые молодые доживут, но меня среди них определенно не будет. И конечно же, мы цепляемся за надежду на то, что завтрашний день укажет неведомый сегодня путь к спасению. Более совершенное оружие или новые физические процессы, дающие возможность выжать из наших двигателей чуть больше, чтобы мы смогли оторваться от врага.

Это было правдой. Они знали об этом на протяжении многих лет. Они каждый день просыпались с этим. Никто ничего толком не знал о хескерах, кроме того что это безжалостные инопланетные киборги откуда-то из центра галактики. Казалось, они стремятся лишь к одному — полностью уничтожить человечество во всех

местах, занятых людьми с момента Расцвета. Они действовали с ледяным терпением. Война длилась уже многие килогоды.

Перепел глотнул воды и продолжил:

— Теперь я должен сообщить вам о крайне тревожном открытии.

Над столом вспыхнули звезды: сотни и тысячи звезд рассыпались кружевными узорами, словно пряди водорослей. Это была карта окрестностей — на несколько сотен световых лет в каждую сторону, — и Путь рассекал ее, словно голубой луч лазера. На карте были отмечены и «Колибри», рядом с Путем, и преследующий его рой вражеских кораблей.

А потом впереди, почти рядом с Путем, вспыхнуло новое пятно.

— Вот это тревожное открытие, — сказал Перепел.

— Источник нейтрино? — спросил Мерлин, изо всех сил пытаясь скрыть, что его внимание разрывается надвое.

— Скопление источников у нас на пути, примерно в ста световых годах. Спектроскоп говорит, что они более-менее стационарны относительно окрестных звезд. Значит, это не рой, идущий наперехват, но боюсь, что на этом хорошие новости

заканчиваются.

— Хескеры? — спросил Коростель.

— Несомненно. Вероятнее всего, мы движемся прямиком к главному оперативному скоплению, сотням кораблей, эквиваленту наших материнских баз или кольца заводов. Они почти наверняка вооружены до зубов и не собираются позволить нам спокойно пройти мимо. Короче говоря, мы убегаем от одного роя к другому, еще больше первого.

Воцарилось молчание. Старейшины, включая Мерлина, переваривали новость.

— Ну, тогда все, — сказал другой старейшина, белобородый и лысый Жаворонок, руководивший кадетами. — Остается одно — изменить курс.

— Тактически рискованно, — возразил Коростель.

Жаворонок потер красные от усталости глаза. Судя по всему, он уже давно бодрствовал — возможно, был посвящен в эту новость раньше других, застигнутых теперь врасплох.

— Да. Но что еще мы можем сделать?

— Есть один вариант, — сказал Мерлин и увидел, что выведенные на перчатку данные изменились. Датчики, установленные на свирели, наконец-то засекли некую активность. С

учетом того, что он собирался предложить, это воистину было иронией судьбы. — Программа ускоренного выхода на Путь. Даже если впереди засада, хескеры не смогут дотянуться до корабля, идущего по Пути.

Дрофа презрительно усмехнулась:

— Тот факт, что лучшие умы Когорты безрезультатно бились над этим на протяжении килолет, не подрывает твоего оптимизма?

— Я лишь сказал, что наши шансы отличны от нулевых.

— Полагаю, можно попытаться отыскать твое супероружие, пока мы здесь?

— На самом деле, — сказал Перепел, снова повышая голос, — есть и третий вариант, о котором я еще не упомянул. Видите карту?

Перепел добавил на нее еще одну звезду, которой прежде не было видно. Она лежала прямо по курсу, всего лишь в нескольких десятках световых лет. Пошевелившись, чтобы создать параллакс, старейшины увидели, что звезда почти в точности совпадает с Путем.

— У нас есть шанс, — сказал Перепел. — Небольшой, но это лучше, чем ничего. В этой системе мало планет: несколько каменистых и один газовый гигант с лунами. Никаких признаков

присутствия людей. И все же Путь проходит прямиком через эту систему. Возможно, это случайное совпадение… или Пролагающие Путь хотели включить систему в свою сеть.

Мерлин кивнул. Какой бы обширной ни была Паутина, она все же включала лишь около десяти миллионов звезд. Десять миллионов — вроде бы огромное число, но на каждую звезду сети приходилось сорок тысяч звезд, до которых можно было добраться лишь традиционным способом.

— Далеко до нее? — спросил Мерлин.

— Если мы не изменим курс, — ответил Перепел, — то доберемся туда через несколько десятилетий мирового времени. Вот что я предлагаю. Мы сбросим скорость, остановимся в этой системе и спрячемся в ней. У нас будет тридцать лет до появления хескеров. Будет время, чтобы найти лучшие укрытия и замаскироваться так, чтобы нас не обнаружили.

— Они будут искать нас, — сказал Жаворонок.

— Необязательно, — заметил Перепел. Взмахнув руками, он сжал их, а потом медленно развел в стороны. — Мы можем разделить «Колибри» на две части. Одна будет по-прежнему двигаться вперед с нашей нынешней скоростью, при которой хескеры постепенно нас догонят. Вторая,

меньшая, часть резко убавит ход, но ее лучеиспускание будет направлено в противоположную от чужаков сторону. Мы можем точно отрегулировать направление луча, чтобы тот рой, который впереди, тоже не засек его.

— Это… впечатляет, — сказал Мерлин. Теперь он держал руку в перчатке под столом, не желая, чтобы кто-нибудь увидел поступающие на нее плохие новости. — Если ваш стиль — прятаться.

— Стиль тут ни при чем — просто рациональная надежда.

Перепел оглядел переговорную. В этот момент он казался более старым и хрупким, чем подобает капитану. Заострившиеся скулы выпирали на лице.

Заговорил Жаворонок:

— Капитан! Я хотел бы командовать той частью корабля, которая продолжит полет.

Послышались одобрительные шепотки. Жаворонок определенно был не единственным, кто предпочитал не прятаться, даже если большинство пожелает последовать за Перепелом.

— Погодите, — сказала Дрофа. — Если мы отправим людей вперед в качестве приманки, но они будут знать правду, мы рискуем тем, что со временем хескеры тоже узнают это.

— Ничего, мы рискнем, — огрызнулся Перепел.

— Никакого риска, — сказал Жаворонок. — Даю слово, что я лично уничтожу свой корабль, но не допущу, чтобы он достался хескерам.

— Мерлин! — позвал капитан. — Ты с нами?

— Конечно, — сказал Мерлин, выходя из мрачной задумчивости. — Я полностью поддерживаю ваше предложение… так как обязан это сделать. Несомненно, у нас будет время полностью замаскироваться и скрыть свои следы, прежде чем рой пройдет рядом. Только вот одно…

Перепел склонил голову набок и подпер ее рукой, как человек, умирающий от усталости.

— Да?

— Вы сказали, что эта система почти ничем не примечательна. Но разве само присутствие Паутины не делает ее примечательной?

— Нет, — сказал Перепел. Его терпение явно истощилось. — Нет, тут кое-что другое. Небольшая аномалия в соотношении массы и световой мощности звезды. Но я сомневаюсь, что это имеет значение. Смотри на вещи оптимистично, Мерлин. Ты сможешь проводить исследования, пока остальные будут заниматься скучной работой по маскировке. И у тебя будут твои драгоценные свирели, не говоря уже о близости Паутины. И

куча времени на все эксперименты, какие ты только сможешь придумать. Я даже уверен: ты сделаешь что-нибудь — и эти две свирели протянут достаточно долго, а тогда…

Мерлин снова посмотрел на свою перчатку, надеясь, что в полученных данных есть ошибка либо что глаза его обманули. Но нет.

— Это одна свирель, — сказал он.

Нагие и переплетенные, Иволга и Мерлин словно парили в космосе, воспламеняя средоточие человеческого тепла между ними. Исчезновение стен маленького корабля было задумано, чтобы удивить Иволгу и произвести на нее впечатление. Мерлин скрупулезно его спланировал. Но вместо этого Иволга начала дрожать, хотя в каюте ничуть не похолодало. Мерлин провел рукой по бедру женщины, ощущая, как ее кожа покрывается пупырышками.

— Это всего лишь фокус, — сказал он Иволге, уткнувшейся лицом ему в грудь. — Снаружи нас никто не увидит.

— Сила и мудрость! Мерлин, мне стало так холодно! Я чувствую себя такой маленькой и уязвимой, словно огонек свечи.

— Но ты со мной.

— Это ничего не меняет. Ну как ты не пони-

маешь? Мерлин, ты всего лишь человек, а не защищающая меня Божественная сила.

Мерлин недовольно заворчал, но, сознавая, что момент испорчен, вернул стены на место. Звезды по-прежнему были видны, но теперь стал заметен и удерживающий их в каюте корпус из просвечивающего метасапфира, исписанный управляющей графикой.

— Я думал, тебе понравится, — сказал он. — Особенно сейчас, в такой день.

— Просто слишком неожиданно, вот и все. — В ее голосе послышались примирительные нотки. — Кстати, а где оно?

Мерлин отдал кораблю очередную беззвучную команду, избирательно увеличивая карту, пока объект интереса Иволги не очутился в центре внимания. Они увидели корабль-поглотитель, разделяющийся на две неравные части, словно насекомое, проходящее некий завершающий, незапланированный метаморфоз. Шесть лет прошло с тех пор, как было окончательно решено действовать по плану Перепела. За это время Иволга и Мерлин стали любовниками. Перепел же умер.

Что бы ни было поставлено на кон, оказалось, что разделение — это прекрасно. «Колибри»

больше не существовало. Его перестройка потребовала титанических усилий, в той или иной степени затронувших всех. Основная масса корабля пришлась на ту часть, которая продолжила двигаться релятивистски. Ее назвали «Варакушка», и она несла примерно треть спящих, наряду с Жаворонком и немногими старейшинами и субстарейшинами, решившими последовать за ним. Стоит ли говорить о том, что бóльшая часть оружия перешла к Жаворонку не без споров, и главным спорщиком была Дрофа. Но Мерлин не осуждал его за это.

Меньшую часть назвали «Скворец». Это был корабль, рассчитанный всего на одно путешествие, до новой системы. На нем было полно легких многоцелевых судов для внутрисистемных полетов, необходимых для изучения новой системы и поиска самых безопасных укрытий. При внимательном рассмотрении оказалось, что вокруг звезды, которую они теперь называли Умником, вращается шесть планет. Значение имели две: опаленная, лишенная воздуха планета примерно того же размера, что и легендарная Земля, — ее назвали Пепел — и газовый гигант, получивший имя Призрак. Казалось очевидным, что лучше всего прятаться на одной из этих планет, либо

на Пепле, либо на Призраке, но окончательное решение еще не приняли. Иволга думала, что Пепел лучше, а Дрофа призывала использовать для убежища плотную атмосферу Призрака. Выбор следовало сделать в обозримом будущем, чтобы закопаться, создать базу и скрыть все следы своей деятельности.

Хескеры могут притормозить и полюбопытствовать, но они не должны ничего найти.

— Ты же был там, да? — спросила Иволга. — Когда это решали.

Мерлин кивнул, вспоминая, какой юной она тогда ему казалась. Последние шесть лет состарили их всех.

— Мы все думали, что Перепел безумен. Потом поняли, что хоть план и безумен, лучшего у нас нет. Все, кроме Жаворонка, конечно.

«Варакушка» теперь летела отдельно; ее факел все еще горел ровно и ясно, изгибаясь в ночи вдоль великой оси Пути. Далеко позади — но гораздо ближе, чем прежде, — мчался рой, продолжая преследовать народ Мерлина.

— Думаешь, люди Жаворонка умрут, да? — спросила Иволга.

— Если бы я думал, что их шансы выше, я был бы там. С Жаворонком, а не с Дрофой.

— Я тоже подумывала о том, чтобы уйти с ним, — сказала Иволга. — Его доводы звучали убедительно. Он считает, что мы все умрем тут, у Умника.

— Возможно, он прав. Но я все еще думаю, что наши шансы чуть-чуть выше.

— Чуть-чуть?

— Мне кое-что не нравится в нашем месте назначения, Иволга. Умник не соответствует модели нормальной звезды. Слишком яркий для своего размера, испускает слишком много нейтрино. Если хочешь надежно спрятаться, не прячься у звезды, выделяющейся на фоне других.

— А если бы Перепел поставил командовать не Дрофу, а тебя, что-нибудь изменилось бы? Или если бы Совет не запретил тебе использовать последнюю свирель?

«Да, что-нибудь могло измениться», — подумал Мерлин. Ему очень повезло, что после того случая он не лишился звания старейшины. Но потеря предпоследней свирели была не худшим из того, на чем пытались сыграть его противники. Устройство до сих пор билось об Путь, но впервые на памяти ныне живущих свирель, кажется, что-то сделала за миг до столкновения и послала к границе череду квантово-гравита-

ционных колебаний. И Путь начал отвечать ей: перед свирелью возникла странная локальная деформация, вроде нескольких ветвей на дереве. Выемка еще продолжала формироваться, когда свирель врезалась в границу.

Мерлину очень хотелось знать, что было бы, если бы столкновение задержалось на несколько мгновений. Вдруг углубление закончило бы формироваться и открыло вход в Путь?

— Вряд ли для меня что-нибудь изменилось бы.

— Говорят, ты ненавидел Перепела.

— У меня были причины не любить его, Иволга. И у меня, и у моего брата.

— Но говорят, что Перепел вытащил вас с Изобилия, спас вам жизнь, когда все остальные погибли.

— Это правда.

— За что же ты его ненавидел?

— Ему следовало оставить нас, Иволга. Не смотри на меня так. Тебя там не было. Ты не поймешь, каково это.

— Может, если поговорить с Коростелем, он скажет больше, — сказала Иволга, отстранившись от него. Несколько минут назад это не значило бы ничего, но теперь это ничтожное измене-

ние в их взаимном местоположении говорило о многом. — Говорят, вы с Коростелем похожи. И внешне тоже. Но сходство не такое уж сильное, как думают.

Часть вторая

— Здесь есть другие тоннели, — сказала Иволга. — Прошло уже несколько лет.

Их катер приземлился на безвоздушной равнине неподалеку от экватора Пепла и покоился теперь на опорной раме, словно выброшенная на берег черная рыба. Умник стоял почти над головой, яростно сияя, отбрасывая резкие тени, подобные чернильным лужицам. Мерлин перешел в ту часть кабины, где сидела Иволга — посмотреть на грубые символы данных, которые она вывела прямо перед собой. Он ощутил ее запах и захотел зарыться губами в ее волосы, повернуть ее лицом к себе, а затем поцеловать, но момент был неподходящим. Подходящего — не было уже некоторое время.

— Ты имеешь в виду пещеры? — переспросил Мерлин.

— Нет, тоннели. — Ей почти удалось скрыть раздражение. — Как я всегда и говорила. Наме-

ренно выкопанные. Теперь ты мне веришь?

Признаки тоннелей просматривались с орбиты в течение первых месяцев после их прибытия к этой звезде. «Скворец» выслал исследовательские группы в дюжину перспективных мест внутри системы и поручил им оценить преимущества каждого, прежде чем принимать окончательное решение. Основные усилия были направлены на Пепел и Призрак — на орбите газового гиганта даже появились космические станции, — но некоторые группы исследовали небесные тела поменьше, вплоть до астероидов и комет. Ни один вариант не отбрасывался, пока его не изучали хотя бы в общих чертах. Были даже группы, работавшие над экстремальными идеями — например, спрятаться в хромосфере Солнца.

«И при всем том, — подумал Мерлин, — они не подпускают меня к оставшейся свирели».

Но Пепел хотя бы позволял ему отвлечься. К главным объектам системы были отправлены спутники-картографы, измерявшие гравитационные поля. Эти данные позволили начертить карты плотности, согласно которым на Пепле имелась загадочная структура — глубокие тоннели, прорезающие планетную кору. Теперь появились и более точные карты, составлен-

ные на основе сейсмических данных. На Пепел каждый месяц падали один-два маленьких астероида. Без атмосферы, которая тормозила бы их продвижение, они врезались в планету, пролетая много километров в секунду. Звуковые волны от ударов распространялись по нижележащей каменной породе и, пересекая зоны плотности, превращались в сложный волновой фронт. Через некоторое время они снова достигали поверхности, в тысячах километров от места удара, но точное время появления — его улавливали установленные на поверхности датчики — зависело от маршрута звуковой волны.

Теперь Мерлин видел, что тоннели действительно имеют искусственное происхождение.

— Как ты думаешь, кто их вырыл?

— Этого мы никогда не узнаем. — Иволга нахмурилась, зацепившись за что-то в собственных данных, а потом, похоже, отбросила раздражение — во всяком случае, на некоторое время, чтобы оно не портило ей миг триумфа. — Кто бы это ни был, они прибрались за собой. Нам надо идти вниз.

— Возможно, там мы найдем, где спрятаться.

— Или найдем тех, кто уже прячется. — Иволга взглянула на него с абсолютно серьезным видом.

— Возможно, они позволят нам спрятаться вместе с ними.

Женщина вернулась к своей работе:

— Или захотят, чтобы мы оставили их в покое.

Несколько месяцев спустя Мерлин застегнул иммерсионный костюм, ощущая легкое покалывание в воротниковой зоне — это костюм захватывал спинномозговой нерв. Зрение и равновесие поплыли — момент перцептуального шока, к которому Мерлин так и не смог привыкнуть, — а потом он внезапно оказался в смоделированном царстве Дворца. Ему пришлось признать, что сработано хорошо. Намного лучше, чем в прошлый раз, когда он тестировал смоделированную среду Коростеля.

— Ты хорошо потрудился, — сказал Мерлин.

Изображение Коростеля улыбнулось:

— Я все еще работаю над ним. Подожди, еще увидишь закатное крыло!

Коростель провел его через лабиринт барочных коридоров с высокими сводами, идущих от потайной подземной темницы на другую сторону Дворца. Они поднимались и спускались по винтовым лестницам, пересекали головокружительные внутренние покои, соединенные изящно изогнутыми каменными мостиками, —

озаренная закатом искусная работа каменщиков. Настоящий Дворец Вечных Сумерек был уничтожен вместе с остальными признаками цивилизации, когда хескеры сожгли Изобилие. Эту модель разработали в главном лагере на Пепле, но Коростель разослал ее копии по всей системе, туда, где ему могло понадобиться удобное место для дискуссий.

— Заметил какие-нибудь несоответствия? — спросил Коростель.

Мерлин огляделся по сторонам, но вокруг не было ничего, что не совпадало бы с его собственными воспоминаниями. Впрочем, чему удивляться? Коростель всегда отличался более наметанным глазом и вниманием к мелочам.

— Выглядит чертовски хорошо. Но почему? И как?

— Это испытательный стенд. На «Колибри» нам не требовались хорошие симуляционные техники. Но здесь, рядом с Умником, от правильности выбора будет зависеть наша жизнь. А значит, мы должны уметь смоделировать любую гипотетическую ситуацию и пройти ее как реальную.

Мерлин согласился. Тот факт, что тоннели на Пепле оказались искусственными, невероятно осложняло проект укрытия. Их выкопала группа,

предположительно отделившаяся от человечества, — Иволга прозвала их Копателями. Ничего толком о них не знали. Несомненно, Копатели стояли на более высоком уровне развития, чем любая часть Когорты, и машины, создавшие густую разветвленную сеть тоннелей, казались неизмеримо чуждыми — но все же недостаточно чуждыми для предположения о том, что их сюда поместили Пролагающие Путь. И потом, Копатели явно были людьми: они оставили надписи на языке, в котором лингвисты усмотрели связи с древним Всеобщим. Одна из тысяч цивилизаций, достигших высот технического прогресса, но не оставивших заметного следа в истории человечества.

— Да и вообще, кто знает, какие пакостные ловушки тут оставили Копатели? — говорил тем временем Коростель. — С помощью симуляции мы хотя бы сможем подготовиться к самым вероятным сюрпризам. — Его молодое изображение пожало плечами. — Так что я начал создавать экспресс-программу восстановления старой технологии. Сейчас нам придется надевать костюмы, чтобы попасть на этот уровень погружения, но примерно через год мы сможем погружаться в симулированную среду так же легко, как перехо-

дим из комнаты в комнату.

Они дошли до балкона на закатной стороне Дворца Вечных Сумерек. Мерлин перегнулся через балюстраду, насколько посмел, глядя, как нижние уровни Дворца спускаются к бурному морю. Дворец Вечных Сумерек пересекал экватор Изобилия раз в сутки, перемещаясь вместе с чертой, отделяющей день от ночи. Поэтому солнце Изобилия висело в небе на одном и том же месте; его разбухший диск на две трети уже скрылся за горизонтом. Глубоко в каменном основании Дворца пульсировали механизмы, которые обеспечивали полет строения — никто уже не помнил, когда начался этот полет, — и одновременно создавали защитную сферу, пузырь неподвижного воздуха, притом что Дворец двигался относительно планеты со сверхсветовой скоростью.

Семейство Мерлина владело Дворцом на протяжении тринадцати столетий, со времен краткой Темной Эпохи Изобилия. Оно в числе первых заново открыло полеты и на утлом воздушном судне добралось до основания Дворца. Потом появились другие претенденты, но семейство удерживало свое сокровище на протяжении сорока поколений, пронеся его сквозь две новые

Темные Эпохи.

Наконец их коснулась куда более грандиозная война.

Первым прибыл поврежденный корабль-поглотитель Когорты, на несколько лет опередив рой хескеров. На Изобилии смутно помнили о межзвездных перелетах, но к этим первым пришельцам отнеслись с подозрением и паранойей. Лишь семейство Мерлина поверило им… но даже они не до конца приняли во внимание предостережения пришельцев. Вопреки желаниям матери-правительницы, братья позволили взять себя на борт корабля и ввести в курс дел Когорты. Они научились бегло говорить на Всеобщем.

Мерлин и Коростель собирались через несколько месяцев вернуться домой в качестве эмиссаров. Их план был простым. Они убедят мать, что Изобилие обречено. Задача не из легких, но сотрудничество матери жизненно необходимо, если они намерены что-либо спасти. Это позволило бы примирить разнообразные группировки на планете, чего не случалось уже много поколений. В анабиозных отсеках корабля-поглотителя имелись места для спящих, но лишь несколько сотен тысяч, а это означало, что каждый регион должен выбрать лучших. Трудное дело — но впе-

реди были годы.

— Это ничего не изменит, — проговорила их мать. — Нас никто не будет слушать, даже если верить всему, что рассказал Перепел.

— Им придется.

— Ты что, не понимаешь? — сказала она. — Ты воспринимаешь меня как свою мать, но пятьдесят миллионов жителей Изобилия видят во мне тирана.

— Они поймут, — пообещал Мерлин, хоть сам верил в это лишь наполовину.

Но потом случилось немыслимое. Небольшая часть роя подобралась намного ближе, чем все боялись: их засекли лишь тогда, когда враги уже были в системе Изобилия. Капитан корабля-поглотителя принял единственное возможное решение: немедленно сошел с орбиты и бежал в межзвездное пространство.

Мерлин с Коростелем боролись и умоляли, но Перепел не позволил им покинуть корабль. Они сказали ему, что просто хотят вернуться домой. И если они умрут вместе со всеми жителями Изобилия, включая их мать, значит так тому и быть.

Перепел выслушал их и посочувствовал, но все равно отказал. Он заявил, что Когорта нуждается не только в их генах, но и во всем остальном. В их

историях. В их надеждах и страхах. В их знаниях, до последней капли, — пусть Мерлин с Коростелем считали эти знания тривиальными, но они могли оказаться чрезвычайно важными. Уже много десятилетий по корабельному времени Когорта не находила других очагов обитания людей. Мерлин с Коростелем были слишком ценными, чтобы отпускать их.

Даже если это означало, что им не дадут доблестно умереть.

Вместо этого они смотрели через камеры, оставленные «Колибри» на спутниках Изобилия, как умирает Дворец Вечных Сумерек, пронзенный неведомым прежде оружием, пробившим его до самого основания и разрушившим машины, что держали его в воздухе. Дворец медленно опустился и проехал по поверхности, оставив жуткий шрам на половине выжженного континента, а затем остановился, разрушенный и перекосившийся.

А теперь Коростель сделал вот это.

— Если ты можешь сделать все это сейчас… — пробормотал Мерлин. Он не окончил фразу, зная, что брат клюнет на наживку.

— Как я уже сказал, через год будет полное погружение. Потом нам понадобится разобраться

с отставанием во времени во время связи между разными точками вокруг Умника. Мы даже не можем посылать радиосигналы из страха, что их перехватят хескеры, и в результате нам остаются лишь коммы, расположенные в пределах прямой видимости на разбросанных по системе транзитных узлах. Когда-нибудь маршрутизация добавит большие задержки. Потому нам нужен другой вид симуляции. Если мы сумеем создать подобия…

— Подобия? — перебил его Мерлин.

— Извини. Старый термин, я нашел его в архивах. Еще одна технология, о которой мы на «Колибри» позабыли. Нам нужно научиться создавать убедительные подобия себя, реалистично реагирующие на возможные раздражители. Тогда мы сможем находиться в двух местах одновременно — или в стольких, в скольких пожелаем. Ну а потом ты поглощаешь воспоминания, собранные твоими подобиями.

Мерлин задумался. Многие известные Когорте цивилизации развивали подобные технологии, так что концепция была ему знакома.

— Но это же не мыслящие сущности?

— Нет. До этого им далеко. Подобия — всего лишь программы, умеющие подражать. Искус-

ные имитации. Конечно, если сделать их хорошо, они будут казаться реальными. Позднее…

— Ты думаешь о добавлении сознания?

Коростель настороженно оглянулся. Это, конечно, было рефлекторным действием — в созданной им среде никто не мог их подслушать, — но все же очень красноречивым.

— Это было бы полезно. Если мы сумеем полностью скопировать себя в симуляцию — создать не просто подражание, а понейронное отображение, — спрятаться от хескеров станет намного проще.

— Ты хочешь сказать — превратиться в бестелесные программы? Извини, но это явно тот случай, когда лекарство хуже болезни.

— Постепенно это перестанет казаться таким пугающим, как сейчас. Особенно с учетом того, что другие варианты укрытия кажутся все менее осуществимыми.

Мерлин понимающе кивнул:

— И ты, несомненно, сделаешь все возможное, чтобы они так выглядели, да?

Коростель пожал плечами:

— Если окажется, что тоннели Пепла — наилучшее место для укрытия, так тому и быть. Но не рассмотреть другие варианты будет безрассудно.

Мерлин заметил, что руки брата, лежащие на каменной балюстраде, сжались, выдавая напряжение, которое он пытался скрыть.

— Если ты сделаешь из этого проблему, — сказал Мерлин, — я буду бороться с тобой, хоть ты и брат мне.

Коростель коснулся плеча Мерлина:

— До столкновения не дойдет. К тому моменту, как эти варианты появятся, верный путь будет виден всем нам… включая тебя.

— Верный путь мне уже виден. И он не подразумевает превращения в набор символов внутри машины.

— Ты предпочитаешь самоубийство?

— Конечно нет. Я говорю о варианте, который бесконечно лучше того, при котором мы прячемся. — Он жестко взглянул на брата. — У тебя сейчас куда больше влияния в Совете, чем у меня. Ты можешь уговорить их, чтобы они позволили мне изучить свирель.

— Почему бы тебе не попросить Иволгу?

— Ты прекрасно знаешь почему. Наши отношения изменились. Если ты… а, так вот в чем дело? — Мерлин убрал руку Коростеля со своего плеча. — Что бы ни произошло, это никак не повлияет на твои планы.

— Избавь меня от своего лицемерия, Мерлин. Ты ничем от меня не отличаешься. — Он вздохнул и посмотрел на море. — Я покажу, как ответственно я подхожу к делу, раз тебе так хочется. Ты знаешь, что Дрофа до сих пор изучает возможность устроить замаскированную базу в атмосфере Призрака?

— Конечно.

— Но, вероятно, ты не знаешь, что наши автоматические дроны неважно работают на этих глубинах. Поэтому в следующем месяце мы собираемся на разведку. Мы знаем: внизу что-то есть, нечто такое, чего мы не понимаем. Нужно выяснить, что это.

Мерлин не слышал ни о каких неожиданностях на Призраке, но притворился, будто в курсе.

— Почему ты говоришь мне это?

— Потому что я буду сопровождать Дрофу. Мы подготовили для экспедиции двухместный катер, установили броню, способную выдержать давление в тысячи атмосфер. — Коростель сделал паузу и легонько стукнул пальцем по морю. В воздухе на темно-синем фоне повисли чертежи корабля. Чертежи вращались, вызывая головокружение. — Не особенно сложно. До спуска можно будет переделать еще один корабль. Я с

радостью поделюсь сведениями о модификации.

Мерлин внимательно посмотрел на чертежи, запоминая данные.

— Это понукание?

— Называй как хочешь. Я просто говорю, что в моей приверженности великой цели не должно быть сомнений. — Еще одно движение пальцев, и призрачный корабль исчез с неба. — Где во всем этом будет место для тебя — совсем другой вопрос.

Часть третья

Несколько дней Призрак маячил впереди — тучная сфера, окаймленная нежными экваториальными облаками, окруженная лунами и кольцами. Теперь он занимал половину неба. Облака тянулись вверх — замки цвета сливок и охры, в сотни километров высотой. Приближение Мерлина заинтересовало орбитальную станцию. Там желали знать цель его визита. Его брат и Дрофа уже были внизу, в облаках. Зная их примерные координаты, Мерлин направился туда.

Старейшины, обосновавшиеся у Призрака, жаждали отвязаться от Мерлина, и их не потребовалось долго убеждать, чтобы получить

собственный корабль. Мерлин доработал его согласно требованиям Коростеля и добавил несколько предохранительных устройств. И нарек корабль «Тираном».

Корпус потрескивал и поскрипывал, переформировываясь для полета в атмосфере. Навигационные координаты становились все точнее. Корабль с Мерлином на борту падал, пронзая облачные слои. Планета не имела четко очерченной поверхности, но в какой-то точке атмосферное давление сравнялось с давлением воздуха изнутри «Тирана». Ниже этой отметки давление и температура равномерно возрастали. Гравитация была неприятной — два *g*, — более-менее терпимо, если оставаться в кресле.

Метасапфировый корпус снова затрещал, меняя форму. Мерлин спустился на сотню с лишним километров ниже точки, где наружное давление составляло одну атмосферу, и теперь оно было вдесятеро выше. При давлении свыше пятидесяти атмосфер корпусу придется использовать внутренние источники энергии, чтобы избежать деформации. Мерлин изо всех сил старался не думать об этом значении, но не мог не обращать внимания на то, как снаружи меркнет свет, скрытый висящей над головой атмосферой. Внизу

все было угнетающе темным, как будто сердце бури наполовину закрывало обзор. Лишь кое-где вспыхивали молнии, на миг озаряя соборы из облаков, лежавшие в сотнях километров внизу, в головокружительных глубинах.

«Будь у нас больше времени, — подумал Мерлин, — мы пришли бы сюда с субмаринами, а не с космическими кораблями…»

Место было таким гнетущим, что даже думать не хотелось о том, что ты задержишься здесь. Но потому именно так и стоило поступить. Плотная атмосфера позволит с легкостью спрятать небольшую летающую базу, скрывая ее инфракрасное излучение. Возможно, им придется спать, пока они прячутся, но это невеликие трудности. Всяко лучше, чем бодрствовать десятилетиями, зная, что за стенами властвуют сокрушительные силы, постоянно стремящиеся раздавить тебя насмерть.

Но, по словам Коростеля, тут было что-то еще. То, что могло помешать использовать Призрак в качестве убежища.

Требовалось узнать, что же это такое.

— Предупреждение, — сказал «Тиран». — Внешнее давление составляет тридцать бар. Вероятность разрушения корпуса в течение пяти

минут составляет пятьдесят процентов.

Мерлин выключил систему предупреждения, которая не знала о наращенной броне, но при этом нервировала. Однако Дрофа с Коростелем находились еще ниже, и их навигационный радиомаяк продолжал работать.

Раз они подначивают его спуститься ниже, он сделает это.

— Мерлин? — послышался голос брата, двоившийся и троившийся из-за атмосферных помех. — Ты все-таки решил присоединиться к нам. Иволгу привез?

— Я один. Не вижу смысла подвергать опасности нас обоих.

— Печально. Надеюсь, ты внес изменения в конструкцию, или наш разговор долго не продлится.

— Просто скажи мне, что́ мы ищем внизу. Ты упоминал нечто неожиданное.

Теперь заговорила Дрофа:

— Необычный феномен — область циклически меняющегося давления, которая проносится через атмосферу, словно очень быстрая буря. Мы не знаем, что это такое. Пока мы этого не поймем, нет уверенности, что внутри Призрака можно укрыться.

Мерлин кивнул, внезапно уразумев точку зре-

ния Коростеля. Брату хотелось, чтобы феномен оказался опасным, чтобы приняли его план, а не план Дрофы. Странная позиция, особенно если учесть, что Коростель и Дрофа, как поговаривали, стали любовниками, — но поскольку дело касалось его брата, ничего необычного в этом не было.

— Полагаю, ты уже примерно представляешь, когда мы сможем увидеть эту штуковину.

— И даже не примерно, — сказала Дрофа. — Она приближается к нам и идет по тому же вектору, что и мы. Мы нырнем глубже, чтобы посмотреть на показания приборов в комплексе.

Словно желая подчеркнуть ее слова, корпус затрещал, и тут же взвыла сирена. Мерлин скривился, отключил сигнализацию и направил «Тирана» ко второму кораблю.

Призрак был классическим газовым гигантом, в триста раз больше Пепла. Он состоял в основном из металлического водорода, накрытого океаном из обычного жидкого водорода. Слои облаков, выглядевшие необъятными, — из-за них планета казалась испещренной неяркими цветными полосами — были спрессованы в массу глубиной всего в несколько сотен километров. Меньше одной сотой радиуса планеты — и все же люди не

могли спуститься ниже этих холодных слоистых облаков из аммиака, водорода и воды. Дрофа хотела спрятаться в нижнем слое, над переходной зоной, где атмосфера сгущалась в жидководородное море под кристаллическим покровом из гидросульфита аммония и водяного льда.

Теперь Мерлин видел впереди пламя двигателей второго корабля. Оно подсвечивало хмурую облачную громаду, сквозь которую шел корабль. До него было всего несколько километров.

— Ты говорила, что это циклический феномен, — сказал Мерлин. — Что конкретно ты имела в виду?

— Ровно то, что и сказала, — последовал ответ Дрофы, звучавший уже куда отчетливее. — Волна или очаг давления огибает Призрак каждые три часа.

— Это намного быстрее любого циклона.

— Да. — В голосе Дрофы отчетливо слышалась ледяная неприязнь. Ей не нравилось вежливо беседовать с ним. — Именно поэтому мы считаем, что данный феномен достаточным образом…

— Это может быть орбита.

— Что?

Мерлин снова проверил показания приборов и посмотрел, как точки давления перетекают с

места на место. Окрашенные в неброские цвета, они напоминали дифракционные узоры на чешуе изящной тропической рыбы.

— Я сказал, что это может быть орбита. Если бы одна из лун Призрака располагалась прямо над верхней частью облачного слоя, ее период обращения как раз составлял бы три часа. А для луны, располагающейся сразу под облачным слоем, как мы сейчас, это время было бы чуть меньше трех часов.

— Ты никак совсем чокнулся? — сказал Коростель. — Орбита? Внутри планеты?

Мерлин пожал плечами. Он уже подумал над этим и приготовил ответ — но Коростель должен был верить, что его брат обдумывает тему по ходу разговора.

— Конечно, я не думаю, что здесь действительно находится луна. Но все же в этом месте может пролегать орбита какого-то объекта.

— Например? — уточнила Дрофа.

— Например, черной дыры. Маленькой. Скажем, в одну десятую массы Пепла, с гравитационным радиусом примерно в миллиметр. До сих пор мы не замечали подобных отклонений в магнитном поле Призрака. В атмосфере этого не ощущается — во всяком случае, в интересующем

нас масштабе времени. Но при прохождении дыры атмосферу тянуло бы к ней в радиусе сотен километров от ее маршрута. Не может это оказаться вашей аномалией?

Последовало молчание, потом недовольное ворчание, и лишь после этого Дрофа ответила:

— Я признаю, что это, по крайней мере, возможно. Мы пришли примерно к такому же выводу. Неизвестно, как эта штука оказалась внутри Призрака, но случиться такое могло.

— Возможно, кто-то поместил ее сюда намеренно.

— Скоро мы узнаем. Буря может начаться в любой момент.

Она оказалась права. Средоточие бури, чем бы оно ни являлось, перемещалось со скоростью сорок километров в секунду относительно ядра Призрака, но, поскольку экваториальный облачный слой планеты уже вращался со скоростью примерно вчетверо меньшей, и в том же направлении, что и средоточие, скорость бури составляла всего тридцать километров в секунду относительно атмосферы. Мерлин все равно считал такие показатели довольно высокими.

Он велел иллюминаторам кабины усилить имеющийся свет, собирая фотоны за пределами

видимого диапазона и перемещая их туда. Внезапно все стало выглядеть так, словно лежащий сверху покров сдернули. Каньоны и расщелины среди облаков, между которыми они летели, вдруг затопил солнечный свет. Океан жидкого водорода начинался всего в нескольких десятках километров внизу, под переходной зоной, в которой атмосферные газы начинали постепенно сгущаться. Здесь было чертовски жарко. Давление приближалось к сотне атмосфер. У поверхности моря оно, видимо, равнялось тысячам атмосфер, а температура поднималась настолько, что механизмы начали бы плавиться.

И вот теперь что-то встало над горизонтом на западе. На «Тиране» завыла сирена. Его тупой машинный разум сообразил, что поблизости сильный непорядок и что эта неправильность приближается с ужасающей скоростью. Средоточие бури захватывало облака и волокло их за собой, вырывая из облачной формации. При виде этого движения Мерлин вспомнил детство, вспомнил то, что двигалось в тропических водах Изобилия со скоростью хищника, — стремительная масса извивающихся щупалец.

— Мы слишком высоко, — сказала Дрофа. — Я снижаюсь. Хочу быть как можно ближе к средо-

точию, когда оно подойдет.

И Мерлин, не успев возразить, увидел фиолетовые конусы — пламя двигателей второго корабля. Корабль рванул прочь, растворяясь в туманной неподвижности верхней части переходной зоны. Мерлину пришла на ум рыба, спускающаяся в бессветные глубины океана, в придонную тьму.

— Следите за своей защитой, — сказал Мерлин и повел свой корабль следом за ними.

— Давление все еще в безопасных пределах, — сказал Коростель, хотя оба знали, что это нельзя назвать безопасностью в обычном смысле слова. — Если заклепки начнут вылетать, я поднимусь повыше, можешь не сомневаться.

— Меня беспокоит не только давление. Если в этом средоточии скрывается черная дыра, ее должен сопровождать поток гамма-лучей от засасываемой материи.

— Мы пока ничего не видим. Возможно, поток скрывают облака.

— Молись, чтобы так оно и было.

Мерлин надел скафандр, рассчитанный на передвижение при высоком давлении. Раньше он носил его лишь кадетом, во время симуляций. Скафандр был основан на крайне ценной технологии, созданной много килолет назад, — в

Когорте ничего подобного не имелось. Мерлин надеялся, что Коростель с Дрофой повели себя столь же предусмотрительно. Если корпус корабля развалится, скафандры продлят жизнь людей лишь на несколько минут, но рядом с миниатюрной черной дырой, такой непредсказуемой и хаотичной, никакая защита не будет лишней.

— Мерлин! — позвал Коростель. — У нас отказал блок питания. Черт бы побрал самопальные хреновины! Если перед средоточием пройдет волна давления, нас может искривить…

— Не рискуй. Давай-ка вверх и прочь отсюда. Мы вполне можем вернуться при следующем прохождении, через три часа.

Раньше Мерлин видел аккреционные диски, водовороты материи вокруг черных дыр с массой звезды и нейтронных звезд, и то, что предстало сейчас перед его глазами рядом со средоточием бури, выглядело очень похоже: сгущающиеся спиральные облака, окрасившиеся во все цвета радуги, когда в дело вступила странная, неустойчивая химия. Они находились глубоко в переходной зоне, и даже малейшего изменения давления хватило бы, чтобы воздух сконденсировался и перешел в жидкое состояние. Вокруг средоточия вспыхивали молнии, порожденные

разницей электростатических зарядов в движущихся воздушных массах. Мерлин проверил расстояние. Уже близко, меньше двух сотен километров.

И что-то было не так.

Корабль Дрофы погрузился слишком глубоко и слишком близко подошел к сердцу бури. Сейчас они были выше средоточия, но при такой скорости спуска оказались бы совсем недалеко к моменту его подхода.

— Сила и мудрость! Я сказал тебе: подниматься, а не спускаться!

— У нас проблема. Не можем изменить корпус с оставшимися узловыми точками. Нет аэродинамического контроля.

Голос Коростеля звучал спокойно, но Мерлин понимал, что брат в ужасе.

— Маневрируй двигателями.

— Черт побери, а я что, по-твоему, делаю?

Плохо. Мерлин видел, как фиолетовые конусы выхлопов второго корабля ударили в разные стороны, но Коростелю никак не удавалось остановить неконтролируемый спуск. Мерлин подумал об изменениях, которые Коростель посоветовал внести в конструкцию корабля. Если только брат не добавил что-нибудь еще, корабль

развалится через десять-пятнадцать секунд. Выживших не будет.

— Слушай меня, — сказал Мерлин. — Уравняй давление с внешним, или корпус разломается.

— Мы потеряем корабль!

— Не спорь! Делай что сказано! У вас максимум десять секунд, чтобы спастись!

Мерлин закрыл глаза и понадеялся, что оба сейчас в скафандрах. А может, лучше было бы без них. В конце концов, разрушение корпуса несет быструю смерть. Стены обрушатся раньше, чем поступит нервный импульс.

Увеличив изображение, Мерлин увидел, как на верхнем обводе второго корабля приоткрылись воздухозаборники. Густая, как суп, атмосфера должна была ударить в них железным кулаком. Возможно, скафандры достаточно хороши, чтобы выдержать такой удар.

Мерлин на это надеялся.

Пламя дюз погасло. Габаритные огни и флуоресцентные опознавательные знаки замигали. Через секунду второй корабль развалился, словно скорлупка. Обломки мгновение помедлили, затем их стерло в пыль.

Сквозь воздух теперь падали две фигуры в скафандрах, удаляясь друг от друга, словно их

подхватили неспешные потоки переходной зоны. Еще мгновение скафандры сохраняли человеческие очертания, а потом их панцири растеклись и приняли яйцеобразную форму, сохраняя жесткость под действием того же механизма, что и на корабле Мерлина. Люди внутри их остались живы — Мерлин был в этом уверен, — но продолжали погружаться, будучи тяжелее воздуха. Насколько мог судить Мерлин, тот, кто падал быстрее, должен был миновать бурю на безопасном расстоянии. Второй же должен был упасть точно в око бури.

Мерлин подумал о средоточии бури: кипящий круг мерцающего гамма-излучения, чудовищный гравитационный стресс и мощные водовороты давления. Они еще не видели этого, но Мерлин был уверен, что так и будет. Черная дыра, пусть даже маленькая, — не то место, рядом с которым стоит находиться.

— Последнее предупреждение! — заявил «Тиран», проигнорировав все отмены команд. — Давление сравнялось с максимальным безопасным пределом. Любое дальнейшее увеличение…

Мерлин решился.

И швырнул вопящего «Тирана» к человеку, падающему в око бури. Оно было близко. Чертовски

близко. Даже дополнительное усиление, которое он придал корпусу, окажется опасно близко к пределу своих возможностей. В иллюминаторе кабины перекрестие визира нацелилось на первое падающее яйцо. Дистанция составляла одиннадцать километров и продолжала сокращаться. Мерлин прикинул вектор приближения и увидел, что тот проходит даже ближе, чем он боялся. К тому моменту, когда он подхватит яйцо, они будут идти по дуге, прямиком в око. Семь километров. У него не будет времени, чтобы поднять яйцо на борт, как полагается. Самое большее, на что он способен, — открыть полость в корпусе и обхватить яйцо. Мерлин поспешно изложил «Тирану», что ему требуется. Когда справился с этим, дистанция составляла уже три километра.

Он ощутил слабое фантомное снижение скорости, когда «Тиран» подстроился к траектории яйца и приготовился к рандеву. Падающее яйцо оставляло за собой цепочку пузырьков — признак перехода к океану. Где-то в оболочке «Тирана» образовалась полость, в точности повторявшая форму яйца. Они неслись сквозь облачную завесу. Один километр… шестьсот метров… Триста.

Едва ощутимый толчок. Яйцо захвачено. Мембраны корпуса обхватили добычу и сомкнулись

снова. Спасенный, кем бы он ни был, теперь подвергался опасности не больше, чем Мерлин.

Правда, это почти ничего не значило.

— Требую немедленно идти вверх. Корпусу грозит разрушение. Ожидается резкое усиление давления.

Теперь Мерлин шел через око бури, возможно, всего в двух-трех километрах от всасывающего отверстия черной дыры. Он думал, что увидит, как облака стягиваются в опасный узел с сияющим в центре водоворота мощным светом, но ничего такого не было — лишь чистое небо. Локальное гравитационное искривление присутствовало, но оказалось гораздо меньшим, чем боялся Мерлин. Он взглянул на датчик радиации, но тот не показывал ничего необычного.

Ни намека на гамма-излучение.

Мерлину хотелось иметь время на размышления, хотелось разобраться, как он оказался так близко к черной дыре и не почувствовал радиации, но происходящее внизу требовало его внимания. Второе яйцо продолжало падать, дрожа, словно мираж. Давление деформировало его и грозило вот-вот раздавить. А внизу, под переходной зоной, дремало настоящее водородное море. Через несколько секунд второе яйцо

полностью погрузится в эту невообразимо плотную черноту и ему придет конец. На мгновение Мерлин задумался, не спикировать ли на него и не попытаться ли подхватить яйцо, прежде чем оно врежется в море. Он взглянул на приборы и осознал зловещую истину.

Ему тоже придется войти в море.

Мерлин отдал «Тирану» приказ и закрыл глаза. Даже в амортизирующих объятиях скафандра крутая петля, проходя которую он зацепит океан, будет неприятной. Возможно, он потеряет сознание. И возможно, подумал Мерлин, это станет его последним везением.

Подернутая дымкой поверхность моря приближалась, словно черный туман.

Сознание на мгновение померкло, потом вернулось, но все вокруг расплылось. Теперь Мерлин видел в иллюминаторы облачный покров, к которому поднимался корабль. Он выжил. Божественное ощущение! И все же что-то кричало. Корабль, понял Мерлин. Те миллиметры корпуса, что еще остались неповрежденными, теперь отслаивались. Только бы повреждения не помешали вернуться домой!

— Второе яйцо… — проговорил Мерлин. — Получилось?

«Тиран» был достаточно умен и понял, что он имел в виду.

— Оба яйца пойманы.

— Хорошо. Покажи мне…

Прокторы внесли первое яйцо в кабину и возились с ним, пока оно снова не приняло форму человека. Когда область лица сделалась прозрачной, Мерлин увидел, что это Коростель и он спасен, хотя пока еще без сознания. Но все-таки не мертв. Мерлин видел это по светящейся индикации скафандра. На мгновение его затопило чистейшее блаженство. Он спас Коростеля, без всякого эгоизма. Он не знал, какое из яиц падало в око бури. На самом деле он даже не знал, действительно ли это было то самое яйцо. А может, он выхватил брата из океана за миг до того, как океан раздавил бы его?

Но потом Мерлин увидел второе яйцо. Туповатые прокторы сочли нужным принести в кабину и его. Они несли его, словно трофей, словно то, чему Мерлин должен был обрадоваться. Но это оказался всего лишь шлем от скафандра.

Часть четвертая

— Думаю, я знаю, что ее убило, — сказала Иволга.

Они договорились встретиться втроем во Дворце Вечных Сумерек. Иволга устроила показ: проецировала на небо чертежи и видоизменяла их быстрыми движениями рук.

— Не черная дыра, нет? — спросил Коростель.

— Нет. — Когда они перешли к тяжелым воспоминаниям о смерти Дрофы, Иволга взяла его руку в свои. С тех пор миновало уже несколько месяцев, но боль потери все еще терзала Коростеля. Мерлин наблюдал со стороны и досадовал, глядя, как нежно Иволга обращается с его братом. — Я думаю, это было кое-что более необычное. Показать?

В воздухе свилась двойная спираль, блестящая, напоминающая змею. Она выделялась на фоне вечных розоватых сумерек Дворца.

Отпустив руку Коростеля, Иволга подняла палец, и спираль ДНК увеличилась до богоподобных размеров, пока отдельные пары нуклеотидов не сделались такими огромными, что можно было разглядеть лишь расплывчатые скопления

атомов величиной с гору. Но атомы были лишь началом нисхождения в мир исчезающе малого. Атомы складывались из еще более крошечных компонентов, электронов, протонов и нейтронов, соединенных воедино электрослабым и сильным взаимодействиями. Но даже эти элементарные частицы делились на структурные слои. Все во Вселенной было соткано из кварков или лептонов. Все силы были связаны между собой посредством бозонов.

И это был еще не конец.

В глубочайшей из симметрий фермионы — кварки и лептоны — и бозоны — посланцы силы — сливались в единую сущность. Их нельзя было больше называть частицами. На самом фундаментальном уровне все во Вселенной, похоже, сводилось к серии волн, вибрирующих с разной частотой и лежащих в многомерном пространстве.

Как сказала Иволга, ученые некогда называли это суперструнами.

Это было невыразимо изящно и, казалось, объясняло все. Но, как добавила Иволга, проблема с теорией суперструн заключалась в том, что ее было чрезвычайно трудно проверить. Похоже, эту теорию создавали и отвергали десятки, если

не сотни раз в истории человечества, в каждую краткую эпоху просвещения. Несомненно, Пролагающие Путь должны были достичь некоей предельной мудрости, познав до конца природу реальности… но даже если так, они не оставили заключения, о котором кто-либо помнил. Поэтому, с точки зрения Иволги, теория суперструн была настолько же пригодной для создания единой модели фундаментальных частиц и сил, как и любая другая.

— Но я не понимаю, как что-либо из этого поможет нам понять бурю, в которой оказалась Дрофа, — сказал Мерлин.

— Подожди, — ответила Иволга. — Я еще не закончила. Существует несколько теорий суперструн, понимаешь? Некоторые из них предсказывают существование некоего зеркального вещества. Это не то же самое, что антиматерия. Зеркальное вещество подобно обычной материи во всем, кроме невидимости и неощутимости. Объекты, состоящие из обычной материи и зеркального вещества, проходят друг сквозь друга, словно призраки. Они способны ощутить друг друга лишь одним способом.

— Гравитация, — сказал Мерлин.

— Да. Если говорить о гравитации, то они ни-

чем не отличаются.

— Хочешь сказать, что с нашей Вселенной может сосуществовать другая, из зеркального вещества?

— Именно.

Иволга принялась рассказывать: есть все основания предполагать, что зеркальная вселенная так же сложна, как и обычная, в ней есть точно такие же частицы, атомы и составляющие. Наверняка существуют зеркальные галактики, зеркальные звезды и зеркальные планеты — возможно, даже зеркальная жизнь.

Мерлин уловил основное.

— Почему же мы никогда прежде не сталкивались ни с чем похожим на зеркальную материю?

— Должно быть, между этими двумя типами материи существует четкое разграничение. В районе Умника это разграничение почему-то нарушилось. Похоже, около половины солнечной массы темной материи гравитационно привязано к этой системе, и большая ее часть располагается в ядре Умника.

Мерлин вцепился в балюстраду:

— Иволга, только не говори мне, что это ответ на все наши загадки.

Иволга рассказала им остальное, напомнив

Мерлину, как они исследовали пространство внутри Пепла при помощи звуковых волн. Каждый звуковой импульс генерировался ударом упавшего метеорита о поверхность планеты и улавливался сетью разбросанных по планете акустических постов. Именно эти сейсмические изображения позволили выявить сложную структуру тоннелей Копателей. Но Иволга невольно узнала куда больше их.

— Мы измеряли массу Пепла дважды. В первый раз — когда разместили на орбите спутники для составления карт. И получили одну величину. Сейсмические данные должны были дать вторую, отличающуюся на несколько процентов. Но они показывали лишь две трети по сравнению с оценкой на основе гравитационной массы. — Иволга сделала паузу — возможно, давая им время, чтобы провести параллели самостоятельно. Никто не заговорил, и она сочла уместным продолжить: — Если внутри Пепла скрывается значительный фрагмент зеркальной материи, это объясняет все. Сейсмические волны проходят только через обычную материю, третью часть планеты они просто не видят. Но гравитационные характеристики обычной и зеркальной материи идентичны. Наши спутники ощущали

притяжение и нормальной, и зеркальной материи, как и мы сами, когда ходили по Пеплу.

— Ну хорошо, — сказал Мерлин. — Расскажи теперь про Умника.

— С ним тоже понятно. Большинство зеркального вещества в этой системе должно находиться внутри звезды. Половины солнечной массы хватило бы зеркальному двойнику Умника, чтобы стать самостоятельной звездой — сжигать собственный зеркальный водород и зеркальный гелий, испускать зеркальные протоны и зеркальные нейтрино, которых мы не видим. Только она, как и Умник, должна быть астрофизической аномалией, слишком яркой и маленькой, чтобы это имело хоть какой-то смысл, ведь ее структура испытывала бы воздействие такого же количества обычного вещества из нашей Вселенной. В результате у обеих звезд ядро было бы горячее обычного, поскольку ядерные реакции протекали бы активнее, чтобы поддерживать массу удвоенной звездной атмосферы.

Иволга полагала, что две половины Умника, нормальная и зеркальная звезда, некогда были пространственно обособлены и образовывали две звезды в тесной двойной системе. Это, сказала она, было так необычно, что любая очутившаяся

рядом цивилизация неизбежно обратила бы на них внимание: видимая часть Умника должна была слиться в орбитальном объятии со своим незримым двойником, возвещая о своей удивительной особенности на полгалактики. За миллиарды лет звезды подходили все ближе и ближе друг к другу, приливное рассеяние тормозило их движение по орбите до тех пор, пока они не слились и не обосновались в одном объеме пространства. «Кто бы ни шел за нами, — подумал Мерлин, — мы будем не последними из тех, кому захочется раскрыть эту космическую загадку».

— Теперь расскажи мне о буре Дрофы, — сказал он, вздрогнув при воспоминании о раздавленном скафандре женщины.

Коростель кивнул:

— Давай. Я хочу знать, что ее убило.

В голосе Иволги теперь слышалось напряжение:

— Должно быть, это еще один кусок зеркального вещества, массой с крупную луну, но сильно сжатый, диаметром в несколько десятков километров. Конечно, ее убила не зеркальная материя сама по себе. А буря, швырнувшая этот кусок сквозь атмосферу.

«Вовсе не так», — подумал Мерлин. Дрофу убило

его решение. Его убежденность в том, что гораздо важнее спасти первое яйцо, то, которое падало в око бури. Впоследствии, обнаружив, что никакого гамма-излучения нет, он осознал, что мог бы спасти обоих, если бы подхватил Дрофу первой.

— Нечто массивное и при этом маленькое… — Коростель ненадолго умолк. — Не луна же это?

Иволга отвернулась от заката:

— Нет. Это не луна. Что бы это ни было, оно кем-то создано. Думаю, не хескерами, кем-то другим. И еще, думаю, надо выяснить, что было у них на уме.

Мерлин нервно оглядел собравшихся в аудитории старейшин, пришедших сюда или возникших в виде голограммы, словно бумажные фигурки в кукольном театре. Иволга выжидала благоприятного момента, чтобы объявить экспедиции о своем открытии, но постепенно они втроем собрали достаточно информации, чтобы опровергнуть любое возражение. Когда стало ясно, что сведения Иволги крайне важны, собрались старейшины — со всей системы, оставив предполагаемые убежища, которые они исследовали. Некоторые прислали свои подобия, ибо модели стали такими развитыми, что в реальных путешествиях часто не было нужды.

Доклад должен был проходить в аудитории на самой большой орбитальной станции, расположенной над верхней границей облаков Призрака. Над Северным полюсом Призрака бушевала магнитная буря — вполне в духе мероприятия. Мерлин даже задумался, не подгадала ли Иволга время собрания с расчетом на эту картинку.

— Осторожнее с теорией струн, — шепнул Коростель на ухо Иволге, сидевшей между ними. — Ты можешь потерять их с самого начала. Некоторые из этих реликтов даже о кварках не знают, не то что о коэффициенте отношения барионов к энтропии.

Коростель был совершенно прав, предостерегая Иволгу. Та вполне могла с самого начала заполнить видеостену тучей уравнений.

— Не волнуйся, — сказала Иволга. — Я буду держаться мило и просто, отпущу несколько шуточек, чтобы расшевелить их.

Коростель возразил, по-прежнему негромко:

— Их не придется расшевеливать, как только они уразумеют, что́ ты имеешь в виду. Незатейливые укрытия больше не актуальны — при такой-то аномалии, которая умостилась у нас под боком, на Призраке. Когда хескеры прибудут, они при любом раскладе начнут ее исследовать.

И неизбежно отыщут любое сооруженное нами укрытие, как бы хорошо мы его ни замаскировали.

— Не отыщут, если мы зароемся достаточно глубоко, — сказал Мерлин.

— Забудь. Теперь нам нипочем не спрятаться. Во всяком случае, так, как мы планировали. Если только не…

— Дай угадаю: мы будем в полной безопасности, если сохраним себя в виде информации внутри машинной памяти?

— Не надо говорить с таким отвращением. Ты не можешь спорить с логикой. Мы станем почти что неуязвимы. Физически хранилище данных может быть крохотным, распределенным по разным локациям. Хескеры ни за что не смогут отыскать их все.

— Пусть решает Совет, — сказала Иволга, поднимая руку, чтобы заставить их замолчать. — Сперва посмотрим, как они примут мое открытие.

— Это открытие Дрофы, — тихо произнес Мерлин.

— Не важно.

Иволга уже зашагала прочь от них, через всю аудиторию, к кафедре, с которой она должна

была обратиться к собранию. Она шла по воздуху среди облаков. Это, конечно же, была уловка. Настоящий вид, открывающийся из станции, постоянно изменялся из-за вращения конструкции, но иллюзия выглядела безупречно.

— Пусть бурю обнаружила Дрофа, — сказал Коростель, — но разгадала загадку Иволга.

— Я не пытаюсь умалить ее заслуги.

— Хорошо.

Иволга поднялась на кафедру. Подол ее платья цвета электрик парил над облаками. Она стояла горделиво, обводя взглядом всех, кто собрался послушать ее. На лице было написано спокойствие и уверенность в себе, но Мерлин видел, как она вцепилась в край кафедры. Он чувствовал, что под маской самоконтроля Иволга скрывает, как сильно она нервничает, понимая, что это самый важный момент в ее жизни, момент, который создаст ей репутацию среди старейшин и, возможно, решит их общую судьбу.

— Старейшины! — произнесла Иволга. — Я благодарю вас за то, что вы пришли сюда. Надеюсь, к тому моменту, как я закончу говорить, вы решите, что потратили время не зря. — Она протянула руку к центру помещения, и в воздухе возникло изображение Призрака. — С тех самых пор, как

мы сочли эту систему нашим единственным шансом на укрытие, нам приходилось игнорировать тревожащие нас признаки. Аномальное соотношение массы и светимости Умника, например. Сейсмические парадоксы на Пепле. Обнаруженный Дрофой атмосферный феномен на Призраке. Настало время разобраться со всеми этими загадками. Боюсь, нам не слишком понравится то, о чем они говорят.

«Многообещающее начало», — подумал Мерлин. Она говорила уже больше полуминуты и все еще не использовала ни одного математического термина.

Иволга заговорила снова, но внезапно ее прервали:

— Иволга, сперва нужно обсудить кое-что другое.

Всеобщее внимание тут же переключилось на перебившего. Мерлин узнал его: это был Ткачик. Красивый суровой красотой, парень перерос юношескую неуклюжесть тех лет, когда Мерлин впервые встретился с ним как с одним из соучеников Иволги.

— И что же? — спросила Иволга, лишь с легчайшим намеком на подозрение в голосе.

— Только что полученные новости. — Ткачик

оглядел зал, явно наслаждаясь всеобщим вниманием, но одновременно пытаясь принять подобающе-серьезный вид. — Мы в обязательном порядке оглядывались на Путь, наблюдая за движущимся позади роем. Иногда смотрели по сторонам, просто на всякий случай: вдруг что-то обнаружится. Мы также наблюдали за «Варакушкой».

Это название не звучало очень давно, и Мерлину потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что к чему. Ну да, конечно, «Варакушка». Та часть изначального корабля, которую увел Жаворонок, — остальные погрузились на «Скворца» и остановились у Умника. Не то чтобы кто-то ненавидел Жаворонка или желал вычеркнуть его из памяти вместе с его последователями, просто в новой системе было предостаточно вещей, требующих внимания.

— Продолжай, — сказала Иволга.

— Там была вспышка. Крохотный выброс энергии во многих световых годах отсюда, но в том направлении, куда, как мы знаем, отправился Жаворонок. Я думаю, выводы ясны. Они встретились с хескерами даже в межзвездном пространстве.

— Сила и мудрость… — проговорила Тювик, архивист, отвечавшая за самые ценные собрания

информации Когорты. — Они погибли…

Мерлин повысил голос, чтоб перекрыть гомон в зале:

— Ткачик, когда ты это обнаружил?

— Несколько дней назад.

— И ждал этого момента, чтобы сообщить?

Ткачик неловко заерзал. Его бросило в пот.

— Были проблемы с интерпретацией данных. Мы не могли обнародовать новости, пока не убедимся окончательно. — Он кивнул Иволге. — Ты же понимаешь, о чем я?

— Не сомневайся, я прекрасно все понимаю, — тряхнула головой Иволга. Она не могла не понять, что момент утрачен. Даже если ей удастся вновь завладеть вниманием аудитории, никто уже не сосредоточится всецело на ее сообщении.

«Она неплохо держится», — подумал Мерлин.

Но вне зависимости от того, что она обнаружила на Призраке, новости были скверными. Смерть Жаворонка и тех, кто последовал за ним, могла означать лишь одно: в непосредственной близости от них находится куда больше хескеров, чем они ожидали. Возможно, десятки их кораблей уже притаились в одном-двух световых годах от этой системы. Курс, которым шел Жаворонок, мог стать для них хорошей подсказкой: где-то

поблизости должны быть еще люди. Им потребуется немного времени, чтобы добраться сюда.

Считаные годы.

— Это чертовски серьезно, — сказала одна из старейшин, повысив голос. — Но это не должно отодвинуть на задний план новости, которые хотела сообщить Иволга. — Она выжидающе кивнула Иволге. — Продолжай, пожалуйста.

Несколько месяцев спустя Мерлин и Коростель стояли на балконе Дворца — одни. Коростель играл с белой мышью: пускал ее по узкому поручню балюстрады, а потом ловил и пересаживал на прежнее место. Они выбросили из головы враждебную выходку Ткачика, когда стало ясно, что ему не удалось испортить впечатление от сообщения Иволги. Самые консервативные старейшины приняли гипотезу о зеркальном веществе, пускай даже точная природа этого самого вещества оставалась неясна.

Впрочем, это не значило, что сообщение самого Ткачика проигнорировали. Хескеры перестали быть далекой угрозой, находящейся в десятилетиях лёта от Умника. Тот факт, что они почти наверняка приближаются к системе, придало всей затее с укрытием ореол апокалипсической мрачности. Это конец времен, и ясно, что любые

действия мало что изменят.

«С тех пор как мы контактировали с другой частью человечества, другим элементом Когорты, прошли столетия, — подумал Мерлин. — Насколько мы можем судить, людей нигде в Галактике больше нет. Мы — все, что осталось. Последняя ниша, еще не выжженная хескерами. И через несколько лет мы, возможно, тоже будем мертвы».

— Я почти завидую Иволге, — сказал Коростель. — Она снова с головой ушла в работу на Пепле. Будто ее больше ничего не касается. Разве такая увлеченность делом не восхитительна?

— Она рассчитывает найти на Пепле то, что спасет нас всех.

— По крайней мере, она все еще полна оптимизма. Или отчаяния. Зависит от точки зрения. Кстати, передавала тебе привет.

— Спасибо, — сказал Мерлин, прикусывая язык.

Коростель только что вернулся с Пепла; это была его третья и самая длительная поездка, с тех пор как Иволга покинула Призрак. После того, как гипотезу о зеркальном веществе приняли, Иволга не видела больше причин оставаться там. С исследованиями такого рода могли справиться

другие талантливые ученые, а она вернулась к своим любимым тоннелям. Мерлин однажды навестил ее, но Иволга встретила его всего лишь приветливо, не более того. Больше он не приезжал.

— Ну что ты думаешь? — спросил Коростель.

Над морем повисло изображение того, что, как они теперь знали, таилось внутри Призрака. Такого четкого изображения Мерлин еще не видел. Его создали на основании показаний дронов, составлявших карты по гравитационным данным. На взгляд Мерлина, это была сфера, обвитая плотной, ветвящейся диаграммой. Чем тщательнее они всматривались, тем больше разворачивалась схема, тем подробнее она высвечивалась, и так до предела разрешающих способностей, составлявшего около десяти метров. Все, что было меньше, просто расплывалось. Но и увиденного хватало. Все это время они были правы: в этом нет ничего природного. Оказалось, это сфера. Теперь разрешение было достаточно большим, чтобы рассмотреть форму капли, острый конец которой держался плюс-минус параллельно поверхности океана из жидкого водорода.

— Кажется, мне страшно, — сказал Мерлин. — Я думаю, это свидетельствует о том, что мы выбра-

ли наихудшее место для укрытия.

— Значит, последуем моему варианту, — сказал Коростель. — Станем программами. Это возможно, ты же знаешь. Через несколько месяцев у нас будет технология, позволяющая оцифровывать человека. — Он снова поднял мышь. — Видишь этого приятеля? Он был первым. Я оцифровал его несколько дней назад.

Мерлин уставился на мышь.

— Это действительно он, — продолжал Коростель. — Не просто проекция настоящей мыши в среду Дворца и даже не убедительная имитация. Вскрой его, и ты найдешь внутри все, что ожидаешь. Теперь он существует только здесь, но его поведение не изменилось ни на йоту.

— Коростель, а что случилось с настоящей мышью?

Коростель пожал плечами:

— Умерла, конечно же. Боюсь, процедура оцифровки до сих пор довольно разрушительна.

— То есть в твоем плане есть одна загвоздка. Чтобы очутиться внутри твоей машины, мы должны умереть.

— Если мы не сделаем этого, то все равно умрем. Спорить тут не о чем.

— Если рассуждать таким образом, то да.

Конечно, мы можем провести эксперимент с последней свирелью и найти более надежный способ ускользнуть, но, полагаю, это требует от всех слишком богатого воображения.

— Кроме тебя, конечно же.

Они надолго замолчали. Мерлин смотрел на море; реальность Дворца теперь казалась ему предельно убедительной. Если Коростель добьется своего, это может случиться со всеми: они будут обитать в любой среде по своему вкусу, пока угроза со стороны хескеров не минует. Они смогут пропустить это время, если захотят, или провести его, исследуя множество симулированных планет. Вот только что заманит их обратно в реальность, когда опасность будет позади? Вспомнят ли они вообще, откуда пришли? Дворец сам по себе был достаточно мучительным искушением. Иногда Мерлин ловил себя на том, что ему трудно покидать это место. Оно словно дверь в его юность.

— Коростель… — проговорил Мерлин. — Я всегда хотел узнать у тебя кое-что насчет Дворца. Ты сделал его настолько реальным, насколько это вообще под силу человеку. Ни единой неуместной детали. Иногда мне хочется плакать, так он близок к тому, что я помню. Но кое-чего все-таки

не хватает. Точнее, кое-кого. Когда бы мы ни были здесь ранее — в смысле, в настоящем Дворце, — здесь всегда была и она.

Коростель уставился на него почти что с ужасом:

— Ты спрашиваешь, не приходило ли мне в голову симулировать нашу мать?

— Только не говори, что тебе это не приходило в голову. Я знаю, что ты хотел.

— Это было бы жалкое подобие.

Мерлин кивнул:

— Я знаю. Но это не значит, что ты не думал об этом.

Коростель покачал головой, медленно и скорбно, будто предположение брата беспредельно опечалило его. В наступившем молчании Мерлин пристально рассматривал висящий над морем объект из зеркального вещества. Что бы ни произошло, подумал он, их с Коростелем отношения никогда не станут прежними. И дело тут не только в том, что он знал: Коростель соврал насчет матери. Он должен был попытаться воссоздать ее. Иное было бы непростительным прегрешением при той приверженности к деталям, что была свойственна его брату. Нет. Истинной причиной была Иволга. Они с Коростелем стали любовни-

ками — Мерлин знал и все же никогда не говорил об этом с братом. Время шло, и теперь казалось совершенно неразумным обсуждать эту тему. Ничего нельзя было изменить, а значит, и разговаривать не имело смысла. Но в этот момент Мерлин осознал кое-что еще, сформулировал мысль, копошившуюся на задворках сознания с тех пор, как появились первые схемы аномалии.

— Растяни предел измерения, — сказал он. — Сожми изображение посильнее.

Коростель безмолвно взглянул на него, но все же повиновался. Аномалия сжалась, став почти невидимой.

— Теперь покажи расположение аномалии в системе. С нынешним расположением всех планет.

В небе повисла огромная светящаяся модель планетарной системы — концентрические окружности с Умником в центре и с узловыми точками планет.

— А теперь проведи вектор, исходящий от аномалии, параллельно ее продольной оси. Сделай его как можно длиннее.

— Что ты придумал? — спросил Коростель, уже не скрывая неприязни.

— А что, если эта аномалия — всего лишь ука-

затель, привлекающий наше внимание к чему-то действительно важному? Просто сделай то, что я говорю. Ну?

Прямая линия устремилась от Призрака — в этом масштабе аномалия была незаметна — и прошла через всю систему, к Умнику и внутренним планетам.

И уперлась прямиком в Пепел.

Часть пятая

— Я хотела, чтобы ты узнал об этом первым, — сказала Иволга. Ее подобие стояло посреди каюты Мерлина, горделиво, словно карточная королева. — Мы обнаружили сигналы, идущие изнутри планеты. Гравитационные сигналы — именно этого следовало бы ожидать, если бы кто-нибудь из зеркальной вселенной попытался связаться с нами.

Мерлин посмотрел на ее прекрасное лицо и напомнил себе, что разговаривает всего лишь с искусной моделью настоящей Иволги, отделенной от него несколькими световыми часами и коммуникационным отставанием во времени.

— Как они это делают? В смысле, передают сигнал?

— Есть лишь один способ — быстро перемещать большие массы по кругу, создавая высокочастотную пульсацию в пространстве-времени. Я думаю, они используют черные дыры. Миниатюрные, как та штука на Призраке, которую ты сперва считал черной дырой. Их заряжают и раскачивают, и они испускают амплитудно-модулированную гравитационную волну.

Мерлин пожал плечами:

— Значит, это изначально было не такой уж глупой идеей.

Иволга снисходительно улыбнулась:

— Нам пока неизвестно, как они создают сигналы и управляют ими. Но это сейчас не важно. Важно то, что послание явственно адресовано нам. Его начали передавать, когда мы проникли в глубокие слои Пепла. Что-то в этих действиях заставило их, кем бы они ни были, ощутить наше присутствие.

Мерлин невольно вздрогнул:

— Существует ли вероятность, что хескеры могут уловить эти сигналы?

— Я бы сказала, что уловят обязательно, если только сигналы не прекратятся до их прибытия. Именно поэтому мы прилагаем столько усилий, чтобы расшифровать сигналы.

— И как? Получается?

Иволга кивнула:

— Мы определили повторяющиеся комбинации в гравитационном сигнале, совокупность данных, которую зеркальные люди передают нам раз за разом. В пределах этой совокупности можно выделить два вида знаков — гравитационных импульсов: сильный и слабый — как «один» и «ноль» в двоичной системе счисления. Количество знаков в сигнале равно произведению трех простых чисел — явно не случайно, — поэтому мы пересобрали набор данных по трем осям и сформировали трехмерное изображение.

Иволга сделала паузу и подняла ладонь. В воздухе возник прямоугольник, лишенный каких-либо характерных черт. Он неспешно вращался, демонстрируя зрителям свою невыразительность.

— Как-то не очень, — сказал Мерлин.

— Это потому, что внешний слой трехмерной модели — сплошные «единицы». На самом деле лишь крохотная часть его объема состоит из «нулей». Сейчас я удалю «единицы» и продемонстрирую одни лишь «нули»…

Капелька позерства: вдруг оказалось, что поверхность прямоугольника образована из переплетенных птиц, застывших за миг до то-

го, как разлететься в разные стороны. То, что демонстрировала ему Иволга, вдруг стало чуть более осмысленным. Это напоминало шар из нетуго намотанных струн. Карта тоннелей в коре Пепла, уходящая в такие глубины, на которые их собственные карты даже не намекали. До пятисот-шестисот километров вглубь литосферы.

— Но все это мы и сами узнали бы со временем, — сказал Мерлин.

— Нет. Я думаю, что не все. — Иволга увеличила изображение и продемонстрировала Мерлину дальний конец одного из тоннелей. Тоннель завершался почти сферическим помещением. — Остальные стволы просто обрываются, даже те, которые отходят от него уровнями выше. Но они явно хотят привлечь наше внимание к помещению. Это должно что-то значить.

— Думаешь, там что-то есть?

— Скоро узнаем. Когда это подобие будет разговаривать с тобой, мы с Коростелем почти доберемся до помещения. Так что пожелай нам удачи. Что бы мы там ни нашли, я совершенно уверена: для нас все изменится.

— К добру или к худу?

Подобие улыбнулось:

— Поживем — увидим.

«Конец света», — снова подумал Мерлин. Он ощущал это в воздухе — тихое отчаяние. Датчики дальнего радиуса действия, расставленные вокруг системы, засекли первые слабые признаки нейтринного излучения, которое могло исходить от корабля хескеров, неуклонно движущегося к Умнику сквозь межзвездное пространство. При этом основные рои, перекрывающие Путь впереди и позади, тоже никуда не делись.

Один-два человека уже прошли несовместимую с жизнью Коростелеву оцифровку, решив опередить основной поток и не дожидаться давки. На данный момент их копии были заморожены, но вскоре помощники Коростеля должны были создать виртуальную среду для обитания оцифрованных. Несомненно, за ними последовали бы другие. Немногие. Не одного Мерлина коробила идея отбросить плоть лишь для того, чтобы выжить. Слишком высокая цена, слишком чуждый способ.

«Стоит это сделать, — подумал он, — и мы сами станем наполовину хескерами».

Что же он мог сделать для своего спасения, если о спасении остальных не шло и речи? Мерлин подумал, не украсть ли свирель. У него все еще было недостаточно знаний, чтобы использовать

ее без риска, но он знал, что уже близок к этому. Однако свирель бдительно охраняли, Совет постоянно следил за нею. Мерлин просил Коростеля и Иволгу повлиять на остальных, но если они и обладали нужным авторитетом, то навстречу ему не шли.

И вот теперь Иволга вернулась с Пепла, готовая поделиться новостями. Она снова созвала собрание, и на этот раз никто не должен был украсть ее триумф.

Особенно если учесть, что она привезла с собой кое-кого.

Это было подобие женщины, неопределенного возраста, но примерно с тем же набором генов, что и у всех присутствующих. На это никто не рассчитывал. Со времен Расцвета от человечества отделилось множество групп, и многие из них казались до чудовищности странными тем, кто остался верен старому фенотипу. Но если бы эту женщину переодеть, накрасить и причесать как следует, она могла бы ходить среди них, не привлекая внимания. Разве что своей красотой. В ее лице и манере держаться было нечто неуловимо безмятежное, казавшееся почти сверхъестественным.

Пока она не начала говорить, ее лицо было

воплощением покоя.

— Меня зовут Хальворсен, — сказала она. — Это старинное имя. Оно было архаичным уже в мое время… Понятия не имею, сколько это будет по вашему летоисчислению и поймете ли вы хоть слово из того, что я скажу. Мы записали варианты этого сообщения на тысяче языков, на всех, что нашлись в наших лингвистических базах данных, в надежде, что какой-нибудь далекий путешественник узнает хоть что-нибудь полезное.

Мерлин поднял руку:

— Стойте. Останови ее. Ты можешь это сделать?

Иволга кивнула, и Хальворсен застыла с открытым ртом.

— Что она такое? — спросил Мерлин.

— Просто запись. Мы привели ее в действие, когда добрались до того помещения. Перевести ее было нетрудно. Мы уже знали, что язык Копателей позднее эволюционировал во Всеобщий, и вполне можно было надеяться, что язык одной из записей имеется в наших архивах.

— И?

— Ни одного из ее языков мы не знали достаточно хорошо. Но три послания были на языках, известных нам фрагментарно, и нам удалось

собрать эту версию, используя все три варианта. Конечно, осталось несколько лакун, но вряд ли мы упустили что-нибудь критически важное.

— Будем надеяться. Ладно, дай ей продолжить, кем бы она ни была.

Хальворсен ожила снова.

— Позвольте рассказать о моем прошлом, — сказала она. — Наверное, это поможет вам установить временны́е рамки, когда была сделана запись. Мои предки пришли с Земли. Так же как и ваши — если все вы люди, — но я даже встречалась с женщиной, которая родилась на Земле, хоть это и были ее самые ранние воспоминания, слабые и крохотные, как будто смотришь на них в перевернутый телескоп. Она помнила времена до Расцвета, до великого переселения в Рукав Ориона. Мы летели на кораблях-поглотителях десять тысяч лет, на скорости, близкой к световой. Потом начались войны. Ужасные войны. Мы прятались еще десять тысяч лет, пока в нашей части галактики не стало тихо. Мы видели подъем и падение многих цивилизаций и научились у них всему, чему смогли. Мы торговали с теми, которые казались наименее враждебными. Потом пришли Пролагающие Путь и протянули свою сеть в нашу область космоса. Для нас они

были подобны богам, хоть мы и похитили некоторые их чудеса и приспособили для собственного использования. После тысячелетий тщательного изучения мы узнали, как делать свирели и пользоваться Паутиной. — Она сделала паузу. — Мы взяли себе имя «Наблюдающие».

Далее Хальворсен поведала, как вирус, распространившийся в их флотах, тайком повредил древнейшие наследственные базы данных. К тому времени, как повреждения были обнаружены, все их звездные карты оказались бесполезными. Они больше не знали, где находится Земля. Сперва эта потеря представлялась маловажной, но время шло, и по мере того, как они встречались с новыми цивилизациями, стало ясно, что базы данных Наблюдающих, возможно, дольше других оставались неповрежденными.

— Так обстояли дела к моменту ее смерти — смерти старейшей из нас. Думаю, она до последнего момента продолжала втайне надеяться, что мы вернемся на Землю. Когда она узнала, что этого не будет никогда, ей стало незачем жить.

Потом начались долгие Темные Века. Пролагающие Путь ушли. Галактику заполонили кошмары. Мародеры жаждали заполучить технические знания, которые Наблюдающие копили

тысячелетиями. Наблюдающие бежали, и их преследовали на протяжении многих световых лет, как сейчас преследуют Когорту, гнали от звезды к звезде. Как и Когорта, они наткнулись на Умника. Они изучили систему и попытались понять ее аномалии в надежде, что эти знания дадут им преимущество над врагами. Они вырыли тоннели на Пепле и создали машины, стоявшие вдоль стен самого дальнего помещения. Они тоже засекли сигналы из зеркальной вселенной, хотя содержимое тех посланий было куда труднее расшифровать.

— Это были инопланетяне, — сообщила Хальворсен. — Настоящие инопланетяне. Автоматическая трансляция, налаженная полмиллиона лет назад группой существ, перешедших в зеркальную вселенную. Они бежали от пламени, которое должно было вот-вот высвободиться при слиянии двойной нейтронной звезды, находившейся всего в нескольких сотнях световых лет, в одну. Они оставили нам инструкции насчет того, как присоединиться к ним. Мы научились генерировать высокочастотные гравитационные волны, при помощи которых они подавали нам сигнал. Потом мы нашли способ преобразовывать себя в радиоимпульсы, чтобы переслать

биологическую информацию между вселенными. Хотя эти инопланетяне ушли давным-давно, они оставили машины, чтобы позаботиться о нас и обеспечить наши потребности, когда мы пересоберемся на той стороне.

— Но Мародеры давно исчезли, — сказал Мерлин. — Даже в самых старых наших записях есть лишь смутные упоминания о них. Почему Хальворсен и ее народ не вернулись сюда?

— Не было нужды, — сказала Иволга. — Мы думали, что зеркальная вселенная — холодное, жуткое место, но оказалось, что она подобна нашей Вселенной: небо, усеянное яркими солнцами, и вращающиеся вокруг них теплые планеты. Приходи и бери. Народ Хальворсен был опоздавшим игроком в галактике, уже разделенной между тысячами группировок, которые успели раньше. А зеркальная вселенная оказалась первозданной, никем не обжитой. Им больше не нужно было уворачиваться от тех, кто сильнее, или прятаться от скопищ преступников. Там не было никого, кроме них.

— И тех инопланетян… — Мерлин запнулся. — Как там она их назвала?

Иволга помолчала, прежде чем ответить.

— Никак. Но ее народ называл их «Тенями». Эти

Тени давно исчезли. Они оставили машины, чтобы помочь любой цивилизации, которая захочет совершить переход, но больше — никаких следов. Возможно, они перебрались в отдаленную часть зеркальной галактики или вернулись в нашу Вселенную, когда угроза поглощения исчезла.

— Народ Хальворсен доверял этим существам?

— А что им оставалось? Не больше, чем нам. Мародеры угрожали им так же, как нам угрожают хескеры.

После этого снова заговорила Хальворсен:

— И мы совершили переход. Мы освоили значительные территории, заселили около дюжины ближайших звездных систем с той стороны. Межзвездные путешествия здесь трудны, потому что нет Паутины, но социальные модели, созданные до прихода Мародеров, сослужили нам хорошую службу. Ко времени записи этого послания мы прожили в мире тысячу лет. Если мы попытаемся связаться с вами при помощи гравитационных волн, можете быть уверены, что мы все еще живы. К этому моменту мы изучим вас при помощи автоматизированных систем, оставленных на Пепле. Они сообщат нам, что вы по сути своей миролюбивы, а вам — что мы готовы приветствовать вас.

Тон Хальворсен изменился.

— Итак, вот наше приглашение. Мы откроем для вас врата. Предоставим информацию о том, как перейти в зеркальную вселенную. Чтобы совершить следующий шаг, вам придется пойти на тяжелейшую из жертв. Вы должны отказаться от плоти. Применить технологии оцифровки, которыми располагаете. Мы поступили так и знаем, что это тяжело — но легче смерти. Для нас выбор был достаточно очевидным. Возможно, для вас он будет таким же. — Хальворсен помолчала и с мольбой протянула к ним руку. — Не бойтесь. Следуйте за нами. Мы уже давно ждем вас.

Потом она склонила голову, и запись остановилась.

Мерлин почти физически ощущал воцарившееся в зале облегчение, хотя достоинство не позволяло никому выразить это открыто. Дуновение надежды, после того как они столько месяцев смотрели в лицо небытию. Наконец-то нашелся выход. Способ выжить, отличный от идеи Коростеля, бездушной вечности в компьютерной памяти. Даже если для этого требуется умереть… это же будет лишь временная смерть, как сказала Хальворсен. По ту сторону их ждет иной мир, где все они возродятся во плоти.

Своего рода земля обетованная.

Устоять будет трудно, особенно теперь, когда хескеры так близко. Но Мерлин лишь пристально смотрел на эту женщину, Хальворсен. Он был уверен, что знает правду, а Иволга в глубине души хотела, чтобы он ее знал.

Она лгала.

«Тиран» летел к пустому космическому пространству, в сторону Пути. Когда Мерлин решил, что находится на достаточно безопасном расстоянии от Пепла, он отдал команду взорвать двадцать мин, заложенных в том самом, нижнем помещении. Он посмотрел на планету. На вид вроде бы ничего не произошло. Никаких вспышек, никакого света, вырывающегося из входов в тоннели Копателей. Возможно, какой-нибудь таинственный изолирующий пласт не дал минам сработать.

Но потом он увидел показания сейсмодатчиков, оставленных Иволгой на поверхности, — казалось, это случилось полжизни назад. Мерлин чуть не забыл об их существовании. Но теперь он видел, что каждый датчик зафиксировал череду звуковых волн взрывов, когда те достигли поверхности. Несколько секунд спустя последовал более протяжный и низкий сигнал — нескончаемый

грохот рушащихся тоннелей, напоминавший шум лавины. Несомненно, некоторые отрезки тоннелей уцелели, но пробиться от одного к другому будет нелегко. Впрочем, он еще не закончил. Сперва Мерлин направил ракеты на выходы из тоннелей, обрушил их, а потом подорвал небольшие заряды, уничтожая сейсмотехнику Иволги, выжигая поверхность ядерным огнем.

Здесь не должно остаться никаких следов присутствия людей, ничего, способного подсказать хескерам, что тут случилось…

Все уже ушли. Перебрались в зеркальную вселенную. Иволга, Коростель, все остальные. Все, кого он знал, подверглись быстрой, чистой смерти в цифрующих аппаратах Коростеля. Превратились в биологические структуры, закодированные в гравитационных импульсах и переброшенные в царство зеркальной материи.

Кроме, конечно же, Мерлина.

— Как ты догадался? — спросила Иволга вскоре после того, как представила на суд общественности послание Хальворсен.

Впервые за много месяцев они остались наедине во плоти.

— Ты же хотела, чтобы я догадался, Иволга. Разве не так? Ты решила за остальных, но хотела,

чтобы я знал правду. Ну что ж, у тебя получилось. Я догадался. И должен признать, что вы с Коростелем хорошо поработали.

— Хочешь знать, что из этого правда?

— Думаю, ты в любом случае мне расскажешь.

Иволга вздохнула:

— Я хочу этого больше, чем ты, наверное, думаешь. Мы действительно засекли сигналы из зеркальной вселенной, как я и сказала.

— Но не совсем такие, о которых ты говорила.

— Нет… нет. — Иволга помолчала. — Гораздо более непривычные. Их было намного труднее расшифровать. Но мы справились, и содержимое посланий более-менее совпадало с тем, что я сказала Совету. Это была карта подземелий Пепла, приглашавшая нас идти вглубь. Там мы обнаружили другие сообщения. К этому моменту мы были лучше подготовлены к их расшифровке. Вскоре мы поняли, что это — набор инструкций по переходу в зеркальную вселенную.

— Но оставила их не Хальворсен.

Иволга покачала головой:

— Хальворсен была идеей Коростеля. Мы знали, что переход — единственная оставшаяся у нас надежда, но никто не пожелал бы его совершить, если бы мы не сделали его… ну, более

приемлемым. Инопланетяне были слишком чужими для нас, шокирующе чужими. Мы поняли это, когда начали постигать их природу. Нет, они необязательно были враждебными или даже недружественными… но оказались пугающе чужими. Создания из кошмаров. И мы придумали историю с людьми. Коростель создал Хальворсен, и мы втайне сфабриковали достаточно доказательств, чтобы никто не усомнился в ее реальности. Мы сочинили правдоподобную историю, а потом совместили ее с настоящей.

— С рассказом про инопланетян, бегущих от слияния нейтронных звезд?

— Это было чистой правдой. Но кроме них, никто из людей не перешел на ту сторону.

— А как же Копатели?

— Они нашли тоннели, тщательно исследовали их, но, похоже, так и не перехватили сигналы. Но они помогли нам. Без них было бы намного труднее добиться, чтобы история Хальворсен звучала убедительно. — Иволга ненадолго умолкла. В своем энтузиазме она напоминала ребенка. — Мы будем первыми, Мерлин. Разве это не потрясающе?

— Для тебя — возможно. Но ты всегда стремилась заглянуть в бездну, Иволга. Для любого

другого человека это невыразимая жуть.

— Вот поэтому они и не должны узнать правду. Иначе они не согласятся на переход.

— Я понимаю. И не сомневаюсь, что ты поступила правильно. В конце концов, это вопрос выживания, разве не так?

— Со временем они откроют для себя правду, — сказала Иволга. — Когда мы все перейдем на ту сторону. Не знаю, что тогда будет со мной и Коростелем. Нас или станут боготворить, или возненавидят. Подождем — увидим, конечно, но подозреваю, что скорее второе.

— В то же время они поймут, что у вас хватило мужества взглянуть в лицо правде и скрыть ее от остальных, когда вы осознали, что ее надо скрыть. В этом есть определенное благородство, Иволга.

— Что бы мы ни делали, мы делаем это на благо Когорты, ты же это понимаешь?

— Я никогда не сомневался. Но это не означает, что я иду с вами.

Рот Иволги едва заметно приоткрылся.

— Но здесь тебя ничего не ждет, Мерлин. Ты умрешь, если не последуешь за нами. Я не люблю тебя, как прежде, но ты все еще не безразличен мне.

— Именно поэтому ты позволила мне узнать

правду?

— Я не говорила, что сделала это. Должно быть, Коростель постарался. — Она помолчала. — Так в чем же дело?

— Хальворсен, — сказал Мерлин. — Ее создали с нуля. Такого человека не существовало. Вы хорошо потрудились. Но в ней было нечто, что я видел прежде. Нечто знакомое. Сперва я не понял, что это. Но потом, конечно, сообразил.

— И что же?

— Коростель создал ее, опираясь на образ нашей матери. Я всегда подозревал, что он попытается создать ее симуляцию, но он все отрицал. Еще одна ложь. Хальворсен это подтвердила.

— Значит, он хотел, чтобы ты это знал. Твой брат.

Мерлин кивнул:

— Думаю, да.

— Так ты пойдешь с нами?

Мерлин уже принял решение, но решил помолчать, прежде чем ответить:

— Навряд ли, Иволга. Это не в моем духе. Я знаю, что у меня мало шансов заставить свирель работать, но я предпочитаю бежать, а не прятаться. Думаю, я рискну.

— Но Совет не позволит тебе взять свирель,

Мерлин. Даже после того, как мы перейдем на ту сторону, они будут держать ее тут под охраной. Они захотят, чтобы свирель дожидалась нас в целости и сохранности, когда мы вернемся из зеркальной вселенной.

— Я знаю.

— Тогда почему?.. Постой. Я поняла. — Она посмотрела на него. Сочувствие исчезло из ее глаз. Лицо выражало презрение, как когда-то раньше. — Ты собираешься нас шантажировать, так? Пригрозишь рассказать обо всем Совету, если мы не предоставим тебе свирель?

— Ты сама это сказала.

— Мы с Коростелем не располагаем таким влиянием, Мерлин.

— Значит, придется им обзавестись. Я ведь немногого прошу. Небольшой знак признательности за мое молчание. Уверен, ты что-нибудь придумаешь. — Мерлин помолчал. — В конце концов, жаль будет испортить все сейчас. Да и история Хальворсен звучала очень убедительно. Я сам почти поверил.

— Ты хладнокровный, расчетливый ублюдок.

Иволга сказала это почти с улыбкой, питая к Мерлину и восхищение, и отвращение.

— Просто придумай способ, Иволга. Я знаю, ты

можешь. Да, и еще одно.

— Что?

— Присмотри за моим братом, ладно? Конечно, то еще сокровище, но все равно он один такой на свете. На той стороне тебе потребуются такие, как он.

— Ты тоже пригодился бы нам, Мерлин.

— Возможно, но меня ждут другие дела. Например, решить вопросик с оружием, которое позволит покончить с хескерами. Ты же знаешь, я собираюсь его отыскать. Даже если на это уйдет вся моя жизнь. Надеюсь, когда-нибудь вы вернетесь и увидите, чего я добился.

Иволга кивнула, но промолчала. Оба знали, что в словах больше нет нужды.

Как он и ожидал, Иволга с Коростелем перешли на ту сторону. Свирель теперь была у него: неприметельный матово-черный конус, содержащий тайну пересечения пути длиной в световые годы за несколько мгновений субъективного времени, примостился на металлических подвесках внутри «Тирана». Мерлин не знал, как именно они убедили Совет оставить свирель ему. Вполне возможно, никакого разрешения не было, а была какая-то махинация. В конце концов, все черные конусы похожи друг на друга.

Но это была подлинная свирель — и последняя, оставшаяся у них.

Теперь она стала невообразимо драгоценной, и Мерлину предстояло попотеть, чтобы за предстоящие недели выведать ее секреты. Бесчисленное множество людей умерло, пытаясь получить доступ к системе перехода Пролагающих Путь, и, вполне возможно, Мерлин стал бы всего лишь одним из них. Но нет, все должно было обернуться иначе. Мерлин был теперь одинок — возможно, никто за всю историю человечества не бывал настолько одиноким, — но вместо отчаяния он ощущал холодный, чистый восторг. Теперь у него была миссия. Она могла оказаться тяжелой до изнеможения, могла закончиться поражением, но он желал ее исполнить.

Где-то у него за спиной замурлыкала свирель.

Цветы Минлы

Миссия прервана.

Даже сейчас я не совсем понимаю, что произошло. Мы с кораблем двигались по Пути — рядовое путешествие, все работало как часы. Я сидел, слегка подвыпив и глубоко задумавшись, и вертел в уме зацепки, словно пещерный человек, пытающийся высечь огонь из камня, в надежде, что искра озарения направит меня к Оружию, тому самому: никто не думал, что я его найду, а я всеми фибрами души ощущал, что оно где-то здесь. Я представлял себе, какая встреча меня ждет, когда я вернусь в Когорту с такой добычей. Мне простят все грехи, когда увидят, что я действительно нашел его, что оно реально существует, что мы наконец обнаружили нечто пригодное для борьбы с хескерами. В приятных грезах, порожденных вином, казалось вполне вероятным, что мне простят все.

Тут это и произошло. Резкий крен, от которого вино и бокал полетели со стола, а впавшая в панику аварийная сигнализация завыла. Я сразу понял, что это не обычная турбулентность Пути. Корабль отчаянно трясло, но я все-таки сумел

добраться до рубки и сделал все что мог, стараясь восстановить контроль над ситуацией. Полет на чистой интуиции — мы с Коростелем летали так на Изобилии, когда Изобилие еще существовало.

Потом я осознал, что мы очутились вне Паутины, вывалились обратно в сокрушительную медлительность обычного космоса. Звезды в иллюминаторах были неподвижными, и их цвет нисколько не намекал на релятивистский эффект Доплера.

— Повреждения? — спросил я.

— Перечислить все? — огрызнулся корабль.

Я велел ему попридержать свой сарказм и начать излагать мне плохие новости. И новости воистину были плохими. Драгоценная свирель все еще работала — я потрогал ее и ощутил знакомое дрожание, указывающее, что она по-прежнему ощущает близкое присутствие Паутины, — но это была единственная критически важная для полета система, которая не взорвалась, не деформировалась или попросту не испарилась от непредвиденного выхода из Паутины.

Нужно было сесть на какую-нибудь планету и произвести ремонт. На несколько недель или месяцев — смотря сколько времени понадобится кораблю, чтобы нарыть и обработать сырье, необ-

ходимое для починки, — поиск моего Оружия придется отложить.

Но это не означало, что я рассчитывал на длительную остановку.

Корабль продолжал медленно снижаться. Сощурившись, Мерлин посмотрел сквозь иллюминатор на раскаленное добела сияние — жгучее око яркого солнца. Оно было белым, но не убийственно-белым. Наверное, звезда из середины ряда. Либо конец класса F, либо начало класса G. Мерлин подумал, что в ней есть оттенок желтого. Пожалуй, очень близко к этому.

— Скажи, где мы находимся?

— Звезда называется Каллиопой, — сообщил «Тиран». — Класс G. Согласно последним данным Когорты, в ее систему входит пятнадцать планет. Пять — земного типа, из них четыре — необитаемые. Пятая, самая дальняя, предположительно была колонизирована людьми в начале периода Расцвета.

Мерлин посмотрел на данные реестра — они прокручивались на стене кабины. Планета, о которой шла речь, называлась Лекиф. Типичная, обладающая водой планета земного типа, подобная тысяче других, известных ему. У нее даже имелась почти обязательная большая луна.

— Давненько это было, корабль. Каковы шансы, что там, внизу, все еще кто-нибудь есть?

— Трудно сказать. Облетавший планету уже после составления реестра корабль Когорты не смог связаться со здешней колонией, но это не значит, что здесь никого нет в живых. После появления хескеров многие колонии постарались как можно лучше замаскироваться, прячась от инопланетян.

— Значит, все-таки можно наткнуться на встречающую делегацию.

— Посмотрим. С твоего разрешения, я использую оставшееся топливо, чтобы добраться до Лекифа. Это займет некоторое время. Не хочешь пока поспать?

Мерлин посмотрел на гробоподобную плиту в боксе для анабиоза. Он мог пропустить несколько дней или недель, которые займет дорога до планеты, но тогда пришлось бы снова переносить чрезвычайно неприятный выход из анабиоза. Мерлин терпеть не мог, когда его будили во время обычного сна, — что уж говорить о глубокой гибернации или анабиозе.

— Пожалуй, откажусь. Мне еще много чего надо прочесть, чтобы наверстать упущенное.

Позднее — значительно позднее — «Тиран»

объявил, что они легли на орбиту Лекифа.

— Хочешь взглянуть? — с ноткой дурашливости спросил корабль.

Мерлин потер уставшие глаза:

— Судя по твоему тону, ты знаешь то, чего не знаю я.

Картина сперва обнадежила Мерлина. Внизу раскинулся голубой океан, зеленые и коричневые пятна суши — скорее большие острова, чем континенты, — свитые циклонами в спираль облака из водяного пара. Все это необязательно означало, что здесь по-прежнему есть люди, но внушало куда больше оптимизма, чем, допустим, изрытый кратерами радиоактивный труп планеты.

Потом он присмотрелся повнимательнее. Многие зеленые и коричневые пятна были окружены водой, как ему и показалось с первого взгляда. Но некоторые, казалось, парили над океаном и отбрасывали на него тень. Мерлин взглянул на горизонт, туда, где атмосфера сжималась в тонкую дугу чистейшего индигового цвета. Там виднелись искаженные из-за перспективы очертания парящих островов, повернутых почти ребром. Все острова, толщиной в один-два километра, были мягко скруглены. Примерно половина их по форме напоминала линзу, края

были чуть приподняты — матово-белые, словно пики горных вершин. В центре некоторых линз виднелись небольшие озера. Выгнутые острова все были выгоревшими, рыжевато-коричневыми, лишенными растительности или воды, если не считать ледяной шапки в самой высокой точке. Крупнейшие острова, выпуклые или вогнутые, имели, наверное, сотни километров в ширину. По прикидкам Мерлина, каждый висел на высоте не меньше десяти километров. Эти летающие острова заслоняли треть поверхности планеты.

— Есть идеи насчет того, что мы видим? — спросил Мерлин. — Кажется, в реестре ни о чем таком не упоминалось.

— Я думаю, они построили бронированное небо вокруг своей планеты, — сказал корабль. — А потом что-то — вполне возможно, боеприпасы уровня хескеров — разбило их небо на осколки.

— После такого выжить не мог никто, — сказал Мерлин, чувствуя, как в душе поднимается печаль. «Тиран» был достаточно умен, но бывали моменты, и весьма продолжительные, когда Мерлин очень остро ощущал за маской личности бездушную машину. И тогда он чувствовал себя ужасно одиноким. В такие часы он сделал бы что угодно ради общения, включая возвращение

к Когорте и трибуналу, который, несомненно, ждал его там.

— Кажется, кто-то все-таки выжил, Мерлин.

— Что, правда? — вскинулся он.

— Цивилизация не особо развитая, похоже. Нет ни нейтринного, ни гравимагнетического излучения, кроме исходящего от тех машин, которые до сих пор должны работать под небесными островами. Но я засек несколько очень коротких радиосигналов.

— Какой язык они используют? Всеобщий? Торговую речь? Еще что-нибудь из базы данных Когорты?

— Они используют короткие и долгие звуковые сигналы. Боюсь, у меня не было возможности засечь их источник.

— Продолжай слушать. Я хочу встретиться с ними.

— Ты сильно не надейся. Если там, внизу, и есть люди, они уже много тысячелетий не контактировали с остальным человечеством.

— Я лишь хочу остановиться здесь для ремонта. Они же не откажут мне в этом, правда?

— Думаю, да.

Тут Мерлину пришла в голову одна мысль, и он понял, что спросить об этом надо было гораздо

раньше.

— Да, корабль, насчет этого ЧП… Я так понимаю, тебе известно, почему нас выкинуло из Паутины?

— Я проверил свирель на дефекты. Похоже, что с ней все в порядке.

— Это не ответ.

— Я знаю, — хмуро отозвался «Тиран». — У меня нет объяснений произошедшему. И нравится мне это ничуть не больше, чем тебе.

«Тиран» вошел в атмосферу Лекифа. Передачи возобновились, и корабль сумел засечь их источник на одном из самых больших небесных островов. Вскоре после этого на другом острове, вполовину меньше первого, расположенном в трех тысячах километров к западу, заработал второй источник излучения. То, как сигналы начинались и прекращались, наводило на мысль о некоем мучительно-медленном обмене сообщениями посредством радиоволн, который, возможно, никак не был связан с прибытием Мерлина.

— Скажи, что этот код есть в нашей базе данных, — попросил Мерлин.

— Его нет. И я боюсь, что код ничего не сказал бы нам о языке, на котором они разговаривают.

Вблизи обрывистые края небесных островов выглядели высокими утесами. Они были темными, серыми с прожилками, вовсе не такой правильной формы, как казалось из космоса, со следами дождя, ветра и эрозии. Встречались и широкие края, с головокружительными возвышенностями и темными громадными пещерами с собор. В неярком свете Каллиопы поблескивали лестницы и переходы — невероятно тонкие, извилистые полоски металла: они зигзагом спускались с покрытых льдом вершин, преодолевая часть пути к опасному нижнему краю, где летающий остров скруглялся.

Мерлин разглядел крохотные движущиеся фигурки каких-то существ наподобие птиц. Они кружили в мощных восходящих потоках воздуха, а некоторые улетали к своим насестам на нижних уровнях и возвращались обратно.

— А вот это не птица, — сказал «Тиран», подсвечивая одну из движущихся фигур, покрупнее.

Стоило кораблю увеличить изображение, как Мерлина пронзило узнавание. Авиетка, смехотворно хрупкая конструкция из проволоки и холста. На крыльях был нарисован полумесяц. Эта машина мало чем отличалась от тех, что Мерлин видел в хранилище Дворца Вечных Суме-

рек, сохранявшихся на протяжении тринадцати тысячелетий истории человечества. Однажды Мерлин даже рискнул вывести одну из них наружу и посмотреть, хватит ли у него духу повторить полеты далеких предков. Он до сих пор помнил выволочку, которую получил, вернув на место почти разрушенную авиетку.

Этот летательный аппарат, еще более неуклюжий и медленный, приводился в движение не реактивными турбинами, а одним-единственным тарахтящим пропеллером. Он шел вдоль края острова, медленно набирая высоту. Определенно, он намеревался совершить посадку. Воздух на Лекифе у поверхности моря был более плотным, чем на Изобилии, но эта небольшая машинка наверняка приблизилась к своему рабочему потолку, выше которого полет стал бы опасным. И все же ей надо было подняться еще выше, над приподнятым краем.

— Следуй за ним, — сказал Мерлин. — Держись на расстоянии двух километров. И включи маскировку.

Корабль Мерлина шел за авиеткой, сражавшейся с высотой. Теперь Мерлин мог разглядеть пилота, сидевшего внутри грубого пузыря кабины, в очках и шлеме. Самолет поднялся на десять

километров, но ему требовалось преодолеть еще столько же, чтобы выйти за загнутый кверху край. Казалось, каждая сотня метров была тяжелым испытанием для авиетки, и маленький самолетик перемежал подъемы горизонтальным полетом. Мерлин представлял, как трещит и бунтует моторчик, как пилот боится, что он может заглохнуть в любой момент.

Тут над краем приметного утеса появилось воздушное судно. Лучи Каллиопы вспыхнули на золотистой выпуклости его обшивки. Под длинным ребристым силуэтом обнаружилась маленькая гондола, оборудованная множеством моторов, размещенных на ферменных выносных опорах. Нос авиетки начал поворачиваться, показался второй полумесяц. Воздушное судно поднялось на одну линию с самолетом. Мерлин увидел, как из днища гондолы выдвинулось и медленно развернулось некое сетеобразное приспособление. Пилот взял следующую высоту и выключил двигатель авиетки. Та пошла к сети по пологой глиссаде. Воздушное судно явно собиралось подхватить самолетик и перенести через край. Должно быть, только так самолет мог попасть на небесный остров и покинуть его.

Мерлин наблюдал за происходящим с болез-

ненной зачарованностью и не мог оторвать глаз. Иногда у него бывали предчувствия: что-то пойдет не так. Сейчас это ощущение снова посетило его.

Порыв ветра подхватил воздушное судно и понес в сторону от глиссады авиетки. Пилот попытался скорректировать курс — Мерлин видел игру света на прогнувшихся крыльях, — но его усилий не хватило. Без двигателя самолет сделался слишком неповоротливым. Моторы вокруг гондолы развернулись на опорах, пытаясь переместить воздушное судно в нужное положение.

За гондолой высился испещренный прожилками громадный серый утес.

— Почему он выключил двигатели?.. — выдохнул Мерлин. И мгновение спустя добавил: — Мы можем подхватить его? Можем что-нибудь сделать?

— Боюсь, что нет. Просто не успеем.

Чувствуя дурноту, Мерлин смотрел, как воздушное судно пролетело мимо авиетки, разминувшись с ней на сотню метров. Мотор изверг облако дыма. Должно быть, пилот отчаянно пытался запустить двигатель. Несколько секунд спустя Мерлин увидел, как кончик крыла проехался по утесу и крыло мгновенно смяло. Самолетик

рухнул и разбился вдребезги об утес. Пилот явно не выжил.

На мгновение Мерлин оцепенел — застыл, не понимая, что теперь делать. Он собирался приземлиться, но, казалось, нехорошо появляться сразу после того, как ты стал свидетелем подобной трагедии. Возможно, стоило найти необитаемый остров и сесть на него.

— Еще один самолет, — сообщил «Тиран». — Идет с запада.

Все еще не отошедший от потрясения, Мерлин подвел свой замаскированный корабль поближе. Из бока самолета валил черный дым. Пилот в кабине явно сражался изо всех сил, пытаясь довести машину до безопасного места. На глазах у Мерлина и «Тирана» мотор вроде бы заглох, но потом снова заработал.

Что-то пронеслось мимо «Тирана», заставив сработать сигнализацию опасного сближения.

— Какой-то снаряд, — сообщил Мерлину корабль. — Думаю, самолет пытаются сбить с земли.

Мерлин посмотрел вниз. До этого он не обращал особого внимания на массив суши под ним, но теперь, присмотревшись — пришлось изучать прорехи в лоскутном одеяле низких обла-

ков, — он разглядел легко узнаваемые вспышки артиллерии, расположенной вдоль бледной черты укрепленного рубежа.

Он начал понимать, почему самолет не решается отойти в сторону от летающего острова. Утес обеспечивал хоть какое-то прикрытие. А в открытом небе авиетка будет слишком уязвимой для снарядов.

— Думаю, пора вмешаться, — сказал Мерлин. — Сохраняй маскировку. Я собираюсь помочь этой авиетке. Подойди к ней сзади, а потом нырни под нее.

— Мерлин, ты понятия не имеешь, кто эти существа. Они могут оказаться разбойниками, пиратами — да кем угодно.

— По ним стреляют. Мне этого достаточно.

— Я действительно думаю, что нам следует приземлиться. Я снизил давление пара в топливных баках.

— До чего же храбрый дурень этот пилот. Делай, что сказано!

Мотор авиетки заглох ровно в ту минуту, когда «Тиран» добрался до нее. Перейдя на ручное управление, Мерлин коснулся носом корабля нижней поверхности тонкого, как бумага, фюзеляжа самолетика, произведя едва ощутимый

удар. Пилот оглянулся через плечо, но защитная маска скрывала выражение его лица. Мерлин мог лишь догадываться, что́ пилот думал о глянцевитом аппарате размером с кита, поддерживающем его самолет.

Руки Мерлина дрожали. Он прекрасно понимал, как легко повредить хрупкую конструкцию, если не рассчитать нажим. «Тиран» был покрыт броней, рассчитанной на то, чтобы выдерживать перемещение по Пути и давление атмосферы газового гиганта. Все равно что подталкивать перышко кувалдой. На мгновение контакт между двумя кораблями был утрачен, и, когда «Тиран» снова коснулся самолета, последовал удар, смявший металлический цилиндр закрепленного под крылом запасного топливного бака. Мерлин скривился, ожидая взрыва — маленькому самолету он повредил бы намного больше, чем «Тирану», — но, должно быть, бак был пуст.

Тем временем воздушное судно впереди них вернуло себе относительную устойчивость. Его сеть по-прежнему была развернута. Мерлин надавил сильнее и поднял самолет выше, чтоб подготовить его к следующей глиссаде. В последний момент он решил, что разумнее будет отойти от авиетки. Он отвел «Тиран» в сторону и

позволил самолетику влететь в сеть.

На этот раз порывов ветра не было. Сеть обернулась вокруг самолета. От легкого рывка нос воздушного судна дернулся вниз. Сеть стала подниматься к гондоле, как на рыболовецкой лодке. Одновременно с этим аппарат развернулся и начал набирать высоту.

— Больше самолетов нет? — спросил Мерлин.

— Этот был единственным.

Они последовали за гондолой. Та перевалила через утес, через увенчанный льдом край небесного острова, и начала опускаться к защищенной области чаши, где собрались вода и зелень. Здесь даже был тонкий слой облаков, выстроившихся прерывистым кольцом вокруг озера. Мерлин предположил, что благодаря форме вогнутой линзы на летучем острове образовался стабильный микроклимат.

Теперь у Мерлина появились зрители. В хвостовой части наблюдательной платформы гондолы собрались люди. На них были защитные маски, перчатки и толстые коричневые пальто. Мерлин заметил блеск устремленных на него стеклянных линз. Его изучали, зарисовывали, возможно, даже фотографировали.

— Как думаешь, они благодарны или рассерже-

ны? — спросил Мерлин.

«Тиран» от ответа воздержался.

Мерлин продолжал поддерживать дистанцию и экономить топливо, насколько это было возможно, пока гондола преодолевала десятки километров над бесплодной, постепенно понижающейся местностью. Время от времени они пролетали над небольшой деревушкой или полоской дороги. К этому времени поверхность уже покрылась почвой, а потом и растительностью. Замелькали полосы блеклой серо-зеленой травы, перемежаемой валунами и разнокалиберными обломками. Потом появились деревья и рощи. Деревушки сменились более крупными поселениями. Небольшие пруды питали ручьи, стекающие к единственному озеру в самой низкой точке острова. Мерлин заметил водяные мельницы и простенького вида мостики. Здесь были поля с пасущимися животными, а на другой стороне озера виднелись какие-то фабричные постройки с высокими трубами. Озеро было километров пятьдесят-шестьдесят в длину. Вокруг естественной бухты на южном берегу сгрудилось самое большое поселение из всех, виденных здесь Мерлином. Это была беспорядочная мешанина из нескольких сотен зданий, в основном белых и

по большей части одноэтажных, размещенных как попало, словно брошенные на пол игрушки.

Воздушное судно обогнуло городок по краю и быстро приземлилось, сев на охраняемую, судя по ограде, территорию. На этой территории располагались две взлетно-посадочные полосы в виде креста и около дюжины самолетиков, выстроившихся вокруг нарисованного полумесяца. В другой части огороженной территории высились четыре каркасные причальные башни, поддерживаемые растяжками. Несколько полуразобранных самолетов — судя по виду, потрепанных в боях — явно находились на ремонте. Мерлин сдал назад, чтобы судну было достаточно места для швартовки. С гондолы на площадку перед ангаром спустилась сеть с самолетом — крылья искорежены, фюзеляж помят. Из блокгауза тут же выскочили техники и принялись распутывать сеть, чтобы освободить пилота. Мерлин посадил свой корабль на свободную часть площадки и, как только шасси коснулось земли, отключил двигатели.

Вскоре вокруг «Тирана» собралась толпа людей, смотревших настороженно. На большинстве собравшихся были длинные кожаные пальто, туго подпоясанные, с полумесяцем, вышитым

справа на груди. Лица были замотаны шарфами, почти по нос. С кожаных летных шлемов по бокам свисали длинные висячие уши, спускаясь на спину. Большинство людей носили летные очки. Как минимум половина целилась в корабль из каких-то стволов. Часть этого оружия была установлена на треноги; команды хорошо вымуштрованных солдат уже катили к площадке пушки на колесах. Какой-то человек жестикулировал, указывая вооруженным командам, какие позиции им занимать.

— Можешь понять, что он говорит? — спросил Мерлин, зная, что «Тиран» уловит все внешние звуки.

— Я не могу разобраться с их языком за несколько минут, Мерлин, даже если он в родстве с каким-нибудь языком из моих баз, что, вообще-то, не гарантировано.

— Ладно. Буду импровизировать. Можешь сплести мне немного цветов?

— Что ты собрался делать? Каких еще цветов?

Мерлин остановился у шлюза. На нем были высокие ботинки, черные кожаные брюки, белая рубашка свободного покроя и коричневый камзол из кожи с тиснением, кое-где отделанный алым. Он собрал волосы в хвост и счел уместным

подровнять бородку.

— А ты как думаешь? Пойду наружу. И я хочу цветов. Цветы — это хорошо. Сплети мне несколько гиацинтов цвета индиго, наподобие тех, какие выращивали в Весенней Гавани до Войн Ментальности. Они всегда идут на ура.

— Ты с ума сошел. Они тебя застрелят.

— Нет, если я буду улыбаться и держать в руках экзотические чужеземные цветы. Не забывай, я только что спас один из их самолетов.

— Ты даже не надел скафандр!

— Скафандр их только напугает. Поверь мне, корабль — самый быстрый способ дать понять, что я им ничем не угрожаю.

— Приятно было летать с тобой, — ядовито сказал «Тиран». — Непременно передам привет от тебя моему следующему владельцу.

— Просто сделай мне цветы и прекрати ныть.

Пять минут спустя Мерлин собрался с духом, замок открылся и выпущенный трап коснулся земли. Холод обрушился на него, словно пощечина от любовницы. Мерлин услышал, как командир солдат отдал какой-то приказ, и выстроившиеся солдаты прицелились. Прежде они целились в корабль. Теперь их интересовал только Мерлин.

Он поднял правую руку ладонью вперед. В левой у него были свежесплетенные цветы.

— Привет. Меня зовут Мерлин. — Он постучал себя по груди для большей доходчивости и повторил еще раз, уже медленнее: — Мерлин. Вряд ли вы меня понимаете, но на всякий случай: я здесь не затем, чтобы доставлять вам неприятности. — Мерлин заставил себя улыбнуться, хотя, возможно, улыбка его выглядела скорее хищной, чем успокаивающей. — Итак, кто тут главный?

Командир выкрикнул другой приказ. Мерлин услышал стук сотни снятых предохранителей. Внезапно идея корабля послать вперед проктора показалась на редкость разумной. Мерлин почувствовал, как по спине ползут холодные струйки пота. После того, что он успел пережить — сначала работая на Когорту, а потом превратившись в вольную птицу, — было даже неприлично умереть от огнестрельного оружия. Хуже только одно — если тебя растерзает и сожрет дикий зверь.

Мерлин спустился по трапу, шагая медленно и осторожно.

— Никакого оружия, — сказал он. — Только цветы. Если бы я хотел причинить вам вред, то врезал бы по вам с орбиты кварковыми торпедами.

Когда он дошел до площадки, командир отдал

очередной приказ, и трое солдат, выйдя из строя, окружили Мерлина, почти касаясь его стволами. Командир, сурового вида молодой мужчина со шрамом на лице, крикнул что-то в сторону Мерлина: слово смутно напоминало «даль», но язык не был похож ни на один из знакомых Мерлину. Тот остался стоять неподвижно, и его ткнули дулом ружья в поясницу. «Даль», — снова повторил командир, на этот раз с нажимом, граничившим с истеричностью.

Потом над площадкой гулко разнесся другой голос, принадлежавший мужчине намного старше командира. В этом голосе было нечто неодолимо властное. Мерлин огляделся — посмотреть, от кого исходит окрик, — и увидел, что потерпевший аварию самолет по-прежнему опутан сетью, а пилот выползает из этой мешанины с деревянной коробкой в руках. Ружье, упиравшееся в поясницу Мерлина, исчезло, сурового вида молодой мужчина замолчал, ожидая, пока пилот не выберется наружу.

Пилот снял защитные очки, и оказалось, что у него морщинистое лицо немолодого человека; седая борода и бакенбарды выделялись на фоне красноватой обветренной кожи. На мгновение Мерлину почудилось, что он смотрит в зеркало

на себя самого, много лет спустя.

— Приветствую вас от имени Когорты, — сказал Мерлин. — Это я спас вас.

— Геко, — сказал краснолицый мужчина и ткнул коробкой в грудь Мерлина. — Геко бросить!

Теперь, когда у Мерлина появилась возможность взглянуть на коробку поближе, он увидел, что та повреждена: бока вдавлены, крышка оторвана. Внутри, на соломенной подстилке, лежало множество разбитых стеклянных флаконов. Пилот взял один из них и поднес к лицу Мерлина. По его пальцам потекла жидкость цвета меда.

— Что это? — спросил Мерлин.

Оставив Мерлина держать коробку и цветы, краснолицый пилот гневно указал на обломки самолета, в особенности на цилиндр, который Мерлин принял за топливный бак. Теперь же он увидел, что в цилиндре лежали десятки таких коробок, и большинство из них, видимо, оказались раздавлены, когда Мерлин подтолкнул авиетку «Тираном».

— Я сделал что-то плохое? — спросил Мерлин.

В мгновение ока гнев пилота сменился отчаянием. Он заплакал. По запачканному копотью лицу потянулись дорожки слез.

— Все, — сказал он, уже тише. — Все ощутимый чернила. Геккон.

Мерлин достал из коробки один из немногих уцелевших флаконов и поднес хрупкую вещицу к глазам:

— Лекарство?

— Пластрон, — ответил мужчина, забирая у Мерлина коробку.

— Покажите, что вы с этим делаете, — сказал Мерлин, сделав такой жест, будто собирался выпить содержимое. Пилот покачал головой и сощурил льдисто-голубые глаза, словно желая показать, что Мерлин то ли дурень, то ли насмехается над ними. Мерлин закатал рукав и поднес флакон к руке так, будто делал себе укол. Пилот нерешительно кивнул.

— Пластрон, — сказал он снова. — Внешний пластрон.

— У вас проблема с медициной? Вы привозите лекарства?

— Ощутимый, — повторил мужчина.

— Пойдем со мной, — сказал Мерлин. — Что бы это ни было, мы можем синтезировать его на борту «Тирана». — Он поднял целый флакон и придвинул к нему указательный палец. Потом показал на корабль и развел руки в стороны, на-

деясь, что пилот поймет: лекарства может стать больше. — Один образец. Вот все, что нам нужно.

Внезапно возникла какая-то суматоха. Мерлин огляделся и увидел, что через площадку к ним бежит какая-то девочка. По меркам Когорты, ей было всего шесть-семь лет. На ней было пальто того же вида, что у всех, поношенные черные ботинки и перчатки — ни шапки, ни очков, ни дыхательной маски. Завидев ее, пилот крикнул:

— Минла! — одно-единственное слово, в котором звучали одновременно и предостережение, и нечто более личное, точно этот немолодой мужчина был ее отцом или дедом. — Минла дуб трилистник, — добавил он твердо, но по-доброму. Похоже, он был рад видеть ее, но очень недоволен тем, что девочка выбежала вперед именно в этот момент.

— Цинк Кукушка, — сказала девочка и обняла пилота за талию: выше она не доставала. — Цинк Кукушка, медвежий Кукушка.

Краснолицый мужчина присел на корточки — глаза его все еще были мокрыми — и провел пальцем в перчатке по растрепанной черной челке. У девочки было маленькое обезьянье личико, на котором читались и озорство, и ум.

— Минла, — ласково повторил пилот. — Минла,

Минла, Минла. Гастрик спор бык, волшебный четкий, Минла?

Судя по тону, вопрос был риторическим.

— Утесник цинк, — сказала девочка с раскаянием. А потом она — возможно, впервые — заметила Мерлина. В течение одного тревожного мгновения, судя по ее лицу, она колебалась между удивлением и подозрительностью, словно он был некоей загадкой, только что вторгшейся в ее мир.

— Тебя случайно не Минлой зовут? — спросил Мерлин.

— Минла, — еле слышно прошептала девочка.

— Мерлин. Рад познакомиться, Минла. — И прежде, чем кто-нибудь из взрослых успел вмешаться, он протянул ей один из индиговых гиацинтов, которые «Тиран» недавно сплел для него, соткал по древним молекулярным образцам из его биобиблиотеки. — Это тебе. Красивые цветы для красивой маленькой девочки.

— Бык брызги, — сказал краснолицый мужчина, указывая на одно из зданий на краю площадки. Какой-то солдат подошел и протянул девочке руку, собираясь отвести ее в здание. Она хотела отдать цветок Мерлину.

— Нет, — сказал Мерлин. — Можешь оставить

его, Минла. Это тебе.

Девочка отвернула воротник пальто и сунула цветок за пазуху для пущей сохранности, снаружи осталась торчать лишь верхушка. Казалось, будто яркий цветок бросает отсвет на ее лицо.

— Мерлин? — спросил пожилой мужчина.

— Да.

Мужчина постучал себя кулаком по груди:

— Кукушка.

Потом он указал на флакон, который Мерлин по-прежнему держал в руках.

— Пластрон, — повторил он. Затем вопросительно произнес, кивнув в сторону «Тирана»: — Больше пластрон?

— Да, — сказал Мерлин. — Я могу сделать для вас еще лекарства. Больше пластрон.

Краснолицый мужчина стал изучающе смотреть на него — это продолжалось чуть ли не целую вечность. Мерлин предпочел помолчать. Если пилот все еще не уловил смысла его предложения, новые убеждающие слова не помогут. Потом пилот потянулся к поясу, расстегнул кожаную кобуру, достал пистолет и дал Мерлину время рассмотреть его. Заходящее солнце играло на хорошо смазанном черном стволе, инкрустированном вычурным орнаментом из чего-то

наподобие китового уса.

— Мерлин больше пластрон, — сказал Кукушка. Потом взмахнул пистолетом, чтоб подчеркнуть свои слова. — Удар апостол.

— Удар апостол, — повторил Мерлин, когда они пошли вверх по трапу. — Никакого обмана.

Еще до того, как «Тиран» добился определенных успехов в расшифровке местного языка, Мерлин сумел договориться с Кукушкой. Лекарство оказалось очень простым, легко синтезируемым препаратом — бета-лактамным антибиотиком узкого спектра действия, если верить кораблю. Как раз то, что местные могли использовать для лечения грамположительной бактериальной инфекции — например, бактериального менингита, — если у них не было ничего получше.

«Тиран» мог производить антибиотики сотнями литров или синтезировать что-нибудь куда более эффективное в таких же количествах. Но Мерлин не видел смысла с самого начала раскрывать свою самую ценную карту. Вместо этого он предпочел дать Кукушке ровно столько лекарства — и во флаконах такого же вида, — сколько тот вез, когда его самолет повредили. Первые две партии Мерлин отдал в подарок, чтобы компенсировать вред, который причинил, пытаясь

спасти Кукушку; тот должен был поверить, что это максимум возможного и «Тиран» не способен и дальше производить настолько же действенные лекарства в таком же количестве. Лишь на третий день, вручив ему третью партию, Мерлин упомянул о материалах, которые требовались для починки корабля.

Он, конечно же, ничего не сказал, — как минимум, не сказал ничего такого, что могли бы понять местные жители. Но вокруг во множестве валялись образцы материалов, в которых Мерлин нуждался — преимущественно металлы и органические соединения, а также вода для пополнения топливных баков «Тирана», работавшего на термоядерной энергии. Поэтому Мерлин добился значительного прогресса при помощи одних лишь жестов и мимики. Он продолжал постоянно разговаривать на Всеобщем и прилагал все усилия, чтобы убедить местных отвечать ему на своем языке. Даже когда он находился внутри огороженной территории, «Тиран» следил за всеми разговорами благодаря микроскопическим подслушивающим устройствам, которые Мерлин носил на себе. При этом корабль непрерывно испытывал и отвергал модели языка, применяя и свои знания общих принципов человеческой

грамматики, и свою сжатую базу древних языков, зафиксированных Когортой, многие из которых происходили непосредственно от Всеобщего. Возможно, Лекиф пробыл в изоляции десятки тысяч лет, но компьютеры расшифровывали языки и постарше этого. Мерлин не сомневался, что «Тиран» в конце концов справится с задачей, если обеспечить ему достаточно материала для работы.

Было все еще неясно, кем местные жители считают Мерлина — пленником или почетным гостем. Он не предпринимал попыток уйти, а они не мешали ему возвращаться на корабль, когда приходило время забирать очередные флаконы с антибиотиками. Возможно, они полагали, что задерживать его бессмысленно, учитывая предполагаемое могущество его технологий. Или считали — справедливо, если на то пошло, — что «Тиран» никуда не улетит, пока его не починят и не заправят топливом. Как бы то ни было, прибытие Мерлина вызвало у них скорее живой интерес, чем благоговение, ибо они догадывались, что́ пришелец может для них сделать.

Мерлину нравился Кукушка, хотя он почти ничего не знал об этом человеке. Тот явно занимал высокую должность в своей организации, какой

бы она ни являлась, военной или политической, но, кроме того, был достаточно храбр, чтобы в военное время отправиться в опасный полет за медикаментами. И дочь его любила, а это что-нибудь да значило. Мерлин был не в курсе, кем ей приходится Кукушка, отцом или опекуном, хотя тот казался достаточно старым, чтобы их разделяло одно поколение.

В те первые дни Мерлин узнавал все скорее благодаря Минле, чем взрослым. Взрослые, похоже, были готовы, как минимум, сделать попытку ответить на его вопросы, если могли их понять. Но обычно эти объяснения не давали ничего. Ему показывали карты, печатные труды, исторические и технические, но все это не проливало света на множество загадок этой планеты. А на расшифровку текста у «Тирана» ушло бы даже больше времени, чем на расшифровку устной речи.

А вот у Минлы были книжки с картинками. Дочь Кукушки явно симпатизировала Мерлину, хоть между ними и не было ничего общего. Мерлин при каждой встрече дарил ей новый свежесвитый цветок какой-нибудь редкой разновидности, найденной в биобиблиотеке. Еще он взял за правило рассказывать девочке что-нибудь о месте, где произрастал цветок, хоть она мало

что понимала. Казалось, ей достаточно ритма рассказа, пусть тот и ведется на чужом языке.

В мире Минлы было не так много цвета, и подарки Мерлина, видимо, очаровывали ее своей яркостью. Раз в день им разрешали встречаться на несколько минут в унылой бесцветной комнате внутри главного здания. Поблизости всегда находился кто-нибудь из взрослых, но, в общем, Мерлину и девочке позволяли свободно взаимодействовать. Минла показывала Мерлину свои рисунки или маленькие сочинения, записанные корявым почерком: «Тиран» отнес этот рукописный шрифт к группе Лекиф-А. Мерлин изучал работы Минлы и возносил хвалу, когда они того заслуживали.

Интересно, почему им разрешили эти встречи. Минла явно была умной девочкой, — даже не будь у него свидетельств в виде множества сочинений и рисунков, он мог бы определить это по развитой для ее лет речи. Возможно, кто-то решил, что встреча с человеком из космоса, которую не перенесешь на будущее, важна для ее образования. Возможно, сама Минла выклянчила у отца разрешение проводить больше времени с Мерлином. Мерлин мог это понять. В детстве он тоже питал безобидную привязанность к взрос-

лым, зачастую к тем, кто приносил подарки, и в особенности к взрослым, которых интересовало то, что он им показывал.

Не могло ли за этим стоять нечто большее? Вдруг взрослые решили, что ребенок — лучший канал коммуникации, и Минла была теперь их представителем? Или они надеялись, что Минлу можно использовать для эмоционального шантажа, желая получить незаметный рычаг давления на Мерлина, когда он решит, что пора улетать?

Он не знал. Но был уверен в том, что книги Минлы порождали не меньше вопросов, чем давали ответов, и что даже при простом перелистывании страниц в его собственном разуме распахивались окошки в детство, которые он считал давно и надежно закрытыми. Эти книги до странности походили на те, которые Мерлин помнил по Дворцу Вечных Сумерек, на те, из-за которых он враждовал с братом. Похожий переплет, такие же разбросанные по тексту черно-белые рисунки или пестрые акварельные иллюстрации на глянцевых листах, собранные в конце. Мерлину нравилось подносить книгу к окну и разглядывать ее на свет, чтобы странички с иллюстрациями блестели, будто цветное стекло. Это показал ему отец, на Изобилии, когда сам

Мерлин был ровесником Минлы, и ее восторг перекликался с его собственным через немыслимую бездну времени, расстояния и обстоятельств, разделявших их детские годы.

Одновременно Мерлин уделял самое пристальное внимание тому, что говорилось в книжках. Многие истории повествовали о маленьких девочках, вовлеченных в фантастические приключения с участием летающих животных и других волшебных существ. Другие были солидными, излишне серьезными образовательными текстами. Изучая их, Мерлин начал узнавать об истории Лекифа — по крайней мере, в изложении для детей.

Жители Лекифа знали, что они пришли со звезд. В двух книжках даже имелись изображения большого шарообразного космического корабля, передвигающегося по орбите планеты. Рисунки расходились во всех существенных деталях, но Мерлин был уверен, что они изображали одно и то же полузабытое историческое событие: так, книги его юности по-разному изображали прибывших на Изобилие людей-переселенцев. Впрочем, в здешних книжках не было упоминаний ни о Паутине, ни о Когорте или хескерах. Что до местных теорий о происхождении летающих

островов, то Мерлин отыскал лишь одну зацепку. Она крылась в пугающей серии рисунков: ночное небо в расщелинах цвета лавы. Постепенно из него начинали выпадать целые куски, открывая иной, более темный, более глубокий небесный свод. Некоторые куски на рисунках рушились в море и поднимали чудовищные волны, смывавшие прибрежные селения, а другие парили в небе без всякой поддержки, на высоте нескольких километров. Если взрослые и помнили, что их маскировочное небо было разбито инопланетным оружием (и что его применили инопланетяне, находящиеся за пределами планеты), в книжки Минлы не попало ни единого намека на неудобную правду. Разрушение неба рисовалось как стихийное бедствие, наподобие наводнения или извержения вулкана. Достаточно для благоговейного трепета, достаточно для зачарованного взгляда, но недостаточно для ночных кошмаров.

Должно быть, это было воистину ужасно. Проведенный «Тираном» анализ установил, что летающие острова можно сложить воедино, словно пазл. В этом пазле имелись бреши, но бóльшую их часть можно было заполнить, если поднять торчащие из моря глыбы и поставить

их на место. Все необитаемые летающие острова были перевернуты относительно их вероятного положения в изначальном небе — скорее всего, опрокинулись после разрушения. «Тиран» мало что мог сказать насчет этого, но было ясно, что, если куски земли переворачивались, все необходимые для жизни вещества падали на землю или их смывало дождем. По всей видимости, все нужные материалы подняло в воздух, когда оставшиеся без поддержки обломки — а ведь наверняка были и те, где не сохранилось антигравов, и те, которые из-за повреждений не могли удержаться в воздухе, — начали рушиться вниз.

О том, как люди вообще ушли в небо, и о нынешней политической ситуации книги Минлы говорили безнадежно расплывчато. В них имелись картинки, явно изображавшие сражения прошлого, которые велись с помощью животных и пороха. Были сцены из жизни высшего общества: принцы и короли, балы и парусные гонки, убийства и дуэли. Искатели приключений поднимались на воздушных змеях или воздушных шарах, чтобы исследовать небо, позже следовали явно оплаченные правительством разведывательные экспедиции, целые флотилии неуклюжих воздушных судов. Но Мерлин так и

не узнал, почему жители земли теперь воевали с жителями неба, да и не очень интересовался этим. Значение имело лишь одно: у народа Минлы были ресурсы для того, чтобы помочь ему. Он мог бы справиться без них, но, если бы ему предоставили все необходимое, дело пошло бы куда быстрее. И потом, было приятно после длительного одиночества снова увидеть человеческие лица.

Одна из книг Минлы заинтересовала его больше прочих. В ней изображалась звездная ночь — небеса, появившиеся после разрушения маскировочного неба. Поверх рассыпанных звезд были нарисованы созвездия, схематические фигуры поверх линий, соединяющих звезды. Ни один из этих мифических или исторических персонажей не соответствовал старым созвездиям Изобилия, но тем не менее здесь присутствовали такие же архетипические фигуры. Это свидетельство схожести путей, которыми идет человеческое воображение, почему-то подействовало на Мерлина очень ободряюще. Эти люди десятки тысячелетий не контактировали с галактической цивилизацией, перенесли катастрофу, изменившую весь их мир, и очень смутно помнили свое происхождение, но оставались людьми, и он,

Мерлин, находился среди них. Во время долгих поисков утраченного оружия, при помощи которого он надеялся спасти Когорту, Мерлин порой начинал сомневаться, есть ли в человечестве то, что заслуживает спасения. Но стоило лишь посмотреть на лицо Минлы в тот момент, когда он дарил ей очередной цветок — очередной реликт давно исчезнувшего мира, — и сомнения почти полностью рассеивались. Пока во Вселенной есть дети, пока этих детей очаровывает нечто простое и чудесное, например цветок, — стоит искать, стоит верить.

Спиральное черное устройство напоминало крохотную ракушку-наутилус, превратившуюся в оникс. Мерлин отвел волосы, показывая Кукушке, что он уже надел такое же устройство, потом протянул его Кукушке и жестом предложил вставить в ухо.

— Хорошо, — сказал Мерлин, увидев, что пожилой мужчина правильно разместил ракушку. — Теперь вы меня понимаете?

Кукушка ответил очень быстро, и после секундной задержки Мерлин услышал его ответ в переводе на Всеобщий. Лишенный эмоций машинный голос проговорил:

— Да. Хорошо понимаю. Как такое возможно?

Мерлин повел рукой. Они сидели вдвоем на борту «Тирана». Кукушка уже собирался уйти с очередной партией антибиотиков.

— Корабль слушал все наши разговоры, — сказал Мерлин. — Он узнал достаточно слов на вашем языке, чтобы свести услышанное воедино и перейти к переводу. Перевод все еще несовершенен, есть много лакун, но чем больше мы будем разговаривать, тем лучше он будет становиться.

Кукушка старательно выслушал, как его наушник переводит слова Мерлина. Мерлин мог лишь предполагать, сколько из того, что он хотел выразить, дошло до его собеседника без искажений.

— Твой корабль умный, — сказал Кукушка. — Мы говорить много раз. Мы сделать хорошо понимание.

— Я на это надеюсь.

Кукушка указал на последнюю груду материалов, принесенных его людьми и аккуратно сложенных на верхней площадке входного трапа. Все они были незатейливыми, простенькими в изготовлении, но их можно было переработать в сложные компоненты, которые требовались «Тирану» для ремонта.

— Металлы делают кораблю хорошо?

— Да, — сказал Мерлин. — Металлы делают

кораблю хорошо.

— Когда корабль будет хорошо, корабль улетит? Ты улетишь?

— Именно так.

Кукушка явно опечалился.

— Куда ты полетишь?

— Обратно в космос. Я очень долго был вдали от моего народа. Но я должен кое-что отыскать, прежде чем вернуться к нему.

— Минла будет огорчаться.

— Я тоже. Мне нравится Минла. Умная девочка.

— Да. Минла умная. Я горжусь своей дочкой.

— И правильно делаешь, — сказал Мерлин, надеясь, что его искреннее мнение прорвется через перевод. — Но я должен завершить начатое. Корабль сказал мне, что будет готов к полету через два-три дня. Это, конечно, заплатки, а не ремонт, но они позволят добраться до ближайшей базы. Но сперва нам нужно кое о чем поговорить.

Мерлин снял с полки подносик, где лежали двенадцать одинаковых ракушек-переводчиков.

— Ты говорить со многими нами?

— Я только что узнал плохие новости, Кукушка. Новости, касающиеся тебя и твоего народа. Возьми эти переводчики и дай их своим лучшим

людям — Фазану, Якане и остальным. Пусть они носят их постоянно, с кем бы ни говорили. Через три дня мне нужно будет встретиться со всеми вами.

Кукушка посмотрел на поднос с переводчиками настороженно, будто спирали были непривычным чужеземным лакомством.

— Какие плохие новости, Мерлин?

— Три дня почти ничего не изменят. Лучше подождать, пока перевод не станет более точным, чтобы не было недопонимания.

— Мы друзья, — сказал Кукушка, подавшись вперед. — Ты можешь сказать мне сейчас.

— Я боюсь, что получится непонятно.

Кукушка умоляюще посмотрел на него:

— Пожалуйста.

— Нечто собирается прийти с неба, — сказал Мерлин. — Наподобие огромного меча. И собирается разрезать ваше солнце надвое.

Кукушка нахмурился, словно решил, что понял собеседника неправильно.

— Каллиопу?

Мерлин печально кивнул:

— Каллиопа умрет. А за ней и все живущие на Лекифе.

Когда Мерлин вошел в комнату со стеклянной

перегородкой, там уже собрались все: Кукушка, Сорокопут, Фазан, Якана, Тимелия, Мухоловка и еще полдюжины офицеров, которых Мерлин прежде не видел. Секретарь-референт уже что-то печатала на шумном электромеханическом устройстве для записей, положив его на колени и стуча по тугим клавишам с поразительной скоростью. В украшенном гравировкой пузатом чайнике, стоявшем посередине стола, пузырился только что вскипевший чай. Денщик уже разливал его в фарфоровые чашки, расставленные перед каждой важной особой, в том числе Мерлином. Тот наблюдал сквозь перегородку, как на противоположной стене соседнего помещения — тактического командного пункта — другой денщик вносит микроскопические поправки в местонахождение летающих островов на равноплощадной проекционной карте Лекифа. Периодически здание начинало вибрировать от гула прибывающего самолета или дирижабля.

Кукушка кашлянул, привлекая внимание собравшихся.

— У Мерлина есть новости для нас, — сказал он. Его голос, исходивший из переводчика, звучал эмоциональнее, чем три дня назад. — Это новости не только для Альянса Небесных Земель,

но для всех на Лекифе, включая Сопряженные Территории, нейтралов и даже наших врагов из коалиции Теневых Земель.

Он подал знак Мерлину, призывая его встать. Мерлин взял со стола одну из книг Минлы, открытую на странице с рисунком созвездий над Лекифом.

— То, что я собираюсь вам рассказать, связано с этими созвездиями, — сказал он. — Вы видите в небе героев, животных и чудовищ, прорисованных штрихами между самыми яркими звездами.

В ухе у Мерлина зазвучал новый голос. Это была Тимелия, видный политик.

— Это не означает ничего, — терпеливо сказала она. — Всего лишь линии, проведенные между случайными точками. Древним мерещились в небесах демоны и чудовища. Современная же наука говорит нам, что эти звезды находятся очень далеко. Две звезды, которые видны на небе рядом, — например, Два Глаза Дракона Принии — могут на самом деле располагаться вдали друг от друга.

— Эти линии куда более важны, чем вам кажется, — сказал Мерлин. — Это схемы, которые вы хранили в памяти на протяжении десятков тысяч лет, хоть и забыли их подлинное значение.

Тропы между звездами.

— В пустоте нет никаких троп, — возразила Тимелия. — Пустота — это вакуум, то, что заставляет птицу задохнуться, если из стеклянного сосуда откачать воздух.

— Вы можете считать это абсурдным, — произнес Мерлин. — Скажу одно: вакуум — не то, что вы понимает под этим словом. И вы можете отделить от него часть, если приложите достаточно усилий. Именно это сделали Пролагающие Путь. Они устроили между звездами огромные коридоры, реки из текущего вакуума. Они перемещались от звезды к звезде и так связали воедино всю Галактику. Мы называем это Паутиной.

— Это по ней ты прибыл сюда? — спросил Кукушка.

— Без нее мой маленький корабль никогда не сумел бы преодолеть межзвездные расстояния. Но когда я пролетал неподалеку от вашей планеты — ибо одна из нитей Паутины проходит через эту систему, — корабль столкнулся с проблемой. Именно поэтому «Тиран» поврежден. Именно поэтому мне пришлось приземлиться здесь и просить вашей помощи.

— И какова же природа этой проблемы? — спросил Кукушка.

— Мой корабль обнаружил ее всего три дня назад, основываясь на наблюдениях, которые вел со времени моего прибытия сюда. Похоже, что эта часть Паутины отсоединилась. Дефект в потоке, нарушение ровного течения. Часть его оторвалась и движется к вашему солнцу, ее притягивает гравитационная сила Каллиопы.

— Вы уверены? — спросила Тимелия.

— Я много раз заставлял корабль перепроверить данные. Сомнений нет. Всего лишь через семьдесят лет Паутина пройдет через Каллиопу, словно проволока сквозь головку сыра.

Кукушка твердо взглянул в глаза Мерлину:

— И что произойдет?

— Поначалу, возможно, почти ничего: Паутина будет проходить через хромосферу. Но к тому времени, как она достигнет зоны ядерного горения… Я бы сказал, что ситуация сделается непредсказуемой.

— Можно ли это исправить? Вернуть фрагмент Паутины на место?

— Моему народу такие технологии неизвестны. Эти закономерности настолько грандиознее всего, что есть на Лекифе, насколько «Тиран» грандиознее ваших винтовых самолетов.

Новость явно ошеломила Кукушку.

— Что же мы можем сделать?

— Вы можете составить план эвакуации с Лекифа. Вы всегда знали, что космические путешествия возможны, — это есть в вашей истории, в книгах, которые вы даете детям. Если вы сомневаетесь, я покажу вам, что это правда. Теперь вам надо добиться этого самим.

— За семьдесят лет? — спросил Кукушка.

— Я знаю, это кажется невозможным. Но вы способны на такое. У вас уже есть летающие машины. Нужно только развивать ваши достижения, развивать и развивать, пока вы не добьетесь своего.

— Вы говорите так, будто это просто.

— Нет, это не просто. Это будет труднее всего, что вы делали до сих пор. Но я уверен, что вы сможете это сделать, если только сплотитесь. — Мерлин сурово посмотрел на слушателей. — А значит, больше не должно быть войн между Небесными Землями и Теневыми Землями. У вас нет на это времени. С этого момента промышленность и наука вашей планеты должны работать только на достижение этой цели.

— Ты собираешься помочь нам, Мерлин? — спросил Кукушка. — Ведь правда?

У Мерлина мгновенно пересохло в горле.

— Я бы хотел, но я должен улетать. В двадцати световых годах отсюда находится благодатная система, известная Когорте. Огромные суда моего народа, корабли-поглотители, иногда останавливаются в этой системе, чтобы запастись сырьем и произвести ремонт. Если я направлю сюда всего один корабль-поглотитель, он сможет взять пятьдесят тысяч беженцев, а если люди будут готовы к некоторым трудностям — вдвое больше.

— Не так уж много, — сказала Тимелия.

— Поэтому начните думать о том, как за следующие три поколения сократить численность населения. Спасти всех невозможно, но вы способны, как минимум, обеспечить эвакуацию взрослых, по возрасту способных иметь потомство… — Мерлин осекся, осознав, с каким ужасом и смятением смотрят на него присутствующие. — Послушайте, — сказал он, доставая из кармана куртки стопку листов бумаги и раскладывая их на столе. — Я приказал кораблю подготовить несколько руководств. По производству антибиотиков широкого спектра действия. По разработке авиационного двигателя нового типа, который позволит вам летать быстрее скорости звука и забираться куда выше, чем сейчас. По металлургии и высокоточной обработке металлов. А вот

чертежи двухступенчатой жидкостной ракеты. Немедленно начните изучать ракетостроение, иначе вы не выйдете в космос. — Он коснулся последнего листа. — Здесь содержатся кое-какие утверждения о природе физической реальности. Эта простая формула связывает энергию и массу. Скорость света — абсолютная константа, не зависящая от перемещения наблюдателя. Вот схема присутствия эмиссионных линий в спектре водорода, вот математическая формула, позволяющая вычислить размещение этих линий. Все это поможет вам добиться определенного прогресса.

— И это все, что вы можете нам дать? — скептически спросила Тимелия. — Несколько страниц с невнятными чертежами и загадочными формулами?

— Я даю больше, чем когда-либо было в распоряжении большинства цивилизаций. Предлагаю вам начать думать над всем этим прямо сейчас.

— Я передам это Дрозду, — сказал Фазан, беря чертеж реактивного двигателя, чтобы убрать его к себе в портфель.

— Только после того, как все это будет скопировано, а копии помещены в архив, — твердо произнес Кукушка. — И надо постараться, чтобы ни один из этих секретов не попал в Теневые

Земли. — Он снова повернулся к Мерлину. — Несомненно, вы размышляли надо всем этим.

— Немного.

— Вы впервые столкнулись с планетой наподобие нашей, которой предстоит умереть?

— У меня есть кое-какой опыт. Некогда была планета…

— Что с ней произошло? — спросил Кукушка, не дав Мерлину закончить.

— Она погибла.

— Сколько человек спаслось?

На миг Мерлин потерял способность отвечать. Казалось, слова застряли в горле, тяжелые, словно камни.

— Выживших было всего двое, — тихо сказал он. — Два брата.

Обратный путь к «Тирану» был самым долгим в его жизни. С тех самых пор, как он принял решение покинуть Лекиф, он раз за разом возвращался к этой ситуации и прокручивал ее в голове. Ему всегда представлялось, как ошеломленная новостями, но не устрашенная толпа аплодирует, а он, Мерлин, вскидывает руку в салюте, подбадривая людей. Он оказался не готов к холодному молчанию слушателей и к тому, как осуждающе они глядели на него, когда он покидал низкие

здания авиабазы. Их невысказанное отвращение висело в воздухе.

Лишь Кукушка проводил его до самого трапа «Тирана». Старый солдат застегнул свое пальто наглухо, хотя ветер стих и не было холодно.

— Простите, — сказал Мерлин, уже поставив ногу на ступеньку трапа. — Я и вправду не могу остаться.

— Мне кажется, будто в тебе два человека, — негромко проговорил Кукушка. — Один из них храбрее, чем он о себе думает. А второму еще стоит поучиться храбрости.

— Я не убегаю.

— Но все же ты от чего-то бежишь.

— Я должен уходить немедленно. Если Паутина будет повреждена еще сильнее, я, возможно, даже не сумею добраться до следующей системы.

— Тогда делай то, что считаешь правильным. Я непременно передам Минле привет от тебя. Она будет очень скучать по тебе. — Кукушка помолчал и запустил руку в карман. — Чуть не забыл отдать вот это. Она бы ужасно на меня обиделась, если бы я забыл.

Кукушка протянул Мерлину небольшой камешек, размером с монету, отсеченный, видимо, от куска побольше и оправленный в окрашенный

металл, так, чтобы его можно было носить на шее или запястье. Мерлин с интересом рассмотрел камешек, но, по правде говоря, не увидел в нем ничего примечательного. В своих путешествиях он тысячи раз подбирал и выбрасывал куда более красивые экземпляры. Камешек был выкрашен в красный цвет, чтобы подчеркнуть красивую текстуру поверхности — параллельные линии, словно страницы книги со стороны обреза, но только эти полоски ритмично расширялись и сужались, чего Мерлин не видел ни в одной книге.

— Скажите ей, что он мне очень понравился, — попросил он.

— Это я дал камешек моей дочери. Она решила, что он красивый.

— А где вы его нашли?

— Я думал, вы торопитесь улетать.

Мерлин сжал камень в руке:

— Вы правы. Я уже должен быть в пути.

— Камень принадлежал моему пленнику, человеку по имени Веретенник. Один из их величайших мыслителей. Ученый и солдат, прямо как я. Я восхищался его блестящим разумом издалека, как и он, надеюсь, моим. Однажды наши агенты схватили его и привезли в Небесные Земли.

Я не имел никакого отношения к его похищению, но обрадовался, что мы можем наконец-то встретиться на равных. Я был уверен, что он, как разумный человек, выслушает мои доводы и поймет, насколько это мудро — перейти на сторону Небесных Земель.

— И он согласился?

— Ни в коей мере. Он так же твердо придерживался своих убеждений, как и я своих. Мы так и не стали друзьями.

— Откуда же взялся этот камешек?

— Перед смертью Веретенник придумал способ помучить меня. Он дал мне этот камень и сказал, что узнал с его помощью нечто очень важное. Нечто, способное изменить наш мир. Нечто, имеющее космическое, всеобъемлющее значение. Говоря это, он смотрел в небо. И едва ли не смеялся. Но так и не сказал, что это за секрет.

Мерлин еще раз оценивающе взглянул на камень:

— Я думаю, Кукушка, он играл с вами.

— Постепенно я и сам пришел к этому же выводу. Однажды Минла увидела, как блестит этот камень, — после смерти Веретенника он долго лежал у меня на столе, — и я разрешил ей забрать его.

— А теперь он мой.

— Вы много значите для нее, Мерлин. Она хотела что-нибудь дать вам в благодарность за ваши цветы. Возможно, когда-нибудь вы забудете нас всех, но, пожалуйста, не забывайте мою дочь.

— Не забуду.

— Я счастливец, — сказал Кукушка. Голос его смягчился, как будто он больше не осуждал Мерлина. — Я умру задолго до того, как эта ваша Паутина рассечет наше солнце. Но вот поколению Минлы такого везения не достанется. Они будут знать, что их мир приближается к своему концу и что каждый год приближает это событие. Они проведут всю свою жизнь, зная о нависшей над ними угрозе. Они никогда не изведают подлинного счастья. Я не завидую ни единому мгновению их жизни.

И в Мерлине что-то дрогнуло, исчез какой-то мысленный сбой, который он ощущал много часов, не признаваясь себе в этом. Практически не успев осмыслить собственные слова, он сказал Кукушке:

— Я остаюсь.

Его собеседник, возможно заподозрив подвох или двусмысленность, порожденную переводчиком, прищурился:

— Мерлин?

— Я сказал, что остаюсь. Я передумал. Возможно, я всегда знал, что должен так поступить, или это все из-за ваших слов о Минле. Но я никуда не лечу.

— Об этом я только что говорил, — сказал Кукушка. — О том, что вас как будто двое и один из них храбрее другого. Теперь я знаю, с кем из них разговариваю.

— Я не чувствую себя храбрым. Мне страшно.

— Значит, я знаю, что это правда. Спасибо, Мерлин. Спасибо, что не бросаете нас.

— Есть одна загвоздка, — сказал Мерлин. — Если я хочу быть вам полезен, я должен видеть все до самого конца.

Кукушка был последним, с кем он общался перед уходом в анабиоз.

— Двадцать лет, — сказал Мерлин, указывая на выставленные параметры, откалиброванные по времени Лекифа. — Все это время вы можете обо мне не беспокоиться. «Тиран» обо всем позаботится. Если возникнут сложности, корабль либо разбудит меня, либо отправит проктора искать помощь.

— Ты никогда прежде не упоминал о проктора, — заметил Кукушка.

— Небольшие механические куклы. У них очень мало собственного разума, так что они не смогут помочь там, где требуется изобретательность. Но вам не стоит волноваться из-за них.

— Должны ли мы разбудить тебя через двадцать лет?

— Нет, корабль позаботится и об этом. Когда подойдет срок, корабль впустит вас на борт. Возможно, я буду туго соображать спросонья, но уверен, что вы все поймете.

— Может, через двадцать лет меня тут уже не будет, — рассудительно сказал Кукушка. — Мне уже шестьдесят.

— Я уверен, что столько ты проживешь.

— Если мы столкнемся с какой-то проблемой, с кризисом…

— Послушай! — с неожиданным нажимом сказал Мерлин. — Вам нужно понять одну простую вещь. Я — не божество. У меня такое же тело, как и у вас, примерно такая же продолжительность жизни. Так принято у нас в Когорте — бессмертие — в деяниях, а не в плоти и крови. Анабиозная камера может добавить мне несколько десятков лет сверх обычного человеческого срока, но она не подарит мне вечную жизнь. Если вы станете меня будить, я не проживу достаточно долго, чтобы

помочь вам, когда станет действительно тяжело. Если случится кризис, можете трижды постучать в дверь корабля. Но я очень прошу не стучать, если только дела не пойдут совсем плохо.

— Я учту твой совет, — сказал Кукушка.

— Работайте упорно. Работайте напряженнее, чем когда-либо считали возможным. Эти семьдесят лет пролетят куда быстрее, чем вам кажется, — вы и глазом моргнуть не успеете.

— Я знаю, как быстро может лететь время, Мерлин.

— Я хочу, проснувшись, увидеть ракеты и реактивные самолеты. Иначе я буду сильно разочарован.

— Мы сделаем все, что в наших силах, постараемся не подвести тебя. Хорошего сна, Мерлин. Мы позаботимся о тебе и твоем корабле, что бы ни случилось.

Мерлин попрощался с Кукушкой. Когда корабль закрыл двери, Мерлин улегся в анабиозную капсулу и велел «Тирану» погрузить его в сон.

Снов он не видел.

Придя в сознание, Мерлин не узнал никого из тех, кто пришел встретить его. Если бы не форма, на которой по-прежнему красовался узнаваемый полумесяц Небесных Земель, он легко поверил

бы, что его увезли с планеты. Гости столпились вокруг открытой капсулы. Мерлину трудно было разглядеть их лица: отвыкшие от света глаза слезились.

— Мерлин, вы меня понимаете? — спросила одна женщина твердым, ясным голосом.

— Да, — сказал он. На мгновение ему показалось, что его губы остаются застывшими. — Я вас понимаю. Как долго я…

— Двадцать лет, в точности как вы распорядились. У нас не было причин будить вас.

Мерлин заставил себя выбраться из капсулы. Мышцы вопили от усилий. Зрение мало-помалу прояснялось. Женщина разглядывала его с холодной бесстрастностью. Она щелкнула пальцами кому-то, стоявшему у нее за спиной, а потом передала Мерлину одеяло.

— Закутайтесь, — сказала она.

Одеяло было подогретым. Мерлин с благодарностью завернулся в него и почувствовал, как тепло понемногу просачивается в его старые кости.

— Это было долго, — сказал он. Его язык все еще шевелился вяло, и слова звучали неразборчиво. — Обычно мы не проводим так много времени в анабиозе.

— Но вы живы и здоровы.

— Кажется, да.

— Мы приготовили здесь, на базе, помещение для встреч. Там есть еда и питье. Вас ожидают медики, чтобы осмотреть. Вы можете идти?

— Могу попробовать.

Мерлин попробовал. Но не успел дойти до двери, как ноги подкосились. Со временем силы должны были вернуться, но пока что он нуждался в помощи. Должно быть, местные жители предвидели эти трудности: у трапа корабля его ждала инвалидная коляска с санитаркой.

— Прежде чем вы спросите: Кукушка мертв, — сказала женщина. — Мне очень жаль, что я вынуждена сообщить вам об этом.

Мерлин привык считать пожилого мужчину единственным своим взрослым другом на Лекифе и рассчитывал по пробуждении встретить его.

— Когда он умер?

— Четырнадцать лет назад.

— Сила и мудрость… Для вас это, наверное, древняя история.

— Не для всех, — строго сказала женщина. — Я — Минла, Мерлин. Прошло четырнадцать лет, но не было ни единого дня, когда я не вспоминала бы отца и не желала бы, чтобы он по-прежнему был с нами.

Мерлин, которого везли через площадку, поднял голову, чтобы взглянуть на лицо женщины и сравнить его с собственными воспоминаниями двадцатилетней давности о той маленькой девочке. Он тотчас же увидел сходство и понял, что она говорит правду. И нутром ощутил прошедшее время.

— Вы даже не представляете, Минла, как странно я себя чувствую. Вы меня помните?

— Я помню человека, с которым часто разговаривала в комнате. Это было давным-давно.

— Для меня — нет. Вы помните камешек?

Минла как-то странно взглянула на него:

— Камешек?

— Вы попросили отца передать его мне, когда я должен был покинуть Лекиф.

— А, этот! — сказала Минла. — Да, теперь припоминаю. Тот, который принадлежал Веретеннику.

— Он очень красивый. Вы можете забрать его, если хотите.

— Оставьте его себе, Мерлин. Сейчас он ничего для меня не значит, как, наверное, ничего не значил для моего отца. Мне неловко из-за того, что я передала его вам.

— Я глубоко сожалею о кончине Кукушки.

— Он умер хорошей смертью, Мерлин. Отпра-

вился в очередной рискованный полет ради общего блага. Была наша очередь доставлять лекарства союзникам. К тому моменту мы уже производили антибиотики для всех наземных территорий Альянса Небесных Земель, благодаря технологиям, которые вы передали. Мой отец повез одну из последних партий. Он добрался до места, но на обратном пути его самолет пропал.

— Он был хорошим человеком. Я знал его совсем недолго, но, думаю, все же достаточно, чтобы понять это.

— Он часто говорил о вас, Мерлин. Я думаю, он надеялся получить от вас больше знаний, чем получил.

— Я сделал, что смог. Избыток знаний мог бы ошеломить вас настолько, что вы не знали бы, с чего начать.

— Возможно, вам стоило больше доверять нам.

— Вы сказали, что у вас не было причин будить меня. Значит ли это, что вы делаете успехи?

— Решайте сами.

Мерлин последовал совету Минлы. В пространстве вокруг «Тирана» по-прежнему можно было узнать старую военную базу. Многие здания все еще оставались на месте, хотя их достроили и переделали. Но большинство причальных ба-

шен для дирижаблей — как и сами дирижабли — исчезли. Место, где располагались башни и воздушные суда, теперь занимали новые самолеты, больше и тяжелее любого из тех, что Мерлин видел здесь раньше. Прямая стреловидность их крыльев, очертания обтекателя, крутой изгиб хвостовых стабилизаторов были отчасти взяты у «Тирана», только рассчитаны на полеты в атмосфере. Местные жители определенно были более наблюдательными, чем он считал. Мерлин знал, что ему не следует удивляться. В конце концов, он сам дал им чертежи турбины для реактивного самолета. Но все равно Мерлин был слегка потрясен, увидев эти самолеты воплотившимися, очень близкими к тем, которые он себе представлял.

— С топливом вечная проблема, — сказала Минла. — У нас есть преимущество высоты, но и только. Мы зависим от наземных союзников, рассеянных по разным местам. Приходится вместе совершать налеты на топливные бункеры Теневых Земель. — Она указала на одно из сохранившихся воздушных судов. — Наши грузовые дирижабли способны поднять топливо сюда, в Небесные Земли.

— Вы все еще воюете? — спросил Мерлин, хотя

уже понял это из рассказа Минлы.

— Вскоре после смерти отца было заключено перемирие. Но оно продлилось недолго.

— Ваши люди могли бы добиться гораздо большего, если бы объединили усилия, — сказал Мерлин. — Через семьдесят лет — нет, уже через пятьдесят — всех вас ждет уничтожение. И не будет, черт возьми, никакой разницы, какому флагу вы салютовали.

— Спасибо за лекцию. Если это так много значит для вас, почему бы вам не полететь к нашим противникам и не поговорить с ними?

— Я исследователь, а не дипломат.

— Всегда можно попытаться.

Мерлин тяжело вздохнул:

— Однажды я попытался. Вскоре после того, как покинул Когорту. Это была планета по имени Экзолетус, такого же размера, как и Лекиф. Я думал, на Экзолетусе может находиться кое-что, связанное с моими поисками. Я ошибался, но это было достаточно веской причиной, чтобы приземлиться и поговорить с местными жителями.

— Они воевали?

— В точности как вы. Два мощных блока, химическое оружие — все такое. Я прыгал из полушария в полушарие, пытаясь изобразить из

себя миротворца, вколотить им в головы хоть немного разума. Я развернул перед ними всю космическую перспективу, рассказал, что вокруг лежит огромная Вселенная и они могут стать ее частью, если перестанут собачиться. Они все равно станут ее частью, хотят они того или нет, когда придут хескеры, но только если сумеют к этому подготовиться…

— Это не помогло.

— Из-за меня все стало в двадцать раз хуже. Я попал к ним в такой момент, когда они осторожно двигались к некоему подобию перемирия. Когда я улетал, они сломя голову понеслись навстречу войне. Я получил важный урок, Минла. Это не моя работа — осыпать планеты сверкающей волшебной пылью и делать так, чтобы все жили счастливо. У меня нет для этого инструментов. Вам придется осуществить это самим.

Женщина взглянула на него с легким разочарованием:

— Значит, вы никогда больше не станете пробовать?

— Если обожжешься хоть раз, больше не станешь совать палец в огонь.

— Хочу вам сказать, чтобы вы не судили нас слишком строго: последнее перемирие заключи-

ли по инициативе Небесных Земель.

— И что пошло не так?

— Теневые Земли вторглись на одну из союзных нам наземных территорий. Они были заинтересованы в полезных ископаемых.

Известие о том, что война продолжается, ввергло Мерлина в уныние, но он заставил себя сосредоточиться на более важном вопросе — подготовке к катастрофе.

— Вы отлично потрудились с этими самолетами. И несомненно приобрели опыт высотных полетов. Вы уже достигли околозвуковой скорости?

— Прототипы достигли. В течение двух лет у нас на вооружении будет эскадрилья сверхзвуковых самолетов, если мы наладим поставки топлива.

— А ракеты?

— Тоже. Пожалуй, проще показать вам.

Следуя за Минлой, санитарка завезла его в одно из зданий базы. Вдоль стены тянулось длинное окно, за которым располагалось помещение побольше. Мерлин узнал тактический командный пункт, хотя его расширили и перепланировали. Старую настенную карту с ее неудобными переставляемыми метками сменило шумное световое табло. За столами, расположенными по-

зади огромных обтекаемых компьютеров, сидели операторы в наушниках. Серые металлические корпуса компьютеров были обрамлены теплоотводящими кромками. Диспетчеры смотрели на небольшие мерцающие экраны и что-то тихо говорили в микрофоны.

Минла взяла со стола часть фотографий и показала их Мерлину. Это были черно-белые изображения воздушных масс Небесных Земель, сделанные с разных, постоянно увеличивающихся высот — до тех пор, пока не становилось отчетливо видно искривление Лекифа.

— Наши разведывательные ракеты добираются до самого края атмосферы, — сказала Минла. — Наши трехступенчатые ракеты теперь способны доставить тактический груз в любое открытое место на поверхности.

— Что понимается под тактическим грузом? — настороженно поинтересовался Мерлин.

— Это условность. Я лишь демонстрирую, чего мы добились за время вашего отсутствия.

— Я рукоплещу.

— Вы подтолкнули нас к этим достижениям, — укоризненно сказала Минла. — И вряд ли можете обвинять нас в том, что мы пока пользуемся ими в военных целях. До катастрофы, как вы любезно

указали, еще пятьдесят лет. А пока нам надо уладить свои дела.

— Я не пытался создать военную машину. Я просто дал вам трамплин для выхода в космос.

— Что ж, как вы, несомненно, заметили, нам есть над чем работать. Наши аналитики говорят, что мы выведем спутник на орбиту через пятнадцать лет. Возможно, через десять. К тому времени вы, конечно, снова очнетесь ото сна. Но это все-таки не то же самое, что вывезти из системы пятьдесят тысяч человек, или сколько там потребуется. Нам нужны новые инструкции, Мерлин.

— Похоже, вы прекрасно управляетесь с тем, что я уже дал, и развиваете.

Ледяной тон Минлы ощутимо потеплел.

— Сейчас вас накормят. Потом на вас хотят взглянуть врачи, хотя бы ради своих собственных наблюдений. Мы рады, что вы опять с нами, Мерлин. Мой отец был бы счастлив увидеть вас снова.

— Я бы очень хотел вновь поговорить с ним.

Немного помолчав, Минла сказала:

— Сколько вы побудете с нами, прежде чем опять уснете?

— Самое меньшее — несколько месяцев. Воз-

можно, год. Достаточно долго. Я успею убедиться, что вы на верном пути и сможете добиться результатов самостоятельно, пока я буду спать.

— Нам о многом надо поговорить. Надеюсь, вы не против вопросов.

— Я очень не против завтрака.

Минла отвезла его в помещение в другой части базы. Там его осмотрели медицинские работники. Процесс включал потыкивание, ощупывание и консилиум, где все говорили шепотом. Мерлин интересовал их не просто как человек, рожденный на другой планете: как они надеялись, его метаболизм приоткроет им тайны анабиоза. Через некоторое время они закончили, и Мерлину разрешили вымыться, одеться и наконец поесть. Местная пища была спартанской по сравнению с тем, к чему он привык на борту «Тирана», но в тогдашнем состоянии он проглотил бы что угодно.

На следующий день отдохнуть ему не дали. Последовали очередные медицинские обследования — некоторые явно были проверками функционирования нервной системы. Ему лили холодную воду в уши и светили в глаза, затем его постукивали разнообразными молоточками. Мерлин перенес все это стоически. Они не могли найти ничего необычного, потому что во всех

существенных аспектах он был биологически идентичен людям, проводившим исследования. Но, как он полагал, в ближайшие месяцы медики должны были много написать об этих исследованиях.

После всех манипуляций его уже ждала Минла, в комнате, полной официальных лиц. В двух-трех он узнал людей, с которыми уже встречался, постаревших, поседевших и обзаведшихся морщинами за двадцать лет войны, — это были Сорокопут, Якана и Тимелия, причем у Сорокопута недоставало глаза. Остальных Мерлин не знал. Он внимательно изучил новеньких — с этими людьми ему еще предстояло пообщаться.

— Давайте перейдем к делу, — сказала Минла, твердо и властно. Она была моложе всех присутствующих, и, хотя она не превосходила их по рангу, за ней, как минимум, негласно признавали право на почтительное отношение.

— С возвращением в Небесные Земли, Мерлин, — продолжила он. — Вы уже узнали кое-что о событиях, которые произошли за время вашего отсутствия, о наших успехах, о продолжающейся войне. Теперь мы должны поговорить о будущем.

Мерлин кивнул, соглашаясь:

— Я целиком за будущее.

— Тимелия? — произнесла Минла, обратив взгляд на женщину постарше.

— Производственные мощности Небесных Земель, даже с учетом наших наземных союзников, недостаточны для высшей цели — обеспечить выживание цивилизации нашей планеты, — отозвалась Тимелия так, будто зачитывала какой-то программный документ, хотя и смотрела Мерлину в глаза. — И потому наш воинский долг — наш моральный долг — объединить весь Лекиф под единой властью единого планетарного правительства. Только тогда мы сможем спасти больше, чем горстку душ.

— Поддерживаю от всего сердца, — произнес Мерлин. — Именно поэтому я приветствовал недавнее перемирие. Очень жаль, что оно не продлилось долго.

— Это перемирие всегда было неустойчивым, — объяснил Якана. — Удивительно, что оно вообще столько протянуло. Поэтому нам требуется нечто более долговременное.

По шее Мерлина забегали мурашки.

— Полагаю, у вас уже есть задумка.

— Полный военный и политический контроль над Теневыми Землями, — сказала Тимелия. —

Они никогда не будут работать в одной упряжке с нами, если только не станут нами.

— Вы не поверите, как пугающе это звучит.

— Это единственный способ, — сказала Минла. — Правительство моего отца испробовало все возможные способы достижения мирного урегулирования, которое позволило бы нашим блокам работать совместно. Но он потерпел неудачу.

— И поэтому вы теперь хотите сокрушить противников и заставить их подчиниться.

— Если потребуется, — сказала Минла. — Мы считаем, что положение руководства Теневых Земель неустойчиво. Надо лишь один раз убедительно продемонстрировать наши возможности, чтобы вызвать переворот и впоследствии — сдачу, после переговоров.

— И что это за убедительная демонстрация возможностей?

— Именно для нее нам нужна ваша помощь, Мерлин. Двадцать лет назад вы открыли моему отцу кое-какие истины. — Прежде чем Мерлин успел сказать хоть слово, Минла извлекла один из листов, которые Мерлин передал Кукушке и его коллегам. — Здесь все записано. Тождество массы и энергии. Неизменная скорость света. Внутреннее строение атома. Ваша приписка о

том, что наше солнце имеет центральную зону ядерного горения. Все это подстегнуло нас. Наши лучшие умы двадцать лет бились над сутью этих идей. Теперь мы понимаем, как энергия атома может доставить нас в космос, за пределы нашей системы. И начинаем догадываться, что еще из этого вытекает.

— Скажите же, — отозвался Мерлин. У него неприятно заныло внутри.

— Если массу можно преобразовать в энергию, это открывает ошеломляющие военные перспективы. Мы полагаем, что, расщепляя атомы или заставляя их сливаться, можно сконструировать оружие невероятной разрушительной силы. Его показательного применения будет достаточно, чтобы правительство Теневых Земель пало.

Мерлин медленно покачал головой:

— Вы движетесь в тупик. Невозможно создать удобное в использовании оружие на основе атомной энергии. Слишком много трудностей.

Минла посмотрела на него так пристально, что Мерлину сделалось не по себе.

— Я вам не верю, — сказала она.

— Хотите — верьте, хотите — нет. Ваше дело.

— Мы уверены, что создать такое оружие можно. Наши собственные исследования рано или

поздно приведут к этому.

Мерлин откинулся на спинку кресла. Он умел понимать, когда блеф становится бессмысленным.

— Тогда я вам не нужен.

— Нужен. Очень. У руководства Теневых Земель тоже есть свои светлые головы, Мерлин. Их интерес к залежам полезных ископаемых, о которых я упоминала… либо случилась утечка данных, либо они самостоятельно пришли к тем же выводам, что и мы. Они пытаются создать такое оружие.

— Вы не знаете этого наверняка.

— Мы не можем позволить себе ошибиться. Да, мы владеем небом, но наше положение зависит от доступа к запасам топлива. Если кто-нибудь из наших союзников станет мишенью для атомного оружия…

Минла не договорила, но ее мысль и так была ясна.

— Значит, сделайте свою бомбу, — сказал Мерлин.

— Она нужна нам как можно скорее. Для этого нам нужны вы. — Минла достала другой лист бумаги и послала его по столу в сторону Мерлина. — У нас достаточно руды, — сказала она. — У

нас есть способы очищать ее. Вот наши основные предположения относительно конструкции.

Мерлин взглянул на рисунок, успев рассмотреть сложную схему с расходящимися окружностями, вроде плана запутанного садового лабиринта. На схеме были аккуратно проставлены подписи — печатным шрифтом на языке Лекиф-Б, используемом для технической документации.

— Я не стану вам помогать.

— Тогда можете покинуть нас прямо сейчас, — сказала Минла. — Мы создадим нашу бомбу в свое время без вашей помощи и используем ее, чтобы добиться мира во всем мире. Возможно, это произойдет достаточно быстро, чтобы мы успели перенаправить производственные мощности на эвакуацию. Возможно, нет. Но это случится на наших условиях, а не на ваших.

— Поймите одну вещь, — с воинственным видом сказал Якана. — День, когда атомное оружие начнет применяться, настанет. Предоставленные сами себе, мы создадим оружие, чтобы использовать его против наших врагов внизу. Но к тому времени, когда мы добьемся этого, они, вероятнее всего, будут располагать средствами для нанесения ответного удара, а то и атакуют нас первыми.

Это значит, что произойдет обмен серией ударов, эскалация вместо одной решающей демонстрации. Дайте нам возможность создать это оружие сейчас, и мы используем его так, чтобы минимизировать потери среди мирного населения. А если откажетесь, на ваших руках будет кровь миллионов погибших.

Мерлин едва не рассмеялся:

— На моих руках будет кровь, если я не покажу вам, как убивать друг друга?

— Вы положили этому начало, — сказала Минла. — Вы дали нам тайные знания об атоме. Неужто вы думали, что мы так глупы и наивны и не придем к очевидному выводу?

— Возможно, я думал, что у вас будет больше здравого смысла. Я надеялся, что вы станете строить атомные ракеты, а не атомные бомбы.

— Это наша планета, Мерлин, а не ваша. Мы получили единственный в своем роде шанс распорядиться ее судьбой. Если хотите помочь, дайте нам средство, чтобы одолеть врага.

— Если я дам его, умрут миллионы людей.

— Если Лекиф не объединится, погибнет целый миллиард. Вы должны это сделать, Мерлин. Либо вы полностью на нашей стороне, либо все мы умрем.

Мерлин закрыл глаза. Ему хотелось хоть на мгновение получить покой, чтобы обдумать варианты действий. В отчаянии он нашел возможный выход, тот, который некогда отверг и к которому теперь решил прибегнуть.

— Покажите военные цели на поверхности, которые вы больше всего желаете уничтожить, — произнес он. — Я разберусь с ними при помощи «Тирана» и кварковых торпед.

— Мы размышляли над тем, чтобы попросить вас о военной помощи, — сказала Минла. — К сожалению, это нам не поможет. Наши враги уже знают о вашем существовании. Трудно было скрыть его, особенно если учесть, как широка шпионская сеть Теневых Земель. Несомненно, ваше оружие произведет на них огромное впечатление. Но они будут знать, что наше влияние на вас незначительно и вы легко можете отказаться атаковать следующую цель. Поэтому из вас не получится эффективного средства устрашения. А вот если они будут знать, что это мы распоряжаемся убийственным оружием… — Минла посмотрела на других представителей Небесных Земель, — то не усомнятся, что мы можем совершить немыслимое.

— Я всерьез начинаю думать, не стоило ли мне

приземлиться на поверхность планеты.

— Вы бы сейчас сидели в такой же комнате и вели такой же разговор, — сказала Минла.

— Твоему отцу было бы стыдно за тебя.

Минла посмотрела на Мерлина, как на мусор под своими ногами:

— Мой отец желал добра. Он служил своему народу всем, чем мог. Но ему было хорошо: он знал, что успеет умереть до конца света. А я знаю, что не успею.

Готовясь снова погрузиться в анабиоз, Мерлин остался на борту «Тирана» один, не считая Минлы. С момента его пробуждения миновало восемь неистовых месяцев; развитие технологий шло своим ходом, и Мерлин был уверен, что этого разгона хватит до следующего выхода из сна.

— Когда мы встретимся снова, я буду старше, — сказала Минла. — А вы совсем не постареете, и ваши воспоминания об этом дне будут свежи, словно все произошло вчера. К этому можно привыкнуть?

Мерлин, уже не в первый раз, терпеливо улыбнулся:

— Я родился на планете, которая не очень отличалась от Лекифа, Минла. У нас не было летающих по небу островов и вообще ничего

похожего, не было мировых войн, но во многих отношениях мы были очень похожи на вас. Все, что вы видите здесь: корабль, капсула анабиоза, памятные вещички — все это когда-то казалось мне неузнаваемо чуждым. Но я привык. И вы привыкли бы, если бы обладали подобным опытом.

— Что-то я не уверена.

— А я уверен. Двадцать лет назад я встретил очень умную девочку — уж поверьте мне, я встречал немало умных людей. — Мерлин оживился, вспомнив об одной вещи, которую хотел показать Минле. — Тот камешек, который передал мне ваш отец… тот самый, о котором мы говорили сразу после того, как я покинул капсулу…

— Бесполезная штуковина, которую Веретенник отдал отцу, убедив его, что это вещь космического значения?

— Он не был бесполезным для вас. Вы наверняка любили его, иначе не отдали бы его мне в благодарность за цветы.

— Цветы… — задумчиво протянула Минла. — Я почти позабыла о них. Я так привыкла предвкушать их, предвкушать звук вашего голоса, когда вы рассказывали мне истории, которые я не понимала, но которые все равно казались такими выразительными. Вы делали так, что я

чувствовала себя особенной, Мерлин. Я бережно хранила эти цветы и, ложась спать, представляла себе те чуждые и прекрасные места, из которых они происходят. Я плакала, когда они увядали, но вы всегда приносили новые.

— Мне нравилось видеть, как ты радуешься им.

— Расскажите мне об этом камне, — помолчав, попросила она.

— Я велел «Тирану» изучить его. На всякий случай — вдруг в нем обнаружится что-то важное, то, чего не заметили ни вы, ни ваш отец.

— И?.. — с ноткой страха спросила Минла.

— Боюсь, это просто кусочек точильного камня.

— Точильного камня?

— Очень твердого. При помощи таких камней точат ножи. Это достаточно распространенная горная порода на планетах вроде вашей, где есть приливы, морские побережья и океаны. — Мерлин заранее вынул камень и теперь держал его на ладони, словно счастливую монетку. — Видите этот красивый узор? Этот камень лежал на дне, в мелких водах, подверженных приливам и отливам. Всякий раз, когда вода набегала, она приносила растворенные в ней осадки, те

оседали на камне тонким слоем. Со следующим приливом образовывался второй слой. Потом третий и так далее. На формирование каждого слоя уходило всего несколько часов, но на то, чтобы они затвердели до состояния камня, ушли сотни миллионов лет.

— Значит, он очень старый.

Мерлин кивнул:

— Действительно очень старый.

— Но никакого космического значения не имеет.

— Увы, нет. Я просто подумал: вдруг вы захотите знать. Наверное, Кукушка сам обо всем догадался, более или менее.

На секунду Мерлину показалось, что его объяснение удовлетворит Минлу, поможет ей закрыть эту главу своей жизни. Но вместо этого она нахмурилась:

— Но эти линии неодинаковые. Почему они то расширяются, то сужаются?

— Приливы неодинаковы, — сказал Мерлин и внезапно засомневался в своем объяснении. — Сильные приливы несут больше осадков. Слабые — меньше. Я так думаю.

— Шторма нагоняют сильные приливы. Отсюда редкие широкие полоски. Но за этим исключени-

ем, все приливы на Лекифе одинаковы. Я помню это со времен учебы.

— Боюсь, вас учили неправильно. На такой планете, как ваша, с большой луной… — Мерлин не стал заканчивать предложение. — Высокие приливы и низкие приливы, Минла. Не спорьте.

— Уверена, вы правы.

— Хотите забрать камешек обратно? — спросил он.

— Оставьте его себе, раз он вас забавляет.

Мерлин зажал камешек в кулаке:

— Он был важен для вас, когда вы отдали его мне. И поэтому он всегда будет важен для меня.

— Спасибо, что не бросили нас. Если мой камешек удержал вас здесь, значит он хорошо нам послужил.

— Я рад, что решил остаться. Я лишь надеюсь, что принес больше добра, чем зла, показав вам все это.

— Ну вот, опять, — устало вздохнула Минла. — Вы переживаете, что мы взорвем себя к чертям лишь потому, что вы показали нам механизм атома.

— Это поганый механизм.

Мерлин видел достаточно признаков прогресса, достаточно свидетельств мудрости и

независимого мышления, чтобы понимать: армия Небесных Земель получит действующую атомную бомбу не позднее чем через два года. К этому времени у них появится ракета, способная нести это примитивное устройство с громоздким боевым зарядом. Даже если ракета отстанет от графика, нужно будет лишь подождать, пока их дрейфующий небесный остров не пролетит над мишенью, принадлежащей Теневым Землям.

— Я не могу помешать вам создавать оружие, — сказал Мерлин. — Я лишь прошу вас использовать его с умом. Настолько, чтобы выторговать победу, и не более. А потом забыть про бомбы и начать думать про атомные ракеты.

Минла посмотрела на него с жалостью:

— Вы боитесь, что мы станем чудовищами. Мерлин, мы уже чудовища. Вам не сделать нас хуже, чем мы есть.

— Этот штамм бактериального менингита был очень заразным, — сказал Мерлин. — Я знаю: я прогнал его через медицинский анализатор «Тирана». У вас уже возникали трудности из-за нехватки антибиотиков. Если бы не мое появление, если бы не мое предложение изготовить для вас медикаменты, вам пришлось бы, наверное, прекратить военные действия через несколько

месяцев. Теневые Земли победили бы автоматически. И не потребовалось бы открывать миру атомные бомбы.

— Но нам все равно понадобились бы ракеты.

— Другие технологии. Одно не обязательно вытекает из другого.

— Послушайте меня, Мерлин. Мне очень жаль, что мы попросили вас сделать этот тяжелый моральный выбор. Если бы вы не упали на нас с неба, Паутина все равно двигалась бы к нам, грозя разрезать наше солнце надвое. Но когда вы узнали о происходящем, у вас не осталось выбора — пришлось сделать все возможное для нашего спасения, какой бы скверный привкус это ни оставило у вас.

— А когда все закончится, мне как-то придется с этим жить.

— Вам нечего будет стыдиться. Пока что все ваши решения были правильными. Вы подарили нам будущее.

— Хочу уточнить кое-что, — сказал Мерлин. — Галактика не дружелюбна. Существа, разбившие ваше небо, все еще там. Ваши предки создали бронированное небо для защиты от них, чтобы замаскировать Лекиф под безвоздушную планету. Хескеры охотились за моим народом еще до

того, как я остался работать в одиночку. Ваше движение к выживанию будет непростым.

— Выживание лучше смерти. Так было, и так будет.

Мерлин вздохнул, зная, что разговор пойдет по привычному руслу, — они говорили об этом уже тысячу раз, но так и не приблизились к взаимопониманию.

— Когда я проснусь, я хочу увидеть огоньки в небе.

— Когда я была девочкой, — сказала Минла, — задолго до вашего появления, отец рассказывал мне истории о людях, путешествующих через пустоту и глядящих сверху на Лекиф. Он шутил и сочинял стишки, и я смеялась. Но он вкладывал в эти истории очень серьезное послание. Он показывал картинки из моих книжек — огромный корабль, который принес нас на Лекиф. Он объяснил, что мы пришли со звезд и когда-нибудь найдем способ вернуться туда. Когда я была маленькой, это казалось игрой воображения, тем, чего никогда не будет в реальности. И все же сейчас это происходит, как всегда утверждал мой отец. Если я проживу достаточно долго, то узнаю, каково это — оставить Лекиф позади. Но я умру задолго до того, как мы доберемся до новой пла-

неты или увидим хоть одно из тех чудес, которые известны вам.

На мгновение Минла из энергичного военачальника снова превратилась в девочку. Что-то в ее лице вернуло Мерлина на много лет назад, проламывая тщательно возведенные им укрепления.

— Позвольте, я вам кое-что покажу.

Он повел ее в задний отсек «Тирана» и продемонстрировал матово-черный конус свирели, висящий в креплениях. С разрешения Мерлина Минла погладила ее гладкий, как стекло, бок. Она протянула руку осторожно, словно ожидала встретить что-то очень горячее или очень холодное. Наконец ее пальцы легонько коснулись древнего артефакта, а потом уверенно прижались к нему.

— Она кажется очень старой, — сказала Минла. — Не могу сказать почему.

— Так оно и есть. Я частенько испытываю такое же ощущение.

— Старой и очень тяжелой. Намного тяжелее, чем ей полагается быть. И когда я смотрю на нее, кажется, что она не вполне здесь, будто я смотрю на пространство, где ей полагается быть.

— Я вижу ровно то же самое.

Минла убрала руку:

— Что это?

— Мы называем это свирелью. Это не оружие. Скорее, ключ или паспорт.

— А что она делает?

— Позволяет моему кораблю пользоваться Паутиной. В свое время Пролагающие Путь сделали, должно быть, миллиарды таких штук — достаточно, чтобы связать между собой миллион планет. Только представьте себе, Минла: миллионы звезд, связанных нитями ускоренного пространства-времени, и на каждую нить нанизаны тысячи сверкающих кораблей, носящихся туда-сюда, капельки меда на шелковой нити, и каждый корабль настолько приближается к скорости света, что само время замедляется почти до неподвижности. Вы можете пообедать на одной планете, направить свой корабль в Паутину и поужинать на другой, в закатных лучах другого солнца. Пока вы плыли с потоком, прошла, скажем, тысяча лет, но это не имеет значения. Пролагающие Путь создали империю, в которой тысячелетие было всего лишь послеобеденным отдыхом, временем, чтобы составить планы на следующий день. — Мерлин печально посмотрел на Минлу. — Во всяком случае, таков был замысел.

— А теперь?

— Мы завтракаем на развалинах, почти не помня о минувшей славе, и прочесываем космос ради горстки еще функционирующих свирелей.

— А вы можете разобрать ее и посмотреть, как она устроена?

— Только если я захочу покончить с собой. Пролагающие Путь хорошо защищали свои тайны.

— Значит, она очень ценная.

— Бесценная.

Минла снова погладила свирель:

— Она кажется мертвой.

— Просто сейчас не активирована. Когда Паутина подойдет ближе, свирель почувствует ее. Так мы узнаем, что пора убираться отсюда. — Мерлин заставил себя улыбнуться. — Но к тому времени будем уже в пути.

— А вы не боитесь, что теперь, когда вы открыли мне свой секрет, мы заберем ее у вас?

— Корабль вам не позволит. Да и какая вам от нее польза?

— Мы могли бы построить собственный корабль и с помощью вашей свирели сбежать отсюда.

Мерлин ответил, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком покровительственно:

— Любой построенный вами корабль разобьется вдребезги при первом соприкосновении с Паутиной, даже если у вас будет свирель. К тому же вы мало чего добьетесь. По Паутине могут перемещаться лишь небольшие корабли.

— А почему так?

Мерлин пожал плечами:

— Им было не нужно, ведь они добирались куда угодно всего за пару дней. Помните, я говорил о замедлении времени? — Он познакомил местных жителей с основными представлениями о релятивистской механике, хотя некоторым по-прежнему трудно было осознать последствия искривления времени. — Не надо везти с собой всю провизию, даже если отправляешься в противоположный конец Галактики.

— Но может ли корабль побольше войти в Паутину, если потребуется?

— Стрессовые перегрузки не позволят. Это примерно как мчаться по стремнине. — Мерлин не заботился о том, понимает ли его Минла. — Свирель создает тропу, по которой ты можешь пройти, маршрут, на котором легче всего одолеть реку. Но все равно нужна небольшая лодочка, чтобы прорваться через препятствия.

— Значит, никто не строил больших кораблей,

даже во времена Пролагающих Путь?

— Зачем им это?

— Я спросила о другом, Мерлин.

— Это было очень давно. Мне известно не все. И вам не следует возлагать большие надежды на Паутину. Она пытается убить вас, а не спасти.

— Но когда вы покинете нас, то полетите по Паутине, ведь так?

Мерлин кивнул:

— Но сперва я тщательно проверю, есть ли у меня фора для встречи.

— Я начинаю понимать, как все это должно выглядеть для вас, — сказала Минла. — Это худшее, что когда-либо происходило с нами, конец самой нашей истории. Для вас же это всего лишь остановка в пути, случайное приключение. Я уверена, что до нас вы видели сотни планет и увидите еще сотни. Ведь так?

Мерлин сдержался.

— Если бы мне было наплевать на вас, я улетел бы двадцать лет назад.

— Вы чуть не поступили так. Я знаю, как близки вы были к этому. Отец много раз рассказывал об этом — как он обрадовался, когда вы передумали.

— Я поменял точку зрения, — сказал Мерлин. —

Со всяким бывает. Отчасти из-за вас, Минла. Если бы вы не попросили Кукушку передать мне этот камешек…

— Я рада, что поступила так, раз это значило для вас так много. — Минла отвела взгляд, и лицо ее стало одновременно и зачарованным и печальным. — Мерлин, пока вы не заснули, сделайте кое-что для меня.

— Что?

— Сделайте мне снова цветы. С планеты, которую я никогда не увижу. И расскажите их историю.

Воздушное судно всепланетного правительства представляло собою глянцевитое серебристое летающее крыло с собственным атомным реактором и шестью двигателями, упрятанными в обтекатели. Минла уже провела Мерлина вниз по винтовой лестнице в смотровой купол, установленный над самой толстой частью крыла. Теперь она коснулась панели из матовой стали, и бронированные пластины разъехались. Сквозь пуленепробиваемое стекло с зеленой тонировкой открывался круговой обзор на вращавшуюся под ними поверхность планеты.

Океан не нес на себе следов войны, но на суше трудно было найти место, которое осталось бы не

затронутым. Мерлин увидел развалины больших и маленьких городов; в центре некоторых остались кратеры в километр глубиной. Он увидел затопленные порты, к которым уже тянулись жадные пальцы моря. Он увидел бурые пятна земель, где ничего больше не росло: остались лишь мертвые окаменевшие леса, свидетельствующие, что когда-то здесь обитали живые существа. Обе стороны массово использовали атомное оружие. Но Небесные Земли стали первыми, поэтому на Лекифе это оружие получило особое имя. Из-за облаков в форме гриба, встающего над местом взрыва, его стали называть Цветами Минлы.

Минла указала на новые города, построенные после прекращения огня. Зрелище было гнетущим: квадратные кварталы без всяких изысков, серые многоэтажные здания, совсем одинаковые. Поселения были связаны между собой сетью шоссе, но Мерлин не заметил никаких признаков пассажирских или грузовых перевозок.

— Мы строили без расчета на будущие поколения, — сказала Минла. — Ни одно из этих зданий не простоит дольше пятидесяти лет, бóльшая их часть опустеет задолго до этого. К тому времени, как они начнут рассыпаться, на Лекифе не останется живых людей.

— Не может быть, чтобы вы планировали забрать с собой всех, — сказал Мерлин.

— А почему, собственно? Сорок лет назад это казалось немыслимым. Но такими же немыслимыми казались и атомная война, и создание единого всепланетного государства. Теперь все это в наших силах. При помощи социального планирования мы можем организовать все так, что численность населения сократится до одной десятой от нынешнего числа. В последние двадцать лет деторождение будет запрещено. И мы начнем перемещать людей в Космические Спальни задолго до этого.

Мерлин видел планы создания Спален, наряду с другими элементами эвакуационной программы Минлы. На орбите вокруг Лекифа уже вращалась небольшая космическая станция, но сотня Спален должна была целиком и полностью затмить ее. Чертежи изображали огромные, заполненные воздухом сферы — каждая должна была вместить в себя сто тысяч эвакуированных. Таким образом, на орбите предлагалось разместить десять миллионов человек. Кроме намеченного заполнения Космических Спален, полным ходом велись работы по созданию тысячи Ковчегов Исхода, которым, собственно, и предстояло унести людей

из системы. Ковчеги должны были строиться на орбите, с применением материалов из сырья, добытого в лунной коре. Мерлин уже указал экспертам Минлы, что они могут отыскать в почвенном покрове луны полезный для них изотоп гелия. Этот изотоп позволил бы приводить Ковчеги в движение при помощи термоядерных двигателей старой надежной модели.

— Принудительный контроль над рождаемостью, массовая эвакуация, — поморщившись, сказал Мерлин. — Это потребует жестких мер. А вдруг люди не согласятся с вашей программой?

— Согласятся, — пообещала Минла.

— Даже если для этого придется кого-то расстрелять, для наглядности?

— Миллионы людей уже умерли, Мерлин. Если потребуется еще несколько смертей, чтобы гарантировать эффективное выполнение программы эвакуации, — я полагаю, эту цену стоит заплатить.

— Нельзя так сильно давить на общество. Оно даст сдачи.

— Никакого общества не существует, — возразила Минла.

Вскоре она велела пилоту понизить скорость до дозвуковой, а потом спуститься и зависнуть над

заброшенным, насколько мог судить Мерлин, зданием, торчавшим неподалеку от берега, посреди того, что когда-то, видимо, было большим океанским портом. Летающее крыло опустилось, направив вниз струи двигателей. Пыль и обломки разлетались во все стороны, пока шасси не коснулось выжженной земли и двигатели не заглохли.

— Давайте пройдемся, — сказала Минла. — Я хочу вам кое-что показать. То, что убедит вас в серьезности наших намерений.

— Не уверен, что меня нужно убеждать.

— И все-таки я хочу, чтобы вы это увидели. Вот, держите накидку. — Минла вручила ему на удивление тяжелое одеяние.

— Она что, пропитана свинцом?

— Просто мера предосторожности. Сейчас уровень радиации в этом секторе очень низок.

Они спустились при помощи эскалатора — тот выдвинулся из днища летающего крыла. Их сопровождало подразделение гвардейцев. Вооруженные мужчины шли впереди, водя по земле чем-то вроде металлических половых щеток, за ними двигались Минла с Мерлином. Они шагали по извилистой тропе, через обгоревшие груды щебня и металлических обломков, стараясь не

споткнуться о неровности. Пока они спускались, Каллиопа успела зайти, и теперь с моря дул пронизывающий ветер — Мерлина от этого ветра пробрала дрожь. Где-то в отдалении печально завывала сирена — то тише, то громче. Невзирая на заверения Минлы о низком уровне радиоактивности, Мерлин готов был поклясться, что у него уже покалывает кожу. Сквозь редкие, освещенные светом луны облака пробились звезды.

Когда Мерлин наконец-то поднял голову, он увидел, что одинокое здание на самом деле было огромным каменным монументом. Оно поднималось над летающим крылом на сотню метров, уступчатое, как зиккурат, и было украшено лазерной резьбой и гравировкой. Буквы на языке Лекиф-А маршировали громогласными рядами по самой высокой из вертикальных поверхностей. За монументом исчерна-серая вода билась об останки променада. Монумент, вероятно, строился с расчетом на шторма, но хватило бы одного-единственного высокого прилива, чтобы полностью затопить нижние ступени. Интересно, почему народ Минлы не воздвиг его на возвышенности?

— Впечатляет.

— На Лекифе сотня таких монументов, — ска-

зала Минла и поплотнее запахнула плащ. — Мы облицовывали их точильным камнем — можете себе представить? Оказалось, что он прекрасно подходит для памятников, особенно если ты хочешь, чтобы буквы не исчезли под напором столетий.

— Вы построили сто таких штуковин? — переспросил Мерлин.

— Это лишь начало. Когда мы закончим, их будет тысяча. Мы надеемся, что хотя бы один из них уцелеет, когда все мы уйдем и время сотрет остальные следы нашей цивилизации. Прочитать, что там написано?

Мерлин до сих пор не знал местной письменности и не потрудился перед вылетом надеть линзы, которые позволили бы «Тирану» перевести текст.

— Да, пожалуйста.

— Здесь говорится, что некогда на Лекифе жило в мире и гармонии великое человеческое общество. Потом пришло сообщение со звезд, предупреждение о том, что наш мир будет уничтожен огнем нашего солнца или чем-то худшим. Поэтому мы приготовились к тому, чтобы покинуть планету, так долго бывшую нашим домом, и отправиться в темные глубины космоса — на

поиски нового дома среди звезд. Когда-нибудь, через тысячи или десятки тысяч лет после нашего ухода, вы, люди, читающие эту надпись, возможно, найдете нас. Делайте на этой планете, что пожелаете, но она остается нашей, и однажды мы снова сделаем ее своим домом.

— Особенно мне понравилось про мир и гармонию.

— История — это то, что мы пишем, а не то, что мы помним. Зачем пятнать историю нашей планеты записями о менее благородных деяниях?

— Вы говорите как истинный лидер, Минла.

В это мгновение один из гвардейцев вскинул винтовку и выпустил очередь трассёров куда-то на среднее расстояние. Что-то зашипело и поспешно скрылось среди развалин.

— Надо уходить, — сказала Минла. — По ночам выходят регрессивы, некоторые из них вооружены.

— Регрессивы?

— Политические диссиденты. Сторонники суицидного культа, предпочитающие умереть вместе с Лекифом, а не сотрудничать ради эвакуации. Это наша проблема, Мерлин, не ваша.

Он слышал истории о регрессивах, но до этого момента считал их слухами. Люди, пережившие

войну и не желающие подчиняться железной руке нового всепланетного правительства Минлы. Детали, не вписывающиеся в план. И потому их следовало игнорировать, подавить или низвести до звания недолюдей. Мерлин поплотнее закутался в плащ. Ему отчаянно не хотелось оставаться на поверхности хоть на минуту сверх необходимого. Но когда Минла развернулась и зашагала к ожидающему воздушному судну — лунный свет играл на изящном изгибе единственного огромного крыла, — что-то удержало его на месте.

— Минла… — хрипло произнес он.

Она остановилась и обернулась:

— Что, Мерлин?

— У меня есть кое-что для вас.

Мерлин сунул руку под плащ, достал подарок, который вручила ему Мина, тогда еще девочка. Он держал его при себе много дней, дожидаясь момента, который, как надеялся Мерлин, не настанет никогда.

Минла нетерпеливо вернулась к нему:

— Я сказала, что нам следует уходить. Что вы хотите мне дать?

Он протянул ей камешек, оправленный в серебро:

— Мне дала это одна маленькая девочка. Ка-

жется, я больше не знаю ее.

Минла посмотрела на камешек, и на ее лице промелькнуло отвращение.

— Это было сорок лет назад.

— Не для меня. Для меня прошло меньше года. Я вижу, как много изменилось с тех пор, как вы подарили мне его.

— Все мы рано или поздно взрослеем, Мерлин.

На мгновение ему показалось, что Минла собирается вернуть камешек ему или, как минимум, сунуть к себе в карман. Но вместо этого Минла уронила его на землю. Мерлин наклонился, чтобы подобрать его, но было поздно. Камешек провалился в темную щель между двумя расколотыми плитами, которыми некогда была вымощена дорога. Мерлин услышал, как он отскочил от чего-то и полетел дальше.

— Он исчез.

— Это всего лишь дурацкий камешек, — сказала Минла. — Не более того. А теперь идемте.

Мерлин двинулся следом за Минлой к освещенному лунным светом летающему крылу, но все же оглянулся на плещущую воду. Что-то вертелось у него в уме: точильный камень, приливы этого моря, сама луна, наконец. Между ними существовала связь, пустячная или важная, кото-

рую он упустил.

Мерлин был уверен, что рано или поздно обнаружит ее.

Металлическая трость Минлы гулко постукивала по полу смотровой площадки станции. С момента их последней встречи болезнь или травма успели искалечить женщину. Седеющие волосы, расчесанные на косой пробор, справа спускались почти до воротника. Мерлин не мог точно сказать, что произошло с Минлой: та старательно отворачивалась от него при любом разговоре. Но за дни, минувшие с его пробуждения, он уже слышал о попытках убийства. Судя по всему, некоторые из них почти удались. Минла выглядела более сутулой и хрупкой, чем ему помнилось, как будто все эти двадцать лет работала не разгибаясь.

Она загородила ладонью путь лучу света, открывая обзорные экраны.

— Смотрите, вот наши Космические Спальни, — сказала Минла таким тоном, будто вещала для тысяч зрителей, а не для одного-единственного человека, стоящего всего в нескольких метрах от нее. — Порадуйтесь с нами, Мерлин. Вы тоже причастны к этому.

Сквозь иллюминатор, неспешно вращавшийся

вместе с орбитальной станцией, ближайшая Спальня, висевшая в небе, казалась больше самого Лекифа. Оболочка складчатой серой сферы вскоре должна была натянуться, после достижения рабочего давления. Идеально скоординированные роботы устанавливали последние солнечные зеркала. Каждую минуту прилетали и улетали грузовые ракеты. Эвакуированных первой волны уже разместили в полярных загонах.

Пока что было готово двадцать Спален. Оставшиеся восемьдесят предполагалось ввести в строй в течение двух лет. Каждый день сотни атомных ракет поднимались с поверхности Лекифа, неся на себе эвакуируемых — их упаковывали в трюмы с максимально допустимой для людей плотностью, словно трехмерный пазл из плоти и крови — или груз в виде воздуха, воды и заранее изготовленных на заводах деталей новых жилищ. Каждый запуск ракеты добавлял радиоактивности в атмосферу обреченной планеты. Дышать ее воздухом дольше нескольких часов было опасно для жизни, но медленное отравление Лекифа не волновало всепланетное правительство. Остававшиеся на поверхности колонисты, которым предстояло занять прочие, еще не готовые, Спальни, ждали перемещения

в герметизированных бункерах — в таких же, если не более спартанских условиях, как и те, что ждали их в космосе. Мерлин предложил предоставить «Тиран» для эвакуации, но каким бы эффективным и быстрым ни был его корабль, это почти не повлияло бы на ход дела.

Конечно, были трудности, и не все шло строго по расписанию. Мерлин радовался прогрессу в некоторых областях, но то, что он наблюдал в других, огорчало его. До того, как Мерлин заснул, местные жители изводили его, желая, чтобы он помог им создать прототипы атомных ракет — очевидно, в надежде, что он волшебным образом справится с преследующими их неудачами. Но Мерлин мог помочь им лишь в ограниченных пределах. Он знал базовые принципы строительства атомных ракет, но не обладал углубленными знаниями, необходимыми для решения конкретных проблем. Эксперты Минлы были разочарованы, а потом впали в уныние. Мерлин пытался объяснить им, что хотя атомные ракеты и примитивны по сравнению с двигателями «Тирана», но это еще не значит, что они просты или что в них нет важных тонкостей.

— Я знаю, как устроен парусный корабль, — сказал он, пытаясь донести свою мысль. — Но

это не значит, что я могу сам его построить или показать корабелу, как отточить мастерство.

Они хотели знать, почему Мерлин не может попросту предоставить им технологии, заключенные в «Тиране».

— Мой корабль способен сам себя ремонтировать, — сказал Мерлин, — но не в состоянии делать собственные копии. Это принцип, заложенный в его логическую структуру на самом глубоком уровне.

— Тогда дайте нам чертежи ваших двигателей. Позвольте нам скопировать то, что требуется, — сказали они.

— Это не сработает. Составляющие «Тирана» произведены по очень строгим стандартам, с использованием допусков, которые ваши химики не могут даже объяснить, не то что воспроизвести.

— Тогда покажите, как улучшить наши производственные мощности, чтобы мы могли изготовить все необходимое.

— У нас нет на это времени. «Тиран» был произведен цивилизацией с десятитысячным опытом космических полетов, не говоря уже о знании производственных процессов и изобретений, уходящем в прошлое, как минимум, на такой же

срок. Вы не можете преодолеть этот разрыв за пятьдесят лет, как бы вы этого ни хотели.

— Тогда что же нам делать?

— Продолжать попытки, — сказал Мерлин. — Совершать ошибки и учиться на них. Как все остальные цивилизации.

Именно это они и делали двадцать мучительных лет. Теперь ракеты работали, хоть и с грехом пополам, но они появились с запозданием, и уже образовалась огромная очередь из людей и деталей, которые нужно было переместить на орбиту. К нынешнему моменту Спальни уже следовало достроить и заселить, чтобы переключиться на работу с Ковчегами Исхода. Но с Ковчегами тоже возникли проблемы. Освоение луны и программа по добыче на ней полезных ископаемых столкнулись с непредвиденными трудностями, и в результате Ковчеги надо было собирать из деталей, производимых на Лекифе. Линии по выпуску атомных ракет уже работали с предельной мощностью, а их собрались обременить дополнительными космическими аппаратами.

— Это хорошо, — сказал Минле Мерлин. — Но вам нужно ускориться еще больше.

— Мы понимаем, — раздраженно отозвалась она. — К несчастью, часть вашей информации

оказалась неточной.

Мерлин удивленно уставился на нее:

— Как?

— Наши ученые сделали прототип термоядерного двигателя по вашим чертежам, но смогли провести испытания лишь в ограниченном объеме. И после этого объявили, что он работает прекрасно, что не будет технических проблем с постройкой всех двигателей, нужных для Ковчегов Исхода. Во всяком случае, так мне сказали.

— И в чем же тогда дело?

Ее пальцы сжались на трости, словно когти.

— Топливо, Мерлин. Вы сказали, что мы найдем гелий-три в почвенном слое нашей луны. Так вот, мы его там не нашли. Во всяком случае, в нужном количестве.

— Значит, вы недостаточно хорошо искали.

— Уверяю вас, Мерлин, мы искали. Вы ошиблись. На самом деле почти все, что вы говорили о нашей луне, оказалось ошибочным. Вы ведь не уделили ей особого внимания по пути к Лекифу, да?

— Это всего лишь луна. Моя голова была занята другим.

— Мы не смогли добыть не только гелий-три — там вообще мало что есть. Поверхностная

гравитация гораздо меньше, чем мы ожидали, поверив вам, и это чудовищно мешает работать. Все уплывает от малейшего толчка. Наши эксперты говорят, что плотность очень низка и нет надежды отыскать что-нибудь полезное под поверхностным слоем. И уж определенно там нет ни тяжелых, ни драгоценных металлов, которые вы нам обещали.

— Я не знаю, что и сказать.

— Например, что вы ошиблись.

— Я повидал немало лун, Минла. К ним привыкаешь. Если у данной луны плотность намного ниже, чем я думал, значит с ее химическим составом что-то не так, и очень сильно не так. — Мерлин замолчал. Казалось, рядом с ним есть что-то очень важное, да только рукой не дотянуться.

— Ну, теперь это уже не важно. Мы нашли другой источник топлива и переделали двигатель в соответствии с этим. Но если мы не хотим безнадежно выбиться из графика, нам понадобится ваша помощь. — Минла протянула руку к вращающемуся пейзажу. — Идти так быстро, зайти так далеко — и потерпеть неудачу… Как вы думаете, не хуже ли это, чем вообще не пытаться?

Пристыженный Мерлин почесал подбородок:

— Я сделаю все, что смогу. Дайте мне поговорить с инженерами, работающими над термоядом.

— Я внесла эту встречу в расписание. Они очень хотят поговорить с вами. Очень. — Минла помолчала. — Впрочем, вам нужно кое-что знать. Они видели, что вы допустили ошибку. Им по-прежнему интересны ваши рассказы, но не ждите, что они будут воспринимать каждое ваше слово со слепой верой. Теперь они знают, что вы — просто человек.

— Я никогда не утверждал обратного.

— Нет, не утверждали. Надо отдать вам должное. Но некоторые из нас ненадолго поверили, что вы — не просто человек.

Минла развернулась и пошла прочь. Наконец стук ее трости затих вдали.

Космические войны, когда они случались, были короткими и не слишком яростными — конечно, в сравнении с кое-какими страшными битвами, запечатленными на рисунках Когорты. Ветхие фрески на кораблях-поглотителях служили напоминанием о сражениях, где целые звездные системы умалялись до оперативно-тактических деталей, холмов или впадин внутри куда более масштабного стратегического ландшафта и где участники — как люди, так и хескеры — пере-

мещались на скоростях, довольно близких к световой, и применяли релятивистское оружие, способное уничтожить целую планету. Одна-единственная схватка могла занять столетия планетарного времени, не одну человеческую жизнь, с точки зрения экипажа звездного корабля. Война как таковая была явлением, неотделимым от документированной истории, чудовищным, удушающим образованием с корнями, уходящими в глубь времен, конец которого лежал в невообразимо далеком будущем (во всяком случае, так предполагали все, кроме Мерлина).

Здесь же диаметр театра военных действий был заметно меньше половины световой секунды — лишь пространство, прилегавшее к Лекифу, с его вереницей полупостроенных Спален и Ковчегов Исхода. Сражение не продлилось и дюжины часов, от первого до последнего взрыва. Если не считать запоздалого вмешательства Мерлина, самым мощным оружием оказались водородные бомбы. Конечно, ужасно, но в них была некая благородная точность, в отличие от оружия, уничтожившего Изобилие.

Все началось с внезапного удара с поверхности планеты, волны захваченных атомных ракет. Похоже, регрессивы установили контроль над

сборочным и пусковым комплексом. У ракет не было боеголовок, но не важно: кинетической энергии и взрывной силы атомных двигателей вполне хватило, чтобы разрушить цели. Оружие было нацелено с поразительной точностью. Первая волна уничтожила половину недостроенных Спален и причинила катастрофические повреждения значительной части уцелевших. К тому моменту, как стартовала вторая волна, оборонительные орбитальные комплексы заработали, но было поздно — они успели перехватить лишь малое количество ракет. Многими управляли экипажи самоубийц. Они провели ракеты через наспех возведенные заслоны Минлы. На третьем часу всепланетное правительство начало платить регрессивам их же монетой, пустив в ход истребители-перехватчики, способные действовать в атмосфере. Те разобрались с вражескими наземными укреплениями, но пробить антиракетный заслон вокруг самого стартового комплекса им не удалось. Мощные боеголовки срезали края летающих островов, посылая на поверхность обломки размером с гору. Во время неистового сражения и без того уязвимые прибрежные селения испытали к тому же гнев разбушевавшихся волн. Шли часы. Аналитики

Минлы оценивали общее число потерь на земле и на орбите. На пятом и шестом часу нападению подверглись новые Спальни. Беспорядочный обстрел принес еще больше потерь. Временное прекращение огня на седьмом часу объяснялось лишь тем, что пусковой комплекс оказался под большим летающим островом. Как только небо очистилось, ракеты полетели все с той же яростью.

— Они подбили все Ковчеги Исхода, кроме одного, — сказала Минла на девятом часу сражения. — Его мы просто успели отвести за пределы досягаемости атомных ракет. Но если они найдут способ увеличить их радиус полета, уменьшив загрузку… — Она отвернулась от него. — Тогда все было напрасно, Мерлин. Они победят, и усилия последних шестидесяти лет пойдут прахом.

Мерлин понимал, к чему идет дело, но им владело сверхъестественное спокойствие.

— Чего ты хочешь от меня?

— Вмешательства, — сказала Минла. — Используй любую подобающую силу.

— Однажды я предлагал тебе это. Ты отказалась.

— Однажды ты передумал. Теперь передумала я.

Мерлин пошел к «Тирану» и приказал кораблю сбросить груз кварковых торпед на захваченный ракетный комплекс. На этот пятачок земли должно было обрушиться больше энергии, чем израсходовали за все годы атомных войн. Ему не требовалось сопровождать корабль. «Тиран» мог выполнять приказы без непосредственного присмотра хозяина, словно выдрессированный пес.

Они наблюдали за этим зрелищем с орбиты. Когда на горизонте Лекифа взметнулось раскаленное добела пламя, осветив весь край планетного диска, словно трепещущий холодный рассвет, Мерлин почувствовал, как рука Минлы сжала его руку. При всей хрупкости этой женщины, при всем том, что годы многое забрали у нее, хватка ее оставалась стальной.

— Спасибо, — сказала Минла. — Возможно, только что ты спас нас всех.

Прошло десять лет.

Лекиф и его солнце остались во многих световых неделях за кормой. Уцелевший Ковчег Исхода развил скорость в пять процентов световой. Через шестьдесят лет — и еще быстрее, если получится усовершенствовать двигатель, — он должен был войти в другую звездную систему, где им, возможно, удастся высадиться. Ковчег

летел вдоль линии Паутины, прячась за ней от хескеровских сенсоров дальнего действия. Он нес всего двенадцать сотен изгнанников, и мало кому из них предстояло увидеть новую планету.

Госпиталь располагался неподалеку от сердцевины корабля, на безопасном расстоянии от космической радиации и малоизвестных излучений Паутины. Многие его пациенты были ветеранами Войны с регрессивами, жертвами серьезных травм, причиненных сочетанием вакуума и жара, радиации и кинетической энергии. Большинству предстояло умереть к тому моменту, как термоядерный двигатель будет переведен в режим крейсерского полета. А сейчас они получали подобающий для героев войны уход — даже те, кто исходил криками и сыпал проклятиями, умоляя о безболезненной эвтаназии.

В звукопроницаемом крыле госпиталя, под опекой машин, лежала Минла. На этот раз убийцы подобрались к ней как никогда близко и почти добились своего. Но все же она выжила, и вероятность полного выздоровления, как сказали Мерлину, составляла семьдесят пять процентов. Куда больше, чем для помощников Минлы, пострадавших во время самого нападения. Но, по крайней мере, они получили наилучший воз-

можный уход в анабиозных капсулах «Тирана». Мерлин знал: задача сводилась примерно к тому, чтобы сшить из кровавых ошметков мяса и обломков костей человекоподобные изваяния и надеяться, что эти изваяния сохранят хотя бы некое подобие рассудка. С Минлой не было бы проблем, но глава всепланетного правительства отказалась от предложения лечь в анабиоз и уступила свое место одному из подчиненных. Зная это, Мерлин позволил себе короткую вспышку сочувствия.

Он вошел в палату и кашлянул, давая знать о себе.

— Здравствуйте, Минла.

Та лежала на спине, примостив голову на подушку, хоть и не спала. Когда Мерлин приблизился, она медленно повернулась к нему. Минла выглядела очень старой и очень усталой, но все же нашла в себе силы улыбнуться:

— Как хорошо, что вы пришли. Я надеялась, но не смела просить. Я знаю, как вы заняты с этим усовершенствованием двигателя.

— Я не мог не навестить вас. Хотя мне было чертовски трудно убедить ваших сотрудников пропустить меня сюда.

— Они чересчур опекают меня. Я знаю, сколько

во мне сил, Мерлин. Я выкарабкаюсь.

— Не сомневаюсь.

Взгляд Минлы остановился на его руке.

— Это мне?

Мерлин держал букет чужеземных цветов. Очень темных — в приглушенном золотистом свете такие казались бы черными, но эти были, совершенно очевидно, пурпурными от внутреннего свечения. Словно раскрашенная вручную деталь на черно-белой фотографии, выглядящая так, будто она парит над всем прочим.

— Конечно, — сказал Мерлин. — Я всегда приношу цветы, разве не так?

— Приносили. А потом перестали.

— Возможно, пора начать снова.

Он поставил цветы на тумбочку у кровати, в уже приготовленную вазу с водой. Это были не единственные цветы в комнате, но их пурпур словно вытянул краски из остальных.

— Они прекрасны, — сказала Минла. — Я никогда прежде не видела подобного оттенка. Такое ощущение, словно какая-то цепочка у меня в мозгу замкнулась лишь сейчас.

— Я выбрал их специально. Они славятся своей красотой.

Минла оторвала голову от подушки. В ее глазах

вспыхнуло любопытство.

— Скажите, откуда они.

— Это долгая история.

— Прежде это вас не останавливало.

— С планеты Лакертина. Она находится в десяти тысячах световых годах отсюда. Во многих днях корабельного времени, даже если идти по Паутине. Я даже не знаю, существует ли она еще.

— Расскажите мне о Лакертине, — попросила Минла, выговорив название планеты со своей обычной четкостью.

— Очень красивая планета, вращающаяся вокруг горячей голубой звезды. Говорят, что ее, должно быть, переместили на нынешнюю орбиту Пролагающие Путь, перенесли из другой звездной системы. Моря и небеса мерцают синевой, а леса ошеломляют переливами пурпурного, фиолетового и розового. Такие цвета можно увидеть лишь на внутренней стороне век, когда смотришь на солнце. На лесных опушках высятся белые цитадели, башни, соединенные кружевом мостов.

— А на Лакертине живут люди?

Мерлин подумал о ее жителях и кивнул:

— Адаптированные — конечно же. Все, растущее на Лакертине, преобразовывалось с помощью

биоинженерии, чтобы выжить под палящим солнцем. Говорят, то, что вырастает там, может расти почти где угодно.

— Вы бывали там?

Мерлин с сожалением покачал головой:

— Никогда не подходил ближе чем на тысячу световых лет.

— Я никогда ее не увижу. Как и все те места, о которых вы мне рассказывали.

— Есть места, которых и я никогда не увижу. Даже с помощью Паутины. Я всего лишь человек с единственной человеческой жизнью. Даже Пролагающие Путь успевали увидеть лишь часть своей империи.

— Должно быть, это печалит вас.

— Я принимаю каждый день таким, каков он есть. Лучше сохранить хорошие воспоминания об одной планете, чем страдать из-за тысяч, которых я не увижу.

— Вы мудрый человек, — сказала Минла. — Нам очень повезло с вами.

Мерлин улыбнулся. Он помолчал, давая Минле насладиться последними оставшимися у нее спокойными мгновениями.

— Мне нужно кое-что вам сказать, — произнес он через некоторое время.

Должно быть, она что-то уловила в его тоне.

— Что, Мерлин?

— Существует немалая вероятность, что все вы умрете.

— Мы и без вас помним о возможных рисках, — отрезала Минла.

— Я говорю о том, что произойдет в ближайшем будущем. Попытка спрятаться за Паутиной не сработала. Это был лучший вариант, но осталась вероятность… — Мерлин развел руки, извиняясь, будто это хоть как-то зависело от него. — «Тиран» засек штурмовой рой хескеров. Шесть элементов, в световом месяце впереди вас. У вас нет времени на то, чтобы свернуть или затормозить. Они будут следовать по пятам, как бы вы ни пытались оторваться.

— Вы обещали нам…

— Я ничего не обещал. Просто дал лучший совет из тех, которые мог дать. Если бы вы не прятались за Паутиной, они обнаружили бы вас еще раньше.

— Мы же не используем межзвездный прямоточный двигатель. Вы сказали, что мы будем в безопасности, если остановимся на термоядерных двигателях. Электромагнитная сигнатура…

— Я сказал, что так будет безопаснее. Но желе-

зобетонных гарантий нет.

— Вы солгали. — Тон Минлы сделался враждебным. — Я никогда вам не доверяла!

— Я делал все, что в моих силах, стараясь спасти вас.

— Тогда почему вы сидите тут так спокойно, зная, что нам предстоит умереть?

Но прежде, чем Мерлин успел сказать хоть слово, Минла сама ответила на свой вопрос.

— Потому что вы можете уйти, — сказала она, кивнув собственным мыслям. — У вас есть ваш корабль и свирель. Вы можете ускользнуть в Паутину и сбежать от врагов.

— Я ухожу, — сказал Мерлин. — А не бегу.

— А разве это не одно и то же?

— Не в этот раз. Я возвращаюсь на Изобилие, то есть на Лекиф, чтобы сделать все возможное для людей, которых мы там оставили. Людей, которых вы обрекли на смерть.

— Кто — я?

— Я изучил данные о Войне регрессивов. Не только официальные документы, но и журнал регистрации данных «Тирана». И увидел то, что должен был увидеть тогда же, но не разглядел. Это был обман, Минла. Они чересчур легко захватили тот ракетный комплекс. Вы позволили им

сделать это, Минла.

— Ничего подобного.

— Вы знали, что подготовка к эвакуации не завершится вовремя. Космические Спальни выбились из графика, с Ковчегами Исхода возникли проблемы…

— Потому что вы обманули нас насчет гелия в лунной почве!

Мерлин предупреждающе поднял руку:

— Мы дойдем до этого. Суть в том, что ваши планы трещали по швам. Но вы могли достроить больше Спален и кораблей, если бы согласились покинуть систему немного позже. Вы могли спасти больше людей, чем спасли, уменьшив собственные шансы на выживание. Но это было неприемлемо для вас. Вы хотели улететь немедленно. И тогда вы спровоцировали нападение регрессивов и использовали его как предлог для раннего отлета.

— Регрессивы были настоящими! — прошипела Минла.

— Но вы дали им ключи от базы, научили направлять и вести к цели ракеты. Занятно — атака не затронула именно ту станцию, которую занимали вы со своим ближайшим окружением, и вы умудрились вовремя отвести один Ковчег на без-

опасное расстояние. Чертовски удобно, Минла.

— Я вас пристрелю, Мерлин!

— Попробуйте. Прикоснитесь ко мне — и увидите, что получится. Мой корабль слушает наш разговор. Он способен прислать сюда прокторов в считаные секунды.

— А луна, Мерлин? Вы придумали оправдание ошибке, которая обошлась нам так дорого?

— Не знаю. Возможно. Именно поэтому я возвращаюсь на Лекиф. На планете все еще остались люди — регрессивы, союзники. Мне плевать, кто именно. И те, кого вы бросили на орбите.

— Они все умрут. Вы сами это сказали.

Мерлин поднял палец:

— Если не улетят. Но возможно, существует способ. И опять же, я должен был понять это раньше. Вечно я так. Мне потребовалось много времени, чтобы сложить кусочки головоломки, но в конце концов я справился. Как и Веретенник, человек, который отдал вашему отцу тот точильный камешек.

— Это был всего лишь камень.

— Это вы так думаете. На самом деле камень — важный ключ к природе вашего мира. Он запечатлел высокие и низкие приливы, оставившие на нем полоски. Но вы сами сказали — на Леки-

фе все приливы одинаковы. Во всяком случае, сейчас.

— Уверена, вам это о чем-то говорит.

— Что-то случилось с вашей луной, Минла. Когда точильный камень формировался, ваша луна поднимала приливы на Лекифе. Когда луна и Каллиопа тянули в одну сторону, получался высокий прилив. Когда уравновешивали друг друга — низкий. Отсюда и полоски. Но теперь приливы одинаковы, изо дня в день. Каллиопа на месте, значит остается только луна. Сила ее притяжения уже не та, что прежде. Как вы мне говорили, поверхностная гравитация намного ниже, чем вы ожидали. Нет, она, конечно, есть, но не такая, как полагалось бы, исходя из размера и внешнего вида луны. Если бы вы могли отмотать все на несколько миллионов лет назад и рассмотреть кусочек точильного камня, лежащего сейчас внизу, вы бы, вероятно, нашли очень мало отличий в толщине отложений. Но каким бы ни был эффект сейчас, он явно незначителен по сравнению с теми временами, когда ваш точильный камень формировался. Однако же луна по-прежнему на месте и, судя по ее виду, вращается по той же самой орбите. Так что же произошло?

— Это у вас надо спрашивать, Мерлин.

— Думаю, это уже не луна. Думаю, изначальную луну разобрали на части, чтобы создать ваше бронированное небо. Не знаю, сколько ее изначальной массы ушло на это, но, полагаю, немалая часть. Вопрос в том, что случилось с остатками.

— Уверена, у вас есть теория.

— Я думаю, из остатков они сделали фальшивую луну. Она висит в вашем небе, вращается вокруг Лекифа, но не притягивает ваши моря, как прежняя. У нее имеется гравитация, но недостаточная, чтобы поднимать океаны на прежнюю высоту. И вы правы, ее плотность гораздо ниже, чем я ожидал. Мне действительно следовало присмотреться к ней повнимательнее. Возможно, тогда я смог бы избавить Лекиф от кровавой бойни.

— А теперь вы поняли все?

— Я понял, что у вашей планеты появилась новая луна. Она не висела на этом месте миллиарды лет и не впитывала частицы солнечного ветра. Поэтому вы и не нашли гелия.

— Что же это за объект?

— Именно это я и намерен выяснить. Понимаете, мне известно, о чем тогда думал Веретенник. Он знал, что это не настоящая луна. Возникает вопрос: что у нее внутри? И может ли оно изменить что-либо для выживших, которых вы бросили?

— Если они спрячутся в скорлупу, что с того? — сказала Минла. — Вы же сами сказали, что копать тоннели на Лекифе бесполезно.

— Я думаю не об укрытии. Я думаю о перемещении. Что, если эта луна на самом деле — космический корабль? Ковчег Исхода, достаточно большой, чтобы вместить все население планеты?

— У вас нет доказательств.

— У меня есть вот это. — Мерлин достал одну из старых детских книжек с картинками, принадлежавших когда-то Минле. За семьдесят лет бумага пожелтела, а старые краски потускнели. Но иллюстрации по-прежнему оставались отчетливыми. Мерлин открыл книжку и показал Минле разворот. — Ваш народ помнил, что прибыл на Лекиф на корабле размером с луну, — сказал он. — Может, это правда. А может, здесь какая-то путаница. И я подумал: вдруг вам следовало помнить не то, что вы прибыли сюда на луне, а то, что вы можете на ней улететь?

Минла уставилась на картинку. На мгновение Мерлину почудилось, будто по комнате, словно ветерок в летний день, прошла волна нестерпимой печали. Картинка словно бы перенесла Минлу обратно в прошлое, в те времена, когда

она еще не встала на путь, который теперь, семьдесят лет спустя, привел ее на эту кровать, в эту звукоизолированную комнату, к постыдному выживанию на этом корабле. Она была дочерью уважаемого, наделенного властью человека, легко могла стать влиятельной и мудрой. И все же выбрала из всех путей вот этот, темный, и последовала по нему до конца.

— Даже если это корабль, — тихо проговорила она, — вы не сможете погрузить всех на него.

— Тогда я умру, пытаясь это сделать.

— А как же мы? Вы бросаете нас на произвол судьбы?

Мерлин улыбнулся. Он ждал этого вопроса.

— Здесь, на корабле, тысяча двести человек. Часть из них — дети. Не все замешаны в ваших махинациях, и потому не все заслуживают смерти от столкновения с хескерами. Я оставляю вам оружие и партию прокторов, которые покажут, как его установить и использовать.

Впервые с того момента, как Мерлин вошел в комнату, Минла снова заговорила как лидер:

— Это что-нибудь изменит?

— У вашего корабля появится шанс. Это все, что я могу предложить.

— Значит, будем рассчитывать на то, что есть.

— Мне очень жаль, что так получилось. Несомненно, я повлиял на то, кем вы стали. Но не я превратил вас в чудовище.

— Нет, — отозвалась Минла. — Я, по крайней мере, буду отвечать за себя саму — и за то, что я спасла двенадцать сотен своих соплеменников. Если для этого понадобилось чудовище, не значит ли это, что мы иногда нуждаемся в чудовищах?

— Возможно, и так. Но это не значит, что мы хоть на мгновение простим их. — Мерлин осторожно, так, словно вручал подарок, положил книжку на грудь Минле. — Боюсь, мне пора идти. У меня будет не так уж много времени, когда я вернусь на Лекиф.

— Пожалуйста! — взмолилась Минла. — Только не это! Не так!

— Так уж все это заканчивается, — сказал Мерлин и направился к выходу. — Прощайте, Минла.

Двадцать минут спустя он уже был в Паутине и мчался обратно к Лекифу.

«Много можно об этом рассказать, и когда-нибудь я сяду и запишу все как следует. Пока что достаточно сказать, что я был прав, поверив своей интуиции касательно луны. Жалею лишь, что я не сложил все воедино раньше. Возможно,

тогда Минле не пришлось бы совершать свои преступления.

Я спас не столько людей, сколько хотелось бы, но все же спас многих, брошенных Минлой на смерть. Полагаю, это чего-то да стоит. Беда была близко, но если что и можно сказать о технологиях уровня Пролагающих Путь, так это то, что ими воспользуется и ребенок. Они были подобны детям с игрушками богов. Оставили эту луну здесь из благих побуждений, и хотя ее пришлось замаскировать — чтобы она могла обмануть хескеров, или ради кого там они построили ложное небо, — саму луну оказалось нетрудно взломать, когда цель стала ясна. А как только она начала двигаться, как только ее огромные двигатели заработали после десятков тысячелетий бездействия, никакая сила во Вселенной уже не удержала бы ее. Я наблюдал за летящей луной, пока не убедился, что она направляется в сектор, вроде бы свободный от хескеров — во всяком случае, пока. Это будет непросто и займет несколько столетий, но, я думаю, они справятся, имея на своей стороне силу и мудрость.

Я сейчас в Паутине, лечу в потоке, прочь от Каллиопы. Свирель, к моему облегчению, по-прежнему работает. Некоторое время я разду-

мывал, не полететь ли против течения, обратно к одинокому Ковчегу Исхода. К тому моменту, как я добрался бы до них, их отделяли бы от стычки считаные дни. Но мое присутствие все равно не сыграло бы решающей роли в схватке с хескерами, да и сомневаюсь, что меня бы приняли тепло.

После моего прощального подарка Минле.

Я рад, что она не расспросила меня подробнее о цветах и о планете, на которой они растут. Если бы ей захотелось узнать побольше про Лакертину, она могла бы почувствовать, что я кое-что утаиваю. Например, тот факт, что члены гильдий убийц с Лакертины были мастерами своего искусства, известными на множестве планет Паутины своей ловкостью и хитроумием, и что ни одну гильдию на Лакертине не уважали так, как биомастеров, делающих сон-цветы.

Говорили, что они могут придать им любую форму, любой цвет, вид любых цветов с любой известной планеты. Говорили, что эти цветы могут пройти все проверки, кроме изучения на самом глубоком уровне. Говорили, что если хочешь убить кого-то, подари ему цветы с Лакертины.

Она должна была умереть вскоре после моего отлета. Цветы засекли ее присутствие — они

программировались на то, чтобы засекать единственное дыхание в комнате, в основном дыхание спящего, и, когда в комнате становилось тихо, потихоньку оживали, выбирались из вазы и переползали с места на место, медленно, как тень на солнечных часах, со скоростью, незаметной для невооруженного глаза, но достаточной, чтобы добраться до лица человека. Их усики должны были охватить лицо Минлы с нежностью влюбленного. А потом на ее нервную систему обрушились бы парализующие токсины.

Я надеялся, что это будет безболезненно. Я надеялся, что это будет быстро. Но я помнил, что лакертинские убийцы славились ловкостью, а не милосердием.

Позднее я удалил сон-цветы из биобиблиотеки.

Я знал Минлу меньше года по счету моей жизни — и семьдесят лет по другому счету. Иногда, думая о ней, я вижу человеческое существо во всех его проявлениях, такое же реальное, как и все, кого я знал. А иногда вижу нечто двухмерное, вроде потускневшей картинки в одной из ее книжек: страница так тонка, что просвечивает.

Я не питаю к ней ненависти, даже сейчас. Но мне хочется, чтобы время и космос никогда не сводили нас.

Только что, на утешительном расстоянии в несколько световых часов от меня, Путь врезался в сердце Каллиопы. Он уже прошел сквозь фотосферу и добрался до конвективной зоны звезды. Что произошло — или происходит, или произойдет, — когда он коснулся (или касается, или коснется) зоны ядерного горения, по-прежнему неясно.

Теория гласит, что не существует импульсов, способных перемещаться быстрее света. Поскольку мой корабль уже идет по течению Паутины со скоростью, близкой к скорости света, кажется невозможным, что какая-либо информация о судьбе Каллиопы когда-либо достигнет моих ушей. И все же… Несколько минут назад я готов был поклясться, что почувствовал удар, что мое плавное скольжение запнулось, словно некое сообщение об этом разрушительном событии пронеслось по потоку со сверхъестественной скоростью и встряхнуло мой кораблик.

У меня нет фактов, позволяющих говорить о чем-то необычном, и нет намерения вернуться на Лекиф и посмотреть, что сталось с этой планетой, когда ее солнце оказалось вскрыто. Но я по-прежнему что-то ощущаю, и если оно добралось до меня по течению Паутины, если этот импульс

прошел сквозь железный барьер причинно-следственной связи, я не могу представить, какие силы здесь задействованы и что произошло в этой пряди Паутины у меня за спиной. Возможно, она расплелась, и я вот-вот испущу последний вздох, прежде чем превратиться в облачко чистых кварков, рассеянных по нескольким миллионам километров межзвездного пространства.

Такой вариант тоже возможен.

Честно говоря, хорошо, если ты можешь позволить себе зацикливаться на подобных страхах. Но я все еще должен отыскать оружие — а я не молодею.

Миссия продолжается.

Без малого двадцать лет назад я отдыхал в Калифорнии. И как-то раз, сидя с карандашом и блокнотом на пляже Санта-Моники, я начал первый черновик повести о герое по имени Гриффин. Потом еще кое-что сочинил на заднем сиденье машины, пока ехал по Тихоокеанской автостраде, а закончил в Бербанке, округ Лос-Анджелес.

По возвращении в Нидерланды, где я тогда проживал, я перевел текст в электронный формат, внеся при этом значительные поправки, в частности переименовав главного героя в Мерлина. Действие происходит в очень далеком будущем,

через семьдесят две с лишним тысячи лет, но там есть эпико-мифологический мотив, с которым, как мне кажется, резонирует артурианская символика имени героя. Но вообще-то, Мерлином я его назвал не в честь камелотского волшебника валлийского происхождения, хотя, конечно же, мне нравится эта связь. Почти все люди в окружении Мерлина носят «птичьи» имена. Это дань моему увлечению.

К Мерлину я возвращался дважды, и это самая свежая история о нем, хотя по сюжетной хронологии она стоит между первой и второй. В «Цветах Минлы» речь идет об опасности вмешательства, даже если это вмешательство с самыми лучшими намерениями, а также о разлагающем влиянии политической власти. Вряд ли нужна мощная проницательность, чтобы связать Минлу с неким политиком, занимавшим пост премьер-министра Великобритании с конца семидесятых до конца восьмидесятых и тоже не веривший, что существует такое понятие, как общество. Буду ли я еще писать о Мерлине? Надеюсь, что буду.

Железный Тактик

Мерлин почувствовал, что давнее напряжение возвращается. Стоило ему подойти к разбитому кораблю, как во рту у него пересохло, а внутренности сжались, и он всадил ногти в ладони — до боли.

Его бросило в пот, сердце лихорадочно забилось.

— Если это была ловушка, — сказал он, — она сейчас должна сработать, ведь так?

— И что я должен, по-твоему, сказать? — рассудительно поинтересовался его корабль.

— Ты можешь попытаться успокоить меня. Для начала. Это же один из наших кораблей, верно? Ты можешь согласиться со мной в этом вопросе?

— Ну да, корабль-поглотитель. Возраст — семь-восемь килолет как минимум. Проблема в том, что с этой точки я не могу прочитать, куда он приписан. Мы можем послать прокторов, или я просто облечу его и посмотрю с другой стороны. И я знаю, что из этого быстрее.

— Иногда я думаю, что надо позволить тебе принимать все решения самостоятельно.

— Я уже так и поступаю довольно часто, Мер-

лин, ты просто не замечаешь.

— Ладно, делай, что нужно, — раздраженно бросил Мерлин.

И «Тиран» двинулся в облет разбитого корабля. Прожектора касались корпуса, словно чуткие, ищущие пальцы, подсвечивая его части, скрытые в тени или освещенные одним лишь тусклым красным светом здешней звезды-карлика. Огромный корабль представлял собою тщательно сработанный, расширяющийся к концу цилиндр, ощетинившийся навигационными системами и орудиями. Он засасывал межзвездный газ с широкого конца, сгущал его и преобразовывал в топливо, а затем выбрасывал через узкую оконечность яростный, стремительный поток отработанных газов. Корабли-поглотители были громоздкими и долго разгонялись до скорости, на которой механизм поглощения делался эффективен, но они могли добраться до любого конца галактики, дайте лишь время. Прочные, надежные и относительно несложные в постройке, мало отличались по дизайну и вооружению, даже если системы были разделены килогодами. Каждый такой корабль служил домом для тысяч людей, многие из которых проводили там всю жизнь и умирали, ни разу не ступив на планету.

Корабль был поврежден. Дыры и кратеры в корпусе. На одном борту исчезла половина обшивки. Захватывающие лепестки погнуты так, что силами команды починить невозможно.

Кто-то отыскал корабль и убил его.

— Вот, — сказал «Тиран». — Корабль-поглотитель «Сорокопут», произведен на гало-фабрике «Верховный Монарх», двенадцать-двенадцать-четыре по базовому времени Когорты, направлен на сдерживающее патрулирование в район материнской базы «Взлетающий Орел», последний командир — Радужница. Там есть еще, если хочешь.

— Нет, довольно. Я никогда не бывал в этих местах и не слыхал ни о Радужнице, ни об этом корабле. Далеченько мы забрались от дома, а?

— И в ближайшее время никуда не пойдем.

Несомненно, нападение совершили хескеры. Там, где враг-человек прикончил бы корабль полностью, хескеры экономили силы — простой математический расчет. Они делали ровно столько, сколько достаточно было, чтобы достичь цели, и уходили. Видимо, они понимали, что на корабле кто-то остался, но хескеры редко брали пленных, а дальнейшая судьба выживших их не интересовала.

Мерлин догадывался почему. В такой дали от Когорты у них не было никаких шансов на спасение. А поврежденный корабль мог поддерживать жизнь уцелевших лишь на какое-то время. Иными словами, выбор смерти: кому помедленнее, кому побыстрее, кому полегче.

Мерлин задумался: что выбрал бы он сам?

— Отыщи мне чертежи этой модели корабля-поглотителя, лучшие, какие сможешь, и найди шлюз, расположенный как можно ближе к командной рубке. — Мерлин коснулся груди, словно напоминая себе о собственной уязвимости. — Сила и мудрость, как же я ненавижу корабли-призраки!

— Тогда почему ты собираешься туда?

— Потому что больше кораблей-призраков я ненавижу лишь одно — не знать, где я нахожусь.

Скафандр оказался тесен в тех местах, где прежде ничего не жало. Лицевое стекло запотело от дыхания, легкие уже работали с двойной нагрузкой. Он не надевал скафандр много недель, если не месяцев, и тот показывал, что Мерлин потерял форму и нуждается в планетной силе тяжести, чтобы мышцы заново научились работать.

— Ладно, — сказал Мерлин. — Открывай люк. Если я не вернусь через час, найди большую луну

и высеки на ней мое имя.

— Ты уверен, что не хочешь прихватить с собой прокторов?

— Спасибо, но один я управлюсь быстрее.

Мерлин вошел в чужой корабль. Скафандр вспыхнул неоновыми пятнами — движущийся пузырь света, делавший все вокруг и знакомым, и чуждым одновременно. Корабль-поглотитель, огромный по размерам, был устроен так, что внутри его можно было перемещаться по прямой лишь недолго. Уровень вверх, уровень вниз, каждый поворот — все это уводило Мерлина все дальше от шлюза и сомнительного убежища — его собственного корабля. Мерлин собрался с духом, готовясь увидеть трупы, но пока что не встречал их. Это означало, что выжившие действительно были. Возможно, не много, но достаточно, чтобы собрать мертвых и сделать что-нибудь с телами.

Постепенно Мерлин пришел к выводу, что корабль все-таки был именно тем, чем выглядел, а не ловушкой. Скафандр начал казаться не таким уж тяжелым бременем, дыхание выровнялось. Теперь Мерлин находился неподалеку от командной рубки: там не потребуется много времени, чтобы понять, есть ли на корабле полезная для

него информация.

Ему нужны были карты получше. После пары участков с турбулентностью свирель «Тирана» повредилась, и теперь, входя в Паутину и выходя из нее, Мерлин отчаянно молился об удаче. Корабли-поглотители не могли пользоваться Паутиной, но любой приличный капитан и поныне ценил точные карты древней транспортной сети. Ее мерцающие коридоры ускоренного пространства-времени, если идти параллельно им, обеспечивали укрытие, маскируя сигнал корабля. А еще, зная расположение главных хабов и узлов Паутины, ты получал ключ к древним реликвиям и технологическим сокровищам.

Мерлин остановился. Напротив него была дверь одного из анабиозных хранилищ: туда могли отступить выжившие члены экипажа после отказа последних систем жизнеобеспечения. Поколебавшись немного, Мерлин вошел в хранилище. Из-за вакуума здесь было не холоднее и не тише, чем повсюду на корабле. Но ему почудилось, будто холод усилился.

Капсулы стояли с обеих сторон хранилища, по шесть в ряд, и уходили в высоту дальше, чем достигал свет фонаря Мерлина. Если этот корабль-поглотитель походил на его собственный,

тут были тысячи капсул. Панели, сообщающие о статусе каждой из них, не светились, Мерлин проверил укрытие с помощью тепловизора — температура повсюду была одинаковой. Он двинулся вдоль рядов, проводя пальцами по именам на панелях. Коростель… Козодой… Распространенные в Когорте имена. Некоторые вызывали воспоминания о людях, которых он знал. Одни приходились ему коллегами или друзьями, другие — даже кем-то большим. Он знал, что если будет достаточно долго осматривать хранилище, то наткнется и на Мерлина.

Не такое уж редкое имя.

Последняя милость: когда эти люди уходили в анабиоз, они, должно быть, цеплялись за надежду на спасение. Слабая надежда, но лучше, чем никакой. Мерлину хотелось думать, что их последние мысли были спокойными.

— Извините, что не пришел раньше, — прошептал Мерлин, хотя с тем же успехом мог бы кричать — ничто не изменилось бы. — Я опоздал к вам. Но я свидетельствую о том, что произошло с вами, и обещаю, что справедливость восторжествует.

Со смятением в душе он покинул хранилище и направился в командную рубку. Панели управле-

ния были обесточены и темны, как он и ожидал, но, по крайней мере, трупов здесь не было. Мерлин некоторое время изучал панели, проверяя, не видать ли мин-ловушек, потом вытянул из рукава скафандра кабель. У кабеля был стандартный разъем Когорты, и Мерлин легко подключился к ближайшей панели.

Сперва ничего не происходило, но скафандр продолжал посылать в панель энергию и информационные импульсы, и через несколько минут на поверхности панели засветились индикаторы — сперва слабо, затем все ярче. Мерлин устроился в кресле, поставил локоть на панель, а кулаком подпер подбородок под кольцом шлема. Он думал о том, что придется долго ждать, прежде чем удастся выкопать из застывшей архитектуры что-нибудь полезное. По панели на щитке шлема скользили ветвящиеся схемы, демонстрируя активные регистры памяти и их предположительное содержание. Мерлин лишь бегло проглядывал их. Он решил не отвлекаться ни на что, кроме карт, за которыми пришел. Жизнь экипажа, сведения об их культуре, известные этому кораблю системы и планеты, выдержанные им сражения, — возможно, при других обстоятельствах все это заинтересовало

бы его. Но сейчас требовалось отбросить все лишнее и сосредоточиться.

Он отыскал навигационные файлы. На каждом древе были тысячи ветвей, в каждой ветви — миллионы документов, но хорошее знакомство с базами данных Когорты позволило Мерлину отбросить большую часть увиденного. Он продолжал искать, напевая под нос старую песенку с Изобилия, чтобы подбодрить себя. Постепенно работа замедлилась, и Мерлин замолчал. Когда в его душу уже начало закрадываться разочарование, он наткнулся на серию карт Паутины, превосходивших по качеству все, что у него было для этого сектора. Через несколько секунд данные перекочевали в скафандр и далее — в память его корабля.

Удовлетворенный найденным, он начал выходить из системы.

И тут внутри его что-то дернулось.

Мерлин вернулся назад и стал рыскать по каталогу, пока не отыскал подборку материалов, за которые зацепилось подсознание, пока сам он был сосредоточен на картах.

«Изучение и анализ свирели».

А дальше — множество разделов и подразделов, относящихся к изучению и испытаниям функци-

онирующей свирели. Мерлина пробрал озноб.

Что-то ткнуло его в спину, прямо под округлый горбик системы жизнеобеспечения. Мерлин сделал единственное, что ему оставалось в этой ситуации, — медленно повернулся, поднимая руки в древнем жесте. Провод натянулся, выскочил из разъема и нырнул в свое укрытие внутри рукава.

На Мерлина смотрел другой скафандр. За щитком виднелось женское лицо. А тыкали в него пистолетом.

— Ты меня понимаешь?

Голос, раздавшийся в его шлеме, говорил на Всеобщем. Акцент незнакомый, но все понятно. Мерлин сглотнул и откашлялся, прочищая горло:

— Да.

— Хорошо. Ты все еще жив только потому, что на тебе скафандр Когорты, а не хескерский. Иначе я бы пропустила эту часть разговора и проделала в тебе дыру. Отойди от панели.

— С радостью.

— Медленно.

— Как вам угодно. — У Мерлина снова пересохло во рту и перехватило горло. — Я друг. Я не собирался ничего красть — только позаимство-

вать некоторые карты.

— Позаимствовать? Вот как ты это называешь?

— Я бы попросил, если б было у кого попросить. — Мерлин отодвинулся от панели и рискнул медленно опустить руки. — Корабль казался мертвым. У меня не было причин предполагать, что тут есть живые. И кстати, если подумать — как получилось, что вы живы? Здесь не было никаких признаков жизни, никаких источников энергии…

— Заткнись. — Женщина качнула пистолетом. — Откуда ты? С какого корабля-поглотителя, с какой материнской базы?

— Я пришел не с корабля-поглотителя. И не с материнской базы. — Мерлин скривился. Он не знал толком, как рассказать о себе или хотя бы улучшить настроение этой особы с пистолетом. — Я, можно сказать, фрилансер. Меня зовут Мерлин, и я…

Но женщина не дала ему договорить:

— Если ты так себя называешь, очень советую подобрать другое имя.

— До сих пор оно хорошо мне служило.

— Есть лишь один Мерлин. Во всяком случае, остальные Кречеты никому не интересны.

Мерлин скромно улыбнулся:

— Значит, мир замкнулся. Думаю, это неизбежно, если учесть, сколько я уже путешествую.

— Да, мир замкнулся. Был такой человек, по имени Мерлин, и он оставил Когорту. Надо объяснять, как нас учили к нему относиться?

— Думаю, вы мне расскажете.

— Есть две точки зрения. Одна — что это придурок, впавший в самообман, бахвал, чье эго под стать его заблуждениям.

— Я никогда не называл себя святым.

— Вторая гласит, что Мерлин предал Когорту, что он совершил кражу и сбежал от последствий. Что он никогда не собирался возвращаться. Что он лжец и преступник и поэтому заслуживает смерти. Так что выбирай сам. Паяц или предатель. Какой ты Мерлин, первый или второй?

— А третьего варианта нет?

— Нет. — Женские глаза за щитком шлема сузились. Мерлин видел лишь верхнюю часть ее лица, но было ясно, что она молода. — Я не помню точно, когда ты сбежал. Но это случилось тысячелетия назад. Уж это-то я помню. Ты можешь быть кем угодно. Хотя зачем рисковать, путешествуя под этим именем…

— Значит, я — это я, ведь так? Только у меня может хватить глупости, чтобы назваться Мер-

лином. — Он попытался сделать хорошую мину при плохой игре. — Да, прошли тысячи лет, но не для меня. Большую часть этого времени я путешествовал на скорости, близкой к световой. «Тиран», мой корабль, способен входить в Паутину. Я искал эти сведения…

— Воровал.

— Искал. Я нахожусь на территории, которую знаю недостаточно хорошо, чтобы двигаться уверенно, и подумал, что у вас могут быть карты лучше моих. Так и оказалось. Но это еще не все. Кстати, как вас зовут? Я хотел сказать, раз уж мы так мило беседуем…

Мерлин заметил нерешительность в глазах женщины. Миг, когда она готова была отказать ему даже в праве знать ее имя, будто не собиралась позволить ему прожить достаточно долго, чтобы это имело значение. Но что-то надломилось, и она сдалась.

— Кряква. В каком смысле «это еще не все»?

— В этих файлах. Упоминание о свирели. Это правда? У вас есть свирель?

— Если твой корабль способен входить в Паутину, значит у тебя есть своя свирель.

Мерлин кивнул:

— Да. Но моя свирель повреждена и не работает

так, как надо. Я попал в аномалию внутри Паутины, и переход с каждым разом становится все труднее. Я не ожидал найти здесь свирель, меня интересовали карты. Но теперь, когда мне стало известно, что я случайно натолкнулся…

— Ты ее украдешь.

— Нет. Возьму взаймы, исходя из негласной договоренности, что я в конечном счете действую во благо Когорты. Существует оружие, способное изменить баланс сил в этой войне. Чтобы найти его, мне нужен «Тиран», а «Тирану» нужна свирель.

— Тогда у меня есть для тебя плохие новости. Мы ее продали, — бесцеремонно и презрительно сказала женщина. — Это случилось в системе двойной звезды, в нескольких световых годах отсюда. Нам требовался ремонт, материалы, запчасти для корабля, которые мы не могли произвести сами. Мы навели контакты и послали переговорщиков. Я входила в дипломатическую группу. Мы произвели обмен, отдали им свирель — и Радужница получила то, что нам было нужно.

Мерлин отвернулся с отвращением:

— Вы идиоты.

Кряква повела дулом пистолета перед его ли-

цевым щитком. Мерлин отшатнулся, невольно задумавшись, готова ли она пристрелить его на месте.

— Не суди нас. И не суди Радужницу за принятые решения. Тебя там не было, и ты понятия не имеешь, через что мы прошли. Рассказать, что случилось со мной?

Мерлин благоразумно промолчал.

— Это было хранилище, расположенное почти в середине корабля, — продолжила Кряква. — Лучшее место для того, чтобы спрятать энергию, если не собираешься ей пользоваться. Капсулы анабиоза отказывали одна за другой. Нас была тысяча, потом осталась сотня, потом — десять человек. Каждый раз мы просыпались, считали, сколько осталось в живых, тянули жребий — кому достанутся работающие капсулы. Их становилось все меньше и меньше. Я — последняя. Последняя из тех, кто получил работающую капсулу. Я поставила питание на минимум. И настроила капсулу так, чтобы она разбудила меня, если мимо нее кто-нибудь пройдет.

Мерлин подождал секунду, потом кивнул:

— Могу я высказать предложение?

— Если тебе от этого полегчает — давай.

— У меня тепло, есть воздух, и мой корабль по-

прежнему способен двигаться. Мне кажется, мы намного быстрее начали бы доверять друг другу, если бы поговорили лицом к лицу, без всего этого стекла и вакуума между нами.

Женщина фыркнула:

— С чего ты решил, что я тебе доверюсь?

— Люди ко мне тянутся.

Свирель представляла собою матово-черный конус, длина которого равнялась росту Мерлина. Она покоилась в гнезде из металлических креплений, острым концом к корме, в отсеке рядом с машинным отделением «Тирана». Похоже, свирели работали лучше, если находились поблизости от центра тяжести корабля, но других явных закономерностей не было, и большинство сведений о свирелях собрали по крохам, благодаря догадкам и экспериментам.

— Она все еще работает, в какой-то мере, — сказал Мерлин, погладив рукой в перчатке конусообразное устройство. — Но мне кажется, она умирает. Боюсь загадывать, сколько еще переходов я смогу совершить.

— И что ты будешь делать, если она выйдет из строя? — спросила Кряква, умудрившись сделать так, чтобы вопрос звучал одновременно и безапелляционно, и деловито, будто ответ ни капли

не интересовал ее.

Они сняли шлемы, но остались в скафандрах. Мерлин закрыл свой шлюз, но не отстыковал «Тиран» от корабля-поглотителя. Он провел Крякву по узкому лабиринту жилой части, не задерживаясь для пояснений. Ему не терпелось продемонстрировать ей, что он говорит правду, как минимум о свирели.

— Сомневаюсь, что у меня останется много времени для размышлений над этим, если она выйдет из строя. Возможно, я превращусь в интересное пятно, да и все.

Мерлин изобразил улыбку, но Кряква по-прежнему смотрела на него сурово и с сомнением.

— Быстрая смерть — не повод жаловаться.

Мерлину никак не удавалось ее понять. Голова женщины, торчавшая из шейного кольца скафандра, казалась слишком маленькой, слишком детской. Кряква была коротко стрижена и выглядела одновременно и крепко сбитой, и жилистой. Он оказался прав насчет ее глаз, хоть и видел их сквозь щиток. В них было слишком много боли и перенесенных невзгод, — слишком много, чтобы удержать все это внутри, и теперь оно просачивалось наружу.

— Вы все еще не доверяете мне, и это нормаль-

но. Но позвольте показать кое-что еще.

Мерлин кивнул ей, предлагая идти за ним, и повел Крякву обратно через жилую часть. А потом сделал так, чтобы на одной из стен высветились изображения, карты и тексты из его личных файлов. Этот коллаж имел десятки слоев в глубину, с записями и аннотациями на множестве языков и алфавитов.

— И что это должно доказать?

Мерлин сместил прямоугольники к краю стены. Здесь были схемы Пути, карты звездных систем, схематические планы поверхности планет и лун.

— Вещь, которую я ищу, — сказал он, — это оружие, пушка, зовите как хотите. Здесь есть все, что мне удалось о ней выяснить. Намеки, слухи, шепотки с сотен планет. Возможно, не все они относятся к одной и той же вещи — удивлюсь, если это будет так. Но некоторые относятся, я уверен и полагаю, что в ближайшее время я отыщу фрагмент, который свяжет все воедино. — Он ткнул пальцем в вереницу чисел рядом с одной из карт. — Посмотрите, Кряква, эти отметки времени совсем недавние. Я все еще продолжаю искать. Продолжаю собирать свидетельства.

Кряква стояла в профиль к нему, и лицо ее

омывал разноцветный свет от изображений со стены. Формой носа и очертаниями подбородка она слегка напомнила ему Иволгу.

Кряква повернулась к нему — резко, словно почувствовала его взгляд.

— Я видела твои фотографии, — сказала Кряква. — Нам их показывали в кадетке. Как предостережение против безответственного поведения. Ты выглядишь намного старше, чем на тех фотографиях.

— Путешествия расширяют кругозор. И добавляют морщин. — Мерлин кивком указал на коллаж из документов. — Я не ангел, я совершал ошибки, но вот это и доказывает, что я по-прежнему предан делу. А значит, мы в одной лодке, верно? Одинокие выжившие, сведенные вместе обстоятельствами, и каждый нуждается в доверии другого. Ты действительно потеряла свой экипаж?

Помолчав, Кряква ответила:

— Да. И знала это до последнего ухода в анабиоз. Вокруг все еще оставались люди, но мне досталась последняя надежная капсула — единственная, с которой у меня был шанс на выживание.

— Тебя выбрали, чтобы дать тебе шанс?

— Да.

Мерлин кивнул и снова подумал о шрамах на душе.

— Тогда у меня есть предложение. — Прежде чем женщина успела сказать хоть слово, он поднял палец, призывая к молчанию. — Хескеры сделали нечто ужасное с тобой и твоим народом, как и с моим. За это они заслуживают наказания — и они будут наказаны. Вместе мы сможем этого добиться.

— Найдя твое знаменитое оружие?

— Найдя свирель, которая поможет мне продолжить поиски. Ты сказала, что эта система недалеко. Если она расположена на Паутине, я смогу добраться до нее на «Тиране». Мы отыграем все назад. Раз вы договорились с ними один раз, мы сможем договориться снова. Ты уже видела эту систему и обладаешь знаниями о местных особенностях, — тем, чего не хватает мне.

Кряква отвела взгляд; лицо ее затуманилось от нехороших предчувствий.

— Мы продали им свирель, — сказала она. — Одну из самых редких и странных вещей на свете. А у тебя — лишь маленький корабль да несколько историй. Что стоящего ты можешь предложить им?

— Что-нибудь придумаю, — пообещал Мерлин.

Переход оказался самым трудным на памяти Мерлина. Он заранее приготовился к худшему и позаботился, чтобы оба были пристегнуты настолько туго, насколько позволяли кресла. Они сидели бок о бок в командной рубке «Тирана». Когда они скользнули в Паутину, это ощущалось как толчок, сильный скрежещущий удар по кораблю, словно тот проехался бортом по астероиду или айсбергу. Взвыли сирены, корпус застонал и завизжал. «Тиран» принялся неистово рыскать. С корпуса посыпались датчики и стабилизаторы.

Но корабль выстоял. Мерлин ждал, пока показания приборов не утихомирятся и поток не станет нормальным, плавным. Лишь после этого он перевел дыхание.

— Все нормально. Внутри Пути редко бывает совсем уж плохо. Просто входить и выходить становится трудно.

Богатый опыт подсказал Мерлину, что уже можно отстегнуться без риска. Он приблизился к Крякве, чтобы помочь и ей. Женщина не сняла скафандра и держала под рукой шлем, будто они могли ее защитить, если переход окажется неудачным. Мерлин же снял все, кроме одежды, которую обычно носил на борту «Тирана», — мешковатой, в оборочках и узорах.

— Через сколько времени мы выйдем наружу?

Мерлин сощурился и взглянул на один из приборов:

— Примерно через шесть часов. Теперь мы движемся очень быстро, лишь на одну стомиллиардную медленнее скорости света. Видишь круги, проносящиеся мимо нас каждую секунду?

Круги напоминали светящиеся ребра жесткости тоннеля и мелькали с обеих сторон — бесконечная, гипнотическая процессия.

— Что это такое?

— Связующие ободы, закрепленные в стационарном пространстве. Они удерживают Путь в определенных пределах, чтобы он тек в нужном направлении. На самом деле они отстоят друг от друга примерно на восемь световых часов — этого достаточно, чтобы разместить в этом промежутке звездную систему. Знаешь, я немало думал о Пролагающих Путь. Они создали империю, такую древнюю, что ко времени ее падения вряд ли кто-нибудь помнил о том, что было до нее. Знания, богатства, все закаты, какие только можно пожелать.

— Такое впечатление, будто все стоящее сделано ими, — проговорила Кряква. — А мы как крысы, подбираем крошки в оставшихся от них

развалинах.

— Даже у крыс есть свои достижения, — сказал Мерлин. — Что до крошек… хочешь перекусить?

— А какие у тебя есть пайки?

Мерлин похлопал себя по животу:

— У нас на «Тиране» есть кое-что получше пайков.

Корабль все еще мчался по теснине Пути, и на нем царила невесомость. Они устроились для трапезы в стеклянной линзе переднего наблюдательного купола, подобрав под себя ноги. Прожевывая очередной кусок, Мерлин разглядывал Крякву, отмечая про себя, как легко она управляется в отсутствие гравитации: ей ни разу не пришлось гоняться ни за куском еды, ни за пузырем воды. От вина она отказалась, но себя Мерлин решил не подвергать лишениям.

— Расскажите мне о людях, с которыми вы торговали, — попросил он.

— Они были дураками, — сказала Кряква, продолжая класть в рот небольшие кусочки. — Но полезными дураками. У них было то, что нам требовалось, а у нас — то, что они сочли ценным.

— А почему дураками?

— Они воевали. Межпланетный конфликт с использованием термоядерных кораблей и

термоядерных бомб. Стратегию обеих сторон разрабатывал искусственный интеллект. К моменту нашего появления конфликт тянулся уже столетия, с небольшими периодами покоя, когда военные компьютеры заходили в тупик. Ровно настолько, чтобы успеть отстроиться, прежде чем снова начать взрывать друг друга к чертям. Две планеты, вращающиеся вокруг разных светил двойной звезды. Все прочие планеты и луны оказались втянуты в конфликт на той или другой стороне. Идиотская всеобщая свалка. — Она всадила вилку в еду, словно во врага, которого желала убить. — Хескеров в этом секторе встретишь редко, но не надо устраивать шум со вспышками, если есть выбор. А выбор есть всегда.

— Ну, у нас вроде как не было особого выбора — влезать в войну с ними или нет, — сказал Мерлин.

— Мы — другое дело. — Взгляд ее глаз был тяжел и холоден. — Это вопрос выживания расы. А их дурацкая межпланетная война велась всего лишь из-за идеологии. Старые распри, которые намеренно поддерживали и раздували еще больше. Люди добровольно вверяли свои судьбы боевым компьютерам. Радужнице не хотелось иметь с ними дело. Слишком трудно понять, с

кем говорить, кому можно доверять.

Мерлин изобразил из себя опечаленного ученого.

— Я никогда не вмешивался в чужие войны.

Кряква резко отложила вилку:

— В конечном итоге все получилось не так уж плохо. Мы выяснили, какая из сторон скорее поможет нам, все устроили и улетели прежде, чем сложностей стало слишком много.

— Сложностей?

— Их не было. В конечном итоге. — Она помолчала секунду-другую. — Я только обрадовалась, когда мы улетели из этого дурацкого места. И с тех пор не думала о них.

— Ваш бортовой журнал говорит, что вы побывали в этой системе тринадцать сотен лет назад. С тех пор здесь многое могло измениться. Кто знает, вдруг они сумели преодолеть разногласия.

— А может, их нашли хескеры.

— Знаешь что, Кряква? Ты очень жизнерадостный собеседник.

— А каким еще может быть человек, видевший, как умерли все его товарищи? Ты предпочел уйти, Мерлин, а это не то же самое, что остаться последним из выживших.

Мерлин пригубил вино, размышляя, насколько

ясной должна быть его голова, когда они выйдут из Пути. Бывает так, что кроме ясной головы рассчитывать больше не на что.

— Я тоже потерял многих, Кряква.

— Неужто?

Мерлин оттолкнулся, переместился к шкафу и достал оттуда два иммерсионных костюма.

— Если вы учились в кадетке, то знаете, что это такое. Вы достаточно доверяете мне, чтобы надеть его?

Кряква взяла костюм палевого цвета и оглядела с нескрываемым отвращением:

— И что это даст?

— Надевайте. И я покажу вам, что потерял.

— Нам нужно выиграть эту войну в реальности, а не в симуляции. Вы не можете показать мне ничего такого, что…

— Просто наденьте его, Кряква.

Женщина мрачно посмотрела на него, но все же удалилась в подсобку, сняла свою одежду и натянула сидящий в обтяжку сенсорный костюм. Мерлин за это время тоже переоделся. Когда она по-паучьи вползла в рубку, Мерлин встретил ее кивком:

— Хорошо. Доверие — это хорошо. Мы пробудем в симуляции недолго, но я думаю, это поможет.

Корабль, подключи нас.

— Дворец, Мерлин?

— А куда еще?

Костюм начал покалывать шею — устанавливал контакт со спинным мозгом. Потом последовало обычное мгновение дезориентации — и вот «Тиран» растаял, сменившись теплыми каменными стенами и высокими резными окнами, сквозь которые светило янтарное солнце.

Кряква стояла рядом с ним:

— Где это мы?

— Там, где я родился. Где мы с братом провели первые двадцать лет жизни до прихода Когорты. — Мерлин подошел к ближайшему окну и жестом предложил Крякве следовать за ним. — Коростель создал эту симуляцию, когда после нашего ухода прошло уже изрядно времени. Теперь и он ушел, так что она напоминает мне о многом из моего прошлого.

— Твой брат умер?

— Это тяжелая тема.

Кряква не стала настаивать.

— А на какой мы планете?

— Изобилие. Так мы ее называли. Думаю, это распространенное название. — Мерлин взошел на постамент у окна с ажурной резьбой — так

можно было увидеть больше. — Видишь землю внизу?

Кряква потянулась и выглянула в окно:

— Она движется. Скользит под нами. Я думала, мы в каком-то замке или типа того.

— Так и есть. Это Дворец Вечных Сумерек. Он тринадцать столетий служил домом моей семье — столько же времени прошло после вашего визита в эту систему. — Мерлин погладил резной камень. — Мы его не строили. Он много веков кружил, необитаемый, над Изобилием, двигаясь на постоянной скорости вместе с границей дня и ночи. Мои предки первыми добрались до него с земли, при помощи сверхзвукового самолета. И владели им в течение жизни сорока поколений. — Он поднял лицо к вечному, неизменному солнцу, висевшему на одной и той же высоте над постоянно текущим горизонтом. — Мой дядя был, можно сказать, археологом-любителем. Он зарылся в камень, на котором стоял наш дворец, и добрался аж до антигравитационного киля. Сказал, что, судя по всему, дворцу как минимум двадцать тысяч лет, а то и больше. — Мерлин коснулся плеча Кряквы. — Позвольте показать вам кое-что еще.

Она вздрогнула от его прикосновения, но позво-

лила отвести себя в одну из маленьких гостиных, соседствовавших с главным залом. Мерлин встал у двери, остановил женщину и приложил палец к губам. Посреди гостиной, на ковре, сидели два мальчика. Золотой свет очерчивал их силуэты. Мальчиков со всех сторон окружали игрушечные армии, стройные прямоугольники полков и взводов.

— Это я с Коростелем, — прошептал Мерлин. Младший мальчик — ход был его — переставил фигурку с одного фланга на другой. — Грезим о войне. Еще не знаем, что хлебнем ее по горло.

Он попятился, оставляя мальчиков с их игрушками, и повел Крякву в соседнюю гостиную.

Там в строгом черном кресле, лицом к одному из залитых солнечным светом окон, сидела пожилая женщина, почти отвернувшись от двери. Одетая в черное, с руками, лежавшими на коленях, она не делала ни единого движения и держалась настороженно.

— Прошли годы, — сказал Мерлин, — и нас с Коростелем забрали с Изобилия. Считалось, что это доброе деяние, возможность спасти хоть что-то с нашей планеты в преддверии появления хескеров. Но это разлучило нас с матерью. Мы не смогли вернуться к ней. Она осталась там, вместе

с руинами империи. Ее сыновья ушли. А ее мир вскоре погиб.

Женщина, словно заметив посетителей, слегка повернулась, и ее лицо стало видно лучше. Она взглянула на дверь, как будто выискивала призраков.

— У нее такой нежный взгляд, — тихо сказала Кряква.

— Она была доброй, — так же тихо отозвался Мерлин. — Люди говорили о ней плохо, но не знали ее, как знали мы с Коростелем.

Женщина медленно повернулась обратно к окну, снова обратив к ним профиль, глаза ее блестели.

— Она когда-нибудь говорит?

— Ей незачем. — У Мерлина на миг пересохло во рту. — Мы видели, как это произошло. Видели с корабля-поглотителя. Как оружие хескеров ударило по Изобилию. Как рухнул Дворец Вечных Сумерек. — Мерлин отвернулся от изображения матери. — Я хотел когда-нибудь вернуться и собственными глазами увидеть, что́ уцелело. Но не сумел себя заставить.

— Сколько умерло? — спросила Кряква.

— Сотни миллионов. Перепел спас лишь нас двоих да кое-что из культурного наследия. Ви-

дишь, я знаю, что это такое, Кряква. Уж поверь мне, знаю. — Он отвернулся от нее с ледяным равнодушием. — Корабль, выведи Крякву отсюда.

— А ты?

— Мне нужно немного побыть одному. А ты пока вспоминай все, что мне нужно знать об этой двойной системе. У тебя есть пять часов.

«Тиран» удалил Крякву из Дворца. Мерлин остался стоять в одиночестве и молчании. Потом он вернулся в гостиную, где смотрела в окно его мать, заточенная в бесконечном золотом дне, и побыл в ее тени, думая, не стоит ли избавить ее от этих дум о потерях и одиночестве.

Они успешно вышли из Паутины. Мерлин затаил дыхание и облегченно выдохнул лишь после того, как переход завершился и свирель перестала звенеть на своей подставке, словно надтреснутый колокол.

Мерлину потребовалось несколько минут, чтобы оценить обстановку.

Две звезды, довольно близко друг от друга — пара недель лёта для корабля с термоядерным двигателем. Дюжина больших планет, поровну распределенных между звездами. Сотни лун и малых небесных тел. Тысячи кораблей, курсирующих между планетами, военные суда,

объединенные в эскадры и выстроенные в боевом порядке. Боевые станции и суперлинкоры. Крепости и кордоны. Время от времени — вспышки ядерного или импульсного оружия. Война продолжалась.

«Тиран» умел хорошо маскироваться, но даже замаскированный корабль выходит из Паутины с яркой вспышкой. Так что Мерлин не сильно удивился, когда крупное судно повернуло к ним и стало быстро приближаться, вероятно выжимая максимум возможного из термоядерного двигателя.

Когда чужой корабль приблизился, Кряква позвала Мерлина на инструктаж.

— Мне не нравится, как выглядит эта штуковина, — проворчал «Тиран», когда им удалось хорошо ее рассмотреть.

— Мне тоже, — сказал Мерлин. — Мы будем обращаться с ним почтительно. Ты же не хочешь, чтобы тебе поцарапали краску на корпусе, правда?

Судно втрое превышало корабль Мерлина по размерам и сверху донизу выглядело порождением войны. Из корпуса торчали стволы орудий — из старых сплавов, произведенных древними методами. Для двигателей и вооружения при-

менялась древняя электромагнитная плавка. На носу корабля была нарисована рычащая пасть с бритвенно-острыми зубами.

— Это хейвергальский корабль, — сказала Кряква. — Вон их опознавательный знак: кинжал и звезда. Не особо отличается от кораблей, которые были в прошлый наш визит.

— Термояд — стабильная технология, — заметил Мерлин. — Если им только и нужно, что передвигаться по этой двойной системе и разносить друг друга в клочья, ее вполне достаточно.

— Они, конечно же, знают о Паутине — трудно ее не заметить, когда она вот так пересекает их небо. И интересуются ею. Они хотели преодолеть путь от термоядерных двигателей до свирели одним прыжком, без промежуточных этапов.

— Не похоже, чтобы они добились успехов.

Недоброго вида корабль встал борт о борт с «Тираном». Шлюз открылся, и наружу вышла группа людей в скафандрах, с реактивными ранцами. Мерлин напрягся, но приказал «Тирану» держать оружие за заслонками люков. А еще велел прокторам спрятаться и не показываться, пока они не понадобятся.

По корпусу залязгали шаги. Зацепы скрежетали, словно гвозди по ржавчине. Мерлин открыл

свой шлюз, кивнул Крякве, и они вместе отправились встречать абордажную команду. На полпути Мерлина посетила мысль.

— Если они не заговорят о твоем предыдущем визите, не упоминай о нем. Ты просто прибыла сюда за компанию. Если они скажут или сделают что-то, не соответствующее твоим представлениям о них, я хочу это знать. Все, чего могу не заметить я.

— Я говорю на их языке. Разве это не потребует объяснений?

— Изобрази сперва неведение, а потом сделай вид, будто улавливаешь что-то по ходу дела. Если у них появятся подозрения, просто скажем, что в этом секторе есть дюжина других систем, где говорят на похожих диалектах. — Он нервно улыбнулся Крякве. — Ну, или еще что-нибудь. Импровизируй. Прояви творческий подход.

К тому времени, как они подошли к шлюзу, тот уже завершил рабочий цикл. Когда люк открылся, Мерлин не удивился, увидев внутри лишь двух членов абордажной команды. Больше все равно не поместилось бы.

— Добро пожаловать, — сказал он, делая приглашающий жест. — Заходите, заходите. Разувайтесь, чувствуйте себя как дома.

Гости выглядели на редкость внушительно. Их скафандры напоминали доспехи: с острыми гранями и выступами, неким подобием таранов на верхней части шлемов, жуткого вида решетками поверх лицевых щитков. К скафандрам было пристегнуто и привязано всевозможное огнестрельное и холодное оружие. Скафандры были зелеными, с золотой отделкой.

Мерлин постучал себя пальцем по горлу:

— Снимайте шлемы. Худшее, что вам может грозить, — это насморк.

Гости вошли в корабль. Их лица были скрыты за решетками, но Мерлин заметил, как они повернулись, чтобы посмотреть друг на друга, прежде чем потянуться и снять шлемы. Раздалось шипение — это выравнивалось давление, — и показались две головы. Двое мужчин, лысые, с многочисленными боевыми шрамами и следами травм на голове. У обоих были грубые медвежьи черты, выступающая нижняя челюсть и темная тень щетины на подбородках и щеках. На лице одного из мужчин красовался дуэльный шрам, у другого — ухо было почти сожжено лазером. Маленькие неприветливые глазки тонули в складках морщин. Один из них открыл рот, продемонстрировав комплект желтых и метал-

лических зубов.

И прорычал нечто односложное очень низким голосом. Мерлин уловил запах несвежего дыхания. Второй мужчина подождал секунду, потом подкрепил это требование или приветствие еще несколькими слогами.

Мерлин в ответ лишь неуверенно улыбнулся.

— Я Мерлин, — сказал он. — И я пришел с миром. Типа того.

— Они тебя не понимают, — прошептала Кряква.

— И отлично, черт побери. Ты уловила что-нибудь из сказанного?

— Они хотят знать, почему ты здесь и чего ты хочешь.

Первый мужчина произнес еще несколько слов тем же сердитым, напористым тоном. Второй огляделся по сторонам и прикоснулся к одной из панелей управления, расположенных неподалеку от шлюза.

— Разве война не чудесна? — спросил Мерлин.

— Я их понимаю, — сказала Кряква, снова шепотом. — Достаточно прилично, во всяком случае. Они все еще используют главный хейвергальский язык. Он немного изменился, но я по-прежнему улавливаю суть. Сколько я должна

будто бы понять?

— Пока нисколько. Продолжай впитывать. Когда решишь, что хватит, укажи на нас двоих и скажи «друзья». — Мерлин улыбнулся мужчинам в скафандрах. Те принялись бочком расходиться в разные стороны от люка. — Да, я понимаю, нужно немного доработать, да? Отделка уже потрепалась. Я подумываю, не вышибить ли эту стену. Может, соорудить здесь окошко?

Кряква что-то сказала, указав одной рукой на себя, а другой на Мерлина.

— Свои, — объяснила она. — Я сказала им, что мы свои. Что дальше?

— Назови наши имена. Потом скажи, что мы хотим поговорить с главным на этой их планете.

Он уловил слова «Мерлин» и «Кряква», название «Хейвергал». Ему оставалось лишь верить, что Кряква старается поначалу изъясняться с правдоподобным несовершенством, хоть она и говорила все более бегло. Но что бы она ни сказала, это произвело внезапный и заметный эффект. Каменнолицые мужчины снова подошли поближе и теперь обращали свои заявления только к Крякве, предположив, что только ей знаком их язык.

— Ну что? — спросил Мерлин.

— Они удивлены, что я говорю на их языке. И хотят знать, есть ли у тебя свирель.

— Скажи, что свирель у меня есть, но она не очень хорошо работает. — Мерлин продолжал улыбаться незваным гостям, но лицевые мышцы уже начали ныть. — Еще передай: я извиняюсь за то, что не говорю на их языке, но тебе языки даются куда лучше, чем мне. Да, и спроси, как их зовут.

— Спрошу. — Произошел очередной прерывистый обмен репликами. Мерлин чувствовал, что чужаки называют свои имена нехотя — но все-таки Кряква их вытянула. — Балус, — сообщила Кряква. — И Локриан. Могу сказать, кто есть кто, но не уверена, что есть смысл.

— Хорошо. Поблагодари Балуса и Локриана за дружественный прием. Скажи, что они — дорогие гости на моем корабле, но что я буду очень признателен, если их спутники прекратят ползать по его корпусу. — Мерлин сделал паузу. — Ах да, еще одно. Спроси, продолжают ли они воевать с Гаффуриусом.

Перевод ответа ему не потребовался. Балус — а может, Локриан — издал харкающий звук, словно собирался сплюнуть. Мерлин порадовался, что гость не сделал этого. Намерение и без того было

вполне отчетливым.

— Он сказал, — сообщила Кряква, — что гаффуриане нарушили условия последнего договора. И предпоследнего тоже. И предпредпоследнего. Он сказал, что у гаффуриан в жилах кровь свиней. Еще он сказал, что скорее отрезал бы себе язык, чем заговорил о гаффурианах в приличном обществе.

— Значит, требуется навести парочку мостов.

— Еще он спрашивает, почему тебя волнует, что кто-то якобы топчется по твоему корпусу.

— Справедливый вопрос. Как думаешь, насколько хорошо ты можешь изъясняться на их языке?

— Лучше, чем изображаю.

— Ну что ж, давай немного испытаем нашу удачу. Скажи Балусу — или Локриану, — что на моем корабле есть оружие. Большое, опасное оружие. Оружие, подобного которому они никогда не видели. От которого — если они осознают его мощь и поймут, насколько близко к себе подпустили этот корабль, — их так пронесет, что скафандры завалит по самое шейное кольцо. Можешь это сделать для меня?

— А если я скажу, что ты вооружен и готов защищать свою собственность, но пока желаешь

действовать путем мирных переговоров?

— В целом так даже лучше.

— Я бы добавила кое-что еще: ты прибыл, чтобы узнать о свирели, и готов обсудить условия сделки.

— Давай.

Пока шел этот напряженный обмен репликами, Мерлин ждал. Кряква достигла некоего критического момента в своей речи, и это повлекло за собой новый взрыв гневных восклицаний со стороны Балуса и Локриана. Как предположил Мерлин, они как раз услышали, что «Тиран» вооружен. Но Кряква продолжала, и ее слова вроде бы подействовали успокаивающе, насколько этого можно было ожидать. Мерлин поднял руки в умиротворяющем жесте:

— Честно говоря, я не из тех, кто лезет на рожон. Просто нам нужно взаимное уважение.

— Когорта? — спросил один из гостей.

— Да, — ответил Мерлин в унисон с Кряквой. — Когорта. Большая злая Когорта.

После длительных переговоров Кряква повернулась к нему:

— Они не сознаются, что знают о свирели. Правда, я не думаю, что этим людям полагается о ней знать. Но один из них, Локриан, собирается вер-

нуться на свой корабль. Видимо, хочет связаться с кем-то вышестоящим.

— Этого я и ожидал, — кивнул Мерлин. — Скажи им, что я подожду. И скажи второму, что мы приглашаем его выпить с нами.

Кряква передала его слова, потом сообщила:

— Он останется, но в питье не нуждается.

— Ему же хуже.

Локриан вышел через шлюз, а Балус присоединился к ним в гостиной; в своем тяжелом скафандре он выглядел там на редкость неуместно. Кряква попыталась втянуть его в разговор, но ему явно было приказано свести общение к минимуму. Мерлин налил себе немного вина, потом увидел свое отражение с покрасневшими глазами и решил, что пока хватит.

— Ну и что за кашу ты тут заварил? — спросила Кряква, когда миновал час, а с другого корабля так и не передали ни слова.

— Так, чепуха.

— Тебя это не волнует?

— Ужасно волнует.

— По тебе не видно. Ты же хочешь эту свирель, ведь так?

— Очень.

Балус молча взирал на хозяев корабля, раз-

говаривающих на Всеобщем. Если он что-то и понимал, на его лице это никак не отражалось.

— Но ты выглядишь совершенно безразличным, — сказала Кряква.

Мерлин задумался на несколько секунд.

— Ты думаешь, если я не буду безразличным, что-то изменится? Я не уверен. Мы пребываем в мгновении, ведь так? И это мгновение будет двигаться своим чередом, какие бы чувства мы ни испытывали.

— Фаталист.

— Жизнерадостный реалист. Чувствуешь разницу? — Мерлин поднял пустой бокал со следами вина. — Разве не так, Балус? Ведь ты согласен, друг мой?

Балус разомкнул губы и что-то буркнул.

— Они возвращаются, — сказала Кряква, заметив движение в ближайшем иллюминаторе. — Какой-то шаттл, не просто люди в скафандрах. Это хорошо или плохо?

— Скоро узнаем. — Мерлин провел рукой по подбородку. — Ты не против, если я схожу побриться?

— Заодно и язык себе подкороти.

Мерлин как раз закончил освежаться, когда шлюз завершил свой цикл и на борт корабля

вступили два индивидуума в скафандрах. Один из них, в зеленом с золотом скафандре, оказался Локрианом. Он снял шлем и жестом предложил второму человеку, одетому в красное с золотом, сделать то же самое. Красный скафандр не так явно походил на доспехи, как зеленые, и был сработан для фигуры поменьше. Но когда неизвестный снял шлем, посмотрел на Локриана и произнес несколько отрывистых слов, Мерлин сразу понял, кто из двоих главный.

Новоприбывший оказался пожилым мужчиной — во всяком случае, пожилым на взгляд Мерлина. Лет семьдесят-восемьдесят, по меркам Когорты. У него было красивое, аристократичное лицо с высоким, властным лбом и зачесанными назад белоснежными волосами. Светло-серые глаза напоминали озерца ртути и заставляли предположить наличие острого, упорного ума.

«Типичный офицер», — подумал Мерлин.

Мужчина заговорил, обращаясь к нему. Голос у него был спокойным и сдержанным. Мерлин по-прежнему не понимал ни единого слова, но сама манера речи выдавала в нем человека, облеченного властью.

— Его зовут… Баскин, — сказала Кряква, когда мужчина замолчал, давая ей возможность

перевести. — Принц Баскин. Хейвергальский королевский дом. Там висит его личный крейсер. Он был в каком-то патруле, когда они засекли наше присутствие. И на полной тяге рванули навстречу нам. Баскин говорит, что из Пути время от времени появляются разные вещи, и всегда идет борьба за то, кто первый до них доберется.

— Если Локриан с ним говорил, он уже знает, как нас зовут. Спроси его о свирели.

Кряква спросила. Баскин ответил. Кряква подумала над его словами, потом сказала:

— Он говорит, что его очень заинтересовал твой интерес к свирели.

— Почему я не удивлен?

— Еще он говорит, что хотел бы продолжить беседу на его крейсере. Он говорит, что мы будем там гостями, не пленниками, и сможем вернуться, когда пожелаем.

— Скажи принцу Баскину… да, мы составим ему компанию. Но если я не вернусь на «Тиран» через двенадцать часов, мой корабль примет меры. Если тебе удастся представить это как вежливую констатацию факта, а не как грубую угрозу, будет чудесно.

— Он сказал, что никаких проблем не будет, — сказала Кряква.

— Правильно делает, — ответил Мерлин.

Часть принадлежащего принцу Баскину крейсера вращалась, создавая искусственную гравитацию. Здесь располагалась парадная каюта, роскошная, как и все, что Мерлин видел на корабле: деревянные панели и полированный металл любых оттенков, красные драпировки и красная обивка стульев. Пол немного изгибался, как и роскошный стол, занимавший много места. Принц Баскин сидел на одном его конце, Мерлин и Кряква — на другом. Из-за изгиба пола казалось, будто Баскин склоняется вперед, словно игральная карта, и ему приходится задирать голову, чтобы посмотреть в лицо гостям. Ординарцы некоторое время суетились вокруг, расставляли тарелки, бокалы и столовые приборы, затем принесли простую, но хорошо приготовленную еду. Потом — к некоторому удивлению Мерлина — они удалились, оставив всех троих в обществе портретов царственных предков и прочей знати с каменными лицами. Мужчины верхом на лошадях, мужчины в доспехах, мужчины с огнестрельным и с энергетическим оружием, величественные и дурацкие одновременно в своей напыщенности.

— Это чистой воды показушничество, — сказал

Мерлин, оглядывая каюту с ее плавными кривыми и странными углами. — Никакой человек в здравом рассудке не станет устанавливать центрифугу для создания силы тяжести на таком маленьком корабле. Она занимает слишком много места, отнимает слишком много массы, а от разницы во вращении ног и головы людей должно мутить.

— Если обстановка не соответствует вашим вкусам, Мерлин, мы можем перейти в любой отсек «Отвергающего», где есть невесомость.

Это заговорил принц Баскин.

Кряква вскинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Из-за изгиба комнаты впечатление было такое, будто говоришь с человеком, стоящим выше тебя на склоне.

— Вы говорите на Всеобщем.

— Я пытаюсь.

— Тогда почему… — начала было она.

Баскин улыбнулся, оторвал кусочек хлеба, обмакнул в суп и продолжил:

— Пожалуйста, присоединяйтесь. Прошу прощения за притворство, за то, что я сделал вид, будто нуждаюсь в переводе ваших слов. И за то, что плохо говорю на вашем языке. Все, что я выучил, я узнал из книг и записей, и до нынешнего

момента у меня не было возможности поговорить с живой душой. — Он откусил хлеб, потом нетерпеливым жестом предложил гостям сделать то же самое. — Пожалуйста. Ешьте. У меня превосходный повар — как оно и должно быть, если учесть, чего мне стоило разместить на борту его и кухню. Кряква, я должен извиниться перед вами. Но в том, что касается Локриана и Балуса, никакого обмана не было. Они действительно не говорят на Всеобщем, и нам требуется ваш перевод. Я — редкое исключение.

— Но как… — начал было Мерлин.

— Я был болезненным ребенком, — кажется, это так называется. Я часто проводил время в одиночестве, и в такие моменты, как и всякий, искал, чем бы себя развлечь. Так я увлекся языками. Много веков назад в нашей системе останавливался корабль Когорты. Они пробыли здесь два года — точнее сказать, два ваших года: достаточно для торговли и общения. Наши дипломаты пытались выучить Всеобщий. Люди Когорты, в свою очередь, прислали делегацию, члены которой тоже изо всех сил старались освоить наш язык. Конечно, между ними существовали лингвистические связи, так что задача не была невыполнимой. Но все-таки это оказалось

непросто. Сомневаюсь, что те и другие добились ошеломляющих успехов, но мы сделали то, что требовалось, и достигли вполне удовлетворительного взаимопонимания. — Повернувшись, Баскин посмотрел на портреты справа от него; каждая картина висела под небольшим углом относительно соседних. — Это было очень давно, — полагаю, вы это понимаете. Когда Когорта ушла, мы приложили значительные усилия для того, чтобы не утратить ваш язык. Чтобы в следующий раз, когда он нам понадобится, у нас была фора. Школы, академии — все такое. Король Рублен сыграл в этом важную роль. — Принц кивком указал на один из портретов: мужчина, походящий на него самого возрастом и внешностью, в наряде, мало отличающемся от формы Баскина. — Но вскоре все заглохло. Когорта так и не вернулась, шли столетия, все меньше оставалось энтузиастов, желающих изучать Всеобщий. Школы позакрывались, и к тому времени, как все это дошло до меня — сорок поколений спустя, — остались лишь книги да записи. Никаких живых носителей языка. Тогда я поставил себе задачу — научиться говорить на Всеобщем. И поощрял своих старших офицеров делать то же самое. И вот я сижу перед вами и, несомненно,

делаю посмешище из вашего языка.

Мерлин отломил кусок хлеба, обмакнул его в суп, сделал вид, что тщательно жует, и лишь после этого ответил.

— Этот корабль Когорты, который прилетал сюда, — сказал он с набитым ртом, — назывался «Сорокопут»?

Кряква сохранила невозмутимый вид, но боковым зрением Мерлин заметил, как у нее дернулся глаз.

— Да, — чуть скривившись, ответил Баскин. — Вы слышали о нем?

— Именно так я узнал о вашей свирели, — сказал Мерлин, пытаясь говорить непринужденно. — Я нашел «Сорокопут». Произошло кораблекрушение, весь экипаж погиб. Они были мертвы уже много столетий. Но компьютерные базы данных сохранились. — Он поднял бокал и выпил. Местный эквивалент вина имел цвет янтаря и долгое деревянистое послевкусие. — Поэтому я здесь.

— А Кряква?

— Я путешествую с Мерлином, — сказала она. — Ему плохо даются языки, и он платит мне, чтобы я переводила для него.

— Вы выказали поразительные способности к

нашему языку, — сказал Баскин.

— Записи вашего языка были в данных, которые Мерлин извлек из разбившегося корабля. Усвоить основы было нетрудно.

Баскин промокнул губы салфеткой:

— Я бы сказал, что вы усвоили далеко не только основы.

Мерлин подался вперед:

— Так это правда — насчет свирели?

— Да, — сказал Баскин. — Мы держим ее на Хейвергале, в безопасном месте. Она в полной сохранности, — во всяком случае, насколько мы можем судить. Вы в ней заинтересованы?

— Пожалуй, да.

— Но у вас ведь уже есть одна, раз вы пришли сюда по Пути.

— Его свирель сломана, — сказала Кряква, — или, как минимум, повреждена. Он знает, что свирель долго не протянет, и поэтому ему нужна запасная.

И снова Баскин повернулся и посмотрел на шеренгу портретов:

— Эти мои предки не знали почти ничего, кроме войны. Она всецело владела их жизнью. Даже когда наступал мир, они думали о том дне, когда его нарушат, о том, как достигнуть к этому

моменту самого выгодного положения. Так было всегда. Моя собственная жизнь тоже сформирована войной. Изуродована, могли бы сказать вы. Но я достаточно долго жил под ее тенью. И был бы рад стать последним из своего рода, кому пришлось править во время войны.

— Так положите конец войне, — сказал Мерлин.

— Я и хочу это сделать, но на наших условиях. Гаффуриус практически исчерпал свои ресурсы. Последний нажим, последняя атака — и мы сможем добиться длительного мира. Но есть одна сложность.

— Какая же? — спросила Кряква.

— Кое-что, принадлежащее нам, попало в плохие руки. Вещь, которую мы называем Железным Тактиком. — Баскин некоторое время ел, не торопясь с объяснениями. — Я не знаю, что вам известно из нашей истории. Но на протяжении веков обе воюющие стороны полагались в военном планировании на искусственный интеллект.

— Полагаю, это одна из тех машин? — сказал Мерлин.

— И да и нет. Долгое время наши машины были примерно такими же, что у врагов. Мы строим

более мощную машину, потом они; мы отвечаем, потом они. Постепенное усовершенствование. Так оно и шло. Затем, по счастливой случайности, наши кибернетики создали машину, на несколько поколений опережавшую все, что было у них. Пятьдесят лет Железный Тактик давал нам преимущество, превосходство. Его прогнозы редко бывали ошибочными. У врагов не было ничего под стать ему — поэтому мы и достигли таких успехов. Но теперь, на пороге триумфа, мы лишились Железного Тактика.

— Неосторожно, — сказал Мерлин.

У Баскина напрягся уголок губ.

— Тактику надо было находиться неподалеку от театра военных действий, чтобы поступающие к нему данные были как можно более точными и свежими. Именно поэтому наши техники сделали его портативным, автономным и самодостаточным. Конечно, в обладании имуществом такого рода есть свои риски.

— И что же произошло? — спросила Кряква. — Его захватили гаффуриане?

— К счастью, нет, — ответил Баскин. — Но то, что случилось, немногим лучше. Тактик попал в руки неприсоединившейся третьей стороны. Бандиты, наемники — называйте как хотите. Те-

перь они хотят получить выкуп за возвращение Тактика, а иначе продадут его нашим врагам. Мы знаем, на каком астероиде они укрылись, и если сосредоточим там группировку кораблей, то, возможно, сокрушим их оборону. Но если гаффуриане разгадают наши намерения и доберутся туда первыми… — Баскин поднял свой бокал и посмотрел через него на Мерлина и Крякву. Его лицо исказилось. Один ртутный глаз сделался огромным, а второй сжался в холодную искру. — Значит, так. Простое предложение. Свирель ваша, Мерлин, — если вы вернете нам Тактика.

— Возможно, я окажусь недостаточно быстрым.

— Но при помощи оружия Когорты вы сможете ударить без предупреждения. Думаю, для вас это нетрудно, если учесть возможности вашего корабля. — Баскин покрутил бокал в пальцах. — Все зависит от того, насколько сильно вы хотите получить свирель.

— Гм, — сказал Мерлин. — Если начистоту, то очень сильно.

— Так вы согласны?

Прежде чем ответить, Мерлин взглянул на Крякву. Но та отвлеклась — сидела, не сводя глаз с одного из портретов. Это было изображение

короля Рублена, того предка, о котором недавно упоминал Баскин. Лак на портрете пожелтел, а краски потускнели, но тогдашняя манера одеваться мало отличалась от нынешней.

— Мне нужны гарантии, — сказал Мерлин. — Начиная с доказательства того, что эта свирель вообще существует.

— Это нетрудно устроить, — пообещал принц Баскин.

«Тиран», биометрически настроенный на Мерлина, тенью следовал за «Отвергающим» до самого Хейвергала. Если бы корабль обнаружил, что Мерлин ранен или действует по принуждению, он отправил бы своих прокторов на захват крейсера. Но Мерлин достаточно хорошо изучил хозяев, чтобы счесть такой вариант крайне маловероятным. Они слишком нуждались в помощи гостя, чтобы причинить ему вред.

Локриан показал Мерлину и Крякве их покои, обставленные так же пышно, как и парадная каюта. Когда дверь открылась и Мерлин увидел, что там всего одна кровать, хоть и большая, он повернулся к Крякве, изобразив покорность судьбе:

— Вышло неловко для нас обоих. Но они ведь должны думать, что мы уже много лет путешествуем вместе, и нам следует вести себя так,

словно мы пара.

Кряква подождала, когда Локриан закроет за ними дверь и отправится по своим делам. Затем подошла к кровати по плавному, убаюкивающему изгибу пола.

— Ты прав, — сказала она, оглянувшись на Мерлина, потом села на край кровати. — Так будет лучше. И лучше им, по крайней мере пока, не знать, что я была на том корабле-поглотителе. Поэтому я заинтересована в этой лжи.

— Хорошо. Просто прекрасно.

— Но мы разделим только кровать — и ничего больше. Ты мне неинтересен, Мерлин. Может, ты не предатель и не дурак — я готова с этим согласиться. Но все равно ты толстый, хвастливый пьянчуга, который слишком много воображает о себе. — При этом Кряква похлопала по кровати. — Но ты прав. Эта иллюзия нам полезна.

Мерлин устроился на своей стороне кровати:

— И что, в этом плане у меня нет пространства для маневра? Совсем-совсем?

— Нисколько.

— Тогда все ясно. На самом деле это большое облегчение для меня. Я хотел сказать…

— Это насчет того, о чем я только что говорила?

— Я просто хотел сказать, что понимаю, как странно ты должна себя чувствовать. Мало кому доводится вернуться туда, где он побывал тринадцать столетий назад. В некотором смысле хорошо, что это было так давно. По крайней мере, мы не столкнемся ни с кем, кто жил в то время и мог бы заявить, что помнит тебя как участника дипломатической миссии.

— Это было сорок поколений назад. Некому помнить.

Мерлин подошел к иллюминатору и посмотрел на звезды, медленно кружившиеся снаружи. Там был и его корабль, осколок тьмы на фоне еще более глубокой тьмы космоса. Он подумал о любимых, отделенных от него временем и расстоянием, о том, как боль этих потерь с каждым годом становилась приглушеннее, но никогда не проходила полностью. Для него это был старый урок, который пришлось повторить много раз. Для Кряквы это, вероятно, стало первым реальным столкновением с жестокостью времени — осознание того, как далеко унес ее поток и как мало шансов пробиться сквозь его течение к лучшим, не таким жестоким временам.

— Я помню, — тихо сказал он.

Он видел ее отражение в иллюминаторе. «Ти-

ран» скользил сквозь нее, словно наконечник стрелы. Но Кряква никак не выказала, что слышала его слова или что они хоть что-то значат для нее.

Пяти дней оказалось достаточно, чтобы подготовить Мерлина к операции по возвращению компьютера, но лишь потому, что разведданные были скудными. Бандиты прятались на астероиде под названием Мундар, ничем не примечательном комке грязи, который вращался по сложной извилистой орбите, заходя во владения и Хейвергала, и Гаффуриуса. На вожака, некоего Страксера, не было почти ничего — лишь смазанная фотография да отрывочные биографические сведения. К счастью, о самом компьютере было известно намного больше. Железный Тактик был сферическим объектом примерно четырех метров в диаметре, сверху донизу покрытым броней армейского стандарта. Он выглядел как панцирное животное, свернувшееся в шар при виде опасности. Мерлин не предвидел никаких явных сложностей: компьютер не требовал подключения к внешнему источнику энергии и должен был легко поместиться в грузовом трюме «Тирана».

А вот с его захватом дело обстояло по-другому.

Военный штаб Баскина знал габариты Мундара и мог оценить состояние его укреплений, но все остальное было известно очень приблизительно. Мерлин просмотрел чертежи и переведенные документы, но попросил Баскина показать оригиналы Крякве. Он продолжал выискивать расхождения между первичными материалами и тем, что считали уместным показать ему, намеки на то, что сведения пытаются скрыть или умышленно искажают.

— Что ты так переживаешь? — спросила его Кряква на полпути к Хейвергалу, когда они сидели вдвоем в парадной каюте Баскина, над разложенными по столу документами. — Совесть грызет? Поступил не к тому работодателю?

— Не я выбирал, на чью сторону стать, — тихо сказал Мерлин. — А вы, когда продали им свирель. Кроме того, другая сторона ничуть не лучше. Такая же шайка заносчивых зануд с титулами, которым выдают указания такие же боевые компьютеры.

— То есть у тебя нет сомнений?

— Сомнений? — Мерлин положил бумаги, которые просматривал. — Да у меня столько сомнений, что они того и гляди рядами построятся. Иногда, правда, пробегает мысль, которая

отличается от сомнения. Но вот что я тебе скажу. Временами приходится делать очевидные вещи. У них есть то, что мне нужно, а я могу оказать им услугу. Это просто. Не все во Вселенной — загадки.

— Тебе придется убить этих бандитов.

— У них будет возможность просто отдать товар. И я проявлю должную сдержанность. Я не хочу повредить Тактика, раз это единственное, что стоит между мной и свирелью.

— А если ты обнаружишь, что принц Баскин — кровожадный разжигатель войн?

Мерлин вдруг почувствовал себя уставшим. Он поставил локти на стол и подпер голову:

— И что я должен сказать? Эта их война не имеет никакого значения. Мне глубоко плевать, кто в ней выиграет и кто проиграет, сколько жизней она унесет. Важен лишь один простой факт — и с ним связана моя проблема: хескеры начисто уничтожат человечество, если мы им позволим. Это касается тебя, меня, принца Баскина, бандитов Страксера и каждого человека, втянутого в эту мелкую склоку на той или другой стороне. И если уничтожение человечества хескерами станет чуть менее вероятным из-за того, что умрут несколько человек, несколько

придурков-наемников, которым не следовало стравливать одну сторону с другой, боюсь, я не стану о них плакать.

— Ты бесчувственный.

— Никто не любит жизнь сильнее меня, Кряква. И никто не терял больше. Ты потеряла корабль, и это плохо, но я потерял целую планету. И все эти люди, на какой бы стороне они ни стояли, умрут, если я не буду действовать. — Он вернулся к бумагам с предполагаемым видом укреплений Мундара, но ему никак не удавалось сосредоточиться. — Они ничего тебе не должны, Кряква, и ты им ничего не должна. То, что ты побывала здесь много лет назад, не имеет значения. Из этого ничего не вышло.

Кряква промолчала. Мерлин подумал, что он достучался до нее, что тема закрыта, но через несколько мгновений женщина сказала:

— Здесь что-то не так. Человек на портрете. Тот, кого они называют королем Рубленом. Я знала его. Но его звали не так.

Они приближались к Хейвергалу, проходя через кордоны из патрулей и оборонительных станций, мимо бронированных лун и минных поясов, огибая зоны патрулирования и зоны ведения боевых действий. Мерлин почувствовал, как внутри у

него поднимается тошнота. За время своих странствий он видел планеты, с которыми творились вещи похуже. Зачастую намного хуже. Он видел планеты, превращенные в расплавленный шлак, или в груды руин, или в облака раскаленного пара со сложным химическим составом. Но все эти ужасы, за небольшими исключениями, совершили не люди, а силы, находящиеся за пределами человеческого разумения и контроля. Здесь же дело обстояло иначе. Кипящие океаны, изрытая кратерами поверхность, мертвые, испепеленные леса. Отравленные, удушливые остатки того, что некогда было животворной атмосферой, — все эти кошмары возникли в результате человеческих действий, когда люди схватились с людьми. Ненужное, бессмысленное преступление, жестокое и неразумное деяние, совершенное в галактике, видевшей все это в избытке.

— Гаффуриус выглядит так же? — спросил Мерлин, когда «Отвергающий» устремился к земле, а «Тиран» легко и непринужденно подстроился под его курс.

— Гаффуриус? — переспросил Баскин, и от уголков его глаз разбежались лучики морщин. — Нет. Куда хуже. У нас, по крайней мере, до сих пор есть поселения на поверхности планеты, хоть их и не

много, и отдельные районы, где атмосфера еще пригодна для дыхания.

— Я бы не считал это слишком уж большим триумфом.

Мерлин вспомнил последние дни Лекифа, тронутые гниением развалины вдребезги разрушенных городов, серые волны океана, не знающего покоя, ждущего возможности заявить свои права на покинутое людьми. Он вспомнил, как Минла говорила с ним у огромного монумента из точильного камня — величественного здания, на котором она велела высечь свою версию событий: по замыслу создательницы, ее должны были считать исторической правдой спустя много веков после того, как сама Минла и ее правление превратятся в прах.

— Не судите нас слишком строго, Мерлин, — сказал Баскин. — Мы оказались втянуты в эту войну не по своей воле.

— Ну так прекратите ее.

— Это я и намереваюсь сделать. А вы бы стали заключать перемирие с хескерами на любых условиях? — Принц посмотрел на Мерлина, потом на Крякву. Они втроем стояли на просторном капитанском мостике «Отвергающего», перед широкой дугой больших иллюминаторов; те

были закрыты шторками, защищая людей от слепящего света, которым сопровождался вход в атмосферу. — Конечно нет. Война — это ужасно. Но бывает такой мир, который хуже войны.

— Я почти не встречал доказательств в пользу этого тезиса, — сказал Мерлин.

— Ох, бросьте. Двоим мужчинам достаточно немного побыть в обществе друг друга — и оба поймут, что каждый из себя представляет. Разница между нами не так уж велика, Мерлин. Мы ненавидим войну, она внушает нам омерзение, но всегда будет у нас в крови. Без нее мы бы не знали, куда себя деть.

Тут подала голос Кряква:

— Во время нашей первой встречи, принц Баскин, вы упомянули о том, что не всегда интересовались языками. Как вы сказали? До того вас интересовали только игрушечные солдатики и сражения между ними? И вы привыкли играть в войну?

— На вашем языке, на Всеобщем, школа называется «кадеткой», — сказал Баскин. — Вы обучаетесь войне, едва начав ходить.

— Но мы в нее не играем, — возразила Кряква.

Два корабля стряхнули с себя коконы плазмы и вошли в более плотные, близкие к поверхно-

сти слои воздуха. Полет стал горизонтальным, шторки на иллюминаторах разошлись. Внезапная серебристая яркость дня заставила Мерлина заморгать. Они летели над разоренной местностью, под слоем низких давящих туч. Мерлин рассматривал холмистую территорию, выискивая хоть одно живое существо, но видел лишь запустение. Местами проглядывали нечеткие линии — возможно, бывшие дороги — или развалины какого-нибудь городка, но было ясно, что среди руин нет ни единой живой души. Заброшенные дороги пересекали провалы, глубокие и зловещие. Воронок было так много, что их края наползали друг на друга — будто над матово-серым озером начался дождь и вода на мгновение покрылась рябью.

— Если мне потом потребуется подыскать планету, — пробормотал Мерлин, — напомните мне, чтобы я не вздумал поручать это никому из вас.

— Мы все отстроим, — сказал Баскин, взявшись за поручень, который тянулся под изогнутой линией иллюминаторов. — Восстановим. Очистим и заселим заново. Уже сейчас наши инженеры-генетики создают неприхотливые растения, которые позволят снова озеленить эти места и начнут возрождать атмосферу, пригодную для

дыхания. — Он осекся и самокритично улыбнулся. — Простите. Слишком легко забыть, что я не читаю речь для поднятия боевого духа в какомнибудь военном комплексе.

— Где же вы все теперь живете? — спросила Кряква. — Большие города, которые были на поверхности… их ведь больше нет?

— Мы покинули последний из этих городов, Ларгу, в моей ранней юности, — ответил Баскин. — Теперь мы живем в подземных поселениях, защищенных от ядерной бомбардировки.

— Готов поспорить, что виды там великолепные, — сказал Мерлин.

Баскин отнесся к его сарказму мрачно, без всякого юмора.

— Мы держимся, Мерлин. Как держится Когорта. Вот. Мы приближаемся к пропускному шлюзу, ведущему в один из наших подземных городов. Видите это пологое отверстие? — Он кивком указал на наклонный раструб, торчащий из земли, словно удав, что зарылся в землю по самые глаза. — Гаффуриане поднаторели в разрушении, но точность — не их конек. Они могут причинить ущерб нашим лунам и астероидам, но у них нет настолько точного оружия, чтобы нанести удар из космоса и попасть в такую маленькую цель.

Мы вернемся сюда чуть позже, и вам тут будут очень рады. Но сперва я хотел бы устранить всякие сомнения касательно свирели. Мы полетим немного севернее, в горы. Обещаю, что это не займет много времени.

Баскин сдержал слово. Всего через несколько минут земля вспучилась и пошла складками в преддверии голой, безлесной горной цепи. В конце концов неприступные утесы поднялись настолько, что даже высоко летящему космическому кораблю пришлось взять повыше.

— Большинство наших военных заводов размещены в таких гористых местах, — сказал Баскин. — Здесь есть доступ к металлическим рудам, тяжелым изотопам, геотермальной энергии и тому подобному. Конечно, они хорошо охраняются. Оба наших корабля сейчас находятся под прицелом ракет и лазеров. Таковы правила. Нас не сбили только благодаря тому, что полет разрешен императором.

— И еще благодаря помехам, поставленным моим кораблем, — сказал Мерлин. — Он может сковырнуть эти горы, словно струп, если засечет угрозу, которой следует обеспокоиться.

Но на самом деле он чувствовал себя уязвимым и готов был сознаться в этом, пусть даже самому

себе. Он ощущал действующее на нервы присутствие всего этого незримого оружия, словно мигрень под кожей Хейвергала.

Вскоре появился очередной вход, примостившийся у дна долины с почти отвесными стенами.

— Приготовьтесь к спуску, — сказал Баскин. — Он будет довольно рискованным, но не должен составить проблем для вашего корабля.

Они нырнули в зев входа и направились вглубь. Километры, потом десятки километров. А потом корабль резко свернул в горизонтальный штрек. Мерлин не позволил себе ни малейшего проявления своих подлинных чувств, но, если говорить начистоту, увиденное произвело на него впечатление, хоть ему и не хотелось этого признавать. Здесь чувствовались компетентность и целеустремленность — качества, которые высоко оценили бы военные инженеры Когорты. Тот, кто способен прорыть такие тоннели, должен быть опасным противником.

Впереди показался оранжевый свет. Мерлин начал уже было размышлять о его происхождении, когда они влетели в огромную подземную пещеру, пузырь в коре Хейвергала. Полом служило море бурлящей лавы — водовороты и струи

мощного потока, протекавшего через пещеру. Посреди пещеры, подсвеченное снизу оранжевым мерцанием, висело темное сооружение в форме перевернутого конуса, свернутого в кольцо: оно крепилось к стенам пещеры с помощью трех ферменных опор. Сооружение было размером с небольшой дворец или космическую станцию, и на его ровной верхней поверхности вполне могли приземлиться оба корабля.

Откуда-то вышли грузные фигуры в скафандрах — вероятно, защищавших от здешнего жара и ядовитых испарений — и окружили корабли. Они подсоединили к «Отвергающему» гибкий стыковочный модуль.

— Мы называем это место «базой», — сказал Баскин, шагая вместе с гостями по пологому узкому модулю. — Просто база. Никаких заглавных букв, ничего, что наводило бы на мысль о чрезвычайной важности этого места. Но на протяжении столетий это был самый важный элемент нашего плана обороны. Именно здесь мы надеялись узнать, как заставить свирель работать на нас. — Он обернулся и посмотрел на Мерлина и Крякву. — И здесь же мы потерпели неудачу — или продолжаем ее терпеть, если можно так выразиться. Но мы не желали сдаваться,

пока у нас был шанс.

Крякву и Мерлина провели вниз, внутрь висящего в воздухе сооружения, в лишенный окон лабиринт коридоров и лабораторий. Они проходили этаж за этажом, мимо запертых дверей и обзорных галерей. Здесь были воздух, электроэнергия и свет, места хватало для тысяч работников. Но хотя комплекс был чистым и в хорошем состоянии, казалось, будто в нем никого нет. Лишь когда они забрались совсем глубоко, начали появляться признаки активности. Смежные комнаты и кабинеты выглядели так, словно ими пользовались, время от времени попадались сотрудники в форме, с бумагами или оборудованием. Но Мерлин не заметил ни у кого из них признаков спешки или энтузиазма.

В самом низу сооружения располагался необычный круглый зал. По его периметру стояли многочисленные столы и панели управления; сидевшие за ними работники хотя бы выглядели так, будто занимались важным делом. Все они сидели лицом к центру зала. Пол из цельного круглого листа стекла нависал над лавовым потоком. Оранжевая река расплавленной породы подсвечивала снизу лица сотрудников, словно напоминая им о том, в каком опасном месте

располагается офис. Но стеклянный пол лишь на мгновение привлек внимание Мерлина. Куда интереснее для него была свирель, подвешенная носом вниз в аккуратной колыбели, над центром стеклянной панели. Она висела слишком высоко — с пола не дотянешься, даже если бы кто-нибудь решил довериться стеклу сомнительной прочности. Мерлин задумался о том, как они добираются до свирели, и тут к ней подъехала хлипкая платформа. Какая-то женщина на цыпочках взобралась по ступеням, встав над бездной, что-то прицепила к свирели, переместила устройство вроде датчика с одной проведенной мелом черточки на другую, потом убрала платформу и вернулась к своей панели управления.

Стояла тишина, нарушаемая лишь еле слышным шепотом работников, общавшихся через коммуникаторы.

— В случае неустранимой аварии свирель можно сбросить через предварительно ослабленное стекло в море лавы, — сказал Баскин. — Не факт, конечно, что это ее уничтожит. Мы не знаем. Но это хотя бы даст работникам шанс покинуть базу, чего не бывает в случае с ядерными зарядами.

— Я рад, что вы так дорожите их благополучием, — произнес Мерлин.

— Не думайте о нас слишком хорошо, — улыбнулся в ответ Баскин. — Это война. Если мы решим, что базе угрожает захват, уничтожать придется не только свирель. Но еще и оборудование, записи, коллективный опыт сотрудников…

— Вы сбросите в лаву это сооружение, — сказала Кряква, с ужасом кивнув: до нее наконец дошло. — Вот почему оно закреплено именно так, на этих трех ногах. Вы нажмете на кнопку и сбросите всех этих людей в огонь.

— Они понимают, что рискуют, — сказал Баскин. — И им хорошо платят. Я бы сказал, очень хорошо. Кроме того, это прекрасный стимул к ускорению работы.

Мерлин не ощущал никакого родства с этими враждующими народами и был, мягко выражаясь, низкого мнения обо всем, что они с собой сделали за эти столетия. Но для Пролагающих Путь Мерлин, Кряква и Баскин могли бы показаться детьми одного падшего племени, играющего в необозримых и непредсказуемых развалинах, и ни один не выглядел бы мудрее остальных.

— Мне нужно убедиться, что она настоящая, — сказал Мерлин.

— Я и не ожидал, что вы примете мои слова на веру, — проговорил Баскин. — Вы можете

использовать любое оборудование и задавать сотрудникам какие угодно вопросы.

— Проще всего было бы, если бы вы позволили мне взять ее для пробного полета.

— Конечно проще — для вас. — Баскин положил руку на плечо Мерлину, словно старый товарищ. — Давайте договоримся. Дня вам хватит для проверки?

— Если это все, на что вы согласны.

— Мне нечего скрывать, Мерлин. Неужто вы думаете, что я мог бы надеяться одурачить такого человека, как вы, при помощи подделки? Займитесь изысканиями. Персоналу уже приказано оказывать вам всемерную поддержку. — Баскин полуприкрыл рот ладонью, словно хотел что-то сказать по секрету. — Честно говоря, многие только порадовались бы, если бы вы забрали свирель. Тогда им не пришлось бы и дальше работать тут.

Им отвели отдельную комнату, и Мерлин занялся изучением свирели. Сотрудники базы были услужливы, как и обещал Баскин, и вскоре Мерлин получил все оборудование и записи, на какие только мог рассчитывать. Подключив свирель к диагностической системе «Тирана», он сумел провести почти все мыслимые тесты. Их результаты, как и записи, склоняли к одному и

тому же выводу: свирель была подлинной.

Но Мерлину не нужен был целый день, чтобы сделать этот вывод.

Пока Баскин развлекал Крякву бесконечными дискуссиями на Всеобщем, вознамерившись взять все, что только можно, от носителя языка, Мерлин, воспользовавшись панелью управления, зарылся в хейвергальскую историю, уделив особое внимание биографии давно покойного предка Баскина, короля Рублена. Ему не потребовался доступ к приватным данным — хватило того, что находилось в публичном доступе. Рублен пришел к власти через десять лет после того, как в этой системе побывал «Сорокопут».

Мерлин подождал до вечера, пока они не остались одни, накануне ужина с принцем Баскином.

— Ты провозился весь день, — сказала Кряква. — И каков же вердикт?

— Насчет свирели? О, никаких проблем. Настоящая, как и обещал Баскин. Но я провел время с пользой, Кряква. Я выяснил кое-что еще. Думаю, тебе тоже будет интересно. Видишь ли, ты была права насчет того портрета.

— Я знаю, Мерлин, что ты любишь эти игры. Но если ты хочешь добраться до сути…

— Человека, ставшего королем Рубленом, поначалу звали Терц. — Он ждал ее реакции, зная, что та неминуемо отразится на лице, Кряква не сумеет ее скрыть. Ждал узнавания имени через годы — или века, смотря как считать. Затем кашлянул и продолжил: — Терц был высокопоставленным офицером Хейвергала, и его назначили в контактную группу, имевшую дело с «Сорокопутом».

Губы Кряквы зашевелились. Она не сразу обрела дар речи.

— Что произошло с Терцем?

— Ничего плохого. Но ты, возможно, не знала, что Терц был одним из младших членов королевского дома. Возможно, он скрывал это, пытаясь сделать карьеру своими силами. Так бы оно и получилось, если бы не один из тех кратеров. Нанесенный с большого расстояния удар гаффуриан, внезапный и смертоносный, уничтожил почти все королевское семейство. Все они были убиты, Кряква, через каких-нибудь десять лет после вашего отлета из системы. Но им нужно было сохранить преемственность, больше чем когда-либо. Цепочка наследования привела к Терцу, и он стал королем Рубленом. Мужчина, которого ты знала, в итоге сделался королем.

Кряква посмотрела на него долгим взглядом,

возможно прикидывая, есть ли у Мерлина причины лгать, но не нашла ни одной серьезной, кроме разве что желания помучить ее.

— Ты уверен?

— Это открытая информация. Сам переход власти никак не пытались замалчивать. А вот тот факт, что у Терца была дочь… — Мерлин поймал себя на том, что отвел взгляд, прежде чем продолжить. — Все оказалось сложно. Девочка была незаконнорожденной, и это представляло серьезную проблему для хейвергальской элиты. Но Терц гордился своей дочерью, всячески опекал ее и согласился взойти на трон только при условии, что Купис — так звали девочку — получит все права и привилегии знати. Произошла эпическая потасовка, как ты понимаешь. Но постепенно все уладилось в пользу Купис, и семья ее признала. Королевские особы это умеют.

— Хочешь сказать, эта Купис — моя дочь?

— По причинам, которые, вероятно, тебе ясны, нет никаких упоминаний о том, что мать ребенка была из Когорты. Скандал был бы неописуемый. Но ты-то сама вряд ли забыла, что родила девочку, ведь так?

Чуть поколебавшись, Кряква ответила:

— У нас была дочь. Ее звали Дрофа.

Мерлин кивнул:

— Когортовское имя не очень годится для дочери короля. Терцу пришлось дать ей новое, более соответствующее местным традициям. Не сомневаюсь, что решение далось ему нелегко — ведь прежнее имя было памятью о той, с которой он расстался навсегда, которую, судя по всему, любил, а затем потерял. Но он согласился на это в интересах девочки. Можно спросить, почему ты не осталась с Терцем или не взяла его на «Сорокопут»?

— Ни того ни другого нам не позволили, — сказала Кряква. Голос ее вдруг стал ледяным. — Все было сложно. Ни я, ни Терц не планировали сходиться так близко. Если бы это случилось, о романе узнало бы больше людей, и торговое соглашение оказалось бы под угрозой. Нам не дали выбора. Мне сказали, что, если я не смирюсь, вопрос решится самым простым способом: Дрофа исчезнет. Пришлось оставить дочь на Хейвергале. Как мне сказали, для меня самой будет лучше, если я забуду о ее существовании. И я пыталась. Но когда я увидела тот портрет…

— Даже не представляю, через что ты прошла, — сказал Мерлин. — Но если я могу предложить какое-то утешение, то вот оно. Король Рублен

был хорошим правителем — одним из лучших в истории Хейвергала. И королева Купис тоже. Она взошла на трон еще при жизни отца — Рублен отрекся из-за пошатнувшегося здоровья. Судя по всему, она была добродетельной и справедливой правительницей, делала все, что могла, для заключения мира с противником. Но военные компьютеры отвергали ее планы… — Мерлин изобразил доброжелательную улыбку и достал планшет с данными. Планшет был хейвергальского производства, но надежный и с интуитивно понятным управлением. Он передал его Крякве, и на экране появилось женское лицо. — Это королева Купис, — сказал Мерлин. — Ее не было на портретах, которые мы видели раньше, иначе ты заметила бы сходство между вами. Я отчетливо вижу в ней тебя.

Кряква взяла планшет и поднесла поближе, так, что свет экрана озарил ее лицо.

— А еще изображения есть? — спросила она с дрожью в голосе, словно боялась услышать ответ.

— Множество, — отозвался Мерлин. — А также видео- и аудиозаписи, которые делались в течение всей ее жизни. Я сохранил некоторые из них на планшет — подумал, что ты захочешь

увидеть.

— Спасибо, — сказала Кряква. — Я подумаю.

— Я знаю, что для тебя это непросто, и мне, возможно, не следовало копаться в прошлом Рублена. Но стоило начать…

— А после Купис?

— Почти двенадцать столетий истории, Кряква, — короли и королевы, браки и убийства — и так все время. Слишком много портретов для одной комнаты. Но в Купис были твои гены, и, если я правильно разобрался с генеалогическим древом, они должны оставаться в каждом ее потомке, поколение за поколением. — Он помолчал, давая женщине время осознать все. — Я не вполне понимаю, кем в итоге оказываешься ты. Возможно, членом королевского дома Хейвергала, по кровной связи. Но они никогда прежде не сталкивались с подобной ситуацией, это уж точно. А Баскин точно не догадывается, что ты — его дальний предок. Предлагаю сохранить это в тайне. Во всяком случае, пока.

— Почему?

— Это — информация, — сказал Мерлин. — А информация — сила, всегда и везде.

Мерлин оставил ее с планшетом. Они уже опоздали на встречу с принцем Баскином, но Мерлин

решил пойти один и извиниться перед принцем за опоздание Кряквы.

Кроме того, у него было на уме еще кое-что.

Мерлин с принцем ужинали, пока что лишь вдвоем. Баскин поддерживал вялую застольную беседу, но видно было, что у него на уме лишь одно и он очень хочет получить ответ.

— Мои сотрудники сказали, что вы были очень заняты, — сказал Баскин. — Использовали наше оборудование самыми разными способами. Вы, случайно…

Мерлин любезно улыбнулся:

— Случайно — что?

— Вы пришли к какому-то выводу? Касательно рассматриваемого вопроса.

Мерлин принялся с энтузиазмом жевать хлеб.

— Рассматриваемого вопроса?

— Свирель, Мерлин. Свирель. Которой занимались весь день.

Мерлин сделал вид, будто до него наконец дошло. Он хлопнул себя ладонью по лбу и покачал головой, якобы сожалея о своей забывчивости:

— Конечно! Прошу прощения, принц Баскин. Это, конечно же, было простой формальностью, ведь правда? Ну, то есть я никогда всерьез не сомневался в вашей честности.

— Рад это слышать. — Но в голосе Баскина все еще угадывалась напряженность. — Ну так…

— Что?

— Она настоящая или нет? Ведь вы это собирались выяснить?

— О да, настоящая. Самая что ни на есть настоящая. — Мерлин посмотрел на хозяина дома. Вот теперь до него действительно дошло. — Вы и вправду сомневались в ней? Такое не приходило мне в голову, но, пожалуй, это правильно. В конце концов, у вас было лишь слово «Сорокопута». Откуда же вам знать, что свирель настоящая, раз вы ей не пользовались?

— Мы пытались, Мерлин. Тринадцать сотен лет мы пытались это сделать. Ну что, вопрос решен? Вы примете свирель в уплату? Если подумать, я не так уж много от вас требую.

— Если вы действительно думаете, что этот набор фокусов действительно все изменит, кто я такой, чтобы стоять у вас на пути?

Баскин просиял, потом встал и подлил вина в наполовину опустевшие бокалы.

— Вы делаете для нас великое дело, Мерлин. Ваше имя сохранится в веках после наступления мира.

— Будем надеяться, что гаффуриане дадут этому

делу такую же высокую оценку.

— Да, так и будет. После пары поколений под нашим руководством они позабудут, что когда-то отличались от нас. Мы будем великодушными победителями, Мерлин. Если кто и поплатится, то лишь гаффурианское командование, а не простые люди. С ними мы не враждуем.

— А эти бандиты? Ваше великодушие распространится и на них?

— В этом не будет нужды. После того как вы заберете Тактика, они станут отработанным материалом, и их смахнут с доски.

Улыбка Мерлина сделалась напряженной.

— Я немного почитал о них. Есть довольно много сведений в публичных и частных записях, помимо того что вы мне показывали.

— Мы не хотели перегружать вас незначительными деталями, — сказал Баскин, возвращаясь на свое место. — Но не стремились ничего от вас скрыть. Я лишь приветствую вашу любознательность. В преддверии такой операции никакая подготовка не будет лишней.

— История вопроса довольно сложна, верно? Столетия диссидентских или мятежных группировок, прячущихся на краю вашей войны, мечущихся от одной идеологии к другой, заклю-

чающих неофициальные альянсы то с вами, то с вашими противниками. Меня заинтересовал их предводитель, Страксер…

— О нем мало что можно сказать.

— Ну, я не уверен. — Мерлин повертел в пальцах свой бокал, понимая, что ходит по краю. — Он ведь был одним из вас, верно? Бывший военный, дезертир. Полноправный высокопоставленный тактик. Входил в ваше ближайшее окружение. Почти что любимый сын. Но вместо того, чтобы предложить свои услуги вашим врагам, он объединился с бандитами на Мундаре. Судя по собранной мной информации, там есть и гаффуриане-дезертиры. Чего все они хотят, как вы думаете? Почему решили, что им лучше работать вместе, а не действовать друг против друга?

— Они украли Тактика, Мерлин, — не забывайте об этом. Боевое оружие во всем, кроме названия. Это трудно назвать поступком непорочных пацифистов.

Дверь за спиной у Баскина отворилась, и вошла Кряква. Баскин развернулся на стуле, чтобы поприветствовать ее, и восхищенно кивнул при виде атласного хейвергальского платья, которое она надела к ужину. Мерлин подумал, что платье ей очень идет. Но главное — оно стало отвлека-

ющим фактором. Пока внимание Баскина было приковано к женщине, Мерлин быстро поменял местами их бокалы. Перед этим он предусмотрительно отпил вино до такого же уровня, что и у Баскина, маскируя свою комбинацию.

— Я только что сообщил принцу Баскину хорошие новости, — сказал Мерлин, приподнимая подмененный бокал и осторожно делая глоток. — Я вполне уверен в подлинности свирели.

Кряква уселась за стол. Баскин наполнил ее бокал.

— Мерлин сказал, что вам немного нездоровится, и я не надеялся, что вы присоединитесь к нам.

— Я просто перенервничала, принц. Сейчас мне гораздо лучше.

— Ну… хорошо. — Баскин внимательно посмотрел на женщину и нахмурился. — Знаете, Кряква, если бы я не знал, что вы совсем недавно прилетели из космоса, я готов был бы поклясться, что вы… — Но он не договорил и улыбнулся, смеясь над собой. — Не обращайте внимания. Дурацкая мысль. Надеюсь, вы воспользуетесь нашим гостеприимством, пока Мерлин будет исполнять свою часть договоренности? Я знаю, что вы путешествуете вместе, но в данном случае Мерлину не

понадобится переводчик. Никаких переговоров не будет — только демонстрация сокрушительной и бесспорной мощи. Они поймут, что́ именно мы хотим вернуть.

— Куда он, туда и я, — сказала Кряква.

Мерлин напрягся и крепче сжал бокал:

— На самом деле не такая уж плохая идея. Операция сопряжена с риском — небольшим, в этом я уверен, но тем не менее. «Тиран» тоже в какой-то мере уязвим, а я буду ограничен в применении оружия, если принц желает получить свою игрушку целой и невредимой. Я действительно предпочел бы заняться этим самостоятельно.

— Я согласна рискнуть, — сказала Кряква. — И не потому, что мне есть дело до Тактика или до перемен, которые он принесет в эту систему. Но я хочу, чтобы хескеры были повержены, а для этого Мерлину нужна его свирель.

— Я с радостью отдал бы ее Мерлину прямо сейчас, если бы думал, что ваше пребывание на Хейвергале — гарантия возвращения Тактика. Но противоположный вариант меня вполне устроит. Получив Тактика, мы сразу же отдадим свирель.

— Ну, раз ваши условия таковы… — покладисто сказал Мерлин и пожал плечами.

Баскет слабо улыбнулся:

— Вы мне доверяете?

— Я доверяю способности моего корабля обеспечить исполнение сделки силой. Это одно и то же.

— Да вы прагматик. Я знал, что вы — именно тот человек, который выполнит эту работу.

Мерлин поднял бокал:

— Ну, за успех!

Баскет последовал его примеру. Кряква тоже подняла бокал, вяло выражая поддержку.

— За успех, — повторил принц. — И за победу.

Они покинули базу на следующее утро. На этот раз «Тирана», с Кряквой на борту, вел Мерлин. Вслед за «Отвергающим» они вернулись в космос. Как только оба судна вышли из атмосферы Хейвергала, принц Баскин прислал запрос на стыковку. Мерлин, полагавший, что его общение с принцем на данном этапе завершено, встретил запрос с привычным ноющим беспокойством.

— Он хочет присоединиться к рейду, — пробормотал он Крякве, когда шлюз заработал. — Сила и мудрость, это следовало предвидеть! Потребность лично, вблизи увидеть, как несчастные бандиты Страксера получат по морде, — а не слушать об этом с другого конца системы!

Крякве, похоже, было все равно.

— Если ему хочется рискнуть головой, кто ты

такой, чтобы его останавливать?

— Да никто, конечно. Просто мне лучше работается без зрителей.

— Один зритель у тебя уже есть, Мерлин. Начинай привыкать к этому.

Мерлин отмахнулся от ее замечания. Он думал о бокале, который тайком вынес из столовой, и о том, хватило ли принцу Баскину внимательности, чтобы заметить подмену. Когда они покинули Хейвергал, Мерлин загрузил бокал в анализатор полного спектра, но предварительные результаты не вполне совпали с его ожиданиями.

— Я не шутил насчет риска, ты же понимаешь, — сказал Мерлин.

— И я не шутила насчет того, что хочу увидеть, как ты получишь свирель. Но не потому, что ты мне настолько уж интересен.

Мерлин скривился:

— Можешь не щадить мои чувства.

— Я просто обозначила свою позицию. Ты — шанс положить конец войне. Ты ищешь средство уничтожить хескеров. Свирель необходима для этого поиска, и я помогу тебе добыть ее. Но если бы существовал способ сделать это без тебя…

— А я думал, мы сломали лед, со всей этой исто-

рией про Терца и твою дочь.

— Это не имело значения тогда и не имеет значения сейчас. Никакого.

Мерлин посмотрел на табло шлюза:

— Ты в курсе, что там не все так однозначно? Я стащил генетический образец его светлости. В общем, если бы твоя кровь прошла через поколения на фамильном древе, как полагается, я увидел бы сильнейшую корреляцию…

— Погоди, — оборвала его Кряква. По мере того как до нее доходил подтекст слов Мерлина, лицо ее каменело. — Ты взял образец у него. А как насчет меня, Мерлин? Как ты изучил мои гены без?..

— Я взял образец.

Кряква влепила ему пощечину. Без предупреждения, только раз — и на мгновение еще почти можно было притвориться, будто ничего не произошло, будто они вернулись к первоначальным отношениям. Но щека Мерлина горела, словно от вакуумного ожога. Он открыл рот, пытаясь придумать, как извернуться и смягчить ее гнев.

Шлюз открылся. На борт «Тирана» вступил принц Баскин в бронированном скафандре, с шлемом под мышкой.

— И не спорьте, Мерлин. Мой корабль не смог

бы угнаться за «Тираном», если бы я решил тайком последовать за вами, так что самый простой вариант — присоединиться к вам на время операции. — Он поднял руку, призывая к молчанию, прежде чем Мерлин, все еще ощущавший жжение, успел хоть что-то сказать. — Я буду просто наблюдателем, человеком со знанием местных условий, если уж на то пошло. Вы, хоть и сделались экспертом по делам королевского дома, вероятно, не знаете, что мне тоже довелось послужить на передовой. — Принц кивнул. — Да, мы следили за вашими поисковыми запросами, когда вы будто бы проверяли подлинность свирели.

— Я хотел узнать все, что можно, о вашем контакте с миссией Когорты.

— Это и многое другое, я полагаю. — Баскин пробормотал команду в свое шейное кольцо, и «Отвергающий» отсоединился от шлюза. — Впрочем, меня это не волнует, Мерлин. Если вам нравится копаться в наших убийствах и конституционных кризисах, на здоровье. Меня волнует лишь одно — благополучное возвращение Тактика. И я желаю видеть, как он будет возвращен. Я настаиваю. Не оскорбляйте меня отговорками о том, что присутствие еще одного человека повли-

яет на возможности «Тирана».

— Он — не такси.

— Но достаточно вместителен для наших нужд, а остальное не важно. — Принц кивнул Крякве. — Кроме того, наши вечерние беседы доставили мне слишком большое наслаждение, чтобы я мог от них отказаться.

— Ладно, — вздохнув, сказал Мерлин. — Вы летите с нами, принц. Но решения принимаю я. И если у меня — все равно по какой причине — возникнет ощущение, что договор стоит разорвать, я так и сделаю.

Принц Баскин положил свой шлем и продемонстрировал пустые руки:

— Никакого принуждения не будет, Мерлин. Я же не смогу заставить вас делать то, что вам не понравится, разве не так?

— Хорошо, что вы это понимаете. — Мерлин указал на череду кают, расположенных ближе к корме. — Кряква, не покажешь ему, как пристегнуться? Мне надо заняться навигацией. Через тридцать минут мы разгонимся до одного *g*.

Мерлин повернулся спиной к Крякве и принцу, возвратился в командную рубку «Тирана» и посмотрел на тающий след «Отвергающего», зная, что с легкостью мог бы обогнать его. Было нечто

привлекательное в идее сбежать прямо сейчас — вдруг старая свирель продержится достаточно долго для перехода по Паутине? — и увидеть лицо Баскина, когда тот поймет, что вернется на Хейвергал лишь через много столетий, если вообще вернется.

Но хотя Мерлин способен был на множество неприглядных поступков, он никогда не делал ничего, только чтобы позлить других.

Он скользнул взглядом по результатам, выданным анализатором. Раньше он подумывал, не провести ли анализ еще раз, используя те следы с бокала из-под вина, но после появления принца ценность первого образца стала сомнительной. Возможно, бокал изначально был загрязнен кем-то из персонала. Но теперь, с Баскиным на борту, «Тиран» мог получить идеальный генетический материал практически без затруднений.

В его памяти всплыли слова Баскина, словно в них было некое значение, которое Мерлин пока не разгадал: «Если вам нравится копаться в наших убийствах и конституционных кризисах — на здоровье».

В убийствах.

Убедившись, что принц Баскин надежно пристегнут, Мерлин разогнал «Тирана» до двух *g*. Это

было неудобно для всех, но терпимо, при условии что они будут лежать в креслах и поменьше двигаться.

— Мы могли бы лететь быстрее, — произнес Мерлин таким тоном, словно в этом не было ничего особенного. — Но тогда мы станем испускать чуть больше необычных волн, чем мне хотелось бы, а я предпочитаю не транслировать наши намерения слишком уж откровенно. Кроме того, на двух *g* мы доберемся до Мундара заблаговременно, и если вы находите эту скорость неудобной, мы можем немного сбросить ее.

— Вы так небрежно относитесь к его возможностям, — сказал принц Баскин. Его рука, когда он поднес к губам сосуд для питья, немного дрожала. — А этот корабль на тысячи лет превосходит все, что имеют обе стороны в нашей системе.

Мерлин попытался изобразить сочувствие.

— Возможно, если бы вы не тратили столько сил, швыряя камни друг в друга, то могли бы уделить больше времени всяким мелочам наподобие сотрудничества и всеобщего прогресса.

— И мы уделим, — согласился Баскин. — Я посвящу этому свою жизнь. Я не приверженец войны. Если бы я чувствовал, что существует шанс заключить мир на взаимовыгодных услови-

ях, я бы давным-давно за него ухватился. Но наши идеологические расхождения слишком велики, взаимные обиды слишком крепки. Иногда я даже думаю про себя: не важно, кто победит, лишь бы одна из сторон одержала верх. В Гаффуриусе есть разумные люди, это просто…

Принц не договорил — оборвал фразу, словно осознал, что его аргументация попахивает изменой.

— Если вы действительно так думаете, — сказала Кряква, — проще всего позволить вашим врагам выиграть. Отдайте им Железного Тактика, раз вы придаете ему такое значение.

— После всех наших успехов? Нет. Слишком поздно для подобного идеализма. Кроме того, мы имеем дело не с гаффурианами. Нас шантажируют бандиты.

— Признайтесь честно, — сказал Мерлин. — При всех этих разговорах о мире, о победе вы скучаете о войне.

— Вовсе нет!

— А мне так кажется. Вы же любили играть в сражения, да? Игрушечные солдатики, разыгранные на столе кампании, — вы сами рассказывали. Это у вас в крови с первого вашего вздоха. Вы были мальчиком, грезившим о войне.

— Я изменился, — возразил Баскин. — Раскусил все эти завлекалочки. Я же рассказывал вам о Ларге, да? Последнем и величайшем из наших наземных городов? До того, как мы его оставили, моим домом был императорский дворец в Ларге, здание, не уступающее по размеру иным городам. Я часто брожу по нему во снах, Мерлин. Но теперь его место — в моем детстве, вместе с игрушечными солдатиками.

— Должно быть, Ларга стоила того, чтобы ее повидать, — сказал Мерлин.

— О да! Мы строили и восстанавливали. Они, конечно, не могли этого стерпеть, наши враги. Потому Ларга всегда была мишенью их атак, до самого конца.

— Скверная была атака, да? — спросил Мерлин.

— Их было столько, что и не упомнишь.

— Я имел в виду — особенно скверная, удар непосредственно по дворцу. Это есть в вашей общедоступной истории — я узнал о ней уже на Хейвергале, роясь в открытых данных. Вам было лет шесть-семь, так что вы вполне можете помнить. Явная попытка убийства. Гаффуриане пытались уничтожить верхушку хейвергальской правящей элиты.

— Это было скверно, да. Я получил серьезную травму, когда часть дворца обрушилась. И провел один, в ловушке, в темноте, несколько дней, пока спасатели пробивались через завал. Я выздоровел, как нетрудно догадаться. Но это болезненный эпизод, и мне не хочется о нем вспоминать. Вокруг меня умирали хорошие люди, Мерлин. Детям не следует видеть такое.

— Полностью с вами согласен.

— Возможно, это меня в конце концов и сломало, — сказал Баскин. — До того момента война была для меня всего лишь чередой триумфов, происходящих где-то вдали. Славные победы и преуменьшенные поражения. После этого нападения я знал, как выглядит кровь. Я восстановился как следует, но на это ушли месяцы. А когда я вернулся к учебе и отчасти — к общественной жизни, то обнаружил, что разлюбил войну. Я вспоминаю тогдашнего себя, мальчика, неспособного думать ни о чем, кроме войны и стратегии, и почти удивляюсь: неужели это был я? — Он отложил свой сосуд для питья и потер ноющую руку. — Я вынужден извиниться перед вами. Мне нужно отдохнуть. Наши корабли способны выдерживать такое ускорение двадцать-тридцать минут, а не час за часом.

— Нам всем нелегко это переносить, — сказал Мерлин, ощутив толику сочувствия к своему незваному гостю. — В одном вы правы, принц. Я хочу положить конец войне с хескерами. Но не любой ценой.

Когда они остались одни, Кряква сказала:

— Тебе придется объясниться. Если бы не Баскин, я бы выбила из тебя все пытками, уже давно.

— Я рад, что ты этого не сделала. Крики определенно причинили бы нашему гостю неудобство. И потом, знаешь, как сложно удалить кровь с обивки? — Мерлин лучезарно улыбнулся, но понял по окаменевшему лицу Кряквы, что она не настроена шутить.

— Почему тебя так интересует его генетический профиль?

От покоев, отведенных принцу, гостиную отделяли запертые двери, но в обычных условиях корабль работал бесшумно, и Мерлин поймал себя на том, что оглянулся и понизил голос.

— Я просто ищу душевного покоя, Кряква. Я подумал, что, если установить генетическое соответствие между тобой и принцем Баскином, ты бы перестала изводиться из-за Купис…

— Отвали от моего сердца.

— Я понимаю, что мне не следовало брать у тебя генетический образец без разрешения. Просто на подушке остался твой волосок и частички кожи… — Мерлин заставил себя умолкнуть. — Теперь, когда все мы на борту, корабль может составить профиль на основе клеток, попадающих в воздушные фильтры.

Кряква по-прежнему стояла с поднятой рукой и непреклонным видом. Но через некоторое время она опустила руку и одернула рукав:

— Давай, проводи свои чертовы тесты. Ты это начал, может, ты это и закончишь.

— Ты уверена, Кряква? Они могут не дать ответа на вопрос, что же произошло с твоими потомками.

— Я сказала — проводи, — отрезала Кряква.

«Тиран» летел сквозь систему, по спорной территории между двумя звездами. В системе с дюжиной планет и бесчисленным количеством лун, малых планет и астероидов продолжала бушевать битва. Эскадры одновременно сходились на десяти фронтах, энергия взрывов сверкала на расстоянии в несколько световых часов. Все радиоканалы были забиты военными переговорами, шифрованными сигналами, оголтелой пропагандой и криками о помощи или о пощаде

от терпящих бедствие команд.

«Тиран» держался в стороне от самых яростных схваток. Но когда они приблизились к Мундару, Мерлин засек куда больше активности, чем ему хотелось бы. Патрульные отряды гаффуриан шныряли подозрительно близко к бандитскому астероиду, словно там что-то начало привлекать их интерес. Пока что они держались в стороне от предполагаемого защитного периметра, но их присутствие заставляло Мерлина нервничать. Если вторжение гаффуриан повлечет ответные меры со стороны хейвергальского флота, будет совсем некстати. До ближайших участков фронта было несколько световых минут, Мерлину совсем не хотелось видеть новый театр военных действий на том месте, где нужно было действовать ему.

— Я надеялся получить свободное пространство, — сказал он Баскину. — Тихое милое местечко, где можно заняться своим делом без гадких помех.

— Возможно, до гаффурийской службы безопасности уже дошли слухи о Тактике, — отозвался Баскин.

— А меня о таких мелочах не надо предупреждать заблаговременно?

— Я сказал «слухи», Мерлин, а не точные разведданные. Или, возможно, они снова заинтересовались бандитами. Эти типы стали занозой в заднице не только для нас, но и для наших врагов.

— Они мне нравятся все сильнее.

Им оставался день пути, когда Мерлин рискнул ненадолго воспользоваться корабельными сенсорами дальнего действия. Баскин и Кряква находились в командной рубке. Обновленные данные накладывались на схемы, добытые разведкой, — Мерлин уже изучил их на «Отвергающем». Мундар выглядел как каменный шар, проступающий через такие же призрачные линии шахт, коридоров, внутренне напряженных сводов и огневых точек.

— Это было рискованно, — сказал Баскин, и Кряква кивнула, соглашаясь с ним.

— Если они что-то и засекли, — предположил Мерлин, — сигнал был очень кратким и передавался на тех частотах и диапазонах, где они не должны ничего ожидать. Они припишут это сбою в датчиках и забудут.

— Мне бы вашу уверенность.

Мерлин вытянул руки и похрустел костяшками пальцев, словно собрался лезть на стену.

— Давайте думать как Страксер. Он наложил лапу на чрезвычайно ценную, единственную в своем роде машину и наверняка не оставит Тактика в ненадежном месте, особенно когда вокруг шныряют патрули.

— И чем это нам поможет?

— Тем, что отсекаются лишние варианты. Вот это подземелье — как думаете, оно подходит?

— Возможно. Главное — объявить о наших намерениях. Дать Страксеру четкое представление о ваших возможностях. — Баскин провел пальцем по дисплею. — Вы начнете с решительной, но строго локализованной атаки. Достаточной, чтобы встряхнуть их и дать понять, что мы настроены серьезно. С какого расстояния вы можете нанести удар?

— Мы выйдем на оптимальную дистанцию для запуска кварковых торпед через шесть часов. Я могу произвести все расчеты сейчас, если хотите. Но чем ближе мы подберемся, тем отчетливее будем видеть Мундар.

— Смогут ли тогда и они увидеть нас? — спросила Кряква.

Этот вопрос разозлил Мерлина, но лишь потому, что составлял следующий пункт его размышлений.

— Из показаний сенсоров вашего корабля видно, что они смогут засечь вас в радиусе полутора световых секунд. Хотя это лишь прикидки. Их оружие — кинетические торпеды, лазеры, радиоуправляемые ракеты. С этим вы можете справиться?

— Ну разве что мне сильно не повезет.

Баскин указал на изображения дрожащим от усилия пальцем.

— Вот эти огневые позиции в кратерах, — скорее всего, здесь и расположены их кинетические батареи. Я полагаю, по всем ним — включая те, что находятся на другой стороне Мундара, — следует нанести хирургически точный удар. Можете это сделать?

— Двенадцать кварковых торпед позаботятся о них. Очень кстати, потому что ровно столько у меня и осталось. Еще у нас имеются гамма-пушки и новофугасные установки — на тот случай, если возникнут трудности.

— Возникнут, насколько я знаю Страксера. — Щека Баскина дернулась от предательского тика. — Но во всех смертях будет виноват он, а не мы. Если это цена мира, значит так тому и быть.

Мерлин внимательно взглянул на него:

— Мне никогда не давались подобные расчеты.

— Как и всем нам, — сказал Баскин.

Кряква ушла немного поспать, пока они не выйдут на дистанцию, с которой станет возможна атака. Мерлин тоже перехватил несколько часов, но сон его был беспокойным; вскоре он вернулся в рубку и стал смотреть, как изображения постепенно обретают четкость и вид Мундара делается все более детальным. Теперь «Тиран» использовал пассивные сенсоры, но они лишь вносили уточнения в сделанный ранее активный моментальный снимок. Впрочем, Мерлин нервничал — и неудивительно. Они подходили к астероиду обратным ходом, и если выхлоп отработанных газов когда-нибудь и могли заметить, то именно в этот момент. Мерлин делал все возможное, постоянно меняя скорость торможения и с ней — угол наклона вектора тяги, чтобы обеспечить максимальную маскировку, но гарантий не было.

— Так и думал, что найду вас здесь, — сказал Баскин, входя в рубку, и потер глаза. — Вы же почти не спали с тех пор, как мы улетели с Хейвергала, да?

— Вы тоже не выглядите отдохнувшим, принц.

— Я знаю. Видел себя только что в зеркале. Иногда я гляжу на свой портрет и едва себя узнаю. Но, думаю, мое беспокойство вполне объяснимо. От

следующих нескольких часов так много зависит, Мерлин! Наверное, это важнейшие часы во всей моей карьере. Даже во всей моей жизни.

Мерлин подождал, пока принц не займет свое кресло и не пристегнется со всей тщательностью.

— Вы упоминали о Страксере.

— Что, правда?

— Принц, я мало что узнал из разведсводки и даже из конфиденциальных документов, которые извлек из ваших закрытых архивов на Хейвергале. Но вы говорите так, словно знаете этого человека.

— Страксер был одним из нас. Это вовсе не тайна.

— Старший тактик — так мне сказали. По-моему, довольно высокая должность. Страксер не был мелкой сошкой, верно?

Чуть помедлив, Баскин сказал:

— Конечно, я его знал. Как и всех высокопоставленных стратегов.

— Он был как-то связан с Тактиком?

Если Баскин и хотел скрыть свое замешательство, то у него не получилось.

— В некоторой степени. Тактику требовался большой штат, не только для координации ввода

разведданных, но и для того, чтобы анализировать результаты и действовать в соответствии с ними. Боевые компьютеры, о которых я упоминал…

— Но Страксер был близок к этому, верно? — Мерлин строил предположения, полагаясь на дорого доставшуюся ему интуицию, но реакция Баскина вполне подтверждала, что он на верном пути. — Он работал непосредственно с компьютером.

— Его дезертирство было… крайне досадным случаем.

— Если это можно назвать дезертирством. Зависит от того, чего бандиты хотят на самом деле. Ведь так? А этого мне внятно не объяснили.

Баскин напрягся:

— Они против мира. Что еще вам нужно знать?

Мерлин улыбнулся. Теперь он определился с линией разговора.

— Принц, могу я спросить вас кое о чем еще? Вы знаете, что я интересовался вашей конституционной историей, когда мы были на Хейвергале. Я верно понимаю, что убийства были привычным явлением? Однажды почти весь царствующий дом Хейвергала был уничтожен одним ударом…

— Это случилось не то двенадцать, не то тринадцать веков назад.

— Но вскоре после визита «Сорокопута». Вот почему это событие привлекло мое внимание.

— И никаких других причин?

— А что, должны быть другие причины?

— Не играйте со мной, Мерлин. Вы обязательно проиграете. Не забывайте: я был мальчиком, грезившим о войне.

Дверь у них за спиной отворилась. Это была Кряква, проснувшаяся раньше, чем ожидал Мерлин. Лицо ее выглядело свежеумытым, волосы были влажными.

— Далеко нам еще?

— Минут тридцать, — сказал Мерлин. — Пристегивайся, Кряква. Может стать интересно в любой момент, особенно если их сенсоры не так плохи, как полагает принц.

Кряква опустилась в свободное кресло. Благодаря стандартным тренировкам Когорты она быстро приспособилась к двум *g* и теперь перемещалась по «Тирану» уверенно и легко.

— Ты заново произвел генетическое сканирование? — спросила она Мерлина.

— Да, — отозвался Мерлин. — И пришел к тем же результатам, только с еще большей достовер-

ностью. Хочешь сказать ему или я скажу?

— Сказать мне о чем? — поинтересовался Баскин.

— В вашей родословной есть одна накладка, — ответил Мерлин, потом кивнул Крякве, предлагая ей продолжить.

— Я уже бывала на вашей планете, — сказала Кряква с дерзкой, вызывающей уверенностью. — Я входила в дипломатическую миссию корабля «Сорокопут». И была с ними, когда они продали свирель. — Прежде чем принц успел недоверчиво возразить, она продолжила: — Вскоре после этого наш корабль попал в беду в соседней системе. Хескеры настигли нас, подбили корабль, но уничтожили не всех, чтобы выжившие продолжали страдать. Те, кто уцелел, ушли в анабиоз. Мы умирали один за другим, по мере того как оборудование выходило из строя. Я оказалась последней из выживших. Потом меня обнаружил Мерлин, и мы вернулись в вашу систему. Вы знаете, что это возможно, принц. Вы знаете об анабиозе, о путешествиях на субсветовых скоростях, о сжатии времени.

— Я думал… — начал было Баскин.

— Это еще не все, — перебила его Кряква. — На Хейвергале осталась моя дочь. Она стала Купис,

королевой Купис, после того как Терца возвели на трон. Вы сами сказали, принц, что мое лицо кажется вам знакомым. Это ваша родословная, ваше генеалогическое древо.

— Но не совсем, — сказал Мерлин. — Видите ли, вы — не родственники, как можно было предположить. Я сопоставил ваши генетические данные: в первый раз — на Хейвергале, во второй — уже тут, на «Тиране». Оба теста не показали никакой корреляции, и это странно, учитывая вашу родословную. Думаю, этому есть относительно простое объяснение.

Баскин круглыми глазами смотрел то на Мерлина, то на Крякву, с сомнением и даже некоторым страхом.

— Какое же?

— Вы — не принц Баскин, — сказал Мерлин. — Вы только считаете себя им.

— Что за чушь! Вся моя жизнь прошла на глазах у публики и была объектом самого пристального внимания.

Мерлин очень постарался, чтобы его слова не прозвучали бестактно и вместе с тем не создали впечатления, что он получает удовольствие, раскрывая правду — а теперь он был в этом уверен.

— Боюсь, сомнений быть не может. Если бы вы

действительно принадлежали к королевскому дому, я бы это знал. Вопрос только в том, когда и почему прервалась линия наследования. Думаю, и на это у меня есть ответ.

Пульт управления пискнул. Мерлин раздраженно обернулся, но с первого же взгляда понял: у корабля были веские причины, чтобы привлечь к себе внимание. На панели светился огонек, сообщающий о приеме сигнала. Тот шел с Мундара.

— Не может быть! — воскликнул Баскин. — Мы в трех световых секундах от них! Это слишком далеко для их сенсоров!

— Возможно, стоит посмотреть, что там такое, — сказала Кряква.

Передача использовала местные протоколы, но «Тирану» хватило секунды, чтобы расшифровать пакеты и преобразовать в видеосигнал. Над пультом возникла голова мужчины на фоне стены из грубо обтесанного светлого камня. Мерлин распознал в этом человеке Страксера, но лишь благодаря тому, что внимательно изучил разведсводки. Иначе трудно было бы заметить сходство. Этот Страксер имел более худощавое лицо, более хрупкое телосложение, был постарше и выглядел более усталым, чем тот дезертир с холодным взглядом, которого ожидал увидеть Мерлин.

Страксер заговорил уверенным тоном, сыпля словами на хейвергальском. «Тиран» слушал, но ему требовалось некоторое время, чтобы предложить достоверный перевод.

Мерлин повернулся к Крякве:

— Что он говорит?

— Могу пересказать, — предложил Баскин.

Мерлин кивнул:

— Я предпочту услышать это от Кряквы.

— Он засек тебя, — сказала она, слегка хмурясь и вникая в поток слов. — Говорит, что фиксирует нас с того момента, как тебе хватило дури направить свои сканеры на Мундар. Говорит, что ты, видимо, считаешь их идиотами, раз думаешь, что они способны пропустить настолько бросающуюся в глаза вещь. И что мы умеем маскироваться вовсе не так хорошо, как считаем, судя по тому, насколько легко он засек излучение нашего двигателя.

— Глупец! — прошипел Баскин. — Я же вам говорил, что это рискованно!

— Он говорит, что ему известны наши намерения, — продолжала Кряква. — Но какие бы силы мы ни бросили против них, они не намерены отдавать Железного Тактика. Он требует, чтобы мы немедленно повернули обратно, во избежание

лишнего насилия.

Мерлин скрипнул зубами:

— Корабль, приготовься отправить обратное сообщение по тому же каналу с теми же протоколами. Кряква, ты будешь вести разговор. Скажи Стракеру, что у меня нет к нему и его бандитам никаких личных счетов и что, если мы сумеем договориться без кровопролития, я буду счастливейшим из людей. Еще скажи, что я в состоянии разобрать его астероид на кусочки, словно гнилой плод.

Баскин позволил себе улыбнуться. Видимо, ему понравился взятый Мерлином тон.

— Ну как, достаточно воинственно для вас? — спросил Мерлин, когда Кряква принялась переводить его ответ.

— Угрозы и сила — это ровно то, что они понимают, — сказал Баскин.

Словам Кряквы потребовалось три секунды, чтобы достичь Мундара, и еще три секунды ушло, чтобы ответ Стракера добрался до «Тирана». Они выслушали его слова, и Мерлин без всякого перевода понял, что тон Стракера сделался гораздо агрессивнее.

— Он говорит, что они не уступят нам компьютер без боя, даже не мечтайте, — сказала

Кряква. — И еще, что с нашей стороны было бы разумно не испытывать на себе боевые возможности Мундара — теперь, когда их действия координирует Железный Тактик. Все оружие астероида подчинено непосредственно Тактику, и они готовы позволить ему защищаться.

— И все равно они уступают нам в огневой мощи, — произнес Мерлин. Но даже он не мог полностью скрыть поднимающегося в душе беспокойства.

— Это блеф, — сказал Баскин. — Тактик не имеет концепции самосохранения.

— Вы точно в этом уверены? — спросила Кряква.

— Скажи Страксеру вот что, — сказал Мерлин. — «Отдайте Железного Тактика, и я не трону астероид». От них требуется лишь вынести его на поверхность, а об остальном позаботятся мои прокторы.

Кряква передала его заявление. Страксер гаркнул в ответ нечто краткое, не нуждающееся в переводе.

— Говорит, что если мы хотим его, то можем попробовать забрать, — сказала Кряква.

Мерлин кивнул. Этого он и ожидал, но стоило все-таки предпринять последнюю попытку по-

торговаться.

— Корабль, передай мне управление торпедами. Мы чуть дальше, чем мне хотелось бы, но так у меня будет время сделать предупредительный выстрел. Я уничтожу их кинетические батареи.

— Управление у тебя, Мерлин, — сказал «Тиран».

— Вы уверены, что еще не рано? — спросил Баскин.

Вместо ответа Мерлин приказал открыть огонь. «Тиран» выдвинул расположенные снизу пусковые установки, кварковые торпеды сорвались с едва заметной отдачей и умчались прочь. Лишь движущиеся на экране точки свидетельствовали, что оружие действительно пущено в ход.

— Торпеды приведены в боевую готовность и применены, — сообщил «Тиран».

— Кряква, скажи им, что атака началась. У них есть несколько минут, чтобы переправить своих людей поглубже, если они еще не там. Моя цель — вывести из строя их оборонительные сооружения, а не лишать людей жизни. Позаботься о том, чтобы Страксер это понял.

Кряква принялась передавать послание, и тут «Тирана» внезапно и сильно тряхнуло. Удар пришел сбоку и был достаточно сильным, чтобы

переломать кости. Какое-то время Мерлин только и мог, что смотреть на экраны, ошеломленный не меньше, чем тогда, от пощечины Кряквы.

Потом последовал еще один удар, с другой стороны.

— Производится уклонение, — сказал «Тиран». — Нормальный порог безопасности временно отключен. Ручное управление возможно, но не рекомендуется.

— Что? — Баскин скривился.

— По нам стреляют, — ответил Мерлин.

«Тиран» принялся маневрировать, закладывая виражи и время от времени резко тормозя.

— Невозможно. Мы слишком далеко.

— С Мундара ничего не запустили. Это что-то другое. Периметр обороны, о котором мы вообще не знали. — Мерлин с упреком посмотрел на Баскина. — То есть вы не знали.

— Возможно, одноразовые кинетические установки, — сказал Баскин. — Свободно плавающие посты.

— Я должен был видеть активационные импульсы. Электромагнитные и оптические признаки взрыва. Но не видел. Только эти глыбы, за миг до того, как они в нас врезались.

Насколько мог судить «Тиран», это были все-

го лишь инертные глыбы какого-то плотного вещества, без боеголовок и систем наведения. Детекторы успели их засечь, и корабль выполнил маневр уклонения, но на пределе.

— Есть такая вещь, как темное кинетическое оружие, — сказал Баскин. — Существует в виде прототипа, оружейной системы, маскирующей запуск. Но у бандитов Страксера нет ничего подобного. Даже если у них имеются производственные мощности, им не хватило бы навыков, чтобы создать свой вариант…

— А Тактик знает об этом оружии? — спросила Кряква.

— В его каталоге военного снаряжения… Да. Но есть же огромная разница между знанием и умением воспроизвести технологию, наладить производство.

— Расскажите об этом своей игрушке, — буркнул Мерлин. Он надеялся, что у него просто разыгралось воображение, но скорость маневров уклонения, похоже, росла, будто «Тирану» становилось все труднее увертываться от снарядов. — Корабль, отзови шесть кварковых торпед. Верни их обратно как можно быстрее.

— И что нам это даст? — возмутился Баскин. — Вы должны были послать против них все, что

у вас есть, а не отменять удар в последний момент!

— Торпеды нужны, чтобы обеспечить нам экран сопровождения, — объяснил Мерлин. — Оставшиеся шесть вполне способны управиться с батареями на поверхности астероида.

Запустить все двенадцать торпед разом было излишне поспешным решением, порожденным самонадеянной уверенностью в своих возможностях. Но он вовремя осознал свою ошибку.

— Снова Страксер, — проговорила Кряква. — Он говорит, что так будет только хуже, что нам следует отозвать все торпеды и отказаться от нападения. Говорит, что если он увидит четкие признаки нашего выхлопа, то уберет защитный экран.

— Продолжайте, — сказал Баскин.

— Кварковые торпеды легли на обратный путь, — сообщил «Тиран». — Подготовить установки к их приему?

— Нет. Выстрой торпеды в защитный кордон вокруг нас, достаточно близко, чтобы ты перехватил любой снаряд, от которого не сможешь увернуться. И напомни мне позже, чтобы я усовершенствовал нашу защиту.

— Принято. Оставшиеся шесть торпед перена-

правлены на шесть видимых целей. До попадания — двадцать секунд.

— Страксер! — позвал Мерлин, которому показалось, что эти его слова не нуждаются в переводе. — Убери людей с этих батарей!

Внезапно в иллюминаторы «Тирана» ворвалась синяя вспышка — за миг до того, как опустились заслонки.

— Снаряд перехвачен, — невозмутимо сообщил корабль. — Одна торпеда защитного кордона истрачена. Осталось пять.

— Избавь меня от подсчетов, — сказал Мерлин. — Просто вытащи нас из этой заварухи, и все.

Шесть торпед достигли Мундара одновременно, словно лапа с шестью растопыренными когтями, и выгрызли шесть раскаленных ран в поверхности астероида: шесть разбухающих сфер жара и разрушения, которые росли, тускнея, пока не слились воедино. Мерлин, изучая поступающие данные, захлебнулся от ужаса и благоговения, снова вспомнив о могуществе оружия Когорты, даже самого скромного. Прямо у него на глазах мегатонны камня и пыли вскипели и испарились, и астероид стал напоминать череп с шестью глазницами.

Они лишились трех заградительных торпед, прежде чем «Тиран» сумел выбраться в относительно безопасное пространство, но к этому времени удача Мерлина подверглась серьезным испытаниям. Торпеды могли перехватить снаряды почти с любым вектором, но не всегда это было безопасно. Перехват, происходивший достаточно близко к «Тирану», был немногим лучше прямого попадания.

Они выбрались, да, но это далось им нелегко. Корпус получил вмятины от двух ближайших взрывов. В обычных обстоятельствах полученные повреждения не вызывали бы беспокойства, но Мерлин рассчитывал на корабль в оптимальном состоянии. Тащиться на ремонт было не лучшим вариантом в этот момент.

Оставалось утешаться тем, что Мундару досталось гораздо сильнее.

— Стракcер что-нибудь еще говорит? — спросил Мерлин.

— Пытается, — сказала Кряква.

Возникло лицо Стракcера, но изображение рябило от помех. Он выглядел напряженным и, пока говорил, посматривал по сторонам. Кряква внимательно слушала.

— Он сказал, что у них все еще есть оружие — на

случай, если мы посмеем подобраться ближе. Его позиция не изменилась.

— А моя изменилась, — сказал Мерлин. — Корабль, отправь оставшиеся торпеды. Мощность взрыва выстави на максимальную. Целься по уже имеющимся воронкам. Посмотрим, получится ли у нас вскрыть какой-нибудь разлом или пробиться глубже. — Он увеличил изображение астероида и постучал пальцем по добавленной сверху схеме — по тем местам, где, по данным разведки, находилось оружие, модули датчиков, шлюзы. — Приготовь новофугасные установки к рассеиванию. Используй схему три. Любую движущуюся цель мы снимем гамма-пушкой.

— Если ты собьешь антенну Страксера, то уничтожишь наш канал связи, — сказала Кряква.

— Для меня время переговоров миновало, Кряква. Мой корабль пострадал, и я считаю это личным оскорблением. Если ты хочешь отправить Страксеру последнее сообщение, скажи, что у него был шанс вести себя хорошо.

Баскин подался вперед в ремнях безопасности:

— Не делайте поспешных шагов, Мерлин. Мы пришли, чтобы заставить его сделать по-нашему, а не собирались уничтожать астероид.

— Ваше главное соображение было таким: не

допустить, чтобы Тактик попал в плохие руки. Я гарантирую, что этого не произойдет.

— Я хочу получить его целым и невредимым.

— Не получится, принц. И мир не настанет волшебным образом лишь потому, что вы заполучите обратно свой военный компьютер. — Его вдруг захлестнул гнев. — Я знаю войну. Я знаю, как войны ведутся. Надави на врага — и он найдет способ ударить в ответ, только и всего. Это будет длиться вечно, и вы ни на шаг не приблизитесь к победе.

— Мы уже побеждаем.

— Одна волна уходит — придет другая. Только и всего.

Кварковые торпеды попали в цель. При большей мощности взрывы получились в двадцать раз ярче, чем у первой волны. Каждый огненный шар вырвал из астероида десятую долю, выбросив в комическое пространство немыслимое количество камней, руды и газа — жуткая разбухающая пелена, подсвеченная изнутри вспышками.

Сквозь этот покров пробились лучи. Лазеры и кинетические установки выстрелили с того, что осталось от поверхности астероида, и пошли по широкой дуге в попытке отыскать «Тирана». Корабль завилял и задергался, как танцующая змея.

Лазер пропорол участок корпуса, взвыли сирены. Мерлин выслал новофугасы, потом развернул корабль, чтобы пустить в ход гамма-пушку. На закрытой пеленой поверхности Мундара начали вспыхивать взрывы новофугасов. Кинетические установки и лазеры продолжали стрелять, но их огонь редел. Мерлин понимал, что худшее миновало. Но «Тирану» эта стычка далась дорого. Еще одно прямое попадание, пускай даже из низкоэнергетического оружия, — и корпус может лопнуть.

«Тиран» сбросил скорость всего до нескольких километров в секунду относительно астероида. Они начали приближаться к вздымающейся стене мусора. Конструкция «Тирана» позволяла ему переносить экстремально высокое давление, но в атмосфере, а не среди раскаленных крупных частиц. При других обстоятельствах Мерлин предпочел бы повернуть прочь, а не забираться глубже. Но «Тирану» пришлось бы пересечь кинетический защитный экран, чтобы добраться до свободного пространства, а все кварковые торпеды уже истрачены. Если этот Тактик действительно координировал оборону Мундара, Мерлин видел лишь один способ выбраться из этой дыры — разнести все вдребезги, даже если

потребуется прикончить всех, кто еще остался в живых на Мундаре.

— Мерлин! — позвала Кряква. — Страксер снова вышел на связь. Только теперь сигнал идет не изнутри Мундара.

Мерлин все понял, как только переключил внимание на навигационный дисплей. Сигнал Страксера шел с небольшого объекта, который двигался к ним через пояс обломков. Гамма-пушка по-прежнему была нацелена на Мундар. Мерлин перевел прицел на объект, приготовившись уничтожить его в мгновение ока. Потом подождал, пока сенсоры «Тирана» не оценят размер и форму приближающегося объекта. Он ожидал чего-нибудь вроде мины или небольшого автономного снаряда, пытающегося подойти незаметно среди хаоса обломков. Но почему эта штука что-то передает?

Секунду спустя он получил ответ. Объект выглядел как толстая морская звезда с пятью лучами. Или как человек в скафандре, плывущий сквозь облако обломков, словно тряпочная кукла сквозь бурю.

— Самоубийца, — сказал Баскин.

На этот раз никакого лица не было, лишь голос. Для всего остального сигнал был слишком сла-

бым. Послушав, Кряква сообщила:

— Он просит вас притормозить и отвести свое оружие. Говорит, что мы зашли в тупик. Вам не выбраться из этого района без сотрудничества Тактика, а Тактика не найти без его помощи.

Гамма-пушка находилась сейчас на ручном управлении. Мерлин положил руку на спусковой крючок, готовясь в любой миг превратить человека-звезду в очередное облачко раскаленных атомов.

— Я же сказал, что время переговоров прошло.

— Страксер говорит, что в ходе атаки уже погибли десятки людей. Но на глубинных уровнях находятся еще тысячи. Он говорит, что вы не сможете уничтожить Тактика, не убив их всех.

— Они начали этот бой, не я.

— Мерлин, послушай. Страксер говорит вполне логично. Он ведь не просто так отправился сюда в скафандре.

— Я взорвал его астероид. Может, дело в этом?

— Он хочет вести переговоры с позиции слабости, а не силы. Так он сказал. Каждая секунда, в которую ты не уничтожаешь его, — это секунда, когда ты можешь начать его выслушивать.

— Мы, кажется, уже обрисовали наши позиции, разве нет?

— Он сказал, что ты не сможешь забрать Тактика. И ты действительно не сможешь. Уничтожить — да, а забрать — нет. И теперь он просит о разговоре.

— О чем?

Кряква посмотрела на него умоляюще:

— Просто поговори с ним, Мерлин. Женщина, которую ты мне показывал, — твоя мать, ждущая у окна. Сыновья, которых она потеряла, — ты и твой брат. Я видела, что она добра. Не говори, что она была бы горда, видя, как ты убиваешь этого человека.

— Моя мать умерла на Изобилии. Ее нет в той комнате. Я показал тебе всего лишь призрак, монтаж из воспоминаний, собранных моим братом.

— Мерлин…

Мерлин нажал на пуск. Но пушка не выстрелила — сообщила о сбое. Мерлин нажал еще раз, потом убрал дрожащую, вспотевшую руку со спускового крючка. Оружейная панель сообщала о множественных неисправностях и системных ошибках, словно корабль едва держался.

— Ты хладнокровный… — начала было Кряква.

— Твое сострадание запоздало, — сказал Мерлин. — Следовало высказаться до того, как мы пустили в ход торпеды.

Баскин положил руку на запястье Мерлина и отвел его подальше от спускового крючка пушки:

— Может, оно и к лучшему. Теперь только Страксеру известна судьба Тактика. Впусти его, Мерлин. Что мы теряем?

Страксер снял шлем. Лицевое стекло было покрыто щербинками и трещинами после прохождения через облако обломков. Мерлин узнал напряженное, усталое лицо, которое они видели во время переговоров с Мундаром. Страксер узнал принца Баскина и сказал что-то на хейвергальском. Мерлин готов был поклясться, что уловил, несмотря на незнание языка, сарказм и презрение.

— Он сказал, что с нашей стороны было очень любезно прислать для этой грязной работы члена правящего дома, — сказала Кряква.

— Передай, что ему очень повезло, раз он еще не стал облачком атомов, — попросил Мерлин.

Кряква так и сделала, выслушала ответ и слегка улыбнулась:

— Страксер говорит, что нам очень повезло — Тактик дал нам беспрепятственно отойти.

— Это он называет «беспрепятственно»? — спросил Мерлин.

Но все-таки он подошел к шкафчику у стены

и достал коробку с черными завитушками, маленькими и аккуратными, словно каменные талисманы. Потом вставил один из переводчиков себе в ухо, а второй протянул Страксеру.

— Скажи ему, что это не кусается, — сказал он. — Мой корабль разбирается в языках, но для работы ему требуется хорошая база. Те переговоры помогли, но чем больше мы будем говорить, тем лучше будет перевод.

Страксер коснулся переводчика пальцем в потрепанной перчатке и с отвращением скривился.

— Человек Когорты! — сказал он на достаточно внятном Всеобщем. — Я немного говорю по-вашему. Принц заставлял нас учить. На случай, если Когорта вернется.

— Чтобы у вас было преимущество в переговорах по сравнению с врагами? — спросил Мерлин.

— Это казалось разумным, — произнес Баскин. — Но большинство моих сотрудников этого не понимали. Страксер один из немногих, считавших иначе.

— Внимательнее смотрите, кого учите, — сказал Мерлин. — Люди обычно начинают думать о себе. И начинать делать всякие гадости. Например, дезертировать. Или похищать военные

компьютеры и требовать выкуп.

Страксер вставил переводчик в ухо и снова перешел на родной язык. Переведенные слова загудели в голове Мерлина.

— Выкуп? Значит, вот что они тебе сказали, человек Когорты?

— Меня зовут Мерлин. Да, похоже, в эту игру вы и играли. Или ты украл Тактика, когда не во что было поиграть дождливым днем?

— Ты даже не представляешь, во что вляпался. Что тебе пообещали, если ты сделаешь эту грязную работу?

— Ты не нужен Мерлину, — проговорила Кряква. — Ему нужен лишь Тактик.

— Вещь, которую он не понимает и в которой не нуждается. И которая никогда не будет ему принадлежать.

— И все-таки я хочу его, — сказал Мерлин.

— Ты опоздал, — произнес Страксер. — Тактик сам решил свою судьбу. Грубой демонстрацией силы вы приманили сюда патрульные группы. Скоро они будут у Мундара. Но к этому моменту Тактика не станет.

— Не станет? — переспросил Мерлин.

— Он решил, что должен покончить с собой. Оставшиеся оборонительные системы Мунда-

ра сейчас обращены против самого астероида. Тактик скорее уничтожит себя, чем даст использовать Хейвергалу — ну, или Гаффуриусу.

— Корабль, — произнес Мерлин. — Скажи мне, что это неправда.

— Я бы с радостью, — отозвался «Тиран». — Но, похоже, так оно и есть. Я фиксирую возрастающую интенсивность кинетической бомбардировки Мундара. Мы тоже находимся в зоне риска, из-за моих повреждений.

Мерлин кинулся к ближайшей консоли — убедиться в том, что уже знал корабль. Враждебные эскадры изменили курс и смыкались вокруг Мундара. Виднелись вспышки — в ход пошло противокорабельное оружие. Становилось все жарче.

— Тактик стравил патрульные отряды друг с дружкой и втянул в перестрелку, — с ледяным спокойствием произнес Страксер. — Потом он перетянет часть огня на Мундар и завершит начатую вами работу.

— Это же машина, — сказал Баскин. — Она не может покончить с собой.

— О, бросьте. — Страксер обратил на Баскина внимательный и скептический взгляд. — Для вас это не тайна, разве не так? Или вы собираетесь

разыгрывать искреннее неведение?

— Вы можете думать что угодно, но он, похоже, действительно не в курсе, — сказал Мерлин.

Страксер перевел внимание на Мерлина:

— А вы, значит, знаете?

— Мне попалась пара намеков. И не более.

— Намеков на что? — спросила Кряква.

— Корабль, — Мерлин повысил голос, — начинай рассчитывать маршрут эвакуации. Если это кинетическое оружие сейчас нацелено на Мундар, то через защитный экран теперь легче пробраться, если не мешкать.

— Вы бежите? — поразился Баскин. — Когда добыча так близко?

— Если вы вдруг не заметили, — сказал Мерлин, — вашей добыче надоело жить. Я намерен сократить свои потери, пока они не сократили меня. Всем быстро пристегнуться!

— А как же твоя свирель?! — воскликнула Кряква.

— Найду другую. Галактика велика, в ней отыщется еще несколько штук. Корабль, расчеты готовы?

— Я ослаблен, Мерлин. Поврежден корпус, неисправно оружие, система управления двигателями в прискорбном состоянии. Нет гарантий,

что мы доберемся до безопасного пространства, особенно если силы противника увеличатся.

— Я все-таки рискну и воспользуюсь этим шансом. Страксер, вы вольны нас покинуть в любой момент. Или вы думаете, что, раз я не расстрелял вас из гамма-пушки, у вас больше нет проблем?

«Тиран» пришел в движение. Мерлин ухватился за стену, приготовившись напрячься, если ускорение станет возрастать слишком резко.

— Я думаю, что нашим проблемам конца-края не видать, — невозмутимо отозвался Страксер. — Но мне пока что неохота умирать. И я хотел бы кое о чем вас попросить.

— Вы не в том положении, чтобы о чем-то просить.

— У вас есть канал связи, который вы открывали для меня. Дайте мне доступ к нему и позвольте помириться с Тактиком, пока не поздно. Попрощаться, если вам угодно. Я не сумел отговорить его, но, по крайней мере, могу облегчить его совесть.

— У него нет совести, — проговорил Баскин и скривился, когда ускорение возросло и «Тиран» принялся огибать препятствия и чужие снаряды.

— Еще как есть, — сказал Страксер.

Мерлин прикрыл глаза. Он стоял у двери в

гостиную матери и наблюдал за тем, как она смотрит в окно. Она ощутила его безмолвное присутствие и повернулась в своем строгом черном кресле; руки ее напряглись. Золотое солнце скользнуло по изменившемуся рельефу лица. На миг ее глаза поймали взгляд Мерлина, — серые глаза, наполненные печалью, глаза женщины, которая много знала и видела, как пришел конец всему. Она попыталась заговорить, но не получилось.

Но достаточно было и выражения ее лица. Опечаленное, надеющееся, подбадривающее. Лицо любящей матери, привыкшей к ошибкам сыновей и всегда надеющейся, что их лучшие стороны возьмут верх. Мерлин и Коростель, последние сыновья Изобилия.

— Проклятие! — выдохнул Мерлин. — Проклятие!

— Что? — спросила Кряква.

— Корабль, поворачивай, — приказал Мерлин. — Поворачивай и вези нас к Мундару. Как можно ближе.

Они прошли сквозь плотное, бурлящее облако пыли, полагаясь лишь на сенсоры, тысячи кулаков в гневе молотили по корпусу, пока «Тиран» не отыскал наконец стыковочный шлюз. Тот был

почти таким же, как на «Отвергающем»; благодаря хорошей приспосабливаемости «Тирана» стыковка не представляла труда, и вскоре они закрепились. Баскин собрался было надевать скафандр, но Мерлин сунул ему тускло-бежевый костюм:

— Это иммерсионный костюм Когорты. Надевайте. И вы тоже, Страксер. И поторапливайтесь.

— Что за костюмы такие? — спросил Баскин, вертя в руках потрепанное, неопрятного вида одеяние.

— Скоро поймете. — Мерлин кивнул Крякве. — И ты тоже, солдат. Как только «Тиран» разберется с электронным замком Тактика, он начнет действовать по спасательному протоколу. Это будет скоро.

— Что за спасательный протокол? — В голосе Баскина явственно звучало раздражение.

— Мы идем внутрь, — сказал Мерлин. — Все мы. Сегодня произошло достаточно смертей, и большинство — от моей руки. С меня довольно.

Он ждал за шлюзом — единственная большая вещь в тускло освещенном подземном зале с каменными стенами. Воздух был холодным и, кажется, не рециркулированным. Судя по слабому освещению, у Мундара заканчивались запасы

энергии. Мерлин дрожал в своем иммерсионном костюме. Это было все равно что одеться в бумагу.

— Страксер, я действительно убил сотни людей?

— Угрызения совести, Мерлин?

У Мерлина сжало горло.

— Я никогда не стремился к убийству. Но знако́м с опасностью, для избавления от которой можно заплатить любую цену. Они уничтожили мою планету, мой народ. Лишили Крякву корабля и команды. Они сделают то же самое с каждой человеческой планетой в Галактике, дай им только время. Мне казалось, что, если я смогу принести этой системе мир, это будет стоящим деянием. Хоть кое-что в борьбе против ширящейся тьмы.

— И это оправдывает все ваши действия?

— Я лишь пытался сделать как лучше.

Страксер печально рассмеялся, словно потерял счет тому, сколько раз он слышал это оправдание.

— Единственный способ сделать как лучше, Мерлин, — не убивать. Не тогда, когда это будет для вас удобно, а здесь и сейчас, прямо со следующей минуты. Тактик это понял. — Вдруг Страксер хлопнул себя по шее, словно хотел прихлопнуть

насекомое. — Что происходит?

— Иммерсионный костюм подключается к вашей нервной системе, — объяснил Мерлин. — Это быстро и безболезненно и не причиняет особого вреда. Вы тоже это чувствуете, принц?

— Может, это и не больно, — откликнулся Баскин, — но не могу сказать, что приятно.

— Доверьтесь мне, — сказал Мерлин. — Мы умеем делать такие вещи.

Наконец он почувствовал, что готов уделить Железному Тактику все свое внимание.

Сферическое тело Тактика покоилось на пьедестале в центре зала; тусклый свет придавал металлической обшивке медный, красновато-коричневый оттенок. Нигде на компьютере не видно было ни глаз, ни каких-либо камер, — во всяком случае, Мерлин их не разглядел. Но он кожей чувствовал, что его заметили, осмотрел и измерил разум, отличающийся от его собственного.

Он поднял руки:

— Я — Мерлин. Думаю, я знаю, что ты такое. И ты, вероятно, знаешь, что я такое. Я пытался забрать тебя и причинить вред твоему астероиду. Я сожалею о людях, которых убил. Но теперь я стою перед тобой, безоружный. У меня нет ни оружия,

ни скафандра, и я сильно сомневаюсь, что есть то, при помощи чего я могу причинить тебе вред.

— Вы впустую расточаете слова, — сказал стоящий рядом Баскин, потирая шею.

— Нет, — возразил Страксер. — Не впустую. Тактик слышит его. Он полностью осознает все, что происходит вокруг.

Мерлин коснулся металлической оболочки Железного Тактика и ощутил тепло и пульсацию внутренних механизмов. Когда он оказался рядом, что-то загудело и встряхнулось, последовала череда тихих звуков, словно в огромном бойлере или стиральной машине лилась вода. Мерлин провел рукой по помятому углу одной из толстых пластин брони, затем по пазу между двумя пластинами. Кое-где пластины, крепившиеся на шарнирах, были отвинчены или откинуты, виднелись позолоченные контакты, электрические и химические разъемы и даже ряды индикаторов и органов управления. Стрелки подергивались, огоньки вспыхивали, намекая на таинственные процессы, идущие под броней. Местами сквозь окошки из темного стекла виднелось зеленое свечение.

«Тиран» зашептал Мерлину на ухо, через наушник переводчика. Мерлин кивнул, проговорил

губами ответ, потом снова перенес внимание на сферу.

— Ты чувствуешь мой корабль, — произнес Мерлин. — Он сказал, что понимает твою вспомогательную аппаратуру и может отобразить меня в твоем электронном сенсориуме при помощи этого иммерсионного костюма. Я бы хотел войти. Можно?

Ответа не последовало, — во всяком случае, ни Мерлин, ни его корабль такового не распознали. Но к этому моменту Мерлин уже принял решение и был твердо настроен исполнить его.

— Корабль, проведи нас внутрь. Всех нас. Мы рискнем.

— А если все обернется к худшему? — спросил «Тиран».

— Спасайся. Улетай и найди того, кто сможет использовать тебя во благо.

— Ну, это будет уже не то, — сказал «Тиран».

Иммерсионный костюм унес его из зала. Дезориентация чуть затянулась, а потом Мерлин вместе со спутниками оказался в комнате с высоким потолком — такая вполне могла быть пристройкой Дворца Вечных Сумерек. Но архитектурные детали чуть отличались, льющийся из окон свет был немного не таким, как у него

дома, и далекие очертания холмов оставались недвижными. Под ногами лежал мраморный пол. В белых каменных стенах были проделаны изящные арки окон.

— Я знаю это место, — оглядываясь, проговорил Баскин. — Я провел в этих комнатах бóльшую часть юности. Это императорский дворец в Ларге, до того как его покинули. — Даже в сенсориуме на нем был иммерсионный костюм, и принц с нескрываемым изумлением погладил тонкую ткань. — Потрясающая технология, Мерлин. Я словно вернулся в детство. Но почему именно эти комнаты? Зачем понадобилось воссоздавать дворец?

В помещении была лишь одна дверь. За ней виднелся короткий коридор с высокими окнами по одной стороне и дверями по другой. Мерлин кивком предложил всем двигаться туда.

— Расскажите ему, Страксер. А я посмотрю, насколько точно я угадал.

— Что угадали? — спросил Баскин.

— То, что произошло, когда на это место напали, — ответил Мерлин.

Они вышли в коридор. Страксер, кажется, не знал, с чего начать. Губы его шевелились, но с них не срывалось ни звука. Потом он опустил взгляд,

сглотнул и нашел нужные слова.

— Это нападение — документально подтвержденный факт, — сказал он. — Его целью был юный принц Баскин, и он серьезно пострадал. Провел много дней наполовину погребенным, во тьме и холоде, пока спасатели не добрались до него. Потом принца вылечили и позволили ему вернуться в этот мир. Но на самом деле все было не так.

Они шли вдоль вереницы окон. Открывающийся за ними вид был куда идилличнее любого места на настоящем Хейвергале: были белые башни, разбросанные среди лесов и озер, отливающие фиолетовым холмы вдалеке, невероятно голубое небо.

— Уверяю вас, все было именно так, — произнес принц Баскин. — Иначе я запомнил бы, разве нет?

— Нет, если они не хотели, чтобы запомнил, — сказал Мерлин. Он обогнал остальных на несколько шагов. — Это была попытка убийства. Но завершилась она не так, как вы полагаете. Настоящий принц очень сильно пострадал — намного сильнее, чем вам помнится.

В голосе Баскина проступил гнев.

— Что значит «настоящий принц»?

— Вас подменили, — ответил Страксер. — Чтобы преуменьшить успех нападения и скрыть то, насколько серьезны травмы принца.

— Мой род, — сказала Кряква. — Он поэтому прервался, да?

Мерлин кивнул, но дал Страксеру продолжить.

— Они восстановили этот дворец, насколько сумели, приложив все усилия. Но даже тогда он не был таким идеальным, как тут. Бóльшая часть восточного крыла исчезла. Вид из окон был… далеко не таким красивым. Всего лишь временная мера — до того, как Ларгу покинули окончательно.

Они подошли к единственной открытой двери. Солнце светило сзади, и их тени падали через порог в маленькую круглую комнату.

В центре комнаты стоял на коленях маленький мальчик в окружении деревянных крепостных стен и игрушечных армий. Солдатики выстроились в сложном концентрическом порядке: ряды и колонны переплетались искусно, словно в пазле. Мальчик потянулся к очередной фигурке. Рука его повисла в воздухе.

— Нет, — прошептал Баскин. — Все не так. Внутри нет ребенка.

— После нападения, — тихо ответил Страк-

сер, — жизнь настоящего принца поддерживали лучшие врачи Хейвергала. Все делалось в полнейшей тайне. Так было нужно. Состояние мальчика, степень тяжести его травм, полная зависимость от аппаратов… все это слишком встревожило бы население. С войной все было очень скверно, моральный дух невероятно упал. Единственным выходом и единственным способом поддержать иллюзию оказалась подмена принца. Вы были достаточно похожи, и Баскина взяли, чтобы изображать принца. Одного мальчика заменили другим.

— Этого не было!

— Дети быстро меняются, так что уловка не бросалась в глаза, — сказал Страксер. — Но нужно было, чтобы вы сами в это верили. Поэтому вас растили точно так, как растили бы принца, — в этом дворце, в окружении тех же самых вещей, — и рассказывали истории из его жизни, как будто это происходило с вами. Эти военные игры, солдатики и баталии не были частью вашей прежней жизни, но постепенно вы начали верить в вымышленное прошлое, которое стали воспринимать как правду.

— Вы сказали, что вам наскучила война, — сказала Кряква. — Что вы были болезненным

ребенком, которому надоели игрушечные сражения, и вместо этого вы увлеклись языками. Здесь проявила себя ваша подлинная личность, ведь так? Они окружили вас средствами ведения войны, пытались заставить вас мечтать о ней, но не могли превратить вас в того, кем вы не являлись, даже если бóльшую часть жизни вы верили в эту ложь.

— Но не всегда, — произнес Мерлин, глядя на мальчика: тот передумал и переставил солдатика. — Я думаю, в глубине души вы это знали или помнили. Вы сражались против этой лжи всю свою жизнь. Но больше вам не нужно этого делать. Теперь вы свободны.

— Сперва мы ничего не подозревали, — сказал Страксер. — Даже тех, кто работал непосредственно с Тактиком, побуждали считать его всего лишь машиной, искусственным интеллектом. Медики, участвовавшие в проекте на начальном этапе, умерли либо были вынуждены молчать, а Тактику редко требовалось внешнее вмешательство. Но слухи ходят всегда. Техники, которые слишком много увидели, слишком глубоко заглянули. Другие, как я сам, которые начали сомневаться в официальной версии событий, в этой баечке о сенсационном прорыве в сфере искусственного

интеллекта. Я начал… задаваться вопросами. Почему такого прорыва не произошло у врагов? Почему нам ни разу не удалось повторить наш успех? Но в конечном итоге для меня все решил сам Тактик. Мы — те, кто был ближе всего к нему, — почувствовали перемены.

— Перемены? — переспросил Баскин.

— Нарастающее разочарование в войне. Отказ предлагать простые прогнозы, которых жаждали наши военные лидеры. Советы Тактика сделались… равнотоксичными. Ненадежными. Мы приспособились к этому, стали меньше полагаться на его предсказания и моделирование. Но постепенно те, кто вплотную занимался этим, поняли, что Тактик пытается конструировать мир, а не войну.

— Но мир — это именно то, к чему мы всегда стремились, — сказал Баскин.

— Но лишь одним путем, посредством полной и окончательной победы, — возразил Страксер. — А Тактик больше не считал такой исход желательным. Мальчик, грезивший о войне, вырос, принц. Мальчик, обнаруживший у себя то, чего не предусмотрели хирурги.

— Совесть, — сказал Мерлин. — Чувство сожаления.

Мальчик застыл на середине движения. Он повернул голову к двери и бросил изучающий взгляд. Хрупкий мальчик в военной форме, пошитой специально для него.

— Мы тут, — сказал Стракcер и успокаивающе поднял руку. — Мы твои друзья. Мерлин уже говорил с тобой, помнишь?

Мальчик, кажется, замялся. Он сердито переставил очередного солдатика.

— Уходите, — сказал он. — Не хочу сегодня никого видеть. Я заставлю эти армии так подраться друг с дружкой, чтобы им никогда больше не захотелось драться.

Мерлин шагнул в комнату первым и осторожно приблизился к мальчику, пробираясь между подразделениями. Это были игрушечные солдатики, но Мерлин вполне мог поверить, что каждая фигурка напрямую соотносится с одним из кораблей — приближающихся к Мундару эскадр или оборонительных сооружений на Мундаре.

— Принц… — Он согнулся и оперся руками о колени. — Вы не должны этого делать. Больше не должны. Я знаю, вы не хотите войны. Просто они заставляли вас играть в одни и те же игры. Ведь правда?

— Когда он не давал военным планировщикам

нужных прогнозов, — сказал Страксер, — они пытались принудить его другими способами. Электронным воздействием. Прямой стимуляцией его нервной системы.

— То есть пытками, — уточнил Мерлин.

— Нет, — сказал Баскин. — Этого не может быть. Тактик — это машина. Всего лишь машина.

— Вовсе нет, — возразил Мерлин.

— Я знал, что нужно делать, — сказал Страксер. — Конечно, это долгая игра. Но Тактик всегда был силен в долгих играх. Я дезертировал первым и собрал бандитов здесь, на Мундаре. Лишь после этого мы начали придумывать, как нам забрать Тактика.

— Так, значит, о выкупе речь не шла? — спросил Мерлин.

— Нет, — сказал Страксер. — Это лишь затянуло бы войну. Мы воюем достаточно долго, Мерлин. Пора принять немыслимое — настоящий, длительный мир. Это будет долгий и тяжелый процесс, и им можно управлять лишь с позиции нейтралитета — здесь, вдалеке от воюющих группировок. Он будет зависеть от наших союзников с обеих сторон, хороших людей, готовых рискнуть жизнью, внося крохотные, накапливающиеся изменения под тайным руководством Тактика.

Мы были готовы и даже страстно стремились к этому. Мало-помалу мы начали делать великое дело. Признайте, принц Баскин: в последние месяцы удача начала отворачиваться от вас. Это наших рук дело. Мы побеждали. И тут появился Мерлин. — Стракcер нацепил на себя маску бесстрастности. — Ни один из прогнозов Тактика не предвидел вас, Мерлин, и того ужасного ущерба, какой вы нанесете нашему делу.

— Я же остановился, разве нет?

— Лишь после того, как Мундар сбил с вас спесь.

Комната вздрогнула. С каменных стен посыпалась пыль. Пара игрушечных солдатиков упала. Мерлин знал, что это означает. «Тиран» отразил в сенсориуме реальную атаку, которой сейчас подвергался Мундар. Собственное кинетическое оружие астероида начало проламывать его поверхностный слой.

— Это долго не протянется, — сказал он.

Кряква подошла к Мерлину и присела на корточки между крепостями и армиями. Коснулась руки мальчика.

— Мы можем помочь тебе, — сказала она и взглянула на Мерлина. — Ведь можем?

— Да, — сказал тот. В голосе его сперва звучало

сомнение, потом — растущая убежденность. — Да. Принц Баскин. Настоящий принц. Мальчик, грезивший о войне, а потом переставший. Я тоже в это верю. Нет во Вселенной такого разума, который не мог бы передумать. Вы хотите мира в этой системе? Настоящего, длительного мира, построенного на прощении и примирении, а не на тлеющей веками вражде? И я хочу. И думаю, что вы можете этого добиться, но вам придется солгать. У меня есть корабль. Вы видели, как я вступил в игру. Видели мое оружие, видели, на что оно способно. Вы тоже попортили мне немало крови. Но теперь я могу помочь вам. Помочь сделать правильно. Перестаньте бомбить Мундар, принц. Вы не должны умирать.

— Я же сказал вам: уйдите, — произнес мальчик.

Кряква погладила его по щеке:

— Они делали тебе больно. Очень больно. Но в тебе течет моя кровь, и я не успокоюсь, пока ты не обретешь покой. Но не так. Мерлин прав, принц. Еще осталось время, чтобы творить добро.

— Они не хотят добра, — отозвался мальчик. — Я делал им добро, но им не понравилось.

— Тебе больше не придется волноваться из-за них, — сказал Мерлин, когда комнату снова трях-

нуло. — Поверните оружие прочь от Мундара. Сделайте это, принц.

Рука мальчика зависла над деревянными укреплениями. Мерлин догадался, что это, должно быть, условное изображение защитного пояса Мундара. Мальчик указал на участок зубчатой стены. Казалось, он вот-вот передвинет ее.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — произнес он.

— Выйдет, — пообещал Мерлин.

— Вы приманили их слишком близко, — сказал мальчик, широким жестом указав на собравшиеся полки всех цветов и видов. — Раньше они не знали, где я, а вы им показали.

— Я совершил ошибку, — признал Мерлин. — Тяжелую ошибку. Слишком сильно хотел получить одну вещь. Но я пришел, чтобы искупить свою вину.

Теперь настала очередь Баскина подойти к мальчику.

— Половина жизни у нас с тобой общая, — сказал он. — Они украли жизнь у тебя и заставили меня думать, что она моя. У них получилось. Я уже старый человек и думаю, что в глубине души ты тоже стар. Но у нас есть нечто общее. Мы оба переросли войну, и не важно, признают

это окружающие или нет. — Он присел рядом, задев нескольких солдатиков. Мальчик сердито взглянул на него, но, похоже, решил не возмущаться. — Я хочу помочь тебе. Кряква сказала правду. Вы и вправду родственники. А мы с тобой — нет, но это не значит, что я не хочу помочь. — Он коснулся руки мальчика, зависшей над деревянными укреплениями. — Я помню эти игры. Эти игрушки. Я тоже играл в это. Мы же можем играть вместе, правда?

Баскин медленно, с трепетом повернул одно из сооружений так, чтобы орудия смотрели наружу.

— Мне так не нравится, — сказал мальчик.

— Покажи, как надо, — предложил Баскин.

Мальчик взял укрепление и переставил его. Потом взял другое, придвинул к первому и поднял взгляд на Баскина, ища и одобрения, и похвалы.

— Вот видишь? Правда, так лучше?

— Намного лучше, — подтвердил Баскин.

— А ты можешь переставить вот это, — указал мальчик на другое укрепление. — Ставь его сюда, только задом наперед.

— Вот так? — спросил Баскин с улыбкой, нервной и робкой.

— Немного ближе. Ага, так годится.

Мерлин лишь сейчас осознал, что на время

этого короткого разговора задержал дыхание. Пока еще рано было делать выводы, но комнату больше не трясло. Опасаясь разрушить хрупкие чары, он коротко переговорил с «Тираном», без слов. Корабль подтвердил, что кинетические снаряды больше не падают.

— А теперь переходим к самому сложному, — пробормотал Мерлин, то ли себе, то ли слушателям. — Принц, слушайте меня внимательно. Восстановите эти укрепления. Как можно старательнее, потому что вам надо защитить себя. Предстоит тяжелая работа, очень тяжелая, и вам надо быть сильным.

— Я не люблю работать, — сказал мальчик.

— Никто из нас не любит. Но если вам надоела эта игра, я могу предложить другую, намного интереснее. Вы станете конструировать мир и поддерживать его. Это будет труднее всего, что вы делали до сих пор, но я не сомневаюсь, что вы примете вызов.

— Мерлин, эти флотилии не захотят отступиться, — шепотом сказал Страксер.

— Я их заставлю, — пообещал Мерлин. — Надо только, чтобы принц начал. Дальше его очередь. Фактически — ваша, — поправился он. — Ему потребуется любая доступная помощь, Страксер.

Мерлин придвинулся поближе к мальчику.

— Нам надо будет соврать, — доверительно сказал он. — Соврать, чтобы они нам поверили, эти флотилии. Не навсегда, на такой срок, чтобы мир стал казаться более легким выходом. Я понимаю, что прошу многого, но я знаю, вы справитесь.

Мальчик взглянул на Мерлина в упор:

— Соврать?

— Вы поймете. «Тиран», свяжись с этими кораблями. Со всей бинарной системой. Дай самый мощный сигнал. Захвати все передатчики, какие только найдешь. И переведи эти слова как можно лучше. — Тут он нахмурился и повернулся к Крякве. — Нет. Не он, а ты. Человек, владеющий языком. Это будет лучше моих жалких потуг.

— И я должна сказать?

Мерлин улыбнулся. И сообщил ей. Это не заняло много времени.

— Говорит Кряква из Когорты, — сказала она, и ее слова, уловленные в сенсориуме и прошедшие через «Тирана», пронеслись над руинами Мундара, через оборонный пояс, мимо ожидающих флотилий, к воюющим планетам. — Я пришла сюда по Паутине. Но я уже была здесь раньше, больше тысячи лет назад, и знала короля Рублена еще до того, как вы возвели его на трон. Сейчас

я нахожусь на Мундаре и хочу вам сказать, что войне пора положить конец. Вы нуждаетесь в мире и сотрудничестве, и у вас не слишком много времени на то, чтобы их достичь. К вашей бинарной системе приближается враждебный рой хескеров. Мы обогнали их по Паутине, но они придут сюда. У вас осталось меньше столетия, а может, лишь несколько десятилетий. Потом они будут здесь. — Кряква взглянула на Мерлина, и тот едва заметно кивнул, показывая, что она справляется замечательно, лучше, чем он мог вообразить. — В обычных обстоятельствах это стало бы концом для всех вас. Они уничтожили мой корабль. Рядом со мной стоит человек, которого они лишили родной планеты. Но у вас есть шанс. На Мундаре находится великий разум. Зовите его пока Железным Тактиком. Настанет день, когда вы узнаете его подлинное имя. Железный Тактик поможет проложить путь к миру. А когда мир станет прочным, поможет вам подготовиться. Тактику знакомо ваше оружие, ваши корабли с термоядерными двигателями и кинетические батареи. Вскоре он познакомится с оружием Когорты и сумеет использовать его наилучшим образом. Оружие, способное разносить планеты вдребезги — или защищать их. — Кряква переве-

ла дыхание, и Мерлин коснулся ее плеча, надеясь, что она воспримет это как жест товарищества и солидарности. — Повредите Тактика — и вы останетесь беззащитны перед приближающимся роем. Защитите его, отнеситесь к нему с уважением — и вы получите серьезный шанс. Но Тактик скорее умрет, чем примет чью-нибудь сторону.

— Хорошо! — выдохнул Мерлин.

— Он — моя кровь, — продолжала Кряква. — Моя родня. И я остаюсь здесь, чтобы дать ему всю свою защиту и все возможные советы, какие только потребуются. Вы будете обращаться со мной хорошо, потому что я — единственный известный вам живой свидетель, способный сказать, что видел хескеров вблизи. И я сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

Мерлин сглотнул. Этого он совсем не ожидал. Но Кряква говорила так убежденно, что не могла передумать, в этом он не сомневался. Теперь Мерлин смотрел на нее со жгучим восхищением, потрясенный ее мужеством и целеустремленностью.

— Вы отведете свои силы от Мундара, — сказала Кряква. — И прекратите всякие враждебные действия. Кораблю предоставят свободный проход к Хейвергалу, а оттуда — к Паутине. Вы его не

тронете. Вы не тронете Мундар и не попытаетесь заявить права на Тактика. Ни напоминаний, ни повторных предупреждений не будет — мы выше этого. С вами говорила Кряква из Когорты. Конец связи. Вскоре вы услышите меня снова.

Мерлин потрясенно покачал головой:

— Ты не обязана это делать, Кряква. Это… отважный поступок. Но ты не отвечаешь за тот бардак, что они устроили.

— Не отвечаю, — согласилась Кряква. — Но у нас был шанс, когда мы торговали с ними. Мы не помогли им прийти к миру, а вместо этого поддержали одну из сторон и занялись своими делами. Я не чувствую себя виноватой за то, что происходило здесь все это время. Но я готова что-нибудь изменить.

— Она превосходно командует на нашем языке, — сказал Баскин.

— И говорит убедительно, — добавил Страксер. — Чрезвычайно убедительно.

Мерлин проверил, не продолжается ли передача.

— Все вы знаете, что это ложь. Сюда не идет агрессивный рой. Во всяком случае, все не так, как сказала Кряква. Но такое не исключено, и в ближайшие десятилетия никто не сможет

этого отрицать. Не с вашими сенсорами. Вот что важно: пока вам везло, но не сомневайтесь — рано или поздно какой-нибудь хескерский рой найдет дорогу сюда. Через сто лет, через тысячу — кто знает? Но это случится, как случилось с Изобилием. Разница лишь в том, что вы будете подготовлены лучше нас. — Он снова повернулся к мальчику. — Вам придется тяжелее всего, принц. Но теперь у вас есть друзья. И я уверен в вас. Я знаю, что вы сможете добиться этого мира.

В глазах мальчика вспыхнуло понимание, несмотря на все игрушки и крепости.

— Но когда они узнают, что она соврала…

— Это произойдет не сразу, — сказал Мерлин. — А к тому времени вы позаботитесь, чтобы они привыкли к идее мира. Это не такая уж плохая вещь. Но опять же, вы знаете это и без меня.

— Да, — согласился мальчик.

Мерлин кивнул, надеясь, что мальчик — то, что осталось от мальчика, — ощущает хотя бы немного уверенности и ободрения, которые он старался вложить в свои слова.

— Я скоро улечу. Мне нужно кое-что на Хейвергале, и я предпочел бы получить это поскорее.

— Я применю всю власть, какой еще располагаю, — сказал Баскин, — и постараюсь помочь

вам всеми силами.

— Спасибо. — Мерлин снова повернулся к принцу. — Надеюсь, вы больше не будете одиноки. Я оставлю здесь эти иммерсионные костюмы и несколько запасных. Но даже когда Кряква, Страксер и Баскин не смогут быть с вами, вы не останетесь без компании. — Он склонился к выстроенным полкам. — Есть еще два мальчика, которые тоже любили подобные игры, но их сердца, как и ваше, всегда были где-то далеко. Они могут прийти сюда, если хотите. Думаю, вы поладите.

На лице Кряквы отразилось сомнение. Мерлин кивнул ей, прося довериться ему.

— Они могут прийти, — нерешительно сказал мальчик. — Наверное.

— Мерлин… — заговорила Кряква.

— Что?

— Не уверена, что мы когда-нибудь увидимся снова после твоего отлета. И я знаю, что тут будет небезопасно, к какому бы миру мы ни пришли. Но я хочу, чтобы ты знал две вещи.

— Слушаю.

— Я рада, что ты спас меня, Мерлин. И если я ничем не показывала своей благодарности…

— В этом не было необходимости. Война слиш-

ком много отняла у нас обоих, Кряква. О чем тут говорить? Ты сделаешь все правильно, я в этом уверен. Возможно, я еще вернусь сюда.

— Ты же знаешь, что не вернешься, — сказала Кряква. — Так же как не вернулся на Изобилие.

— А второе?

— Бери свой корабль, бери свою свирель и найди свое оружие. Ради меня. Ради твоей матери, твоего брата, ради всех, погибших на Изобилии, всех, погибших на «Сорокопуте», всех, погибших здесь. Это твой долг перед всеми нами.

Мерлин хотел было что-то сказать, но за долю секунды решил, что слова излишни. Они в последний раз посмотрели друг другу в глаза, и в этих взглядах отразилась признательность, и согласие со своими обязательствами, и принятие долга, и дерзновенная надежда на лучшие времена.

А потом Мерлин вышел из сенсориума.

Через считаные секунды он был на «Тиране».

— Уноси нас отсюда, — сказал он. — Отключи ограничения скорости. Если я сломаю несколько костей — не страшно, срастутся.

— Принял к исполнению, — отозвался «Тиран».

Темный кораблик Мерлина был побит и помят, но ускорение пришло все так же резко и сильно, и Мерлин чуть не пожалел о своем самоуверенном

замечании насчет костей.

— Когда сможешь, — сказал он, — перенеси сенсориум Коростеля на Железного Тактика. Весь целиком. Весь Дворец Вечных Сумерек.

— Ты хочешь сказать — скопируй?

— Нет, — сказал Мерлин. — Перенеси, а тут сотри. Целиком. Если я когда-нибудь пожелаю снова пройти по этим коридорам или увидеть, как печалится моя мать, я просто вернусь на Мундар.

— Пожалуй, это… уж слишком.

— Расскажи об этом Крякве. Она пожертвовала столько, что мне и не снилось.

«Тиран» пробрался через редеющее облако обломков. Мерлин оглядел навигационные консоли и восхитился: корабль рассчитал разные варианты курса и протестировал каждый, пока не нашел тот, который обещал безопасный проход к…

— Нет, — сказал Мерлин. — Не к Паутине. Сперва нам нужно заглянуть на Хейвергал и забрать свирель.

— Мерлин, ты что, не изучил данные? Я пригляделся к ней повнимательнее после твоего осмотра.

— Она настоящая.

— Настоящая, но повреждена так, что ей опасно

пользоваться. Куда более рискованно, чем твоей нынешней свирелью. Я бы упомянул об этом раньше, но…

— Как так — повреждена?

— Возможно, это случилось еще до того, как Радужница ее продала. Не думаю, что это был сознательный обман. Просто поломанную свирель очень трудно отличить от работающей, не имея достаточного опыта.

— И ты скрыл это от меня?

— Мне было любопытно, Мерлин. Как и тебе. Еще один искусственный разум. Я думал, мы хотя бы посмотрим, что это за Железный Тактик.

Мерлин понимающе кивнул. Порой ему начинало казаться, что его почти ничего больше не удивит. Но у Вселенной всегда находилось что-нибудь в запасе, и самоуверенность Мерлина пропадала.

— Кстати, раз уж мы говорим об этом… Тот фокус, что ты провернул, когда я попытался подстрелить Страксера из гамма-пушки…

— Ты пожалел бы об этом, Мерлин. Я лишь избавил тебя от бесконечных лет, заполненных угрызениями совести и чувством вины.

— Нарушив при этом прямой приказ.

— Глупый, нецелесообразный и порожденный

одной только злостью. Кроме того, пострадавшей стороной был я, а не ты.

Мерлин задумался:

— Я и не знал, что ты способен на такое.

— Значит, мы оба узнали кое-что новое друг о друге.

Мерлин улыбнулся — что ему еще оставалось?

— Только давай не будем превращать это в привычку, ладно?

— В этом, думаю, — сказал «Тиран», — мы на удивление единодушны.

Мерлин почувствовал, как заработали рулевые двигатели, резче обычного, и подумал о повреждениях, которые надо устранить, и о тяжелых днях впереди. Ну, не важно. Прежде чем переживать из-за трудностей, надо прочесть молитву за его старую, потрепанную свирель.

Мерлин надеялся, что молитва будет услышана.

Оружие Мерлина

Сору спас наряд вне очереди.

Если бы она не показала худший результат по стрельбе, ей не приказали бы надзирать за прокторами в корабельных доках. Ей не пришлось бы стоять часами в компании одного лишь фамильяра, отмечая лазерным стилусом образцы, которые прокторы доставляли на корабль-поглотитель, и мечтая о встрече с Ремезом после конца смены. Рутинная работа вызывала скуку. Однако, поскольку доки открывались в космическое пространство, требовалось быть в скафандре.

— Наверное, учебная тревога, — сказала она, когда на них напали.

— Нет, — ответила фамильяр. — Похоже, на этот раз до нас действительно добрались.

Спокойствие Соры как рукой сняло.

— Сколько их?

— Рой из четырех элементов, атака обычного вида, оружие на основе когерентной материи, с максимальной дальностью… Применение новамина не дало особого результата. По предварительным оценкам, мы несем тяжелые потери, которые почти наверняка занижены.

Пол под ногами Соры качнулся. Антропоморфные прокторы, ростом примерно ей по колено, нервно переглянулись. У них не было опыта боевых действий, как и у Соры, но, в отличие от нее, с обучающими военными симуляциями они не сталкивались.

Сора выронила планшет:

— Что же мне делать?

— Советую, — отозвалась фамильяр, — задействовать древнюю реакцию бегства, присущую млекопитающим, и валить отсюда как можно скорее.

Повиновавшись, Сора ухнула вниз, в тесные коридоры, пронизанные гирляндами труб, мимо стен, расписанных граффити с историей основных сражений Когорты: стреляющие друг по другу эскадрильи кораблей, планеты, окутанные пламенем. Развязка была гораздо ближе, чем представлялось при рассматривании неторопливого рассказа в рисунках. Рой преследовал «Бекас» в течение девяти лет по судовому времени: Сора успела окончить кадетскую школу и теперь считалась взрослой. За пределами корабля с его релятивистским замедлением времени прошло почти шестьдесят лет. Капитан Чагра предприняла все возможное, чтобы оторваться

от роя. Ее последний ход был самым отчаянным: она использовала чудовищную гравитацию нейтронной звезды, чтобы заставить корабль-поглотитель резко сменить курс. Вражеские корабли не могли продолжать преследование, не совершив еще более самоубийственного маневра. Однако «Бекасу» пришлось перейти на досветовую скорость, чтобы залатать раны в одной заброшенной системе. Именно там рой их и настиг.

Ближе к концу пути пол ушел у Соры из-под ног, потому что отключились гравитационные системы корабля. Дальше она подтягивалась на руках.

— Здесь что-то не так, — сказала Сора, добравшись до спасательных капсул. — Эта секция должна быть загерметизирована. Где все остальные?

— Должно быть, атака была гораздо серьезней, чем говорилось в первичном донесении. Советую как можно быстрее забраться в капсулу.

— Я не могу бросить Ремеза!

— Предоставь это мне.

Зная, что лучше не спорить, Сора влезла в ближайшую цилиндрическую капсулу на пусковой платформе, готовую к катапультированию. Люк захлопнулся, внутрь устремился воздух.

— Что с Ремезом?

— Он в безопасности. Атака была серьезной, но, судя по последнему сообщению, кормовая секция выдержала.

— Тогда давай выбираться отсюда.

— С огромным удовольствием.

Внезапное ускорение заставило онеметь позвоночник.

— У меня плохие новости, — произнесла фамильяр. Ее голос, похожий на голос самой Соры, был на октаву ниже и спокойнее, будто принадлежал старшей и более здравомыслящей сестре. — К сожалению, я была вынуждена тебе солгать. Мой главный долг — обеспечить твое выживание. Если бы я сказала правду, ты бы отказалась эвакуироваться.

Сора попыталась понять, о чем она говорит, глядя из своей капсулы, как умирает корабль. Оружие хескеров попало в центральную сферу, почти полностью уничтожив зеркало приемника. В космическом пространстве разлетались тела, крохотные и окоченевшие, словно снежинки. Сферу лизнули языки огня. «Бекас» превратился в ослепительный огненный цветок, который темнел, отцветая.

— Солгать? Насчет чего?

— Насчет Ремеза. Мне очень жаль. Он не спасся. Кроме тебя, не спасся никто.

Сора ждала, зная, что эти слова скоро должны подействовать. Она понимала, что переживаемое в эти мгновения только предваряет шок — как в кадетском корпусе, когда она взялась за раскаленный оружейный ствол. Сначала пальцы ощутили жар, боль пришла потом, давая время подготовиться к ее укусу. Сора ждала, зная: это будет самым ужасным из всего, что она когда-либо чувствовала. Ждала… и продолжала ждать.

— Что со мной не так? Почему я ничего не чувствую?

— Я тебе не позволяю. Не сейчас. Если позже ты захочешь погоревать, я восстановлю соответствующие мозговые функции.

Сора подумала и об этом.

— А еще циничнее нельзя?

— Не думай, что мне легко, Сора. У меня мало опыта в таких делах.

— Ну, теперь его явно прибавилось.

Без сомнений, Сора оказалась единственной уцелевшей. Больше не спасся никто из команды, а Сора выжила только потому, что, будучи никудышным солдатом, получила взыскание. Ждать помощи было бесполезно: ближайшая

материнская база Когорты находилась за семьдесят световых лет, в направлении галактического ядра. Даже если другие корабли-поглотители находились в пределах досягаемости сигнала, ближайший из них смог бы поймать его лишь через десятки лет. И еще десятки лет ушли бы на то, чтобы развернуться и добраться до Соры. Спасения не было. Она застрянет здесь, дрейфуя вокруг безымянного солнца, пока энергетических ресурсов камеры не станет мало даже на поддержание системы анабиоза.

— А где корабли противника? — спросила Сора, охваченная внезапным желанием увидеть свою Немезиду. — Где эти уроды?

Перед экраном ее шлема развернулась карта системы с четырьмя кораблями хескеров, пережившими маневр вокруг нейтронной звезды. Они находились рядом с двумя Путями, пересекающими систему, — те выглядели как ровные прямые трещины, окруженные затемненными зонами риска. Возможно, хескеры, как и Когорта, пытались найти безопасный вход в Паутину, чтобы положить конец войне, которая тянулась уже двадцать три тысячи лет. Когорта воевала с хескерами с тех самых пор, как эти безжалостные инопланетные киборги появились из древней

сферы Дайсона рядом с галактическим ядром.

— Я не представляю для них интереса, — сказала Сора. — Они знают, что если кто-нибудь и уцелел, это ненадолго. Так ведь?

— Их трудно обвинить в отсутствии прагматичности.

— Я хочу умереть. Я хочу погрузиться в сон и больше не проснуться. Ты ведь можешь это сделать? Ну, если я прикажу?

Сора не успела завершить свою мысль. Ее разум остановился, за исключением сознания фамильяра, мысли которой медленно просачивались сквозь ее собственные. Похожую остановку Сора переживала на борту «Бекаса», когда команда ложилась в анабиоз на время самых длинных перемещений между сражениями. Но ни один анабиоз еще не длился так долго. Прошла целая вечность, пока ее сознание не начало медленно воскресать. Сора попыталась вспомнить, как произносятся слова.

— Ты опять меня обманула!

— На этот раз я отказываюсь признавать себя виновной. Я всего лишь избежала ситуации, в которой ты могла отдать мне приказ. В тех условиях это казалось наилучшим выходом.

— Да уж, не сомневаюсь. — За то бесконечное

мгновение, что Сора провела лишенная мыслей, капсула стала матовой, скрыв из вида звезды и обломки корабля. — Что еще?

Капсула постепенно прояснилась, открывая медленно вращающийся звездный горизонт над слоем грязного льда. Стекло, когда-то абсолютно чистое, покрылось глянцевой копотью.

— Пока ты спала, — отозвалась фамильяр, — я использовала оставшееся топливо, чтобы посадить капсулу на обломок кометы. Это выглядело более безопасным, чем дрейф.

— Сколько времени прошло? — Сора попыталась сориентироваться по состоянию капсулы, но внутреннее пространство никак не изменилось после катапультирования с «Бекаса». Тем не менее внезапно появившаяся дымчатость стекла была тревожным признаком. Соре не хотелось думать о том, за сколько лет космические лучи могли так источить поверхность. — Годы, десятилетия или дольше?

— Может, сначала рассказать, почему я тебя разбудила?

— Если это имеет какое-то значение…

— Думаю, имеет, и весьма большое. — Фамильяр взяла эффектную паузу. — Кто-то решил навестить нашу систему.

Карта изменилась, показав относительные позиции тел в звездной системе, и Сора увидела неопознанный корабль, обозначенный сиреневой стрелкой. Он медленно полз между транзитными узлами Паутины — утолщениями в тех местах, где ее линии пересекали плоскость эклиптики.

— У него есть работающая свирель, — с изумлением произнесла Сора, чувствуя, что смерть перестала казаться ей желанным исходом. — Он пользуется Путями.

— Думаю, по такому случаю стоило тебя разбудить.

У Соры оставалось восемь часов, чтобы послать сигнал кораблю, пока тот передвигался между узлами Паутины. Она выбралась из капсулы — тело одеревенело, ныло и плохо слушалось, но в целом работало — и отправилась к кратеру, который фамильяр обнаружила на обломке кометы годами раньше. Тремя тысячами лет раньше, если точнее — именно за столько лет стекло источилось до матовости. Поначалу эта новость вызвала шок, но потом Сора сообразила, что временной промежуток не играет роли. Все, что она знала, осталось на корабле. Когда тот погиб, время потеряло значение.

Но теперь появился этот пришелец. Сора пересекла кратер крест-накрест, оставляя след из металлической мононити, и ходила взад-вперед, пока воронка не скрылась под беспорядочно сияющей паутиной. Паутина выглядела так, будто ее плел пьяный паук, но фамильяр уверяла, что этого достаточно для приема радиосигнала. Антенной служила сама Сора: ее костюм был покрыт проводящим эпидермисом, защищающим от плазменного и ионного оружия. Пустив по нему ток, фамильяр генерировала радиоимпульсы. Радиоволны расходились от Соры во все стороны, но кратер отражал большую их часть. Надо было ходить от одного края к другому, чтобы сигнал немедленно попал в фокус антенны, как только корабль появится в поле зрения.

Через два часа местного времени пришелец взял курс на обломок кометы. Когда он приблизился, Сора спряталась в снежной пещере и сделала скафандр невидимым для теплового излучения. Корабль воткнулся в обломок, острый, как стилет, еле различимый из-за света звезд. Он был длинным, угольно-черным, покрытым узлами двигательных установок и неизвестных орудий, торчавших из корпуса, словно рыбы-прилипалы. Однако на нем были знаки Когорты, и

не наблюдалось никакого сходства с органическим дизайном кораблей хескеров. Пурпурный луч вырвался из брюха корабля и рассек темноту, освещая кратер. Осмотревшись, корабль приблизился к капсуле и встал на лед, выпустив захваты.

— Как такая кроха сумела сюда добраться?

— Чтобы использовать Паутину, не надо быть большим, — отозвалась фамильяр.

Через пару минут выдвинулся трап, коснувшись льда. На нем показалась фигура в скафандре. Человек — судя по очертаниям, мужчина — направился к капсуле и принялся сбивать с нее лед, потом наклонился и стал осматривать ее. Ребристый скафандр, украшенным сияющими линиями, придавал ему сходство с обнаженным воином древности, покрытым ритуальными шрамами. Поковырявшись в рукаве, мужчина что-то достал и воткнул в контактное гнездо на боку капсулы. Затем поднялся и замер, слегка наклонив голову.

— Любопытный, зараза, — прошептала Сора.

— Не будь неблагодарной. Он пытается тебя спасти.

— Ты уже загрузилась?

— Не уверена. — Перед тем как Сора выбралась

из капсулы, фамильяр оставила там свою копию. — В его костюме вообще может не оказаться опции для моей загрузки.

— Я хочу показаться ему.

— Будь осторожна, ладно?

Сора встала, подняв вихрь ледяных игл. Мужчина немедленно обернулся к ней; провод отделился от капсулы и втянулся обратно в его рукав. Полосы на его скафандре сделались оранжевыми и ярко-красными. Он открыл ладонь, показывая, что держит пульт управления корабельными пушками, которые зашевелились на корпусе, как змеи.

— На твоем месте, — прокомментировала фамильяр, — я бы приняла самую покорную позу, какую можно представить.

— Шла бы ты…

Сора сделала несколько шагов вперед, стараясь, чтобы походка не выдала ее страха. Зашумело радио, сообщая, что со вторым скафандром установлена связь.

— Кто ты? Ты меня понимаешь?

— Великолепно понимаю, — ответил мужчина после небольшой заминки. У него был глубокий, хорошо поставленный голос без какого-либо знакомого Соре акцента. — Ты из Когорты. Мы

говорим на Всеобщем, плюс-минус несколько килолет лингвистического дрейфа.

— Ты слишком хорошо на нем говоришь для человека, вылетевшего десять тысяч лет назад.

— С чего ты взяла?

— Достаточно легко подсчитать. Твой корабль сделан за семь тысяч лет до моего времени. И еще три тысячи лет я проспала.

— А-а. Я бы постарался прилететь вовремя и разбудить тебя поцелуем, если бы ты не была такой злой. Ты это к чему?

— Мы вообще не должны понимать друг друга. Поэтому мне кажется, что ты лжешь.

— Понятно. — На мгновение Соре показалось, что он негромко рассмеялся, будто замурлыкала огромная кошка. — Даже удивительно, почему я должен все это выслушивать, учитывая, что вовсе не я нуждаюсь сейчас в спасении.

Его скафандр успокоился, агрессивные линии остыли до нейтральных тонов — голубых и желтых. Он позволил руке медленно опуститься.

— По-моему, — прокомментировала фамильяр, — он дело говорит.

Сора сделала шаг вперед:

— Я просто немного нервничаю, в моем положении это неудивительно.

— На тебя напали?

— Можно сказать и так. Рой уничтожил мой корабль-поглотитель.

— Дело дрянь, — кивнул он. — Я не видел поглотителей уже два с половиной килогода. С тех пор как хескеры принялись атаковать материнские базы, они стали слишком сложны для изготовления. Когорте пришлось откатиться назад, до ядерных двигателей. Осталось недолго до возвращения к кораблям поколений и ракетам на химическом топливе.

— Спасибо за сочувствие.

— Извини. Я не хотел выглядеть бестактным. Я странствую, а это сильно размывает перспективу. Кроме того, я лучше тебя знаю, что творилось в последнее время. Именно поэтому я тебя понимаю. — Он постучал по шлему рукой. — У меня тут база данных по языкам чуть ли не со времен Расцвета.

— С чем тебя и поздравляю. А кто ты вообще такой?

— А, конечно. Забыл представиться. — Он протянул свободную руку, на этот раз в подобии приветственного жеста. — Мерлин.

Она знала, кто он такой, хоть это было невозможно и противоречило всякому здравому

смыслу. Они никогда не встречались раньше, но про Мерлина знали все — человек-легенда, иначе не скажешь. Семь, а точнее десять тысяч лет назад именно он совершил знаменитую кражу и скрылся из Когорты, исчезнув в недрах Галактики в поисках мифического оружия, слишком ужасного, чтобы его использовать. С тех самых пор и до настоящего момента никто его не встречал.

— Спасибо, что спас меня, — сказала Сора Мерлину, когда тот проводил ее в рубку своего корабля, носившего название «Тиран». Два пилотских кресла, огромных и черных, располагались в сферическом помещении напротив обзорной панели из безупречного метасапфира, сквозь которую виднелась ледяная поверхность кометы.

— Главное, не переборщи с благодарностью, — посоветовала фамильяр.

Мерлин пожал плечами:

— Не за что.

— Прошу прощения, если я говорила слишком резко.

— Проехали. Как ты сама сказала, издержки твоего положения. На самом деле я рад, что нашел тебя. Не поверишь, насколько в наши дни трудно найти человеческую компанию.

— Никто не обещал, что в этой галактике будет

легко.

— А сейчас — тем более, поверь мне. Когорта теряет целые звездные системы. Я видел миры, до основания разрушенные хескерами, цепи орбитальных колоний, пожираемые ядерным огнем. Война подходит к концу, и Когорта дальше от победы, чем когда-либо. — Мерлин придвинулся к ней, его глаза внезапно загорелись энтузиазмом. — Но я нашел то, что может изменить ситуацию, Сора. Или, как минимум, неплохо представляю, где это искать.

Сора медленно кивнула:

— Интересно, что это. Знаменитое оружие Мерлина?

— Ты до сих пор сомневаешься, что я тот, за кого себя выдаю?

— Есть кое-какие сомнения.

— Конечно, ты имеешь право.

Он театрально вздохнул и широким жестом обвел рубку.

Все участки стен, не занятые контрольными приборами, были увешаны трофеями: наряды, украшения и драгоценности, поражавшие своей красотой и мастерством исполнения. Благородные металлы переливались всевозможными оттенками и были отделаны драгоценными

камнями, ограненными лучшими ювелирами тысячи миров. Черепки древних сосудов с изысканной росписью и крохотные сияющие голограммы. Кинжалы и броши, богато украшенные церемониальные лазеры и браслеты, мечи устрашающего вида, гротескные карнавальные маски с глазами из сердолика.

— Думаю, — сказал Мерлин, — этого достаточно, чтобы тебя убедить.

Он скинул скафандр — плавно, как змея сбрасывает кожу, — и Сора увидела то, чего ждала и боялась увидеть: красивого широкоплечего мужчину, в полной мере соответствующего ее представлениям о легенде. Мерлин был облачен в роскошные одеяния и носил драгоценности, выглядевшие, правда, довольно аскетично по сравнению с теми, что висели на стенах. У него была аккуратно подстриженная небольшая бородка; длинные каштановые волосы рассыпались по плечам, как львиная грива. Он излучал величие.

— Выглядит впечатляюще, — сказала Сора. — Хотя, может, бóльшая часть этого награблена. Хорошо, считай, ты наполовину меня убедил. Но, согласись, в такое трудно поверить.

— Ну, а по-моему, нет. — Он покрутил замыс-

ловатое кольцо на большом пальце. — С тех пор как я отправился в свое… путешествие, — он произнес это слово с тонкой неприязнью, — прошло меньше одиннадцати лет субъективного времени. Поняв, что моя маленькая охота приняла настолько эпичные размеры, я, как и любой другой человек, ужаснулся.

— Можно себе представить.

— Когда я улетал, существовало негласное убеждение, что войну можно выиграть за несколько столетий. — Мерлин щелкнул пальцами застывшему в ожидании проктору, и тот принес блюдо с фруктами. Сора взяла сливу, придирчиво ее изучила и отправила в рот.

— Уже тогда, — продолжил Мерлин, — все начало меняться. Но, кроме меня, никто ничего не замечал.

— И ты решил действовать на свой страх и риск.

— Я бы сказал, что я решил стать свободным художником. Я понял, что гораздо лучше послужу человечеству, если покину Когорту. Мне не давали покоя древние предания. — Мерлин улыбнулся. — Как видишь, даже легенд преследуют легенды.

Он рассказал о том, что было дальше, — Сора

уже знала все по разным пересказам. Однако было невероятно увлекательно услышать это из уст самого Мерлина — и заодно отделить зерно истины от шелухи, от фальши и полуправды, вздымавшихся, словно пыль вокруг протозвезды. Мерлин собрал огромное количество преданий десятков человеческих цивилизаций докогортовых времен, отделенных друг от друга тысячами световых лет, история которых насчитывала десятки тысячелетий. Сходство между этими преданиями было не всегда очевидно, но Мерлин, как мог, проанализировал закономерности и выделил факты, лежавшие в основе исходной структуры.

— Давным-давно случилась война, — сказал он. — Не настолько большая, как наша, на гораздо меньшем участке пространства, но от этого не менее жестокая.

— Как давно это было?

— Сорок или сорок пять килолет назад. Вскоре после того, как исчезли Пролагающие Путь. Килолет за двадцать до возникновения первого подобия Когорты. — Казалось, глаза Мерлина остекленели. Голос его зазвучал громко и странно. — Это случилось в ту долгую темную эпоху Галактического Средневековья, когда зарожда-

лись тысячи цивилизаций. Каждая считала, что победила время, но спустя тысячелетия до нас дошли только их тени.

— Да, весьма поэтично. Но кто с кем воевал? Люди друг с другом или, как сейчас, люди против инопланетной расы?

— Не важно. Кем бы ни был враг, он уже не вернется. Оружие, примененное против него, оказалось таким смертоносным, могучим и грозным, что война закончилась в одночасье.

— Оружие Мерлина.

Он кивнул, поджав губы и выглядя почти смущенным:

— Звучит так, будто у меня есть на него патент или я каким-то образом за него отвечаю. — Мерлин пристально посмотрел на Сору, блистающее убранство рубки отразилось в его золотых глазах. — Но я никогда не видел его, даже не стоял рядом, и только недавно у меня возникло четкое представление, чем оно может быть.

— Но ты знаешь, где оно находится?

— Думаю, да. Не так далеко. В оке бури.

Они покинули комету, проведя восемь дней в пути до ближайшего входа в Паутину, большую часть из них — в анабиозе. У Соры была своя каюта: шарообразное помещение в глубине

корпуса «Тирана», с отделкой темно-красного и темно-синего цветов. Корабль был небольшим, но оказалось, что его интересно исследовать, подмечая различия между кораблями Когорты и тем, на котором выросла Сора. Во многих отношениях «Тиран» был гораздо более совершенным, чем техника ее времени, особенно если говорить о двигателях, защите и сенсорах. Однако в некоторых областях техника Когорты продвинулась гораздо дальше, чем во времена Мерлина. Прокторы Мерлина были менее совершенны, чем бывшие подопечные Соры, за которыми она приглядывала, пока хескеры не атаковали ее корабль. Кроме того, во времена Мерлина не было фамильяров, и она не видела необходимости рассказывать ему о своем нейронном симбионте.

— Итак, — проговорила Сора, оставшись одна, — что ты можешь сказать о легендарном Мерлине?

— Пока ничего особенного. — Фамильяру удалось установить связь со своей копией, которую она внедрила в «Тиран» через скафандр Мерлина. — Если он и правда лишь выдает себя за историческую фигуру, известную нам под именем Мерлина, ему пришлось приложить невероятные усилия, чтобы достичь правдоподобия. Внутрен-

ние журналы его корабля подтверждают, что он покинул пространство Когорты десять тысяч лет назад и с тех пор находится в поиске.

— Сейчас он откуда-то возвращается. Хорошо бы узнать откуда.

— Это сложно, учитывая, что у нас нет ни малейшего представления о глубинной топологии Паутины. Я могу задать поиск по известным характеристикам звездных полей, но это займет время, и все равно останется слишком много пространства для спекуляций.

— Ты должна была хоть что-нибудь раскопать.

— Конечно. — Судя по тону, фамильяр почувствовала себя оскорбленной. — Я нашла кое-какие записи. Часть — в неизвестном формате, но думаю, что смогу в них разобраться.

Сора не успела и слова сказать, как фамильяр включила экран на одной из полусфер каюты. На нем начали прокручиваться виды звездных систем, сменяясь раз в секунду, — планеты и узлы Паутины, вращающиеся вокруг каждого светила. Над обитаемыми планетами висели их увеличенные изображения, на которые были наложены скупые астрофизические и военные данные, сообщающие о роли планеты в войне. Мерлин побывал в разных местах. Протозвездная

галактика — зелено-красный осьминог, испещренный точками голубых горячих звезд. Остатки сверхновых, внутренности взорванных звезд, сотни которых погибли со времен Расцвета, на короткое время вспышкой затмив галактику.

— Как ты думаешь, что он искал? — спросила Сора. — Все эти точки явно находятся в пределах Паутины, но на огромном расстоянии от любой цивилизации.

— Понятия не имею. Может быть, сувениры?

— Мерлин точно не засечет, что ты залезла в эти данные?

— Однозначно. Разве он должен беспокоиться, если ему нечего скрывать?

— Спорный вопрос.

Сора оглянулась на запертую дверь каюты, будто ожидала, что сейчас сюда войдет Мерлин. Конечно, это было абсурдно, учитывая, что фамильяр, имевшая доступ к данным корабля, в любую минуту могла сказать, где именно он находится, и заранее предупредить Сору. Однако та все равно чувствовала себя неспокойно, задавая неизбежный вопрос:

— Еще что-нибудь?

— Много всего. Даже записи с внутренних камер корабля.

— Прошу прощения. Здравый интерес к тому, где он был, — это одно, но шпионить за ним — совсем другое!

— А если я скажу, что он не был с тобой до конца честен?

— Ты же говорила, что он мне не лгал.

— Да, ни в чем существенном. Что еще более странно. — В голосе фамильяра прозвучало самодовольство. — Вот теперь тебе стало интересно, правда?

Сора вздохнула:

— Давай показывай.

На экране возник рыдающий Мерлин. Он почему-то казался старше, хотя трудно было сказать наверняка: лицо скрывали ладони. Сора едва смогла разобрать, что он пытается произнести в перерывах между рыданиями.

— И таких записей — тысячи часов, — прокомментировала фамильяр. — Вначале это похоже на серьезное намерение вести дневник, но быстро вырождается в попытки выплакаться.

— Я бы сказала, он приложил большие усилия, чтобы не свихнуться.

— Больше, чем ты думаешь. Мы знаем, что, по его словам, он летит десять тысяч лет. Хорошо, допустим. Это объективное время. Но кроме того,

он сказал, что прошло всего одиннадцать лет по корабельному времени.

— Это не так?

— Выражаясь дипломатически, я подозреваю, что цифры самую малость занижены. Так, на сколько-то десятилетий. И я не думаю, что он провел бóльшую их часть в анабиозе.

Сора попыталась вспомнить, что ей известно о способах продления жизни в Когорте во времена Мерлина.

— На этих записях он выглядит старше, чем сейчас, правда?

Фамильяр предпочла не отвечать.

Когда они почти подошли к Паутине, Мерлин вызвал ее в рубку.

— Мы рядом с транзитным узлом, — сказал он. — Лучше сесть в кресло, потому что вход может быть немного… интересным.

— Переход в Паутину через триста секунд, — возмутительно спокойным тоном сообщил корабль.

Полумесяц окна кабины показывал звездное поле, через которое тянулось размытое мигающее волокно, словно волна, пробегающая по полуночному озеру. Сквозь это волокно, шириной не более размаха рук, но расширяющееся с

каждой секундой, Сора смутно различала звезды. На волокне виднелось утолщение — как на змее, заглотившей добычу. Это и был транзитный узел — точка, совпадающая с эклиптикой и дающая проход в ускоренное пространство-время Паутины. Хотя поток времени был абсолютно прозрачным, от него оставалось призрачное ощущение головокружительного движения.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Конечно нет. — Мерлин откинулся на сиденье, забросив ноги на консоль и сложив руки за головой. Рубку заполнили звуки древней инструментальной музыки, нарастая вплоть до великолепной, тщательно выверенной по времени кульминации. — Что не отменяет невероятной сложности этого маневра, требующего огромной храбрости и колоссальных умений.

— Меня беспокоит, что ты можешь оказаться прав.

Сора вспомнила, как капитан Чагра посылала в Паутину пробы — только чтобы увидеть, как их рвет в клочья инерция, способная разобрать материю до фундаментальных частиц. Паутина мигала, потому что в нее постоянно залетала космическая пыль, исчезая в небольших вспышках экзотического излучения. Прямо сейчас, подума-

ла Сора, они движутся в сторону этой границы, исполненные решимости осуществить то, что может оказаться гарантированной гибелью.

Она постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно:

— Как ты используешь свирель, Мерлин?

— Да там смотреть не на что. Черный конус, примерно с тебя размером. Уже в мое время мы не могли создавать их и даже разбирать без риска те немногие, что остались. Очень ценная вещь.

— Если верить легендам, Когорта была не в восторге, когда ты украл одну из них.

— Не все ли им было равно? Свирелей оставалось очень немного, и Когорта просто боялась их использовать.

Сора пристегнулась.

Она примерно представляла, что должно случиться, хотя уже много десятков тысяч лет никто точно не знал, что именно происходит в этот момент. У самого входа в Паутину свирель создавала ряд квантово-гравитационных флуктуаций в пограничном слое — оболочке не толще постоянной. Планка, которая отделяла нормальное пространство-время от ускоренного пространства-времени Паутины. На мгновение инерция движущегося тела исчезала, позволяя кораблю

зайти в ускоренную среду и не быть разорванным на куски.

В любом случае это была всего лишь теория.

Музыка достигла крещендо, корабль увеличил ускорение, и Сору с Мерлином вжало в кресла. Визг двигателей слился со звуком скрипок слишком гармонично, чтобы это было случайностью. Мерлин сидел с неизменным лукавым видом. Каскад струящихся нот пронесся поверх музыки: песня свирели, переведенная в звуковой спектр.

Ускорение достигло предела и внезапно оборвалось, как и музыка.

Сора выглянула в иллюминатор.

На мгновение ей показалось, будто солнце системы, ближайшие планеты и звезды остались такими же. Однако через несколько секунд Сора поняла, что они стали гораздо ярче — и будто бы голубее — в одном полушарии, краснее и тусклее — в другом. С каждой секундой они краснели и голубели все сильнее и наконец, повинуясь релятивистским потокам, стали сближаться, словно косяки сияющих рыб. Откуда ни возьмись в пространство ворвалась планета, в первую секунду выглядевшая сплющенной. Система позади них словно застыла, отсвечивая красным, будто металлическая модель самой себя, которую только

что извлекли из горнила.

— Переход в Паутину завершен, — доложил корабль.

Позднее Мерлин провел Сору к носовому наблюдательному пузырю — герметичной сфере из метасапфира, которая выдвигалась из корпуса корабля наподобие глаза на стебле. Когда они поднялись, Мерлин запечатал входную перемычку, и та поменяла цвет на серый, слившись с непрозрачными стенами.

— Не хотелось бы тебя беспокоить, — сказала фамильяр, — но отсюда я не могу связаться со своей копией в корабле. Случись что, у меня не будет возможности…

Сора поцеловала Мерлина, заставив голос в своей голове замолчать.

— Извини, — почти тут же произнесла она. — Мне показалось…

— Что ты должна это сделать? — По улыбке Мерлина было сложно что-то сказать, но он не выглядел недовольным.

— Вовсе нет. Возможно, наоборот, этого делать не стоило.

— Я бы солгал, сказав, что ты мне не нравишься, Сора. Как я уже говорил, слишком много времени прошло с тех пор, как я общался с другим челове-

ком. — Мерлин подтянулся к ней, и их парящие в невесомости тела слились в центре сферы, медленно вращаясь, пока чувство ориентации не потеряло значение. — Конечно, спасая тебя, я ни на что не рассчитывал…

— Само собой.

— Но не буду отрицать, что в глубине моей души теплился небольшой проблеск надежды, крошечная искра фантазии…

Они сбросили одежду, которая бесформенными узлами закружилась вокруг их сплетенных тел, и начали ласкать друг друга, сначала неторопливо, затем все более страстно. Сора, казалось, только теперь начала полностью пробуждаться после долгих столетий анабиоза. В голове мелькнула мысль о Ремезе, и Сора возненавидела себя за глупую биохимическую предсказуемость мозга, неизменно вытаскивающего на поверхность неуместные воспоминания в самое неподходящее время. То, что было между ними, осталось в прошлом, три тысячи лет назад, не известное никому, кроме нее самой. Она даже не горевала о нем, не разрешила фамильяру позволить ей эту слабость. Сора изучающе посмотрела на Мерлина, пытаясь определить его истинный возраст… и потерпела полное поражение, так и не сумев

собраться с мыслями.

— Хочешь, покажу тебе кое-что невероятное? — спросил ее Мерлин, после того как они провели в молчаливых объятиях ряд долгих минут.

— Думаешь, ты сможешь произвести на меня впечатление?

Он что-то прошептал кораблю, и стены стали прозрачными.

Сора оглянулась вокруг. Какой-то голографический трюк сделал невидимым сам корабль.

Остались только она и Мерлин, парящие в невесомости.

Зрелище действительно было невероятным, хотя какая-то часть ее мозга сознавала, что картина не совсем соответствует реальности — оттенки и интенсивность света были так или иначе смещены, чтобы облегчить восприятие картины человеком. Границы Паутины, освещаемые яркими, с эффектом Доплера, вспышками аннигилирующих частиц пыли, неслись назад с такой скоростью, что было больно глазам. Казалось, они летят в почти абсолютной темноте по фиолетовой мерцающей трубе, навстречу бесконечности. Пространство-время, в котором корабль дрейфовал подобно семечку, двигалось настолько быстро, что разница между его скоростью и

световой составляла одну стомиллиардную последней. За одну секунду субъективного времени корабль продевал себя между сияющими кольцами Паутины — конструктами из экзотической материи, разделенными восемью часами светового времени и составлявшими непостижимую машинерию всегалактической транзитной системы. Впереди все звезды Вселенной сгрудились в переливчатую, украшенную драгоценностями массу, напоминая скопление сияющих ангелов. Сора в жизни не видела ничего прекраснее.

— Вот единственный способ путешествовать, — сказал Мерлин.

Полет занимал четыре дня корабельного времени — и девятнадцать столетий мирового.

Субъективное время, проведенное в Паутине, составляло всего двадцать три часа. Однако корабль должен был перемещаться между Путями, а они никогда не отстояли друг от друга меньше чем на десятки световых минут — в основном из-за чудовищных последствий, к которым привело бы соприкосновение двух разнонаправленных потоков ускоренного пространства-времени.

— Мерлин, ты не боишься, что мы наткнемся на хескеров?

— Я готов рискнуть.

— Расскажи мне еще про это таинственное оружие. Может, я наконец поверю тебе.

Мерлин откинулся в кресле и сделал глубокий вдох:

— Почти все, что я знаю, может оказаться неверным.

— Все равно я рискну тебя выслушать.

— Чем бы это ни было, оно способно разрушать целые миры. Даже звезды, если верить самым необычным историям.

Он глянул вниз, на свою руку, и как будто впервые заметил ногти с безукоризненным маникюром.

— Спроси, как оно действует, — прозвучал в голове Соры голос фамильяра. — По крайней мере, мы поймем, насколько тщательно он изучил этот вопрос.

Сора спросила об этом вслух, стараясь, чтобы ее голос звучал непринужденно.

— Гравитация, — ответил Мерлин. — По-моему, это очевидно. Ее можно считать слабой силой, но ей подвержено абсолютно все во Вселенной.

— Вроде очень большой свирели?

Мерлин пожал плечами. Сора поняла, что он разглядывает не ногти, а уже знакомое ей кольцо — рубин в замысловатой оправе, внутри которо-

го, как светлячки, вращались две искры.

— Почти наверняка его тоже создали Пролагающие Путь. Сверхчеловеческая раса, способная изобрести и воплотить в жизнь структурированное пространство-время. Но вряд ли принцип действия тот же, что у свирели. Мне кажется, оружие создает сингулярность, выдергивая глобулы массы-энергии из вакуума и сжимая их, пока они не достигнут горизонта событий.

— Черные дыры, — произнесла фамильяр, и Сора эхом повторила эти слова.

Мерлин, похоже, обрадовался.

— Да, совсем крохотные, величиной с атом. Оружие добавляет в них заряд и ускоряет до скоростей, сопоставимых со скоростью света. Конечно, для этого требуется уйма энергии, и еще больше для того, чтобы нагрузка не разорвала на части само оружие.

— Пушка, стреляющая черными дырами? С такой мы, наверное, смогли бы выиграть войну, даже если бы она оказалась единственной в своем роде.

Мерлин покрутил кольцо с рубином:

— Да, общая идея примерно такова.

Сора взяла Мерлина за руку, лаская его пальцы, пока не коснулась кольца. Оно было еще более

сложным, чем казалось на первый взгляд. Две искры кружились друг вокруг друга в бесконечном вальсе, будто их приводил в движение крохотный часовой механизм внутри рубина.

— А это что такое? — спросила Сора, понимая, что задавать этот вопрос одновременно и стоило и не стоило.

— Это… — Мерлин улыбнулся. Повисла небольшая пауза, после которой он закончил: — Напоминание о смерти.

Наконец они покинули Путь в последний раз и вошли в систему, которая на первый взгляд ничем не отличалась от десятков других, оставшихся позади. Вокруг звезды, желтого карлика, кружился привычный набор каменных планет и газовых гигантов. Вторая и третья планеты представляли собой раскаленные паровые котлы, покрытые высокотемпературной кислотной атмосферой. Они явно стали жертвами безудержного теплоулавливания, причем третья — позже, чем вторая. Четвертая планета была меньше размером и, судя по всему, после времен Расцвета подверглась терраформированию: ее атмосфера, хотя и тонкая, была слишком плотной для того, чтобы иметь естественное происхождение. Эклиптику системы пронизывали под разны-

ми углами тринадцать Путей, пролегавших на безопасном расстоянии от орбит планет и астероидов.

— Это нексус, — объяснил Мерлин. — Первичная развязка Паутины. Таких систем мало — примерно одна на тысячу световых лет как в самой галактике, так и далеко за ее пределами. Когда все пользовались Паутиной, здесь встречались торговцы со всей галактики, от ядра до самых окраин, чтобы обмениваться товарами и историями.

— Зато теперь все пошло на свалку…

— Отличное место: можно спрятать что-нибудь очень большое и неприятное, если запомнишь, конечно, где спрятал.

— Ты говорил про око бури.

— Подожди, сама увидишь.

Путь выбросил их во внутреннюю часть системы, но Мерлин сказал, что их цель находится дальше, за главным поясом астероидов. Понадобится еще несколько дней, чтобы туда добраться.

— И что мы будем делать, когда прилетим? — спросила Сора. — Возьмем эту штуку и заберем с собой?

— Не совсем, — ответил Мерлин. — Думаю, все будет не так просто. Не так сложно, чтобы у нас

не было шансов, но все равно непросто.

Казалось, он колеблется — впервые с момента их встречи окружающая его аура абсолютной уверенности на мгновение дала трещину.

— А что понадобится от меня?

— Ты же солдат, — ответил он. — Догадайся сама.

— Не знаю, что именно я нашла, — сказала фамильяр, когда Сора снова осталась одна. — Я давно хотела показать тебе, но вы часами торчали в этих боевых симуляторах. Или развлекались другими способами. У тебя есть хоть малейшее представление о том, что он собирается делать?

У Мерлина был симулятор — уменьшенная версия модулей боевой подготовки, знакомых Соре по кадетскому корпусу.

— Большинство симуляций были похожи — атака на какую-то белую пирамиду.

— Похоже, он готовится к чему-то конкретному. Мерлин знает, что нас ждет, тебе не кажется?

— Мне это кажется с того момента, как мы встретились.

Сора думала о его запахе, о том, как естественно слились их тела, невзирая на разделявшие их три тысячи лет. Она попыталась выбросить эти мысли из головы. То, о чем они сейчас говорили,

явилось гораздо более серьезным предательством, чем все случившееся до сих пор, — потому что было лишено невинности.

— Что бы это могло быть?

— Я просканировала недавние корабельные журналы и нашла кое-что важное, — возможно, это поворотный момент в его поисках. Но я не представляю, что это такое. До сих пор не могу понять, настолько оно выглядит странным.

— Незнакомая система?

— Очень большая структура вдали от звезд, но имеющая выход в Паутину.

— Артефакт Пролагающих Путь?

— Почти уверена в этом.

Структура возникла на экране: то ли игрушечная звездочка, то ли металлическая морская звезда, покрытая кованым золотом или блестящей пыльцой с крылышек насекомых, оплетенная кружевом из экзотической материи. Она заполнила все поле обзора, переливаясь собственным мягким светом.

— Именно это должен был увидеть Мерлин, когда его корабль вышел из Паутины.

— Выглядит мило.

Соре хотелось, чтобы ее замечание прозвучало беззаботно, но получилась констатация факта.

— Она огромна. До нее больше десяти световых минут, а значит, она достигает четырех с лишним световых минут в поперечнике. Гораздо больше любой звезды в Главном секторе. И каким-то образом она не теряет свою нелепую форму, то есть обладает совершенно невообразимой гравитацией. К слову, Мерлин назвал ее Хрупкой звездой — название не хуже прочих.

— Поэтически выражается, паршивец.

«Поэтически выражается, сексуальный паршивец», — подумала она.

— Есть кое-что еще, если тебе интересно. Я получила доступ к записям с сенсоров корабля. Хрупкая звезда является источником интенсивного гравитационного излучения. Она испускает гравитационные волны из своей сердцевины, словно маяк. В ней есть то, что заставляет пространство-время периодически колебаться.

— Ты думаешь, Мерлин побывал там, внутри?

— Что-то уж точно произошло. Это последний раз, когда он обновлял дневник перед приближением к объекту. Потом идет месячный перерыв.

Это был еще один исполненный невнятного бормотания монолог, только в этот раз Мерлин всхлипывал не от отчаяния. Наоборот, он будто бы рыдал от счастья. Словно наконец нашел то,

что искал, или, по крайней мере, понял, что поиск подходит к концу и награда ждет на расстоянии вытянутой руки. Но Сора вздрогнула не поэтому. Она увидела его лицо. Вне всякого сомнения, это был Мерлин. Однако его лицо прорезали морщины, а глаза были старше, чем у самого глубокого старика, которого Сора когда — либо встречала.

Пятая и шестая планета были самыми большими.

Пятая была тяжелее, зоны с различным химическим составом покрывали ее, сменяясь от тропиков к полюсам. Планету опоясывала система колец, которые переплетались между собой из-за притяжения трех больших лун. Мерлин утверждал, что система колец появилась во времена Расцвета. На орбите болталось облако радиоактивных реликтов антропогенного происхождения, созданных в невообразимо далекие времена — возможно, еще до появления Пролагающих Путь. Мерлин просканировал его сенсорами, чтобы найти боевые системы или сложный нейтринный след хескеров. Но ничего не обнаружилось.

— Ты знаешь, где находится оружие? — спросила Сора.

— Я знаю, как его достать, а это главное.

— Хватит говорить загадками. Особенно если тебе нужна моя помощь.

Мерлин принял уязвленный вид, будто она нарушила правила игры, на придумывание которой он потратил не один час.

— Я думал, тебя нравится азарт охоты.

— Мерлин, речь не об азарте охоты. Мы говорим о самом могучем оружии, которое только можно вообразить, и о том, чтобы добраться до него прежде врагов и уничтожить их, пока они не уничтожили нас. Мы говорим о ксеноциде. Ксеноциде, — повторила она еще раз. — Прости, но как это сочетается с твоим романтическим идеалом праведного поиска?

— Мы не собираемся устраивать ксеноцид, — сказал Мерлин, еще раз нервно прикоснувшись к кольцу. — Послушай, это оружие нужно мне так же, как и тебе. Именно поэтому я искал его десять тысяч лет.

Может быть, Соре только казалось, но она не видела кольца ни на одной просмотренной ею записи. Она помнила руки старика с последней записи, сделанной до посещения Хрупкой звезды, и могла точно сказать, что кольца́ на них не было.

Голос Мерлина стал сухим.

— То, что мы ищем, находится на самой дальней луне.

— Дай догадаюсь. Белая пирамида?

Он натянуто улыбнулся:

— Не в бровь, а в глаз.

Они вышли на орбиту газового гиганта. Все луны несли на себе следы интенсивной индустриализации времен Расцвета, но очертания сооружений были искажены из-за многотысячелетнего воздействия метеоритов и космической радиации. Все казалось почти таким же древним, как ландшафт изо льда и камня. Кроме километровой белой пирамиды на третьей луне, которая вращалась вокруг планеты по шестнадцатидневной орбите. Пирамида выглядела так, будто ее высекли из алебастра не раньше вчерашнего дня.

— Никакой маскировки, — сказал Мерлин. — Видимо, ремонтные механизмы до сих пор исправны, а значит, системы управления оружием тоже могут функционировать. А еще нам надо опасаться систем защиты от вторжения.

— Просто великолепно.

— Тебя не наполняет восторгом мысль, что скоро мы сможем прекратить самую долгую войну в истории человечества?

— А ты уверен, что сможем? Будь реалистом. Потребуются десятки тысяч лет, чтобы хотя бы слухи об этом оружии достигли самых отдаленных фронтов. В одночасье ничего не случится.

— Я понимаю, почему это тебя волнует, — ответил Мерлин, постукивая ногтем пальца по зубам. — Никто из нас никогда не видел ничего, кроме войны с хескерами.

— Просто покажи мне, где оно.

Они прошли над пирамидой по низкой орбите, ожидая атаки с помощью замаскированного оружия, но ничего не случилось. На следующем витке, еще более низком, корабль Мерлина сбросил прокторов для наземной разведки.

— Может, у них было что-то более мощное, — сказал Мерлин. — Артиллерия, способная сбить нас за миллион километров. Но если она и существовала, то больше не работает.

Они совершили посадку в километре от пирамиды, затем подождали, пока все прокторы, кроме трех, не вернутся на корабль. Троих Мерлин запрограммировал на обеспечение безопасности по пути к сооружению, но их возможности были ограниченными. Как только эти незамысловатые машины оказались вне зоны приема команд с корабля — сразу же после проникновения за

внешний уровень, — они стали совершенно бесполезными.

— Кто создал эту пирамиду? Как ты узнал про нее?

— Цивилизация, начавшая войну, о которой я тебе рассказывал, — ответил Мерлин, пока они облачались в бронированные панцири скафандров в шлюзе. — Не такая продвинутая, как Пролагающие Путь, но стоявшая гораздо ближе к ним во времени. Они знали об этом оружии достаточно, чтобы контролировать его и использовать в своих целях.

— Но как они его нашли?

— Украли. К тому времени цивилизация Пролагающих Путь погрузилась — как бы сказать? — в сон. Им стало все равно, что делают с их артефактами.

— Ты снова начал говорить загадками, Мерлин.

— Прости. Это случается, когда проводишь слишком много времени в одиночестве.

— Может, ты встретил кого-нибудь — того, кто знал про оружие и рассказал, как его найти?

«И заодно вернул себе молодость», — подумала она.

— Это мое дело.

— Раньше, может, так и было. А теперь мы ввязались в это дело вместе. Как равноправные партнеры. Мне кажется, так будет справедливо.

— В войне нет ничего справедливого. — Он улыбнулся, смягчая свой ответ, надел шлем и провернул его в шейном кольце, активируя механизм блокировки.

— Насколько это оружие сильное? — спросила Сора.

Пирамида возвышалась перед ними, безупречная, как фигурка оригами. Входные шлюзы у основания скрывались в складках рельефа. Прокторы Мерлина уже обнаружили проход, который позволил бы продвинуться внутрь на какое-то расстояние.

— Оно тебя не разочарует, — ответил Мерлин.

— Что ты собираешься делать, когда найдешь его? Потащишь с собой?

— Верь мне. — В рации прошуршал его смех. — Взять его с собой будет несложно.

Под прикрытием орудий «Тирана» они медленно прошли по следу, проложенному прокторами.

— Там что-то есть, — некоторое время спустя сказал Мерлин. Он поднял свое ружье и указал на островок темноты метрах в пятнадцати впереди них. — Искусственного происхождения, явно

металлическое.

— Я думала, твои прокторы зачистили этот район.

— Видать, что-то упустили.

Мерлин вышел вперед. По мере их приближения темный объект становился все более различимым — нечто вытянутое, наполовину вмерзшее в лед, слева от размеченного пути. Это было тело.

— Кажется, оно пролежало тут довольно долго, — примерно через минуту сказал Мерлин, подойдя достаточно близко, чтобы лучше разглядеть находку. — Броня пострадала от микрометеоритов.

— Похож на хескера.

Шлем Мерлина качнулся в знак согласия.

— Полагаю, несколько столетий назад они навестили эту систему. Должно быть, их привлекла пирамида, хотя они вряд ли подозревали о ее назначении.

— Никогда не видела их так близко. Будь осторожен, ладно?

Мерлин склонился, изучая существо. Оно было гораздо более антропоморфным, чем ожидала Сора, тех же пропорций и размеров, что и человек в скафандре. Скафандр украшали армированные

выступы, рога и гребни, затемненная внешняя поверхность была кожистой, по виду лишенной механических деталей. Одна рука была откинута и заканчивалась ладонью, похожей на человеческую, в сложной защитной перчатке. Длинное узловатое оружие лежало неподалеку, поврежденное эрозией, как и сам хескер.

Мерлин сомкнул руки вокруг его головы.

— Что ты делаешь?

— А ты как думаешь? — Он начал отворачивать шлем, и Сора услышала, как Мерлин кряхтит от натуги, пока сервосистемы его скафандра не включились и не взяли на себя основное усилие. — Всегда хотел найти такого хескера, хорошо сохранившегося, — проговорил Мерлин. — Не думал, что у меня появится шанс узнать, насколько правдивы старые слухи.

Наконец шлем отсоединился от торса: трещина прошла по незаметному стыку, шедшему от макушки до клювообразного утолщения спереди. Из разлома заструился пар. Мерлин сложил половинки шлема на землю, затем включил налобный фонарь, ярко осветив открытую голову существа. Сора придвинулась ближе. Голова хескера была оплетена извивающимися матово-черными механизмами, словно статуя, увитая

лозой. Но она отлично сохранилась и выглядела вполне человеческой.

— Не нравится мне все это, — сказала Сора. — Что это значит?

— Это значит, — ответил Мерлин, — что порой на слухи следует обращать больше внимания.

— Рассказывай. Начни излагать все, что мне требуется знать, или мы не сделаем ни шага в сторону пирамиды.

— Тебе не понравится то, что я расскажу.

Сора бросила взгляд на лицо хескера, будто выточенное из мрамора:

— Мне уже все это не нравится, Мерлин, так что я ничего не теряю.

Мерлин собрался что-то произнести, но внезапно начал оседать — медленно, из-за слабой гравитации луны.

— Как вовремя, — прокомментировала фамильяр.

Повинуясь рефлексам, Сора бросилась вниз, и они упали рядом друг с другом на ржавую поверхность. Мерлин был жив. Она слышала его дыхание, скрежещущее, словно пила.

— Я ранен, Сора. Не знаю, насколько тяжело.

— Держись. — Она подключилась к телеметрии его костюма, выведя медицинские диаграммы на

внутреннее стекло своего шлема.

— Вот оно, — сказала фамильяр. — Поражение лучевым оружием. Небольшое, так что механизмы самовосстановления сумели запечатать скафандр и не потерять давление. Но недостаточно быстро, так что луч успел пробурить ему грудь.

— Рана очень тяжелая?

— Ничего хорошего. Есть шанс, что луч прижег рану и внутреннего кровотечения не будет…

Мерлин закашлялся, но все же сумел спросить, что случилось.

— В тебя попал лазер, — быстро ответила Сора. — Скорее всего, защитная система пирамиды.

— Я должен был послать прокторов для проверки. — Он попытался рассмеяться, но смех перешел в кашель. — Но, кажется, уже поздно…

— Если я смогу дотащить тебя до корабля…

— Нет. Мы должны идти дальше. — Он снова закашлялся, а потом долгое время пытался восстановить дыхание. — Чем дольше мы ждем, тем хуже будет.

— После десяти тысяч лет поиска тебя беспокоят несколько минут?

— Да, особенно сейчас, когда включилась защита пирамиды.

— Ты не сможешь идти.

— Я просто малость запыхался, вот и все. Думаю, я… — Мерлин захлебнулся кашлем, но заставил себя подняться. Когда он снова заговорил, его голос был похож на хрип. — Держу пари, этот лазер — единственное, что осталось. Иначе мы ни за что не добрались бы даже досюда.

— Надеюсь, ты прав.

— И еще одно. Корабль только что передал мне малоприятные новости. Он обнаружил несколько источников нейтрино. Их не было, когда мы садились.

— Прекрасно. — Соре не надо было объяснять, что это значило — рой хескеров, который, скорее всего, все это время ждал возле газового гиганта, затаившись, чтобы обмануть сенсоры. — Должно быть, эти засранцы пережидали в анабиозе, пока что-нибудь не случится.

— Весьма разумная стратегия, — отозвалась фамильяр, разворачивая перед лицом Соры карту, подтверждающую прибытие вражеских кораблей. — На одной из лун находится жидкий океан. Полагаю, корабли хескеров скрывались подо льдом.

— Как скоро они будут тут? — обратилась к Мерлину Сора.

— Не позднее чем через пару-тройку часов.

— Понятно. Тогда нам надо, черт возьми, добраться до этого оружия раньше их.

Бóльшую часть пути ей пришлось тащить Мерлина на себе. Он с трудом переставлял ноги, вяло пытаясь передвигаться. Однако он оставался в сознании, и Сора начала надеяться, что лазерный луч действительно запечатал рану.

— Ты знал, что хескеры окажутся людьми, да? — спросила она только для того, чтобы он продолжал говорить.

— Говорил же тебе, слухи. История про инопланетных киборгов была выдумкой нашей собственной пропаганды. Я же сказал, что, если мы уничтожим их, это не будет ксеноцидом.

— Это был слишком тонкий намек. — Сора хотела рассказать ему о симбионте в своей голове, но передумала, опасаясь, что Мерлин перестанет ей доверять. — Я знала, что ты мне врал. Я взломала журнал твоего корабля.

Они вошли в тень пирамиды, спустившись с последнего возвышения к входным шлюзам у ее подножия.

— Я думал, ты мне доверяешь.

— Я должна была знать, могу ли я доверять. И думаю, что правильно поступила.

Сора рассказала о том, что узнала: он путешествовал дольше, чем говорил — на целые десятки лет по корабельному времени, — во время полета состарился и, возможно, немного сошел с ума. И наконец, он нашел Хрупкую звезду.

— Проблема в том, Мерлин, что мы… то есть я не знаю, что случилось с тобой в этой штуке. Кроме того что благодаря этому ты нашел оружие и выбрался оттуда, став моложе, чем был.

— Ты вправду хочешь об этом знать?

— Попробуй угадать.

И он рассказывал, пока Сора тащила его к цели.

Пирамида была покрыта десятками метров самовосстанавливающейся брони, белой, как кость. Если бы ее создатели не оставили хорошо заметных входов у подножия, Сора и Мерлин вряд ли догадались бы, как попасть внутрь.

— Когда-то здесь находились охранные посты, — сказал Мерлин, опираясь на ее плечо. — Нам действительно повезло, что все развалилось.

— Кроме твоего легендарного оружия. — Они шли вниз по наклонному коридору, на стенах и потолке не было ни единого пятнышка. На полу валялись обломки ледяных осколков с по-

верхности луны. — В любом случае, перестань менять тему.

Мерлин закашлялся и продолжил рассказ:

— Я состарился и утратил веру. Оружия я не обнаружил и был готов сдаться. Или сойти с ума. А затем я обнаружил Хрупкую звезду. Я вышел из Паутины и увидел, как она висит там и посылает мне гравитационные волны.

— Нужна пара нейтронных звезд, — сказала фамильяр, — которые вращаются друг вокруг друга, чтобы генерировать подобный сигнал.

— Что случилось потом? — спросила Сора.

— Я плохо помню. Совсем неясно. Я зашел… или меня втащили внутрь… и там я встретил… — Мерлин сделал паузу, и Сора на мгновение подумала, что он пытается восстановить дыхание. Но причина оказалась иной. — Я встретился с сущностями, — думаю, можно назвать их так. Я догадался, что они — всего лишь невероятно высокотехнологичные проекции программы обслуживания, оставленные Пролагающими Путь.

— Это они снова сделали тебя молодым?

— По-моему, это не предел их возможностей.

Пол потерял уклон. Перед ними была развилка. Мерлин направился к одному из коридоров.

— Но почему?

— Чтобы я завершил начатое. Нашел оружие.

Коридор закончился помещением — залом управления с потолком, напоминавшим перевернутую чашу, темным и разгерметизированным. Неверный свет налобных фонарей осветил одинокое сферическое проекционное устройство в подвесе пепельного цвета, окруженное креслами и пультами управления. На некоторых пультах лежали скелеты в бесцветных лохмотьях. Возможно, тела гнили тут столетиями, пока помещение не разгерметизировалось, но и это могло произойти больше двадцати тысяч лет назад.

— Убиты биологическим оружием, — сказал Мерлин, с трудом усаживаясь в одно из кресел — с него поднялось облако пыли, — которое казалось способным выдержать его вес. — Техника осталась неповрежденной.

Сора обошла зал, изучая пульты управления: судя по их виду, здесь применялись технологии, превосходившие все изобретенное Когортой в течение тысячелетий. Некоторые символы явно были предшественниками знаков Всеобщего языка, но ничего прочитать не удалось.

Мерлин издал звук, который можно было принять за сдавленный стон. Сора обернулась к нему и увидела, что он вытащил из рукава скафанд-

ра оптический кабель, как во время их первой встречи на обломке кометы. Мерлин поднял верхнюю панель пульта, обнажив внутреннюю массу серебристых проводов. Судя по всему, он знал, куда подсоединять кабель. Микроскопические реснички проникли в древнюю систему.

Проекционная камера начала возвращаться к жизни. В ее сердце загорелся желтый свет, преобразовавшийся в абстрактные формы, что-то вроде тестовых фигур. Камера на несколько секунд схематически показала окруженный кольцами газовый гигант и его луны, отметив местоположение приближающегося корабля хескеров, обозначенного сложной идеограммой. Фамильяр была права: скорее всего, они укрывались на луне с жидким океаном.

Затем изображение плавно изменилось: газовый гигант приблизился.

— Ты хотела знать, где находится оружие, — сказал Мерлин. — Сейчас покажу.

Теперь камера демонстрировала циклонный шторм рядом с экватором планеты — гигантский крутящийся красный глаз.

— Это метастабильная буря, — сказала Сора. — Обычный признак газовых гигантов. Не хочешь же ты сказать, что…

Пальцы Мерлина, обтянутые перчаткой, летали над клавишами с непонятными символами.

— Буря, само собой, естественного происхождения. Она была здесь до того, как в ней спрятали оружие, используя разницу давлений, чтобы держать его в атмосфере, на определенной высоте — для безопасности. Правда, есть небольшая проблема…

— Рассказывай.

— На самом деле это не оружие. Оно стало им, но, скорее всего, по чистой случайности. Пролагающие Путь создали его совсем для другого.

— Я снова потеряла нить, Мерлин.

— Наверное, я должен рассказать тебе про кольцо.

На поверхности газового гиганта начало что-то происходить. Циклон вел себя не так, как другие метастабильные бури, известные Соре. Он явно вращался, выбрасывая фрактальные вихри, похожие на хвосты морских коньков. И с каждой секундой все больше наливался кроваво-красным цветом.

— Да, — сказала Сора, — расскажи мне про кольцо.

— Пролагающие Путь отдали его мне после того, как вернули молодость. Как напоминание

о том, что я должен сделать. Понимаешь, если я не справлюсь, для любого мыслящего существа в этой части галактики все закончится очень плохо. Что ты видишь, когда смотришь на это кольцо, Сора?

— Красный камень с двумя огоньками, вращающимися внутри его.

— Ты удивишься, если я скажу, что эти огни символизируют две нейтронные звезды, два самых плотных объекта во Вселенной? И они вращаются друг вокруг друга, точнее, вокруг общего центра масс?

— Внутри Хрупкой звезды?

Сора поймала устремленный на нее изучающий взгляд.

— Да, — медленно отозвался Мерлин. — Пара нейтронных звезд, которые рождены сверхновой, связаны гравитацией, медленно вращаются по спирали и приближаются друг к другу.

Тайфун стал кружиться как сумасшедший, сверкая по краям искрами субатмосферных молний. У Соры возникло ощущение, что на волю вырвались титанические силы, неподвластные простым смертным, и под облаками творится нечто, похожее на магию. Это зрелище вызвало у нее ужас, какого она не испытывала никогда

в жизни.

— Надеюсь, когда понадобится, ты сумеешь из этого выстрелить.

— Все необходимое знание заключено в кольце. Оно подсоединяется к кровеносной системе и создает в мозгу структуры, руководящие поведением — на таком глубинном уровне, что от меня не требуется даже осознание своих действий.

— Рой хескеров появится в пределах досягаемости через девяносто минут, — сказала фамильяр. — Прогнозируемый профиль атаки — стандартный: кварковые торпеды и бозеры роя. Конечно, если у них есть модернизированные системы, они могут выйти на дистанцию атаки немного раньше.

— Мерлин, расскажи про нейтронные звезды. Мне нужно чем-то отвлечься.

— Проблема в том, что случится, если они перестанут вращаться и столкнутся друг с другом. К счастью, такие события редки даже в галактическом масштабе. Они происходят не чаще чем раз в миллион лет и обычно достаточно далеко, чтобы не доставлять особого беспокойства.

— А если недостаточно далеко, насколько это будет серьезно?

— Представь, что в секунду высвобождается

больше энергии, чем обычная звезда испускает за десять биллионов лет: колоссальный фото-лептонный огненный шар. Невообразимо-яркий выброс гамма-лучей. Немедленная стерилизация всего на тысячи световых лет в любом направлении.

В центре циклона появилось утолщение — идеально круглый кровоподтек на теле планеты. Он начал подниматься на тысячи километров над уровнем облаков, удлиняясь, как водяной столб. Вскоре Сора смогла разглядеть его силуэт на фоне космоса. Внутри что-то поднималось вместе с циклоном.

— Пролагающие Путь попытались что-нибудь с этим сделать?

Мерлин кивнул:

— Они нашли эту двойную нейтронную звезду, когда тянули Паутину через галактику. И поняли, что до столкновения осталось всего несколько тысяч лет и они никак не могут его предотвратить.

Теперь стало видно, что оружие помещено в стебель тайфуна, как в семя. Оно было огромным — возможно, даже больше луны, на которой находились Сора и Мерлин, — но выглядело хрупким, словно светильник из тончайших филигранных узоров или светящаяся медуза из морских глубин.

Вспучив атмосферу, объект осторожно поднялся и застыл, и стебель медленно втянулся обратно в циклон, который начал постепенно замедляться, как истачивающийся монструозный маховик.

— Совсем никак?

— Ну, почти никак.

— И тогда они соорудили вокруг этого Хрупкую звезду, — сказала Сора. — Наподобие щита, я правильно поняла? Чтобы он сдержал вспышку, когда звезды взорвутся?

— Даже наука Пролагающих Путь не помогла бы сдержать такое количество энергии. — Мерлин взглянул на проекцию, в первый раз обратив внимание на оружие. Если он и испытывал энтузиазм по поводу первой встречи со своим оружием, на его лице это никак не отразилось. Наоборот, оно было пепельно-бледным, как будто Пролагающие Путь вдруг вернули назад все его годы. — Все, что они смогли, — это контролировать звезды, чтобы те не сближались. Для этого они соорудили Хрупкую звезду, гигантскую машину с единственной функцией — постоянно разводить орбиты нейтронных звезд. Как только те приближались друг к другу хотя бы на ангстрем, Хрупкая звезда тут же разводила их обратно. Ей придали способность функциони-

ровать миллионы лет, пока Пролагающие Путь не найдут способ переместить двойную звезду за пределы галактики. Хочешь узнать, как они разводят эти звезды?

Сора кивнула, подумав, что ответ уже наполовину известен ей.

— Небольшие черные дыры, — сказал Мерлин. — Ускоряясь почти до скорости света, каждая черная дыра гравитационно взаимодействует с двойной звездой перед тем, как раствориться в облачке электронно-позитронной радиации.

— Так же как и оружие. Это ведь не случайное совпадение?

— Оружие — или то, что мы называем оружием, — было одним из компонентов Хрупкой звезды — источник релятивистских черных дыр, удерживающих нейтронные звезды от столкновения.

Сора оглядела помещение:

— И его украли.

— Как я уже говорил, их цивилизация была гораздо ближе во времени к Пролагающим Путь, чем мы. Они знали достаточно, чтобы демонтировать часть Хрупкой звезды, преодолеть ее защиту и извлечь механизм, необходимый, чтобы выиграть войну.

— А Хрупкая звезда…

— С тех пор не работает как надо. Когда оттуда извлекли подсистему, ее способность к восстановлению нарушилась, и оставшийся механизм образования черных дыр перестал действовать правильно. Нейтронные звезды продолжают сближаться, медленно, но неотвратимо.

— Но ты говорил, что до их схлопывания оставалось всего несколько тысяч лет!

Все это время Мерлин не переставал возиться с управлением. Оружие приблизилось, полностью игнорируя законы небесной механики. Поверхность планеты вернулась к норме, разве что буря сохранила красноватый оттенок.

— Может, и больше, — сказал Мерлин. — Но теперь тебе понятно, почему я так хочу заполучить эту вещь?

— Ты собираешься ее вернуть. На самом деле ты никогда не стремился обрести это оружие.

— Когда-то хотел. — Судя по всему, Мерлин собрал последние силы, и его голос обрел твердость. — Но я стал старше и мудрее. Меньше чем через четыре тысячи лет звезды встретятся, и будет не важно, кто выиграет эту войну. Мы ведем себя как глупцы, сражающиеся за земли на склонах готового к извержению вулкана!

Четыре тысячи лет, подумала Сора. Больше, чем прошло с момента ее рождения.

— Но если у нас не будет оружия, — сказала она, — нас в любом случае уничтожат. Хескеры сотрут нас с лица галактики. Выбор невелик.

— Хоть кто-нибудь да уцелеет. Возможно, даже тот, кто все еще будет считать себя человеком.

— Ты думаешь, мы должны сдаться? У нас в руках абсолютное оружие — и мы не станем его использовать?

— Я не говорил, что принять решение будет легко, Сора.

Мерлин медленно начал падать вперед, и она еле успела подхватить его, прежде чем он свалился в распахнутые внутренности пульта. Его кашель громко отдавался в наушниках ее шлема.

— Да, кажется, я не просто устал… — сказал он, когда снова обрел способность говорить.

— Вернемся обратно на корабль. Прокторы тебе помогут.

— Слишком поздно, Сора.

— Но как быть с оружием?

— Учитывая обстоятельства, я должен быстро принять решение. Я передам его тебе. Звучит совершенно безумно, не правда ли?

— Я предам тебя. Я отдам оружие Когорте. Ты же знаешь!

— Я так не считаю, — мягко проговорил Мерлин. — Думаю, ты сделаешь все, что нужно, и вернешь его Хрупкой звезде.

— Не заставляй меня предавать тебя!

Он покачал головой:

— Я уже отдал команду, переводящую корабль в твое распоряжение. Теперь прокторы подчиняются тебе. Они покажут все, что нужно.

— Мерлин, я умоляю тебя!

Его голос стал слабым, почти неразличимым среди хриплых нерегулярных вздохов. Сора нагнулась к нему и коснулась шлема, надеясь, что этот старый трюк позволит лучше слышать его.

— Не выйдет, Сора. Слишком поздно. Для меня все кончено.

— Нет! — Почти в гневе, она принялась трясти его. Потом заплакала, достаточно громко, желая быть уверенной, что он ее услышит. — Я даже не знаю, как именно это сделать!

— Возьми кольцо, и все станет совершенно ясно.

— Что?

Она едва понимала саму себя.

— Надень кольцо. Давай, Сора. Пока я еще жив.

По крайней мере, буду знать, что оно у тебя.

— Если я сниму с тебя перчатку, то убью тебя. Ты знаешь это. И я не смогу надеть кольцо, пока не вернусь на корабль.

— Я хочу увидеть, что оно у тебя. Этого достаточно, Сора. Лучше поспеши.

— Я люблю тебя, идиот!

— Тогда делай, что я сказал.

Она взялась за клапан манжеты его перчатки, ощутив металл замка, зная, что нужно мягко нажать на герметизирующие защелки, а затем быстро повернуть их — и перчатка отделится от рукава скафандра. Как долго он останется в сознании? Не более десяти секунд, решила Сора. Если, конечно, не наберет полную грудь воздуха. Учитывая, как он дышит, это будет сделать непросто.

Она стянула с него перчатку и сняла кольцо.

«Тиран» покинул луну.

— Корабли хескеров выстраиваются для атаки, — сказала фамильяр, подключившись непосредственно к радиоэлектронике корабля. — Сенсоры корпуса засекли лидар целеуказания. Нападение неизбежно, Сора.

Сора знала, что легкой броне «Тирана» их не спасти. Атака будет быстрой и ослепительной.

Возможно, они даже не успеют понять, что случилось. Но это не значит, что она собиралась допустить эту атаку.

Сора почувствовала, как оружие шевельнулось, повинуясь ее воле.

Она знала, что это не навсегда — оружие будет принадлежать ей лишь до тех пор, пока она не вернет его Пролагающим Путь. Но сейчас она ощущала его как свою неотъемлемую часть, сестру-близнеца, которую никогда не встречала, но каждое движение которой могла угадать заранее. Она почувствовала, как оружие активируется, достигая глубин пространства-времени, собирая массу-энергию из квантовой пены и выковывая сингулярность в своем сердце.

Она поняла, что готова.

— Первый элемент роя выпустил кварковые торпеды, — доложила фамильяр как-то странно, не вполне разборчиво. — Принимаю контрмеры.

Корпус корабля зазвенел, словно колокол.

— «Тиран» перехватывает кварковые торпеды… обезвреживает… приближается вторая волна…

— Как долго мы продержимся?

— Контрмеры исчерпаны. На таком расстоянии мы не сможем отразить третью волну.

Сора закрыла глаза и приказала оружию вы-

плюнуть смерть.

Она целилась в два из трех элементов роя, оставив третий, самый дальний от нее корабль вне досягаемости оружия.

Она увидела, как две черные дыры свернули пространство вокруг целей, сжав их в один миг, словно в давилке.

— Третий корабль выходит на максимальную дистанцию атаки… перезаряжает пусковые установки кварковых торпед.

— Говорит Сора из Когорты, — сказала Сора на Всеобщем, обращаясь к выжившему кораблю по основному каналу связи. Или по тому, что от нее осталось. — Весьма вероятно, вы понимаете меня. Если я пожелаю, то смогу уничтожить вас в любую минуту. — Она ощутила, как в ее крови говорит оружие, сообщая о своем статусе и о готовности исполнить задуманное. — Но вместо этого я хочу вам кое-что показать. Вы готовы?

— Сора, — прервала ее фамильяр. — Со мной что-то не так.

— Что случилось?

— Я… не в порядке. — Голос фамильяра звучал нездорово, совсем не похоже на голос самой Соры. — Должно быть, кольцо что-то делает с твоим мозгом, создавая интерфейс между оружием и

тобой. Оно сильнее меня. Оно изгоняет меня, освобождая место для себя.

Сора вспомнила, как Мерлин говорил о структурах в мозгу, которые могло создавать кольцо.

— Ты сохранила часть себя в корабле.

— Только часть, — сказала фамильяр. — Но не целиком… не всю себя. Прости, Сора. Кажется, я умираю.

Сора уничтожала звездную систему.

Она делала это с артистизмом и размахом, оставляя самое вкусное напоследок. Начала с лун, измельчив их так, что они образовали кольца вокруг родительских планет. Затем раздробила планеты, обратив их в пузыри раскаленного пепла и плазмы. И наконец, когда осталось единственное, что можно было уничтожить, направила оружие на солнце системы, пронзив его сердце залпом из черных дыр, — будто сорвала смертоносным образом ядерный синтез, превращавший массу в солнечный свет. Это привело к катастрофическим сдвигам в хрупком гидростатическом балансе между давлением и гравитацией, который позволял звезде сохранять форму. Сора смотрела, как слой за слоем слетает атмосфера — преждевременная демонстрация смерти, ожидавшей подобную звезду в будущем,

примерно через четыре миллиона лет. Затем она взглянула на последний корабль хескеров — свидетель учиненного ею разрушения, — развернулась и покинула систему.

Она могла уничтожить и их тоже.

Но оставила в живых. Она продемонстрировала силу, которой обладала, хотя и временно. Соре было интересно, осталось ли в хескерах достаточно человеческого, чтобы оценить проявленное к ним милосердие.

Она снова направила «Тиран» в Паутину, и огромное светящееся тело оружия последовало за ней, словно послушный дракон. В пугающий момент входа сердце Соры почти остановилось, убежденное, что свирель откажется петь для новой хозяйки.

Но та запела так же, как пела для Мерлина.

Теперь уже в одиночестве — более одинокая, чем когда-либо в жизни, — Сора забралась в наблюдательный пузырь и приказала метасапфировым стенам стать прозрачными, а кораблю — исчезнуть, оставшись наедине со стремительным, мерцающим потоком Пути. Пришло время закончить то, что начал Мерлин.

Медленные пули

Моя мать питала слабость к поэзии. После смерти моей сестры, но еще до известия о том, что меня призывают в армию, мать показала мне отрывок из одного произведения Джиресан. Из поэмы под названием «Утренние цветы».

Это было противозаконно.

Джиресан была официальной военной поэтессой из Центральных Миров. В Периферийных Системах ее сочинения объявили пропагандистскими и запретили. Но Джиресан прославилась еще до войны, и у моей матери было несколько ее сборников. Эти книги полагалось сдать во время одной из амнистий. Моя мать не смогла этого сделать. Одна из книг была подарком от Ваварель, с дарственной надписью, сделанной ее красивым летящим почерком.

Моя сестра всегда писала от руки намного красивее меня.

«Утренние цветы» были книгой о смерти и памяти. О том, как принять смерть любимого человека, но сохранить свет его жизни.

В то время Джиресан была для меня большим

утешением. Но я не могла обсуждать ее произведения ни с кем за пределами семьи, а когда меня призвали в армию, не имела возможности взять с собой ее стихи. Я пыталась что-нибудь заучить, но даже несколько коротких строк из «Утренних цветов» оказались мне не по силам.

Наконец объявили перемирие.

Множество прыжковых кораблей собралось на орбите нейтральной планеты под названием Вембере. Военные и политические лидеры обсудили сложные спорные моменты и пришли к соглашению. При важных свидетелях они использовали предметы под названием «ручки», чтобы поставить знаки на тонком, напоминающем кожу материале, именуемом «бумага». Так заканчивали войны на протяжении тысячелетий.

Вам придется поверить мне на слово.

Но была одна проблема. Единственным способом разослать сообщения быстрее скорости света были прыжковые корабли, а потому, чтобы вести распространились, требовалось время. Поначалу не все верили, что мир действительно заключен. Даже когда в нашу систему вошли нейтралы-миротворцы, бои продолжались.

Когда все уже почти закончилось, я была в

патруле — и отстала от своего подразделения. Я пыталась восстановить связь, прикидывая, как вернуться в наш сектор, и напоролась на вражескую группу зачистки.

Их было четверо: Орвин и трое его людей.

Я мало знала об Орвине, даже тогда. Я слыхала истории о нем — о человеке, который действовал под знаменем врагов, но нарушал даже их правила ведения войны. Говорили, что с наступлением перемирия обеим сторонам стоит объединиться и отдать его под суд. Он схватил меня и забрал в бункер — низкое укрепленное здание, полуразрушенное и заброшенное. Оно было холодным, засыпанным обломками, без стекол в окнах. Брызги темно-красной крови на стенах и полу указывали, где Орвин уже убивал здесь людей.

Трое солдат Орвина уложили меня на металлическую кровать, вонявшую мочой и смертью. Сам он ножом прорезал дыру в моих брюках, от колена до верхней части бедра. Я пыталась брыкаться и пинаться, но солдаты были слишком сильны.

— Держите ее! — приказал Орвин.

Это был крупный мужчина, выше и массивнее любого из солдат моего подразделения. Его кожа имела цвет и текстуру мяса. Лицо казалось слишком маленьким для головы. Казалось, будто

глаза, нос и рот не вполне соответствуют пропорциям остального тела, словно он носит слишком маленькую маску. Еще у него были белые, очень коротко стриженные волосы и белые брови. Эти волосы и брови резко контрастировали с кожей цвета мяса.

Рядом с ним стоял столик на колесиках. Орвин очень мягко положил нож на столик. Ручищи у него были огромные, розовые. Лишенные ногтей пальцы были такими толстыми и короткими, что казались младенческими.

— Вы что, не слышали? — сказала я, просто потому, что очень хотелось что-то сказать. — Все закончилось. Пришли миротворцы. Мы уже не враги.

Орвин достал с нижней полки столика экземпляр Книги. Черный прямоугольник, заполненный листами того самого материала, бумаги, о котором я уже упоминала, только намного более тонкими. На них специальной краской были нанесены знаки, но при помощи машины, а не ручки. По потрепанной обложке я узнала Книгу, предназначенную для меня.

— Ты веришь в это? — спросил Орвин.

— Нет.

— Говорят, что все вы, периферийцы, читаете

Книгу.

Он пролистал ее, с трудом переворачивая страницы толстыми пальцами.

— У нас есть своя Книга. Но наши люди в большинстве своем слишком хорошо образованны, чтобы придавать значение ее содержанию.

— А я слышала другое.

Спорить с этим человеком было рискованно. Но и поддакивание тоже ничего бы не дало.

Орвин начал вырывать из Книги страницы. Те отделялись слишком легко, словно крылышки насекомого. Орвин сминал их в кулаке и бросал на пол. Затем переставил ногу, словно желая растоптать их.

— Не поможет, — сказала я. — Этим ты меня не спровоцируешь. Я неверующая.

— Значит, у нас много общего, — согласился Орвин и выпустил Книгу из своих младенческих пальцев. Она упала на битый камень.

Орвин вновь переключил внимание на столик — провел рукой по разным предметам. Я на миг подумала, что он собирается снова схватить нож, но вместо этого он взял предмет в форме пистолета. Сделанный из белого металла, предмет казался тяжелым в его руках.

Это был большой пускатель со шлангом, под-

ключенным к герметизированному резервуару.

Орвин провел рукой по стволу этой штуки:

— Ты знаешь, что это такое?

— Да.

— Я знаю, что тебя зовут Скарлея Тимсук Шунде, — продолжал Орвин. — Я считал информацию с твоей медленной пули. О твоем месте рождения. О твоей семье. Об этом странном деле с твоим призывом в армию. О твоей истории службы. О кораблях, которые доставили тебя в эту систему. О твоих ранениях.

— Значит, я могу ничего не говорить.

Орвин сдержанно улыбнулся:

— Ты помнишь, как тебе ввели эту пулю?

— Я солдат. Кто ж этого не помнит?

Он сочувственно кивнул:

— Да, мы используем такие же или почти такие же устройства. — Он убедился, что я хорошо вижу пистолетообразную штуку. — В этом инжекторе находится медленная пуля, запрограммированная и готовая к внедрению.

— Спасибо, у меня уже есть.

— Я знаю.

— Тогда ты должен знать и про сигнал маячка. Пока мы с тобой разговариваем, наши пеленгуют его.

— Я всегда могу вырезать твою пулю прежде, чем они придут сюда, — сказал Орвин.

— И попутно убить меня.

— Это верно. И ты права, нет никакого смысла внедрять тебе вторую пулю. Но у данной пули есть некоторые особенности. Рассказать какие?

— Иди в жопу.

— Обычно медленные пули не причиняют боли. Военные медики используют особую местную анестезию, чтобы обезболить всю зону, а сама медленная пуля выделяет медикамент другого типа, когда прокладывает путь в тебе. Движется она очень медленно, — во всяком случае, считается, что так должно быть. Отсюда, собственно, и пошло ее название. По пути к месту назначения, глубоко у тебя в груди, откуда ее можно извлечь лишь при помощи сложной хирургической операции, она избегает жизненно важных органов и кровеносных сосудов, чтобы не повредить их. Но эта пуля — иная. Она призвана причинять самую страшную боль, какую ты только можешь себе представить, и вгрызается в тебя, пока не доберется до сердца.

— Зачем?

— А почему бы и нет? — хохотнул Орвин.

Я попыталась сопротивляться, хоть и понима-

ла, что это бесполезно. Солдаты слишком крепко меня держали. Орвин наклонился и прижал сопло инжектора к коже бедра, там, где перед этим разрезал брюки. Я увидела, как его рука сжимается на рукояти, и услышала звук, напоминающий щелчок хлыста. Это воздух шел через пистолет.

Пуля вошла в меня. Это было словно удар молота. Пистолет медленно, удовлетворенно вздохнул, когда воздух вышел из него.

Секунду или меньше боль была не такой сильной, как я боялась. Потом она обрушилась на меня, и я закричала. Именно этого они и хотели, а я ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать.

— Чувствуешь ее внутри себя?

Орвин отнял инжектор и протер дуло какой-то тряпкой. Потом положил его на столик.

— Чтоб ты сдох, — сказала я.

— Это только начало, Скарлея. Через час-другой станет куда больнее. К тому времени ты будешь умолять меня, чтобы я взорвал эту пулю и она убила тебя мгновенно.

— Нас засекут, — пообещала я, с трудом выговаривая слова. — Нас засекут, и тебя найдут.

— О, не думаю. Вселенная велика. Много си-

стем, много хаоса и неразберихи. У меня есть кое-какие планы.

Там, куда вошла пуля, осталась небольшая дырочка, диаметром не больше моего мизинца. Я чувствовала, как шевелится пуля, сжимаясь и вытягиваясь, словно какой-то механический червяк. Небольшой бугорок под кожей указывал, где она протискивается сквозь тело.

Я была абсолютно уверена, что мне предстоит умереть здесь. То ли пуля доберется до сердца или другого жизненно важного органа, то ли я склоню Орвина к тому, чтобы он взорвал пулю — они все это могут. Если взорвать ее сейчас, я, возможно, потеряю ногу, а все остальное останется — по крайней мере, на время.

Разумеется, я не умерла в том бункере.

Если вы видели мои портреты (они не очень похожи, но художники сделали, что могли), то знаете, что я не лишилась ни ноги, ни другой части тела. Может, я и не красавица, но все мое при мне.

А произошло следующее.

Раздался звук, шум воздушного транспорта, медленно пролетевшего у нас над головами. Я подумала, что это могут быть солдаты Периферийных Систем, которые пришли за мной (если я

стоила таких хлопот), или миротворцы, или даже люди со стороны Орвина, разыскивающие его.

В любом случае этого хватило, чтобы Орвин оторвался от зрелища и послал одного из солдат наружу. В одной из стен, почти у потолка, имелась квадратная дыра, — возможно, когда-то там было окошко или вентиляционное отверстие. Я увидела, как по небу проплыл какой-то аппарат, потом развернулся и прошел над нами еще раз. Он снизился, и шум стал сильнее.

— Ну все, козел, тебе крышка, — сказала я.

Но на самом деле я не знала, что это за транспорт, хорошо это для меня или плохо. Мне было слишком больно, чтобы думать осмысленно. Я знала лишь, что Орвина это, похоже, застало врасплох, и радовалась, что ему не по себе.

Солдат вернулся и что-то прошептал Орвину в ухо цвета мяса. Тот почесал ярко-белую щетину на голове.

— Бросим ее тут, — решил он.

— Можно убить ее сейчас, — произнес один из солдат.

— Сейчас, через час — какая разница? — Орвин говорил громко, так, чтобы мне было слышно. — Этот транспорт пришел не по ее маячку. Иначе он бы уже был куда ближе.

— Тебе придется меня убить, — сказала я.

— Это еще почему?

— Если ты этого не сделаешь, я тебя найду.

Орвин усмехнулся моей бессильной угрозе:

— Что ты найдешь без пульса? Хотя, если настаиваешь, я заставлю пулю сдетонировать. Как тебе угодно.

— Иди в жопу, — повторила я. — И я — Скар. Скар, а не Скарлея. Я хочу, чтобы ты это запомнил. Я тебя найду, Орвин. Я найду тебя и заставлю все вспомнить.

— Скар, — повторил он, размышляя над звучанием. — Не очень красивое имя. Звучит то ли как оскорбление, то ли как название телесной функции.

— Меня устраивает.

Вскоре после этого они ушли. Минуту-другую я слышала голоса снаружи здания, но скоро все стихло. Шума транспорта было не слыхать, но что-то заставило Орвина убраться.

И я осталась одна на воняющей мочой кровати.

Они не потрудились привязать меня. Знали, что с пулей внутри у меня нет шансов нагнать их. Они также не оставили мне ни оружия, ни какого-либо коммуникатора. У них были все причины

считать, что к тому моменту, как бункер найдут, я буду мертва.

Но они ошиблись.

Я подождала, желая убедиться, что они точно ушли. Потом попыталась пошевелиться. Это было трудно из-за боли в ноге, и сперва я могла только скулить от мучительной боли. Хотела свернуться в клубок, в надежде, что так будет легче терпеть. Когда и эта затея провалилась, я снова распласталась на кровати, выдохшаяся и отчаявшаяся. Пуля продолжала прогрызать путь внутри моей ноги. Я не хотела дожидаться, пока она доберется до таза.

Я скатилась с кровати. Я кричала, пока двигалась, и это, кажется, помогло. Обе ноги оказались на засыпанном битым камнем полу. Они забрали мои ботинки, но я почти не замечала ни холода, ни впивающихся в кожу острых обломков.

Я приподнялась на руках, чтобы лучше рассмотреть ногу. Выпуклость под кожей преодолела уже полпути до верхней части бедра. Я могла оценить скорость ее продвижения по волоскам и пятнышкам на коже.

Мой взгляд упал на столик, которым пользовался Орвин. Инжектор лежал там, как и все острые штуковины — среди них был даже нож, которым

Орвин вспорол мои брюки. Рядом с ножом лежал медицинский бинт, возле которого стояла бутылочка с дезинфицирующим средством.

Видимо, Орвин пытал людей, но не хотел, чтобы они умерли от заражения крови прежде, чем он натешится.

Я снова сосредоточилась на движущейся выпуклости. Я знала, что следует сделать. От ножа вреда могло оказаться больше, чем от самой пули, а если зацепить артерию, можно все равно убить себя. Стоит мне начать, и я уже не захочу продолжать. Но придется себя заставить. Война закончилась, и я хотела вернуться к своей прежней жизни, на планету, где я родилась. Я хотела вернуться к родителям и сказать отцу: я не виню тебя за то, что меня мобилизовали. Он шел трудным путем хорошего, неподкупного человека. И не заслужил того, чтобы потерять еще одну дочь.

Я взяла нож и принялась вырезать пулю.

Вы знаете, что такое пробуждение. Вы либо пережили его, либо читали о нем в обязательных текстах.

Но тогда у нас не было названия для него. Это происходило с каждым по отдельности, в крайнем случае — с парой, но не было коллективным опытом. И начнем с того, что никто из нас понятия

не имел, где мы находимся и что происходит.

Я могу лишь рассказать, как это прошло у меня.

После того как я всадила в себя нож, на некоторое время воцарилась темнота, а потом я очнулась непонятно где. Было холодно, и никакого света. Я подумала, что потеряла сознание от боли и пришла в себя через несколько минут.

Но наконец я осознала свое состояние и поняла, что больше не чувствую боли в ноге. Равно как не чувствую больше ни пули, ни раны.

Я по-прежнему лежала на кровати, но она была мягкой и не воняла мочой. Казалось, кровать сделана для меня и в точности повторяет контуры моего тела. Меня мучила жажда, в горле пересохло, и было так холодно, что я начала дрожать. Где бы я ни находилась, полной тишины не наступало. Откуда-то издалека доносился ровный низкий гул, как от работающих машин. Изредка мне казалось, что я слышу человеческий голос.

Я протянула руку и нащупала изогнутые поверхности из металла и пластика. Они окружали меня, словно скорлупа яйца. Мое яйцо — я предположила, что это капсула гибернации, — вдруг издало звук и раскрылось. Затем разделилось на две половинки, и в ширящейся щели показался

красный свет. Свет этот, наверное, был тусклым, но я достаточно долго пробыла в темноте, и мне пришлось сощуриться.

На мне не было ни моей формы, ни боевого снаряжения. Кто-то переодел меня в серебристые брюки и блузу. Ткань, по ощущениям, была прочной и чистой, но при этом очень тонкой. Блуза — с короткими рукавами и простеньким поясом. Наверное, такую одежду могли делать для детей или больных.

И от холода она ни капли не защищала.

Постепенно глаза мои приспособились, и я лучше рассмотрела то, что меня окружало. Моя капсула оказалась одной из многих, стоявших в длинном изгибающемся коридоре. Конечно же, вам известны эти коридоры. Когда я говорю «изгибающемся», я имею в виду, что он шел вверх и вниз, уходя из поля видимости. У противоположной стены коридора стоял второй ряд капсул гибернации. Не только моя разделилась надвое — примерно треть их уже была открыта. Вы можете подумать, что я мгновенно почувствовала себя как дома на этом корабле, но ничего подобного. Мне доводилось прежде путешествовать на прыжковых кораблях, но я никогда не бодрствовала в пути.

Я по-прежнему слышала разные звуки. В основном они исходили от работающих где-то в отдалении корабельных машин. Но поблизости от меня звучали голоса. Похоже, кто-то ссорился.

Я приспустила брюки и поискала следы ран там, где пуля вошла в мое тело, и там, где я ее вырезала. Или, по крайней мере, начала вырезать — я не была уверена, что преуспела лишь благодаря собственным усилиям. Я провела пальцем по излеченной коже. И не нащупала рубцов.

В те времена у нас была хорошая медицина. Она могла сделать все что угодно заново.

Все еще не вполне доверяя собственной ноге — пришлось немного напрячь мозг, только тогда он осознал, что ее вылечили, — я зашагала по изгибающемуся коридору. Странное было ощущение — подниматься по склону, который не закончится никогда.

Но к этому привыкаешь.

Я прошла мимо множества открытых и закрытых капсул гибернации. В некоторых все еще находились люди — я видела их холодные неподвижные тела сквозь окошки в черной скорлупе яиц. На всех нас была одинаковая серебристая одежда. Еще я заметила, что на оболочках капсул светятся какие-то надписи. Я остановилась, чтобы

прочитать их. В каждой капсуле лежал человек, имевший отношение к войне. Надписи указывали, к какой стороне он принадлежал, Центру или Периферии, каково его звание и где он служил. Я читала названия родных миров одного, другого, третьего: Травник, Яргора, Арбутакс…

Предположительно, мы направлялись на Тоттори — я определенно слышала об этом месте.

Нужно было узнать больше, и потому я решила отыскать источник голосов. Кажется, они шли откуда-то из-за скругления коридора. Я шагала мимо бесконечных капсул, отметив на ходу, что они наполовину скрывают золотые и серебряные росписи стен: длинноногая птица, какое-то здание, приятный пейзаж. От черных яиц отходили трубы и трубочки, скрываясь в стене.

Голоса становились ближе и делались все более обозленными. Я услышала, что кто-то бежит — твердые подошвы стучали по металлическому полу. Еще я услышала громкий пронзительный голос с акцентом, непохожим на мой.

Я втиснулась между двумя капсулами и присела.

Рискнув выглянуть, я увидела, что из-за поворота показался какой-то мужчина. Он то и дело изворачивался — посмотреть, не гонятся ли за

ним. Его черная одежда на вид казалась куда более теплой, чем мое серебристое одеяние. Человек был очень худым и лысым, все кости черепа выпирали из-под кожи. Он был в ботинках, а в руке держал пистолет. За ним, шагах в двадцати, бежали босые люди в серебристом — мужчины и женщины разного возраста. Одна из женщин зажимала рукой кровоточащий лоб.

Человек остановился там, где коридор сужался, и прицелился в преследователей.

— Назад! — крикнул он. — Назад, или я стреляю!

За ним гнались восьмеро. Они притормозили, но окончательно не остановились. Возможно, не верили, что этот человек действительно в них выстрелит. Он прицелился и, кажется, промахнулся. Судя по тому, как дрожала его рука с пистолетом и как он дернулся от выстрела, вряд ли он когда-нибудь был солдатом.

Я прислушалась к голосам преследователей. Трудно было утверждать наверняка, но их выговор показался мне вражеским.

Тот человек нажал на какую-то кнопку на стене, и коридор перегородила железная дверь. В ней было небольшое окошко. Человек подошел и заглянул в него. Для этого ему понадобилось

встать на цыпочки.

Я не смела пошевелиться. Преследователи колотили в дверь с другой стороны, и я увидела прижатую к стеклу руку.

Мужчина казался мне все таким же напряженным. Он коснулся другой кнопки и наклонился к микрофону.

— Говорит Прад! Я в колесе три. Где все? У нас тут бунт! Отребье проснулось!

Его слова гулко разносились по коридору и усиливались, отражаясь от стен.

Прад отошел от двери, по-прежнему держа пистолет в руке, но теперь дуло смотрело в пол. Затем вытер нос рукавом. Он напоминал мне крысу — тощий, испуганный, неуверенный в себе.

Не шевелясь и не дыша, я дождалась, пока Прад не окажется рядом со мной. А потом прыгнула изо всех сил, кинулась на него, сшибла с ног, и он упал в капсулу у другой стены. Я приземлилась сверху и вырвала у него пистолет, словно погремушку у младенца.

Я вскочила и навела оружие на Прада.

— Не стреляй! — взмолился он.

У меня по-прежнему было сухо в горле, но пришлось говорить.

— Ты кто такой?

— Прад. Специалист по обслуживанию оборудования Прадсер Хебел. Член экипажа. Сектор двигателей. С кораблем что-то случилось. Какая-то серьезная проблема. Мы дрейфуем неизвестно где, и оборудование почему-то перезапустилось. Никто из вас не должен был просыпаться.

Мне было плевать на все это. Я хотела четкости и достоверных сведений, а не новой неопределенности.

— Говори, что это за корабль.

— Прыжковый корабль. Военный транспорт. Мы должны были идти на Тоттори.

— Знаю. Что будет, когда мы долетим? Нас отправят по домам? Мы репатриированы?

— Нет. С чего вы вообще взяли… — Но потом он подумал и не стал выражаться подобным образом. — Нет. Не совсем репатриированы. Это не просто военный транспорт. Это корабль-тюрьма. «Каприз». Так он назывался раньше. Название оставили после переоборудования.

— И зря.

— Несомненно.

— Я имею в виду, что я солдат, а не заключенный. Я не должна находиться на военном корабле-тюрьме. Я не… как там вы назвали этих

людей? Отребье?

— Это просто слово. Извините. Я не думал…

Я ткнула в него дулом:

— Кому принадлежит это гребаное судно?

— Миротворцам. — Он так и лежал съежившись. — Это переделанный лайнер. До войны перевозил пассажиров. Люксовый сегмент. Кольцо Ста Миров. Конфискован и переделан для перевозки пленных и гражданских репатриантов.

— То есть для отребья?

— Я ведь уже сказал, что…

— Сколько народу он вмещает?

Прад с трудом сглотнул:

— Много. При переделке объем увеличили. Почти тысяча спальных мест.

— Ты сказал, что мы дрейфуем. Далеко от Тоттори?

— Не думаю. Мы прыгали и, кажется, не раз. Это был длинный рейс, все легли в гибернацию, даже экипаж. А потом вот это. Полное отключение энергии. Понятия не имею, сколько оно длилось. Корабль возвращается к жизни по частям. — Он снова сглотнул. — Поэтапное восстановление системы. Чтобы контролировать потребление энергии, пока реакторы не выйдут на полную

мощность. — Он посмотрел на меня с мольбой и отчаянием. — Больше я ничего не знаю. Я пытался добраться до остальных членов команды, отыскать кого-нибудь, кто знает больше.

— Вставай.

— Пожалуйста, не трогай меня.

— Я солдат, а не преступник. Я не трогаю гражданских. Эти люди за дверью, почему они за тобой гнались?

Прад рискнул пожать плечами:

— С ними то же самое, что с тобой и со мной. Они испуганы и не понимают, что происходит.

— Я привыкла сражаться с этими людьми.

— Когда я наткнулся на них, они уже встретили пятерых заключенных с твоей стороны. Ты же периферийка, верно? Там была драка. Кажется, одного убили. — Прад постепенно успокаивался, но голос его все еще оставался пронзительным и дрожащим. Я начала думать, что это его естественный тембр. — Они теперь разделены, переборки подняты и заблокированы. Но если мы не доберемся до какого-нибудь начальства, возникнут новые проблемы.

Я посмотрела на пистолет. Такое оружие можно без опаски использовать на герметичном космическом корабле. Низкий выход энергии и малая

скорость стрельбы. Человека оно остановит, а вот скафандр не пробьет.

Вряд ли оно всерьез поможет против трех человек, не говоря уже о восьми.

— Ты знаешь, где другие члены команды?

— Надеюсь, что да, — сказал Прад.

— Надеешься? Но никого из них не видел?

Прад судорожно кивнул, подтверждая, что все именно так и обстоит.

— Ты сказал, что ты из сектора двигателей. Значит ли это, что ты знаешь, как заставить работать этот корабль?

— Некоторые системы.

— Так куда ты надеялся пробраться?

Этот крысюк посмотрел на меня со вновь вспыхнувшим страхом, будто я могла решить его судьбу в зависимости от ответа.

— На командный пункт, — сказал Прад дрожащим голосом. — Не на главный мостик. До него слишком далеко. Но я подумал, что на командном пункте может быть еще кто-нибудь из экипажа. Подумал, что там я смогу посмотреть, насколько серьезны повреждения и где мы находимся.

— Значит, идем туда. Показывай дорогу.

— Это недалеко отсюда. Надо воспользоваться лифтом, чтобы подняться в узел.

— Мы кого-нибудь встретим по пути?

— Не знаю.

Вскоре мы дошли до очередной двери, перекрывающей коридор. Прежде чем открыть ее, Прад выглянул в окошко. За дверью находился другой коридор с открытыми и закрытыми капсулами гибернации.

— С такими дверями может справиться только член экипажа, — сказал Прад. — Это даст нам немного времени.

Через некоторое время мы подошли к двери в стене коридора. В серебряно-золотом лифте я не сводила глаз с Прада. Я опасалась, что он совладает со страхом и попытается отнять у меня свой пистолет. Но Прад лишь указал на план корабля, выгравированный в прямоугольнике на одной из стен.

— Мы сейчас тут. Вокруг оси расположены три колеса-центрифуги. Мы находимся в последнем, третьем. Вот этот огонек, поднимающийся по спице, — это мы. — Он моргнул. — Послушай, ты точно ничего мне не сделаешь? Точно?

— Расскажи мне про этот корабль. Начни с того, почему так сильно боишься меня.

Прад рассказал, что этот корабль стал одним из сотен, развозивших людей после окончания

войны. Но он не был обычным транспортом. На борту находились не просто заключенные. В гибернации, среди прочих, пребывали обычные солдаты и гражданские лица — невиновные. Но их поместили на борт лишь для того, чтобы не лететь с пустыми местами.

— А остальные?

— Это тяжелые случаи.

— Отребье.

Прад сглотнул.

— Нам сказали, что большинство из них — солдаты, нарушившие законы войны. Позволившие себе лишнее, превысившие допустимый уровень насилия. Что бы это ни значило. Остальные… насколько я понял, они в основном хуже. Предатели, наемники… преступники из числа гражданских лиц. Насильники, убийцы, спекулянты. В общем, полный корабль проблем для мирного времени. Их нужно судить, а люди желали быстрого правосудия.

— Худшие из худших.

— Думаю, да.

— Прекрасно. Но уясни себе: я не из их числа. Я просто солдат — была солдатом. Я не превышала «допустимого уровня насилия» и не творила прочей хрени. Я просто выполняла свою работу,

отстала от патруля, и меня схватили враги. И ничего больше. Я даже мобилизации не подлежала.

— Значит, ты из тех солдат, которых сюда загрузили просто для ровного счета.

— Да.

Прад хотел было что-то сказать, но осекся.

— Что такое?

— Место, где ты меня нашла. Та часть колеса.

— Ну?

— Ты вышла из капсулы неподалеку оттуда?

Я мысленно прикинула свой путь.

— Да, неподалеку.

— Тогда не сходится. Эта часть… Я провел немало времени, читая данные на капсулах. Тут были проблемные лица. Вся эта секция заполнена военнопленными, которых ожидает трибунал.

— Ты хочешь сказать, что я лгу?

— Нет! — воскликнул Прад. — Просто что-то не сходится. Наверное, кто-то допустил ошибку.

— Я не лгу.

— Значит, тебя поместили не в ту секцию. — Потом он хлопнул себя по лбу. — Твоя пуля!

— А что с ней?

— Мы можем прочитать ее, получить доступ к твоему досье. Она скажет нам, что ты делала в тот момент, когда тебя ранили, как тебя лечили,

почему взяли на борт.

— Ты хочешь сказать, что это снимет с меня подозрения.

— Да, — сказал Прад, пожалуй, слишком поспешно. Но на самом деле он имел в виду, что это позволит ему узнать, говорю я правду или вру.

Возможно, это окажется последним, что он узнает.

Там, куда мы прибыли, сила тяжести оказалась куда меньше — мы теперь находились значительно ближе к оси корабля. Быть почти невесомой мне не понравилось. Это лишь отчасти напоминало плавание, а моя боевая подготовка ничем не могла помочь в этой незнакомой среде.

Прад же, напротив, почувствовал себя куда непринужденнее. Он выбрался из лифта, цепляясь кончиками пальцев, и зашагал вперед, двигаясь по длинным пологим дугам.

Я не сводила с него глаз:

— Я смотрю, тебе это привычно.

— Пришлось привыкнуть. Я достаточно долго служил на этом корабле.

— Достаточно долго, чтобы помнить жизнь до войны?

— Никто из нас не служил на этом корабле во время его гражданской жизни, хотя, когда я

только появился здесь, мне еще попадались такие люди. Они говорили, что корабль был очень красивым, когда работал в Кольце Ста Миров.

Командный пункт оказался большой шестиугольной комнатой. В центре располагались пульт управления и несколько кресел. Стены покрывали движущиеся надписи, цифры и чертежи — сейчас иногда можно увидеть что-нибудь из этого, но в то время, когда корабль больше помнил о себе, все выглядело иначе. Мельтешение показалось мне убаюкивающим, как кошачье мурлыканье.

Прад запер за нами двери:

— Здесь мы пока что в безопасности. Если они начнут ломиться в этот отсек, мы поймем, что пора уходить.

— Ты надеешься?

— Я делаю, что могу. Кстати, я все еще не знаю, как тебя зовут.

— Скар, — немного поколебавшись, сказала я.

— Просто Скар?

— Да. Просто Скар.

Прад подошел к пульту и показал, как с его помощью можно следить за всеми отсеками корабля. Он отцепил от пульта планшетник, уложил его в правую руку, а левой принялся

набивать команды. Сперва планшетник не хотел работать нормально, но через несколько минут Прад, похоже, справился с основными сложностями.

— Это твой единственный планшетник?

— Нет, на корабле их сотни. Но сейчас нам придется работать с тем, что есть.

Он велел планшетнику транслировать изображения на стену. Я увидела колесо, в котором вышла из гибернации. Тот коридор был пуст, но в другом месте собралось около дюжины человек в серебристой одежде. Они толпились вокруг чего-то. Другая камера показывала людей, пытающихся открыть одну из дверей. Третья — женщину в серебристом, бегущую по серебряно-золотому коридору.

Еще одна — мужчину и женщину в черном, разговаривающих с девушкой в серебристом.

Я вспомнила, как мне было холодно, когда я выбралась из капсулы. С тех пор теплее не стало, но я, по крайней мере, двигалась.

— Она же еще ребенок. Какого черта на этом корабле делают дети?

— Их, должно быть, не много, — сказал Прад. — Среди гражданских.

— Я беспокоюсь за нее.

— По крайней мере, мы знаем, что есть и другие члены команды. Если нас будет достаточно, мы сможем восстановить хоть какое-то подобие порядка.

— Против тысячи заключенных? Ну, удачи тебе в этом нелегком деле.

— Их не будет столько. Я проснулся недавно, но уже вижу, что системы работают не на полную мощность. Во всяком случае, сейчас.

— И что это значит?

— Что многие гиберкапсулы не работают как следует. Вышли из строя. Люди в них, они… ну, мертвы. Или все равно что мертвы. Возможно, сейчас они все еще охлаждены, но если по дороге, в какой-то момент, станут слишком теплыми, то получат значительные повреждения на клеточном уровне. Я сомневаюсь, что в общей сложности наберется больше шести сотен исправных единиц.

— Из тысячи? Отчего они вдруг должны выйти из строя?

— Такая вероятность существует всегда. Обычный риск для космических путешествий, даже на таком корабле, как этот. Во время длинной цепочки прыжков, за пару лет полета, запросто можно потерять одного-двух спящих. Но мы по-

теряли две-три сотни.

— Значит, мы были в пути дольше пары лет.

— Наверное, да.

— Есть же какой-то способ выяснить это. Корабль должен зафиксировать, сколько времени он тут болтается.

— Все не так просто. Отключение энергии сильно по нам ударило. — Он показал мне экран планшетника, словно я что-то понимала в этих цифрах и диаграммах. — Полная перезагрузка. Все часы обнулились. Обычно такого не… — Тут Прад осекся. — Слушай, это все сложно. Корабль понятия не имеет, где он находится или как давно он тут. Обычно он всегда может связаться с маяком, переустановить часы и навигационную систему.

— И?

Прад постучал пальцем по планшетнику:

— Он не ловит сигнал. Говорит: «Ошибка, ответа нет». Я пытался проделать это и с пульта. Проблема не здесь, совершенно точно.

— Значит, мы вне зоны покрытия. Возможно, после прыжка оказались не в той точке.

— ФлотНет слишком обширен для такого. Сотни тысяч маяков, надежная система дублирования. Даже во время войны им удавалось поддержи-

вать большинство точек в рабочем состоянии. Но здесь нет ничего.

— «Ответа нет», — проговорила я, повторяя его слова. Это звучало зловеще.

— Ну, видимо, где-то случилась поломка. Во всяком случае, я знаю одно. Может, мы и дрейфуем, но не в глубоком космосе, не вдали от всех систем. До нашей встречи… я тебе говорил, что искал остальных членов экипажа. Я думал, что начинать стоит с колец, и еще хотел убедиться, что с заключенными все в порядке.

— Ради нашего блага или ради вашего?

— И того и другого. Как бы то ни было, я прошел мимо иллюминатора. Тут неподалеку есть планета. Если бы планшетник работал нормально, я бы смог вывести на него ее изображение.

— Ты ее узнал?

— Нет. В любом случае это не Тоттори. Может, другая планета из системы Тоттори, но это плотно заселенный район, а я не вижу ни спутников, ни орбитальных станций, ни лифтов, не говоря уже о движении транспорта.

— Но у планеты должно быть имя.

— Согласен. Так или иначе, это уже что-то. Атмосфера, суша, моря. На вид она пригодна для жизни, хоть и немного холодновата. Видимо,

находится в стороне от оживленных маршрутов, иначе здесь были бы и другие корабли, кроме нашего.

— Сильно в стороне. — Но кое-что из увиденного на стене заставило меня забеспокоиться. — Эта картинка… Она только что сменилась. Можешь вернуть прежнюю?

— Что там было?

— Люди в большой комнате. На секунду мне…

— Что?

— Кажется, я увидела знакомое лицо.

Прад, нахмурившись, покопался в планшете, и на стену вернулось предыдущее изображение. Один из роскошных банкетных залов прежнего корабля, помещение с большими иллюминаторами и с полом, изгибающимся, как коридор; в нем стояли гибернационные капсулы. Прад сообщил, что это помещение находится в одном из колес, отведенных под банкетные залы, холлы и прогулочные палубы.

В зале было человек двадцать пять, тридцать, большинство — серебристые костюмы заключенных. Все столпились вокруг двух сдвинутых вместе столов; на них лежал мужчина в серебристой одежде. Его держали за руки и ноги.

— Вы все теперь одеты одинаково, людей с раз-

ных сторон друг от друга не отличить. Остается только гадать, кто выходит из гиберкапсул. Но, может, ты знаешь кого-то из них?

— Нет, — ответила я и хотела было сказать еще кое-что, но запнулась.

— Что такое?

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, я узнала одного человека.

— Он что-то для тебя значит?

— Я охотно сдеру с него шкуру заживо, если у меня появится такая возможность.

— Очаровательно.

— Не насмехайся, Прад. Этого человека зовут Орвин, и он — военный преступник, действовавший на вражеской стороне. Он схватил меня, пытал, оставил умирать.

— И он здесь?

— На секунду мне показалось, что да. Это было лишь мгновение — его лицо на стене. Но если это действительно был он, сейчас он стоит спиной к нам.

— Вон тот здоровяк?

— Да. — Я подумала о его коже цвета мяса, об ослепительно-белых волосах. Все это совпадало, но не мог же Орвин быть единственным человеком с такой внешностью, а оценить его габариты

на фоне группы незнакомцев было сложно. — Можно взглянуть на него с другой стороны?

— Боюсь, не выйдет. Если мы подождем, он, возможно, еще раз повернется. Тогда ты его узнаешь?

— Да.

Но он так и не повернулся, а тем временем толпящиеся люди, кажется, проделывали все более жестокие вещи с человеком на столе. У одного в руке появился серебристый предмет, слишком хорошо мне знакомый.

— Какого черта тут делает эта штука?

— Это инжектор медленных пуль, — сообщил Прад, будто я могла не знать. — Мы ведь на военном транспорте. Иногда пули в теле перестают работать нормально, и приходится подсаживать новую. Обычно это делается, когда человек спит, подготовленный к гибернации.

Я вспомнила тот бункер. Да, я объявила, что не стану ничего больше рассказывать о своей жизни до пробуждения, но от этих воспоминаний не так-то просто было отделаться. Я все еще ощущала жесткий холодный пол, битое стекло под ногами, забрызганные кровью стены, запах мочи и ужаса.

— А еще из него получается отличный пыточ-

ный инструмент.

— Возможно, тебе просто померещился тот человек.

— Возможно. — Я уже готова была поверить в это, даже надеялась, что так оно и есть. — Но если мы ничего не сделаем, они убьют этого мужчину.

Прад, которого я по-прежнему держала на мушке, посмотрел на пистолет:

— Думаешь, сможешь захватить то помещение? Ну, тогда желаю удачи.

— Тут должно быть еще какое-нибудь оружие.

— Так и есть, но ничего более мощного, и в любом случае нас всего лишь двое.

— До того ты говорил со всем кораблем. Я слышала твой голос. Можешь сделать так, чтобы они услышали меня отсюда?

Прад кивнул и показал мне что-то на пульте. Это был планшетник: человек наклонялся и говорил в него. Прад сказал, что так экипаж мог обращаться к пассажирам и персоналу в случае учебной тревоги или ЧП. Для корабля-тюрьмы с замороженными пассажирами и небольшой командой эта система не требовалась, но ее так и не демонтировали.

Прад покрутил несколько ручек настройки,

проверяя, работают ли они.

— Что ты хочешь им сказать?

— Что мы уничтожим корабль отсюда. Будет лучше, если ты убедишь меня, что мы действительно в состоянии это сделать.

— Уничтожить корабль, — повторил Прад, будто я сказала что-то на странном иноземном языке.

— Уничтожить его или убить всех на борту. Смотря что проще. Это можно проделать?

— Я понял. Зачем уничтожать корабль?

— Иначе мы поубиваем друг дружку. Мы солдаты, Прад. Военнослужащие враждующих сторон — лучшие из нас!

— И ты думаешь, что лучший способ установить мир — пригрозить, что мы уничтожим корабль?

— Я знаю солдат, Прад. Я сама солдат. Они не станут слушать никаких логических доводов. Не тогда, когда появился шанс выплеснуть злобу. Если они чувствуют то же, что и я, для них прошло всего несколько часов с того момента, как мы дрались друг с другом.

Прад объяснил мне, что подобный корабль трудно уничтожить в одиночку. Все системы проектировались с таким расчетом, чтобы этого не допустить.

Но я не собиралась сдаваться.

— Выпусти воздух или пригрози, что сделаешь это. Должен быть способ.

— Нет, — сказал Прад. — Нет никаких внятных причин, почему ты вообще должна этого захотеть. Мы можем вручную запечатать отсеки по одному и сбросить давление. Но не отсюда, и это займет не один час.

— Тогда мы зададим либо слишком высокую температуру, либо слишком низкую. Или остановим колеса, чтобы все очутились в невесомости.

— И опять, нужно много времени, даже если это удастся сделать отсюда.

— Не важно, что мы можем и чего не можем. Важно, в чем мы сможем их убедить. Помоги мне найти слова, и я заставлю их поверить, что говорю серьезно.

Прад покачал головой:

— Не думаю, что это возможно.

Я снова продемонстрировала ему пистолет, напоминая об истинной природе наших взаимоотношений.

— Я не собираюсь ждать, пока они разорвут друг друга на куски.

— И поэтому предпочтешь сперва убить меня?

— Просто предложи то, что сработает.

Прад секунду подумал и сказал, что может включить сигнал тревоги, который услышат во всех коридорах и помещениях. Будет мигать свет и выть сирена. Одна из процедур отработки действий в аварийной ситуации — но солдаты этого не поймут.

— Давай делай, — распорядилась я.

Прад положил планшетник и что-то набрал на пульте. Включилась сирена. Ее вой становился то сильнее, то тише, напомнив мне сигнал атаки. На стенах замигали красные огоньки. На экранах мы видели, что люди в других помещениях слышат сигнал. Они принялись озираться. Даже у человека, стоящего спиной к камере, дернулась голова.

— Хочешь поговорить с ними сейчас?

— Подождем пару минут. Так будет лучше.

Это были долгие две минуты. Наконец я наклонилась и обратилась к кораблю:

— Меня зовут Скар. Я знаю, что вы меня слышите. Я солдат. До наступления перемирия я дралась с вами. Я понятия не имею, как очутилась на этом корабле и что с ним произошло. Но я знаю, что у нас неприятности. — Я перевела дыхание. Мне бы, конечно, хотелось иметь больше времени, чтобы обдумать свою речь, но сейчас главное — сделать все возможное. — Со мной здесь член

команды по имени Прад. Прад сильно дергается из-за нынешней ситуации. Говорит, что мы должны принимать сигналы маяков ФлотНета, а ни хрена. Шиш с маслом, а не сигналы. Говорит, что в гиберкапсулах куча мерзлых тел — куда больше, чем полагается, с учетом того, сколько мы предположительно пробыли здесь. Сейчас мы с Прадом контролируем некоторые системы жизнеобеспечения корабля. Я держу Прада под прицелом, и я попросила его сделать кое-что. О чем я тебя попросила, Прад?

Прад склонился к планшетнику:

— Раскачать гиперядро. Гиперядро мы используем, чтобы разогнать двигатели для прыжка. Если не задействовать глушители, ядро перейдет в сверхкритическое состояние за четыре-пять минут. Оно сдетонирует, и корабль… ну, не будет никакого корабля.

— Уяснили, народ? Мы — тикающая часовая бомба, которой осталось четыре-пять минут до взрыва.

Я завладела их вниманием — теперь в этом не приходилось сомневаться. Там были не только люди в серебристом — солдаты и отребье, как я, — но и члены команды в черной форме. Что бы ни считал Прад, мне казалось, что их меньше

двадцати.

— Я не техник, — продолжала я. — Я разбираюсь в оружии, а не в прыжковых кораблях. Но мы не можем продолжать драться. Пока это не прекратится, я не позволю Праду перевести ядро в безопасное состояние. На «Капризе» три колеса. Те, кто воевал за Центральные Миры, переходят на первое, считая от носа корабля. Те, кто воевал за Периферийные Системы, — на второе. Все остальные — члены команды, гражданские, каждый, кто не был солдатом, — вы занимаете третье колесо. Как только сделаете это, решите, кто будет говорить от вашего имени. Мне плевать, как вы будете решать, главное, чтобы выбрали кого-то одного.

— Осталось меньше четырех минут, — сказал Прад.

— Давайте пошевеливайтесь. Всех, кого вы поймали, оставьте на месте, вне зависимости от того, чего они, по вашему мнению, заслуживают. Отныне чтоб ни у кого даже волоска с головы не упало.

Я не надеялась, что они просто встанут и отправятся выполнять мои приказы. Вообще-то, я ждала, что они усомнятся в моей искренности. Они знали, что у них есть несколько минут на

обдумывание.

Но у меня было в запасе еще кое-что:

— Возможно, вы не верите в серьезность моих намерений. Возможно, вы не верите, что я расстанусь с жизнью, лишь бы добиться своего. Вы ошибаетесь. Меня бросили умирать уже после заключения мира, оставили валяться с медленной пулей, прогрызающей дорогу к моему сердцу. Это несколько меняет восприятие жизни. По моим ощущениям, мне почти нечего терять. Возможно, мы пробыли здесь уже не один год. И знаете что? Если бы кто-то собирался нас спасать, он бы уже был тут. А значит, надо выкарабкиваться самим. Если мы намереваемся выжить, нам нужно кооперироваться. Мир подписан. Война окончена.

— Три минуты, — сказал Прад.

Они еще не двинулись по своим колесам. Но я чувствовала их неуверенность. Они задумались над тем, насколько далеко я готова зайти. Некоторые стали озираться по сторонам. Стоит одному сдвинуться с места — и остальные повалят следом.

Я продолжала поглядывать на человека, в котором заподозрила Орвина. Он так и не повернулся ко мне лицом.

Пора остановиться, решила я, — чтобы не пере-

борщить с речью. Я коснулась пальцем губ, веля Праду помалкивать, а он в этот самый момент показал мне два пальца, сообщая, сколько минут осталось.

Я пожалела, что оставила свет мигать, а сирены — завывать, после того как огласила свои требования. Без них было бы круче. Но, возможно, я и так уже сделала все, что было в моих силах. Мне казалось, что я говорила правду, даже когда лгала. Уничтожить корабль было нельзя, если только Прад мне не соврал, но я совершенно серьезно говорила, что не желаю умирать на условиях толпы.

Они зашевелились. Двинулись по одному, по двое, по трое, а потом все превратилось в поток. Прад потянулся было, чтобы выключить сирену, но я его остановила. Пускай думают, что гибель близка.

— Они сейчас начнут сталкиваться друг с другом по пути в разные колеса, — прошептал Прад. — Будут новые неприятности.

— Но меньше, чем если бы все остались там, где сейчас.

— Ты считаешь это верным решением?

— Ситуация все еще паршивая. Но чуть менее паршивая, чем несколько минут назад.

Конечно, я понимала, что это лишь временная мера. Не все солдаты поймут, куда им идти. Куда отправляться предателю или дезертиру, в первое колесо или во второе? Некоторые гражданские, возможно, творили вещи похуже, чем любой солдат. Их ненависть друг к другу может быть такой же сильной.

Я ничего не могла с этим поделать.

— Кажется, они повелись, — сказал Прад. Его потряхивало от облегчения.

Я пока сомневалась, но результат уже был неплохим. Правда, возможно, разойтись по разным колесам было попросту безопаснее всего, ведь люди еще не разобрались, что к чему.

Главное — я наметила отправную точку. На корабле стало свободнее, и смертельные враги оказались в разных колесах.

А еще я права насчет Орвина. Я успела разглядеть его лицо, когда он повернулся, выходя из комнаты.

Он действительно был там.

Людям в кольцах понадобилось некоторое время, чтобы уладить менее серьезные разногласия и выбрать трех представителей. В это время, где-то от часа до шести, Прад продолжал изучать состояние корабля.

Вот что нам удалось узнать.

«Каприз» перенес непонятно чем вызванное отключение энергии и теперь пытался восстановить все свои системы. Из примерно тысячи спящих в гиберкапсулах, с которыми корабль двинулся в путь, двести сорок путешествия не пережили. Обширные части корабля все еще оставались обесточенными или страдали от периодических сбоев питания. Это было плохо, но имелись и хорошие новости. Корабль мог предоставить, а также получить с помощью переработки достаточное количество воды и пищи, чтобы поддерживать жизнь всех присутствующих людей неограниченно долго, если мы введем нормированное распределение. Это, может, не очень приятно, но зато никому не придется голодать. Имелось и достаточно энергии для обогрева. На тюремном корабле не было ни кроватей, ни отдельных кают, не считая отведенных членам команды. Но нашлись сотни запасных комплектов тюремной одежды, из них можно было соорудить подобие постелей. Некоторые устроились в гиберкапсулах, обеспечивающих кое-какую приватность. Другие предпочли защищенность общих спален. Мы могли есть и пить, мыться и пребывать в тепле. Большинству из

нас — солдатам — случалось жить и в худших условиях.

Но мы ничего не знали о более серьезной проблеме. Электронная нервная система корабля функционировала не полностью. Она не видела целые области внутри себя и многое — во внешней вселенной.

И все же она кое-как сумела вывести нас на планетарную орбиту. Орбита была высокой и стабильной — достаточно далеко от атмосферы, чтобы поддерживать ее почти до бесконечности, лишь немного корректируя раз в несколько десятилетий.

Сможем ли мы пробыть здесь так долго?

Прад считал, что мы, возможно, найдем способ определить наше местонахождение и время независимо от ФлотНета. В начале своих исследований он пытался менять поисковые частоты, на тот случай, если протокол передачи ФлотНета по какой-то причине изменился. Прад пришел в восторг, когда корабль начал принимать постоянный радиосигнал, похожий на позиционирующий импульс маяков ФлотНета.

Но это оказался сигнал природного происхождения. Прад быстро понял, что он исходит от радиопульсара, плотного, стремительно вращаю-

щегося магнитоактивного остатка взорвавшейся звезды.

Зато сигнал натолкнул Прада на идею получше. В галактике существовали тысячи радиопульсаров, и все вращались с разной скоростью. Сила пульсаров зависела от их удаленности. Путем триангуляции этих природных сигналов можно было вычислить, где очутился «Каприз». Это не дало бы такой точности, как ФлотНет, но позволило бы понять, в какой Солнечной системе мы находимся.

Прад сказал мне, что он может не только прикинуть наши координаты, но и сделать кое-что еще. Поскольку вращение пульсара постепенно замедляется, можно приблизительно подсчитать, сколько месяцев или лет прошло.

Я сказала Праду, что чрезвычайно заинтересована в ответе.

Представителей звали Йесли, Спрай и Кроул. Я встретилась с ними в холле, неподалеку от командного пункта. Они были из числа самых старших в своих колесах, если не самыми старшими.

Я не знала никого из этих людей до пробуждения и понятия не имела, можно ли им доверять. Но у меня не было выбора: приходилось дей-

ствовать так, словно они говорят абсолютно искренне. Это были представители, выбранные колесами, и точка.

Йесли, единственная женщина среди них, была гражданским представителем третьего колеса, где собрались нонкомбатанты и те, кому не нашлось места на двух других колесах. Она была старше меня, происходила с другой планеты — точнее, из другой солнечной системы — и говорила взвешенно и сдержанно.

Я решила, что Йесли мне нравится, — по крайней мере, для начала неплохо. Она могла рассуждать очень убедительно и, похоже, прекрасно знала силу своих слов. Ей не требовалось говорить много, чтобы привлечь внимание окружающих, и она пользовалась этим даром разумно.

Большинство родственников Йесли погибли во время войны, и у нее имелись все основания не любить ни одну из сторон. По этой же причине у нее не имелось серьезных оснований оказывать предпочтение какой-либо из них.

— Теперь ты знаешь, кто я такая, — сказала Йесли, закончив рассказывать нам, кто она такая. — А ты, Скар? Нас троих избрали. Насколько я могу судить, ты просто решила назначить себя

главной.

— Справедливое замечание, — сказал Спрай, высокий мужчина с бритой головой, очень высокими скулами и мускулистыми руками, которые он любил складывать на груди. — Нас выбрали демократическим образом, если так можно выразиться. Я никогда не просил, чтобы меня поставили начальником.

— Но вы не стали и отказываться, — с полуулыбкой сказал Кроул, низкорослый и невзрачный, внешне ни капли не похожий на солдата, а тем более на прирожденного лидера. Но в глазах его светился ум, а в манере держаться сквозила уверенность, и это определенно привлекало людей. Он непринужденнее всех нас держался в зоне с низкой гравитацией. — Впрочем, как и я, — продолжил он. — Насколько я могу судить, Скар сделала единственное, что ей оставалось. Без нее мы бы уже утонули в собственной крови.

— Скар — тоже солдат, — сказала Йесли. — Неудивительно, что вы ее защищаете. Честно говоря, я вообще не понимаю, почему у солдат должно быть право голоса на этом корабле.

— Гражданские здесь в меньшинстве, — указала я.

— Но у нас не боевая обстановка. Сейчас нет

войны. У нас мир. Заключено перемирие.

— Отлично, — пожал плечами Кроул. — Значит, теперь все мы — гражданские.

— За исключением военных преступников, — сказала Йесли. — Как они их называли, этих людей?

— Отребьем, — сообщила я с любезной улыбкой.

— Я тоже из этого отребья, — сказал Спрай, удивив нас своей откровенностью. — И рад это признать. Во время войны я служил под командованием женщины-офицера, которая совершила множество военных преступлений. Казнила солдат без всяких процессуальных норм. Убивала гражданских. Поэтому я убил ее и сколько-то защищавших ее мужчин и женщин. Это сделало меня военным преступником по законам моей же стороны. Предателем и убийцей.

— Ты жалеешь о сделанном? — спросила я.

— Лишь о том, что не сделал этого раньше. И что не прикончил еще нескольких говнюков, пока была такая возможность. Жалею, что позволил некоторым из них умереть относительно безболезненно.

Я решила, что мне нравится честное признание Спрая: «Я не раскаиваюсь». Мне было бы куда

труднее доверять ему, если бы он устроил представление и изображал угрызения совести.

— Мир не черно-белый, — сказала я. — В каждом из нас есть и хорошее, и плохое.

— А ты? — спросила Йесли. — В чем твое злодеяние, Скар?

— Ну как тебе сказать… Я — мобилизованный солдат, выполнявший приказы, делавший свою работу и в результате очутившийся на этом корабле по неизвестной мне причине.

Йесли осторожно кивнула:

— Значит, ты не совершала преступлений? Не нарушала законов войны?

— По-моему, я только что сказала это.

— Йесли права, — примирительно проговорил Спрай. — Неплохо бы понимать твои намерения, Скар. Не то чтобы мы принципиально тебе не доверяем, но ведь, честно говоря, ты захватила власть, угрожая ни в чем не повинному члену экипажа.

— Который спасался бегством от толпы, собиравшейся разорвать его на куски, — отозвалась я.

Спрай кивнул:

— И все же?

— Я воспользовалась пистолетом, чтобы до-

нести до всех суть дела. Но Прад понимает, что против него лично я ничего не имею. Впрочем, ты имеешь право спрашивать. Все вы имеете. Чего я хочу? По правде говоря, я не собираюсь руководить этим кораблем. Вы сами это уладите, как только вернется Прад с координатами и прикидками насчет того, сколько мы пробыли в отключке. Я же лишь хочу позаботиться о том, чтобы у нас был шанс добраться домой, сколько бы времени это ни заняло. — Я помолчала. — И есть одно незавершенное дело, которое я хочу довести до конца.

— Дело? — недоверчиво переспросила Йесли.

— На этом корабле летит человек, с которым я хочу встретиться. Я видела его на одном из экранов, перед тем как заставила всех разойтись по колесам. Потом, в общей суматохе, было трудно отследить его перемещения. Я думаю, он это понимает и использует неразбериху к своей выгоде. Но он может находиться лишь в одном из трех колес, и он одет в такую же серебристую одежду, как и мы с вами, а не в черное, как члены экипажа. Я знаю его как Орвина, хотя, возможно, сейчас он пользуется другим именем. Но его нетрудно будет опознать. Очень крупный мужчина, с очень белыми волосами, лицом чем-то

похож на младенца.

— Кто он такой? — спросил Спрай.

— Военный преступник. В отличие от тебя — настоящий. Однажды я столкнулась с ним. Мы находились на одной планете, когда объявили о заключении мира. Он плохо обошелся со мной, и я намерена это исправить.

— Значит, — сказал Кроул, — ты хочешь отомстить.

Я посмотрела на него, старательно делая вид, что обдумываю ответ.

— Да.

Кажется, этого они не ожидали.

— Я думала, что линчующие толпы ушли в прошлое, — сказала Йесли.

— Верно, — кивнула я. — Никакой толпы. Только он и я, и, возможно, что-нибудь острое. Как только я разберусь с ним, как только верну долг — корабль ваш. Устройте триумвират. Устройте диктатуру. Правьте как пожелаете, мне плевать. Мне нужен только Орвин и немного времени наедине с ним.

Спрай так и стоял, скрестив мускулистые руки на груди:

— Как ты предлагаешь это устроить?

— На время изолировать колеса друг от друга.

Вы трое вернетесь к себе и организуете поисковые партии из тех, кого сочтете достойными доверия. Потом начнете просматривать своих людей, одного за другим. Изолируйте всех, кто подпадает под описание или вызывает малейшие сомнения, до тех пор пока я на них не посмотрю. Мое личное присутствие не требуется. Прад поможет мне воспользоваться камерами.

— Этот Орвин знает, что ты его ищешь? — спросила Йесли.

— Я сделала ошибку, назвав свое имя. Орвин его знает, и, я думаю, он помнит, как бросил меня умирать.

— У тебя необычное имя, — признал Спрай.

— Мне это все не нравится, — сказала Йесли.

— Мне тоже. Но мысль о том, что Орвин среди нас, нравится мне еще меньше.

Я резко обернулась, почувствовав, что Прад идет к нам по коридору от командного пункта. По его лицу я сразу поняла: дело неладно.

Я попыталась было спросить его, что случилось.

Прад резко остановился. Он выглядел кошмарно нездоровым. Будь у него хоть что-то в желудке, его бы, наверное, вырвало.

Хотя нет, дело было не в болезни. Мне дово-

дилось видеть на войне людей с таким лицом. Как правило, человек видел то, чего нормальным людям видеть не стоит никогда. Обычно он осознавал, что все мы — непрочные мешки мяса, костей и крови, которых почти ничто не связывает. Прад осознал другую, но не менее шокирующую истину.

— Прад, — обратилась я к нему.

— Я не могу… — начал было он.

— Прад, давай говори.

Но он лишь твердил, что ему очень, очень, очень жаль.

Йесли, Спрай и Кроул пошли вместе со мной и Прадом в командный пункт. Кажется, Прад так и пребывал на грани истерики.

— Тут какая-то ошибка, — сказала я, пытаясь успокоить его. — Что бы ты ни обнаружил, это не может быть таким ужасным, каким кажется. Ты, как и все мы, сейчас не в лучшей форме.

Я делала то же, что и на войне, — пыталась избавить человека от парализовавших его шока и страха, чтобы он двигался, реагировал и действовал, а не умирал.

— Ты не понимаешь, Скар. Нет никакой ошибки.

— Давай говори. Расскажи нам, что ты обна-

ружил.

— Эти сведения ничего уже не изменят.

— Говори давай! — рявкнула я.

Наконец он немного пришел в себя. Но на это потребовалось время. Прад не был солдатом и не умел перебарывать шок ради выживания.

Но когда он начал объяснять нам технические подробности, это помогло. Перечисление научных фактов и проблем было для него сродни молитве. Эти слова давали ему некую точку опоры, пусть и непрочную.

Он рассказал нам о пульсарах — то, что уже рассказывал мне. О том, как корабельные системы могут использовать пульсары для определения координат, даже если с ФлотНетом возникнут сложности.

— По идее, это просто, — сказал Прад. Он все еще дрожал и был бледен, но, по крайней мере, мог уже строить связные предложения. — Есть яркие пульсары, и есть слабые. Нам требовалось лишь зафиксировать несколько сильных, чтобы определить координаты. Сфинкс, Обезьяна, еще несколько штук. Но ничего не получилось! Сигналы, которые мы засекли, слишком сильно отличались от ожидаемых частот, автоматические корреляторы не работают. Это я виноват

— задал недостаточно широкое временно́е окно!

— И что это означает? — спросил Спрай.

— Все пульсары постепенно замедляются, потому что теряют энергию вращения. Это общеизвестный факт. Частота повторения импульсов медленно снижается. Но даже за многие годы она должна уменьшиться лишь на доли миллисекунды. — Прад судорожно сглотнул. — За человеческую жизнь изменения едва заметны. Да, есть усложняющие факторы — помехи, из-за которых пульсар внезапно начинает вращаться медленнее или быстрее. Поэтому нам требуется несколько пульсаров, чтобы сгладить эти эффекты. Я все это учел. Но даже так коррелляторы не смогли нацелиться. Я задал рамки поиска протяженностью в несколько десятилетий. Точнее, в одно столетие, на всякий случай.

— Столетие? — переспросила Йесли, словно подозревала, что ослышалась. — Вы думаете, что мы могли пробыть в гибернации так долго?

— Хуже, — сказала я. — Ведь так, Прад?

Прад сухо, невесело рассмеялся:

— О да. Намного хуже. Скажем так: минимум пять столетий.

— Нет, — сказал Кроул, с порога отметая такую возможность. — Этого просто не может быть.

Корабль в полной исправности, не считая перебоев с энергией. Мы прыгнули, только и всего, и в одном из прыжков что-то слегка пошло не так. Но мы не могли выпасть из жизни на пятьсот лет.

— Вы правы, — со зловещей усмешкой согласился Прад. — Пять столетий — это нижний порог, по моей оценке. Наилучший вариант. Можете быть уверены, что мы исчезали на более длительный срок.

— Назови наихудший, — сказала я.

— Я не могу назвать точное время, слишком уж много независимых факторов, слишком много неопределенности из-за кратковременных сбоев периодичности вращения. Плюс-минус тысяча лет, может, немного больше. Если нам совсем не повезло — пять тысяч. Я могу проверить еще несколько параметров, если вы считаете, что это знание улучшит вашу жизнь. Характер расширения видимых остатков суперновой. Собственное движение звезд, раз мы знаем теперь, в какой системе находимся.

— А мы это знаем? — спросила Йесли.

— Думаю, да, — сказал Прад. — Именно там, где нам и полагалось быть. Я бы сказал, что мы задержались с прибытием, но, насколько можно судить, мы находились на орбите не одно столе-

тие, ожидая, пока корабль не очнется.

— Ничего не понимаю, — сказала я.

— Все ты понимаешь, Скар. Просто не хочешь принять. Это Тоттори, та самая густонаселенная индустриальная планета, на которую нас послали для дополнительной обработки.

Я вспомнила наш предыдущий разговор.

— Ты же говорил, что не узнаёшь это место.

— Я и не узнаю́.

— Но тогда… — начала было я.

— Здесь случился ледниковый период, — сказал Прад. — И поэтому все выглядит иначе. Шапки полярного льда намного больше, очертания континентов и особенности рельефа поверхности изменились. Одни моря замерзли, другие отступили. Я не знаю, почему это произошло.

— Ледниковые периоды случаются, — сказал Спрай.

— У этой планеты, с ее углом наклона, их быть не должно. Солнце чуточку слабее, чем следует, но для такого похолодания этого недостаточно. Я думал, что ошибаюсь. Знаете, почему еще я усомнился в себе?

Теперь Прад смотрел на нас так, словно мы его в чем-то обвиняли.

— Не волнуйся, Прад. Все в порядке, — сказа-

ла я.

— Здесь нет никаких станций. Нет сооружений на орбите, нет жилых модулей. Ни единого корабля. На поверхности планеты нет ни городов, ни космопортов, ни дорог. Этой планете полагается быть одной из самых густонаселенных в освоенном людьми секторе космоса. А перед нами — лишь дрожащий мертвый ледяной шар.

После продолжительного молчания Спрай сказал:

— Может оказаться, что ты где-то ошибся?

— Может, — ответил Прад, и мы позволили себе дурацкий проблеск надежды — во всяком случае, на несколько мгновений, пока Прад не сокрушил эту надежду. — Да, вполне возможно, что мои методы несовершенны. Но вы вправду думаете, что, когда все данные указали на Тоттори, я принял это просто так, без вопросов?

— Продолжай, — сказала я с жутким ощущением неотвратимости.

— Я сравнил планету внизу с остальными в архиве. Что касается остальных планет системы, их орбиты и размеры ровно таковы, какими должны быть. С архивами есть проблема, но… — Прад осекся, потом взял себя в руки. — Мне удалось восстановить достаточно информации для срав-

нения. Да, верно, очертания континентов сейчас выглядят иначе. Все выглядит иначе. Но совпадений достаточно, чтобы исключить всякие сомнения. Поверьте мне, я сам бы хотел, чтобы это была не Тоттори. Но это она.

Йесли, Спрай и Кроул — Троица — согласились разойтись по своим колесам. Им предстояло проделать деликатную работу — подготовить почву для восприятия скверных известий, которыми нам рано или поздно предстояло поделиться. Нельзя же было ожидать, что все примут правду спокойно и рассудительно.

С момента пробуждения ситуация в основном описывалась словами «солдаты против солдат». Последние события не положили конец этому застарелому противостоянию, отнюдь, но я с легкостью представляла себе, как эти солдаты дружно ополчатся против Прада и остальных членов экипажа. В конце концов, ведь именно экипаж отвечает за корабль, и это именно их корабль уволок нас сквозь время.

Даже если виновен был сам корабль, мы нуждались в нем, чтобы выжить. И уж точно не было никакого смысла вешать экипаж, хоть это и помогло бы солдатам отчасти спустить пар. Что нам было нужно — всем нам, — так это другая цель.

К счастью, у меня был на примете подходящий человек.

В своих колесах Йесли, Спрай и Кроул выбрали примерно по дюжине подчиненных, которым можно было доверить поиски Орвина. Им выдали оружие, добытое на том же складе, где Прад обзавелся своим пистолетом. Те, кому энергопистолетов не хватило, взяли на складе инструментов топоры и тяжелые гаечные ключи. Еще им раздали планшетники — Прад без особых усилий отыскал несколько десятков — и показали, как использовать их для связи, так что мы могли координировать поиски.

Еще им как бы мимоходом сообщили, что мы, похоже, надолго задержались в пути.

Надолго — это на сколько?

Годы, десятилетия?

«Больше века» — такова была официальная версия. Не совсем правда, но и не совсем ложь. Без упоминания о тысячелетиях.

Было ли слишком самонадеянно с нашей стороны думать, что мы способны выдержать правду, а другие — нет? Не думаю. Я видела, как Прада едва не вырвало от потрясения, вызванного его открытием, да и я сама лишь с трудом сдержалась. Но даже тогда я не восприняла эти факты

эмоционально. Я сказала себе, что я не просто не вернусь домой, — возможно, нет уже никакого дома, который я могла бы узнать. Мать и отец скончались тысячи лет назад, и все, что осталось от их жизней, насколько я понимала, похоронил новый ледниковый период на другой планете.

Я знала это и верила в это. Но я напоминала пациента, которому поставили неутешительный диагноз: он потрясен, но еще не принял факта. Это придет со временем, но в тот момент внутри было пусто, словно я оставила жизненно важную часть себя в гибернации.

Если что-то и помогало мне сосредоточиться, так это мысль о поисках Орвина. Не стану скрывать: я фантазировала о том, что сделаю с ним. Рано или поздно, при отсутствии внешней власти, нам придется создать на «Капризе» судебный аппарат, свод законов и систему наказаний и подобрать людей, которые будут обеспечивать исполнение законов. Придется действовать осторожно, чтобы нас не привлекли к ответственности при контакте с человеческой цивилизацией, какой бы она ни стала. Не стоит действовать варварскими методами.

Но пока эти законы еще не написаны, мы можем позволить себе некоторую свободу действий.

Из Орвина, которого не любили даже многие с его стороны, получится отличный предмет всеобщей ненависти. Я чувствовала, что это может быть полезным, раз наши расхождения лежат на поверхности.

Впрочем, прежде всего я желала его поимки ради себя самой.

Я думала, что, скорее всего, Орвин попытается скрыться в колесе Йесли — меньше шансов, что его узнает кто-то из солдат. Но в действительности его нашел отряд Кроула.

Я предупреждала Троицу, что Орвин чрезвычайно опасен, что это не просто солдат, что он в совершенстве владеет рукопашным боем. Меня ни капли не убедили их доводы: Орвин, мол, не станет сопротивляться, ведь мы загнали его в угол. В конце концов, Йесли, Спрай и Кроул договорились, что их отряды опознают Орвина и не станут сразу предпринимать дальнейших действий. Как только мы засечем его, остальные колеса пришлют туда свои вооруженные отряды. Рано или поздно нам нужно будет перемешаться, а эта операция даст трем группировкам возможность действовать совместно ради общей цели.

Таким был план. Он мог бы сработать, если бы Кроул не решил, что его отряд вполне может

схватить Орвина без посторонней помощи. Когда мы узнали, что́ происходит, остальные только направлялись к колесу Кроула.

А произошло примерно следующее.

Орвин явно засек приближение поискового отряда и позволил загнать себя в угол. Он сделал вид, будто смирился со своей судьбой и сдается без боя. Три человека Кроула удерживали его, а еще двое в него целились. Если бы я была там, то сказала бы им, что троих категорически недостаточно. Шесть-семь человек, может, и сделали бы что-нибудь.

Кроул ошибся, решив, что теперь, когда Орвина держат, к нему можно подходить без опаски. Показания свидетелей расходятся, и, поскольку меня там не было, я не могу точно описать события. Но похоже, Орвин вывернулся из рук предполагаемых тюремщиков, ошеломив их этой внезапной вспышкой.

Вместо того чтобы попытаться бежать — вероятно, он без особого труда проложил бы себе путь сквозь толпу в двадцать-тридцать человек, — Орвин схватил Кроула. Секунду спустя он уже приставил что-то к горлу Кроула. Оружие в лапище Орвина трудно было рассмотреть. То ли нож, то ли импровизированное лезвие из куска

заточенного металла — смотря кого слушать.

Так или иначе, мы его не нашли.

Орвин пустил кровь, но не стал сразу всаживать нож в горло Кроула. Ему надо было высказаться.

Кроул попытался что-то сказать.

— А ну, разойдитесь, — приказал Орвин. — У кого есть оружие, бросьте на пол.

Теперь Орвин находился за спиной у Кроула — одной рукой обхватил его за грудь, а другой прижимал нож к горлу.

Пистолеты полетели на пол.

— Теперь отбросьте ногой эти игрушечки, чтобы они отлетели подальше.

Пистолеты были отброшены.

— Скар! — позвал Орвин, повысив голос. — Я слышал тебя раньше, думаю, и ты меня сейчас слышишь. Я ухожу из этого колеса. Ты и все остальные очистят шахту лифта и уйдут в свои колеса. Чтобы в центральной оси ни души не было. Ясно?

Мы уже вот-вот должны были начать подниматься к колесу Кроула. Прад показал мне, как сделать, чтобы мой голос был слышен.

— Ничего не выйдет, Орвин. Тебе некуда идти.

— Это большой корабль, Скар. Дай мне самому решить этот вопрос.

— Сдайся на наш суд, Орвин. Мы поступим с тобой честно.

— Я слышал, в твои планы входило запытать меня до смерти. Или это всего лишь слухи?

Кто допустил, чтобы это стало известно Орвину?

— Отпусти Кроула. Он тут ни при чем.

— Он сам ввязался в это дело, Скар.

В некотором смысле мы стали должниками Орвина. Если бы он не повел себя так и не обошелся так с Кроулом, мы не узнали бы важнейшей истины о своем положении, из-за которой я и пишу эти строки. Или, точнее, не узнали бы ее так скоро. Оказывается, каждый день на счету, и лучше было узнать об этом раньше, чем позже.

Да, за это нам следует поблагодарить Орвина.

По требованию Орвина — а что нам оставалось? — мы позволили ему выйти из колеса; Кроула он держал при себе как заложника. Прад проследил, как они добрались на лифте до центральной оси. В колесе Йесли мы с Прадом попытались найти камеру, которая позволила бы следить за дальнейшим продвижением Орвина. Задача оказалась безнадежной. Отдельные части корабля были погружены в темноту, разгермети-

зированы или заблокированы. В других частях мы видели лишь пустые коридоры и комнаты.

Наконец, примерно через час после того, как Орвин покинул колесо, мы отыскали Кроула.

Он сидел, привалившись к стене, в одном из отсеков, где почти не было тяготения. Прад сказал, что Орвин, должно быть, перебрался в этот сектор уже после того, как он, Прад, в последний раз проверял эту камеру.

— Там кровь, — сказала Йесли, указав на пятно на стене.

Кроул шевельнулся. Он прижимал окровавленную руку к животу. Голова его медленно повернулась в сторону камеры. Лицо было странно-безмятежным.

Я спросила Прада, могу ли я поговорить с ним.

— Валяй. Тебя услышит весь корабль, но я думаю, теперь это уже не важно.

— Кроул, это Скар. Мы видим тебя, и мы идем. Только продержись.

Как будто мои слова что-то могли изменить.

Полагаю, я думала и про Орвина тоже, пока мы спешили к его жертве, но теперь я этого совершенно не помню. То, что случилось с Кроулом, никак не влияло на шансы Орвина уйти от нас. В следующий раз я позабочусь, чтобы мы подгото-

вились лучше.

Кроул был все еще жив, когда мы отыскали его. Он получил как минимум один удар ножом и потерял много крови. Он сделал все, что мог, для остановки кровотечения, но преуспел лишь отчасти. Кроме того, было неизвестно, какие внутренние повреждения он получил.

Но он оставался в сознании и мог слышать нас.

— Слушай меня, — сказала я, пока остальные носились вокруг, соображая, из чего бы соорудить носилки. — Прад сказал, что на корабле есть модуль пластической хирургии для самых богатых туристов. Сейчас его запускают. Он будет готов через несколько минут, но, во-первых, нам нужно тебя донести, а во-вторых, ты должен продержаться, пока автохирург не запустится. Ты можешь сделать это для меня, Кроул?

Но Кроул уже был не в состоянии дать мне связный ответ. Однако глаза его были открыты, и я решила, что он еще борется за жизнь.

Мы искали носилки, а он угасал, и в конце концов мы решили, что лучше отнести его на руках, как можно осторожнее. Это причиняло ему боль, но если боль помогала оставаться в сознании, то и хорошо. По пути к лифту, а потом к хирургическому боксу во втором колесе — при

наличии силы тяжести оперировать намного легче — Кроул стонал, булькал и громко втягивал воздух. Трудно было не сочувствовать ему.

— Мы достанем этого подонка, — сказала я, пытаясь отвлечь Кроула от раны. — Даже если мне придется разобрать корабль по винтику.

Губы Кроула шевельнулись, будто он хотел что-то ответить, но это оказалось ему не по силам.

— Все будет в порядке, — пообещал Спрай. — Я знаю, рана болезненная, но ничего такого, с чем не смог бы справиться хирургический бокс.

Это было правдой. Все мы видели в боях раны и похуже, а многие и сами выжили после них. Но в боевой обстановке солдат редко оказывается вдали от обезболивающего пластыря или хотя бы минимальной медицинской помощи.

Когда лифт пошел вверх, из стен послышался голос Прада:

— Я в медотсеке. Надеюсь, вы не торопитесь.

— Да блин, конечно мы торопимся! — сказала я. — В чем дело?

— Здесь все обесточено и отключено. Никто ни к чему не прикасался после нашего пробуждения.

— Ну так запускай технику! — рявкнула Йесли.

— Уже, — сказал Прад. — Как только я открыл

дверь, некоторые автоматические системы перезапустились. Освещение, обогрев и все такое. Но нам, возможно, потребуется еще несколько минут, прежде чем хирургическое оборудование вернется к жизни.

— Прад, если можешь, ускорь процесс. Аппаратура выглядит нормально?

— Да. Все по-прежнему на месте и выглядит целым и чистым. Правда, я не очень в этом разбираюсь…

Внезапно раздался щелчок, затем жужжание и писк пробуждающейся техники.

— Что это было?

— Вроде как цикл наладки, — сказал Прад, приободрившись. — Куча дисплеев засветилась, и всякие штуки вдруг задвигались.

— Звучит неплохо. Если знаешь, что сделать, начинай готовить автохирурга к работе с проникающим полостным ранением. У Кроула сильное кровотечение. Чем раньше мы сможем начать работу, тем лучше.

— Сделаю, что смогу, — сказал Прад.

— Получается интересный тестовый случай, Скар, — шепнул мне Спрай. — Рано или поздно другим тоже понадобится медицинская помощь того или иного рода. Если мы не сможем заста-

вить автохирурга работать, у нас будут большие проблемы.

— Ты меня несказанно порадовал.

— Я просто предусмотрителен. Выжить в ближайшие несколько дней или недель — это прекрасно. Но если Тоттори действительно так безлюдна, какой кажется, мы застряли тут надолго.

— Может, у нас получится прыгнуть еще куда-нибудь, когда корабль закончит пробуждаться.

— Угу. А если там будет то же самое? Ты же слышала, что сказал Прад. Маяки ФлотНета не просто замолчали в этой системе — их не слышно вообще. Я только говорю, что нам, возможно, придется обходиться тем, что есть в наличии.

Эта мысль не улучшила моего настроения, но к тому времени, как мы добрались до медотсека, во мне слегка укрепилась надежда на то, что Кроул выживет. Воздух в помещении все еще был холодным, но свет горел, и медицинские системы, на мой несведущий взгляд, готовы были приступить к выполнению своих обязанностей. Прад стоял рядом с каким-то наклонным постаментом, на верхней стороне которого вспыхивали и гасли анатомические схемы.

За постаментом располагался стеклянный сте-

рильный бокс автохирурга.

— Ну? — сказала я.

— Сделал что мог. Тут проблема с некоторыми программами, какие-то нарушения на низшем уровне. Я уже упоминал о проблеме с корабельной файловой системой? Тут нечто похожее. Было бы время — стоило бы пересобрать код.

— Но его нет. Можно начинать?

— Возможно, хирургу потребуется ручное управление в каком-то объеме.

Я посмотрела на окровавленного Кроула.

— Надеюсь, ради него, что это несложно.

— Не должно быть сложно. Машина просто обратится к нам за указаниями, если потребуется принять важное решение. Давайте заносить его.

Дверь стерильного бокса отъехала в сторону. Мы положили Кроула на операционный стол, не снимая пропитавшейся кровью одежды. Вокруг стола на шарнирах висели разнообразные устройства для операций, готовые задвигаться точно и аккуратно, как только будет восстановлена стерильность. Большинство приспособлений заканчивались чем-нибудь острым или опасным. Они почему-то заставляли думать о нависающих пастях мухоловок.

Мне не терпелось поскорее оставить Кроула

одного и выйти из бокса.

Двери плотно закрылись. Воздух в боксе сделался молочно-белым, потом очистился — какая-то скоростная стерилизация. Кроул уже почти не шевелился — он начал терять сознание, еще когда мы приближались к медотсеку.

— Оно должно запуститься автоматически, — сказал Прад, и в этот самый миг части автохирурга начали занимать свои места. Машина надела на лицо Кроула маску для наркоза, потом разместила над его головой транскраниальное устройство. Тем временем другие части осторожно зафиксировали пациента. Я вспомнила, как солдаты Орвина держали меня в том бункере, и меня передернуло.

— Надо реалистично смотреть на его шансы, — негромко сказал Спрай.

— Ты же сам говорил ему, что это излечимо.

— Я пытался его подбодрить.

— Хирург, похоже, считает, что способен выполнить эту работу, — сказала я. Но мне нечем было подкрепить свои слова.

— Кажется, аппаратура определила нужное место, — заметил Прад. — Это обнадеживает. Основные программы не могли настолько перемешаться, как кажется с первого взгляда.

— От нее всего лишь требуется вылечить ножевую рану, — сказала Йесли. — Мы же не просим прооперировать опухоль головного мозга.

Автохирург словно бы обрел уверенность в себе, и его движения превратились в смазанное мелькание, слишком быстрое для человеческого глаза. Я содрогнулась, подумав, что в фокусе этой парящей серебристой бури находится человеческое тело. Но рациональная часть сознания твердила мне, что машина — лучшее, что может оказаться рядом с пострадавшим человеком. Машины безжалостно непогрешимы. Со своей бездумной скоростью и точностью они спасли куда больше жизней, чем самые добрые и самые благожелательные врачи-люди. Но об этом трудно было помнить, когда автохирург превратился в бешеный молот.

— Как думаете, насколько глубоко оно зайдет? — спросил Спрай.

— Наверное, есть внутренние осложнения после удара, — сказала я.

Но даже я сама уловила сомнение в собственном голосе. Почему эта демонически быстрая машина так усердствует?

Кровь брызнула на стекло. Не просто несколько капель, слетевших со стремительно движущегося

манипулятора, а широкая алая полоса, мгновенно растекшаяся. Секунду спустя за ней последовала вторая, еще шире и гуще, а за ней — клякса с разлетевшимися в разные стороны брызгами, словно в боксе взорвалась граната с кровью.

— Блин! — вырвалось у меня.

— Выключите его! — закричал Спрай.

Пальцы Прада порхали над постаментом.

— Я пытаюсь!

На стекле теперь было столько крови, что мы плохо видели Кроула. Я дернулась вправо. На мгновение я увидела происходящее отчетливо. Похоже, автохирург больше не оперировал Кроула. Он вгрызался в него. Прогрызал насквозь. Казалось, будто машина пытается обработать рану, находящуюся не внутри Кроула, а где-то внутри операционного стола, на котором он лежал. Манипуляторы отшвыривали помеху за помехой, словно это были куски грязи.

Как я говорила, обзор открылся мне лишь на секунду. Потом машина швырнула кровь в мою сторону и заляпала стекло. Теперь это была вязкая, тягучая масса.

— Останови ее! — крикнул Спрай, точно это чем-то могло помочь Кроулу.

Но Прад никак не мог остановить автохирурга.

Он отшатнулся от постамента и уставился на свои пальцы, словно их обожгло.

— Бесполезно, — сказал он. — Я даже не могу открыть дверь бокса.

К этому моменту машина превратила операционный бокс изнутри в красный цилиндр; его безупречность портили лишь элементы анатомии, приставшие к стеклу.

— Кто-нибудь, дайте мне топор, — велела я.

У одного из людей Йесли оказался топор. Они передали его Йесли, а Йесли, после секундного колебания, — мне. Топор был ярко-красным, и им явно никогда не пользовались. Я подошла к двери, шмякнула по ней обухом и долбила, пока та не разлетелась на миллион запятнанных розовым осколков.

Я прошла по ним — осколки хрустели под ногами — и сощурилась из-за повисшего в воздухе кровавого тумана. От автохирурга исходил непрестанный лязг, словно кто-то точил ножи.

Я смутно осознавала, что механический голос начал твердить о нарушении стерильности.

Будто это имело хоть какое-то значение.

— Ты можешь его остановить?! — заорала я Праду.

— Не знаю! Может быть, если…

Я оказалась на месте провалившейся операции, но мало что могла разобрать. Кроул превратился в кровавую массу, как и сам автохирург. Сверху донизу его покрывала запекшаяся кровь. Кажется, он начал притормаживать — разглядеть движения было уже легче. Либо он сам заканчивал свою маниакальную процедуру, либо ему помешало мое появление. Кроул наверняка мертв, сказала себе я. Незачем даже тратить пулю на него, чтобы убедиться в этом.

Я снова взмахнула топором, повернув его теперь лезвием вниз. Я целилась примерно туда, где была голова Кроула.

А потом автохирург остановился.

— Стерильность нарушена! — продолжал твердить все тот же голос. — Оптимальная гигиеническая среда может пострадать!

В те трудные дни, последовавшие за смертью Кроула, мы лучше осознали, в каком затруднительном положении оказались.

Мы собрались в одном из главных грузовых отсеков — послушать, что удалось выяснить Праду. В отсеке не было гравитации — он располагался не в колесе, а почти в центре корабля, — так что мы расположились под всевозможными углами, цепляясь за стены или массивные грузы, а Прад

плавал в воздухе, подобрав ноги. Он напомнил мне лягушку на невидимом листе кувшинки.

— Если говорить о практической стороне дела, — начал Прад, — я рад сообщить, что больше нет причин не доверять автохирургу.

Это заявление встретили недобрым смехом и ругательствами.

— Машина не собиралась убивать Кроула, — стоял на своем Прад. — У нее произошел сбой программного обеспечения.

— Очень мягко сказано, — пробормотал устроившийся неподалеку от меня Спрай, потом добавил более конструктивным тоном: — Она, похоже, пыталась разобрать его на части. И как теперь мы можем доверять этой штуковине?

— Я восстановил программное обеспечение. Когда мы попытались использовать медотсек сразу после перезагрузки, оно еще не полностью установилось. Отдельные фрагменты инструкции зависли в памяти. Машина оказалась… сбита с толку. Превратилась в шизофреника. Она пыталась сделать все, что могла.

Снова раздался недобрый смех.

— Это не ответ на мой вопрос, — сказал Спрай. Он находился рядом с Йесли, а за ней примостилась Сакер, сменившая Кроула. Сакер, лет на

десять старше меня, была офицером.

Прад рассудительно пожал плечами:

— Решать, конечно, нам — доверять или не доверять автохирургу. Но заменить это оборудование нечем. Что нам еще остается в критической ситуации?

— А ты сам рискнул бы связаться с этой штукой? — спросила я.

— Конечно. Это всего лишь машина. Она была неисправна и поэтому не работала нормально. Теперь я привел ее в порядок. Во всяком случае, автохирурга. Стерильный бокс по-прежнему разбит, и отремонтировать его мы не сможем. При следующей операции нам придется быть очень осторожными, чтобы не занести инфекцию. Хотя я опасаюсь, что с течением времени инфекция окажется последним, о чем нужно беспокоиться.

— В каком смысле? — спросила Сакер.

— Я надеялся, что поврежденная архитектура автохирурга — это всего лишь частная проблема. — Какое-то движение воздуха очень медленно переворачивало Прада вверх тормашками, словно кувыркающийся астероид. — Но увы. Проблема гораздо шире. Все системы корабля, которые зависят от набора команд или базы данных, затронуты, в той или иной степени.

Многие файлы не читаются. Корабль перегоняет информацию внутри себя, пытаясь сохранить самое важное — то, что необходимо для обеспечения деятельности базовых операционных систем. Во время этого ему приходится идти на жертвы.

— Объясни, — потребовала я.

— Если говорить упрощенно…

— Да, пожалуйста.

— У корабля два типа памяти. Как и у человеческого мозга, у него имеются долгосрочные и краткосрочные запоминающие регистры. Долгосрочные регистры обычно очень стабильны, но, чтобы проверить их или пополнить, нужно больше времени. В эти области корабль обычно отправляет информацию, с которой не требуется сверяться слишком часто.

— Например? — спросил Спрай.

— Хронологические данные. Сведения о культуре. Карты поверхностей планет. Астронавигационную документацию. Медицинскую информацию — как оперировать пациента. Всякое такое.

— Ну и?.. — поторопила я.

— Возник дефект кратковременной памяти, той, которую корабль использует для хранения текущей информации, — так сказать, его рабочей

памяти. В результате корабль был вынужден изъять часть долгосрочной памяти для рутинных операций, которыми обычно занималась лишь кратковременная память. В общем, для обеспечения основ жизнедеятельности. Он делает все, что может, для сохранения важнейших данных, но уже довольно долго находится в сложных условиях…

— Насколько все плохо? — спросила Сакер.

Перевернутый вверх ногами Прад гулко сглотнул:

— Я пока провел лишь предварительные изыскания. Но уже обнаружил значительные области памяти, перемешавшиеся до такой степени, что их восстановление невозможно. С архитектурой программ автохирурга мне повезло — думаю, она в порядке, — но многие программы не подлежат восстановлению, и резервных копий нет. Этой информации больше не существует. Хуже того, процесс продолжается. Теперь, когда мы проснулись, потребности корабля возрастают. Скорость потери данных явно увеличилась. Корабль стал забывать себя еще быстрее.

— Погодите, — медленно проговорил Спрай. — Но это же не фатально, разве не так? Эти данные, которые были утрачены… перемешаны, или как

там. Они ведь не жизненно важны для корабля?

— Не жизненно важны для корабля, но, возможно, жизненно важны для нас, — сказала Йесли.

— На базовом уровне, — объяснил Прад, — корабль способен функционировать еще долгое время. Могут возникнуть проблемы с продовольствием, топливом, замкнутыми системами жизнеобеспечения, функционирующими не так хорошо, как следует, с устройствами, для которых не найдется запчастей. Если все это откажет, мы можем коллективно вернуться в гибернацию и приказать кораблю снова перейти в режим минимального энергопотребления. Еще раньше, и намного, значительная часть памяти будет утрачена навсегда. Сейчас мы теряем примерно треть процента общего объема памяти за каждый день бодрствования.

— Звучит не так уж плохо, — сказала я.

— Ежедневные изменения незаметны, — отозвался Прад. — Сектора переписываются в произвольном порядке, который зависит лишь от текущего запроса корабля. Но примерно за тысячу дней мы потеряем все. Вся информация, не являющаяся абсолютно необходимой для функционирования корабля, будет утрачена. Наша история. Наше искусство. Наша наука

и медицина. Наша музыка. Изображения наших родных миров, людей, которых мы знали и любили. Сохранится лишь то, что у нас в головах, — остального не вернешь. Многое уже потеряно.

— Значит, мы просто обойдемся без этого, — сказала я с ледяной решимостью, удивившей даже меня саму. — В конце концов, это роскошь. Главное — остаться в живых, добиться, чтобы корабль функционировал. Вселенная не прекратила существования. Эта информация по-прежнему где-то есть.

— Надеюсь, — отозвался Прад.

— А как насчет прыжкового оборудования? — спросил Спрай. — Если мы нуждаемся в помощи, надо переместиться туда, где есть шанс ее найти. В другую систему, где нас смогут привести в порядок.

— Попытка прыгнуть без ориентиров ФлотНета может привести к очень непредсказуемым последствиям, — сказал Прад.

— Если выбор будет между этой попыткой и тем, чтобы умереть здесь, я рискну, — сказала Йесли.

— Мне потребуется внимательно изучить состояние гиперядра, — произнес Прад. — В нем могут

быть повреждения. Включая такие, которых мы не обнаружим вплоть до момента прыжка.

— И что тогда? — спросила Сакер.

— Это будет быстро и безболезненно, — ответил Прад.

Мы не допускали даже мысли, что не найдем Орвина.

Корабль был большим, но не бесконечным. Нас было много, а он один. Все, что у него имелось, — это самодельное оружие и одежда на плечах. Он лишь с большими усилиями мог добывать пищу и воду, и в случае чего — трудно было сказать, пострадал он или нет, — не получил бы медицинской помощи. Если бы он попытался сбежать вниз, на поверхность планеты, ему потребовалось бы пройти мимо вооруженной охраны, которую мы выставили у спасательных шлюпок и стыкуемых модулей.

У нас не было причин полагать, что он знаком с тайнами корабля чуть лучше остальных. Что у него было, так это коварство, безжалостность и решимость. А у нас — перевес в численности и планшетники.

Планшетники стали нашим спасением, хотя тогда мы этого еще не знали. Мы отыскали около сотни тех, что работали, и намного больше

неработающих или поврежденных. Устройства простые, сделать с их помощью можно было не так уж много, даже когда они работали нормально. Зато прочные и несложные в использовании, даже для таких солдафонов, как я. Прад и другие члены экипажа посменно инструктировали остальных, как вызывать на экран схему корабля — ее можно было детализировать или упрощать, по необходимости.

У планшетников были свои ограничения. Меня озарила было идея — нельзя ли решить проблему с утратой памяти, скопировав на них все данные, — но Прад уже исключил этот вариант. Планшетники могли находить и показывать любую информацию, содержавшуюся в памяти корабля, но мощностей для хранения долговременной памяти у них не было.

— Это всего лишь окна, — печально объяснил Прад. — Могут показывать, но не могут запоминать.

Но пока что, для поисков Орвина, окон было более чем достаточно. Не то чтобы нам позарез требовалось отыскать его. Он не мог сильно навредить, прячась по закоулкам. Но мысль о том, что он гуляет на свободе, была нестерпима. По мере нарастания страха нам больше всего на

свете требовалась общая цель, и ею стал Орвин.

В то время мне почти постоянно снились кошмары. Я спала в гиберкапсуле, как и многие из нас. Устраивалась в гнездышке из тюремной одежды и старалась не думать о лучших временах.

Первым аномалию заметил Прад. Он трудился изо всех сил, чтобы заставить работать как можно больше камер внутри корабля. Это должно было помочь с поисками, но, кроме того, улучшило бы общее восприятие состояния «Каприза». Прад считал, что если с внешней поверхностью корабля не все в порядке, если есть повреждения, не отражающиеся на внутренних дисплеях, об этом стоит узнать как можно раньше.

Повреждений мы действительно обнаружили предостаточно — но не таких серьезных, как опасались. На корпусе были кратеры и ожоги — следы столкновений с микрометеоритами и воздействия космического излучения. Надписи содрало до металла обшивки, да и сама обшивка напоминала потрепанный боевой доспех. Выглядело это ужасно, но Прад заверил меня, что срочных мер почти не требуется. Каким бы изрубцованным ни был сейчас корабль, заложенный в него при конструировании запас прочности позволял выдержать и не такое.

— Мы можем починить проблемные места, — сказал Прад с жизнерадостной уверенностью, которую я не разделяла. — Выйдем в скафандрах с основными инструментами. Это не первоочередная задача. — Затем Прад ткнул пальцем в ту часть корабля, что находилась под наблюдением одной из внешних камер. — А вот эта — первоочередная.

— Сперва объясни, в чем дело. Для меня одна округлая механическая фигня не отличается от другой округлой механической фигни.

— Это шлюпка, — сообщил Прад. — Не наша. И она совершенно точно не была пришвартована к «Капризу», когда мы готовились к последнему прыжку.

— Откуда ты знаешь?

— Пришвартованные транспорты оставлять запрещено: нарушается баланс корабля. И это судно очень странно выглядит. Не знай я наверняка, что такое невозможно, я бы сказал, что его забрали из музея.

— Если судно не было пришвартовано, когда мы уходили в прыжок, откуда же оно взялось?

— Если мне будет позволено высказать предположение… — И Прад принялся развивать свою теорию, не думая, хочу я этого или нет. — Прежде

всего, судно совсем простенькое. Просто капсула с механизмом управления, способная швартоваться. Не думаю, что она могла преодолеть значительное расстояние.

— Значит, она с Тоттори?

— Похоже, так. Я был бы не прочь посмотреть на нее поближе, чтобы точнее прикинуть, как давно она к нам пришвартовалась.

Щурясь из-за недосыпа, я стала рассматривать картинку, которую демонстрировал Прад. Для меня это по-прежнему оставалось округлой фигней, серой штуковиной, прицепленной к более крупной и сложной серой штуковине. Я даже не могла толком разглядеть, где заканчивается один корабль и начинается другой.

Но я доверяла Праду.

— Ты прав, придется туда сходить. Но я понятия не имею, какую часть корабля ты мне показываешь.

Прад схватил один из рабочих планшетников и вызвал схему корабля:

— Она пришвартована вот тут, возле шестого отсека. Определенно обесточена. И возможно, там нет воздуха.

— Если исходить из того, что нам известно, мог ли Орвин пробраться туда?

— Вряд ли. В любом случае, если он намеревается бежать, есть другие спасательные шлюпки, ближе к нему. Мы охраняем те, до которых можем добраться, и я попытался отключить все аварийно-спасательные устройства с центрального командного пункта. Это, конечно, не очень надежно — они вообще не рассчитаны на такое, — и есть шлюпки, которые сообразительный человек мог бы найти, если учесть… — Внезапно он вернулся к сути дела. — Я хочу сказать, надо делать то, что нам под силу. Скорее всего, Орвин не может добраться до этой штуковины — и наверняка не узнает о ней, пока продолжает прятаться. Но мы должны добраться до нее во что бы то ни стало.

— Согласна. Даже если придется уменьшить число поисковых отрядов. Ради такого дела можно подождать с поимкой Орвина. Думаешь, мы найдем там ответы?

— Уверен, — сказал Прад. — Ответы на вопросы, которые нас интересуют, или нечто совсем иное. В любом случае, мне не нравится, когда к моему кораблю что-то прицеплено.

— К нашему кораблю, — очень тихо поправила его я.

Мы пошли втроем: Прад, Йесли и я.

В других обстоятельствах потребовалось бы несколько минут, чтобы добраться до стыковочного дока, в котором пришвартовался таинственный объект. У нас ушло почти десять часов: мы пробовали один маршрут за другим, надеясь, что не обнаружим за очередной открытой дверью вакуум, и не всегда бывали уверены, пока Прад не заставлял дверь сработать. А там, где герметичность сохранялась, зачастую было невыносимо холодно. Даже если за очередной переборкой или люком оказывался воздух, не всегда получалось проложить путь через этот отсек. Некоторые двери просто не открывались, как Прад ни старался. На других, когда их в конце концов удавалось вызвать к жизни, обнаруживались следы вандализма или силы, приложенной с другой стороны. Целый сектор корабля между нами и капсулой оказался разгерметизирован, и мы, вместо того чтобы идти в обход и терять время, взяли со склада скафандры. Я надела скафандр впервые и сочла его мучительным и неудобным — хотя и не хуже боевого доспеха. Прад был настроен философски. Чем больше у нас будет народу, имеющего опыт обращения со скафандрами, тем быстрее мы сможем привести в порядок требующие внимания участки корпуса. Объем работ был слишком

велик, чтобы команда могла справиться с ним самостоятельно, и потрудиться предстояло всем.

«Трудиться вместе? — подумала я. — Такому отребью, как мы?»

Но я не хотела, чтобы Прад знал, какой безнадежной я считаю эту затею. Если он все еще верит в людей, не мне лишать его этих иллюзий.

Праду удалось лучше разглядеть нашего неведомого гостя через иллюминатор рядом со шлюзом. Он как минимум минуту разглядывал его, не произнося ни слова.

— Ну? — не выдержала Йесли.

— Все как я и думал, — отозвался Прад. — Обычная капсула с приспособлением для стыковки. Видишь, какое оно заковыристое?

— Верю тебе на слово.

— Капсула из каменного века. Но стыковочное устройство реально очень хитроумное. Видишь все эти подвижные части? Кто бы сюда ни прилетел, они толком не знали, чего им ожидать. Не знали, с каким типом шлюза им придется столкнуться. — Прад невольно улыбнулся, испытывая радость исследователя, который видит техническую головоломку. — Это стыковочное оборудование — своего рода универсальный ключ, подходящий почти к любому замку. В

разумных пределах. Это само по себе о чем-то говорит, верно? Мы же столетиями использовали универсальный шлюз! Как можно об этом забыть?

— С трудом, — сказала я.

— Хочу поделиться еще одним наблюдением. Капсулу доставил сюда другой корабль, — возможно, с поверхности Тоттори ее подняла ракета-носитель. Я сомневаюсь, что у них была большая грузоподъемность, и все же они решили заморочиться ради создания универсальной швартовочной системы. А это означает, что им очень-очень хотелось попасть на борт нашего корабля.

— Они добились успеха, — произнесла Йесли.

— Возможно, — сказал Прад, — их представление об успехе включало в себя еще и возвращение домой. В этом отношении им не очень повезло.

— Значит, кто-то знал, что мы здесь, и решил попасть на борт, — пробормотала я. — Но им так мало известно о нас, что они даже не в курсе, какой тип шлюза мы используем.

Задним числом могу сказать, что мы слишком поспешно полезли осматривать капсулу — там ведь могло быть что угодно, от мины-ловушки до какой-нибудь инфекции. Нам повезло: когда мы

открыли шлюз и добрались до маленького судна (где мог поместиться лишь один из нас), внутри не оказалось ничего такого, что причинило бы нам вред. В капсуле находилось подобие койки, спроектированной, похоже, с таким расчетом, чтобы причинить лежащему на ней человеку максимум неудобств, и рассованные вокруг нее — помимо креплений и амортизирующей обивки — примитивные системы управления. Все было чистым и новым, но это ничего не значило, учитывая, как долго корабль был обесточенным и холодным.

Прад принялся методично осматривать его.

— Что ты ищешь? — спросила я, глядя, как он ощупывает кабели, крепления и металлические ящики.

— Что-нибудь с памятью, — ответил он. — То, что мы могли бы использовать.

Но там не было ничего, способного хоть как-то повлиять на наше положение. В капсуле имелись электрические аккумуляторы, ныне разряженные — с их помощью обеспечивались питанием механическое навигационное оборудование и системы жизнеобеспечения. Но никаких устройств, способных содержать изображения или хотя бы страницу текста.

И никаких признаков обитателя судна.

Но кто-то прилетел на нем сюда — оно не состыковалось бы с нашим кораблем самостоятельно, учитывая примитивность его автоматических систем. Эти люди пришвартовались, открыли наш шлюзовый отсек и вошли на наш корабль.

И так и не ушли.

— Теперь их двое, — сказала Йесли. — Один мужчина, которого мы хотим поймать. И кто-то еще, о чьем присутствии на борту мы до сих пор не знали. Проблем стало вдвое больше.

— Где-то должно лежать тело, — сказала я. — Искать нужно его. Тело человека, приведшего этот аппарат сюда. Эти люди добрались досюда, обнаружили мертвый корабль, но уйти не смогли.

— Думаешь, пришельца уже нет в живых? — спросил Прад.

— Ты видишь какие-нибудь признаки того, что Тоттори могла запустить эту штуковину в недавнем времени? Город? Производственные мощности?

— Мы ведь особо не приглядывались, — возразила Йесли.

— Сложновато проглядеть гребаный космопорт со стартовым комплексом. Скорее уж, этот аппа-

рат прилетел сюда давным-давно, до наступления ледникового периода. Возможно, столетия назад.

— Да, тогда нам, вероятно, следует искать тело, — согласилась Йесли.

— Или нет, — возразил Прад.

— Не понял?

— На «Капризе» есть гиберкапсулы, Скар. Тот, кто прилетел сюда, не был дураком. Возможно, эти люди по какой-то причине не сумели улететь. Но они вполне могли воспользоваться капсулами. Найти пустую или открыть занятую. Занять место того, кто лежал в ней.

— То есть совершить убийство? — спросила Йесли.

— Это лишь предположение, — сказал Прад. — Я просто говорю, что нам не следует сбрасывать со счетов такую возможность. Один из нас — в смысле, из выживших, — один из членов экипажа и… остальных мог прилететь с планеты внизу. — Он помолчал. — Хотя нет, экипаж исключается. Нас осталось не много, и мы все друг друга знаем. Но вы, солдаты и гражданские, узнали бы чужого?

— Да мы, блин, все тут чужие! — не удержалась я.

— Я имею в виду, что тут есть человек, которого вообще не было на той войне. Человек не из

нашего времени. Вы бы это засекли? Вы же друг друга не знаете.

— Надо разобраться с этим делом, — сказала Йесли. — Ради безопасности корабля. Ради знаний, которыми чужаки могут обладать. Надо найти зайца, если он еще жив. Сейчас это важнее, чем розыск военного преступника.

— Ну, меня можете вычеркивать, — сказала я. — Орвин знает меня, а я знаю Орвина. Нас обоих можно не учитывать.

— А я тебя и не вносила в верхнюю часть списка подозреваемых, — сказала Йесли.

— Не важно, знаешь ты Орвина или нет, — сказал Прад. — Ты солдат. Судя по нашим разговорам, ты уверена, что у тебя внутри имеется медленная пуля. Не вижу причин сомневаться в тебе.

— Ты можешь читать пули? — сказала я.

— Читать информацию в них? Могу. Биографические сведения, медицинские данные. Даже если я не сумею получить доступа к ним, самого существования пули достаточно, чтобы подтвердить историю человека. У зайца пули почти наверняка нет.

— Как и у любого из гражданских, — сказала Йесли.

— Верно, но военнопленных у нас большин-

ство. Мы с легкостью можем проверить их пули, а при необходимости вывести содержимое на планшетник. Это намного легче охоты на Орвина, которую мы начали.

— А если окажется, что у всех солдат есть пули?

— Тогда перейдем к гражданским. Их меньше, и они более склонны держаться вместе. Солдаты же, как правило, относятся друг к другу настороженно, особенно военнопленные.

— Ты заделался экспертом в этом вопросе.

— Я просто наблюдателен, Скар. Гражданские словоохотливы. Им это свойственно, особенно когда они попадают в непривычную ситуацию. Я думаю, зайцу непросто спрятаться среди них и ничем не выдать себя. — Прад пожал плечами. — В любом случае мы его найдем, рано или поздно.

Йесли отправила очередную рабочую группу для обследования капсулы, и вскоре они отыскали скафандр незнакомой конструкции, засунутый в шкафчик неподалеку от шлюза. Тем временем мы с Прадом вернулись в главную часть корабля и стали готовиться к координированию чтения медленных пуль.

— Это помеха, — сказала я. — Мне нужен Орвин, а не какой-то безымянный заяц.

— Нет такого закона, который запрещал бы нам искать их одновременно. — Прад возился со своим планшетником, меняя настройки, чтобы связаться через него с моей пулей. — Ты серьезно насчет Орвина? Насчет того, что ты собираешься с ним сделать? Может, достаточно передать его Троице, и да свершится правосудие?

— Он не заслужил правосудия.

— Ты немного пугаешь меня, Скар. Интересно, что ты сделаешь со мной, если я когда-нибудь перейду тебе дорогу.

— Придумаю что-нибудь креативное.

Прад вручил мне планшетник с выведенной на экран информацией:

— Вот. Читается нормально. Несколько пострадавших фрагментов, сбои в проверке на четность, но остальное в порядке.

Я посмотрела на него:

— Не хочешь сам это прочитать?

— Проверить твою историю?

— Ты же только с моих слов знаешь, что я очутилась здесь по ошибке. А вдруг я соврала? Вдруг я такая же плохая, как и все остальные — худшие из худших? Вдруг тебе следует меня бояться?

— Я — гражданский техник и не отличу одного военного досье от другого. Тебе понятно? Я просто

хотел убедиться, что мы читаем твою пулю, а не пулю человека в соседнем помещении.

— Нет, — немного помолчав, сказала я. — Это мое. — Я наклонила планшетник так, чтобы Праду было видно. — Вот эти фото, на них мои родители. — Непроницаемые лица, отснятые правительственной камерой в день переписи населения. — Они были хорошими людьми, слишком хорошими для того окружения. Мой отец обзавелся врагами из-за того, что был хорошим человеком. Они добрались до него через меня — сделали так, что меня забрали в армию, хотя я вообще не подлежала призыву. — Я погладила пальцем их изображения. Как бы мне хотелось, чтобы родители на фото выглядели более счастливыми… — Он винил в этом себя. Оба винили себя. А потом меня ранили, уже после заключения перемирия, и отправили на этот корабль… Они так никогда и не узнали, что со мной случилось, да?

— Нас всех, должно быть, объявили пропавшими без вести, — сказал Прад.

— Мне бы хотелось, чтобы они знали: со мной все в порядке, и я их не виню. Они ни в чем не виноваты. И еще — что я пережила войну и уже направлялась домой.

— Мне очень жаль.

— У тебя, наверное, есть семья, Прад?

— Есть. Была. Но во мне нет медленной пули. Никакого досье, никаких фотографий на память.

— Тебе хуже.

— Я думаю, всем нам нелегко. Но я рад, что ты прошла проверку. Я в тебе не сомневался.

— Но другие могли.

Я пролистала свое досье. Здесь было все. Боевая подготовка, передислокации, победы и потери. Мои ранения и периоды восстановления. Обратная переброска. Имена и места, которые я уже начала забывать.

— Полагаю, пулям ничего не грозит. Если они сохранили информацию до сих пор, то, должно быть, невосприимчивы ко всему, что мог подцепить корабль. — Я держала планшетник у груди, словно щит. — Они в безопасности. Это всегда будет здесь, у меня внутри.

— Надеюсь, это придаст тебе сил, Скар.

— Да.

— Но, думаю, нас ждут трудности. В какой-то мере наше прошлое сделалось частным делом. Наши жизни оказались перечеркнуты несчастным случаем — тем, что произошел с «Капризом». Но пули не оставляют места для сомнений. Худ-

шее в нас будет известно всем.

— Нам придется привыкать к этому. К открытости и к откровенности.

Прад кивнул:

— Но куда легче говорить так, если располагаешь объективными доказательствами своей невиновности. Вряд ли ты так охотно позволила бы прочитать твою пулю, если бы она могла изобличить совершенное тобой ужасное преступление. Чудовищное зверство или моральное падение. Если бы ты была военным преступником, мясником, перебежчиком или предателем.

Он был прав, но мне нечего было ему сказать.

Мы не выбирали себе друзей — жизнь сделала это за нас. Между мной и Прадом не было ничего общего, не считая наших переплетшихся на «Капризе» судеб. Мы с ним вели совершенно разную жизнь — и до войны, и во время нее. Ему никогда не приказывали кого-нибудь убить, возненавидеть человека за то, что он носит другую форму или верит в слова другой Книги. Через эту пропасть невозможно было навести мост.

Но Прад был первым, с кем я заговорила после пробуждения, и мы работали вместе, чтобы добиться первого хрупкого перемирия. Этого хватило, чтобы между нами возникла некая связь.

По моим ощущениям, у меня было куда больше общего с Прадом, чем со многими товарищами-солдатами. Вне зависимости от того, на какой стороне они были во время войны, все совершили нечто такое, что привело их на этот корабль, — нарушили некий закон. Некоторые нарушения были незначительными или извинительными — кое-какие можно было даже, учитывая боевую обстановку, оправдать с точки зрения морали.

Но дело в том, что никто из нас не мог знать этого наверняка. У каждого была возможность сочинить себе прошлое, солгать о том, что он сделал или, быть может, не сумел сделать. Впрочем, в себе я была абсолютно уверена. А еще в том, что Прад — всего лишь техник, ни в чем не повинный, как и я. Это означало, что мне легче было доверять ему, чем любому солдату или гражданскому на корабле, не считая остальных членов команды. И я думаю, Прад, вполне естественно побаиваясь солдат, которые устроили беспорядки сразу после пробуждения, был рад, что у него есть я — контрольный ориентир, подтверждение того, что солдаты вроде меня не относятся автоматически с презрением к таким, как он.

— Мы можем работать вместе, — сказала я ему, когда всплыли эти сомнения. — Будет трудно, но

у нас нет выбора. По сути, мы — всего лишь люди, которые вляпались в дерьмо.

— Я слыхал, что солдаты другие, — нерешительно произнес Прад. — Что они, во всяком случае, отличаются от инженеров и техников, от таких, как я.

В его голосе звучала неуверенность, словно он опасался, что я могу обидеться на такое обобщение.

— В каком смысле?

— Солдаты обычно бывают верующими. Многие из вас читают Книгу, в том или другом варианте. Разве не так?

— А ты со своими коллегами — нет?

— Большинство — нет, — решительно заявил Прад. — Конечно, я знаю несколько техников со склонностью к религии. Но даже они, по моему ощущению, воспринимают все это не так уж серьезно. Скорее они происходили из семьи верующих и не хотели огорчать старших родственников или были слишком привержены традиции. — Помолчав немного, он сказал: — Некоторые из них даже были моими друзьями. Склонность к религии никогда не ставилась вне закона, даже для технического персонала на лайнере Ста Миров.

— У солдат все примерно так же. Да, многие из нас читают Книгу, в нашей или их версии.

— Мне кажется, разница в пренебрежении к чужакам.

— Такое случается, если придавать этому большое значение.

— А ты, Скар, — ты относишься к этим различиям серьезно?

Я немного помолчала, прежде чем ответить. Мне не хотелось, чтобы Прад решил, будто это простой вопрос, не требующий обдумывания.

— Мои родители читали Книгу, и отец, и мать, — сказала я. — Они были верующими, если тебе угодно это так называть. Но их жизнь не состояла лишь из этого. Мать познакомила меня с поэзией Джиресан, хоть ее и объявили вне закона. Отец тоже был человеком широких взглядов. Он любил напоминать, что многие их пророки были и нашими пророками, и наоборот. Что многие заповеди у них и у нас почти одинаковы. Кроме того, здесь никогда не было четкого разграничения. Некоторым на нашей стороне позволялось читать их Книгу, а некоторым на той — нашу. Все гораздо сложнее, чем кое-кто пытается представить.

— Но если твои родители были верующими,

разве ты не следуешь их примеру?

Прад щурился, словно пытался мысленно произвести какие-то сложные расчеты. Я покачала головой:

— Меня воспитывали на Книге, заставляли заучивать целые части наизусть. Как и всех нас. В этом смысле Книга — часть меня. Я испытываю привязанность к этому языку, которую даже не могу тебе объяснить.

Прад кивнул, подбадривая меня.

— Кроме того, в ней много обычного здравого смысла, — продолжила я. — Просто хорошие советы о том, что нужно вести достойную жизнь, быть добрым, думать о соседях и все такое. Мой отец был благочестивым человеком, но еще — честным в деловых отношениях. Он опирался в этом на Книгу, невзирая на то что это принесло неприятности нашей семье.

— Значит, Книга способна причинить вред, если следовать ей слишком буквально?

— Возможно. Но в ней много такого, что может помочь, когда тебе требуется принять трудное решение или пережить сложный период жизни.

— Но ты в глубине души не считаешь это все безусловной истиной?

— Если и считала раньше, то уже не помню,

когда перестала. Но это не значит, что я отвергаю Книгу. Ее язык по-прежнему прекрасен, ее мудрость все так же приносит утешение. Когда Орвин поймал меня, он думал, что я буду страдать, глядя, как он рвет мою Книгу.

— И ты страдала?

— Меньше, чем он рассчитывал, но страдала. Мне не нравится смотреть на такое.

— Это очень просвещенный взгляд, — сказал Прад. — Я искренне надеюсь, что его разделяют многие твои товарищи. Если это так, есть шанс, что мы действительно сможем ужиться.

— Всегда могут обнаружиться люди ортодоксальных взглядов.

— Ни один из вас не поступил сюда со своей Книгой. Когда вас отправляли в гибернацию, ни у кого не было имущества, кроме той одежды, что на вас. И нигде на корабле нет физических копий Книги. Уж поверь мне, я их искал. Что станут делать верующие без своего Писания?

— Научатся жить без Книги, — пожала плечами я. — Так же как нам придется научиться жить без многого другого.

Конечно, это легче сказать, чем сделать. Потом я добавила:

— Память корабля.

— А что с памятью корабля?

— Ты говорил, что она содержит знания о культуре.

— Ну да.

— Не надо верить в Книгу, хоть нашу, хоть их, чтобы считать эти тексты культурной ценностью. Они должны храниться где-то в памяти, разве не так?

— Нет, — быстро сказал Прад. — Боюсь, они были в первых утраченных секторах памяти, когда корабль принялся защищать базовые данные.

— Ты уверен?

— Да. Я проверил это чуть ли не в первую очередь. Мне очень жаль, Скар.

Мне и в голову не пришло удивиться такому странному стечению обстоятельств — что в нашем великом забывании Книги были утрачены так рано. Но я всегда была изрядно наивной.

Ни один военный план не переживает первого же столкновения с врагом, и наша схема поисков точно так же оказалась безнадежно идеалистичной.

Мы подумали, что нам быстро улыбнулась удача, когда обнаружили солдата без пули. Это оказалась женщина, говорившая на диалекте, похожем на мой, и без труда смешавшаяся с

остальными выжившими. Она вполне убедительно рассказывала, чем занималась во время войны. Когда ее привели к Троице, она была изрядно напугана и не понимала, почему ее туда доставили. Возможно, наш пришелец умел маскироваться куда лучше, чем я предполагала.

Но Прад был благоразумно-осмотрителен. А Йесли отметила, что женщина слишком высока и толком не поместится в брошенный скафандр.

— У меня есть пуля! — с яростной уверенностью сказала женщина. — Я помню, как мне ее вводили. Такое не забудешь!

Как оказалось, были и другие, подобные ей. Выяснилось, что примерно у каждого двадцатого пули перестали работать нормально и с ними больше нельзя было связаться через планшетник. Потом мы сообразили, что нетрудно устроить второй этап проверки, при помощи портативного медицинского сканера. Но это оказалось дольше, чем с планшетником, и мы не могли отличить вышедшую из строя пулю от осколка, похожего на нее по размеру и форме. Требовалось больше расспросов, и Троица назначила дополнительных дознавателей, чтобы вдумчивее разбираться со спорными случаями.

Постепенно все они были признаны достовер-

ными.

Мы продолжили поиски. Они вызывали беспокойство, но этого следовало ожидать. Люди и так нервничали после побега Орвина и неприятной истории с Кроулом. Не могли же мы объявить в придачу, что среди нас, вероятно, находится самозванец. Толпа разорвала бы любого человека с непривычным выговором или с малейшими несоответствиями в рассказах.

В море сомнений цепляешься за малейшую истину. Я заставила Прада снова прочитать мою пулю. На ней было больше информации, чем я могла усвоить за одно прочтение. В некотором смысле это было даже трогательно — как много начальство хотело знать обо мне. И теперь вся эта информация проматывалась на планшетнике. То, что я сама плохо помнила. По шепоту пули можно было реконструировать половину моей жизни.

Но я раз за разом возвращалась к фотографиям родителей. Конечно, они уже умерли. А как иначе? Они были потеряны для меня, как и я для них. Я жалела, что у меня нет тех фотографий, где они были счастливы — еще до того, как политика, война и злоба искорежили нашу жизнь.

Но лучше уж такие фото, чем никаких.

— Я не знаю, что делать, — сказала Йесли. — То ли наказать их, то ли наградить за инициативу.

— За что наказать? — спросила я.

— За вандализм.

Удивительно, что при двух поисковых операциях, идущих одновременно, — охотой на Орвина и на нашего зайца — у людей оставалось время на что-то, кроме сна. Но на самом деле они успевали много чего, в том числе драться, трахаться и рассказывать истории.

Рассказывать байки — другое название для ответов на вопросы дознавателя.

Поначалу это было способом заполнить глухие ночные часы, способом избежать мыслей о том, что ждет нас впереди. Каждый хотел знать, с кем ему довелось делить корабль. Но когда всплыли новости, что среди нас чужак, — рано или поздно это неминуемо должно было произойти, — байки изменились. Теперь они сделались разновидностью проверки. Самых уязвимых, тех, у кого лицо от природы выглядело подозрительно, будто им было что скрывать, заставляли рассказывать свою историю снова и снова, проверяя, не всплывет ли какая-нибудь ложь. Это, по сути, не отличалось от допросов, проводимых Троицей, но та, по крайней мере, пыталась сохранять ло-

гику и бесстрастие. Некоторые из этих сеансов заканчивались плохо для рассказчика. Смертей не было, нет, но кровь была, а я знала, что мы не можем позволить себе сползти обратно в хаос.

Поэтому когда Йесли показала мне, в чем заключался вандализм, я лишь порадовалась, увидев, что он никак не связан со всеобщим страхом и взаимной подозрительностью.

Некоторые поисковые партии, используя планшетники, стали копаться в постепенно исчезающей информации о культуре в памяти корабля. Они знали, что у нас осталось около тысячи дней до того, как все эти знания будут утрачены, и решили сохранить, что получится.

У планшетников, как объяснял Прад, нет собственной памяти. Но они могли выборочно показывать любые сведения из памяти корабля — из того, что осталось от нее к этому моменту. Если бы данные удалось переписать на другой носитель, их, возможно, удалось бы и сохранить. Например, можно было бы использовать бумагу — будь у нас бумага и то, чем на ней пишут.

Впрочем, у нас были стены, потолки и полы. Столько стен, потолков и полов, что в голове не укладывалось.

У нас не было ничего похожего на чернила, зато

имелись инструменты, способные процарапать линию. Энтузиасты взяли свои планшетники, вызвали информацию из памяти корабля и, попотев, вручную вырезали ее на металле. К тому моменту, как Йесли это обнаружила, они уже исписали несколько метров коридора — кто аккуратно, кто не очень. У каждого переписчика был свой почерк, и видно было, как он постепенно совершенствовался. Поначалу надписи были корявыми и пестрели ошибками. Буквы и слова оказывались слишком большими. Но постепенно почерк становился уверенным. Переписчики начали процарапывать ровные линии и уже по ним аккуратно писать слова.

В то начальное время несложно было выбирать. Большинству людей хотелось сохранить что-нибудь, важное для них лично. Память об их родных планетах и даже областях и городах, которые были им особенно дороги. Они не могли слишком уж вдаваться в подробности, но это стало началом, способом противостоять забвению, в которое впадал корабль. Там были песни и стихи — их сохраняли с какой-то особой нежностью. Некоторые даже начали записывать ноты, фрагменты каких-то напевов. Порой надписи выглядели хаотичными, но для меня все это

имело смысл.

Позднее я сказала Йесли, что, на мой взгляд, эти люди не заслуживают наказания.

— Они не нанесли реального вреда. Более того, придумали полезную вещь. Ты же слышала, как Прад говорил о потере памяти. Если мы не встретим другой корабль, нам не исправить этого за оставшуюся тысячу дней. А так мы сохраним хоть что-то.

Йесли невольно рассмеялась:

— Ты хоть представляешь, о каком объеме информации говорил Прад? Ни я, ни ты даже вообразить его не можем, не то что нацарапать на стенах за тысячу дней. Это просто… жест, и ничего больше. Бессмысленный, отнимающий время жест. Этим ничего не добиться.

— Это позволяет им чувствовать, что они способны что-то сделать. И это не бессмысленно. Я знаю, что мы не сможем сохранить все. И никогда не утверждала, что сможем. Но если люди будут чем-то заняты, иметь возможность делать что-то важное…

— Ты предлагаешь нацарапать главное о человеческой культуре на металлических стенах? — Йесли сделала выразительную паузу. — За тысячу дней?

— Нас здесь сотни. Да, сейчас мы заняты поисками двух беглецов. Но долго ли еще им удастся прятаться от нас? И что потом? Если людям будет нечем заняться, не к чему приложить руки и голову, это закончится кровавой бойней.

— Ладно. — Йесли сложила руки на груди. — И с чего ты предлагаешь начать?

— А при чем тут я? Это вы — Троица. Поручите выбор экспертам. Как насчет основ медицины? Все мы видели, что́ та машина сделала с Кроулом. Что мы будем делать, если машина так и не заработает? Неплохо бы иметь какие-нибудь справочники. Например, как совместить осколки кости при сложном переломе, ну и прочее в этом же духе.

— Говоришь, основы медицины. Думаешь, стены хватит?

— Я сказала «основы».

— Я просто пытаюсь привлечь твое внимание к трудностям материально-технического плана.

— Я вполне их осознаю. Но что нам еще остается? Возможно, так мы сумеем спасти лишь тысячную часть памяти. Но это лучше, чем ничего. И возможно, эта тысячная часть когда-нибудь спасет нас, если нам придется туго.

— Я бы сказала, Скар, что тысяча дней — это

оптимистичный прогноз.

— Значит, я оптимист.

Помолчав мгновение, Йесли произнесла:

— Если мы за это возьмемся, все нужно будет делать на справедливой и равноправной основе.

— Конечно.

— Экипаж, гражданские, солдаты. Все. Включая Троицу. Никакого фаворитизма.

— Я к нему и не стремлюсь.

— Записи, которые мы видели, — люди их сделали для собственного удовольствия. Никто не устанавливал для них расписания, не требовал закончить строку к определенному времени.

— Это нужно организовать иначе, — согласилась я.

— Создать рабочие группы по образцу тех, которые есть сейчас. Чтобы у каждой был кусок информации, который требуется перенести на стену. Зафиксировать целиком и полностью. Ошибки недопустимы, иначе в затее нет смысла. Если мы хотим сохранить что-то полезное, а не просто сделать красивый жест… это будет тяжелая работа. Грандиозное совместное усилие. Нечто близкое к рабскому труду, только мы все — одновременно и рабы, и хозяева. На протяжении тысячи дней эти металлические стены должны

стать смыслом нашей жизни. Они должны нам сниться. Придется пахать до кровавых мозолей, почти до безумия.

— Йесли, зачем ты пересказываешь мне мои же мысли?

— Просто, по-моему, мы должны здраво оценить, чего это будет стоить. Но ты права, Скар: что нам еще остается? Даже если мы спасем одну миллионную или одну миллиардную часть общей памяти, это все-таки будет…

Она заколебалась.

— Свет во тьме?

— Да.

— Значит, мы станем этим светом, — сказала я. — Даже если он сведет нас с ума. Даже если он нас убьет.

Зайца мы нашли на четвертый день поисков. Это был просто вопрос времени, вопрос методичности, но все-таки результат ощущался как победа. Нам очень нужно было что-нибудь такое в те начальные дни, особенно с учетом того, что предстояло еще найти Орвина. Меня беспокоило, что он где-то прячется. Все равно что делить комнату с крысой. Мне хотелось, чтобы эта крыса оказалась под моим каблуком — раздавить ее и спать спокойно.

Но хотя бы одного беглеца мы отыскали.

Наш заяц оказался не из числа тех, кого я подозревала, кто привлек мое внимание после пробуждения. И все потому, что эта женщина выбрала единственно разумный путь, сделавший ее максимально незаметной. Она старалась как можно меньше общаться с другими выжившими. Но как только мы начали проверять медленные пули, это стало лишь вопросом времени — когда именно она попадется нам на глаза.

Поняв, кто она такая, мы отвели ее в тот самый командный пункт, откуда мы с Прадом грозились взорвать корабль.

— Назови свое имя, — сказала Йесли.

— Мураш.

Она была очень маленькой, а теперь, сжавшись на стуле для допросов, казалась еще меньше. До меня лишь теперь дошло, что надо было искать человека миниатюрного, в соответствии с размерами капсулы. Могли бы выиграть несколько дней поисков.

— Ты знаешь, как мы тебя вычислили? — спросила я.

— У вас внутри есть какие-то штуки. — Она говорила на странном — но не чрезмерно странном — диалекте. — Вы их проверяли.

— Внутри некоторых, — поправила я ее — здесь, в этом безопасном помещении, были только я, Троица да наша находка. — Это называется «медленные пули». Ты понимаешь, что такое имплантаты?

Мураш посмотрела на меня тусклым взглядом. Она казалась изможденной и разбитой, под глазами залегли темные тени. Но многие из нас выглядели так же.

— Да, понимаю.

— Но у тебя ничего такого нет? — поинтересовалась Йесли.

— Нет.

— Как долго ты пробыла на нашем корабле, Мураш? — спросил Спрай.

— Я не знаю.

Хрупкая, похожая на ребенка Мураш была очень бледной, почти болезненно-бледной, и куда более худой, чем большинство из нас. Возможно, нас вскоре ждал голод, но, судя по виду Мураш, она уже была истощена, когда ложилась в гибернацию.

— Но какое-то представление у тебя должно быть, — сказала я. — Ты прилетела сюда на своем крохотном суденышке, состыковалась с нами. Когда это произошло?

— Давным-давно.

Сакер подалась вперед:

— Точнее сказать не можешь?

— В капсуле должны быть часы. Они отсчитывали время с момента запуска. Если они еще ходят, то должны показывать, как давно я пришвартовалась. Вы видели мою капсулу, иначе не стали бы искать меня. Ее системы работают?

Прежде чем ответить, Йесли оглядела остальных:

— Нам показалось, что не работает ничего, но мы посмотрим внимательнее. Ты прилетела с планеты, на орбите которой мы сейчас находимся?

— Да.

— Тебе известно название этой планеты?

И снова этот тусклый взгляд. У нее нет времени на обдумывание моих вопросов. Но это не моя проблема.

— Отвечай, — сказал Спрай. — Наши ресурсы ограниченны, а ты нам чужая. Начнешь выделываться — выбросим тебя через шлюз.

— Не выбросите, — сказала Мураш.

— Почему же? — поинтересовалась Сакер.

— За время после пробуждения я поняла, что вы вообще ничего не знаете. Вы так рьяно взялись

искать того мужчину, будто это должно решить все ваши проблемы. Уж поверьте мне, не решит. Вы не знаете, почему вы здесь и что произошло повсюду. А я кое-что знаю. Во всяком случае, больше, чем вы. Поэтому вы меня не убьете.

— Я бы на твоем месте не торопилась проверить эту теорию на практике, — ласково сказала я.

Мгновение спустя Мураш заговорила:

— Эта планета — Тоттори. Мы не настолько низко пали, чтобы забыть название собственной планеты. Во всяком случае, не тогда, когда я улетала.

— Расскажи, что произошло, — сказала Йесли. — Ты помнишь о войне? О заключении мира?

— О вашей войне? Да. Мы проходили ее в школе. Давние дела. Это было задолго до моего рождения.

— Блин! — вырвалось у меня, так что я сама испугалась.

Мураш рассмеялась:

— Что, удивились?

Конечно же, удивляться не стоило. Я знала, что мы пробыли нигде достаточно долго, чтобы Тоттори превратилась в оледеневшую планету, лишенную признаков цивилизации. Но я лишь

осознавала это разумом. А услышать подтверждение из уст сидящей напротив женщины, которая говорит об этом как о чем-то совершенно естественном…

Хуже всего было вот что: я вовсе не думала, что Мураш лжет.

— Давай с самого начала, — сказал Спрай. — Рассказывай все, что знаешь. Что произошло с нами? Как ты попала сюда? Что случилось с Тоттори?

— Ваша война закончилась, — сказала Мураш и сделала паузу, чтобы откашляться. — Был заключен мир, потом последовали судебные разбирательства, потом — длительный процесс восстановления. Лишь через поколение стало возможным двигаться дальше. Люди знали, что война была ошибкой, что она опустошила сотни планет. Они не хотели повторения.

— И как, получилось? — спросила Сакер.

Но Спрай поднял руку, давая Мураш знак продолжать.

— Подобной войны не было больше никогда. Разногласия бывали, да. Небольшие конфликты в пределах звездных систем. Но в основном сохранялся мир. Он длился восемьсот лет.

— До следующей войны? — не сдержалась я.

— До того, как пришли они. — Теперь никто из нас не смел перебивать ее. — Никто не знал, кто они такие, откуда взялись. Казалось, они не испытывают к нам ни малейшего интереса — просто проходят через нашу часть галактики. Они были подобны стеклу.

— Стеклу? — переспросила Йесли, подумав, что мы ослышались.

— Стеклянным пластинам. Пластинам величиной с планеты. Это было как… — Мураш потерла лоб, словно у нее внезапно заболела голова. — Трудно описать. Трудно думать об этом. Стекло раскрывалось во множестве плоскостей, под немыслимыми углами. Множество хрустальных граней. Постоянное развертывание. Пластина за пластиной. Очертания. Цвета. Совсем неправильные цвета. Неправильная геометрия. У них не было ни толщины, ни измерения. Но они двигались. Они раскрывались. Они появились.

— Она чокнутая, — прошептала Сакер. — Давайте сделаем из нее приманку для Орвина.

— Она пытается описать нечто такое, для чего в нашем языке нет слов, — отозвался Спрай. — Нечто огромное и чуждое. Дай ей высказаться.

— Мы не знаем, было это одно существо или несколько, — продолжала Мураш. — Было ли

это стекло чем-то единым, единой структурой, образовавшейся в космосе. Сплошным или прерывистым. Его больно было видеть. Позднее о нем больно было думать. Мы ничего не могли сделать.

— Оно… напало на вас? — спросила я.

— Мы пытались изучить его. Мы его боялись. Оно было больше нашей планеты. Мы не знали, чего оно хочет… и хочет ли чего-нибудь. Не стоило нам его изучать. — Мураш подождала, разглядывая наши лица. Казалось, наше неведение, наш общий страх вызывают у нее какую-то жестокую радость. Ее радовало, как мало мы знаем. — У нас были корабли. Но потом они испортились. Остались только маленькие. Те еще могли двигаться. Но ничего прыжкового. Ничего, способного путешествовать между звездами. Способы перемещаться между звездными системами вдруг исчезли.

— Я не очень понимаю, как такое возможно, — прошептал Прад.

Мураш услышала его слова:

— Да какая разница? Они были выше нас. Намного выше всего, что мы имели. Они просто сделали так, что наши корабли перестали работать. И все. Так начался коллапс нашей ци-

вилизации.

— Никакого общения между системами, — проговорила Йесли. — Я понимаю, это могло стать ужасным ударом. Но системы всегда были достаточно независимы друг от друга. Почему же цивилизация рухнула?

— С ваших времен многое изменилось, — сказала Мураш. — Все стало другим. Планеты зависели друг от друга. Это был способ сохранить мир, гарантировать, что войны наподобие вашей никогда больше не случится. Но они не просто лишили нас кораблей. На планете начало становиться холоднее. Поначалу мы не поняли, что именно произошло. Они что-то сделали с нашими звездами. Те стали светить слабее.

Прад снова было попытался что-то сказать, но я взяла его за руку — довольно бесцеремонно — и прошептала: «Потом».

— Они могли изменять законы физики, — продолжала Мураш. — Это лучше всего объясняет произошедшее. Они изменили законы физики так, что наши корабли перестали работать, изменили их так, что наши солнца потускнели. Пришельцы проникли в их ядра и навредили звездам. Поэтому мы и дали им такое имя.

— Какое? — спросил Спрай.

— Мерзкие.

— Но они ушли, — сказала я. — Их ведь нет тут сейчас, верно?

— Ушли, — подтвердила Мураш. — Через десять лет. Столько времени это заняло. И мы продолжали бороться за существование, не понимая, что происходит. После их ухода наши прыжковые корабли так и остались недействующими, а наши солнца — тусклыми. Но мы могли связываться с другими звездными системами, пускай лишь со скоростью света. Постепенно мы узнали, что никто, ни одна система, ни одна планета не остались незатронутыми. Мерзкие пришли ко всем. Оставили всех ранеными и умирающими.

Если вы родились на «Капризе», для вас не существует периода жизни, когда вы не знали бы о Мерзких. Вы слышали о них в детских садах, узнавали из сказок, которые рассказывали на ночь, чтобы вы не проказничали.

Легенды о чудовищах и драконах существовали всегда. Отличие в том, что, вырастая, вы не переставали верить в Мерзких. Вы лишь учились думать о них серьезнее и хладнокровнее, испытывая более взрослый страх. Вы всегда надеялись, что они не вернутся. Но при этом всегда знали, что они все еще где-то есть.

А мы услышали о них впервые. До того момента не знали о них ничего. Не было даже мысли о том, что они где-то существуют, или о том, что они уничтожили все хорошее в мирной жизни, завоеванной солдатами вроде меня. Мы платили своей кровью за мир, и он длился, пока Мерзкие не отняли его.

Мураш покончила с нашим неведением.

— Мы, наверное, удивили вас, — сказал Спрай. — Этакий призрак из прошлого.

Но Мураш не выглядела удивленной.

— Мы знали о физике прыжков куда больше вашего. Ко времени появления Мерзких было известно, что при некоторых прыжках не все идет как надо. Умные люди говорили, что они понимают, почему так происходит. — Мураш пожала плечами. — Но это сейчас не важно. Ваш прыжок унес вас в будущее дальше, чем большинство других, примерно на тысячу лет, но мы знали, что такое возможно. Впрочем, вам повезло.

Прад расхохотался:

— Повезло?!

— Вы пережили прыжок. Такое бывало нечасто. Обычно корабли выходили из прыжка в виде обломков. А экипаж — в виде трупов. До прихода Мерзких мы часто обнаруживали подобные

обломки. Но вы — другие. Вы проделали долгий путь, и ваш корабль все еще функционирует.

— Еле-еле, — сказал Спрай. — Мы вывели его на орбиту вокруг Тоттори, которая и была нашим местом назначения. Но корабль был практически мертв — расход энергии сведен до предела, экипаж и пассажиры в гибернации. Многие из нее так и не вышли.

— Я знаю, — сказала Мураш. — Просто говорю, что все равно можете считать себя счастливцами.

— Вы засекли наше прибытие, — сказала я.

— Мы все еще продолжали слушать сигналы и продолжали наблюдать за космосом — не появятся ли Мерзкие. Мы видели, как вы вышли на орбиту, и распознали вас. — Мураш уставилась на свои руки. — Вы были полезны для нас. Мы потеряли массу всего после появления Мерзких. Многие достижения медицины, многие технологии были утрачены. — Она взглянула на нас с вызовом. — Мы вовсе не стали дикарями, просто лишились возможности создавать и ремонтировать сложные вещи. И думали, что кое-какие из этих вещей могут найтись на вашем корабле.

— Ты сказала, что Мерзкие заставили ваши солнца остыть, — сказал Прад.

— Верно.

— Мы знаем о вашем ледниковом периоде. Но температура солнца Тоттори лишь немного ниже той, что указана в документации. Что бы ни сделали Мерзкие, это, видимо, исчезает — ваше солнце возвращается к своей нормальной температуре, ледниковый период заканчивается. Это значит, что у всех нас есть шанс.

— Думаете? — спросила Мураш.

— Ваша планета может возродиться, восстановить свою цивилизацию. Выйти из-подо льда. И если Мерзкие больше не воздействуют на звезды, у нас, возможно, все еще есть шанс использовать прыжковый двигатель. Ведь доставил же он нас сюда.

— Так, давайте не забегать вперед, — предложил Спрай.

— Возможно, ваш корабль на ходу, — сказала Мураш. — Но больше нигде ничего не осталось. Только смерть. Только холод.

— Если все настолько безнадежно, зачем ты вообще попыталась добраться до нас? — поинтересовалась Сакер.

— А что еще нам оставалось? — Но Мураш тут же добавила: — Это было трудно, намного труднее, чем мы думали. Космические путешествия

прекратились еще до моего рождения. Никто не улетал в космос, никто не возвращался. Но наши знания все еще позволяли построить судно, способное добраться до вашего корабля. Ракета с химическим двигателем, самая простая. И все равно многие считали, что затея не стоит того. Тогда всем было трудно — не хватало ни еды, ни энергии. Зачем безрассудно тратить имеющееся ради тысячной доли шанса? Но мы все-таки это сделали.

— Ты была добровольцем? — спросила я.

— Меня выбрали для этой миссии. Я была маленькой, сильной и умной. Меня обучили вашей речи, вашим обычаям. Я тренировалась с самого детства. С самого детства это было главным в моей жизни.

Я содрогнулась, осознав, сколько усилий требовалось от Мураш. Мне было абсолютно ясно, что у нее никогда не было ни малейшей возможности выбирать свою судьбу. Ее создали ради одной-единственной цели, смастерили, словно узкоспециализированный инструмент.

— И каков же был ваш план?

— Добраться до вашего корабля, проникнуть на борт, изучить и задокументировать его содержимое. Установить контакт с экипажем, если

возможно. Собрать припасы и все, имеющее отношение к медицине, и спустить на Тоттори в ваших челноках. Заполнить капсулу всем, чем получится, заправить ее из ваших запасов топлива и вернуться.

— И что же пошло не так? — спросил Спрай.

Мураш сухо, невесело рассмеялась:

— Легче сказать, что пошло так. Ракета работала. Мы стартовали с экватора. Рассчитать точку встречи было трудно. Вы находились на высокой орбите, и топлива еле-еле хватило. Но я справилась. Я опознала конструкцию вашего корабля по нашей документации, нашла исправный шлюз. Переходник шлюза сработал, как мы и надеялись. Я перебралась на ваш корабль. Здесь было холодно, очень холодно, но воздух оказался пригодным для дыхания. После этого все пошло наперекосяк.

— Мне знакомо это чувство, — прошептал Прад.

— Вы все находились в гибернации. Корабль так пострадал, что я не могла войти во многие отсеки. Я пыталась разбудить вас, но системы не отзывались. Я пыталась найти медикаменты, еду и воду. Я пыталась найти топливо для обратной дороги. Пыталась найти спасательную шлюпку

или аварийный модуль. Но ничего не нашла. Я не могла понять, на каком же таком корабле я оказалась. Только теперь я это узнала.

— Понятно, почему тебе не хотелось, чтобы тебя нашли, — сказала Йесли.

— Вы пытались убить друг друга. Я знала, что вы убьете и меня, если обнаружите.

— Ты убила кого-то, чтобы лечь в гибернацию? — спросила Сакер.

— Этого не потребовалось. Я отыскала пустую гиберкапсулу и постепенно сделала так, чтобы она меня приняла. Меня обучали вашим технологиям, но все же процесс погружения в гибернацию занял шесть недель. К тому времени у меня закончились пища и вода. Я едва не умерла.

— По тебе видно, — сказал Спрай.

— Вы тоже скоро умрете. Скоро вы истратите всю свою воду, до последней капли.

— Я думаю, мы протянем чуть больше шести недель, — сказала Йесли. — Корабль не настолько мертв, как в момент твоей высадки. Прад и остальные заставили многие системы работать. Если распределять все разумно, корабль будет способен поддерживать нашу жизнь годами. И у нас есть медикаменты. Ты просто не успела

добраться до них.

— И хорошо! — сказала я. — Она отправила бы их на Тоттори — хотя им, конечно, они пригодились бы. Ты видела свою планету, Мураш? Ты понимаешь, что с ней произошло?

Женщина кивнула:

— Я не слепая.

— Как думаешь, что случилось с твоей цивилизацией? — спросила я. — Неужели никто даже и не подумал построить вторую ракету, чтобы прилететь за тобой?

— Я же говорила, что тогда уже настали тяжелые времена. Ракета была одна. Это все, на что мы были способны. Я поддерживала связь с планетой все то время, что находилась здесь. Я рассказала им о том, что нашла, и сообщила, что не могу вернуться. Они сказали, что я проявила мужество, раз сумела продвинуться так далеко. Но я знала, что подвела свою планету в самый тяжелый для нее час. — Теперь Мураш смотрела на меня в упор, с вызовом, словно добиваясь, чтобы я отвела взгляд. — Я знаю, что они недолго протянули после того, как я ушла в гибернацию. Все было достаточно плохо, еще когда я улетала. Каждая зима была хуже предыдущей, и в конце концов не осталось никаких других времен года,

кроме зимы. Возможно, найди я то, что нужно, все стало бы по-другому.

— Мне очень жаль, что ты потерпела неудачу, — сказала я Мураш. — И жаль твою планету. Но твоя миссия не бесполезна. Ты уже рассказала нам больше, чем мы могли бы узнать сами. Это бесценно. И ты теперь одна из нас. Тебя не станут наказывать за то, что ты скрывалась, — это вполне понятная реакция.

— Очень мило с твоей стороны, Скар, высказываться от имени Троицы, — сказала Сакер.

— Всегда пожалуйста. — Я покраснела от сарказма в ее голосе.

Спрай негромко кашлянул:

— Скар всего лишь озвучила очевидные вещи. С тобой будут обращаться так же, как со всеми остальными, Мураш. Такие же права, такой же рацион и такие же обязанности. Та же степень защиты. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь вредил тебе или запугивал тебя из-за того, кто ты такая. Ты не можешь вернуться на Тоттори — это понятно. Но если ты примешь наши условия, то сможешь начать новую жизнь здесь, на «Капризе».

— Они вернутся, — тихо сказала Мураш.

— Они? — переспросила Йесли.

— Мерзкие. Они ушли, но не забыли нас. Сейчас мы для них — ничто, даже не помеха. Хоть наше солнце начало теплеть, а наша планета — освобождаться ото льда, это ничего не значит. Они вернутся.

— Тогда нам надо подготовиться, — сказала я.

Мураш снова рассмеялась. И я поняла, что она охвачена отчаянием и безнадежностью, каких мы еще не знали. Хуже того — я поняла, что Мураш осознает наши перспективы куда лучше всех нас. Что она гораздо точнее оценивает наши шансы на выживание.

— Ты нас не знаешь, — сказала я. — Ты думаешь, что знаешь, но это не так. Все мы многое пережили. Ты только читала о войне в книгах. Мы через нее прошли. Она сожгла наши ду́ши, но мы прошли сквозь нее и выжили. Некоторые стали сильнее. Изменились все. И это просто… это просто нужно принять. Ты думаешь, мы обречены? — Я не стала ждать, пока она ответит. — Хорошо, можешь отказаться от рациона и умереть. Если нет сил на медленный путь, есть энергетические пистолеты и шлюзы. Но ты ведь не станешь кончать жизнь самоубийством, верно? Ты из тех, кто выживает. Как и все мы. И в глубине души ты знаешь, что шанс есть. Иначе

ты уже давно просто убила бы себя.

— Может, просто случая подходящего не было, — сказала Мураш. Но злобы в ее голосе поубавилось. Помолчав, она добавила: — Я хочу посмотреть на Тоттори. Нормально посмотреть, а не через эти крохотные иллюминаторы.

Перед нами лежала закованная в лед планета, которой полагалось быть центром цивилизации и торговли. Ни космических станций, ни городов, ни космопортов.

Но Мураш оказалась права. Занятые другими мыслями, мы не присмотрелись достаточно внимательно.

Похоже, на Тоттори все еще существовала жизнь. Ледниковый период изменил планету почти до неузнаваемости, сделав наши старые карты бесполезными, но Мураш видела свою планету уже в те времена, когда ее объяла великая зима, и знала, куда, в какие последние убежища на экваторе отступил ее народ.

— Вот. — Она указала на береговую полосу, свободную ото льда. — В этом заливе находился Скилмер, один из самых крупных наших городов. Здесь мы делали части той ракеты, сплавы и системы управления.

— Там ничего нет, — произнесла Сакер.

Но взгляд Йесли оказался более острым.

— Нет. Мураш права. Там определенно что-то есть. Какое-то поселение. Я вижу мост через узкую бухту, а вон там, похоже, дымовые следы.

— Почему мы не видели этого раньше? — спросила я.

— Наверное, из-за облачного покрова, — сказал Спрай. — И еще потому, что рассчитывали увидеть что-то покрупнее. Это же не город, а городишко.

Мураш указала чуть в сторону, на северо-восток:

— Там должен быть Аскерам. Он всегда был меньше Скилмера. Но мне кажется, в нем есть люди. Вот эта изогнутая линия, защищающая залив, — это же явно портовая стенка.

— Тогда там должны быть корабли, — сказала Йесли.

Само собой разумеется, даже при неидеальном состоянии «Каприза» оказалось нетрудно навести увеличительные приборы на эти предполагаемые поселения. Мы не сумели рассмотреть их в подробностях, но этого хватило, чтобы подтвердить правоту Мураш. На поверхности Тоттори действительно существовали города, хотя уровень развития техники не позволил бы

им создать даже ракету, не то что прыжковый корабль. Мы видели извилистые улочки, постройки из камня, дерева и соломы, множество огней и струйки дыма. Мы видели, как упряжные животные тащат грузы по ледяным колеям дорог. Мы видели парусные суда, укрывшиеся в порту, и бурлящее вокруг серое, холодное море. Ни машин, ни электричества, ни источников энергии, помимо сжигаемого дерева. На экваторе все еще имелись леса, но даже с орбиты они выглядели редкими и истощенными.

Мы обнаружили и другие поселения. Некоторые из них Мураш смогла назвать, но ей были известны не все. Очевидно, с момента ее отлета прошло много времени. В некотором смысле этот мир был для нее таким же чужим, как и для нас.

Мы оценили общую численность населения планеты примерно в пятьдесят миллионов человек.

— Ты хочешь вернуться к ним? — спросил Спрай.

Мураш пристально взглянула на него, словно в вопросе могла таиться ловушка:

— А я могу?

Спрай продолжил:

— У нас нет челноков и ничего такого, что

могло бы опуститься на Тоттори и вернуться обратно. Максимум, что мы можем предложить тебе, — путешествие в один конец на отделяемом модуле. Мы можем сбросить тебя на планету.

— В Скилмер или другой город?

— Это гарантировать невозможно, — сказал Прад. — С того момента, как ты войдешь в атмосферу, ручного управления полетом не будет. В норме модуль ориентируется на радиолокационный маяк ФлотНета, но поскольку его больше нет… — Он прикусил губу. — Возможна значительная погрешность. Но дело ведь даже не в этом, верно? Насколько нам известно, с тех пор как ты ступила на наш корабль, прошла еще тысяча лет! Наш язык тебе пришлось изучать по книгам. И что тебя ждет на Тоттори после стольких лет? Ты будешь для них такой же чужачкой, как и любой из нас.

— И все-таки это Тоттори, — сказала Мураш. — Это все равно моя планета, мой дом.

— Они умирают там, внизу, — произнесла я. — Это же очевидно. Либо умирают, либо побывали на грани вымирания и теперь пытаются хоть что-то восстановить. Но все это очень нестабильно. Как ты думаешь, сколько еще протянут эти леса?

— Это не наша забота, — сказала Сакер. — Если

бы у них имелось что-то полезное для нас, я бы первая предложила послать Мураш для переговоров. Но у них там каменный век. Мы ничего не можем сделать для них, а они — для нас.

Слова Сакер заставили меня вскинуться.

— Ты предлагаешь предоставить этих людей самим себе, так?

— Их судьба — не наше дело. Слушай, справлялись же они до сих пор без нас? Разве этого не довольно?

— Они бы не послали к нам Мураш, если бы не нуждались в помощи, — сказала Йесли.

— Но даже Мураш для этих людей — древняя история. Ты думаешь, они вообще о ней помнят? Что, по-твоему, они сделают с Мураш, если мы сбросим ее обратно на Тоттори? Даже сама Мураш не в состоянии сказать, знает ли она языки, на которых они говорят.

— Я бы все-таки рискнула, — сказала Мураш.

— В данный момент ты для нас гораздо ценнее, чем для этих людей, сейчас или в будущем, — возразила я. — Я не говорю, что мы не помогли бы им при возможности, но нужно же быть реалистами.

— Сейчас ты говоришь как Сакер, — сказал Прад.

— Вовсе нет. Сакер говорит, что мы ничего не будем делать, потому что эти люди ничего не могут дать нам взамен. Я говорю, что нам все равно нечего им предложить — во всяком случае, прямо сейчас, пока мы не разобрались с состоянием корабля. Ты же сам сказал, Прад: кто знает, что́ у нас останется через тысячу дней?

— Вообще-то, я хотел с вами поговорить насчет этой тысячи дней. Возможно, мне удастся выиграть немного времени.

Но на лице Прада не было того ликования, которого можно было бы ожидать при подобном повороте. Даже напротив. Похоже, он знал, что его предложение обойдется нам слишком дорого.

— Ты нашел способ остановить потерю памяти? — спросила я, не решаясь строить предположения.

— Нет. Ни остановить, ни даже замедлить. Этот процесс, как я и говорил, протекает в основном хаотично, и я не могу проникнуть в архитектуру достаточно глубоко, чтобы высказаться определеннее.

— Тогда я не понимаю, что ты предлагаешь, — сказал Спрай.

— Все очень просто, — ответил Прад. — Я искал на корабле другую основу, на которую можно

было бы перенести долговременную память. Это было непросто! Планшетники бесполезны — они предназначались для стюардов и уборщиков на звездном лайнере класса люкс. Скафандры, спасательные шлюпки и челноки немногим лучше в этом плане, хотя у них есть определенная информационная емкость, которую мы можем использовать. Я уже начал копировать в них разделы памяти. Но это не выход. В лучшем случае мы скопируем в них от трех до четырех процентов еще не затертых разделов.

Я закрыла глаза:

— И это все? Максимум, на который мы можем рассчитывать? Три-четыре процента?

— Нет, не все.

— А что? — спросила Йесли.

— Запоминающее устройство другого вида, но очень уязвимое и рассредоточенное.

— Продолжай, — кивнула я.

— Медленные пули. Те из вас… те из нас, у кого они есть…

— Все нормально, Прад. Мы знаем, что ты — член экипажа, не надо об этом напоминать каждые пять минут.

— Я просто хотел сказать, что у большинства выживших имеются медленные пули. Они не

предназначены для хранения больших объемов информации, но все-таки довольно вместительны. На данный момент существенная часть их хранилищ заполнена военно-биографическими сведениями. Вы удивитесь тому, как это много.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Спрай. Мураш наблюдала за нами. Интересно, насколько она улавливала суть разговора и понимала наши трудности?

— Моя идея проста, — сказал Прад. — Мы заменим сведения в пулях информацией из памяти корабля. Это будет нетрудно. После поисков нашей подруги Мураш я уже знаю, как связываться с пулями при помощи планшетника. Я могу вызвать на планшетник информацию, содержащуюся в пуле, но могу также изменить ее — стереть и записать новую. С пулями можно связываться безболезненно, без хирургических процедур.

Я представила себе фотографии родителей, осязаемую нить, связывающую меня с прошлой жизнью, и покачала головой:

— Нет. Так нельзя. Пули — это все, что у нас есть.

— Мы должны подумать об этом, Скар. Память корабля разваливается на куски, а каждый из нас

может сохранить часть ее внутри собственного тела.

— Каждый из тех, у кого есть медленная пуля, ты хотел сказать.

— Есть еще медленные пули в телах тех, кто умер в гибернации, и их немало. У нас есть инжекторы — ты видела один из них, когда толпа держала того мужчину. Их достаточно. Старые пули можно извлечь, стереть с них информацию и имплантировать их живым. — Прад энергично взмахнул рукой. — Я охотно поставлю такую пулю себе, из солидарности.

— Очень благородно с твоей стороны, Прад.

— Спасибо, Скар.

— Возьми свое благородство и засунь его себе в жопу. Что пуля значит для тебя? Я тебе скажу. Ничего она для тебя не значит. Мы знаем, кем ты был и остался — гребаным членом экипажа.

Что-то во мне сломалось. Я не могла остановиться.

— Я вовсе не хотел обесценить твой опыт, Скар. Я знаю, что ты была на войне…

— Ты ничего в этом не понимаешь, Прад. Тебе никогда не приходилось драться, не приходилось получать сомнительные приказы, не приходилось видеть, как твоего друга разрывает на

куски, не приходилось думать, не превысил ли ты полномочия при встрече с противником. Ты не предатель, не военный преступник, не спекулянт с черного рынка. Ты — гребаный трусливый корабельный техник, ты удирал от опасности, когда я тебя увидела. Ты был ничтожеством и им остался.

Прад смотрел на меня со смесью ужаса и замешательства, словно все еще надеялся, что это шутка. Я понимала, что хватила лишку, что я несправедлива к нему. Он не был трусом — просто человеком, который пытался выжить. Все мы делаем то же самое, разве не так?

Во взгляде Мураш недоумение смешивалось с разочарованием, как будто она была о нас лучшего мнения.

Но теперь, раз я уже начала, какая-то часть меня требовала продолжать.

— Моя пуля — все, что у меня есть, Прад. Я не жду, что гражданский, такой как ты, поймет это. Ты не жил моей жизнью. Мне вообще не полагалось быть на этой сраной войне. Я стала ни в чем не повинной жертвой политической коррупции. Но даже после того, как меня мобилизовали, я не делала ничего плохого. Я выполняла приказы, я отдавала их, но никогда не переходила черту. Я

была хорошим солдатом — и вообще не должна была оказаться в этой жопе, на корабле-тюрьме!!!

— Хватит, Скар, — сказала Йесли. — Прад всего лишь предложил нам вариант.

— Это не вариант. Мы не прикоснемся к пулям. — Я схватилась за грудь, как будто они могли попытаться отнять мою пулю прямо сейчас. — Не сейчас. И никогда.

Прад медленно кивнул, поднял руки и попятился, словно сдаваясь. Я знала: того, что я наговорила, так просто не исправить, если вообще можно исправить. Возможно, я все испортила. С момента пробуждения Прад для меня находился ближе всего к понятию «друг», и я сожгла эту дружбу в мгновенной безрассудной вспышке гнева.

Но я не собиралась отрекаться от своих слов. Только пуля связывала меня с моим прошлым. Я не могла от нее отказаться.

— Мы нашли его, — сказала Йесли, прервав мой неглубокий, беспокойный сон.

— Орвина?

— А кого же еще? — Йесли улыбнулась, и я попыталась найти в себе силы на ответную улыбку. Вот что отныне нас ждет. Надо учиться находить

радость в малом — например, в поимке беглеца. Теперь наши жизни будут измеряться не тем, как они улучшаются, а тем, как быстро или медленно они ухудшаются.

— Я рада.

— Он довольно слаб, — добавила Йесли, — ведь все это время он сидел в одиночестве, без пищи и воды. Надо, чтобы ты на него посмотрела, — действительно ли это тот самый человек, как ты говоришь.

— Это точно он.

— И все равно тебе придется поучаствовать. Мы же должны подать пример и сделать все как полагается. У тебя есть причины ненавидеть его, как и у всех нас, после того, что случилось с Кроулом. Но мы должны быть выше жажды мести. Сделать все в соответствии с процедурой, дать ему возможность изложить свою точку зрения…

Йесли осеклась, словно осознав, насколько нелепо звучат ее слова.

— Все нормально. Можешь обыскать меня и убедиться, что я без ножей.

Я должна была бы торжествовать. Но с момента его побега так много всего изменилось… Слишком много мы узнали от Мураш. Я нехорошо обошлась с Прадом. И я ощущала лишь слабое удовлетво-

рение при мысли о том, что очередная задача выполнена и можно переходить к следующей.

Я вымылась и присоединилась к Йесли, Спраю и Сакер с их новым пленным. В той самой комнате, где мы разговаривали с Мураш. Я подумала: возможно, стоит позвать и ее, чтобы она взглянула на ситуацию со стороны. Но сейчас нас было здесь всего четверо — и Орвин. Его привязали к стулу, удвоив путы. Орвин выглядел уставшим, и на лице у него были синяки. Глаза красные, веки припухли. Похоже, ему было трудно сосредоточиться.

— Он оказал сопротивление, — сказала Сакер.

— Вижу.

— Это точно Орвин? — спросил Спрай. — Я знаю, что он называл тебя по имени, прежде чем сбежать от нас. Но всегда возможна ошибка.

— Да, — сказала я с безрадостной уверенностью. — Это он. Не существует другого человека с таким же именем, и никто не пытался выдавать себя за Орвина. Это тот самый человек, который вогнал в меня медленную пулю, нацелил ее в сердце и бросил меня умирать.

— Ты собираешься опровергать ее слова? — спросила Йесли.

Орвину было непросто ответить. Шевельнув

губами, он выплюнул сгусток крови и выбитый зуб:

— А смысл?

— Не стоит сейчас испытывать наше терпение, — сказал Спрай.

— Ну ладно. — Орвин вздохнул, словно сдаваясь. — Я встречал эту женщину во время войны. Было ли уже объявлено перемирие, не имеет значения. Мы находились на поле боя, отрезанные от центральной власти. Она забрела в мой сектор. Я задержал ее и допросил — рутинные вопросы, — а потом нам пришлось уйти.

— Врешь, скотина!

Орвин вяло пожал плечами:

— Докажи.

— Скар не обязана ничего доказывать, — сказал Спрай. — Она предупреждала нас, что ты опасен, и ты продемонстрировал это, когда убил Кроула.

Орвин улыбнулся:

— Значит, теперь она называет себя Скар? Мне жаль, что с Кроулом так получилось. Но мне ничего другого не оставалось. Мне грозил суд Линча.

— Кстати, о том месиве, которое автохирург оставил от Кроула, когда пытался его прооперировать, — сказала Йесли. — Почему бы нам не сделать тебя следующим подопытным? Тебе,

похоже, не помешала бы хирургическая помощь.

— Если вы хотите меня прикончить, я могу предложить более быстрые и легкие способы.

— Так ты этого хочешь? — спросила Сакер. — Казни? Мы можем это устроить, не сомневайся. Нам всем будет проще — не придется делиться с тобой ресурсами.

— Тогда поздравляю. Своей смертью я выиграю для вас несколько дней. — Орвин заставил свои опухшие глаза открыться шире, в насмешливом удивлении. — О, вы думали, я не знаю о состоянии корабля? Вы думали, я совсем глуп и не понимаю, что нас здесь ждет медленная смерть, когда системы корабля начнут отказывать одна за другой? Что помощи ждать не приходится? Что милосерднее всего для всех нас — оставаться в гибернации до тех самых пор, пока проржавевший корабль не развалится вокруг наших заледеневших тел?

— Мы намерены исправить это, — сказала Йесли. — У нас есть план. Корабль поврежден, это правда. Он теряет память с каждым днем и каждым часом. Но он все еще способен поддерживать нашу жизнь, и Прад сказал, что мы, возможно, все еще в состоянии совершить прыжок и достичь другой солнечной системы. У нас даже есть план по сохранению жизненно важных частей памяти.

Я говорю тебе это потому, что мы не собираемся умирать и ты своей смертью не окажешь нам услуги.

— Независимо от твоей вины, — сказал Спрай, — мы не можем позволить себе терять лишнюю пару рук. Нас ждет работа, невообразимо тяжелая работа, и ее много.

— Значит, лучшее, на что я могу надеяться, — это каторжные работы? — Орвин рассмеялся и снова выплюнул кровь и зуб. — Думаете, вы сумеете заставить меня делать то, чего я делать не хочу?

— Я сумею, — сказала я.

Орвин посмотрел на членов Троицы.

— Что ж, Скар — давайте будем звать ее так, — возможно, права. Если вы действительно не хотите терять пару рук, держите ее подальше от меня. Мне кажется, что ее в первую очередь волнует не правосудие.

— Я лучше тебя, — сказала я. — Была лучше тебя на войне и остаюсь лучше тебя сейчас.

— Это ты так думаешь, — возразил Орвин. — А если бы мы оказались в этой комнате одни: я все так же привязан, а у тебя нож? Или инжектор медленных пуль и сама пуля? Смогла бы ты остановиться? — Теперь он смотрел на меня почти

что с дружеской усмешкой, невзирая на распухшие и перекошенные губы. — Будь честна с собой, как солдат с солдатом. Мы оба знаем, что такое ненависть. Она не могла уйти лишь потому, что мы провели некоторое время в гибернации. Она словно свет, заполняющий тебя изнутри. Она сочится сквозь твои поры.

Мне хотелось опровергнуть его слова, но я слишком хорошо себя знала, чтобы лгать. И потом, это было ясно всем кому надо.

Я по-прежнему отчаянно хотела всадить нож ему между ребрами, и провернуть, и заставить его кричать, и чтобы он жил как можно дольше, а я бы затягивала его мучения. Медленная пуля — слишком цивилизованное средство для меня.

Я улыбнулась:

— Ты меня поймал на слове.

— Да, потому что мы мыслим одинаково, — сказал Орвин.

Некоторое время спустя я встретила Йесли и спросила ее, что Троица собирается делать с Орвином.

— Меня беспокоило то, что у него могут обнаружиться друзья, — сказала Йесли. — Кто знает? Он — военный преступник даже по его собственным меркам, но на корабле, полном военных преступ-

ников, это мало что значит.

— Не все мы тут военные преступники.

— Извини. — Я видела, что Йесли устала от слишком большой ответственности и забот. — Я просто хотела сказать, что могло быть и хуже. Но Орвина не поддерживают. Наоборот. У бедняги Кроула были друзья, и даже те, кто плохо его знал, слишком хорошо помнят историю с автохирургом. Этот долг следует оплатить. Иначе останется ощущение неоконченного дела.

— Спрай, похоже, думает иначе. Он сказал, что мы не можем потерять еще одну пару рук.

— Ну, это другой взгляд на ситуацию. Орвин действительно может быть полезен для сохранения памяти.

— Да ну?

— После казни можно снять с него кожу. Сделать из его плоти бумагу, а из крови — чернила. Я даже разрешу тебе провести первый разрез, если это так много для тебя значит.

Я покачала головой:

— Это мне не подходит.

— Слишком жутко?

— Слишком легко. Он ведь уже будет мертв.

Беспорядки начались со стычки между двумя соседними группами рабочих, поспоривших

из-за участка стены. Спор перешел в рукоприкладство, а потом в него втянулись соседние группы. Вспыхнула беспорядочная драка, коридоры были забиты так плотно, что миротворцы Троицы не скоро получили шанс навести порядок. Прад с его людьми сделали все, что смогли, пытаясь остановить дальнейшее распространение беспорядков: закрыли внутренние двери и выключили в коридорах свет. Но к тому времени кровь уже пролилась. Любой инструмент, достаточно острый для того, чтобы оставить отметину на металле, достаточно остр и для того, чтобы рассечь плоть. Такова его природа. Многие получили колотые и резаные раны. Один человек потерял глаз.

Когда драку уже разняли и коридоры убрали, я отправилась вместе с Йесли посмотреть, из-за чего вспыхнула заварушка.

— Не понимаю, почему они подрались из-за стены, — сказала по пути Йесли. — Мы же только-только взялись за работу. Зачем понадобилось драться, когда почти все стены еще чисты? Отложили бы драку до тех пор, когда мы доберемся до последнего уголка!

— Вот поэтому, — сказала я.

Слова были неглубоко выцарапаны в металле.

Строчка за строчкой тянулись на шесть-семь метров стены. Нацарапанные буквы сверкали строгой серебряной чистотой. Надпись была сделана довольно аккуратно — лучше, чем некоторые обязательные тексты, — но по-прежнему свидетельствовала о том, что здесь писали по очереди несколько человек.

— Эта надпись сделана не по плану, — нахмурилась Йесли. — Я не узнаю этих слов, но…

— Я узнаю, — сказала я. — Это начало Книги. Нашей Книги, той, которую читали люди Периферийных Систем.

— Ты уверена?

— Я знаю эти слова, Йесли. Я выросла с ними.

— Не думала, что ты так горячо веруешь, Скар.

— И правильно. Но мои родители веровали. — Я подождала немного. — Я говорила Праду об этом. Он сказал, что в памяти корабля не сохранилось текста Книги. Что все было утрачены из-за неполадок.

— Ты ему веришь?

— Да, пожалуй. — Но что-то в голосе Йесли заставило меня занервничать. — Хочешь сказать, что Прад лжет? Что Книга — наша или их — до сих пор хранится в памяти?

— Сомневаюсь, что Книги уцелели. Но я думаю,

что исчезли они стараниями Прада или еще кого-нибудь из техников. — Йесли помолчала. — Ему никто этого не приказывал, но я, пожалуй, согласна с его решением. Кто бы это ни сделал, он поступил правильно. Книги порождают слишком много розни. — Она внимательно взглянула на меня. — Ты же сама видишь. Эти люди подрались не из-за стихов и не из-за научного труда. Они подрались из-за Книги. Твоя сторона, их сторона — дурацкие разногласия по поводу интерпретации.

— Книга прекрасна, Йесли.

— Но она нас убьет. Хоть твоя, хоть их — без разницы. Эти знания должны уйти. Мы не можем сохранять их. Это было бы ужасной ошибкой.

— Некоторые хранят ее в памяти, — сказала я. — Кто знает, может, даже и целиком. Я заучивала отдельные отрывки, притчи, но существуют люди, посвятившие жизнь тому, чтобы выучить Книгу наизусть.

— Не буду спорить — это действительно прекрасный подвиг благочестия. И я уверена, что в ее словах заключена огромная благодать и мощь. Огромная мудрость и человечность — наряду с невежеством, предрассудками и любовью к ненужному риску. Все лучшее и худшее, что есть

в нас. Но это ничего не меняет. Человек уже лишился глаза из-за нее, Скар! У нас появился шанс оставить разделяющие нас слова позади, — так почему же не сделать этого?

— Что ты предлагаешь?

Йесли провела пальцем по яркой, высеченной на стене надписи:

— Не слишком глубоко. Можно заполировать и снова сделать стену чистой.

— А как быть с людьми, которые это писали?

— Их предупредят, чтобы они больше так не поступали, но не думаю, что мы будем требовать реального наказания. — Она отступила на шаг и приложила палец к подбородку, словно художественный критик в галерее. — Надписи прекрасно выполнены, разве не так? Мы не можем себе позволить терять таких хороших писцов.

— Они не откажутся так просто от своих верований.

— Откажутся, если их заставить, — сказала Йесли.

Полдня спустя Троица издала указ. Надписи религиозного содержания строго запрещены, если только они не являются частью предписанных текстов. Никому не разрешалось наносить их

самостоятельно. Если кого-нибудь застанут за этим занятием, его заставят отполировать стену до изначального состояния — помимо написания заданного количества текста. Никаких исключений и послаблений не предусматривается ни для одной из сторон.

Я не знаю, чего Спрай, Йесли и Сакер надеялись добиться этим указом. Безропотного повиновения? Если так, они недооценивали то, насколько Книга пронизывала собою ограниченные маленькие жизни отребья вроде меня. Особенно меня удивил Спрай. Война сильно изменила его, сделала непохожим на обычного солдата.

Это было серьезной законотворческой ошибкой.

Охота на Орвина на время объединила нас. Поиски Мураш дали нам новую цель, а запись информации — еще одну. Этих задач оказалось довольно, чтобы люди, принадлежавшие к разным сторонам, работали вместе или хотя бы терпели друг друга. Союзники и враги, друзья и преступники. Солдаты и гражданские. Мы нашли способ позабыть наши различия и взаимные подозрения. На время.

Из-за указа Троицы пропасть снова разверзлась.

Все началось с того, что рабочие группы отказались писать обязательные тексты. Часом больше, часом меньше — вроде бы ничего серьезного. Но целый потерянный день равнялся тысячной части оставшегося у нас времени. Тысячная часть тех знаний, которые мы могли спасти, теперь была утрачена навсегда.

Если бы все ограничилось вставшей работой, переговоры и разумные доводы могли бы еще исправить положение.

Но все не ограничилось этим. Новая вспышка насилия, еще яростнее прежней, охватила немалую часть корабля. Верующие против верующих, неверующие против правоверных. Вспышка немотивированной ненависти. Я была потрясена собственной наивностью, заставившей меня думать, что худшая вражда уже позади.

Я ошиблась.

После первой смерти я поняла, что́ должна сделать. Возможно, все продолжалось бы по-прежнему, но ничего другого мне не оставалось.

— Мне нужна твоя помощь, — обратилась я к Праду.

— Так мы разговариваем снова?

— Я прошу прощения за то, что наговорила. Это было необоснованно. Просто… гнев. Мне требова-

лось выплеснуть его на кого-нибудь. Ты оказался ближе всех.

— Но все-таки в твоих словах была правда. Мы разные. Я не знал войны.

Я кивком указала на ближайший экран, показывающий расползающийся по кораблю хаос: коридоры и комнаты, полные дерущихся людей, окровавленные тела — все без сознания или хуже того.

— Теперь ты получил представление о том, что это такое. Когда это закончится — если закончится, — все мы будем на равных.

Несколько долгих мгновений Прад смотрел на экран:

— Мне кажется, они не способны к переговорам. Я видел еще одну смерть и несколько серьезных травм. Такими темпами мы перебьем друг друга к исходу дня.

— У тебя есть планшетник?

— Конечно.

— Нам нужно пробраться в главный грузовой трюм, туда, где ты впервые рассказал нам об исчезающей памяти. Спрай и остальные поддерживают там порядок.

— Что ты задумала, Скар?

— Ты знаешь, что я задумала.

Это было трудно — пробраться через весь корабль. Думаю, без Прада у меня бы не получилось. Но Прад знал о «Капризе» больше, чем я могла бы выучить за всю жизнь. Меня поразило, что на корабле все еще имелись безлюдные коридоры и вспомогательные шахтные стволы — только технический персонал знал, где они проходят и как в них попасть.

Трюм был забит людьми, и атмосфера там царила неприятная. Впрочем, никто не пытался убить друг друга, что уже было прогрессом по сравнению с творящимся в других отсеках корабля. Если и был шанс обратить поток вспять, то только здесь.

Йесли увидела нас с Прадом. Члены Троицы и их миротворцы находились в центре толпы, поддерживая хрупкий порядок. Нам пришлось проталкиваться к ним, игнорируя выкрики и толчки.

— Забудь, Скар, — сказала Йесли. — Они могли однажды купиться на угрозу взорвать корабль, но во второй раз не клюнут.

— Я знаю и вовсе не собиралась делать это еще раз. — Я резко взглянула на Йесли. — Я могла бы тебе сказать, что этот указ к добру не приведет.

— У нас не было выбора, — сказал Спрай,

которому пришлось повысить голос из-за криков. — Различия между нами убьют нас. Мы не можем позволить, чтобы одна из Книг сделалась точкой разделения. У нас и без того достаточно причин ненавидеть друг друга и не доверять друг другу.

— Указ уже издан, — произнесла Сакер. — Если мы пойдем на попятный, то продемонстрируем слабость.

— Я и не прошу вас это делать. Дайте мне поговорить с ними.

Моя самонадеянность насмешила Сакер.

— У тебя есть для них то, чего еще не предлагали мы?

— Мое прошлое, — сказала я.

Я встала перед толпой — другими словами это не назовешь. Потом положила руку на грудь, туда, где находилась моя медленная пуля.

Стоящий рядом со мной Прад поднял планшетник над головой и наклонил его так, чтобы все видели экран.

Он что-то показывал. Этого хватило, чтобы крики и споры немного стихли. Внимание толпы переключилось с Троицы на меня.

— Вы меня знаете, — сказала я. — Я — Скар. Я была солдатом, как и большинство из вас. Я сра-

жалась вместе с вами — или против вас, если это по-прежнему имеет значение. — Я подождала, чтобы шум еще немного стих. Я ни секунды не сомневалась, что мой контроль над их вниманием очень непрочен. Мне требовалось взвешивать каждое слово. — Я тоже читала Книгу, — продолжала я. — Она очень много значила для моих родителей. Сама я не слишком-то верила. Но эти слова давали мне утешение во время войны, когда меня оторвали от дома и семьи. Некоторые из вас знают мою историю. Вы знаете, как я попала в беду из-за Орвина, но это лишь часть истории. Я вообще не подлежала призыву, но все же меня мобилизовали. И я старалась быть хорошим солдатом. Старалась соблюдать законы войны, поступать правильно. Нас учили ненавидеть врагов, и я, пожалуй, действительно ненавидела их. Но родители всегда говорили мне, что мы с этими людьми читаем одних и тех же пророков. Это сдерживало мою ненависть. В глубине души я знала, что мы мало чем отличаемся друг от друга. И мне никогда не нравилось убивать.

Я бросила взгляд на Прада, и Прад ответил мне вопросительным взглядом — действительно ли я готова?

— Это моя прежняя жизнь, — продолжила я. —

Эти люди — мои родители. Я любила их, а они любили меня. Эти слова — все, что связывает меня с домом, с тем человеком, каким я была, с миром, который я знала. С верой, в которой я была рождена. И теперь я отдаю это все. Я отдаю себя. С этого момента все, что было до пробуждения, перестает иметь значение. Я буду носить это в душе, но технически, с помощью медленной пули, не смогу больше подтвердить ни единого слова. Я могу быть лучше лучших из нас и хуже худших. — Я сглотнула и кивнула Праду. — Давай. И объясни им, что происходит.

Прад коснулся планшетника. И заговорил пронзительным, дрожащим голосом:

— Я стираю содержимое медленной пули Скар. Она отдает часть себя. Отказывается от возможности подтвердить, кто она такая и какую роль играла на войне.

Строки исчезали с экрана планшетника одна за другой. Фотографии моих родителей помедлили несколько мгновений, потом сделались тусклыми и расплывчатыми, словно я видела их сквозь давно не мытое окно. А потом исчезли.

— Процесс необратим, — сообщил аудитории Прад. — Я удаляю эту информацию на очень глубоком уровне, восстановление невозможно.

А когда удаление закончится, я запишу в пустые ячейки памяти жизненно важную информацию из памяти корабля. Скар будет нести в себе частицу наших знаний, спасенную из основной памяти, которая отказывает. Скар уже выбрала, что это будет. Скажешь им?

— Военная поэтесса Джиресан, — сказала я. — Все ее сохранившиеся произведения.

— Но Джиресан родилась на одной из наших планет, а не ваших, — заметил Спрай.

— Я знаю.

— И все-таки ты выбрала для сохранения ее, а не стихи одного из ваших военных поэтов?

— Кто-то же должен это сделать.

Спрай задумчиво кивнул:

— Спасибо, Скар. Спасибо за твой выбор.

— Она не хочет, чтобы это закончилось на ней, — сказала Йесли. — Верно, Скар?

— Да. — Я повернулась к Праду. — Этот человек был прав. Те, у кого есть медленные пули, получают шанс что-нибудь изменить. Но для этого нам придется пожертвовать тем, что мы есть. Отделить себя от своего прошлого. От всего, что было важно для нас, всего, что сделало нас вот такими. Нам придется отпустить это все.

— Скверные люди смогут начать с чистого ли-

ста, — сказал Спрай. — Все грехи будут забыты.

— Знание о том, кто мы есть и кем были, останется в нашей собственной памяти, — возразила я. — Это относится ко всем нам: и к хорошим, и к плохим, и к средним.

— Но память о войне так просто не сотрешь, — возразила Сакер.

— Я знаю. Но пули — это связь с тем, кем мы были. Если оборвать ее, мы хотя бы положим начало новому пути.

— Это будет нелегко, — сказала Йесли.

— Думаешь, мне сейчас было легко?

Но Прад снова поднял руку:

— То, что я сейчас сделал для Скар, я могу сделать для любого из вас. Это просто и быстро. — И он взмахнул над головой планшетником, словно трофеем. — Скар выбрала слова Джиресан, чтобы оставить их в себе. Она стала хранителем Джиресан! Любой из вас тоже может принести жертву, сделать такой же выбор!

— Для этого не обязательно быть солдатом, — сказала я. — На корабле есть и другие медленные пули. Нужно лишь извлечь их из умерших в гибернации. Но мы можем это сделать. Пули могут обрести новый дом — новых хранителей. Каждый из нас может нести часть прошлого в будущее.

Просто это будет не наше личное прошлое.

— Мы продолжим наносить записи на стены, — сказал Прад. — Эта работа не прекратится. Ее нельзя прекращать. Но пули выиграют для нас еще немного времени, дадут шанс спасти еще немного знаний. Мало того, знание станет личным. Каждый будет нести в себе нечто уникальное.

Я перевела дыхание. Мои ощущения остались прежними. Пуля все так же находилась внутри меня, я не чувствовала никаких изменений. Но прошлое в считаные секунды отделилось от меня. К добру или к худу, но я была свободна от него.

Это было пугающее и чудесное чувство. Словно падаешь — и в то же время паришь.

— Если каждый из нас ценит наши общие знания, — сказала я, — у него нет иного выбора, кроме как трудиться вместе с другими над обеспечением безопасности всех обитателей корабля. Мы должны помогать друг другу жить. У нас нет времени ни на что другое. Нет времени на ненависть, на горечь, на взаимные обвинения, на месть. Все наши прежние жизни закончились, когда что-то пошло не так с прыжком. Все наши новые жизни начались с пробуждением.

Я немного помолчала, глядя на лица стоящих

вокруг людей и пытаясь понять, добилась ли я того, чего хотела, или только усугубила все. Мне нужно было это знать.

Но узнать наверняка можно было лишь одним способом.

— Кто следующий?

— Я, — сказал Спрай, приложив кулак к груди. — Вторым буду я.

— Ты уверен? — спросил Прад.

— Давай-давай, — сказал Спрай. — Стирай мою пулю. Пока я не передумал.

Я хотела бы рассказать еще многое о тех временах. Но в последнее время высечение надписей дается мне труднее, чем прежде. Я делаю ошибки, на исправление которых уходят часы. Буквы пляшут у меня перед глазами. Меня никогда не покидает боль.

Как бы то ни было, говорят, что краткость — это добродетель.

Конечно, было бы соблазнительно сказать, что мой жест немедленно всех успокоил и превратил хаос в порядок, заменив злобу и безрассудство здравым смыслом и великодушием. Что после моего заявления граждане построились в очередь на перезапись своих пуль.

Но все было не так. Потребовалось три дня,

чтобы на корабль вернулось хотя бы подобие порядка, и даже после этого случались вспышки насилия. После них на несколько лет осталось напряжение, медленное бурление. Мы назвали это «новым миром», но это был очень-очень условный мир. Когда худшее закончилось, оказалось, что у нас шесть мертвых тел и множество раненых.

Одиннадцати раненым требовалась помощь автохирурга. К счастью, он работал лучше, чем во время инцидента с Кроулом, но я очень радовалась, что не оказалась первой, кому пришлось проверить это на себе.

На первых порах люди приходили по одному и по двое, чтобы отказаться от содержимого своих пуль, потом по трое и по четверо, и, наконец, их стало так много, что Прад перестал справляться в одиночку и ему пришлось передоверять эту работу другим, что отняло еще больше времени.

Некоторые приходили, потому что поняли смысл моего поступка и осознали, что, отказываясь от личного прошлого, мы способствуем общему благу. Я была с Прадом во время многих сеансов перезаписи и видела на лицах самые разные оттенки сожаления и печали. Пожертвовать своим прошлым — тоже горе, и для некоторых

оно было почти что непосильным.

Некоторые соглашались охотнее. Мы не просматривали содержимое их пуль, прежде чем стереть его, но я невольно задумывалась: что же им так не терпится уничтожить?

Возможно, я неверно судила о них. Возможно, они были просто искренне рады, что получили шанс принести важную жертву. Я пыталась забыть эти лица. Я не хотела помнить тех, кто слишком охотно избавлялся от собственного прошлого.

Я хорошо подумала, прежде чем выбрать для хранения поэзию Джиресан. Я знала, что ее высоко ценили на вражеской стороне, и мой выбор должен был стать сильным жестом примирения. В этом смысле мое решение было столь же безжалостным, сколь и прагматичным. У многих добровольцев были свои пожелания насчет того, что хранить. По большей части нам не требовалось оспаривать их выбор. Если пуля это позволяла, данные переписывались. У других особых предпочтений не было. Помощники Троицы всегда могли подсказать что-нибудь.

Я не помню, когда появились первые записи на коже, но это явно случилось в первые несколько месяцев существования нового мира. Идея была

простой. Всякое знание, содержащееся в пуле, должно найти отражение снаружи, на коже хранителя. Это порождало идеальную симметрию смысла. Рано или поздно мы испишем все доступные поверхности корабля, так почему бы не распространить это и на свои тела? Я нанесла строки Джиресан себе на руки, на плечи, на спину. У нас не было чернил, зато был автохирург. Его хирургический лазер вполне можно было настроить на тиснение, как и на татуировку. Это было мучительно, даже с применением обезболивающих. Но мы терпели боль с гордостью: она означала, что мы отказались от пуль и отдали часть себя на благо корабля.

Больше мне почти нечего добавить.

Вы могли бы спросить о Мураш, но делать это незачем. История Мураш записана на стенах ее же собственной рукой. Советую вам прочитать ее, если вы еще не сделали этого. Мураш всегда держалась в стороне от остальных, просто в силу своего происхождения. Но она добровольно решила остаться с нами, и когда влилась в наше общество, у нее проявился редкий талант к нашему языку — тому «мертвому языку», который она изучила по книгам на своей умирающей планете. Мураш потребовала, чтобы ей тоже вживили

пулю, и носила на себе надписи, как и все мы. Она рассказала нам многое о своем мире и о событиях, которые мы пропустили, — многое, но, думаю, не все. На все не хватило бы человеческой жизни.

Было бы нехорошо с моей стороны не упомянуть об Орвине и о том, какую роль я сыграла в его судьбе.

Йесли сообщила мне о решении Троицы. Состоялся суд, но в его исходе никто особо не сомневался. Такой человек, как Орвин, не мог влиться в наш экипаж — после того, что произошло с Кроулом. Не было у нас и намерения долго держать его под замком.

Да, я прекрасно понимала их логику. Орвин лишился права жить на «Капризе». Но казнь Орвина не надо было обставлять как месть за его преступления. Сдерживание путем устрашения — да. Но упор следовало делать не на возмездии. Мы были выше этого.

Некоторые из нас.

Когда дело дошло до казни, у Троицы возникло множество вариантов. Какое-то время спустя, после обсуждения вопроса с Прадом и остальными техниками, они сошлись на использовании пустой гибернационной камеры. Орвину предстояло безболезненно уснуть, в точности как при

уходе в гибернацию. Когда он потеряет сознание, жизнеобеспечение капсулы отключат. После смерти его медленная пуля будет изъята, а от его тела избавятся.

Троица знала, что я не одобряю такого образа действий. Но они непоколебимо стояли на том, что казнь следует произвести гуманно. Что это предвестие лучшего общества, которое мы надеемся создать.

Я все понимала. Но допустить этого не могла.

Незадолго до времени казни я постаралась оказаться наедине с Прадом.

— Хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что очень важное.

Мы все еще чувствовали себя неловко в присутствии друг друга, невзирая на то что Прад стал посредником при переписывании моей медленной пули. Я надеялась, что он простил меня за ту вспышку, но при этом понимала, что ее последствия останутся с нами навсегда.

И тем не менее я нуждалась в его помощи.

— Приятно быть тебе полезным, Скар.

— Я знаю, ты заслуживаешь лучшего отношения. Если бы я могла взять те слова обратно… — Я покачала головой. — Знаю, это невозможно. Мы будем помнить их, даже когда забудем многое,

что хотели бы сохранить в памяти. Но я все равно должна кое о чем тебя попросить. Это касается Орвина.

— Я поражен.

— Ты знаешь, что с ним собираются сделать?

Прад коротко кивнул:

— Конечно.

— Ты это одобряешь?

— Мне кажется, это относительно цивилизованная казнь. Мы все испытали переход в бессознательное состояние при погружении в гибернацию. Его можно назвать почти что приятным. Тебя просто окутывает неодолимая теплая дремота. Ты, должно быть, считаешь, что он этого не заслужил, с его-то преступлениями?

— Ты можешь открывать и закрывать двери по всему кораблю?

— В разумных пределах.

— Я хочу получить доступ в его камеру. А еще медленную пулю и инжектор для нее. Я знаю, что ты можешь их достать.

— Скар, ты сошла с ума. А как же наше правосудие? Это все, что у нас есть. Если будем сопротивляться ему сейчас, то на что мы сможем рассчитывать, когда ситуация станет действительно тяжелой?

— Я хочу получить доступ в его камеру, — повторила я. — Пулю и инжектор. И все.

— Они тебя убьют. — Он на секунду задумался. — И меня убьют.

— Нет, — сказала я, хотя Прад наверняка почувствовал, что моему голосу недостает убежденности. — Как-нибудь накажут — да. Наверняка. Во всяком случае, меня. Мы обставим все так, будто я тебя вынудила. Ты соскочишь с крючка.

— С кровью Орвина на моей совести?

— Можешь об этом не волноваться. И крови будет не так уж много, как ты думаешь.

— Я смотрю, ты все обдумала.

— Уже довольно давно.

— Скар, а оно того стоит? После всего, через что ты прошла? И теперь отказаться от всего ради мести?

— Если бы я хотела мести, я бы ее давно получила. Просто дай мне то, что я прошу, и впусти меня в ту камеру.

— И это все?

— Есть еще кое-что. Тебе нетрудно будет это устроить. Мы можем обсудить это позже.

Думаю, если бы потребовалось применить силу к Праду, я могла бы это сделать. Не потому, что это доставило бы мне удовольствие, и не потому,

что я к нему плохо относилась. Но я не могла позволить себе потерпеть неудачу.

Но Прад в точности выполнил мою просьбу. Мы встретились в полутьме, в одном из коридоров, где освещение еще не восстановили полностью.

— Тут то, что ты просила. — Прад сунул мне в руки темный тючок. Я почувствовала ткань; внутри звякнул металл. — Пуля чистая, заряжена в инжектор. Теперь твоя душенька довольна?

— Спасибо.

— Внешний замок его камеры откроется через три минуты. Запереть ее изнутри Орвин не сможет. Замок будет оставаться открытым еще пять минут, но только не захлопывай дверь. Иначе ты окажешься в ловушке. — Последовало неловкое молчание. — Пяти минут хватит?

— Думаю, да. Отличная работа, Прад. Я тебе признательна. — Я решила тоже помолчать. — Можешь идти, если хочешь.

— Лучше я останусь. Но если ты сможешь дать мне доказательства принуждения, я буду признателен.

— Одну минутку.

Я врезала по нему тючком, с таким расчетом, чтобы поставить синяк, а не устроить сотрясение. Поскольку Прада я видела смутно, действовать

пришлось отчасти наугад. Тючок влетел то ли в скулу, то ли в подбородок. Прад хрюкнул и привалился к стене.

Стало тихо.

На мгновение я испугалась, что перестаралась с замахом.

— Прад!

Послышался стон. Я поняла, что Прад рядом — восстанавливает равновесие. Я услышала, как он провел рукой по лицу, в том месте, где вскоре должен был проступить впечатляющий синяк.

— Похвально, Скар. Тебе стоило бы задуматься о карьере, связанной с применением насилия. Думаю, у тебя есть талант.

— У меня есть нож, — сказала я. — Я его придержу, показухи ради.

Мы добрались до камеры. Предполагалось, что автоматическая дверь безотказна и наружная охрана не нужна. Я на это и рассчитывала — зачем Троице принимать запредельные меры предосторожности? — поэтому приятно было увидеть, что я не ошиблась.

— Ты уже далеко зашел, — прошептала я Праду. — Никто не усомнится в твоей истории, если ты сейчас захочешь уйти. Это очень опасный человек.

— Поэтому я и принял дополнительные меры предосторожности, включая энергетический пистолет в сумке. Подумал, что один из нас, возможно, оценит это.

Я развязала тючок как можно тише. Инжектор был с нагнетательной трубкой и пневматическим резервуаром. Я разобрала детали и с удовлетворением убедилась, что модель инжектора знакома мне со времен службы. Здесь было все, включая уже вставленную пулю. Еще я проверила маленький корабельный энергетический пистолет стандартного образца — его я помнила со времен нашей с Прадом первой встречи.

— Бери его, — сказала я Праду.

Прад сжал в руке рифленую рукоять. Я убрала инжектор обратно в тючок, подальше с глаз.

— Сколько у нас времени?

— Примерно четыре минуты.

— Давай будить нашу крошку.

Но когда мы открыли дверь камеры, Орвин уже не спал. Дверь скользнула вбок, уходя в стену. Он, должно быть, услышал наши голоса или шаги, хотя мы старались не шуметь.

Нервничающий человек, ожидающий прихода палача.

Полностью одетый, он шевельнулся, собираясь

встать с койки. Лицо его было почти любезным, будто я была неожиданно заглянувшим в гости старым другом.

— А, Скар! Кому ты сунула взятку, чтобы попасть сюда? Или с кем-то перепихнулась? Нет, остановимся на взятке. Ты сама таких хлопот не стоишь.

— Стреляй в него.

Прад поднял пистолет и выпустил одиночный разряд. Хоть я и была далеко в стороне от линии выстрела, мою нервную систему все равно передернуло.

Орвин рухнул обратно на койку, по-прежнему не сводя с меня глаз, — но энергетический разряд вышиб из него дух. Он шевельнул челюстью, пытаясь что-то сказать.

— Это было ошибкой, — сказала я.

— Что? — прохрипел он.

— Выбрать тогда меня и уволочь в бункер. Тебе следовало найти другую жертву. Или хотя бы задержаться и закончить работу.

К Орвину отчасти вернулся боевой дух. Я взглянула на Прада и проверила, держит ли он пистолет наготове — на случай, если дело дойдет до этого.

— Не могу не спросить… — сказал Орвин. — Как

тебе удалось выкарабкаться?

— Я вырезала пулю твоим ножом.

— Да ну?

— Она не хотела вырезаться. Пришлось врезаться глубоко.

— Тебе повезло, что ты выжила.

— Должно быть, я потеряла много крови. Да и со стерильностью было не очень. Я бы, наверное, там и умерла, даже вынув пулю, если бы не миротворцы. Я перед ними в долгу.

— Даже после того, как они отправили тебя на корабль-тюрьму?

— Мы оба знаем, каково оно. Но все же. Я жива, верно? Это чего-то да стоит.

— Не очень-то все это радостно, если учесть, на что мы надеялись. Мы сражались на войне, Скар. Выполняли свой долг. Мы заслуживаем вознаграждения.

— Вознаграждение в том, чтобы не быть мертвым, Орвин. Или искалеченным, или не мучиться от боли всю оставшуюся жизнь. Я предпочту быть живой.

— В нынешних обстоятельствах?

— У нас есть корабль и есть цель. Мы вскоре попробуем совершить прыжок и посмотреть, что в других местах. Мы можем жить этим, пока не

придумаем что-нибудь получше.

— Всему пришел конец. Думаешь, вы можете хоть что-то изменить?

— Можем, — сказала я. — Мы уже начали сохранять то, что в наших силах — вырезать на собственной плоти и плоти корабля. Теперь мы должны применять эти знания во благо. Я признаю, это не много. Но у нас есть преимущество — опыт. Мы знаем нашу историю — что сработало, а что не сработало. Если люди пережили нашествие Мерзких на Тоттори, значит они выжили и в других местах. Мы найдем их. Мы можем спасать эти планеты, одну за другой.

— Ну, удачи тебе.

Я достала инжектор из тючка, давая Орвину время разглядеть его, и проверила, все ли на месте.

— Нет, — сказала я. — Сегодня удача потребуется не мне.

— А! Понял. Око за око. Аперитив перед главным блюдом, моей казнью. Будь осторожнее. Не хочешь же ты, чтобы я умер до того, как они отправят меня в гибернацию.

— Можно подумать, мне не наплевать. — Я улыбнулась. — Хотя на самом деле не наплевать. Поэтому мой инжектор и пуля полностью

стерильны, в отличие от той фигни, которую ты загнал в меня. Я не допущу, чтобы инфекция прикончила тебя. И кстати, я никогда не верила в принцип «око за око». — Я подняла инжектор, пальцы легли на массивный спусковой крючок. — Но в этом, пожалуй, есть некая справедливость. Догадываешься, что сейчас будет?

— Ты собираешься сделать со мной то же самое, что я сделал с тобой?

Я позволила ему как следует рассмотреть инжектор:

— Стандартный инжектор, Орвин. Никак не модифицированный.

— А пуля?

— Это мы еще обсудим. Мы же не хотим испортить все удовольствие, верно?

Продолжая держать инжектор, я взяла в другую руку нож и разрезала его брюки над коленом. Потом приставила инжектор к ноге, так что дуло вдавилось в кожу. Я задержала дыхание и нажала на спусковой крючок. Послышался щелчок, потом шипение. Нога Орвина дернулась, когда медленная пуля вошла в нее. Надо отдать ему должное — он издал лишь невнятный звук.

От меня наверняка было куда больше шума.

— Заканчивай с этим, Скар.

— К чему торопиться? Со мной никакой спешки не было. Ты оставил меня с этой дрянью, прогрызающей путь сквозь мою ногу. Впрочем, за боль я извиняюсь.

— Да ну?

— Дело не столько в мести, сколько в моем желании, чтобы память о процедуре стала неизгладимой. Если бы не неприятные ощущения, ты бы с легкостью ее позабыл. А для меня очень-очень важно, чтобы ты помнил об этой медленной пуле.

— Ты, может, об этом позабыла, но меня вот-вот казнят.

— Нет, не казнят. И я не хочу, чтобы ты умер от инфекции, поэтому позаботилась о том, чтобы и инжектор, и пуля были стерильными. Не забывай ухаживать за раной при помощи аптечки. В капсуле она будет. Но используй медикаменты с умом. Новых у тебя не появится.

Орвин прищурился. Он явно понял, что все идет не так, как он ожидал, но мой замысел все еще оставался для него загадкой.

— В какой еще капсуле?

— Да, — сказал у меня за спиной Прад. — В какой такой капсуле?

— В эвакуационном модуле, — сказала я, по-

вернув голову так, чтобы обращаться к обоим сразу. — В том, куда мы засунем Орвина. Хотя я забегаю наперед. Ты чувствуешь продвижение пули, Орвин?

— А ты как думаешь?

— В отличие от той, которую ты вогнал в меня, эта не пытается тебя убить. Это больно — и будет больно. Но она не повредит жизненно важных органов, и ты не истечешь кровью. Она всего лишь будет продолжать движение, пока не доберется до места назначения в глубине твоего тела, где уже покоится другая пуля. Потом остановится. Все заживет. Ты более-менее оправишься от боли. Заражения крови не будет. Но пуля останется с тобой. В тебе.

— Зачем две пули, Скар?

— Ты же хотел вогнать в меня вторую?

— Да, но это был чистый, незамутненный садизм. А у тебя что-то другое на уме.

— Страховка, — сказала я. — На тот случай, если первая пуля разрядится или выйдет из строя. Эта — свежая, она не находилась в тебе, когда ты был в гибернации. Ее заряда хватит, чтобы продержаться до конца твоей жизни, с разумным запасом. Куда бы ты ни направился, мы с легкостью тебя отыщем.

— А куда мне направляться?

Я положила руку ему на плечо:

— Не пойми меня неправильно, Орвин. Ты — кусок дерьма, худший из худших. Но при этом ты человек из прошлого. Ты жил до прихода Мерзких. Это делает тебя слишком ценным, чтобы казнить. А теперь пошевеливайся.

— Что ты собираешься со мной сделать?

— Дать тебе то, чего ты не заслуживаешь, — сказала я. — Второй шанс. Небольшой, ручаюсь. Но люди на Тоттори нуждаются в ком-то вроде тебя сильнее, чем я нуждаюсь в мести.

— Я так и думал, что Скар затеет что-нибудь небанальное, — восхищенно проговорил Прад.

— Это ловушка, — сказал Орвин.

Я ухмыльнулась ему в лицо. Мы вытолкнули его из камеры. Прад сжимал в руке энергетический пистолет.

— Суть в том, Орвин, что ты до хрена всего знаешь. С этим ничего не поделаешь. Да, это обрывки знаний и всякий отстой, верно. Ты всего лишь заурядный садист-головорез. Но здесь и сейчас ты на многие века обогнал остатки цивилизации. Во всяком случае, той, что сохранилась на Тоттори.

— Да ты свихнулась, Скар.

Мы шли к эвакуационному модулю, а я продол-

жала говорить:

— Не могу обещать, что ты приземлишься вблизи какого-нибудь поселения — после того, что Прад рассказал мне об управлении этими спасательными судами. Надо собраться с духом и приготовиться к долгому пешему пути. Но рано или поздно ты встретишься с местными жителями. Тебе придется самостоятельно приспособиться к целой прорве вещей: языку, обычаям, заразным болезням.

— А потом?

— Ты начнешь менять мир. К лучшему. Ты поможешь им с медициной, сельским хозяйством, базовыми технологиями. Руины все еще на месте. Ты можешь помочь этим людям, чтобы они начали отвоевывать прежние позиции. Ты можешь удерживать их, если они захотят свернуть не в ту сторону. Помоги им начать восстановление. Расскажи им, кто ты такой, если думаешь, что это полезно. Или придумай другую историю: скажи, что ты путешественник с юга, или волшебник — что тебе в голову взбредет. На твое усмотрение. Прояви креативность.

Мы добрались до входа в эвакуационный модуль. Это был один из ряда изгибающихся шлюзов; каждый вел в судно, прицепившееся

к корпусу снаружи, словно моллюск к днищу корабля. Мы потеряем это судно, безрассудно потратив его на одного человека. Впрочем, таких модулей было много, и жертва казалась мне приемлемой.

Я думала, что Орвин начнет сопротивляться, как только поймет, что́ я задумала. Прад на всякий случай держал пистолет наготове. Я велела ему выставить мощность повыше — вдруг потребуется донести мысль более энергично. Но когда Орвин попытался-таки вырваться, это больше походило на действие, совершенное из принципа, чем на реальную попытку сбежать.

Мы давали ему шанс жить. Альтернативой была поимка и казнь.

Я втолкнула его в капсулу и велела хорошенько пристегнуться. Указала, где лежат аварийные пайки и аптечка, напомнила, чтобы не забывал обрабатывать ногу. Орвин судорожно дышал, лицо блестело от пота, глаза расширились. К тому моменту боль, видимо, сделалась мучительной.

Так было нужно. Это было важно — чтобы он не забывал. Через год или десять он с легкостью мог бы выбросить все это из головы. А я хотела, чтобы боль жгла его годами, словно настоящее адское пламя.

Я не могла позволить ему забыть.

— Я не знаю, когда мы вернемся, — сказала я Орвину, когда мы уже собирались закрыть дверь и запустить модуль. — Но сомневаюсь, что скоро. Возможно, прыжок убьет нас. Даже если мы справимся, нужно будет посетить много систем. И кроме того, я хочу дать тебе время, чтобы ты успел чего-нибудь добиться.

— А когда вы вернетесь — если вернетесь, — как ты собираешься решать, достаточно ли я сделал?

— Тебя призовут к ответу — все, что я могу сказать. Нам нетрудно будет тебя отыскать. Сделай все, что сможешь, и с тобой поступят по справедливости. Подведи нас, подведи эту планету — и мы без труда прикажем пуле убить тебя. Ты даже не узнаешь, что мы вернулись. Нам вполне хватит взгляда с орбиты.

— А если не вернетесь?

— Тогда ты спокойно доживешь до старости. Помни: лучший твой шанс выжить — это вытащить планету из темных веков. Я бы на твоем месте приложила максимум усилий.

— Дайте мне оружие. Это не так уж много.

— У тебя есть оружие, — сказала я, наблюдая за вспыхнувшей в его глазах надеждой. — Это оружие — страх. Он будет стоять у тебя за спиной

каждую минуту твоей жизни.

Я отступила на шаг, молча обменялась взглядами с Орвином и закрыла переходный шлюз. Прад еще раз проверил данные, отображавшиеся на панели запуска рядом с дверью. Автоматика модуля приведет его на Тоттори и сделает все возможное, чтобы опустить его на сушу, как можно ближе к экватору.

Ничего больше Орвину не гарантировалось.

— Ты уверена, Скар?

— Абсолютно.

Я представила, как пуля прогрызает себе путь сквозь тело Орвина, подергиваясь и цепляясь движущимися крючками и щупами. Я запустила его в кожу планеты — пусть прокладывает путь к власти или влиянию, хотя бы и незначительным по размеру.

Мой план был не слишком надежным. Если обеспечить достаточное экранирование, медленную пулю можно было скрыть от обнаружения с дальней дистанции, равно как и заблокировать команду на убийство. Но на Тоттори индустриальная цивилизация скатилась до упряжных животных и парусных судов. Чтобы создать такое экранирование, Орвину придется совершить небольшую революцию в обработке металлов и

промышленном производстве.

Если так, то ладно.

К тому же пуля, даже засев глубоко в груди, все-таки поддавалась стандартной хирургии. Но чтобы такая ошеломительно амбициозная операция прошла успешно, Орвину потребуется довести медицину и анестезию до уровня, близкого к нашему. Пускай Орвин остается сколько угодно эгоистичным, лишь бы только он дал остальным эти весомые блага.

Что ж, посмотрим. Не могу сказать, что я питала на его счет особые надежды. Но это стало нашей первой попыткой возродить планету, и просчеты были неизбежны. Орвин казался не самой удачной кандидатурой для просвещения целой планеты. Но если он сумеет что-то изменить, у всех нас появится надежда.

Возможно, небольшая. Но я предпочла воспользоваться тем, что есть.

Послышался глухой удар, будто кто-то врезал по толстой металлической переборке кулаком, с той стороны.

Я коснулась панели запуска.

Двигатели модуля сработали без обратного отсчета и без малейшего промедления. Раздался глухой металлический звук, точно ключ про-

вернули в замке, и стало тихо. Из-за огромной массы нашего корабля отдачи мы не почувствовали. Но сквозь ближайшие иллюминаторы мы с Прадом увидели, как небольшая ромбовидная капсула стремительно понеслась прочь; вращение корабля словно бы искривило ее траекторию относительно покрытого белым полушария планеты. Двигатели должны были проработать ровно столько, чтобы донести капсулу до края атмосферы, а потом ее ждал огненный, практически неконтролируемый спуск на поверхность. К тому времени, как обгоревший корпус достигнет земли, топливные баки будут пусты, и никакой возможности вернуться в космос не останется.

— Мне почти до самого конца казалось, что ты все-таки собираешься убить его, — сказал Прад, когда мы окончательно потеряли падающий модуль из вида.

Я кивнула в сторону планеты:

— А почему ты думаешь, что это — не смертный приговор?

— Я не думаю, Скар, что ты способна на такое. Тебе нравится считать, что ты так же способна на жестокость, как и Орвин, но это неправда. Ты хочешь, чтобы он искупил свои грехи и помог этой планете.

Тут я услышала шаги, которые быстро приближались к нам с двух сторон.

У меня по-прежнему был нож, и синяк Прада уже выглядел лучше.

— Ну ладно! — рявкнула я. — Ты свое дело сделал!

С одной стороны появились Йесли со Спраем, а с другой — Сакер и Мураш.

— Что тут за… — начал было Спрай.

— Он улетел, — сказала я. — Я его отпустила.

— Нет, — уверенно произнесла Сакер. — Она не могла этого сделать. Он все еще в своей камере. Это какой-то странный блеф.

— Боюсь, она говорит чистую правду, — сказал Прад, потирая ушибленную челюсть. — Я все видел. Она забрала Орвина из камеры и ввела ему медленную пулю. Модуль уже вошел в атмосферу. Назад его не вернешь.

— Я думала… — начала было Йесли.

— Ты думала что?

— Что ты убьешь его, только дай тебе шанс. Отплатишь ему за все, что он сделал с тобой.

— Я и отплатила.

— Но с другим намерением, — сказал Спрай. — Не чтобы помучить его, а чтобы сделать его полезным для нас. Это и был твой план, да?

Я кивнула. Врать не имело смысла.

— Мураш знает этот мир лучше всех нас. Но мы не могли послать Мураш — она слишком ценна для нас. — Я виновато посмотрела на нее, извиняясь. Я знала, что вскоре мы прыгнем прочь из этой системы, прочь от ее дома, и не было никаких гарантий, что мы когда-либо вернемся. — Прости, Мураш, но так оно и есть. И в любом случае ты оказалась бы для людей внизу почти такой же чужачкой, как и Орвин.

Лицо Мураш словно окаменело. Даже не знаю, что ей не понравилось больше — что она не сможет вернуться или что я сочла Орвина приемлемой заменой.

Военный преступник вместо героя. Неважная сделка. Но я подозревала, что впереди нас ждут и более сложные сделки.

Позднее мне разрешили посмотреть, как модуль Орвина проходит через атмосферу, — наши датчики его видели. На корабле все было не новым, и я в глубине души сомневалась, будет ли модуль функционировать как полагается. Но приземление Орвина вполне соответствовало строго определенным параметрам выживаемости. Наши наблюдения показали, что он опустился в покрытой лесом гористой местности, завален-

ной снегом. У нас не было прямого визуального изображения, только яркая тепловая клякса, единственная горячая вещь в этом краю, но телеметрическая связь с модулем и функционирующая пуля говорили о том, что ничего плохого не случилось.

Целый час не происходило никаких событий.

Модуль был неактивен, медленная пуля в пространстве не перемещалась — во всяком случае, в заметных пределах. Возможно, несмотря ни на что, я слишком поторопилась и запустила модуль до того, как Орвин пристегнулся. Возможно, несмотря на данные телеметрии, что-то пошло не так: случилась авария, а модуль оказался поврежден слишком сильно, чтобы сообщить об этом.

С другой стороны, я бы тоже не спешила покидать эту штуку. В модуле было безопасно и тепло, и я не соврала насчет припасов и оборудования. А снаружи — только снег, холод да глухой лес, тянущийся на сотни километров во все стороны. Даже с учетом имеющейся на борту провизии, пеший переход через этот суровый край должен был стать адом. Кроме того, впереди не маячили тепло, свет и блага цивилизации. Лучшее, на что наш посланец мог рассчитывать, — это чуть-чуть приподняться над темными веками. Холодные

комнаты, темные ночи, жизни, исковерканные войной, невзгоды, болезни и перспектива ранней смерти почти для всех. Надо быть сумасшедшим, чтобы покинуть модуль.

Но рано или поздно ему придется это сделать. Он может тянуть до последнего момента, когда голод и холод вынудят его выйти, — или поступить разумно и пуститься в путь немедленно, пока он в наилучшей форме.

Мы ждали.

Вскоре Прад указал мне на небольшое скопление движущихся теплых точек неподалеку от места приземления Орвина. Лесной покров не давал рассмотреть этих существ, но их поведение не оставляло сомнений: какие-то охотящиеся животные. Сверху мы не могли рассмотреть ни ног, ни других частей тела. Они двигались, словно теплые безногие личинки. Возможно, это были выносливые звери, наподобие волков, — либо местные обитатели, либо вид, завезенный с Земли. Возможно, шум, которым сопровождалось прибытие Орвина, привлек их внимание.

— Что это такое? — спросили мы Мураш.

— Голод, — ответила она.

Теплые личинки, числом около двадцати, приблизились к капсуле. Некоторые отделились от

общей массы и окружили модуль, подходя все ближе, кидаясь прочь и возвращаясь обратно.

— Движение! — сообщил Прад.

Тепловые характеристики капсулы внезапно изменились. Из нее хлынул воздух. Орвин открыл люк, жертвуя небольшим запасом тепла. Мы видели, как от капсулы отделилось тепловое пятно, мельче и холоднее самого модуля. Пятно двигалось с трудом — оно не было создано для передвижения в подобной среде. Животные попятились, но не сбежали. Они выстроились полумесяцем, готовые кинуться на Орвина, если тот метнется влево или вправо.

Несколько долгих мгновений Орвин и животные оставались на своих местах. Потом три существа вышли из центра полукруга и стали приближаться к нему.

От сгустка Орвина отделилась заостренная ложноножка.

— Ты дала ему оружие? — спросила Сакер.

— Стандартный энергетический пистолет, — отозвался Прад. — Входит в аварийно-спасательный комплект. Думаю, Орвин не знал о нем, пока не осмотрелся.

Одно из животных упало. Теперь мы видели это отчетливо. Оно застыло, излучая тепло в

окружающую среду. Еще двое отскочили назад. Окружавший Орвина кордон распался, стал отодвигаться назад. Орвин снова вытянул руку и выстрелил еще раз.

Упало еще одно животное.

— Осторожнее, — прошептала я. Неужели он воображает, что где-то в его снаряжении имеются запасные аккумуляторы? Или он, зная, что каждый выстрел на счету, расчетливо подкрепляет первоначальную демонстрацию силы?

Животные скрылись в лесу, оставив двух убитых. Я не сомневалась, что они соберутся вновь. Но на какое-то время они утратили интерес к озадачивающему пришельцу.

Орвин подошел к первому трупу. Кажется, присел рядом с ним. Мы понятия не имели, что он делает, но это заняло несколько минут, а когда он закончил, остатки тепла животного рассеялись по более обширному пространству. Орвин приблизился ко второму животному и повторил тот же самый кровавый ритуал. Потом вернулся к капсуле. Его тепловое пятно исчезло внутри остывающего корпуса. Он что-то делал там несколько минут, затем появился снова.

Орвин прошел между трупами и двинулся дальше. Мы следили за его продвижением много

часов, проверяя, не повернет ли он обратно. Когда наступила ночь, он остановился и устроил лагерь, используя выданный ему теплотворный спальник. Поутру он продолжил движение прежним курсом. Он двигался изнурительно медленно, но вряд ли я сама могла бы идти быстрее по такой пересеченной местности, при этих погодных условиях.

— Он движется плюс-минус в правильном направлении, — возвестил Прад, когда все мы пришли к тому же выводу. — С такой скоростью недели через три он доберется до границ… Мураш, как называется это место?

— Аскерам, — сказала она.

— Его встретят доброжелательно?

— В Скилмере говорили об аскерамском гостеприимстве. — Она помолчала. — Отзывались о нем плохо.

— Если он будет осторожно расходовать паек, они его поддержат, — сказала я, потом развернулась, чтобы обратиться ко всей Троице разом. — Я хотела бы знать о ваших планах, если вы не против. Намерены ли вы болтаться на орбите, пока Орвин не доберется до Аскерама?

— Я бы предпочла узнать, способны ли мы на прыжок сейчас, а не три недели спустя, — прого-

ворила Йесли.

— Согласен, — сказал Спрай. — Отправляя Орвина вниз… ты не забыла предупредить, что мы можем вернуться?

— Я сказала, что это может произойти не скоро. Но, думаю, он никогда не перестанет наблюдать за небом.

— И нервничать при этом, я надеюсь?

Немного помолчав, Йесли произнесла:

— Даже не знаю, как оценить произошедшее. Ты нарушила постановление Троицы, Скар, и на это нельзя просто закрыть глаза.

— Я и не ждала.

— Однако я не уверена, что это можно считать преступлением. Даже если так, боюсь, у нас нет названия для твоего поступка.

— Но ее нельзя оставить без наказания! — возмутилась Сакер.

Спрай лишь сухо рассмеялся:

— Сакер, посмотри по сторонам. Мы вырваны из нашего времени, заброшены в темные века, нам сообщили, что некий чуждый ужас в любой момент может вернуться и убить нас. Наш корабль наполовину мертв, и у нас есть лишь слабый шанс спасти крохотную часть его знаний прежде, чем все забудется. Среди нас встречают-

ся и святые, и грешники, и благодаря Скар мы понятия не имеем, кто есть кто. Это наш особый круг ада, заключенный в металлические стены, с прыжковым двигателем, способным уничтожить нас, как только мы попытаемся его запустить. Напомни мне, пожалуйста, что из этого не является наказанием?

— Все нормально, — сказала я. Я была признательна Спраю за его слова, но понимала, что у меня почти нет надежды отделаться так легко. — Я знала, что делаю, и ожидала наказания. Я нарушила наши законы, но это не значит, что я не уважаю закон.

— Я могу еще кое-что добавить, — негромко произнес Прад.

— Продолжай, — сказала Йесли.

— Скар хотела, чтобы я не был замешан в ее заговор. И поэтому ударила меня, чтобы казалось, будто она меня принудила. Но на самом деле, поняв, что именно она задумала, я охотно поддержал ее. И горжусь этим.

— Осторожнее! — воскликнула Сакер.

— О, я очень осторожен. Терпеть не могу риска. Скар это отлично знает. Но я горжусь тем, что мы сделали. Хорошо, что мы не убили этого человека, хорошо, что мы дали ему шанс сделать что-то

хорошее.

— Не сделает он ничего хорошего, — сказала Сакер.

— Может, не сделает, а может, сделает. Все мы меняемся. Кто сказал, что Орвин не изменится со временем? Как минимум, это будет интересный эксперимент. И он почти ничего нам не стоил.

— Кроме тела, — сказала Сакер. — Мы могли бы использовать его кожу и кровь.

— Боюсь, в будущем у нас не будет недостатка в трупах, — вздохнул Прад.

Мне мало что осталось рассказать. Меня так и не наказали за мое единственное преступление, как бы оно ни называлось. Я осталась свободной женщиной. Преломляла хлеб с лучшими и худшими из выживших и оставила свою долю крови на стенах. Бóльшая часть моей жизни ушла на то, чтобы вырезать эти слова.

Мы совершили прыжок, и мы выжили.

Сотня прыжков, сотня систем. Вечное осознание того, что они могут где-то сидеть и ждать, чтобы снова отравить наши звезды и отнять у нас науку и технику.

Пока что мы не нашли их. И они не нашли нас.

А мы подняли сотню планет из тьмы. Или попытались. Не сомневаюсь, что иногда мы при-

чиняли больше вреда, чем пользы, — продлевали страдания, вместо того чтобы положить им конец. Но что еще нам оставалось? Нам нечем было руководствоваться, кроме интуиции. Мы могли черпать мудрость только в знаках, что сами нанесли на стены, еще когда наш мир был юн. И никто из нас не был рожден для этого. Война сделала нас теми, кем мы были, — предателями, трусами, убийцами и садистами. Все мы были отребьем, в том или ином смысле. Даже лучшие из нас иногда лгали о своих деяниях и о том, что привело нас на борт «Каприза».

За пару лет до смерти Прад сказал мне, что отыскал в считывании данных моей медленной пули некую аномалию — крохотную, которую трудно было заметить. Тогда я вспомнила, что он упоминал об поврежденных участках. Возможно, это были всего лишь случайные повреждения, образовавшиеся за те столетия, что мы пролежали в гибернации.

А может, и нечто другое. Например, признак того, что содержимое моей пули намеренно изменили до того, как я попала на корабль.

Что одну историю заменили другой.

Это странно, потому что здесь и сейчас, в конце моей жизни, или почти в конце, я не могу сказать,

прав был Прад или ошибался. Мне следовало бы это помнить, но я не помню. Любовь моей матери к стихам Джиресан, моя сестра Ваварель, моя семья, представления моего отца о чести, время, которое я провела на войне, моя стычка с Орвином. Действительно ли это все было со мной, или я украла память у другого солдата? Прад сказал, что в хаосе, наступившем после заключения мира, такое было возможно. Если сейчас пулю можно изменить, перезаписать, это могло произойти и тогда. Следовало лишь потратить достаточно денег и усилий.

Но с той же вероятностью это может быть случайная аномалия.

Я говорю это сейчас потому, что мне больше нечего терять. Я помню лишь то, что я вырезала на стенах. Эти знаки — все, что определяет меня. Если меня не звали Скар, то я определенно стала Скар. И я пыталась поступать правильно.

Я говорю об этом сейчас, потому что другого шанса не будет. Я умираю, сомнений быть не может, но у меня еще остается несколько месяцев. В моей голове растет опухоль, которую хирурги не могут излечить. Она давит на глазные нервы и мешает мне видеть. Это объясняет, почему я делаю ошибки в записях и почему мне трудно

сосредоточиться.

При лучшем раскладе у меня есть год. Самое время что-то изменить.

Вскоре, незадолго до того, как мы снова совершим прыжок, я спущусь на очередную замерзшую планету. Шансов на мое возвращение нет, как и шансов на то, что медицина этого мира хоть чем-нибудь мне поможет. Как и у Орвина, у меня будет немного времени, чтобы предложить свою помощь. В отличие от Орвина, который, возможно, знал меня лучше меня самой, я не жду, чтобы мои старания оценили по заслугам — во всяком случае, при моей жизни. Но, возможно, когда вы вернетесь, то решите, что я хорошо потрудилась.

А до тех пор — кем бы я ни была, что бы я ни сделала, кем бы ни были вы — не поминайте лихом.

Я называла себя «Скар». Я была солдатом на войне.

Я приложила руку к этим словам.